sf_horror
thriller

Питер
Джеймс

Алхимик

Фармацевтическая компания «Бендикс Шер», входящая в пятерку мировых лидеров, приглашает к сотрудничеству нобелевского лауреата Дика Баннермана, ученого-генетика, и принимает на работу весь коллектив его лаборатории, включая дочь Монтану – ассистента и главного помощника. Условия контракта чрезвычайно выгодны, однако есть одно «но»: устав «Бендикс Шер» предполагает абсолютную секретность и тотальный контроль над сотрудниками. Повышенный интерес к секретам бизнеса компании дьявольским образом приводит к несчастным случаям.

Монтану Баннерман сперва радует то обстоятельство, что финансовые проблемы отцовской лаборатории решены, однако трагическая смерть знакомых ей людей приводит ее в замешательство. Кроме того, она узнает, что три женщины, принимавшие созданное в «Бендикс Шер» средство от бесплодия, умерли во время родов при очень странных и зловещих обстоятельствах. Что же скрывается в недрах огромного небоскреба без окон, принадлежащего, если верить слогану, «самой заботливой в мире компании»?

сверхъестественные способности,супергерои,загадочная смерть
1998

ru
en

Илан
Изекиилович
Полоцк

Alesh

FictionBook Editor Release 2.6.7
2016-12-21
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22374460
Текст предоставлен издательством
42870b15-c750-11e6-aa0e-0cc47a5454c6
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (Alesh)

Литагент
Аттикус
b7a005df-f0a9-102b-9810-fbae753fdc93

Алхимик
Центрполиграф
Санкт-Петербург
2017
978-5-389-14135-3

Питер Джеймс
Алхимик

Peter James

ALCHEMIST

* * *

Есть единственная вещь сильнее, чем все армии в мире, – это идея, чье время пришло.

Виктор Гюго

Пролог

Израиль. Февраль 1991 года

Глубокая убежденность была единственным багажом англичанина.
Погруженный в свои мысли, он молча сидел на заднем комковатом сиденье дряхлого «мерседеса». В салоне такси пахло грязным винилом и сигаретными окурками.

Альфа и Омега.
Эти слова звучали в голове, как старая мелодия, от которой он не мог отделаться.

Я Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний.

Яхве.

«Ты больше не подонок», – безмолвно произнес он.
Кондиционер не работал. Он смотрел в открытое окно, за которым вот уже несколько последних часов тянулась одна и та же картина. Сухой раскаленный воздух ерошил волосы. Термометр в пластиковом корпусе, привинченный к приборной панели, показывал сто двадцать градусов; каждые несколько секунд звезда Давида, подвешенная на цепочке к зеркалу заднего вида, издавала раздражающий звук «банг».
Порой снаружи до него доносились запахи пустыни; большей частью они несли с собой удушливые ароматы скисающего молока, приправленного солью. Они проехали через поселение, над которым витало зловоние сточной канавы, смешанное с ароматами мяса на гриле и жареных орехов. Ребятишки махали им вслед, но он не ответил.

Я встретил путника из древней земли.

«Шелли, – подумал он. – Ну да, Шелли». Он-то понимал. Шелли, Байрон – они знали этот секрет, они пытались проникнуться им, пытались жить им.

Порой и дьявол джентльмен.

Он улыбнулся.

Через двадцать минут такси резко остановилось.
– Дальше пойдете отсюда, – сказал водитель. – Эта дорога… плохо.
Но для англичанина эта лежащая впереди дорога казалась ничуть не лучше той, что осталась позади: тот же шрам, прорубленный в ветровых песчаных наносах, усыпанных валунами и камнями, которые мерцали и колебались в горячем воздухе.
Он расплатился с водителем:
– Половину сейчас и половину, когда вернусь.
Водитель испуганными глазами посмотрел на горы, которые виднелись в конце шрама.
– Возвращайтесь, – эхом откликнулся он. – Завтра. Буду ждать здесь в десять часов. – Он уже переключил передачу, и «мерседес» рванул с места.
Так англичанин остался один под синим металлическим небом, в уплывающих клубах пыли от уехавшего такси. Он поежился, чувствуя легкое сомнение, когда смотрел на розоватые, желтые и кремовые оттенки песков пустыни, на которых тут и там виднелись пятна масла, оставшиеся от прошедших войн.
Он проделал три тысячи миль на самолете и на такси. Теперь впереди лежала самая тяжелая часть пути, ему предстояло двигаться пешком до самого конца путешествия. И к новому началу.
Внезапно он испытал благоговейный ужас перед той силой, на встречу с которой пришел, и он знал, что таксист испытал то же самое, знал, что именно поэтому он отказался ехать дальше. Здесь лежала земля, на которой история оставила свидетельства истинности легенд, земля, где, по-прежнему скрытые от взгляда, лежали доказательства, которые искал весь мир, здесь, в горах, тайны оставались неприкосновенными в течение столетий. Тысячелетий. Или потерянными навсегда, как Ключица Соломона.
Он надел шляпу, вскинул на плечо небольшую сумку и двинулся в путь. Карты у него не было, но он знал, куда идти; ему даже не была нужна тропа, которая тянулась в той тени, что шла перед ним. Он и так все знал, ибо нечто тянуло его как магнитом. Влекло к цели его пути. К самой потаенной тайне мира. Его время пришло, и он был готов.
Легкий, как дыхание, порыв ветра коснулся его лица.

Он двигался строго на запад. Мысли приходили к нему, толпились в голове, теснились, словно в поисках места. Ему было открыто торжественное звучание, и он явился сюда, чтобы слышать, чтобы получать указания и подчиняться им. Чтобы обрести дар, который был выше всего остального. Моисей вел сынов Израиля через пустыню. Теперь его тоже ведут через ту же пустыню, он идет по стопам времени и скоро встанет на плечи гигантов. Нагорная проповедь

прозвучала с одного из тех склонов, что лежат впереди. История христианства родилась на этих россыпях песка, что покрывают пространство.

Силикон появился из песка. Из двух горсточек пыли явился Большой взрыв – Создание всего и вся. Из нескольких гранул песка возник силиконовый чип. Химия. Химия повсюду. Теперь вы можете пользоваться компьютером, который меньше песчинки.
И я покажу тебе нечто иное. / По утрам твоя тень побежит за тобою, / Или вечерами она встанет, встречая тебя; / В горсти праха я покажу тебе страх.

Ровным шагом, не спотыкаясь, он шел около двух часов, миновав несколько гуртов овец и коз, которых пасли бедуины в потрепанных черных и белых накидках. Он все время готовился к тому, чему его учили. Открывать каналы. Он обливался потом, который пропитывал его белую шелковую рубашку, и она липла к коже; под мышками льняного пиджака проступали большие темные пятна. Он всегда носил костюм с галстуком, и ничего иного надевать ему не приходилось. На горизонте, как мираж, прошел караван верблюдов, но он был настолько погружен в себя, что почти не заметил их.

«Альфа и Омега», – думал он. Когда он шел, эти слова звучали у него в голове, как мантра. Альфа и Омега.
Он улыбался; это давало ему силы, отгоняло страхи, которые он испытывал с каждым шагом, если ему казалось, что шаг неверен, до ужаса неверен. Об этом надо было думать раньше. Он остановился глотнуть воды из бутылки, которую нес в сумке, и пошел дальше.

Теперь горы были куда ближе. Он мог видеть крутые песчаные склоны, которые тенями поднимались к небу, и всем своим существом чувствовал чернильную темноту пещеры, которая властно звала его к себе. Но теперь он испытывал не страх, а только растущее возбуждение. В небе высоко над головой описывал круги одинокий стервятник, а где-то невидимая птица издавала одинокие крики, которые напомнили ему голос чайки.
Солнце начало опускаться за пики горных вершин. Тень перед ним удлинилась, и в первый раз с начала восхождения он почувствовал усталость. Теперь здесь не было ни тропы, ни придорожных знаков или отметок; не существовало никаких примет того, что когда-то тут был человек, – только растущая крутизна каменных стен, которые поднимались перед ним и обрывались в долину у него за спиной.
Наконец, продолжая бесконечный подъем, он увидел над собой неподвижную, как статуя, сидящую фигуру. Молча остановившись рядом, он отогнал привязанную козу. Они здесь были; он оказался в нужном месте; он упрекнул себя за секундные сомнения, а затем с новой энергией ускорил шаг.
Он прошел по узкому уступу, слева от которого гора резко уходила вниз; из темного зева пещеры навстречу ему вырывался влажный холодный ветер. Сидящий человек не шевельнулся, когда он подошел, не повернул головы, а просто смотрел вперед, на узкий вход в пещеру, которая на мили уходила в угольно-непроглядную черноту; он был так же неподвижен, как деревянный кол, к которому была привязана его коза.

Облаченный в грязную, некогда белую галабею
[1]
, козопас был тощ, как скелет; у него были семитские черты лица, которые в этом регионе могли принадлежать и еврею, и палестинцу. Его маленькие черные остекленевшие глаза были лишены какого-либо выражения.

Англичанин внимательно присмотрелся к козопасу. Ему было примерно около двадцати лет; он лично избрал бы кого-нибудь помоложе и покрепче, но и этот справится, прикинул он. Не сделав попытки познакомиться, он прошел мимо него в темноту пещеры.
В слабых отблесках света он разглядел пятиугольник, аккуратно, как на надгробии, вырезанный на каменном полу, и резной каменный стул, который, как трон, стоял в его середине. Он

опустил сумку на пол и, как ему было сказано, сел на этот стул, сложил руки на коленях и не менее часа сидел так, медитируя.
Когда он снова открыл глаза, первые лучи заходящего солнца пробились сквозь отверстие пятиугольного магнетита, который висел под сводом пещеры. Через несколько минут стал виден и слепящий шар солнца, но англичанин, храня молчание, заставлял себя смотреть на него. Солнце опускалось книзу прямо за спиной козопаса, и казалось, что он впитывает в себя весь его свет. Англичанин не видел ничего, кроме его мерцающего силуэта на фоне неба. Затем из пещеры стремительно хлынула темнота.
Англичанин терпеливо ждал, словно время для него остановилось, ждал, пока в памяти не возник сигнал, – и тогда он начал произносить слова заклинания, которое он учил, повторял и произносил каждый день в течение двадцати лет.
Они были где-то за ним, в темноте. Он не видел их, и они не издавали ни звука, но он знал, что они были там; все стояли в предписанном порядке, кроме того старика: он лежал на носилках, на которых его принесли. Спустя два часа он кончил произносить заклинание и последние отзвуки слов умерли.
Теперь ему оставалось снова ждать.

Течение времени как бы остановилось. Все время принадлежало ему. Англичанин ничего не слышал и не видел; он слепо смотрел прямо перед собой, смутно ощущая, как от холодного воздуха немеет тело. Никогда в жизни он не ощущал такого спокойствия. И такой готовности. Оно приближалось и скоро будет здесь.
Первый сигнал подала коза. Раздалось робкое блеяние, потом еще одно, более настойчивое. Он слышал, как копыта заскребли по каменному полу, потом топнули, зашуршала натянувшаяся веревка привязи. Снова блеяние, в котором отчетливо слышался страх.
Первый порыв ветра жадно лизнул ледяным языком лицо англичанина, взъерошил волосы, пробрался под рубашку.
Они быстро и не объявляя о своем появлении оказались в пещере. Напряжение росло с каждой секундой. Становилось все холоднее. Грубовато толкая его, они обступили каменный стул.
Он услышал рокочущий гул, словно от поезда метро, вслед за которым последовала легкая дрожь. Вот! Оно приближается. Прошло сквозь все времена, чтобы встретиться с ним. Он всегда, стоило ему только появиться на свет, знал об этой встрече, знал, что придет этот день. И вот он пришел!
– Ай-я-я-я-я-а-а-а-а! – прозвучал крик козопаса, полный ужаса; его отшвырнуло ураганным водоворотом ветра, который, словно бомба, взорвался в глубине пещеры.
Англичанина сорвало со стула. Он пролетел по полу и врезался в стену. Ветер вопил и орал над ним, давил на уши так, будто хотел разорвать барабанные перепонки и расколоть голову; на мгновение вера оставила его, и он попытался смягчить боль, выкричав ее, но не смог.
Ветер устроил вокруг него настоящий кошачий концерт; он нес с собой голоса, обрывки иностранных слов, песен, странные звуки. Ветер приподнял англичанина и кубарем пустил его по полу, снова поднял его и приложил головой о каменный стул. Англичанину оставалось лишь отчаянно цепляться руками за пол.

Оставайся внутри пятиугольника.

Инструкция, он должен подчиняться инструкции – это первое правило. Он вцепился в линии, вырезанные на полу. Пол вставал на дыбы, дергался и отшвыривал его в сторону.
И затем наступила полная тишина.
Он лежал неподвижно. Ветер совершенно стих. Теперь ничего не было, абсолютно ничего, кроме угольной черноты и молчания.
Где-то блеснул огонь. Он почувствовал теплый дымок горящего воска. Мерцающих отблесков на стенах становилось все больше, они делались все ярче. Он вгляделся: все двести ярдов ширины пещеры перекрывал ряд пылающих факелов. Он видел за ними какие-то силуэты, но лиц не различал. Впрочем, нужды в лицезрении не было; многих он уже знал, а с остальными со временем встретится.
Он повернулся посмотреть на козопаса и его козу. Первым делом он увидел растрепанные обрывки привязи, а затем одно из копыт козы и часть ноги. Рядом лежали две человеческие

руки, вырванные из локтевых суставов, пальцы были сложены, словно для последней молитвы; руки были частично прикрыты лохмотьями окровавленной ткани. На полу по соседству влажно блестела липкая куча внутренностей козы.
Он увидел человеческую ногу, а затем голову козопаса и верхнюю часть его торса, грубо разорванного по линии грудины; вплотную лежала голова животного, отделенная от шеи и повернутая под углом так, что одно ухо оказалось приподнятым, словно оно прислушивалось.
Кровь, ошметки плоти, куски внутренних органов валялись разбросанные по полу и прилипшие к стенам, словно раскиданные взрывом.
Казалось, тишина воцарилась навечно.
Наконец ее нарушил голос старика – того, которого принесли сюда на носилках. Он говорил тихим уверенным голосом, полным той властности, которая столько лет была присуща ему.

Nema. Olam a son arebil des
Menoitatnet ni sacudni son en te
Sirtson subirotibed
Summitimid son te tucis
Artson atibed sibon ettimid te
Eidoh sibon ad
Munaiditouq murtson menap
Arret ni te oleac ni
Tucis aut satnulov taif
Muut munger tainevda
Muut nemon rutecifitcnas
Sileac ni se iuq
Retson retap

Да здравствует новый император Великого Гримуара!
[2]

Англичанин не торопился с ответом. Он встал, вернулся на свой стул, сел, отвернув лицо от пламени факелов и глядя в ночь. Он сделал медленный глубокий вдох, полностью заполнив легкие, так чтобы голос обрел звучность, и с силой сказал:
– Да здравствует Сатана!
Ему в унисон откликнулось эхо:
– Да здравствует Сатана!

1

Рединг, Англия. Ноябрь 1993 года

Выживет только один из них. Они мчались сквозь темноту, ведомые лишь инстинктами, которые руководили ими три миллиона лет. И у каждого из них интеллекта было меньше, чем у заводной игрушки.
В живых останется лишь один из шестидесяти пяти миллионов. Сила и выносливость что-то значили, но главное – удача. Чтобы в нужное время оказаться в нужном месте. Как в самой жизни.
Шестьдесят пять миллионов извивающихся созданий, похожих на головастиков, в густом вареве химикалий, вспрыснутом в женщину, одновременно и свободные, и обреченные. Волны сокращений вместе с их собственными усилиями гнали их вперед по узким путям сквозь густую слизь, со скоростью один дюйм каждые восемь минут, – все ближе и ближе к матке. Они

отпихивали друг друга, пробиваясь сквозь густую поросль волос, которые преграждали им путь, обхватывая подобно щупальцам и не давая двигаться дальше. Прорвавшиеся продолжали движение; их гнала первобытная настойчивость, которую им не дано было понять, и не дано представить, что будет значить поражение.
Не догадываясь о смятении, царящем в ее теле, Сара Джонсон в свете ночника снизу вверх посмотрела на мужа и улыбнулась.
– Не шевелись, – сказала она. – Оставайся во мне, мне так приятно тебя чувствовать. – Приподнявшись, она поцеловала его.
Он поцеловал ее в ответ и нежно ткнулся носом в мочку уха.
– Как тебе было?
– Хорошо.
– Просто хорошо? – грустно переспросил он.
– Очень хорошо, – сказала она и поцеловала его верхнюю губу.
– И это все?
– Земля дрогнула, – поддразнила она его.
– Но не Вселенная?
– Думаю, что, наверно, и Вселенная качнулась, – тихо сказала она. Почувствовав, как его плоть сокращается в ней, женщина сжала мышцы влагалища, стараясь как можно дольше удержать его в себе. Их глаза не отрывались друг от друга. Они были женаты четыре года и продолжали страстно заниматься любовью.
Она запустила пальцы в его густые волнистые волосы, чувствуя, как сильно колотится ее сердце; он, чуть отстранившись, снова глубоко вошел в нее, и новый спазм наслаждения заставил ее содрогнуться. Она с силой перевела дыхание, и бурное сердцебиение стало стихать.
– Господи, как я люблю тебя, Сара, – сказал он.
– Я тоже люблю тебя, – ответила она.

Более шестидесяти четырех миллионов сперматозоидов были уже мертвы, но большинство из них все еще продолжали свое путешествие, двигаясь с той же скоростью, что и живые; их, словно обломки кораблекрушения, несла волна, которую вызывали сокращения мускулов матки.
В живых оставались всего три тысячи сперматозоидов, которые и достигли устья фаллопиевых труб. Две тысячи из них погибли, задохнувшись или потеряв все силы на очередном дюйме путешествия. И лишь один-единственный сперматозоид, живой и здоровый, опередив остальных, наконец добрался до яйцеклетки.
Он изверг из себя энзимы, которые подействовали как парализующий анестетик на клетки, окружающие яйцеклетку, и заставили их раздвинуться. Из своей ножки сперматозоид выделил клей, с помощью которого прикрепился к внешней оболочке яйцеклетки. Затем он начал пробивать туннель сквозь ее плотную защитную протеиновую оболочку. Наконец, добравшись до таящегося внутри яйца, он начал с ним сливаться.
Задача сперматозоида была почти завершена. Его длинный упругий хвостик отвалился и был отброшен за ненадобностью. Головка сперматозоида вошла в яйцеклетку, и через несколько минут та начала делиться. И сперматозоид, и яйцеклетка содержали по двадцать три хромосомы – половину набора. В каждой хромосоме содержалось от пятидесяти до ста тысяч генов, которые несли в себе до трех миллионов единиц ДНК. Все яйцеклетки содержали хромосомы X, а сперматозоиды – Y.
К тому времени, когда Сара Джонсон погрузилась в сон, она уже была беременна мальчиком. В эту ночь ни у нее, ни у ее мужа Алана не было никаких предчувствий. И, лежа в объятиях друг друга, они никоим образом не могли знать, что мальчик, о котором они так долго мечтали, убьет ее, не произнеся ни слова.

2

Джорджтаун, Вашингтон. Сентябрь 1994 года

Птица неподвижно висела в небе над маленьким мальчиком. Она распростерла крылья и застыла, словно подвешенная на невидимых нитях. Медленно, как лопасти вертолета, она начала поворачиваться вдоль своей оси: огромный черный хищник, в поисках добычи оглядывавший лежащее под ним пространство.
Внезапно он скользнул вбок, словно нити были обрезаны, на мгновение остановился и замер, а затем зигзагами пошел книзу, то ли планируя, то ли стремительно, как свинцовый груз, падая вниз; он напоминал тень, догоняющую саму себя, и крылья неуклюже шевелились, словно он загребал воздух.
Через несколько секунд он с глухим стуком свалился на землю в нескольких ярдах от стоящего мальчика, резко поднял голову и несколько мгновений изумленно смотрел на него.
– Па-а-а-а-па-а-а! – завопил тот. – Па-а-а-а-па-а-а! Па-а-а-а-па-а-а! Па-а-а…
– Милый, все в порядке, радость моя! Мама здесь, твоя мамочка здесь!
И тут голова птицы растворилась в яркой вспышке.
Молчание.
Коннор Моллой открыл глаза и уставился на перламутровое сияние лампочки под знакомым плоским абажуром. Затем он увидел книжные полки, заставленные старыми комиксами, ежегодниками, детскими энциклопедиями; тут же стоял его маленький микроскоп…
Комната оставалась точно такой же, какой он покинул ее полтора десятилетия назад: те же тонкие портьеры, выцветший красный ковер, белый комод. И кровать, в которой он сейчас лежал, была той же самой, которую он перерос подростком, но ее так и не сменили.
– Коннор, с тобой все в порядке? – донесся до него взволнованный голос матери.
Ее тонкие пальцы были слишком обильно, до самых оснований, унизаны металлическими кольцами, и на беглый взгляд ничего не изменилось. Пятнадцать лет, а то и больше исчезли, как старая простыня. Он снова был ребенком, маленьким мальчиком, которого мама спасает от ночного кошмара.
– Что с тобой, милый? Дорогой, с тобой все в порядке?
Он сглотнул комок в горле и кивнул.
– Ты так вскрикнул…
– Прости.
– Это был сон? Тебе что-то приснилось?
Он помолчал секунду, прикидывая, как бы ему признаться, потому что не хотел снова выслушивать упреки. Но он знал, насколько бесполезно что-то скрывать от нее, – она всегда видела его насквозь. Она могла читать его мысли столь же четко, словно они сияли перед ней на телевизионном экране.
– Да, – сказал он.
В свои пятьдесят пять она была все так же красива. В ее длинных черных волосах появились седые пряди, но они скорее добавили цветовой эффект, чем обозначили возраст. Классические черты лица все так же украшали большие голубые глаза, разительно отличавшиеся от тех, которые смотрели на него со страниц каталогов и журнальных реклам, что она продолжала хранить в комоде.
Как бы она ни смущала его перед друзьями детства своим странным поведением, теперь, глядя на нее, он понимал, что никогда не переставал любить ее. За все, что она дала ему как мать, он обожал ее.
– Ты еще поспишь или хочешь попить? – спросила она.
Коннор посмотрел на часы; было десять минут четвертого. Но завтра – последний день, который он сможет провести с ней.
– Попить я бы не отказался. Прости, что разбудил тебя, мама.
– Ты не… Я не спала.
Он вылез из постели и накинул халат. По дороге в кухню он слышал, как начал кипеть чайник, и ощутил легкий аромат только что раскуренной сигареты. Этот дом в стиле сельского ранчо годами жил и процветал стараниями его матери. Он начал свое существование как скромное бунгало в районе, который назывался просто Джорджтаун, без адресов. Это немало значило для отца – он предпочитал жить в скромном доме, стоящем в хорошем месте, чем в доме побольше, но расположенном невесть где. Отец обладал жесткими и неизменными взглядами на все окружающее.

Мать сделала травяной чай, хотя прекрасно знала, что Коннор терпеть его не мог, и отнесла чашку в старую гостиную, которой сейчас пользовались только в тех случаях, когда мать чего-то боялась. Когда он был совсем маленьким, вся семья собиралась именно здесь. Но в течение этих лет мать решительно изменила ее облик. Стены и потолок она отделала дубовыми панелями, и теперь пребывание в этой гостиной вызывало у него клаустрофобию, которая усиливалась наличием двух стен с книжными полками от пола до потолка, забитыми трудами по оккультизму и гримуарами. Полки в продуманном беспорядке, чтобы обеспечить доступ к определенным книгам, были обильно заставлены кристаллическими образованиями самых причудливых форм, странными каменными и бронзовыми фигурками горгон.
Всегда опущенные тяжелые пурпурные портьеры надежно скрывали окружающий мир. По обе стороны камина с его зубчатой решеткой неподвижно, как часовые, сидели две бирманские кошки. Рядом с ними день и ночь, круглый год тлели две пахучие палочки. Прямо над очагом на стене висела тяжелая вытканная пентаграмма, справа и слева от нее стояли две высокие черные свечи.
Его мать, облаченная в длинный черный пеньюар, легко опустилась на один из двух уютных диванчиков и замерла. Перед ней стоял маленький деревянный столик, за которым она и проводила свои сеансы. На нем располагались стеклянный шар, невысокая стеклянная пирамида и несколько других эзотерических предметов. С дальней стены вереница масок вуду угрожающе смотрела на монитор ее компьютера, с помощью которого она в более спокойные времена извлекала из Интернета оккультные новости, по факсу и электронной почте посылала истолкования гадания по картам Таро и давала консультации по духовному исцелению.
Закрытая дверь между двумя стенами книжных полок вела во внутреннее помещение, где она проводила свои сеансы и практиковала ритуальную магию. Коннору никогда не разрешалось входить в эту комнату; и хотя ребенком он часто стоял у двери, прижимаясь к ней ухом, но никогда не слышал из-за нее ничего иного, кроме бессмысленного речитатива.
Мать сделала глубокую затяжку и выдохнула дым в сторону потолочных панелей, украшенных резными оккультными символами.
– Коннор, я знаю, ты скажешь, что все решил, но я хочу, чтобы ты еще раз все обдумал. Я слишком много потеряла в жизни. И не хочу терять тебя.
– Ты не теряешь меня… я на другом конце телефонной линии, мы можем едва ли не каждый день посылать друг другу письма по электронной почте… да и меня ждет спокойная дорога.
– Ты понимаешь, что я имею в виду, – бросила она, и ее тон обрел резкость.
Он ничего не ответил.
– Ты просто не знаешь, во что ты ввязываешься. Может, я слишком многому научила тебя, внушила тебе ложную уверенность. Поверь мне, я сама видела это и знаю, что они могут сделать. Подумай еще раз, пока у тебя есть такая возможность.
– Мам, я решил.
– Ты не должен ехать. Есть и другие компании… прямо здесь…
– Мама! Мы это уже обсуждали тысячу раз. Я должен это сделать.
– Ты упрям, как твой отец.
– Я его сын, – спокойно ответил он.

3

Лондон. Октябрь 1993 года

«Вот что вы должны понять – за последние сто пятьдесят лет фармацевтическая промышленность перешла от продажи змеиного жира к контролю над будущим человеческой расы. Проблема в том, что его осуществляют те же продавцы змеиного жира».
«О Иисусе», – подумала Монтана Баннерман, глядя на монитор телевизора у себя над головой. «Вороватые бесцеремонные подонки – и их целая куча!» Ее отец грохнул по кофейному столику, и женщина-интервьюер, сидящая рядом с ним, слегка растерялась.

Доктор Баннерман был выдающейся личностью во всех смыслах слова: физически он был крепко сбит, высок и силен, а в науке славился как непревзойденный гений. Но с его лысым черепом, окруженным густой гривой седеющих волос, в неизменных джинсах, в тяжелых шнурованных ботинках и клетчатой рубашке дровосека он напоминал скорее состарившуюся рок-звезду, чем специалиста по молекулярной биологии.

> Монти пыталась отговорить отца от выпивки перед выходом в эфир, но, пользуясь гостеприимством «Скай ньюс», он позволил себе две основательные порции виски и сейчас был порядком на взводе. Растафарианский
> [3]
> лидер афро-карибской группы рэперов, который должен был появиться на экране следующим, восторженно кивал:

«Он прав! Этот парень прав! Ух ты, до чего он прав!»
Монти, стиснув зубы, выдавила вежливую улыбку. Ее отец явно не стремился вызвать к себе любовь фармацевтического сообщества, к которому принадлежал через посредство своего фонда. Или, точнее, к которому они оба принадлежали.
«Вы не думаете, доктор Баннерман, что фармацевтическая индустрия значительно облегчила человеческую жизнь? Она устранила бесчисленные причины болей, искоренила или взяла под контроль массу ранее неизлечимых болезней. Что вы можете возразить против этого?»
«Все это – побочные продукты. Фармацевтическая промышленность заинтересована только в одной-единственной вещи: в прибыли. Если по пути удается еще и помочь людям, что ж, прекрасно, быть по сему».
«И вы искренне в это верите?» – спросила интервьюерша.
«Именно это, слово в слово, я и сказал главному начальнику одной из наших крупнейших фармацевтических компаний, еще когда был начинающим исследователем. Все эти призывы делать добро – сущее жульничество. Возьмем хотя бы Нобелевскую премию. Альфред Нобель сделал свое состояние на изобретении динамита. После чего была учреждена ежегодная премия за мир. Вы знаете что-нибудь более циничное?»
«Если именно таков ваш образ мыслей, почему же вы приняли Нобелевскую премию за достижения в области химии?»
«Порой мне думается, что лучше бы я ее не получал, – пожал плечами Баннерман. – Занимаясь этим направлением, я боялся, что нам придется стать шлюхами, продаваться любому, кто готов профинансировать наличными еще три года работы. – Он улыбнулся, и сквозь грозовые облака речи ученого блеснуло неподдельное тепло его личности. – Нобелевская премия оказалась хорошим козырем».
«Покажи книгу, папа! – думала Монти, глядя на толстый фолиант, который лежал на столе, и камера смотрела на него под углом. – Ты здесь именно для этого – превозносить книгу, а не поносить фармацевтический истеблишмент!»
Журналистка сменила положение и наклонилась к нему. «Ей примерно столько же лет, сколько мне, – подумала Монти, – хорошо за двадцать – симпатичная брюнетка в деловом костюмчике, с узлом волос на затылке». Тоном она подчеркнула, что сменила тему разговора.
«Вы первый молекулярный биолог, который раскрыл тайну человеческих генов, понял, как их включать и выключать. Научный мир оценил это открытие как один из самых важных прорывов всех времен. До сих пор ученые могли идентифицировать отдельные гены, определять, какие из них имеют отношение к тем или иным заболеваниям или старению, но не знали, как ими управлять. Например, ни одна из попыток с помощью генной терапии облегчить страдания тех, кто мучился фиброзами мочевого пузыря, не увенчалась успехом. На вашем месте большинство ученых постарались бы хранить свою работу в секрете, а вы, вместо того чтобы патентовать свои открытия, опубликовали их для всех желающих в новой книге «Генетическая бомба – холокост двадцать первого века».
Камера переместилась на обложку. «Хорошая девочка!» – подумала Монти.
«Почему вы так поступили, доктор Баннерман?»
Он ответил своим глубоким и звучным голосом с легким трансатлантическим акцентом:
«Потому что ни у кого нет права патентовать человеческую жизнь, беря патент на гены. В конечном счете гены дадут ученым полный контроль над жизнью, но кто будет контролировать

ученых? – Он снова грохнул своим огромным кулаком по столику. – Не правительства – они будут куплены, все идет к тому, что контроль будет осуществлять фармацевтическая индустрия. Индустрия настолько закрытая, что вас туда даже на порог не пустят. Потому ли, что она опасается, не украдете ли вы ее секреты? Нет! Она боится, что вы можете выяснить, сколько денег она делает и сколько раздает как бакшиш. Вы знаете, что в 1988 году восемнадцать ведущих фармацевтических компаний США заплатили врачам в виде взяток сто шестьдесят пять миллионов долларов?»
Ведущая вздрогнула:
«И у вас есть тому доказательства?»
«Эти цифры опубликованы правительством США!» – с триумфом сообщил Баннерман.
Раздались нестройные крики восторга со стороны банды рэперов, которые приклеились к монитору. Монти тихо простонала. Но журналистка отказалась вцепиться в броскую тему и мгновенно сменила тему беседы. Монти издала вздох облегчения.
«Могу представить, доктор Баннерман, что в данный момент фармацевтические компании со всего мира толпятся у вашего порога, чтобы предложить вам финансирование».
«Они могут разворачиваться и прямиком валить к себе домой, эти подонки! Они тридцать лет не обращали на меня внимания, и вдруг я стал для них всех лучшим другом. Семьдесят процентов наших генов такие же, как у плесени, – но я думаю, что в фармацевтической промышленности этот процент еще выше».
Монти закрыла глаза и снова застонала. «Книга, займись книгой, папа, – нам нужны деньги!»

> Конечно, отец имел право поднимать эту острую тему, он имел право резко относиться к промышленности – да и к ряду правительств, которые держали ученых на таком скудном пайке, что вынуждали их эмигрировать или проводить бóльшую часть жизни в усилиях добыть средства для существования, вместо того чтобы заниматься своим настоящим делом. Но Дик Баннерман был далеко не самым легким человеком, с которым можно спокойно работать или вообще иметь дело. Он считался одним из подлинных enfant terrible
> [4]
> от науки. Свою гениальность он никогда не использовал в качестве источника личного обогащения. И теперь, на пороге шестидесяти лет, он ничего не нажил и был по-прежнему несговорчив.

– Ну, как я справился? – Таков всегда был первый вопрос, который он задавал Монти после очередного интервью или выступления. В его карих глазах внезапно появлялось детское выражение, словно он догадывался о своей ошибке, но не хотел признавать ее.
Она осторожно вывела из отсека свой «эм-джи» и, развернувшись, медленно поехала к выходу из подземного гаража.
– А как ты сам думаешь? – улыбнулась она в ответ.
– Четыре из десяти баллов?
– Может, пять.
– Ты бываешь великодушна.
Она уплатила два с половиной фунта дежурному у барьера и выехала в сгущающуюся темноту часа пик Южного Лондона.
– Эта интервьюерша была сущим ребенком, – словно в свою защиту сказал Дик Баннерман.
– По крайней мере, она прочитала книгу, не в пример многим остальным.
– Верно, – рассеянно сказал он. – Совершенно верно.
Монти уловила, что отец погружается в глубокие размышления.
– Я думаю, что ты должен ответить на звонок сэра Нейла Рорке, – сказала она, продолжая дискуссию, которая началась еще перед интервью.
– Думаешь, он все еще хочет говорить со мной? – кисло спросил отец.
– Если он не смотрел «Скай ньюс».
Сэр Нейл Рорке был председателем фонда «Бендикс Шер», третьей крупнейшей фармацевтической компании в Британии, которая высоко ценилась и как игрок на мировом рынке. Кроме основного бизнеса производства лекарств по рецептам и продажи патентованных средств, компания располагала крупным отделом детского питания, сетью гинекологических

клиник по всему миру и рядом престижных частных больниц. «Бендикс Шер» был одним из первых фармацевтических монстров, вложивших огромные средства в генетические изыскания, и единственным в стране крупнейшим инвестором фондов для исследований в области генетики.

В течение последних тридцати лет Дик Баннерман отказывался обращаться к фармацевтической индустрии за фондами, потому что был ярым противником самой концепции патентования. Знанием необходимо делиться, считал он, и этому принципу был непреклонно верен в своей Лаборатории генетических исследований Баннермана, расположенной в кампусе Беркширского университета. Его фонд пополнялся частично из средств университета, частично – и очень неравномерно – правительством и еще более нерегулярно горсточкой благотворительных организаций, главным образом тех, которые поддерживали исследования генетически обусловленных заболеваний, особенно таких, как Имперский фонд онкологических исследований, Доверенный фонд исследований фиброзного цистита и Фонд Паркинсона.

Но постоянные расходы, которых требовало развитие отрасли, в сочетании с растущим желанием финансистов получить не только научные результаты, но и ощутимую прибыль от вложенных средств, необходимость руководить лабораторией со штатом в двадцать человек – все это требовало серьезных усилий. И когда Монти думала о том прорыве, который, несмотря на все препятствия, совершил ее отец, она представляла себе, чего бы он мог достичь при хорошем финансировании. Ответом на это мог стать сэр Нейл Рорке.

– Я никогда не слышал ничего хорошего о «Бендикс Шер», – сказал Дик Баннерман.

– А что плохого ты о нем слышал?

Он зажал зубочистку в углу рта и стал жевать ее.

– Ничего конкретного. Они просто одержимы секретностью.

– Как и вся фармацевтическая индустрия.

– Рорке не стал бы предлагать никаких средств, если бы не надеялся получить фунт моей плоти.

– Патент не так ужасен, папа, – да они и не вечны. Семнадцать лет в Великобритании – это недолго.

Он искоса посмотрел на нее:

– Через семнадцать лет меня уже не будет.

– Надеюсь, что это не так.

– Что ж… ты будешь возить меня в кресле с колесиками, а я буду пускать слюни.

– И по-прежнему рыскать вокруг в поисках средств.

Это замечание заставило его замолчать, и она поняла, что стрела попала в цель.

Он устал от этой бесконечной борьбы за деньги и понимал, что время утекает сквозь пальцы. Они получили письмо из Беркширского университета, в котором сообщалось, что, к сожалению, в следующие три года они будут получать только половинное финансирование; кроме того, последние открытия доктора Баннермана в генетике повлекут за собой некоторые трудности в поисках финансирования из коммерческого сектора. Правительство допустило аналогичные намеки. И пусть сейчас он пользуется популярностью, недалек тот день, когда ему придется с протянутой рукой обивать пороги гигантов фармацевтической промышленности. А для этого лучшего времени, чем сегодня, пожалуй, не будет.

– Ты ничего не потеряешь от встречи с сэром Нейлом, – сказала Монти. – Не понравятся тебе его слова… тогда другое дело.

– Ага, о'кей, прекрасно, мы встретимся, и я посмотрю, что к чему. Может, и ты пойдешь – поможешь оценить его? Очаруешь его, и он раскошелится.

– Конечно пойду. Много раз видела его по телевизору. У него всегда весьма дружелюбный вид.

Дик Баннерман вынул зубочистку изо рта и, крутя ее в пальцах, стал внимательно изучать кончик.

– Кобра всегда улыбается перед тем, как наносит удар.

4

Беркшир, Англия. Октябрь 1993 года

Во вторник вечером Марк, муж Анны Стерлинг, отправился на тренировку по регби, за которой должна была последовать выпивка и карри в компании приятелей. Обычно в такие дни Анна и Монти Баннерман вместе ужинали или шли в кино.
Сколько Монти помнила, они еженедельно встречались таким образом. Анна была ее самой давней подругой, кроме того, она оставалась одной из немногих оставшихся приятельниц, у которой не было детей. Монти считала, что, наверное, это было главной причиной, по которой между ними ничего не менялось.
В следующем апреле маячило ее тридцатилетие, а она продолжала оставаться одинокой, иногда в ее жизни появлялись мужчины, и тогда, к ее досаде, ее посещали мысли о детях. В общем ей нравилось думать, что она сильнее других женщин и вовсе не терзается по поводу того, что до сих пор не произвела на свет потомства.
Случались дни, когда ей удавалось убедить себя, что на самом деле она вовсе не любит детей, что они ей просто противны. Она никогда в жизни не захочет тратить свое время и силы на этих маленьких чудовищ. Но бывали и другие дни, когда от ее убеждений не оставалось и следа и она чувствовала, что ее затягивает в воронку отчаянной тоски.
Монти и Анна вместе ходили в школу и поступили в один и тот же художественный колледж. Анна была одаренным скульптором, уже с успехом участвовала в выставках и получила немало заказов. Себя же Монти считала пейзажистом скромной руки – и не больше. Она надеялась сделать карьеру в мире искусства, став реставратором или экспертом. Но в середине второго года учебы Монти в колледже умерла ее мать, и девушке пришлось взять несколько недель отпуска, чтобы помочь отцу, тяжело воспринявшему эту потерю.
Сара Баннерман умерла от рака груди меньше чем через год после установления диагноза, и ее муж переживал жестокие муки совести, ведь он, несмотря на все свои усилия в работе над генной терапией, не смог создать средство, чтобы спасти ее. И эта горечь усугублялась известием, что в Америке ученые нашли способ определения генов рака.
Дик Баннерман, блистательный ученый, был никуда не годным бизнесменом и зависел от матери Монти, которая была его секретарем, личным помощником и бухгалтером. Монти взялась помогать ему, пока он не найдет себе подходящего ассистента, с тех пор прошло девять лет, а она по-прежнему была при нем, став его правой рукой.
Хотя порой Монти сожалела, что бросила искусство, свою самую большую любовь в жизни, ей тем не менее нравилось принимать вызовы судьбы, кроме того, она гордилась отцом. Так, благодаря своему энтузиазму, она, которая еще совсем недавно ничего не понимала в науке и не испытывала к ней интереса, стала вполне ориентироваться в работе отца.
Анна и Марк Стерлинг жили на краю деревни Беркшир, в десяти милях от коттеджа Монти, в старом сельском доме времен короля Георга. Марк, юрист с практикой в Лондоне, зарабатывал неплохие деньги. Анна принадлежала к той категории людей, которые стараются любую ситуацию держать под контролем и даже устраивать жизнь своих друзей. Казалось, в доме Стерлингов царит гармония и благополучие… Но недавно Монти стала замечать, что, несмотря на свои растущие успехи, Анна начала терять хватку.
Обычно миссис Стерлинг строго относилась к своим домашним животным и не позволяла новому щенку, боксеру по кличке Бастер, без присмотра носиться по дому. И вот сегодня, когда они сидели на неубранной кухне, Монти с удивлением заметила, что пес опустошил свою миску и с упоением гоняет по полу косточку, а его хозяйка не обращает на него никакого внимания и механически наполняет их стаканы белым вином.
С легким беспокойством Монти отметила и некоторые изменения в облике подруги. Анна была привлекательной девушкой и всегда следила за своей фигурой, а теперь она явно набрала вес.
– Что-то непохоже, чтобы ты была счастлива, подруга. В чем дело? – как можно непринужденнее спросила Монти.
Анна, как шахматную фигуру, из стороны в сторону подвигала бутылку австралийского шардоне по сосновой столешнице и мрачно уставилась в стол.
– Я бесплодна. У меня ничего не получается с этим гребаным зачатием.
– Я… я и не знала, что ты этого хочешь, – ошеломленно произнесла Монти.
– Мы пытаемся зачать ребенка вот уже два года. Сегодня утром у меня начались месячные – с опозданием на три недели. А я уж серьезно думала, что на этот раз получилось. – Она плотно сжала губы.

– Ты проверялась у кого-нибудь?
– Да, я была у специалистов. Они посмотрели мои трубы. Вроде бы все в полном порядке. Марк сдал на анализ свою сперму – он производит ее столько, что можно оплодотворить все женское население Китая.
– Почему ты мне ничего не рассказывала?
– Не знаю. – Анна плеснула себе еще вина. – Из-за этого я, черт возьми, чувствовала себя какой-то ущербной. А я так надеялась удивить тебя по-настоящему хорошей новостью, что тебе предстоит стать крестной матерью. – Она пожала плечами. – Мы каждый день мерили у меня температуру, заполняли графики, выбирали самые лучшие дни для занятия любовью. – Она грустно посмотрела на Монти. – Я боюсь, что вообще не смогу иметь детей.
– Не надо впадать в отчаяние, есть масса вещей, которые ты еще можешь сделать, – сегодня очень успешно лечат бесплодие.
Анна кивнула:
– Доктор хочет прописать мне лекарство «Матернокс».
– «Матернокс»? – переспросила Монти. – Да… новое лекарство. Должно быть, самое лучшее. Наверно, именно оно тебе и нужно.
Анна встала и открыла дверцу микроволновки. Дивный аромат лазаньи наполнил кухню. Прикрыв дверцу, она снова села.
– Еще десять минут. Ну а ты-то как?
– Я о’кей.
– Слушай, у Марка есть приятель, с которым я хочу тебя познакомить, – его только что бросила жена. Он в самом деле очень симпатичный. Я серьезно. Он очень привлекательный.
– Тогда почему же его бросила жена?
– Она полная дура. Я как-нибудь в будущем месяце организую обед… думаю, он тебе понравится.
– Приятель или обед? – расхохоталась Монти. – Чем он занимается?
– Надеюсь, и то и другое. Юрист… в одной из больших фирм в Сити.
Эта перспектива не слишком вдохновила Монти: она обожала Анну, и ей нравились ее коллеги-художники, но друзей Марка она считала безнадежными занудами.
– Ясно, – разочарованно протянула она.
– Он очень симпатичный, правда-правда. Вот увидишь, он тебе понравится.
– Как его зовут?
– Мартин Мидс.
Мартин Мидс. Монти несколько раз повторила это имя про себя, впечатления на нее оно не производило. Миссис Мартин Мидс. Еще меньше. Миссис Монти Мидс. Не лучше.
– Конечно, – сказала она. – Почему бы и нет?
– Эй, кстати. – Анна резко сменила тему. – Во вторник по телевизору я видела твоего отца – включила «Скай ньюс», а он тут как тут. Мистер Баннерман, явно в хорошей форме, так поносил фармацевтическую промышленность. Похоже, его книга и в самом деле очень интересная. Я попробую с ней справиться. Она такая же непроходимая, как «Краткая история времени»?
– Только отдельные части. В ней есть очень интересные главы – ты их просто проглотишь.
– Как его дела?
– Все очень непросто. Сейчас у него действительно проблемы. Всем сотрудникам лаборатории пришлось согласиться на десятипроцентное уменьшение зарплаты, чтобы избежать сокращения.
– Учитывая признание, которое получила его работа, это просто невероятно. Не понимаю, почему у вас такие трудности с финансированием.
– Если он согласится получать средства от фармацевтической промышленности, у нас не будет никаких проблем.
– А он по-прежнему не хочет из-за своих взглядов на патентование?
– Я думаю, что он немного поддался. В понедельник мы встречаемся с президентом «Бендикс Шер». Слушай, я только сейчас поняла – ведь это та компания, которая производит «Матернокс»?
– Может, ты сможешь устроить мне скидку…

– Я узнаю! – Монти улыбнулась и чокнулась о стакан подруги. – Веселее! Я хочу через год прийти на крестины.

5

Лондон. Октябрь 1993 года

– Когда мы встречаемся с этими стряпчими?

– Через час, папа, – сказала Монти. Стиснув зубы, она терпеливо уговаривала факс перестать капризничать и принять письмо, которое она пыталась переслать в Вашингтон. – Через полчаса нам выходить.

Наконец-то отец выглядел так, как надо. Отлично сшитый темно-серый однобортный костюм выгодно подчеркивал его физическую стать – высокий рост, широкие прямые плечи. В волнении он без устали мерил шагами офис, как школьник в воскресенье, который ждет, когда его потащат в церковь.

Лаборатория генетических исследований Баннермана занимала ветхое здание викторианских времен, в котором когда-то была прачечная. Оно расположилось на краю кампуса, приткнувшись за главной автостоянкой Беркширского университета, и последние три года вокруг нее всегда стоял гул и висели облака пыли, потому что всего в нескольких ярдах возводился новый научный корпус.

Монти делила с отцом запущенное помещение офиса на первом этаже. Каждый год она надеялась, что их лаборатория чудом получит сертификат от Управления здоровья и безопасности труда. Им явно выпала удачная карта. Стоило появиться новому настырному инспектору, и им пришлось бы потратить несколько десятков тысяч фунтов.

Она с удовольствием посмотрела сквозь стеклянную перегородку, отделяющую главную лабораторию, в которой трудились ученые, студенты, техники. Старшее поколение предпочитало носить белые халаты, а молодые – свитера и джинсы. Кое-кто из сотрудников всю жизнь работал с ее отцом. Среди них был Уолтер Хоггин, старший техник.

Монти смотрела, как он задумчиво шел через лабораторию, талантливый и обаятельный человек. Должно быть, скоро он уйдет на пенсию, грустно подумала она, отказываясь представить себе тот день, когда он их покинет. Пока Уолтер был на месте, она знала, что от его внимательного взгляда ничто не укроется и, несмотря на их антикварное оборудование и аппаратуру, людям не угрожает опасность.

В окошке факса появились слова «Линия готова к передаче». Поползло письмо, после чего последовала серия тревожных звонков. Запаниковав, Монти схватила лист и попыталась придать ему правильное положение, но неловко разорвала пополам.

– Черт бы тебя побрал! – Она возмущенно уставилась во внутренности факса и увидела ошибку в номере кода, что появился в окошке. Меньше недели назад они потратили сотню фунтов на обслуживание этого агрегата. Правда, инженер предупредил ее, что факс годится только на металлолом, и все же Монти надеялась, что еще несколько месяцев она с ним как-то обойдется.

Она откинула крышку кожуха и аккуратно извлекла скомканные остатки другой половины письма, которое только что отпечатала для отца – он принимал приглашение для разговора в Джорджтаунском университете следующей осенью. Теперь ей пришлось сесть и снова перепечатать его на такой же раздолбанной технике. Деньги, подумала она. Господи, как же они им нужны.

Сорокадевятиэтажный монолит без окон вмещал штаб-квартиру фонда «Бендикс Шер», расположенного на Юстон-роуд в Лондоне.

Хотя фармацевтическая индустрия вообще не отличалась открытостью, «Бендикс Шер» в этом плане был вовсе уникален. Компания занималась разными видами общественной деятельности, включая миллионы фунтов и долларов благотворительности, потраченные на медицинские исследования, и была буквально одержима секретностью относительно имен владельцев и внутренней организации, пресекая попытки самых настойчивых журналистов в мире добыть хоть какую-то информацию.

Из тех данных, которые по требованию американского Управления по контролю за продуктами и лекарствами и британского Министерства здравоохранения и социального обеспечения становились известны обществу, «Бендикс Шер» в настоящее время был на шестом месте среди фармацевтических гигантов мира. Компания была зарегистрирована в Лихтенштейне, и разузнать имена держателей ее акций было столь же невозможно, как человеку со стороны проникнуть в здание.
Двигатель «эм-джи» Монти продолжал фырчать, пока охранник в мини-крепости проверял приглашение, после чего вручил им две зеленые бирки на лацкан и открыл высокие металлические ворота.
Монти въехала на обширную парковку и мимо ряда безукоризненно чистых машин направилась в загон для гостей в самом конце периметра.
– Кто-нибудь вообще ездит на этих машинах? – пробормотал отец. – Черт возьми, на них нет ни единого пятнышка.
Он был прав: машины выглядели так, словно их только что доставили из магазина, и лишь регистрационные номера давали понять, что они не совсем новые.
– Может, кто-нибудь и нашу помоет, пока мы будем внутри, – сказала Монти, глядя на брызги грязи на белом капоте. Она купила подержанный «эм-джи» десять лет назад и до сих пор обожала его. Но обилие рабочих обязанностей в прошлом году, постоянное напряжение, требовавшее отдачи всех сил, не оставляли ей времени для ухода за машиной.
Здание Бендикс, как его называли, выглядело так, словно его вырубили из единого куска синей стали. Оно круто вздымалось в небо – изящное сочетание бритвенно-острых линий и темных провалов, под определенным углом оно производило впечатление средневековой крепости. Направляясь через стоянку к главному входу, Монти так и не могла решить, нравится ей такая архитектура или нет.
Здесь были предусмотрены системы глушения посторонних шумов, искусственное дневное освещение в сочетании с ионизаторами воздуха, что, как утверждали архитекторы, способствует фактору хорошего самочувствия лучше, чем любое солнечное освещение, и, как уже было доказано, повышает производительность. Но ходили и зловещие слухи. Зачем, спрашивали люди, у «Бендикс Шер» возникла необходимость в штаб-квартире без окон? Что они хотят скрыть? Просто такая конструкция? Экспериментальная футуристическая архитектура? Или за этими несокрушимыми стенами они проводят какие-то жуткие эксперименты над животными?
Стояло теплое осеннее утро, и ни Монти, ни отец не стали надевать пальто. Она несколько дней обдумывала, что надеть на эту встречу. В конечном счете остановилась на своем черном бархатном жакете, белой шелковой блузке с шерстяным шарфиком в экзотических цветах Корнелии Джеймс, короткой черной юбке и туфлях на среднем каблуке, чтобы чуть прибавить себе роста. Несколько лет назад ее описали в газете как «малышку» – дочь своего отца. И с тех пор она носила туфли только на каблуках.

> Пять футов и четыре дюйма – маловато, конечно, зато к форме своих ног она претензий не имела. По этой части у нее все было более чем хорошо, и она это знала. Совершенно непредсказуемой частью ее облика были волосы: копна буйных белокурых прядей, которые вились от природы и падали ей на плечи самым естественным образом. Порой они производили великолепное, буквально взрывное впечатление, но случалось, они вели себя так, словно их спрыснули инсектицидами
> [5]
> .

Почти все свои черты лица Монти унаследовала от матери-норвежки и знала, что стоит ей немного поработать над собой – и она станет олицетворением скандинавского здоровья и жизненной силы. Но она слишком хорошо знала, что после долгих месяцев сырой зимы у нее становится болезненно бледный цвет лица.
Она знала, как много унаследовала от матери – не только внешность, но и вкусы. И ее устраивало почти все, кроме одного: диагноз, поставленный матери. Монти подсознательно помнила, что в ее организме может гнездиться некий особо нежелательный ген, который перешел к ней с кучей других. Но она редко задумывалась над этой темой, успокаивая свои

страхи надеждой, что развитие генетики успеет найти пути спасения прежде, чем что-то случится.
Почти каждый, кто встречал Монти, с удовольствием проводил время в ее обществе. Безусловно положительная личность, она так и излучала уверенность и доброжелательность, а чувство юмора открывало в ее собеседниках лучшие стороны человеческой натуры.

> Когда отец и дочь поднялись по белым мраморным ступеням, створки электронных дверей раздвинулись, и они вошли в атриум
> [6]
> высотой с кафедральный собор. Все вокруг было облицовано белым мрамором и создавало впечатление сдержанного неоклассицизма. Вечнозеленые растения в изысканных вазах лишь подчеркивали стерильную белизну интерьера.

Дальняя сторона холла была отделена линией электронных турникетов, рядом с которой тянулась длинная конторка охраны и батарея мониторов. Перед ними сидели трое мужчин в униформе. Когда они подошли к стойке, один из мужчин поднял на них глаза и вежливо улыбнулся.
Он был чернокожим, но краскам его лица недоставало глубины и сочности, словно какое-то лекарство губительно сказалось на них. У него был такой вид, как будто когда-то он был высоким и сильным, но сейчас потерял и вес, и рост.
– Могу ли я помочь вам? – У него был слегка гнусавый голос простуженного человека.
– Да. У нас договоренность о встрече в четверть первого с сэром Нейлом Рорке.
– Будьте любезны, могу ли я узнать ваши имена?
Монти назвала, и он ввел их в компьютер. Принтер зашелестел, и через мгновение охранник протянул им два беджика. Монти и отец посмотрели на два зеленых опознавательных знака, которые им выдали при входе и которые они уже успели закрепить на лацканах. Теперь появлялись новые пропуска. Охранник снова уставился на клавиатуру, нажал одну из клавиш и продолжил смотреть на экран. Затем второй раз улыбнулся им:
– Я проведу вас наверх.
Жестом охранник показал, чтобы они прошли через турникет, а затем через атриум провел к сдвоенным лифтам. Когда он сунул карточку в щель, двери ближайшего лифта немедленно и практически беззвучно разошлись. Монти сочла почти полное отсутствие звуков слегка обескураживающим и вошла в кабину лифта, устланного толстым ковром и с зеркалами по стенкам. Она не без удивления отметила, что тут нет панели управления.
Охранник вежливо пропустил ее отца, вошел сам, посмотрел наверх и коротко кивнул. Створки начали бесшумно сдвигаться. Монти проследила за направлением его взгляда – к маленькому стеклянному сенсору над дверью, но, как она поняла, это был не сенсор, а объектив.
Через несколько мгновений охранник проводил их с отцом в роскошную приемную. В ней по стенам тянулись пилястры, висели гравюры, представлявшие разное сочетание оттенков серого; у Монти создалось впечатление, что она попала на съемочную площадку, где будет сниматься заключительная сцена «Космической одиссеи – 2001».
В центре помещения за столом, который выглядел как отдельный островок, сидела элегантная брюнетка тридцати с небольшим лет. Она приняла гостей у удалившегося охранника и вежливо, хотя и несколько заученно сказала:
– Добрый день! Будьте любезны присесть. Сэр Нейл сейчас выйдет к вам.
«Ну и место!» – подумала Монти, располагаясь на софе серой кожи. Осмотревшись, она отметила на стенах несколько больших абстрактных картин кисти художников, которых, как ей показалось, она должна знать. Картины были не в ее вкусе, но она не могла не признать, что, вне всяких сомнений, они представляли собой продуманные корпоративные инвестиции. Она невольно сравнила этот дворец с их собственными помещениями. В Лаборатории Баннермана не было даже приемной: посетителям приходилось неловко пристраиваться между столами в бухгалтерии, а снимали обувь они в помещении лишь чуть больше чулана.
Господи, сколько же сюда вбухано денег! Монти бросила взгляд на отца, пытаясь понять, о чем же он сейчас думает. «Не упусти шанс, папа, – мысленно обратилась к нему она. – Пожалуйста».

В желудке у нее словно порхали бабочки; она отнюдь не нервничала перед встречей с сэром Нейлом Рорке, но боялась, что ее непредсказуемый отец выскажет отвращение к показной роскоши этого места и шумно покинет его. Он уже озирался с мрачным выражением на лице.
– Ты заметила – тут нет ничего, что говорило бы о компании как таковой? Будь у меня столько места, я бы, черт побери, использовал его, чтобы показать хоть часть своей продукции.
Он произнес это с добродушным юмором. «Вот и оставайся таким, – с лихорадочным напряжением подумала она. – По крайней мере, пока не получишь предложение от них!»
Она посмотрела на брюнетку, которая печатала на клавиатуре компьютера. Монти подумала, что монитор перед ней может показывать внутренность лифта и не она ли контролирует его. И тут в дальнем конце помещения открылась дверь, в которой появилась безошибочно узнаваемая фигура сэра Нейла Рорке.
– Доктор Баннерман! Мисс Баннерман! До чего приятно видеть вас!
Он приветствовал их с веселым дружелюбием, у него был баритон теплой окраски, с привычными интонациями оратора, выступающего во время званого обеда. Облаченный в великолепно скроенный костюм в тонкую белую полоску, с густой копной вьющихся рыжеватых волос, он был необыкновенно элегантен. На лице лежала венозная сетка, рисунок которой говорил об обеденных залах, украшенных дубовыми панелями, о прекрасных винах и погруженности владельца в биржевые курсы. Тем не менее у него был вид добродушного дядюшки. В эти первые мгновения Монти пришлось сделать усилие, чтобы собраться и не забывать, что она находится в присутствии одного из самых могущественных в мире капитанов индустрии.
Он протянул руку, которая оказалась большой и розовой. Монти пожала ее и слегка удивилась крепости хватки, твердой как сталь. В то же самое время ей показалось, что она уловила искорку какого-то мерцания, которое мелькнуло в его глубоко посаженных глазах орехового цвета. Не сексуальную заинтересованность или что-то в этом роде; это скорее было схоже с чувством, что он понимает ее, что он доподлинно знает, зачем она явилась сюда, и прекрасно осведомлен о проблемах, с которыми столкнулись она и ее отец, и хочет дать ей знать, что он на ее стороне, что они с ней участники одного заговора и она может доверять ему.
Когда он выпустил руку Монти и повернулся к ее отцу, у нее на мгновение возникло ощущение, что она знала его всю свою жизнь. Теперь она начала понимать, почему так много людей тепло относятся к нему: всего за несколько секунд он стал для нее любимым дядюшкой, он собирается взять ее прогуляться по набережной, где купит ей маковое печенье и большую порцию мороженого с шоколадной начинкой, которая вылезает из него.
Она исподтишка посмотрела на отца, но его лицо ничего не выражало.
– Пройдемте в мой кабинет и пропустим по глоточку. Доктор Кроу, наш исполнительный директор, через несколько минут присоединится к нам за ланчем.
Рорке возглавил процессию, и Монти пошла по длинному коридору, стены которого с обеих сторон были украшены еще более странными полотнами.
– В свое время вы хотели быть художницей, не так ли, мисс Баннерман? – спросил хозяин дома, который, заложив руки за спину, шел между отцом и дочерью.
Монти нахмурилась, пытаясь сообразить, как он это узнал.
– Да… давным-давно.
– Но вы предпочитаете традиционную живопись. – Он развел руки и показал на абстрактные полотна. – Не думаю, что они вас интересуют.
Она посмотрела на него, не зная, что ответить, удивленная и растерянная.
– Я… мне никогда не доводилось углубленно изучать абстрактное искусство, – ответила она, не желая показаться грубой.
Рорке мягко улыбнулся, и в его голосе появились меланхолические нотки.
– Что ж… вы же видите, для всех нас жизнь полна путешествий, которые мы так и не совершили. – Он повернулся к ее отцу и с подчеркнутой многозначительностью сказал: – Не сомневаюсь, мы сможем договориться, доктор Баннерман, не так ли?
«Мне нравится этот человек, – подумала Монти. – Мне в самом деле нравится этот человек».

Барнет, Северный Лондон. 1940 год

Постельное белье рывком отлетело в сторону, и, казалось, одновременно вспыхнул электрический свет. Маленький мальчик в полосатой пижаме, лежавший со сложенными на животе руками, моргнул, выныривая из глубокого сна.

– Пусть Господь простит тебя, Дэниел Джадд!

Голос матери. Костлявая ладонь ударила его по щеке, голова мотнулась в сторону так, что хрустнула шея. От холодного ночного воздуха его худенькое тело пошло мурашками. Мать возмущенно смотрела на него сверху вниз. Ее лицо было обрамлено седыми прядями, собранными на макушке в пучок, а мышцы на голой шее, выступавшей из разреза шерстяной ночной сорочки, напряглись от ярости.

После второго удара он увидел стоящего в дверях отца, тоже в ночном халате и шлепанцах. Тот смотрел на него. Мертвецки тощий, с кожистыми складками на лице, он напрягся от гнева.

– Господь простит нашего мальчика, – сказал отец, – ибо он не ведает, что творит.

Ребенок, моргая от резкого света лампочки, уставился на своих родителей. Руки матери, жесткие, как железо, схватили его запястья и с силой развели в стороны.

– Мы говорили тебе! – дрожащим от возмущения голосом сказала она. – Сколько еще раз мы должны говорить тебе?

Он отчаянно старался выдавить вопрос, спросить, что она имеет в виду, но его горло, перехваченное судорогой страха, было не в состоянии выдавить хоть звук. Он получил еще один удар по лицу.

– Вечное проклятие, – торжественно произнес голос отца. – Вот что ты заслуживаешь, греховное создание. Господь наш, Отец Небесный, видит все наши грехи. Плотские вожделения ведут к смерти; мы должны спасти тебя от тебя же самого, от гнева Господа нашего.

– Ты порочный, непослушный и злостный грешник! – Голос матери поднялся до крика, и мальчик съежился от страха. И от растерянности.

> – Разве ты не помнишь слова Господа нашего? – грозно вопросил отец. –
> Хотя они утверждают, что умны, они глупели, обменивая славу бессмертного Господа на образы смертных людей, и птиц, и животных, и змей.

Мальчик растерянно смотрел на отца. Нет, он не помнил. Ему было всего шесть лет.

> –
> И посему Господь оставил их предаваться грешным наслаждениям в своих сердцах, и тела их купались в грязи. Господнюю истину они обменивали на ложь, они поклонялись и служили ложным созданиям, а не Создателю – Который всегда прав. Аминь.

Мальчик молча смотрел на него.

– Аминь! – повысив голос, повторил отец. – Аминь, мальчик!

Робко пробормотав «аминь», мальчик избежал еще одного удара от матери.

Наступило краткое затишье.

Перепуганный, он лежал, вытянув руки вдоль тела, придавленный кипящей яростью своих родителей. Затем он услышал голос матери. Она говорила, полуприкрыв глаза, словно была в трансе и передавала указания, только что полученные ею на частоте, доступной только ей самой. Гневное выражение лица смягчилось улыбкой.

– Те, которые живут в соответствии со своей грешной натурой, думают только о том, чего желает эта натура, но те, кто живет в согласии с Духом Святым, мыслят лишь о том, что угодно Духу. Мысль грешного человека ведет к смерти, а того, кто подчинен Духу, – к жизни и покою. Потому что мысли грешного человека враждебны Богу, они не подчиняются Божьим законам и не могут принять их. И грешные существа с их мыслями не могут доставить радости Богу.

– Ты это понимаешь, Дэниел, не так ли? – Теперь у отца был мягкий, едва ли не умоляющий голос.

Мальчик лишь робко кивнул, потому что его мать продолжала говорить, не переводя дыхания.

– И если Дух Божий живет в тебе, то управляет тобой не грешная твоя натура, а Дух.
– Живет ли в тебе Дух Божий, Дэниел? – спросил отец.
Мальчик, помолчав, кивнул.
– Ты уверен, дитя?
– Уверен, папа, – испуганно пискнул он.
– Ты хочешь порадовать Господа, дитя?
– Да, папа, я хочу порадовать Господа.
– Если кто-то не чувствует в себе Духа Христа, то, значит, он не принадлежит к Христовой пастве, – сказала мать. – Но если Христос в тебе, то пусть твое тело мертво из-за грехов, но дух твой живет, поскольку полон праведности.
– Ты это понимаешь, дитя? – Теперь голос отца потерял мягкость.
Мальчик ничего не понимал. Эта логика была вне его понимания. Тем не менее он знал, каких ответов от него ждут, знал единственный способ обрести покой, избежать очередной пощечины, спастись от ситуации, когда его вышвырнут за порог и на всю ночь запрут в холодном сарае в саду. Он кивнул и еле слышно произнес: «Да».
– Ты хочешь, чтобы Дух Божий жил в тебе, или хочешь обречь себя на вечное проклятие? – спросил отец.
– Дух, – пробормотал мальчик.
– Говори громче, Дэниел. Я не слышу тебя, и мать не слышит тебя, а если мы не слышим тебя, то и Господь Отец наш не сможет услышать тебя.
– Дух, – чуть погромче повторил мальчик, захлебываясь слезами, которые текли у него по щекам.
– Ибо, если ты будешь подчиняться велениям своей грешной натуры, – продолжила мать, – ты умрешь, но если ради Духа Святого ты отвергнешь порочные желания твоего тела, то будешь жить, потому что те, кого ведет Дух Божий, – дети Господа нашего.
Отец вплотную наклонился над сыном, и тот мог чувствовать теплоту его дыхания, видеть щетину на подбородке.
– Ты же не хочешь совершать гнусности со своим телом, дитя мое? Заверь в этом и твою мать, и меня и, кроме того, заверь Господа нашего.
– Н-н-не хочу, – с ужасом пробормотал мальчик.
– Ибо ты обретешь не тот дух, который делает тебя рабом своих страхов, а получишь родство Отца с Сыном. И это к Нему мы взываем «Аве, Отче». И Дух этот – свидетельство, что в душе все мы дети Божьи. И ты хочешь быть одним из Божьих детей, не так ли, дитя? А не сатанинским отродьем?
– Божьим дитем, – произнес мальчик.
– Итак, если мы дети, то, значит, и наследники – Божьи наследники. Как Христос. И если мы делим с Ним страдания, то, значит, нам предписано делить и Его славу.
Родители погрузились в молчание. Дэниел, в свою очередь, рассматривал их лица; холодные глаза внимательно изучали его. Он чувствовал их даже во сне, но не понимал, каким образом.
– Ты хочешь, чтобы мы спасли тебя от Божьего гнева?
Глядя на отца, Дэниел робко кивнул. Он заметил, что мать вышла из комнаты.
– Ты уверен, – снова спросил отец, – что не хотел бы оказаться в обществе Сатаны? В аду, где тебя ждет пламя вечного проклятия?
Мальчик помотал головой.
– Можем ли мы сейчас вместе вознести молитву Господу нашему, дитя мое?
Дэниел кивнул.
– Отче наш, иже еси на небеси, – начал его отец.
– Отче наш, иже еси на небеси, – повторил мальчик, и в это время в комнату вернулась мать с двумя длинными кожаными ремнями в руках. Пока они продолжали возносить молитву Господу, она туго обвязала запястье его левой руки, после чего пропустила ремень под металлическую раму кровати и надежно закрепила его. Затем то же самое совершила с его правой рукой, так что теперь он лежал на спине с крепко примотанными к кроватной раме руками.
– Это для твоего же собственного блага, – мягко сказал отец, когда мать кончила возиться с ним. – Дабы спасти тебя от тебя же самого в глазах Господа. Чтобы уберечь тебя от искушения прикасаться к запретным частям тела.

– И спасти всех нас от Божьего гнева, – добавила мать своим мрачным голосом, чуждым любви. – Спасти нас от твоих грехов.
Затем они выключили свет и закрыли дверь.

7

Лондон. Октябрь 1993 года

Обеденный зал директора размещался на сорок девятом этаже здания Бендикс. Он был настолько полон света и воздуха, что Монти не могла поверить, будто где-то тут нет скрытых окон, из которых струится естественный дневной свет.
Декор был все такой же: серые и белые тона времен Регентства, как в приемной, а обстановка включала в себя традиционный овальный обеденный стол красного дерева с соответствующими стульями; на стенах же висели полотна импрессионистов, школу которых она любила больше всего. За ее отцом на стене располагался натюрморт Дега, и она была не в силах отвести от него взгляд. Оригинал Дега. Не эстамп и не копия. Она сидит за ланчем перед подлинным Дега! Она никогда не видела ничего подобного за пределами галереи.
Меню было великолепным: запеченные устрицы, стейк и салат из экзотических фруктов в сопровождении замечательных белых и красных вин.
Баннерман расцветал на глазах. Откровенно говоря, он был на редкость хорош в компании, вот и теперь, когда за вкусным обедом шел живой разговор, главным образом о генетике, он явно чувствовал себя так, словно сидит в обществе своих коллег, а не ждет собеседования, от которого может зависеть его будущее.
Рорке ел и пил с нескрываемым аппетитом; доктор Кроу, словно по контрасту, едва прикасался к своим блюдам, но ножом и вилкой он манипулировал с мастерством хирурга. Словно подчеркивая раскованную непринужденность Рорке, он сидел безмолвно и неподвижно, изучая Монти и ее отца настороженными стальными глазами, от которых ничто не могло укрыться.
Пятидесятидвухлетний Кроу обладал своеобразной внешностью. У него было узкое, лошадиное, с острыми чертами и слишком близко посаженными глазами лицо. Это придавало взгляду столь сильную энергичность, что Монти порой чувствовала смущение. «Губы у него тоже странные», – подумала она. Они были очень тонкими, кроваво-красного цвета и, выделяясь на алебастрово-бледном лице, навевали мысли о декадансе.
Монти заранее поинтересовалась личностью Кроу и была поражена его биографией. В фармацевтической индустрии исполнительный директор редко бывал ученым, а Кроу, без сомнения, мог при желании сделать блистательную карьеру как исследователь. Он окончил Кембридж в числе лучших выпускников по биологии и фармакологии, а затем перебрался в Соединенные Штаты, где, специализируясь в области изучения иммунных систем, получил степень магистра.
По возвращении в Британию он три года работал в программе Имперского фонда онкологических исследований. Затем включился в работу отдела клинических испытаний в «Бендикс Шер» и через два года возглавил его. В тридцать шесть лет он стал самым молодым в истории компании руководителем ключевого отдела. Десять лет спустя, в 1986 году, он был назначен исполнительным директором. Его предшественник погиб в авиакатастрофе. Реактивный лайнер компании при таинственных обстоятельствах разбился, когда директор летел с рабочим визитом на завод «Бендикс Шер» на Филиппинах.
Если Рорке оказался на самом верху благодаря врожденным качествам лидера и силе личности, то Кроу, как показалось Монти, был скорее манипулятором. Она не чувствовала к нему неприязни, но в то же время не испытывала той симпатии, которую вызывал у нее Рорке. Тем не менее она понимала, как это важно для ее отца: один из руководителей компании – ученый. По крайней мере, с ним можно говорить на одном языке.
Дик Баннерман кинул в рот ломтик сыра и задумчиво прожевал его.
– Сэр Нейл, одно обстоятельство всегда вызывало мое любопытство – ваша одержимость секретностью.

Монти обеспокоенно посмотрела на троих мужчин. Эти слова были первым выражением настороженности ее отца. Кроу бесстрастно разломил бисквит, и в тишине этот звук прозвучал как выстрел.
Рорке улыбнулся и выразительно развел руки:
– Весьма разумный вопрос, доктор Баннерман.
Монти отметила, что, несмотря на дружескую атмосферу ланча, их хозяева не сделали перерыва, чтобы расслабиться, и сразу же перешли к сути дела.
– Вы увидите, – продолжил Рорке, – что наша индустрия сталкивается с оппозицией самого разного происхождения. Люди протестуют против повышения цен на некоторые лекарства, забывая, что сегодня создание нового лекарства и вывод его на рынок стоят более ста миллионов фунтов, а срок действия нашего патента весьма ограничен – мы еле успеваем окупить расходы. И среди общества защиты животных встречаются очень неприятные фанатики. Откровенно говоря, они столь же опасны, как и политические террористы. Мы храним информацию о секретах нашей компании, только чтобы уберечь акционеров, директоров и наших сотрудников. Все очень просто.
– Вы готовы сообщить мне имена акционеров?
Быстро обменявшись взглядом с Кроу, Рорке добродушно улыбнулся:
– Сегодня мы собираемся сделать вам предложение, доктор Баннерман. И если вы примете его, уверен, вы убедитесь, что у нас нет никаких секретов от вас.
Дик Баннерман откинулся на спинку стула и, в свою очередь, уставился на двух своих собеседников:
– Итак, что за предложение?
– Первым делом мы хотели бы предложить вам небольшую экскурсию, познакомиться с кое-какими исследованиями, которыми мы занимаемся, и продемонстрировать наше техническое обеспечение… если у вас есть на это время…
Подойдя к дверям, Рорке открыл их. Переступая порог, Монти поймала взгляд Рорке, который ей подмигнул.

Они вернулись в лифт, который поднял их сюда. Рорке посмотрел на объектив над дверью и четко произнес:
– Шестой этаж.
Дверь закрылась, и лифт мягко пошел вниз.
– Как он работает? – спросила Монти.
– Сочетание визуального и голосового опознавания, – с довольной улыбкой сказал Кроу. – Система компьютерной идентификации. Компьютер, опознав внешность человека, получает указание найти ее в базе данных, где имеется и образец голоса, после чего принимает команду. Или отвергает ее.
Лифт остановился, и они вышли в широкий коридор с бледно-зелеными стенами, пол которого был затянут изумрудно-зеленым ковровым покрытием. Одна стена была значительно ярче другой, словно на нее падали лучи солнца, пробивавшиеся сквозь невидимые оконные проемы. Двери могли гордиться элегантными бронзовыми ручками, и, если не считать небольших смотровых окошек, прорезанных в некоторых из них, и легкого едкого запаха, этот коридор напоминал скорее пятизвездочный отель, чем лабораторный корпус.
Рорке вставил карточку в приемную щель, набрал на клавиатуре определенную последовательность номеров и вежливо пропустил вперед Монти с отцом. Они вошли в другой, столь же роскошный и очень длинный коридор. По обеим сторонам его тянулся ряд табличек с названиями отделов, графики, правила Министерства здравоохранения и социальных служб и всевозможные плакаты. Вот это было куда более знакомо Монти, да и запах кислоты, неизбежный в лаборатории молекулярной биологии, тут чувствовался сильнее.
– На этом этаже и на следующих двух над ним мы ведем чисто генетические исследования, – сказал Кроу, – а также сопоставляем результаты с нашими исследовательскими центрами в Рединге, Плимуте, Карлайле, Берне, Франкфурте и Шарлоттсвилле.
– Вы, кажется, возводите новую лабораторию в Слау, не так ли? – спросил Дик Баннерман.
– Да, – подтвердил Винсент Кроу. – На пустом месте ставим совершенно новый исследовательский кампус. По его завершении, а это произойдет через три года, он даст приют крупнейшей в мире лаборатории трансгенетики.

– И вся она будет размещаться под землей? – продолжал расспросы Дик Баннерман.
Кроу застыл на мгновение и тут же улыбнулся:
– Трансгенетика – да. А я и не знал, что об этом известно общественности.
– Насколько я знаю, двадцать семь акров подземных лабораторий? – сказал Баннерман и остановился, потому что его внимание привлек экран компьютера на стене, который выполнял роль электронной доски объявлений. На экране высветилось заглавие: «Новости „Бендикс Шер“», а под ним вспыхнуло сообщение: „Матернокс-11“: получено одобрение Управления по контролю за продуктами и лекарствами».
– Двадцать восемь акров, – уточнил Кроу.
– Почему под землей? Из соображений безопасности?
– Совершенно верно.
– И вы считаете, что такая среда будет способствовать работе? Что люди будут выкладываться изо всех сил?
– Как вы находите здешнюю атмосферу, доктор Баннерман? – спросил Кроу.
– Она производит сильное впечатление, – ответил тот. – Это я должен признать. И мне трудно поверить, что тут нет никаких окон.
– Слау ничем не будет уступать этому зданию. В формуле дневного света нет никаких тайн – строго говоря, большая часть его спектра довольно плохо влияет на организм. Мы просто использовали данные науки – усилили полезные качества и отфильтровали плохие. Здесь, в здании Бендикс, производительность труда на тридцать процентов выше, чем в обыкновенной рабочей обстановке.
– Хотел бы я посмотреть, как вы пришли к этим данным, – скептически произнес Баннерман.
Монти предостерегающе посмотрела на отца. Пока все шло хорошо, и Монти не хотела, чтобы он все разрушил внезапной вспышкой темперамента.
– С большим удовольствием, – ничуть не смутился Кроу. – Мы были настолько уверены в этих данных, что установили искусственное дневное освещение в наших новых больницах, и убеждены, что оно значительно сократит время выздоровления.
Дух новаторства, царящий в «Бендикс Шер», восхитил Монти. В этом, можно сказать, футуристическом здании, в присутствии столь могущественных и влиятельных людей она испытала чувство, будто ей позволили стать привилегированным членом сообщества, работающего на переднем крае науки.
Рорке провел их в обширную лабораторию, где Монти от зависти потеряла дар речи. Ей никогда и нигде не доводилось видеть такого оборудования, такого порядка: тянулись ряды и ряды белоснежных поверхностей, оснащенных первоклассной лабораторной техникой. Сотрудники, все в белоснежных халатах, казалось, наслаждались пространством и атмосферой сосредоточенной работы; Монти едва ли не физически ощущала, как у нее на глазах происходит нечто очень важное.
Указав на телевизионную камеру над дверью, ее отец с подозрением спросил:
– А это зачем?
– Обеспечение безопасности, – ответил Кроу. – Если кто-то засиживается за работой допоздна или даже в уик-энд и происходит несчастный случай, людям может понадобиться помощь. Служба безопасности присматривает за тем, что происходит в лабораториях, и, соответственно, успевает быстро реагировать.
Рорке провел их и через большинство других лабораторий. Они были разными по величине, но все одинаково хорошо оборудованы. Монти сравнила эту роскошь с их убогим пристанищем викторианских времен. Лаборатория генетических исследований Баннермана могла десять раз разместиться на единственном этаже этого здания. Монти охватил гнев при мысли о том, как они с отцом вели безнадежную борьбу за выживание. Гнев по отношению к правительствам, которые десятилетиями не обращали внимания на важность научных исследований, ко всем этим организациям и фондам, которые заставляли ее отца унижаться в просьбах хоть толики денег. Она посмотрела на него, питая тщетную надежду, что великолепие этого места и его заставит испытать волнение.
– О, мистер Силс! – внезапно повысил голос Кроу, приветствуя длинноволосого человека в белом халате, который только что вышел из одной двери и направлялся к другой. Как только тот осознал присутствие Рорке и Кроу, сразу же расправил плечи и подошел к ним. – Мистер

Силс – старший техник нашего отдела генетики. А это доктор Баннерман и его дочь, мисс Баннерман.
Монти обратила внимание на восхищенное выражение его лица, когда Силс, узнав отца, уставился на него, а потом вежливо произнес:
– Очень рад встретить вас обоих.
Ему было примерно лет тридцать, прямые каштановые волосы закрывали лоб и падали на плечи. Когда он привычным движением отбрасывал их назад, было видно серьгу в мочке его левого уха. Он был бы вполне симпатичным, если бы не обильные оспины на коже лица – следы юношеских прыщей.
– Налажено у вас тут все просто великолепно, – признал Дик Баннерман.
– Благодарю вас. Боюсь, что немалая часть техники, которую мы тут используем, основана на ваших работах и публикациях.
– Извиняться не стоит, для того я и публиковал их – чтобы делиться знаниями. Вы разделяете мою точку зрения? – в упор спросил Баннерман.
Силс покраснел:
– Боюсь, что такие решения принимаю не я. Современное оборудование очень дорого стоит, и, не сомневаюсь, вы с этим согласны, доктор Баннерман.
Монти восхитилась быстротой, с какой молодой человек обрел почву под ногами, и оживилась, слушая, как он объясняет принцип действия новой техники, которую они только что запустили. Он был олицетворением юношеской энергии, целенаправленности и понимания своей миссии. Она поймала себя на том, что невольно сравнивает его с пожилым старшим техником их лаборатории Уолтером Хоггином, который воспринимал компьютер как непостижимую тайну и считал, что к любой новейшей технике надо относиться с подозрением. Монти понимала, что, как бы тепло она ни относилась к Уолтеру, на самом деле ей нужны люди калибра Силса, но они слишком дорого стоили.

Плоская золотая лягушка размером с футбольный мяч занимала центральное место на массивном столе сэра Нейла. Монти задумалась, не является ли она охотничьим трофеем, и непочтительно отметила, что она чем-то напоминает Рорке. Она не любила лягушек, и змеиная улыбка этого экземпляра заставила ее содрогнуться.
На столе располагалось еще несколько предметов: блокнот в кожаной обложке, серебряная подставка для ручек, диктофон, телефонный аппарат и компьютерный терминал – и ни единого листка бумаги; внезапно она поняла, что не видела бумагу ни в одной из лабораторий.
Сбоку от стола стояла высокая белая конструкция, сначала Монти решила, что это система кондиционирования. Такие же машины она заметила и в лабораториях внизу. И лишь затем она припомнила, что недавно видела такие же устройства в кинофильме, и поняла их предназначение: бумагорезки.
Все вчетвером они расселись за столом для совещаний, и секретарша Рорке принесла им чай. Рорке помешал ложечкой в чашке, после чего заговорил:
– Доктор Баннерман, давайте будем откровенными друг с другом. Я знаю вашу точку зрения относительно патентования научных открытий, особенно в области человеческих генов, и готов поддержать ее. Но вы согласитесь с тем, что откуда-то должны появляться деньги, а наши доходы в «Бендикс Шер» идут от производства фармацевтической продукции, на которую у нас есть патенты. Жизнь патента в Великобритании составляет всего двадцать лет. На это время у нас есть эксклюзивные права пользования им. Но, учитывая те средства, которые мы должны вложить в разработку нашей продукции, на самом деле это очень короткое время.
Монти напряглась, ожидая, что отец вот-вот вступит в полемику, но, к ее облегчению, он сидел, совершенно бесстрастно глядя на Рорке. Пусть даже доктор Баннерман продолжал испытывать презрение к этому учреждению, на него произвело сильное впечатление все, что им сегодня показывали. Сегодняшняя экспозиция представляла собой демонстрацию самой лучшей исследовательской техники, которую только можно было купить за деньги.
– Мы могли бы подкинуть кое-какие средства вашей лаборатории в Беркшире, – продолжил Рорке. – Но я не думаю, что наши инвестиции таким образом дадут ценные результаты, и, откровенно говоря, я не думаю, что даже с соответствующим финансированием вы в вашем сегодняшнем положении сможете хотя бы приблизиться к вашему подлинному уровню. И доктор Кроу, и я – мы оба считаем вас самым выдающимся генетиком в нашей стране, а может

быть, и в мире. И будут ли у нас совместные дела или нет, у вас впереди время больших творческих открытий.
Баннерман улыбнулся.
– Получи вы соответствующее оборудование и финансирование, я думаю, вы могли бы достичь гораздо большего – и это ни в коей мере не подвергает сомнению все, что вы уже успели сделать.
– Какого рода оборудование?
– То, которое вы видели здесь на шестом, седьмом и восьмом этаже; то, которое стоит на наших предприятиях в Великобритании в Рединге, Бирмингеме и Эдинбурге. Или за границей – в Берне, Франкфурте и Шарлоттсвилле. – Сделав паузу, Рорке поднес к губам свою чашку. – Мы делаем вам очень простое предложение: мы хотим, чтобы вы присоединились к «Бендикс Шер» и возглавили нашу всемирную программу генетических исследований.
Баннерман отрицательно покачал головой:
– Я очень польщен, джентльмены, но я ученый, а не бизнесмен. Я хочу заниматься исследованиями, а не руководить организацией.
– Мне кажется, сэр Нейл высказался не совсем ясно, – примирительно произнес Кроу. – Исследования – это именно то, чего мы хотим от вас. И больше ничего. В вашем распоряжении будут все человеческие ресурсы, и, стоит вам пожелать, «Бендикс Шер» предоставит вам любое оборудование.
Дик Баннерман ни минуты не колебался.
– Я не могу бросить своих сотрудников.
– Не думаю, что это будет проблемой, – сказал Рорке, выжидающе глянув на Кроу.
– Да, – немного помедлив, согласился Кроу. – Уверен, что мы сможем взять ваших ключевых сотрудников.
– Весь мой штат состоит из ключевых сотрудников, – мгновенно отреагировал Баннерман. – Чертовски трудно вести работы в тех областях, в которых они специализируются. Я хотел бы получить от вас заверение, что никто из них не будет уволен. Кроме того, я хочу получить от вас заверение, что моя дочь сможет продолжить работу в качестве моей главной помощницы.
Монти понимала, что некоторых споров из-за сотрудников было не избежать, но ее поразило само предложение, и она была уверена, что теперь-то отец не отвергнет его.
– Можете ли вы точно сообщить, какой бюджет будет в нашем распоряжении и какое вознаграждение мы получим? – спросила она.
Кроу улыбнулся и, казалось, из чистого воздуха извлек два одинаковых документа, один из которых он протянул Монти, а другой – ее отцу. Это были первые образцы бумаги, которые Монти увидела в этом здании.
Крупные буквы шапки гласили: «Распространение ограниченно: только для членов главного директората. Из офиса председателя». А внизу был заголовок: «Предложения с целью приобретения Лаборатории генетических исследований Баннермана».

– Эти типы – сущие педерасты, не так ли? – сказал Дик Баннерман, когда лифт стремительно летел на нижний этаж.
Монти приложила палец к губам, предостерегающе глянув на объектив над дверью.
– Они могут нас прослушивать, – шепнула она.
Он пожал плечами, но больше не промолвил ни слова, пока они не покинули здание и не подошли к машине.
– Почему ты их так обозвал, папа?
– Да вот за ланчем в голову пришло… они думали, что я прямо-таки поражен.
– А меня все поразило, – сказала Монти. – И компания, и ее сотрудники.
– У них есть вполне приличный инструментарий, – признал отец. – Несколько штуковин, с которыми хотелось бы поработать.
– Несколько?
– Я обратил внимание на плюсы, – задумчиво произнес он. – Но увидел и чертовски много минусов.
– А вот я минусов не видела, – возразила она. – Ни одного.

8

Лондон. Суббота, 22 октября 1994 года

Др. БРЮС КАТЦ. М-Р ДУНСТЕН ОГВАН. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ». МИССИС В. АЛАССИО. М-Р ДЖОНСОН «ФОРД МОТОР КОМПАНИ». Р. ПАТЕЛ. А. КОН. «КРОССГЕЙТС ТРЭВЕЛ». М-Р ОБЕРТЕЛЛИ. МИСС РЕДМЕЙН.

Коннор Моллой обвел взглядом вереницу людей с плакатами, встречающих пассажиров, которые выходили после таможни в зал прибытия аэропорта Хитроу. Не найдя своего имени, он остановился, оперся на поручень багажной тележки и более внимательно осмотрел море лиц и плакатики.

В свои тридцать с небольшим, при росте свыше шести футов, с короткими черными волосами, беспорядочно зачесанными назад, пусть даже с покрасневшими после длительного перелета через разные часовые пояса глазами, он производил эффектное впечатление, и кое-кто из встречающих поглядывал на него, прикидывая, не кинозвезду ли он увидел.

Весь его внешний вид так и кричал об индустрии развлечений: на нем была джинсовая рубашка с открытым воротом, в котором виднелась белая футболка; добела вылинявшие хлопчатобумажные брюки, тяжелые ботинки и замшевая авиационная куртка. В лице его были черты и Тома Круза, и Тима Роббинса, причем в улучшенном варианте. С любой точки зрения Коннор Моллой обладал чертовски привлекательной внешностью и обаянием, которое тем сильнее проявлялось, что он сам его не осознавал. Строго говоря, в избранной им профессии внешний вид ничего не значил; он мог добиться успеха, родись Человеком-слоном.

Наконец его взгляд выхватил человека, который проталкивался к нему сквозь толпу, и понял, что это его водитель.

– Коннор Моллой? Я Чарли Роули. Нам придется вместе работать. Сегодня утром на дорогах просто гребаная давка – я уж думал, что мы с вами разминемся!

– Я думаю, самолет прибыл чуть раньше. Пилот сказал, что нам в хвост дул сильный попутный ветер, – ответил Коннор, сразу же проникаясь симпатией к веселому характеру этого человека.

Они обменялись рукопожатиями. Хотя Чарли Роули тоже было чуть за тридцать, но, судя по тому, как он отдувался и потел, он был явно не в форме. Не обращая внимания на протесты Коннора, он отнял у него багажную тележку и покатил ее через зал прилета.

Роули стремительно двигался на выход, а Моллой тащил с собой заплечную сумку, где лежал ноутбук, который он всю дорогу не выпускал из виду.

– Очень любезно было с вашей стороны приехать встречать меня… хотя вам не стоило беспокоиться… я мог взять такси.

– Директор и слышать об этом не захотел бы! «БШ» очень трепетно относится к таким личным подробностям. Вы же слышали лозунг: «Самая заботливая компания в мире»? Так вот, это относится к ее сотрудникам так же, как и к покупателям.

Коннор заметил нотку цинизма.

– Ну да, конечно, для вас нет ничего приятнее, чем потерять утро субботы.

Роули фыркнул и с ухмылкой сказал:

– Ага, я тоже так думаю!

Сопровождая Роули к выходу и дальше к автостоянке, Коннор старался не говорить лишнего. Никому нельзя было доверять. Никому. Он ждал этой возможности двадцать пять лет, рыл носом землю, чтобы получить нужную квалификацию, и наконец добрался до цели, которая когда-то казалась ему недостижимой. Он понимал, что опасения матери по поводу безопасности его предприятия были вполне оправданными, и был чужд недооценке интеллекта, ресурсов и необоримой силы того, против чего он собирается выступить. Он знал, что один неверный шаг – и шанс навсегда будет потерян. А может быть, и жизнь.

– Ну и ну! – Коннор с широкой улыбкой осмотрел свои апартаменты. – И это все мне?

Чарли Роули кивнул.

Коннор пересек гостиную и выглянул в окно. За Гайд-парком его взгляду открылись туманные силуэты Южного Кенсингтона. Утреннее солнце блестело на росистой траве. Коннор видел

любителей бега трусцой, женщину, выгуливавшую компанию разношерстных собак. Оживленное уличное движение заполняло Бейсуотер-роуд, что тянулась внизу. Оттуда доносились не те звуки, что в Вашингтоне: там был упругий гул толстых шин, а здесь преобладал лязгающий грохот грузовиков и дребезжание дизелей простаивающих такси.
– Прекрасный вид! – Он подавил зевок. Не стоило так много пить в полете. И курить тоже. Нервы. В полетах они всегда давали о себе знать. И теперь в голове стоял какой-то туман, а лоб сверлила надсадная боль. Не приняв душ, он чувствовал себя не лучшим образом, мятая рубашка пропахла потом, брюки были все в складках, а ноги в плотных ботинках зудели. Но, несмотря на все эти неудобства, он чувствовал подъем духа, адреналин так и пульсировал. Ему бы сейчас не помешали крепкий кофе и сигарета, но по размышлении он решил отказаться от последней; Чарли Роули, скорее всего, не курил, и Коннор не хотел с самого начала произвести плохое впечатление.
Восемнадцать месяцев назад он расстался со своей подругой, с которой жил под одной крышей, и теперь радовался роскоши бытия, при котором ему не надо было выскакивать на улицу, когда хотелось покурить, или объясняться из-за выпитой днем рюмки алкоголя. Он уже предвкушал возможность завести с кем-то в Англии близкие отношения – только интим, никаких эмоций. В грядущие месяцы ему потребуются все его умственные способности, и он не хотел ни на что отвлекаться.
– В середине лета вид отсюда еще лучше, – сказал Роули, – когда на травке загорают симпатичные девочки топлес.
Коннор усмехнулся:
– Думаете, я проторчу здесь до следующего лета?
Роули зевнул, словно и на нем сказалась усталость, владевшая американцем.
– В понедельник к вам явится кто-то из отдела личного состава, чтобы помочь окончательно определиться.
Он бросил взгляд на две стоящие у двери объемистые сумки, с багажными ярлыками из Вашингтона и коробкой с «Мальборо» из зоны беспошлинной торговли.
– О’кей, я вас лучше оставлю, а вы располагайтесь. Должно быть, вы с ног валитесь.
– Может, сначала кофе?
Роули искоса глянул на часы и заколебался:
– Что ж… ладно, спасибо – но только быстренько. В кухне все должно быть на месте – есть женщина, которая присматривает за апартаментами «БШ», и она доставит вам все, что потребуется. – Он снова посмотрел на часы. – Я еще должен подхватить свою подружку – сегодня вечером мы отправляемся на благотворительный бал в Дорсете; в противном случае я бы вас куда-нибудь вытащил.
– Я прекрасно проведу время. Во-первых, посплю несколько часов, а потом прогуляюсь и попробую осмотреться. А может, в кино загляну, если снова в сон не потянет. – Коннор кивнул на толстый конверт, набитый журналами и бумагами, который ему только что вручили. – Да и вы мне выдали вдоволь материала для чтения, который составит мне компанию почти на весь уик-энд.
Они прошли в кухню, сияющую так, словно ее никогда не использовали по прямому назначению, и, поискав кофейные принадлежности, пристроились у стола.
– У вас есть тут какие-нибудь друзья?
Коннор отрицательно помотал головой и дал ответ, который репетировал несколько месяцев:
– Несколько дальних родственников обитают где-то в Ирландии; в нашей семье нет крепких родственных связей.
– Ирландские предки?
– Что-то вроде… но мы на этом не зацикливаемся.
– Вы не женаты, верно?
– Ни в коем случае.
Роули ухмыльнулся:
– Следующий вопрос, на который меня навела коробка с сигаретами, – вы курите?
– Ага, – осторожно сказал Коннор.
– Прекрасно! Присоединяйтесь к подпольному кабачку «Бендикс Шер»!
– Что вы имеете в виду?
Роули извлек из кармана пачку «Силк кат» и предложил Коннору сигарету.

– «Бендикс Шер» – это компания, в которой не курят. – Он щелкнул золотым «данхиллом» и поднес закурить Коннору.
Тот затянулся.
– У нас в Штатах таких хватает.
– С такими же крайностями, как «БШ»?
– Крайностями?
– Вам запрещено курить не только в самом здании. Вы вообще не имеете права курить, нигде… и никогда.
– Вы же не имеете в виду, что и дома?..
– И дома, и в отпуске, и на Марсе. – Роули начал открывать и закрывать дверцы буфета в поисках какого-то подобия пепельницы. Наконец он поставил на стол блюдце.
– Есть ли еще какие-то правила, которые я должен знать? – заинтересованно спросил Коннор, наливая воду в кофейник.
– Вы хотите сказать, что они вам не выслали их список?
– Может, я не обратил внимания на мелкий шрифт.
Роули покачал головой:
– Трудно представить себе, насколько в «Бендикс Шер» серьезный устав, пункты которого идут страница за страницей. Они вписаны в ваш контракт о найме, чтобы вы выучили их наизусть. Так вы их даже не читали?
– Я видел этот раздел, но не помню, чтобы он был в виде отдельной копии.
– Наверно, они не хотели вас пугать. Вы пьете?
Коннор с тревогой посмотрел на собеседника:
– Пью? Алкоголь? Конечно, я выпиваю.
Роули укоризненно погрозил пальцем:

> – Плохой мальчик. Выпивка строжайше verboten!
> [7]
> Никто не имеет права даже входить в здание компании, если он меньше двадцати четырех часов назад употреблял алкоголь.

– Да этого не может быть! – возмутился Коннор.
– Если полиция мысли поймает вас, то вас выкинут. Раз и навсегда.
– Кто поймает?
Роули снова фыркнул:
– Так я их называю. Служба безопасности.
Коннор ничего не сказал.
– Хотите, чтобы я продолжил? У вас, конечно, будет машина – вы ее получите в понедельник. Машину должны были подготовить сегодня, но произошла какая-то заминка. Машину вы должны содержать в чистоте. Полиция мысли патрулирует автопарк. Если они видят грязную машину, принадлежащую штатному сотруднику, то увозят ее и возвращают только через неделю со счетом восемьдесят пять фунтов. Они вычитаются из зарплаты.
Коннор уставился на него:
– Надеюсь, вы не серьезно?
– Я совершенно серьезен. Если вы хотите иметь честь работать на «Бендикс Шер», вы играете по их правилам. Любой, кто работает на «БШ», знает, что ему в спину дышит длинная очередь желающих занять его место. Компания платит лучше всех других, у нее великолепнейшее оборудование и часть сотрудников – самые блистательные умы. Они планируют стать крупнейшей фармацевтической компанией в мире, к чему и шагают весьма успешно. Я встречал немало людей, которые жутко боялись этой компании.
– Сотрудники?
Роули сверху донизу обвел взглядом кухню.
– Ну, как сказать… Посторонние лица из сопутствующих областей промышленности. У «БШ» длинные щупальцы, и компания все время раскидывает их.
– У нее немало дочерних предприятий, не так ли?

– Трудно поверить, что и сколько ей принадлежит. Через пару лет она будет контролировать рынок детского питания во всем мире. Они владеют половиной фармацевтических компаний, торгующих патентованными лекарствами в этой стране, в Европе и в Штатах, и лихорадочно скупают по всему миру компании по производству дженериков
[8]
.

– Я слышал, – сказал Коннор.
– А вы что-нибудь слышали об их розничных операциях? – спросил Роули, и у него слегка дрогнул голос.
– Розничных?
Он кивнул:
– Аптеки, торгующие в розницу. Они владеют «Прайс сейв драгсмарт», одной из крупнейших аптечных сетей в Британии.
Коннор нахмурился. «Прайс сейв драгсмарт» была и в Штатах одной из крупнейших сетей аптек в торговых центрах, но его изучение «Бендикс Шер» не выявило никакой связи между ними.
– Вот уж чего не знал, – сказал он.
– А вы и не должны были знать. – Когда кофейник закипел, Роули свинтил крышечку с банки «Нескафе». – Вы также не должны были знать, что они финансируют Ассоциацию исследования герпеса в Соединенных Штатах, Всемирное общество по изучению псориаза и Международную ассоциацию исследования артрита – среди прочих ведущих благотворителей.
– Но конечно же, многие фармацевтические компании делают благотворительные взносы, не так ли?
– Конечно – именно взносы. А для «БШ» это не просто взносы. Они в полном смысле слова финансируют их. Именно они контролируют их, и именно они назначают членов правления.
– То есть эти благотворители в своих информационных бюллетенях рекомендуют приобретать лекарства «Бендикс Шер»?
– Исключительно. И объявляют продукцию конкурентов сущим дерьмом.
– Даже если она лучше?
– Тем более если она лучше.
Коннору осталось только удивляться: что еще он упустил в своем изучении деятельности компании?
Роули вскинул брови и, как бы полный легкого желания защитить компанию, сказал:
– Они не делают ничего такого, что не делали бы их конкуренты, – разве что это у них получается куда лучше. – Он взял банку с кофе. – Одну ложку или две?
– Спасибо, две. – Продолжая напряженно размышлять, Коннор стряхнул пепел с сигареты. Кофейник закипел, исходя паром, и отключился.
– Лучшее, что вы можете сделать, Коннор, – это не напрягаться и не принимать все близко к сердцу. Они хорошо платят, и среди этой швали есть несколько вполне приятных людей. Не задирайте голову, принимайте все как есть, и прежде, чем вы все поймете, вам стукнет шестьдесят пять и у вас будет приличная пенсия!
Коннор медленно опустил веки. «У тебя, может, и будет, – подумал он. – Но не у меня, беби».
Чарли Роули растер в пепельнице сигарету, сделал два глотка кофе, взял свой потертый портфель и пожал Коннору руку. Пожелав ему удачи, он простился до понедельника.
– Да, кстати… Когда мы встретимся в офисе, я буду мистер Роули, а вы – мистер Моллой. О’кей?
– Конечно, – слегка удивился Коннор.
– Еще одно правило, – усмехнулся гость. – Никогда не называйте никого из сотрудников по имени. По условиям наших контрактов я могу быть уволен, если на работе назову вас Коннором.
– Повезло, что нас никто не слышит, – отозвался Коннор.
Роули ответил какой-то странной улыбкой:
– Не слишком полагайтесь на это.
– Вы имеете в виду…

Он покачал головой:
– Здесь еще не так… а вот в офисе будьте очень осторожны. Вы не сможете узнать, когда полиция мысли решит вас подслушивать.
– Потрясающе!
– Привыкнете. Мы ведь научились выживать! – И Роули пошел по коридору к лифту.
Коннор прикрыл за ним двери. Он чувствовал пустоту в душе, которую оставил после себя Роули. Теперь он остался один, в полном смысле слова один, в чужой стране, и объем стоящей перед ним задачи, казалось, заметно вырос. Он осмотрел квартиру, переходя из комнаты в комнату и проверяя их. Неужели тут в самом деле могут быть жучки? Во всяком случае, не было ничего, что могло бы навести на мысль о микрофоне.
Три спальни. Одна – роскошная, иначе не скажешь. При каждой есть ванная. Впечатляющий дизайн кухни, потрясающая гостиная размером никак не меньше вратарской площадки… Чистый паркетный пол, покрытый восточными коврами; большие мягкие диваны, строгий рисунок хромированных ламп, стулья, которые выглядят так, словно их доставили из Музея современного искусства, – все здесь заявляло о стиле. Откровенно рекламный вид этого пространства вызвал у Коннора отвращение.
Он налил себе еще одну чашку кофе, после чего распаковал свой портативный «макинтош», откинул крышку и включил его. Пока шла загрузка, он размотал кабель модема, вставил штекер в тыльный порт компьютера, выдернул из телефонной розетки провод телефона и на его место подключил модем.
После долгих тридцати секунд компьютер был готов к работе. Коннор открыл почту и проверил, нет ли чего нового. Пришло два письма. Первое было от давнего приятеля и коллеги Дейва Шваба, который теперь работал в Патентном бюро США. Он пожелал ему удачи на новой работе. Второе не несло никаких опознавательных примет отправителя и, полностью зашифрованное, представляло собой бессмысленный набор букв и цифр.
Коннор открыл программу дешифровки, подвел курсор к иконке «Декодирование» и щелкнул мышкой.

9

Понедельник, 5 сентября 1994 года

Алан Джонсон проснулся как от толчка. Звук бьющегося стекла. У него перехватило дыхание и сдавило грудь. Сара… она мечется рядом с ним. И стонет.
– Сделай что-нибудь! Ради бога, Алан, сделай что-нибудь!
Ее колотило, она содрогалась в конвульсиях, и тело ее кидало из стороны в сторону. Правой рукой он смахнул на пол все содержимое ночного столика, в том числе и свои очки; наконец нашел выключатель, нажал его и повернулся взглянуть на нее.

О господи!

Лицо Сары распухло с одной стороны; оно было жутко искажено и перекошено, как резиновая маска; глаза ее в черных кругах вылезли из орбит, и в них было выражение дикого ужаса. Кожа у нее была влажная и липкая, мертвенного цвета, кроме красных пятен и темных струпьев в тех местах, где ее яростно терзала жгучая сыпь.
Она с воплями металась из стороны в сторону, словно какая-то сила бросала ее. Живот вздымался под простыней; Сару снова бросило и перевернуло так, что она упала на вздутый живот, приподнялась, снова упала и, корчась в агонии, закусила угол подушки; ее сотрясали конвульсии, из глубины ее существа вырывались стоны.
– Дорогая, – сдавленным от потрясения голосом сказал он. – Дорогая, что происходит… это начало? Ребенок? Я вызову врача.
Она перевернулась на спину. Он стянул простыню и уставился на нее вытаращенными глазами; казалось, что ребенок, которого она носила, превратился в яростного берсерка – он пытался

вырваться наружу прямо из живота. Он лягался и колотился в ней. Он видел, как кожа на животе то натягивалась, то опадала; живот ее так вздулся, что в какой-то жуткий момент ему показалось, будто кожа с треском разорвется и в разрыве покажется ножка или ручка.
Он спрыгнул с постели и схватил телефон, одновременно роясь в адресной книге, – и тут же набрал номер врача. Восемь с половиной месяцев; в ее распоряжении было еще две недели, но она измучилась от сыпи, тошноты, головной боли. Никто не знал, как ей помочь. Давать ей болеутоляющие врачи опасались – как бы не навредить ребенку. Никто не знал, что с ней делается. Вирус, говорили одни. Порой появляются неопознанные вирусы, объяснял доктор Хамфри. Наконец звонки в трубке сменились спокойным, холодным голосом на другом конце.
– Будьте любезны доктора Хамфри, – выдохнул Алан.
– Сегодня вечером доктор Хамфри не принимает. Могу записать вас к доктору Ансельму.
– Это спешно!
– Вот уж не знаю, насколько быстро смогу найти его. Если вы очень обеспокоены, вам лучше позвонить в…
Окончание предложения было заглушено жутким криком его жены:
– Сде-е-е-лай же что-нибудь! Алан, быстрее! Прошу, еде… – Ее голос превратился в хриплое клокотание.
Он повернулся, и спазмы еще сильнее сдавили грудь.
– Нет, господи, нет! Сара!
Изо рта жены хлестала кровь, заливая подушку. Сжимая в руке телефонную трубку, он набрал 999 и свободной рукой вытер покрытый испариной лоб.
– Все будет хорошо, все будет хорошо.
Ее словно било электрическим током, она дергалась и содрогалась, а затем ее свело судорогой.

Алан Джонсон стоял, глядя на тело жены, распростертое на металлическом столе реанимационной палаты травматологического отделения; ее окружали врачи и санитары «скорой помощи» и какие-то фигуры в зеленых хирургических халатах – сюда же тянулись трубки и провода, подсоединенные к мониторам, висели капельницы.
Женился он сравнительно поздно, в тридцать семь лет, главным образом из-за своей застенчивости в отношениях с противоположным полом. Мужчина слабого телосложения, поклонник старомодных ценностей, он работал младшим бухгалтером в машиностроительной фирме и встретил Сару на занятиях по изучению Библии в их местной церкви. Она была тихой, мягкой девушкой и работала счетоводом в фармацевтической исследовательской лаборатории. У нее были прямые светло-каштановые волосы, которые она собирала в аккуратную прическу, подчеркивающую ее скромность. Крики для Сары были явлением из ряда вон, так же как пряди спутанных влажных волос, прилипших к лицу.
У него упало сердце, когда он увидел, как стоящая над Сарой медсестра прижала ей к лицу кислородную маску. Только что медики сделали попытку ввести ей интратрахеальную трубку, но мускулы гортани так свело спазмами, отвергая ее, словно тело хотело сберечь каждую каплю оставшихся сил, чтобы помочь выбраться ребенку.
Он сжал холодную влажную руку жены, но ответа не почувствовал. Он сделал еще одну попытку, умоляюще глядя на Сару в ожидании какого-то сигнала, но глаза ее оставались закрытыми. Он растерянно обвел взглядом помещение: анестезиолог старательно менял капельницу на штативе; у акушера были красные от недосыпания глаза, его подняли с постели в три утра.
– Она поправится?
Поверх края маски на него смотрели умные серые глаза. Голос был низкий, мягкий и спокойный, но он мало что мог предложить. Палец показал на зубчатую оранжевую линию на мониторе, который отслеживал биение сердца плода.
– Мистер Джонсон, это показывает, что ребенок гиперактивен, но временами возникают долгие периоды ослабленного сердцебиения. Ребенок испытывает серьезные внутриутробные осложнения. – Он помолчал. – Если мы решим спасти ребенка, нам придется делать кесарево сечение, но существует реальная возможность, что ваша жена не перенесет анестетика. Она предельно слаба. Боюсь, что вам придется принимать решение.

– Решение? – эхом откликнулся Алан Джонсон, плохо понимая, что происходит. Он вопросительно посмотрел в спокойные глаза акушера, и голос у него дрогнул. – Ч-ч-что в-в-вы… вы советуете?
Акушер все объяснил ему с максимальной мягкостью:
– Мистер Джонсон, я не думаю, что у вашей жены есть хоть один шанс на спасение, если мы ее не прооперируем. В ходе родов ребенок убьет ее. В случае же операции есть шанс, что она выживет… и ребенок тоже.
Алан Джонсон заломил руки и медленно склонил голову:
– Прошу вас, приступайте… вам лучше начинать.
Ему позволили остаться в операционной, и теперь он стоял у стены – в халате, маске и белых бахилах, рядом с аппаратом для анестезии; его взгляд перебегал с безжизненного лица жены на мониторы. Он думал о кроватке в маленькой верхней комнатке их дома, с желтыми стенами и синими плинтусами, которые он сам красил, с бумажными бордюрами с колыбельными песенками, которые крепили они с Сарой, о колясочке, об игрушках и о детской одежде, которую они покупали, еще не зная, кто у них будет, мальчик или девочка.
До последних нескольких месяцев их брак был полон блаженства. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким счастливым. Он понимал, что ему стоило бы знать – за все надо платить. Бог никогда не преподносит дары, ничего не требуя взамен, хотя порой трудно понять причины Его требований. Но Бог всегда прав, и они знали, что, какие бы страдания Он им ни послал, любит Он их так же крепко, как и они Его.
Первые три года их брака Он их испытывал, не давая Саре забеременеть, хотя они регулярно и страстно занимались любовью. Они понимали ценность этих испытаний, которые заставляли их осознавать, что право на создание человеческой жизни еще надо получить. Доктор Хамфри прописал курс лекарства, которое помогало забеременеть. Оно называлось «Матернокс», и через три месяца после начала приема его Сара забеременела.
Алан помнил ту радость, которую они испытали, сидя в маленьком кабинете доктора Хамфри, когда тот подтвердил, что она действительно ждет ребенка. Со слезами на глазах он вспомнил те ранние дни ее беременности. Если не считать, что у нее немного вырос животик, казалось, беременность на Саре не сказывалась. Не было никаких симптомов вроде тошноты по утрам или странных предпочтений в еде, о которых им доводилось читать. Но затем лицо стало терять краски, и внезапно она начинала чувствовать себя страшно усталой, словно из нее вытекала энергия. Это анемия, объяснял им доктор, тут не о чем беспокоиться; он прописал курс витаминных добавок, и спустя какое-то время ей стало лучше.
Саре было хорошо, пока она не узнала, что компания, в которой она работала, перешла к другому хозяину, и не стали ходить настойчивые слухи, что грядут сокращения. Спустя неделю у нее появилась сыпь. Сначала на небольшом локальном участке с правой стороны груди и на плече. Доктор Хамфри поставил диагноз, что это опоясывающий лишай, причина появления которого – стресс из-за опасений потерять работу. Но даже он был удивлен быстротой, с которой лишай исчез.
Лишь несколько недель спустя она впервые пожаловалась на головную боль; Алан помнил, как она лежала на диване, сжимая руками голову и сдерживая слезы. Затем тошнота и рвота. Доктор Хамфри начал беспокоиться. Через месяц ей удавалось удерживать в себе лишь символическое количество еды, и он посоветовал ей отправиться в больницу. Но Сара, с ее независимостью, не захотела этого.
Так что Алану пришлось взять отпуск на работе, чтобы присматривать за ней. Он, не щадя себя, ухаживал за Сарой и ночью и днем, пускал в ход мази, притирания и влажные полотенца, чтобы смягчить болезненное жжение сыпи, которая мстительно вернулась в прошлом месяце. Она распространилась большими пятнами, как следы ожогов, по всему телу Сары. Доктор Хамфри направил Сару на обследование к дерматологу, который заподозрил вирулентную форму псориаза и взял биопсию для лабораторного анализа. Но сыпь не напоминала ни один из известных штаммов псориаза. Окончательный диагноз дерматолога гласил, что это симптомы неопознанного вируса, который поразил женщину. Он объяснил, что такие вирусы порой дают о себе знать и единственным лекарством остается медицинское наблюдение и время.
– Никогда не видел такой вирусной сыпи, – тихо сказал акушер Алану. – Вы были где-то за границей?

– Пока никто не смог определить, в чем дело, – ответил Алан Джонсон. – Центр тропических болезней дум…
У него резко прервался голос, потому что живот его жены внезапно стал вздыматься в трех разных направлениях одновременно; на мгновение создалось впечатление, что под кожей бурлит расплавленная лава, которая сейчас прорвется мощным выплеском. Акушер придвинулся к ней, и тут же команда медиков сомкнулась вокруг жены Алана, перекрыв ему поле зрения.
Он продолжал оставаться на задах этого маленького действа, со страхом глядя на красные секторы измерительных приборов. Он понял, где находится монитор, измеряющий пульс, и с невыразимым отчаянием смотрел на оранжевые провалы и пики, которых становилось все меньше и меньше. Он судорожно сцепил руки и закрыл глаза, беззвучно шепча:
– Молю Тебя, Господи, не дай ей умереть, не дай умереть моей дорогой Саре, дай ей жить, пожалуйста, дай ей жить.

Затем он произнес молитву «Отче наш», за которой последовали и другие моления, и еще раз сказал «Отче наш». Несколько следующих минут он был поглощен только молитвами, которые и помогали ему держаться, но тут его качнуло, и, чтобы устоять на ногах, Алану пришлось опереться об изразцовую стену.
Я не могу потерять сознание, только не сейчас, я не могу…

Вокруг операционного стола неожиданно возникло смятение. Два санитара подкатили большой ящик аппаратуры на колесах. Он услышал резкое шипение сжатого воздуха. Снова. Потом молчание. Он открыл глаза, и комната, качнувшись, поплыла мимо него, словно он смотрел на нее из окна трамвая. Чья-то рука взяла его за предплечье, и он услышал голос акушера, вежливый, но усталый:
– Мне очень жаль, мистер Джонсон.
Сквозь слезы на глазах он посмотрел на тело своей жены. Одна из медсестер убирала капельницы, которые были подсоединены к ней. Другая отключала провода от мониторов. Живот Сары продолжал судорожно вздыматься, и Алан в долю мгновения осознал – его жена мертва, но их ребенок все еще жив в ней.
От пупка Сары хирург повел разрез вниз, и за лезвием скальпеля потянулась кровавая дорожка.
– Я… – выдохнул Алан. – Я… она… она… – Его голос дрогнул, но никто вообще не обратил на него внимания; теперь все были заняты одним: две медсестры вытирали кровь на разрезе, хирург ввел в него руку в перчатке, а третья медсестра уже была наготове с тампоном. Алану перекрыли поле зрения.
И тут в воздух поднялась рука хирурга в резиновой перчатке, которая держала крохотное извивающееся существо. За ним тянулся длинный белый шнурок.
Алан Джонсон чуть приободрился. Это создание двигалось! Ребенок Сары! Их ребенок. Их ребенок появился на свет! Господь явил им Свою милость!
Он протолкался сквозь лес зеленых халатов, не обращая внимания на внезапно возникшее странное молчание, не видя, как сморщились лбы над масками.
И тут он оцепенел, в ужасе не веря своим глазам. Он смотрел на это существо. Ребенок. Их с Сарой ребенок.

Нет. О Господи, прошу Тебя, нет.

Это крохотное создание во влажных сгустках крови и последа трепыхалось, как рыба на крючке. Он заставил себя присмотреться к голове, к тому месту, где должно было быть лицо, но его там не оказалось – только масса чудовищно измятой и изуродованной плоти; одна кожа, ни носа, ни рта; только один глаз под странным углом в центре того места, где полагалось быть лбу.
– Иисусе, – услышал он за своей спиной чей-то изумленный голос.
– Оно живо, – сказал кто-то еще.
– Мужского пола.
Алан стоял, не в силах пошевелиться. Новорожденный был словно окутан каким-то покровом. Он где-то читал, что порой дети появляются на свет в таком виде; сейчас с него сдернут эту

оболочку, и все станет прекрасно. Он должен быть именно таким. Их сын обязан быть прекрасным.
Хирург повернул ребенка; у него была темная спинка. Когда Алан присмотрелся, он понял, что спина ребенка покрыта густыми спутанными волосами.
Он испустил стон. Кто-то успел подхватить его, когда у него подкосились ноги. Две медсестры помогли ему добраться до дверей. Он пытался идти сам, но ноги больше не слушались. Его усадили на стул в коридоре. Он видел висящий на стене огнетушитель и шланг; он чувствовал, что лицо его обвевает холодный ветерок. Чуть погодя он осознал, что перед ним стоит акушер в заляпанных кровью перчатках и, понизив голос, обращается к нему:
– Боюсь, что ребенок стал жертвой ужасной деформации. У малютки вообще нет лица. Такой редкий порок развития может быть вызван или дополнительной хромосомой, или, возможно, отсутствием крохотного сегмента хромосомы. У нас еще слишком мало знаний о ДНК, чтобы понимать причины подобных случаев. – Он помолчал. – Это называется «циклопизм» или «синдром циклопа».
– Всего лишь покров. Разве не так? Почему вы не можете снять его?
Акушер медленно покачал головой:
– Боюсь, что ничего подобного. Хотя хотел бы… Циклопизм бывает очень редко, и при сканировании мы не в состоянии заметить его. Сейчас он жив, но стоит нам перерезать пуповину, как он не сможет поддерживать свою жизнедеятельность. Я думаю, что куда милосерднее дать ему умереть, чем подключать к системам жизнеобеспечения.
Алан Джонсон поводил головой из стороны в сторону:
– Разве вы не можете что-нибудь сделать? Пластическая хирургия… неужто вы не… – Он понимал, что несет чушь, но ему была нужна хоть соломинка.
– Лучше всего ничего не предпринимать, – тихо, но твердо сказал акушер.
Алан закрыл лицо руками. Он попытался представить, чего бы захотела Сара, будь она… если бы она была… он вспомнил это зрелище, как ребенка держат руки в перчатках, он увидел этот череп, эту кровь, эти густые волосы на спинке. Он с беспомощной мольбой посмотрел на хирурга и заплакал – сначала тихо, а потом захлебываясь в рыданиях.

10

Лондон. Вторник, 25 октября 1994 года

В восемь утра, когда над городом нависало суровое кремнистое небо, Коннор Моллой только приходил в себя, потому что восстановление сил заняло больше времени, чем он предполагал. Но сейчас его маленький новый «БМВ» двигался в потоке машин по Юстон-роуд. Свернув с дороги, он присоединился к одной из верениц машин, которые проползали через металлические ворота службы безопасности, перекрывавшие подъезды к зданию «Бендикс Шер», и показал свое удостоверение охраннику, который кивком послал его на стоянку. Несмотря на ранний час, она была почти заполнена.
Он вылез из машины, бросив беглый взгляд на безукоризненно чистую серую окраску автомобиля. Беспокоиться о мытье ему придется через несколько дней, подумал Коннор, вспомнив о предупреждениях Чарли Роули.
Правила и инструкции. Правил тут было больше, чем в любой другой организации, и казалось, каждые несколько минут он открывал для себя еще одно. Бóльшую часть своего первого рабочего дня, то есть вчера, он провел, изучая и знакомясь с ними, попутно под руководством Чарли Роули познавая географию этого здания. Когда Роули встретил его в аэропорту, Коннор даже не догадывался, что имеет дело с менеджером отдела генетики. А проведя всего один день в его обществе, он стал воспринимать Роули не столько как босса, сколько как коллегу, и был полон желания продолжить начинающуюся дружбу.
Он узнал, что «Бендикс Шер» состоит из пяти директоратов: производства, маркетинга, научно-исследовательского, финансов и секретариата и безопасности. В каждом из них существовала масса подразделений. Места для отдыха включали роскошную столовую сотрудников, в

подвале – оборудованный по последнему слову техники бассейн для гидромассажа, бассейн олимпийских параметров, площадки для сквоша и теннисные корты, где каждый мог заниматься по составленной специально для него программе.
Роули провел его почти по всем этажам, кроме верхних трех, которые были недоступны: сорок девятый принадлежал исключительно директору, а два под ним, которые Роули называл Пентагоном, вмещали глобальный командный центр безопасности, отвечавший за весь «Бендикс Шер».
Коннор был представлен всем главам департаментов, про себя он каждый раз пытался понять, кто перед ним – лояльный сотрудник компании или потенциальный мятежник, как Чарли Роули. К его разочарованию, почти все произвели на него впечатление людей, ревностно преданных репутации «Бендикс Шер». Кроме нескольких исключений, в пределах его собственного отдела и группы патентов и соглашений практически все сотрудники, с которыми он знакомился, были изысканно одеты. Они встречали его энергичными рукопожатиями, пристальными взглядами и вежливыми словами приветствий, которые давались им явно нелегко, словно их произносили на иностранном языке.
Он заметил также, что среди них не было ни одного непривлекательного человека, чрезмерно толстого или с каким-нибудь физическим недостатком, и что представители небелой расы встречались только в составе охраны или чернорабочих. У Коннора Моллоя сложилось впечатление, что сотрудники «БШ» – люди одного типа, словно весь коллектив этих интеллектуалов, схожих внешностью и манерой поведения, был получен из одного инкубатора. Или же дело было в какой-то странной особенности здания, в котором они трудились, быть может, по прошествии времени оно оказывало воздействие на его обитателей?
Коннор только начинал свой второй день на новом месте, а уже стал сомневаться, обладает ли тут кто-нибудь, кроме Чарли Роули и длинноволосого старшего техника-лаборанта Джейка Силса, хоть толикой индивидуальности.
«Конформизм», – подумал Коннор, застегивая пальто, чтобы спастись от режущего ветра, и торопясь через автостоянку. Наука основана на дисциплине, на систематических наблюдениях, на эксперименте и измерениях. Тем не менее медицина всегда считалась наукой неточной. Может быть, создавая дресс-код для сотрудников компании, руководство «Бендикс Шер» считало, что в состоянии произвести на мир впечатление, что уж его-то знание тайн медицины куда более основательно и точно, чем в других подобных учреждениях.
Подняв взгляд, он посмотрел на мощный скульптурный фасад здания без окон и невольно проникся к нему уважением. Затем, поднявшись по мраморным ступеням, он прошел сквозь электронные двери в беломраморный холл атриума, который был почти пуст. Он показал свое удостоверение другому охраннику, провел карточкой-пропуском через приемное устройство защитного турникета и направился к лифтам.
Все они были в движении. Стоя в ожидании, он пытался разглядеть свое отражение в полированной медной пластине створки лифта и поправил узел галстука с узором в стиле кашмирской шали.
Он был одет, с одной стороны, модно, с другой – достаточно консервативно: темно-синий двубортный пиджак, белая рубашка и пальто, покрой которого напоминал шинель офицера флота. Волосы его были спутаны ветром, и несколько прядей, хоть и набриолиненных, стояли торчком. Приглаживая их обеими руками, он внезапно понял, что глазеет на молодую женщину двадцати с лишним лет. Она стояла рядом, с улыбкой наблюдая за ним.
Коннор переступил с ноги на ногу и неловко засунул руки в карманы пальто. Женщина была чуть ниже его ростом, с густыми прядями вьющихся светлых волос, и на ее симпатичном лице читались ум и уверенность в себе. Открылся лифт, и вслед за ними в кабину вошли еще несколько человек. Молодая женщина улыбнулась ему, ибо поняла, что привлекла его внимание, и в ее улыбке мелькнула легкая заинтересованность. Когда толкотня в кабине заставила Коннора оказаться вплотную к ней, он уловил легкий мускусный запах духов этой женщины и счел его весьма чувственным.
Он снова посмотрел на нее. Выразительные голубые глаза, полные тепла и юмора. Она явно отличалась от окружающих, во всем ее облике читалось сопротивление царившему здесь единообразию.

Лифт остановился на пятом этаже, и его покинули двое мужчин в белых халатах. Створки дверей снова сомкнулись. Коннор скользнул взглядом к ее ногам, но их, к сожалению, скрывал длинный халат.

– Нравится здесь? – спросил он.

– В лифте?

Этим утром он все еще был медлителен – продолжала сказываться разница во времени, – и прошло не менее секунды, прежде чем он понял шутку и улыбнулся:

– Ну конечно… ведь лифт просто необыкновенный. А как остальное?

– Пока трудно сказать. Мы только что перебрались сюда. Мой отец и я. – У нее был очень приятный голос – глубокий и полный жизни.

Несколько человек нахмурились, глядя на них. Сотрудникам не рекомендовалось беседовать в лифте. Главное – безопасность; а в лифте ты никогда не знаешь, кто стоит рядом.

Молодая женщина отвела глаза, словно ее встревожила какая-то мысль, но затем снова поймала его взгляд, и они обменялись быстрыми молчаливыми улыбками. Он исподтишка посмотрел на ее пальцы, отметив, что на них нет колец. Затем лифт остановился на восьмом этаже, где, как он припомнил, располагалась одна из лабораторий генетики. Она легко выпорхнула на зеленое ковровое покрытие, и, пока не сдвинулись створки лифта, он продолжал смотреть ей вслед.

«Она красива, – подумал он. – Очень, очень красива. Кроме того, так и искрится дружелюбием».

Кабина двинулась дальше и через несколько секунд остановилась на двенадцатом этаже, где в ближайшем будущем ему предстояло обитать. Лифт выпустил его в небольшую прихожую, отведенную привлекательной, но совершенно замороженной молодой женщине, она сидела перед рядом мониторов, и ее пальцы скользили по клавиатуре.

– Доброе утро, мистер Моллой, – сказала она, даже не отрывая взгляда от экрана. Да, внешность приятная, но холодна как лед.

Коннор улыбнулся и попытался придать голосу самую доброжелательную интонацию.

– Доброе утро… э-э-э… – Он на долю мгновения забыл ее имя, но тут же вспомнил. – Мисс Пастон.

> В «Бендикс Шер» действовала система анонимных секретарш. Некоторые офисы уже были оборудованы процессорами, которые включались от звука голоса, но большинство корреспонденции и вереницы документов появлялись стараниями пула
> [9]
> секретарш, с которыми остальные сотрудники редко вступали в контакт.

Сама система, как объяснил Роули, была проста. На экране вашего компьютерного терминала была иконка для диктовки. Вы кликали по ней, обычным образом наговаривали письмо или текст документа, после чего нажатием клавиши отдавали команду отправить их в секретариат. Спустя короткое время на вашем экране появлялся уже отпечатанный текст письма или документа, и вы могли вносить изменения и поправки. Любое письмо автоматически получало вашу подпись, а копия хранилась на диске.

Мисс Фу-ты Ну-ты по-прежнему не смотрела на него. Он прошел мимо ее стола, ввел свою карточку-пропуск в приемник двери за ее спиной и набрал свой личный код. Замок щелкнул, и он толчком открыл двери.

Каждый отдел имел свой особый кодовый цвет. Так, группа патентов и соглашений, числившаяся по отделу исследований и конструирования, имела точно такое же, как и во всем отделе, изумрудно-зеленое ковровое покрытие и темно-зеленые стены лабораторий. Но по контрасту с футуристическим обликом остального здания это подразделение выглядело так, словно располагалось тут испокон веков.

Оно представляло собой лабиринт узких коридоров, по обеим сторонам которых тянулись тесные кабинеты, сменявшиеся открытыми пространствами, плотно забитыми отгороженными кабинками. Несмотря на то что группа занимала три этажа, она отчаянно нуждалась в дополнительных помещениях. И хотя в ее распоряжении имелось все необходимое компьютерное оборудование, большинство патентной документации все еще хранилось в бумажном виде; забитые папками стеллажи тянулись от стены к стене. Немалое пространство было заставлено библиотечными полками, заваленными справочными текстами.

Даже кое-кто из новых коллег Коннора выглядел на удивление старомодным: серьезные, степенные люди, все в серых костюмах, отличавшихся только оттенками, с седеющими волосами, у кого больше, у кого меньше, и лишь галстуки они позволяли себе самых разных расцветок и ширины. Ему казалось, что понятие о моде здесь было узурпировано исключительно женщинами, которые выглядели изящно и элегантно.
Группа патентов и соглашений возглавляла команду британских и международных юристов-патентоведов и патентных агентов. Ни один из продуктов, которые «Бендикс Шер» изобретал, разрабатывал, покупал или пытался продать, не мог быть использован, пока не были разрешены проблемы с патентами по всему миру, и задача группы заключалась в отслеживании и приобретении самых многообещающих патентов – чтобы защитить собственные продукты компании и блокировать потуги соперников. Эта деятельность включала не только неотступную защиту своей продукции, но и использование каждой лазейки в документах, чтобы продлить жизнь своего товара. Время от времени в экстремальных ситуациях удавалось получать новые патенты на старые продукты, аккуратно переформулировав их описание.
Во многих странах длительность действия патента колебалась от семнадцати до двадцати лет, но, поскольку любой удачный продукт фармацевтики ежегодно приносил доход свыше пятисот миллионов фунтов стерлингов, каждый дополнительный год ощутимо сказывался на казне «Бендикс Шер».
Кабинет Коннора располагался рядом с дверью Чарли Роули, и, проходя мимо, он увидел на его столе открытую папку, – видимо, коллега уже по горло занят делами. Стоя у своего кабинета и набирая на замке кодовый номер, он подумал, что позже извинится за время своего прихода. Практически у каждой двери в «Бендикс Шер» был собственный секретный кодовый номер: чтобы попасть в места ограниченного доступа, такие как лаборатории и этажи группы патентов, надо было воспользоваться электронной картой. Из своего вчерашнего опыта Коннор уже усвоил, что осмотр здания – дело довольно утомительное.
Размерами его кабинет лишь немного превышал шкаф. Крысе, страдающей клаустрофобией, подумал он, тут бы не понравилось; но, по крайней мере, лучше, чем работать в общем зале, где можешь забыть об уединении. Он повесил пальто и пиджак с тыльной стороны двери, протиснулся мимо трех металлических стеллажей и бумагорезки и расположился за своим письменным столом.
В целях безопасности корзины для бумаг тут были строго-настрого запрещены. Все ненужные документы полагалось отправлять в бумагорезку. Объемистые папки – складывать в черные пластиковые мешки и выкидывать в мусоропровод, предусмотренный на каждом этаже, – а в подвале их уже ждала печь. Оставлять на столе в пустом кабинете хоть клочок бумаги считалось непростительной ошибкой.
В это утро единственными посторонними предметами на столе Коннора были только что пришедший и адресованный ему конверт и книга в темно-красном кожаном переплете, украшенном золотыми линиями рисунка – маленький мальчик с ореолом вокруг головы преклонил колени в молитве. Сопутствующая надпись гласила: «Символ веры „Бендикс Шер“». Вчера, не веря своим глазам, Коннор уже просмотрел эту книгу. Предполагалось, что все новые сотрудники должны изучить ее от корки до корки. В ней была описана история, как основатель компании Джошуа Бендикс сделал себе состояние, придумав невидимые чернила из лимонного сока. Здесь же предлагался к рассмотрению рисунок оригинальной бутылочки.
В книге утверждалось, что в годы создания компании, в конце 1880-х, в ней торжествовал христианский дух. Коннор прочел, что все сотрудники компании были обязаны собираться на регулярные утренние молитвы. Джошуа Бендикс объявил, что десять процентов от всех доходов будут идти на благотворительность, и практика эта сохранилась до нынешнего дня.
О том, чего в этой книге не было, Чарли Роули рассказал Коннору с глазу на глаз, когда они выбрались в паб на ланч. Оказывается, эти средства использовались исключительно для организации и контроля той благотворительности, которая занималась специфическими хроническими заболеваниями, а лекарства для них производились на предприятиях «Бендикс Шер».
Он взял конверт, который уже был вскрыт. Его проинформировали об этой практике, и он задумался, в самом ли деле существует целая команда службы безопасности, читающая всю входящую почту. Он в этом усомнился. Может быть, конверты вскрывались, чтобы пресечь всю корреспонденцию личного характера.

Коннор извлек целую пачку бумаг от агентов по недвижимости вместе с запиской из отдела размещения, сотрудница которого вчера нанесла ему краткий визит – на редкость энергичная молодая женщина Сью Перкинс, которая обсудила с ним, какую квартиру он может себе позволить на свою зарплату. Первым делом она показала ему на карте районы, которые больше всего подходят ему. Затем, к его удивлению, она обратила внимание Коннора на затушеванные зоны, обозначавшие те части Лондона, в которых рекомендовалось обитать сотрудникам «Бендикс Шер», хотя в контракте это не оговаривалось. Тем не менее она посоветовала ему обратить на них особое внимание, потому что, возможно, в ближайшем будущем жить там будет необходимо.

Ну а пока его внимания ждали двадцать потенциальных квартир, из которых ему предстояло отобрать краткий список. Он положил конверт в папку, чтобы вечером дома перечитать его, включил компьютер и занялся делом.

Сразу же (обычная практика здесь) с левой стороны экрана возникла надпись: «База данных по коллегам». Под ней размещались иконки, в которые каждый мог ввести имена своих ближайших коллег и продолжить с ними общение – пригласить коллегу для уточнения каких-то вопросов, прибегнуть к его знаниям; также в этой директории можно было выяснить, как он строит отношения с людьми, как хранит верность компании…

Он несколько секунд поразмышлял, что делать, а затем ввел имя Чарли Роули и поставил ему пару галочек в списке дел, после чего открыл ящик своей электронной почты. В нем его ждало одно послание: «Встреча в 9:15. На 20-м этаже, в зале заседаний. Забегу за несколько минут до встречи. Ч. Р.».

В памяти всплыла блондинка, которая вышла на восьмом этаже, и несколько минут он думал о ней. Надо спросить у Чарли Роули, кто она такая. «Мы только что перебрались сюда», – сказала она. Ее отец и она. Узнать, кто она такая, проблемы не составит – Чарли Роули был здесь ходячей энциклопедией во всем.

Да, ее обязательно надо найти.

11

Билл Ганн неторопливо прошелся по рабочим помещениям сорок седьмого этажа здания Бендикс, совершая свой регулярный ежедневный осмотр. В его распоряжении была команда из тридцати инженеров и техников, многие из которых имели университетское образование, но начальник службы безопасности любил все проверять сам. Старые привычки не умирают.

А эта привычка сформировалась в те давние дни, когда он был радистом в отделении связи воздушно-десантного корпуса. Никогда не испытывая особого доверия к электрооборудованию, от которого могла зависеть его жизнь, он предпочитал лично разбирать и собирать его перед каждой операцией; только так Ганн мог быть уверен, что оно не подведет. По той же причине он всегда раскрывал ранец и сам укладывал свой парашют.

Крепко сбитый сорокавосьмилетний мужчина чуть ниже среднего роста, с бесстрастным лицом, на котором, казалось, стоял штамп «военное имущество», и каштановыми волосами, подстриженными лишь чуть длиннее, чем предписывал устав. Как-то не слишком уместно выглядел на нем гражданский костюм, хотя он носил его последние двадцать лет. Как многие профессиональные бойцы, он хранил нерассуждающую верность тем, кто платил ему деньги, но в «Бендикс Шер» было что-то еще, привязывающее его к ним.

Он служил в специальных воздушно-десантных частях, а затем в штабе правительственных служб связи в Челтнеме, которые были глазами и ушами британской разведки. Затем он был вовлечен в борьбу с терроризмом: устанавливал, приводил в действие и ремонтировал системы слежки в иностранных посольствах в Британии. Таким образом он получал бесценные знания. И когда девять лет спустя «охотники за головами» тихонько перетащили его в «Бендикс Шер», он был одним из самых квалифицированных специалистов по системам слежки в мире.

И сорок седьмой этаж, и тот, что под ним, выглядели как космические станции, оснащенные сложнейшим спутниковым оборудованием для подслушивания и подглядывания, большая часть которого использовалась не для отслеживания конкурентов, а для мониторинга в целях внутренней безопасности деятельности своих же сотрудников.

Теперь Ганн остановился у системы, отслеживавшей передвижения машин. Перед ним тянулась обширная панель, на которой размещались примерно пять тысяч маленьких красных лампочек, под каждой из которых был номер. Две трети лампочек не горели, но остальные ярко мигали. Каждая лампочка представляла одну из машин компании, а мигающие сообщали, что в данный момент эта машина в движении.

Напечатав номер лампочки на экране компьютера рядом с панелью, Ганн мог получить полное представление о любой из машин компании и определить ее координаты с точностью до десяти футов – вместе с письменным описанием ее местоположения и дорожной картой в любом масштабе. Кроме того, компьютер выдавал данные о всех маршрутах машины за предыдущие четыре недели, сравнивая их с поездками последних двенадцати месяцев и обращая внимание на какие-то изменения.

Другая система на этом этаже представляла собой собственное изобретение Ганна, чем он особенно гордился: «отслежка». Каждый раз, когда сотрудник пускал в ход свою электронную карту или вводил ее в приемную щель, чтобы открыть двери, в базу данных Ганна поступал сигнал. Компьютер имел возможность проанализировать все передвижения этого сотрудника за прошедший месяц и сравнить с данными предшествовавших двенадцати месяцев, обратив внимание на любые изменения, которые следовало бы проверить.

Менее сложный аспект системы слежения Ганна включал возможность прослушивать из своего кабинета все телефонные разговоры, исходившие из здания «Бендикс Шер» или поступавшие в него, а также подслушивать все разговоры, которые имели место на территории компании. Кроме того, вся деятельность в лабораториях просматривалась по системе закрытой телевизионной связи.

Убедившись, что все идет нормально, он вернулся в свое комфортабельное логово на сорок восьмом этаже, закрыл двери, сел перед батареей экранов и приступил к следующему пункту своей неизменной еженедельной рутины: новые сотрудники. Нажав на соответствующую клавишу, он вывел на экран список.

Имя Коннор Моллой было одним из трех, которые высветились в списке из двадцати имен. Ганн дал команду отследить операции Коннора с компьютером и увидел, что он практически не проявлял никакой активности. Утром – одно письмо по электронной почте от Чарли Роули и один выход на данные коллег. Он активировал функцию «отслежка» и проверил все вчерашние перемещения Моллоя. Они говорили, что Моллой провел по зданию аккуратный ознакомительный тур. Никаких поводов для беспокойства. Он снова вызвал список данных по коллегам Коннора и внимательно просмотрел его.

Чарли Роули получил самые высокие оценки у Коннора Моллоя. Ганн нахмурился. Роули долгое время был в его «тревожном перечне». Невозможно было представить, что человек со стороны в здравом уме может столь высоко оценить его. Это означало, что или способность Коннора Моллоя оценивать людей должна быть подвергнута сомнению, или же он хочет что-то выдоить из Роули, или у него есть какая-то причина для такого отношения.

Довольно обычное явление для новых сотрудников – давать коллегам высокие оценки, опасаясь возмездия. Им не стоило беспокоиться на этот счет – комментарии носили совершенно конфиденциальный характер, но, конечно же, они этого не знали. В действиях Коннора Моллоя не было ничего серьезного, из-за них не вспыхнул предупредительный маячок и вообще не прослеживалось ничего драматичного, но тем не менее рядом с его именем появилась одна маленькая птичка. Ганн знал, что порой хватает такой вот маленькой отметки, из которой в конечном счете что-то вырастает. И он уже чувствовал легкую неуверенность относительно этого нового американского юриста-патентоведа.

В ней не было ничего конкретного, он не мог поднять на мачту никаких флагов расцвечивания, но за эти годы слежки он развил в себе инстинктивное отношение к людям, которые что-то собой представляют, и этот инстинкт требовал не выпускать Моллоя из поля зрения.

Он вытащил на экран все подробности документов Моллоя и тщательно изучил их. Не подлежало сомнению, что у американца было безупречное образование. Стэнфордский и Гарвардский университеты. Степень с отличием по биохимии. Два года изучения молекулярной биологии в Карнеги – Меллон. Снова Гарвард – три года в юридической школе, вступление в гильдию и затем экзамен по патентоведению. По окончании Гарварда его отловили «охотники за головами» из «Мерка», где он провел два года в отделе патентов.

«Мерк» был четвертой по величине фармацевтической компанией в мире. В ней были хорошие руководители, которые прилично платили. Так почему же Моллой решил поменять лошадей? Причина приводилась тут же, в заявлении: Моллой считал, что в «Бендикс Шер» более современная программа генетических исследований. Прекрасно. Так и есть. Спорить с этим Ганн не мог. «Бендикс Шер» предлагал лучшие в мире возможности для работы в области генетики. Кроме того, «Мерк» хотел послать Моллоя в Калифорнию, а он не испытывал желания жить на Западном побережье. Вполне приемлемое объяснение. А «Бендикс Шер» предложил ему возможность пару лет поработать в Англии. Коннору Моллою понравилась эта идея. С ней не было связано никаких проблем. Одинокий гетеросексуальный мужчина хочет повидать мир перед тем, как осядет на одном месте. Все причины, которые привел Моллой, не подлежали сомнению.

Так что же, черт возьми, в нем есть такое, что вызывает сомнение начальника службы безопасности?

12

Держа письмо в руках и перечитывая его, Монти Баннерман кипела гневом.

Какой ублюдок придумал это? Кто отдал это распоряжение? Она посмотрела на часы. 10:30. Ее встреча с сэром Нейлом Рорке была назначена на одиннадцать. Так вот, ему придется в этом разбираться – со всей дотошностью! Монти сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться; прочитав вчера утром письмо, которое пришло в их старую лабораторию, она пришла в такое негодование, что даже несколько раз просыпалась ночью и не могла успокоиться.

Слава богу, что она оказалась на месте и успела разобрать почту отца. Он просто разъярился бы, увидев это письмо. Отец и без того уже весь день интересовался, куда делся Уолтер Хоггин, их старший техник, и ей приходилось врать, что тот приболел.

> Переход Лаборатории генетических исследований Баннермана в «Бендикс Шер» был наконец оговорен, и восемь месяцев назад состоялось подписание соглашения, но сам переход шел нелегко. Многие эксперименты in situ
> [10]
> носили столь деликатный характер, что их нельзя было перемещать из Беркширского университета в здание компании в Лондоне – сложный процесс должен был длиться еще несколько месяцев.

Через группу патентов и отдел соглашений предстояло пройти горам бумаг – и сейчас это было проклятием ее жизни. И все потому, что патентоведам и юристам необходимо было в каком-то подобии порядка просмотреть и прочитать буквально каждый клочок бумаги, имеющий отношение к каждому эксперименту, который когда-либо проводился в Лаборатории Баннермана. То есть почти все, что скопилось в лаборатории отца, теперь надо было ввести в компьютерную систему «Бендикс Шер». Для этой нудной работы требовалась целая команда, но надо было так много расшифровывать и уточнять, что Монти наконец сочла – проще взять на себя большую часть этой работы.

С конца февраля Монти и ее отцу приходилось делить время между их старой лабораторией и шикарными новыми помещениями на восьмом этаже здания Бендикс. Для Монти это был очень напряженный период, в течение которого ей постоянно приходилось пускать в ход все свои запасы вежливости и дипломатичности, еще и потому, что она убедилась – команда «Бендикс Шер» оказывает помощи меньше, чем она ожидала. Вместо того чтобы приветствовать появление человека такого калибра, как Дик Баннерман, многие из сотрудников давали понять, что им не нравится появление людей со стороны.

А ее отец постоянно действовал на нервы совету директоров, словно проверяя, как далеко он может зайти в своих требованиях. Но пока любой запрос на закупку оборудования, отсылаемый в бухгалтерию для утверждения, получал одобрение – пусть даже требование приобрести компьютер Крея стоимостью триста тысяч фунтов потребовало месяца переговоров и нескольких непростых встреч. «Бендикс Шер» не имел обыкновения бросать деньги на ветер,

но компания была готова финансировать все, что имело реальные шансы дать результат и обойти конкурентов.
До сих пор компания не сделала ни одного неверного шага в отношениях с доктором Баннерманом. Взвинченный с самого начала и полный неприязни к их бюрократизму, он был вынужден признать, что «Бендикс Шер» ведет себя честно и благородно.
Он даже признался Монти, какое испытывает облегчение, регулярно получая платежные чеки, вместо того чтобы постоянно ломать себе голову, где достать деньги, когда в дом приходил очередной счет. Сейчас они получали действительно приличную зарплату – вместе с дополнительными бонусами для Дика Баннермана в виде процентных отчислений от доходов, которые приносили его работы. Да и Монти получала в два раза больше по сравнению с предыдущим жалованьем в Лаборатории генетических исследований Баннермана.
Так что крылось за этим письмом? Просто ошибка? Какая-то накладка в системе внутренних связей? Или же радужным обещаниям сэра Нейла Рорке и директора Винсента Кроу пришел конец? Конец связи.
Через полчаса она все выяснит.
Сунув письмо в сумочку, она обратила внимание на груду CD на своем столе. Отец не покладая рук увеличивал состав своей команды, решив за двенадцать месяцев довести его с тридцати пяти человек до двухсот. Для «охотников за головами» он составил подробный список выпускников, аспирантов, докторантов и экспериментаторов. Он был искренне доволен, поскольку в его жизни произошли большие перемены – он мог больше не отказывать людям в приеме на работу или, что еще хуже, расставаться с сотрудниками, из-за того что не мог обеспечивать их. В первый раз после смерти матери Монти видела его счастливым и хотела, чтобы он и дальше оставался таким.

В пять минут одиннадцатого она накинула свой двубортный темно-синий пиджак и взяла сумочку. Она все еще не привыкла к роскоши своего кабинета. Он был обширен по любым меркам, и единственный его недостаток заключался в отсутствии внешнего окна. В нем всегда поддерживалась приятная температура, воздух был свеж, даже с легким сквознячком, но ее не покидал легкий приступ клаустрофобии, которую она всегда испытывала в закрытых помещениях.
Она прошла мимо охранника, сидевшего за своей консолью перед лифтами. Все кабины здесь поднимались не выше сорок восьмого этажа, и только директор с его электронной карточкой мог вызвать лифт, который шел дальше. Ее предупредили, что для вызова такого лифта надо обращаться к охраннику, что она и сделала.
«Господи, да этот начальник службы безопасности сущий параноик! – думала она. – Чего они боятся? Промышленного шпионажа? Террористов? Борцов за права животных? Психов?»
В ожидании лифта она мельком вспомнила того американца, который утром по пути наверх оказался с ней в одной кабине, и улыбнулась про себя, вспомнив выражение его лица, когда она поймала его на том, что он глазеет на нее.
Он был симпатичным парнем, но, без сомнения, таким же типичным, как и те, которых она успела тут встретить. Все они относились к себе с такой благоговейной серьезностью, словно работа на «Бендикс Шер» возвышала их над простыми смертными.
Неожиданный звонок объявил о прибытии лифта, и она вошла в него. Через несколько мгновений бронзовые створки разошлись и она оказалась в точно такой же приемной с непонятными абстрактными картинами на стенах, в которой уже бывала, когда вместе с отцом пришла на первую встречу с Рорке и Кроу.
Пока она ждала в приемной, дверь открылась, и личная секретарша Рорке, женщина с огненно-рыжими волосами и свирепым, как у дракона, выражением лица, сообщила Монти, что сэр Нейл готов принять ее.
С протянутой рукой и с широкой улыбкой, которая заставила ее поверить, что он искренне рад видеть ее, сэр Нейл встретил Монти в дверях своего кабинета.
Она осторожно пожала его мускулистую кисть, помня по прошлому опыту ее стальную хватку:
– Доброе утро, сэр Нейл… я ценю, что вы нашли для меня время.
– Для вас оно у меня всегда есть, моя дорогая. – Он жестом пригласил ее устраиваться в одном из удобных кресел, в продуманном беспорядке стоящих вокруг кофейного столика в отдалении от его рабочего стола, что создало у Монти ощущение неформального приема. В последний раз

она видела его несколько месяцев назад, но он не изменился – такое же румяное лицо, такие же, как и раньше, пышные и длинные черные волосы; на нем был один из его элегантных костюмов в белую полоску и оранжевый галстук, который, казалось, был фирменной маркой сэра Нейла. – Итак, рассказывайте, – сказал он. – Как идут дела?
– Ну, – помедлив, начала она, не испытывая желания с места в карьер кидаться в подготовленную атаку, – дела идут более чем хорошо. Хотя процесс переезда занял времени больше, чем мы предполагали.
Он свел ладони и переплел пальцы.
– Из слов доктора Кроу я понял, что пока все довольны. – Он помолчал и криво усмехнулся. – Ваш отец отлично знает, как тратить наши деньги.
– Все они идут на необходимое оборудование.
– О, конечно! Я не сетую… нас только радует такой энтузиазм.
Монти ответила ему вежливой улыбкой, готовясь к следующей тираде. Ее взгляд упал на огромную золотую лягушку на ониксовой подставке, сидящую на столе Рорке, и ее слегка передернуло. Казалось, что сегодня лягушка тяжело и враждебно смотрит на нее.
Она перевела дыхание.
– Есть кое-какая проблема, сэр Нейл, – сказала она, открывая сумочку и извлекая письмо. – Оно пришло вчера и было адресовано моему отцу. Его написал наш старший техник Уолтер Хоггин, который работает с отцом с самого начала. Он пишет, что получил послание от начальника отдела личного состава «Бендикс Шер», сообщающего, что по причине преклонного возраста он исключается из числа сотрудников, что впредь не имеет права появляться в помещениях компании и что все его личные вещи будут доставлены к нему домой. – Она с вызовом посмотрела на сэра Нейла и не без удовольствия заметила озабоченное выражение его лица.
Рорке задумчиво наклонился вперед:
– По причине преклонного возраста? Сколько же ему лет?
– Шестьдесят шесть.
Рорке откинулся на спинку кресла:
– Ах вот как, я и сам должен был догадаться. Он должен был выйти на пенсию еще год назад.
– Мы никогда не выставляли людей на пенсию, – резко сказала она. – В любом возрасте.
Лицо Рорке на мгновение отвердело; выражение это было едва уловимо, но и его хватило, чтобы Монти успела увидеть другую, жесткую сторону личности директора.
– А вот мы, мисс Баннерман, к сожалению, вынуждены придерживаться строгих правил относительно пенсионного возраста.
Подавив вспышку гнева, она сохранила спокойствие.
– Это я могу понять, сэр Нейл, но, как вы знаете, гарантии неизменности нашего штата являются одной из самых больших забот моего отца – и моей тоже. В ходе нашей первой встречи с вами и доктором Кроу вы оба заверили, что так и будет. Это было одним из основных условий, на которых мы и заключили соглашение с вами.
Он кивнул:
– Ну, мы, конечно же, не хотим разрывать соглашение. Так дела мы не ведем. Я переговорю с доктором Кроу, и мы посмотрим, что тут можно сделать.
– Я вам очень благодарна, – сказала она. – Дело не терпит отлагательств. Уолтер очень расстроен. Мы к людям так не относимся.
Он внимательно смотрел на нее:
– Уверен, что мы сможем сделать исключение – может, что-нибудь найдем для него в нашем отделении в Слау. – Он вскинул брови.
– Благодарю вас. – Она с облегчением вернула письмо в сумочку.
– Мы большая компания, и у нас большое сердце.
– Приятно слышать, – сказала Монти.
– Я очень высоко ценю и вас, и вашего отца. И я искренне хочу, чтобы ничто не омрачало наши отношения или ваше мнение о «Бендикс Шер». Если возникнут недразумения, не будете ли вы так любезны поделиться со мной? Хорошо? Моя дверь всегда открыта для вас.
– Спасибо, сэр Нейл.
Он лично проводил ее до лифта. Когда она была готова войти в него, сэр Нейл сказал:

– Мисс Баннерман, вот что я имею в виду. Пусть мы и глобальная организация, но, руководя ею, я стараюсь ничего не упускать из виду. Если вас или вашего отца что-то огорчает, вы должны обращаться прямо ко мне. Обещаете?
Она пообещала.

13

Барнет, Северный Лондон. 1946 год

Дэниел Джадд уже четвертую ночь лежал на спине, глядя в темноту. Руки его были туго примотаны кожаными ремнями к ножкам кровати. Жесткие края металлической рамы врезались в свежие ссадины, оставшиеся после прошлой и позапрошлой ночей.
Его ягодицы и спина кровоточили, потому что оба родителя по очереди задали ему трепку: от матери ему досталось прошлым вечером за отказ читать молитву перед сном, а от отца – за то, что не вознес, как следует, благодарность перед ужином.
Нос у него был заложен, и он хотел высморкаться, но без рук у него ничего не получалось. Кроме того, ему ужасно хотелось помочиться, но он слишком боялся позвать родителей – и в то же время со страхом думал, как его накажут, если он намочит постель. Так что он лежал, беспомощно сопя носом; глаза жгло слезами, а переполненный мочевой пузырь отдавался резкой болью в левом боку. Ему оставалось лишь смотреть в темноту широко раскрытыми испуганными глазами.

У них хвосты и жала, как у скорпионов, и в их власти мучить людей пять месяцев.

Скорпионы!

Скорпионы доберутся до тебя, если не будет Божьей печати на лбу.

Он никогда не видел живого скорпиона, только картинки в энциклопедии да еще мертвого в музейной банке; он был меньше, чем Дэниел думал, размерами с большую пчелу. Черный и жесткий. Он представил, что сейчас пол покрыт ими, они ползут к кровати и вот уже добрались до ее ножек. Они кишат вокруг, хватаются черными когтями за свисающие складки простыни и собираются в ногах постели.
А у него нет на лбу Божьей печати, которая могла бы защитить его.
Родители рассказывали ему об этой печати, но добавляли, что он грешник и поэтому не имеет ее. Но он все равно продолжал вглядываться в зеркало в ванной и, к своему разочарованию, убеждался, что они правы.
Он не видел такой печати ни у своей матери, ни у отца, но они объяснили, что, когда ты получаешь ее, она тут же становится невидимой. Но ты-то знаешь, когда она появляется.
Сегодня вечером мать прочитала кусок о скорпионах:
– «…Она отворила кладезь бездонный, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи;
и помрачилось солнце и воздух от дыма от кладезя.
И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, которую имеют земные скорпионы.
И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих.
И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека.
В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них».
Мать внушила ему, что если ночью его посетят грязные мысли, то скорпионы доберутся до него. Если он будет думать о прикосновениях. О занятии грязными делами.

Да, он думал о прикосновениях, думал о них и сейчас, думал, как возьмет это и позволит брызнуть моче, о том, как она вся выплеснется и избавит его от резкой боли в животике.
А это значило, что скорпионы уже подбираются к нему. Конечно же. Он напряженно прислушивался, ожидая услышать звуки когтистых лап, ползущих по ковровому покрытию, тихое поскрипывание и клацанье их, которые в любой момент могут вскарабкаться на простыню.

Стиснув зубы, он молча прислушивался. Он слышит их! Его постель ожила, она кишит насекомыми. В темноте он затаил дыхание, пытаясь за гулом пульсирующей в голове крови уловить звуки движения. Движения насекомых. Он закусил губу.
Что-то…
Что-то ползет по стеганому покрывалу. Вот оно.

Чирк. Чирк-чирк. Чирк. Пауза. Чирк-чирк-чирк-чирк.
Во рту пересохло от страха.
Чирк-чирк-чирк.
Еще ближе.
Чирк-чирк-чирк.
Он подавил невольный вскрик, сглотнул его и чуть не подавился. Он отчетливо слышал шорох когтей о полотно, на котором они оскальзывались, словно на льду. Вот они вцепились в него!
Чирк-чирк-чирк.
Что-то коснулось его руки. Двинулось по рукаву пижамы; маленькое существо, затем другое и еще одно. Сквозь тонкую материю он чувствовал колющее прикосновение коготков. Они проползли вверх по рукаву, мимо локтя. Он представил себе маленькое черное создание с высоко задранным хвостом, завиток которого покачивался над его спиной. Он сглотнул спазм в горле. Все будет хорошо, если лежать неподвижно, вот это он и должен делать, лежать совершенно неподвижно, не подавая виду, как он испуган.
Это добралось до его плеча. Затем что-то коснулось шеи, что-то холодное, жесткое, подрагивающее; затем он почувствовал, как его уколол первый коготь, острый как иголка; его тело содрогнулось от страха. Он чувствовал, как чьи-то лапы подминают его кожу; вот они проползли по шее и добрались до кадыка – каждый шажок был как укол иголкой. По подбородку, по нижней губе, через рот – теперь он мог обонять гнусный кислый запах этого существа. Оно проползло мимо его ноздрей и стало взбираться по скуле, подбираясь к глазу. Оно собирается проткнуть ему зрачок…
– Мама! Мама! Папа! – завопил он. Его трясло от ужаса, он дышал короткими всхлипами, отчаянно мотая головой из стороны в сторону. – Мама, папа, помогите мне, помогите, помогите!
Вспыхнул свет, мгновенно ослепив его. Пока он промаргивался, что-то перекрыло его правый глаз и тяжело легло на глазное яблоко. Тень исчезла, он услышал щелчок пальцев, и какое-то создание шлепнулось на ковер справа от него – оно лежало на спине и сучило лапками в воздухе: темно-коричневое, примерно в дюйм длиной.
Затем отец ногой в тапочке раздавил его на голых досках пола.
– Скорпион, – шепнул Дэниел, с трудом переводя дыхание.
– Что за чушь ты несешь, глупый маленький ребенок, – сказала мать.
– Это скорпион?
– Ничего подобного, это таракан. – Отец взял его двумя пальцами и поднес к лицу сына. Две из его ног содрогнулись и медленно расслабились; из лопнувшего живота тянулась какая-то оранжевая жидкость, и подрагивали усики.
– Это знак, – объявила его мать. Он смотрел на нее снизу вверх; она куталась в теплый ночной халат, ее мертвенно-бледное лицо лоснилось от крема, а взгляд был полон гнева. – Это знак от Бога, Которому известны все твои грязные мысли. – Она с силой ударила его по лицу. – Так ты думал о гнусностях?
Он в ужасе замотал головой. Мать снова ударила его:
– Ты лжешь! Сначала Бог послал тебе таракана, а за ним придут скорпионы. Ты должен покаяться! Каждый раз, как ты уходишь от покаяния, гнев Господа нашего возрастает.
Дэниел начал всхлипывать.

– Почему Бог так ужасно относится ко мне? – пробормотал он.
Мать в очередной раз, но еще сильнее ударила его:
– Нашего всемилостивого Отца, Который пребывает на Небесах, ты называешь ужасным! Да как ты осмелился?
– Я ненавижу Бога! – зарыдал он. – Я ненавижу Его! Я хочу убить Его!
Мать, завопив, вцепилась ему в волосы, плюнула в лицо и обрушила на него град пощечин. Выбежав из комнаты, она вернулась с куском мыла, который попыталась засунуть ему в рот.
– Смой с языка свое богохульство! А то навечно отправишься в ад!
Отец бросил таракана в мусорную корзину.
– Покайся, сын, – сказал он, – пока не поздно.
Дэниел ничего не ответил.
Отец взял Библию с прикроватного столика и начал читать вслух:
– «…Головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.
От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей.
Ибо сила коней заключалась во рту их и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям и имели головы, и ими они вредили.
Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.
И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем».
Затем его родители вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь.
– Ты будешь спать при свете, чтобы Господь ясно видел тебя, а ты сможешь понять, что нет разницы, светло или темно. Он видит все.
И теперь Дэниел лежал неподвижно, глядя на голую электрическую лампочку в переплетении коричневых пятен на потолке, где однажды случилась протечка; на окна без занавесей, за которыми стояла непроглядная ночь; на распятие на стене справа от себя. Его жгла ненависть. Ненависть к Богу. Ненависть к Иисусу на кресте.

> Он сосредоточился на мысли о распятии.
> Бог так любил мир, что отдал ради него Своего возлюбленного Сына, и каждый, кто уверует в Него, не погибнет, а обретет вечную жизнь.

Он посмотрел на обнаженного мужчину с распростертыми руками, согнутыми поджатыми ногами и опущенной головой. Затем подумал о себе, лежащем здесь, тоже с распростертыми руками. Как они походили друг на друга!
Бог позволил, чтобы Его сына распяли на кресте. Бог убил Своего единственного сына. Ради спасения человечества. Бог относился к Иисусу не лучше, чем к нему относились его собственные родители. В груди у него вскипел гнев, который обжигал его, как раскаленный горн. Он почувствовал, как его обдает жаром. Он начал ощущать, как в его тело вливается какая-то странная энергия. Чувство силы и мощи, которое возникло внизу живота, разлилось в груди, наполнило руки и ноги. Его взгляд оставался прикованным к распятию, и теперь он видел его так ясно, словно оно было не в двенадцати футах на другой стене комнаты, а в нескольких дюймах от его лица.
Теперь он видел мучения распятого. Сведенные мускулы, скрюченные пальцы, ноги, умирающие, как конечности таракана. Распятие начало содрогаться. Сначала несколько легких колебаний, а затем их становилось все больше и больше. Дэниел мысленно приказал колебаниям усилиться. Еще сильнее!
Внезапно, без предупреждения, распятие рухнуло со стены на пол с громким треском, словно пистолетный выстрел.
Дэниел увидел две маленькие дырки в стене от выпавших гвоздей и свежую краску в форме креста, под которым охряная стена не успела выцвести.
Наконец он ухмыльнулся.
Он смог это сделать. Он смог одним лишь усилием мысли заставить распятие свалиться со стены! Его глаза упали на Библию на столе рядом с ним. Он сконцентрировал взгляд на ней.
«Вспыхни пламенем, – подумал он. – Давай же, гори!»

Он еще отчаяннее уперся в нее взглядом, изгнав из головы все посторонние мысли, собрал все силы, всю свою властность и довел их до предела. Собраться. Собраться.
Гори же, черт бы тебя побрал, жуткая, ужасная книга.

ГОРИ!!!

Раздался гулкий звук, словно звон падающего стекла. Окно! Оно взорвалось у него на глазах, превратившись в груду обломков; сначала порхнули несколько маленьких кусков, а затем вся панель выгнулась и длинными стеклянными кинжалами рухнула на пол.
Дверь стремительно распахнулась, и в комнату ворвались его родители.
– Что за… – начала его мать, но осеклась на полуслове, когда увидела на полу разбитое окно, а потом распятие.
Отец изумленно воззрился на эту обстановку, а затем проверил ремни, которые растягивали руки Дэниела. Родители посмотрели друг на друга, и мать тоже ощупала ремни.
– Дэниел, – произнес отец, – если у тебя нет печати Бога на лбу, значит у тебя есть отметина зверя.
– Он дитя зла и должен быть спасен, – сказала мать.
– Ты понимаешь, что это значит, Дэниел? – вопросил его отец. – «Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере перед святыми ангелами и пред Агнцем. И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его».
– Ты этого хотел? – завопила мать. – Ты хотел получить начертание имени зверя?
Дэниел посмотрел на свою мать и ничего не сказал.

14

Лондон. Среда, 2 ноября 1994 года

«Ну до чего ты уродливое отродье!» – подумал Коннор Моллой, глядя на тусклую черно-белую фотографию, затесавшуюся в документацию по исследовательским работам. «Лягушка желудочно-родящая», – гласила надпись внизу.
«Rheobatrachus silus – редкая пресноводная лягушка, обитающая в Восточной Австралии. После оплодотворения самка проглатывает икру и вынашивает ее в желудке, пока зародыши полностью не сформируются. Вызревание зародышей имеет место в нижней и срединной частях желудка, которые расширяются, чтобы дать место подрастающему поколению», – прочитал он, удивляясь, как этот текст оказался среди научной документации Баннермана, хотя ему казалось, что труды нобелевского лауреата ничем больше не могут поразить его.
В течение последних девяти дней он чувствовал, что все лучше и глубже познает личность доктора Баннермана, хотя на самом деле он пока так и не встретился с этим великим человеком; но, едва только просыпаясь, он начинал дышать и жить им, пропуская через себя документ за документом о трудах и делах его жизни.
«Бендикс Шер» хотел получить патенты на максимально возможное количество работ Баннермана в Британии, Европе и США, и Коннор должен был резюмировать, какими патентами возможно обзавестись в США. Доктор Винсент Кроу, исполнительный директор компании, хотел увидеть перед собой этот документ через десять дней.
Коннор понимал, что он проходит испытательный срок и что его бросили на глубокое место. Заявка на получение патента стоила недешево, и рассмотрение ее требует времени. Если поданная по его рекомендации заявка получит отказ, это плохо отразится на нем. В равной мере

он не имел права упустить возможность, которая обошлась бы компании в миллионы, а то и миллиарды потерянных доходов… хотя, конечно, хуже спать из-за этого он не станет.
Чтобы получить патент, вы должны убедить эксперта Патентного бюро, что никто еще не публиковал достаточно подробностей данного изобретения или научного открытия и никто другой не в силах воспроизвести его. Но доктор Баннерман обильно публиковал документы, которые во всех деталях описывали буквально каждый аспект его работ, и во всем мире их могли воспроизводить. И если «Бендикс Шер» надеялся заработать на трудах Баннермана, то отчеты Коннора должны были оставить у компании самое мрачное впечатление.
Коннор улыбнулся. «Я еще не встречал вас, доктор Баннерман, – подумал он, – но вы мне нравитесь. Вы мне очень нравитесь».
Внезапно в проеме его двери показалась голова Чарли Роули.
– Как дела?
– Думаю, что о’кей.
– Хотел узнать, свободен ли ты в пятницу вечером? Устраиваю небольшой дружеский обед… и подумал, что ты мог бы встретить нормальных людей.
Коннор увидел выражение его глаз и все понял. Несколько раз во время ланча он бывал в пабе в компании Роули и отметил бросающееся в глаза отсутствие всяких социальных контактов между членами группы патентов и соглашений. Роули объяснил ему, что так принято не только в этом отделе – такие же отношения существуют и во всей компании. Политика эта сознательная: сотрудники избегают неформальных отношений между собой в рабочие часы и не испытывают желания общаться с коллегами в свободное время. «Это полный отказ от понятия корпоративной солидарности, которое существует во многих крупных компаниях. Все включает в себя тайны, секретность», – сказал Роули. «И паранойю», – едва не подхватил Коннор.
– Конечно, я свободен в пятницу. Идея хорошая.
Коннор был свободен каждый вечер. Он еще не был знаком практически ни с кем в компании, хотя знал многих в лицо и по именам и обменивался с ними вежливыми приветствиями. Бóльшую часть своего свободного времени он проводил над бумагами Баннермана, перемежая их изучение редкими и неудачными поисками квартиры.
– Значит, примерно в восемь? – уточнил Роули. – Я пришлю тебе письмо по Интернету с адресом и направлением – по ту сторону реки в Вэндсуорте.
Коннор как раз пытался припомнить по той карте, которую ему оставила агент по размещению, что это за район – тот ли, в котором у него не будет никаких хлопот?
– Найти легче легкого. Часть этого района даже одобрена «БШ», – насмешливо сказал Роули. – К счастью, к моей улице это не относится, так что ты окажешься в трущобе с отщепенцами.
– Если там разрешено курить, то, не сомневаюсь, она меня устроит, – ухмыльнулся Коннор.
Идея встречи его вдохновила; он уже мечтал, как бы пробить брешь в стене его одиночества, а Роули, похоже, был из тех ребят, у которых всегда есть на примете достойные и свободные женщины.
Роули быстро просмотрел пачку журналов на столе Коннора. Они пришли с утренней почтой, и хозяин их еще не открывал. «Монитор уикли», «Доктор», «Рецепт», «Новости генной инженерии», «Новости генома человека».
– Ну, этим ребятам не потребовалось много времени, чтобы завалить тебя почтой.
Бóльшую часть вчерашней почты Коннор уже запихал в пластиковый мешок и спустил в мусоропровод.
– Представить себе не могу, что у кого-то есть время читать все это.
Роули внезапно посерьезнел:
– Ты собираешься согласиться с конечным сроком доктора Кроу?
– Не волнуйся. У меня еще остался небольшой задел от работы над псориазом. Чтобы разобраться с доктором Баннерманом, мне придется посидеть несколько часов – без этого не обойтись.
– Этот хитрец может отколоть тебе еще тот номер, – предупредил Роули. – Не пытайся оправдать практику патентования – если ты застанешь его в плохом настроении, он взорвется, как атомная бомба. И вообще с ним не так легко договариваться – лучше всего иметь дело с его дочерью.

В голове Коннора словно кто-то звякнул в колокольчик: в прошлый вторник, во второй день его пребывания здесь, блондинка, которую он встретил в лифте и которая сказала: «…мой отец и я». Он еще собрался спросить у Роули, кто она такая, а теперь ему пришло в голову: дочь Баннермана – не та ли молодая женщина?
– Работает его личным помощником, – продолжил Роули. – И чертовски эффективно. Знает, где все и вся. – Он двусмысленно ухмыльнулся. – И к тому же потрясающе симпатичная.

После встречи с сэром Нейлом Рорке Монти не только испытала прилив счастья, но и была поражена скоростью, с которой он действовал. В течение двадцати четырех часов Уолтер Хоггин был не только восстановлен на работе в департаменте контроля качества на одном из предприятий «Бендикс Шер», расположенном всего в нескольких милях отсюда, но и получил извещение, что в виде компенсации получит бонус – шестимесячную зарплату.
У Монти осталось отчетливое ощущение, что за эту историю у кого-то полетит голова, и она подумала: будет очень неплохо, если это окажется голова доктора Винсента Кроу… но она понимала, что это нереально.
От своего стола она через окно в перегородке смотрела прямо в коридор, двери которого вели в четырнадцать лабораторий, которыми руководил ее отец. Некоторые представляли собой тесные каморки, предназначенные только для одной специфической функции, но восемь из них были обширными исследовательскими лабораториями, самая большая из которых располагалась как раз напротив нее.
Оборудование, заказанное ее отцом, приходило ежедневно; в то же время надо было постоянно следить за ходом экспериментов в их лаборатории Беркширского университета. Пусть даже она наблюдала за разгрузкой, четверо рабочих неловко обошлись с массивной упаковочной клетью с предостерегающими надписями «Хрупкое».
Затем она увидела долговязую фигуру Джейка Силса, старшего техника лабораторий «Бендикс Шер», который отвечал за доставку грузов. Он проскочил мимо, постучал в ее дверь и, как обычно не дожидаясь ответа хозяйки, открыл ее своей электронной карточкой-пропуском.
Под белым халатом на нем была рубашка навыпуск и джинсы, что противоречило дресс-коду «Бендикс Шер», но его разболтанная внешность и некоторые проблемы в отношении внутренних законов компании не мешали остроте мышления, глубокому знанию своего поля деятельности и готовности, не жалуясь и не покладая рук, много и тяжело работать. Монти уважала его способности.
– Доброе утро, мистер Силс, – вежливо сказала она. – Как дела сегодня?
Он откинул назад свои длинные, до плеч, волосы, закрыл за собой дверь и сел на стул у ее стола.
– Есть минутка?
– Да… но не больше минуты… кто-то уже спускается повидаться со мной.
Он поднес к лицу большой палец и, разговаривая с ней, внимательно изучал его ноготь.
– Ведь вам не нравится это место, не так ли?
Вопрос неподдельно удивил ее.
– Почему у вас сложилось такое впечатление?
– Оно засасывает. Верно?
– Для меня еще рановато формировать какое-то мнение, – осторожно сказала она, не зная, куда он клонит.
Опустив большой палец, он поднял взгляд к потолку, словно выслеживал жучки:
– Вы понимаете, что я имею в виду… кроме того, что вы и половины не знаете.
– Половины чего?
Он встал, снова откинул волосы и сунул руки в карманы халата.
– Когда-нибудь у нас с вами состоится длинный разговор. Подальше отсюда. – Он вышел и исчез в коридоре.

Рядом с каждым из тридцати четырех имен, которые начальник службы безопасности вывел на один из экранов перед своим рабочим столом, стояли маленькие черные рождественские елочки. Человеку непосвященному они могли показаться совершенно невинными символами, но только непосвященному: список включал людей, чья преданность «Бендикс Шер» вызывала сомнения, и Билл Ганн не спускал с них глаз.
Как всегда, в среду утром он просматривал обобщенные компьютерные данные об их деятельности и сегодня особенно пристальное внимание уделил Джейку Силсу. За последние три месяца характер деятельности старшего техника претерпел значительные изменения. Во-первых, резко вырос уровень эксплуатации его машины, и отслеживание маршрутов выявило, что он нанес три визита одному из основных конкурентов «БШ» – компании «Кобболд тессеринг». Два посещения ее лондонской штаб-квартиры и одно – исследовательского центра в Букингемшире.
«Охота за головами» со стороны соперников была главной проблемой – хотя «Бендикс Шер» также был виновен в этом, – и особое беспокойство вызывал «Кобболд тессеринг». По данным операций своего собственного промышленного шпионажа, к которым Ганн имел самое непосредственное отношение, «БШ» беспокоило, что «Кобболд тессеринг» почти безоговорочно можно было считать вторым после них крупнейшим игроком на поле генетических исследований. Положение Джейка Силса давало ему доступ к большому объему исследовательской информации своего работодателя. И если он уйдет от них к «Кобболд тессеринг», это будет серьезной катастрофой. Весь совет директоров понимал это.
Во-вторых, перемещения Силса по зданию Бендикс недавно тоже претерпели изменения. Откинувшись на спинку кресла и переплетя пальцы, Ганн приковал взгляд к ряду мониторов перед собой. Время от времени он расплетал пальцы и, ткнув в клавишу клавиатуры, вызывал на экран другие графики, с помощью которых изучал передвижения объекта по зданию за последние три месяца, сравнивал их с предыдущими тремя месяцами, а затем с предыдущим годом.
– Так чем ты занимаешься, дерьма кусок? – тихо сказал он, сжимая пальцы так, что заболели кости. Помедлив, он потянулся за полистироловой чашкой на столе, сделал несколько глотков кофе и отдал команду вывести на экран программу, которая даст ему более подробный анализ, какие помещения в здании посещал Силс.
Программа показала, что основное отличие заключалось в следующем – вместо того, чтобы проводить бóльшую часть времени на шестом этаже, где была его штаб-квартира, Джейк Силс сейчас в основном торчит на восьмом. Ганн почувствовал разочарование. Поскольку Силс руководил переездом хозяйства Баннермана, вряд ли стоило удивляться, что он находится там.
Зазвонил внутренний телефон. Он был подключен к сети, которая обслуживала только два этажа службы безопасности, и никто со стороны не мог его подслушать. Ганн прижал к уху динамик:
– Да?
– Засекли кое-что интересное, мистер Ганн.
Это был Норберт Рик. Парнишка был сущим роботом; иногда Ганну казалось, что мозги Рика напрямую подключены к его аппаратуре. Ему было двадцать шесть лет, и вид у него был довольно непрезентабельный, но с любой проблемой в своем деле, то есть в системах анализа голосов, он справлялся просто блистательно. Ни с кем, кроме Ганна, к которому Рик относился с собачьей преданностью, он в компании не общался. Во время своего пребывания в должности Ганн тщательно и поштучно подбирал команду, но при общении с ее членами Рик испытывал мучительные личностные страдания. В его случае это называлось синдромом Эйтшкена – Йелтца – невозможность взаимодействовать с коллегами.
Весь штат в службе безопасности под командой Ганна работал в изоляции. Разделять и властвовать, как гласила политика Адольфа Гитлера. Билл Ганн прочел каждое слово, когда-либо написанное об Адольфе Гитлере и Третьем рейхе. Организация, манипуляция, контроль. Это были ключевые слова.
Ты тщательно подбираешь команду: предпочитаешь работников блестящих, но с каким-то сломом, в чем-то неадекватных; ты изолируешь их, возбуждаешь мечтами о доходах и удачах, а затем распространяешь среди них страх – так что общаться они могут исключительно с одним человеком и только ему доверять. Биллу Ганну.

Это был не просто способ, при помощи которого Ганн подбирал свою команду. Это был его личный страховой полис: никто в «Бендикс Шер» не мог и помыслить избавиться от него – в противном случае им пришлось бы быть свидетелями, как распадается вся система внутренней безопасности.
– Да, мистер Рик, так что там такое?
– Вам стоит это послушать. Только что вывел на вашу систему распознавания голосов.
Это был мониторинг системы опознавания голосов. Через микрофоны, установленные в каждом кабинете и местах общего пользования здания Бендикс, система распознавала голоса тех тридцати четырех человек, которые находились под особым наблюдением, и автоматически записывала каждое их слово. Другие голоса систему не активировали, так что это был относительно простой процесс для Рика, умевшего быстро прослушивать набор звуков: из разговора подозрительного объекта он вылавливал все, что могло представлять интерес.
– Прогони-ка весь текст, – сказал Ганн.
– Вывожу на ваш третий канал.
Ганн ткнул в кнопку на контрольной панели. Почти сразу же он без труда узнал знакомые интонации Джейка Силса и голос женщины, который был ему незнаком.
«– …Вам не нравится это место, не так ли?
– Почему у вас сложилось такое впечатление?
– Оно засасывает. Верно?
– Для меня еще рановато формировать какое-то мнение.
– Вы понимаете, что я имею в виду… кроме того, что вы и половины не знаете.
– Половины чего?
– Когда-нибудь у нас с вами состоится длинный разговор. Подальше отсюда».
Затем раздался щелчок, и наступило молчание. Ганн продолжал держать трубку в руках.
– Кто эта женщина?
– Мисс Баннерман. Разговор состоялся сегодня утром, в десять тридцать четыре.
Ганн посмотрел на свои часы. На них было уже двенадцать часов.
– Молодец, – сказал он и повесил трубку.
Он ощутил во рту легкую горечь, от которой попытался избавиться, сделав глоток теплого кофе. Нажав кнопку воспроизведения, прослушал разговор еще пару раз. Женщина ни о чем не подозревала, но дело было не в этом.
Приобретение Баннермана имело жизненно важное значение для долгосрочных планов «Бендикс Шер» – гораздо большее, чем компания сообщила ученому во время переговоров, которые имели место. Положение Ганна давало ему возможность быть полностью в курсе дела, и он знал, насколько трудно было заполучить Баннермана. И он понимал – никому не нужно, чтобы Баннерман, его дочь, любой человек из его команды узнали нечто такое, что заставило бы их насторожиться. Но Силс явно собирался в ближайшее время что-то выдать, и довольно скоро. И планировал он это сделать в безопасном отдалении от конторы. По крайней мере, так он прикидывал.
Он вывел на экран компьютера список сотрудников «Бендикс Шер» и добавил символ рождественской елочки справа от имени мисс Баннерман. Отныне ее разговоры тоже будут отслеживаться. Затем он поднял трубку внутреннего телефона, отдал приказание – поставить на прослушивание домашний телефон Джейка Силса и организовать за ним круглосуточную слежку.

16

Едва минуло половина одиннадцатого, Коннор, держа под мышкой несколько папок, нажал кнопку восьмого этажа и почувствовал, что лифт откликнулся. Он проверил свое отражение в бронзовом зеркале, поправил галстук и пригладил торчащий вихор. Когда створки разошлись, он вышел в фойе с зеленым ковровым покрытием этажа генетических исследований.
– Будьте любезны, как найти мисс Баннерман… – обратился он к дежурному охраннику, который не отрываясь смотрел на камеру прямо над дубовой консолью.

– Кабинет восемьсот четырнадцать, пятая дверь направо по коридору, – сказал охранник. У него был такой остекленелый взгляд, словно он уже тысячу раз за утро показал это направление.
Проходя мимо, Коннор оглянулся посмотреть, что же охранник видит на своих экранах. Один показывал пустой пролет лестницы позади двери, которая, скорее всего, была пожарной. Другой – безлюдный коридор. На третьем была большая лаборатория, в которой работало несколько человек.
Перед ним два человека в коридоре пропихивали через порог тележку с ящиком. На двери, которая располагалась как раз напротив, стоял номер 814. Через окошко в двери Коннор увидел копну длинных светлых волос и оживился, поняв, что именно здесь сидит та самая молодая женщина, с которой он уже встречался; ее стол был окружен грудами нераспакованных ящиков и картонных коробок. Он постучал в полуоткрытую дверь.
– Войдите.
Едва только переступив порог, он почувствовал, что попал под обаяние этой женщины: волосы цвета озимой пшеницы обрамляли приветливое лицо с живыми и насмешливыми чистыми голубыми глазами. Мисс Баннерман прекрасно выглядела в своем элегантном деловом зеленоватом костюме и белой блузке с открытым воротом.
– Привет, – сказал он. – Я Коннор Моллой… Мы вроде уже встречались?
– Доброе утро, мистер Моллой. – Она подчеркнула слово «мистер», словно бы напоминая ему о правилах, но в то же время давая понять, чтобы он не воспринимал их слишком серьезно.
Хозяйка кабинета показала ему на один из стульев перед ее столом, и он уселся, положив папки на колени. Он прекрасно себя чувствовал в ее обществе, и ему нравилось насмешливое выражение ее глаз. Он заметил у нее ямочки на щеках и почти безукоризненную белизну зубов.
«Мисс Баннерман, – подумал он, – а вы действительно великолепны».
– Хотите кофе?
– Не откажусь, спасибо.
Она встала:
– Черного или с молоком?
– Без молока и без сахара.
Коннор с удовольствием смотрел на нее, когда она вышла из кабинета. Она была невысокой, не более чем пять футов и три дюйма, у нее была стройная фигура, и она держалась с такой раскованностью, которая убедительно говорила о чувственности. Когда она вышла, ему потребовалось время, чтобы вернуться мыслями к документам, которые он держал на коленях, и к вопросам, которые было необходимо задать. Затем он осмотрелся в поисках каких-то сведений о ней.

> Это был весьма элегантный кабинет, залитый якобы естественным светом и оборудованный техникой высшего класса, которая, впрочем, стояла по всему зданию. Здесь же имелись и кое-какие личные вещи, но их было немного: пара горшков с растениями на полу, фотография в рамке, на которой был изображен пожилой мужчина – он узнал в нем доктора Баннермана – с женщиной, выглядевшей как Монтана Баннерман в годах, и элегантный плащ «Берберри»
> [11]
> , висевший на крючке на двери.

Он посмотрел на потолок со встроенными источниками света, панелями контроля температуры и уродливыми форсунками противопожарной системы и мрачно подумал, что же еще тут может быть скрыто.
«Да, она явно мятежница, эта молодая женщина, – подумал он. – Тут и вопросов быть не может. Просто ее нужно мягко уговорить; мол, осторожно, осторожно ловите обезьянку». Он не мог отделаться от чувства, что если правильно разыграет партию, то получит могущественного союзника. У нее великолепное положение; в данный момент ее отец эффективно руководит всей программой генетических исследований «Бендикс Шер», и практически нет информации, к которой она не имела бы доступа.
Она вернулась обратно с двумя термочашками:
– Боюсь, что на этом этаже кофе отнюдь не безупречен.
– Она мне это рассказывает, – улыбнулся Коннор, принимая чашку.

Монти уселась на свое место:
– Вы в группе патентов? Патентовед?
– Угу. Только я юрист по патентам… что-то вроде американского эквивалента.
– Откуда вы?
– Из Вашингтона. Бывали там?
– Да, – сказала она. – Несколько раз. Моему отцу довелось прочитать курс лекций в Джорджтаунском университете.
– Его я и окончил. Хорошее заведение.
– Мы уезжаем туда через несколько недель – ему предстоит рекламный тур в связи с его книгой. Она только что вышла в Штатах.
– О чем она?
– Ее название – «Генетическая бомба – холокост двадцать первого века».
Он посмотрел на нее и осторожно попробовал горячий кофе.
– Не очень ли противоречиво?
– Очень. Но мой отец не может не быть противоречивым. Что далеко не всегда идет ему на пользу.
– Я заметил, читая его публикации, что он не очень старается поддерживать нормы и правила, принятые в его профессии.
– Нет, он не старается.
– А вы?
– Я прилагаю все силы, чтобы он оставался таким же прямым и принципиальным.
– Вы не поддерживаете его точку зрения, что патентование ошибочно?
Она покачала головой, и Коннор заметил тень печали на ее лице.
– Мистер Моллой, мой отец – гений, но, как и многие гении, он не всегда осознает, что живет в реальном мире. Я понимаю его взгляды относительно распространения знаний, особенно по генетике, но искренне верю в систему патентования. Я верю в эту компанию – и чувствую, какие нам оказывают тут привилегии.
Коннор слегка упал духом, уловив искренность, с которой она говорила. Она отнюдь не старалась произвести впечатление.
«Дай мне время, – подумал он. – Дай мне время, и я заставлю тебя изменить мнение об этой компании. Обещаю».

17

Рединг, Англия. Вторник, 13 сентября 1994 года

Капли дождя шариками скатывались с блестящего капота маленького синего «ниссана». В салоне пахло лаком и политурой; виниловая поверхность панельной доски и крышка бардачка были отполированы до блеска, ковровые половички в машине отмыты с шампунем. В последний раз, когда Алан Джонсон сидел в машине своего тестя, он обратил внимание на ее убогое состояние: на полу валялись старые газеты, конфетные обертки, желтые стикеры. Должно быть, тесть специально прибрал в ней к похоронам.
«Дворники» описывали дуги по ветровому стеклу, но из-за слез, застилавших глаза, Алан видел только потоки дождевых струй. Теперь они стояли перед домом; в садике у крыльца поздние розы, которые так и не успели отцвести, клонились под тяжестью дождевой воды. Это были розы Сары; она поливала их, ухаживала за ними… и она никогда не увидит их. Она вообще больше никогда не увидит цветов.
Она ушла.
Мертва.
И не вернется. Никогда.
Всего пять часов, но уже начало смеркаться. Редкие пятна травы выглядели запущенными и заброшенными; кое-где среди них были вкопаны саженцы вишни, привязанные к кольям. Все окна были темны. Нигде не было ни проблеска света. Сара всегда внушала ему, как важно

оставлять свет, когда ты уходишь из дому. Она вообще была практичной, куда более практичной, чем он. Она все покупала, оплачивала счета, следила за их банковским балансом и могла все организовать, когда они превышали его. Алан посмотрел на их дом. Ему едва исполнился год – уютный, современный, недавно обставленный. Сара выбирала расцветку, портьеры, мебель, кухонную утварь. Это ее стараниями дом был теплый и веселый – а теперь он выглядел темным и заброшенным. И пустым.

Господи, каким пустым он выглядит.

Алан повернулся к тестю:
– Вы пойдете со мной? Думаю, мне не под силу оказаться там одному.
– Конечно, конечно, – тихо сказал Губерт Уэнтуорт, выключая двигатель и ставя машину на ручной тормоз. Он откинулся на спинку сиденья. После хлопот этого дня он был измотан и с трудом сделал глубокий вдох. – Ты… мм… можешь остаться со мной, если хочешь.
Алан покачал головой:
– Спасибо… мне надо… надо… – У него пропал голос. Ему надо было остаться наедине со своей печалью, но он со страхом посмотрел на дом, словно там его ждала пучина.
Лучше они вместе войдут туда. Он всюду включит освещение и тепло. Его охватила легкая паника, потому что он оказался не в состоянии четко представить себе Сару; ее образ продолжал ускользать из памяти, и он мог вспоминать ее только по частям: густоту волос, рисунок рта, цвет ее обнаженных плеч; для него даже оказалось проблемой вспомнить ее голос, вспомнить, как она называла его по имени… остались только отрывки слов. Она существовала для него лишь в виде отдельных фрагментов, как куски разбитой вазы на полу.
Он вытащил из кармана скомканный носовой платок, вытер глаза и высморкался. «О Господи, Боже милостивый, благослови мою дорогую Сару и дай мне силы все выдержать», – молча взмолился он.
Тесть резким щелчком расстегнул свой ремень безопасности и медленно извлек из машины грузное тело. Алан был благодарен за общество этого любезного журналиста, ибо он знал, какая печаль терзает и Губерта Уэнтуорта. Против их воли двое мужчин оказались связанными общими узами: много лет назад этот мужчина трагическим образом потерял жену. А теперь – свое единственное дитя.
В памяти Алана продолжали жить эти картины. Вот нож хирурга вскрывает тело Сары у пупка, и за скальпелем тянется полоса крови. Медсестры растягивают располосованную кожу, и хирург запускает в разрез руки в перчатках. А затем поднимает в воздух скользкое извивающееся существо, за которым тянется длинный белый шнур.
Их ребенок! На свет появился их ребенок! Бог все сделал правильно!
И затем молчание.

Нет. О Господи, прошу Тебя, нет.

Крохотное человекоподобное создание, облепленное влажными кровавыми потеками, трепыхалось, как рыба на крючке. Это была масса бесформенной плоти, пустая кожаная оболочка – ни носа, ни рта, только один глаз, косо всаженный в центр того места, где должен быть лоб.
И – благодетельное забытье.
Машина остановилась у обочины. Во всех остальных домах горел свет, за окнами было видно мерцание телевизионных экранов; двое ребятишек на роликах гоняли по мостовой. Жизнь продолжала течь своим чередом, и, когда они подошли к входной двери, их обдало порывом холодного ветра с дождем. Дверь в доме была в стиле времен короля Георга, зеленого цвета, с медным дверным молотком – выбор Сары.
Алан был благодарен своему тестю за молчание. Он знал, что после похорон он должен пригласить всех к столу, организовать поминки, как их называют. Но такого рода делами всегда распоряжалась Сара. Она отлично знала, как организовывать такие приемы, и казалось, только вчера они сидели бок о бок, составляя список гостей на свадьбу и подписывая приглашения. У него просто не хватит сил сегодня в этом доме встречать те же лица.

Да просто войти в крематорий оказалось для него суровым испытанием; в нем была масса народу, и большинство лиц он не мог узнать. Показались несколько родственников, которых он едва знал, – но, кроме них, с его стороны больше никого не было. Кроме матери, прикованной к постели, которая была не в состоянии покинуть частную лечебницу, у него не осталось в живых родственников. Отец скончался около десяти лет назад.
Сочувствие. Черт возьми, что толку в сочувствиях? Он вставлял ключ в замок, а видел медные ручки гроба на катафалке; даже они не были подлинными, а пластиковыми, искусной имитацией под медь. Подделка, иллюзия – в соответствии с правилами: «Чтобы не нанести вреда окружающей среде», – как объяснил ему гробовщик. Он смотрел, как за гробом медленно смыкался синий бархатный занавес, скрывая его Сару. Слышал жутковатый электрический гул. Затем музыку, любимое произведение Сары – «На крыльях голубки». Он еще подумал, кто мог это знать, кто заказал…
Холл негостеприимно встретил их. Когда они закрывали за собой дверь, завывающий ветер, казалось, последовал за ними и продолжал дуть, прорываясь откуда-то сверху. Алан включил свет, и наверху хлопнула дверь.
Оба они посмотрели друг на друга, и груз скорби как-то оставил их, когда они уставились в темноту лестничной площадки. Губерт Уэнтуорт твердо положил руку на плечо зятя.
– Ты… мм… должно быть, оставил открытым окно.
Алан сглотнул комок в горле, не в силах оторвать взгляд от вышитой надписи в рамке на стене: «Господь да благословит этот дом». Да, конечно, открытое окно. В этом состоянии он плохо понимал, что делается вокруг. Вчера он положил в холодильник газеты и утреннюю почту. Прошлым вечером он подогрел себе ужин в микроволновке и по ошибке выкинул его в мусорное ведро. Он пытался существовать на автопилоте, но система пошла враздрай.
Двое мужчин поднялись по лестнице. Когда отец Сары включил свет на площадке, первое, что Алан увидел, были веселые бело-синие буквы на двери перед ним: «Детская комната». Ему пришлось усилием воли заставить себя взяться за ручку, повернуть ее и толкнуть дверь. Казалось, что с другой стороны дверь держала какая-то сила, и когда он все-таки отжал ее, то услышал завывание сквозного порыва ветра. От неожиданности и потрясения у него перехватило дыхание: окно было почти полностью разбито, и острые осколки лежали на желтом ковре. Над новой кроваткой бился и дергался мобиль какого-то летучего существа.
Взгляды двоих скорбящих мужчин встретились, и оба одновременно услышали сигнал тревоги. Алану доводилось слышать о таких случаях, когда бессердечные грабители, прочитав объявление о смерти человека, во время похорон взламывали дом. Но они не могли так поступить с ним, тем более когда Сара… и ребенок… когда они скончались… ведь, конечно же, не могли?
Губерт Уэнтуорт, словно внезапно обретя силу и быстроту действий, сделал шаг вперед и открыл дверь в супружескую спальню. Алан последовал за ним. Все ящики из туалетного столика Сары были выдвинуты, и их содержимое вывалено на пол. Болтались открытые дверцы гардероба, и бо́льшая часть одежды была выкинута из него.
Взгляд Алана упал на их свадебную фотографию в серебряной рамке, стоящую на подоконнике, и, когда он увидел, что воры не покусились, по крайней мере, на нее, его охватило странное чувство облегчения. Он заметил, что и радио осталось на месте, и маленький портативный телевизор, и невольно подумал: почему? Затем он зашел в маленькую ванную, примыкающую к спальне. К его удивлению, зеркальная дверца настенной аптечки была открыта, и несколько флаконов с таблетками и мазями валялись разбитыми на полу. Дверцы шкафчика под раковиной были тоже распахнуты, и содержимое разбросано по полу.
– Иисусе… что они тут хотели найти? – во внезапном приступе ярости заорал Алан. – Наркотики? Это их искали гребаные подростки? Чтобы забалдеть?
Газетчик промолчал. Он вышел из комнаты и спустился вниз. Алан последовал за ним. Они осмотрели гостиную, столовую и кухню; комнаты внизу остались нетронуты.
Губерт Уэнтуорт взял телефон и позвонил в полицию. Когда он положил трубку, Алан, перебарывая дрожь, спросил его:
– Вы думаете, что мы спугнули их? Поэтому они ничего и не взяли тут внизу?
Вместо ответа, Уэнтуорт встал, снова поднялся по лестнице и, вернувшись в ванную, задумчиво осмотрелся.
– Осторожнее, – сказал он своему зятю. – Ни к чему не притрагивайся.

– Проклятые сопляки! – Алан был готов впасть в истерику.
Губерт Уэнтуорт, похоже, был погружен в размышления.
– Мальчишки, – рассеянно произнес он. – Мальчишки… – Внезапно он опустился на колени и, прищурившись, вгляделся в рецепт, прикрепленный к флакону, пытаясь прочесть текст. Затем оглянулся на Алана. – Сара принимала какие-то лекарства?
– Что вы имеете в виду?
– Все, что угодно… вообще любые лекарства. Принимала ли она что-нибудь во время беременности? Или перед беременностью?
– Н-ну, да… да, принимала. – Алан покраснел и стал слегка заикаться. – Мы… мы пытались обзавестись ребенком т-т-три года. А что?
Газетчик помрачнел, правда еле заметно. И затем мягко сказал:
– Просто поиск на ощупь… в темноте. Я не тороплюсь делать выводы. Мы должны… мм… проверить, что было изъято. Может, и у полиции появятся какие-то идеи. Пока же… мм… слишком рано делать выводы.

18

Лондон. Пятница, 4 ноября 1994 года

Сидя за обеденным столом в лондонском доме Чарли Роули, Коннор Моллой чувствовал, что попал в совершенно иной мир.
Маленький и элегантный особняк с террасой времен короля Георга был пропитан духом прежней роскоши, Коннор знал о ней только по кино и книгам. Почти все пространство стен было занято картинами маслом; некоторые из них представляли портреты предков, на других были буколические сцены или же морские пейзажи. На ковровом покрытии лежали великолепные, выцветшие от старости ковры, и каждый предмет обстановки дышал неподдельной стариной; тут было несколько вещей, которые не мог бы создать даже самый лучший сегодняшний дизайнер, подумал Коннор, заметив в комнате один из них. Единственной возможностью обрести такое совершенство было унаследовать его.
Овальный обеденный стол красного дерева с достоинством нес на себе следы многочисленных царапин; лезвия ножей от времени истончились, а костяные ручки потрескались и покрылись пятнами; на синеватом стекле стаканов в серебряных подстаканниках появились щербинки, и в глаза бросалась разнокалиберность бокалов и высоких стаканов. Во главе стола сидел Чарли Роули в пурпурном жилете поверх полосатой рубашки, в зеленых плисовых брюках и замшевых мокасинах. Он рассказывал анекдот, с которым уже успел ознакомить Коннора и который Коннор год назад слышал в Бостоне.
– И тут он говорит: «Не могу припомнить, где же я живу!»
Раздался взрыв хохота, сопровождаемый запоздалым фырканьем по мере того, как и остальные усваивали смысл анекдота. Коннор осушил свой стакан кларета. Он чувствовал опасное головокружение и понимал, что потерял представление о количестве выпитого им алкоголя. Шампанское, шабли, а теперь еще этот «Ле Форте де Латур». Он чувствовал веселую раскованность с примесью чрезмерной уверенности в себе; роль невинного хорошего парня давалась ему легче легкого, несмотря на то что никто из этой компании не вызывал у него интереса, и меньше всего – подружка Роули Лулу, полная, с оглушительно громким голосом.
Взяв бокал с арманьяком, он погонял по стенкам сосуда янтарную жидкость. В мыслях у него всплыла Монтана Баннерман, теперь это с ним регулярно случалось после их второй встречи два дня назад. Он сравнил искреннее тепло ее улыбки с натужным смехом этой высокомерной молодой женщины и осознал, что увлечен Монти куда больше, чем ему хотелось бы признать. Но ему понадобится ее помощь в работе над бумагами ее отца, так что у него будет достаточно предлогов для новых встреч с ней.
Он перестал обращать внимание на свою случайную соседку, которая сидела справа от него и за весь вечер не задала ему ни одного вопроса. Вот и хорошо, решил он, вспоминая, что она провела год в Вашингтоне. На его попытки завязать разговор она то односложно отвечала, то

делала вид, что не расслышала его слов. Он явно не вызывал у нее интереса. Что ж, будем считать, что это чувство взаимно, решил он, и теперь позволял себе лишь искоса поглядывать на нее.
Аманда что-то там такое. Бархатная повязка на голове, черное платье, напоминающее корсет, – во всяком случае, сиськи надо было запихивать в него с помощью рожка для обуви, а то они угрожали перевалиться через край. Она вызывала у него отвращение тем, что постоянно жевала противоникотинную резинку.
– Бросай курить, дорогой, – сказала она ему тоном, которым, наверное, говорила со своим парикмахером.
– Коннор, твоя очередь, – объявил Роули, выпустив клуб сигарного дыма. – Есть какие-нибудь хорошие шуточки?
Последние десять минут Коннор отчаянно ломал голову, пытаясь вспомнить что-нибудь и пошлое и смешное, чему не было бы сто лет от роду. В памяти у него всплыли лишь два гэга, о которых уже шла речь.
– А как насчет моего розыгрыша?
– Какого именно? – спросил человек напротив.
– Я могу гипнотизировать.
– Неужто? – подала голос девушка, сидящая в дальнем конце стола, слева от Роули. У нее были длинные светлые волосы и пухлое, симпатичное, хотя и агрессивное лицо. – А я думаю, что гипноз – это откровенное жульничество. По телевизору показывали, как тот парень дурит публику. – Она прикурила сигарету, щелкнув золотой зажигалкой. – Во всяком случае, не понимаю, как вы сможете убедить, что кого-то загипнотизировали, – они просто будут притворяться.
– Я могу и загипнотизировать, и доказать это, – сказал Коннор.
– Ничего не получится. Люди уже пытались это сделать. Вот я невнушаема… или как это называется?
– А вам и не надо быть внушаемой. Я могу загипнотизировать любого. Вы Камилла, да?
– Коринтия.
– Ну что ж, Коринтия. Хотите, я докажу вам? – Он обратил внимание, что наступило всеобщее молчание.
– Ну, валяйте – но я заранее извиняюсь… со мной ваш номер не сработает, – с ноткой враждебности заявила она.
– Отлично. – Коннор встал, обошел вокруг стола, нетвердо держась на ногах, и кивнул хозяину. – Чарли, ты не против, если я на минутку займу твое место?
Роули освободил стул, и Коннор уселся. Девушку такое близкое соседство не смутило; Коннор заметил, что кожа у нее под слоем грима желтовато-болезненная.
– Не угодно ли сначала положить сигарету?
Пожав плечами, она подчинилась и вызывающе посмотрела на него. Коннор взял сигарету, держа ее за кончик со следами губной помады. Теперь все взгляды были сосредоточены на нем. Он театрально повернулся к публике, описав рукой с дымящейся сигаретой дугу в воздухе. Подтянув обшлаг левого рукава пиджака, он закатал рукав рубашки, обнажив часы и пару дюймов кожи над ними.
Легко дунув на тлеющий кончик сигареты, он заставил его ярко разгореться, и, пока тот рдел кроваво-красным свечением, Коннор медленно опустил его на кожу руки над часами. Разнесся запах горящих волос и легкий хрустящий звук, когда он оторвал сигарету от запястья. Одна из женщин потрясенно вскрикнула.
Коннор продолжал методично вращать тлеющую сигарету, а потом поднял всем напоказ почерневший растертый кончик, и у всех на лицах появилось выражение ужаса.
– У вас что, кожа из асбеста? – не без надменности спросил торговец предметами искусства.
Коннор покачал головой:
– Все дело в силе убеждения.
– Это невозможно, – возмутилась Коринтия. – Ясное дело, это какой-то хитрый трюк.
– Вы, должно быть, подменили сигарету, – сказала Лулу.
– Я могу проделать то же самое с любым из вас, – улыбнулся Коннор. – Никто из вас не будет испытывать боли. Кто-нибудь хочет попробовать?
Коринтия, помявшись, посмотрела на него и протянула руку.

– Только обожгите меня, и я на вас в суд подам, – бросила она с вызовом под аккомпанемент смешков.
– На этот счет у меня есть страховой полис, – добродушно парировал он и, избегая взгляда в упор, уставился ей в переносицу. – Я сосчитаю до десяти, и вы уснете крепким сном. Когда я захочу вас разбудить, то снова сосчитаю до десяти и прикажу вам проснуться – договорились?
– Ладно. – Она со скучающим видом пожала плечами.
Он понизил голос и пристально уставился в зрачки ее глаз, столь ярких, что Коннор подумал, не носит ли она цветные линзы.
– Один, – произнес он и, не отводя взгляда, на несколько дюймов придвинул голову. – Два. – Еще ближе. – Три… четыре… пять… шесть. – Каждый раз он сокращал расстояние на пару дюймов.
Она моргала все медленнее, и ее глаза начали закрываться.
– Семь… восемь… девять… десять. – Он подождал. – Коринтия, теперь вы спите, глубоко спите, глубоко, глубоко спите. Что вы чувствуете – вы бодрствуете или спите?
Ее глаза были плотно закрыты. Голос звучал словно записанный на магнитофонную ленту, которую крутили с неправильной скоростью.
– Ш-ш-ш… Я шплю.
Коннор окинул присутствующих беглым взглядом; все глаза были обращены на него.
– Вы уверены, что не притворяетесь, Коринтия? Вы действительно спите?
– Дствит… шплю.
– Хотите, чтобы я проверил, правду вы говорите или нет? Вы сказали мне, что вас невозможно загипнотизировать… так откуда же мне знать, что вы сейчас не врете мне?
– Дствит… шплю, – снова пробормотала она.
– О’кей. – Коннор вынул сигарету и вручил ее девушке слева от него. – Будьте любезны, зажгите ее для меня – чтобы все видели: она в самом деле горит и это не какой-то трюк.
Девушка зажала сигарету губами, наклонилась к свече и от ее пламени прикурила. Сделав вдох, она закашлялась и вернула сигарету Коннору.
Тот обвел взглядом аудиторию и левой рукой взял левую же руку Коринтии.
– Какая у вас красивая рука, Коринтия. Хотите, чтобы на ней появились шрамы?
– Шр… нет.
– Вы уверены? Ни ожогов от сигареты и ничего такого?
– Шрамы… нет.
Коннор приподнял ее руку и повернул ее, как фокусник демонстрирует пустую коробку, показывая, что в ней ничего нет. Затем с театральной медлительностью он поднес к ее коже тлеющий кончик сигареты.
Раздалось шипение и легкий треск, когда огонь коснулся кожи. Кто-то сдавленно выдохнул. Кто-то другой сказал:
– Иисусе!
Коннор нажал сильнее, вращая сигарету, пока она окончательно не погасла, а затем торжественно вручил ее девушке, которая раскуривала.
– Можете ли вы проверить, что она не горит?.. – В двух местах он услышал нерешительные смешки и опустил руку загипнотизированной на стол. – Хорошо, Коринтия, а теперь я собираюсь разбудить вас. Я сосчитаю до десяти, вы откроете глаза и проснетесь. Итак, мы начинаем. Один… два… три…
На счет «десять» она открыла глаза и смущенно моргнула – сначала Коннору, а затем обведя взглядом стол.
– С возвращением, – сказал Коннор.
Бросив на него короткий подозрительный взгляд, она нахмурилась и ничего не сказала.
– Вы что-нибудь чувствуете? – спросил Коннор. – На левой руке?
– Н-ну… вроде кто-то пощекотал меня перышком… или чем-то подобным.
– Присмотритесь… в том месте осталась какая-то отметина?
Она уставилась на ту точку, куда он указывал пальцем, стряхнула пятнышко пепла и удивилась.
– Отметина? Ничего не вижу. – Она поднесла руку к канделябру.
Коннор показал раздавленную сигарету:
– Вы не чувствовали, когда ее тушили о вашу руку?
– Да бросьте! Ничего подобного вы не делали!

– Господи, Коннор! – воскликнул Чарли Роули. – Черт побери, как ты это делаешь?
Коннор улыбнулся и промолчал.
– Это было как щекотка, – внезапно упавшим голосом пробормотала Коринтия. – Ну просто как щекотка.
– Всего лишь фокус, – сказал искусствовед-торговец. – Чертовски тонкий, всех нас обдурил.
– И вовсе не фокус, Джулиан, – возразила девушка. – Я все видела. Он в самом деле потушил сигарету о ее кожу.
– И все же я не верю, что была под гипнозом, – заявила Коринтия, обретая прежнюю самоуверенность. – Вы, ясное дело, провернули фокус, заменив одну сигарету другой.
Коннор поднял брови:
– Вам удобно в это верить, не так ли?
– Тут не стоит вопрос об удобстве. Это истина. Вы никоим образом не можете подействовать на мое тело, просто глядя на меня и разговаривая со мной. Я в это не верю.
Коннор помолчал, обводя взглядом стол. Затем он повернулся к молодой женщине и тихо сказал:
– Перед вами стоит бокал красного вина, не так ли?
Она мельком взглянула на граненый бокал и опять уставилась на Коннора:
– Да.
Коннор снова уперся взглядом ей в переносицу:
– Я хочу, чтобы вы очень внимательно смотрели на этот сосуд. Не отводите от него взгляда ни на секунду, продолжайте смотреть на него. – Пока он говорил, интонации голоса становились все глубже и тише. – Продолжайте смотреть на него, Коринтия, и, пока вы смотрите, вы чувствуете, как в вас растет мощь, как она распространяется по всему телу, вы чувствуете, как энергия исходит откуда-то из глубины желудка, вот она растекается по венам, заставляет крепнуть мускулы. И вы чувствуете в себе силу… такую силу! Вы любите этот бокал, не так ли, Коринтия?
Она кивнула и сказала сдавленным голосом:
– Д-д-да.
– Вы безумно любите этот бокал. Один из самых красивых бокалов, которые вы когда-либо видели в жизни. Вы жаждете иметь его. Вы хотите, чтобы такие бокалы стояли на столе у вас дома. Истина в том, Коринтия, что вы немного завидуете Чарли за то, что у него есть такие бокалы, не так ли?
– Немного.
– Только немного? А у меня чувство, что на самом деле вы очень ревнивы. Я думаю, вы испытываете к Чарли жгучую ненависть за то, что у него такие бокалы. Но вы кое-что можете сделать, не так ли? И вы точно знаете, что именно. Сконцентрируйтесь на этом бокале. Соберите в своем теле всю энергию, почувствуйте, как она растет. Направьте ее на бокал. Возненавидьте этот бокал, Коринтия! Так, как вы еще никогда никого и ничего в жизни не ненавидели! Испытываете вы теперь такую ненависть?
– Да, да, ненавижу! – И теперь в ее голосе была едва ли не исступленная ярость.
– Больше ненависти! А теперь чуть спокойнее. Направьте всю ненависть вашего тела, до последней капли, на этот бокал. Ненавидьте его всем телом, всем сердцем!
Лицо Коринтии побагровело; все тело стало содрогаться.
– А теперь высвободите эту энергию!
В ответ раздался резкий звук; бокал у всех на глазах разлетелся в разные стороны, как маленькая бомба. Осколки стекла зазвенели о посуду, о серебряные столовые приборы. Лужица красного вина растеклась и мгновенно впиталась в льняную скатерть, вокруг ножки бокала, единственной части, оставшейся нетронутой.
Несколько секунд царило гробовое молчание. Коннор поймал взгляд хозяина; Роули был откровенно ошеломлен.
– Боже мой! – воскликнула подружка Роули и принялась сыпать соль на винное пятно.
Коринтия с пепельным лицом безмолвно смотрела на стол с таким выражением, словно увидела привидение.
– П-плесни на пятно немного белого вина – перестанет окрашиваться, – посоветовала женщина.
– Прости за бокал, – сказал Коннор. – Я за него рассчитаюсь.
Роули покачал головой:

– Не ты же разбил его. – Подрагивающими руками он снова взял сигару. – О, дьявольщина! Прямо мурашки бегут!
– У вас есть и другие фокусы? – спросила девушка справа.
– Никак ты и алхимию знаешь, Коннор? – с нервной улыбкой поинтересовался Роули. – Может, на бис превратишь какой-нибудь простой металл в золото? Или смешаешь магические зелья и сваришь панацею от всех болезней?
Коннор подмигнул ему.
– Этим займемся днем, – сказал он.

19

Барнет, Северный Лондон. 1946 год

– Клетка тебе нужна?
Дэниел Джадд помотал головой.
Торговец бесстрастным взглядом смерил маленького, аккуратно одетого мальчика, который прижимал локтем библиотечную книгу.
– Ты должен держать их в клетке. Они все грызут.
Дэниел Джадд снова помотал головой.
– Мне просто нужна коробка, чтобы отнести домой, – сказал он робким голосом, который был лишь чуть громче шепота.
– А у тебя дома есть клетка?
Мальчик покраснел и кивнул.
Торговец пожал плечами, залез под стойку и выложил на нее маленькую коробку из-под обуви. Пошарив вокруг, он нашел отвертку и пробил полдюжины дырок в крышке коробки. Снова смерил мальчика взглядом:
– Хочешь еще банку с кормом?
Мальчик кивнул и быстро посмотрел на дверь, опасаясь, что мимо пройдет мать. Он порылся в кармане, извлек оттуда десять шиллингов, которые несколько дней назад ему дала тетя на дне рождения, когда ему исполнилось двенадцать лет. Мальчик протянул банкноту торговцу. Звякнула касса, и продавец неохотно вернул ему девять шиллингов и один пенс сдачи, после чего подтолкнул коробку:
– Смотри, чтобы воды хватало.
Дэниел открыл дверь магазина, услышал, как громко звякнул колокольчик над ней, и, прежде чем вынырнуть наружу, посмотрел в оба конца шумной улицы. Когда за ним закрылась дверь, колокольчик снова звякнул. Мимо проехал автобус, черный «хиллман» и разносчик из булочной на велосипеде. Он засунул коробку под плащ и быстрым шагом, переходящим на бег, заторопился домой, пряча голову от плотной мороси конца августа и стараясь, чтобы его никто не заметил.
Он прошел под навесом железнодорожной эстакады, мимо разбомбленного дома, от которого остался только один фасад, и вышел на пригородную улочку в выщербленной булыжной мостовой, обсаженную деревьями. Он заметил, как из калитки появилась соседка миссис Корниш, приятельница матери, и перешел улицу, чтобы не встретиться с ней. Фургон громко посигналил ему, когда он появился у него перед носом.
Джимми Дайерс, парнишка, который жил через несколько домов выше по улице, неуверенно катился на самокате по тротуару и остановился, увидев Дэнни.
– Выйдешь днем поиграть? – спросил он.
– Не могу, я занят.
– Чем ты занимаешься?
– Да ничем особенным, – сказал Дэниел, покраснев.
– А что у тебя в коробке?
– Ничего.
– Дашь посмотреть?

Дэниел поплотнее запихнул ее под плащ.
– Это книга?
– Я должен спешить домой… мама ждет.
– Завтра выйдешь поиграть?
– Посмотрим. Если мне разрешат.
– Ты, видно, здорово боишься мамаши, да?
– И вовсе нет.
– Боишься, боишься!
– Нет.
– А все говорят, что да. Мой папа говорит, что твои родители психи.
Дэниел ускорил шаги и повернул налево на точно такую же улицу. Увидев свой дом, шестой справа, он остановился за стволом вяза. Сняв плащ, аккуратно обернул им коробку из-под обуви вместе с книгой и, сунув сверток под мышку, постарался проскользнуть незамеченным. Дождь припустил сильнее, когда он пересекал дорогу, и он посмотрел на окно в эркере, пытаясь уловить какое-то движение за сетчатой портьерой. Он знал: когда он выходит из дома, мать часто смотрит ему вслед из этого же окна, проверяя, не совершит ли он какой-нибудь грех на улице.
Подойдя к низкой стенке, окружавшей клумбу, он первым делом убедился, что путь свободен, после чего перегнулся через стенку и спрятал книгу и коробку у основания густого куста роз «Старая Англия». Влажные лепестки скользнули ему по лицу, а шипы кольнули руки; он бегло вдохнул густой, тяжелый цветочный аромат, после чего поднялся и пошел дальше с плащом на руке. Открыв калитку, он по дорожке обогнул дом и подошел к боковой двери.
Открыв ее, он оказался в кухне. Мать стояла у стола, раскладывая тесто в формочки. Печь пирожные – это была ее еженедельная обязанность для утренних кофепитий церковного кружка; радио транслировало какой-то унылый скрипичный концерт. Она пристально посмотрела на него:
– Почему ты не надеваешь плащ?
– Я надевал его.
Она протянула руку и потрогала его рубашку. А затем неожиданно с силой ударила его по лицу:
– Лжец! Бог видит твое вранье, Дэниел, Бог все видит. Понимаешь?
Он понуро кивнул.
– Ты промок, глупый мальчишка! Иди и переоденься.
Он смотрел, как она возобновила свою работу, аккуратно заполняя зубчатые формочки на подносе и подбирая лишнее тесто. Еще пять подносов, сосчитал он. Ему хватит времени, если он поторопится.
Он прикрыл дверь кухни, проскочил через прихожую, бесшумно открыл парадную дверь, добежал до розового куста, вытащил книгу и коробку, обернул их плащом, вернулся к дому и скользнул внутрь. Он со страхом посмотрел на дверь кухни, но она оставалась закрытой.
Дэниел бегом поднялся к себе в спальню, засунул коробку под кровать и присел отдышаться. Когда он снова открыл дверь и выглянул из нее, матери не было и следа; он слышал, как продолжает играть радио. Вернувшись, он залез под кровать, вытащил коробку и, приподняв один край, посмотрел внутрь.
– Привет, дружок, – сказал он. – Наверно, ты хочешь пить? Подожди секунду. – Он опасливо просунул в коробку палец, помня, как кролик однажды цапнул его, погладил животное по головке, после чего закрыл крышку и на цыпочках отправился в ванную.
В ней он осмотрелся. Тут стояла белая бакелитовая кружка с тремя зубными щетками для всей семьи. Слишком рискованно – вдруг зайдет мать. И тут он увидел губку на краю ванной. Отлично. Он подержал ее несколько секунд под струей холодной воды и спешно вернулся в спальню.
Выжав часть воды на ладонь, он протянул ее, и через несколько секунд крольчонок начал жадно слизывать влагу.
– Ты в самом деле хотел пить, да? – прошептал он и задумался. В ящике его стола стояла бутылочка с чернилами. Он открутил крышку, вытер ее губкой, поставил крышечку в коробку с крольчонком и щедро наполнил ее кормом. Погладив теплую спинку, он шепнул: – До встречи, малыш! – Прикрыв коробку крышкой, он задвинул ее под кровать.

Вернувшись к принесенной книге, он нашел те страницы, которые отметил загнутым уголком, и несколько минут жадно вчитывался в них, после чего сунул и книгу под кровать.
Прислушиваясь к доносящимся снизу звукам, он на цыпочках прошел в спальню родителей и подобрался к туалетному столику матери.
Один из ящиков был набит чулками. Трясясь от нервного напряжения, он вытащил один из них, смял и сунул в карман шортов; теперь его взгляд упал на серебряную рамку для фотографий, стоящую на туалетном столике. В рамке было полдюжины черно-белых фотографий матери, заткнутых друг за друга; он вытащил одну, самую заднюю, сунул за пазуху и на цыпочках вернулся в свою комнату.
Здесь он добавил два новых приобретения к тем предметам, что уже хранились под кроватью, сменил мокрую одежду и с широкой, довольной улыбкой спустился вниз к чаепитию.
Он был готов. Теперь ему надо было только дождаться нужного дня, как гласили инструкции. Оставалось надеяться, что они ему не свяжут руки; вот уже несколько недель они к этому не прибегали. Подлинной его заботой оставалась покупка в зоомагазине – если крольчонок начнет царапаться или издавать какие-то другие звуки, вот тогда у него будут неприятности. Убить малыша было бы самым простым решением, но это значило бы положить конец той цели, ради которой он обрел живое создание. Оно должно оставаться живым; в книге об этом говорилось четко и ясно. А он обязан подчиняться каждой букве этой книги.
На нескольких страницах встречались слова, которые оставались непонятными, но он считал, что усвоил достаточно. Кое-где в книге говорилось: самое важное – верить, что все сработает. Если вы верите, что это может произойти, значит вам под силу сделать это. А Дэниел верил.

20

Беркшир, Англия. Воскресенье, 6 ноября 1994 года

Кролики метались и прыгали в свете фар, когда Монти осторожно вела свой «эм-джи» среди выбоин сельской дороги. Она устала от долгой езды в плотном потоке машин и уже предвкушала, как окажется дома после утомительного уик-энда в Бате, который она провела вместе со старой школьной подругой Полли Макгуайр, ее мужем Ричардом и их троими избалованными и непослушными детьми.
Так было каждый раз, когда Монти посещала их: она получала прекрасную прививку от любых угрызений совести, что вот, мол, у нее до сих пор нет своей семьи. По радио объявили семичасовую сводку новостей. Она вспомнила, как Полли потратила добрый час или около того, чтобы уложить в постель последнего отпрыска, и еще больше, пока они все не уснули. И по контрасту Монти с удовольствием думала о ждущем ее тихом вечере, когда она, свернувшись комочком, будет сидеть перед пылающим камином в компании воскресных газет и телевизора.
Коттедж «Фоксхолл» был расположен в отдалении, примерно в полумиле от тихой сельской дороги и в четырех милях от ближайшей деревни. В миле дальше по дороге жили ее соседи, фермер с женой, их дом, окруженный рядом колонн, был скрыт из вида под откосом.
Кроме сельской техники и случайных прохожих, тут никто не ходил и не ездил. Здесь она чувствовала себя в полной безопасности, здесь было ее убежище. Оно расположено как нельзя лучше: всего в двадцати минутах от их старой лаборатории в университетском кампусе. Теперь, когда почти каждый день приходилось мотаться в Лондон, оно перестало быть таким удобным. Монти попыталась добираться поездом, но оказалось, что времени уходит не меньше, а билет на поезд стоит куда дороже, чем бензин.
Миновав большой амбар справа, она, хотя уже было довольно темно, увидела впереди силуэт своего коттеджа. На мгновение Монти напряглась, потому что ясно помнила – уезжая, она оставила свет в нескольких комнатах. Но затем улыбнулась: Алиса, ее помощница по дому, которая приходила по утрам трижды в неделю, должна была заскочить сегодня, чтобы покормить кошек, – она всегда это делала, когда Монти отсутствовала. Алиса добиралась сюда

на автобусе и дальше пешком, она была надежным, разумным человеком, но никак не могла понять, что оставленный свет – это не пустая трата денег.
Всем своим видом коттедж давно взывал о ремонте. Белая дощатая изгородь нуждалась в немедленной покраске, некоторые из реек еле держались на поперечине, даже несмотря на густую поросль плюща, ломоноса и клематиса, которые заплетали каждую планку и кирпич.
В свое время Монти была очарована не столько самим зданием, сколько исходящим от него спокойствием и прекрасным видом; это не была открыточная красота, он выглядел вполне традиционно. Построенный в 1880-х годах для управляющего фермой, дом был солиден и просторен: три спальни, большая приемная и кабинет – предмет гордости мисс Баннерман.
Монти вырулила на бетонную площадку в окружении поросли сорняков, выбралась из машины и, потянув за цепь, заставила подняться гаражную дверь. Затем она завела внутрь машину, едва ли не вплотную к полкам с яблоками, которые тянулись вдоль дальней стены.
Она протиснулась в узкую щель между машиной и стеной, с удовольствием вдыхая густой яблочный аромат. В этом году пять яблонь на заднем дворе принесли обильный урожай, которого ей хватит еще на несколько месяцев. Садовник Монти была еще тот, но ей нравилось есть плоды своих рук, тем более что она знала: пища здоровая, никакими ядовитыми химикалиями ее не подкармливали.
Гаражная дверь закрылась с щелканьем и глухим металлическим гулом, а Монти направилась к невысокому крылечку у парадной двери, где вытащила из сумочки зажигалку и при свете язычка пламени вставила ключ в замочную скважину. Ночь была звездной и холодной, едва ли не морозной, ежась, подумала она.
Из темноты маленького холла на нее уставились две пары изумрудных глаз.
– Привет, ребята! – сказала она, бросая сумку на пол и опускаясь на колени, чтобы Уотсон и Крик, два ее сорванца тигровой окраски, могли подойти к ней – сначала осторожно, а потом все смелее; Уотсон ткнулся ей в руку. – Алиса оставила вас в темноте? Бедняжки!
Она включила свет и отметила, что все в полном порядке; «Мейл он санди», «Обсервер» и «Санди таймс» Алиса аккуратной стопкой сложила на столике в холле. Монти была пожирательницей новостей, постоянно просматривала страницы национальной и научной прессы в поисках информации, которая могла бы пригодиться ее отцу; что касается книг, в них она старалась как можно быстрее добраться до сути.
Она снова поежилась от холода, набросила пальто и пошла в кухню, полная благодарности уютному теплу, которым ее встретила печка «Ага». На автоответчике мигал красный огонек, так что она нажала клавишу прослушивания, успев убедиться, что в мисках у котов есть молоко и корм.
Первое послание было от ее подруги Анны Стерлинг: если Монти будет в четверг работать в Лондоне, пусть заедет на новую художественную выставку. Вторым была раздраженная тирада отца, который спрашивал, в какие дни на будущей неделе она будет в Лондоне и в какие – в их старой лаборатории. Отец всегда сварливо разговаривал с автоответчиком, словно сердился, что Монти нет на месте. Было и третье послание: от Уолтера Хоггина, который звонил поблагодарить Монти за восстановление на работе. Он сказал, что будет звонить снова.
Все еще сытая после позднего ланча, она решила ограничиться легким ужином и открыла холодильник посмотреть, что у нее есть. Она решила поджарить свою любимую грибную закуску и, поставив сковородку на конфорку, кинула на нее основательный кусок масла, которое почти сразу же начало шипеть.
Монти включила радио, уловила мелодию «Повсюду любовь», сквозную тему песен из фильма «Четыре свадьбы и одни похороны», сделала звук погромче, после чего вернулась к раковине и начала чистить грибы. Коты терлись о ее ноги. Уже было пять минут восьмого; она знала, что в это время отец всегда смотрит научную программу «Равнодействие», так что до восьми звонить ему не имело смысла. Анне она тоже позвонит попозже, если у нее еще останутся силы. Или в крайнем случае завтра.
Она задумалась над тарелкой с грибами, только когда на ней остались четыре маленьких грибочка, испытывая тяжесть в желудке, решила, что поправляется на глазах. «Толстеешь, – мрачно подумала она. – Тебе скоро тридцать, и это конец – дорога под горку, а ты остаешься старой девой. Превратишься в толстую старую девицу в компании своих кошек».
Внезапно перед глазами возник образ того американского патентоведа, который зашел к ней в кабинет. Коннор Моллой. Мистер Гребаное Совершенство. Высок, строен, соблазнителен.

Может, ей и показалось, но, похоже, он явно смотрел на нее с интересом. Пожав плечами, она отбросила эту мысль: у него был вид мужчины, который флиртует со всеми. Скорее всего, при нем какая-нибудь гламурная пустышка; вертлявые модельки – вот кто в его вкусе. Подобного рода симпатичные мужчины едва ли не раздражали ее, а он был именно таким.
Крик и Уотсон внезапно замерли и повернулись к дверям. Монти обеспокоенно посмотрела на них.
– В чем дело, ребята? – Она резко приглушила радио и прислушалась. Через несколько секунд она услышала слабое дребезжание дверного звонка, и ее кольнуло беспокойство: гости редко являлись сюда, и практически никогда после наступления темноты.
Она вышла в холл и посмотрела в глазок, который по настоянию отца врезала в парадную дверь. Перед ней предстал искаженный облик лысоватого и, по всей видимости, застенчивого человека в дождевике. Он явно не соответствовал типу маньяка-убийцы, каким она его представляла, но Монти решила проявить осторожность и набросила цепочку, прежде чем приоткрыть дверь и выглянуть в проем.
За дверью стоял мужчина средних лет, и по его внешнему виду можно было сказать, что он знавал лучшие времена, да и сейчас еще не сошел с круга. Его пальто из ткани в елочку, хотя и поношенное, отличалось хорошим покроем, на ногах приличные туфли коричневой кожи. Его осанистая фигура напомнила ей кого-то из героев Диккенса, а печаль на лице неподдельно тронула Монти.
Он заговорил медленно и смущенно:
– Я… э-э-э… пытаюсь найти резиденцию мисс Баннерман.
Она оставила цепочку на месте, поскольку не видела и следа машины.
– Мисс Баннерман – это я. Простите, а кто вы такой?
– О, конечно, конечно. Прошу прощения. Сельская местность… вы совершенно справедливо опасаетесь незнакомцев… – Он порылся в кармане в поисках бумажника, извлек из него визитную карточку и просунул ее в щель.
«Губерт Уэнтуорт. Заместитель редактора отдела новостей», – прочитала она.
– Видите ли, моя дочь… – У него перехватило дыхание. – Ей довелось работать у вас… э-э-э… у вашего отца, в Лаборатории генетических исследований Баннермана, так, кажется?
– Дочь? – Монти не могла припомнить эту фамилию.
– Джонсон… это ее фамилия после замужества.
Монти просияла:
– Сара Джонсон? Да, конечно, Сара три года работала у нас бухгалтером. Ушла примерно шесть месяцев назад – она ждала ребенка. Как она? Кого она род… – Монти остановилась как вкопанная, увидев выражение его лица: казалось, за несколько секунд человек на глазах постарел лет на десять. На мгновение ей показалось, что он вот-вот потеряет сознание.
– Вы позволите мне войти? Благодарю вас. Всего на минуту. Я не задержу вас.
Он вошел походкой пожилого человека, хотя ему не могло быть больше пятидесяти, подумала она.
– Прекрасно, – сказал он. – Какой красивый сельский дом. Всегда хотел иметь такой, но… э-э-э… Франсуаза… – Он опустил голову, словно стараясь успокоиться, что ему давалось с трудом.
– Разрешите взять ваше пальто?
Он заметил картину на стене. Простой сельский пейзаж: поле, амбар, одинокий дуб.
– Могу ли я узнать имя художника?
Монти покраснела:
– Это я.
Он внимательно уставился на нее:
– У вас талант… вы выставлялись?
– Боюсь, что нет. Я уже несколько лет не писала – нет времени.
– Да, время, этот вечный враг. – Он грустно улыбнулся.
– Не хотите ли чего-нибудь выпить? Кофе, чай? Пиво?
– Был бы признателен просто за стакан воды. Я оставил машину в конце лужайки, что встретилась по пути, – не знал, удастся ли развернуться.
Она повесила пальто гостя и снова посмотрела на него. На нем был мятый серый фланелевый костюм, белая рубашка и зеленый галстук с каким-то неразборчивым логотипом в центре.

Несколько прядей волос торчком стояли на макушке, словно одинокие сосны на обвеваемой ветром вершине.
– Пройдемте в кухню: я сама только что пришла домой и еще не согрелась. – Она все еще была в накинутом пальто.
– Я не задержу вас надолго, – повторил он, обратив внимание на тающее масло, и опустился на один из деревянных стульев.
Монти передвинула сковородку, закрыла крышку плиты и налила гостю стакан воды, ухитрившись все это сделать как бы одним движением.
– Значит, – гость поднял глаза на Монти, – значит, вы не слышали о Саре? – Он кивнул, словно и не ждал другого. – Конечно, вы не могли знать. Но, видите ли, она умерла при родах.
Монти потрясенно опустилась на стул.
– Умерла? – бессмысленно повторила она. – Господи… мне жаль. Как мне жаль…
– Спасибо, вы очень любезны. Она всегда говорила, что вы и ваш отец так добры…
– Она была милая девочка… я очень любила ее. Не могу поверить, что она…
– Ужасно, – сказал он.
– А как ее муж? Его вроде звали Алан? Он справился с горем? А как ребенок?
Уэнтуорт обхватил пальцами высокий стакан, как делают, когда хотят согреться от его тепла.
– Ребенок был так страшно изуродован, что выжить он просто не мог.
Монти вспомнила тихую трудолюбивую девушку, которая пришла к ней сказать, что она уходит, так как готовится стать матерью.
– Как ужасно, – сказала она. – Я искренне сочувствую вам, мистер Уэнтуорт, и Алану. Я напишу ему записку.
– Да, благодарю вас. Спасибо… но… мм… – Он поднял глаза на лампочку под желтым абажуром, словно та могла дать ему ответ на какой-то вопрос космического масштаба, и снова опустил взгляд на столешницу из сосновых досок. – Алан… э-э-э… – Он сделал паузу и, казалось, слегка осел, как шар, из которого выпустили воздух. – Видите ли, он не сможет получить ее. Он покончил с собой на следующий день после похорон… он… ну да… понимаете, в своей машине в гараже… провел шланг…
Монти застыла на месте, с трудом воспринимая все эти страшные известия. Смерть пугала ее; она еще как-то принимала, когда умирали люди намного старше ее, но ее страшно пугало, когда смерть настигала людей ее возраста или моложе. Она начала собираться с мыслями, пытаясь понять, почему отец Сары предпринял столько усилий, чтобы доставить ей эти известия.
Поняв, о чем она думает, Губерт Уэнтуорт сказал:
– Я должен был бы позвонить вам… прежде чем вторгаться, я… понимаете ли… – Его глаза обежали комнату и потеплели, когда остановились на другой ее картине. – Приходится с опаской относиться к телефонным линиям… ведь так легко подключиться к ним и подслушать разговор… если вы понимаете, что я имею в виду.
Она нахмурилась, задавшись вопросом, не сказалась ли эта трагедия на его здравом уме.
– Циклоп, – сказал он, внезапно поднимая глаза и в упор глядя на нее. – Синдром циклопа. Вы слышали о таком? – Он горестно вскинул брови.
– Нет… но…
– Это редкое генетическое нарушение, сказывающееся на детях. Это страшное зрелище, просто жуткое. – Он сделал глоток воды. – Бесформенная голова, лица вообще нет – ни рта, ни носа, вообще ничего. Кроме одного глаза в центре лба. – Он постучал себе по лбу. – Порой волосы по всему телу.
– О господи, – только и смогла сказать Монти, когда представила себе этот жуткий образ. Внутри она вся содрогнулась. – Как же это случилось?
Он снова посмотрел на лампочку, а затем на источник тепла.
– «Ага». Как удобно иметь ее под рукой. В сельской кухне без нее не обойтись. Она хорошо греет воду?
– Да, – тихо сказала она. – Во всяком случае, в кухне всегда уютно.
– Конечно. Это важно. Моя жена всегда хотела, чтобы в доме было такое устройство. – У него упал голос. – Прошу прощения… я заговариваюсь. Скажите, что я вам надоел, и я уйду.
– Об этом не может быть и речи, – энергично возразила Монти.
Он провел пальцем по ободку стакана.

– Понимаете, никогда не был в критическом положении, тем более в таком, что не хватает только оповестить о нем Флит-стрит
[12]
. Я должен был что-то сделать, но раз уж ты обрек себя на такой образ жизни, то и быть по сему… – Он одарил ее улыбкой, которая была так же грустна, как и сама утрата. – Простите, я вечно заговариваюсь. Хороший репортер слушает, плохой – болтает.

Монти терпеливо улыбнулась. Именно ее гость обратил внимание на сковородку, на которой уже застыло масло.
– Не буду отвлекать вас от ужина, вы, должно быть, проголодались. Два случая в год на Британских островах – это среднее число случаев синдрома циклопа за последние тридцать лет.
– Да и два слишком много, – сказала она.
Уэнтуорт сделал глубокий выдох и медленно вдохнул.
– В среднем по одному каждые двадцать шесть недель. – Он помедлил. – Так что, может, стоит обратить внимание, что за последние два месяца было три случая.
Монти задумалась.
– Я предполагаю, что порой события могут идти чередой, а потом долгое время ничего не происходит.
– Конечно, конечно, вы совершенно правы. Не стоит торопиться с выводами. Потрясение от тяжелой утраты может лишить человека здравого смысла. – Легкий, еле заметный след улыбки коснулся его лица, как резец гравера медной пластины. – Но в то же время так легко что-то упустить из виду.
Она выжидающе посмотрела на него.
– Как легко все это отбросить, как случайные совпадения… Вы не согласны?
– Совпадения…
Крик потерся о ногу Губерта Уэнтуорта. Тот наклонился и почесал его за ушком.
– Один случай синдрома циклопа был здесь, в Беркшире. Один в Бирмингеме и один в Эдинбурге. В каждом из этих случаев мать умирала во время родов или сразу же после них. От неизвестного вируса.
– Всегда ли синдром циклопа сопровождается вирусным заражением?
Кот замурлыкал, и Уэнтуорт продолжил гладить его.
– Нет, отнюдь. – Он снова выпрямился на стуле, стиснул губы и пожал плечами. – Конечно, совпадения… это легко можно списать на совпадения.
Где-то глубоко внутри Монти почувствовала гнетущее беспокойство.
– Исключительно странно, – медленно пробормотала она.
Уэнтуорт потер густую нависающую бровь:
– У нас в газете есть яркая молодая женщина-репортер. Зандра Уоллертон. Ее называют «корреспондент от медицины». Это ее первое место работы. Понимаете, у меня нет времени для расследования, которое требует и долгих разъездов, и терпения, и хитрости, и шарма. Зандра – девушка хитрая, да и хватка у нее хорошая. Через несколько лет вы увидите ее имя в общенациональных газетах. – Помолчав, он опустошил свой стакан.
– Еще воды?
– Нет, я должен идти. А вы поужинайте. Вы обязательно должны поужинать. – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Да, Зандра… она яркая девочка. Она найдет звено, которое вытащит всю цепь. Такое маленькое, еле заметное, может, ничего существенного… чтобы сбить со следа. «Бендикс Шер», – продолжил он, – компания, которая взяла к себе в лабораторию вашего отца, производит таблетки для зачатия, они идут на рынок под названием «Матернокс». Так?
– Это одно из самых доходных изделий. Продается лучше всего. Я думаю, в области лекарств для зачатия оно пользуется самым большим спросом в мире.
– Конечно. Поэтому никто не может сделать никаких выводов. Но интересно, что все три женщины перед беременностью принимали «Матернокс».
Беспокойство, охватившее Монти, начало испаряться. На мгновение она было подумала, что гость изложит ей нечто, от чего она испытает неподдельное потрясение, но, похоже, он просто цепляется за соломинку.
– Это действительно странное совпадение, мистер Уэнтуорт, – но я думаю, что вы должны объективно посмотреть на него. В мире одна из шести женщин страдает от бесплодия.

Огромное количество их в самых разных местах в этой стране принимают «Матернокс» – а продажи по всему миру просто феноменальные. И всего из-за трех случаев… пусть и ужасных… это кажется… то есть я хочу сказать… – Она подняла руки. – Я согласна, все это весьма странно, но не очень убедительно.

– Конечно, конечно. Вы совершенно правы. Но, понимаете ли, есть еще одна деталь. Снова маленькая, снова неубедительная. – Он крутил в пальцах пустой стакан. – Этот репортер, Зандра Уоллертон… Я предложил ей связаться с сотрудником пресс-службы «Бендикс Шер» и спросить, знали ли они раньше о какой-то связи между препаратом «Матернокс» и синдромом циклопа.

– И они знали?

– Ничего подобного. Но настойчиво задавали вопросы. – Наклонившись, он снова начал гладить кота. – И спустя всего три дня квартира Зандры Уоллертон была взломана, все перевернуто вверх дном и раскидано. – Он посмотрел на нее. – Но ничего не было украдено. Ни единой вещи.

– Профессионалы? – предположила она.

– О да, без сомнения. Ни одного отпечатка пальцев. Ничего. По словам полиции, взломщик, похоже, точно знал, что ему надо. – Он помолчал. – Понимаете, есть еще кое-что странное и любопытное. В день похорон Сары ее дом был взломан и обыскан. Алан не нашел, будто что-то пропало. – Он нахмурился. – Обычно грабителей интересуют какие-то вещи, драгоценности, столовое серебро, наличность. На это взломщики не обратили внимания. Может, им помешали, но кажется странным, что они нашли время порыться в аптечке в ванной. Вы так не думаете?

Она ничего не сказала. Горло перехватил удушливый спазм.

– Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему я решил лично встретиться с вами, не рискуя позвонить по телефону?

Монти мрачно кивнула. Этот человек слегка раздражал ее, но тем не менее в нем было что-то такое, что мешало решительно расстаться с ним, – искренность.

– Вы делаете очень серьезные выводы, мистер Уэнтуорт.

– Да, и может, я совершенно не прав. Хотелось бы надеяться, что так.

– И каким образом я могу вам помочь во всем этом?

– Мне нужен кто-то внутри «Бендикс Шер», чтобы раздобыть побольше информации. Сара рассказывала мне о высокой порядочности и вашей, и вашего отца. Я надеюсь, что, может быть… при этих обстоятельствах… я… мм… смогу убедить вас пойти мне навстречу? Конечно, строго конфиденциально. Никаких имен, никакой связи с вами.

Монти села и глубоко задумалась, пытаясь привести в порядок свои мысли. Снова посмотрев на него, Монти внезапно испытала приступ страха, словно окружающая тьма вплотную подступила к ней.

– Объясните, что конкретно вам надо, – сказала она. – И я попытаюсь.

21

Лондон. Понедельник, 7 ноября 1994 года

Только что минуло десять часов, и Монти уже вела свой «эм-джи» по уклону Вестуэй. Маленькие «дворники» отчаянно сражались с дождем. По радио два политика спорили о судьбе Боснии, и порой случайные дождевые капли пробивались сквозь залатанную прореху в крыше и падали Монти на лоб. Первым делом она собиралась заехать в их старую лабораторию и поискать кое-какие досье, в которых нуждался Коннор Моллой, и надеялась, что, когда пару часов спустя поедет в Лондон, ей удастся миновать пробки часа пик, но движение оставалось таким же напряженным.

Она почти не спала, и сейчас ею владели усталость и раздражение. Всю ночь она не могла отделаться от потрясения и печали из-за смерти Сары Джонсон, ответственность за которую лежала на «Бендикс Шер». Не был ли Губерт Уэнтуорт сумасшедшим? Параноиком? Или за его словами в самом деле что-то кроется?

Она, безусловно, знала, что почти у каждого лекарства на рынке есть оборотная сторона; всегда имелось небольшое количество людей, которые страдали от побочных эффектов. Было вполне понятно, почему журналист так тяжело воспринял судьбу своей семьи и искал любое объяснение постигшей его трагедии, – но что могла дать информация о таких же симптомах еще у двоих людей?
За всем этим крылась глубокая моральная дилемма: пусть даже и существовала связь с «Матерноксом», лекарство это помогло миллионам людей по всему миру – и миллионы здоровых детей во всем мире обязаны своим существованием именно ему. Когда дело касалось фармакологии, вопрос был в том, что предстояло взвесить пользу и вред и принять твердое холодное решение. Оценить процент шансов. Но как легко было оценивать их, когда имеешь дело с безличными статистическими данными. Куда тяжелее, если вместо них страдают реальные люди, которых ты знала и любила, и как трудно согласиться с риском, если ему подвергаются те, кто тебе дорог.
Но если газетчик прав относительно причин взлома, то, значит, тут кроется что-то гораздо более зловещее. Нужна информация, решила Монти, прежде чем она вообще на что-то решится; отношения Баннерманов с «Бендикс Шер» только начали складываться, и ей не хотелось раскачивать лодку. У нее и так хватало проблем, когда она сглаживала отношения отца с другими людьми, предотвращая стычки; не хватало только, чтобы она стала задавать неудобные вопросы. И, представив, как ее имя будут склонять во всех газетах, она внезапно испытала приступ ужаса.
Мистер Уэнтуорт казался вполне приличным человеком, но он был журналистом, а за все эти годы она обрела достаточно опыта, чтобы понимать, как пресса относится к фармацевтической промышленности: все, что связано с ней, – это легальная цель для нападения. Поэтому надо быть очень осторожной.
Она включила левый поворотник, решительно вырулила на соседнюю и не менее забитую полосу, щелкнув по клаксону двумя пальцами, издала такой же яростный гудок, которым ее встретили, и резко повернула в боковую улицу, где сбросила скорость и стала присматриваться к обочинам.
Увидев перед собой телефонную будку, она притормозила, выскочила из машины и влетела в нее, плотно прикрыв за собой дверь. Опустив в щель монету, Монти открыла записную книжку на той странице, где записала номер, продиктованный Уэнтуортом, и набрала его.
– «Темз-Уолли газетт», – ответил женский голос.
– Будьте любезны, могу ли я поговорить с Зандрой Уоллертон?
– Ее линия занята… соединить вас с отделом новостей?
– Я подожду.
Черные цифры на индикаторе сообщили, что ее кредит составляет девяносто семь пенсов. Она облокотилась на маленькую полочку и уставилась на визитную карточку, прикрепленную к стене. «Моника. Французский массаж. Устраняет любое напряжение». «Габриэлла. Уроки латыни и коррекционная терапия». «Даниэлла – черное дерево».
Она часто пыталась представить, кем на самом деле являются эти женщины. Недавно она прочитала статью в «Индепендент», в которой говорилось, что многие из них имеют неплохое образование и делают легкие деньги. Через запотевшее окно она заметила бродягу в грязном пальто, который тащил куль с тряпьем.
– Соединяю, – сообщила телефонистка, прервав ее размышления.
Через секунду она услышала резкий сухой голос, который торопливо бросил:
– Зандра Уоллертон.
– Здравствуйте… меня зовут Монтана Баннерман… Губерт Уэнтуорт попросил меня связаться с вами…
– Знаю, – резко прервала ее репортер. – Он сказал мне, что вы будете звонить. Лучше бы нам где-нибудь встретиться. Скажем, неподалеку от вашего офиса.
– Или я могла бы встретить вас в Беркшире, если это удобнее для вас.
– Я должна быть в Лондоне завтра к полудню. Вы можете освободиться во второй половине дня?
– Да… У меня свободный график.
– Как насчет четырех часов? Попробую найти место где-нибудь неподалеку, где мы могли бы поговорить. Вы знаете отель «Тистл»?

– Нет.
– Примерно в пяти минутах ходьбы. Угол Моттрем и Гоуэр-Плейс – большое уродливое здание, смахивает на многоэтажку.
– Найду.
– На первом этаже кафе. Называется «Мешок с шерстью».
– Можете рассказать, как вы выглядите… чтобы я узнала вас?
– О’кей, я прихватила ваше фото из недавней статьи. У меня короткие черные вьющиеся волосы и очки. И я невысокого роста.
– Я тоже, – сказала Монти.
– Нас устраивает. Значит, в четыре часа в «Тистл», – заключила репортер и повесила трубку.
«Очаровательно, – подумала Монти. – Любой может подумать, что это она делает мне одолжение». Потом повесила трубку и подобрала высыпавшуюся сдачу.
Когда Монти повернулась, у нее подпрыгнуло сердце. Дверь была перекрыта высоким мужчиной в распахнутом плаще. Несмотря на дождь, на нем были темные очки. Ее затрясло от страха. Мужчина стоял совершенно неподвижно, в упор глядя на нее.
Инстинктивно она сделала шаг назад, лихорадочно соображая, что делать. Надо звонить в полицию. Всего лишь нажать 999; от страха у нее пересохло во рту. Телефонная будка внезапно стала тюрьмой. Был только один путь из нее, но мужчина стоял как раз перед ней. В голове вспыхнули мысли о взломе, о котором рассказывал журналист. Эти безжалостные мрачные люди в масках и кожаных перчатках не остановятся ни перед чем. Господи, она ничего не может сделать… может, просто поговорить с ним – и тут она заметила рядом с мужчиной собаку, золотистого ретривера, которого хозяин держал на коротком поводке. Она рассмеялась, поняв, что из-за своей глупости чуть не впала в панику, и распахнула дверь.
– Она свободна, простите, что задержала вас, – сказала Монти. – Я придержу для вас дверь.
Слепой пробормотал благодарность и вместе с собакой осторожно вошел в телефонную будку.
Монти шла по коридору, в поисках Джейка Силса заглядывая в каждое окошко в дверях. Наконец она увидела старшего специалиста в маленькой, практически пустой лаборатории в дальнем конце, где шло несколько экспериментов ее отца.

> В защитном комбинезоне, перчатках и очках, он стоял позади массивной хромированной насадки аварийного душа, осторожно вынимая синюю емкость из шкафчика, закрытого непробиваемым прозрачным перспексом
> [13]
> с надписью: «Осторожно! Биологическая опасность!»

Он поставил контейнер на белую, в рябинках рабочую поверхность, отвинтил крышечку, положил ее рядом и, подняв, поставил тоже на рабочую поверхность закрытую защитной пленкой бутылку емкостью в полгаллона, в которой плескалась янтарная жидкость. Все движения Джейка были полны аккуратности и уважения, которого требовала к себе едкая ядовитая субстанция.
Монти подождала, пока бутылка надежно утвердилась на столе, и лишь затем сказала:
– Доброе утро, мистер Силс.
Повернувшись, он посмотрел на нее, снял очки и отбросил с лица длинные прямые волосы.
– Как дела?
– Отлично, спасибо. Хорошо провели уик-энд?
– Все прошло отлично, – лукаво улыбнулся он. – А у вас?
Она пожала плечами, чувствуя неловкость под его пристальным взглядом. Казалось, его глаза просвечивали ее, как рентгеном, словно он хотел выведать все ее секреты. Он постоянно вел себя таким образом, и это раздражало ее. Да и вообще раздражала его манера поведения.
– Думаю, все было достаточно сносно. А что в этой бутылке?
– Бендикс-суп.
– Вот как? А что к нему полагается – гренки?
– Если хотите, можете взять и гренки. Проблема в том, что, прежде чем вы успеете взять их в рот, они растворятся. Так же как и ложка, и большая часть вашего лица.
– Великолепно!
– Есть несколько человек, которым я с удовольствием преподнес бы это блюдо.

– Не сомневаюсь, что вам это было бы под силу. А у него есть какое-то другое название?
– BS93L5021. – Он поднял брови.
– Потрясающее имя.
– Вам не стоит знать его; эта жидкость даже не должна быть здесь – ее место в изолированной камере. Типичный вид дерьмового изделия «Бендикс Шер». Официально оно даже не существует. – Он отбросил гриву волос. – Читали «Колыбель для кошки» Курта Воннегута?
– Да… это одна из моих любимых книг.
– Помните препарат «Лед девять»?
– Штука, придуманная для вьетнамской войны или для чего-то еще? Стоило бросить ее в болото, как оно замерзало сверху донизу.
Силс кивнул:
– Эта почти такая же мощная. Вылейте галлон в плавательный бассейн, и стоит вам прыгнуть в него, как за несколько секунд с вас слезет вся кожа. Не дай бог попадет на голую кожу – ее никакими силами нельзя нейтрализовать. Это самая канцерогенная субстанция из всех существующих: она растворяет плоть и одновременно всасывается в кроветок, вызывая почти мгновенные внутренние кровотечения и разрушая легкие. Самое жуткое варево, с которым я когда-либо сталкивался. Если я дам знать Министерству по вопросам охраны и защиты окружающей среды об этой штуке, они тут же поставят кордон вокруг всего здания – и я не преувеличиваю.
Монти приходилось бывать по соседству с ядовитыми субстанциями, но рядом с этой она чувствовала себя как-то неуютно и слегка отодвинулась от шкафа.
– Предполагаю, она для чего-то нужна?
Он бросил на нее один из своих убийственных взглядов, которые заставляли Монти чувствовать себя полной идиоткой.
– Я уверен, что «Бендикс Шер» обзавелся ею просто смеха ради… пусть даже это не так.
Она с легкой растерянностью улыбнулась.
– На самом деле, хотя штука эта ужасная, над ней работали умные головы. Она все еще разрабатывается, так что ее не регистрировали и не патентовали. Часть нашей работы здесь относится к области генетически обусловленного сопротивления культур и простейших форм жизни факторам загрязнения. Сейчас уровень загрязнения в океанах постоянно растет и уже начинает сказываться на пищевой цепочке. Немалая часть естественных субстанций загрязнений становится канцерогенной. – Он постучал по емкости. – Вот что делает эта скромная драгоценность – повторяет эффект токсического загрязнения, только многократно увеличивая его воздействие.
Подняв голову, Монти посмотрела на массивную головку душа, прикрепленную к потолку в нескольких ярдах за спиной, и подумала, насколько эффективна окажется вода, если токсин попадет на кожу, – и снова перевела взгляд на бутыль.
– А для чего ее использует мой отец?
– Область применения довольно ограниченна – в основном ускоряет ход лабораторных экспериментов, когда вы изучаете воздействие канцерогенов на особо чувствительные гены.
– Я удивлена, что он позволил держать здесь эту субстанцию, – у него весьма определенная точка зрения на подобные химикалии.
– Я это уже заметил, – сказал Силс. – Откровенно говоря, я думаю, он разделяет мое мнение об этой компании.
Монти помедлила.
– На прошлой неделе вы намекнули, что хотели бы кое-что рассказать мне о «Бендикс Шер», и сказали, что мы должны как-нибудь поболтать, но только не здесь. Так? – Она посмотрела на него. На его лице мелькнуло бесстрастное выражение. – Вы будете свободны во время ланча… в следующие несколько дней?
– Я свободен сегодня, – сказал он.

В мрачном полутемном пабе, где грохотал рок, они расположились слишком близко к динамикам, чтобы Монти себя хорошо чувствовала. Джейк, покончив с первой пинтой пива, тут же заказал вторую; Монти позволила себе только несколько глотков белого вина.

– Я никогда не слышал о синдроме циклопа, – сказал Джейк и отбросил назад волосы. Он вытряхнул из пачки «Мальборо» сигарету и прикурил ее, не предложив Монти. – Три случая – это немного.
– Номер тридцать два! – раздался голос.
Монти посмотрела на лежащий перед ней билетик.
– Это нам. Я принесу.
Она подошла к стойке, взяла сосиски и чипсы для Джейка, салат с тунцом для себя и отнесла заказ к ним за столик.
– Хотите горчицы или кетчупа?
– Кетчуп, – ответил Джейк.
Она прихватила и его вместе с ножами, вилками, салфетками и снова устроилась за столом.
– «Матернокс» производится в нескольких местах, – сказал Силс. – Здесь, в Соединенном Королевстве, – в Рединге, Плимуте и Карлайле. В Коннектикуте, Мэриленде и на Гавайях – в США. В Корее и, я думаю, в Кейптауне и Мельбурне. Кроме того, есть завод в России, работающий по лицензии. То есть всегда есть возможность, что в какой-то партии произошла грубая накладка, – но процедура контроля качества начисто перекрывает возможность, что она может попасть в розничную торговлю. – Он снова затянулся сигаретой, раздавил ее в пепельнице и полил кетчупом свои чипсы. – В процесс производства включен ряд тестов: контроль физических данных, биологических форм, контроль соответствия формуле – от и до, вплоть до этапа упаковки. Из каждой партии контроль качества отбирает несколько случайных капсул, вскрывает их и проверяет.
– Какого рода проверки?
– Хроматографический анализ. С помощью растворителей в ультрафиолетовом свете проверяются уникальные свойства исходных материалов.
– Может ли грубая ошибка каким-то образом проскочить мимо службы контроля качества?
Он подцепил пальцами чипс и отправил его в рот.
– Когда мы ставили систему хроматографии, то убедились, что в ней есть один порок – она даст нам лишь ту информацию, которую мы хотим от нее получить; этот метод не показывает того, что мы не хотим видеть.
– Например?
Он пожал плечами:
– Ну, допустим, кто-то добавит нечто… чего он не должен делать.
– Чего ради?
– Мне известно, что это случалось. Компания хочет изменить процесс производства лекарства, и поэтому она тихонько подкладывает несколько партий в уже существующие изделия, дабы посмотреть, что может произойти, тем самым избавляя себя от сложностей клинических испытаний на животных.
Она потрясенно уставилась на него:
– И вы знаете, что это случалось?
– Да.
– Может, за границей… в каких-то беспринципных лабораториях, но, уж конечно, не в таких компаниях, как «Бендикс Шер»?
Он поднял взгляд:
– Мы говорим о сотнях миллионов фунтов ежегодного дохода, которые приносит какая-то формула. Если такая компания, как «Бендикс», может позволить себе потратить три года на исследования, следующие три года она имеет право зарабатывать.
– Но опасность просто чудовищная… она же не может себе позволить риск попасться.
Он поднял правую руку и выразительно потер большим и указательным пальцем. Монти безошибочно поняла, что он хотел сказать. Деньги, взятки. И поэтому она почувствовала себя едва ли не преступницей, когда спросила:
– Можно ли каким-то образом узнать номера партий «Матернокса», который принимали эти три женщины?
Она оправдала свой вопрос тем, что сказала себе: если Джейку удастся получить номера партий и они протестируют несколько образцов, то смогут убедительно доказать Губерту Уэнтуорту, что дело совершенно не в пилюлях. И это на корню устранит любой возможный риск для компании от негативной публикации.

Он подцепил на вилку несколько чипсов и подержал над тарелкой, давая стечь кетчупу.
– Я знаю Рика Уилсона, который руководит контролем качества в Рединге, – мы вместе учились в колледже. Я могу переговорить с ним, посмотреть, удастся ли ему для меня найти номера партий. Они всегда оставляют несколько образцов из каждой партии на случай, если возникнут проблемы… постараюсь убедить его проверить их. Или же уговорю передать мне данные по спецификации – и сам все сделаю.
– Я буду очень благодарна, – обрадовалась Монти.
– Меня устраивает любая возможность дать «Бендиксу» пинка, – сказал он. Силс засунул в рот несколько чипсов, разжевал их и с довольным видом улыбнулся ей. – К концу месяца меня тут уже не будет. Перехожу в «Кобболд тессеринг», буду получать на пятьдесят процентов больше. И я еще увижу этот «Бендикс-гребаный-Шер» в аду.
Монти сделала еще глоток вина.
– Почему… в чем причина, что вы так настроены против них?
Он бросил быстрый взгляд в сторону двери, и она увидела в его глазах внезапную вспышку страха. Глубокого ужаса, который передался ей с такой силой, что Монти показалось, будто ее до мозга костей пронзил ледяной ветер.
Встревожившись, она проследила за его взглядом, устремленным на мужчину, который только что вошел, – крепко сбитый, тридцати с лишним лет, в коричневом анораке. Затем Джейк перевел взгляд на другого мужчину, с песочными волосами и в веснушках, который сидел достаточно близко, чтобы слышать весь их разговор. Она удивилась, как это не заметила его, когда несла заказ от стойки. Наверное, потому, что тут были десятки людей, на которых она не обращала внимания. Она с иронией взглянула на инженера и увидела, что у него отхлынула вся кровь от лица, которое стало смертельно бледным.
– Вы в порядке? – спросила Монти.
Джейк кивнул, безмолвно предупреждая ее, сделал глоток пива и с деланой небрежностью громко спросил:
– Так чем вы увлекаетесь в свободное время?

22

Билл Ганн в полном потрясении сидел перед стеной мониторов. Включен был только один, расположенный в центре, экран тридцати шести дюймов по диагонали, высокого уровня разрешения.
Аудиозапись взвизгнула, когда он нажал кнопку «Перемотка» и, уставившись на счетчик на контрольной панели, в нужный момент нажал «Стоп». Затем он переместил несколько датчиков контроля уровня, продолжая устранять звуки на заднем плане, и снова запустил запись.
«Я никогда не слышал о синдроме циклопа. – Голос Джейка Силса. Звук вспыхнувшей спички. – Три случая – это немного. – Снова голос Джейка Силса.
– Номер тридцать два! – позвал голос издалека.
– Это нам. Я принесу. – Голос Монти Баннерман.
– Кетчуп. – Голос Силса. – „Матернокс“ производится в нескольких местах. Здесь, в Соединенном Королевстве, – в Рединге, Плимуте и Карлайле. В Коннектикуте, Мэриленде и на Гавайях – в США. В Корее и, я думаю, в Кейптауне и Мельбурне. Кроме того, есть завод в России, работающий по лицензии. То есть всегда есть возможность, что в какой-то партии произошла грубая накладка, – но процедура контроля качества начисто перекрывает возможность, что она может попасть в розничную торговлю».
Чашка кофе, стоящая перед Ганном, давно остыла, но он забыл о ней; прослушав запись до конца, он снова прокрутил ее. «На этот раз я поймал тебя, приятель, – подумал он. – Поймал за твой гнусный тощий загривок».
Он нажал «Стоп», откинулся на спинку кресла и включил синхронную видеозапись. Теперь на большом экране перед ним были черно-белые изображения Джейка Силса и Монтаны Баннерман, которые сидели за ланчем в каком-то пабе. Все свои записи Билл Ганн делал черно-белыми. В цвете, может, было покрасивее, но черно-белое изображение давало лучшую

контрастность, особенно при слабом освещении. Он посмотрел на красные цифры отсчета времени на панели, а затем словно нехотя проверил свой «ролекс». 7:45.
– О черт! – Он же обещал Никки успеть домой вовремя, чтобы взять ее в театр. На Шекспира. Она изучала литературу в Лондонском университете. Он никогда не имел ничего против культуры. Сегодня вечером он должен отвести ее на «Отелло» в театре «Олд-Вик». Пьеса полна интриг, а ему нравились интриги; если бы у Отелло была такая эффективная система прослушивания, как та, что он установил в «Бендикс Шер», Дездемона осталась бы жива. Никки была хорошей девочкой. Ей двадцать лет. Два года назад он развелся с той сукой, которая десять лет портила ему жизнь. Даже сейчас ему было неприятно называть ее по имени, раны были слишком глубоки, так что он предпочел ограничиться анонимной «сукой». Никки вырастет, устанет от него, найдет кого-то ближе ей по возрасту и в один прекрасный день устроит свою жизнь. Но пока все хорошо. Именно это ему и было нужно. Вдоволь секса, никаких вопросов и неподдельное обожание героя. В его жизни были времена и похуже. Куда хуже.
Он снял трубку телефона внешней связи и нажал кнопку набора номера, который хранился в памяти аппарата. Никки ответила после второго звонка.
– Я задерживаюсь. Бери такси, оставь мой билет в кассе, и встретимся в зале. – Не дожидаясь ее ответа, он положил трубку и снова уставился на экран перед ним.
Быстрота действий. Когда вы оказываетесь в подобной ситуации, скорость реакции имеет самое существенное значение. Реальную опасность представляют два человека: Чарльз Роули и Джейк Силс. Он давно советовал избавиться от Роули, но совет директоров решил, что Роули знает слишком много о генетических исследованиях компании и она не может рисковать тем, что Роули решит перейти к конкуренту – что он едва ли не обязательно сделает, если оставит «Бендикс»; любая фармацевтическая компания тут же счавкает его. Вместо этого Ганну поручили держать его под постоянным наблюдением. Ганн считал, что позволить ему сблизиться с этим новым американцем было неудачным решением. Но при всем желании он не мог объяснить почему. Это был просто инстинкт, а инстинкты никогда не подводили Ганна. Его совет избавиться от Силса тоже был отвергнут – в основном по той же причине: слишком большой риск, что Силс перейдет к конкуренту. Но теперь игра изменила свой характер.

Синдром циклопа.

Иисусе.

Он прокрутил видео с самого начала, сделав звук чуть погромче и снова прослушав первую часть разговора.
«Я никогда не слышал о синдроме циклопа. Три случая – это немного».
Кто начал этот разговор? Силс или эта девка Баннерман?
Он запустил на прослушивание раннюю часть разговора, из лаборатории.
«На прошлой неделе вы намекнули, что хотели бы кое-что рассказать мне о „Бендикс Шер“, и сказали, что мы должны как-нибудь поболтать, но только не здесь… Вы будете свободны во время ланча… в следующие несколько дней?» Голос Монтаны Баннерман.
Ганн сидел в раздумье. По его приказу за Силсом была установлена круглосуточная слежка, но эти идиоты упустили один из ключевых моментов: что, черт возьми, произошло между ним и Монтаной Баннерман, раз уж она явилась к нему в лабораторию и начала разговор в пабе? Громилы, которые висели на хвосте у Силса, упустили какие-то важные подробности в начале разговора. Настаивала ли на них Баннерман? Она ли выразила интерес к синдрому циклопа? Или это Силс пытался отравить ее чувство лояльности? Немало людей хотели бы получить ответ на этот вопрос, но Ганну нечего было сказать им, во всяком случае не сейчас. Но он его получит. А тем временем необходимо предпринимать срочные меры, чтобы пресечь опасность. Он подтянул к себе телефон закрытой системы внутренней безопасности, набрал свой код доступа, а потом и номер.

23

Барнет, Северный Лондон. 1946 год

Дэниел изо всех сил старался в субботу вести себя как можно лучше. Очень старался. Это был день Сатурна, и он не мог себе позволить упустить такую возможность.

Он наизусть выучил все эти дни. Луна – понедельник. Марс – вторник. Меркурий – среда. Юпитер – четверг. Венера – пятница. Солнце – воскресенье.

День Сатурна. В книге говорилось, что все действия необходимо произвести сегодня вечером. Он не мог рисковать; если его руки окажутся привязанными к кровати, придется ждать еще неделю; да и, кроме того, он сомневался, что ему еще неделю удастся прятать предметы, особенно учитывая, что кролик уже прогрызает себе путь из двух коробок.

Дэниел взялся помогать матери на кухне, но та сказала, чтобы он убирался, потому что ему необходимо каяться и, только если он несколько месяцев не будет читать ничего, кроме Библии, и постоянно молиться, может быть, у него появится надежда на спасение.

Ночь была как нельзя лучше. Ясная, хотя в небе висел ущербный месяц; очень важно, чтобы луна была убывающей, говорилось в книге; Шаббат будет еще лучше, еще могущественнее, но следующий такой день выпадет лишь через несколько недель, а он не может так долго прятать кролика.

Он стоял в своей ночной пижаме и сквозь щель в портьере смотрел на луну, глядя, как она висит над крышами домов в конце сада, чувствуя ее, как дуновение ветра на своем лице, восхищаясь ее холодным свечением, и пытался ощутить ту энергию, которую, как заверяла книга, она даст ему. Затем он, прищурившись, посмотрел на большие круглые часы. Он едва успеет: на циферблате было 11:10. Подчиняясь инструкциям книги, он растворил горсть соли в ванне с водой и искупался в ней; теперь, совершив обряд очищения, он был совершенно чист.

Его родители вот уже час как легли в постель. Ему отчаянно хотелось помочиться, но он сдерживался. Он бесшумно открыл дверь и уставился на их спальню, которая была по другую сторону узкой лестничной площадки, в поисках красноречивой полоски света под дверью, но ее не было. Темнота. Они спят.

Дэниел прикрыл дверь. Его трясло от нервного напряжения. Он аккуратно скатал простыню в длинный узкий фитиль и плотно подоткнул ее под дверь, чтобы с другой стороны не было видно ни лучика света, и еще бросил на нее свою пижаму. Время начинать. Надо сделать шаг вперед. Он решился. Несмотря на ужас при мысли, что его могут поймать.

Начал он с того, что из-под аккуратной стопки своих рубашек в шкафу вытащил свечу. Она была комковатой и неровной, потому что он сам сделал ее, во время отсутствия матери растапливая остатки воска, что оставались в жестянке на плите, и смешивая их с сапожной ваксой. Свеча не была безукоризненно черной, а скорее в серых пятнах, но это было лучшее, что ему удалось.

Он чиркнул спичку и, когда она загорелась и по комнате заплясали тени, с тревогой посмотрел на дверь. Затем он зажег свечу. Дэниел подождал, пока пламя занялось, уронил на блюдечко несколько капель воска и надежно приклеил к ним свечу. От нее шел странный запах, острый, словно от горящей краски, – он предполагал, что это, должно быть, политура, – но он надеялся, что родители не проснутся.

Из-под матраса мальчик достал большое квадратное полотнище черной материи, вырезанное из маскировочной шторы, которая так и осталась лежать в сундуке на чердаке, гнутую медную кочергу, которую нашел в развалинах после бомбежки, почистил и отполировал ее. К этим предметам добавилась солонка и чашка воды, взятая из кухни. Он набросил полотнище на маленький столик у окна и поставил на него свечу. Рядом с ней он аккуратно положил свой перочинный нож с большим лезвием, отточенным до бритвенной остроты, и кочергу, которая должна была играть роль церемониального меча.

Затем он взял кусок мела, похищенный из школы, плотно обвязал вокруг него двухфутовый шнур и с помощью чертежной кнопки закрепил другой конец шнура в центре стола. Держа шнур туго натянутым, он описал круг четырех футов в диаметре. Ему надо было быть девяти футов, но комната была невелика. Внутри круга он коряво вывел пентаграмму.

Взяв солонку, он щепотку за щепоткой посыпал солью по всей окружности, не оставляя никаких проемов. Закончив, он бросил несколько щепоток соли в чашку с водой, закрыл глаза и благословил свое начинание, прочитав задом наперед «Отче наш», после чего разбрызгал воду по полу, стенам и портьерам, не оставив без внимания ни одного кусочка комнаты.

Наконец Дэниел снял пижаму, голым вошел в центр круга, закрыл глаза и начал ритмично покачиваться, держа руки над головой и не обращая внимания на гусиную кожу, пупырышки которой выступили на теле. Он начал тихо повторять свое имя, считая в уме каждый раз.

Дэниел Джадд Дэниел Джадд Дэниел Джадд Дэниел Джадд Дэниел Джадд…

Как учила книга, он остановился на девяносто девятом повторении и открыл глаза. Пламя свечи слегка колыхалось сквознячком, тянувшим от окна. У него кружилась голова, и он плохо понимал, где находится, но чувствовал, как в нем растет сила. Он подошел к кровати и вытащил из-под нее черную книгу; для уверенности он еще раз прочел ее название, напечатанное странным шрифтом: «Великий Гримуар магических обрядов и церемоний».

Дэниел открыл книгу на заранее отмеченном месте и громким шепотом стал читать вслух:

Я проклинаю тебя единожды,
Я проклинаю тебя дважды,
И три раза, и четыре, и пять, и шесть;
Я проклинаю тебя семь раз
И затем опять семижды по семь раз.
Будь проклята! Будь проклята!
Моя сила проклинает тебя,
Моя сила зачаровывает тебя,
Ты вся во власти моего заклятия.
Будь проклята! Будь проклята!

Встав на стул, он снял со шкафа коробку и опустил ее на пол. Из нее он извлек чулок своей матери и ее фотографию. И то и другое он положил на черную ткань перед свечой.

Обратившись к другому разделу книги, где он оставил бумажную закладку, Дэниел поднял свечу и, снова бормоча слова проклятия, дорожкой расплавленного воска со всем старанием воспроизвел символ перевернутого креста, изображенный на странице, – сначала на чулке, а затем на лбу фотографии матери.

Теперь, как того требовала книга, предстояло трижды позвонить в колокольчик. Но ему пришлось проигнорировать это указание: он лелеял надежду, что обряд сработает и без него.

Вернувшись на стул, он опустил коробку из-под пирожных с дырочками, которые он провертел в крышке.

Дэниел осторожно, на пару дюймов, приподнял крышку и заглянул в коробку.

– Привет, мой маленький друг, – прошептал он. – Как ты? В порядке? Ну, ты молодец!

Два испуганных глаза блеснули ему в ответ. Его уже однажды укусили, но он не испытывал злобы к своему обидчику.

– Успокойся и ничего не бойся, я просто собираюсь тебя вытащить. Я люблю тебя, честное слово! – Он натянул на руку толстый шерстяной носок, снова приоткрыл крышку, сунул туда руку и крепко ухватил кролика.

Тот стал отчаянно дергаться и извиваться, и Дэниел едва не уронил его.

– Расслабься, приятель, мы же будем хорошими друзьями, ты и я, мы точно будем!

Не стоит убивать это создание! Оно должно оставаться в живых, подумал он, поглаживая по головке, чтобы успокоить его. Он поднес кролика к окну и теперь держал над чулком своей матери, разложенным на черном полотне. Дэниел снова шептал эти самые важные слова и, глядя на фотографию матери, собрался изо всех сил.

Будь проклята! Будь проклята!
Моя сила проклинает тебя,
Моя сила зачаровывает тебя,

Ты вся во власти моего заклятия.
Будь проклята! Будь проклята!

Затем, свободной рукой взяв свой член, он выдавил несколько капель мочи – сначала на чулок, а потом брызнув на фотографию. Кролик снова стал отчаянно биться. Дэниел взял его покрепче, держа в футе над фотографией, и прошептал:
– Все хорошо, ты молодец, все хорошо, успокойся, я крепко люблю тебя!
Затем он взял свой нож, приложил лезвие к горлу кролика и с силой провел им, стараясь не всаживать слишком глубоко и не порезать себе руку. Он решительно повернул лезвие и резко провел его вниз к сердцу животного.
Капли ярко-красной крови брызнули на чулок матери. Кролик дернулся, перестал сопротивляться, и капли крови превратились в тонкую ровную струйку, которой сопутствовали черные капли содержимого желудка.
Этой струйкой крови он описал круг на чулке матери, затем перевернутый крест на ее лбу и громким шепотом с нескрываемой ненавистью произнес проклятие. После чего вернулся в центр круга, закрыл глаза и сконцентрировался. Теперь он видел перед собой только изображение лица матери. Ее головы.
Несколько мгновений спустя он услышал звук, который сначала принял за завывание сирены воздушной тревоги, запомнившееся еще со времени войны: низкий глубокий стон, постепенно поднимавшийся до визгливого вопля. Он длился с минуту, может, больше, и у него пошли мурашки по всему телу. Затем раздался еще стон. И еще один. И сдавленный крик боли.
– Моя голова! Голова! Голова! – Голос его матери. – Оу-у-у! Оу-у-у! Оу-у-у! О господи, сделайте что-нибудь! О, пожалуйста, помогите мне, кто-нибудь, помогите мне, пожа-а-а-луйста! Помогите! Помогите! На помощь!
Крики усиливались. Они становились все надрывнее.
– О, пожалуйста, помогите мне… о господи! – И очередной вопль, полный такого ужаса, словно вырвался из самой глубокой ночной тьмы.
Потрясенный Дэниел стоял как вкопанный, широко открыв рот, не в силах поверить…

24

Лондон. Вторник, 8 ноября 1994 года

По контрасту с голосом, который вчера прозвучал в трубке, у Зандры Уоллертон было нежное и веселое лицо. Губерт Уэнтуорт был прав в своем предположении, подумала Монти, – Зандра станет успешной журналисткой. Сила характера, решительность и профессионализм сказывались в том, как она держала себя, когда они уселись лицом друг к другу за маленьким белым столиком, в ее стенографическом блокноте, толстой папке и мобильном телефоне, который она аккуратно положила рядом со своей чайной чашкой.
Коротко подстриженные вьющиеся черные волосы. Аккуратный темно-синий костюмчик, достаточно модный, чтобы его можно было надеть на прием, и очки; курносая физиономия в веснушках. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки. Единственной приметой, говорившей о ее юности, были ярко-зеленые ногти. Монти прикинула, что ей не могло быть больше двадцати одного года, и поймала себя на том, что завидует этому раскованному созданию; глядя, как легко та тонкой струйкой наливает молоко в свой чай, Монти почувствовала себя женщиной средних лет, несмотря на то что и сама предпочитала молодежную моду – мужская джинсовая рубашка поверх белой футболки, узкие черные брюки и обувь из Челси.
Зандра открыла свою папку, вынула сколотую воедино пачку страниц и через стол протянула их Монти.
– История болезни Сары Джонсон, – сказала она. Как и раньше, голос у нее был строгий и деловитый.

Первая страница, на которую Монти бросила взгляд, была фотокопией ряда строчек мелкого корявого почерка. Записи врача о состоянии больного, поняла она, расшифровав несколько строк.

Она подняла глаза, испытывая смущение оттого, что залезла в чью-то личную историю, и опасливо обвела взглядом почти пустое кафе – а вдруг кто-то смотрит на них. Усталая официантка у кассы проверяла счета, а другая подравнивала стулья. Двое арабских бизнесменов, расположившись за третьим от них столиком, оживленно дискутировали о чем-то, а женщина в кашемировом свитере была поглощена разговором по мобильному телефону. Освещения в кафе явно не хватало, и тут стояла какая-то мрачная, унылая атмосфера, стены были с детской старательностью расписаны сценами из ткацкой промышленности, а из музыкального ящика еле слышно доносился «Остров на солнце» [14]
.

Монти снова уставилась на документы.
– Как вы их раздобыли? – спросила она у репортера.
– На такие вопросы я никогда не отвечаю, – сказала Зандра Уоллертон с таким видом, что Монти поняла, как глупо с ее стороны было спрашивать.
– Ведь медицинские данные не разглашаются.
– Она мертва.
– Это что-то меняет? – вспылила Монти.
Репортер на мгновение вроде смутилась, а потом пожала плечами:
– Мне приходится делать много того, что трудно назвать достойным делом, мисс Баннерман. Это зависит от того, что мне надо. Я ищу истину, а она часто не отличается красотой.
Слушая ее, Монти внезапно подумала, что такие слова могла бы сказать женщина гораздо старше ее.
– Три женщины умерли при родах от неизвестного вируса, который похож на что-то среднее между возбудителями опоясывающего лишая, краснухи и псориаза, – и каждая произвела на свет ребенка с синдромом циклопа. – Репортер сделала паузу, чтобы выпить глоток чаю. – Все они лечились от бесплодия при помощи лекарства, созданного «Бендикс Шер», и называлось оно «Матернокс». – Зандра склонила голову набок и, выразительно вскинув брови, посмотрела на Монти.
– Они больше ничего не принимали?
– Вообще никаких лекарств, – по крайней мере, семейные врачи им ничего больше не прописывали и акушеры ничего не давали. Я проверила.
Монти задумалась.
– Недавно в газетах прошли публикации о частых случаях рождения детей с уродствами. Причиной называлась загрязненная морская вода. Я предполагаю, что, возможно, все они были на одном и том же морском курорте. Не могли ли они что-то там подхватить?
Журналистка отрицательно покачала головой:
– Ни одна из этих женщин не покидала свой дом во время беременности. Я и это проверила.
– Вы потрясающе дотошны, – восхищенно сказала Монти.
Собеседница не обратила внимания на комплимент:
– Есть кое-что еще… может, это важно, а может, и нет. Все три женщины получали «Матернокс» в магазинах «Прайс сейв драгсмарт».
– Ну и что? – спросила Монти.
– Они принадлежат «Бендикс Шер».
– Вы шутите? Я понятия об этом не имела!
– Мало кто знает – они предпочитают тщательно скрывать, как компания сбывает свою продукцию; выглядит это так, словно магазины сами ее закупают из-за высокого качества. Хитрый маркетинговый ход.
Монти задумалась.
– Пока я не вижу, почему так важно, что капсулы «Матернокса» были куплены именно в «Драгсмарте», а не где-то еще.
Зандра Уоллертон пожала плечами:

– Может, и не важно… но это еще одна зацепка.
Монти помешала чай.
– Вы говорили с кем-нибудь из врачей умерших женщин?
– Пыталась, но без толку… чему не стоит удивляться. Клятва Гиппократа и все такое…
Монти уставилась на нее, удивляясь, как журналистке удалось раздобыть истории болезни. Неужто она взламывала кабинеты врачей? Или этот застенчивый с виду журналист Губерт Уэнтуорт подкупил кого-то для этой цели?
– Предполагается, что врачи вносят в историю болезни данные о всех побочных эффектах лекарств, которые они прописывают. Не так ли?
– Конечно, это предполагается, но многие из них не утруждаются такими хлопотами. Они должны заполнять безумное количество документов, которые идут в Министерство здравоохранения и в разные комитеты надзора за медициной. Но все это означает кучу бумажной работы. Имеется также официальное правительственное учреждение, которое конфиденциально выясняет причины смерти рожениц – их пытаются отслеживать региональные консультанты, – но его, в свою очередь, контролирует главный офис Министерства здравоохранения, и, пока информация доходит до места назначения, проходит от двух до трех лет.
– Вы не шутите?
– Я продолжаю работать над этим.
– А что скажете об отделе медицинской информации в «Бендикс Шер» – их это, конечно, заинтересовало бы?
Репортер издала циничный смешок:
– В первый раз, когда я сделала попытку поговорить, встретила этакую обаятельную Слоан из отдела медицинской информации и связи с общественностью, которая меня мигом выставила, так что я направилась прямиком к главе отдела, к холодной стерве Линде Фармер. Она сказала, что компания не получала никаких критических замечаний ни от одного врача, и выдала мне официальную информацию по поводу «Матернокса» – всю эту ахинею о сорока миллионах женщин по всему миру, которые принимали этот препарат, – и не было никаких сообщений о побочных эффектах.
– Как вам удалось установить связь… ну, то есть найти эти три случая?
– Через тысячи телефонных звонков по больницам и моргам.
– Но каков был первый импульс заняться этим делом?
– Короткий разговор с Губертом. Он попросил меня выяснить, сколько случаев за год считается нормой.
Перед Монти забрезжило какое-то объяснение.
– Вы не думаете, что он одержим навязчивой идеей относительно «Бендикс Шер»?
– Да, конечно, он испытывает к компании определенные чувства… но думаю, что называть их одержимостью – это чересчур. Я считаю, что если бы вы потеряли дочь, то были бы готовы перевернуть вверх дном и небо и землю, чтобы выяснить, почему она погибла.
– Значит, дело только в этом? Обезумевший от горя мужчина пытается понять, в чем смысл гибели его дочери?
Репортер покачала головой:
– Не только.
– Что вы имеете в виду?
Помедлив, она наклонилась вперед, так пристально вглядываясь в чай, словно искала какой-то предмет, упавший в чашку:
– Это воняет.
– Вы в самом деле так думаете?
– Ага. Мои инстинкты подсказывают… может, я не права, но не удивилась бы, узнав, что в моей квартире копался кто-то из «Бендикса». У меня слишком мало доказательств, чтобы выступать в прессе. Я жду, когда еще одна беременная женщина умрет при родах от вируса, явив на свет ребенка с синдромом циклопа, после чего собираюсь сесть на хвост ее семейному врачу и неделю не давать ему покоя, пока он, черт возьми, не согласится поговорить со мной.
– Мистер Уэнтуорт сказал, что из вашей квартиры ничего не было похищено. Это верно?
Зандра Уоллертон кивнула и, слегка смутившись, посмотрела на Монти:

– Ну… была одна вещь. Может, этот долбаный взломщик – тайный извращенец. Пропала пара трусиков, я думала, что кинула их в стиральную машину… но их там нет и нигде нет.
– Трусиков? – удивилась Монти.
– Ага. С цветочками.
– Очень странно, – сказала Монти.
– В мире вообще очень много странных людей, – ответила ей молодая журналистка.

25

– Так что ты думаешь?
– Просто супер. – Чарли Роули одобрительно окинул взглядом гостиную, подошел к широкому фасадному окну и посмотрел вниз на тихую тенистую улицу, которая тянулась этажом ниже. Открыв шпингалет, он на несколько дюймов приподнял тяжелую оконную раму и прислушался к негромкому гулу движения по Фулем-роуд, которая располагалась в двухстах ярдах отсюда, шума почти не было слышно.
В дальнем конце комнаты Коннор через маленькое оконце смотрел на прогулочный дворик и ухоженный сад, которые принадлежали квартире на первом этаже.
– Тебе не кажется, что и арендная плата вполне приемлемая? – осведомился он.
– Немного переплачиваешь за район, но это терпимо – учитывая, что живешь практически в Челси. Оплата аренды и обслуживание – вот на что уходят средства! – сказал Роули, раскуривая сигарету. – Тебе надо будет что-то сделать с этими окнами – чертовски тянет холодом.
Роули перечитал письмо от агента по недвижимости, которое приобщил к прочим документам. В квартире стоял такой же режущий холод, как и снаружи, и они оба были в пальто: Коннор в своем длинном синем «кромби», а Чарли Роули – в потертом зеленом «берберри», который давно потерял товарный вид.
– Справимся.
– Юридический отдел «Бендикс Шер» сделает для тебя договор – только убедись, что они сообщили, сколько тебе надо переплачивать за дополнительные услуги.
– Конечно, – не слушая, сказал Коннор. Он хотел получить эту квартиру. Он влюбился в нее с первого взгляда, когда в субботу увидел ее, залитую солнечным светом из окон. По правде говоря, она вызывала самые лучшие чувства, с ее высокими потолками с лепниной, с огромным мраморным камином. Коннор почувствовал себя словно в родном доме. Несколько старых ковров, древности, картины по стенам – и вот вам классическая английская гравюра.
Здесь была только одна спальня, но приличного размера; она тоже выходила на юг, как и гостиная, так что света в ней хватало. Ванная комната тоже была просторной, с большой старомодной ванной, стоящей на литых львиных лапах, с огромным краном и настоящей медной пробкой.
Кухня была немного тесновата, но в ней был такой уютный обеденный альков в нише под аркой, что она более чем устраивала. Здесь Коннор легко мог представить себе ужин при свечах, может, в обществе Монтаны Баннерман. Завтра утром ему с ней встречаться, и он уже ждал этого свидания. За прошедший уик-энд он не раз вспоминал о ней, и каждый раз его охватывало тепло.
Роули посмотрел на часы:
– В семь у меня встреча с друзьями у «Герцога в сапогах» – присоединишься?
Коннор кивнул; никаких планов у него не было.
– Спасибо.
– Чувствую, что волью в себя не одну кружку. Надо предупредить Лулу, чтобы утром она меня подняла на работу.
Лулу была подружкой Роули, но, судя по разговорам Роули, он почти не замечал ее присутствия. Когда у него к обеду собиралась компания, она готовила и вообще следила за его бытом, и, как Коннор успел убедиться, пусть она и не жила с Роули, но была неизменной принадлежностью его жилища.
Они вышли на площадку, и Коннор, прикрыв дверь, запер ее ключом с ярлычком.

– Сегодня вечером надо кинуть его в почтовый ящик агента по недвижимости – это как раз за углом.
– Никаких проблем. – Роули еще раз глянул на часы, они спустились по лестнице и вышли на улицу.
Коннор подошел к своему «БМВ», и индикаторы подмигнули ему. Роули остановился и восхищенно уставился на девушку на другой стороне улицы.
– Человече, да она настоящая красавица, – сказал он. – Она мне серьезно нравится. Как ты думаешь, если я очень вежливо обращусь к ней, она согласится стать матерью моих детей?
– Может, тебе стоит начать с чего-то попроще, – предложил Коннор, устраиваясь на месте водителя. – Для начала предложи ей чашечку кофе или что-то в этом роде и постепенно, в течение ближайших двух лет, подведи разговор к детям. Только не торопись, а то все испортишь!
Роули огорченно проводил девушку взглядом, пока она не исчезла за дверью.
– Слишком поздно. Все шансы потеряны. Типичная история моей жизни.
– Одна дверь закрывается, другая открывается, – сказал Коннор.
Роули, устраиваясь на пассажирском сиденье, что-то буркнул и перекинул через грудь ремень безопасности.
Когда Коннор включил зажигание, Роули, наклонившись вперед, включил радио.
– Хочу поймать новости… посмотреть, что сегодня делается на бирже.
– Ты играешь на ней?
– Так… немножко. Вот Роулингс, который был на обеде… это тот еще брокер! Если кто-то понадобится, я дам тебе его номер.
Коннору не пришлось напрягаться, чтобы подсчитать: после того как он выложит арендную плату и все расходы по квартире плюс еще стоимость обстановки, для игры на бирже от его доходов почти ничего не останется.
– Спасибо, – сказал он. – Буду держать в уме.
Роули нашел в эфире новости.
«…Фармацевтический гигант „Бендикс Шер“ объявил, что обговорены условия приобретения американской фирмы „Морган – Фелц“. После завершения всех формальностей базирующаяся в Британии компания „Бендикс Шер“ станет четвертой крупнейшей фармацевтической компанией в мире. В своем интервью, которое он дал сегодня в первой половине дня, председатель совета директоров сэр Нейл Рорке сообщил, что значительная часть производства „Морган – Фелц“ будет переведена в строящийся новый завод в Глазго – это даст примерно три тысячи рабочих мест. А теперь – спортивные сообщения и…»
Роули тихо присвистнул, вытряхнул из пачки сигарету и предложил Коннору:
– Угощайся. Хочешь?
– Нет, спасибо. Ты что-нибудь знал об этой операции?
– Ни слова. Эти шишки из «Бендикса» держали карты вплотную к орденам.
– Ты знаешь кого-нибудь из основного состава совета директоров?
– Вроде, – сказал Роули. – Встречался с Рорке, он один из хороших парней. Но на самом деле он не рулит, он занят только часть времени – приходит на пару дней в неделю. Я думаю, им крутят туда-сюда… что-то вроде приятного лица капиталистической фармацевтики. А вот Кроу не вызывает у меня никаких приятных эмоций.
– Почему же?
Роули пожал плечами:
– Просто интуиция. Он манипулятор… и в то же время ученый, что более чем странно для исполнительного директора.
– А я и не знал, что он ученый.
– Занимался молекулярной биологией – начинал с клинических исследований. Ты не можешь добраться от лаборанта до кресла исполнительного директора только потому, что ты хороший ученый, – для этого надо быть и хитрым, и безжалостным. А он обрел репутацию полного ДЕРЬМА.
– Как и большинство тех, кто добился успеха, – сказал Коннор. – Я думаю, что Рорке – исключение. – Он повернул на Фулем-роуд. Прекрасное место, подумал Коннор: дюжины магазинов и ресторанов, жизнь так и бьет ключом. Всплыли воспоминания о Джорджтауне.
– Слышь, Коннор, вот те фокусы, что ты откалывал за обедом… Ты гипнотизировал?

– Чего?
– Ты когда-нибудь пробовал использовать гипноз для чего-то еще?
– Например?
– Чтобы бросить курить. Или получить работу?
Коннор ухмыльнулся.
– А почему бы и нет? Если ты в самом деле можешь делать то, что сотворил с Коринтией, то в твоем распоряжении невероятная сила. Но скорее всего, все это были фокусы, да? Вот это битье стекол, тушение сигареты?
Коннор молча вел машину и затем подрулил к обочине у агентства недвижимости.
– Ага, – наконец сказал он. – Это были просто фокусы.

26

Лондон. Среда, 9 ноября 1994 года

Джейк Силс, держа в руках полиэтиленовый пакет, который служил ему атташе-кейсом, вышел из лифта на шестом этаже, пересек пустынную приемную, ввел в специальное устройство свою электронную карточку, набрал в дверном замке код допуска и уверенно двинулся по коридору к своей лаборатории. Единственным звуком было поскрипывание его резиновых подошв, шипение воздуха в кондиционерах и ровный гул, похожий на жужжание пойманного насекомого, который издавал неисправный флуоресцентный светильник.
Он зевнул, испытывая такую свинцовую усталость, словно принимал какое-то лекарство и его воздействие еще сказывается. При такой усталости надо быть особенно осторожным. Он знал, что дорожные происшествия случаются, когда человек именно в таком состоянии. Он остановился рядом с висящим на стене огнетушителем: резкая боль, пронзившая мышцу на лбу, заставила его вздрогнуть. Боль была какой-то новой, он никогда раньше такой не испытывал, и это удивило его. Она снова уколола его, и Джейк хлопнул рукой по голове; он испытывал ощущение, что какое-то насекомое размером с уховертку ползет под кожей как раз над бровями.
Это усталость, вот и все. Ну до чего дерьмовое состояние, когда устал до мозга костей, подумал он, снова глубоко зевая и глотая воздух, опасливо посматривая в обе стороны длинного коридора. Ни в кабинетах, ни в лабораториях свет не горел, освещен был только коридор. Как он и надеялся, этаж был безлюден; он полагал, что, если не считать охранников внизу и нескольких инженеров-компьютерщиков ночной смены, в эти ранние утренние часы во всем здании никого нет.
На его часах 5:35. Мисс Баннерман будет здесь с минуты на минуту. Если повезет, у них будет полных два часа, прежде чем кто-то появится. Времени достаточно. Он поежился и растер зябнущие руки. Снаружи стоит утренний холодок, да и тут не теплее. Датчики теплосистемы должны уловить его присутствие и подкорректировать термостат; через несколько минут станет тепло.
Он зашел в свой маленький кабинет в дальнем конце коридора, в котором вместе с разместившимся в нем письменным столом, компьютерным терминалом, телефоном и бумагорезкой почти не оставалось свободного места. Джейк положил свой пластиковый пакет на единственный стул для посетителя. В воздухе стоял привычный утренний запах цитрусовых от того состава, которым пользуются уборщицы, и Джейк был рад, что они уже завершили свою работу – наверное, ночью. Им никто не помешает. Лоб снова пронзило болью, и в голове полыхнула какая-то вспышка. На какое-то мгновение он неподвижно застыл на месте, дожидаясь, пока это пройдет. Дело в том, что он не выспался, вот и все. Вот в чем проблема. И еще он испытывает чертовское напряжение.
Он снял анорак и повесил его на дверь, но остался в куртке и сверху еще натянул защитный комбинезон. Затем Силс направился к кофеварке, которая стояла в нише у входа в туалет в нескольких ярдах дальше по коридору, приготовил себе самый крепкий кофе, вдоволь молока и большую порцию сахара.

Когда автомат, побулькав, замолчал, старший техник вдруг ощутил, что у него подкашиваются ноги. Он прислонился к стене. У него кружилась голова, и неожиданно его пробил обильный пот. Закрыв было глаза, он сделал несколько глубоких вдохов. «Может, подхватил какую-то заразу», – подумал Силс.

Он собирался потратить вечер, чтобы подготовиться к этому утру, но приятель уговорил его пропустить по паре кружек пива. Пара превратилась в четыре кружки, затем в шесть, а затем они разговорились с двумя птичками, с ними завалились на дискотеку, в полвторого утра он убедился, что машина его стоит в каком-то квартале в Хanслоу, а он пытается забросить ноги на спинку сиденья. Безуспешно.

Он уже сожалел о своем обещании помочь этой Баннерман. Лощеная маленькая сучка. Джейк плохо понимал, зачем он вообще согласился, потому что теперь его ждала чертова куча работы, чтобы все подготовить к убедительному завершающему анализу, – но предварительное знакомство в самом деле выявило что-то странное, и это что-то заинтриговало его настолько, что он решил идти дальше. Джейк отбросил с лица волосы. Глаза горели, словно засыпанные песком, а мозг работал только вполовину мощности.

Взяв горячую чашку, он вернулся в свой кабинет, открыл пакет и принялся методично выкладывать на стол его содержимое. Шесть маленьких белых флакончиков с наклейками с номерами партии и серии. В каждом – капсулы «Матернокса». Рядом с ними он положил экземпляр текста, который ему удалось раздобыть, – он содержал описание правильного образца и тонкую полоску хроматографического анализа. Затем он снова прочел номер на первом флакончике: BS-M-6575-1881-UKMR.

И буквы, и цифры – все имело значение, главным образом потому, что в случае возникновения каких-то проблем с качеством можно было точно установить место и время производства этой партии. За год только в Англии «Матернокс» принимали более ста тысяч женщин. Две недели каждого месяца надо было принимать по две капсулы четыре раза в день в течение минимум шести месяцев, а средняя длительность употребления лекарства до момента зачатия составляла пять месяцев.

Мисс Баннерман спрашивала, может ли он выяснить номера тех серий «Матернокса», которые принимали три умершие женщины. В понедельник днем после ланча с ней он позвонил своему приятелю Рику Уилсону, возглавлявшему отдел контроля качества на заводе в Рединге, и сообщил ему подробности рецепта, выписанного врачом этой скончавшейся женщины. Вместо того чтобы оказать ему, как полагается, дружескую помощь, Уилсон стал до абсурда сдержанным и формальным, сообщив Силсу, что такое распоряжение может отдать только доктор Линда Фармер, начальник отдела медицинской информации и связи с общественностью. Уилсон уже пару лет был перед ним в долгу. Силс практически забыл его, зная, что когда-нибудь он расплатится; строго говоря, он не хотел вспоминать его в связи с «Матерноксом», но тем не менее в ходе разговора упомянул о нем. Уилсон, похоже, не уловил намека и продолжал стоять на своем, так что Силс не стал давить на него.

И тут, к его удивлению, в понедельник вечером в его почтовом ящике оказался коричневый конверт в сопровождении краткой записки без подписи, которая завершалась требованием по прочтении уничтожить ее. В записке, по почерку которой он опознал Рика Уилсона, утверждалось, что у всех трех умерших женщин рецепты были выписаны на «Матернокс» из партии с тем же самым номером BS-M-6575-1881-UKMR, которая была произведена в Рединге. Вместе с флакончиком с капсулами из этой партии в конверте было пять других флаконов с номерами взятых наудачу партий.

Скончавшиеся женщины жили, соответственно, в Рединге, Бирмингеме и Эдинбурге. И это было более чем странным совпадением, что из тысяч различных партий, которые каждый год производились на трех предприятиях Соединенного Королевства, этим трем женщинам, жившим в трех совершенно разных географических районах, были прописаны капсулы «Матернокса» из одной и той же партии.

Силс посмотрел на часы. 5:45. Она уже опаздывает на четверть часа. Он сложил флакончики в карман своего комбинезона, взял данные по хроматограмме и чашку кофе и все понес через коридор в лабораторию, которую он использовал для экспериментов, где требовалось прямое наблюдение. Сенсоры автоматически включили свет. Стояла полная тишина, которую нарушал лишь еле слышный гул от работающей аппаратуры.

Проходя между рядами белых, в щербинах, стульев, он остановился проверить ход двух важных экспериментов, которые он проводил с тем, чтобы их результаты нелегально прихватить с собой, когда в следующем месяце перейдет на новое место в «Кобболд тессеринг». В одной колбе в очень слабом растворе ядовитой кислоты BS93L5021 лежала гроздь клеток, и это варево он называл супом Бендикс. Даже невооруженным взглядом он видел, что в течение ночи не произошло никакой реакции.

Раствор был слишком слабым, решил он, ставя на стол чашку кофе с блюдцем и быстро натягивая защитные перчатки. Он знал, что по стандартным правилам безопасности, принятым в компании, он должен надеть и защитные очки, но, плохо соображая своей одуревшей головой, он решил не иметь дело с тусклыми стеклами – а рядом не было никого, кто мог бы сказать, что он подает плохой пример.

Он подошел к шкафу с дверцами из небьющегося стекла с предостерегающей надписью «Осторожно! Биоопасность!» и, засунув в него голову, осторожно ухватил синюю пластиковую емкость с винтовой крышкой, в которой содержалась бутылка с полугаллоном кислоты.

И вдруг внезапно, едва только он почувствовал вес емкости и приподнял ее на несколько дюймов, он ощутил слепящую боль где-то за правым глазом, словно в висок ему всадили нож. В тот же самый момент раздался глубокий горловой рык, за которым последовал другой, еще более громкий и свирепый, и откуда-то из глубины шкафа прямо на него прыгнул волк с широко открытой пастью, с острыми клыками, скользкими и влажными от слюны.

Он потрясенно вскрикнул от изумления, и у него подогнулись ноги, словно из них выдернули кости. Весь мир медленно пошел кругом. Глаза, полные ужаса, вылезли из орбит, когда он смотрел, как синяя емкость вращается в воздухе над его головой, как отлетает винтовая крышка и бутылка с полугаллоном янтарной жидкости валится на него вниз горлышком.

И как слетает крышечка бутылки.

Его пронзило ужасом, когда он увидел, как жидкость выплескивается из бутылки и, набирая скорость, обрушивается на него с мощью и скоростью струи из пожарного насоса.

Они залили ему грудь и лицо, которое обожгло такой режущей болью, что он вскрикнул, после чего стал корчиться, схватившись за скулы, – а жжение превращалось в невыносимую боль, когда молекулы кислоты принялись разъедать протеин кожи, выжигать зрачки и роговицу глаз, рвать губы и растворять его защитную одежду.

Когда Монти вышла из лифта на шестом этаже, до нее донеслась слабая трель сигнала тревоги. В это время она ругала себя за то, что проспала, – ей это никогда не было свойственно, и она не могла понять, что с ней случилось сегодня; машину она вела по замерзшей дороге, как лунатик. Она должна была выскочить из постели, едва только зазвонил будильник, но ей хотелось ухватить еще несколько драгоценных минут сна… и вместо этого она снова заснула. Добрых чувств она у Джейка явно не вызовет.

По пути она остановилась рядом с пустой стойкой охраны, бегло посмотрела на слепые экраны системы слежения и прислушалась. Явно сигнал тревоги. Она вставила карточку-пропуск, набрала свой кодовый номер и открыла дверь; сигнал тревоги стал громче, и она увидела красный мигающий огонь над дверью самой последней лаборатории напротив кабинета Джейка.

Кинувшись бегом, она добралась до двери лаборатории и уставилась в стекло. За ним ничего не было видно. Монти лихорадочно вставила карточку, набрала код и толкнула дверь.

Едва она появилась на пороге, как ее окутали едкие жгучие клубы испарений; от них щипало в глазах, жгло горло и легкие, и, закашлявшись, она стала звать Джейка Силса. Сорвав с шеи шарф, она прикрыла им лицо и вошла внутрь.

Глаза у нее оставались незащищенными, и в первый момент она не заметила ничего необычного. Но тут она услышала жуткий воющий стон, от которого содрогнулись все нервы; он напомнил ей умирающую собаку, которую она однажды подобрала, – ее переехал грузовик, и у собаки была раздавлена вся нижняя половина туловища. Она в мучительных страданиях умерла у нее на руках.

– Мистер Силс? – закричала она и содрогнулась в отчаянном приступе кашля – эти жуткие испарения душили ее. Пригнувшись, она сделала несколько шагов в лабораторию. – Мистер Силс? – Над ее головой пронзительно верещал сигнал тревоги. В воздухе стоял резкий и едкий запах, который резал слизистую носа и горла.

У ее ног что-то зашевелилось. Она сделала несколько шагов вперед и, ступая по битому стеклу, снова окликнула Силса. Но когда Монти внезапно ясно увидела представшее перед ней зрелище, она потеряла дар речи. Беззвучный вопль застрял в горле.
Нечто человекообразное, в котором Джейка Силса можно было узнать лишь по нескольким прядям длинных каштановых волос, с одной стороны прилипших к дымящемуся черепу, и по ковбойским сапожкам, лежало на полу под рабочим столом. Он извивался, как издыхающая змея, под большой хромированной головкой аварийного душа, продолжая издавать болезненные стоны и вопли.
Лицо Джейка представляло собой бесформенную черную обугленную массу; она меняла форму у Монти на глазах – небольшие клочки кожи сползали и падали на изразцовый пол.
Она отступила назад, беззвучно шепча его имя. Она попыталась что-то сказать, дабы дать знать Джейку, что она здесь, она пришла, но ее мозг был парализован ужасом. «Для ожогов нужна вода», – подумала Монти, глядя на головку душа. Но… она годится в одних случаях и совершенно непригодна в других. Какой чертовщиной его залило? Кислотой? В таком случае вода годится, она растворит кислоту.
– Боже мой, Джейк, что это, в чем вы?
Жалкий неразборчивый стон вырвался оттуда, где на глазах таяло и расплывалось лицо Джейка. Оно дернулось в ответ, и там, где должен был быть рот, открылся какой-то проем, издавший слабый звук.
Монти уставилась на него:
– Волк? Вы сказали – волк!
– Влллккк… – Звук сменился глухим стоном.
– О чем речь? Это какая-то химия?
Он выдавил еще один глухой стон, который внезапно сменился жутким криком боли.
Монти не имела представления, что Джейк имел в виду, но у нее больше не было времени задавать вопросы. Она схватилась за массивное вытяжное кольцо. В голове была полная сумятица. Она попыталась успокоиться, припомнить курс первой медицинской помощи, который изучала лет десять назад, вспомнить, что пожилая медсестра рассказывала им о химических ожогах. Вода. Вы должны водой растворить и смыть химикалии. Она резко дернула ручку вниз, и тут же из форсунки размером с обеденную тарелку хлынул поток прозрачных струй.
Соприкоснувшись с Джейком, они вызвали появление таких клубов пара, словно взорвался бойлер. Она услышала болезненный вскрик, и Джейк тут же исчез в густом облаке, которое стало обретать ядовитую желто-зеленую окраску.

> По мере того как хлестала вода, облако становилось все плотнее, все удушливее, оно распространялось во все стороны, окутывая и ее тоже. Монти быстро отступила, она была настолько напугана, что не знала, как действовать дальше; сейчас от нее не было никакой пользы. Она была так потрясена, что не могла собраться с мыслями.
> Должно быть, нельзя вдыхать.
> Глядя на льющуюся воду, она не могла сообразить, улучшает ли она ситуацию или ухудшает. Монти закашлялась; глаза ее слезились. Она услышала гулкий хрип; он доносился из ее груди. Она вспомнила, что Джейк говорил ей.

«Оно растворяет плоть и мгновенно включается в кровоток, вызывая внутренние кровоизлияния и уничтожая легкие».
Запаниковав, она отскочила, повернулась, кинулась к телефону на дальней стене и сорвала трубку. Теперь ей приходилось бороться за возможность вдохнуть. Она слышала странные звуки в горле, чувствовала, как легкие в груди сводит судорогами. Они все ближе. Они смыкаются вокруг нее. Перед глазами все плыло, и она с трудом различала цифры на кнопках. Дышать становилось все труднее. Школьная подруга едва не умерла от приступа астмы, потому что забыла свой ингалятор. Монти никогда не могла забыть зрелище, как та лежала на игровой площадке, хватая ртом воздух и шипя, как проколотая шина. Вот это и происходило с ней сейчас: горло было перехвачено судорогой, легкие не работали, не в силах втянуть хоть каплю воздуха.

Она буквально уткнулась лицом в кнопки набора, нажала 999. В ушах звенело от хрипа и бульканья в груди. До нее почти не доносились жуткие стоны Джейка. Но все же ей пришлось одной рукой прикрыть ухо, чтобы расслышать голос оператора аварийной службы, пока она старалась стоять на ногах, не потерять сознание. «Ты должна дышать», – подумала она, когда рухнула на жесткий изразцовый пол.

27

Барнет, Северный Лондон. 1946 год

– Он умер.

Владелец магазина домашних животных с подозрением посмотрел на маленького мальчика, глубоко засунул руки в карманы своего коричневого комбинезона, облизал губы и провел языком по деснам. Это была стандартная оборонительная тактика, к которой он прибегал, когда приходилось иметь дело с разгневанной пожилой дамой, которая жаловалась, что их кошка не хочет есть новую разновидность корма, купленную по его настоятельному совету.

– Здесь он был совершенно здоровым, – прищурился торговец. – Ты дал ему воды сразу же, как пришел домой?

– Да, – тихо сказал Дэниел Джадд.

– И ты вынул его из коробки для ботинок и поместил в нормальную клетку?

– Да.

– Есть давал?

Дэниел скорбно кивнул.

Мужчина внимательно рассматривал его. Мальчишка выглядел достаточно прилично – аккуратно одет, хорошая речь, застенчив; явно не тот тип, который плохо относится к животным, хотя торговца не очень волновало, что будет с кроликом после того, как тот покинул магазин. Глупое злобное создание, которое, стоит только зазеваться, цапнет тебя за палец. Он никогда не видел в них смысла, разве что они пользовались популярностью у детей. И было не менее дюжины разных причин, по которым они могли скончаться в младенческом возрасте. Настоящая проблема в том, что у организма нет сопротивляемости.

Вот взять, например, хамелеонов. Они совершенно иные. С ними стоит иметь дело. Разве что, мрачно подумал он, еще перед войной не видел ни одного в оптовой продаже. За это должен ответить Гитлер. За отсутствие бананов и хамелеонов.

– Предполагаю, что тебе нужна еще одна коробка из-под обуви? – буркнул он.

Мальчик протянул монетку в шесть пенсов и с надеждой посмотрел на него.

– Прошу вас, сэр.

При слове «сэр» мужчина смягчился. Чувствуется уважение. Ему нравилось, когда его уважали; с самого начала войны он стал ощущать, что уважения в обществе становится все меньше. Дэниел понимал, что такое уважение. Он знал, что лучший способ получить от взрослого то, что тебе надо, – это проявить к нему уважение. Тогда человек сразу начинает чувствовать себя важной личностью.

«С ней ничего серьезного, – объявил доктор Хоуксуорт. – Может, приступ мигрени, но беспокоиться не из-за чего».

Дэниел подслушивал под родительской дверью.

– Словно ножом, доктор, – сказала его мать. – Это было, словно кто-то ткнул меня ножом в голову и повернул лезвие. Мне стало дурно, закружилась голова.

– Я возносил моления Господу за нее, – перебил ее отец.

– А как вы себя чувствуете сейчас, миссис Джадд?

– Тошнит. Колотит с головы до ног. Бог за что-то наказывает меня. Он знает наши грехи. И наказывает нас, как Он считает нужным.

– Боюсь, что у вас классические симптомы мигрени, миссис Джадд. Может быть, вы испытывали в последнее время нервное напряжение?

– Доктор, если бы у вас был ребенок с таким нечистым сердцем, как Дэниел, вы бы все время были в напряжении. Пока не поздно, мы должны спасти его душу от вечных мук. Он испытывает меня, доктор, Он тяжело испытывает нас обоих. Господь карает нас за то, что мы принесли его в этот мир таким, каков он есть. Вы же помните, какие у меня были трудные роды? Как он чуть не убил меня тогда?
– Сейчас я вам дам пару таблеток. Они помогут вам уснуть. И выпишу вам рецепт на лекарство, за которым завтра утром сходит ваш муж. Завтра оставайтесь в постели и гоните от себя дурные мысли.
Дэниел оказался на лестничной площадке, когда доктор Хоуксуорт, высокий и худой, со своими свисающими усами, вышел из спальни вместе с его отцом.
– А как вы себя чувствуете, молодой человек? – спросил он.
– Он-то прекрасно, – ответил отец за Дэниела.
– Рад слышать.
– Доктор Хоуксуорт, я думаю, вы должны знать, что у моей жены никогда в жизни не было приступов мигрени.
– Ну, все когда-то бывает в первый раз, мистер Джадд.
Дэниел успел прокрасться в свою комнату еще до ухода доктора и снова проверил, надежно ли все спрятано. Он был предельно осторожен. Но и сегодня вечером, месяц спустя, можно было увидеть, если сильно прищуриться, еле заметные следы пятиугольника, который он нарисовал мелом на ковре… что ж, будет легче рисовать его снова.
Он не знал, как проверить, не было ли состояние его матери всего лишь совпадением. Может, в то время, когда он произносил заклятие, ее поразил обыкновенный приступ головной боли? Про себя он решил, что так оно и было. Тем не менее он продолжал лелеять искру надежды, что его магия как-то сработала. Сегодня вечером он это выяснит.
Он сделал одну большую ошибку, когда производил магические обряды и произносил заклятия, которыми пытался воздействовать на свою мать. Понял он это потом, когда перечитывал гримуар: он не должен был входить в круг и выходить из него. Войдя в круг, он должен был замкнуть его и оставаться в его пределах, пока не закончит. Но сегодня вечером он не повторит этой ошибки.
Он провел лучом фонарика по циферблату больших круглых часов на полке. Сорок пять минут до полуночи. Хорошая убывающая луна на чистом ясном небе. Отлично. В последний раз было очень непросто три дня прятать кролика; сейчас он все сделал куда лучше.
Он на цыпочках подкрался к дверям, чуть приоткрыл их и прислушался к звукам из спальни родителей. Тишина. Только ровное тиканье высоких напольных часов в прихожей. Он начал готовиться.
Как и раньше, он подоткнул простыню и ночной халат под дверь своей спальни, чтобы наружу не пробилось ни капли света, затем накинул черное полотнище на столик у окна и водрузил на нем черную свечу. Из глубины своего гардероба он извлек носок, который стащил из шкафа отца – гримуар говорил, что годится любой предмет одежды, – и фотографию мистера Джадда в котелке, которую Дэниел выдрал из семейного альбома.
В полночь он разделся, зажег свечу и приступил к ритуалу. Он точно повторил все слова и действия, что и месяц назад, и завершил ритуал, нарисовав кровью кролика круг на носке отца и перевернутый крест – на лбу фотопортрета. Он еще раз прошипел могущественные слова, громко и злобно:

Будь проклят! Будь проклят!
Моя сила проклинает тебя,
Моя сила зачаровывает тебя,
Ты весь во власти моего заклятия.
Будь проклят! Будь проклят!

Он ступил в центр круга, сделанного мелом и солью, закрыл его движением своего церемониального меча, с силой зажмурился и сосредоточился. Дэниел все изгнал из памяти,

кроме изображения худого лица отца, полного железной непреклонности, над белым крахмальным воротничком, с аккуратно завязанным зловещим маленьким галстуком.
Тишина.
Ничего не происходило.
Он снова повторил слова проклятия, на этот раз прошипев их погромче. И снова напряженно прислушался. Но в доме не раздавалось ни звука.
Дэниелу казалось, что он находится в центре круга едва ли не вечность. Гримуар говорил, что сила заклятия сохраняется, пока он находится внутри круга. Спустя какое-то время он стал мерзнуть, но не сделал ни малейшей попытки выйти из круга и накинуть пижаму. У него стали болеть ноги, а все тело ныло от усталости. Он чихнул, зажал нос и напрягся изо всех сил. Наконец, когда минуло четверть третьего утра, он так устал, что не мог больше терпеть. Он сел на корточки посреди круга, поджал под себя ноги и, свесив голову, погрузился в дремоту.
В 3:00, замерзший и усталый, он сдался. Подавленно задул свечу и начал собирать предметы. Завтра, когда мать пойдет пить кофе в церковном кружке, он похоронит кролика в саду, а отцовский носок выкинет в соседское мусорное ведро. Свечу и черное полотнище он прибережет. Сделать свечу потребовало немалых трудов, и, может, скоро он сделает еще одну попытку. Может, стоит сменить заклинание? Может, для мужчин требуется совершенно иное заклятие?
Но скорее всего, понял он, погружаясь в мрачный и беспокойный сон, оно вообще никогда не работало и не сработает. Чтобы оно дало результат, ты должен быть магом. А теперь Бог не на шутку разгневался на него за то, что он сделал.

Он резко проснулся от грохота распахнутой двери, которая с силой ударилась о стенку. Комнату затопил яркий дневной свет. Он все проспал – такова была его первая виноватая мысль, когда он увидел склонившееся над ним искаженное лицо матери, с распущенными и торчащими, как у ведьмы, волосами; глаза ее были налиты кровью и полны слез.
Что-то было не то, но он не знал, что именно. Испуганный, он тут же извлек руки из-под одеяла и сложил их перед лицом, чтобы произнести утреннюю молитву и предупредить ее первый удар. Он плотно закрыл глаза и сжался.
Но он не почувствовал жесткого удара по лицу. И вообще не было никаких звуков. Но тут мать начала истерически вопить:
– Умер! Он у-у-умер! Дэниел… Дэниел… твой отец! О боже! Он проснулся в полночь от страшной головной боли. Он взял аспирин, всего лишь аспирин. Я не могла пошевелить его, не могла разбудить, он холодный, сын! Господь прибрал его. Господь покарал его за твои грехи! Прошу тебя, Дэниел, помоги мне разбудить его!

28

Лондон. Среда, 9 ноября 1994 года

Коннор решил, что единственный способ справиться с обилием работы – это пораньше являться по утрам в офис и вечерами сидеть допоздна.
В четверть седьмого, когда он, постепенно просыпаясь, ехал по Юстон-роуд и слушал, как Майкл Хезелтайн в сводке новостей напористо поносит британскую политику, он увидел впереди мерцающие синие проблески. Подъехав, он заметил, что у здания Бендикс стоят две пожарные машины и карета «скорой помощи» с синим проблесковым маячком на крыше. Небольшая группа пожарных, переговариваясь, стояла на мостовой. Коннор не заметил никаких примет аварийной ситуации, когда повернул направо и подъехал к одному из охранников, стоящих у проема в барьере.
За последние три недели он не меньше дюжины раз встречался с этим строгим стражником тридцати с лишним лет, но, когда Коннор показал ему свой пропуск, тот ни приветствовал его, ни дал понять, что они знакомы.
– Что случилось? – спросил Коннор.

– Химия разлилась, – сказал он таким тоном, словно это было совершенно обычным происшествием.
– Где?
– В одной из лабораторий, – бесстрастно уточнил охранник и, открыв барьер, коротким жестом предложил ему проезжать.
Коннор поставил машину на отведенном для него месте. Даже в тусклом сером утреннем свете он заметил налет грязи на капоте «БМВ» и сказал себе, что вечером, если успеет, надо помыть машину, помня, что в противном случае с него взыщут штраф. Он пошел ко входу в здание, полный желания узнать побольше о том, что случилось.
В вестибюле стояло нормальное спокойствие раннего утра, несмотря на присутствие пожарника в форме и вроде бы старшего офицера полиции, которые беседовали с дежурным охранником. В лифт вошел человек с папкой. Коннор глянул на единственного охранника и с удовлетворением убедился, что сегодня из пяти дежурных на посту самый дружелюбный.
Это был болезненный черный мужчина, чье лицо под копной седеющих волос преждевременно пошло морщинами и теперь напоминало поверхность грецкого ореха. Было трудно понять, сколько ему лет – где-то между пятьюдесятью с лишним и шестьюдесятью, прикинул Коннор. Карточка на лацкане сообщала, что его зовут «У. Смит. Охрана холла».
Показав ему свой пропуск, Коннор тихо спросил:
– Что, тут был какой-то несчастный случай?
Охранник кивнул. Коннор заметил, что его пожелтевшие глаза полны печали.
– Да, сэр, разлились какие-то химикалии. – Голос был вежливый и почтительный, но его владелец не счел нужным сказать что-то еще.
– Что значит – разлились?
– Не знаю, сэр. Все произошло на шестом этаже, сэр.
– Кто-нибудь пострадал?
Помявшись, охранник кивнул:
– Мистер Силс, старший техник-лаборант. У него очень плохи дела… и я не думаю… – У. Смит смущенно остановился на полуслове. – «Скорая помощь» увезла и молодую леди. Я не знаю, что с ней такое. Сказали, что испарения…
– Молодую леди?
– Очень симпатичную. Она пришла в компанию со своим отцом… очень известным человеком. Доктор Баннерман. Получил Нобеля…
Коннору показалось, что ему на голову вылили ведро ледяной воды.
– Мисс Баннерман? Она пострадала? Вы не знаете, насколько серьезно?
Охранник покачал головой:
– Врачи «скорой» ничего не сказали. Она была на носилках и с кислородной маской.
– О черт! Куда ее повезли? В какую больницу?
– Этого я не знаю, сэр.
– В Паддингтон.
Коннор удивленно повернулся. На него смотрел офицер-пожарник.
– Их обоих доставили в клинику Университетского колледжа.
– Как мне отсюда доехать?
Пожарник показал направление. Коннор поблагодарил его и побежал к своей машине.

В отделении травматологии и неотложной помощи было тихо. Тянулись ряды пустых сидений, в ожидании томились всего несколько человек. В приемной стоял сильный вяжущий запах дезинфектантов, смешанный с ароматами перекипевшего кофе.
У окошка в приемной никого не было, но Коннору пришлось подождать, пока женщина, сидевшая спиной к нему, вводила информацию в компьютер. Наконец он обратился к ней:
– Скажите…
Она еще несколько секунд не обращала на него внимания, но потом повернулась и подошла к окошку:
– Прошу прощения, что задержала, дорогуша, но утром у нас не хватает народу. Чем могу помочь?
– Примерно час назад «скорая» доставила жертву несчастного случая… мисс Баннерман. Можете ли сказать мне, в каком она состоянии?

Она пробежала список на конторке и нахмурилась:
– Вы ее родственник?
Коннор услышал надсадный звук сирены подъезжающей «скорой».
– Я… я… я ее брат, – соврал он, отчаянно надеясь, что у Монти нет брата, который уже успел тут побывать. В Штатах, если вы не родственник пациента, больницы не дадут вам никакой информации; он предположил, что и тут точно так же.
Женщина прошла в заднюю часть комнаты и сняла трубку. Коротко переговорив, она вернулась к Коннору:
– Сейчас кто-нибудь освободится и встретится с вами. Присаживайтесь.
Коннор прикинул, сколько ему придется ждать и не стоит ли взять из машины папку с бумагами, лэптоп и немного поработать. Но у него за спиной открылась дверь, и из нее вышла женщина с коротко подстриженными волосами и в белом халате, которая остановилась перед ним.
– Мистер Баннерман?
– Да. – Он встал. – Здравствуйте. – Ему не составило труда соврать.
Ее именная табличка гласила: «Венди Филипс. Завотделением травматологии и скорой помощи». Ее глаза покраснели от усталости, но у нее было приятное и спокойное выражение лица. «Наверное, всю ночь дежурила», – предположил Коннор.
– Вы брат мисс Монтаны Баннерман?
– Да.
– Вы хотите зайти и увидеться с ней?
– Как она?
– В данный момент она под респиратором.
– Пострадала от испарений?
– Мы надеемся, что речь может идти только о них… и ни о чем похуже. Похоже, что со слизистыми рта и горла все в порядке, но у нее были пенистые выделения из легких… не исключено, что они пострадали от ожогов. Но пока еще слишком рано утверждать, что у нее серьезные повреждения внутренних органов. Насколько я понимаю, она надышалась испарениями исключительно едкого растворителя.
– Что он собой представляет?
– Пока еще мы не опознали в нем ни одной из известных субстанций… идут лабораторные исследования. – Она двинулась впереди него по широкому коридору, с одной стороны которого стояли носилки, каталки и баллоны с кислородом. Два санитара торопливо прокатили мимо них пустую каталку.
Пейджер, закрепленный на нагрудном кармане врача, пискнул, и она подняла руку, давая Коннору сигнал подождать, пока она, сняв трубку настенного телефона, не поговорит по нему. Повесив трубку, она повернулась к нему:
– В сопровождении полицейского эскорта к нам из лаборатории компании в Беркшире везут нейтрализатор.
Они остановились перед комнатой, полной мониторов и датчиков. На каталке лежала женщина с кислородной маской на лице. Судя по разметавшимся светлым волосам, он понял, что это должна быть Монтана. Рядом с ней стояла медсестра, она отслеживала оранжевые цифры на мониторах и записывала их в лист, прикрепленный к папке.
Такое выражение глаз Коннор видел только раз в жизни и не мог забыть его. Это были глаза его матери. Шок. Полное отключение от реальности.
– Привет, – тихо сказал он.
В ответ последовал лишь слабый, еле заметный кивок.
Он улыбнулся, стараясь излучать уверенность:
– С вами все в порядке? – Он понимал, что вопрос был глупым, но не мог придумать ничего лучшего.
Еще один кивок.
Инстинктивно он подался вперед и легко коснулся щеки Монти; ее холодная влажность удивила его, но он постарался не показать этого. Ей было плохо, явно плохо. В палату вошли два санитара, а вслед за ними – серьезный мужчина в сером полосатом костюме.
– Доктор Гуди, это брат пациентки, – сказала Венди Филипс.
Коннор смутился. Доктор бросил на него беглый взгляд:

– Мы собираемся взять вашу сестру на рентген. Кроме того, мы хотели бы сделать томоскопию, которая поможет нам выяснить состояние ее легких. Я думаю, что она надышалась парами очень агрессивной субстанции, так что мы должны выяснить, насколько серьезно они поражены.
– Вы думаете, это серьезно? – тихо спросил Коннор.
Они отошли от Монти на несколько шагов.
– Ни на губах, ни на слизистой рта ожоги не просматриваются, нет их ни в ноздрях, ни на верхней части связок. Это хороший знак. Но она была без сознания и еле дышала, когда парамедики добрались до нее. Поскольку мы ничего не знаем о составе этого химического агента, в данный момент мы не можем определить, насколько поражены внутренние органы.
Коннор обеспокоенно посмотрел на Монти:
– А как тот другой человек, который был в лаборатории?
Доктор оцепенел, посмотрел на старшую сестру и жестом дал понять Коннору, чтобы тот вышел вместе с ним в коридор. Мимо них прошли две медсестры, и доктор Гуди тихо сказал:
– Боюсь, что мы ничего не сможем сделать для него.
– Он погиб? – не веря своим ушам, спросил Коннор.
– Он был мертв уже по прибытии. С головы до ног залит этой кислотой. Один из экипажей «скорой» тоже получил ожоги, и у них возникли проблемы с дыханием… один Бог знает, что это за дьявольское варево. – Врач посмотрел на часы. – Анализы займут добрую пару часов… если хотите, я могу пустить вас в комнату. Я предполагаю, что кто-то из компании уже в пути и вместе с ним направляется нейтрализатор для этой химии… хотя мне дали понять, что он не очень эффективен.
– Наверно, сейчас я ничем не могу вам помочь. Но может, вы позволите мне вернуться попозже?
Доктор оживился:
– Я думаю, это будет лучше всего. Позвоните нам примерно к ланчу – попросите сестру Филипс или меня, и мы сможем сообщить вам, как дела.
– Я ценю ваше отношение, – поблагодарил его Коннор и покинул приемное отделение.
Пока он ехал в офис, мысли не давали ему покоя. Он приехал чертовски рано, в четверть восьмого. Мисс Баннерман и старшего техника давно увезли в больницу, значит, они были на месте самое малое полчаса тому назад. То есть где-то около шести – четверти седьмого. В шесть часов утра… черт возьми, да еще час тут никто не появится. Так что они тут делали? Можно не сомневаться – то, о чем никто не должен знать. Это было еще одним доказательством, что его интуитивная оценка Монтаны Баннерман была верна. Она ему пригодится. Не стоит и сомневаться. Коннор отчаянно надеялся, что она пострадала не очень серьезно.

29

Горло у Монти жгло огнем; невыносимо болели глаза.
– Мы хотим снять с вас маску и посмотреть, как вы себя будете чувствовать без кислорода. Хорошо?
Она снизу вверх посмотрела на коренастого, крепко сбитого человека с грубоватым лицом неандертальца и спутанной копной жестких волос, которые росли не только на шее, но и лезли из расстегнутого ворота рубашки. По бокам от него стояли две медсестры, а сзади – группа людей.
Выражение лица доктора обеспокоило ее. Внезапно испугавшись, она сделала несколько быстрых вдохов. Стоило ей подумать, какие она сама нанесла себе травмы, неизлечимые травмы, и ее кожа покрылась испариной. Она со всей яркостью вспомнила выражение лица Силса, когда пару дней назад они разговаривали в лаборатории.
«Вылейте галлон в плавательный бассейн, и стоит вам прыгнуть в него, как за несколько секунд с вас слезет вся кожа. Она действительно ужасна. Не дай бог попадет на кожу, – ее никакими силами нельзя нейтрализовать».

Она видела Силса, лежащего на полу. Его тело исчезло в клубах пара, когда она включила душ. Она помнила, как бежала к телефону звонить в «скорую помощь», как боролась с непокорным диском, – и больше ничего.
– Как… как… он? – Голос звучал как-то странно, он был более высокий, чем обычно, скрипучий и писклявый.
– Ваш коллега?
Она кивнула, отчаянно надеясь на чудо.
– Ничего хорошего, – тихо сказал врач.
– Он… он жив?
Казалось, что для ответа понадобилась целая вечность.
– Боюсь, что ему не удалось выжить. – Пауза. – Вы сделали все, что смогли.
Она закусила припухшую губу:
– Нет, я… я… – Она попыталась вспомнить, вернуться в лабораторию, снова прокрутить в памяти ход событий. Она оставила его лежащим на полу. Джейк стонал, хрипел и извивался под струями воды из душа. Кислота съедала его живьем.
Она чувствовала резкий медный вкус крови и более острый, едкий, дьявольски пронзительный вкус этой химии, который стоял у нее в ноздрях. Он вгрызался и в нее. Вот почему вокруг нее хлопотало столько людей. Студентов привели сюда показать, как она будет умирать в агонии. Как мистер Силс, но помедленнее.
– Вы больше ничего не могли сделать, – сказал врач. – Действовали вы совершенно правильно.
Она мельком вспомнила того дерзкого и самонадеянного Силса, каким он был в понедельник в пабе, когда внезапно закрылся и отказался дальше говорить о компании – словно что-то испугало его. А он не походил на человека, которого можно легко испугать. Да и вчера, когда он тихонько сообщил ей, что достал пилюли, которые ей были нужны, у него был испуганный вид.
Что же случилось с этими пилюлями «Матернокса»? Они тоже уничтожены кислотой или лежат себе где-то в лаборатории? Удастся ли ей как-то связаться с мистером Уэнтуортом до того, как и она умрет?
– Как ваше горло? – спросил доктор.
Посмотрев на него, Монти для проверки сглотнула.
– В общем-то, хорошо… но немного саднит.
– Сканирование, которое мы провели, показало небольшой отек в легких, но беспокоиться из-за него не стоит. Это не более чем реакция на раздражитель, и никаких серьезных повреждений нет. Вы можете испытывать боль от нескольких ожогов, и, пока ткани не зарубцуются, они будут особо чувствительны, но придут в норму через пару недель. А пока вам необходимо беречь их.
Она не испытала облегчения. Ее первой мыслью было, что он лжет. Если даже он искренен, как он может быть настолько уверен? Он не знает, какое разрушительное воздействие оказывает эта кислота. Да и никто не знает.
Она снова сделала вдох. Металлический запах внезапно смягчился – его перебил аромат цветов. Повернув голову, Монти увидела на столике большой букет – и вдруг заметила, что рядом с кроватью сидит отец. Его присутствие сразу же успокоило ее.
В белом свитере с высоким воротником и твидовом пиджаке, отец спокойно наблюдал за тем, что происходит вокруг, как и подобает настоящему вождю племени, которым он и становился, едва только входил в любое помещение. Поймав ее взгляд, он подмигнул Монти, отчего ее сразу же окатило теплом, и она почувствовала прилив уверенности.
– Ты вела себя очень мужественно, моя дорогая, когда пыталась помочь этому бедняге.
– Я сделала не то. Надо было не пускать воду, а оставаться при нем.
– С водой все было правильно. Ты больше ничего не могла сделать.
– Я вернусь утром, – сказал врач. – Проверю, как у вас идут дела. – И повернулся к отцу. – Рад тебя видеть снова, Дик.
– И я тоже. Мне в самом деле приятно.
Монти смотрела, как мужчины обменялись рукопожатиями. Время посещения подошло к концу, и отец наклонился к ней:

– Гордон Ланскомб. В этой стране он ведущий специалист по респираторным заболеваниям. Несколько лет назад я работал вместе с ним в правительственном совете по генетике… Так что ты оказалась в самых лучших руках.
Она улыбнулась в знак благодарности:
– Сколько времени?
Отец посмотрел на часы:
– Половина пятого.
Эта новость удивила ее.
– Пятого?
– Все это время ты спала, дорогая. Как ты себя чувствуешь?
– Хорошо, – вяло сказала она. – Со мной все хорошо. – Она помолчала, глядя на отца. – У тебя нет необходимости оставаться… здорово, что ты здесь, но у тебя много дел… сегодня у тебя что-то намечено, не так ли?
– Переговоры в Суссекском университете… я уже должен бежать. Вернусь утром.
– Как долго мне еще здесь быть?
– Гордон думает, что пару дней, – он хочет, пока твои легкие не придут в порядок, держать тебя под наблюдением. – Он сжал ее руку. – Ни о чем не беспокойся, ты храбрая и мужественная малышка.
– Меня беспокоит эта химия.
– Здоровое человеческое тело – это крепкая и надежная система. Тебе дают коктейль из антиканцерогенных лекарств, он очень эффективен – его используют в ядерной промышленности для рабочих, случайно получивших дозу облучения, – и с тобой все будет в порядке. Только что мне звонил доктор Кроу – сказал, что, если ты хочешь, тебя могут перевести в одну из клиник компании. У них превосходные больницы, но я бы предпочел, чтобы ты осталась под присмотром Гордона Ланскомба. Что ты думаешь на этот счет? – Он вскинул брови.
– Я останусь.
– Весьма благоразумно. – Тут отец нахмурился. – Расскажи мне, дорогая, что же на самом деле произошло? И ради всех святых – почему ты так рано очутилась там?
Поскольку Монти не хотела посвящать отца во все подробности, она попыталась собраться с мыслями.
– Мистер Силс сказал, что через несколько недель он уходит и хотел бы успеть убедиться, что оставляет в порядке все, что нам нужно. Мы решили, что лучше всего прийти с утра пораньше, пока не начали трезвонить телефоны.
– Где ты была, когда произошел этот несчастный случай? Ты видела, как…
Она помотала головой.
– Вот в чем кроется опасность – когда ты устал и измотан, ничего нельзя делать. Я предполагаю, он, скорее всего, споткнулся, но, видит Бог, у него должно было хватить сообразительности – нельзя было таскать столь смертельные химикалии со снятой крышечкой! И без защитных очков!
– Он что-то сказал о волке.
– Ты упомянула волка? – откликнулся отец.
– Я ничего не поняла.
Отец как-то странно посмотрел на нее:
– Волк? – Он взял левую руку Монти и внимательно изучил ее. – Этот состав не попал тебе на кожу?
– Нет.
– Что ж, не думаю, что мне попадались на глаза волки, которые бродят по этому зданию. А тебе?
Она с трудом попыталась улыбнуться:
– Я думаю, он… он был под хмельком. Едва только я вышла из лифта, услышала тревожный сигнал и кинулась в ту сторону. Он… он… – У нее пропал голос.
– Все хорошо… не будем говорить об этом. – Чтобы сменить тему, доктор Баннерман повернулся к цветам. – Интересно, от кого они? От тайного обожателя?

Монти, сдерживая слезы, повернула к ним голову и подняла руку. Понимая, что ей нужно, Дик Баннерман вынул из гущи цветов конверт и протянул ей. Она с трудом вскрыла его и прочитала короткое послание.

> Я знаю, сегодня утром Вы вели себя исключительно мужественно. Мы понимаем, через что Вам пришлось пройти, и не перестаем думать о Вас. Мы очень гордимся Вами.
>
> Нейл Рорке

Записка развеселила Монти, и она протянула ее отцу:
– Я думаю, это очень любезно с его стороны. Согласен, папа?
– Это самое малое, что он может сделать. Скорее всего, пытается избежать судебного иска с твоей стороны.
Она укоризненно посмотрела на отца:
– Это грубо и несправедливо! На самом деле Рорке – прекрасный человек, он же сдержал слово относительно Уолт… – Монти закусила губу. Она не рассказывала отцу историю с Уолтером Хоггином – как его уволили и снова восстановили.
– Уолт?
– Я… мне в самом деле нравится сэр Нейл, – торопливо сказала она. – И я считаю, что лучше уж он, чем Кроу. Хотя разница небольшая.
Кто-то резко постучал в дверь. Она приоткрылась, и в палату заглянул мужчина.
– Мисс Баннерман? – спросил он, не извиняясь за вторжение.
– Да?
Его внешний вид говорил о том, что он не медик. Он походил скорее на банковского менеджера. Ему было примерно сорок пять, у него были правильные черты лица и коротко подстриженные черные волосы. На сгибе руки висел аккуратно сложенный плащ.
– Детектив-суперинтендент Левайн, – представился он живым, бодрым голосом с легким шотландским акцентом. Беглым кивком отметив присутствие ее отца, он подошел к кровати Монти, выудил из кармана бумажник и, развернув его легким движением руки, показал свое удостоверение. – Могу ли я переговорить с вами?
– Конечно.
– А не может ли этот разговор подождать до завтра? – не без агрессивности осведомился Дик Баннерман.
– Все в порядке, папа, – успокоила его Монти.
Посмотрев на детектива, Баннерман встал и, наклонившись, поцеловал Монти:
– Ты уверена?
– Да.
– Ну что ж, ладно… оставляю тебя в покое. Завтра с самого утра зайду.
– Не надо, папа, в этом нет необходимости… у тебя сейчас так много забот.
Он нежно сжал ей руку и посмотрел в глаза:
– Ты сейчас важнее всех прочих дел. Понимаешь?
Она на прощание поцеловала его.
– Спасибо, – пробормотала Монти.
Полицейский подождал, пока ученый закроет за собой дверь, после чего сел и положил плащ себе на колени. Проницательные серые глаза внимательно изучали ее, и наконец он улыбнулся, обнажив безукоризненные белые зубы. Его кожа была покрыта легким загаром, приобретенным в солярии, а подтянутая фигура позволяла предполагать, что он держит себя в форме, пожалуй даже слишком старательно. Тем не менее в нем было что-то от врача-клинициста… может, из-за чрезмерно вежливой манеры разговора.
– Я не займу у вас много времени, мисс Баннерман, но, поскольку вы были единственным человеком, который видел, что случилось, вы понимаете, насколько мне необходимо переговорить с вами. – Он сидел очень прямо, сохраняя безукоризненную выправку.
– Конечно.

– Можете ли вы сообщить мне все, что осталось у вас в памяти? – Снова блеснули зубы в мгновенной улыбке и спрятались за тонкими жесткими губами.
Монти детально рассказала ему все, что случилось, едва только она вышла из лифта. Он слушал молча, не делая никаких заметок. Когда она рассказала, как Силс выкрикнул что-то о волке, детектив нахмурился:
– Вы уверены, что правильно расслышали? – Похоже было, что он обеспокоился.
– Да.
– Не знаю, в курсе ли вы дела, мисс Баннерман, но, похоже, ваш коллега был в состоянии интоксикации, когда пришел на работу. Уровень алкоголя в крови был вдвое больше того, при котором можно садиться за руль. Этим можно объяснить его экстраординарную беспечность.
– Совершенно ему несвойственную.
Детектив-суперинтендент развел ладони, словно открывал невидимую книгу.
– Этот факт может также объяснить и другие странности. Насколько я понимаю, он провел ночь в городе и расстался с некой молодой леди только в два часа утра. Если он выпивал, то вполне возможно, что в шестом часу уровень алкоголя у него в крови все еще был достаточно высок.
Монти выслушала его тираду, но она удивила ее. Только тут она осознала, что практически не знала Джейка Силса. Может, он даже увлекался наркотиками – вот почему ему и привиделся волк.
Левайн продолжал внимательно рассматривать Монти.
– Вы приехали раньше шести. Не слишком ли это раннее время для появления на работе, мисс Баннерман. Это ваш нормальный распорядок дня?
Она подумала, прежде чем ответить. Она не хотела, чтобы из-за случайной обмолвки детектив испытал желание копать глубже.
– Когда вы работаете с таким человеком, как мой отец, вам приходится придерживаться такого распорядка… просто чтобы успевать за ним.
– О, конечно. – Лицо Левайна продолжало оставаться бесстрастным, и он не отводил взгляда от Монти. – И вы каждый день начинаете работу в это время?
– Я привыкла к нашей предыдущей лаборатории, – соврала она. – Я думала, что здесь, где много помощников, будет полегче, но этого не произошло. Нам все еще приходится посещать нашу старую лабораторию, и я стараюсь бывать в двух местах одновременно. И с сегодняшнего дня я решила пораньше приступать к работе.
– У мистера Силса тоже была привычка приходить так рано?
– Вот этого уж не знаю.
Его глаза продолжали изучать Монти.
– А я думал, что в такое время только полиция бодрствует. – На этот раз в его улыбке скользнуло что-то вроде теплоты.
– Выбора не было, – сказала она. – Могу вас заверить.
Он встал:
– Вы оказали большое содействие, благодарю вас. Больше не буду отнимать у вас время. Если вы не против, через несколько дней я попрошу кого-нибудь зайти к вам и принять формальное объяснение, и, предполагаю, вас попросят дать показания в ходе формального следствия.
– Да, конечно.
После того как он ушел, Монти осталась лежать, размышляя. Детектив-суперинтендент. Она плохо разбиралась в полицейских званиях, но похоже, это старший начальник. Ее поразила эта странность – для расследования несчастного случая на производстве посылают офицера в столь высоком звании, но, может быть, это «Бендикс Шер» требует к себе такого уважения… или настаивает на нем.
Она устало закрыла глаза и погрузилась в беспокойную дремоту.
– Вы не хотите немного поесть?
Сразу же открыв глаза, Монти увидела, как медсестра в синей униформе ставит поднос на вращающийся столик у кровати.
– Я принесла вам томатный суп, вареную рыбу и мороженое.
Вид еды вызвал у Монти тошноту.
– Я… мне вовсе не хочется есть.
– Попробуйте хоть немного.

Монти попыталась принять сидячее положение. Медсестра приподняла изголовье и подложила ей под спину подушку.
– Вот так вам будет удобнее. Хотите включить телевизор?
– Да, спасибо.
Медсестра щелкнула пультом и вручила его Монти. На экране о чем-то громко спорили сидящие в пабе мужчина и женщина. Когда медсестра открыла дверь, она воскликнула:
– Вот к вам и гость!
В палату вошел Коннор Моллой с большим букетом цветов и широкой плетеной корзинкой с фруктами.
– Привет, – сказал он. – Собрались обедать? Я тогда зайду попозже.
– Нет… останьтесь, пожалуйста. Эй, а это что такое?
Он покраснел:
– Я… э-э-э… я… – Коннор ухмыльнулся. – Ограбил в лифте пожилую даму.
Монти улыбнулась в ответ:
– Они просто великолепны… спасибо вам.
– Я попрошу нянечку принести вазу… или что-то в этом роде. Как вы себя чувствуете?
– Нормально… если не считать голоса.
– Ага… вы сейчас немного напоминаете утенка Дональда Дака… но вам это очень идет.
– Ну спасибо!
– Всегда пожалуйста.
Еще недавно Монти казалось, что она предельно измотана, но появление американца тут же заставило ее взбодриться. Ей внезапно захотелось сделать хоть какой-нибудь макияж, не помешало бы перед его появлением взглянуть в зеркало и как-то привести в порядок прическу. Она чувствовала себя сущей распустехой.
– Вы выглядите куда лучше, чем утром, – сказал он. – На лице появились краски.
– Это было очень любезно с вашей стороны тогда навестить меня. Боюсь, что я была не очень…
Он пожал плечами и направился к дверям:
– Пойду искать вазу.
Монти накрошила гренки в суп и попробовала, что получилось. Большого аппетита у нее не было, но в памяти всплыли воспоминания о матери: когда она была маленькой и, случалось, болела, мать всегда давала ей томатный суп «Хейнц». И вплоть до сегодняшнего дня его вкус успокаивал ее.
Коннор вернулся, неся с собой большую стеклянную вазу, которую наполнил водой в маленькой встроенной ванной. Он поставил в нее цветы и спросил у Монти, где, по ее мнению, стоит их поместить. Она показала на столик у кровати, куда Коннор и поставил вазу, перенеся букет Рорке на стол у окна. Сам он сел на стул рядом с ней. Они молчали, и в этом молчании Монти очень хорошо себя чувствовала – словно была в привычной компании старого друга.
«У американца усталый вид», – подумала она. Он был бледен, а белки карих глаз – в кровавых прожилках, словно после бессонной ночи. Когда он в ответ уставился на нее, Монти со смущенной улыбкой отвела взгляд.
В нем было что-то основательное. Ей нравилась манера, с которой он отбрасывал назад свои густые волосы, но несколько завитков все же падали на лоб, и в его взгляде было нечто большее, чем любит демонстрировать современное поколение голливудских актеров. Но за этим крылось что-то еще, и это нравилось ей больше всего: природная сдержанность и внимание, которые привлекали ее. Словно под его покровом надежного и веселого человека крылся какой-то другой слой, в котором было место и уязвимости, и загадочности.
– Как вы? – спросил он. – В порядке?
– Ага. Я думаю, все же вдохнула немного этих испарений, что было довольно глупо с моей стороны.
– Судя по тому, что я слышал, вам не в чем корить себя. Так что же на самом деле произошло – этот бедняга что-то смешивал? Чем он занимался?
– Не знаю – я просто услышала сигнал тревоги, когда вышла из лифта.
– Сколько тогда было времени?
– Около шести. Я опаздывала… – Она не хотела ему рассказывать о своих планах и случайно оговорилась.

– «Опаздывала»? – насмешливо переспросил он. – Было без пяти шесть утра, и вы уже опаздывали? Так в какое же время вы обычно приходите в офис?
Последним куском тоста она вытерла остатки супа в тарелке. Рука ее подрагивала.
– Я… это бывает по-разному. – Она избегала его взгляда. – В конце месяца мистер Силс собирался уйти из компании, нужно было закончить массу дел для моего отца… Он… он собирался, придя пораньше, одним махом покончить с ними… до того как начнут трезвонить телефоны… ну, вы понимаете.
Коннор внимательно наблюдал за ней. Это могло быть и правдой, но интуиция подсказывала ему, что это не так. Джейк Силс имел доступ к самой секретной информации. Если бы о его намерении уйти стало известно, его сразу же отстранили бы от работы и он уже не смог бы вернуться в это здание.
– Ваш обед остынет, – сказал он ей.
– Я не очень хочу есть, – отозвалась она, подцепляя на вилку кружок переваренной моркови. У рыбы был такой же неаппетитный вид.
– Хотите, я выскочу и принесу вам что-нибудь вкусное?
Она улыбнулась:
– Только не сегодня, спасибо… но если меня будут тут держать, я впаду в отчаяние! А вы сами-то ели? Хотите мое мороженое?
Он отрицательно покачал головой:
– Спасибо. – Их взгляды встретились, и они обменялись улыбками. – Так расскажите мне – в чем была истинная причина, по которой вы пришли так рано? – Он изобразил ироническую озабоченность. – То есть простите, если я вторгаюсь… ну, вы понимаете… в какие-то личные отношения между вами и мистером Силсом.
Монти напряглась, но постаралась не показать этого.
– Между мной и Джейком Силсом ровно ничего не было, – небрежно сказала она. – Боюсь, мы даже не успели как следует узнать друг друга. – Руки у нее продолжали дрожать, но она храбро подцепила еще кружок моркови. Чувствуя, что заливается краской, она попыталась отвести глаза от американца, но ничего не получалось. – Честное слово, – добавила Монти, заметив, что он смотрит на нее с дружелюбной иронией.
Он снова улыбнулся:
– Ну конечно. Послушайте, я готов извиниться – я не собирался допрашивать вас, и вы можете послать меня ко всем чертям, если хотите.
Она засмеялась и поморщилась от боли:
– Нет, уж этого не надо.
Коннор Моллой нарочито облегченно вздохнул и задал еще один вопрос:
– Как вы думаете – это в самом деле был несчастный случай?
Она прикинула, не стоит ли повторить мнение суперинтендента Левайна, что Силс был пьян, но подумала, что это будет нечестно по отношению к Силсу.
– Нет.
Решительность ее ответа удивила саму Монти, так же как и американца.

30

– Похоже, перед нами две проблемы: во-первых, человек, который дал Силсу капсулы «Матернокса». Нам необходимо…
– Он не проблема, – резко сказал Билл Ганн.
Он сидел по другую сторону изящного стола, которому, как считал начальник службы безопасности, место было не в офисе, а вместе со всей этой мебелью в «будуаре» Винсента Кроу. Хотя он не мог не признать, что она соответствовала изысканному, рафинированному облику Кроу. Главенствующее место на столе занимала лягушка из черного папье-маше, которая смотрела на него красными глазами камешков, частично скрывая фигуру исполнительного директора.

Лягушки. Предполагалось, что они станут объектом шуток и розыгрышей. Каждый руководитель в «Бендикс Шер» получил от Кроу по декоративной лягушке для своего кабинета. Биллу Ганну была вручена мягкая игрушка – лягушонок Кермит [15] в наушниках от плеера; Ганн сунул его в нижний ящик своего стола. С точки зрения Ганна, его работа по слежке и наблюдению была слишком важна, чтобы делать ее предметом шутки. Устранение всех лягушек с дисплеев в кабинетах руководства в свое время стало одной из очень немногих рекомендаций Ганна, которые были отвергнуты.

– Почему этот человек не проблема? – Холодные серые глаза Кроу, глаза беспощадного охотника, вынырнули из-за лягушки. Освещение в кабинете Кроу всегда было приглушено, даже в летние дни создавая впечатление серого зимнего утра. Все, что имело отношение к доктору Винсенту Кроу, отдавало холодом, даже его рукопожатие. Ганн уважал исполнительного директора и, хотя отслеживал его связи, уходившие за пределы стен здания «Бендикс Шер», испытывал перед ним благоговение, смешанное со страхом. Из всех человеческих созданий, которых встречал Ганн, – а среди них было немало достойных соперников – самым пугающим был Кроу.

– Ричард Уилсон – один из трех конечных контролеров качества в Рединге, сэр, – сказал Ганн. – Силс попросил его достать образцы «Матернокса» из партии М-6575-1881. Уилсон послал его к черту. Затем команда, которая следила за Силсом, увидела, как тем же вечером Уилсон подъехал к квартире Силса и оставил в его почтовом ящике какой-то пакет. Выяснилось, что он был перед Силсом в долгу за услугу, которую тот ему оказал несколько лет назад, – Силс прикрыл его, когда у Уилсона была внебрачная связь на стороне. И теперь Силс потребовал отдать долг.

– И угрожал, что, если Уилсон не рассчитается, он все расскажет его жене?

– Совершенно верно, сэр.

– В пакете были капсулы из партии М-6575-1881?

– Да.

– Где они сейчас?

– В то утро мы успели взять их с рабочего стола в лаборатории Силса до того, как появились полиция и департамент здравоохранения.

Кроу кивнул, но, похоже, облегчения при этом известии не испытал.

– Каким образом этот тип Уилсон получил доступ к ним?

– Чтобы избежать каких-либо подозрений, контроль качества оставил у себя образцы из партии М-6575-1881 – так же как и из всех остальных партий.

– Почему они не заменили их капсулами из другой партии?

– Это уж не мне было решать.

– Все, что имеет отношение к безопасности «Бендикс Шер», решать вам, майор Ганн. – Кроу продолжал обращаться к нему по его старому служебному званию.

– Я понимаю, сэр, но могу работать только в тех районах, где у нас есть люди, которым я могу доверять, а внутри контроля качества у меня никого нет – в этом никогда не было необходимости. План был и остается в том, чтобы, не привлекая ничьего внимания, ввести «Матернокс» в систему, так что М-6575-1881 – одна из четырехсот партий, введенных в систему распределения в Рединге. И меня не предупреждали, что я должен ждать появления проблемы, с которой мы столкнулись.

– Я всегда считал, майор Ганн, что это ваша обязанность – давать нам советы относительно районов потенциальной опасности.

Ганн понял, что продолжение спора ничего ему не даст. Он предупреждал Кроу, что, если какая-нибудь партия даст побочные эффекты, у них могут быть проблемы. Но Кроу только отмахивался, говоря, что они будут заниматься побочными эффектами, если они приведут к «Матерноксу», в чем он весьма сомневается. Теперь, похоже, это случилось.

– Прошу прощения, сэр, но я не ученый. Мне дали понять, что между выписыванием рецепта на «Матернокс» и последующим рождением ребенка проходит столько времени, что практически невозможно установить какую-либо связь с «Матерноксом».

– Вы понимаете всю важность соблюдения безопасности в данной ситуации, майор Ганн? Вы учитываете, что́ стоит на кону?

– Я всегда это учитываю, доктор Кроу, – сказал он, разозлившись на брошенный в его адрес намек.
Кроу поставил локти на стол и сплел свои длинные, мраморной белизны пальцы.
– Мистер Силс попросил своего приятеля Уилсона раздобыть специфическую партию «Матернокса». Через несколько часов после получения заказа мистер Силс мертв. Будь вы другом мистера Силса, разве у вас не зародились бы самые серьезные подозрения?
– В определенных обстоятельствах могли бы и появиться, – признался Ганн. – Но не здесь. Во-первых, смерть Силса стала результатом несчастного случая – и все сотрудники знают или будут знать об этом. Во-вторых, если Силс пустил в ход эмоциональный шантаж, то не думаю, что Уилсон будет склонен искать тут какую-то связь, тем более это будет означать, что он нарушил правила компании об обращении с образцами. С этого утра я держу Уилсона под наблюдением, и, если почувствую, что надо как-то нейтрализовать его, я это сделаю, но не думаю, что возникнет такая необходимость.
– Какое-то время вы будете круглосуточно следить за ним?
– Конечно. – Ганн посмотрел на часы. Кроу постоянно работал допоздна, заставляя засиживаться и своих сотрудников. С течением времени Ганн уже знал, что для Кроу не было ничего необычного уходить после полуночи, а порой даже ближе к рассвету, но тем не менее в 7:30 утра он уже сидел за своим рабочим столом. Интересно, думал Ганн, сколько ему нужно сна.

А сейчас вечернее время близилось к четверти восьмого.
Вот дерьмо.
В понедельник, когда он должен был присоединиться к Никки в театре «Олд-Вик», где шел «Отелло», он был вынужден прослушать запись разговора между Джейком Силсом и Монтаной Баннерман в пабе и из-за этого пришел лишь к середине третьего акта. Сегодня она захотела посмотреть фильм «Генри V» с Лоуренсом Оливье, который показывали в Национальном доме кино, и он поклялся жизнью, что будет точен, а потом отведет ее в ресторанчик «Пуне» в Ковент-Гардене, где она любила наблюдать за кухней через стеклянную стенку. Культура. Господи, он никогда в жизни не видел так много Шекспиров, провалиться бы ему. Хотя это нельзя считать сплошной потерей времени; у старого стихоплета был дьявольски изобретательный ум, и у него всегда можно почерпнуть что-то полезное по части манипулирования людьми.

– Другая проблема – эта Баннерман, – сказал Кроу. – Она меня беспокоит. Чего ради она в такое время явилась в здание?
– Не стоит и сомневаться, для встречи с Силсом.
– Так у кого была связь с погибшими циклопами – у нее или у Силса?
– Пока еще я не могу ответить на данный вопрос, сэр.
– Она верит, что смерть Силса была результатом несчастного случая?
– У нее нет никаких причин не верить, – улыбнулся Ганн. – Я хочу сказать, это в самом деле был несчастный случай.
Кроу чуть приподнял брови:
– Как она себя чувствует?
– Поправляется.
– В больнице вы держите ее под наблюдением?
– Мы поставили ей прослушку, но та вышла из строя.
– Что значит «вышла из строя»?!
– Она не подает сигналов – то ли отключилась, то ли ее изъяли или поломали. Мы занимаемся этим. Но у нее отдельная палата, и нам приходится вести себя очень осторожно.
– Вы фиксируете ее посетителей?
– Всех и каждого.
– Появлялся ли кто-то из тех, которые нас интересуют?
– Был замечен Коннор Моллой.
– Кто?
– Из группы патентов и соглашений. Молодой и энергичный американский юрист-патентовед. Был нанят в Вашингтоне для работы над патентами Баннермана.

Кроу осторожно почесал щеку.
– Вы хотите сказать, он поддерживал с мисс Баннерман рабочий контакт?
– Да.
– То есть для него естественно зайти и поинтересоваться, как она себя чувствует?
Ганн помедлил.
– Да.
Зазвонил телефон.
– Это спешно? – коротко бросил Кроу. Затем прислушался. – Вы узнали, как ее зовут? Хорошо. – Он взял тонкое золотое перо и что-то написал на листке блокнота, после чего положил трубку и снова посмотрел на Ганна. – Пресса, – сказал он.
Ганн кивнул:
– После истории с Силсом пресса осаждала нас почти весь день – но я держал ситуацию под контролем, мы сообщили им лишь то, что считали нужным.
– На этот раз речь не о Силсе, – серьезно сказал Кроу. – А о «Матерноксе».
Ганн с трудом удержался от того, чтобы громко не выругаться; Кроу категорически не принимал непристойных выражений.
– Они хотят знать, известно ли мне о связи между тремя недавними смертями от синдрома циклопа. – Холодные глаза Кроу вспыхнули, как раскаленные угли.
Ганн начал лихорадочно соображать.
– Из какой газеты?
– Какой-то листок, о котором я никогда не слышал, – презрительно сказал Кроу. – «Темз-Уолли газетт». Знаете ее?
Ганн оцепенел и, отвечая, тщательно подбирал слова.
– Да, это мелкая дешевка… вечерняя газета, тираж сорок тысяч, распространяется в районе Рединг – Слау. Листок, и не более – в основном мелкие объявления и немного новостей.
Кроу опустил глаза на листок из блокнота:
– Репортера зовут Зандра Уоллертон.
Ганн кивнул:
– Она задавала вопросы о «Матерноксе» пару недель назад.
– Именно она? Почему мне никто не сказал?
– Мы проверили ее. Похоже, у нее не было никакой информации, из-за которой стоило бы беспокоиться.
Глаза Кроу пылали и жгли.
– Кто сделал такой вывод?
Ганн сглотнул:
– Я, сэр… я не думал, что из-за этого стоит вас беспокоить.
Пальцы переплетенных кистей Кроу побелели, когда он с силой сжал их.
– Я не уверен, что вы правильно понимаете ситуацию, майор Ганн. Надеюсь, что ваша личная жизнь не отвлекает вас от исполнения обязанностей?
– Нет, сэр, – невозмутимо сказал он, прикидывая, как ему, черт возьми, придется успокаивать Никки. Он нередко думал о личной жизни самого Кроу. Исполнительный директор был женат, но детей у него не было. Ганн несколько раз встречал Урсулу Кроу – женщину с мощным интеллектом, без чувства юмора и такую же холодную в общении, как ее муж; они очень подходили друг другу. – Я немедленно займусь этой Зандрой Уоллертон.
Кроу откинулся на спинку кресла.
– Я предлагаю вам выяснить, кому принадлежит эта газета. Возможно, мы ее и финансируем, давая рекламу. – Он снова посмотрел на начальника службы безопасности и вскинул брови.
– Конечно, доктор Кроу, – улыбнулся Ганн. – Я понял вашу мысль.

31

Слова Монти привели Коннора в восторг, но, глядя на молодую женщину, он постарался скрыть это чувство. Его восхищение Монти было безгранично, и ему пришлось сделать над

собой усилие, чтобы не выдать охватившее его возбуждение. Беспокоясь, чтобы их кто-нибудь не услышал, он понизил голос:
– Вы так считаете? Вы в самом деле думаете, что гибель Силса была неслучайной?
Ей потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Монти подумала, не стоит ли ей отказаться от своих слов, прежде чем она окончательно увязнет в этой ситуации. Она толком не знала этого американца, по сути, у них состоялся только один настоящий разговор, и она не имела представления, кому он хранит верность. Не так давно Монти предполагала, что они оба принадлежат компании, но что-то в той манере, с которой он задал вопрос, заставило ее понять, что она ошибается. Подозрительность в его голосе чувствовалась столь же безошибочно, как и искренность в ее ответе.
Внезапно она испугалась. У нее возникло ощущение приближающегося шторма. Монти поежилась. Она вспомнила того журналиста, Губерта Уэнтуорта, потрясенного смертью дочери. И эту напористую молодую женщину-репортера, Зандру Уоллертон, в квартиру которой вломился какой-то извращенец, укравший ее панталончики. И Джейка Силса, залитого кислотой. Детектива Левайна, который сказал, что Силс был пьян.
Достаточно ли у нее доказательств для утверждений, что Джейк Силс стал жертвой подготовленного убийства? Логика говорила ей, что этого не было, что от усталости, страха, стресса у нее разыгрались эмоции, что слова, сказанные Коннору Моллою, вырвались у нее чисто случайно.
– Я… я… – Она поймала себя на том, что, отвечая, тонет в теплоте его карих глаз. «Верь мне, – говорили они. – Верь себе. Доверяй своим инстинктам!» – Не знаю, почему я это сказала, – наконец выдавила она.
Какая-то мысль молнией скользнула по его лицу, столь стремительно, что исчезла прежде, чем Монти успела заметить ее, и она безошибочно осознала – он знает то, что считает нужным скрывать от нее. Но что именно? Подрагивающими пальцами она отставила в сторону тарелку, которая отвлекала ее.
Коннор заметил растерянность в ее взгляде, но это можно понять. Она действительно была растеряна из-за сомнений, которые ее явно одолевали.
Господи, до чего она обаятельна, подумал он. Даже без косметики, даже после всего, что ей пришлось испытать, от нее нельзя было отвести глаз. У нее была свежая, чистая кожа, синева ее глаз контрастировала с цветом волос; он смотрел на ее стройную белоснежную шею в вороте больничной пижамы и снова переводил взгляд на ее обаятельное, с милым вздернутым носиком лицо и выразительный рот – с каждой секундой, которую Коннор проводил в ее присутствии, его все больше тянуло к ней.
«Я хочу тебя, Монтана Баннерман, – подумал он. – Я в самом деле хочу тебя. Я обожаю даже твое несуразное имя».
Он попытался сконцентрироваться на цели своего визита. Но когда она улыбнулась ему и он едва ли не физически почувствовал идущую от нее теплоту, его решимость ослабла.
– Мне нужно как следует выспаться, чтобы в голове прояснилось, – медленно произнесла она, все еще не зная, доверять ли ему. Но что-то в этом человеке притягивало ее, ей не хотелось расставаться с ним; как было бы хорошо, если бы он сменил тему разговора и просто поболтал. Сейчас она уже жалела о своих неосторожных словах и думала, как бы отказаться от них и не попасть при этом в дурацкое положение.
Господи, что делать, если он начнет рассказывать в компании, будто она верит в убийство Джейка Силса? Она и представить не могла, что ей сойдет с рук, если она начнет распространять такие слухи. А если руководство решит, что и ее отец имеет к этому отношение? Что тогда?
– Послушайте, – снова заговорила она, – я… я и сама не знаю, почему я это сказала.
– Может, потому, что вы так думали, – осторожно намекнул он.
Она покачала головой:
– Нет. Это была трагическая случайность… и ничем иным она не могла быть. В любом случае при всей этой системе безопасности никто не мог войти и напасть на него. Да и кому это было бы нужно?
Коннор Моллой молчал, ожидая продолжения.
– Фанатичные защитники прав животных? В Беркшире они доставили нам проблемы, – заволновалась Монти. – Как-то ночью вломились в наш зверинец и выпустили всех кроликов и

мышей. Пару раз малевали лозунги на внешней стене. Но конечно же, они не настолько организованны, чтобы проникнуть в такое здание, как Бендикс?
– Уверен, – ответил он.
– А что же вы думаете?
– В любой нормальной компании уже возникли бы слухи. А вот в «Бендикс Шер» ничего. Просто стена молчания. Я слышал лишь, что он споткнулся, держа в руках эту полугаллонную емкость. Но если он споткнулся, почему она не полетела на пол? Какого черта она ухитрилась вылиться ему на голову?
– Он упал, а бутылка упала на него? – предположила она.
– Когда вы увидели бутылку, она была разбита?
– Я… я не искала эту бутылку. Там повсюду было стекло, хотя… хотя предполагаю, так и должно было случиться.
– Но если бутылка упала на него, то тело Джейка, конечно же, смягчило падение и она не могла разбиться. Согласны?
– Она могла скатиться на пол.
– Конечно, – соглашаясь, кивнул он и перевел дыхание. – Если кислота выплеснулась на него, значит крышечка была отвинчена. Разве лаборанты хранят смертельно опасные составы без крышечки?
– Нет. Я об этом не подумала. – А что, если информация, которую сообщил ей детектив, что Силс был пьян, уже разошлась по компании? – Может, он себя не очень хорошо чувствовал… был как-то несобран, – осторожно предположила она.
– Вы знали его. Такие поступки были свойственны ему?
Она помялась:
– Нет.
– Мог ли он явиться на работу пьяным?
Их взгляды встретились. Прежде чем ответить, она задумалась. Нет.
– Я вижу, что вы устали, – сказал он. – Давайте вернемся к этому разговору, когда вы будете чувствовать себя получше, – может, на будущей неделе я могу пригласить вас на ланч?
– Я буду рада.
Он улыбнулся:
– Я тоже. Очень.
– Мистер Моллой, можете ли вы… ну, никому не передавать мои слова о… вы понимаете… о том, что это был не несчастный случай.
Он приложил палец к губам:
– Ни единой живой душе.

Несколько часов спустя Монти проснулась от какого-то щелчка и увидела, что в темную комнату упала полоса света. Вошла какая-то туманная фигура. Нянечка, предположила она.
– К-к-кто тут? – сонно спросила Монти.
Фигура остановилась перед кроватью, словно желая убедиться, что все в порядке, а потом наклонилась и стала в чем-то копаться у изголовья. Несколько секунд спустя дверь снова закрылась.

32

Лондон. Четверг, 10 ноября 1994 года

Ведущий был изысканно вежлив. Густой слой сценического грима создавал впечатление загара. С видом незваного гостя на вечеринке он насмешливо обратился к камере:
– Генная инженерия – это хорошо или плохо? Если вы родились с плохими генами, которые со временем могут убить вас или сделать инвалидом, захотите ли вы, чтобы вам об этом сообщили? А если вы узнаете, что едва только зачатое вами дитя несет в себе гены смерти или уродства, захотите ли вы избавиться от этого еще не рожденного ребенка?

Он сделал шаг навстречу аудитории в студии и сунул микрофон в лицо какой-то женщине.
– Сьюзен Беннет – носительница гена кистозного фиброза; они с мужем приняли сознательное решение не иметь детей из-за опасения, что эта генетическая особенность передастся и им.
Монти лежала на больничной постели, подложив под голову подушки, и наслаждалась роскошью этой редкой возможности – смотреть телевизор утром. О генах говорят повсюду, подумала она. Невозможно открыть газету, включить радио или телевизор без того, чтобы не наткнуться то на новое открытие, то на дебаты по этому поводу. Она считала такое положение дел просто восхитительным. В работе бок о бок с отцом больше всего ее радовала возможность быть причастной к самой горячей научной теме века.
Сегодня ей было гораздо лучше. Голова прояснилась, хотя глаза еще побаливали, а горло и легкие слегка саднило.
На подносе перед ней лежал сложенный номер «Дейли мейл». На пятнадцатой странице была помещена маленькая заметка о смерти Джейка Силса, озаглавленная «Страшная смерть в лаборатории», в которой упоминалась и она. «Монтана Баннерман, 29 лет, дочь ученого-генетика, лауреата Нобелевской премии, доктора Ричарда Баннермана, пострадавшая от шока и поражения дыхательных путей, была доставлена в больницу».
Вчера несколько репортеров уже пытались пробиться к ней, но отец бесцеремонно выставил их и дал персоналу больницы строгие указания – пропускать только друзей и коллег. Палата благоухала, как оранжерея. За час, прошедший после завтрака, прибыло еще три букета: один от ее подруги Анны Стерлинг; другой – от Полли и Ричарда Макгуайр, с которыми она провела прошлый уик-энд в Бате; еще один – от дяди и тети, сестры матери и ее мужа, которых, как с угрызениями совести подумала она, не видела уже пару лет. После смерти жены Баннерман как-то избегал поддерживать отношения с родственниками с ее стороны: они, особенно свояченица, слишком остро напоминали ему о болезненной утрате.
Раздался короткий стук в дверь, и она приоткрылась. Монти оглянулась, ожидая встречи с врачом, и, к своему удивлению, увидела ту молодую журналистку Зандру Уоллертон. Она прижимала к груди маленький диктофон. Ногти ее были по-прежнему зеленого цвета.
– Мисс Баннерман! Привет! – Она прикрыла дверь с таким видом, словно пришла к себе домой, и, не обращая внимания на работающий телевизор, села рядом с Монти.
– Здравствуйте, – вежливо ответила Монти, но это вторжение ее не обрадовало, тем более что в данный момент ее интересовали дебаты на экране.
– Вчера я услышала передачу о вас и тут же направилась сюда, но меня не пропустили.
– А как вы сегодня попали внутрь?
– Сказала тому мордовороту в коридоре, что я ваша личная секретарша, – гордо сообщила журналистка, включая диктофон и устанавливая его перед Монти. – Я слышала, что вы первой явились на место происшествия?
В голове у Монти звякнул тревожный колокольчик. Журналистка действовала с редкостной напористостью.
– Да, так и было.
– Насколько я понимаю, вы, дожидаясь приезда «скорой помощи», держали умирающего на руках?
– Нет, я… я этого не делала. Все было совсем не так.
– Но ведь вы пострадали, пытаясь спасти его жизнь. Верно?
Монти отрицательно покачала головой:
– Звучит куда более героически, чем было на самом деле. Боюсь, что, по сути, мне ничего не удалось сделать. Когда я оказалась на месте, то…
– Ходят слухи, что мистер Силс был пьян. Можете ли вы подтвердить, что он в самом деле так выглядел?
Вопрос разгневал Монти.
– Нет, не могу! Он был…
Монти остановилась, напомнив себе, что не должна попадаться на приманку. Она должна сохранять спокойствие. Все, что она скажет, в прессе будет искажено. Такое с ней уже случалось, и она получила несколько весьма горьких уроков.
– Мистер Силс был профессионалом и занимал весьма ответственное положение. Совершенно невероятно, что он мог прийти на работу пьяным.
– От полиции я слышала совсем другое, – сказала Зандра Уоллертон.

– Похоже, что вы знаете больше, чем я, – коротко бросила Монти. Ее злило, что после их серьезного разговора во вторник сегодня ее собеседницу, похоже, интересовала лишь возможность отметиться как автор сомнительной сенсации.
Зандра Уоллертон остановила запись:
– Полиция получила заявление от девушки, с которой мистер Силс провел время во вторник вечером. Она рассказала, что он основательно выпил и был крепко пьян, когда в половине третьего утра расстался с ней. – Она снова включила диктофон.
– А несчастный случай произошел несколько часов спустя, – с облегчением сказала Монти. Если он в самом деле был пьян, то вполне возможно, что этот жуткий инцидент был результатом трагической оплошности.
– Он очень рано оказался на работе. Он всегда приходил в это время? И вы?
Монти сделала глубокий вдох, чтобы потянуть время, – этот настойчивый допрос измучил ее.
– Да, я часто прихожу пораньше. Сейчас у нас нелегкое время.
– Как вам кажется, может ли быть какая-то связь между гибелью мистера Силса и тем фактом, что три женщины, принимавшие средство от бесплодия «Матернокс», изготовленное «Бендикс Шер», умерли при родах, произведя на свет детей с синдромом циклопа?
Монти потрясенно уставилась на серьезное лицо сидящей перед ней девушки. «Опасный вопрос», – подумала она. А вслух сказала:
– Не вижу никаких оснований, чтобы делать такие выводы.
Между ними установилось напряженное молчание. Журналистка выключила диктофон:
– Хотите ли вы что-то сказать не для записи? То есть я подумала, что, может быть, вы хотите проявить бóльшую откровенность…
– Боюсь, это все, что я могла сказать.
Девушка вытащила из кармана визитную карточку и протянула ее Монти. Голос ее смягчился, и теперь она говорила не как следователь, а как подруга.
– Если вы вспомните еще что-то важное, то здесь мой прямой номер, домашний телефон и мобильник.
Монти отложила карточку, даже не посмотрев на нее:
– Конечно.
– Было приятно снова поговорить с вами, мисс Баннерман. Надеюсь, вы быстро поправитесь, – чирикнула она.
Монти улыбнулась ей. Все же под обликом «крутого репортера» скрывалась хорошая девочка. Уэнтуорт был прав, когда говорил о ней. Она далеко пойдет. Но не за счет доброй воли Баннерманов из «Бендикс Шер».
Репортер небрежно вскинула сумку на плечо.
– Я еще не закончила мое расследование в «Бендикс Шер», – сказала она. – И скоро продолжу его.

33

Барнет, Северный Лондон. 1946 год

Дэниел Джадд, стоявший обнаженным в середине круга, замкнул его. Дугу он провел кочергой, которая служила ему церемониальным мечом. Еще раньше он перетащил в середину комнаты прикроватный столик и задрапировал его черным полотнищем. До полуночи оставалось несколько минут, и мать пошла в постель уже пару часов назад; Дэниел был совершенно уверен, что она уже спит.
Первый месяц после смерти отца был сплошным блаженством; мать была подавлена и от потрясения едва не лишилась дара речи. В первый раз в жизни Дэниела – если не считать тех блаженных двух недель, когда она болела гриппом, – она не имела к нему никаких претензий. Затем потрясение стало уходить, и гневное настроение все чаще возвращалось к ней. Естественно, гнев был обращен главным образом на него.

Из-за его грехов, сообщила она ему, Господь обрушил Свой гнев на их семью. Бог обрек на смерть отца Дэниела потому, что гневался на Дэниела. Бог лишил ее мужа, дабы покарать за то, что она произвела на свет такого никчемного сына, настолько наглого и дерзкого, что он позволил усомниться в существовании Всемогущего и Всевышнего. Который подвергал сомнению все вокруг себя.

Он вспомнил, какое у нее было лицо четыре дня назад, когда после церковной службы он спросил у викария о Сатане. В библиотеке он прочел книгу, написанную человеком по имени Алистер Кроули, в которой говорилось, что христиане убили сотни тысяч людей за то, что они не придерживались их религии, а вот сатанисты не убили ни одного из тех, кто не придерживался их верований. «Я же задал простой вопрос», – подумал он. Он спросил викария, чем христиане лучше сатанистов.

Мать чуть не оторвала ему ухо. Всю дорогу домой она тащила его за это несчастное ухо, трясла, как половую тряпку, и наконец угостила его такими оплеухами, что он чуть не ослеп. После этого она заставила его вымыть рот мылом и заперла в спальне, сев вслух читать за дверью библейские тексты.

На столе в круге лежала страница гримуара, вырванная из библиотечной книги, маленький кусочек теста, который он утащил из кладовой, несколько волос матери, вычесанных из ее щетки, безопасная булавка, моток бечевки, ножницы и коробка из-под обуви. Горела черная свеча, и он уже очистил комнату водой и солью.

Закрыв глаза, он вызвал в воображении лицо матери, снова поднял веки и прошептал слова заклинания, напечатанные на лежащем перед ним листе. Кончил он призывом:

Будь проклята! Будь проклята!
Моя сила проклинает тебя,
Моя сила зачаровывает тебя,
Ты вся во власти моего заклятия.
Будь проклята! Будь проклята!

Далее он раскатал в ладонях комок теста, удлинив его. Отщипнув от получившейся колбаски кусок, сделал из него две полоски. «Это руки», – подумал Дэниел. Затем он вылепил ноги, голову и торс – и собрал фигурку. Кончиком булавки он прорисовал черты лица, затем остатками теста приклеил к голове волосы.

– Мать, – прошептал он, гордо глядя на творение своих рук. – Теперь ты в моей власти! И никуда не денешься!

Он пропустил острие безопасной булавки сквозь верхнюю и нижнюю губы, которые только что вылепил, и закрыл ее. Осторожно, чтобы не сломать и не оторвать, он загнул назад руки и куском бечевки связал их.

Взяв фигурку, он поднял ее и, держа над головой, прочел другие заклинания, написанные на языке, которого он не понимал, но надеясь, что произносит их правильно. После чего положил фигурку в обувную коробку, выложенную изнутри куском черного сатина. Как гроб.

Движением своего меча он разомкнул круг и вышел из него. Затем Дэниел Джадд влез на стул и надежно спрятал коробку на верху шкафа.

34

Лондон. Четверг, 10 ноября 1994 года

Интерком исполнительного директора издал приглушенную трель. Тот, не отвлекаясь от изучения отчета Коннора Моллоя, который сейчас просматривал, снял черную трубку. Отчет подводил итоги изучения возможности – успешного получения патентов на работы Баннермана по идентификации и контролю генов целого ряда хронических заболеваний, включая псориаз,

артрит, астму и рак желудка, а также ключевого гена, отвечающего за работу биологических часов человека.
– Да?
– Доктор Кроу, тут внизу, в холле, вас ждет мисс Зандра Уоллертон. Она предварительно не договаривалась о встрече и не объясняет причину своего визита.
Кроу отложил отчет. Он сразу же вспомнил о прошлом вечере, во время их встречи это имя упоминал майор Ганн. Не отрывая от уха телефон, Кроу развернул лицом к себе компьютерный терминал.
– Произнесите имя по буквам.

> Кроу печатал фамилию репортера и нажал клавишу поиска. С прошлого вечера Ганн не терял времени: на экране появились ее данные, возраст – двадцать один год, си-ви
> [16]
> и история семьи. Затем последовали сведения о тираже и владельце «Темз-Уолли газетт». Издание выходит под крышей новостного конгломерата «Сентрал энд вестерн паблишинг».

Лишь за последние двенадцать месяцев «Бендикс Шер» потратил больше сотни тысяч фунтов на рекламу через «Сентрал» своих лекарств без рецепта, детского питания и больничных услуг. Разумные траты, отметил он, но они дали меньше, чем ожидалось. Угроза отказа от рекламы может сработать – никто не хочет терять такой доход, впрочем, для «Сентрала» это не очень большая сумма, а такой ход может привести к неожиданным результатам.
У него оставалось еще полчаса до намеченной встречи на ланче. Имеет смысл пригласить сейчас и Рорке, подумал он. Он знает всех и вся, и, если глава «Сентрала» его приятель, они смогут с самого начала положить конец этой истории.
– Подними ее наверх, – приказал он.
– Пока вы разговаривали, звонил майор Ганн. Он у себя в кабинете.
Не предупреждая секретаршу, Кроу отсоединился и вышел на внутреннюю закрытую линию начальника службы безопасности.
– Доброе утро, сэр, – сказал Ганн, услышав голос Кроу. – Я думаю, вам будет приятно узнать, что дочка Баннермана быстро поправляется. – Молчание Кроу он принял за приглашение продолжать. – Сегодня утром ее навестила в больнице та репортерша, о которой мы говорили прошлым вечером, – мы урегулировали проблему с аппаратурой и все слышали. С моей точки зрения, мисс Баннерман вела себя просто великолепно; она не касалась ни одного из острых вопросов. Я считаю, что именно Силс рассказал ей о связи с циклопом и он же завел эту Уоллертон.
– Вы уже подготовили ответ для нее, если она снова попытается заняться этой партией «Матернокса»? – резко спросил Кроу.
– Да, сэр.
– Не спускайте глаз с нее.
– Я уж найду способ, сэр.
– Сейчас мисс Уоллертон поднимается ко мне.
Ганн встревожился:
– Хотите, чтобы я тоже присутствовал?
– Нет, с ней-то я справлюсь.
Через несколько секунд секретарша провела в кабинет молодую женщину.
Уперев подбородок в сплетенные пальцы, Кроу смотрел, как Зандра Уоллертон идет к нему.
– Садитесь, – сухо сказал он, взглядом показывая на один из двух стульев, стоявших перед столом.
Репортер села, положила ногу на ногу, включила диктофон и с вызывающим видом повернулась к нему.
– Так чем могу быть вам полезен, юная леди?
– Знаете ли вы, доктор Кроу, что три женщины, которые принимали «Матернокс», препарат от бесплодия, произведенный вашей компанией, умерли при родах и что все три женщины произвели на свет детей с синдромом циклопа?
– Насколько я припоминаю, мисс Уоллертон, вы взяли на себя труд проинформировать об этом Министерство здравоохранения еще две недели назад. У вас есть что прибавить к этому?

– Меня интересует ваше мнение как исполнительного директора компании.
– Мы фиксируем и отслеживаем любое сообщение от врачей о возможных побочных эффектах наших препаратов. Насколько я понимаю, об этих трех женщинах мы не получали никакой информации от медиков и потому можем сделать вывод, что они не разделяют вашего мнения о какой бы то ни было связи между этими случаями. У вас есть медицинское образование?
– Нет.
– Думаю, вам было бы интересно узнать, что в прошлом году тринадцать миллионов женщин во всем мире забеременели благодаря «Матерноксу». Этот препарат присутствует на рынке вот уже девять лет, и ни один врач в мире не сообщал нам о каких-либо побочных эффектах.
– Если вы подключите и ваши нелицензионные варианты, то женщин будет уже пятнадцать миллионов.
Кроу удивился дотошности, с которой она подошла к делу, но не подал виду.
– Доктор Кроу, – продолжила она, – вчера утром скончался старший техник-лаборант вашего отдела генетических исследований. По-видимому, нет никакой связи между его смертью и гибелью этих трех женщин? Насколько я понимаю, раньше он был старшим техником в лаборатории, где создавался «Матернокс».
– Я бы на вашем месте был очень осторожен, мисс Уоллертон.
Она обезоруживающе улыбнулась ему:
– А я всегда очень осторожна. Далее. Вы, очевидно, в курсе дела, что все три скончавшиеся женщины принимали «Матернокс» из одной и той же партии. С номером BS-M-6575-1881-UKMR. – Она процитировала буквы и цифры, как ребенок на уроке.
Кроу был настолько обескуражен, что с силой свел костяшки пальцев, не обращая внимания на боль.
– На каком основании вы это утверждаете?
– На основании очень точной информации, – сказала она с таким высокомерием, что ему захотелось как следует встряхнуть ее.
Она обвела взглядом кабинет с голыми серыми стенами, на которых не было ни фотографии, ни гравюры – ничего, на что можно было переключить внимание.
– Вам не кажется, что отсутствие окон как-то подавляет?
– Меня не интересуют дискуссии по вопросам архитектуры, мисс Уоллертон. Может, вы все же ответите на мой вопрос?
– Я никогда не открываю своих источников, – ответила она и вызывающе уставилась на него.
Кроу сделал в памяти заметку – сразу же, после ее ухода, позвонить в юридический департамент и заставить их проверить ее газету. Эта молодая особа представляет собой опасность, ее пушки бьют точно в цель. Она слишком хитра, чтобы успокаиваться. И черт побери, какой же у нее был источник? Силс? Должно быть. Работники знают строгие правила, запрещающие контакты с прессой, кроме как через отдел общественных отношений. Пиар.
– Я предполагаю, доктор Кроу, вы осведомлены, насколько редко в Британии появляются дети с синдромом циклопа?
– Боюсь, что не являюсь ходячей энциклопедией медицинской статистики.
Она улыбнулась, нимало не затронутая вспышкой его агрессии:
– В таком случае у вас должна вызвать интерес эта цифра: два случая в год. Так что три жертвы в течение двух месяцев… это несколько странно. Особенно когда выясняется, что объединяло этих матерей лишь одно: все они пользовались одним средством от бесплодия из одной и той же партии.
– И вы хотите сделать из этого какие-то убедительные выводы?
– Нет. Но фактов достаточно, чтобы с ними идти в прессу. И смерть мистера Силса с его связями и сведениями вызывает еще более пристальный интерес к этой истории.
Он выпрямился и аккуратно положил кончики пальцев на край стола:
– И для этого вы хотели меня видеть? Чтобы изложить мне все это? Я думаю, что если уж вы настолько уверены в достоверности своей истории, то не стоило и утруждаться визитом ко мне.
– Уверена я абсолютно. Но подумала, что это было бы честно и благородно – дать вам возможность прокомментировать эти факты. «Бендикс Шер» явно озабочен – в противном случае компания не угрожала бы издателям моей газеты, что отзовет рекламу.
После этих слов у него словно земля поплыла под ногами. Кто, черт возьми, занимался газетой? Ганн! Он не мог собраться с мыслями. Куда этот чертов парашютист лезет? Это что для него –

игрушки? Рассудительность Ганна обычно не просто шла на пользу делу, его умение разбираться в ситуации было блистательным. Но если сейчас он сделал что-то не так…
Исполнительный директор «Бендикс Шер» с большим трудом перешел на примирительный тон, и его кроваво-красные губы раздвинулись в улыбке. На фарфоровой белизне его лица морщины поползли, как трещины.

– «Матернокс» помог многим миллионам бесплодных женщин обрести радость материнства, и количество матерей и их детей, у которых возникали какие-то проблемы со здоровьем, не превышало нормальной процентной нормы. И если вы хотите предложить прессе обвинения лишь для того, чтобы вашу колонку поставили на первую полосу, я бы посоветовал вам серьезно подумать о последствиях.

Мисс Уоллертон внимательно проверила свой диктофон, крутится ли пленка, и снова подняла на него взгляд:

– Доктор Кроу, в данный момент в палате интенсивной терапии клиники Университетского колледжа лежит беременная женщина. Она страдает от непонятного вирусного заболевания, усугубленного зудом типа псориаза, и ее состояние все ухудшается. Чтобы справиться с проблемой бесплодия, она принимала «Матернокс» – из той же самой подозрительной партии. Хорошо было бы убедиться, что у нее родится здоровый ребенок, не так ли? Если ее состояние не улучшится, медики планируют на будущей неделе сделать ей кесарево сечение. Я буду в больнице.

Прежде чем ответить, он сделал паузу в несколько секунд.

– У меня остались самые приятные воспоминания об этой клинике, – сказал он. – Я проходил там ординатуру.

Зандра выключила диктофон и встала:

– Будем надеяться, что они и останутся столь же приятными. «Темз-Уолли газетт» вы можете сломать угрозами, но вот с Флит-стрит у вас ничего не получится.

Развернувшись, она вышла из кабинета. Кроу немедленно нажал клавишу интеркома.

– Сэр?

Наклонившись, Кроу обратился к секретарю тихим шепотом, хотя подслушать его никто не мог:

– Мне нужна отпечатанная фотография этой молодой особы. Только лицо.

– Я могу получить его из видеосъемки службы безопасности в вестибюле. Отпечатать?

– Это было бы прекрасно.

35

Часы на экране сообщили Биллу Ганну, что уже 4:32 пополудни. Он поднес к губам чашку кофе и, дунув, отогнал клубы пара; он уже потерял представление, сколько чашек кофе он выпил с того момента, как явился в свой кабинет в 6:50 утра, хотя покинул его за три часа до того. Он на несколько секунд прикрыл глаза, чтобы смягчить пульсирующую головную боль, затем внимательно просмотрел сообщение, которое только что появилось на экране компьютера.

Те тридцать четыре часа, что прошли после смерти Джейка Силса, были сплошным кошмаром, и он был не в том настроении, чтобы получить еще одну взбучку от Кроу. Про себя Ганн вынужден был признать, что в данном случае исполнительный директор был прав. Правда, что его отвлекла Никки, да и сейчас, в этот момент, она снова его отвлекала, потому что перед глазами возник ее образ с длинными рыжеватыми волосами, упавшими на одну из обнаженных грудей, и, несмотря на его усталость, несмотря на то что, наконец рано утром добравшись домой, он не меньше часа занимался с ней любовью, он снова почувствовал острое сексуальное возбуждение.

Тем не менее он вышел на линию Кроу, поднял трубку и почти сразу же был вознагражден раздраженным «Да?».

– Я выяснил, как эта Уоллертон получила информацию о «Матерноксе», сэр.

Наступила пауза, тогда Ганн, не дождавшись ответа, неловко продолжил:

– Информация поступила к ней от сотрудника из Рединга, которого зовут Уолтер Хоггин. От того самого, который в Лаборатории генетических исследований Баннермана был старшим

техником-лаборантом и которого перевели на наш завод в Рединге. Там он поставлен в отдел проверки качества.
– Человек со стороны? И вы позволили ему заняться непосредственно проверкой качества?
Ганн отвел трубку подальше от уха, потому что голос исполнительного директора поднялся едва ли не до вопля.
– Вы что, совсем лишились здравого смысла, майор Ганн?
Начальник службы безопасности не любил, когда на него нападали без всяких оснований, но в то же самое время он хотел избежать конфронтации. Он прибегнул к проверенной временем уловке, подставив другую фигуру:
– Боюсь, что это было указание сэра Нейла Рорке, сэр. – Ганн действовал без промедления. – Мы допросили мистера Хоггина, и он утверждает, что никогда не слышал ни о какой Зандре Уоллертон.
– Этот человек лжет.
– Не думаю, сэр. Он утверждает, что его просила дать сведения доктор Линда Фармер, наш руководитель отдела медицинской информации и связи с общественностью. Мы проверили ее, и выяснилось, что она не отдавала таких распоряжений. Я просмотрел данные о ее разговорах. Она говорила правду – из ее офиса никто не связывался с мистером Хоггином. Но когда мы просмотрели перечень входящих звонков в Рединг, то обнаружили два звонка мистеру Хоггину с мобильного телефона, зарегистрированного на имя «Темз-Уолли газетт». А секретарша записала оба звонка как поступившие от доктора Фармер. – В ходе разговора Ганн просматривал отчет. – Я делаю вывод, что эта репортерша обманула мистера Хоггина: пару недель назад она встречалась с доктором Фармер, так что она могла знать ее голос и кое-что о ней самой.
Кроу слегка успокоился, и теперь тон его голоса был полон тихой ярости.
– Хоггин – выживший из ума старый дурак. Сэр Нейл хотел куда-нибудь его устроить, чтобы успокоить дочку Баннермана, но я был категорически против.
– Похоже, вы были правы, сэр, – елейно сказал Ганн.
После нескольких секунд молчания Кроу коротко бросил:
– Я думаю, вам лучше зайти ко мне в кабинет.

36

После встречи с Винсентом Кроу Зандра Уоллертон приняла на свой мобильник звонок из редакции, ей сообщили, что Зандре предстоит взять интервью о проблемах токсического загрязнения у секретарши лондонского отделения Национального союза фермеров.
После семи часов она наконец покинула город и попала в огромную пробку на Вестуэй. Белый редакционный «форд-фиеста» был совсем новенький – всего двести тридцать восемь миль на спидометре. Она опустила окно и вдохнула сырой туманный воздух, но тут же быстро закрыла его, спасаясь от выхлопов дизельного топлива промчавшегося рядом грузовика.
Она включила радио.
Часы на приборной панели показывали без двадцати двух восемь, и Зандра стала не на шутку беспокоиться. Пробка не рассасывалась, а сегодня вечером она договорилась о встрече с Тони Истоном, с тем самым Тони Истоном, у которого на «Радио Беркшира» была своя передача о последних событиях. Они встречались в понедельник днем и беседовали о токсических загрязнениях, а на следующее утро он позвонил ей в офис и спросил, не может ли увидеть ее. Он был популярен и успешен и, подумала она, неподдельно обаятелен.
Ему было тридцать с небольшим, по-настоящему взрослый человек, и ее это волновало. Он пригласил ее пообедать в тайском ресторане – и она даже купила новое платье, черное трикотажное, которое плотно облегало тело, и выглядела она в нем просто замечательно.

В восемь он должен подъехать к ее квартире, а она никак не может связаться с ним и дать знать, что опоздает – точнее, сильно опоздает.
Вот черт!

Будет ли он ждать, если поднимется, а из-за двери никто не ответит? Нет, конечно же нет. Он подумает: «Идиотка! Она кинула меня!»

Надо как-то выбраться из этого затора и попробовать объездные пути; если она будет гнать изо всех сил и повезет с движением, то может еще успеть. Ее машина медленно, по дюймам, ползла вперед, большой дорожный знак указывал повороты к Икенхему и Руислипу. Движение снова остановилось.

Давай же, прошу тебя, шевелись, не подводи меня!
Ладонями она колотила по рулевому колесу.
Да двигайтесь же, идиоты!
Она то и дело без толку увеличивала обороты двигателя; где-то далеко продолжала завывать сирена. «Какого черта кто-то ухитрился именно сейчас устроить дорожное происшествие? – глупо злилась она. – Черт побери, неужто они не могли выбрать для этого другое время, когда нет такого движения? Тупые, самовлюбленные, выжившие из ума идиоты!»

«Господи, да успокойся ты, девочка», – сказала она себе.

Неожиданно для самой себя Зандра вспомнила доктора Винсента Кроу.
Я доберусь до тебя, лощеный хлыщ. И выверну наизнанку.

И еще она вспомнила ту молодую женщину, Монтану Баннерман, и запоздало удивилась, чего ради ее назвали в честь американского штата.
Когда они встретились в последний раз, отношение Монтаны к ней заметно изменилось. Во вторник днем – это была их первая встреча – она держалась настороженно, но слушала Зандру с неподдельным интересом. В конце их встречи Монтана Баннерман пообещала дать знать корреспондентке, если услышит что-то интересное о «Матерноксе».
Но сегодня утром она не желала ни о чем говорить, может, потому, что еще не оправилась от шока. Или, может, потому, что она боялась, – скорее всего, дело было именно в этом. Зандра отчетливо улавливала эти нотки страха. Мисс Баннерман знала гораздо больше того, что сказала, но опасалась произнести хоть одно лишнее слово. «Надо дать ей время, – подумала Зандра. – Дать несколько дней, чтобы она успокоилась, и снова навестить».
Она ни минуты не сомневалась в том, что это не просто несчастный случай в лаборатории; все ее профессиональные инстинкты требовали – копать и копать. Ей была нужна классная история, которая потрясет всю страну и создаст ей репутацию, и тогда она сможет перебраться в Лондон. Если она отыграет все правильно, «Бендикс Шер» сможет стать ее первой большой удачей. У Кроу вид человека, который явно что-то скрывает.
Да и, кроме того, это не просто ее подозрения, не взбалмошная прихоть безалаберной девицы двадцати одного года от роду. На эту историю Зандру навел ее коллега из отдела новостей. Губерт знал: здесь что-то кроется. Он знал. Три смерти от синдрома циклопа. Техник-лаборант. Нечего и думать – это плохо пахнет.
Наконец появился съезд с дороги, на который она и повернула, и, руководствуясь дорожным атласом, как сумасшедшая рванула по боковым улицам, стремясь вырваться из пределов разросшегося пригорода в сельские просторы Беркшира.
7:46. Увертываясь от встречных и попутных машин, она наконец вылетела на прямое двухполосное шоссе, но, миновав целую вереницу красных хвостовых огней, она, к своему разочарованию, увидела впереди дорожную пробку, которая протянулась, кажется, на несколько миль.

Вот черт!

Она резко притормозила, повернула на боковую дорогу и вдавила в пол педаль акселератора. Новенький двигатель еще не был обкатан, и стрелка спидометра ползла мучительно медленно. 40… 50… 60…

Давай же!
Здесь существовало ограничение скорости тридцать миль в час, но она, не обращая на это внимания, гнала за семьдесят; ударив по тормозам, она развернулась и наконец увидела долгожданный знак «Хай-Хамнет», где и съехала на неосвещенную сельскую дорогу, почти свободную от машин. Есть шанс успеть. Тони на несколько минут опоздает. Люди всегда немного опаздывают, это считается данью вежливости.

Она скользнула взглядом по незнакомым датчикам, включила «дворники», которые счистили с ветрового стекла туманную морось, и затормозила, едва не воткнувшись в задние фары передней машины. Убедившись, что это не полиция, она пролетела мимо нее. Спидометр подполз к цифре 85. Она снова включила «дворники», но, когда они провели первую дугу, сердце ее подпрыгнуло, а из груди вырвался сдавленный крик ужаса.
Сквозь ветровое стекло на нее смотрела жуткая рогатая физиономия. Она была совершенно реальная, в трех измерениях, как голограмма. Она была странно похожа и на человеческий череп, и на козлиный.
Зандра уперлась ногой в тормоз, и машину повело, она вовремя остановилась, сзади раздался гневный звук клаксона, и мимо пронеслась какая-то машина. Девушка на долю секунды закрыла глаза, а когда открыла их, физиономия исчезла.

Зандра сглотнула спазм в горле. Ее колотило.
Господи Иисусе!
«Дворники» описали вторую дугу, а потом и третью. Внезапно похолодало, ее охватил ледяной озноб. По спине поползла струйка страха. Казалось, будто в машине есть кто-то еще; она чувствовала чье-то незримое присутствие на заднем сиденье. Зандра мельком глянула в зеркало заднего вида, но никого не обнаружила.

Она снова вспомнила доктора Кроу, сидящего напротив нее по другую сторону стола. Его ядовитую усмешку. По какой-то необъяснимой причине физиономия, которую она только что видела – или вообразила себе, – вызвала в памяти его лицо. Она помедлила, какое-то мгновение опасаясь посмотреть назад, но затем взяла себя в руки и повернула голову.
Ничего.
Она снова двинулась в путь, гоня на пределе сил. Стрелка спидометра подползала к красной черте; она перевалила гребень холма, откуда вниз вел длинный прямой спуск. 80… 85… 90. В зеркале заднего вида скользнула какая-то тень, и у нее от страха съежилась кожа на голове. Зандра немного сбросила скорость, снова глянула в зеркало, повернула голову, но ничего не увидела.
В глаза ей блеснул свет. Взревел клаксон. Это фары встречной машины; да ее же вынесло чуть ли не к середине дороги, внезапно осознала Зандра и, запаниковав, рванула рулевое колесо, возвращаясь на левую полосу.
И тут она снова увидела перед собой это маскообразное лицо. Черты его, жестко прижатые к ветровому стеклу, были расплющены и искажены, как в кривом зеркале комнаты ужасов на ярмарке.
– Убирайся! – оцепенев, воскликнула она, ударив по тумблеру «дворников». Они описали еще одну дугу; Зандра поставила их на максимальную скорость. Но в стекле ничего не было, никакого лица, а только темная дорога и два далеких красных огонька впереди.
Она еще раз посмотрела в зеркало. Когда она это сделала, что-то темное, похожее на огромный мяч, взрывом выкинутое из рулевого колеса, врезалось ей в грудь, прижало спиной к сиденью. Она почувствовала мучительную боль в голове, словно в уши воткнулись два кинжала. Воздушная подушка, поняла она. Господи боже, да это же воздушная подушка надулась. Без всякой причины.
Два мигающих красных огонька прошлись по ветровому стеклу. Она увидела знак – треугольник с изображением паровоза в нем, – но увидела слишком поздно. Давя ногой на тормоз, Зандра открыла рот в беззвучном крике. Заблокированные тормоза яростно завизжали, летя по мокрому гудрону шоссе. Машину развернуло налево и кинуло к большому кругу в центре шлагбаума. За деревьями справа от себя она увидела что-то желтое; сотни ярдов мигающих огней – купе, полные пассажиров, которые спешат домой.

Она подумала о черном платье, которое утром положила на постель перед тем, как надеть его. Мелькнула мысль об обаятельном ведущем, который вот уже несколько минут звонит ей в дверь… Машину с дикой силой кинуло вперед, и шлагбаум разлетелся в щепки перед ее глазами.

Ты справишься. Справишься. Справишься.

Она беспомощно вцепилась в баранку, словно это был поручень кресла на американских горках.

Все будет хорошо.

Машину с силой затрясло, после чего она остановилась. В ушах у нее стоял стонущий гудок. Свет становился просто невыносимым.
Надо выбраться, выползти!
Она стала искать дверную ручку. Найти ее не получалось; Зандра была не очень хорошо знакома с этой машиной. Рука ее бесцельно шарила вверх и вниз. Наконец она нашла ручку, дернула ее и ударом локтя распахнула дверь. Порыв дождя с ветром хлестанул по ней. Свет становился все ярче. Гудок продолжал орать. На нее надвигалась грохочущая стена.

Она попыталась выбраться из машины, но ремень безопасности плотно держал ее на сиденье. Она отчаянным усилием нащупала пряжку, почувствовала, что ремень ослабел, и, рванув дверь, вывалилась из машины. Но что-то схватило ее за ногу, с силой потянув вверх и назад, и с криком боли она шлепнулась лицом вниз – нога ее осталась в машине, перехваченная петлей ремня безопасности. Яростный ветер рвал ей волосы, с силой дул в лицо. Какофония гудков грохотала как раз у нее над головой. Открыв рот, она в ужасе закричала и уставилась куда-то наверх, как кролик, загипнотизированный невыносимым свечением летящих на нее огней.
Где-то рядом завопил голос:
– Беги! Ради бога, беги!

37

Беркшир, Англия. Воскресенье, 13 ноября 1994 года

Монти подложила два березовых полешка в камин, скинула шлепанцы и калачиком свернулась на диване, осторожно поставив тарелку на бедро. Минуло семь часов, и она уже предвкушала роскошь спокойного просмотра какой-нибудь телевизионной передачи, после чего можно будет пораньше лечь спать. Она нажала на дистанционном пульте кнопку выбора каналов, и в программе «Равноденствие» на экране появилось несколько названий, имеющих отношение к генетике. Не отводя от них глаз, Монти откусила кусок теплой гренки с маслом и подцепила на вилку кусок яичницы, которую сделала себе на ужин.
Теперь она чувствовала себя куда лучше, разве что немного усталой. Несмотря на совет врача, что ей стоило бы еще недельку отдохнуть, она решила завтра же выйти на работу; ни горло, ни легкие больше не саднило, глаза не болели. Из больницы ее выписали в субботу утром, и отец отвез ее домой. Несколько минут назад она позвонила ему напомнить, что утром он должен заехать за ней, потому что ее машина так и осталась стоять на парковке «Бендикса».
Похороны Джейка Силса прошли в среду, но на них присутствовали только члены семьи. Его близкие попросили лишь прислать цветы. Монти была слегка удивлена той быстротой, с какой коронер разрешил взять тело для похорон. Скорее всего, у него не было причин и дальше держать его, но что-то ее беспокоило: ведь если и была возможность найти дополнительные доказательства, то после кремации она окончательно исчезнет.

Доказательства чего?
В глубине души она надеялась, что американец еще навестит ее в больнице, но он не появился, и это заставило ее испытать легкое разочарование. Но Монти помнила, что он пригласил ее на ланч на этой неделе, и ждала этого события, пытаясь догадаться, что у него на уме и что он знает. Какие-то факты о компании? Или о «Матерноксе»?
Внезапно ее пробила дрожь, она вспомнила о своей подруге Анне Стерлинг. Анна и Марк заглянули утром, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и принесли массу вкусных вещей. Три женщины скончались при родах примерно месяц назад. Монти быстро произвела обратный подсчет. Из этого следовало, что они забеременели в январе или феврале. Поскольку они прибегнули к «Матерноксу», то, значит, какое-то время страдали от бесплодия; она слышала, что средняя продолжительность приема «Матернокса», гарантирующая зачатие, составляет пять месяцев. Она припомнила разговор с Анной, который состоялся примерно год назад, когда она призналась, что бесплодна.
«Доктор хочет, чтобы я принимала лекарство, которое называется „Матернокс“».
Расправляясь с яичницей, Монти ясно вспомнила эти ее слова. Анна могла начать принимать препарат примерно в это же время.
Ей послышался шум машины за окном, и она отвлеклась от своих мыслей. Монти посмотрела в окно, прислушалась, но не уловила никаких звуков. Снаружи было темно и очень холодно. Уединенная жизнь в сельской местности нравилась ей и тем, что не надо было задергивать портьеры, что в зеркале отражались острые лучики Полярной звезды, висящей над деревьями в дальнем конце ее сада. Из камина с треском вылетел янтарный кусочек тлеющего уголька. Крик сонно посмотрел на него, а Уотсон, свернувшись клубком, продолжал спокойно спать.
Монти посмотрела на красный бутон пуансеттии, которую Анна подарила ей несколько лет назад и которая всегда цвела в это время года, и подумала, не стоит ли предупредить подругу о возможной опасности «Матернокса». Три случая синдрома циклопа. Три из сотен тысяч – миллионов – женщин, которым каждый год «Матернокс» помогает забеременеть. Три случая – с точки зрения статистики это такая мелочь, что не имеет смысла ее учитывать. Пресса старается напугать людей и раздуть скандал из ничего. Типичная ситуация. Монти решила, что ничего не скажет Анне, пока не получит весомых свидетельств против этого препарата.
Поставив свой стакан с австралийским шардоне, она продолжила ужин. В камине звучно треснуло пылающее полено, потом еще одно, и она опасливо заглянула в зев камина. В памяти всплыло дымящееся, тающее на глазах лицо Джейка, и ее охватил внезапный приступ тревоги. Она опасливо посмотрела на окна, на темноту за ними и почувствовала, что горло ей перехватывает спазм. За окнами ничего нет? Бояться нечего.

Успокойся.

Она взялась за стопку непрочитанных воскресных газет, которые лежали на толстом кремовом ковре.
Проглядывая раздел «Уик-энд», она, к своему удивлению, увидела добродушное лицо сэра Нейла Рорке под заголовком «Мой прекрасный уик-энд».
Рорке был изображен в потертом пальто фирмы «Берберри» и в веллингтоновских ботинках; он держался за тачку, и на лице его была широкая улыбка, говорившая, что в его мире все в полном порядке. Прекрасный уик-энд, сообщил он, прошел в его шотландском поместье, где он в сопровождении своих собак прогуливался с женой, слушал Моцарта, пил виски «Гленливет», белое бургундское «Ле Монтраше» 1978 года и кларет «Шато Марго», ел шотландского лосося и просто необыкновенную говядину. Больше всего его радовала, сообщил сэр Рорке, возможность не думать о галстуках и своей почте. Он был олицетворением теплоты и поразил Монти тем, что совершенно не сочетался с продуманной четкостью «Бендикс Шер» и холодной надменностью Винсента Кроу и иже с ним.
Внезапно что-то привлекло ее внимание, и она вздрогнула. По саду скользнул и исчез яркий луч света. Автомобильные фары. От страха все в ней застыло, по коже побежали мурашки. Она тихонько подобралась к окну и уткнулась лицом в стекло.
Звякнул дверной звонок.
Монти вздрогнула, резко приглушила звук телевизора и услышала громкий стук своего сердца. Во рту пересохло. «Успокойся, – сказала она себе, – ты же не психопатка».

Она подошла к входной двери, включила внешнее освещение, посмотрела в глазок и сразу же узнала лысоватого мужчину средних лет в мятом плаще и облегченно вздохнула.
Монти открыла дверь, и ее окатило волной холодного воздуха.
– Мистер Уэнтуорт? Добрый вечер.
Журналист, смущенно моргая, продолжал стоять на пороге. На нем были квадратные очки без оправы.
– Мисс Баннерман, простите, что беспокою вас. – Он с трудом перевел дыхание, словно ему не хватало воздуха. – Я не хотел пользоваться телефоном. Слишком рискованно. Можем ли мы переговорить накоротке?
– Да, конечно… входите, – сказала она почти спокойно.
– Долго я вас не задержу; в воскресенье вечером не принято неожиданно являться в гости. – Замолчав, он уставился на потертый ковер в прихожей. – Персидский. Каждый такой товар рассказывает целую историю. Поучительную. С массой легенд и метафор.
Монти растерянно уставилась на него:
– Метафор?
– Дело в рисунке. Орнамент по краю – это решетка, сквозь которую души переходят из одного измерения в другое. Вы удивились бы, если бы узнали те истории, которые рассказывают такие предметы искусства.
– В самом деле? – Она растерянно опустила взгляд на ковер, который купила на какой-то дешевой распродаже несколько лет назад.
– Именно, – показал он ей. – Темные и светлые бордюры говорят о чередовании дня и ночи. – Он кивнул значительно, словно древний мудрец.
– Мне никогда не приходило в голову, что тут скрыта какая-то символика.
– Да, да. Восьмилепестковое соцветие символизирует центр Вселенной. Видите? Главное – это восемь лепестков. В центре их – отверстие в небе, обозначающее переход с земли на небо. – Он усмехнулся сам над собой. – Ладно, Губерт Уэнтуорт, заткнись. Этой милой особе не стоит слушать твой старческий бред.
– Вы отнюдь не выглядите старым, – вежливо возразила Монти.
– Пятьдесят девять – вполне пожилой возраст. – Он кивнул, словно соглашаясь с самим собой. – Вам лучше? Я слышал, вы попали в больницу? – Подчинившись ее жесту, он снял плащ. Под ним была мятая рубашка с галстуком.
– Спасибо, я прекрасно себя чувствую. – Она пристроила его плащ на вешалке викторианских времен и предложила ему пройти в гостиную. Когда она сама вошла туда, Уэнтуорт стоял перед картиной, изображавшей греческую гавань на закате.
– Это ваша работа?
– Да, – сказала она. – Итака, примерно пять лет назад.
– Знаете, вам следует быть художницей, а не химиком.
Монти улыбнулась:
– Вы очень любезны. – Она села на край дивана и немного смутилась, увидев на полу поднос с остатками ужина. – Прошу вас, устраивайтесь, – показала она ему на кресло. – Могу ли я предложить вам выпить?
Как и раньше, он согласился принять лишь стакан воды, который она тут же принесла ему из кухни. Она снова обратила внимание, каких трудов ему стоит спокойно сидеть на месте. Он поставил стакан на кофейный столик, но продолжал держаться за него, словно это был рычаг, с помощью которого он может вылететь из кресла.
– Плохие новости, – сказал он и кивнул, словно подчеркивая серьезность своих слов. – Может, вы уже слышали? Вы видели вчерашнюю прессу? «Газетт»?
– Боюсь, я не…
– Я говорил вам о нашем молодом репортере Зандре Уоллертон?
– Да, и я пару раз встречалась с ней… во вторник и в четверг.
Он удивленно уставился на нее:
– Вы виделись с ней в этот четверг?
– Да.
– Здесь?
– Нет… в больнице… – Она все пыталась понять, о каких последних плохих новостях может идти речь.

– Целый ряд неожиданных смертей, мисс Баннерман. И их слишком много, – сказал он. – Наши добрые друзья в «Бендикс Шер» пытались оказать коммерческое давление на моего редактора, чтобы он не публиковал статью о «Матерноксе». Зандра вам это рассказывала?
– Нет… она мне ничего не… Я… боюсь, что при второй встрече я была очень усталой, и мы говорили недолго.
Крик встал, подошел к Уэнтуорту и потерся о его лодыжку. Журналист наклонился и погладил его.
– Значит, Зандра Уоллертон, скорее всего, не рассказала вам и о том несчастном технике, мистере Силсе? О том, что ему удалось получить информацию о «Матерноксе», которой мы интересуемся? И к тому же образцы.
– Нет! – сказала Монти. Она лихорадочно соображала, что к чему.
Собеседник кивнул:
– Она рвалась как можно скорее опубликовать этот материал, но я сказал ей, что стоит попридержать его, собрать побольше доказательств, чтобы история была более весомой. Нельзя высказывать одни лишь предположения. Нужны факты. – Он посмотрел на Монти, и лицо его потемнело. – Насколько я понимаю, вы не слышали новостей о Зандре Уоллертон?
Монти покачала головой и собралась с духом, понимая – что бы ни последовало, это серьезно.
– Железнодорожный переезд. Она оказалась на нем как раз перед поездом. Трагично. – Он вскинул руки жестом тщеты и отчаяния. – Ужасная потеря.
Монти утратила дар речи. Она была не готова к такому известию.
– Она погибла в четверг вечером. Я думал, вы должны были знать. Все это выглядело как несчастный случай, просто обыкновенный несчастный случай, но… – Он снова вскинул руки. – Спешка. Может, она подумала, что стоит снести шлагбаум. Кто знает?
Монти чувствовала себя так, словно в голове взорвалась маленькая бомба. Образ юной девушки-репортера, влетевшей в больничную палату, вернулся к ней и не покидал ее.
– Не могу поверить, – сказала она еле слышным шепотом. Я… – Голос ее прервался, и Монти показалось, что она теряет ощущение реальности. Она вспомнила грубоватого и циничного Джейка Силса, который с видом испуганного ребенка внезапно обвел взглядом паб, услышала голос напористой девушки-репортера…
Она посмотрела на свою картину, на теплые тона сандерсоновской ткани, которой была обтянута ее мебель, на языки пламени, пляшущие в камине, на непроглядную темноту ночи за окном.
– Еще один несчастный случай, – произнес Уэнтуорт таким тоном, словно хотел убедить и ее, и себя.
– Так ли? Как много смертей должно случиться, прежде чем… – Она прикусила язык, пытаясь собраться с мыслями.
Уэнтуорт отпил из стакана и сжал его в ладонях, словно стараясь согреть о него пальцы.
– Мисс Баннерман, я не должен был втягивать вас во все это. Вы порядочный человек, и моя дочь Сара всегда говорила, что вы и ваш отец – хорошие люди. Я сейчас уйду, а вы продолжите жить своей жизнью.
– Вы ни во что меня не втягиваете. Я уже втянулась.
Ее гость смотрел прямо перед собой.
– Плюс и минус. Инь и ян. Добро и зло. Свет и тьма. Может, они навечно сплетены, как нити вашего прекрасного ковра. Свет может сиять лишь в темноте – это такая простая истина. – Внезапно его взгляд обрел жесткое, сосредоточенное выражение, когда он снова заговорил. – Фармацевтические препараты. Лекарства, которые снимают боль и лечат рак, лекарства, которые задерживают наступление старческого слабоумия, снижают уровень детской смертности. Фармацевтическая индустрия производит так много хороших препаратов. Они так улучшают качество жизни.
– В тех случаях, когда ею руководят ответственные люди, – заметила она.
Ее слова вызвали тень улыбки на лице Уэнтуорта.
– Да, в самом деле. Мудрые слова. – Он порылся в нагрудном кармане пиджака и извлек оттуда мятый конверт, который протянул ей. – Не взглянете ли, моя дорогая?
Внутри была фотография такого качества, словно ее делали в уличной фотобудке. На ней была изображена на редкость привлекательная женщина индокитайского происхождения, двадцати с небольшим лет.

– Красавица. Вам не кажется?
– Да, очень хороша. – Монти посмотрела на него, пытаясь понять, кто эта женщина.
– Моя покойная жена, – сказал он.
Монти попыталась скрыть свое изумление.
– Мы встретились во Вьетнаме… где я был корреспондентом Рейтер, а она – репортером «Пари матч». Как-то мы вместе сопровождали американский взвод, направлявшийся к деревне, где, как они подозревали, скрывались вьетконговцы. Воздушный патруль американцев по ошибке атаковал нас. Франсуаза была в джипе в ста ярдах передо мной и у меня на глазах сгорела заживо. Я ничего не мог сделать.
Монти видела, какой печалью наполнены его глаза, и позволила ему продолжить рассказ.
– Тридцать три года спустя мне порой трудно вспомнить ее лицо. Но я до сих пор чувствую запах ее горящей плоти и слышу ее крики – так ясно, словно это произошло всего несколько часов назад. – Он опустил взгляд на ковер. – Есть определенные химические субстанции, которые никто не должен производить. Но кое-кто этим занимался. И всегда будет. – Он покачал головой из стороны в сторону. – Вы же понимаете – это доход. Вот в чем корень зла. Он внезапно поднял взгляд, и лицо его исказилось гримасой горечи.
– Я видел, как Франсуаза выскочила из джипа и побежала по рисовым посадкам, как живой факел… она с головы до ног была покрыта пылающей клейкой массой, которую для военной авиации Соединенных Штатов выпускал «Бендикс Шер». – Он медленно прикрыл веки. – Та же компания, которая производила противоожоговый крем, продававшийся без рецептов. Та же самая компания, которая выпускала болеутоляющие средства при артрите и лосьон для загара, которая жертвовала миллионы на благотворительность и исследования. Продукция «Бендикс Шер» заставила кожу моей жены сползать клочьями… у меня на глазах, и я ничего не мог сделать, чтобы спасти ее.
От напряженной горечи слов этого человека у Монти пошли мурашки по коже.
– Простите, – сказала она. – Я не имела представления.
– У фармацевтической промышленности так много возможностей делать добро, мисс Баннерман, но большей частью она претворяет в жизнь мечту алхимиков: даже смерть она превращает в золото. – Уэнтуорт медленно встал на ноги, поднял взгляд к потолку и указательным пальцем коснулся глаза. – Деревянные стропила. Как приятно видеть дом, в котором они еще существуют. – Он повернулся к Монти. – Я теперь сам буду заниматься этой историей. И напишу о ней.
– Я помогу вам всем, чем могу.
Легко ступая, он направился в холл:
– Вы очень любезны, но я сомневаюсь, что вам стоит вмешиваться.
Она помолчала, размышляя, а потом сказала, что уже настолько вовлечена в это дело, что теперь ей от него никуда не деться.
– Правда, не знаю, смогу ли принести вам какую-нибудь пользу.
– Главное, что мне нужно знать на этом этапе, – есть ли какая-то связь через «Матернокс» между моей дочерью Сарой и двумя другими женщинами, которые тоже скончались. – Он помедлил. – Видите ли, Зандра Уоллертон звонила мне в четверг утром и сказала, что выяснила: все три женщины действительно принимали «Матернокс» из одной и той же партии. Но я не знаю, насколько была велика эта партия. Я не знаю, отличалась ли она от прочих. И меня не на шутку беспокоит, что два человека, занявшиеся дополнительными изысканиями, погибли в течение полутора дней.
– Это может быть трагическим совпадением – и ничем иным, – предположила Монти.
– Конечно.
– Дайте мне номер партии, и я займусь ею. Как только у меня что-то будет на руках, я свяжусь с вами.
– Да, вот еще что, – сказал Уэнтуорт, набросав номер нужной ей серии. – Будьте осторожны, пользуясь телефонами внутри компании.
– Вы думаете, их прослушивают?
– Исходите из этого. Я бы очень удивился, если бы узнал, что их не прослушивают.
– Вы серьезно? Любые разговоры?
– Есть достаточно изощренные методы отслеживания таких вещей. Не исключено, что и дома сотрудников. – Он подчеркнуто показал на телефон, стоящий на столике в холле. – Для связи со

мной пользуйтесь таксофоном. В последний раз я давал вам мои служебные и домашние номера?
– Да, они у меня есть, – сказала она, недоверчиво глядя на собеседника. Его паранойя показалась ей несколько абсурдной.
– Спасибо за то, что позволили вторгнуться к вам этим вечером. – Он окинул взглядом пол. – Какой прекрасный ковер! Вам очень повезло.
Она помогла ему справиться с плащом, зажгла фонарь под портиком и открыла дверь.
– Как темно. Я провожу вас до машины.
Оба кота проскочили мимо них в сад. Она включила фонарик, и его луч упал на маленький «ниссан», стоящий у края лужайки.
Уэнтуорт повернулся к ней:
– Я не хочу, чтобы вы хоть в какой-то мере чувствовали себя обязанной. Если вы завтра проснетесь и передумаете, я пойму вас. Вы молоды, перед вами еще вся жизнь, и я не хочу нести ответственность за то, что сломал ваше будущее. – Он устроился на месте водителя.
– Я не исчезну, – улыбнулась она ему.
– Прошу вас, серьезно подумайте. – Он вставил в замок ключ зажигания. – Вы знаете китайскую поговорку о мести?
– Нет.
Уэнтуорт внимательно посмотрел на нее:
– Прежде чем вы отправитесь мстить, первым делом пойдите и выкопайте две могилы. – Он включил двигатель. – Видите ли, мисс Баннерман, я – это другое дело. У меня нет выбора, кроме как заниматься этим делом, – у вас же нет никакого мотива.
– Вы ошибаетесь. Мотив у меня есть – и еще какой! – сказала она. – Меня очень заботит фармацевтическая промышленность; я хочу, чтобы в ней присутствовали и мораль, и ответственность. И если происходит какая-то гнусность, я хочу положить ей конец. Сэр Нейл Рорке – прекрасный человек. Он будет просто потрясен, если в «Бендикс Шер», прямо у него под носом случится что-то недостойное. Могу вас заверить, что он этого не допустит, и у меня есть право в любое время видеться с ним.
– В любом случае не торопитесь. Всегда хорошо знать, что у тебя есть союзник, но пока держите его в запасе. Давайте попробуем продвигаться шаг за шагом.
Она согласилась и лучом фонарика показала ему лужайку, на которой он сможет развернуться. Она подождала, пока огни задних фар не исчезнут, зябко ежась, позвала котов, вернулась в дом, закрыла парадную дверь, проверила, заперта ли задняя дверь, и начала по порядку проверять окно за окном.
Два человека, которых она знала, которые еще на прошлой неделе были живы, мертвы. Ей в самом деле стало не по себе. Но конечно же, «Бендикс Шер» никоим образом не может быть вовлечен в какие-то незаконные деяния! Разве не так? Просто Губерт Уэнтуорт в таком подавленном состоянии, что в поисках объяснения хватается за соломинку.
Но тут Монти зябко передернулась, осознав, что, возможно, и она цепляется за соломинку.

38

Барнет, Северный Лондон. 1951 год

Сидя у верхнего окна автобуса, который отвозил его в школу и часто останавливался на этом перекрестке, Джадд много раз обращал внимание на череп, красовавшийся в витрине мелочной лавки.
Она располагалась на опрятном, но многолюдном участке улицы, зажатая между магазином скобяных изделий и ломбардом. Фасад был в облупившейся черной краске, а за мутным стеклом витрины красовался беспорядочный набор книг, декоративных тарелок, столовых приборов, кружек «Тоби» и россыпь безделушек.

Но, кроме восхищения черепом, его подлинное любопытство вызывало обилие канделябров, кубков и церемониальных кинжалов, в которых, как ему казалось, он опознал по книгам из своей библиотеки предметы, имеющие отношение к оккультизму.
Он остановился на тротуаре перед магазином, пережидая, пока пройдет автобус. В этот час мать обычно пила кофе после церковной службы, но он все равно нервничал, опасаясь, что по какой-то причине она может пройти мимо. Или кто-то из ее приятельниц увидит его.
За те пять лет, что прошли после смерти отца, ее жестокость по отношению к нему стала не такой свирепой, и, хотя он больше не боялся матери, зная, что обладает властью над нею, все же старался не вызывать ее гнева. Она давно перестала привязывать его руки к кровати, но случалось, что лупила его. Порой, покрытый синяками и ссадинами, он обдумывал, не пустить ли в ход ритуал, чтобы убить ее, но одной из главных причин, по которой он этого не делал, было понимание, что она является отличным субъектом для экспериментов, и поэтому на пороге семнадцатилетия он позволял ей думать, что ничем не отличается от ребенка, которым когда-то был.
Он использовал ее, чтобы проверять силу заклятий, которые вызывают тошноту, заклятий, после которых она теряла память; некоторые клали конец ее гневным вспышкам (но только на короткие периоды), а другие укладывали ее в постель с какой-то болезнью; были заклинания, которые заставляли ее покупать ему подарки на день рождения и Рождество, хотя подбор их был довольно странен.
Он смог заставить ее купить ему «Энциклопедию современной науки» и экземпляр «Теории эволюции Дарвина», хотя раньше она отказывалась даже иметь в доме и ту и другую книгу, считая, что наука – это зло, а теория Дарвина – гнусное богохульство. Но попытка внушить ей желание купить ему набор для отливки свечей, чтобы он мог создавать фигурки и изображения, кончилась полным крахом: вместо этого она купила ему набор игрушечных британских солдатиков.
Самой большой неудачей из всех оказались заклятия, с помощью которых он пытался отвратить ее от Бога. Он старался изо всех сил, проведя дома свою черную мессу, для которой он использовал похищенные из церкви облатки причастия, оскверненные мочой, экскрементами, семенем и в одном случае даже менструальной кровью, которую он раздобыл из прокладки, найденной в мусорной корзинке в ванной.
Была и другая причина сохранять ей жизнь. Если ее постигнет смерть или она станет недееспособной – он не сомневался, что легко сможет обеспечить ей и то и другое, – ему придется отправиться жить у тети с дядей и делить комнату с двоюродным братом, а в этом не было ничего хорошего. Возможность пользоваться уединением была очень важна для его планов.
Самое важное испытание ждет его в течение следующих четырех лет, и для него исключительно важно много и тяжело работать над развитием своих способностей. Он трудился как одержимый, каждую ночь допоздна, а порой чуть ли не до рассвета; он убедился, что, соответствующим образом контролируя свой мозг и тело, он неделями может ограничиваться лишь парой часов дневного сна.
Ранние эксперименты над своими учителями были сравнительно удачными, но для претворения его дальнейших планов он должен был успешно сдать экзамены – он собирался учиться в университете; для этого ему предстояло войти в контакт с совершенно незнакомыми людьми, имен которых он даже не знал. Он должен научиться создавать талисманы, должен уметь произносить заклятия над чернилами, которыми пользуется, и поддерживать ментальную связь с ними, чтобы таким образом проникать в мозги экзаменаторов. Это должно быть сделано. Все возможно.
«И пусть твои слова и поступки станут законом. Заставь – и тебя полюбят».
Эти вышитые слова в небольшой рамке на стене сразу же бросились ему в глаза, когда он вошел в магазин. Резко звякнул колокольчик на дверях, когда они закрылись за ним, и Дэниел внезапно почувствовал себя полностью отъединенным от мира. Стоял слабый приятный запах, в котором он узнал благовония, и, оглянувшись вокруг, он потрясенно уставился на груды сокровищ в этой странной, едва ли не церковной полутьме – его глаза вспыхнули при виде меча и кольчуги, зловещего топора на колоде, полок, заставленных большими пыльными томами.
Из-за стойки маленькими, как у насекомого, глазами за ним наблюдала худая остроносая женщина с прямыми выцветшими волосами, собранными сзади в хвост.

Покраснев, Дэниел отвел глаза и, за прикрытием массивной кружки в честь коронации Георга VI, взял книгу «Пособие по высшей магии», автором которой был один из его героев, Джеральд Гарднер. Он открыл ее наудачу, зная, что взгляд его может впитывать все окружающее, подобно промокательной бумаге.
– Для такого молодого человека у вас очень сильная аура, – прорезал тишину голос мягкий, как музыкальный аккорд.
Удивившись, Дэниел снова посмотрел на стойку. Там стоял мужчина, только сейчас понял он, а не женщина. Он никогда не видел мужчин с такой прической.
– Спасибо, – нервничая, ответил он, кладя книгу обратно.
– Раньше я вас здесь не видел.
Дэниел обратил внимание на пентакль, который на серебряной цепочке висел поверх черной рубашки этого мужчины.
– А я раньше тут не бывал.
Насмешливо поблескивая глазами, мужчина еще несколько секунд наблюдал за ним, а затем тепло улыбнулся:
– Конечно, иначе я бы раньше обратил внимание на вашу ауру.
Дэниел не знал, как воспринять это замечание, но тон был дружелюбный.
– Спасибо, – снова сказал он.
– У вас есть имя?
– Дэниел.
– Бог – мой судья.
Дэниел растерянно уставился на собеседника.
– Таков смысл имени Дэниел: «Бог – мой судья». У каждого имени есть свой смысл. Бог в самом деле ваш судья?
Вопрос поразил Дэниела до глубины души. Он покачал головой:
– Нет, Бог мне не судья.
– Я этого и не предполагал. Отлично! Дэниел. Дэниел. – Мужчина улыбнулся и откинул назад голову так, словно он обращался к потолку, когда продекламировал: «Второй Дэниел, некий Дэниел, еврей! Теперь, неверный, я возьму свое из твоего бедра».
Дэниел растерялся.
– «Венецианский купец». Вы не читали Шекспира?
Дэниел еще раз покачал головой.
– Нет? Что ж, у мальчика с такой, как у вас, аурой есть более важные вещи для чтения, и я не сомневаюсь, что вы читаете их, не так ли?
Дэниел кивнул. Его взгляд упал на полку над головой мужчины, и он обратил внимание на заголовок, тисненный золотыми буквами на корешке большого зеленого тома: «Баррет. Маг». От этих слов его охватила восторженная дрожь.
– Но кто помогал вашему развитию, Дэниел? У вас есть наставник?
Он обратил внимание на пальцы этого мужчины: сухие и костистые, чуть ли не как у скелета, с ногтями как минимум на дюйм длиннее пальцев и покрытые черным лаком; запястья обвивала масса браслетов. Наставник. Он попытался вспомнить, что могло значить это слово, но не мог отвести глаз от зеленой книги.
– Простите… я не понимаю, что вы имеете в виду.
Этот человек снова уставился на него, и в глазах его блеснул какой-то свет. Дэниел не мог понять, что в нем крылось: то ли юмор, то ли гнев. Мужчина сменил положение на стуле, словно птица на жердочке, коснулся лба, сказал слово «Атех» и подмигнул.
Дэниел понял его и просиял: тепло, равного которому он не испытывал никогда в жизни, пронизало его с головы до ног огромной бурной радостью общения с совершенно незнакомым человеком. Он коснулся груди и ответил:
– Малкутх.
Мужчина коснулся правого плеча:
– Ве-Гебура.
Дэниел прикоснулся к левому:
– Ве-Гедула.
Мужчина свел ладони перед собой:
– Ле-Олам.

Глаза его блестели так, словно он был в трансе.
– Эко, Эко, Азарак.
– Эко, Эко, Зомелак, – ответил Дэниел.
– Эко, Эко, Кернуннос.
– Эко, Эко, Арадиа, – сказал Дэниел.
Мужчина сделал глубокий вдох и в упор посмотрел на Дэниела.
– У тебя нет наставника, но хочешь ли ты учиться? Хочешь ли совершенствоваться? Поэтому ли ты здесь? Ты пришел в поисках знания?
– Да.
– Насколько сильно ты взыскуешь его, Дэниел?
Дэниел стоял лицом к лицу со своим следователем, и в нем жила такая уверенность, что он и не подозревал о ее существовании в себе.
– Я очень сильно хочу обрести его.
– Больше, чем что-либо иное в мире?
На краткое мгновение Дэниел подумал о Боге. Но в этом человеке было нечто внушавшее ему инстинктивное спокойствие. Словно он впервые в жизни встретил того, кто может понять его интерес к тайным арканам, того, с кем он может спокойно беседовать, не опасаясь, что его слова дойдут до матери, человека, которому он может довериться.
В чем он отчаянно нуждался. Много раз за прошедшие несколько лет он, сидя в церкви, вспоминал ночь кончины отца. Порой Дэниел искренне верил, что это он убил его, и был счастлив. Случалось, он испытывал страх от того, что может случиться с ним. Господь повсюду; они поклонялись Ему в школе, в воскресной школе, по радио, в газетах. И ему казалось, что все в мире, все, кроме него, любят Господа. Может, его мать была права, и, может, был прав и его отец. Может, он грешник и его ждет вечное проклятие.
Он было попытался поговорить об оккультизме и о какой-то альтернативе Богу с викарием, но тот пришел в исступление и просто стал фонтанировать теми же библейскими цитатами, которых он наслушался от своей матери. Но здесь и теперь, в этом магазине, в присутствии этого странного человека, он испытал чувство глубокого родства душ. Он не испытывал ни страха, ни чувства вины. Он переживал лишь глубокое и радостное чувство обретения дома.
– Да, – ответил он. – Я хочу совершенствоваться больше, чем чего-либо иного в мире.
– И ты хочешь присоединиться к нашему сообществу, не так ли, Дэниел?
Он кивнул.
– Хорошо, – сказал мужчина. Он улыбнулся. – Уверен, что смогу помочь тебе в этом. Больше, чем ты думаешь. Дай мне руку.
Дэниел неуверенно протянул правую руку. Мужчина взял ее, повернул ладонью кверху и стал внимательно рассматривать, после чего плотно закрыл ладонь Дэниела своими пальцами. Он с силой сжал их, и Дэниел дернулся, подавив невольный вскрик боли. Затем мужчина ослабил хватку и мягко погладил Дэниела по плечу.
Дэниел потрясенно уставился на свою ладонь. Все пять ногтей оставили маленькие полукруглые ранки, в которых уже начала собираться кровь. Но Дэниел не испытывал никакого гнева, а только огромную благодарность, словно этим действием мужчина дал ему понять, что принимает его.
– У тебя очень хорошая кровь, Дэниел, – сказал человек. – Она течет быстро и обладает сочным, богатым цветом. – Он снова улыбнулся. – Я заставил тебя понервничать? Не бойся. Бояться должны лишь те, рядом с которыми стоит Бог.
– Я не боюсь.
Мужчина повернулся, снял с полки «Мага», положил книгу на стойку и жестом предложил Дэниелу взглянуть на нее.
Затаив дыхание, Дэниел приблизился к толстому зеленому тому. Затем он благоговейно поднял обложку и перевернул ее. На внутренней стороне ее карандашом была написана цена: «3 фунта 10 шиллингов».
Целое состояние, подумал Дэниел. Карманных денег он получал шесть пенсов в неделю. Он быстро подсчитал. В фунте двадцать шиллингов, три фунта и десять шиллингов будет семьдесят шиллингов. Ему придется копить сто сорок недель – почти три года.
– Ты хотел бы купить такую книгу? Это оригинал – тысяча восемьсот первого года издания. Большая редкость; будь она в лучшем состоянии, я бы мог выручить за нее гораздо больше.

– Она мне очень нравится… но в данный момент я не могу ее себе позволить. Я смог скопить только семь шиллингов и четыре пенса. Отец оставил мне немного денег, но и те я смогу получить лишь через шесть лет, когда мне минет двадцать один год, – серьезно сказал он и снова уставился в оглавление, торопясь, пока у него не забрали книгу. «Селестиальное влияние». «Оккультные свойства металлов, растений и камней». «Алхимия, или Герметическая философия». «Магия талисманов». «Каббалистическая магия». «Заклинание душ». От радостного возбуждения у него лихорадочно билось сердце. Все здесь, все в этой книге, о которой он так много читал.
– Бери ее.
– Простите?
– Я вижу, как тебя тянет к ней. Как она нужна тебе. Бери ее. И постарайся извлечь из нее пользу. Перестань, это же подарок!
Дэниел смущенно смотрел на него.
– Но я… я должен вам что-то дать.
– Ты еще дашь, Дэниел, – с улыбкой сказал этот человек. – Еще дашь.

39

Лондон. Понедельник, 14 ноября 1994 года

Судя по внешнему виду, детективу-констеблю Брайну, который сидел за дальним концом стола Монти, было лет двенадцать. У него была длинная тощая шея, на которую была насажена выдвинутая вперед голова с рыжеватыми волосами, подстриженными в стиле мусорной швабры; он носил дешевый костюм, слишком большой для него, словно купленный на вырост. Манеры его были столь же агрессивны, сколь несуразна внешность. Он напоминал ей страуса, который однажды пытался клюнуть ее из-за решетки зоопарка Центрального парка.
Уже минуло половина первого. Явившись сразу же после девяти, она обнаружила кучу звонков и корреспонденции, которые накопились за время ее отсутствия. Не будь этого допроса, она сразу же принялась бы за дело.
Но Брайн продолжал:
– Как я понимаю, у мистера Силса была репутация человека, который… как бы это поточнее выразиться… все время раздражал людей своим неуместным поведением?
– Лично мне он всегда помогал, – фыркнула в ответ Монти.
– Согласитесь, что это выглядит весьма странно: рассвет еще не наступил, а вы одни в лаборатории; затем он становится жертвой несчастного случая и погибает.
Она с силой перевела дыхание: намек на обвинение и обидел, и разозлил ее.
– Я думаю, вы видели мое объяснение. И должны понимать, что несчастный случай произошел еще до моего появления. С моей точки зрения, вы слишком агрессивны и ограниченны. Я не менее вас заинтересована в том, чтобы открыть правду, но таким образом вы ничего не добьетесь.
Детектив-констебль Брайн посмотрел на нее с видом ребенка, который получил выговор, но продолжает стоять на своем:
– В данный момент я узнал все, что мне было нужно. Благодарю вас, мисс Баннерман.
Наконец он ушел, и она невольно сравнила его с корректным детективом-суперинтендентом Левайном, который явился к ней на прошлой неделе. По крайней мере, он был вежлив. В чем смысл игр, которые ведет этот юный новобранец? Левайн многозначительно намекнул ей, что Силс был пьян. Почему этот Брайн намекает, что и она имела отношение к этой истории? Ведь никто же серьезно не считает, что она убила Силса, не так ли?
Затем она задалась вопросом: по какой причине офицер в столь высоком ранге, как Левайн, лично явился к ней? И неужели они собираются играть с ней в старую игру – плохой коп, хороший коп? Этот новобранец сознательно злил ее, стараясь, чтобы она вышла из себя и что-то брякнула? Зазвонил телефон, прервав ее размышления, и она подняла трубку.

– С вами связывался мистер Бест. Относительно симпозиума в Вашингтоне – в следующем месяце там должен быть ваш отец, а его телефон не отвечает.

Этот женский голос был знаком Монти – один из полудюжины далеких вежливых голосов, которые разговаривали с ней из приемной. Она никогда не встречала никого из них лично и почти не сомневалась, что никого и не встретит. Все это было частью философии «Бендикс Шер», предписывающей людям держаться в отдалении друг от друга.
Разделяй и властвуй.
Тот принцип, на котором, как Монти однажды читала, Гитлер строил нацистскую Германию.

Она ответила на звонок. Организатор симпозиума – «О нравственном аспекте патентования в генных исследованиях» – намеревался провести в Лондоне пару дней. Он интересовался, есть ли какая-то возможность встретиться с доктором Баннерманом, и, кроме того, ему спешно требовалось выяснить, сможет ли доктор посетить обед для делегатов во главе с президентом Клинтоном. Монти знала, что ее отец презрительно относился к Клинтону, как и к большинству политиков, и сказала доктору Бесту, что перезвонит ему после того, как узнает ответы на его вопросы.
Выйдя в коридор, она через окошко в дверях вгляделась в неописуемый беспорядок в кабинете отца, располагавшемся по соседству. Не повезло. Она заглянула в главную лабораторию, но среди работавших там белых халатов отца тоже не было.
Она уже прикидывала, не вернуться ли к себе в кабинет и связаться с ним по пейджеру, как увидела в коридоре микробиолога, молодую женщину, она и сказала Монти, что отец в шестой лаборатории.
Монти торопливо спустилась туда. Горло слегка перехватывал спазм. С того злополучного утра она оказалась здесь в первый раз и быстро осмотрелась в поисках хоть какого-то следа таблеток «Матернокс», которые, скорее всего, были при нем, – но безуспешно. Стоя перед дверью, она через глазок видела, как отец укладывает для промывки пробирки на стеллаж.
Все в лаборатории было воплощением спокойствия. Кроме того, что, войдя туда, она увидела на белых рабочих поверхностях и на серых с крапинкой изразцовых плитках пола под головкой душа, где лежал Джейк, темные пятна. В ней поднялась волна отвращения, и Монти с трудом подавила ее.
В лаборатории была подчеркнуто нормальная рабочая атмосфера, словно все более, чем обычно, погружены в свою работу, в стремлении заглушить воспоминания о том ужасе, который тут произошел. Она бесшумно прошла между столами к отцу и заглянула ему в лицо.
Ребенком она любила сидеть рядом с ним, когда тот работал. Серьезность его выражения, когда он был занят делом, всегда давала ей ощущение полной безопасности: пока отец является частью науки, мир всегда будет в порядке.
Сегодня он выглядел не таким бодрым, как обычно, а осунувшимся и несколько подавленным, и она понимала, как тяжело отец должен был воспринять смерть Силса.
Отец всегда испытывал глубокое чувство ответственности за своих коллег, и, когда сегодня утром он вез ее в Лондон, Монти поняла по тому, о чем он умалчивал, что он не верит простому объяснению причины, по которой утром того фатального дня она оказалась в лаборатории.
Он включил установку, и стеллаж с пробирками начал вращаться. Затем он повернулся к ней.
– Я только что говорила с мистером Бестом, организатором вашингтонского симпозиума. Он в Лондоне и хотел бы на час встретиться с тобой, если у тебя будет время.
– Если он явится сюда, я бы мог посидеть с ним за ланчем. Но недолго.
– У него уже назначена встреча за ланчем.
Баннерман покачал головой:
– В таком случае – никак.
– Я скажу ему, что это невозможно. А теперь послушай вот что… у него есть и приглашение для тебя из Белого дома – во время симпозиума посетить обед во главе с президентом Клинтоном.
Ученый внимательно уставился на содержание вращающихся пробирок:
– Мне как-то не хочется встречаться с этим стряпчим по темным делам.
– А я думаю, папа, тебе стоит пойти.

– Ради какого черта?
– Потому что, если тебя там не будет, люди станут думать, что тебя не пригласили.
Он улыбнулся ей:
– Я предполагаю, что ты уже за меня приняла приглашение?
– Нет… но собираюсь.
Он снова улыбнулся:
– То есть возражать я уже не могу… как обычно, да?
– Ни в коем случае!
– А ты тоже приглашена?
– Я еще не уверена, пойду ли я с тобой… хочу разобраться в куче работы, которую мне тут навалили.
– Передай им, что я хочу видеть тебя на обеде.
– Попробую.
Он посмотрел на настенные часы:
– У тебя есть сегодня какие-то планы на ланч?
– Нет.
– Хочешь примерно к часу составить мне компанию в кафе?
– С удовольствием, – сказала она.
Внезапно он нахмурился:
– Дорогая… не можешь ли ты поаккуратнее брать папки у меня со стеллажей с досье. Я потратил едва ли не полчаса, пытаясь найти кое-какие свои заметки о генах псориаза, – ты вернула их не на то место.
Монти покачала головой:
– К твоим досье по псориазу я даже не притрагивалась.
– Я не имею в виду сегодня – может, на прошлой неделе, перед несчастным случаем?
– Заявляю: невиновна. Они, наверно, затерялись в неразберихе во время переезда.
Отец задумался.
– Да, – сказал он. – Да, допускаю, что, должно быть, так оно и было. Или, может быть, я сам их куда-то сунул. – Нагнувшись, он снова присмотрелся к пробиркам. – С каждым днем старею и все путаю, – пробормотал он. – Пообещай, что выдернешь штепсель, когда я окончательно впаду в слабоумие.
Она улыбнулась, обрадованная его неукротимой силой духа:
– Да для меня ты всю жизнь был слабоумным. Как я пойму, что тебе стало еще хуже?
– О, уж ты-то поймешь – это произойдет, когда я начну слушать советы.

Дверь кабинета Коннора Моллоя приоткрылась, и над кипами документов, которые лежали на столе и шаткими грудами высились на полу, он увидел голову Чарли Роули и его галстук цвета желтых нарциссов.

– Доброе утро, Капитан Америка!
[17]
Хорошо провел уик-энд? – Чарли притащил очередную пачку бумаг и искал свободное место на полу, куда можно было бы сгрузить их.

– В общем, ничего. Большую часть времени я работал. – Коннор отодвинул в сторону несколько досье. – А как ты?
– Исполнял обряд поклонения предкам. Надо было поехать повидаться с престарелыми РД.
– РД?
– Родителями. Тридцать вторая годовщина свадьбы. Бедные старики. – Он ухмыльнулся. – Мне как раз тридцать два – я всегда был непростой личностью.
Коннор тоже улыбнулся.
– Эй, ты же не можешь проводить все время за работой – от этого тупеют. Когда ты перебираешься к себе на квартиру?
– В среду.
– Отлично. Если понадобятся рабочие руки, дашь мне знать?
– Спасибо, я учту… но думаю, что отдел личного состава обеспечит меня грузчиками.

У Роули было веселое настроение.
– Следующий уик-энд я собираюсь провести в своем коттедже в Суссексе – почему бы тебе не поехать со мной? Отдохнешь от Лондона и полюбуешься сельскими пейзажами.
– Благодарю, эсквайр.
– У моего кузена Майка Кихена лучший в Британии рынок старинной мебели. Знаменитое место, именуемое «Древности Майкла Норманна». Приобретешь какую-нибудь мебель для своего убежища – или ты предпочитаешь модерн?
– Нет, я люблю старые вещи… когда могу их себе позволить.
– Майк что-нибудь подберет для тебя. Квартирка у тебя будет – пальчики оближешь. – Роули приподнял на несколько дюймов объемистую пачку документов. – Куда это?
– Что там такое?
– Опубликованные данные о гражданских исках Баннермана.
Коннор с отчаянием уставился на них:
– Еще публикации?
– Боюсь, что да.
Коннор покачал головой и обвел взглядом комнату:
– Черт побери, ты когда-нибудь в жизни видел столько публикаций?
– Не могу не восхищаться человеком с принципами.
– Можно и так оценивать все это. – Он показал на одно из оставшихся свободных мест на полу. – Не хочешь ли свалить вон туда?
Роули опустил на пол пачку документов и вышел. Коннор переключил свое внимание на экран. Он получил около сорока посланий по электронной почте и успел ответить на те тридцать, что не терпели отлагательств. Покончив с ними, он разобрался с кучей почтового мусора на своем столе и просмотрел «Новости генома человека» и «Сертификат». Затем, пустив в ход пару паролей, он вывел на экран компьютерного терминала и распечатал файл, содержащий заметки по спецификации, которые он начал набрасывать для первого в США заявления для получения патента на работы Дика Баннермана.
Он напечатал заголовок «Рекомбинантный протеин», откинулся на спинку стула и перечел то место в заметках, где перечислялся список тем, которые ему нужно получить от Монтаны Баннерман. Прикинув, что, может быть, сегодня она уже пришла на работу, Коннор набрал ее внутренний номер.
Ответила секретарша, сообщившая ему, что мисс Баннерман пошла на ланч, предполагается, что вернется к двум. Коннор посмотрел на часы на экране компьютера. На них было пять минут второго. Утро уже отцвело. Он отключил компьютер, решил, что и ему не помешает краткий перерыв, и пробежал взглядом бумаги на своем столе. Их не разрешалось оставлять без присмотра даже на время ланча, но с ними надо было настолько серьезно разбираться, что он рискнул и, оставив их, направился к лифту, который доставил его в кафе на тридцатом этаже.

Официально это заведение называлось кафе, хотя по стилю смахивало на паб, а размерами напоминало зал ожидания аэропорта, обставленный мебелью в стиле хай-тек. Пол был затянут обычным покрытием изумрудного цвета.
Свободных мест почти не было, но все же Коннор заметил один или два пустых столика. Когда он присоединился к небольшой очереди перед стойкой самообслуживания, увидел прямо перед собой белокурую копну волос Монтаны Баннерман. На ней был темно-синий пиджачок, короткая юбка такого же цвета, и он не смог удержаться от похотливого желания оценить ее стройные ноги.
Она разговаривала с мужчиной, которому было хорошо за пятьдесят, с лысой макушкой и длинными седыми волосами, падавшими на воротник. Даже со спины Коннор узнал человека, которого ему доводилось видеть на фотографиях, – доктор Баннерман.
Он дождался паузы в их разговоре, после чего тихо сказал:
– Приятно видеть, что вы вернулись, мисс Баннерман. Вам лучше?
Повернувшись, она одарила его теплой улыбкой:
– Мистер Моллой! Здравствуйте! Спасибо, мне гораздо лучше. Вы знакомы… мм… с моим отцом?
– Нет, я не имел этого удовольствия. Как поживаете, сэр?

– Папа, мистер Моллой – юрист-патентовед. Он работает над патентами США для твоих исследований.
Настороженно глядя на Коннора, Дик Баннерман пожал ему руку:
– И как вы к этому относитесь?
– Ну, я не уверен, многого ли нам удастся достичь, – вы же, в чем я не сомневаюсь, опубликовали массу документов.
– Насколько я себе представляю ситуацию, чем меньше вы достигнете, тем лучше, – мрачно заявил Дик Баннерман.
– Папа! – бросила Монти.
– И гроша ломаного не дам за эти гребаные патенты, – отчеканил ученый, в упор глядя на Коннора Моллоя.
– Что же, я тоже считаю, что сегодня патентование генов – глупое и вздорное занятие, – добродушно ответил Коннор.
К тому времени они подошли к стойке, и Дик Баннерман, взяв два подноса, один протянул Монти. Коннор обзавелся своим. Пока Монти выбирала себе еду, он не отводил взгляда от ее лица в обрамлении светлых волос и был приятно удивлен, убедившись, что, несмотря на свою стройную фигуру, она обладает хорошим аппетитом. Его весьма привлекали женщины, которым нравилась вкусная еда.
– Вы собираетесь есть в одиночестве? – спросила его Монти.
– Ага.
– Хотите присоединиться к нам?
Коннор заметил выражение на лице ее отца:
– Спасибо, не беспокойтесь… не хочу мешать, если вы собираетесь обсуждать вопросы бизнеса или нечто иное.
– Мы не собираемся, – с улыбкой, настойчиво повторила она.
– Ну что ж, спасибо.
Они нашли столик у дальней стены, перед огромным, от пола до потолка, видеоэкраном с картиной Фрагонара, изображавшей идиллический сельский пейзаж. Они разгрузили свои подносы и уселись.
– Не могу понять, почему бы этим пижонам не врезать тут окна. Было бы чертовски здорово с тридцатого этажа обозревать панораму Лондона, а вместо этого мы должны любоваться видеоизображением картин.
– Согласен с вами, сэр, – подхватил Коннор.
Баннерман посмотрел на него с явным неодобрением, словно надеялся услышать возражения, и щедро посолил салат, даже не попробовав его.
Монти бросила в сторону Коннора смущенный взгляд, а он улыбнулся ей в ответ. Через пару минут, которые Коннор провел в их обществе, ему стало ясно, что с таким отцом ей приходится нелегко.
Он обратился непосредственно к Монти:
– Я вам искренне сочувствую… за все, что вам пришлось пережить на прошлой неделе. Наверно, это было ужасно.
– Было, – согласилась она. – Беда в том, что никто не знает долговременного эффекта воздействия этого состава. Остается только надеяться, что мне не доведется однажды проснуться и увидеть, что у меня растворились руки.
Коннор вздрогнул:
– Кто-нибудь пытался разобраться, как вообще произошел этот несчастный случай? – Он смотрел, как Монти в ответ помотала головой.
– Вы думаете, что это морально правильно – патентовать гены? – неожиданно рявкнул Дик Баннерман.
Коннор плеснул коку в свой стакан.
– Я считаю, что все поле генетических исследований ставит больше вопросов, чем дает на них ответов. – Он осторожно посмотрел на столики по обе стороны от них, но их соседи были заняты своими разговорами. Тем не менее он понизил голос. – «Бендикс Шер» называет себя самой заботливой компанией в мире. Но может ли любая компания, которая занимается генной инженерией и патентует кролика-мутанта, получающего через пять дней после рождения прививку смертельного рака, считать себя подлинно заботливой?

– Считаете ли вы, что всепоглощающий контроль над жизнью должен быть прерогативой исключительно Господа Бога?
– Нет, не считаю, сэр.
– Вы религиозны?
Коннор замялся. Он поймал внезапный взгляд Монти и заметил серебряную цепочку у нее на шее, уходившую в вырез ее белой блузки.
– Я не придерживаюсь обрядов, но предполагаю, что у меня есть религиозные убеждения.
– Так скажите мне, – откровенно враждебным тоном бросил ученый. – Если вы не считаете, что контроль над жизнью целиком и полностью осуществляет Господь Бог, то почему вы против генной инженерии?
Этот выпад на мгновение поразил Коннора.
– Я вовсе не против нее. Дело вот в чем… тут такой широкий простор для упреков и обвинений, что, как я считаю, компании должны понимать свою меру ответственности.
– Считается ли создание кролика, у которого автоматически разовьется рак, многим хуже, чем взять здорового кролика и ввести ему канцерогены?
– Папа, – вмешалась Монти, – разве тебе порой не приходило в голову, что кролик тоже имеет право на жизнь?
– Никто и ничто на этой планете не обладает божественным правом – ни на что. Мы несем моральные обязательства гуманно относиться к животным, и я думаю, что мы их соблюдаем.
– Я порой думаю, что наука развивается слишком быстро. У нас нет времени подумать, к чему это приведет, – сказал Коннор, чтобы проверить его реакцию.
– Я же считаю, что прогрессирует она не так уж быстро, – ответил Баннерман. – Вам нравится ходить к дантисту, мистер Малрони?
– Моллой, – поправил он. – Нет, сэр, не очень.
– У вас есть дырки в зубах?
– Да, есть.
– Можете ли представить, каким был визит к дантисту пятьдесят лет назад, когда он не мог впрыснуть вам обезболивающее, а сверло вращалось, когда он ногой нажимал педаль? Хотите ли вы, чтобы вырезали аппендикс как сто лет назад, когда больного привязывали к деревянной лавке и вливали в него дешевое бренди? Фармацевтика и технология значительно улучшили мир. И знаете почему? Потому что они избавили его от боли. Мало кто из обитателей западного мира теперь должен страдать от боли. Может быть, в следующие четверть века мы окончательно избавимся от нее. И если за это придется расплатиться несколькими кроликами-мутантами, с такой ценой я готов согласиться. Это я смогу пережить.
Коннор упал духом. Выяснилось, что он и не представлял, каких общепринятых взглядов придерживается Баннерман; его потенциальная ценность быстро сходила на нет. В этот момент ученый наклонился вперед:
– Меня всегда неправильно понимали, мистер Моллой. Я не против прогресса науки. Я против таких компаний, как «Бендикс Шер», которая говорит: «Для всеобщего блага мы опознали гены, которые вызывают псориаз, сердечно-сосудистые заболевания, почечную недостаточность, депрессию, рак двенадцатиперстной кишки, рак груди… и так далее. А теперь мы собираемся взять патент на работу с этими генами, и следующие двадцать лет мир будет у нас в заложниках. Плати нашу цену или умирай!» – Во время этой тирады в глазах Дика Баннермана горел огонь страсти. Эти чувства шли не столько из сердца, сколько из глубины его души. – Вы понимаете, какую власть дает патентование генов? Она выражается в словах «жизнь или смерть». Вопрос не в том, чтобы говорить: «Наше лекарство лучше, чем у кого-то еще, – принимайте пилюли „Бендикса“, они лучше, чем у „Пфицера“, чем у „Уэлкама“ или „Бичема“». Вопрос вот в чем: «Слушай, мы знаем, что именно убивает тебя или доставляет дьявольские страдания. У нас единственных есть и замок, и ключ к нему. У вас, мадам, – ген рака груди: мы можем или изъять его из вашего организма, или оставить вас умирать. А это – наша цена». – Баннерман поднял брови. – Так сколько стоит отдельная человеческая жизнь?
Глядя на него, Коннор чувствовал, что к нему возвращается бодрость духа. Реакция этого человека дала ему надежду. Если он будет вести себя осторожно, то обзаведется здесь союзником – и очень могущественным.
– За это вы не можете назначать цену.

– Верно, – сказал Баннерман. – Нет предела, сколько может уплатить человек за то, чтобы остаться в живых или избавиться от боли. Вы, я, моя дочь – все мы выложим последний цент. И за того, кого мы любим. Без вопросов.
– Но неужели вы считаете, доктор Баннерман, что такая компания, как «Бендикс Шер», может дойти до того, что все общество будет у нее в заложниках?
– Разрешите мне кое-что рассказать вам. Вы знаете основателя компании – покойного Джошуа Бендикса?
– Конечно – его изображение на обложке «Библии „Бендикса“».
– Вы знаете, что он говорил каждому новому коммивояжеру, который приходил на работу в фирму? Он приглашал его к себе в кабинет и сообщал: «Меня не интересует медицина. Меня интересует одна-единственная вещь: прибыль. А если к тому же удается и помочь кое-кому – что ж, это не моя проблема». – Баннерман вызывающе посмотрел на Монти, а потом на Коннора. – Такова компания, в которой нам приходится работать, и не будьте идиотами, думая, будто что-то изменилось.
Коннору пришлось сделать над собой усилие, чтобы спрятать улыбку триумфа.

40

В четверть седьмого Монти на лифте спустилась в холл. Обычно она покидала здание позже, чтобы переждать час пик на дорогах, но сегодня вечером по пути домой ей еще надо было кое-чем заняться.
Ручейки сотрудников текли через три турникета службы безопасности. Она выбрала средний, с удовольствием отметив, что его контролирует выходец с Ямайки Уинстон Смит, с которым она иногда перебрасывалась словами.
Его неизменно грустное выражение лица всегда заставляло ее остановиться на минуту и подбодрить его. У них установились своеобразные дружеские отношения, когда она впервые прочитала его имя на значке. Она спросила, знает ли он, что носит имя героя книги Оруэлла «1984»? Он этого не знал, но, отправившись на поиски, он купил ее, с удовольствием прочел и с тех пор спрашивал ее совета относительно других книг; в ночную смену у него было вдоволь времени для чтения.
Когда она остановилась рядом с ним, Уинстон чихнул.
– Простите, – просипел он, вынимая носовой платок и сморкаясь. – С вами все хорошо, мисс Баннерман? Слышал, вы пострадали в той истории на прошлой неделе.
– Спасибо, у меня все прекрасно.
– Это было просто ужасно. Пока так и не выяснили, что же там случилось?
– Нет, – ответила она.
– Мне нравился мистер Силс. Не так чтобы очень, но он был хорошим человеком, веселым парнем. – Он снова чихнул.
– Вы простудились?
Он кивнул:
– У меня это постоянно. И будет длиться до Рождества.
– Вы пробовали принимать витамин С, цинк и чеснок? Для меня это самое надежное средство.
Он шмыгнул носом:
– У меня не просто обыкновенная простуда, мисс Баннерман. Она у меня длится почти весь год, появляется и исчезает… думаю, поэтому меня тут и держат.
Она удивленно посмотрела на него:
– Что вы имеете в виду?
Он обвел взглядом вестибюль и, убедившись, что их никто не слушает, все же понизил голос:
– Потому что я участвовал в испытаниях.
– В каких испытаниях?
Он еще больше понизил голос:
– Десять лет назад… да, примерно так… сотрудникам предложили по тысяче фунтов каждому, если они проверят на себе действие нового лекарства, созданного в компании. Вот с тех пор я практически постоянно страдаю простудой.

– Что это было за лекарство? – пораженная ужасом, спросила она.
Он вскинул руки:
– Они нам не сообщили.
Звякнул подошедший лифт, створки разошлись, и несколько человек через холл двинулись в их сторону. Ни Монти, ни Уинстон Смит не проронили ни слова, пока те не исчезли в ночи.
– И вам не говорили, для чего предназначено это лекарство?
– Я нуждался в дополнительном заработке… я не мог и подумать, что оно способно причинить вред, – ведь в таком случае людям его не давали бы.
– Что случилось с остальными, кто принимал его?
Он пожал плечами:
– Об этом я ничего не знаю.
Проверка действия лекарств на добровольцах была обычной практикой. Для проверки токсичности все новые препараты сначала тестировались на грызунах, а порой и на других животных; после этого следовали четыре этапа испытаний на людях – первым делом на маленькой группе добровольцев, которым часто за это платили.
– И вам так и не дали никакой другой компенсации?
– Я предполагаю, что в качестве компенсации меня держат на этой работе. Я не мог бы получить никакую иную – болею по три месяца в году, и бывает так плохо, что не могу встать с постели.
Монти одновременно охватили жалость к несчастному и гнев по отношению к компании, которая использует его таким образом.
– Бедняга. И что вы думаете обо всем этом?
– Я чувствую горечь, мэм, но практически ничего не могу сделать. – Он улыбнулся. – Читаю книгу, что вы мне посоветовали на прошлой неделе. Грэм Грин «Брайтон Рок». Этот Пинки… вот уж точно плохой человек.
– Напоминает мне доктора Кроу, – сказала она.
Охранник хмыкнул:
– Вот это точно! Мне нравится. – Он снова хмыкнул. – Теми испытаниями руководил доктор Кроу – он и давал мне пилюли.
– Он лично?
– Да. И проявлял большой интерес.
– Я поговорю с ним.
Несмотря на смуглый цвет лица, было видно, как Уинстон Смит побледнел и встревожился.
– Нет… прошу вас, не делайте этого. В том контракте, что я подписал, говорится, что я не должен никому ничего рассказывать. Не стоит поднимать шума – это может стоить мне места.
– О'кей, не беспокойтесь. – Про себя она подумала, имеет ли смысл все рассказать Рорке. Но расследование все равно приведет к Кроу, поняла она. – Я никому не скажу ни слова.
– Благодарю вас, мисс Баннерман. Приятного вам вечера. Если вспомните еще какие-то книжки, дайте мне знать.
Задумавшись, она кивнула:
– Ладно. Бейтс – когда-нибудь читали его?
Охранник решительно покачал головой.
– «Первые почки мая». Забудьте телесериалы, прочитайте хоть одну из его книг.
– Бейтс, – задумчиво сказал он. – Завтра же зайду в библиотеку. – Он снова чихнул.
Монти улыбнулась и пошла к автостоянке.

Последствия аварии на Вестуэй вызвали затор на трассе, и Монти потребовалось больше часа, чтобы добраться до М4, где движение было поспокойнее. Но она не переживала из-за столь хаотичного движения; она была благодарна, что темный салон машины дал возможность уединения, и провела это время, погрузившись в размышления.
Она раз за разом задавала себе вопросы о смерти Силса. Была ли она преднамеренна? Как-то связана с его новой работой? Но «Бендикс Шер» не может убивать увольняющегося работника. Ни в коем случае – несмотря на обвинения в адрес компании, которые отец сегодня выдал за ланчем. Ее слегка смущало, что он все их вывалил перед Коннором Моллоем, хотя не могла отделаться от ощущения, что американец с симпатией относится к воззрениям отца.

Нечего было и сомневаться, что ланч прошел без большого успеха. Отец вообще был в мрачном настроении, и, принявшись за обличения, он по очереди вынес «вперед ногами» «Бендикс Шер», Билла Клинтона и патентную систему США. Моллой же был подчеркнуто вежлив, отвечал спокойно и умно и пару раз даже заставил отца засмеяться. Чем чаще она видела его, тем больше он ей нравился, и она спрашивала себя, помнит ли он предложение, которое сделал ей в больничной палате, – вдвоем сходить на ланч. Она на это надеялась. И еще надеялась, что отец не пошлет его подальше.
Она включила радио, пробежалась по станциям, но поняла, что мысли настолько жгут ее, что она не в состоянии слушать. Неужели кто-то выяснил, что Джейк Силс собирался тестировать эти таблетки «Матернокса»? А если они знали о вовлеченности Силса, то, наверное, знали и о ней. И если они ничего не предприняли до смерти Джейка, то уж сейчас-то медлить не будут. Ее появление в столь ранний час – вот и объяснение.
Она вспомнила о той девушке-репортере Зандре Уоллертон и почувствовала такой страх, что стала пристально вглядываться в зеркало заднего вида, но сквозь треснувшее пластиковое окно мягкой подъемной крыши ничего не увидела, кроме ярких пятен света.

Перестань, Монти, ты становишься параноиком.

Она успела увидеть съезд на Рединг, проехала небольшую дистанцию по кольцевой дороге, подрулила к автобусной остановке, чтобы разобраться в чертежике, который набросала на обратной стороне конверта, и двинулась дальше. Оставив за собой примерно милю, она повернула налево, где тянулся целый ряд магазинчиков, посмотрела в зеркало. Похоже, за ней никто не следил.
Она медленно ехала по улице, уставленной современными домиками-коробками, увидела номер 31 и припарковала машину сразу же за ним. Два изящных каретных фонаря освещали декоративную дверь в стиле времен Регентства, а когда она открылась, входной колокольчик сыграл какую-то знакомую мелодию, которую она сейчас не могла вспомнить.
Дверь ей открыла полная женщина лет шестидесяти, на несколько дюймов ниже ее самой. Мимо проскочил рыжий кот, и на Монти пахнуло сильным запахом жареной рыбы. Когда женщина узнала Монти, она уважительно выпрямилась.
– Мисс Баннерман… добрый вам вечер, – сказала она с приятным уэльским акцентом.
Монти встречалась с этой пожилой женщиной лишь однажды, на их ежегодной рождественской вечеринке.
– Надеюсь, что не обеспокоила вас. Я не прервала ваш ужин?
– Нет, мы примерно час назад покончили с чаем… он просто что-то смотрит по телику. Пожалуйста, заходите.
Монти оказалась в маленькой прихожей, где ее ноги тут же утонули в толстом оранжевом ковре. Из комнаты до нее донеслись звуки пулеметных очередей, визг тормозов и бравурная музыка.
Взглядом женщина попросила Монти подождать и прошла во внутреннюю комнату. Монти, слегка смутившись, услышала почтение в ее голосе.
– Уолтер… это мисс Баннерман… приехала повидаться с тобой. – Она вышла из комнаты. – Он сейчас появится. Могу ли я предложить вам чашку чаю или что-нибудь еще?
– Нет, большое спасибо… я как раз еду домой. Я собиралась заехать пораньше… но пробки просто ужасные.
– Ну, вам тут всегда рады; мы так благодарны, что вы вернули Уолтеру его работу. Он был так несчастен, когда его сократили. Он всегда говорил мне, как ему повезло работать с такими милыми людьми, как ваш отец и вы сами.
Монти покраснела от таких горячих комплиментов и погладила кота, который терся о ее ноги.
Телевизор внезапно замолчал, и через мгновение появился бывший старший техник-лаборант ее отца. Казалось, что за последние пару недель он заметно состарился, или, может, дело было в том, что он был не в белом лабораторном халате, таком привычном для Монти.
В свои шестьдесят шесть он был крепко сбит и высок ростом – шесть футов и два дюйма, с симпатичным добрым лицом и аккуратной прической седых волос. Он всегда поражал Монти тем, что казался физически слишком крупным для той деликатной работы, которой занимался в

лаборатории, – точно так же, как и сейчас выглядел непомерно большим для этого маленького домика и своей невысокой жены. Монти он всегда казался добрым вежливым великаном.
– Добрый вечер, мисс Монтана, – сказал он. – До чего приятный сюрприз. Вы снова на ногах. Я слышал, вы очень мужественно вели себя.
Она пожала плечами:
– Какая там мужественность… просто я оказалась там и должна была хоть что-то сделать. – Монти улыбнулась. – Я не буду отнимать у вас много времени.
– Проходите, моя дорогая. – Он пригласил ее в гостиную, которая была почти полностью занята набором мебели из трех предметов и большим телевизором.
Она села на диван и почти утонула в нем. Кот немедленно устроился у нее на коленях.
– Брысь, Рыжик! – приказал Уолтер, но кот не обратил на него внимания. Сам хозяин опустился в кресло. – Кажется, я так толком и не поблагодарил вас за то, что вы вернули мне работу.
– Вас никогда не должны были сокращать – это условие было частью соглашения, которое мы заключили с «Бендикс Шер». – Она посмотрела на пляшущие языки пламени в электрокамине. – Допускаю, что такие накладки иногда случаются в больших организациях. Как у вас складываются дела?
– Грех жаловаться. Работа довольно интересная, хотя волокиты и канцелярщины выше головы. Любую заявку на все и вся приходится заполнять в трех экземплярах.
Она улыбнулась:
– Одна из жалоб, которые я вечно слышу от отца.
Кот стал громко мурлыкать.
– Как он?
– Все такой же. Получил лабораторию, воплощенную свою мечту, но у него всегда есть еще какие-то требования. Я думаю, что в глубине души он никогда не хотел расставаться со старой лабораторией. Я знаю, что ему вас не хватает.
– А мне – его. И всех вас не хватает. – Он пожал плечами. – Как ни жаль, ничто в жизни не может длиться вечно.
Она посмотрела на этого пожилого человека. Внезапно ее охватило чувство ответственности за все те перемены, которые так сказались на жизни их сотрудников.
– Уолтер, мне нужна ваша помощь, но я не хотела говорить об этом по телефону.
– Потому что его прослушивают?
Она вытаращила глаза.
Заметив ее изумление, Уолтер Хоггин сказал:
– Ходят самые разные слухи. Говорят, что все лаборатории на прослушивании… в «Бендиксе» весь штат службы безопасности ничего не делает, а только круглые сутки шпионит за всеми нами. – Он рассмеялся. – Вы, наверно, уже знаете, но я только сегодня услышал, что сотрудникам не разрешается заниматься делами ни в поезде, ни в самолете – из-за опасений промышленного шпионажа. За такие проступки вас ждет немедленное увольнение.
Она кивнула:
– Должно быть, это самая параноидальная компания в мире.
– На другой же день после разговора с прессой я получил основательный разнос. Решил, что меня выставят. После всех хлопот, которые вам достались из-за меня, это было бы просто позором. – Он помолчал. – Так о чем же вы хотели попросить?
Монти перевела дыхание:
– Мне нужно, чтобы вы кое-что сделали… достали для меня…
Уолтер не скрывал своего удовлетворения.
– Вы же знаете: для вас – все, что угодно.
– Вам знаком такой препарат – «Матернокс»?
Он смутился:
– Конечно. Он входит в круг моих обязанностей. Мы постоянно выпускаем это изделие.
– Мне нужно провести кое-какое детективное расследование. – Монти открыла свой ежедневник и нашла страницу, на которой записала все подробности, сообщенные Губертом Уэнтуортом во время их последней встречи. – Мне нужно знать – сможете ли вы раздобыть образцы капсул «Матернокса», если я вам дам номер серии? Как вы думаете, удастся ли вам это сделать? И другие образцы наудачу из других серий?
Он посмотрел на номер серии и потер подбородок; лоб его рассекла глубокая морщина.

– Я… я не знаю, может, это совпадение, но именно эту серию я искал для репортера – для той, которая сказала, что она доктор Фармер.
Монти внимательно посмотрела на него:
– Ее настоящее имя Зандра Уоллертон?
– Я не знаю… они мне не сказали. – Морщина углубилась. – Может, они и упоминали его. Говоря по правде, я был не в лучшем состоянии. Повидаться со мной пришел сам майор Ганн, начальник службы безопасности, и он был довольно мрачен. Честно говоря, я думал, мне придется за что-то отвечать.
Эти новости встревожили Монти.
– Если вам могут угрожать какое-то неприятности, ни о чем не беспокойтесь, Уолтер. Хорошо? Я не хочу, чтобы вы рисковали работой из-за моей просьбы.
– Пусть вас это не волнует, мисс. Если вам нужны образцы этих капсул, я их для вас раздобуду.
Монти почувствовала прилив восторга.
– Может потребоваться день или два… то есть мне придется найти способ получить их, ни у кого не вызывая интереса.
– Конечно. Нет никакой спешки, просто сделайте то, что вам под силу. – Внезапно она занервничала. – И будьте очень осторожны – ради вас самих. Прошу вас, Уолтер.
– Буду. – Он уверенно улыбнулся ей.

41

Лондон. Вторник, 15 ноября 1994 года

Ресторан был почти пуст, и заунывная тайская музыка лишь усугубляла мрачное настроение, царящее в этом заведении. Темно-синие скатерти, светло-голубые стены, экзотические рыбы, плавающие в освещенных гротах огромных аквариумов. Две официантки с застывшими восковыми улыбками на лицах.
Анна Стерлинг, облаченная в свой обычный наряд из мешковатого свитера и черных легинсов, опустила меню – большой ламинированный лист в папке с мраморными разводами, на которой золотом был вытиснен буддийский храм, – и посмотрела на Монти.
Сегодня вечером Анна была в хорошем настроении, счастливой и куда более раскованной – такой Монти давно уже ее не видела. Ее густые вьющиеся волосы были завязаны узлом на затылке, а лицо снова обрело изящество и тонкость черт.
– Я беременна! – объявила Анна.
– Ну! – сказала Монти. – В самом деле?
– Да. В самом деле!
– Это чудесно! Как давно ты узнала? – Она старалась не показать виду, что вместе с радостью, которую она испытала за свою подругу, ее кольнула и ревность.
– Получила подтверждение сегодня утром. У меня уже шесть недель, но я не хотела слишком рано делиться надеждами.
– Когда срок родов?
– Десятого июня.
– Прекрасно! – сказала Монти. – Какая чудесная новость! Мы должны отметить ее шампанским!
Анна отрицательно покачала головой:
– Я хочу несколько недель продержаться на низкокалорийной диете – пока не пройдет опасный период. Я никому не собиралась рассказывать – только тебе и Марку. Мне почему-то кажется, что это плохая примета – начать рассказывать всему миру.
Монти кивнула:
– Так как ты себя чувствуешь? Должно быть, вне себя от счастья.
– Так и есть. И еще я немного нервничаю… – Она прервалась, делая заказ подошедшей официантке.

Монти, сидевшая по другую сторону стола, думала, как за эти годы изменилась ее подруга, и пыталась понять, изменилась ли она тоже. В школе Анна была сущим сорванцом; она была не чужда эскападам и в любом коллективе тут же становилась лидером; в их браке с Марком именно Анна играла главенствующую роль. В каком-то смысле она была воплощением современной женщины, и тем не менее, когда Монти смотрела на нее, она убеждалась, что в Анне появилось что-то совершенно новое – глубокое восхищение той искоркой человеческой жизни, которую она носит в своем чреве.

В памяти Монти скользнула черная тень. «Матернокс». Беременность Анны объясняется тем, что она принимала «Матернокс»? «Матернокс» ли помог ей забеременеть?

И должна ли она предупредить ее?

Предупредить о чем? Три беременности из миллионов и миллионов успешных беременностей с помощью «Матернокса» кончились неудачами? Тем более нет никаких доказательств, что причиной проблемы был именно «Матернокс», – требуется отследить гораздо больше случаев, чтобы была установлена причинная связь. Предупреждение может напугать ее… может, это бессмысленно?

И поблагодарит ли ее Анна? Или подумает, что это зависть? Укол задетого самолюбия?

Монти решила, что, рассказав ей, она ничего не добьется, во всяком случае сейчас, пока у нее нет на руках более убедительных доказательств. Так что она подождала, пока появились их напитки, и, подняв свой бокал, чокнулась с Анной.

– За малыша!

– Я хочу, чтобы ты была крестной матерью, Монти. Будешь?

Монти сделала глоток и почувствовала на губах холод ледяных кубиков.

– Конечно, – сказала она. – Спасибо тебе, я… я очень рада. Ты уже придумала имя?

– Да. И даже два – для мальчика и для девочки.

«Господи, – подумала Монти, – как я надеюсь, что у нее все пройдет хорошо. Я сделаю все, что могу. Честное слово!»

42

– Еще одна случайность?

При звуке голоса Чарли Роули Коннор вынырнул из своих размышлений.

– Насколько я знаю, нет.

В дверном проеме кабинета появился Роули в привычном для него растерзанном виде. На его круглом блинообразном лице сохранялась какая-то одутловатость, словно он гулял допоздна.

– Не мог не удивиться, когда вчера увидел, как ты сидишь в кафе и дружески болтаешь с Баннерманами, père et fille [18]. А с ней стоит провести время.

Коннор кивнул:

– Стоит.

– Может, какой-то пункт в кодексе правил и запрещает сотрудникам трепаться между собой. И я бы не стал утверждать, что этого нет…

Коннор поймал себя на том, что ему плевать на эти правила, и он осознал, почему так хорошо себя чувствует. Потому что его тянет к девушке, с которой он даже не встречается. Пока еще.

– Ты-то уже обзавелся очень симпатичной подружкой, – сказал он, смутно вспоминая ту Луизу, которая как хозяйка распоряжалась на обеде у Роули, успевая делить свое время между кухней и обеденным столом.

– Лулу? – Лицо Роули обрело болезненное выражение, словно кто-то напомнил ему о долге. – М-да… Лулу – это то, что надо. – Он обвел взглядом кипы документов. – Чертовски глупо являться на работу в пьяном виде, – сказал он, быстро возвращаясь к первоначальной теме разговора. – И представить себе не мог такую компанию. Невероятно!

– Слишком невероятно, – с нажимом сказал Коннор, но Роули этого не заметил.

Даже яркое утреннее солнце не смогло устранить опасений Монти, о которых она думала, пока шла по автостоянке. Они усилились, когда она оказалась в тени монолита Бендикс, где воздух был прохладнее, и когда вошла в белое мраморное великолепие холла, напоминавшего кафедральный собор.

Было половина двенадцатого. Пару предыдущих часов Монти провела в старой лаборатории в поисках архивных папок, где должна была храниться информация о публикациях отца, в которой нуждался Коннор Моллой, и сейчас она тащила под мышкой два толстых конверта с фотокопиями.

В холле стоял легкий гул и кипела бурная деятельность; в разные стороны текли потоки сотрудников, напоминавших рабочих муравьев; через турникеты проводили и выпроваживали гостей, в полном цветочными ароматами воздухе звучали дружелюбные слова встречи и прощания сильных мира сего.

Как ни странно, все лифты были заняты. Дожидаясь, Монти пыталась рассмотреть себя в медной полировке одной из дверей, но она была слишком мутной, чтобы служить зеркалом. Спала она очень плохо: ее бесконечно мучили тревожные мысли об Анне Стерлинг, которая производит на свет чудовищно изуродованного младенца и раз за разом обращается к ней с вопросом: «Почему ты не сказала мне? Почему ты не сказала мне?»

Она отвлеклась, потому что вроде бы услышала шипение спускающегося лифта. Звук стих. Видимо, это прошел лифт директора, в котором она побывала несколько раз, когда шли переговоры о покупке лаборатории отца. Этот лифт функционировал отдельно от всех прочих. Должно быть, он спускался вниз, к бассейну.

Раздался короткий звонок, и створки дверей за ее спиной разошлись. Повернувшись, она последовала за группой японских бизнесменов, которые, пока лифт поднимался, стояли в послушном молчании.

В своем кабинете она включила компьютер и вывела на экран полный список запросов Коннора Моллоя. Затем позвонила ему по внутреннему. Она сомневалась, на месте ли он, и была удивлена, когда он сразу же снял трубку.

– Коннор Моллой.

– Говорит мисс Баннерман. Вы очень заняты сегодня утром? – спросила она и с удовольствием отметила, как он оживился, узнав ее.

– Привет! Занят? Вы шутите? Я чувствую себя как египетский фараон, замурованный в пирамиде. Вам стоит зайти и посмотреть, сколько вокруг меня бумаги. В жизни не видел столько досье. Чего ваш отец старался добиться – попасть в Книгу рекордов Гиннесса как ученый, написавший документов больше любого из своих коллег? Сдается мне, что каждый раз, отправляясь в ванную, он в письменном виде оповещает об этом… то есть я хочу сказать, что удивлен, почему он, черт возьми, не публикует список своих покупок… или, может, он есть, но я до него еще не добрался!

Если бы такую тираду выдал кто-нибудь другой, Монти разгневалась бы. Но Коннору она просто улыбнулась:

– Да, он ужасно беспорядочен… вполне возможно, что вы где-то обнаружите и перечень покупок.

– Боюсь, что мне нужна ваша помощь. Как прошел вечер?

Вздрогнув, она подумала, что Коннор имеет в виду ее визит к Уолтеру Хоггину. Этого не может быть. Он никоим образом не мог узнать о нем и задал совершенно невинный вопрос.

– Прекрасно, спасибо, – испытывая легкое удивление, ответила она.

– Мне понравился наш ланч в понедельник. Ваш отец – настоящая личность.

– Что есть, то есть.

– А не могли бы мы с вами вдвоем посидеть за ланчем… в любой день на этой неделе?

«Не упусти своего шанса, – подумала Монти. – Я могу быть свободна в любой день». Но она не хотела, чтобы Коннор знал об этом.

– Проверю свое расписание. – Она переждала несколько секунд. – Могу только сегодня или завтра.

– Так как насчет сегодня?

– Отлично. Я встречу вас в кафе?

– Я думаю, что мы могли бы пойти в какое-нибудь другое место… так сказать, сменить декорации. Дальше по улице есть небольшой итальянский ресторанчик – выходите из центральных дверей, поворачиваете направо, доходите до следующего светофора – и заведение на углу. Именуется «Венеция».
– Я могу встретить вас внизу, в холле. Не проще ли будет?
– Нам лучше добираться по отдельности, – уклончиво ответил он. – Встретимся в час. Вас устраивает?
– Прекрасно.
– Я позвоню им, проверю, есть ли у них столик. Если возникнет какая-то проблема, я тут же перезвоню вам.
Положив трубку, Монти прямиком направилась в туалет, чтобы тщательно проверить состояние своего макияжа и прически.

Когда она явилась в «Венецию», Коннор Моллой уже был там, он занял столик в алькове. Это было шумное заведение, известное со стародавних времен; на стенах висели туристские плакаты с видами Венеции, а приглушенный свет создавал некоторую видимость уединения. Когда она появилась, Коннор встал, приветствуя ее.
– Привет! – сказала она, чувствуя прилив возбуждения. На его лице была теплая улыбка, а темно-карие глаза смотрели на нее с выражением откровенной радости.
Он помог ей освободиться от пальто и придержал кресло, когда она садилась.
– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?
Она посмотрела на стоящую перед ним пустую бутылку «Сан-Пелегрино» и улыбнулась.
– Большой бокал минеральной воды со льдом, будьте любезны.
– Если хотите, можете взять что-то и алкогольное…
Она покачала головой:
– Разве мы можем нарушать правила компании?
Он бросил на нее взгляд, пытаясь понять, шутит ли она, и ухмыльнулся в ответ:
– Не исключено, что они ловят кого-то в коридоре и просят подышать в трубочку.
– Меня ничто не удивит, – сказала она. – Но зачем вся эта секретность? Почему нас не должны были увидеть вместе?
Он кивнул официантке и попросил принести еще порцию воды «Сан-Пелегрино», а затем снова посмотрел на Монти:
– Общение сотрудников между собой не поощряется.
– Но конечно же, предполагается, что во время работы у нас будут ланчи. – Она улыбнулась. – Разве это не легкая паранойя?
– Что касается «Бендикс Шер», то сомневаюсь, что какой-то уровень паранойи будет для него достаточным.
Посмотрев на него, она вдруг с содроганием вспомнила тот день, когда Джейк Силс, осмотрев паб, внезапно замкнулся. Но «Бендикс» не может все время следить и держать под контролем всех своих сотрудников. Это невозможно. Да и зачем им это надо?
– Вы потрясающе выглядите! – внезапно сказал он. – И мне нравится, как вы одеты.
Она, удивившись, коснулась своей курточки:
– Это? Просто старая моя вещь, которую я натянула сегодня утром, чтобы согреться.
– Она вам очень идет.
– Спасибо, – польщенно сказала она ему, обратив внимание на его двубортный костюм современного кроя. В его отношении к ней было что-то заботливое и в то же время надежное, что заставляло ее в присутствии Коннора чувствовать себя спокойно и уверенно.
– А теперь расскажите мне о себе, – попросил он. – У вас есть бойфренд?
Принесли ее напиток. Официантка наполнила полстакана, вручила им меню и удалилась.
Монти отрицательно покачала головой, чувствуя полную раскованность:
– В данный момент – никого, о ком стоило бы говорить.
Он кивнул. Между ними воцарилась атмосфера необременительного молчания и ожидания чего-то. Но следующие слова Коннора застали ее врасплох:
– Значит, так… почему вы думаете, что смерть Джейка Силса была неслучайной?
– Вы имеете в виду то, что я сказала в больнице? Наверно, в то время я еще не оправилась от потрясения.

– Мне же показалось, что с вами все хорошо. Строго говоря, вы производили впечатление абсолютно собранного и рационального человека, учитывая, через что вам пришлось пройти. – Патентовед вскинул бровь. – И какой-то весьма очевидный факт заставил вас почувствовать – тут что-то не так.
– Я… – Она провела пальцем по кромке стакана, обвела взглядом зал и наклонилась поближе к нему. – Да, там что-то было… но немного.
– Расскажите. Вы можете полностью доверять мне – ни одно ваше слово не выйдет за пределы этого столика.
Она рассматривала его лицо, ловила выражение глаз. «Да, – подумала Монти, – вы для меня совершенно чужой человек, но тем не менее я не могу отделаться от ощущения, что хорошо знаю вас».
Она рассказала ему о Губерте Уэнтуорте, о том, как он в первый раз пришел к ней с рассказом о трагедии его дочери. И о двух других женщинах, которые умерли при родах, произведя на свет детей с синдромом циклопа. И как она попросила Джейка Силса раздобыть ей информацию о капсулах «Матернокса». Затем странный взлом квартиры Зандры Уоллертон и вслед за ним – ее гибель. Наконец она рассказала ему, как после смерти Джейка она встретилась с Уолтером Хоггином.
Когда она закончила рассказ, у нее дрожали руки. Она попыталась поднять свой стакан, но внезапно поняла, что может и не удержать его.
– Рациональное объяснение всех этих фактов заключается в том, что все это просто совпадение. Так?
Теперь лицо Коннора обрело сдержанное выражение.
– Вы в самом деле так думаете?
– Я на это надеюсь.
– «Бендикс Шер», – тихо сказал американец, – в глазах общества обладает благородной физиономией, но на самом деле никто из нас ничего не знает о большинстве его директоров. Фактически мы даже не знаем, кто владеет компанией. Единственное, что мы знаем доподлинно, – при наличии таких лекарств, как «Матернокс», пользующихся, мягко говоря, повышенным спросом, на кону целая куча баксов.
– Достаточная для того, чтобы убивать?
– Несколько лет назад Всемирная организация здравоохранения публично обвинила «Бендикс Шер» в том, что за месяц он убивает больше детей, чем бомба в Хиросиме.
– Что?
– Посредством своей техники продажи порошкового молока в странах третьего мира. Вы не слышали об этом? «Бендикс Шер» так никогда и не обратился в суд. А учитывая его сутяжнический характер, это весьма смахивает на признание вины, не так ли?
Монти нахмурилась.
– Этакая маленькая элегантная подлость. У них есть целая команда коммивояжеров, которые в таких странах, как, например, Эфиопия, представляются врачами и медсестрами. Имея дело с беременными женщинами, они объясняют им, что на Западе давно уже не кормят детей грудью – это негигиенично, и в порошковом молоке гораздо больше витаминов. И предлагают женщинам после рождения ребенка бесплатный запас питания на целый месяц. – Отпив воды, Коннор продолжил: – Таким образом, мать кормит ребенка порошковым молоком весь первый месяц, в течение которого ее собственное, натуральное молоко исчезает. И им приходится в течение пары лет покупать порошковое молоко у «Бендикс Шер». Половина из них не могут себе позволить такие траты, и их дети голодают; те же, у кого есть средства позволить, разводят молочный порошок загрязненной водой, но очень скоро выясняется, что он не содержит тех антител, которые есть в их естественном молоке. И догадайтесь, кто же оказывается рядом, чтобы снабжать их необходимыми лекарствами. Картина ясна?
Полная ужаса, она кивнула.
– Вот так, – сказал он. – Если взять эту историю с «Матерноксом» – что при таком размахе значат несколько жизней?
– Вы в самом деле… – У нее перехватило дыхание. – Вы в самом деле думаете, что компания способна убивать людей? Зандру Уоллертон, Джейка Силса?
К их столику подошла официантка.

– Будьте любезны, еще пару минут, – сказал Коннор и снова посмотрел на Монти. – Я не просто думаю, что компания на это способна. Я знаю.
– Как вы можете это знать?
– Вы должны поверить мне, Монтана. Я знаю.
Монтана была настолько сбита с толку, что почти не обратила внимания, как Коннор в нарушение требований компании назвал ее по имени.
– Это порошковое молоко… просто ужасно… но «Бендикс», вероятно, аргументирует свои поставки тем, что у детей из третьего мира высокий уровень смертности, уверена, они могут подогнать статистические данные о том, что порошковое молоко в самом деле спасает жизни.
– Именно это они и делают. Но остается тот факт, что компания никогда не подает в суд иски по поводу оскорблений чести и достоинства.
Монти пыталась понять, куда на самом деле клонит этот человек. Она без всякого интереса просмотрела меню. Может, его сообщение и соответствует истине, но для нее оно уж очень смахивает на воинственную риторику студентов, на паранойю типа «маленький человек против больших институций», которая была в ходу в студенческих кампусах в шестидесятых и семидесятых годах.
– Если вы так относитесь к «Бендикс Шер», – забросила она пробный шар, – почему вы на них работаете?
– В данный момент я не могу вам на это ответить, – сказал он.
– Вот как?
– Придет день, когда вы все поймете – я надеюсь.
Она улыбнулась:
– Вы весьма таинственны.
Он отреагировал на это замечание небрежным движением бровей и откинулся на спинку кресла.
– Расскажите мне побольше, что представлял собой Джейк Силс.
– Я очень мало знала его. Он был… мне так казалось… довольно самоуверенным. Явно не по меркам «Бендикса».
– То есть он мог кого-то раздражать?
– Уверена, что так и было. Он действовал мне на нервы, и на первых порах мне было с ним трудновато. Но затем я стала уважать его: он был профессионалом до мозга костей и очень, очень дотошным.
– Вы купились на предположение, что он пришел на работу пьяным?
– Мне его продал старший офицер полиции… у него не было оснований выдумывать…
– Силс был в сознании, когда вы подошли к нему?
– Да… но он нес какую-то невнятицу. – И вдруг она кое-что вспомнила. – Кого-нибудь в компании зовут Волком?
– Волком? Как зверя?
– Да.
– Вот уж не знаю. Но думаю, это можно легко выяснить. А в чем дело?

> Она вспомнила тот жалкий сдавленный крик, который вырвался из раздавленных тающих губ Силса, крик, перешедший в стон.
> Волк. Воооолллк.

Это воспоминание заставило ее содрогнуться.
– Он пытался что-то сказать мне. «Волк» – это было единственное слово, которое он успел…
Американец, не скрывая острого интереса, прищурился:
– Просто «волк»?
– Да.
– Интересно, – не меняя выражения глаз, сказал он. – Очень интересно.
– Почему? – спросила она.
– Здесь делают чертовски хорошие спагетти, – пропустив мимо ушей ее вопрос, сказал он. – Стоит попробовать.
– Это какой-то человек, которого вы знаете?
– Вот уж не важно, – ответил он.

В первый раз с того момента, как она встретила его, Монти заметила, что Коннор Моллой смутился. Совершенно ясно, слово «волк» что-то значило для него, но, как бы то ни было, он явно не собирался ей ничего объяснять.

43

Лондон. Четверг, 17 ноября 1994 года

Коннор оказался в здании Бендикс за несколько минут до семи. Он пришел за час до официального начала работы, когда еще стояла темнота. Открыв дверцу машины, он в поисках купе «БМВ» Чарли Роули обежал взглядом почти пустую автостоянку, ярко, как теннисный корт, залитую светом, и с облегчением убедился, что его нет.

Он торопливо миновал холл, вставил свою карточку в прорезь турникета, кивнул охраннику – тому, у которого была копна седых волос и который выглядел больным, – и направился к лифтам. Через несколько секунд он уже выходил на двадцатом этаже в приемную группы патентов и соглашений. Мрачный охранник с лицом боксера и короткой стрижкой молча проверил его удостоверение, после чего Коннор пустил в ход карточку-пропуск и толкнул дверь.

Его встретил ровный глухой гул, и в дальнем конце коридора он увидел филиппинку-уборщицу, которая пылесосила зеленое ковровое покрытие. Это было политикой компании: в отделе уборки работало минимальное количество людей, понимающих английский, и все – неграмотные. Обычно с целью промышленного шпионажа использовали именно уборщиц. Миновав женщину, он повернул направо и прошел мимо ряда стендов объявлений, которые, если не считать правил внутреннего распорядка, ни о чем не информировали; все, стоящее внимания, пересылалось по электронной почте. Он прошел еще несколько ярдов мимо своего кабинета, остановился у обиталища Чарли Роули, несколько большего по размерам, и посмотрел сквозь дверное окошко. В комнате стоял сумрак, на столе не было ничего. Ясно, что Роули еще не появлялся. «Хорошо, – подумал Коннор. – Просто отлично!»

При помощи карточки-пропуска он открыл дверь своего кабинета, и, когда вошел, свет зажегся автоматически. В чисто убранном помещении пахло мастикой для полов. Он повесил свои пальто и пиджак, открыл металлический шкафчик и приступил к первой задаче дня – вытащить пачки документов, которые он принес предыдущим вечером, и разложить их – часть на полу, а часть на столе. Естественно, следующей задачей было включить компьютерный терминал, вывести нужную «картинку» и прочесть почту, но сегодня он сознательно оставил аппаратуру в покое. Вместо этого он открыл папку с надписью «Документация по случаям острого псориаза» и начал читать одну из семи статей об идентификации генов этого заболевания, вышедшую из-под пера доктора Баннермана.

В половине восьмого он услышал шаги по коридору и выглянул в окошко. Мимо, ни на что не обращая внимания, прошел человек в очках. Как ему рассказал Роули, это был англичанин, патентовед, который работал в кабинете рядом с торговым автоматом; пару раз при встрече они обменивались поклонами, но никогда не разговаривали. Коннор вернулся к чтению.

Минут через двадцать его оторвал от этого занятия гулкий голос Чарли, который кого-то встретил в коридоре, но он заставил себя усидеть на месте. Через мгновение в дверном проеме возник Роули с толстой папкой под мышкой.

– Доброе утро, мистер Моллой, как вы себя сегодня чувствуете? – спросил он с интонацией хирурга, делающего утренний обход.

– Чувствую себя отлично. А как вы?

– То же самое. Лучше и быть не может. – Несмотря на бодрый голос, Роули, как обычно, выглядел едва ли не полумертвым, словно почти всю ночь гулял напропалую. На бледном лице выделялись налитые кровью глаза. – Как прошел переезд?

– Нормально. Вам стоило заглянуть – обмыли бы.

– Успею. – Роули поковырял мизинцем в ухе. – А что, если я в этот уик-энд приглашу вас на природу?

– Угу.
– Не против иметь дело с навозом? Совсем забыл – нам еще надо заняться малярными работами.
– Без проблем.
– Отлично. – Роули смерил взглядом кучи документов. – Справляешься? Может, нужна помощь?
– Кое-какая мелочь. – Коннор встал и, обойдя стол, приблизился к Чарли. – У меня какая-то проблема с терминалом – не работает. Я позвонил в ремонтный отдел, но когда еще они кого-то пришлют… А я жду появления срочного послания – не против, если я быстренько просмотрю свою почту на вашем экране?
Роули зевнул:
– Лучше этим заняться немедля – я собираюсь все утро сидеть за компьютером. Дело только в терминале – сама сеть не полетела?
– Нет. Это моя техника чего-то глючит.
– Случается порой. Год назад меня тоже накрыло.
Коннор прошел с ним по коридору. Подождав, пока коллега воспользуется карточкой-пропуском, вошел вслед за ним и тут же уселся за рабочий стол Роули и слева от него, так что мог без помех наблюдать за клавиатурой.
Сев за стол, Роули включил компьютер. На экране появилась команда: «ВВЕДИТЕ ИМЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ».
Коннор внимательно наблюдал за экраном, пока Роули одним пальцем выстукивал: «chrowley». Появилась новая команда: «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».
Как и в большинстве систем, сам пароль, пока его печатали, не появлялся на экране, чтобы его никто случайно или намеренно не прочитал. Теперь Коннор глядел не на экран, а на клавиатуру. Ему повезло, что Роули печатал только двумя пальцами, а сейчас у него в ходу вообще был только один.
Он фиксировал каждый удар по клавишам, над которыми сейчас трудился Роули: «lu*1*u/». Коннор повторил про себя эту последовательность, стараясь запечатлеть ее в памяти. Это был хороший пароль – простой, и его было трудно расколоть. За основу Роули взял имя своей подружки. Но букву «л» в середине он заменил цифрой «1», окруженной с обеих сторон звездочками, и на всякий случай поставил в конце косую скобку. Ни один хакер, использующий программу прокачки имен, дат или словарей, не сможет на скорую руку расколоть этот пароль.
На экране возник текст: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭЛЕКТРОННУЮ СЛУЖБУ „БЕНДИКС ШЕР“. УРОВЕНЬ АВТОРИЗАЦИИ 3. ВОЙДИТЕ В НЕОБХОДИМЫЙ ВАМ РАЗДЕЛ».
В системе «Бендикса» было пять уровней авторизации, что не так давно растолковал ему Роули. Первый уровень был зарезервирован исключительно для членов главного совета. Второй уровень – для старшего менеджмента. Третий уровень – для младшего. Четвертый уровень, который был уровнем Коннора, и пятый уровень были весьма ограниченны. Коннор мог отсылать и получать электронную почту плюс имел доступ онлайн в библиотеку исследований корпорации, в набор данных о ее патентах, а также выход в Интернет – но очень мало сверх этого. Пятый уровень существовал исключительно для службы безопасности, которая занималась проверкой личного состава.
Роули напечатал: «РЕГИСТР ПОЧТОВЫХ ЯЩИКОВ».
На экране возникли слова: «КАКОЙ ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК ВЫ ХОТИТЕ ОТКРЫТЬ?»
Он напечатал: «К. Моллой».
На экране появилось: «ПРОСТИТЕ, НО ПРАВО ДОСТУПА К ЭТОМУ ПОЧТОВОМУ ЯЩИКУ ИМЕЕТ ТОЛЬКО МИСТЕР МОЛЛОЙ. ПОПРОСИТЕ МИСТЕРА МОЛЛОЯ ВВЕСТИ СВОЙ ПАРОЛЬ».
Встав, Роули предложил Коннору занять его место:
– Мистер Моллой, надевайте мои башмаки.
Сев, Коннор напечатал свой пароль: «stea<lth».
Тут же открылся его почтовый ящик, в котором уже ждало двадцать три послания.
– Пойду возьму себе кофе, – сказал Роули. – Ты хочешь?
– Конечно… черный, без сахара. Спасибо. Я займу у тебя не больше пары минут.
– Без вопросов.

Когда Роули удалился, Коннор быстро записал его пароль на задней обложке своего рабочего дневника, а затем пробежал перечень входящих в своем почтовом ящике. Пара писем была от самого Роули, который договаривался о встречах, одно от Монтаны Баннерман и несколько от отца, с вопросами. И еще одно, которое, как он понимал, придется расшифровывать, – от матери. Его он прочитает попозже.
Вернулся Роули и снова принялся зевать.
– Прошлым вечером был в чертовски хорошем клубе. Надо отвести тебя туда. Классно колотит по башке.
– В самом деле? – спросил Коннор, стараясь скрыть отсутствие энтузиазма. Он никогда не был поклонником клубной жизни.
– Они делают коктейль, который просто сшибает с ног. Ярко-пурпурный. Абсолютный убийца.
– А что в нем намешано?
Роули защемил переносицу, а затем с видом заговорщика подмигнул:
– Ну… в общем-то, не знаю, сам я его не пил.
Коннор непонимающе уставился на него, но тут его осенило: правила компании запрещали потребление алкоголя меньше чем за двадцать четыре часа перед появлением на работе.
– Ну да, конечно.
– О'кей, все кончено… ты получил, что тебе было надо?
– Да, спасибо. Ценю твою помощь. – Коннор встал, уступая место Роули.
– Что ж, давай посмотрим, что нам сулит день. Некая маленькая птичка нашептала мне, что сегодня может быть большой шум.

44

Коннор посвятил работе все время ланча, сделав лишь десятиминутный перерыв, когда покинул здание Бендикс, чтобы позвонить из уличного таксофона. В три часа он сообщил Чарли Роули, что должен уйти пораньше, потому что ждет доставки мебели в его новую квартиру.
Он поехал из Лондона на юг, выехал на кольцевую дорогу М25, затем снова повернул на юг, выбрался на трассу М23 и мимо аэропорта Гатвик направился к побережью. Стоял хороший день, но по мере того, как машина спускалась в глубокий провал меж холмов Саут-Даунс, свет стремительно меркнул, а небо обретало цвет темно-синего металла. Он включил фары и ярко-оранжевую подсветку приборноц панели, машину он вел быстро и аккуратно, то и дело поглядывая на часы.
В двадцать минут пятого он добрался до предместья Брайтона и повернул во двор перед пабом. В салоне машины было полутемно, и ему пришлось прищуриться, листая страницы компьютерного журнала, лежащего на пассажирском сиденье. Наконец он добрался до нужного ему раздела и нашел название компании, которую искал, и схему маршрута к ней, которую записал на полях. Он проверил его и проехал через центр города, направляясь к морю. Примерно минут через десять он миновал лес минаретов с куполами, что высились справа от него, – Королевский павильон, массивное экстравагантное идиотское строение, которое Георг IV возвел для своей любовницы. Это был главный опознавательный знак Коннора, и теперь он начал искать адрес, который предполагал увидеть слева от себя. После светофора он увидел этот номер, нарисованный на колонне элегантной террасы времен Регентства. «24». На окне первого этажа красовалась большая вывеска «Интернет-павильон».
Он проехал мимо, следуя по направлению, полученному им на автостоянке. Режущий холодный ветер обдувал его, когда он возвращался к набережной, мимо ярко освещенного мола, крепко сжимая в руках свой лэптоп «Эппл-Мак», сожалея о том, что не взял перчатки. Повернув за угол, он поднялся по ступенькам дома с номером 24 и позвонил в домофон.
Раздался резкий щелчок, и, когда он толкнул дверь, она открылась; он прошел по узкому коридору и поднялся по лестничному пролету. На верхней площадке его встретила теплая улыбка элегантной молодой женщины двадцати с небольшим лет.
– Меня зовут Боб Фрост… я звонил днем.
– Да-да, из Кентербери? Вы легко добрались до нас?
– Вы дали безошибочные указания.

– Проходите. Чай или кофе?
– Кофе, будьте любезны, черный, без сахара. – Он проследовал за ней через длинную комнату, которая выглядела как Центр управления полетами в Хьюстоне, и через офис, заставленный столами с компьютерными терминалами, за которыми с лихорадочной одержимостью трудились лысый мужчина, юноша с собранными в хвост волосами и еще какой-то человек со свирепым выражением лица и зажатой в зубах сигаретой. Клубки проводов, подобно спагетти-мутантам, вились между столами и уходили к распределительным коробкам, стоящим на полу. Треск клавиш и помаргивание индикаторов смешивались с писком, звоном и шипением соединений через модемы.
Коннору показали на стул, втиснутый между столом и грудой «Желтых страниц Интернета», и сказали, что через минуту им кто-нибудь займется. Усевшись, он стал рассматривать какие-то оранжевые графики на стене напротив, а еще через несколько секунд к нему подошел высокий худой мужчина с длинными, преждевременно поседевшими волосами, в зеленом пиджаке поверх черной футболки и с серьгой в виде замысловатого типографского значка в мочке левого уха, при этом в самых обыкновенных банальных очках.
– Мистер Фрост? Я Энди Холиер. Чем могу быть вам полезен?
Весь облик этого человека говорил, что он «техно» с головы до ног, но манера его поведения была деловой и приятной.
– Мне нужен адрес электронной почты.
– Без проблем. – Он посмотрел на компьютер, который был при Конноре. – Для «Мака»?
– Ага.
– Это пятьсот сороковой?
– Да, пятьсот сороковой. Цветной.
– Мы берем первоначальный взнос семнадцать фунтов семьдесят пенсов, затем месячная плата не больше четырнадцати фунтов семидесяти пенсов – никаких дополнительных взносов. Мы составляем руководства и пишем программы. Вам будет предоставлен отчет за электронную почту и за полный доступ к Интернету.
– И я могу получить его уже сегодня?
– Мы можем ввести вас в систему уже сегодня к концу дня, а вечером переслать по почте весь ваш пакет.
– Я… э-э-э… возможно ли, чтобы я взял его с собой?
Энди Холиер посмотрел на часы:
– Я думаю, что, если вы зайдете между шестью и половиной седьмого, все будет в порядке.
– Прекрасно.
Молодая женщина, которая привела его сюда, принесла кофе. Энди Холиер повернулся к ней:
– Этот джентльмен хочет открыть счет, Тони. Можешь ли ты обговорить с ним все детали? Он хочет все оформить уже сегодня вечером, так что он вернется после шести.
– Конечно. – Она провела Коннора в тот угол комнаты, где было чуть потише, усадила его рядом со своим столом и дала заполнить стандартную форму. Он положил свой лэптоп на свободное место на столе, туда же поставил чашку кофе и изучил бланк.
Он вписал свое вымышленное имя и такой же выдуманный адрес в Кентербери и помедлил, прикидывая, как лучше расплачиваться – чеком или кредитной карточкой.
– Я бы хотел наличными… вас это устраивает?
– Никаких проблем.
Он расплатился за шесть месяцев авансом, и она написала расписку.
– Вы выбрали имя, на которое хотите зарегистрировать свой почтовый ящик? – спросила она.
– Да, – со смущенной усмешкой ответил он.

Она вручила ему бланк, в который он вписал слово «eumenides»
[19]
, и повернул бланк так, чтобы она могла прочесть его. Бросив взгляд, она напечатала слово на терминале; лицо ее было совершенно бесстрастным, так что нельзя было понять, говорит ли оно ей о чем-нибудь или нет.

– Значит, адрес вашей электронной почты будет читаться вот так: eumenides@pavilion.co.uk. Ясно?

– Да, отлично.
– О’кей, – радостно сказала она. – Если вы заскочите сразу же после шести, для вас все уже будет готово.
– У вас есть какое-нибудь руководство, которое я мог бы изучить на досуге?
Нагнувшись, она извлекла таковое из-под стола и протянула ему со словами:
– Вы можете подождать и здесь, но если, выйдя, вы сразу же повернете направо, то найдете пару кафе, так, я думаю, вам будет удобнее.
Коннор посмотрел на часы. Всего четверть шестого. Поблагодарив ее, он вышел.

Свет в окнах коттеджа означал одно из двух: то ли Алисы сегодня не было, то ли строгая записка, которую Монти оставила своей уборщице, все же возымела действие, думала она, в непроглядной тьме выруливая на дорожку к дому. До сих пор она неуклонно проигрывала это сражение, ежедневно пытаясь уговорить Алису оставлять свет, уходя. Такими зимними ночами, убеждала она, куда веселее возвращаться в дом, который не погружен в полную темноту. Кроме того, Монти думала, что кошкам приятнее обитать при свете, хотя не была в этом убеждена.
Лучи фар ее «эм-джи» скользнули по амбару, на мгновение высветив обшивку из гофрированных металлических листов, часть которых полоскалась на ветру; амбар, снова превратившись в смутный силуэт, исчез из вида. Монти не нравилась еще одна вещь по возвращении домой – проезжать в темноте мимо амбара, который непонятно по какой причине всегда пугал ее.
Она повернула на асфальтовую площадку перед гаражом, вылезла, ежась от внезапного порыва холодного ветра, подняла дверь гаража и завела внутрь машину. Взяв папку с бумагами, над которыми она хотела поработать после ужина, Монти опустила дверь гаража, поднялась к входной двери и вставила ключ в гнездо замка.
Сегодня вечером она была немного подавлена. Вчера, во время ланча с Коннором Моллоем, все было так хорошо, пока она не упомянула, как Силс крикнул что-то, напоминающее слово «волк», после чего Коннор, казалось, потерял всякий интерес к ней и ушел в себя.
Она знала, он сам рассказал ей, что занят переездом на новую квартиру, и все же надеялась, что сегодня он позвонит или свяжется с ней по электронной почте, но так и не дождалась. Отец был в Беркшире, и во время ланча она поднялась в кафе в надежде встретить американца, но его там не было. Пару раз она испытывала искушение под каким-то предлогом позвонить ему, но преодолевала его. Она знала, что не должна расслабляться.
Когда она вошла, два кота, как обычно, кинулись к ней.
– Крик! Уотсон! Привет, ребята, как вы тут? – Она встала на колени и погладила обоих. И в это время зазвонил телефон.
Коннор Моллой? Рванувшись на кухню, она схватила трубку.
– Да, алло, – бросила она, переводя дыхание.
– Э-э-э… мисс Баннерман?
Это был смутно знакомый женский голос; Монти уловила уэльский акцент, но не могла определить, кому он принадлежит. Женщина говорила вежливо, но чувствовалось, что она очень расстроена.
– Говорите, – с легкой настороженностью сказала Монти. Она была разочарована, что звонит не американец… хотя вспомнила, что не давала ему домашнего номера.
Наступила пауза.
– Мисс Баннерман… простите, что беспокою вас… это жена Уолтера.
– Да… да, конечно. Здравствуйте, миссис Хоггин, как поживаете?
Наступила еще более длинная пауза.
– Я подумала, что вы, может, захотите узнать… потому что просили Уолтера что-то сделать для вас, и вы… и вы, наверно, ждали его. – У нее стал затухать голос. – Дело в том, что сегодня на работе у него случился сердечный приступ. Они… – Тут у нее окончательно пропал голос, и Монти в жутком молчании ждала, чувствуя, как от ужаса сводит желудок. – Они… они сказали, что пытались оживить его, но, когда «скорая помощь» доставила его в больницу, он был уже мертв.

45

По мере того как Коннор ехал по автотрассе на север, возвращаясь в Лондон, все чаще стали попадаться знаки «Аэропорт Гатвик» со стрелкой, указывавшей ближайший съезд.
«Отлично», – подумал он, на скорости проскакивая мимо пары грузовиков и резко беря влево. Взлетев по рампе, он остановился перед светофором наверху. В слепящем свете иллюминации, которой было залито раскинувшееся аэродромное хозяйство и его периметр, высоко в ночном небе он увидел рекламы нескольких отелей.
Его устроил бы любой из них, но он наудачу выбрал «Пост-Хаус» и по двухполосной рампе направился к нему. Он миновал несколько объездных путей и чуть не проскочил мимо главного входа. Резко затормозив, Коннор развернулся к нему, не успев включить поворотник, за что был награжден гневным рыком клаксона за спиной. Подчиняясь указаниям знаков, он проследовал на автостоянку позади здания.
«Расслабься, – подумал он. – Успокойся!» Коннор был чертовски напряжен и обливался потом. Сбросив скорость, он развернулся к стоянке и увидел ряд пустых мест. Задним ходом он сдал к одному из них, взял свою папку и закрыл машину, после чего, миновав пару автоматических дверей, очутился в вестибюле гостиницы и подошел к стойке. В отеле было тихо; только группа бизнесменов с именными значками на лацканах стояла тесной кучкой, словно оказались на вражеской территории и теперь ждали спасения. Двое мужчин в креслах были поглощены своими мобильными телефонами, а гламурная брюнетка сидела сама по себе, читая журнал.
Коннор обратился к молодой женщине за стойкой:
– У вас есть свободный номер – для одного человека?
– Номера преимущественно двойные, но у нас есть одиночный номер за сорок пять фунтов. – Голос ее звучал так, словно у пластинки граммофона заела игла.
– Прекрасно, я возьму его.
Она положила перед ним бланк регистрации:
– Будьте любезны, сэр, заполнить его на месте, – и вернулась к своему принтеру.
Коннор написал имя «Роберт Фрост», фиктивный адрес в Кентербери и расплатился.
Она протянула ему карточку-пропуск в небольшой папке.
– Приятного пребывания, – сказала она с пресной улыбкой.
Коннор вышел из лифта на четвертом этаже и, руководствуясь стрелками на стенах, добрался до номера 4122. Номер отличался откровенной функциональностью: двуспальная кровать и телевизор. Сетчатые портьеры перекрывали часть света из аэропорта, а двойные рамы глушили звуки.
Он нашел объявление «Не беспокоить» и повесил его на дверь. Затем поднял свой лэптоп, вынул из папки кабель модема, инструкцию, полученную в «Интернет-павильоне», и включил компьютер.
Тот замурлыкал, и, пока техника готовилась к работе, Коннор нашел под кроватью гостиничный телефонный кабель и проследил, как он тянется, вплоть до розетки в стене. Как он и ожидал, штепсель был погнут, чтобы его нельзя было вытащить, так что, пустив в ход гвоздь, он осторожно привел его в порядок и извлек из розетки. Теперь можно подключить кабель модема. Другой конец его он ввел в гнездо для модема. Все было готово для работы, и он поставил лэптоп рядом с телевизором.
Он подождал еще пару минут, пока машина загружалась, затем открыл ИнтерСЛИП и напечатал цифру 9 с запятой для входа в сеть «Бендикс Шер» – теперь вызов должен был пройти через систему отеля. После чего кликнул по клавише «Соединение» и затаил дыхание. Модем секунду помедлил, после чего издал знакомый писк.
На экране появились слова: «ВВЕДИТЕ ИМЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ».
Коннор напечатал «chrowley» и щелкнул по клавише – дальше!
«ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».
Коннор напечатал пароль Чарли Роули «lu*1*u/» и снова щелкнул по клавише.
После паузы экран ответил: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭЛЕКТРОННУЮ СЛУЖБУ „БЕНДИКС ШЕР“. УРОВЕНЬ АВТОРИЗАЦИИ 3. Войдите В НЕОБХОДИМЫЙ ВАМ РАЗДЕЛ».
Коннор взглянул на свои часы. За последние пару месяцев он постарался как можно больше узнать о компьютерной системе «Бендикс Шер» и не мог не удивиться, что такая

технологически продвинутая компания со столь разработанной системой охраны безопасности пользуется на удивление старой системой сети, основанной на «макинтошах». Предполагалось, что она будет улучшена, но не раньше середины будущего года, что давало ему достаточно времени для использования слабых мест существующей системы. Главной была та ее особенность, что службе безопасности было исключительно трудно отслеживать незаконные вторжения в сеть или ее использование. Это требовало массу времени. А чем короче было время того, чем он сейчас занимался, тем сложнее становилась задача службы безопасности. И хотя, скорее всего, в системе имелись встроенные сигналы тревоги, такой вход никого не мог обеспокоить.

Относительная древность системы оказалась не столь странной, какой она показалась Коннору при первом знакомстве. Причина была в том, что компьютерной сетью командовал блистательный специалист тридцати с небольшим лет Клифф Норрис, который с легкостью постигал последние новинки технологии, но у него были определенные личностные проблемы. Отделом безопасности руководил скользкий тип, майор Ганн, с которым Коннор тоже встречался.

Свою великолепную техническую подготовку Ганн получил в Штабе правительственных служб связи, но он ушел оттуда лет десять назад, и, хотя еще был в курсе кое-каких новинок в области программного обеспечения и «железа», тем не менее сейчас в его знаниях были такие прорехи, сквозь которые мог бы спокойно пройти супертанкер. Несмотря на огромную команду (похоже, никто так толком и не знал, сколько человек работает в службе безопасности), Ганн держал в глубокой тайне все свои отношения с директоратом, словно опасался разоблачить свою некомпетентность. Поэтому взаимодействовать с Клиффом Норрисом ему было очень непросто. В результате, пришел к выводу Коннор, система контактов между начальником службы безопасности и работниками компьютерной системы страдала серьезными недостатками.

Его план был прост: использовать эту ситуацию в свою пользу.

Первым делом он пробрался сквозь систему, пока не вышел на вход уровня команд суперпользователя. Затем он ввел своего первого «троянского коня», заменив интерфейс подлинных команд фальшивым дубликатом. После чего стал терпеливо ждать появления в сети одного из управляющих системой со статусом суперпользователя. Он мог возникнуть через пару минут или через несколько часов.

Не отводя взгляда от экрана, Коннор закурил сигарету. Прошло десять минут. Двадцать. Он выкурил вторую сигарету. Нервы были на пределе. Еще через пять минут, когда он давил в пепельнице окурок, на экране появилось слово «cliffnor». Дал о себе знать сам руководитель системы!

Слово исчезло, уступив место сочетанию букв: a*1*c/hem>ist.

Довольный результатом, Коннор широко улыбнулся, скопировал и ввел в память своего лэптопа имя, используемое менеджером системы, и пароль, после чего выкинул ложный интерфейс. Скорее всего, Клифф Норрис предположил, что его вход по какой-то причине не был принят или же он сделал ошибку, когда набирал пароль. Закурив третью сигарету, Коннор терпеливо дождался, пока Норрис сделал еще одну попытку войти в сеть, и на этот раз связь была установлена.

Норрис оставался в сети минут двадцать. Он провел ряд стандартных проверок и снова вышел – Коннор надеялся, что на этот раз он был полностью доволен. Для надежности он сам вышел из сети, отключил модем, позвонил в операторскую «Бендикс Шер» и сказал, что хочет поговорить с Норрисом. Через некоторое время ему сообщили, что сегодня днем Норриса не будет.

Коннор снова подключил модем и вошел в сеть. На этот раз он использовал имя и пароль менеджера системы. Со своим новым статусом суперпользователя он добрался до архивов файлов сети, где хранилось программное обеспечение всех «макинтошей» в здании, и ввел «заплатку» в виде вирусной версии Mac TCP – звено в цепи программного обеспечения, которое руководило обменом данных между любым индивидуальным компьютером и системой. Эта версия имела дополнительные линии, которые просматривали все данные, идущие через систему, извлекали любую информацию, затребованную Коннором, и автоматически «складировали» ее в ящик электронной почты в «Интернет-павильоне». Не тратя времени, он послал запрос в компьютерную систему «Бендикс Шер».

На экране появилась команда: «ДЛЯ ПОИСКА ВВЕДИТЕ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА».

Коннор напечатал: «МАТЕРНОКС».
«ВВЕДИТЕ СЛЕДУЮЩЕЕ КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО».
Коннор дал указание приступить к реализации задания. Затем он вошел в программу почтового ящика Норриса и отослал с него послание майору Ганну, информируя, что к системе добавлена усовершенствованная версия Mac TCP, именуемая «TETRUS T. G.», очищенная от всех дефектов, и ею необходимо снабдить все рабочие станции компании вместо существующей версии. К посланию автоматически прилагалась подлинная подпись менеджера системы.
Когда Коннор отключился, его нервы были на пределе, но он испытывал полное удовлетворение проделанной работой. Если все пойдет хорошо, то в течение следующих двадцати четырех часов майор Билл Ганн, сам того не желая, станет самым ценным его помощником.

46

Лондон. Пятница, 18 ноября 1994 года

Эта сука хочет выдоить у него каждое пенни. Дети у нее уже есть. Теперь ей нужны его деньги.
Билл Ганн сидел за письменным столом, попивая кофе, и второй раз за сегодняшний день перечитывал письмо на трех листах от солиситора.

«До нашего внимания дошло сообщение, что Вы владеете акциями фармацевтической компании „Бендикс Шер“, каковую информацию Вы не сообщили ни нам, ни Агентству по защите детей. Мы будем благодарны Вам, если Вы будете настолько любезны, что в течение семи дней сообщите нам, каким количеством акций в вышеупомянутой компании Вы на самом деле владеете».

Он снова перечел этот абзац. Откуда они получили эту информацию? Должно быть, сука сообщила им. Но разве он откровенничал с сукой? Должно быть, прикинул он, несколько лет назад в то время, когда любил ее или думал, что любит. Или кто-то докопался?
Он был серьезно обеспокоен. Владение акциями «Бендикс Шер» было строго охраняемой тайной. Никаких бумаг и вообще никакой документации – все строилось на доверии. И на самом деле вы никогда не владели акциями. Когда Ганн стал сотрудником компании, ему было сказано, что на его имя сделан взнос в виде двухсот тысяч акций. Ежегодные дивиденды должны были выплачиваться ему 1 мая каждого года на номерной счет в швейцарском банке. Так оно и было. За последние десять лет сумма на его депозитном счете в цюрихском банке превысила три миллиона фунтов. Тем не менее воспользоваться этой суммой мешали два препятствия: вы не могли коснуться денег, пока не вышли на пенсию, и вы теряли на них право, если расставались с фирмой – добровольно или вас увольняли. Ему стоило бы поговорить с кем-нибудь в юридическом департаменте компании – пусть они с этим разбираются, решил он.
Сложив письмо, он обратился ко второй проблеме дня. К Коннору Моллою.
Почему мистер Моллой вчера ездил в Брайтон?
Он уставился в распечатку вчерашних перемещений американского патентоведа, которая была предоставлена в его распоряжение менеджером, отслеживавшим все передвижения сотрудников. Распечатка была дополнена проверками, как Моллой использовал свою карточку-пропуск для входа в здание и перемещений по нему, плюс спутниковые данные отслеживания маршрутов его автомобиля, которые автоматически вводились в компьютерную систему.
Ганну потребовалось не больше нескольких секунд изучения распечатки, чтобы понять – эта поездка американца представляет собой существенное отклонение от его обычных маршрутов.
Такой вывод требовал уточнения: в среду Моллой перебрался в новую квартиру, с чем, можно предположить, и было связано изменение привычного порядка вещей.
Ганн нажал определенную последовательность клавиш, и на экране появился суммарный отчет о перемещениях Коннора Моллоя в понедельник, вторник, а также в четверг на прошлой неделе. Все было достаточно обыденно. Американец являлся в офис незадолго до восьми,

оставлял его примерно в семь вечера. Обеденный перерыв занимал у него около часа, проводил он его порой в столовой компании, а порой вне здания компании. Из своего жилища он ехал прямо в офис, а из него – снова домой. Ничего необычного.
В среду он совершил две поездки на автомобиле из квартиры, предоставленной ему компанией, в свое новое жилище на Фулем-роуд. Это тоже было в порядке вещей: таких поездок и следовало ожидать, когда человек перебирается на новую квартиру. Так что же было вчера? Моллой явился в офис в 6:54 утра – на час раньше, чем обычно. На ланч он потратил всего десять минут и в три пополудни поехал в Брайтон.
Ганн набрал номер телефона менеджера, который фиксировал передвижения.
– Где Моллой парковался в Брайтоне? – едва была поднята трубка, спросил он.
– У какого-то небольшого здания рядом с набережной, неподалеку от Дворца на пирсе.
– Вы знаете Брайтон? Там много древностей?
– Да, сэр. Кое-кто даже называет его античной столицей Европы.
– Скорее уж столица всяческого барахла, – буркнул Ганн. – Это здание может устроить человека, который прибыл для закупки старья?
– Я прикидываю, что оно довольно близко от торговых улиц Лейнс и Кейптаун. Я могу все точно выяснить и тут же связаться с вами, сэр.
Ганн повесил трубку и снова уставился в распечатку. Моллой покинул Брайтон в 6:20 вечера, добрался до гостиницы «Пост-Хаус» в Гатвике, где провел три часа и десять минут, после чего вернулся в Лондон.
Три часа и десять минут в гостинице? Что он там делал? С кем-то встречался? Может, с приятелем из Америки, пока тот ждал пересадки на другой рейс? Возможно. Дорожная авария? И это возможно, но в таком случае он, скорее всего, остался бы на ночь.
Ганну незамедлительно была нужна какая-то весомая удача, ему нужно было живьем вытащить на берег большую рыбу, и интуиция подсказывала ему, что эту возможность предоставит ему Моллой. Но пока он не знал, как за него взяться. Его раздражало американское происхождение патентоведа, он был уверен – в его документах таится что-то неправильное, что-то не стыкуется, но он был не в состоянии понять, что именно.
Едва только Моллой при подсчете еженедельных результатов работы получил высокую оценку Роули, набрав всего на два пункта меньше максимума, и продолжал это делать каждую неделю, Ганн встревожился. Но Моллой удостаивался высоких оценок и от Роули, и от старшего менеджера группы патентов и соглашений. Не было никаких оснований для подозрений. Никаких – кроме инстинкта Ганна.
Он обдумал, не стоит ли установить за Коннором Моллоем круглосуточное наблюдение и так или иначе поставить все точки над «i». Но в таком случае человеко-час работы обойдется слишком дорого, что и скажется при оценке эффективности работы его директората. Стоял только ноябрь, а у него уже перерасход суммы годового бюджета, и, кроме того, необходимо было вести наблюдение за несколькими работниками из других отделов. На заводе компании в Ньюкасле исчезали химикалии. Кроме того, Ганн подозревал, что несколько новых маркетологов из отдела детского питания в Рединге на самом деле журналисты, которые собираются разоблачить технику продаж «Бендикса» в странах третьего мира.
В конце прошлого года доктор Кроу устроил ему взбучку по поводу стоимости службы безопасности и низких результатов ее работы. Итоги этого года будут еще хуже. Он не выявил ни одного случая промышленного шпионажа, мелкого или крупного, он оказался не в курсе планов Джейка Силса дезертировать, а теперь Кроу собирается повесить его на собственных кишках за то, что он не смог предотвратить расследование, которое вела эта «Темз-Уолли газетт».

> Ладно, Моллой, мой день еще придет. Пока работай, ты, маленький увертливый янки. Сделай хоть один неверный шаг, и я тебя закопаю.

Удостоверившись, что отчет о перемещениях Коннора перенесен на жесткий диск, Ганн скормил два листа бумагорезке, стоявшей рядом с его столом. Затем вернулся к рабочему месту. Он перечел письмо от руководителя компьютерных систем, сообщавшее о появлении улучшенной, защищенной от вторжения версии Mac TCP под названием «TETRUS T. G.»,

которая должна быть введена в систему и распространена по всей компании, заменив собой существующую версию.
Его первой гневной реакцией было желание позвонить Клиффу Норрису, системному администратору, и сказать этому ленивому ублюдку, что пусть он сам занимается распространением. Но затем, успокоившись, он вспомнил свой собственный приказ, что все программное обеспечение должно идти только через него, и никак иначе, и если кто-то попробует использовать программу, не прошедшую через него, то это будет считаться непростительным нарушением правил. Только так он мог быть уверен, что система свободна от вирусов.
И это чертовски хорошая система, гордо подумал Ганн, набирая команду распространить новую версию Mac TCP по всем компьютерным базам глобальной империи «Бендикс Шер». По крайней мере, за это Кроу поносить его не будет.

47

Северный Лондон. 1951 год

Магистр храма сам открыл парадную дверь. Посмотрев на него, Дэниел испытал мгновенное разочарование – и домом, и этим человеком.
Он ожидал увидеть что-то более внушительное – суровое строение с башнями, может скрытое завесой кустов и деревьев в конце длинной темной аллеи. Вместо этого перед ним предстал небольшой и запущенный дом с имитацией стропил времен Тюдоров, с дорожкой, усыпанной щебенкой, на берегу затянутой тиной заводи, в десяти минутах езды на автобусе от его дома. Магистр храма был куда старше, чем он ожидал, а его облик, вместо того чтобы внушать благоговение, в глазах Дэниела был просто смешон.
У него были длинные волосы цвета соли с перцем, зачесанные назад со лба, серебряная бородка, ухоженная, как кисточка для бритья, бесцветное лицо с рассеянными глазами. В центре лба на серебряной ленте красовалась пятиконечная металлическая звезда, по обеим сторонам которой вздымались настоящие козьи рога. С шеи на серебряной цепочке свисала небольшая эмблема Бафомета. На магистре была белая льняная мантия без воротника. Он был босоног и чуть прихрамывал. Дэниел подумал, что, лишенный аксессуаров власти, он выглядит так, словно надел облачение, принадлежащее кому-то другому.
Дэниел смотрел на эмблему Бафомета, стараясь скрыть презрение. «Когда я вырасту, – думал он, – то буду жить в каком-нибудь знаменитом месте и буду потрясающе богат. Никогда не буду носить серебро; оно смотрится как дешевка. Я буду носить золото. И никогда не буду просто магистром храма. Я буду Ипсиссимусом».
Встретив Дэниела, магистр храма не посмотрел на него; он глядел куда-то поверх его головы, а интонации голоса странно соответствовали сонному выражению его глаз.
– Сколько тебе лет, мальчик?
– Шестнадцать, сэр, – сказал Дэниел. Он слышал, что на многих шабашах настаивают, что таков должен быть минимальный возраст.
– Что ты принес с собой, мальчик?
– Мой атхам.
– Могу я взглянуть на него?
Дэниел расстегнул плащ, сунул руку под свитер, вынул спрятанный там церемониальный кинжал в ножнах и подал его магистру.
Магистр изучил рукоятку, которую Дэниел зачернил краской, затем рассмотрел клинок и, повернув его, уставился на символы, которые Дэниел по указаниям человека из магазина вырезал резцом.
– Ты знаешь, что означают эти символы? – спросил он, все так же не глядя на Дэниела.
– Да, сэр. – Взгляд Дэниела быстро скользнул по комнате. Он уловил легкий запах благовоний, увидел большой пятиугольник на стене и двух черных кошек, которые стояли, наблюдая за ним.

Маг показал на первый символ – грубо намалеванный круг с двумя остриями, которые, образуя V-образную фигуру, торчали на самом верху.
– Поведай мне, что это такое.
– Рогатый бог, сэр. А также мощь плодородия, канун мая, светлой половины года.
– А вот это?
Дэниел посмотрел на символическое изображение кинжала с грушевидной рукояткой:
– Крест Анкха, сэр.
Магистр храма показал на грубо нарисованное рядом изображение двух рунических букв «S».
– Салют и Свистящий Бич, сэр. Две обращенные выпуклой стороной друг к другу скобки: ‘)(‘. Богиня прибывающей и идущей на убыль луны.
– А вот это?
Дэниел увидел нечто вроде буквы «М» со вздымающейся стрелой.
– Скорпион, знак Смерти и того, что После Нее, это другая сторона Бога, как Властителя Подземного мира. Хеллоуин и темная половина года.
– Ты в состоянии прочесть «Отче наш» задом наперед?
Дэниел подчинился, и магистр храма внимательно выслушал его.
– Хорошо, очень хорошо. Ты понимаешь, мальчик, почему мы читаем эту молитву задом наперед?
– Чтоб избавиться от подсознательных страхов, которые христианство воспитывает в людях. Произнося молитву задом наперед, мы показываем, что больше не боимся христианского бога. А если в нас больше нет боязни перед ним, то и христианство больше не имеет власти над нами.
Магистр храма одобрительно кивнул:
– Ты хорошо начинаешь. Тот был прав. – И, по-прежнему не глядя Дэниелу в глаза, добавил: – Я Исида.
– А я Моргана, – сказала возникшая словно бы ниоткуда женщина. На ней тоже была белая льняная мантия, но она была значительно моложе магистра храма. Ее выразительное лицо было обрамлено длинными каштановыми волосами. Лоб ее украшала такая же серебряная ленточка, но без рогов; на шее висело массивное ожерелье, увешанное амулетами, а пальцы были густо унизаны кольцами. Дэниел осознал, что она – верховная жрица, о которой ему говорил человек в магазине.
Моргана в упор уставилась на Дэниела своими гипнотическими карими глазами и продолжала смотреть до тех пор, пока ему стало не по себе от этого откровенного изучения.
– Как твое имя? – спросила она, и в голосе ее не было ни теплоты, ни враждебности.
Покраснев, он назвался.
– Дэниел – это имя не подходит для посвящения. Разве Тот не говорил, чтобы ты выбрал себе имя?
Он отрицательно покачал головой. Внезапно Дэниел занервничал, решив, что его отвергнут и он будет отослан домой. Он уже беспокоился, опасаясь, что его вранье матери, где он собирается провести вечер, откроется. Если она позвонит викарию и узнает, что его не было на библейском уроке, с ней случится очередная истерика.
В течение последних трех недель мать просто бесновалась, выходя из себя, особенно после того, как в том магазине, где хранилась книга, он встретил человека, назвавшегося Тотом. Он понимал, что она так вела себя, скорее всего, потому, что он был всецело занят подготовкой к сегодняшнему дню, а не чтением заклятий, которые подавляли ее темперамент.
Но это уже не имело для него значения. Он не сомневался, что сегодня – самый важный день в его жизни. Сегодня он станет Посвященным Первой Ступени.
Глаза магистра храма еще сохраняли рассеянное выражение, но на этот раз Дэниел почувствовал исходящую из них огромную силу, словно маг каким-то образом извлек все мысли из его головы и прочитал их.
– Тебе знакомо имя Теутус, мальчик?
– Теутус – один из Сосудов Гнева, сэр.
– Да, Дэниел. Сосуд Гнева – создатель всех пороков и всех безнравственных искусств. Теутус научил играть в карты и бросать кости, он любит копить деньги и умеет это делать. – Магистр храма улыбнулся. – Я думаю, Теутус будет для тебя подходящим именем.

Дэниел попытался заглянуть магистру в глаза, чтобы поблагодарить, но тот снова смотрел куда-то поверх его головы. Вместо этого мальчик благодарно кивнул. Маг вернул его атхам, и Дэниел спрятал ножны с оружием под свитером.

– Время, – сказала верховная жрица Моргана.

– Время, – подтвердил магистр храма.

Они провели Дэниела через маленький вестибюль и, открыв дверь, дальше – в гараж, который был почти полностью занят старым фургоном темно-синего цвета. Верховная жрица открыла его заднюю дверцу и, пригласив Дэниела устраиваться в салоне без окон, влезла вслед за ним. Дэниел заметил, что в руках она держит какой-то матерчатый сверток.

– Теперь мы должны завязать тебе глаза, Теутус, – сказала она.

Дэниел слегка забеспокоился.

– Мы доставим тебя в наш храм. Пока ты не станешь Посвященным Третьей Ступени, ты не имеешь права знать, где он находится. Таков Закон.

Дэниел кивнул и послушно подставил голову. Он почувствовал, как на глаза легла материя, которую осторожно, но решительно прихватили сзади кушаком. Он слышал, как хлопнула закрывающаяся дверца, и ощутил, как содрогнулся фургон, когда заработал двигатель, и почти сразу же его обоняния коснулись запахи выхлопа. После скрежета передачи фургон резко дернулся; Дэниел понял, что он задним ходом выбирается из гаража.

Довольно быстро он потерял всякое представление о времени. Поездка не доставляла никакого удовольствия: фургон то и дело менял скорость, подскакивал, кренился на ходу и часто резко тормозил; Дэниел думал, что магистра храма вряд ли можно назвать хорошим водителем. Затем после долгого прямого участка пути фургон постепенно стал сбрасывать скорость, и Дэниел почувствовал, что они поворачивают направо. Вроде они съехали с трассы. Теперь под колесами была укатанная грунтовая дорога. Фургон неожиданно подпрыгнул, и Дэниел с трудом усидел на месте.

Наконец машина остановилась. К своему облегчению, он услышал звук, сообщивший, что задняя дверца открывается, и наконец-то всей грудью вдохнул свежий воздух, он был густо насыщен запахами зелени и земли, и Дэниел жадно глотал его, избавляясь от тошнотных ощущений.

Рука верховной жрицы коснулась его запястья и помогла спуститься на землю. Похоже, что солнце уже клонилось к закату, и в воздухе стоял легкий холодок последних летних дней.

– Вот мы и на месте, Теутус, – сказала верховная жрица. – Осторожнее, тут ступеньки. Поднимай ноги.

Сделав, как ему было сказано, он прошел вперед, услышал, как за его спиной гулко захлопнулась дверь, и почувствовал резкий запах карболки. Когда верховная жрица сняла повязку, Дэниел увидел, что очутился в туалете с черными изразцовыми стенами и полом.

– Здесь мы облачаемся в небесные одеяния, Теутус. Сними, пожалуйста, всю свою одежду и иди под душ. Мы должны полностью очиститься, прежде чем приступим к нашим ритуалам.

Покраснев, Дэниел подчинился, и верховная жрица отнесла его вещи в гардероб со шкафчиками. Оттуда и она вышла совершенно обнаженной.

Показав на душ, она последовала за ним и повернула ручку. Когда она мягко подтолкнула Дэниела, ее обнаженное тело коснулось его спины. Струи горячей воды поливали его грудь и живот. Взяв кусок мыла, она принялась мыть его, массируя кожу пальцами; жрица вымыла у него под мышками, прошлась по животу, намылила пенис, яички и задний проход.

Он стоял неподвижно, не зная, что ему делать. Приложив всю силу воли, он пытался справиться с эрекцией, но его пенис продолжал набухать.

Слава богу, что теперь она стала заниматься его ногами. Затем губкой она смыла остатки мыла, вывела из-под душа, набросила на плечи большое полотенце, а его место занял магистр храма, тоже обнаженный.

– Теперь я должна снова завязать тебе глаза, Теутус, – спокойно, словно ничего необычного не происходило, сказала Моргана.

Дэниел напрягся, когда она опять накинула ткань ему на глаза. Сбросив с его плеч полотенце, она взяла его за руку и повела за собой.

Он услышал щелканье задвижки и уловил дуновение потока воздуха, насыщенного запахом благовоний и горячего воска. Под ногами был холодный пол. Пройдя вперед, он почувствовал присутствие большого количества людей. Все они хранили молчание.

Верховная жрица, останавливая его, чуть дернула за руку. Дэниел услышал ее голос, когда она громко произнесла:
– Сегодня мы привели сюда, в наш храм, Теутуса и подготовили его для вхождения в наш священный круг.
Раздался низкий глухой звук, словно десяток или больше голосов стали монотонно скандировать в унисон. Скандирование постепенно становилось все громче, все ближе. Дэниел почувствовал жар пламени, которое тоже приближалось. Он слышал, как пламя с треском и шипением пожирало воздух. Нестерпимый жар приблизился к его груди; он хотел сделать шаг назад, но не осмелился.
Затем он почувствовал, что такой же обжигающий жар едва не коснулся его спины; другой источник тепла опустился ниже гениталий, а еще один остановился у лица. Палящий жар охватывал его с головы до ног. Он хотел закричать, но, задыхаясь, не смог выдавить ни слова. Раздался треск, и он почувствовал резкий запах подпаленных волос: они загорелись на голове и на лобке.
Внезапно жар исчез. Резко оборвалось скандирование. Он услышал звяканье цепочки, и капли ледяной воды брызнули ему на лицо и на тело. Цепочка звякнула снова, и теперь вода окатила его с головы до ног, заставив подпрыгнуть.
Он сжался, готовясь к очередному водопаду, но вместо воды Дэниела ожег удар хлыста по голой спине, заставивший его вскрикнуть. Другой жалящий удар пришелся по ягодицам. Теперь по животу. Еще один – по гениталиям, по яичкам, и он скорчился от боли. Удары сыпались градом, один за другим – по икрам, по лодыжкам, по шее, по правой щеке. Но Дэниел, полный решимости и сдерживая слезы, стоял на месте.
«Отметины, – подумал он, испытывая не столько боль, сколько страх. – Мать не должна увидеть эти отметины».
Наконец бичевание прекратилось. Дэниел стоял неподвижно. Все его тело жгло и болело.
– Можем ли мы довериться тебе, Теутус? – раздался голос магистра храма. – Можем ли мы снять повязку с твоих глаз и позволить тебе увидеть и наш храм, и наши лица?
– Да, – прошептал он.
– Повторяй за мной: Делай То, Что Ты Захочешь Возвести в Закон.
Дэниел повторил слова. Затем магистр храма продолжил:
– Вот видишь, Иисус из Назарета, как твое искусство попалось в мои силки. Всю жизнь ты поносил и оскорблял меня. Ради твоего имени – вместе с другими душами, которые были свободны в христианстве, – меня мучили в детстве; все радости были запретны для меня. Но теперь я наконец твой, Сатана. – Он сделал паузу, чтобы Дэниел успел повторить его слова, и затем продолжил: – Я навечно вверяю Тебе, Господь мой Сатана, мой ум, мое тело и бессмертную душу. И если я хоть одной живой душе вне пределов храма поведаю об этих узах, язык мой и глаза мои будут вырваны из живого тела – и да будет эта кара мне наказанием.
После того как Дэниел произнес эти последние слова, наступило долгое молчание. Внезапно узел на затылке, удерживавший полотнище, распался, и полотнище сдернули.
Дэниел несколько раз моргнул, чтобы восстановить четкость зрения; он был настолько поражен зрелищем, представшим его глазам, что забыл и думать о своей наготе. Он стоял, открыв рот от изумления, в большом амбаре с темно-красным потолком, а стены были полностью затянуты черной материей. Две черные свечи, каждая высотой в добрых четыре фута, стояли по обе стороны от алтаря, а тот высился в центре пятиугольника, выложенного золотой фольгой на полу. Вокруг горело еще много свечей, а в канделябрах на стенах чадили средневековые факелы.
Дюжина людей, застывших внутри пятиугольника, смотрели на него. Но он не видел их глаз. На них были странные маски, напоминавшие головы животных, и они были совершенно нагими, если не считать серебряных эмблем, висевших на шеях.
Напротив Дэниела красовалась свиная голова, водруженная на обнаженное мужское тело. У кошачьей мордочки было тело женщины. Оскалившийся волк и ухмыляющийся козел тоже имели человеческие формы. Все держали свои церемониальные кинжалы остриями кверху, и пламя мерцало на клинках. В центре пятиугольника было раскинуто черное полотнище, на котором лежала молодая обнаженная женщина; ее вытянутые руки и ноги были тщательно растянуты веревками.

Взгляд Дэниела скользнул от щелок для глаз в масках зверей к обнаженной девушке – и снова к головам животных. Выражение, с которым они смотрели на него, вскинув кинжалы, вызвало у него чувство ужаса.
Ловушка, понял Дэниел. Он попал в западню.
Он развернулся, но дверь была перекрыта магистром храма и верховной жрицей, оба были обнажены. Жрица сжимала его церемониальный кинжал. Магистр храма держал вскинутый высоко над головой огромный меч, словно бы собираясь нанести удар Дэниелу. И оба строго и торжественно, не улыбаясь, смотрели на него.
– Ты отрекся от Иисуса Христа Обманщика, – сказал магистр храма, в первый раз посмотрев ему прямо в глаза. – Ты отрекся от Бога. И ты принес нам клятву в соблюдении тайны.
– Но почему мы должны верить тебе, Теутус? – насмешливо спросила жрица.
– Можем ли мы доверять тебе, Теутус? – подхватил магистр храма.
– Или, может, лучше сразу же принести тебя в жертву, Теутус, и избавить от долгих физических страданий?
Краем глаза Дэниел заметил, что меч магистра храма приподнялся чуть выше, а костяшки пальцев, которыми он сжимал рукоятку, даже побелели. В первый раз отвага полностью оставила его. Ему захотелось повернуться и бежать со всех ног, но тут он понял, что не может даже пошевелиться. Все его тело было парализовано – но не от страха. Его держала какая-то невидимая сила, и ничего более мощного и властного ему не приходилось испытывать никогда в жизни. Не в силах пошевелиться, он стоял, приросший к месту, и был полностью в ее власти.

48

Лондон. Пятница, 18 ноября 1994 года

Коннор торопливо смыл остатки пены с лица и протер его лосьоном «Этернити». 6:58 утра. Через двадцать минут ему надо уезжать на работу.
Он накинул на плечи влажное полотенце – господи, до чего в этой квартире зябко – и вышел в просторную кухню. Сделав себе кружку кофе, он принес ее в гостиную, где лежал его лэптоп. Аккуратно, шаг за шагом следуя инструкциям руководства, полученного в «Интернет-павильоне», Коннор загрузил свой почтовый ящик, чтобы посмотреть, принесли ли какие-то результаты его вчерашние старания.
Почти сразу же в верхней части экрана появились слова: «ЗАГРУЖАЕТСЯ… 1 ИЗ 25».
«Ах ты, мать твою!» – с широкой улыбкой подумал он и заторопился в спальню, чтобы успеть одеться, пока грузится почта.
Завязывая галстук, он услышал звук гонга, оповещавшего, что компьютер закончил загрузку почты, и вернулся в гостиную. На часах было четверть восьмого. Он прикинул, не стоит ли прямо сейчас просмотреть почту или же заняться этим на работе.
После секундного раздумья он отключил лэптоп, закрыл крышку и положил его в портфель. Он успеет вовремя. Почту он прочитает в кабинете, и никто не будет знать, чем он там занят. Прихватив ключи от машины, он выскочил из дома, сгорая от желания узнать, кто же попался в его сеть.

Монти выпало плохое утро. У отца, из-за смерти Уолтера Хоггина, было ужасное настроение, и оно все ухудшалось оттого, что затерялась какая-то папка. Он клялся, что видел ее в кабинете всего пару дней назад, но Монти не сомневалась, что ее куда-то засунули во время переезда из Беркшира. Если найти ее не удастся, то на уик-энд придется ехать в их старую лабораторию и заниматься там поисками, а ее эта перспектива не радовала. Было жаль тратить рабочее время, и угнетало совершенно пустое здание.
В нем оставалась лишь горсточка прежних сотрудников, подчищавших то, что еще оставалось, а через месяц и их не будет: одних искушал ранний уход на пенсию, а других ждала работа на заводе «Бендикса» в Рединге, где скончался Уолтер Хоггин. Но конец эпохи символизировал не

столько переход в «Бендикс Шер», сколько смерть Уолтера, и она с содроганием думала о похоронах.
Сразу же после десяти она добралась до здания Бендикс и нашла сообщение от Коннора Моллоя, что он ждет ее звонка, но, набрав его номер, услышала голос автоответчика.
Она вернулась из Амбара, расположенного этажом ниже, – это прозвище было дано объемистому хранилищу досье, которое служило архивом для всех лабораторий, где каждый уик-энд автоматически распечатывались с компьютеров копии всех документов и записей о ходе исследований. Они хранились в несгораемых шкафах. Но и там ее поиски не выявили никаких следов исчезнувшего досье.
Монти уже вставляла карточку-пропуск в замок своего кабинета, когда услышала звонок телефона. Влетев в помещение, она успела схватить трубку.
– Алло?
– Мисс Баннерман? Доброе утро. Наконец-то мы установили связь.
– Мистер Моллой! Привет. – Теперь, когда она чувствовала все крепнущие дружеские связи с этим человеком, эта формальная вежливость показалась ей особенно абсурдной. – Как ваш переезд?
– Благодарю вас, никаких проблем. Если не считать, что у меня еще нет мебели. – Он помолчал. – А как у вас дела?
– Не очень. Я… – Через окошко в дверях она глянула в коридор, увидела, как из лаборатории напротив выходит техник, толчком закрыла свою дверь и понизила голос: – Можем ли мы встретиться где-нибудь снаружи? Мне надо поговорить с вами. Вы свободны во время ланча?
– Нет… у меня состоится встреча. Похоже, что у меня окно прямо сейчас… устраивает?
Монти посмотрела на часы. Десять минут двенадцатого.
– Да.
– Как насчет того самого места, где мы сидели за ланчем? Через десять минут.
– Отлично.
Повесив трубку, она отметила, что у нее дрожат руки.
В «Венеции» стояло спокойствие середины утра, которое наступает между завтраком и ланчем. Монти пришла первой и, не снимая плаща, сразу же направилась в ту нишу, где они недавно сидели.
Она опередила Коннора всего на минуту. Открылась дверь, и он вошел в пальто с поднятым воротником, сжимая в руках свой портфель. Его вид немедленно вызвал у нее чувство спокойствия.
Подойдя к ней, Коннор мрачно улыбнулся.
– Привет, – сказал он, подтягивая к себе стул и садясь. – Я хочу показать вам кое-что интересное.
– Вот как?
Все в нем казалось таким надежным и уверенным, даже движения его сильных рук, когда он расстегивал портфель и вынимал оттуда лэптоп. Подошла официантка. Видно было, что в ней течет итальянская кровь.
– Что вы предпочитаете? – спросил Коннор.
– Только капучино.
– А я возьму двойной эспрессо и булочку. Возьмите и себе, – предложил он Монти, – они тут в самом деле неплохие.
Она улыбнулась его аппетиту. С каждой минутой, что она проводила в его обществе, ее все сильнее тянуло к нему.
Официантка отошла.
– С вами все в порядке, Монтана? Вы очень бледны.
Монти подождала, пока официантка не удалилась на безопасное расстояние, и посмотрела на американца.
– Вы помните, я рассказывала вам во вторник, что попросила нашего прежнего старшего лаборанта Уолтера Хоггина поинтересоваться, не может ли он раздобыть несколько образцов «Матернокса».
– Да, помню.
– А вчера он умер. От сердечного приступа.
Коннор нахмурился:

– Сколько ему было лет?
– Шестьдесят шесть.
– Он когда-нибудь страдал сердечными заболеваниями?
– Насколько я знаю, нет.
Он помолчал.
– Где это случилось?
– В лаборатории «Бендикса» в Рединге, где он работал.
– В какую больницу его доставили?
– Я… я не знаю. А что?
– Вы не знаете, это была общественная больница или «Бендикса»?
– Больница «Бендикса»?
– Конечно… одна из его клиник… обычно туда и отвозят сотрудников компании.
– Мне сказали, что он умер в машине «скорой помощи».
Официантка принесла кофе, две пухлые круглые булочки и удалилась. Уставившись в свой эспрессо, Коннор сказал:
– Вы попросили мистера Силса раздобыть вам информацию и капсулы – и он погиб. Этим делом занялась журналистка – и погибла. Затем вы попросили о помощи мистера Хоггина – и он скончался. Что-то многовато совпадений.
– Где тот рубеж, за которым вы перестали верить в совпадения? – спросила она.
Он рассматривал булочку.
– Когда вы росли и расставались с детством, на определенном этапе вы тоже перестали верить в фей и Санта-Клауса. В этом взрослении нет никакой определенной даты, это постепенный процесс – так? Вы медленно осознаете, что вещи и события имеют другой смысл, нежели тот, к которому вы привыкли, – и вот тогда-то вы начинаете прозревать истину.
– Думаю, что сейчас я как раз на этой черте, – сказала Монти. – Думаю даже, что на самом деле миновала ее.
Коннор взял свою булочку, откусил кусок, слизнул заварной крем, проглотил разжеванный кусок и, словно экспонат, поднял булочку к ее глазам.
– Видите глазурь?
– Да, – слегка удивившись, сказала она.
– Она сделана из того же самого геля, который «Бендикс Шер» использует в лабораториях для тестирования ДНК. Компания считается крупнейшим в мире производителем этого геля.
Монти посмотрела на свою булочку и поморщилась:
– Вы серьезно?
– Ага.
– Кажется, у меня пропал аппетит.
– Разве вы не знали, что «Бендикс Шер» вездесущ? – Он положил остаток булочки на тарелку и выразительно пошевелил пальцами. – Ползут и шевелятся маленькие щупальца. Они неторопливо работают над тем, чтобы стать монополией в мировом здравоохранении. Тут и там они вторгаются в производство питания для взрослых. – Он вскинул брови. – Где они остановятся?
– Не знаю. Где же?
Он развел руки и пожал плечами.
– И вы серьезно считаете, что они готовы убивать?
– Если причина достаточно весомая.
– Так что же это за причина?
Он поднял крышку своего портативного компьютера и включил его:
– Посмотрим, что это значит для вас.
Пододвинув стул, он уселся рядом с Монти и открыл раздел «Входящие» своего ящика электронной почты. Проведя курсором сверху вниз, он нашел нужную строчку и щелкнул по ней мышкой, выведя текст на экран. Это была памятная записка от Линды Фармер, руководителя отдела медицинской информации и связи с общественностью, к доктору Винсенту Кроу, и в ней просто и ясно сообщалось: «Подтверждаю, что у нас может быть 4-я проблема с „Матерноксом“. Кингсли К. (миссис). Находится под наблюдением. Ждите дальнейших сообщений».
– Это что-нибудь значит для вас? – спросил Коннор.

Монти оцепенела и, придя в себя, вдруг ткнула в стол указательным пальцем:
– Откуда… где вы это раздобыли?
Коннор с таинственным видом подмигнул ей:
– Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Просто скажите, значит ли это что-то для вас?
Она кивнула и мгновенно вспомнила, как Зандра Уоллертон сказала во время встречи в гостинице о том, что ждет, когда при родах скончается от вируса еще одна беременная женщина, произведя на свет ребенка с синдромом циклопа. Потом Зандра собиралась сесть на хвост ее семейному врачу и неделю не слезать с него, пока он все ей не выложит.
Коннор выжидающе смотрел на нее.
– Файлы Зандры Уоллертон, – сказала она. – Какие-то данные в письменном виде должны быть в ее папках.
– Я не могу отправиться с вами.
Она допила кофе:
– Дайте мне номер своего домашнего телефона. Я сейчас отправляюсь в Беркшир и вечером позвоню вам.
– Конечно, – помедлив, сказал он, – я дам вам свой телефон… но вот что… вы не должны говорить по телефону ничего лишнего. Звоните, чтобы договориться о встрече, и больше ни для чего. И я думаю, что отныне оба мы должны контролировать все наши разговоры с посторонними людьми. – Он сделал глоток кофе. – Завтра я еду на природу – провести уик-энд с моим непосредственным боссом, Роули. Встречались с ним?
Она помедлила.
– Думаю, что как-то мельком сталкивалась.
– Он знает, как вести себя в компании, и неплохой парень. Если представится возможность, попробую узнать у него что-нибудь.
Монти уточнила:
– Вот что нам надо: получить несколько образцов «Матернокса» из подозрительной партии и сравнить их с другими капсулами «Матернокса». – Она дала ему номер серии.
Он кивнул:
– Посмотрю, что смогу сделать.

49

Беркшир, Англия. Пятница, 18 ноября 1994 года

Монти без труда нашла Производственный парк, раскинувшийся за кольцевой дорогой на Рединг, и, когда ее «эм-джи» проехал мимо большого стенда с перечнем компаний, она опустила стекло. Сильный порыв ветра хлестнул ее по лицу.
«Центральное и Западное издательство. „Темз-Уолли газетт“. 26-й район», – прочитала она и снова подняла стекло. Она проехала мимо ряда современных промышленных строений, выкрашенных одинаковой черно-серой краской, после чего увидела название газеты на фасаде четырехэтажного здания, старого и обветшавшего.
Она поставила машину на участке для посетителей и торопливо добралась до центрального входа, прячась от ветра, который разлохматил ей волосы. Расставшись с Коннором, она из телефонной будки позвонила Губерту Уэнтуорту, и он предложил встретиться днем. На ее часах было 15:15.
В центре холла за столом сидел прямой, как шомпол, охранник, который вежливо предложил ей присесть и подождать, пока он свяжется с кабинетом мистера Уэнтуорта.
Монти опустилась в низкое кресло и, взяв экземпляр «Газетт», скользнула взглядом по заголовку: «Викарий планирует на Рождество посетить Боснию».
Рождество, подумала она. Оно наступит всего через пять недель, а у нее до сих пор нет никаких планов. Она взялась сопровождать своего отца в Вашингтон в начале декабря и прикидывала, сможет ли уговорить его остаться подольше и устроить себе отпуск, скажем покататься на лыжах в Вермонте?

Она полюбила Рождество ребенком, когда еще жива была мать. Но за прошедшие десять лет ей запомнились только те два, которые она провела со своим бойфрендом на ферме его семьи в Йоркшире. Теперь-то она понимала, что, скорее всего, любила не столько его, сколько эту большую радушную семью и то тепло, которое она излучала. Поэтому она и не сопротивлялась, когда их отношения сошли на нет. Но за последние полтора года было немало ситуаций, когда она думала, не потеряла ли она последний шанс выйти замуж.
Неторопливо листая «Газетт», Монти пыталась понять, что представляет собой издание. Обилие местных новостей. Несчастные случаи, грабежи, кражи велосипедов, свадьбы и объявления. Когда она добралась до центральных полос, большая фотография расплющенных остатков машины заставила ее похолодеть.
«ТАЙНА ГИБЕЛИ В АВАРИИ ГАЗЕТНОГО РЕПОРТЕРА. Остатки машины „форд-фиеста“, в которой погибла Зандра Уоллертон».
– Мисс Баннерман!
Монти вздрогнула от звука голоса Губерта Уэнтуорта и торопливо поднялась:
– Здравствуйте! Как хорошо, что вы согласились встретиться.
Он заметил страницу, которую она оставила открытой, и показал на нее.
– Ужасная история. Трагедия! Зандра была яркой девушкой, и ее ждало большое будущее, у нее для этого были все данные. Стойкость и несгибаемость. Понимаете ли, мисс Баннерман, в этих играх приходится быть именно таким. – Газетчик склонил голову, как бы давая понять, что в случае необходимости и он сможет проявить стойкость.
– Пока еще никто не знает, как произошел этот несчастный случай?
Прежде чем ответить, он задумался над ее вопросом.
– Я только что говорил с полицией. Похоже, нашелся свидетель, человек с велосипедом. Он говорит, что она не сделала попытки ни затормозить, ни прибавить скорости – словно она даже не видела шлагбаума.
– А не могла ли она уснуть за рулем?
Он пожал плечами и прищурил глаза:
– В восемь вечера? Конечно, не исключено. Кто знает? Полицейские эксперты изучат обломки, может, посмертное вскрытие что-то выявит? – Последние его слова прозвучали словно вопрос, обращенный к Монти. Затем он посмотрел на часы. – Послушайте, в кафе сейчас должно быть тихо, и там можно спокойно поговорить. Всего один лестничный пролет. Пойдем?
По пути он очень вежливо приветствовал коллег, словно все они были старше его, но и они отвечали ему столь же почтительно.
Они вошли в просторное помещение кафе, взяли себе чаю, сэндвичи с сыром и прошли в самый дальний конец зала. Столики были маленькие и узкие, а стулья – жесткие и неудобные. Максимально понизив голос, Монти рассказала о своем визите к Уолтеру Хоггину и его смерти. Когда она закончила, Уэнтуорт мрачно посмотрел на нее:
– Значит, мистер Силс, Зандра и теперь мистер Хоггин. Так? Список растет. Вам не кажется, мисс Баннерман?
Отхватив большой кусок от своей булочки, она быстро прожевала его и проглотила.
– Зандра Уоллертон говорила вам что-нибудь о четвертом случае с «Матерноксом»?
– Еще один ребенок с синдромом циклопа?
– Да.
Он решительно покачал головой:
– Нет, ни слова. Но это, конечно, не значит, что у нее не было никаких сведений.
– Возможно ли взглянуть на ее файлы?
Его густые брови полезли на лоб, как две большие гусеницы.
– Да! Отличная идея. Идемте, я провожу вас к ее столу.
– Судя по тому, что она мне рассказывала, я думаю, она точно знала о четвертом случае – или, по крайней мере, о беременной женщине с теми же симптомами, что были у вашей дочери.
Они поднялись в большую комнату репортеров и прошли мимо столов с компьютерами; за некоторыми из них работали, другие выглядели так, словно их покинули по сигналу тревоги. Они остановились перед чистым и аккуратно прибранным столом. Сам стол был точно таким же, как остальные, с зернистой поверхностью меламиновой пленки, слепым компьютерным экраном, металлическим штырем с нанизанной на него пачкой бумаг и стопой непрочитанных номеров «Газетт». Единственным личным предметом была большая терракотовая кружка с

карандашами. В проем между тумбами стола было тесно задвинуто кабинетное кресло в чехле из твида. При виде этого грустного одиночества у Монти подкатил ком к горлу.
Губерт нагнулся и начал открывать нижние ящики стола. Первый содержал беспорядочную россыпь очков для чтения, линеек, ножниц и прочих мелочей. Другой был набит блокнотами в линейку. Губерт вынул один.
– Можете читать стенографию? – спросил он у Монти.
– Нет.
Он вынул другой блокнот и просмотрел его, но снова ничего не обнаружил. Нагнувшись к компьютеру, он нажал какой-то тумблер на задней стенке, и экран ожил. Когда он стал работать с клавиатурой, на дисплее быстро, одна за другой, начали появляться и исчезать серии имен и наборы команд.
Когда возникло слово «Матернокс», Монти приникла к экрану. Далее следовали три имени: Сара Джонсон, Зейнат Пател, Роберта Макдональд. Рядом с каждым была дата смерти и фамилия врача, который вел пациентку. И больше ничего.
Уэнтуорт очистил экран и напечатал распоряжение о поиске. Через несколько секунд появился список файлов. Один из них был озаглавлен «Новые случаи».
Посмотрев на Монти, он напечатал команду открыть его. Оба уставились на экран.
«Миссис Кэролайн Кингсли, 14.07.67 г. р., Роланд-Гарденс, 215, Лондон Ю37. Тел. 071-244-9359.
Беременность 8 месяцев. Для лечения бесплодия в июне 1993 года семейным врачом выписан „Матернокс“. Семейный врач – доктор Пол Корбин, Рэдклифф-роуд, 46, Лондон Ю310. (Информация предоставлена мужем беременной, Чарльзом.) Сыпь по всему телу и симптомы вирусного заболевания совпадают с предыдущими случаями. 10 ноября помещена в отделение интенсивной терапии клиники Университетского колледжа. Находится под наблюдением консультанта-акушера мистера Гордона Бенчли».
Монти почувствовала, как желудок свело спазмом. Кингсли К. (миссис) – именно это имя Коннор Моллой утром показывал ей на экране своего компьютера.
– Имя совпадает, – сказала она.
– Совпадает?
– С кое-какой информацией, которая дошла до меня.
– Может, нам стоит выяснить, как у нее дела?
Монти кивнула.
Журналист снял трубку телефона на столе Зандры и позвонил в справочную.
– Будьте любезны, номер клиники Университетского колледжа. – Через несколько секунд он уже набрал полученный номер и попросил связать его с отделением интенсивной терапии. Монти молча наблюдала за его действиями. – Добрый день. В прошлый четверг к вам поступила моя племянница, миссис Кэролайн Кингсли. Можете ли сообщить мне, как она себя чувствует? Родила ли?
Монти напряженно слушала и видела, как его лицо напряглось, а затем обмякло.
– Понимаю, – наконец сказал он. – Я не имел представления… я… понимаете ли, я уезжал и вернулся только сегодня утром. – Он бросил на Монти бесстрастный взгляд. – Да, да, не сомневаюсь, они, конечно, свяжутся с вами. Еще один вопрос. Как ребенок? Не будете ли вы так любезны сказать мне – не было ли у него, случайно, синдрома циклопа? – Он снова посмотрел на Монти. – О, конечно, я отлично понимаю. У мистера Бенчли, акушера-консультанта. Он сейчас в больнице? Понимаю. Понимаю. Да, конечно, я буду звонить ее отцу. Моему шурину. Большое спасибо. – Положив трубку, Уэнтуорт повернулся к Монти. – Сегодня утром во время кесарева сечения миссис Кингсли скончалась. Старшая сестра отделения не может сообщить мне, был ли у ребенка, который тоже умер, синдром циклопа, но вопрос ее, похоже, не удивил. Она объяснила мне, что надо обращаться к акушеру.
Монти уставилась на него:
– Господи Иисусе. – Она прочитала на экране фамилию врача. – Доктор Пол Корбин. Мне придется встретиться с ним. Кто-то ведь должен знать об этой истории. Я сейчас поеду и скажу ему, что он должен мне поверить.
– Послать с вами репортера?
Монти заволновалась:
– Нет. Это опасно, в эту историю уже впутано много людей. Я сама к нему поеду.

– Публикация этой истории – наше самое действенное оружие, мисс Баннерман, но мне нужно собрать побольше доказательств. Чтобы мой редактор не мог отказать в публикации, какое бы на него ни оказывалось давление. Возможно, и Флит-стрит заинтересуется.
Она удивленно посмотрела на него:
– Вы уже пытались что-то опубликовать?
– Нет, но мой редактор знает об этой истории. «Центральное и Западное издательство», владелец этой газеты, уже получило предупреждение от «Бендикс Шер». Компания угрожает снять рекламу – это убийственно скажется на издательстве в целом. К счастью, у моего редактора есть принципы. Если мы сможем подтвердить эту историю фактами, он опубликует ее. – Уэнтуорт сжал губы, словно сосал ириску, и задумчиво кивнул. – Службу безопасности в «Бендиксе» возглавляет неприятный тип, который и гонит волну. Майор Ганн. – Он улыбнулся. – Я поддерживаю дружбу со старым приятелем из Штаба правительственных служб связи, который снабжает меня кое-какой информацией о его разводе. Я мог бы внести в его жизнь определенные неприятности, но, наверно, это не лучшая тактика. Вы все еще готовы помогать… несмотря на то, что случилось?
– Сейчас даже больше, чем раньше, – решительно сказала Монти.
Он покрутил на блюдце свою чайную чашку.
– Скажите мне вот что. Когда вас допрашивали в полиции, вы упоминали хоть что-то из того, что я или Зандра рассказывали вам… или делились какими-то своими подозрениями?
– Нет, ничего подобного я не говорила. Ни слова.
Он расслабился:
– Сколько человек знают о вашем интересе к этой теме? В компании кто-нибудь знает?
Озабоченность его голоса заставила Монти обеспокоиться еще больше.
– Никто… разве что один коллега… но он искренне поддерживает меня.
Уэнтуорт положил ей руку на плечо и подтолкнул к выходу в коридор. Они остановились у доски объявлений, и он строго посмотрел на нее:
– «Бендикс Шер» – безжалостная компания, мисс Баннерман. – Он сделал глубокий вдох, прежде чем продолжить. – Пожалуйста, будьте осторожны.
– Вы тоже, – сказала она. Во рту у нее пересохло.
Он покачал головой:
– Моя жизнь уже давно кончена. А ваша только начинается.
Монти отвернулась. Ей хотелось быть такой же смелой, какой она старалась выглядеть.

50

Брайтон, Англия. Суббота, 19 ноября 1994 года

Бар в салуне был переполнен, но Коннор и Чарли Роули нашли пустой уголок и приткнулись в самом конце зала. Они провели все утро в антикварном магазине «Древности Майкла Норманна», где Коннор опустошил свой кошелек, но он был так возбужден сокровищами этого магазина, что у него в горле пересохло.
Роули влил в глотку пинту «Флауерса». Коннор предпочел «Будвайзер».
– Чарли, начальник отдела медицинской информации – Линда Фармер… ты ее знаешь?
– Пару раз встречал.
– Что она собой представляет?
Роули сделал еще глоток пива.
– Удар дубинкой по яйцам.
– Но в «Бендикс Шер» она считается профессионалом? Как ты думаешь, она всецело предана компании?
Роули искоса глянул на него:
– Католик ли папа?
Коннор ухмыльнулся, вытащил пачку «Мальборо» и предложил ему сигарету.
Роули наклонился, чтобы прикурить от «зиппо» Коннора.

– А почему ты спрашиваешь?
Коннор сам закурил и тщательно обдумал ответ. Хотя он считал Роули другом и знал, что тот с презрением относится к мелочной регламентации «Бендикс Шер», он толком не знал, насколько далеко заходит его презрение.
– Потому что, похоже, в «Бендикс Шер» есть два типа людей: те, кому компания основательно промыла мозги, и те, кто еще умеет мыслить самостоятельно.
– Доктора Фармер можно причислить и к тем и к другим, – сказал Роули и надолго припал к пиву. – Ты должен принять как данность, что девяносто девять процентов сотрудников компании – роботы. Из этого и исходи. И не приставай ко мне.
Коннор докурил сигарету и погрузился в размышления, пока Роули ходил к стойке за их заказом. Когда он вернулся, Коннор спросил его:
– Обеспокоит ли тебя, если ты узнаешь, что компания занимается чем-то незаконным?
Роули ткнул вилку в спагетти под томатным соусом и стал жадно есть.
– Чем, например?
Коннор пожал плечами:
– Меняет формулу лекарства и запускает его без всяких клинических испытаний.
– Какие действия ты имеешь в виду – неэтичные или незаконные? – с набитым ртом спросил Роули; его подвижная физиономия меняла выражение так же часто, как кучка спагетти, с которыми он расправлялся.
– И те и другие.
– Ну, вся фармацевтическая промышленность время от времени срезает углы. Но в принципе – да, меня это беспокоит. А в чем дело? – Он выразительно поднял брови.
Коннор выудил из тунцового салата колечко лука и прожевал его.
– Что ты знаешь о службе внутренней безопасности компании? – спросил он, пропустив мимо ушей вопрос Роули.
Тот расправился с очередной порцией спагетти.
– Система на радость параноикам. Ходят самые разные слухи… и меня совершенно не удивит, если выяснится, что у них подслушивающих устройств больше, чем у Штаба правительственных служб связи. Тут даже ходят разговоры о секретном подземном этаже.
– Шутишь?
– Под водолечебницей в подвале. И говорят, там сидят сотни гномов в наушниках.
Коннор потрясенно посмотрел на него и увидел, как физиономия Роули расплывается в широкой улыбке.
– Издеваешься, да?
Роули подмигнул.
– Ты кого-нибудь знаешь, – спросил Коннор, – с завода в Рединге? Кого-нибудь из твоего одного процента сотрудников «Бендикс Шер», кто не является роботом? Такого, кому ты можешь доверять? – Коннор внимательно наблюдал за лицом Роули, ожидая и боясь увидеть выражение беспокойства и услышать обвинения в нелояльности, но Роули был совершенно открыт, разве что несколько растерян.
– Так что тебе толком надо?
Коннор рассказал ему о трех погибших роженицах, о том, что он хотел раздобыть образцы капсул «Матернокса», исследовать их оригинальный состав. Но он ничего ему не рассказал о своих подозрениях, связанных с гибелью Джейка Силса, Зандры Уоллертон и неожиданной смертью Уолтера Хоггина, только дал ему номер серии.
– Господи, сценарий, который ты тут описал…
– Я не хочу, чтобы кто-то знал о… – Коннор помедлил, не желая рассказывать приятелю слишком много, поскольку не хотел подвергать его опасности.
– Послушай, парень, – ответил ему Роули, – я могу раздобыть то, что тебе надо… тут нет проблем. Но что последует потом?
Коннор продолжал смотреть на него; Роули вел себя настолько честно и достойно, что Коннор внезапно почувствовал: он больше не в состоянии скрывать от него правду.
– Чарли… я должен тебя кое о чем предупредить.
– Я уже догадываюсь. Ты собираешься спереть формулу и удрать с ней, да?
Коннор встал и осмотрелся, но единственными людьми в пределах слышимости были сидящие неподалеку четыре пожилых джентльмена. Он снова сел.

– Послушай, я думаю, ты должен знать – два человека, пытавшиеся получить информацию, мертвы.
Роули с насмешливым ужасом вытаращил глаза:
– Ты снова о своем?
Коннор пожал плечами и, наконец решившись, все рассказал Роули. Когда он закончил, у Роули был такой вид, словно его контузило.
– Коннор, я согласен, что все это абсолютно серьезно, но, может, ты ошибаешься. Я признаю, что «Бендикс Шер» – дьявольски странная компания, но, насколько я знаю, она ничем не отличается от любого другого фармацевтического гиганта. Все они безжалостны, все они стараются обходить законы. Таковы правила этого мира, когда на кону стоят мегабаксы. – Он глубоко затянулся сигаретой и с силой выпустил длинную струю дыма. – Но чтобы убивать людей… нет, этого не может быть. Ни в коем случае, мать твою.

51

Лондон. Понедельник, 21 ноября 1994 года

Штормовой ветер дул большую часть уик-энда и продолжал бушевать, когда Монти возвращалась в Лондон. В пятницу днем, после посещения «Газетт», она попыталась дозвониться до доктора Пола Корбина, который пользовал четвертую жертву «Матернокса», но он уже уехал на весь уик-энд. У женщины, которая отвечала ей, голос был недружелюбный, и она не проявила никакого желания помочь.
После краткого телефонного разговора с Коннором Моллоем в пятницу вечером Монти снова мучительно думала, стоит ли поделиться с Анной Стерлинг своими опасениями по поводу «Матернокса». Но из сотен тысяч беременностей было всего лишь четыре случая. И, кроме вполне естественного беспокойства, что еще может по-настоящему волновать ее подругу? Показывает ли ультразвуковое сканирование, что у ребенка синдром циклопа? Монти этого не думала; конечно, будь это так, другие женщины успели бы прервать беременность. Разве не так?
В субботу она поехала в их старую лабораторию на поиски пропавшей папки отца, но безуспешно. Почему-то в видеомагазине в Кокхеме, ближайшем от нее городе, она взяла фильм «Шелковичный червь». Фильм этот она видела и раньше, давным-давно; в нем шла речь о женщине, которой не давала покоя мощь американской ядерной промышленности и которую убили из-за всех ее волнений. Монти показалось, что она найдет в этом фильме что-то важное, но он лишь напугал ее и обеспечил плохими снами.
Она припарковала машину на обсаженной деревьями улочке, что тянулась сбоку от Кингз-роуд, а затем, плотно укутавшись в пальто, прошлась по направлению к гулу и грохоту движения на Рэдклифф-роуд. После жерновов лондонского часа пик в понедельник утром ей было приятно подышать свежим воздухом и взбодриться.
Горсть листьев, поднятая порывом ветра, закрутилась в стремительном танце и так же внезапно улеглась, в глаз Монти попала песчинка. Она остановилась, достала носовой платок. И услышала, как со стороны строительных лесов по ту сторону дороги донесся лязг металла, увидела, как массивный стальной блок с силой врезался в землю под лесами. От удара в земле образовался небольшой кратер, и во все стороны полетели осколки гудрона. Какая-то машина резко затормозила, и ее развернуло.
Господи, изумленно подумала она и возмущенно посмотрела наверх. Появись эта машина чуть раньше, ее бы просто расплющило. На самом верху лесов показалось несколько лиц в строительных шлемах. Они смотрели вниз, а за их спинами нависала кабинка крана. Еще один рабочий с земли что-то орал им и отчаянно жестикулировал, показывая наверх. Монти посмотрела в том же направлении, но так и не поняла, что же он имел в виду.
Она продолжила прогулку, миновав некогда элегантный дом с террасой времен короля Георга и считая номера домов. 52… 50… 48.

Номер 46 походил на все остальные: белая краска его стен, покрытая слоями застарелой грязи, пожухла и облупилась. Монти поднялась по ступенькам и пробежала перечень фамилий докторов на медной пластинке, над которой блестела надпись: «Звоните и заходите».
Доктор Т. Пол Корбин оказался третьим снизу. Она с силой нажала крупную старомодную кнопку звонка, толкнула дверь и вошла в холл с ковровым покрытием.
– Я сообщу доктору. – Секретарша говорила в трубку тем властным голосом, который Монти слышала в пятницу. – Не сомневаюсь, он позвонит вам сразу же, как только представится возможность. Боюсь только, что весь день он будет очень занят. – Положив трубку, она посмотрела на Монти. – Могу ли я помочь вам?
– Да… мне очень спешно нужно переговорить с доктором Корбином.
– Вы записаны на прием к нему?
– Нет. Я не пациент.
– Боюсь, что новых пациентов он не принимает.
– Это не я… то есть я хочу сказать… на самом деле мне нужно увидеть его… э-э-э… не из-за меня. – Монти была готова убить себя за то, что не продумала, с какими словами ей явиться к доктору. – Но это в самом деле очень важно.
Регистраторша без всякого сочувствия взглянула на нее:
– Доктор Корбин знает, кто вы такая, мисс… э-э-э… миссис?.. – Она ждала, пока Монти назовется.
– Баннерман. – В определенных кругах фамилия Баннерман открывала все двери, но здесь она ничего не говорила. – Нет, он не знает меня. Но мне действительно надо пообщаться с ним относительно одной из его пациенток.
Дверь рядом с Монти открылась, и из нее вышла элегантная китаянка.
– Большое спасибо, доктор, – сказала она.
Доктор вышел в коридор вслед за ней, придержал парадную дверь и вернулся в приемную. Ему было примерно пятьдесят с небольшим, крепкого телосложения, а его учтивость говорила о самой лучшей манере обращения с пациентами, которую только можно купить за деньги.
Тонкой улыбкой как бы отодвинув Монти в сторону, он обратился непосредственно к секретарше:
– Сколько еще у меня утром назначено пациентов? Мне нужно как можно скорее поехать на встречу с миссис Энрайт.
– Двое ждут вас, и еще восемь записаны на прием.
– Как вы думаете, если я сейчас выйду, вы сможете их продержать еще полчаса? Объясните, что случилась срочная необходимость.
– Да, конечно, доктор.
Доктор посмотрел на Монти и перевел взгляд на секретаршу, словно ища объяснение ее присутствию. Но секретарша не нашлась что сказать, и он отвернулся.
– Доктор Корбин? – решилась Монти.
Он посмотрел на нее с вежливым удивлением:
– Да?
– Прошу прощения, но доктор очень занят… – попыталась вмешаться секретарша.
– Мне необходимо поговорить с вами, – сказала Монти. – У вас найдется пара минут?
– Боюсь, что в данный момент у меня совершенно нет времени. Можете ли вы сказать, о чем, собственно, речь?
От него слегка пахло тальком, а дыхание благоухало легким мятным запахом.
– Да… о Кэролайн Кингсли.
Его поведение заметно изменилось.
– Вы должны что-то знать о ее смерти.
Он помрачнел:
– Меня ждет очень больной пациент. Кто вы? Та юная особа, которая звонила вчера как представитель прессы?
– Прессы? – удивилась Монти. – Зандра Уоллертон? – Она немедленно спохватилась, что ей было бы лучше помолчать. – Послушайте, если вы уделите мне всего две минуты, я все объясню. Я могу подождать, пока вы не вернетесь.
– Мне совершенно не о чем с вами разговаривать, – коротко бросил доктор, повернулся и пошел обратно в кабинет.

Не обращая внимания на гневные выкрики секретарши, Монти последовала за ним:
– Послушайте, доктор… прошу вас, выслушайте меня. Я знаю, что Кэролайн Кингсли принимала «Матернокс». Я работаю в «Бендикс Шер», и вы должны кое-что узнать о «Матерноксе»…
Доктор резко повернулся и вплотную подошел к ней:
– Позвольте мне кое-что сказать вам, молодая леди. И вы должны это уяснить. Какое-то время тому назад мисс Уоллертон вступила со мной в контакт и проинформировала меня, что за последние три месяца было три случая рождения деформированных детей с синдромом циклопа и симптомы у беременных были сходны с теми, что наблюдаются и у моей пациентки. Я связался с начальником отдела медицинской информации и связи с общественностью в «Бендикс Шер» доктором Линдой Фармер и спросил, есть ли у нее какая-либо информация по этому поводу. Затем случилось следующее: в пятницу днем сюда явился мужчина, который предложил мне пятьдесят тысяч фунтов при условии, что я не буду больше задавать вопросов. Это чистая наглость. Можете сказать своей проклятой компании, что я не продаюсь. Ни за какие деньги. Включая и взятку, которую мне пытались всучить. Ясно? А теперь убирайтесь из моего кабинета.
– Доктор Корбин, – сказала Монти. – Прошу вас, поверьте мне, мы на одной стороне.
Доктор в это время надевал пальто. Он на несколько секунд повернулся лицом к Монти:
– Именно это ваш коллега и сказал мне в пятницу. Я собираюсь сегодня днем переговорить с коронером, побывать в Комитете по безопасности медицины и в подробностях сообщить им обо всем, что произошло. Включая и предназначенную для меня взятку. Это ясно? – И он решительно вышел.
Монти последовала за ним на улицу:
– Доктор Корбин, я искренне рада услышать, что вы собираетесь это сделать. Пожалуйста, выслушайте меня. Я не репортер. Мой отец – доктор Ричард Баннерман, ученый. Я думаю, с «Матерноксом» происходит что-то очень странное. Разрешите мне сесть в вашу машину и рассказать вам о…
Он стоял на краю тротуара, не обращая на нее внимания, и вдруг он кинулся вперед прямо перед такси, которое резко затормозило и издало возмущенный гудок. Застигнутая врасплох его безрассудством, она упустила шанс последовать за ним, и теперь ей оставалось лишь ждать интервала в потоке движения. Мощный порыв ветра пронесся по улице, и она чуть не потеряла равновесие.
Доктор уже быстро шел по тротуару на другой стороне улицы. Он сошел на мостовую, чтобы обогнуть строительные леса. Монти рванулась через улицу и успела пристроиться за ним. Налетел еще один резкий порыв ветра, и высоко над головой она услышала какой-то вскрик, сопровождаемый металлическим лязгом, прозвучавшим как удар колокола. Что-то пролетело мимо ее лица, так близко, что она почувствовала движение воздуха. Монти удивленно моргнула и остановилась. Затем этот предмет пролетел в другую сторону. Потрясенно посмотрев наверх, Монти осознала, что перед ее глазами раскачивается толстый стальной трос.
Один за другим раздались еще несколько лязгающих звуков, громких и нестройных. На самом верху лесов что-то сдвинулось и качнулось. И тут, к своему ужасу, она увидела, как сместилась и начала рассыпаться часть подъемного крана. Какой-то темный предмет, кувыркаясь, полетел вниз и всего в нескольких ярдах от нее с жутким тупым грохотом, как метеорит, врезался в гудрон. Похоже, это была часть блочного устройства.
Внезапно перепугавшись до глубины души, она снова посмотрела наверх. Что-то еще, крутясь как бумеранг, пронеслось неподалеку от нее – огромный стальной крюк.
– Доктор Корбин! – изо всех сил завопила она.
Теперь крюк летел прямо к нему. Но прежде чем он успел отреагировать на ее голос, крюк ударил его по макушке с такой силой, что доктора развернуло к ней.
Она в ужасе открыла рот перед тем зрелищем, которое предстало ее глазам, словно при каком-то ловком фокусе: крюк, у которого сломалась соединительная скоба, сверху вошел в череп доктора, и его изогнутое острие дюймов на восемь вышло из щеки, как раз под левым глазом. Какое-то мгновение доктор выглядел совершенно спокойным, разве что чуть-чуть смущенным тем, что его застали врасплох, словно такие вещи происходят с ним регулярно. Но тут изо рта и носа, пузырясь, хлынула кровь. Это зрелище парализовало Монти. Широко открытыми глазами доктор Корбин смотрел прямо на нее, словно наконец решил выслушать ее.

Внезапно у него подкосились ноги, и он опустился на колени; тело врача безвольно, как у марионетки, обмякло и качнулось вперед. Острие крюка, со звоном ударившись о мостовую, резко откинуло ему назад голову, так что он продолжал в упор смотреть на нее невидящими глазами. Изо рта продолжала сочиться кровь, на макушке собиралась какая-то бело-оранжевая масса, которая текла по отломившемуся крюку, жестокая судорога качнула его и уложила на бок.
Отвернувшись, Монти схватилась за стенку, чтобы устоять на ногах. К горлу подступил рвотный спазм, и она с трудом удержалась, чтобы ее не вырвало прямо на мостовую.

52

Вокруг доктора Корбина стали собираться люди, скрыв его от Монти. Где-то рядом истерически кричала женщина. Монти слышала, как вдали уже завывают сирены.
– Я видел, как это случилось, – потрясенно сказал какой-то мужчина.
– Они все время бросают какие-то штуки… прямо банда ковбоев, – гневно сообщила женщина из толпы. – Пару недель назад мне чуть не попало кирпичом по голове.
– Не знаю, чем они занимаются на этих лесах… всего полчаса назад оттуда свалился здоровый кусок железа.
– Да ему надо было идти под навесом… чего ради он стал обходить его?
– Посторонитесь! – требовательно крикнул кто-то сзади.
Вспышки синего цвета пробежали по лицам. Подъехала белая машина, из которой выбрались двое полисменов. Женщина продолжала истерически вопить.
– Вы хорошо себя чувствуете? – услышала она голос рядом с собой.
Монти тупо посмотрела на человека в кожаной куртке, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что вопрос обращен именно к ней. Завывания сирены были все ближе. Все остальные звуки, казалось, исчезли. Тишина. Над всем Лондоном воцарилась тишина. Чтобы устоять на ногах, она осторожно коснулась пальцами кирпичной стены и отступила на несколько шагов, постояла несколько мгновений и почувствовала, что начинает приходить в себя.
Задрав голову, она посмотрела на леса – целая секция этой огромной конструкции опасно покачивалась. Нервничая, она отступила и, оглянувшись, увидела толпу. По подбородку у нее текла струйка то ли слюны, то ли желчи. Порывшись в сумочке, она вытащила бумажный платок и вытерла лицо.
Вокруг была масса свидетелей, а ей это совершенно ни к чему. «Уходи, не называйся и прячь лицо», – подумала она и отступила еще на несколько шагов. Сирена была совсем рядом, и ее высокий звук внезапно превратился в завывания, словно в воздухе вращали мешком с камнями.
Развернувшись, она быстро пошла прочь и едва не налетела на какую-то женщину.
– Простите, – пробормотала она и, ничего не видя перед собой, двинулась дальше по улице.
Перед глазами все расплывалось, а в мозгу билась только одна мысль.

Уходи отсюда!

Она добралась до Олд-Бромптон-роуд и, повернув за угол, прошла мимо выставки-салона автомобилей, мимо кафе и наконец увидела впереди телефонную будку. Войдя в нее, Монти плотно прикрыла за собой дверь, чтобы приглушить гул уличного движения. Она вытащила из сумки заметки, которые набрасывала в редакции, и нашла нужный номер телефона. Пальцы дрожали так сильно, что она не могла попасть монетой в щель автомата, но наконец справилась.
– «Морган Рот Деламер», добрый день, – ответил женский голос.
Монти с трудом вспомнила название фирмы… какой-то торговый банк.
– Будьте любезны, могу ли я поговорить с Чарльзом Кингсли? – спросила она.
– Простите, но мистера Кингсли сегодня нет на месте.
Монти повысила голос, чтобы ее не заглушил шум проходящего мимо автобуса.
– Не знаете ли, где я могла бы найти его? Это очень срочно.
– Я соединю вас с его секретаршей.

Монти поблагодарила ее и осталась ждать, пока в трубке не прозвучал приятный женский голос:
– Мистера Кингсли постигла тяжелая утрата, и боюсь, не могу сказать, когда он появится.
– Мне очень срочно надо поговорить с ним… это связано со смертью его жены. Вы знаете, где я могла бы найти его?
Тон собеседницы стал несколько сдержаннее.
– Вы из прессы?
– Нет, я не имею к ней отношения.
– Я могу предложить вам лишь оставить свое имя и номер телефона, и, когда он позвонит, я передам ему.
– Я поняла, – сказала Монти. – У меня есть номер его домашнего телефона, и я попробую связаться с ним сама.
Она поблагодарила секретаршу и набрала новый номер. После четвертого звонка ответил приглушенный мужской голос: «Здравствуйте. Вы звоните в лондонскую резиденцию Чарльза и Кэролайн Кингсли. Простите, что сейчас мы не можем лично ответить на ваш звонок, но, если вы после гудка оставите ваше имя, номер телефона и краткое сообщение, мы свяжемся с вами. Всего хорошего!»
Услышав гудок, Монти помедлила, размышляя. Она решила оставить лишь свое имя, домашний телефон и больше ничего не говорить. Но едва она начала говорить, как ее прервал возникший в трубке голос:
– Д-д-да, хэл-л-л-ло?..
Какое-то мгновение он звучал так, словно магнитофонную ленту прокручивают на неправильной скорости. И только затем она узнала тот же самый мужской голос, что был записан на автоответчике.
– Чарльз Кингсли?
– Да?
– Я… мне было очень грустно услышать о смерти вашей жены. Мне срочно нужно поговорить с вами… я думаю, что дело тут не только в медицине. Как вы думаете, могу я подъехать?
Наступила пауза.
– Нет. Простите, но нет. – Говорил он медленно и словно бы издалека. – Я никого не могу видеть. Только не сейчас. Спасибо за звонок.
И телефон замолчал.
– Вот черт! – Монти с силой повесила трубку. Сейчас она не столько сочувствовала мужчине, сколько была зла на него. Она еще раз проверила адрес на клочке бумаги и, выйдя из будки, остановила такси.
Краснокирпичный особняк викторианских времен на Роланд-Гарденс стоял на какой-то условной границе между Саут-Кенсингтоном и Эрл-Корт, где на некоторых улочках обитали сиделки или проститутки, а на других продолжали жить, так сказать, мелкопоместные дворяне. Роланд-Гарденс был полон сходящего на нет духа последних.
Монти нажала кнопку звонка рядом с фамилией Кингсли и стала ждать, рассматривая решетку домофона. Никто не отвечал. Она позвонила второй раз и ждала не менее минуты, но снова ничего не произошло. Неожиданно высокая пожилая женщина, нарумяненная и с накрашенными губами, с сигаретой в руке и с шелковым шарфиком на шее, открыла дверь и в облаке ароматов вышла под портик. Монти придержала для нее дверь, за что женщина с королевской снисходительностью поблагодарила ее, после чего осторожно спустилась по ступенькам, остановилась и произнесла какие-то странные слова:
– Это вам не Южная Африка, милочка.
– Южная Африка? – удивленно переспросила Монти, решив, что, может быть, она не расслышала.
– Дизраэли, конечно, обошелся с почтовой системой как сущий педераст. Он ее разрушил. После его смерти ни одно письмо не приходило вовремя.
– Да?
– Одна из чисто островных проблем, дорогая. Слишком много моря, слишком много этого проклятого моря. – И затем, возмущенно тряся головой, эта старая летучая мышь удалилась.
Монти вошла в старомодный холл с полом в клеточку и поднялась в медной клетке лифта. Где-то наверху она слышала завывания пылесоса. Обычно высказывания старых дев заставляли ее

улыбаться, но сегодня они внесли в душу смятение, как еще одно доказательство того, что мир сходит с ума.
Она поднялась на третий этаж, не без труда открыла тяжелую дверь лифта и вышла в коридор, так же как холл внизу полный обветшавшего величия. На полу лежал красный ковер, дверные панели были украшены резьбой, а по стенам висели бра в стиле ар-деко.
Остановившись у двери с номером 215, она изумленно уставилась на кусок дерева, выломанный из косяка. Толстая дубовая дверь была слегка приоткрыта, и, присмотревшись, Монти поняла, в чем дело: дверь была высажена ломиком, а солидный бэнхемовский замок вывернут из гнезда. Монти охватило нервное напряжение. Что тут произошло? Когда? Взломщик еще находится внутри? В середине утра его там, конечно, нет. Нарумяненная женщина вышла из дома минут пять, максимум десять назад. Должно быть, все это случилось значительно раньше. Где-то дальше по коридору и на другом этаже играла скрипка, грустные звуки лишь усиливали чувство растерянности, охватившее Монти.
Она внутренне собралась и нажала кнопку звонка. За дверью не было никаких признаков жизни. Прождав не менее пяти минут, она толкнула дверь и, когда та открылась, напряженно прислушалась.
Ее встретило полное молчание. Прихожая была погружена в темноту, она шагнула вперед в длинный коридор, в него выходили двери нескольких комнат.
Переведя дыхание, она осторожно подала голос:
– Есть кто-нибудь?
Ответа не последовало. Монти медленно двинулась дальше, каждые несколько секунд оглядываясь на входную дверь. Она остановилась перед первой открытой дверью, за ней оказалась огромная ванная.
Дверцы шкафчика были распахнуты, все его содержимое разбросано по полу. Монти, остро почувствовав себя беззащитной и уязвимой, резко повернула голову и осмотрела коридор в обоих направлениях.
Была ли тут полиция? Или они только едут сюда? Подавив желание развернуться и бежать отсюда, она продолжила осмотр следующей комнаты, видимо спальни хозяина дома. В ней тоже царил разгром, весь пол до последнего квадратного дюйма был покрыт разбросанной одеждой. Все это произошло не после того, как она поговорила с Чарльзом Кингсли, прикинула Монти. Кто-то провел тут довольно много времени.
За следующей дверью открылась свежеотремонтированная комната – детская для младенца, с новенькой кроваткой. Монти почувствовала ком в горле, когда смотрела на веселые обои с детскими колыбельными песенками, на разноцветные игрушки над колыбелькой, на детскую мебель, на ковер, по которому никто не ходил. Она сделала шаг назад. Кто бы ни перевернул дом вверх дном, в эту комнату он не входил.
В конце коридора была слегка приоткрыта высокая дверь. Она остановилась перед ней, затаила дыхание и очень медленно потянула ее на себя, опасаясь неожиданного нападения. Но ничего не случилось.
Почти не дыша, испуганно посматривая по сторонам, Монти вошла в большую гостиную, продуманно обставленную антикварной мебелью; портьеры были опущены, и в помещении царил полумрак. Тем не менее света хватало, чтобы она увидела валяющиеся на полу ящики орехового бюро с разбросанным вокруг содержимым. Остальная обстановка в комнате казалась нетронутой. Она услышала за спиной резкий скрип. По коже у нее пошли мурашки. Монти повернулась и застыла на месте.
Образ доктора Корбина с торчащим из черепа куском металла предстал перед ней даже более ярко, чем это было в действительности, и от ужаса у нее свело желудок.
«Господи, – подумала она, – если бы я была настойчивее, если бы я не позволила ему уйти из кабинета, если бы я задержала его всего на одну секунду, крюк пролетел бы мимо».
Над шифоньером висело зеркало в позолоченной раме, Монти увидела в нем свое отражение. «Словно привидение», – подумала она. И тут какая-то тень за ее спиной, темнее, чем все остальные, внезапно шевельнулась.
Она развернулась на месте, и немой вопль ужаса замер у нее в горле; скованная страхом, она была не в состоянии ничего понять. Тень оказалась креслом, низким глубоким креслом. Когда миновали несколько бесконечно длинных секунд, она поняла, что оно ничем ей не угрожает.

Медленным механическим движением поднялась чья-то рука; что-то скрипнуло, щелкнуло, и тусклый свет настольной лампы заставил ее моргнуть. Теперь она видела изможденное небритое лицо под спутанной копной волос.
– Я… прошу прощения… я звонила… но… – Ее извинения затихли, когда она присмотрелась к этому человеку, который сейчас вызывал жалость, а не страх. Ему было около сорока. Широкоплеч. На нем был толстый свитер с высоким воротом, вельветовые брюки и мокасины. Глубокие черные провалы окружали налитые кровью глаза. – Ча… Чарльз Кингсли? – спросила она.
– Всего через уик-энд, – тихо и невнятно сказал он, проглатывая некоторые звуки. – Пл… плиция сказала, они часто так делают. Они знают, как люди переживают тяжелую утрату. Я не знаю, что они взяли… да это и не важно. Меня не волнует, что они, черт побери, взяли.
На маленьком столике рядом с ним под лампой стояла цветная свадебная фотография в серебряной рамке. Снимок счастливого семейства – мужчины в цилиндрах и фраках, женщины в нарядных платьях и шляпках. Смеющиеся лица. В центре – новобрачные, Кэролайн и юный Чарльз Кингсли, как она предположила. Очаровательная невеста и жених – красивый мужчина.
– Простите за вторжение, – сказала Монти. – Но мне нужно кое о чем спросить. До того как ваша жена забеременела, она принимала лекарства от бесплодия? Так?
Прежде чем снова заговорить, он долго молча смотрел на нее. От него не пахло алкоголем, и Монти подумала, не принял ли он большую дозу успокаивающих препаратов.
– Кэролайн, она не… понимаете… она не хотела… чтобы люди знали. – Он снова погрузился в молчание. Монти уже была готова подтолкнуть его, когда он продолжил. – Она была очень застенчива. Пилюли прятала. Она думала, что даже я ничего не знаю. – Он поднял глаза и беспомощно, как-то по-детски улыбнулся.
– Она прятала их от вас? – мягко спросила Монти. – В надежном месте?
Он опустил голову и снова погрузился в молчание. Казалось, ему было трудно держать глаза открытыми.
– В банке со специями. Понимаете, я не готовлю. Так что она думала, я никогда не найду их.
– Они и сейчас там?
Но Чарльз Кингсли окончательно закрыл глаза, и его дыхание стало глубже.
Монти тихонько, на цыпочках вернулась в коридор. Заглянув за одну из дверей, она обнаружила за ней чулан с метлами. Следующая привела ее в большую современную кухню, которая взломщика не заинтересовала. Она бегло осмотрела ее и наконец заметила ряд керамических кувшинчиков с деревянными крышками и надписями на них: «Имбирь», «Чеснок», «Шафран», «Лавровый лист», «Сушеный лук», «Ореган», «Соль», «Тмин», «Базилик».
Шансы на то, что остатки «Матернокса» могут храниться где-то здесь, были минимальны. Если Кэролайн Кингсли не хотела, чтобы даже муж знал, какие она принимает пилюли, вряд ли она хранила бы их весь срок беременности. Тем не менее Монти по собственному опыту знала, что, бывает, лекарство хранится годами, даже когда в нем давно миновала потребность.
Она начала по очереди одну за другой просматривать банки. И когда ее пальцы глубоко зарылись в шелестящие лавровые листики, она нащупала что-то твердое и круглое.
Это был белый пластиковый флакончик.
Она вынула его и встряхнула, в нем что-то было. На рецептурном бланке, прикрепленном к флакончику, значилось: «Прайс сейв драгсмарт, Эрл-Корт-роуд, 297». Пониже, маленькими буковками: «Держать в недоступном для детей месте». И далее: „Матернокс", 10 мл, две капсулы четыре раза в день с едой. МИССИС КЭРОЛАЙН КИНГСЛИ, 11 ЯНВ. 94».
На донце флакончика значился номер лицензии, за которым следовал номер серии. «BS-M-6575-1881-UKMR».
Она отвинтила и приподняла крышечку, под которую не могли заглянуть дети, и увидела на самом дне флакончика шесть синих и зеленых пилюль. Дрожащими пальцами она закрыла флакон, сунула его в сумку и украдкой выскочила из квартиры в этом особняке.

– Мистер Моллой, прошу прощения, что утром оторвал вас от выполнения ваших обязанностей, но я хотел бы переговорить о том отчете, который вы подготовили. – Доктор Винсент Кроу коснулся толстой пачки бумаг, которая лежала перед ним на столешнице черного японского лака.
– Понимаю, сэр… о предыдущей теме?
– Совершенно верно, – сказал Кроу с улыбкой столь же постной, как и его физиономия. Он сел подчеркнуто прямо, проверил, правильно ли расположен в нагрудном кармане розовый шелковый платочек, и выжидающе посмотрел на Коннора. – Больше всего меня интересовала возможность выяснить, много ли материала охвачено отчетом.
– Я включил в него все, что доктор Баннерман опубликовал за последнее десятилетие.
– Полная подборка его работ?
– Нет… только о генах псориаза. Примерно двадцать комнат забито опубликованными им материалами о генетических исследованиях, которые он проводил в связи с другими болезнями.
Исполнительный директор так сжал губы, что они превратились в тонкую красную линию. Падающий сверху свет создавал такую игру теней, что Коннор словно воочию видел контуры черепа своего начальника и лабиринт вен под его алебастровой кожей.
– Вы понимаете, мистер Моллой, всю важность приобретения нашей компанией Лаборатории генетических исследований Баннермана?
– Думаю, что да, сэр.
– Срок действия от четырех до шести патентов, которые приносят нам самые крупные доходы, истекает в течение следующих пяти лет. Мы должны заменить их новым поколением лекарств, которые будут отлично продаваться по всему миру и с которыми мы войдем в двадцать первое столетие. Одним из них может быть «Псориатак». Один из десяти человек в течение жизни становится жертвой псориаза. И согласитесь, что потенциальные доходы от лекарства, которое устраняет широкий спектр жалоб на псориаз, могут быть весьма существенными.
– Многие дерматологи ему не обрадуются, – обронил Коннор с улыбкой, которая тут же исчезла, встретив каменное молчание Кроу.
– Изобретение аспирина и пенициллина не лишило врачей работы, мистер Моллой.
– Да, – посерьезнел Коннор, поняв, что имеет дело с человеком, лишенным чувства юмора, и мысленно отметил, что впредь не должен шутить с ним.
Кроу, прищурясь, снова скользнул взглядом по груде бумаг и перевел его на Коннора.
– Насколько я понимаю, вы считаете, что о «Псориатаке» опубликовано столько материалов, что у нас нет никаких шансов получить на него патент в США?
– Материалов столько, что у нас нет шансов получить патент ни в одной стране. Ни в Соединенном Королевстве, ни в Европейском патентном ведомстве. Я считаю, что это не пройдет.
Кроу очень медленно склонил голову, его холодные серые глаза продолжали пристально рассматривать Коннора.
– Значит, у нас есть два возможных решения. Или мы отказываемся от «Псориатака» и тем самым немалую часть средств, уплаченных за Баннермана, спускаем в туалет. Или… – его губы сжались в куриную гузку, – или мы должны проявить творческий подход.
– Что вы имеете в виду под словом «творческий», сэр?
Выдохнув через нос, Кроу внимательно посмотрел на Коннора, оценивая его. Затем постучал по стопе бумаг:
– Проявить кое-какую избирательность при работе вот с этим.
Коннор не поверил собственным ушам, но не подал виду:
– Вы хотите сказать… «потерять» часть?
Кроу, в упор глядя на Коннора, процедил:
– Этого разговора у нас не было… вы понимаете?
– Вы хотите, чтобы я избавился от части опубликованных работ?
– Совершенно верно.
– Но… это же может быть…
– Что?
– Неэтично. И незаконно.
– Вы же знаете, как сотрудничать с Патентным бюро Соединенных Штатов, не так ли, мистер Моллой?

– Да, сэр, это один из аспектов моей подготовки.
– И скорее всего, у вас есть там друзья?
Коннор покачал головой:
– Я не знаю никого из тех, кого можно склонить к сотрудничеству… если вы это имеете в виду. Начиная там работать, люди, похоже, основательно меняются, это отмечают все, кого я знаю, ты можешь с кем-то дружить в колледже, но, когда твои друзья начинают работать в Патентном бюро, с дружбой покончено.
Кроу пропустил его ответ мимо ушей:
– Не сомневаюсь, что патентная система Соединенных Штатов, так же как и британская, работает в основном на доверии. В США эксперт по патентам примет на веру то, что вы ему сообщите. Разве я не прав?
Коннор осознал, что ему трудно верить своим ушам, особенно учитывая значимость положения Кроу.
– Доктор Кроу… могу ли я напомнить вам, что все эти документы были опубликованы. Они появлялись на свет в самых уважаемых изданиях, например в «Нейчур» и так далее, а также в обычных общенациональных газетах и книгах. Мы можем на все это закрыть глаза, но как быть с официальными документами, не говоря уж о тысячах – и не исключено, что и о миллионах, – экземпляров печатных изданий?
Кроу продолжал хранить спокойствие.
– Это не проблема. Стоит нам получить патент, как наша позиция укрепляется. Конкуренты могут попытаться выпускать сходный продукт, но им на каждом шагу придется сталкиваться с нами. Они должны будут искать эти опубликованные статьи, разбираться в них, сравнивать – и всегда они будут сомневаться в правоте своих действий. Я не считаю нужным объяснять вам: то, о чем вас просят, выходит за пределы ваших обязанностей, мистер Моллой. Если это смущает вас, то мы, конечно, можем освободить вас от этих обязанностей и поручить вам не столь обременительную задачу. – Он поднял брови.
Соображать Коннору пришлось очень быстро. Было жизненно важно, чтобы именно сейчас компания не имела к нему никаких претензий и не испытывала никаких сомнений в его преданности. Он ответил улыбкой исполнительному директору:
– Доктор Кроу, я предан «Бендикс Шер» и, не задавая лишних вопросов, сделаю все, что мне поручат.
Кроу заметно расслабился, что и отразилось на его лице.
– Отлично.
– Проблемой станет доктор Баннерман, – продолжил Коннор. – Он должен подписать декларацию для того, кто будет изучать патент, а мой опыт общения с ним говорит, что он – человек не без странностей… и вот уж не знаю, поставит ли он свою подпись.
– И это не проблема. В документе, который он подпишет, будет сказано: «Представленные опубликованные документы». – Кроу понимающе взглянул на собеседника. – И то, что вы скроете от него, он так и не увидит. Верно?
Коннор помедлил.
– Я думаю, что с этим можно согласиться…
Кроу улыбнулся и встал:
– Я рад, что мы понимаем друг друга, мистер Моллой. В «Бендикс Шер» у вас есть будущее. Великолепное будущее.

54

Монти появилась в холле вскоре после одиннадцати. Флакон лежал у нее в сумочке, она нервничала, словно пыталась пронести контрабанду и охранник у турникета мог остановить ее. Все лифты были в движении, и индикаторы показывали, что следующим придет ближайший к директорскому экспрессу. Пока Монти ждала, услышала легкое шипение и рокот из-за потускневших медных панелей директорской двери, но, вместо того чтобы остановиться, лифт пошел прямиком вниз. Через несколько секунд, к ее удивлению, он снова издал шипение, за которым последовал звонкий хлопок, и створки директорского лифта разошлись.

Из него вышел и быстро прошел мимо нее высокий представительный мужчина с темными вьющимися волосами, посеребренными на висках, в очках с черной оправой и в пальто верблюжьей шерсти.
Раздался очередной звонок, и теперь разошлись створки лифта перед ней. Она вошла в лифт, удивленно вспоминая звуки, которые только что слышала. До нее, конечно, доходили слухи, что директорский лифт спускается ниже этого этажа; но по времени он никак не мог остановиться у бассейна в подвале и тут же вернуться.
Она продолжала раздумывать над этим, входя в свой кабинет, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы переключиться на те задачи, которые ей предстояло сегодня решить.
На телефоне мигала лампочка, говорящая, что кто-то ждет ответа. Она включила динамик, нажала клавишу «Play» и скинула пальто.
– Привет, мисс Баннерман, это Коннор Моллой. Боюсь, что мне придется отказаться от ланча. Можете позвонить мне?
Эти слова вызвали у нее растерянность. Весь уик-энд она предвкушала встречу с ним – сначала для того, чтобы рассказать подробности о смерти Кэролайн Кингсли, а теперь о капсулах «Матернокса», которые ей удалось раздобыть. Да и вообще она хотела просто увидеть его. Сейчас Коннор казался ей единственной опорой в ее жизни.
Она села за стол, разочарованно закусив нижнюю губу, и набрала внутренний номер Коннора. Ответил он без промедления.
– Привет, как вы там? – спросил он. – Как прошел уик-энд?
– Все было прекрасно. А как вы?
– У вас больной голос… в чем дело?
– Ничего особенного, я… со мной все в порядке… выдалось плохое утро.
– Послушайте, прошу прощения, я занимаюсь отчетом для доктора Кроу. Он хочет получить его сегодня же. Так что мне придется основательно поработать. Можете ли вы освободиться попозже… скажем, вечером, чтобы выпить и перекусить?
Поняв, что он все так же хочет сегодня с ней встретиться, Монти снова оживилась:
– Я должна на полчаса заскочить в нашу старую лабораторию в Беркшире – у меня там встреча с человеком, который хочет купить все наше лабораторное оборудование. А потом я могу вернуться.
– В этом нет необходимости. Я где-нибудь встречу вас. Беркшир, вы говорите? Около часа езды?
– Да… в зависимости от движения на дорогах. Полтора – в час пик, сорок пять минут – когда час пик кончается. Когда вы освобождаетесь?
– Точно не знаю… если повезет, то, может быть, около семи.
– Могу я пригласить вас к себе домой? Я что-нибудь приготовлю.
– Домашняя еда? – Он был искренне обрадован. – Знаете, вот именно этого мне и не хватало!
– Договорились! – сказала Монти, испытывая откровенное удовольствие от возможности увидеться с ним и провести вечер в его обществе. Ей отчаянно хотелось выложить ему все новости, но сделать это по телефону она не рискнула, лишь объяснила Коннору, как к ней проехать.
Настроение у нее улучшилось. В поисках отца она прошлась по коридору и обнаружила его сидящим за рабочим столом в рубашке с короткими рукавами. За те несколько недель, что он провел в «Бендикс Шер», его огромный кабинет утратил всю свою респектабельность и приобрел растерзанный вид, в котором он чувствовал себя как рыба в воде.
– Здравствуй, дорогая, – посмотрел он на дочку поверх бифокальных очков. – Где ты была? Я пытался найти тебя.
– Я… мм… должна была заскочить к дантисту, – соврала Монти.
– Какие-то проблемы?
– Всего лишь пломба.
Он нахмурился:
– Как я выяснил, у меня еще кое-что пропало. Не могу найти свои досье по генам диабета – в прошлом году все материалы исследований мы отложили в долгий ящик, когда убедились, что «Уэлкам фаундейшн» опередил нас в этой игре. – Он безнадежно махнул рукой. – Можешь ли ты придумать, что нам с этим делать?
Она обвела взглядом окружающий хаос:

– Ты и на ночь все оставляешь в таком же виде?
– Конечно.
– Ты знаешь, что это запрещено правилами компании?
Он ухмыльнулся ей:
– Nil illegitimi carborundum!
– Что это значит?
– Это неофициальный девиз армии США во Второй мировой войне. «Не позволяй ублюдкам взять над тобой верх!» – вот что это значит!
– Сомневаюсь, чтобы кто-то мог взять над тобой верх, папа. – Она помолчала. – Зачем тебе было нужно досье по диабету?
– Журнал «Американский ученый» попросил дать информацию о моих исследованиях – они, как ты знаешь, совершили прорыв в идентификации генов диабета и хотят представить его на вашингтонском симпозиуме.
Монти осторожно взглянула на него:
– Ты обговорил это с доктором Кроу?
– С педерастом доктором Кроу.
Монти перевела дыхание.
– Папа, – устало сказала она, – ты подписал соглашение, в котором говорилось, что ты не имеешь права общаться с прессой без письменного согласия доктора Кроу.
– Я все равно не могу найти материалов, – обиженно сказал он.
– Может, оно и к лучшему.
Он побарабанил по столу пальцами.
– Думаю, ты не понимаешь, что меня волнует, дорогая, – сказал он. – Досье исчезли, а ведь они не могли взять и уйти сами по себе.
– Их нет и в Беркшире. В субботу я там все перерыла, почистила, как зубной щеткой. Наверно, ты искал не там, где надо. Все досье, которые не имели отношения к текущим работам, я сложила в Кучу.
Глядя на нее, он снова нахмурился:
– Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая? Ты бледная как полотно.
Она кивнула:
– Я… по пути сюда я видела несчастный случай. Просто ужасный, он потряс меня.
– Авария на дороге?
– Да, – согласилась она, потому что ей не хотелось упоминать о докторе Корбине.
– Я подумал, что стоит воспользоваться преимуществами этих дворцовых покоев и после работы поплавать и посидеть в сауне. Хочешь присоединиться ко мне? А потом перекусить. Тебе надо расслабиться, это пойдет только на пользу.
– Не могу… только не сегодня. Мне надо к половине пятого вернуться в лабораторию – придет человек, который интересуется мебелью. Нужно поторговаться с ним.
Отец скорчил гримасу:
– Не думаю, что мы много получим.
– Но все достанется нам – таков контракт. И все пойдет на пользу.
– Конечно. – Он положил подбородок на руки и задумчиво посмотрел на дочь. – Ты хорошая девочка, дорогая. Но и так перерабатываешь… а ты должна получать от жизни хоть немного радости.
– Я займусь Кучей и поищу твои досье… может, ты их сунул не в то место, – сказала она, пропустив мимо ушей его замечание.
– Ты сущий ангел.
Она спустилась этажом ниже и направилась в обширное помещение архива. Из своих предыдущих визитов она вынесла представление о нем как о довольно странном месте: архив занимал почти весь этаж здания, и высокие серые огнеупорные шкафы с досье стояли так тесно, что любому посетителю приходилось боком протискиваться по узким проходам, покрытым блестящим линолеумом.
Этим святилищем командовал только один сотрудник – мрачная, без чувства юмора женщина-архивист неопределенного возраста, чьи седеющие волосы были связаны узлом на макушке; она не поднимала головы от своей клавиатуры. Как часовой, она встречала всех, кто приходил в архив, но никогда ни с кем не пыталась познакомиться. За ней тянулся ряд компьютерных

терминалов, на которые можно было вывести разнообразные данные, а также емкости для хранения микрофильмов и микрофишей. Качество оборудования не уступало университетской библиотеке, но Монти никогда не видела, чтобы кто-нибудь еще пользовался Кучей.
Устроившись за одним из терминалов, она набрала на экране название материала, который был ей нужен, – просто убедиться: он на месте, никуда не делся. На экране появился его «адрес»: «Ряд М. 2307-15». Она прошла по коридору со стальными стенками, нашла указанное место, вытянула ящик из стеллажа и внимательно изучила его содержимое. Отец был прав – досье исчезли.
Она вернулась к стражнице и спросила, не перемещал ли их кто-нибудь.
– Никому не разрешено перемещать материалы, – резко ответила женщина. – Никому без письменного разрешения начальника департамента. Если сюда помещен документ, принадлежащий доктору Баннерману, то требуется письменное разрешение от него, прежде чем его можно будет переместить.
– Есть ли у вас записи того, что изымается?
– Конечно.
Монти показала ей номер досье. Дежурная вывела его на свой экран и нажала клавишу «Enter». Через мгновение Монти стала свидетельницей какой-то странной реакции на ее лице.
– Нет никаких данных, что эти документы были перемещены, – сказала она, поднимая голову, но избегая смотреть Монти в лицо.
Она лгала. Монти умела улавливать сигналы, посылаемые языком тела – быстрым морганием, оцепеневшей позой, внезапной растерянностью.
– Наверно, кто-нибудь положил их не туда, – хрипло сказала она. – Все время так бывает, а потом месяцами ищешь.
Не испытывая желания и дальше спорить с ней, Монти согласилась:
– Люди бывают так невнимательны…
Следующие три часа она провела в бесплодных поисках, роясь в Куче. Это напоминало поиски иголки в стоге сена, но бессмысленная монотонная работа сейчас была именно тем, в чем она нуждалась: она все еще не пришла в себя после пережитого.

> Ее преследовала картина того, что случилось с доктором Корбином. Крюк свалился в самый неподходящий момент. Или именно в нужный? Она вернулась мыслью к предыдущему случаю, когда падающие шкив и полиспаст едва не угодили в машину.
> Совпадение.
> Это слово неотрывно звучало у нее в мозгу, пока она работала.

Тут были материалы, датированные восьмидесятыми годами XIX века, данные по любой болезни, о которой она когда-либо слышала; по каждому органу человеческого тела; об ученых, университетах и исследовательских институтах. Она копалась в этой информации, пока время не подошло к концу.
Наконец она сдалась и, вежливо поблагодарив архивистку, вернулась в свой кабинет, чтобы, взяв пальто, ехать в Беркшир. Перед уходом она поставила сумочку под стол и заглянула в нее. Флакончик с таблетками лежал, завернутый в бумажный носовой платок. Она запихала его подальше и завалила содержимым сумочки.
Уже было около трех часов, и она без сожаления закрыла за собой дверь кабинета. Выйдя из лифта в холле нижнего этажа, она удивилась, увидев на посту охранника Уинстона Смита.
Монти подошла к своему турникету:
– Вы сегодня рановато. Поменялись сменами?
Он на мгновение прикрыл глаза и прижал палец под носом, подавляя чиханье.
– Пришлось взять дополнительную нагрузку – несколько человек болеют, мисс Баннерман. – Прикрыв глаза, он подавил очередную попытку чихнуть и полез в карман за носовым платком.
– Все еще мучает простуда?
– Она всегда мучает, мисс. – Смит прижал к лицу скатанный в комок носовой платок, и лицо обрело привычное для него несчастное выражение. Затем он просиял. – Та книга, о которой вы мне говорили на прошлой неделе. Я пошел в библиотеку и заказал ее. Должно быть, она популярная – передо мной ее ждут три человека.

– «Первые почки мая»? Вроде у меня есть экземпляр дома – поищу его для вас. – Она улыбнулась, после чего понизила голос: – Скажите мне вот что. Есть ли тут какой-то другой лифт, который мы не видим, – может, грузовой, который спускается в подвал? Или что-то в этом роде? Я уверена, что пару раз слышала его.
Уинстон тревожно посмотрел по сторонам из-под козырька форменной фуражки. Помолчал некоторое время, выжидая, пока мимо не прошли два обладателя элегантных костюмов, выглядевшие так, словно их только что сняли с витрины, после чего наклонился к Монти и зашептал. Дыхание его отдавало табаком, а на губах плавала улыбка – Уинстону было приятно знать, что он не боится нарушать правила.
– Этим лифтом никто не пользуется, мисс. – Он запечатал рот, прижав к губам палец. Монти видела, что теперь на его лице читался неподдельный страх.
– Почему? – осторожно поинтересовалась она.
Уинстон посмотрел на нее вытаращенными глазами:
– Это здание – совсем не то, что вы думаете.
Не отводя от него глаз, она ободряюще кивнула:
– Что вы имеете в виду?
Уинстон бросил на нее взгляд, говоривший, что он все понимает, и прошептал:
– Больше я ничего не могу сказать. Но если когда-нибудь у вас будет время просмотреть чертежи этого здания, вы найдете в них много интересного.
– Да?
– Вы читали Жюля Верна, мисс?
– Да, я очень люблю его. Он был настоящим пророком.
– «Путешествие к центру Земли» – вот о нем и идет речь. – Он снова многозначительно посмотрел на нее и добавил: – У вас будет прекрасный день.
– Спасибо, – сказала Монти и, погруженная в свои мысли, прошла мимо него, направляясь к машине.

55

Покинув стоянку на Сейнсбери, Монти попала в пробку часа пик на кольцевой дороге Рединга. Поскольку движение остановилось, Монти стала рассматривать огромный, залитый светом рекламный щит, на котором была изображена улыбающаяся мамаша с голеньким ребенком на руках. Вдоль верхней кромки щита шли слова: «„МАТЕРНОКС“ – ЗАБОТА О БУДУЩЕМ». А внизу сообщалось: „Бендикс Шер“ – самая заботливая компания в мире».
На ветровом стекле вскипели дождевые пузыри. Монти выключила «дворники», предпочтя, чтобы непогода скрыла рекламу из вида, и нашла шестичасовую сводку новостей.
«…Возобновились надежды на рождественское перемирие в Боснии, – сообщил диктор. – Сорок семь пенсионеров пострадали при аварии автобуса, направлявшегося на рождественский базар. На лондонской улице в ходе странного несчастного случая погиб врач».
Она дослушала сводку новостей до конца, и все ужасы утренней драмы вернулись к ней. Но о смерти доктора Корбина не было сказано ничего нового, и не упоминались те жуткие подробности, которые она видела собственными глазами.

Решив переключиться на что-то другое, она стала прикидывать меню сегодняшнего вечера. При таком движении домой она доберется примерно через полчаса, и до появления Коннора времени у нее будет достаточно. Она предложит ему coq au vin [20] с сыром бри и виноградом. Не зная, что он предпочитает, Монти купила бутылку австралийского красного вина и бутылку белого.

По крыше машины продолжал барабанить дождь. Она покрутила круговую шкалу радио, прислушиваясь к попискиваниям разных станций, затем нашла какой-то джаз и оставила его. Луи Армстронг пел «У нас есть все время мира». Но, слушая его, она постоянно возвращалась мыслями к тому странному разговору с Уинстоном Смитом.

«Это здание – совсем не то, что вы думаете».

Жюль Верн, «Путешествие к центру Земли».

Черт побери, что он имел в виду?

В нормальных условиях Монти больше всего любила, съехав с основной трассы, добираться до своего коттеджа в тишине сельских дорог. Но этим вечером в первый раз в жизни уединенность ее жилища и густая темнота вечера выглядели угрожающими, и она поймала себя на том, что гонит по грунтовой дороге быстрее, чем обычно, словно опасаясь, что кто-то может выпрыгнуть из придорожных зарослей.

Она сбросила скорость, проезжая мимо большого амбара, и опасливо глянула в сторону его гулкой внутренности; когда туда упал свет ее фар, тени скользнули по двум тракторам, прицепу, связкам сена, старой сломанной бороне.

Луч фар нащупал въезд в гараж, куда она и подъехала. Обычно она открывала дверь гаража и заводила в него машину, особенно в такую сырую ночь, но сегодня гараж, сливавшийся с окружающей тьмой, вдруг показался ей мрачным и угрожающим.

Прежде чем выключить двигатель, она еще успела обвести лучом сначала дом, потом заросли сада и испытала облегчение, убедившись, что Алиса оставила свет в гостиной и спальне наверху.

Не закрывая машину, она торопливо проскочила под пеленой дождя к укрытию портика.

Почему-то ключ не хотел входить в замочную скважину. Ругаясь, она несколько секунд возилась с ним и наконец неловко вогнала его в замок, но, когда попыталась повернуть, ключ не шевельнулся.

Удивившись, она сделала еще одну попытку, на этот раз действуя решительнее, но безуспешно. Она вытащила ключ, вставила снова и попыталась провернуть с такой силой, что чуть не порвала перчатки, но он по-прежнему не проворачивался.

Тут она почувствовала, что за спиной кто-то стоит.

Она резко развернулась. От страха у нее по всему телу побежали мурашки. За спиной никого не было – только темнота, барабанящий дождь и хлюп… хлюп… хлюп: вода, капающая из водосточного желоба. Напряженно прислушиваясь, пытаясь отключиться от звуков дождя, она сошла с крыльца и посмотрела в каждое из окон, стараясь уловить хоть какой-то признак движения. Затем она пересекла маленький отсыревший газон перед домом, обогнула его, миновав мусорный контейнер, и остановилась как вкопанная.

Дверь в кухню была открытой. Она закрывала ее, всегда держала запертой на ключ и два внутренних запора, наверху и внизу.

Теперь она была приоткрыта на несколько дюймов.

Она сделала шаг назад и посмотрела по сторонам, испуганно пытаясь уловить любой проблеск света в темноте. Первым инстинктивным желанием было сорваться с места и бежать, но до главной дороги было далеко, и если кто-то дожидался ее, то поймает без труда. Лучше всего добраться до машины, подумала она и, добежав до нее, влетела в салон, включила зажигание и нажала стартер.

Мотор провернулся, но искра не схватилась. Она снова нажала тумблер и принялась изо всех сил жать на акселератор. Двигатель заработал и тут же сдох.

– Давай же, прошу тебя! – простонала она сквозь стиснутые зубы, раз за разом нажимая стартер.

В салоне едко запахло бензином. О черт! Она знала, что залитому двигателю надо высыхать не менее четверти часа, чтобы заработать.

Сквозь залитое дождем стекло она испуганно всмотрелась в темноту, и, когда включила фары дальнего света, они дали какое-то ощущение уюта, которое заставило ее собраться с мыслями. Если кто-то в темноте лежит и ждет ее, то звук стартера должен был спугнуть его или их, не так ли?

Она приспустила стекло и прислушалась. Шлеп. Шлеп. Шлеп. Четверть седьмого. До появления Коннора как минимум час, а может, и дольше. Он, конечно, заблудится; несмотря на подробные объяснения, всем, кто в первый раз навещал ее, приходилось блуждать.

Подрагивая от страха, она вылезла из машины и застыла как вкопанная. Она чувствовала, что ее ждет западня.

«Возьми себя в руки», – сказала она себе.
Она медленно подошла к задней двери, приоткрыла ее чуть пошире и затаила дыхание. Молчание. Она сделала еще один шаг вперед, и нога ее за что-то зацепилась. Раздался звон, а затем резкий грохот, от которого она испуганно вскрикнула; что-то шумно покатилось по полу. Монти лихорадочно пыталась сообразить, не попалась ли она в какую-то ловушку, поставленную на человека.
Посмотрев вниз, она увидела молочные бутылки, на которые только что наткнулась, и почувствовала себя сущей идиоткой. Она миновала дверной проем, включила свет и пробежала взглядом по валлийскому шкафчику для посуды, печке «Ага», холодильнику и сосновому столу; все было совершенно нетронутым, точно таким, как она оставила. Вазочка с цветами по-прежнему стояла на столе; под стеклянным пресс-папье лежала обычная записка от Алисы. А вот кошки… где кошки?
Она вскипела от внезапного гнева. Взгляд ее снова упал на вазу на столе, полную разнообразных осенних цветов, которые она сама собрала в воскресенье; поскольку ноябрь был теплым, некоторые растения продолжали цвести или расцвели во второй раз.
Все цветы в вазе были мертвы.
Она изумленно уставилась на них. Цветы поникли и пожухли, стебли высохли и стали коричневыми. Скорее всего, из-за жары, которая тут стоит, подумала она. И тут же осознала, что здесь совсем не жарко; в кухне было как в холодной кладовке. За стенами дома теплее, чем внутри. Удивившись, она притронулась к печке. Та была горячей, и черная риска показывала нормальную температуру. Какого черта тут так холодно?
Дверь, ведущая в холл, шевельнулась. У нее остановилось сердце. Из темноты коридора на нее уставились четыре изумруда. Послышалось мурлыканье и шипение. Оба кота вошли в комнату бок о бок, остановились на пороге и уставились на нее так, словно она была совершенно чужим человеком.
– Привет, ребята, – дрогнувшим голосом сказала она.
Крик выгнул дугой спину и застыл. Уотсон снова зашипел. От этого звука у Монти пошла дрожь по телу.
– Ребята! Привет! – Она осторожно сделала шаг к ним. Оба кота отпрыгнули в сторону, проскочили мимо нее и вылетели в дверь, словно им не терпелось как можно скорее исчезнуть из этого дома. Она посмотрела в темный коридор, затем как-то преодолела несколько ярдов до прихожей и зажгла там свет. Утренняя почта аккуратной стопкой лежала на столе Алисы. Похоже, тут все было в порядке.
Алиса заболела? С ней что-то случилось? Или, может, на нее нашло какое-то затмение и она забыла запереть дверь в кухню? Монти посмотрела на верхнюю лестничную площадку и снова напряженно прислушалась. Она уже начала думать – что-то обязательно должно случиться, и тут ее взгляд упал на парадную дверь.
Из автоматического замка торчал кусок гнутого провода, предохранительная цепочка была снята.
Развернувшись на месте, она кинулась в кухню, захлопнув за собой дверь. Глянув на сушилку для посуды над печкой, она увидела массивный тесак, которым несколько дней назад крошила чеснок, схватила его и с силой сжала. Затем сорвала телефонную трубку, хотя почти не сомневалась, что линия будет мертва. К своему облегчению, она услышала сигнал и набрала 999.
Ответили ей почти сразу же:
– Аварийная служба. Чем можем помочь?
– Соедините с полицией, – прошептала она и застыла, пережидая молчание, которое, казалось, тянулось так долго, как история. Она уже начала думать, не прервалась ли связь, и, глядя на открытую дверь в сад, стала прикидывать – не рвануть ли туда?
– Полиция, – отрывисто произнес мужской голос.
Она поднесла микрофон вплотную ко рту и, стискивая ручку тесака, заговорила сдавленным шепотом.
– Пожалуйста, помогите мне, – сказала она. – Я думаю, что кто-то забрался ко мне в дом.

56

Северный Лондон. 1951 год

– Вы можете верить мне, – в ужасе сказал Дэниел Джадд. Магистр храма подходил все ближе, держа меч высоко над головой, словно собираясь рассечь Дэниела надвое. – Вы можете!
Прикованный к месту какой-то непонятной силой, Дэниел умоляюще смотрел на жрицу и на звериные маски тех нагих людей, которые молча стояли вокруг них. На лезвиях их вскинутых церемониальных кинжалов мерцал свет. Его ужас усиливался с каждой секундой; голые тела, окружавшие его, были увенчаны головами медведей, ослов, петухов. С каждой минутой привыкая к окружающему сумраку, он снова посмотрел на живой алтарь в виде обнаженной молодой женщины, которая, раскинув руки и ноги, лежала на полу, как раз внутри северного луча огромной пентаграммы.
Он видел черепа, стоящие на полках, языки пламени черных свечей, странные оккультные символы, висящие по стенам, – часть из них была знакома, другие были в новинку; он впервые увидел могучего рогатого получеловека-полукозла, чья массивная фигура смотрела на него со стены у северного конца пентаграммы. Он знал достаточно, чтобы сразу же узнать Бафомета, козла Мендеса.
– Ты дашь нам доказательство, – сказал магистр храма, подходя к Дэниелу еще на шаг ближе. На нем был только металлический шлем с пентаграммой во лбу. Он не носил маску, и с головы свисали пряди седых волос; пивной живот тяжело колыхался, а между ног висел вялый член, хотя размер его вызвал у Дэниела почтительное удивление.
Жрица, единственный второй человек без маски в этом собрании, вышла вперед, что-то держа в руках. Дэниел разглядел, что это был грубо сколоченный крест из двух кусков черного дерева, скрепленных единственным гвоздем; размер креста достигал восемнадцати дюймов.
– Теутус, тебе предоставляется возможность искупить свое прошлое. Хочешь ли ты ею воспользоваться?
– Да, – сказал Дэниел слабым и охрипшим голосом.
– И ты готов душой, умом и телом служить владыке нашему Сатане и ничто не отвратит тебя от следования его делам?
– Да.
– И ты свободно берешь на себя обязательство без вопросов подчиняться всем приказам, которые могут быть отданы тебе теми, кого он поставил или может поставить властвовать над тобой?
– Да, – окрепшим голосом ответил он.
Она передала ему крест и сказала:
– Как доказательство того, что ты очистил свой мозг от всех ложных учений, теперь ты сломаешь это и бросишь куски на землю, произнося: «Я отрицаю Христа, обманщика, отрекаюсь от христианской веры и презираю все ее сочинения».
Взяв крест, Дэниел внезапно почувствовал угрызения совести. При всей своей ненависти к христианству, которую взрастила в нем религиозная нетерпимость его родителей, он знал об исторической важности и роли того символического предмета, который сейчас держал в руках. Сделать то, что от него требовалось, значило перейти Рубикон.
Видя перед собой холодные глаза жрицы, суровое выражение лица магистра храма, он сглотнул комок в горле и с удвоенной силой сжал крест. Он еще может бросить его в их физиономии, повернуться и уйти.
Но почему?
«И чего мне бояться?» – подумал он. Этого пузатого магистра храма с его серебряной цепочкой, старым фургоном и мерзким домишкой? Стоит бояться лишь того, что станешь таким, как он, – и ничего больше.
Но это всего лишь один шаг. Один маленький шаг. Он станет началом; все остальное взрастет из него. Ему нечего бояться. Ничего и никого в мире. Ключ в его руках; ключ к величайшему могуществу во Вселенной.
Он разломал крест надвое и бросил на землю.

– Я отрицаю Христа, обманщика, отрекаюсь от христианской веры и презираю все ее сочинения, – громко, уверенно и неколебимо произнес он.
– А теперь плюнь на эти обломки, Теутус, – приказала жрица.
Встав на колени, он с силой сплюнул и снова поднялся.
– Теперь помочись на него.
Он посмотрел в глаза жрице и магистру храма. Рукой он направил пенис книзу и напрягся, заставляя его совершить нужное действие. Ему потребовалось несколько секунд, и скудная струйка брызнула на куски, после чего он усилием воли сжал мочевой пузырь, чтобы тот не опорожнился полностью. Он оглянулся в поисках одобрения сначала на магистра храма, а потом на жрицу, но их лица оставались совершенно бесстрастными.
Трое обнаженных мужчин вышли вперед. У одного была голова крысы, у другого – ворона, а у третьего – змеи. Крыса несла в одной руке его атхам, а в другой – мерную ленту и рулон ткани, ворон – медный сосуд с крышкой на петлях, на которой была толстая резиновая печать, а змея размахивала полотнищем, смахивавшим на белую промокательную бумагу.
Крыса почтительно поклонилась магистру храма и повернулась к Дэниелу.
– Встань прямо, Теутус, – сказал он вкрадчивым голосом, в соответствии с его маской.
Он смерил его тесьмой, размотал ткань, положил один ее конец под ноги Дэниелу, туго натянул материю до его макушки и отхватил ее взмахом кинжала. Далее осторожно вытянул другой конец из-под ног Дэниела, смотал ткань и положил ее в медный сосуд, который поднес ворон.
Затем повернулся к Дэниелу:
– Теперь у нас есть твои размеры, Теутус. Для твоего гроба. И не забывай, что мы сняли с тебя размеры.
Ответа не требовалось, и Дэниел лишь кивнул. Затем вперед вышел человек в маске змеи. Он почтительно поклонился магистру храма, молча взял правую руку Дэниела и обстриг ему ногти, стараясь, чтобы обрезки падали на ладонь его руки. Их он стряхнул в медный сосуд ворона.
Далее он состриг несколько прядей волос Дэниела, после чего отошел назад.
Теперь вперед выступил магистр храма. Одну руку он снял с эфеса меча, который был по-прежнему вскинут над головой, схватил мочку левого уха Дэниела и вытянул ее до предела.
Затем медленно, в полном молчании перед лицом Дэниела опустил меч рукояткой книзу.
Дэниел снова испытал страх, но не пошевелился. Лезвие скользнуло мимо его носа, и теперь он смутно различал его краем глаза. Он увидел быстрое движение, вслед за которым сразу же последовала жгучая боль в ухе, и он испустил сдавленный вскрик.
Магистр храма отступил назад и передал клинок человеку в маске крысы; Дэниел увидел на нем следы крови. Крыса вытерла его небольшим куском белой промокательной бумаги, который был сложен и помещен все в тот же сосуд.
Ворон поднял сосуд высоко над головой – и ударил гонг. Один раз. Магистр храма произнес что-то на языке, которого Дэниел не понимал, и все остальное собрание повторило за ним в унисон:
– Слава Сатане!
Крыса закрыла сосуд и унесла его куда-то в дальний конец храма.
У него сильно болело разрезанное ухо, и Дэниел чувствовал, как теплая кровь стекает по шее и груди, но сила, которая недавно парализовала его, снова дала о себе знать. Да и в любом случае он не хотел даже притрагиваться к уху, опасаясь показать слабость.
Три обнаженные женщины в масках животных подошли к нему с разных сторон; шаг их был легок и ритмичен, словно они подчинялись командам молчаливого барабана. Маска одной из них представляла голову лошади, другая – осла, а третья – петуха, и каждая держала кусок красного шнура. Забыв о ноющем ухе, Дэниел смотрел на них, и страх сменился покорностью.

> Прозвучал низкий гулкий звук –
> бонг
> ! Скосив глаза, он увидел свисающий со стропил огромный медный гонг. Рядом с ним стоял человек с головой козла, держа в руках дубину.

Каждая из трех женщин по очереди поклонилась магистру храма. Одним шнуром они связали Дэниелу руки за спиной, надежно, но не грубо, а два других отрезка накинули Дэниелу на шею так, что они свисали до бедер. Один из них был пропущен под мошонкой Дэниела, а другой

петлей свисал с затылка. К своему стыду, Дэниел почувствовал, что начинает возбуждаться и лицо пылает от смущения.
Магистр храма, держа меч острием кверху и прижимая рукоятку к щетинистой бороде, подошел к краю окружности. Остановившись, он провел мечом дугу, открывая ее, и вошел в круг, мечом же закрыв его за собой. Пройдя к центру, он остановился у ног обнаженной девушки на полу и поднял перед собой меч, указывая острием в потолок.
Раздался резкий звон колокольчика. Когда его эхо смолкло, магистр храма могучим голосом, который так отличался от его обыкновенных интонаций, воззвал:
– In nominee Dei Nostri Satanas Luciferi exelsi!
Когда голос стих, его заменило громкое общее скандирование всех присутствующих в храме:
– Слава Сатане!
Снова ударил гонг, и, подождав, пока стихнет эхо, магистр продолжил речитативом:
– Во имя Сатаны, Правителя земли, Царя мира, я приказываю силам тьмы наделить меня своим адским могуществом! Широко откройте ворота ада и придите из глубин его приветствовать меня как вашего брата и друга! Наделите меня тем даром, о котором я говорю! Я беру твое имя как часть меня самого! Я живу как звери в полях и вместе с ними делю плотские радости! Я восславляю справедливость и отвергаю все, что прогнило! Я обращаюсь ко всем богам бездны – пусть придет то, о чем я говорю. Явитесь и отвечайте на ваши имена, проявляя мои желания. Диаболус! Таммуз! Самамаэл! Аббадон! Геката! Астарот! Сехмет! Риммон! Иштар!
Магистр храма сделал паузу, и все в унисон произнесли:
– Слава Сатане!
Снова ударил гонг. Магистр вознес молитву на латыни, делая паузу в конце каждого предложения, чтобы все успевали повторять за ним.

Nema. Olam a son arebil des
Menoitatnet ni sacudni son en te
Sirtson subirotibed
Summitimid son te tucis
Artson atibed sibon ettimid te
Eidoh sibon ad
Munaiditouq murtson menap
Arret ni te oleac ni
Tucis aut satnulov taif
Muut munger tainevda
Muut nemon rutecifitcnas
Sileac ni se iuq
Retson retap

Дэниел вдруг почувствовал прилив неподдельного возбуждения. Это была молитва «Отче наш», прочитанная задом наперед. Он узнал ее, потому что учил эти слова наизусть.
Магистр храма снова затянул:
– Приди же, о великое исчадие бездны, и объяви о своем появлении. Приди же и прими в свой круг нового твоего слугу, Теутуса.
Дэниел вдруг понял, что его подталкивают вперед. Споткнувшись, он восстановил равновесие, когда чьи-то невидимые руки схватили его за плечи. Мошонку болезненно стянуло шнуром, и судороги боли прошли от желудка до яичек. Его развернули к северо-восточной части круга. Магистр храма открыл круг очередным взмахом меча, и Дэниела втолкнули в центр, к ногам обнаженной молодой женщины. Магистр храма, властно проведя мечом по горизонтали, снова замкнул круг.
Наступило внезапное молчание. Снова зазвонил колокольчик, который держала женщина с головой крысы. Когда его лепет смолк, Дэниел услышал звуки, которые он принял за плач ребенка. Так как его стеной обступали неподвижные фигуры, он, скосив глаза в сторону, потому что не осмеливался шевельнуть головой, осмотрел темноту, но не обнаружил никаких следов ребенка. Затем он, не зная, куда себя деть, посмотрел перед собой, смущенный видом

голой женщины и тем, что находилось у нее между широко раскинутых ног, но он был так испуган козлом Мендеса на стене у нее над головой, что не осмеливался посмотреть повыше.
После новых речитативов и нового скандирования магистр храма медленно опустился на колени между ног распростертой девушки. Легким, почти символическим поцелуем он коснулся ее губ, затем театральным жестом – каждой из грудей, после чего припал к пупку и опустился к вагине.
Когда он снова встал, зазвонил колокольчик. Подхватив его затухающие звуки, магистр произнес нараспев:
– Приди же, о великое исчадие бездны, и объяви о своем появлении. Мысли мои посвящены сияющей башне, в которой растет и яростно рвется наружу взбухающая похоть. Явись же, посланник сладострастных желаний, и пусть мои темные видения обретут форму в будущих делах и деяниях. – Он закинул голову назад так, что смотрел прямо над собой, и продолжил: – С шестой башни Сатаны минет знак, который призовет все соки, всю плоть моего тела к действию. Я собрал свои символы и подготовил украшения, и образ мой, как пышущий жаром василиск, скрытно ждет Его освобождения. Видение станет реальностью через насыщение, которое даст моя жертва. Так возникай же в глубинах ночи!
Снова раздался звук колокола.
Теперь магистр стоял, держа меч прямо перед собой. Он начал поворачиваться к каждому из зубцов пентаграммы, обращаясь к каждому из них по очереди:
– Приветствую Белиала с севера! Приветствую Люцифера с востока! Приветствую Левиафана с запада! Приветствую Сатану с юга! – Каждый его поворот отмечался ударом колокола.
Когда он повернулся к Дэниелу, то подросток, к своему потрясению, увидел, что массивный член магистра находится в состоянии эрекции.
Магистр затянул нараспев:
– Мой стержень воздвигнулся! Разъедающая сила моего яда уничтожит святость того мышления, которое чурается похоти; и когда семя падет, его испарения без промедления овладеют этим беспомощным мозгом в соответствии с моим желанием! Во имя великого бога Пана, пусть мои тайные мысли претворятся в движения плоти, которых я желаю! Шемхамфораш!
Прозвучал ответ:
– Слава Сатане!
Ударил гонг. Женщина в маске крысы, держа колокол, медленно двинулась к магистру. В левой руке у нее было распятие. На ходу она нараспев произносила:
– Мои чресла в огне! Нектар, что капает из моей сокровенной расщелины, оплодотворит и разбудит этот дремлющий мозг и наполнит его сумасшедшим желанием похоти. И когда мой могучий порыв заявит о себе, та плоть, которую я жажду, придет ко мне. Во имя и великой вавилонской блудницы, и Лилит, и Гекаты, да удовлетворится моя похоть! Шемхамфораш! Застыв перед всеми собравшимися, включая и магистра, она вскричала: «Слава Сатане!» – и гонг ответил ей гулким эхо.
Встав на колени сзади магистра, она поцеловала его анус. Он повернулся к ней, и женщина припала поцелуем к головке его члена. После этого она сама повернулась, на несколько дюймов ввела распятие во влагалище раскинувшейся молодой женщины, извлекла его и вскинула над головой.
Повторяя те же слова, вперед вышла другая женщина, тоже поцеловала магистра в оба места, взяла распятие и снова ввела в тело лежащей навзничь женщины. Дэниел возбужденно наблюдал за ними.
Наконец магистр еще раз опустился на колени между ног молодой женщины на полу. Обеими руками он взял свой член, словно собираясь преподнести его божеству, а затем одним движением подался вперед и вошел в нее. Она испустила единственный короткий всхлип. Он опустился на нее и стал с силой яростно входить в тело женщины; его живот бился об нее, как молот.
Все стояли, наблюдая. Толчки все ускорялись, пока тело магистра не напряглось и не стало содрогаться. Вдруг его свело судорогой, он испустил длинный вопль, после чего остался неподвижно лежать на женщине. Их сплетенные тела слились в скульптуру какого-то восьмичленного существа.
Снова ударил колокол.

– Слава Сатане!
Магистр вздрогнул и медленно поднялся с женщины; его член снова обмяк. Молодая женщина продолжала лежать, бессмысленно глядя вверх. Дэниел снова услышал плач ребенка и увидел, как женщина-змея держала на вытянутых руках голого мальчика.
Он почувствовал, как ему развязывают руки, и веревка сползла на землю.
Подняв голову к черному потолку, магистр снова затянул нараспев:
– «Смотри! – вознес голос Сатана. – Я круг, на чьих руках стоят Двенадцать Королевств. В шести восседают те, кто дышит, остальные – остры как серпы, как Рога Смерти. Это и земные создания, и не они – кроме моих помощников, которые спят, но поднимутся!»
Кто-то протянул Дэниелу кинжал, его собственный, он узнал его. Женщина с ребенком вошла в круг в сопровождении другой, с головой волчицы, которая несла серебряный сосуд, и магистр взмахом меча за их спинами замкнул круг.
Раздались три быстрых, один за другим, удара колокола.
Женщина-змея протянула ребенка Дэниелу. Посмотрев на маску, он увидел в ее прорезях блеск глаз, но не смог ничего прочитать в их выражении. У ребенка были голубые глаза, светлый пушок волос, и сейчас он был тих и молчалив. Дэниел не мог понять, в каком он возрасте – может, несколько недель, а может, и больше.
Он удивленно дернулся, когда чья-то сильная рука взяла его запястье. Это был магистр. Он медленно поднес острие кинжала к груди ребенка.
«Придется зарезать его», – в ужасе подумал Дэниел. Женщина-волчица держала чашу под ребенком, словно уже готовясь собирать кровь.
Он попытался сопротивляться, но хватка магистра была сильной и жесткой, и она решительно подталкивала его все ближе и ближе. Ребенок оставался спокойным, даже когда острие кинжала распороло кожу с правой стороны груди.
Загудел гонг, потом еще – и пять раз подряд. Когда раздался шестой удар гонга, магистр сжал руку Дэниела и, с силой опустив ее вниз, глубоко вогнал лезвие в грудку ребенка. У Дэниела перехватило дыхание.
У ребенка широко открылся ротик, словно его раздвинули рычагом. У него дернулись, раскинувшись по сторонам, руки и ноги. В глазах застыло искреннее удивление, словно он ждал еду или игрушку. Лезвие окрасила красная ленточка крови, которая потекла по голой груди младенца. Несколько капель упало в ждущий ее сосуд, закапало на пол.
Хрип превратился в бульканье, которое быстро смолкло.
Прозвучал гонг.
Женщина-волк поднесла сосуд Дэниелу.
– Пей! – приказал магистр.
Полный глубокого потрясения, Дэниел поднес к губам металлический край сосуда и почувствовал медный вкус теплой крови. Понимая, что на него смотрят десятки глаз, он сделал глоток и увидел, что магистр одобрительно кивнул:
– Шемхамфораш!
Раздался очередной удар гонга.
– Слава Сатане! – хором провозгласили собравшиеся.
Внезапно Дэниел почувствовал странный прилив силы. Вместе с ним пришло возбуждение такой мощи, которого он никогда в жизни не испытывал. Магистр кивнул, подбадривая его:
– Чувствуешь силу, Теутус? Чувствуешь ее?
Мальчик кивнул. Ему казалось, что он может взлететь.
– Испытай ее, Теутус. Ты выпил кровь, которая дает силу. Теперь в тебе вся сила мира. Отдай ей приказ, испытай ее.
Дэниел напрягся, опустил глаза, и когда снова поднял их на магистра, то голос у него обрел такую силу и звучность, что он сам удивился:
– О Господин мой Сатана! Я приказываю тебе лишить мою мать возможности складывать руки в молитве!
И еще раз ударил гонг. Дэниел почувствовал, как сила его слов унеслась далеко за стены храма.

Понедельник, 21 ноября 1994 года

Монти неподвижно застыла в кухне, стискивая рукоятку ножа. Она прислушивалась к каждому звуку, присматривалась к каждой тени за окном.

Наконец она услышала, как подъехала машина, как хлопнула ее дверца, а секундой позже увидела отблески фар в саду; но, лишь услышав потрескивание и голоса по рации двусторонней связи, она успокоилась и позволила себе расслабиться.

Прибыли два полисмена, один остался снаружи, а второй вместе с ней осмотрел весь дом, начав с ее спальни наверху. Он открыл вместительный викторианский гардероб, заглянул в него и снова запер. С козырька его фуражки все время сползали струйки дождя и скатывались по плотной синей куртке. Он сообщил Монти, что его имя – констебль Бренгвайн.

– Вы уверены, мэм, что сегодня не оставляли парадную дверь закрытой и не вышли через кухню?

– Во всяком случае, я совершенно уверена, что не засовывала кусок проволоки в замок парадной двери. – Она попыталась выдавить улыбку. – Я не Гудини.

Пропустив шутку мимо ушей, полицейский задумчиво посмотрел на нее:

– Это привычный прием профессиональных взломщиков. Они блокируют парадную дверь, чтобы их не застали врасплох, и оставляют открытым другой выход, чтобы быстро исчезнуть – в вашем случае через кухню. – Он кивнул на туалетный столик, заботливо прибранный Алисой. – Ничего не пропало?

– Насколько я успела увидеть, нет.

Рация захрипела, и чей-то голос успел бросить:

– Чарли-Виктор, прием… – после чего послышался треск статических разрядов.

Констебль Бренгвайн кивком дал понять, что приносит извинения, и нажал тумблер рации.

– Выехал к коттеджу «Фоксхолл». Нахожусь на месте. Конец связи.

– Спасибо, Чарли-Виктор.

Констебль Бренгвайн снова посмотрел на Монти:

– Должно быть, вы спугнули их прежде, чем они успели что-то похитить.

От этих слов к ней вернулись все страхи.

– У вас есть какой-то привычный распорядок дня? Уезжаете на работу и возвращаетесь домой в одно и то же время?

– За последние несколько месяцев он изменился… Я работала в Рединге, а теперь почти каждый день добираюсь до Лондона.

– В какое время вы возвращаетесь домой?

– Обычно между восемью и девятью часами.

– А сегодня вечером?

Она оцепенела:

– Пораньше… примерно в половине седьмого.

Полицейский кивнул:

– Этим все и объясняется. Вы в последнее время не замечали поблизости каких-то незнакомых машин? Может, они стояли на главной дороге?

– Нет.

– Может, вам стоит поговорить с офицером из отдела профилактики. Если вы позвоните в Главное управление в Рединге, вас соединят. Ваш дом стоит на отшибе, и при такой изолированности он очень уязвим.

– Это всего лишь маленький коттедж… и я не думаю, что он может представлять большой интерес для взломщика.

Подбирая слова, он долго смотрел на нее.

– Для вас, мэм, это всего лишь скромный коттедж, но для других людей может быть сущим дворцом.

Она грустно улыбнулась:

– Прошу прощения. Да, наверно, вы правы.

В гостиной пахло свежим воском для полировки – результат работы Алисы. Все оставалось на своих местах. И тут Монти вдруг обратила внимание на своего каучуконоса, стоявшего в

дальнем углу у окна. Последние пару лет он выбрасывал цветы и вырос до четырех футов. Но теперь, похоже, умер: листья стали коричневыми и пожухли по краям, а стебель согнулся.
Ее взгляд упал на пуансеттию, которая еще вчера была усыпана соцветиями. Но и ее цветы потемнели, съежились, и видно было, что растение больше не жилец. Изумившись, она посмотрела на свою пальму и аспидистру. Та же история.
– Какие-то проблемы? – спросил полицейский, обратив внимание на ее растерянность.
– Мои растения… я заметила мертвые цветы в кухне – и здесь то же самое. – Она показала. – Еще вчера они были в прекрасном состоянии.
Он подошел к горшку с пуансеттией, стянул кожаную перчатку и растер комок земли между пальцами.
– Совершенно сухая.
– Не может быть! Я вчера поливала.
Подойдя к кадке с пальмой, он опустился на колени, засунул пальцы в почву и извлек щепотку земли.
– Сухая, как песок в пустыне, – я и сам немного вожусь в саду – ее не поливали несколько недель… а скорее всего, месяцев. Когда очень занят, такие вещи легко забыть, – успокоил он ее.
Подойдя, она сама потрогала землю. Он прав. Монти по очереди торопливо обошла все растения. Всюду была совершенно сухая земля.
«Я что, с ума схожу?» – подумала Монти.
Вошел напарник Бренгвайна, держа в руке промокший шлем.
– Никаких следов, – сообщил он. – Вообще ничего.
Бренгвайн тоже снял шлем, вежливо отложил его в сторону и заговорил с Монти новым, строго формальным тоном. Взгляд его при этом беспрестанно обегал комнату, словно он обращался не только к ней, а к полной аудитории слушателей. В помещении снова появились коты и осторожно обнюхали его лодыжки. Глядя на них, Монти с удивлением вспомнила недавнее поведение Уотсона и Крика.
– Мы свяжемся со всеми патрулями и попросим их сегодня вечером присматривать за вашими владениями. Вам же лучше всего быть настороже, чтобы дверь была постоянно на запоре, а вы обращайте внимание на незнакомцев. Если поблизости от дома заметите какую-то неизвестную машину, запишите номер и позвоните нам.
– Обязательно. Благодарю вас.
Она стояла в парадных дверях, наблюдая, как гости, развернувшись, выехали на подъездную дорожку. Когда задние габаритные огни исчезли, Монти почувствовала себя одинокой и беззащитной. Надежно заперев дверь, она опустила и проверила предохранительную цепочку.
Стоя рядом, коты выжидающе смотрели на нее.
– Что это с вами? – спросила Монти, присаживаясь и гладя их. – Вас кто-то напугал?
Она проверила все запоры на двери из кухни, включила центральное отопление, зажгла освещение на крыльце и, торопливо обойдя комнаты, в каждой из них задернула шторы.
Покончив с этими заботами, Монти полила растения в надежде вернуть им жизнь, а затем разожгла огонь в камине гостиной. Она чувствовала себя грязной, словно и она, и дом подверглись насилию; ей ужасно хотелось принять ванну или хотя бы душ, но на это сейчас не было времени.

> Она планировала сделать в «аге»
> [21]
> тушеного цыпленка, но сейчас ей придется воспользоваться микроволновкой, что тоже может получиться неплохо.

Две минуты девятого. Коннор может появиться с минуты на минуту, а она даже не переоделась, не сделала макияж. Она кинулась наверх, надеясь, что он задержится в пробках, и в этой суете сразу же забыла все свои тревоги.
Она сбросила с себя одежду, брызнула на тело несколько капель одеколона «Иссей Мияке», натянула черный свитер, который, как она знала, выгодно подчеркивает фигуру, свои лучшие джинсы и замшевые туфли, пригладила руками волосы и побежала вниз, в кухню.
Расположиться за столом здесь или в столовой, прикинула она. Зажечь пару свечей, и столовая станет весьма романтичной. Может, даже слишком романтичной, с тревогой подумала она. Ей

не хотелось, чтобы американец подумал, будто все это организовано специально с целью соблазнения. Они прекрасно устроятся в кухне, решила она.
Она собралась проверить, что делается в микроволновке, но оконный переплет задребезжал от порыва ветра, и она повернулась, занервничав, – ей показалось, что в шею дунуло холодом, и она заметила, что задернутые шторы колеблются из стороны в сторону. Монти посмотрела на тесак, который для надежности оставила рядом в мойке, и, подойдя к «аге», положила руки на горячую панель, радуясь ее теплу. В доме все еще стояла странная непривычная прохлада. Может, она заболевает гриппом, подумала Монти, раздвигая шторы и вглядываясь в темноту. Не сидит ли там кто-то в ожидании удобного случая? Взломщики. Грабители, которые так ничего и не взяли. Напоминает знакомую историю.
Она припомнила рассказ Зандры Уоллертон, как у нее побывали взломщики. И там ничего не было взято, кроме пары трусиков из стиральной машины. Свое белье Монти еще не проверила. Невольно она вспомнила слова Губерта Уэнтуорта, когда тот в первый раз пришел сюда к ней. Он ведь тоже рассказывал о взломе квартиры зятя в день похорон Сары Джонсон.
«Понимаете, есть еще кое-что странное и любопытное. В день похорон Сары ее дом был взломан и обыскан. Алан проверил, как будто ничего не пропало… Обычно грабителей интересуют какие-то вещи, драгоценности, столовое серебро, наличность. На это не обращали внимания. Может, им помешали, но кажется странным, что они нашли время порыться в аптечке в ванной».
Дом Кэролайн Кингсли тоже был обыскан, и взломщики рылись в ее аптечке…
Монти услышала, как к дому подъезжает машина. Она вышла в гостиную и посмотрела сквозь щель в портьерах. Она испытала облегчение, когда увидела, как Коннор, подняв воротник пальто от капель дождя, нерешительно идет по дорожке к входным дверям.
«Не надо так уж явно изображать радость, – сказала она себе. – И скрой озабоченность». Она подождала, пока не услышала дверной звонок, и помедлила еще несколько секунд, прежде чем выйти в холл.
Но когда она увидела его, все ее защитные бастионы рухнули. Он избавился от галстука и сейчас был в мягкой белой рубашке с открытым воротом. На лбу лежали две влажные пряди, а лица почти не было видно из-за бутылки вина и огромного букета.
Не успев осознать, что она делает, Монти, едва только Коннор переступил порог, повисла у него на шее и прижалась к нему, не скрывая текущих по щекам слез.
– Слава богу, – бормотала она, цепляясь за него, словно он был спасательным кругом. Порывы дождя залетали в открытую дверь, но она почти не замечала их, прижимаясь к его холодной мокрой щетинистой щеке и чувствуя уверенность обнимающих ее рук.
– Эй! – сказал он. – Вот это прием!
Его объятия чуть ослабились, и Монти, сделав шаг назад, закрыла за ним дверь.
– Господи, как я была испугана, – прошептала она.
Когда Коннор увидел, в каком она взвинченном состоянии, его лоб прорезала морщина.
– В чем дело… что случилось?
Вместо ответа, она провела его в гостиную и, несмотря на свое возбуждение, заметила, что он оценил изящество обстановки. А если и увидел мертвые растения, то не показал виду.
Внимательно посмотрев на Монти, он снова сказал:
– Так расскажи мне, что же тебя так напугало.
Она помогла ему освободиться от пальто и подарков, налила им обоим по большой рюмке виски «Тичер», собралась с мыслями и начала. Он внимательно выслушал ее повествование, прерывая лишь изредка, чтобы уточнить кое-какие детали. Сначала она рассказала ему о взломщике, затем о своем визите в офис Губерта Уэнтуорта и о том, как из записей Зандры Уоллертон она узнала о Кэролайн Кингсли, четвертой жертве «Матернокса». О своей попытке поговорить с доктором Корбином и о его страшной смерти. О своем визите в квартиру Кингсли. Наконец она вынула из сумочки флакончик с капсулами «Матернокса», который там раздобыла, и протянула ему.
Он изучил этикетку, затем отвинтил крышечку и высыпал капсулы на ладонь.
Монти видела, как он был сосредоточен, когда поднес одну из капсул к свету. В серьезности его выражения было нечто большее, чем просто любопытство, большее, чем вежливое отношение к ее находке. Когда увидела жесткое выражение его серьезных карих глаз, ее поразила мысль, что

перед ней сидит человек, одержимый каким-то своим внутренним демоном. И чем больше росло ее любопытство, тем сильнее ее тянуло к нему.
Они одновременно покончили со своим виски, и она вскочила: «Налить еще?» Она подумала, не сделает ли Коннор замечание, что, выпив, ему еще придется сидеть за рулем, но он с благодарностью принял ее предложение.
Когда она вернулась в сопровождении Крика и Уотсона, американец держал в одной руке черный блокнот, а в другой – флакончик «Матернокса»; он был настолько поглощен своим занятием, что даже не заметил, как она поставила рядом с ним налитую рюмку.
– Все то же, – сказал он с напряженным выражением лица. – Наш старый друг BS-M-6575-1881-UKMR.
– Да, я знаю. – Несмотря на виски, во рту у нее пересохло. – Ты что-нибудь знаешь о системе нумераций серий «Матернокса»?
– Хм… В год выпускается примерно пятьсот серий для распространения в Соединенном Королевстве. «Матернокс» в Британии производится на трех разных предприятиях – в Рединге, Плимуте и Ньюкасле, а распространение носит региональный характер.
– Сара Джонсон, которая работала у нас, жила в Рединге. Кэролайн Кингсли – в Лондоне, так что, как я предполагаю, очень возможно, что они получали «Матернокс» с одного и того же завода. Но одна из оставшихся женщин жила в Бирмингеме, а другая – в Эдинбурге. – Монти задумалась. – Я предполагаю, что Бирмингем мог получать поставки и из Рединга. Но не Эдинбург.
– Эдинбург обеспечивался из Ньюкасла. Я проверял. – Коннор высыпал пилюли обратно во флакончик, затем взял свой виски, покачал в нем кубики льда и сделал глоток. – Мы должны провести хроматографический анализ этих капсул и посмотреть, соответствует ли он предписанной спецификации или же…
Его слова повисли в воздухе.
– Или же это поддельные серии? – предположила Монти.
– Что-то в них не то. Доктор Фармер знает, но ровно ничего не предпринимает… или, точнее, покрывает. И прикрытие весьма надежное.
– Зачем? Из-за финансовых потерь, которые компания может понести в связи со скандалом?
Выражение его лица оставалось непроницаемым, пока он рассматривал свой виски.
– Я… – начал он.
Но тут его прервало внезапное шипение, которое издал Крик. Оба они удивленно уставились на кота. Тот стоял, выгнув спину и глядя на дверь. Уотсон тоже поднялся. Оба кота, словно в поисках ответа, решительно направились из комнаты.
Монти и Коннор, обменявшись взглядами, последовали за ними. Монти увидела, как ее питомцы вдруг рванулись в кухню. Она осторожно пошла по их следам.
Уотсон, шипя, до предела выгнул спину и остановился в дверях кухни. Крик, стоявший рядом со столом, вскинул лапу и попытался что-то ударить. Это существо прыгнуло – раз и другой. Монти вскрикнула и отпрянула назад, прямо к Коннору.
– Это лягушка! – сказал он. – Просто маленькая лягушка.
Та прыгнула еще раз. Крик сделал осторожную попытку зацепить ее лапой; чувствовалось, что им руководит главным образом любопытство.
Коннор нагнулся, схватил лягушку за лапку, поднял ее, осторожно держа в ладонях, и протянул Монти.
– Бедняжка… думаю, ее сбила с толку слишком теплая погода. Я…
Он осекся, внезапно заметив, что Монти смертельно побледнела. Вытаращив глаза, она отшатнулась от него.
– Эй! Это всего лишь безобидное маленькое…
– Пожалуйста, – взмолилась она. – Не надо. Не подноси ее ко мне. Я их боюсь.
– Лягушек?
– Прошу тебя, избавься от нее. – Она подскочила к задней двери, отперла ее и распахнула настежь.
– Придержи котов. – Коннор вынес лягушку и быстро вернулся.
Монти снова заперла дверь.
– Прости, – смущенно сказала она.
Он положил руку ей на плечо и притянул к себе:

– Все в порядке. У каждого из нас есть свои фобии.
Она с трудом удержала себя от желания заплакать и всхлипнула:
– Сегодня мои нервы ни к черту не годятся.
Они вернулись в гостиную и снова уселись. Монти попыталась создать более раскованную атмосферу.
– Как прошел уик-энд, Коннор?
– Ну, были кое-какие интересные разговоры с Роули. Он не разделяет мои взгляды на «Бендикс Шер». Не считает, что компания может быть настолько безжалостна, что пойдет на убийство.
Монти отпила большую часть своей порции виски; она почувствовала, как алкоголь обжег горло, потом вспыхнул в желудке, и вот уже тепло разлилось по телу, успокаивая ее, – она стала крепче и здоровее.
– Коннор, в пятницу ты сказал, что дошел до точки, где понял – твое прежнее понимание вещей больше не имеет смысла. Так?
Он кивнул.
– А вот я рассталась с моей верой в совпадения. Коннор, что за чертовщина творится вокруг нас?
Порыв ветра заставил задребезжать оконные стекла, портьеры вздулись и опали.
– Необходимо протестировать эти капсулы, – тихо сказал он. – Надо раздобыть подлинную спецификацию, взять образцы и посмотреть, как они совпадут. Чарли Роули, – внезапно добавил он, – хороший парень, но он чертовски наивен. Он не имеет ни малейшего представления, с чем мы тут имеем дело.
– А ты, Коннор?
– Кое-какие идеи у меня имеются, – серьезно ответил он.

58

Монти возила еду по тарелке. Она заставила себя проглотить немного овощей, но цыпленка оставила нетронутым, после всего случившегося у нее не было никакого аппетита. Коннор же ел с жадностью.
Она взялась за стакан. Монти понимала, что язык у нее уже немного заплетается, но ее это не волновало.
– Прекрасное вино.
– Уверен, что твое было бы лучше.
Она покачала головой и сделала еще глоток крепкого красного французского.
– Оно само совершенство. – Монти подцепила на вилку еще кусочек картофеля.
Коннор взял руками крылышко цыпленка и дочиста обглодал его.
– С этим все ясно – ты прекрасно готовишь.
Она смущенно покачала головой:
– Я скорее действую интуитивно. Импровизирую, используя множество рецептов. Порой получается, а порой и нет.
– Я лично предпочитаю огромных моллюсков в соусе из черных бобов и жареную картофельную соломку. Может быть, я когда-нибудь смогу угостить тебя?
– Да, с удовольствием.
– Просто я еще должен разобрать свою кухню. О встрече мы договоримся.
– Где оно, твое новое местожительство?
– В Фулеме… ну, где-то там… рядом с дорогой, которая называется… – Он на секунду задумался. – Рэдклифф-роуд.
– Рэдклифф-роуд?
– Ага. Знаешь ее?
– Да. – Она постучала по краю бокала с вином. – Я сегодня была там. Рэдклифф-роуд – это то место, где убили доктора Корбина.
– Иисусе! Значит, та стройка за светофором?..
– Да. Еще одно совпадение?
– Без которого вполне можно было бы обойтись.

Она посмотрела на него:
– Прекрасный район. Мне нравится эта часть Лондона. Каким образом ты выбрал именно ее?
– Она находится в пределах зоны, одобренной «Бендикс Шер».
– В пределах какой зоны?
– А ты об этом не знала? Ты не читала «Библию „Бендикса“»?
– В моем кабинете лежит экземпляр, но я его так и не осилила.
– Получишь большое удовольствие. И мне, и тебе, и твоему отцу, и всем прочим в компании разрешено жить только в пределах определенных районов города и сельской местности.
Она недоверчиво покачала головой:
– А как же я здесь?
– Ты должна быть очень внимательной; в противном случае они настойчиво потребуют, чтобы ты переехала.
– Пусть только попробуют, – мрачно сказала она и улыбнулась Коннору. – Расскажи мне о своей квартире… она в одном из этих прекрасных домов с террасами?
– Дом действительно элегантный. В квартире только одна спальня, но большая гостиная и просторная кухня. Высокие потолки с лепниной.
– Звучит внушительно, – одобрила она.
– Почему бы тебе завтра не приехать и не отобедать со мной – а я тебе все покажу? Блюда можно заказать в ресторане.
– Я бы с удовольствием.
Он медленно поднял свой бокал, и их взгляды встретились. Протянув руку, Коннор легко коснулся ее бокала.
– Я думаю, что ты на редкость обаятельна, – сказал он.
Монти порозовела и тепло улыбнулась ему; вино лишь усилило ее тягу к нему.
– Спасибо, – еле слышно прошептала она и почувствовала, как спазм волнения сжал ей горло.
– Как так получилось, что ты до сих пор не замужем? И компания молодых людей с красными розами в руках не толпится вокруг твоего дома? Или, может, они где-то присутствуют?
– Нет, боюсь, что нет. – Она пожала плечами. – Наверно, дело в том, что я типичная карьерная девушка, очень преданная своему делу.
Он слегка наклонил голову:
– В самом деле?
– Да.
Коннор кивнул на картину на стене, изображавшую площадь Святого Марка. Он еще раньше обратил внимание на подпись художника.
– Твоя?
– Нравится?
– Я думаю, что у тебя талант. А ты пропадаешь в фармацевтической промышленности.
Она покачала головой, а затем, поддавшись минутной слабости, взяла сигарету из пачки «Мальборо», которую он протянул ей, и прикурила от его зажигалки. Затянувшись, она почувствовала, как у нее закружилась голова, и закашлялась.
– Прости… первая сигарета за пять лет! – Она с предельной осторожностью затянулась второй раз. В голове у нее прояснилось. – Живопись – не самое важное. В мире достаточно картин, тысячи художников гораздо талантливее меня, и еще один в моем лице ровно ничего не изменит. А вот тысяч таких людей, как мой отец, нет. Даже сотни нет.
– Может, даже и дюжины, – согласился Коннор.
Она сделала глоток вина и осмелилась затянуться еще раз.
– Господи, до чего же вкусно! Коннор, негодник, ты же снова меня подсадишь на курение!
Наклонившись к Монти, он мягко забрал сигарету у нее из пальцев и потушил ее.
– Эй! А мне в самом деле понравилось!
– Оскар Уайльд однажды сказал, что сигарета – самая совершенная вещь на свете: если тебе ее не хватило, всегда можно взять еще одну. – Он выжидающе посмотрел на нее.
– Совершенно справедливо, – признала она.
– Так что уходи, когда ты впереди всех. Может быть, то же самое стоит отнести к «Бендикс Шер».
– Уйти из «Бендикса»?
– Чтобы заняться расследованием истории с «Матерноксом».

– Ты серьезно?
– Вполне. Я не хочу, чтобы ты пострадала.
Она посмотрела на скрюченный раздавленный окурок в пепельнице.
– Коннор, я не могу так просто взять и уйти.
– Вот этого я и боялся.
Он положил свою сигарету в пепельницу и пристально вгляделся ей в лицо:
– Я говорил Чарли Роули, что он не имеет ни малейшего представления, чем мы занимаемся. Как и ты.
– Так чем же мы занимаемся, Коннор?
Он покачал головой:
– Откровенно говоря, я думаю, что тебе надо поскорее забыть об этом.
– Если помнишь, именно ты придал мне смелости, – возразила Монти. – Когда я лежала в больнице и ты довольно откровенно намекнул, что смерть Джейка Силса не была случайностью.
Он снова взял свою сигарету.
– Это началось значительно раньше, – сказал он. – Я не собирался ни намекать тебе, ни внушать никаких мыслей или сомнений о том, чего тут не было раньше. Так?
Она знала, что все было именно так. Она даже не оказалась бы в больнице, если бы не послушалась Губерта Уэнтуорта и не согласилась помочь ему. Она коснулась ножки своего бокала.
– Так продолжай же – чего Чарли Роули и я не знаем о «Бендикс Шер»?
– Сначала расскажи мне, что тебе известно.
Она пожала плечами:
– Не очень много. Я… – Она внезапно запнулась. – Строго говоря, сегодня я услышала нечто очень странное. У меня сложились дружеские отношения с одним из охранников в холле. Пару раз я слышала, как лифт спускается в подвальные помещения, но, как ни странно, я не могла уловить, откуда же исходит этот звук. Когда я спросила его, он занервничал. Сказал, что мне стоит как-нибудь ознакомиться с планом здания… то есть намекнул, что здание Бендикс – не то, чем оно кажется. Затем посоветовал перечесть «Путешествие к центру Земли» Жюля Верна. – Монти улыбнулась.
Он сдержанно улыбнулся ей в ответ.
– Чувствуется, что у твоего приятеля богатое воображение, – сказал он и, избегая ее взгляда, опустил глаза в пустую тарелку.
– Коннор, а какие сведения о компании ты скрываешь от меня?
– Не знаю, Монтана. Я просто… – Встав, он потряс головой и, обогнув стол, оказался рядом с ней. Коннор неторопливо наклонился к Монти и взял за руки. – Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Ты этого не заслуживаешь. И я этого не допущу. Договорились?
Монти подняла на него глаза, и ее внезапно охватила неодолимая тяга к нему.
– Договорились, – согласилась она.
Он чуть сильнее стиснул ее пальцы и вплотную приблизил к ней лицо.
– Я только что встретил тебя и не собираюсь терять.
Монти охватило чувственное волнение. Она видела перед собой только его лицо, полное тепла.
– Спасибо, – тихо сказала она. – Я тоже не хочу терять тебя.
Он улыбнулся, и, глядя на него, она подумала, что в его улыбке есть что-то гипнотическое.
– Знаешь, Коннор, это в самом деле странно. У меня такое чувство, словно я знаю тебя сто лет.
– У меня тоже.
Их губы легко коснулись друг друга, и это ощущение потрясло ее с головы до ног. Они снова соприкоснулись, и ее охватила волна наслаждения. Ни о чем не думая, она потянулась навстречу Коннору и крепко поцеловала его.
Он ответил с неожиданной страстью, а она отодвинула кресло, встала и, обняв, притянула его к себе. Он тоже обнял ее и, с силой прижав к груди, припал к ней долгим поцелуем.
На долю мгновения они оторвались друг от друга.
– Господи, как я хочу тебя, – сказал он.
– Я тоже хочу тебя.
Он легко и нежно поцеловал ее в лоб, а она, взяв его за руку, повела наверх, в ее спальню, где зажгла лампу под плотным абажуром.

Какое-то мгновение они просто стояли, глядя друг на друга. Затем расстояние между ними исчезло, и они начали раздевать друг друга. У нее мелькнула мысль о безопасном сексе. Он должен воспользоваться презервативом, но она не хотела останавливаться. Он был здоровым и чистым… он был прекрасен, просто прекрасен, и от него вкусно пахло. Да и кроме того, когда ее последние отношения подошли к концу, она продолжала принимать пилюли… словом, никаких проблем не возникнет.
Он положил ее на постель и вошел в нее. Монти застонала от удовольствия, когда он оказался в ее теле, а твердые мышцы прижались к ее грудям. Он заставил ее вскрикнуть от наслаждения, когда стал пощипывать и ласкать соски, сжимая их пальцами. Монти чувствовала, как он наливается кровью и растет, толчками все глубже и глубже входя в нее. Ее охватила волна острого наслаждения, поднимавшаяся откуда-то из глубин ее существа; она, становясь все выше и выше, несла и качала ее. И когда она взорвалась слепящими искрами, которые пронизали все клетки тела, Монти окончательно забыла, на каком она свете.
Потом они долго лежали в объятиях друг друга, лицом к лицу. Она открыла глаза и увидела, с каким теплом он смотрит на нее, тая в углах губ улыбку. Она улыбнулась ему в ответ.
– Нам это было нужно, – сказала она.

59

– ПАПА! ПА-А-А-ПА-А-А! ПА-А-А-ПА-А-А!
Этот крик разбудил Монти. Она растерянно привстала и села на кровати. В комнате стояла непроглядная темнота, и во рту у нее пересохло. Она остро обоняла крепкий животный запах секса.
– ПА-А-А-А-А-А! ПА-А-А-А-А!
Она снова услышала этот крик, и ужас пронзил ее как ножом. Она не имела представления, сколько сейчас времени. Всю эту бесконечную ночь они непрерывно занимались любовью, и ни о чем другом она не могла думать.
Коннор.
Она занималась любовью с Коннором.
Который сейчас рядом с ней метался и кричал во сне.
– Эй, – тихо сказала она. – Коннор, все в порядке.
Он снова вскрикнул. Затем поперхнулся, и очередной крик замер у него в горле. Вскинувшись, он, задыхаясь, весь в испарине, пришел в себя.
– П-п-прости. Я… п-п-прости. Не хотел… б-б-будить тебя.
Коннора колотило. Она погладила его лоб, влажный от пота:
– В чем дело? Что тебе приснилось?
Перед тем как ответить, он успел прийти в себя.
– Ничего особенного… все то же самое… – Он резко осекся на полуслове и потянулся за сигаретами на прикроватном столике.
Она поцеловала его в щеку:
– Бедняжка, как ты дрожишь.
Он закурил сигарету и протянул ей, чтобы Монти затянулась, но она отрицательно покачала головой.
– Хочешь рассказать, что тебе приснилось?
Он глубоко затянулся и выпустил клуб дыма.
– Какой-то бред… Что-то о птице. Большая черная птица.
– Как грач? Или что-то в этом роде?
– Побольше. Да не важно… просто какой-то глупый сон.
– Сны могут быть жуткими, – сказала она. – Часто они о чем-то предупреждают.
– Конечно. – Когда он затянулся, кончик сигареты зарделся в темноте оранжевым цветом. Коннор вроде успокоился. – Те тесты капсул «Матернокса», Монтана… я проведу их сам, в одной из лабораторий, если раздобуду данные по спецификации и образец.
– А это не опасно?
– Займусь этим, наверно, через уик-энд.

Ей в голову пришла идея, и она хлопнула по матрасу:
– А как насчет нашей старой лаборатории? Большинство оборудования все еще там – вчера я продала его, но оно будет на месте еще около месяца. Там ты будешь в полном уединении.
– Что ж, мысль толковая.
Теперь она окончательно проснулась, и в голове воцарилась ясность.
– Коннор, моя подруга тоже принимала «Матернокс» – и теперь она беременна. Не знаю, должна ли я ей что-то рассказывать. Не хочу пугать ее, и в то же время это будет просто ужасно, если…
– Тебе необходимо выяснить номер серии тех капсул, которые она принимала, когда забеременела, а мне – узнать, есть ли какие-то накладки с этой серией.
– Но ты ведь в этом уверен, не так ли?
– Мы должны обрести полную ясность.
– И что мы будем делать, когда обретем ее? Отправимся к сэру Нейлу Рорке и расскажем ему, что происходит?
– Давай-ка раздобудем все факты, а потом уж будем принимать решение. Договорились?
– Хорошо. – Поцеловав его в плечо, она вдохнула приятный запах табачного дыма. – Коннор… ты хорошо разбираешься в физике. Могут ли тут возникнуть такие атмосферные условия, которые полностью обезвоживают растения?
– Что ты имеешь в виду?
Она рассказала ему, в каком состоянии были растения, когда она прошлым вечером приехала домой, и о леденящем холоде в доме.
– Странно, – сказал он, затянувшись в последний раз и потушив сигарету. Пальцем он провел по серебряной цепочке с маленьким распятием, которое она носила на шее. – Ты католичка?
– Нет. Это мне досталось от матери. После ее смерти отец передал распятие мне и сказал, что будет лучше себя чувствовать, если я надену его. Это одна из немногих слабостей, которую он себе позволил.
Монти почувствовала, что, спрашивая ее, он крутит распятие в пальцах.
– Ты все время носишь его?
– Да… оно стало для меня чем-то вроде талисмана.
– Ты веришь в Бога? – спросил он серьезно.
– Я верю, есть нечто вне нас.
Они полежали неподвижно, как Монти показалось, несколько минут, и Коннор снова начал медленно покрывать поцелуями сверху вниз ее тело. Они занялись любовью, после чего погрузились в глубокий сон, в котором им ничего не снилось.

60

Вторник, 22 ноября 1994 года

Пол под ногами качнулся, и, чтобы сохранить равновесие, Монти схватилась за маленькую раковину. Эта ночь потребовала такой отдачи сил, что у нее вдруг закружилась голова. Отражение в зеркале испугало ее: казалось, что лицо состарилось лет на десять и обрело болезненную желтоватость, а подбородок покрывали красные пятна, оставленные щетиной Коннора.
Но губы неудержимо расплывались в улыбке. Глядя на себя, она только покачала головой. «Чувствую я себя хорошо», – подумала Монти. Страхи, пережитые вчера в Лондоне, загнаны в угол и не дают о себе знать.

Просто не гляди в зеркало, ты ревнуешь сама к себе, вот и все…
Но она-то знала, что, не имея мужчины в жизни и не стараясь его обрести, она практически не уделяла внимания своей внешности. И она решила, что теперь-то ею займется.

За окном продолжал мягко бормотать легкий и непрерывный дождь. Минуло половина восьмого. Еще было полутемно, но чувствовалось приближение рассвета, хотя Монти не хотелось расставаться с очарованием этой ночи.

Первым на работу отправился Коннор, и Монти, стоя на пороге, смотрела ему вслед, пока машина не исчезла из вида, после чего она вернулась в дом проверить перед отъездом, что у котов хватит воды и кормежки.
Сняв с вешалки в коридоре макинтош, она решила накинуть шарф, купленный у Корнелии Джеймс, который очень подходил ей. Обычно он висел рядом с макинтошем. Но сейчас его на месте не оказалось. Странно, подумала Монти, напряженно вспоминая, не могла ли она его оставить в каком-то другом месте. Нет. Она не сомневалась, что вчера утром шарф висел на старом месте.
Почти сразу же в голове всплыли слова Зандры Уоллертон: «Может, тот ублюдок, что вломился в дом, был тайным извращенцем. Я думала, что пара моих трусиков лежит в стиральной машине, – до сих пор не могу их найти».

> Может, для этого проныры женская одежда была каким-то фетишем? Трусики и шарф? От этой мысли ей стало горячо в желудке, и в то же время она почувствовала приступ гнева. Никто из тех, кто может оказаться в моем доме, не заставит меня бояться.

Она вернулась, позвонила в местную полицию и попросила к телефону констебля Бренгвайна. Тот без промедления объявился на линии, она напомнила ему о вторжении в свой дом и рассказала об исчезновении шарфа. Не упоминая ни о «Матерноксе», ни обо всем остальном, что имело к нему отношение, она рассказала о взломе квартиры Зандры Уоллертон и предположила, что тут может быть какая-то связь.
Констебль пообещал не оставлять это дело и, если его расследование к чему-то приведет, тут же связаться с ней.
Дождь прекратился, и в вечернем небе Лондона звезды помаргивали оранжевыми огоньками. Монти неторопливо вела свой «эм-джи» по тенистой улице. В поисках адреса Коннора она чувствовала себя не лучшим образом, поскольку находилась недалеко от того места, где вчера погиб доктор Корбин.
Она посматривала на номера на фасадах элегантных, хотя и несколько потрепанных временем викторианских домов с террасами, с их колоннадными портиками. Каждые несколько минут она бросала взгляд в зеркало.
Номер 74. Притормозив, она окинула взглядом вереницу припаркованных машин и ярдах в тридцати впереди заметила узкую щелку. Включив противоугонное устройство, она взяла с пассажирского сиденья бутылку шампанского и большой коричневый конверт, заперла машину, быстро подошла к дому Коннора и взбежала по ступенькам.
Монти нажала на кнопку звонка квартиры номер два. Через несколько секунд она услышала в динамике хрипловатый голос, в котором с трудом узнала Коннора:
– Заходи – первый этаж!
Зажужжал запор. Она с трудом открыла тяжелую дверь и переступила порог. Коннор стоял на площадке лестницы, глядя на нее сверху вниз. На нем был поношенный серый свитер и мешковатые джинсы. Монти раньше не видела его в таком небрежном облачении и подумала, что и оно ему идет, потому что в нем он выглядит очень обаятельно.
Он встретил ее громким и радостным «Привет!», и, едва добравшись до верхней ступеньки, она тут же оказалась в его объятиях; их губы встретились. Она прильнула к нему, в первый раз с той минуты, как он отъехал от ее коттеджа, снова чувствуя себя в безопасности.
– Принесла тебе небольшой подарок к новоселью, – протянула она ему бутылку.
– О, «Боллинджер»! Мое любимое! Как ты узнала?
Она улыбнулась и пожала плечами:
– Может, ты мне во сне рассказал?
Коннор коснулся бутылки:
– И оно холодное… давай сразу же ее и раскупорим. Мне хочется выпить.
– Мне тоже.

Он провел ее в просторную кухню, и она с завистью оценила современное оборудование, большой холодильник, плиту «Бош» и встроенный электрический камин. Она обратила внимание и на плетеную корзинку у двойной раковины, заваленную экзотическими банками и бутылками.
– Это мне прислал Чарли Роули – из «Фортнума и Мейсона». – Коннор наудачу выбрал несколько предметов. – Яйца перепелки. Иранская икра и персики в бренди. Есть что прятать в кладовке.
– Кому нужен хлеб и сыр?
– Правильно. Кому он нужен?
Монти подошла к широкому окну и уставилась на улицу, рассматривая припаркованные машины.
– Коннор, это звучит как паранойя, но не могу отделаться от чувства, будто за мной сегодня следили.
Он озабоченно посмотрел на нее.
– Я заметила темно-синюю машину – думаю, «форд-мондео», – которую уже видела в зеркале сегодня днем, когда ехала в строительный отдел графства Вестминстер. И я совершенно уверена, что она следовала за мной по пятам.
– Ты сейчас ее видишь?
– Нет.
– Ты не обратила внимания на лицо водителя? Или на номер машины?
Она покачала головой:
– Может, мне просто… я себя чувствовала очень испуганной.
– После того, что тебе довелось пережить вчера, я этому не удивляюсь. Я бы чувствовал то же самое. Но не думаю, что «Бендикс Шер» из-за какой-то чертовщины будет наудачу следить за своими сотрудниками.
– Великолепно!
Он нежно коснулся ее лица:
– Но ни на секунду не теряй бдительности. О’кей?
Она кивнула:
– Так я себя и вела.
Коннор нахмурился:
– В строительном отделе графства Вестминстер? Чего ради ты там оказалась?
Она взяла коричневый конверт:
– Ради вот этого. Я получила все планы здания Бендикс.
Он как-то странно посмотрел на нее:
– Могу я взглянуть?
– Я думаю, что ты должен.
– Ладно, только дай мне открыть шампанское и заказать еду, а потом уж я посмотрю. Я думаю, нам стоит заказать китайские блюда. Тебя устраивает?
Она кивнула, и они принялись просматривать меню, выбирая блюда. Монти записывала номера. Хотя список получился достаточно длинный, по размышлении они добавили морские водоросли и половину жареной утки, которая, в чем они оба сошлись, не помешает.
Пока Коннор диктовал список по телефону, Монти устроила себе экскурсионный тур по его квартире. С самыми лучшими впечатлениями она вернулась к нему в кухню. Тут она обратила внимание на подборку книг, сложенных в пачки у окна. Привстав на колени, она стала просматривать их. Первая была озаглавлена: «Иешуа Бендикс. Невидимый магнат». Заинтересовавшись, она взяла ее и увидела, что это неавторизованная биография основателя «Бендикс Шер». Другая, на обложке которой был вытиснен логотип фирмы, имела название: «От невидимых чернил к невидимым доходам. Подъем империи Бендикса».
Тут было еще несколько книг о «Бендикс Шер», а дальше она наткнулась на целый набор трудов по оккультизму. Среди них была биография Алистера Кроули, «По ту сторону оккультного» Колина Уилсона и какой-то странный том, очень древнего вида, буквы заглавия имели наклон в левую сторону: «Великий гримуар магических обрядов и церемоний».
– Все принесут примерно через полчаса, – сказал Коннор, подходя к ней. – Да ты, я вижу, нашла библиотеку из восточного крыла.
– Раньше я никогда не видела каких-либо книг о компании.

– Ты и не могла их увидеть. Где бы что ни печаталось, они всегда скупали все экземпляры прямо на складе и платили всем, кто имел к ним отношение.
– Как же ты получил их?
Он коснулся пальцем носа и подмигнул:
– Несколько экземпляров всегда ускользают… тут и там.
– Я когда-нибудь смогу прочесть их?
– Конечно… хотя, откровенно говоря, они не так уж и интересны. Я думаю, что авторам и издателям угрожали таким количеством исков, что они произвели на свет нечто бесполое.
– У тебя к тому же много литературы по оккультизму.
Он смутился.
– Н-н-ну… это верно… одно время я интересовался, – явно желая покончить с этой темой, сказал он.
Монти заметила его беспокойство, которое лишь усилило ее любопытство.
– Каким образом это произошло?
Он потянулся за пачкой «Мальборо» и закурил.
– Моя мать… у нее вроде были ирландские предки.
– Она интересовалась мистикой, заклятиями?
Он пожал плечами:
– Ничего серьезного, не стоит и говорить. – Он взял откупоренную бутылку шампанского и наполнил оба их бокала. – В восемь по четвертому каналу научная программа, – сказал он. – В ней пойдет речь о патентовании человеческих генов; не против, если я одним глазом буду поглядывать на экран?
Монти досадливо щелкнула пальцами:
– Вот черт! Отец хотел, чтобы я записала ее. Он блистательный ученый, но справиться со своим видео никак не может. – Она блеснула улыбкой. – Хотя прошлой ночью меня что-то отвлекало.
В ожидании научной программы они смотрели документальный фильм о жизни дикой природы. Тропическое небо темнело от стай перелетных птиц. Коннор глубоко затянулся, с силой выдохнул клуб дыма и неожиданно спросил:
– Что ты сделала с теми капсулами «Матернокса»?
– Они все так же лежат в моей сумочке.
Он кивнул:
– Скажи мне вот что. Прошлым вечером полиция снимала какие-нибудь отпечатки… занималась чем-то подобным?
– Нет, они поговорили об этом, но энтузиазма не проявили. Это естественно, ведь ничего не было украдено или поломано. У меня сложилось впечатление, что им не хочется оценивать эту ситуацию как взлом; им куда больше хотелось пригладить свою криминальную статистику. Но утром после твоего ухода я обнаружила кое-какую пропажу, потому что сама я не могла…
– Эй! Взгляни на это! – прервал Коннор, схватил пульт и усилил громкость. На экране шла последняя реклама «Бендикс Шер» о «корпоративном образе» компании. В офисе все о ней только и говорили, но Монти ее еще не видела и сейчас изумленно смотрела на экран.
Реклама началась с крупного плана лавы, рвущейся из жерла вулкана. Выразительный мужской голос сказал:
«Семьдесят миллионов лет назад существование Большого острова на Гавайях началось с вулканического извержения на дне Тихого океана».
Камера поднялась, показывая, как на краю острова, густо заплетенного растительностью, извергается вулкан. Затем камера нырнула глубоко в гущу влажного леса, вплотную показывая экзотические растения и жизнь птиц.
«Растения гавайских влажных лесов, – продолжал комментировать голос, – не только дают средства существования для людей и диких животных, но являются одним из богатейших в мире источников лекарств».
Теперь камера показывала общий план предприятия «Бендикс Шер», образца высокой технологии, окруженного акрами зелени.
«Эта компания более, чем любая другая, сохраняет природные чудеса влажных лесов и использует их плоды, чтобы для всех нас создавать лучший мир».

Далее в поле зрения камеры оказалась эфиопская деревня с ее глинобитными хижинами. Вокруг европейца, посетившего ее, клубились десятки черных ребятишек. Он говорил прямо в камеру, на экране появилась надпись: «Сэр Нейл Рорке».
«Здравствуйте. Я возглавляю „Бендикс Шер“ и хочу, чтобы вы посмотрели на здоровых молодых людей, которые собрались вокруг меня. Разве они не великолепны? – При этих словах он одной рукой обнял мальчика, а другой – девочку. – Я сомневаюсь, что без витаминизированного порошкового молока, производимого „Бендикс Шер“, кто-то из этих ребят сегодня был бы жив. – Он сделал паузу, чтобы камера успела пройтись по счастливым юным лицам. – Без ингредиентов, извлекаемых из дерева акобаб, растущего во влажных гавайских лесах, этот маленький мальчик был бы калекой в инвалидной коляске. Без корней растения пеэку эта маленькая девочка уже в подростковом возрасте была бы слепой».
Камера медленно переместилась и теперь крупным планом показывала доброго дядюшку председателя «Бендикс Шер».
«Моя компания тратит в год три миллиарда фунтов на медицинские исследования, то есть в пять раз больше, чем британское правительство. „Бендикс Шер“ старается, чтобы в мире было меньше боли и болезней».
Зазвучала музыка, камера сместилась, отодвигаясь все дальше и дальше, показывая, что сэра Нейла Рорке окружает не пара десятков счастливых детишек, а несколько тысяч. Крупные буквы заполнили экран: «„БЕНДИКС ШЕР“ – САМАЯ ЗАБОТЛИВАЯ КОМПАНИЯ В МИРЕ».
Коннор ухмыльнулся:
– Пожалуй, он и на «Оскара» потянет? Вот циничный подонок…
Она осторожно взяла сигарету у него из пальцев и затянулась. От вкусного дыма у нее закружилась голова.
– Циничный? А мне он скорее нравится. Как ты думаешь, насколько он осведомлен о том, что делается в компании?
– Что ты имеешь в виду?
Она неохотно вернула ему сигарету.
– Ну… он ведь всего лишь подставное лицо, не так ли? Председатель, но не исполнительный директор или что-то в этом роде. Я думаю, он работает на компанию всего два или три дня в неделю. Тебе не кажется, что такие люди, как доктор Кроу, используют образ хорошего человека сэра Нейла? И если вокруг «Матернокса» существует какая-то дымовая завеса, не могу поверить, что он ее одобряет.
Коннор снова затянулся сигаретой и промолчал.
Она спрыгнула с кровати, прошла в кухню и, вернувшись с коричневым конвертом, вывалила его содержимое.
– Вот те планы, что я раздобыла. Лондонская штаб-квартира «Бендикса».
Монти развернула первый лист: «Гарбутт Макмиллан. Планы новой лондонской штаб-квартиры „Бендикс Шер“. 1971, вид сбоку».
– Давай-ка посмотрим. – Она расстелила синьку и, глядя на нее, попыталась сориентироваться. На ней был изображен знакомый центральный фасад, который выходил на Юстон-роуд. Затем развернула следующий лист.
– Это западный фасад, – сказал Коннор, развернув чертеж под правильным углом. Затем они принялись раскладывать и изучать аккуратные геометрические коробочки поэтажных планов. Через четверть часа постель и бóльшая часть пола были покрыты синьками и в воздухе стояли острые едкие запахи специальной бумаги и чернил.
– Что мы на самом деле пытаемся найти? – спросил Коннор.
– Не знаю. Не имею представления. Я просто иду по тому следу, о котором намекнул Уинстон Смит – тот охранник, о котором я тебе рассказывала.
– Ах да… тот, у которого постоянный насморк и слишком живое воображение. Он не рассказал ни о чем конкретном?
– Он был напуган, Коннор. Я думаю, что, обронив мне несколько слов, он перешел границу.
Он порылся в груде бумаг и снова извлек фронтальный разрез.
– Что-то тут не в порядке, – внимательно присмотревшись к нему, сказал он.
– Что именно?

– Я не уверен… – Он нахмурился. – Вроде что-то просматривается… – Он стал считать этажи, водя по ним пальцем. Затем повернулся к Монти. – Я насчитал их пятьдесят шесть, – сказал он. – Но тут еще приложены рисунки. Так? Или это ранние рабочие наброски?
– Нет, это рисунки из основного досье. Значит, пятьдесят шесть этажей? – повторила она.
Коннор еще раз сосчитал их.
– Точно.
– Разве что… само здание насчитывает в высоту сорок девять этажей.
– Плюс подвальное помещение.
– Значит, пятьдесят. А здесь по чертежам – еще шесть этажей. – Лоб прорезали глубокие морщины, и внезапно она почувствовала, как по спине пробежал холодок страха. – Так где они, Коннор? Куда, черт возьми, делись остальные шесть этажей?
– Вот ты мне и расскажешь.

61

Среда, 23 ноября 1994 года

Билл Ганн сидел на одном из резных стульев черного дерева перед столом доктора Винсента Кроу. Он закинул ногу на ногу, чтобы лучше изучить круглую черную отметину на носке своих модных туфель, оставленную взбешенной Никки. Размерами она была с пулевую пробоину. Никки оставила ее как оценку его появления на три часа позже обещанного времени. Один резкий удар острым, как стилет, каблучком – и она удалилась в ночь.
У него чертовски болела нога, а выражение лица исполнительного директора, который смотрел на него поверх стеклянных глаз лягушки из папье-маше, не сулило ничего хорошего. Их встреча раз за разом прерывалась тремя телефонными звонками, и они успели обменяться только общими словами.
– Как вы ухитрились так топорно сработать, майор Ганн? Ведь ваши люди, конечно же, в состоянии справиться с замками и, не оставляя следов, проникнуть в изолированный дом, не имеющий защиты?
– Да, сэр, без сомнения. Но их застигли врасплох – обычно она приезжает домой между без пятнадцати восемь и половиной девятого. А в этот раз по какой-то причине оказалась дома в половине седьмого. Моим людям пришлось ждать и когда уйдет ее домработница, и когда стемнеет…
– Когда стемнеет? – ехидно переспросил Кроу. – Почему бы им не объявить о своем появлении военным оркестром и фейерверком?
– Редкостное невезение, сэр. Ее раннее возвращение спутало все планы.
– Ах, им спутало планы? Вот как? Вы представляете себе размер урона, если бы она выяснила источник этих действий, источник взлома?
Ганн кивнул.
– И может, вы будете настолько любезны, майор Ганн, что просветите меня – почему у вас вообще возникла потребность вламываться в дом мисс Баннерман? Ведь, предполагаю, вы могли раздобыть то, в чем нуждались, куда с меньшими усилиями и с меньшим риском?
– Меня смущал разговор, который у нее состоялся с Силсом… мы смогли записать лишь часть его, – сказал Ганн. – Мы также знали, что у нее была встреча с этой Зандрой Уоллертон, журналисткой из «Темз-Уолли газетт», и я чувствовал, насколько важно установить, не достались ли ей кое-какие документы. В ее кабинете ничего не хранилось, по логике вещей следующим местом был дом…
– Послушайте, майор. Доктор Баннерман играет важнейшую роль в нашей программе генетических исследований, а его дочь имеет для него неоценимое значение. Она в буквальном смысле слова управляет его жизнью, и она – единственный человек, которого он слушается. Если бы не ее влияние, мы никогда не убедили бы его присоединиться к нам.
– Понимаю, сэр.

– В мире больше нет никого с таким точным знанием вопросов генной терапии, которые нам нужны для «Медичи». Если мы потеряем его, то, значит, потеряем не меньше десятилетия на этом проекте. – Кроу вскинул брови. – Надеюсь, вы это понимаете?
– Доктор Кроу, я не могу делать свою работу, если связан по рукам и ногам недостаточным бюджетом. Если бы я мог позволить себе усилить группу наблюдения, снабдить ее дополнительной аппаратурой, то мог бы как следует отследить действия мисс Баннерман и понять, что она изменила свой привычный образ действий. Моим людям пришлось работать с полной отдачей сил и не считаясь со временем.
Кроу вскипел:
– То есть вы хотите, чтобы сотрудников службы безопасности у нас было больше, чем ученых, исследователей и лаборантов, вместе взятых?
– Все исследования в мире и гроша ломаного не стоят, если выяснится, что они идут на пользу нашим конкурентам, – возразил Ганн.
Кроу принялся внимательно изучать свои ногти.
– Я должен сказать вам, что совет очень недоволен безопасностью.
– При всем моем уважении, может, вы сообщите совету, что безопасность очень недовольна им.
– Насколько я понимаю, вы ничего не нашли в ее доме?
– Ничего. Там было чисто.
– Жучки поставили? Телефон прослушивали?
Ганн помедлил.
– Нет. Если мы решим, что она представляет собой проблему, сделать это будет достаточно просто.
– Хорошо. Пока в самом деле не возникнет такая необходимость, ничего не делайте. Ясно? Я не хочу, чтобы она подвергалась ненужному риску. И я не хочу сталкиваться с вашими непроизвольными реакциями… такими как угрозы в адрес группы «Темз-Уолли газетт», что отзовете рекламу. – Кроу позволил себе кривую улыбку. – Это, конечно, не означает, что вы должны полностью снять наблюдение за этой женщиной. При всех ваших оплошностях, майор Ганн, меня часто поражала ваша интуиция.
Ганн вернул ему такую же кривую усмешку. Он почувствовал себя чуть лучше и набрался храбрости:
– Благодарю вас, сэр. – Любая, даже тщательно завуалированная, похвала от исполнительного директора была исключительно редкой. – У нас есть и другие потенциальные проблемы с «Матерноксом», о которых, я думаю, вам стоит побеспокоиться. Я собирался изложить их на завтрашнем заседании совета.
– Да? – Потеплевшее было выражение начало сползать с лица Кроу.
– Мы выяснили, что еще один сотрудник интересовался номерами серии «Матернокса».
С лица Кроу схлынули последние остатки доброго расположения.
– Кто?
– Мистер Роули из группы патентов и соглашений. Я всегда чувствовал, что в нем кроется потенциальная угроза.
Кроу сплел пальцы с такой силой, что костяшки побелели.
– Но он же не имеет никакого отношения к «Матерноксу».
– Я знаю.
– Следующие несколько недель будут исключительно важны, особенно если возникнут дополнительные проблемы с «Матерноксом». Нам придется устранить его. Для этого от всех потребуется скрупулезный сбор сведений… даже там, где их менее всего ожидают увидеть.
– Это относится и к дочери Баннермана, сэр?
Кроу бросил на него страдальческий взгляд:
– У вас есть доказательства, что она в чем-то замешана?
– Пока нет, сэр. Но если я их раздобуду?..
Наступило долгое молчание.
– Тогда нам придется рассмотреть их, – наконец сказал Кроу.
В распоряжении Ганна имелась определенная информация, которую он пока не хотел выкладывать Кроу. Она может оказаться козырным тузом в рукаве, который умиротворит исполнительного директора в следующий раз, когда его положение пошатнется… или же она может оказаться пустым местом. Изучение данных о передвижениях машин сотрудников

компании показывали, что в понедельник вечером «БМВ» Коннора Моллоя направился по некоему адресу в Беркшире, который впоследствии был опознан как коттедж Монтаны Баннерман, и не покидал его вплоть до 8:47 следующего утра.

62

Большой остров, Гавайи. Среда, 23 ноября 1994 года

Пеле, богиня извержений, была разгневана. Гнев ее выразился в том, что из глубокого жерла Маунт-Килауэа она сделала котел кипящей лавы шириной две мили. Оттуда к небу вздымались клыки скал, опаленных пламенем, и шел удушливый серный запах. В чистом воздухе клубились ядовитые серые и черные облака дыма, которые затягивали солнце и горизонт, покрывая все вокруг разъедающей росой серной кислоты.

Лава, температура которой превышала две тысячи градусов по Цельсию, текла потоком в милю шириной. Он спускался в океан, неутомимо пожирая все на своем пути, каждый день все дальше и дальше отодвигая Тихий океан и расширяя владения Пеле. Даже когда лава, теряя красное свечение, покрывалась блестящей ребристой серой коркой, температура падала незначительно.

Вулкан был центром горячего участка Тихоокеанского огненного кольца, зажатым между Тихоокеанской, Индо-Австралийской, Евразийской и Северо-Американской плитами. Первым домом Пеле был один из маленьких островков – Ниихау, но богиня моря гоняла ее с острова на остров, уничтожая каждое ее обиталище. Наконец она оказалась на Маунт-Килауэа, где и обосновалась, сделав его своим домом.

Англичанин наблюдал за знакомым, неизменно величественным зрелищем извержения из окна «лирджета», пока самолет заходил на посадку в аэропорту Кона. Его взгляд следил за густыми клубами дыма. Они были залиты ярким солнечным светом и под напором ветра изгибались и летели к густой растительности острова. На краю кипящего кратера, как хищная стрекоза, завис вертолет, и полдюжины еще ждали своей очереди занять его место; все были набиты туристами, каждый из которых заплатил по сто пятьдесят долларов за зрелище, которое будет помнить всю жизнь.

Порой кое-кто платил куда дороже, чем намеревался. Всего несколько месяцев назад серная кислота проела рулевое управление одного из экскурсионных вертолетов, и тот с четырьмя туристами на борту спикировал в кипящую лаву. Пеле по-своему давала понять, что проголодалась.

Англичанин давным-давно научился держать в узде свое воображение, тем не менее позволил себе роскошь представить, что чувствует человек, падающий в кипящую лаву. Сгорит ли он мгновенно, или же еще у него будет время почувствовать боль, закричать? В последний раз, когда он был здесь, кто-то рассказал ему, что, если сунуть конечность в кипящую лаву, она тут же превратится в шлак и сломается. Он не отличался брезгливостью, но эта картина заставила его передернуться. Худшую судьбу было трудно себе представить.

В этот раз извержение длилось очень долго – началось оно четырнадцать месяцев назад и успокаиваться не собиралось. Это могло привлечь туристов на остров, но серная кислота, падающая непрерывным дождем, не лучшим образом воздействовала на растительность. Небольшие ее количества были несущественны, но столь обильные осадки могут оказывать долговременное вредное воздействие. А вулкан нельзя включать и выключать, как заводную игрушку.

Так же как нельзя включать и выключать людей. Несколько часов спустя англичанин стоял на террасе «Ритц-Карлтон-отеля», рассеянно размышляя о чем-то, пока сопровождающий его гаваец разглагольствовал, полный желания доставить удовольствие важному иностранцу. Невысокий, смуглый и аккуратный, в легких полотняных туфлях, он напоминал англичанину хорька. Виной тому были главным образом его глаза – маленькие и карие, они непрестанно, будто не могли остановиться, сновали по сторонам, словно их обладатель боялся какой-то

шайки. «Ты маленький хитрый ублюдок, – подумал англичанин. – Ты прокрутил какую-то мелкую аферу и нажился на нас, но меня это не волнует».
Тон гавайца изменился.
– Вас что-то беспокоит? – спросил он.
– Беспокоит? – откликнулся англичанин. – Нет, меня ничто не беспокоит. – Он положил руку на плечо собеседника и дружески похлопал его.
Под террасой колыхались кроны пальм, которые на фоне ночного неба выглядели черными картонными силуэтами. Вдруг они затрепетали под внезапным порывом крепнущего ветра, затрещали так, словно по их листьям били струи дождя. В ровном гуле разговоров в холле за их спинами наступила мгновенная пауза, и англичанин повернулся, скользнув взглядом по элегантной обстановке помещения.
Люди группами стояли и сидели, расположившись на белых диванах в глубоких креслах. Американцы, японцы, гавайцы. Многие мужчины были в смокингах или черных костюмах, хотя кое-кто предпочитал яркие открытые гавайские рубашки. Женщины были в броских нарядах: некоторые в длинных платьях, другие в юбках с разрезами чуть ли не до пупка – но все переливались драгоценностями. Англичанин нахмурился, видя, как изменились все требования к одежде, какое тут смешение «дресс-кодов». За эти годы он много где бывал, в самых разных обществах со своими правилами приличия, и теперь представлял собой самый худший вид сноба, каким только может быть человек, так сказать, сделавший сам себя.
Музицировал оркестр из восьми человек – симпатичные молодые люди в смокингах аккомпанировали певице-блондинке, отбеленной перекисью водорода, которой не мешало бы подтянуть подбородок, да и от лишнего жирка избавиться. Когда музыка смолкла, толпа танцоров снова оживилась, словно скопище лодок, застигнутых отливом.
Полночь. Сегодня двадцатипятилетний юбилей со дня открытия курорта «Бендикс Хило» и производства. Оркестр грохнул «Доброе старое время», ибо решил, что сейчас для него самый подходящий момент. Сантименты. Англичанин понимал силу влияния простой и дешевой музыки. Да, люди – сентиментальные создания, их легко подловить на эмоциях, а их преданность дешево стоит.
Теперь они стали запускать фейерверки, и в темноте между террасой и морем в небо из-за кустов и пальм взлетали ракеты. Блистающие каскады искр падали в океан.
– Мы привыкли считать, что фейерверки отгоняют злых духов, – с неподдельной серьезностью сказал гаваец.
– Вот как. – Англичанин кивнул. Он смотрел, как в небе, издавая загробные звуки, извивалась огненная змея.
– Мой народ полон предрассудков, – сокрушенно вздохнул гаваец. – Он отгоняет злых духов и приносит дары богам.

> Воздух оставался теплым, несмотря на дующий с моря бриз – этот неизменный гавайский ветер, который так нравился англичанину.
> Предрассудки… дары богам…

В первый раз за вечер его заинтересовали слова гавайца.
– Обитатели этого острова проявляли вполне современное мышление, когда дело касалось бизнеса и их повседневной жизни. Они уже три десятилетия были американскими гражданами, но многие помнили, что происходят от язычников, и сохранили связь с теми, кто создал эти вулканические острова. Многие до сих пор считали их богов и богинь олицетворением конкретных сил: Лоно был богом плодородия, Кейн – создателем человека, Каналоа – богом моря, а Ку – богом войны. И, кроме того, существовала целая толпа богов поменьше и полубогов; самой страшной из них была Пеле – богиня огня и вулканов.
«Пеле», – подумал он и сдержанно улыбнулся. Гаваец воспринял эту улыбку как согласие с его словами.
Извержения Маунт-Килауэа вот уже девять лет то возникали, то прекращались. Он удивился, почему он раньше об этом не думал, почему понадобился разговор на террасе отеля с пьяным гавайским управляющим, чтобы эта мысль пришла ему в голову.
За последние два с половиной десятилетия «Бендикс Шер» немало попользовался этим островом. «Тризактол», средство от ревматизма, извлекаемое из коры деревьев влажного леса.

Богатейшие запасы его были именно на этом острове, но они сводили леса быстрее, чем те вырастали. «Кайводенокс», очиститель воды, экстрагировался из вулканической лавы. Затем – «Фендол-оптирвак», спасавший от слепоты, вызванной бациллами, кишащими в третьем мире. Этот процесс надо было как-то остановить, и он точно знал, как именно. Он подумал о вертолете «сикорски», который доставил его из аэропорта, и улыбнулся.
Отлично. Две птицы одним камнем. Лучше, чем хорошо. Просто блистательно. Он посмотрел на официантку и попросил большую порцию «Чивас Регал» со льдом.
Когда бокал оказался у него в руках, он позволил себе ради удовольствия снова подумать о страшных мучениях человеческой плоти, сгорающей в расплавленной лаве. Затем предложил тост гавайцу.
– Сегодня вечером мы празднуем, – сказал он. – Выпьем за всех богов Гавайев.
Гаваец поднял свой бокал с шампанским и расплылся в подобострастной улыбке.
– За всех гавайских богов! – подхватил он.
Англичанин, сделав глоток виски, почувствовал на языке освежающий холод ледяных кубиков. «Особенно за Пеле», – подумал он, улыбнувшись про себя.

63

Среда, 23 ноября 1994 года

Монти заказала букет к похоронам Уолтера Хоггина, на которых им с отцом придется побывать в пятницу. Затем она обратила внимание на свою электронную почту: ящик был забит десятками вопросов от самых разных сотрудников группы патентов и соглашений. С некоторыми из них она встречалась, но большинство было ей незнакомо.
Сейчас ей приходилось иметь дело как минимум с тридцатью разными людьми из этого отдела. Им всем были даны строгие инструкции обеспечить надежную патентную защиту работ отца в самых разных областях и в максимальном количестве стран; сделать это надо было как можно быстрее, и она уже тонула в потоке почты.
Прогоняя по экрану список, она обратила внимание на какой-то технический вопрос от Коннора и улыбнулась. Прошлым вечером они договорились, что на работе будут вести между собой только строго деловые разговоры.
Сегодня вечером она с ним снова увидится. Он пригласил ее на обед, но она объяснила, что ей необходимо заехать в коттедж покормить котов и переодеться. Коннор немедленно предложил составить ей компанию, и она не стала возражать, довольная, что не придется проводить вечер в одиночестве. Недавнее вторжение в дом продолжало беспокоить ее, но Монти сомневалась, что услышит какие-то новости от констебля Бренгвайна.
Часы подсказали ей, что уже десять минут десятого. Она уже час занималась делами, а предстоял еще долгий день. «Господи, я же влюблена в тебя, Коннор Моллой», – подумала она. Стараясь отрешиться от всех лишних мыслей, она покончила с просмотром электронной почты и принялась аккуратно разбирать обычную почту.
В ней она наткнулась на бюллетень, присланный женщиной-ученым, с которой она дружила вот уже несколько лет; когда-то Монти надеялась, что эта женщина в будущем станет спутницей ее отца, но он не проявил к ней интереса. Бюллетень содержал французскую публикацию о последовательности генов в опухолях лимфатической системы у крыс. Сверху была приколота записка от руки: «Подумала, что это может заинтересовать твоего па».
Она продиктовала ответ с благодарностью и отложила публикацию на край стола. Следующим предметом внимания стал маленький конверт, надписанный неровным почерком: в некоторых словах буквы клонились назад, а в других – вперед. Ей не понадобился графолог, чтобы определить неврастению отправителя. Адрес читался следующим образом: «Мисс (как я думаю) Монтане (как штат в США) Баннерман. Империя „Бендикс Шер“. Юстон-роуд. Лондон».
Монти вскрыла конверт и ошеломленно уставилась на письмо внутри.

Дорогая ученица Сатаны!

Генетическая наука – это работа Сатаны. Нас создал Бог. Ваши труды незаконно покушаются на нашего Господа Бога и запрещены в Библии. НА ТОТ СЛУЧАЙ, если Вы незнакомы с ней, ПРОЧИТАЙТЕ ВТОРОЗАКОНИЕ, ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, СТИХ 15–18: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли».

Ни даты, ни адреса отправителя, ни подписи. Монти положила письмо в папку, за десять лет разбухшую от писем сумасшедших. В прошлом Лаборатория Баннермана пережила несколько нападений со стороны активистов Общества защиты прав животных, и полиция посоветовала сохранять все, что когда-нибудь может потребоваться как доказательство.

Хотя, скорее всего, письмо было написано безобидным психом, Монти обеспокоилась больше, чем обычно. Ей уже приходилось сталкиваться с немалым количеством странных людей, и у многих были неколебимые убеждения. Генетика была волнующей темой. Она вспомнила и взломщика, и машину, которая вчера следила за ней, и задумалась – не связано ли с ними это письмо. Когда ей в следующий раз доведется говорить с констеблем Бренгвайном, она упомянет о нем.

Пару лет назад ее отец в ходе генетического эксперимента, который он проводил в помещении для животных при их беркширской лаборатории (ныне оно не существует), случайно вывел помет кроликов-мутантов без глаз или без ушей. В силу совершенно идиотского стечения обстоятельств две ночи спустя во время рейда защитников животных они были захвачены, и снимки их фотографа украсили первые полосы нескольких газет. И еще несколько месяцев спустя сотрудники лаборатории получали угрожающие телефонные звонки.

Она серьезно задумалась. Сомнительно, чтобы автор этого письма оказался и взломщиком. В таком случае он или она должны были бы писать на домашний почтовый ящик, а не сюда. Она решила, что человека, который вторгся к ней в дом, надо воспринимать, скорее всего, как взломщика или извращенца, который похищает женскую одежду. Но некоторые из групп защитников животных имели жутковатую репутацию. Повинуясь мгновенному импульсу, она вынула письмо из папки и сделала ксерокопию. Вернув оригинал на место, она сложила копию и сунула ее в сумочку.

Заключительное совещание группы патентов и соглашений длилось весь день до самого вечера и завершилось наконец в десять минут восьмого. Коннор, заскочив к себе в кабинет, торопливо просмотрел досье, схватил пальто и заспешил к лифту.

Когда он вышел на стоянку, ветер резанул его по лицу. Он холодный, как сам Вашингтон, подумал Коннор, роясь в карманах в поисках перчаток. Правую он нашел, а вот левая, к его удивлению, исчезла.

– Вот черт… – Перчатки были подарком от старого друга, и пропажа огорчила его.

Он вернулся в холл – может, уронил ее на пол – и подошел к охраннику.

– Кто-нибудь передавал вам вот такую кожаную перчатку? – Коннор показал оставшуюся.

Увы.

Взяв выпить, они расположились за столиком в тихом уголке «Плуга», кабачка по соседству с Монти, и стали ждать появления стейков и жареной картошки.

– Мне весь день тебя не хватало! – сказал он, гладя ее по руке.

– Спасибо. – Открыв сумочку, она протянула ему копию того бредового письма. – Угадай, что пришло с утренней почтой. Может, тоже совпадение?

Коннор читал медленно и внимательно. На мгновение выражение его лица омрачилось, но затем он выдавил улыбку:

– Ну конечно, без сомнения, работа Сатаны. Да все генетики – скрытые сатанисты. – Он вернул ей письмо. – Всегда приятно услышать от быдла оценку блестящей новой теории смысла жизни. – У него был какой-то странный голос.
– Я подумала, нет ли тут какой-нибудь связи со взломщиком?
– Ох, да брось ты, вокруг всегда полно сумасшедших. – Он сменил тему: – У тебя была возможность спросить у своего приятеля охранника, куда пропали шесть этажей?
– Его не было на месте. То ли отдежурил в ночную смену, то ли заболел. А ты говорил с Чарли Роули?
– Сегодня он отбыл в Европейское патентное ведомство в Мюнхене; завтра должен вернуться.
– Ты ему доверяешь?
Коннор ухмыльнулся:
– Он пьет и курит. В наши дни это уже кое-что!
Барменша принесла столовые приборы и корзиночку с французской булкой. Коннор стал разворачивать порцию масла.
– Сегодня мне было страшно, – призналась Монти.
Увидев озабоченность на ее лице, он протянул через стол руку и погладил ее кисть.
– Послушай, – сказал Коннор, – я не знаю, что происходит, но мы докопаемся до самого дна. – Он сжал ее пальцы.
– Должно быть, в моих словах слишком много эмоций.
– Нет. Было бы очень странно, если бы тебя не взволновало все, что с тобой происходило. – Он улыбнулся. – Послушай, как бы я себя ни чувствовал, есть строчки Роберта Фроста, которые я всегда повторяю. Он мой любимый поэт.
– Прочитаешь их мне?
– От людей избавиться невозможно – как от мух и постельных насекомых. Всегда кто-то выживет в трещинах и расщелинах – это мы. – Он выразительно вскинул брови.
Монти рассмеялась и тоже сжала его руку, почувствовав, насколько она тверда и надежна.

64

Северный Лондон, 1951 год

Расписание было неумолимо.
Хильда Джадд закрыла входную дверь и заторопилась по садовой дорожке к воротцам. Время поджимало. Внизу на дороге порыкивал и дергался черный седан, выпуская из выхлопной трубы густые клубы серого дыма. Двое ребятишек, играя в пятнашки, чуть не налетели на нее.
– Что за поведение! – крикнула она вслед им, но слова ее пропали втуне.
Дождь припустил сильнее. На ней был макинтош, застегнутый до самой шеи, непромокаемая шляпка, ленты которой она затянула под самым подбородком, и боты. В левой руке она сжимала сумку.
Судя по стрелкам часов в кухне, у Хильды было в запасе две минуты. Бог может дать ей немного времени, если попросить Его. Она прикрыла глаза, пробормотала молитву и заспешила к концу квартала, где повернула направо и прошла мимо ряда кирпичных фасадов – все, что осталось от скопища домов, в которые в 1945 году попала «Фау-2».
Хильда упрямо выпятила подбородок навстречу острым иглам дождя, которые кололи ей лицо. Красный автобус фирмы «Оксо» проехал перекресток перед ней, подпрыгивая и дергаясь на трамвайных путях. Она услышала дребезжание звонка и, волнуясь, прибавила шагу. Что это с ней происходит, удивленно подумала она, поскольку никогда и никуда не опаздывала, ни разу за двадцать лет не пропустила начало церковных встреч. А сегодня мало того что она боялась опоздать, так еще и забыла Библию.

Забыть Библию!

Она лежала на кухонном столе, но возвращаться за ней уже не было времени; обычно Хильда засовывала ее в сумку и не могла поверить, что вышла из дому без Библии.

Прости меня, Господи.

Ее внезапно охватил приступ паники. Она представила свой дорожный экземпляр Божьей книги в коричневом кожаном переплете и с золотыми буквами тиснения, она видела его прекрасные страницы, нежные как шелк, – он лежал рядом со списком покупок и хрустальной вазой для цветов.

Это Дэниел заставил ее забыть о Библии, решила она. Бог накажет его за это. С мальчишкой что-то происходит. После смерти отца он стал каким-то странным, словно в нем поселилось зло. У него рак души. В те редкие минуты, когда ей хотелось быть доброй и снисходительной, она думала, что его грызет печаль, но она не была в этом уверена. Он демонстрировал равнодушие и оскорбительное высокомерие, словно в чем-то превосходил ее. Когда она гневалась на него, он просто улыбался и уходил. Порой казалось, что он считает себя даже выше Бога, вне пределов досягаемости Господа нашего.

И это было необходимо вышибить из него.

Именно вышибить.

Если она этого не сделает, то придется Господу, а Господь слишком занят, чтобы заниматься неблагодарным ребенком. Каждый день она обещала Богу, что будет неотступно заниматься с Дэниелом чтением Библии, отведет особые часы для совместных с ним молений и будет лупить его за неподчинение. Она просила у Бога помощи в этой задаче, но помощь так и не поступала.

Неделю за неделей она чувствовала, как теряет жизненные силы и энергию, как становится неуклюжей и забывчивой. Это все дело рук мальчишки. Каждый раз, как Дэниел входил в кухню, она разбивала стакан или блюдце. Прошлым вечером она уронила на пол полный соусник, мальчишка вызывал у нее гнев; один лишь вид его физиономии приводил ее к взрыву ярости.

Тем не менее ее взбучки он воспринимал безмолвно. И чем меньше он протестовал, тем больше она свирепела.

Добравшись до конца улицы, она возмущенно поджала губы, когда увидела, что подходит нужный трамвай. Догнать его она не успеет, поскольку находится на другой стороне улицы и далеко от остановки. Она услышала ровный перестук колес и дребезжание звонка.

Дэниел. Его лицо внезапно вспыхнуло у нее в памяти, словно кто-то раскаленным штампом впечатал его в мозг. Голову охватило мучительной болью, будто она была готова расколоться.

«Дэниел!» – внезапно потеряв представление о пространстве, выдохнула она, сжав голову руками.

Какой-то голос шепнул ей в ухо: «Молись!»

Это был голос Дэниела. Он повторил еще раз, громче: «Молись!»

И улица, и все вокруг нее стало рассыпаться на фрагменты, как отражение в осколках разбитого зеркала. Она повернулась вокруг своей оси.

– С вами все в порядке, миссис? – спросил незнакомый голос. Откуда-то протянулась рука, готовая ей помочь.

– Оставьте меня в покое, уберите свои руки! – завопила в ответ она. – Я должна успеть на трамвай! Бог – мой проводник, Бог – мой спаситель!

Собравшись было бежать, она споткнулась. Яростно взвыл клаксон, и такси рвануло в сторону, чтобы не сбить ее.

– Бог рядом со мной! – воззвала она. – Бог остановит трамвай!

«Молись!» – обжигающе прошипел у нее в ушах голос Дэниела.

Какая-то тень скользнула перед ней по мокрому гудрону, блеснула хромированная облицовка, снова прозвучал клаксон.

«Молись!»

Задребезжал звонок.

«Молись!»

Кто-то вскрикнул.

– Все мы равны перед взором Божьим, Дэниел, – громко сказала она и бросилась бежать. – Он знает, Дэниел. Он видит тебя, глупое дитя. Он знает, что ты есть зло!

Надо успеть на трамвай. Надо. Бог поможет ей догнать его. Держись! Тени, струи дождя, «дворники», которые выписывают свои дуги, лицо кондуктора за стеклом под козырьком остроконечной фуражки. В церковь нельзя опаздывать.
– Я никогда не опаздывала! – оповестила она мир.
«Молись!»
Теперь голос Дэниела обрел командные нотки. Ее сын был так властен, он вырос таким большим, ему всего семнадцать лет, но он уже мужчина, он теперь стал взрослым мужчиной, и пенис у него такой же большой, как ее…

О Господи, о чем же я думаю? Прости меня, Боже, всемогущий Господь, прости меня…

«Молись!»
Сложив руки, она вытянула их перед собой, молясь на ходу:
– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое…
Носком резинового бота она за что-то зацепилась и клюнула носом вперед. Асфальт взметнулся и с силой ударил ее под ложечку. Испытав потрясение, она рухнула ничком, все так же протягивая сплетенные руки, продолжая беззвучно шептать «Отче наш».
– …и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день… – Чей-то крик на мгновение отвлек ее, но она продолжила: – И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.
Раздался еще один крик, оглушительный, полный отчаяния. Теперь уже и земля подрагивала. Хильда чувствовала, что на нее надвигается какая-то тень, но она должна была закончить молитву. Должна…
Голос, который снова прозвучал у нее в голове, был голосом ее сына: «О господь наш Сатана! Я приказываю тебе лишить мою мать силы держать руки вместе на молитве!»
Боль рванула ей рот и заставила вытаращить глаза. Она услышала визг тормозов, пронзительный скрежет металла о металл. На мгновение ей показалось, будто нож мясника вырезает ей внутренности. Потрясение пронзило ее, как хирургическим скальпелем.
Нож полоснул по запястьям.
Кровь хлынула потоком и запульсировала, словно из прорванного крана. Затем боль пронзила ее – от внутренностей до кончиков пальцев. Женщина издала мучительный крик. Ей показалось, словно к запястьям прижали добела раскаленную кочергу. Боль исчезла так же быстро, как и появилась, сменившись полным онемением.
Она видела свои руки, одну справа, а другую слева – они лежали, вывернутые под немыслимыми углами. Обе сочились кровью. Они выглядели словно восковые игрушки из магазина розыгрышей. Кто-то глупо пошутил, выкинул их из окна, когда мимо проходил трамвай, и теперь они валялись на дороге.
Что-то металлическое наконец остановилось прямо перед ее глазами. За ее спиной кто-то истерически кричал. Еще кого-то рвало. Хильда Джадд попыталась шевельнуть руками, сложить их в молитве, приподняться и принять достойную позу. Но она смогла лишь медленно и беспомощно пошевелить лохмотьями кровавых обрубков запястий.

65

Четверг, 24 ноября 1994 года

Монти проснулась от металлического стрекота, за которым последовал щелчок, а затем ровное гудение. Когда, приходя в себя от сонного забытья, она открыла глаза, то увидела квадрат зеленовато-серого цвета. Затем осознала, что она дома, с Коннором. Тот сидел на постели, держа на коленях лэптоп.
– Что ты делаешь? – спросила она.
Не отвечая, он щелкнул по клавише, и через секунду она услышала, как настраивается модем. Затем Коннор наклонился к ней и нежно поцеловал:

– Просто надо было кое-что проверить. Я подключился к твоей телефонной розетке – надеюсь, ты не против?
Часы в верхнем правом углу экрана показывали 3:55 утра. Она с интересом понаблюдала, как он управляется с мышкой, как щелкнул по другой клавише, после чего в электронном почтовом ящике открылся раздел входящих писем. И тут она изумленно вытаращила глаза. В левой колонке сверху донизу повторялось слово «Матернокс».
Он открыл первое письмо. Монти прочитала имя отправителя: dsmith@bendix.co.au (Д. Смит, заведующий отделом продаж, «Бендикс Шер», Австралия Ltd). Адрес получателя был таков: alowe@bendix.co.uk. Алан Лоуе, которого она встречала, был директором группы продаж и располагался в здании Бендикс.
На следующей строчке под этими двумя адресами Монти успела прочитать буквы: bcc: eumenides@pavilion.co.uk.
«bcc» обычно ставилось, когда речь шла о письме без адреса, а «eumenides» вызвало какое-то смутное воспоминание о греческой мифологии.
– Откуда ты раздобыл эту информацию о «Матерноксе»? – спросила она.
– «Бендикс Шер» любезно прислал ее мне.
– Ах вот как? – От нее не укрылась искорка юмора у него в глазах.
– Конечно. Если не считать, что они сами этого не знали.
– «Eumenides»? – сказала она. – Это ты?
– Ага.
– Разве это не одна из фурий в греческой мифологии? Одна из трех безжалостных богинь мести?
– Нет. Обычно люди так называют фурий – эвмениды. На самом деле слово означает «добрые». – Коннор открыл очередное послание и прочитал его; оно содержало статистические данные из Германии – ежемесячный процент продаж «Матернокса» и анализ тенденции. Закрыв его, Коннор открыл другое.
– Значит, твой почтовый ящик в этой компании – в «Интернет-павильоне»?
Коннор, уделявший все внимание экрану, нахмурился.
– А не могут ли программисты из «Бендикса» выследить его?
– Очень трудно… разве что им крепко повезет, но я поставил пару проволочных ловушек.
– Проволочных ловушек?
– Если кто-то из системы «Бендикса» наткнется на них, я тут же получу сигнал с предупреждением, и в ту же минуту все содержимое почтового ящика будет выкинуто на свалку.
Она довольно улыбнулась, чувствуя, что уж сейчас-то окончательно проснулась:
– Значит, вы обладаете не только симпатичной физиономией, мистер Моллой?
Он подпер пальцем скулу и свел брови:
– Ты же знаешь мифологию, да?
– Немного. Почти все забыла.
Он развернул экран к ней и показал на слово.
– Полифемус, – прочитала она.
– Помнишь, кто это был?
– Да, один из циклопов. – И тут только до нее дошло. – Господи! – Она наклонилась к экрану и прочитала короткое сообщение: «ДОСЬЕ МЕДИЧИ. Смена пароля. Отметить: срок действия существующего пароля истекает сегодня в полночь по гринвичскому времени. Заменить на: poly*phe^mus».
Подписано было: «Б. Ганн, директор службы безопасности».
Коннор взял пачку сигарет с прикроватного столика, вытряхнул одну из них и закурил.
– Так, значит, это тоже счастливое совпадение? Или нам повезло сорвать банк?
– Припоминаю, что мы решили больше не верить в совпадения, – сказала она.
– Ты права. Именно это мы и решили.

В поисках пропавшей перчатки Коннор обыскал всю машину. Безуспешно. Должно быть, он где-нибудь ее выронил, хотя ни за что в жизни не мог припомнить, где именно. Весь вчерашний день он не покидал офис и был уверен, что, уходя, прихватил перчатки с собой и сунул в карман плаща.

Он повесил плащ, тяжело опустился в кресло и, откинувшись на спинку, собрался с мыслями. Было десять минут девятого – чуть поздновато, но вполне терпимо. Ему потребовалось незаурядное усилие воли, чтобы заставить себя вылезти из постели как раз после того, как они с Монти утром снова занимались любовью. Сейчас он чувствовал себя очень усталым, но в то же время полным радостного возбуждения – и от той ночи, что он провел с ней, и от своего открытия. Коннор умирал от желания пустить в ход пароль, который он вскрыл, но необходимо обождать до полуночи. Было бы полным безрассудством предпринять такую попытку сейчас.
Поднявшись, он сделал себе черный кофе, включил рабочий терминал и проверил почту.
Его ждало двадцать одно новое послание в добавление к вчерашним сорока, с которыми он не успел разобраться. Первыми он открыл те, что попроще. Пришло несколько писем из Вашингтона от старых приятелей по колледжу, которые регулярно обменивались с ним электронными письмами, сообщая в основном сплетни, последние скандалы с Клинтоном, новейшие анекдоты, но случались и серьезные новости об открытиях в генетике.
Странно, каким далеким кажется Вашингтон. Он с легким чувством вины припомнил, что так и не ответил на два последних послания от матери. Похоже, что скоро ему придется иметь дело с первыми запросами на патенты, и эта мысль не доставляла ему большого удовольствия. Мало того что эта задача отвлекала от главной цели, тот факт, что Кроу упомянул доктора и документы, имеющие отношение к «Псориатаку», весьма беспокоил его. Если его засекут, то ему одному придется отдуваться; не стоит и говорить, что это будет концом его карьеры. И, что куда важнее, концом его задания.
Экран сообщил, что по его факсу получен документ, и Коннор ознакомился с ним. Это было стандартное письмо из Патентного бюро США, сообщавшее, что документы по «Псориатаку» получены и что скоро будет назначен эксперт, с которым можно поддерживать связь.
Назначение эксперта было чистой воды лотереей; кое-кто, как он знал по печальному опыту, был совершенно неприступен; других еще можно было как-то уломать. В зависимости от того, кто будет им заниматься, ситуация может сложиться по-разному. Кроу вроде собирается шаг за шагом наблюдать за прохождением этих бумаг. В фармацевтическую индустрию многие на административные должности пришли из бизнеса и не имели научной подготовки. В этом плане Кроу представлял собой необычное явление: он имел солидное биохимическое образование и опыт «полевых» работ. Он был очень неплохим ученым, если не лучшим из тех, которые работали на него. Никто в «Бендикс Шер» не мог пустить ему пыль в глаза.
Коннор открыл конверт и извлек уведомление о грядущем семинаре на тему нравственных аспектов патентования человеческих генов. В Штатах он уже посещал лекцию, которую читал тот же самый человек, и она не произвела на него впечатления. Он бросил конверт и три листа бумаги в бумагорезку рядом со своим столом и аккуратно включил ее.
Затем Коннор просмотрел последний номер ежемесячника «Новости генома человека». Когда он занимался этим, послышался стук в дверь и, пустив в ход свою карточку-пропуск, в кабинет проник Чарли Роули.
– Доброе утро, мистер Моллой.
– Привет.
– Ты снова опоздал, – сказал коллега. – Выдалась нелегкая ночь?
– Не капай мне на мозги, мистер Роули, сегодня я очень слаб.
У Роули был куда более серьезный вид, чем обычно.
– Мне нужно поговорить с тобой. Можем мы сегодня пораньше встретиться за ланчем – скажем, в половине первого?
– Конечно. – Коннор прикинул, есть ли у него какая-то информация для Роули, но промолчал.
– Есть такой паб «Норзернер» – пройдешь мимо станции Кингс-Кросс, в конце квартала повернешь направо – и дальше прямо по дороге. Примерно в пяти минутах ходьбы отсюда.
– Найду.
– Значит, до встречи.

Паб оказался заведением без особых претензий – потолок был в пятнах от никотина, а рок был слишком громкий. В зале стоял прокисший винный запах, случайная клиентура во время ланча состояла из двух работяг в грубых башмаках, мужчины в дешевом костюме, читавшего газету, пары стариков, которые сидели сами по себе за своим пивом и с сигаретами, и пожилой женщины, которая излагала бармену нескончаемую повесть.

Коннор увидел Чарли Роули, сидящего в нише, – в своем элегантном костюме в белую полоску он был тут явно не к месту.
Когда Коннор подошел, Роули осушил свой стакан и встал.
– Я думал, что к ланчу они тут что-то готовят… но у них только сэндвичи. Давай поищем что-нибудь еще. – Он произнес это куда громче, чем требовалось, и, не дожидаясь ответа от Коннора, направился к выходу из паба.
– Меня бы устроил и сэндвич, – удивленно сказал Коннор и подумал, что его приятель, наверно, поссорился с хозяином заведения. Он удивился еще больше, когда Роули остановил такси, втолкнул его в салон и сказал водителю ехать в отель «Кумберленд».
Когда такси снялось с места, Коннор повернулся к Роули:
– Что случилось?
– Смотри прямо вперед, не озирайся. Договорились?
– Конечно, – ничего не понимая, сказал Коннор.
Роули повернулся и уставился в заднее окно:
– О черт, я оказался прав. Тот тип в костюмчике прыгнул в такси, что держится за нами.
Снова повернувшись к Коннору, он запустил руку во внутренний карман пальто и извлек конверт, в котором обычно отправляют письма.
– Маленький подарочек для тебя. Бери и спрячь понадежнее.
– Это то, о чем я думаю?
– Образец «Матернокса», который ты искал. С оригинальной спецификацией по лицензии изделия.
Коннор надежно запихал конверт в нагрудный карман пиджака.
– Я в долгу перед тобой. Спасибо.
– Не стоит благодарности. – Роули вытащил пачку сигарет и закурил, не обращая внимания на надпись «Спасибо, что вы не курите» на перегородке, отделяющей от водителя, после чего снова с подозрением уставился в заднее окно. – Помнишь, что ты говорил об уик-энде, о компании… – Он покачал головой. – Может, это и не было такой уж паранойей. Я прямо из кожи вон вылез, пока уговорил своего приятеля раздобыть этот образец… я и представить себе не мог, что человек будет так выворачиваться.
– Что ты сказал ему? – обеспокоенно спросил Коннор.
– Да все в порядке, не волнуйся. Я наплел ему какую-то ахинею – мол, наш департамент попросили найти возможность распространения патентов на «Матернокс»… надо прикинуть, дает ли его состав какие-то возможности для маневра.
– И ему пришлось говорить на эту тему с кем-то еще?
– Думаю, что в этом и была проблема, особенно учитывая те образцы, которые тебе нужны. Пока в этом плане успехов нет. Все они под надежными запорами. Похоже, мне придется потрясти другие клетки.
– Почему же за нами следят?
– Я мог и ошибиться… но я видел физиономию этого типа в пиджачке около «Бендикса». Несколько странно, что он явился в тот паб через полминуты после меня, ушел через тридцать секунд после меня и взял такси в том же направлении. – Роули пристально уставился в потолок такси, словно надеясь найти микрофон подслушки. – Во всей этой ситуации явно что-то не то. Не переживай. Когда я вернусь с Гавайев, то попробую еще раз. Если надо, я привлеку кучу помощников.
– С Га… откуда?
– Только что утром мне сказали, что завтра я должен лететь на Гавайи.
Коннор непонимающе посмотрел на него.
– Ну да… ты же не знаешь, что там у нас один из самых больших заводов.
– Как же, как же, Гавайи, «Хило»… ну да.
– Там неожиданно что-то произошло… точно не знаю, что именно… но там возник большой выход продукции, и, похоже, это вызвало большое возбуждение. Я должен разобраться и прикинуть ситуацию с британскими и европейскими патентами.
– В это время года далеко не худшее место, – заметил Коннор.
Роули ухмыльнулся:
– Уж ты-то имеешь право говорить. – Он затянулся сигаретой. – Ну а я не большой знаток теплых мест – наше сырое английское лето меня вполне устраивает.

– С каким бы удовольствием я бы поменялся с тобой, – сказал Коннор. – Иисусе! Подумать только – ты будешь греть на солнце свою задницу, потягивать «Маргариту» и блаженствовать в океане.
– Первые два занятия меня устраивают, а вот третье – нет. Я не умею плавать.
– Ты шутишь?
– Ни в коем случае. Боюсь воды. Гидрофобия… или как там это называется. Наверно, когда я был ребенком, меня укусила бешеная собака.
– У «Бендикс Шер» должны быть пилюли, которые вылечат тебя. Я готовил патентное обеспечение таблеток от фобий – «Мерк».
– Скажу тебе одну вещь, о которой я точно знаю, – сообщил Роули. – На Гавайях есть чертовски симпатичные девочки. Хочешь, я притащу тебе парочку?
– Я скажу тебе, что ты можешь притащить. Завод в Хило производит весь объем поставок «Матернокса» для Западного побережья Штатов. И было бы очень здорово с твоей стороны, если бы ты мог прихватить горсточку образцов этих серий.
– Нет проблем! – ухмыльнулся Роули. – Ты смотри, что тут делается!
Такси медленно ползло в густом потоке неторопливого уличного движения; несколько раз водитель раздраженно глянул из-за плеча, но ничего не сказал, и Роули продолжал курить.
– Вот о чем я хотел бы тебя спросить, – сказал Коннор. – Когда мы говорили в субботу, ты упомянул, что ходят слухи о каких-то тайных подземных этажах под бассейном в подвальном помещении. Ты сказал, что там вроде сидят сотни гномов с наушниками, которые всех прослушивают. Откуда вообще взялась эта история?
Роули нахмурился:
– Я думаю, что она пошла от начальника департамента, где я впервые начал работать.
– От Гордона Райта?
– Нет, от человека по имени Ричард Дрейетт. Всего через год, как я пришел сюда, бедняга умер от опухоли мозга – в сорок два года. Жаль! Вот бы тебе понравилось работать с ним – он и в грош не ставил все правила компании.

66

Несмотря на то что в помещениях здания Бендикс царил ионизированный, без малейших вредных примесей, чистейший, как в альпийских предгорьях, воздух, Монти отчаянно нуждалась в дневном свете и хоть в нескольких глотках настоящего воздуха – пускай насыщенного окисью углерода и выхлопами дизельного топлива.
Когда подошло время ланча, она покинула здание и двинулась по Юстон-роуд. День был сухим и прохладным, с чистым синим небом над головой. Ее мучительно угнетал тот факт, что Коннор всего в нескольких этажах от нее, в том же здании, но она не может спокойно и откровенно поговорить с ним. Но по крайней мере, они проведут вместе уик-энд, и она уже предвкушала его.
Она зашла в киоск купить газету и рассеянно скользнула взглядом по стойке с журналами.
«РЕДКОЕ И ОТКРОВЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ В ДОМЕ У СЭРА НЕЙЛА РОРКЕ».
Заголовок на обложке журнала «Хэлло!» бросился ей в глаза. Монти купила журнал, прошлась немного и, увидев за стеклами бара свободный столик, решила перекусить.
Заказав салат из тунца и апельсиновый сок, она расположилась за столиком, открыла журнал, пролистала его и остановилась на главе «Бендикс Шер». Он стоял у зеркала в позолоченной раме, в комнате с элегантной обстановкой, положив руку на плечо темноволосой женщины, которая сидела в кресле времен Людовика XIV. Ее обтягивало модное платье с высоким воротником, а лицо с растянутой улыбкой выглядело так, словно ей только что сделали подтяжку.
Подпись под фотографией гласила: «Один из наиболее ярких бизнесменов Британии пригласил нас в его сельский дом в Кенте и рассказал о своей частной и общественной жизни». Статья, открывающая номер, начиналась с его цитаты: «Фармацевтическая индустрия обладает огромной силой. И я глубоко чувствую свою ответственность».

Рорке производит впечатление вполне гуманного человека, подумала Монти, и невозможно представить, что он сознательно принимал участие в каких-то зловещих действиях. Компания явно просто эксплуатировала его облик доброго дядюшки, а настоящие подлости творил за его спиной этот ползучий гад Кроу – или кто-то стоящий ниже по лестнице.
Она подумала о памятной записке, которую доктор Линда Фармер послала Кроу, – Коннор показал ее на экране своего лэптопа: «У нас может быть и четвертая проблема с „Матерноксом“. Кингсли К. (миссис). Находится под наблюдением. Будем сообщать».
Ее охватил гнев. Ведь именно она убедила отца продаться «Бендикс Шер» – только потому, что верила в безупречную репутацию компании. Она продолжала верить в нее и не собиралась позволять, чтобы несколько гнилых яблок портили ее облик – и к тому же марали имя ее отца.
Пока еще у нее не было никаких доказательств. Но если анализы «Матернокса» окажутся сомнительными, она пойдет прямо к Рорке, решила Монти, и все ему выложит. И сделает это до того, как все расскажет Губерту Уэнтуорту, не дожидаясь, когда пресса начнет уничтожать компанию.
За несколько минут до восьми Монти вышла из лифта в просторный холл. Час пик уличного движения уже сходил на нет, и ей потребовалось не больше сорока минут, чтобы добраться до дома отца. У нее была еще одна причина, чтобы запоздать.
Последние пару дней Уинстон Смит отсутствовал на службе, и Монти надеялась, что уж сегодня-то вечером он появится; в этот час в холле мало кто показывается, и ей удастся снова переговорить с ним.
Она с удовольствием убедилась, что Уинстон в одиночестве сидит на своем месте, и мимо белого мраморного фонтана направилась к нему. Со времени их последней встречи он заметно похудел, лицо осунулось и приобрело совсем уж нездоровый цвет.
– Привет! – сказала она.
Он сдержанно кивнул ей. Обычно он вставал при встрече, но в этот раз остался сидеть.
– Добрый вечер, мисс Баннерман. – У него был подавленный и смущенный вид.
– С вами все в порядке? – спросила она. – Пару дней вас не было видно.
Белки его глаз потемнели, а в левом был виден след лопнувшего кровеносного сосуда.
– Говоря по правде, мисс, чувствовал я себя не очень хорошо. – Он высморкался.
– У вас не прошла простуда?
Он похлопал себя по животу:
– Нет… это здесь… боли в желудке. Несколько дней мучили.
– Но это не приступ аппендицита?
Он грустно улыбнулся:
– Нет, ничего подобного. Я был бы не против, чтобы его можно было вырезать, но доктор всего лишь дал мне пилюли, чтобы снять боль.
– Какой диагноз он поставил?
– Не знаю. Он почти ничего не говорил. – Уинстон, нервничая, посмотрел по сторонам и понизил голос: – Честно говоря, я думаю, тут что-то гораздо более серьезное, чем они могут сказать.
– Как давно у вас эти боли?
– Да уже года три.
Монти была потрясена.
– Кто ваш врач?
– Доктор Зелигман.
– Он ваш семейный врач?
– Ну… что-то вроде… он доктор от компании.
– Я и не знала, что есть такие.
– О да, он прекрасный человек. В подвальном этаже за водолечебницей у него клиника. Он всегда очень любезен. Все мы ходим к нему.
– Кто «все»?
– Все мы, сотрудники… которых используют как морских свинок… для испытаний лекарств.
Монти осмотрелась:
– Послушайте, мистер Смит, вы когда-нибудь посещали другого врача… чтобы выслушать еще одно мнение?

– За последние десять лет я был у самых разных докторов, мисс. Вы не поверите, сколько у меня хворей. Но самая худшая – это сыпь.
– Сыпь?
– Что-то вроде псориаза. Жуткий зуд по всему телу, и несколько дней я был в самом деле болен.

> Псориаз.
> Это слово поразило Монти. Отец не мог найти именно досье по псориазу. Эта связь смутила ее.

– И что говорили другие врачи?
Уинстон покачал головой:
– То же самое – ничего страшного! Это все мое воображение! Я был покрыт сыпью с головы до ног, у меня была температура тридцать девять и четыре, а они мне говорят – должно быть, я себе это все вообразил – психо… что-то там такое.
– Вы говорили им об испытаниях, которые на вас проводили?
– Ага.
– И вы поверили в их диагноз?
– Я не знал, во что мне верить, мисс. Я был у специалиста на Харли-стрит, и он сказал, что со мной все в порядке… кому верить?
Она в упор уставилась на него:
– Харли-стрит? Вы платили, чтобы попасть туда?
Уинстон покачал головой:
– Нет, платил «Бендикс». Когда я сказал доктору Зелигману, что хочу выслушать и другое мнение – ну, говоря по правде, это моя жена захотела, – он очень внимательно отнесся ко мне, договорился о приеме и обо всем прочем, а компания взяла на себя заботу о моих счетах. Даже сэр Нейл Рорке как-то остановился рядом со мной и спросил, как я себя чувствую. Я уверен, компания сделала для меня все, что могла. Но я знаю, что умираю, и я это вовсе не выдумал. Я умираю, но они не хотят мне об этом говорить.
Монти стояла, плотно сжав губы. Руки у нее были в карманах плаща, и она поняла, что подсознательно сжимает кулаки. Наконец она нашла нужные слова:
– У моего отца и у меня много знакомых медиков… мы могли бы попросить кого-то еще раз осмотреть вас.
– Я не хочу делать ничего, что огорчит доктора Зелигмана, – он всегда очень добр ко мне.
Монти видела, что на лице Уинстона отражается неподдельное доверие к своему доктору.
– Вечером я переговорю с отцом, – продолжала настаивать она.
– Ну ладно… вы очень любезная молодая леди.
Она посмотрела на группу скульптур из белого мрамора, украшающих фонтан за его спиной, и быстро обвела взглядом весь холл. Кроме них, в нем никого не было. Тем не менее она понизила голос до шепота:
– Послушайте, в тот день, когда я спросила вас о лифте, дверцы которого никогда не открываются, вы ответили, что имело бы смысл проверить план здания, не так ли?
Вдруг у него появилось растерянное выражение лица; сейчас у него был вид как у животного, пойманного в ловушку.
– Так вот, я проверила, – сказала она. – И пришла к выводу, что имеется несколько потайных этажей. Для чего они используются? Для опытов на животных?
– Прошу вас, мисс, ни о чем больше не спрашивайте меня. Я ничего не должен был вам говорить. – Испуганно посматривая по сторонам, он придвинулся поближе к Монти. – Прошу вас, никому не рассказывайте о том, что узнали от меня.
Она еще сильнее сжала кулаки:
– Мистер Смит, на этих планах показаны шесть дополнительных этажей – я хочу посетить их.
Он отчаянно замотал головой:
– Это просто невозможно, мисс.
– То есть вы признаете, что они существуют?
Лоб его покрылся испариной. Глаза испуганными мышками метались из стороны в сторону.
– Пожалуйста, ни о чем больше не спрашивайте меня. Я не хочу терять работу, меня никто больше не наймет. – Он пришел в возбуждение, и голос зазвучал громче. – Я могу потерять

свою пенсию, страховку… словом, все. У моей жены болезнь Паркинсона, она передвигается в коляске. Я не могу рисковать. Я не знаю, чего ради открыл свой большой и глупый рот.
Она кивнула, сухо пожелала ему спокойной ночи и, погруженная в свои мысли, прошла на автостоянку. На ней почти никого не было. Ее «эм-джи» стоял в тени, у дальней стены стоянки. Подходя к машине, она внезапно услышала шаги за спиной и резко повернулась.
Это был Коннор.
– Привет! – сказала она удивленно и обрадованно.
Он приложил палец к губам, призывая к молчанию:
– Садись в машину, и я тоже сяду.
Коннор забрался в машину рядом с ней, захлопнул дверцу и коротким поцелуем коснулся ее щеки.
– Я ждал тебя.
– Это просто прекрасно!
– Я еще не кончил. Послушай, я получил от Чарли Роули спецификацию «Матернокса», но он задел несколько тревожных колокольчиков и попал под наблюдение. Я могу и сам сделать анализы, но мне нужно соответствующее оборудование.
– Например?
– Спектрофотометр, центрифуга, фиксатор жидких фракций, трансиллюминатор и темная комната с ультрафиолетовым освещением.
– Все это у нас есть, – возбужденно сказала она. – По крайней мере, я думаю, что аппаратура все еще на месте. Могу проверить у отца – сегодня вечером я увижусь с ним. На уик-энд мы можем отправиться в старую лабораторию – и будем там в полном уединении. Пока еще ничего не было переправлено в лабораторию «Бендикса». – Она задумалась. – Не сомневаюсь, все было в описи оборудования, которое мы собрались продавать.
– Можешь ты все это выяснить? Кроме того, мне нужны кое-какие химикаты… например, растворители.
– Скажи точно, какие именно.
Она тщательно записала в свой рабочий дневник его заказ. Затем он вылез из машины и пошел к своему автомобилю.
До дома отца оставалось не больше десяти миль, когда Монти осознала, что какой-то автомобиль продолжает держаться за ней, сохраняя одно и то же расстояние. Она опасно превысила скорость и обогнала машину. Несколько секунд спустя в ее зеркале снова возникли те же огни. Подчинившись какому-то импульсу, она резко повернула направо, на сельскую дорогу.
Огни фар последовали за ней.
Она наудачу повернула налево.
Фары снова последовали за ней.
Она повернула направо.
Фары продолжали держаться за ней.

67

Сидя в своем «БМВ», Коннор подождал, пока Монти выехала со стоянки «Бендикса», после чего включил двигатель и вывернул налево на Юстон-роуд. Движение было не таким перегруженным, как в час пик, но все же напряженным, и ему понадобилось минут десять, чтобы проползти мимо станций Кингс-Кросс, Панкрас и Юстон.
Ему передалось беспокойство Чарли Роули, за которым следили во время ланча, и время от времени он поглядывал в зеркало заднего вида, хотя в этом калейдоскопе ходовых огней и поворотников было почти невозможно определить, следят ли за ним.
Коннор продолжил путь по Мэрилебон-роуд, вверх по эстакаде и воспользовался съездом на Паддингтон, который вывел его на широкую улицу с газоном посредине, по обеим сторонам которой стояли дешевые, судя по внешнему виду, гостиницы.
Он решительно сбросил скорость, подрулил к левой обочине и неторопливо двинулся вперед, пока не увидел отель, который вызвал у него доверие. Фасад отеля украшал портик, который,

вкупе со стеклянной дверью, не сочетался с классической георгианской архитектурой. Рядом с названием красовались три звезды.
За стойкой сидел портье в зеленой безрукавке, с сигаретой в зубах и читал мятый таблоид.
– У вас есть номер на одного? – спросил Коннор.
– На сколько суток? – Портье даже не поднял на него глаз; голос у него был кислый и равнодушный.
– На сегодня.
– Желаете с ванной или с душем?
– Все, что угодно, лишь бы подешевле. В номерах есть прямая телефонная связь?
– Во всех. – Портье пробежал глазами список. – Душ. Шестьдесят пять фунтов.
– Плачу наличными.
– Если хотите воспользоваться телефоном, то нужны данные вашей кредитной карточки.
– О'кей. – Коннор протянул кредитную карточку.
Портье пододвинул ему регистрационный журнал, и Коннор вписал туда несуществующий вашингтонский адрес. Затем портье вернул карточку и вручил ключ.
– Номер семь на втором этаже. – Он показал на пожарный выход. – Прямо по лестнице. Легкий завтрак в номер или с семи часов горячий завтрак внизу. Вам нужна утренняя газета? Или разбудить вас пораньше?
– Нет, спасибо.
Коннор преодолел два пролета узкой лестницы и, разобравшись в путанице лестничных площадок, увидел, что его номер находится прямо перед ним.
Войдя, он плотно закрыл за собой дверь и запер ее. В комнате стоял холод, и ее высота едва ли не превосходила длину. Он задернул шторы, бросил пальто на стул и сдвинул односпальную кровать, чтобы, проследив телефонную линию, добраться до розетки. Проделав с ней кое-какие манипуляции, он вставил в штепсель модем, подсоединил кабель, открыл крышку лэптопа и включил его.
Пока техника загружалась, он покурил, а затем, набрав номер, вошел в компьютерную систему «Бендикс Шер». В ответ на требование «ВВЕДИТЕ ИМЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ» он отпечатал полученное ранее имя Клиффа Норриса, системного администратора, и его текущий пароль: «a*l*c/hem>ist».
На экране появился список меню и команд. Коннор нашел «поиск» и напечатал: «ФАЙЛ МЕДИЧИ». Затем, плотно зажав губами сигарету, он щелкнул по клавише ввода.
На экране появилось: «ДОСТУП К ДАННОМУ ФАЙЛУ ОГРАНИЧЕН. ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».
Заглянув на заднюю страницу своего дневника, он аккуратно, опасаясь сделать какую-нибудь ошибку, напечатал: «poly*phe^mus». В ответ на экране несколько секунд мерцали слова «ПАРОЛЬ ПРИНЯТ», после чего появилось предупреждение:
«Данная информация носит строго конфиденциальный характер. Если вы не относитесь к числу сотрудников, имеющих к ней доступ, то должны знать, что совершаете уголовное преступление, нарушая Акт о защите информации от 1984 года, и должны немедленно отсоединиться.
Для этого нажмите на клавишу D или для продолжения работы – клавишу ввода».
Ее Коннор и нажал, после чего на экране появился заголовок: «ФАЙЛ МЕДИЧИ». А пониже – строчка подзаголовка: «Матернокс». Статус первой фазы.
Он открыл сообщение, оно было озаглавлено: «Серия номер BS-M-6575-1881-UKMR. Дата выпуска: 31 окт. 1993 г. Концентрация ожидаемого результата: сент. 94 – июнь 95». Далее шли отчеты об «историях болезни».
«1. Джонсон Сара (миссис). Курс прописан за двенадцать недель до зачатия. В пять месяцев – неидентифицированная сыпь с прыщами типа псориаза. Длительность две недели. К семи месяцам сыпь вернулась и, распространившись по верхней и нижней части торса, держалась четыре недели. Сопровождалась температурными флюктуациями от 37,7 до 40 градусов, головокружением и рвотой. На восьмом месяце пациентка помещена в главную Беркширскую больницу. Смерть от нарушения дыхательной функции во время родов на сроке восемь месяцев две недели. Ребенок (м) появился постмортем путем кесарева сечения. Симптомы: синдром циклопа в сочетании с острым псориазом прыщеватого типа. Асфиксия наступила из-за резкого порока развития дыхательных органов».
Коннор спустился пониже, к следующему имени в списке: Пател Зейнат (мисс).

Он прочел ее симптомы. Точно те же самые, что и у Сары Джонсон. Женщина и ее ребенок скончались в Бирмингемской больнице Королевы Елизаветы. Третьей была миссис Роберта Макдональд. Снова те же симптомы. Она умерла в изоляторе Королевской больницы в Эдинбурге. Затем Коннор перешел к следующему имени.

Кингсли Кэролайн (миссис). Та женщина, из дома которой Монти раздобыла шесть капсул «Матернокса». Симптомы и у нее, и у ее ребенка совпадали с тремя вышеописанными. Коннор раздавил окурок сигареты и вывел на экран весь список.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК
Всего в группе: 100
Всего зачатий на сегодня: 17
Всего выкидышей на сегодня: 3
Всего смертей на сегодня: 4
Предполагаемые даты рождения оставшихся зачатий:
Хосейн Кэролайн (миссис). 24 дек. 94
Фаннинг Эмми (миссис). 14 фев. 95
Дональд Мойра (миссис). 26 фев. 95
Саймонс Джеральдина (миссис). 14 мар. 95
Лидьярд Маргарет (мисс). 29 мар. 95
Браун Антея (миссис). 22 апр. 95
Таунсенд Люси (миссис). 5 мая 95
Коэн Сара (миссис). 27 мая 95
Стерлинг Анна (миссис). 10 июня 95
Брук-Олсен Таня (миссис). 19 июня 95

Его взгляд вернулся к фамилии Стерлинг. Она вызвала какое-то воспоминание. Не имя ли это подруги Монти? Закурив очередную сигарету, он припомнил разговор, который у них состоялся, – кажется, она, или нет? Он снова уставился на этот отчет: «Статус первой фазы».

Что это такое, черт возьми?

У него слегка подрагивала рука, когда он подносил сигарету ко рту.

Сначала он думал, что «Бендикс Шер» пытается скрыть информацию о случайно выпущенной дефектной серии «Матернокса». Но, судя по этим материалам, ни о какой случайности не могло быть и речи. Все было сделано сознательно. Все тщательно планировалось и отслеживалось. Он стал читать дальше: «ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ: в результате случайных мутаций наблюдается стойкая нестабильность. 100 % потерь обладают идентичными симптомами. Много положительных факторов. Решительно запрещается использование ЛАТОНЫ фазы первой до получения дальнейших результатов и анализов. К настоящей дате недостаточно информации, чтобы делать однозначные выводы».

Отчет никем не был подписан. Весьма предусмотрительно, ехидно подумал Коннор. Он бы тоже не хотел, чтобы его имя стояло под таким сообщением.

Латона.
Он прочел до конца весь текст файла, но нигде больше не встретил этого слова. Любопытно. Он пустился в углубленный поиск и через несколько секунд получил сообщение: «Страницы файла Латона фаза первая находятся в процессе создания. Доступ невозможен. Дата выпуска – 31 марта 1995 года».

Он встал и несколько раз прошелся по комнате, чтобы прочистить мозги. Коннор Моллой чувствовал себя так, словно только что открыл ящик Пандоры.

Он попытался раздобыть еще какую-нибудь информацию, вводя ряд ключевых слов и различных имен, включая «Кроу», «Фармер», «Ганн», «Информация Медичи» и «Полифемус», но его старания ничего не дали.

Сохранив файл «Медичи» на жестком диске и предусмотрительно закодировав доступ к нему на тот случай, если кто-то влезет в его закрома, он выключил свой компьютер, отсоединил

модем, поставил на место телефонную розетку и пододвинул кровать к стене. Он воспользовался услугами этой гостиницы на все шестьдесят пять фунтов и был готов уезжать. Внизу, в холле, он оплатил счет за телефон и вышел.

Коннор был настолько поглощен своими мыслями, что не обратил внимания на человека в теплой куртке с поднятым воротником, стоящего недалеко, чуть ниже по дороге.

Этот человек подождал, пока Коннор сел в свою машину и включил двигатель, после чего неторопливо поднялся по ступенькам гостиницы и вошел в холл.

68

Монти старалась сохранять спокойствие, хотя ехала по совершенно незнакомой сельской местности, при этом делая вид, что прекрасно знает место своего назначения. Поворот направо, а потом налево. Свет фар за спиной повторял все ее маневры.

Она с растущим беспокойством посматривала на мягкое, теплое мерцание в окнах домов. Кое-где помаргивали телеэкраны. Перед домами стояли машины, последние модели, большей частью маленькие и средней величины, новые и подержанные. Это было уютное богатое местечко.

Монти снова повернула направо. Висящая на хвосте машина послушно повторила поворот. Выругавшись, она резко затормозила.

Тупик.

В нем был небольшой участок для поворота, окруженный припаркованными машинами. «Эм-джи» принялся разворачиваться, но места не хватило, чтобы сделать разворот в одну дугу. Монти пришлось остановиться, сдать назад и снова двинуться вперед. Она удивленно вгляделась в оранжевое уличное освещение.

Ее никто не преследовал.

Разворачивая машину, она остановила ее на полпути, опустила стекло и высунулась навстречу холодному вечернему воздуху. Где-то неподалеку гавкнул пес. Она присмотрелась к силуэтам машин, припаркованных у обочины; выхлопная труба «эм-джи» так громко рычала под днищем, что было совершенно невозможно услышать другую машину. Ее взгляд пробежался по припаркованным машинам в поисках одинокой фигуры за рулем. Полная тишина и спокойствие. Оранжевое свечение фонарей и безлюдье создают ощущение нереальности, словно она в городе призраков или на съемочной площадке.

Она закончила поворот и на черепашьей скорости поползла мимо стоящих машин. Добравшись до Т-образной развязки, посмотрела на две последние машины. Обе стояли темные и пустые. Машина, что следовала за ней, когда она залетела в тупик, просто могла принадлежать кому-нибудь из местных обитателей, который возвращался домой. Но в таком случае почему никто не вышел из машины?

Она попыталась вспомнить последовательность случайных поворотов налево и направо, которые делала. Да, Монти совершенно точно припомнила, что в тупик она свернула направо. Сейчас она повернула налево и прибавила скорости. Теперь направо и еще раз направо. Всего четыре поворота – и она вернется на главную дорогу.

Монти посмотрела в зеркало заднего вида. Из поселка за ней никто не выехал. Пока она отъезжала от него, оранжевое свечение меркло и окончательно погасло. Теперь никто ее не преследовал, с ней остались только темнота ночи и ее собственное беспокойство.

Монти въехала в пригород Мейденхеда и тут же послушно сбросила скорость до тридцати миль в час, как требовал дорожный знак. Она проехала мимо знакомого обозначения заправочной станции, мимо простой церкви из бетона и стекла, мимо вереницы магазинов – и повернула налево на тенистую аллею, где прожила почти все детство.

Тут в отдалении друг от друга, основательно отступив от дороги, стояли особняки – некоторые за надежной оградой, а другие за густой изгородью разросшихся кустарников и деревьев. Большинство из них, как дом ее отца, были построены в стиле времен Тюдоров, но дом отца Монти, пожалуй, меньше всего отличался величественностью. И хотя в нем было шесть спален,

большинство комнат были небольшими и внутри дом совсем не походил на настоящую сельскую усадьбу.
В течение последних нескольких лет после смерти матери Монти наблюдала, как несчастный покинутый дом медленно ветшает. Так что лучше всего, подумала она, подъезжать к нему в ночное время, когда это не так хорошо видно.
Ей хотелось, чтобы отец снова женился. Монти улыбнулась забавности ситуации: она озабочена тем, как бы найти отцу другую жену, в то время как он волнуется, что ей уже под тридцать, а у нее нет постоянного друга, и задумалась, не стоит ли сегодня вечером рассказать ему о Конноре, но решила, что, пожалуй, еще рановато. С вечера понедельника весь ее мир стал другим, но пока не стоит говорить об этом отцу.
Она привязалась к Коннору и ловила себя на том, что в каждой ее мысли неизменно присутствовал он. Но она еще не слишком хорошо знала этого человека: его окружал какой-то ореол тайны, это возбуждало и пугало ее.
Пугало потому, что она не могла разобраться в нем, не могла оценить, чем он руководствуется, и не исключала, что в один прекрасный момент ей придется решительно порвать с ним. А что, если у него есть подруга или, что еще хуже, жена в Америке?
Она по-прежнему почти ничего не знала о его прошлом, кроме того, что его воспитывала овдовевшая мать, которая интересовалась оккультизмом и зарабатывала на скромную жизнь ясновидением. Несколько раз Монти пыталась расспросить его об отце, но Коннор всегда менял тему. Он что-то скрывал от нее, она даже не смогла выпытать у него в ту ночь, какой страшный сон ему приснился.
Монти поставила машину, выбралась из нее и оглянулась, всматриваясь в темноту, – кажется, ничего зловещего. Она поднялась по ступенькам портика и отперла дверь своим ключом.
– Привет! – громко сказала она, с удовольствием вдыхая аппетитный аромат тушеного мяса. – Привет, папа! – снова окликнула его Монти и, снова не услышав ответа, забеспокоилась. На лестничной площадке горел свет. Посмотрев наверх, она не торопясь миновала лестничный пролет и увидела, что дверь его кабинета в конце коридора приоткрыта. – Папа! Добрый вечер!
Молчание. Только слабое жужжание компьютера, который он всегда оставлял включенным. Под ее шагами заскрипели половицы, отчего растерянность только усилилась. Она рывком преодолела оставшиеся несколько шагов, толкнула дверь, заглянула внутрь.
И с облегчением увидела, что отец, погруженный в свои мысли, сидит за столом и темноту кабинета рассеивают только настольная лампочка и свечение экрана компьютера. Не желая пугать его, она тихонько позвала:
– Папа!
Не оборачиваясь, он поднял руку в знак того, что узнал ее.
– Привет, дорогая, – пробормотал он и сделал привычный жест, чтобы ему не мешали.
Подойдя поближе, она посмотрела на экран. По нему тянулись строчки генетического кода, которые были для нее едва ли не полной бессмыслицей. Она знала, что гены всех живых организмов, от растений до людей, состоят из тех же самых четырех основных компонентов, именуемых основаниями: аденин, тимин, гуанин и цитозин. Генетическая кодировка проводится по их заглавным буквам: А, Т, Г и Ц. Монти понимала, что каждый отдельный человеческий ген представляет собой последовательность этих оснований, некоторые длиной в несколько сот, а другие – в несколько тысяч. Отсюда она могла сделать вывод, что в полном блоке ДНК сорока шести хромосом человеческого организма имеется три миллиарда оснований. И что каждая отдельная клетка человеческого организма содержит полный блок ДНК.
Знания ее носили поверхностный характер, и Монти отчаянно старалась усвоить основные положения генетики. Отец годами объяснял ей те или иные разделы своей науки, и кое-что оставалось в памяти. Она понимала главное: человеческие гены – это чертеж, синька организма, они дают инструкции эмбриону человеческого существа, как ему предстоит развиваться из единственной яйцеклетки, а телу взрослого человека – указания, как ему восстанавливаться и залечивать раны.
Она также знала, что когда ей доводится порезать руку, то гены в клетках, окружающих поврежденный участок, дают новой ткани указание расти. Такие же указания получают ее растущие волосы, ее обновляющаяся кровь, и она знала: когда гены выходят из строя и перестают функционировать или устают из-за чрезмерной работы, люди становятся жертвами

самых разнообразных заболеваний – от мелкой простуды до прямых угроз здоровью – тяжелых, а подчас неизлечимых болезней.
Порой гены переставали функционировать по собственному желанию или после многих лет безупречной работы, как бы сходили с ума; случалось и так, что гены, которые годами дремали, не давая о себе знать, вдруг, без всякой видимой причины, включались в жизнь. Ее отец считал, что порой сказывались изменения в жизненных циклах, таких как юность, половое созревание, беременность, менопауза, которые включали и выключали гены, а порой дело было во внешних влияниях, таких как загрязнение окружающей среды, стрессы и травмы. Как и все генетики, Баннерман углубленно занимался отдельными специфическими разделами, но он был гениальным ученым, и его интересы простирались далеко за пределы этих разделов, он не мог «прогуливаться только по одной улице».
Несмотря на свою одержимость местью за смерть матери Монти, которая скончалась от рака груди, он всегда одновременно работал и в нескольких смежных областях генетики. В этих исследованиях его радовало и вдохновляло то, что, занимаясь проектом генома человека, ученые и исследователи из разных стран с помощью компьютерной сети поддерживали связь друг с другом, делились базами данных, организовывали совместные начинания, которые никогда ранее не предпринимались в мире науки. Впервые едва ли не весь мир объединился в едином научном проекте.
Пока Монти смотрела на него, он нажал несколько клавишей компьютера и выругался.
– В чем-то просто не могу разобраться!
«Точнее, мы оба», – подумала Монти, скользнув взглядом по стоящей рядом с монитором большой, в серебряной рамке, фотографии матери и ее самой. Глядя на взъерошенную копну светлых волос и открытую улыбку миссис Баннерман, Монти с удивлением осознала, что все больше начинает походить на мать.
Не поднимая глаз, отец снова заговорил, все так же кипя раздражением. Монти с грустью отметила, что возраст все отчетливее начинает сказываться на нем – тело слабело, некогда прямые плечи ссутулились и спина уже не была такой мускулистой, как прежде.
– Кроу не прав! Таким путем невозможно передать структуру этого гена, – сказал Дик Баннерман. – Этот человек даже не знает, какие глупости он несет!
Подойдя к отцу, она положила руки ему на плечи:
– Папа, насколько умен доктор Кроу?
Не обращая внимания на вопрос, он отдал компьютеру какую-то команду.
– Видишь? Рекомбинантная ДНК! Я говорил ему, что в этом эксперименте мы должны пользоваться липосомами, а не вирусами. Ушло впустую целых два дня моего времени. – Наконец он посмотрел на дочь. – У этого идиота куча мнений, основанных на ошибочных исследованиях, но он ничему не доверяет, он всегда хочет увидеть сам.
– Он не верит тебе?
– Относится ко мне как паршивый студент! Понятия не имею, почему в половине случаев он не дает себе труд привлечь меня. Только не спрашивай, что у него делается в голове, – похоже, у него какое-то проклятое скрытое расписание, но быть мне последним педиком, если я знаю, что это такое. – Он снова вернулся к экрану.
Монти нахмурилась при словах «скрытое расписание», вспоминая шесть пропавших этажей на плане и капсулы «Матернокса»; в памяти всплыли и те имена, которые она этим утром видела на мониторе Коннора. Eumenides. Medici. Polyphemus. Она обеспокоенно осмотрела кабинет. Это было ее любимое и единственное помещение в доме, в котором в эти дни еще чувствовалась жизнь. Она остановила взгляд на черно-белой фотографии с автографами, на ней был изображен очень молодой Дик Баннерман в смокинге, расплывшись в счастливой улыбке, он стоял между Фрэнсисом Криком и Джимом Уотсоном, открывателями ДНК.
На почетном месте красовалось цветное фото ее отца, в белом галстуке и фраке, в момент вручения Нобелевской премии по химии. Она отправилась в Швецию вместе с ним, спустя два месяца после смерти матери. Она помнила, как играл оркестр, звучали аплодисменты, помнила печаль и гордость за него, которые она испытывала тогда и снова испытывает сейчас, вечером, глядя, как он одинок и как постарел, как в нем копится горечь и неприязнь к «Бендикс Шер», – а ведь еще несколько месяцев назад он был полон надежд…

Скрытое расписание.

Эти слова эхом отдавались у нее в голове.

– Хочешь, я принесу тебе выпить? – спросила она.
– Я думаю, нам пора перекусить – я голоден. Как ты доехала?
Он говорил, не отрывая глаз от своих формул.
– Прекрасно, – рассеянно ответила она. – Я пойду подогрею ужин.
– Миссис Тернбул все приготовила. Припоминаю, она сказала, что только надо вынуть жаркое из духовки.
– Сейчас приду, – сказала Монти, спускаясь. Она прекрасно знала, что отец пропускал мимо ушей указания домоправительницы и, скорее всего, что-то забыл.

В столовой было, как всегда, холодно. Языки пламени, пляшущие над фальшивыми кусками угля, создавали лишь иллюзию тепла, а не настоящий жар. Они сидели друг напротив друга за овальным ореховым столом.
Какое-то время они молча и с удовольствием поглощали жаркое из бычьих хвостов. При жизни ее матери здесь царила совсем другая атмосфера: зимой в камине всегда горели настоящие поленья, стол был украшен цветами и уставлен прекрасно приготовленной едой, Монти любила слушать неумолчный гомон разговоров и смех самых разнообразных гостей, которыми почти всегда был полон дом. Казалось, жизнь покинула его – словно мать забрала ее с собой.
Монти не хватало Коннора. Она ежеминутно вспоминала его. После трех последних ночей было странно снова спать одной в своей старой детской кровати.
– Скажу тебе, кто меня действительно раздражает в «Бендиксе», – произнес отец, подливая себе красного вина.
– Кто?
– Этот чертов проныра, американский юрист.
Ей показалось, будто на сердце ее лег тяжелый камень.
– Коннор Моллой?
– Да ты его знаешь – тот парень из бюро патентов, который подсел к нам за ланчем на прошлой неделе. Не знаю, что за странные игры он ведет… но все время крутится вокруг меня и действует мне на мозги. Я от него тупею.
Порция зеленых бобов попала Монти не в то горло, она закашлялась и отпила воды.
– Может, он ни в чем не виноват, – наконец сказала она.
– Я знаю, откуда он взялся. Один из тех умных маленьких стряпчих по темным делам, которые находят способы обманывать экспертов. Он занимается патентованием генных последовательностей – поэтому компания и привлекла его. Они хотят убедиться в том, что можно запатентовать большой кусок человеческой жизни, и думают, что я легко расколюсь. – Он гневно грохнул стаканом по столу. – Господи, да этот Моллой – мальчишка, у него еще молоко на губах не обсохло! Уважай они меня хоть чуть побольше, так приставили бы игрока постарше! Они что, думают, я вчера родился?
Монти огорчилась. Приготовившись встать на защиту Коннора, она замялась в поисках ответа:
– Я думаю, папа, ты поймешь, что проблема кроется в докторе Кроу. Я не сомневаюсь, что мистер… мистер Моллой делает лишь то, что ему было сказано.
– О, конечно. Он всего лишь подчиняется приказам, не так ли? И что же он собой представляет? Комендант концентрационного лагеря или что-то в этом роде? Он – мыслящее человеческое существо. Никто не обязан слепо подчиняться приказам. Я вот никогда этого не делал.
Чувствовалось, что Дик Баннерман был доволен, выдав эту тираду. Но Монти решительно потеряла аппетит и отказалась от добавки, которую ей предложил отец.
Сам он положил себе на тарелку еще порцию мяса, после чего спросил:
– Так и не удалось найти пропавшие досье по псориазу и диабету?
Она отрицательно покачала головой.
– Досье по диабету я сам сложил в Кучу, – сказал он.
– Архивист говорит, что они не имеют права что-либо перемещать без разрешения владельца.
– Чертова ведьма, вот кто она такая. Жуткая баба.
– И весьма. – Она задумалась. – У нас должны быть копии на диске, так что не страшно. Я все распечатаю для тебя.

– Меня волнует не копирование работы – я хотел бы знать, в чьи ручки она попала. Я с удовольствием поделюсь своими исследованиями с кем угодно, но буду чувствовать себя полным идиотом, если выясню, что их украли.
Монти подождала, пока отец снова обратил внимание на мясо, и отпила вина.
– Папа, чем ты занят в этот уик-энд?
– Буду работать над темой псориаза – готовить урок для директора школы, черт бы его побрал! Для Кроу.
– Дома?
– Да. А что?
– Я просто поинтересовалась, не собираешься ли ты заглянуть в старую лабораторию?
Он пожал плечами:
– Таких планов у меня нет. Откровенно говоря, сейчас она наводит на меня уныние.
Отлично, подумала она про себя.

69

Гонолулу. Суббота, 26 ноября 1994 года

На темно-синей поверхности Тихого океана контур белой лошади блестел, как выложенный из фольги. Через интерком пилот объявил, что линия отелей, стоящих плечом к плечу за полосой белого песка, и есть Вайкики-Бич. Пёрл-Харбор, сказал он, чуть дальше отсюда. По местному времени двенадцать часов, и на уровне земли температура двадцать пять градусов тепла по Цельсию. Он выразил надежду, что скоро снова сможет приветствовать всех на борту «Америкэн эрлайнз», и пожелал всем хорошего дня в Гонолулу.
Чарли Роули, застегнув ремень безопасности, сидел в кресле с прямой спинкой; последняя сигарета, выкуренная во время полета, была раздавлена в маленькой пепельнице. Роули устал от долгого полета и слишком большого количества порций «Кровавой Мэри».
В зале прибытия пышноволосый мужчина в форме пилота высоко над головой держал плакатик с его именем. Рядом с ним стоял невысокий темнокожий человек, облаченный в коричневый шелковый костюм с шоколадным отливом и белые мокасины.
Пилот немедленно перехватил его чемодан и папку, а невысокий человек протянул руку:

– Мистер Роули? Дон Сонтари, президент «Бендикс Хило». Добро пожаловать на Гавайи. Как мы говорим,
оаху
!

Роули пожал его руку; она была тонкой и скользкой, как и его голос.
– Как поживаете?
– Надеюсь, полет был приятен? – Беглый взгляд обшаривал лицо Роули.
– Да, все было хорошо, спасибо. – Чарли был слегка удивлен, что его встречает лично президент компании.
– Отлично! Тогда двинулись. Вы в первый раз на Гавайях?
Вслед за двоими мужчинами Роули протолкался сквозь толпу к длинному лимузину. Поездка заняла меньше двух минут. Через десять минут они снова вышли на яркий солнечный свет и поднялись по трапу в большой вертолет, который ждал их на бетонированной площадке перед ангаром. Жара раскалила и бетон, и фюзеляжи, но ветерок снижал температуру до уровня, при котором Роули в его льняном костюме чувствовал себя почти комфортно.
В пассажирском салоне президент любезно настоял, чтобы Роули сел у окна.
– Прошу – вас ждет совершенно необыкновенный вид Гавайев.
Они застегнули ремни, и лопасти начали вращаться.
– Мне еще никто толком не объяснил, в чем цель этой поездки? – спросил Роули.
Гаваец улыбнулся:

– Все в свое время. Я думаю, вы убедитесь, что вам придется сыграть очень важную роль в нашем будущем. Понимаете, тем, что вы здесь, вам оказана большая честь…
– Вот уж не знал.
Гаваец поднял указательный палец:
– Она так много дает нам. Мы перед ней в таком долгу!
Роули посмотрел на него:
– Она?
Двигатель взревел, и вертолет, яростно содрогнувшись, оторвался от земли.
Роули заметил, как по лицу Сонтари скользнула слабая тень страха, но по мере того, как они набирали высоту, исчезла.
– Пеле. – Гаваец перегнулся к нему и показал на далекий столб дыма. – Видите… она встречает нас.
Роули нахмурился:
– Я все еще не понимаю вас.
– Пеле… это она салютует вам. – Его дыхание пахло переваренным цыпленком, и патентовед отодвинулся как можно дальше, но старался не показаться грубым. Но ему снова дохнули в лицо. – Пеле! Это богиня наших вулканов.
– И этого дыма, да?
– Пара. Она испускает серный пар. Понимаете, таким образом она приветствует вас. Таким образом она говорит: «Оаху! Добро пожаловать на мой остров!»
– Я бы предпочел, чтобы она меня встретила джином с тоником.
Гаваец было удивился, но тут же разразился хохотом:
– Ах вы, англичане! Все те же! Это ваше чувство юмора! Джин с тоником! Вы сейчас хотите его?
– Готов убить за порцию.
Гаваец вынул из ниши два стакана, бутылку «Гордона», тоник и лед.
– Ваше здоровье! – Роули с благодарностью ощутил острый и свежий вкус напитка и посмотрел, как под ними скользит поверхность океана, а огромный зияющий зев кратера становится все ближе.
– Вы сделали какое-то новое открытие?
Роули уже решил, что не будет обращать много внимания на этого типа; в нем было что-то хитрое, уклончивое – типичный махинатор. Он удивился, каким образом подобный человек мог занять столь высокое положение, но попытался понять. «Бендикс Хило» – важное исследовательское и производственное предприятие компании, но, насколько он знал, решения принимались не здесь. Сонтари мог носить громкое звание президента, но быть при этом лишь управляющим заводом.
– Новое открытие? – переспросил он. – Да, мы все время их делаем; каждый день мы экстрагируем что-то новое из образцов флоры и фауны. Природа – это нечто невероятное. Вы так не думаете, мистер Роули?
– Ага. – Роули думал, что ему делать с ломтиком лимона в стакане.
– Более девяноста процентов нашей флоры и фауны эндемично, то есть нигде больше на земле не встречается. У нас тут больше сотни образцов птиц, которые произошли всего от двадцати предков. Тысяча цветущих растений, в основе которых – менее трехсот привнесенных сюда… и я могу продолжать. Неплохо для места, которое когда-то было всего лишь атоллом вулканической лавы, поднявшейся из океана?
– Просто невероятно.
– Изучая живые организмы нашего острова, мы ищем – и порой находим – исходные материалы для создания новых лекарств на благо всему человечеству. И все благодаря необыкновенной щедрости нашей богини Пеле. – Он благоговейно вытаращил глаза.
«Да ты никак серьезно, – с изумлением подумал Роули. – Мать твою, ты в самом деле веришь в свою гребаную богиню!»
Океан уступил место черному песку, а потом вылизанным лавовым утесам.
Миновав густой столб пара извергающегося вулкана, они поднялись повыше, вдоль ломаной линии спящих вулканических кратеров. На другой стороне картина разительно изменилась, и вулканический пейзаж уступил место пышной растительности влажных лесов. Из зеленого

полога величественно поднимались высокие стройные деревья, тут и там с узких каменистых уступов падали пенные водопады.
Когда вертолет начал терять высоту, гаваец наклонился к Роули и ткнул пальцем вниз. Они спускались к огромному комплексу зданий, спрятанному в еле заметной долине. Комплекс состоял из одного пятистенного белого центрального блока и из обилия длинных узких зданий, которые аккуратными геометрическими дугами обступали его. Весь этот участок был обнесен строгой двойной стеной, с колючей спиралью, пущенной поверху.
Роули знал, что все лаборатории «Бендикс Шер» напоминали крепости. Фармацевтика была в мире достаточно деликатной темой; ты никогда не знал, не будет ли она встречена в штыки в твоей родной стране, не вызовешь ли ты гневную реакцию вивисекционистов, групп экологического давления или религиозных фундаменталистов.
– Смотрится как Пентагон! – заметил он.
– Не пройдет и дня, как «Бендикс Хило» станет куда более могущественным! – похвастался Сонтари.
– Неужто? – как-то странно посмотрел на него Роули.

Через сорок минут Сонтари проводил Роули к стойке портье в отеле «Вайколоан Холтон» и помог справиться со всеми формальностями, дав отелю строгое указание: все счета отослать в «Бендикс Хило». Затем пожал руку Роули.
– У вас есть время отдохнуть и привести себя в порядок. Этим вечером мы устраиваем прием с барбекю в вашу честь. Заедем за вами в половине шестого.
– Когда же мы начнем работать?
– С понедельника, времени будет более чем достаточно. До вечера. В половине шестого!
– Какая форма одежды?
Гаваец помедлил и сказал:
– Пляжная. Будет очень тепло. Да… и, пожалуйста, не забудьте захватить полотенце.

Ровно в половине шестого лимузин уже ждал у подъезда, и шофер открыл заднюю дверцу. Роули, облаченный в цветастую рубашку и шорты-бермуды, неся с собой пляжное полотенце, скользнул в прохладный кондиционированный воздух салона.
Они двинулись вглубь острова, преодолевая извивы дороги, которая тянулась по вулканической долине, окруженной разнообразными кратерами. Наверно, так выглядит поверхность Луны, подумал Роули. День стремительно угасал, и через час будет совсем темно.
Они миновали военно-воздушную базу, которая на фоне этого космического пейзажа производила сюрреалистическое впечатление, а через несколько миль машина, внезапно повернув, проехала между двумя аккуратными белыми столбиками, за которыми тянулась длинная дорога. На повороте Роули смог рассмотреть впереди внушительное ранчо. Слева от него в наступающих сумерках он увидел очертания вертолета и его лопастей. Он выглядит, подумалось ему, как-то зловеще.
Сонтари сам открыл переднюю дверцу и тепло приветствовал его:
– Мистер Роули! Надеюсь, вы не против приятного отдыха?
Роули подавил зевок.
– Благодарю вас.
Воздух был полон влажной свежести, которая так радовала после удушливой жары на побережье.
Его провели через гостиную, обставленную мебелью главным образом из ротанга, из окон которой открывался потрясающий вид, и предложили бокал шампанского.
– За ваше здоровье. – Роули проглотил свое шампанское, и гаваец немедленно снова наполнил его бокал. Этот человек был слегка навязчив и раздражал Роули. Он посмотрел в окно.
– Справа – это Вайколоа, а слева – Кона, – объяснил Сонтари.
Роули вдруг почувствовал, что пейзаж как-то странно расплывается. Он потер глаза и снова взглянул. Пол под ним качнулся. Слишком быстро опьянел от шампанского, с беспокойством подумал он. Стекло в окне пошло рябью.
Он удивленно повернулся. У президента были странные очертания тела, словно он растворяется на глазах. Он чувствовал, что не в силах удержать бокал.
– Мне надо присесть, – пробормотал он.

– Мы выйдем наружу. И вы сможете присесть.
Чувствуя себя явно не в себе – и это ощущение все возрастало, – Роули позволил вывести себя из дома. Его подвели к вертолету, который, казалось, менял очертания по мере того, как они подходили. Распахнулась задняя дверца, из которой появился трап. Словно высунутый язык, подумал он и не мог скрыть удивления, когда, ступив на нижнюю ступеньку, убедился, что она твердая, а не ходит под ногой.

Он удивился еще больше фигурам, которые сидели внутри. Примерно дюжина человек, смутно предположил он; все в белых мантиях, лица скрыты надвинутыми капюшонами, и в кокпите
[22]
стоит удушающий запах благовоний.

– Вот уж не представлял, что попаду на маскарад! – легкомысленно воскликнул Роули, оглядываясь вокруг, ожидая, что сейчас все поддержат его шутку. Но ответом ему было молчание.
Пока он смотрел, белые мантии, похоже, стали расширяться, сливаясь друг с другом, словно все они становились какой-то бесформенной единой массой. Ему казалось, что мозги вращаются в черепной коробке. Чьи-то руки проводили его на место.

Вокруг него взорвались голоса и звуки. Взревел двигатель. Вертолет приподнялся, клюнул носом и начал подъем. Через несколько мгновений он заложил крутой вираж. Роули посмотрел вниз на астрономическую обсерваторию на вершине Мона-Кеа; последние отблески заходящего солнца напомнили ему тающее иглу
[23]
.

Они направились на восток, и солнце скрылось за горизонтом, когда вертолет начал описывать длинную окружность вокруг кратера извергающегося Маунт-Килауэа. Сначала Роули мог видеть плотное вздымающееся облако серного пара. Затем, когда они повисли прямо над кромкой проема шириной три мили, он с удивительной четкостью увидел внизу котел кипящей красной лавы. Он был похож на живые воспаленные миндалины в зеве огромных челюстей, подумал Роули.
И тут что-то закрыло ему глаза, погрузив в полную темноту.
В груди заворочался внезапный приступ страха.
– Эй! – воскликнул он.
Мягкий предмет облепил всю голову. Ткань. Ее затянули под подбородком. Ему стало трудно дышать.
Темно, как в угольной яме.
Он почувствовал, как его ткнули лицом в пол. Руки связали за спиной, потом перехватили лодыжки. Лицо заливало жарким потом, и его стала сотрясать паническая дрожь.
– Хррр! Хррр! – хрипел он, отчаянно стараясь понять сквозь алкогольный туман, что, черт возьми, происходит.
Для безопасности вертолет держался как можно выше; опытный пилот прекрасно знал, что извержение вулкана пожирает весь воздух у них на пути. Он перестал закладывать виражи и начал подниматься, крепко держа штурвал.
И тут мужчины и женщины в мантиях начали речитативом по-латыни с конца к началу читать «Отче наш».

Nema. Olam a son arebil des
Menoitatnet ni sacudni son en te
Sirtson subirotibed
Summitimid son te tucis
Artson atibed sibon ettimid te
Eidoh sibon ad

Munaiditouq murtson menap
Arret ni te oleac ni
Tucis aut satnulov taif
Muut munger tainevda
Muut nemon rutecifitcnas
Sileac ni se iuq
Retson retap

Чарли Роули слышал их голоса. Он извивался, хрипел и задыхался под полотняным капюшоном. Внезапно раздалось звяканье металла, рев ветра, он почувствовал дуновение ледяной струи воздуха. В голове немного прояснилось. Что происходит? Это шутка? Должно быть, ее устроили какие-то шуты, нанятые маленьким пронырливым болваном Сонтари. И вот теперь ужас сковал его.

Его подняли; чьи-то руки поддерживали его под живот, грудь, ноги. Рев ветра стал громче. Он рвал его рубашку, шорты, холодил голую кожу ног.

Внезапно он почувствовал, что летит. Руки больше не держали его. Он падал. И должен был удариться о пол!

Вместо этого он продолжал падать.

Давление ледяного ветра прижало ткань ему к лицу, словно вторую кожу; едкий серный запах раздирал легкие.

Падение.

Красный жар приближался к нему, жгучий жар топки, невыносимый слепящий жар. Он успел вскрикнуть, издав короткий сдавленный вопль до того, как его голосовые связки сгорели.

Из вертолета они могли наблюдать за темной фигурой, которая падала головой вниз, как бомба. Она мгновенно превратилась в клуб дыма, когда врезалась в раскаленную до двух тысяч градусов поверхность расплавленной лавы, и исчезла.

– Прими наш дар, молим мы тебя! – хором произнесли люди в вертолете. – Слава Сатане! Слава богине Пеле!

70

Беркшир, Англия. Суббота, 26 ноября 1994 года

– Примерно через милю поворачиваем направо, – сказала Монти, массируя виски, чтобы унять головную боль, которая мучила ее с самого утра.

Когда Коннор сбросил скорость своего «БМВ», она, порывшись в сумочке, достала упаковку «Найролифа», только что купленного в аптеке, и, разорвав фольгу, извлекла из обертки две капсулы.

– Ты считаешь, они пойдут тебе на пользу? – спросил Коннор.

– Лучшее, что я могла найти от головной боли. – Монти быстро, одну за другой, кинула в рот две капсулы и проглотила, смущенно рассматривая на пакете витой логотип «БШ». – Даже если их делает сам знаешь кто.

– Я бы и сам принял парочку. Кажется, прошлым вечером я перебрал красного вина.

– И шампанского, и бренди, – улыбнулась она и, придвинувшись, сунула капсулу ему в рот. Подождав, пока Коннор ее проглотит, угостила еще одной.

– Та еще ночь была, – сказал он. – Ох, какая ночь!..

В знак согласия она ущипнула его за бедро и вдруг ткнула пальцем:

– Вот сюда, направо.

Они повернули и, миновав целую батарею знаков, оказались на территории кампуса Беркширского университета. Монти показала, что надо ехать в дальний конец просторной автостоянки, которая была заполнена меньше чем на четверть.

Они остановились под выцветшим знаком «Место для Лаборатории Баннермана» и вылезли из машины, оказавшись в тени массивной бетонной суперконструкции нового научного блока, который только возводился. Часть заброшенных стропил дребезжала на ветру, и Монти опасливо отошла в сторону: воспоминания о докторе Корбине еще были свежи в памяти.
Сквозь трещины в бетоне перед краснокирпичным зданием, где размещалась Лаборатория Баннермана, упрямо пробивались растения, а из-за решеток на окнах здание походило на брошенную тюрьму.
Монти вытащила массивную связку ключей, открыла дверь и, быстро войдя внутрь, отключила сигнализацию. Последовав за ней, Коннор закрыл дверь изнутри.
Внутри стояли те же неизменные запахи, Монти помнила их с первого своего появления здесь. На стене висел все тот же календарь и рядом – небольшая стопка бухгалтерских отчетов. Голые старые деревянные столы, металлические стеллажи для досье, большей частью пустые, с облупившейся краской. Она посмотрела на Коннора – интересно, о чем он сейчас думает.
– У этого места есть свое лицо. Должно быть, тебе грустно видеть, во что оно превратилось, – сказал он.
– Несколько месяцев назад я не могла дождаться, когда мы уйдем отсюда, – призналась она. – А сейчас мне его в самом деле не хватает. Я ведь провела здесь немалую часть своей жизни.
Она показала ему главную лабораторию, где ряды деревянных рабочих столов по-прежнему были заставлены оборудованием и аппаратурой, которые не понадобились «Бендикс Шер».
– Добро пожаловать в центр современной науки! – сказала Монти.
– Отнесись к нему с любовью! Ты должна продать все это в Музей науки! Его разместят весь целиком, от киля до клотика, на одном из этажей, как дань уважения твоему отцу.
– Мне бы хотелось, – призналась она, обхватывая себя руками за плечи, потому что в помещении было холодно. Головная боль немного утихла, хотя «Найролиф» еще не успел полностью проявить свое действие.
Господи, как она напилась прошлым вечером. Она сделала для Коннора домашний обед, а он попытался развеселить ее с помощью шампанского, потому что она вернулась с похорон Уолтера.
Она была глубоко подавлена заупокойной службой. Сначала царила на удивление раскованная атмосфера, может, потому, что пришло много его бывших коллег. Но когда гроб под рыдания миссис Хоггин и ее дочерей стал медленно уходить за занавес крематория, Монти показалось, что стены маленькой часовни давят на нее. Она испытывала острое чувство вины.
А что, если она стала причиной его смерти?
Нелепо даже думать об этом. Это был сердечный приступ! На похоронах миссис Хоггин рассказала ей, что у Уолтера недавно были неприятности с сердцем, которые он старался хранить в тайне, но он был в списке ожидания на шунтирование. И тем не менее Монти не могла отделаться от ощущения, что бедного старого Уолтера постигла та же судьба, что и Зандру Уоллертон и Джейка Силса.
И в моменты самого беспросветного отчаяния ей начинало казаться – а что, если она каким-то образом стала причиной смерти и доктора Корбина? Вполне возможно. Как-то она прочитала – и это навсегда врезалось ей в память, – что некоторые люди называются аттракторами: одно их присутствие действует и на вещи, и на окружающую обстановку как полтергейст.
Она поежилась. Четыре смерти. Три странные случайности и инфаркт. Потянувшись, она нажала над головой ряд выключателей; вспыхнувшее флуоресцентное свечение было таким же холодным, как воздух лаборатории.
Она подумала о миссис Хоггин, которая две недели назад так тепло встретила ее в дверях. Внезапно она испытала странный беспричинный гнев на Губерта Уэнтуорта. Это все он, его ошибка! Если бы этот старый дурак не пришел к ней, ничего бы не случилось!
Монти показала шкаф, куда она сложила всю аппаратуру и технику, собранные по просьбе Коннора.
– А я-то думал, что мы едем в какую-то заброшенную пещеру. Оказывается, это место оборудовано куда лучше, чем многие лаборатории, которые я видел в Штатах. – Он поставил свой портфель рядом с микроскопом.
– И все работает. Только старое.
– Позор, если вы решите все это продавать.
– Фонды на исследования – это постоянный кошмар. В этой стране ученых не ценят.

– Разве что в коммерческих структурах.
Вместе с ней он обошел лабораторию, рассматривая оставшуюся аппаратуру.
– У вас нет никакой компьютеризированной техники, которая подсчитывает последовательность генов?
– Я… нет, не думаю.
Он покачал головой:
– Имей вы в кошельке еще пару сот тысяч долларов, были бы оборудованы не хуже любой другой лаборатории. И вам бы не понадобился «Бендикс Шер».
– Может, если бы отец запатентовал хоть часть своих работ, у нас были бы эти деньги, – грустно сказала она.
– Вам стоило бы попробовать продать эти штуки какому-нибудь диктатору из третьего мира, который решил заняться клонированием. Просто потрясающе, чего можно добиться в полностью оборудованной генетической лаборатории.
– Я помню, когда «Бендикс Шер» прислал сюда пару лаборантов на помощь, так те прямо помирали со смеху. Они говорили, что большинство нашего оборудования выглядит так, словно его доставили из Ноева ковчега.
– Потому что в «Бендикс Шер» нет ничего старше двух лет. – Коннор вернулся в затемненную комнату и открыл свой портфель.
Под крышкой лэптопа лежал коричневый конверт. Он извлек из него сложенный лист компьютерной распечатки и прочел шапку: «„Бендикс Шер“ – „Матернокс“. Код продукта: BS PR65789/0987. Процедура анализа контроля качества».
Монти с интересом уставилась в лист. Она была знакома с исследовательской стороной фармацевтической индустрии и немного знала о процессах производства. Колонки цифр шли до самого конца листа, а вдоль верхнего обреза тянулась диаграмма, напоминающая биение сердца, но ниже осевой линии не было ни одного пика.
Коннор прикрыл дверь:
– О’кей. Мне нужны капсулы. Ты получила стандартные без проблем?
– Я сказала своему врачу, что два года безуспешно пытаюсь забеременеть. Раз-два – и он выписал мне рецепт.
Он посмотрел на нее с таким видом, словно пытался понять, не шутит ли она.
– Вот так просто? Без анализа? Без исследований? Без специалистов?
Монти усмехнулась:
– Он друг семьи. На самом деле я сказала ему, что отцу спешно нужно какое-то количество «Матернокса» для экспериментов, а таким образом получить его легче, чем обращаться в компанию. Я думаю, он достаточно хорошо знает меня и верит, что глотать я их не буду.
Монти вынула два флакончика из маленького, застегнутого на молнию отделения своей сумочки и протянула их Коннору. В одном были капсулы, которые она взяла в доме Кингсли, в другом – из новой серии, с совершенно иным номером.
Коннор снял крышечку с флакончика Кингсли, вытряхнул одну капсулу в плоскую стеклянную тарелочку и написал на ее боку «А». Затем завинтил крышечку, запечатав во флаконе оставшиеся капсулы, и вернул их ей. Далее он взял капсулу из свежего флакона, положил в такую же тарелочку, обозначил ее буквой «Б» и начал исследование.
Несколько минут он работал в полном молчании, после чего выключил машину и показал на флакон с капсулами от Кингсли, который держала Монти.
– Ты абсолютно уверена, что эти капсулы – в самом деле «Матернокс»?
– Ну, у меня нет стопроцентной уверенности. Они были в этом флаконе. Они выглядят как «Матернокс». Поэтому я предполагаю, что это и есть «Матернокс». А в чем дело?
Он задумчиво покачал головой:
– Тут что-то странное.
Выражение его лица заставило Монти похолодеть и съежиться от страха.
– Что именно?
– Я еще внесу кое-какую корреляцию, но только частичную. – Нахмурившись, он провел пальцем по следам на стеклянной стенке пробирки и повернулся к Монти, не скрывая своей озабоченности. – Тут есть что-то еще. И я не думаю, что речь идет о количественной ошибке в составе серии: к формуле было что-то добавлено. Сознательно добавлено.
– Что, например?

– Я не знаю. Даже не знаю, с чего начинать поиск. Я должен буду провести серию проверок и ошибок и посмотреть, повезет ли нам. – Коннор посмотрел на настенные часы. На них было десять минут двенадцатого. – Как у тебя со временем?
– У меня все в порядке.
– Это может занять несколько часов.
– Хочешь, я сварю тебе кофе?
– Это будет не самая легкая для тебя суббота.
– Я рассказывала тебе, что провела тут большую часть своей жизни. Еще один день… не такая уж большая разница. – Она улыбнулась, чтобы скрыть очередной приступ страха.

71

Коннор работал несколько часов. Он был полностью поглощен своим занятием. Монти же проводила время, читая и перечитывая «Досье Медичи» на экране его лэптопа, или же принималась за поиски пропавших досье отца, а то отправлялась на прогулку по кампусу. Когда она вернулась в лабораторию, начинало темнеть. Она поцеловала Коннора, но его внимание было сосредоточено на содержимом пробирки, которую он извлек из вихревого миксера.
Отключив его, он поднял к глазам крохотную мензурку; Монти смотрела, как он разместил ее внутри маленькой потрепанной настольной центрифуги, вставил с другой стороны для равновесия мензурку с контрольным образцом капсулы Б, закрыл и закрепил крышку и включил центрифугу. Она заработала с пронзительным визгом, который потом сменился низким ровным гулом.
Несколько секунд Монти смотрела на нее, а затем ее взгляд скользнул вдоль деревянных лавок и столов, заставленных аппаратурой, вдоль стеллажей с мензурками, флаконами и бутылками. В памяти у нее всплыла ужасная история Джейка Силса, и она передернулась.
Раздался щелчок, и центрифуга начала замедлять свой бег. Коннор открыл крышку, вынул образец «Матернокса», позаимствованный в доме Кингсли, и поднес его к свету. Теперь содержимое представляло собой три отдельных слоя: внизу – желтая жидкость, в середине – белая взвесь, суспензия, а наверху – прозрачная водянистая жидкость.
Пустив в ход микропипетку, он собрал в нее верхний слой жидкости и пустил его струйку в другую крохотную мензурку, снятую со стеллажа. В нее же он добавил две с половиной дозы этилового спирта, запечатал пробкой мензурку, осторожно потряс ее и, разместив в центрифуге, повторил процедуру с контрольным образцом. Центрифуга заработала.
Коннор дал ей вращаться минут десять. Ожидая, они обменялись всего лишь несколькими словами. В воздухе сгущалось и росло напряжение. Таймер наконец щелкнул, и центрифуга постепенно замедлила бег. Настал момент предельного напряжения, когда Коннор извлек маленькую мензурку и снова поднес ее к свету. Верхние три четверти объема представляли собой прозрачный раствор, а внизу образовалась плотная взвесь катышков. Он слил жидкость, опустил крохотные катышки в воду, плотно закрыл мензурку, проделал уже знакомую процедуру с контрольным образцом – и снова началось вращение.
– О’кей, – произнес Коннор, нарушив долгое молчание. – Вот он, момент истины.
Он смешал гелевую субстанцию с соляным раствором и минуты четыре подогревал его в микропечке, после чего вылил в поднос с гелем. По окончании пертурбаций, которые претерпел раствор, он добавил красящего вещества к обоим образцам «Матернокса»; теперь им предстояло пройти калибровку и сравнить полученный материал со стандартным образцом. Аккуратно и тщательно, по капле, он разместил «Матернокс» и калибровочный стандарт в соседних пазах. Наконец он подключил машину к силовой установке. Крохотные пятнышки как бы синих чернил появились там, где раствор был в геле. Медленно, в течение следующих пятнадцати минут, синий цвет стал перемещаться вправо.
– А что, если подышать свежим воздухом? – предложил он Монти, убедившись, что все идет как полагается. – Это будет длиться еще минут сорок.
Монти с благодарностью кивнула. Она отчаянно проголодалась, и вместе с Коннором они направились в почти пустую университетскую столовую. Обзаведясь двумя большими

тарелками гуляша, они с удобством устроились, позаботившись, чтобы их никто не мог подслушать.
Несмотря на то что поблизости никого не было, Монти понизила голос до шепота:
– Коннор, я все время думаю – должна быть причина, по которой этому досье дали имя Медичи. Например, Полифем, он был одним из циклопов, связь совершенно очевидна. А что кроется за именем Медичи?
– Медичи были очень влиятельной семьей во Флоренции эпохи Ренессанса. Так?
– Да. Они были очень жестоки и в то же время считались щедрыми покровителями искусства, литературы и учености в целом.
– Я думаю, что, наверное, в этом и заключается смысл.
Монти покачала головой:
– А я думаю, тут есть что-то большее.
– Например?
– Не знаю. Полифем смахивает на дурную шутку, но в ней есть какая-то логика. Я думаю, нам придется искать ее и у Медичи.
Он неторопливо прожевал кусок мяса и проглотил его.
– А что насчет другого досье, до которого я так и не смог добраться, – Латоны? Для тебя что-то значит слово «Латона»?
– Латона? – Она пару раз повторила это слово. – Да! «Метаморфозы» Овидия! Латона – римское имя Лето, которая родила от Юпитера Аполлона и Диану. Легенда гласит, что ее оскорбили ликийские пастухи и она превратила их в лягушек.
Лягушки.
Едва она произнесла это слово, как ее охватило беспокойство – она внезапно вспомнила лягушку, которая прошлым вечером каким-то образом оказалась у нее в кухне.
– Господи, как все это загадочно, – сказала она.
Коннор подарил ей странную кривую улыбку – он, без сомнения, тоже вспомнил этот инцидент.
– У тебя какая-то неприязнь к лягушкам? Они пугают тебя?
– Да.
– Ты когда-нибудь была в кабинете доктора Кроу?
Ей пришлось на секунду задуматься.
– Нет… я была только у Рорке. А что?
– Я видел у него на столе лягушку из папье-маше. И вид у нее был довольно странный.
– Эй! – воскликнула она. – У сэра Нейла тоже сидит лягушка на столе – вроде как на золотой пластине… или что-то в этом роде. Наверно, это невероятно дорогая безделушка, но я на нее не обратила особого внимания.
– Значит, мы проследили связь между циклопами, лягушками и Медичи. Тут просматривается какая-то загадка.
– Может, у кого-то очень странное чувство юмора, – пробормотала она.
– Я бы сказал, что юмор занимает едва ли не последнее место в списке приоритетов «Бендикс Шер», – ответил Коннор.

А тем временем в лаборатории горизонтальные кобальтово-синие линии смещения, выявленные с помощью красителя, заметно продвинулись в емкости с гелем. Коннор молча изучил их, после чего отключил технику и перенес их в затемненную комнату.
Водрузив их на верх трансиллюминатора, который смахивал на фотоувеличитель, они оба надели защитные шлемы с визорами. Когда погасло основное освещение, наступило мгновение темноты, после чего помещение наполнилось пурпурным сиянием из трансиллюминатора.
Монти посмотрела на кювету с гелем и, к своему изумлению, увидела, что часть полосок геля светятся ярко-оранжевым светом.
Коннор сделал снимки поляроидом. Когда он выключил ультрафиолетовое освещение и зажег верхний свет, Монти по выражению его лица увидела, что он глубоко встревожен.
– Что это такое? – спросила она, обеспокоенно наблюдая за ним.
Он повернулся:
– Это ДНК. Не протеин. Длиной примерно шесть групп. Ты видела линии перемещения в геле? Как под ультрафиолетовой лампой они становятся ярко-оранжевыми? – Он выглядел предельно серьезным. – Это работа ДНК.

– Ты же не хочешь сказать, что в капсулах «Матернокса» кроется ДНК?
– Именно. Они несут в себе ДНК и что-то вроде системы доставки. – Он выразился совершенно точно и недвусмысленно. – Здесь идет речь о генной инженерии. Капсулы «Матернокса» проводят изменения в плане генной инженерии в организме женщины, которая принимает их. Они несут в себе комплекс генов с инструкцией по их доставке.
Монти потрясенно открыла рот, но не издала ни звука. Ей показалось, что кровь в венах заледенела и свернулась.
– К-к-каких генов?
– Не могу сказать… это уже не по моей части. Тут нужен человек, глубоко разбирающийся в молекулярной биологии.
– Насколько глубоко?
– По моим прикидкам, кто-то уровня твоего отца.
Она сглотнула комок в горле:
– Коннор, я не знаю, на что мы тут наткнулись, но в любом случае я не хочу, чтобы он имел к этому отношение.
Наклонившись, Коннор опять уставился в микроскоп:
– В том списке и твоя подруга Анна, да?
– Да, – еле слышно сказала она.
Он поднял на нее глаза. Казалось, от лица его отхлынула вся кровь.
– Монти, я не хочу даже размышлять на тему, что здесь происходит. Я подозревал, что тут замешана ДНК, и оказался прав. Это все, в чем я уверен и что могу тебе сказать.
– А как ты думаешь, что это может быть?
– Помнишь Йозефа Менгеле? Нацистского врача, который проводил эксперименты в Освенциме?
Монти читала эти жуткие отчеты о страшных экспериментах над людьми сумасшедшего доктора, который пытался удовлетворить желание своего фюрера создать расу господ.
– Да.
– Если содержимое этих капсул «Матернокса» не является результатом какой-то случайной ошибки или загрязнения, – сказал Коннор, – то в «Бендикс Шер» есть некто, рядом с которым доктор Менгеле – жалкий любитель.

72

Северный Лондон. 1953 год

– Куда ты идешь, Дэниел?
– Погулять.
– Ты слишком много гуляешь. Будь жив твой отец, он бы не позволил тебе оставлять меня в таком положении. – Лицо матери обрело мрачное выражение. – Ты идешь в какое-то греховное место?
Дэниел подошел к входной двери.
– Бог видит тебя. Бог будет знать, если алкоголь коснется твоих губ. Он покарает тебя за твои грехи, так же как Он покарал меня. – Мать наклонилась к стиральному корыту и извлекла простыню, держа ее распяленной между металлическими крюками ее двух искусственных рук.
Дэниел лишь презрительно взглянул на оловянное распятие на стенке в холле и на обрамленную молитву «Отче наш», которая висела рядом с ним.
– Тебя это не волнует, да? Бойся Бога и соблюдай Его заветы: ибо в этом подлинная обязанность человека. Екклесиаст.
Дэниел натянул пальто.
– Мирровый пучок – возлюбленный мой у меня; у грудей моих пребывает.
Лицо матери вспыхнуло гневом.
– Да покарает тебя Господь за твои гнусности!
Дэниел выразительно улыбнулся ей в ответ:

– Песнь песней Соломона. Глава первая. Стих двенадцатый, – и затем захлопнул за собой дверь.
Ее голос настиг его на садовой дорожке.
– Помнишь Книгу Иова, Дэниел? Помнишь? – пронзительно кричала она. – «Я был глазами слепому и ногами хромому. Отцом я был для нищих, и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно. Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное».

Дэниел двигался с завязанными глазами. Две невидимые фигуры мягко, но уверенно вели его за руки. Он чувствовал, как изменился характер поверхности под ногами; чувствовал, как прохлада ночного воздуха сменилась теплом восковых свечей и густым запахом благовоний. Кроме того, он ощущал присутствие большого количества людей. Сегодня вечером начиналась самая важная ночь его жизни. Все они пришли, дабы засвидетельствовать и поддержать его; он едва мог дышать и сглатывать комок в горле.
Звенели натянутые нервы. Вот он чувствовал себя могучим и сильным, возбужденным пониманием того, что приближается к цели своего бытия, а в следующую минуту ему казалось, что им владеет бесконечная слабость. Он был испуган даже больше, чем тогда, когда в первый раз очутился здесь.
Дэниела волновал ритуал инициации, который ждал его. Он никогда не спал с женщиной, его беспокоило, наступит ли у него эрекция, он боялся, что будут смеяться над размерами его пениса, который казался таким маленьким по сравнению с гигантским фаллосом магистра храма. И он был очень озабочен, сможет ли продержаться достаточно долго, чтобы пронзить ее и лишить невинности.
Группа ребят из школы всего пару дней назад болтала о сексе. Один из них имел дело с проституткой, но излился прежде, чем вошел в нее. Дэниел боялся позора и поношений, если сейчас с ним случится нечто подобное.
Он сжал пальцы, чтобы обрести покидающую его уверенность. Дверь закрылась; звякнули запоры, входящие в свои гнезда. Затем прозвучал одинокий удар гонга.
За ним раздался громкий мужской голос:
– In nominee Dei Nostri Satanas Euciferi exelsi!
Набирая силу, он, казалось, повис в воздухе, а затем, превратившись наконец в эхо самого себя, медленно растаял.
– Слава Сатане, – произнес другой голос, – Владыке Земли.
Это стало словно сигналом к взрыву громового хора голосов вокруг Дэниела:
– Слава Сатане!
Снова ударил гонг, за которым последовал мужской голос:
– Сегодня Брат Теутус станет сорок вторым Посвященным, сорок вторым Мастером, сорок вторым Сведущим в храме Нового ордена Сатаны. Если кто-то из присутствующих готов бросить вызов его посвящению, излагайте свои возражения – или вы будете обречены жить под угрозой вечного забвения. Говорите же во имя Сатаны!
Наступило долгое молчание. Дэниел затаил дыхание. Полтора года. Полтора долгих года он ждал момента посвящения. Наконец он станет адептом первой ступени. Сегодня вечером, 30 апреля! Наступает Вальпургиева ночь, вторая святая ночь года.
Тонко звякнул ручной колокольчик.
Снова прозвучал речитатив на латыни. Тут Дэниел почувствовал, как с плеч его снимают мантию, и он остался совершенно голым, если не считать повязки на глазах. Чьи-то мягкие руки чувственными умелыми движениями стали втирать масло ему в кожу, нежные, шелковые пальцы коснулись его члена, что-то втерев в него, после чего у него возникло ощущение жжения. Он изо всех сил старался держать себя в руках, чувствуя, что внизу живота уже начинается острое возбуждение. Он собрался, напомнив себе о людях в помещении, но в то же время чувствовал, как его пенис набухает и вздымается рывками, словно обладает собственной жизнью.
И тут властно прозвучал голос магистра храма:
– Его Сатанинское величество приказывает тебе, посвященный Теутус, показать свои знания, процитировав девять сатанинских заповедей!
Как его и учили на репетициях, Дэниел помедлил. Ударил гонг. Он набрал в грудь воздуха и самым громким для себя голосом сказал:
– Сатана позволяет быть снисходительным к своим желаниям, а не отказываться от них!

Гонг!
– Сатана говорит, что надо наслаждаться радостями жизни, а не жить духовными мечтами!
Гонг!
– Сатана представляет чистую мудрость, а не лицемерный самообман!
Он подождал следующего удара гонга и продолжил громким и чистым голосом:
– Сатана дарует своей любовью тех, кто этого заслуживает, а не униженных и оскорбленных!
Гонг!
– Сатана требует мстить, а не подставлять другую щеку! – Его голос крепнул и мужал, он разносился по помещению и возвращался к нему, отражаясь от стен. – Сатана возлагает ответственность на тех, кто способен ее нести, вместо заботы о психических вампирах!
Он почувствовал, как тело его пронизала вибрация гонга.
– Сатана считает человека всего лишь разновидностью животного. Порой лучше, а куда чаще хуже тех, кто ходит на четырех ногах. И кто в силу своей божественной духовности и интеллектуального развития становится самым жестоким животным из всех!
Гонг! Дэниел рос на глазах, он становился мужчиной. Он чувствовал, как удлиняются его конечности, он знал, что его пенис возвышается над головами аудитории, знал, что все они в его власти.
– Сатана превозносит все так называемые грехи, если они ведут к физическому, духовному или эмоциональному наслаждению!
Он сделал долгую паузу, дожидаясь, пока стихнут звуки очередного гонга, зная, что у собравшихся нет иного выбора, кроме как ждать его, и он чувствовал себя великолепно, лучше просто нельзя, зная, что все они в его власти. Его голос, которым он провозглашал последнюю заповедь Сатаны, заполнил весь храм:
– Сатана – лучший друг Церкви из всех, что у нее имелись, потому что все эти годы Он обеспечивал ее работой!
– Слава Сатане! – одобрительно поддержал его голос магистра храма.
И хор грянул:
– Слава Сатане!
Гонг!
Чьи-то руки сняли повязку с глаз Дэниела. Он моргнул, когда она исчезла, увидел пламя свечей, обнаженные тела, пятна лиц – и больше ничего, кроме темноты за ними. Он осознал, что в первый раз видит членов ордена без масок. Он видел, как высоко на стене сияет в темноте перевернутая пентаграмма. Сам он одиноко стоял в центре пентакля на полу, во всех пяти углах которого горели свечи. В северном углу лицом к нему стоял магистр храма, и на нем была только корона; обеими руками он держал массивный блестящий церемониальный меч, направленный острием кверху.
Магистр медленно опустил его, пока клинок не принял горизонтальное положение, сделал шаг вперед и упер острие в грудь Дэниела.
– Во имя Сатаны! – провозгласил он. – С этой отметкой, о могучий Сатана, прими в свое вечное царство твоего нового адепта Теутуса!
Теперь его фаллос стал твердым и напряженным. Магистр сильнее вдавил клинок в грудь Дэниела и с силой рванул его кверху, оставив двухдюймовый разрез на коже грудины.
Дэниел задохнулся, когда перед его глазами блеснуло лезвие; он почувствовал обжигающую боль, и когда на мгновение опустил глаза, то увидел клочья плоти и стекающую кровь. Но он-то мог справиться с болью. Он больше не был Дэниелом Джаддом. Он больше не был ребенком, которого готовили к посвящению. Он был адептом Теутусом. Мужчиной! Адептом первой ступени Нового ордена Сатаны.
И он стал Сведущим. Сорок вторым и последним Сведущим. Ныне орден закрыт. На следующей неделе он может появиться в выбранной им маске; ему придется подумать, какой она может быть, прикинуть, какого создания не хватает.
Моргана, верховная жрица, медленно подошла к Дэниелу. На ней была только ее корона, кольца на пальцах и ожерелье из крохотных амулетов.
– Слава Посвященному Теутусу, – сказала она. – Будь благословенны твои ноги, которые привели тебя на этот путь. – При этих словах она встала на колени и поцеловала сначала его правую ногу, а потом левую. Проделав это, она приподняла голову и припала поцелуем сначала

к правому колену, а потом к левому, произнеся при этом: – Да будут благословенны твои колени, которые ты преклонишь перед священным алтарем.
Затем она кончиками пальцев осторожно взяла его член. Дэниел почувствовал, что он отвердел еще больше, но теперь его это не волновало. Теперь он испытывал лишь гордость; он был горд его размером.
– Да будь благословен твой фаллос, без которого нас не было бы, – сказала она. Затем она поцеловала кончик члена, коснувшись его губами, и нежно лизнула, не сводя с Дэниела глаз. Затем, поднявшись, она по очереди поцеловала соски его грудей. – Да будь благословенна твоя грудь, олицетворение мощи.
Наконец, глядя ему прямо в лицо, жрица торжественно произнесла:
– Да будут благословенны твои губы, которым предстоит произнести священные имена. – Она поцеловала Дэниела в губы и отступила в сторону. Когда она это сделала, другая женщина из посвященных заняла ее место и повторила ритуал. Все женщины в храме по очереди последовали за ней.
Последняя была самая молодая, почти девочка, лишь чуть старше его самого, подумал Дэниел. Она застенчиво посмотрела на него – удивительно красивая стройная девочка с длинными густыми волосами и мягкой улыбкой. Наверху ее полных грудей лежало ожерелье из бисера, и он поймал себя на том, что не может отвести взгляда от рубиновых сосков. Его пенис, поднявшись, устремился к ней, как развернувшаяся змея, и он заметил, с каким одобрительным выражением она уставилась на него.
Вперед вышел магистр храма:
– Лилит, наша посвященная девственница, во имя Его Величества Сатаны совершит с тобой Великий Обряд. Готов ли ты, адепт Теутус?
– Готов, – ответил Дэниел. У него был странный бесплотный голос, словно говорил кто-то другой.
Две пожилые женщины вышли вперед и, взяв Лилит за руки, уложили ее на спину в центре пентакля. Они растянули ей руки так, что они оказались в двух верхних концах пятиугольника, а затем широко раздвинули ноги, чтобы те легли в два нижних конца пентакля.
Гонг! Магистр храма начал задом наперед читать «Отче наш». Под эти звуки вперед вышел мужчина из посвященных, держа над головой облатку для причастия, и медленно ввел ее во влагалище девушки. Когда через несколько секунд он извлек ее, то поднял высоко в воздух, словно бы показывая всем, а затем презрительно бросил на пол.
Раздался всеобщий возглас «Слава Сатане!». Все присутствующие в храме, кроме Дэниела и Лилит, друг за другом прошли вперед, и каждый старался наступить на облатку, кроша и растирая ее.
Гонг!
Двое мужчин, взяв Дэниела за руки, провели его вперед так, что он остановился прямо между раздвинутых ног Лилит, и легким движением заставили опуститься на колени.
Гонг ударил три раза. Дэниел видел, что девушка смотрит на него. Он видел мягкую поросль ее волос на лобке, розовые губы влагалища, чувствовал, с какой силой по его жилам струится кровь.
Все, кто окружал его, все посвященные затянули речитатив, который, начавшись с низких глубоких звуков, наполнялся энергией и жизненной силой, пока не поднялся до крещендо.
Дэниел встал на колени. Уверенность было на мгновение покинула его, но тут же вернулась по мере того, как пение становилось все более громким и возбужденным. Девушка протянула руку, решительно взяла его пенис и начала направлять в себя. Он тут же почувствовал сухое сопротивление, а затем влажную мягкость. Дэниел легонько надавил, не желая причинять боль девушке, и снова почувствовал сопротивление.
Возбуждение нарастало, член увеличивался в размерах, и все тело было полно жгучего желания. Руки его коснулись мягкой кожи ее плеч, и он поцеловал девушку в губы, зная, что все смотрят на него. Он делал это для всех. Он творил Великий Обряд для его Властелина и Хозяина, Сатаны. Для Люцифера, Бафомета, Левиафана. Для Вечного и Всемогущего Князя Тьмы. Для остальных сорока одного Сведущего.
Речитатив становился все яростнее, в нем все громче звучали демонические нотки. В ответ он нажал сильнее, еще сильнее, чувствуя, как бедра девушки упруго уступают ему. Он продолжал

давить. Она испустила тихий вздох, и трудно было понять, то ли от удовольствия, то ли от боли, – и внезапно он глубоко вошел в нее.
Его член ни на мгновение не терял твердости; она яростно, как дикое животное, целовала его, каждые несколько мгновений издавая тихие вскрики.
Все его тело напряглось, и освобождение произошло с такой силой, словно внутри его взорвалась бомба. Семя мощной, энергичной струей хлынуло из него и продолжало извергаться все с той же силой. Она вскрикнула, и он тоже.
И тут он внезапно поднялся на ноги и остался стоять, глядя сверху вниз на нее. Теперь он башней высился над ней. Рост его достигал двадцати, тридцати, сорока футов, и в макушку уперся потолок храма. Лилит закатила глаза, глядя на него, и улыбка медленно раздвинула ее губы. В нем пульсировали волны энергии. Он был гигантом среди пигмеев. Кровь уступила место электрическому току. Сейчас он был так могуч, что мог сделать все, что хотел.
– Слава Сатане! – раскатилось под ним долгое эхо, словно одобрительное бормотание.

> Я Теутус. Я был мальчиком, который стал мужчиной и который ныне становится богом. Я бог Теутус.

Магистр храма тоже рос, пока не оказался лицом к лицу с Дэниелом.
– Теперь ты обрел мощь, Теутус. Этой мощью наделил тебя Сатана. И он приказывает тебе использовать ее! Призови любые силы, которые ты только желаешь. Сатана научит тебя, как показать всем нам свою силу.
Съеживаясь, магистр храма стал уменьшаться в размерах, пока снова не потерялся в море лиц, смотревших снизу вверх на гиганта. Дэниел сжал кулаки и сказал слова ритуала, которые знал наизусть.
Температура в храме стала падать. Вокруг него начал собираться туман – ледяные языки. Он напрягся, заставляя температуру опускаться ниже – и еще ниже. Кожа его покрылась пупырышками. Изо ртов всех присутствующих в храме стали вырываться клубы пара. Он улыбнулся и заговорил:
– О, твой слепящий свет и пылающее пламя, в котором присутствуют великие тайны истины, да откроется в нем окно для меня. Да появится передо мной служитель! Открой тайны твоего создания. Будь расположен ко мне, потому что я такой же! Преданный почитатель высочайшего и прекраснейшего Владыки ада! И я прошу господа нашего Сатану объявить о своем присутствии!
Последовало долгое молчание, словно все звуки в храме впитывал в себя туман. Температура падала все ниже, и свитки тумана уплотнялись. Но внезапно раздался тихий скрипучий треск и весь туман без остатка вытянулся в высоком вихре.
Уходя наверх, он набирал скорость и пролетел мимо Дэниела, как кинопленка. Тем не менее треск продолжался, сотрясая воздух словно раскатами грома. И тут в добавление к ним он услышал мучительный вопль. Окутанный туманным водоворотом, он ничего не видел. Вопль повторился; это кричала женщина, полная ужаса, и голос этот резанул его как ножом. Но он смолк так же неожиданно, как и возник.
Храм начал обретать свою прежнюю температуру, платы тумана начали утончаться и сливаться, пока не превратились в одну тонкую спираль, которая тоже наконец исчезла. Дэниел тоже обрел свои нормальные размеры и посмотрел на лица, окружавшие его. А потом опустил взгляд на Лилит.
На мгновение он не поверил, что представшее перед ним зрелище существует в реальности. К горлу подкатила волна отвращения и шока. Внезапно его охватила паника, и он сделал шаг назад. Но остальные лица бесстрастно и равнодушно смотрели на него.
Голова Лилит была свернута набок. Глаза вылезли из орбит, изо рта и носа текла кровь. Тело было вспорото от горла до пупка, часть кишечника выпущена наружу и спутанным клубком лежала рядом на полу. В воздухе стоял омерзительный запах.
Магистр храма тихо сказал из толпы:
– Это в самом деле огромная сила, Теутус. Равной ей нет на земле. И сегодня вечером ты уяснил, насколько она может быть опасна. Проявляй мудрость, пуская ее в ход, и она будет служить тебе до конца дней твоих – и дальше, в вечности. Если же ты необдуманно воспользуешься ею, то дашь свободу самым неукротимым силам во Вселенной. Это важно –

пускать ее в ход, учиться управлять ею, укрощать ее и заставлять работать на себя. Теперь у тебя есть дар жизни и смерти. Сатана не так легко дарует его. Все, что ты делаешь, должно быть в соответствии с Законом. Слава Сатане!

И пока Дэниел потрясенно глядел на страшные останки женщины у своих ног, речитатив еще раз грянул в унисон:

– СЛАВА САТАНЕ!

73

Суббота, 26 ноября 1994 года

– Так что же я скажу Анне Стерлинг, Коннор?

Он внимательно смотрел, как два кота пожирали содержимое своих мисок на полу кухни Монти.

– Я не думаю, что тебе сейчас вообще надо что-то говорить, – позвякивая ледяными кубиками в стакане виски, сказал он и сделал глоток.

– Но ведь она может умереть! Разве не так?

– Такой уверенности у нас нет.

– Еще как есть!

Она, не поблагодарив, взяла предложенную им сигарету и возбужденно закурила.

– В соответствии с информацией в «Досье Медичи» – к сегодняшнему дню четыре смерти и ни одних успешных родов. Четыре из четырех, Коннор.

Он покачал головой. В пальцах он сжимал сигарету, которую так и не прикурил.

– Четыре из семи. Зафиксированы три выкидыша, и, поскольку о матерях нет никакой информации, я предполагаю, что с ними все в порядке.

– Великолепно. Так что прикажешь мне делать? Отправиться прямиком к Анне и врезать ей по животу? И сказать: «Прости, это для твоего же блага»? – Она открыла дверцу холодильника и, пылая гневом, уставилась в него. – Сегодня вечером я хотела угостить тебя настоящим вкусным ужином, но теперь уже очень поздно. Придется согреть лазанью в микроволновке.

Коннор посмотрел на часы. 22:15.

Монти заметила, что мигает огонек автоответчика, но сейчас она была слишком занята и не хотела отвлекаться. Вместо этого она предпочла озвучить свои страхи:

– Это слишком серьезно для нас, Коннор. Нам надо выбираться из этой ситуации. Ты не думаешь, что стоит обратиться в полицию?

– Не уверен, что это самая умная идея, – с неожиданной для него уклончивостью сказал Коннор.

– Почему же? – Она положила на стол штопор и поставила бутылку красного вина.

– Ну… я вообще сомневаюсь, что это дело полиции, – уклонился он от прямого ответа.

– Четыре женщины мертвы, еще десять могут умереть – и это не дело полиции? – Она затянулась сигаретой. – Послушай, компания нарушает все писаные правила. Они изменили состав лекарства, не пройдя ни одной из предписанных процедур. Господи, нет ни одного упоминания о проверке на животных токсичности препарата, нет обращения ни в Комитет по этике, ни в Комитет по выдаче СКИ…

– ски?

– Сертификат о клинических испытаниях.

– Ах… ну да, – пробормотал он.

– Все их действия – вопиющее нарушение Хельсинкской декларации. И не какое-то мелкое протокольное, а уголовное действие. Они приступили к четвертой фазе испытаний, даже не приступив к первой, второй и третьей фазам. Нет ни слова о том, что поступали отчеты в Агентство медицинского контроля. А также в Комитет по безопасности медицины. Ничего!

Коннор кивнул. Он отлично знал, что каждое новое или модифицированное лекарство должно пройти на грызунах тест на ядовитость, а порой – и на млекопитающих. Затем местный Комитет по этике проводит тесты первой фазы на небольшом количестве здоровых добровольцев. Если

этот этап проходит успешно, можно начинать испытания второй фазы, в которых участвуют уже несколько сотен пациентов, и в их ходе выясняется эффективность и оптимальное дозирование лекарства. Третья фаза должна включать несколько тысяч добровольных пациентов, с помощью которых окончательно уточняется действие лекарства и меры безопасности.
Если препарат проходит третью фазу, то фирма смело может обращаться в Агентство медицинского контроля за лицензией на свой продукт в пределах Соединенного Королевства или в Управление по контролю за продуктами и лекарствами в США. Четвертая фаза должна начинаться лишь после получения лицензии от АМК: постмаркетинговая проверка включает в себя сотни врачей, которые, в свою очередь, держат под контролем тысячи пациентов, и длится она около года.
Успех является большой удачей. Только один из каждых отобранных десяти тысяч препаратов проходит процедуру получения лицензии; в норме это отнимает от десяти до пятнадцати лет, а стоимость разработки достигает ста миллионов фунтов, в которые обходится вывод нового лекарства на рынок. Цена неудачи просто чудовищна, так что уровень защиты против кого бы то ни было, кто покушается на секреты «Бендикс Шер», должен быть весьма высок. Монти оставалось только удивляться, почему компания такого размаха может позволить себе подобные номера, – ведь масса людей не может не знать о них.
– Коннор, но ведь в «Бендикс Шер» есть внутренние аудиторы, чтобы предотвращать такого рода вещи?
Он взял штопор и стал открывать бутылку, думая в это время о женщине, которая отвечала за связь с доктором Линдой Фармер. Когда речь заходила о «Матерноксе», она становилась холодна и неприступна. И теперь он понимал почему.
– Ты имеешь в виду тех, кто искренне заботится о благополучии общества, а не о том, чтобы выпускать горы рекламной чуши. Похоже, что единственная забота «Бендикс Шер» – держать информацию под запором.
Монти чувствовала крайнее изнеможение.
– Я все еще не понимаю, почему ты против обращения в полицию.
– Просто подумай немного и представь, что это может дать: да, четыре случая смерти – это немало, но в процентном соотношении с числом женщин, принимавших «Матернокс», и с ежегодным количеством смертей при родах четыре становятся еле различимой величиной. Не то что несущественной, но очень маленькой. – Наконец он раскурил свою сигарету. – Изменение формулы лекарства не обязательно носит преступный характер. Конечно, это неэтично, но, черт побери, прежде, чем получить в руки подлинное оружие, мы должны доподлинно выяснить, что же есть в этих капсулах.
– Но ведь мы, конечно же, можем передать полиции распечатку с твоего компьютера, что представляет собой «Досье Медичи»?
– А они покрутят ее и скажут, что этим должен заниматься Комитет по безопасности медицины.
– Ну и?.. Что нам мешает обратиться и в КБМ?
– А как насчет последствий, когда в полицию придет распечатка, которую я незаконно получил, взломав компьютер компании? Для начала – именно я совершил уголовное преступление! Если мы явимся в КБМ, меня вышвырнут пинком под зад – и ни одна фармацевтическая компания больше не примет меня на работу. Кроме того, есть и другая причина.
– То есть?
– «Матернокс» – это чудо-лекарство. Оно дает «Бендикс Шер» половину его доходов. – Он в упор посмотрел на Монти. – Если из-за этого скандала «Матернокс» исчезнет с рынка, компания рухнет в течение суток. И ты и твой отец окажетесь у разбитого корыта.
– Если бы я только знала! – Она положила голову на руки. – Господи, если бы только… Черт возьми, я бы никогда не втянула нас во все это. Я должна была послушать папу… я…
Коннор покачал головой:
– Ты все сделала правильно. Просто выбрала не ту компанию.
Она затянулась так, что сигарета догорела почти до фильтра.
– Я думаю, что сейчас самое разумное – отправляться прямиком к Рорке. Узнав, что происходит, он будет просто потрясен.
Коннор яростно замотал головой:

– Встань на его точку зрения. Представь, какие у него есть варианты действий. Он прекрасно понимает, что если пойдет в полицию или в КБМ, то шумиха в прессе, которая обязательно последует, отправит его компанию на дно. Она потонет. «Бендикс Шер» придет конец. Все сотрудники полетят с насиженных мест, с финансированием работ твоего отца будет покончено. В ходе этого процесса имя Баннермана будет непоправимо замарано. И… – Он посмотрел на нее так, словно собирался сказать что-то совсем уж убийственное, но на мгновение приостановился. – Рорке, при всем его облике хорошего парня, быстро и точно поймет, чем это для него кончится. Ради бога, он же председатель. И не важно, работает он один день в неделю или все семь, люди, даже не зная, в чем дело, все равно сделают его козлом отпущения.
Она изумленно уставилась на него:
– Ты серьезно считаешь, что мы ничего не должны делать?
– Пока точно не выясним, что представляет собой эта ДНК. Мы должны это знать, чтобы понять, на чьей территории оказались.
Она неохотно кивнула:
– И что ты предполагаешь? Что ты думаешь об этой ДНК?

> – Честно говоря, не знаю. Может, кто-то в научно-исследовательском отделе со страху придумал нечто… – Он побарабанил пальцами по столу. – Через три года закончится срок действия патентов «Матернокса», а у них нет новых продуктов, которые могут заместить… Может, за всем этим стоит Кроу; не исключено, что он вывалил акционерам компании кучу собачьего дерьма, и теперь они ждут, дабы он им что-то предъявил, а ему это не под силу. Самый быстрый путь получить патент и вывести препарат на рынок – и здесь, и по другую сторону Пруда
> [24]
> – это модифицировать уже существующий продукт. Я думаю, что, скорее всего, у научно-исследовательского отдела модификация «Матернокса» с грохотом провалилась. Бог знает почему. Я хочу сказать – идея использования бесплодных женщин в роли морских свинок, которые ни о чем не подозревают, достаточно грязная, но в этой индустрии такие вещи случаются.

– И ты считаешь это весомым доводом, чтобы не будить спящих собак? Чтобы смириться с фактом гибели четырех женщин… а моя подруга может стать следующей? Так вот – я не собираюсь сидеть и ждать, когда это случится.
Он легко сжал ей пальцы.
– Я тоже не собираюсь, Монти. Заверяю тебя. Но прежде чем принимать продуманное решение, мы должны найти кого-то, кто сделает анализ этих проклятых капсул… и я вижу только одного человека, который может это сделать.
Их взгляды встретились.
– Моего отца?
– Чарли Роули пытался раздобыть «Матернокс». Увидев, какую волну подняла его попытка, он испугался настолько, что решил, будто за ним следят. То есть в компании нет ни одного человека, которому мы могли бы доверять. Кроме твоего отца.
– Разве в Штатах у тебя нет друзей, которые могли бы сделать этот анализ? И разве мы не могли бы обратиться в какую-нибудь постороннюю лабораторию тут, в Англии?
Коннор вытянул из пачки еще одну сигарету.
– У всех четырех погибших непонятная сыпь типа псориаза начиналась на пятом месяце. То есть можно считать, что бы ни происходило с матерями, это начиналось примерно в это время или несколько раньше. Ребенок твоей подруги должен появиться на свет 20 июня. Сейчас 26 ноября. То есть у нее срок беременности – два с половиной месяца. Если зародыш несет нечто, что должно передаться матери, каждый новый день усиливает опасность, если даже уже не поздно. – Он затянулся сигаретой. – Здесь не так много молекулярных биологов, которым под силу сделать нужные нам анализы, не говоря уж о том, что эти тесты – очень медленный процесс. Нам потребуется примерно две недели, чтобы получить хоть какой-то результат. Конечно, я могу начать искать кого-то еще – скоро мне придется отправиться в Вашингтон, но у нас нет времени.

Кивнув, Монти погрузилась в тяжелое раздумье.
Он откинулся на спинку стула и выпустил к потолку тонкую струйку дыма.
– «Бендикс Шер» не собирается оповещать об опасности ни твою подругу, ни кого-либо еще. Это совершенно очевидно.
– Но, конечно, профессиональный врач в определенной ситуации может сложить два и два?
Он покачал головой:
– Здесь ты имеешь дело с очень неторопливой системой оповещения. Может потребоваться пара лет, прежде чем государственный служащий уловит какую-то связь. – Он пожал плечами. – За год десять, ну, может, четырнадцать случаев. И не забывай, что у «Матернокса» блистательные результаты по всему миру, так что проблемами могут считаться другие факторы. Например, загрязнение. Если даже будет собрано достаточно свидетельств, никто не рискнет подставить голову и стать жертвой судебного иска со стороны «Бендикс Шер» из-за столь незначительного количества данных.
– Но такой журналист, как Губерт Уэнтуорт, имея на руках копию данных из твоего компьютера, рискнет.
В настороженном молчании они смотрели друг на друга.
– Ведь в твоем компьютере хранится динамит, не так ли, Коннор?
– Плутоний.
– Ты сделал для надежности распечатку?
– Я сохранил все данные на гибком диске, который спрятал в своей квартире.
– Судя по неоднократным взломам, не думаешь ли ты, что надежнее было бы хранить распечатку в каком-то другом месте… может, у адвоката?
– На самом деле принтера у меня нет – в случае необходимости я пользуюсь рабочим. Естественно, мне и в голову не приходило использовать его для этой цели – вдруг кто-нибудь увидит. Как насчет того, чтобы передать дискету твоему приятелю?
– Тут может возникнуть другая опасность – не исключено, что Уэнтуорт решит передать ее в прессу.
– Ты думаешь, что он в таком состоянии?
– Да, насколько я могу судить. Он одержим демонами, но я думаю, он совершенно искренен. – Она состроила гримаску. – На самом деле я не очень хорошо знаю его… лишь несколько раз встречала.
– Но ведь он не редактор газеты?
– Нет… он заведующий отделом информации.
– О'кей… «Досье Медичи» не стоит появляться в газете, которая пользуется поддержкой «Бендикса»… ведь под ним нет ни имен, ни подписей. Теоретически любой человек, который недоброжелательно относится к компании, может придумать его. И чтобы опубликовать такую историю, редактор должен пользоваться очень мощной поддержкой какого-то другого источника.
– Какого рода поддержкой?
– Я думаю, как минимум заверенным свидетельством с моей стороны как сотрудника компании. Ты понимаешь, в чем проблема? Я должен думать и о наших спинах, Монти. На тот случай, если дела пойдут хуже некуда.
Она молчаливо признала его правоту.
– У тебя есть номер домашнего телефона мистера Уэнтуорта? – продолжил Коннор.
– Да, на его визитной карточке.
– Я думаю, нам стоит договориться с ним на завтра о встрече.
Она посмотрела на часы:
– Я могу позвонить ему сейчас… не думаю, что он будет против.
– Нет, отсюда звонить не надо. Утром мы воспользуемся каким-нибудь таксофоном.
Она встревожилась:
– Ты думаешь, что телефоны тут прослушиваются?
– В понедельник вечером я проверил оба твоих телефона. Они чистые.
– Ты… что? Ну ты и дотошен! В ее голосе были и ирония, и возмущение.
– Нам приходится быть дотошными, и тебе и мне, Монти. Твой телефон чист, но где-то можно легко подключиться к твоей телефонной линии – ведь кабель тянется над землей; и кто-то без труда сможет прослушивать все твои разговоры, просто сидя в припаркованной машине и

выделив лучом кабель. А если компания в самом деле имеет отношение к гибели одного из репортеров Уэнтуорта, она без труда может подключиться к его телефонной линии. Так что даже при разговоре из таксофона ты должна говорить как можно меньше. И постарайся не представляться по имени.
У Монти снова, как утром, мучительно заболела голова. Она подошла к автоответчику и включила его.
Голос Анны сообщал, что в Лондоне идет пьеса, которую она очень хотела посмотреть, и, наверно, она заедет на будущей неделе или через две. Далее следовал какой-то путаный рассказ Алисы, ее домоправительницы, о том, что она потеряла ключи, но потом нашла их. Последним звонил констебль Бренгвайн. Он извинялся, что они не смогли воспользоваться тем следом, который вроде давал ее пропавший шарф, и он надеется, что Монти свяжется с офицером, который занимается вопросами безопасности.
Коннор, который углубился в чтение «Тайме», поднял глаза:
– Шарф? Ты сказала «шарф»?
– Да, но это скорее была шаль – после завтрака я заметила, что она исчезла. Хотя не уверена – я могла ее где-то оставить.
Лицо Коннора потемнело, и он задумался. Затем поднял газету:
– Здесь есть материал о докторе Кроу.
– Вот как… и что же в нем говорится? – Она принялась резать помидоры для салата.
Коннор стал читать вслух:
«Для таких фармацевтических гигантов, как „Бендикс Шер“, компьютерное моделирование экономит годы поиска в процессе создания новых лекарств.
Исполнительный директор доктор Винсент Кроу говорит: „Мы были пионерами в области молекулярного моделирования. Всего десять лет назад ученые утверждали, что невозможно с помощью компьютерных программ точно воспроизводить химические реакции. А сейчас мы имеем исследовательские мощности на самом высоком уровне компьютеризации в мире, которые в течение следующих десяти лет начнут приносить нашей компании ощутимый доход“.
В мировой табели о рангах компания „Бендикс Шер“ за последние несколько лет поднялась с семнадцатого места на четвертое, поразив и своих конкурентов, и деловых аналитиков. Но что ждет компанию, когда срок действия ее патентов на чудо-лекарство от бесплодия „Матернокс“ и противораковый препарат „Зоксин“, продаваемый без рецепта, подойдет к концу через три и четыре года соответственно?
„Мы предусмотрительно считаем трансгенные препараты основным полем будущего приложения сил, – говорит доктор Кроу. – Уже сейчас у нас больше патентов на генные разработки, чем у любой другой компании, и мы едва ли не еженедельно подаем заявки на новые патенты. У нас крупнейшая в мире команда генетических исследований, и мы уверены, что нас ждут серьезные прорывы в этой области, которые еще до начала следующего столетия приведут к созданию новых лекарств – а они изменят знакомое нам лицо медицины и в диагностике, и в лечении“».
– Ты мне не нравишься, доктор Кроу, – сказала Монти.
– У этого типа серьезные личностные проблемы. Наверно, потому, что девяносто процентов его генов имели прототипами некачественные образцы.
Монти ухмыльнулась:
– Я думаю, все мы страдаем тем же самым.
– Нет, у остальной части человеческой расы таких генов только семьдесят процентов.
Ее улыбка увяла.
– Меня беспокоят капсулы «Матернокса», взятые у Кингсли, – ведь если я потеряю их, то будет практически невозможно раздобыть другие. Может, стоит попросить нашего семейного юриста положить парочку в свой сейф?
– Передай штучки две твоему приятелю Уэнтуорту; в сейфе газеты они будут в полной безопасности; в наши дни большинство газет имеют охрану, а не юридическую службу. Если бы я хотел выяснить, какой информацией ты владеешь, то первым делом стал искать в офисе твоего адвоката… ну после твоего дома, разумеется.
– Может, ты и прав.
Он мягко привлек ее к себе и поцеловал.

Монти ответила легким поцелуем, села ему на колени и обвила рукой его шею.
– Я чувствую себя так неуверенно… Словно… – Она замолчала.
– Словно что?
– Как будто все – совершенно не то, чем это кажется… Как те шесть подземных этажей, на которые ни у кого нет доступа.
– Скорее всего, это совершенно безобидная вещь. Скажем, аппаратура для подсчета радиоактивных осадков в день Страшного суда.
– Если не считать, что мой Уинстон Смит впал в откровенную панику, когда я спросила его. Из-за пустых подвальных помещений он не стал бы впадать в истерику. Коннор, я в самом деле хочу узнать, что там скрыто внизу.
– Попробуй выяснить у своего лучшего друга сэра Нейла Рорке. – Он искоса посмотрел на Монти.
– Он начнет задавать неудобные вопросы, откуда я все это узнала. У меня есть куда лучшая идея. Можешь ли ты залезть в личные дела сотрудников и найти мне домашний адрес Уинстона Смита? Если мы собираемся завтра поехать в гости, мы можем, проезжая мимо, повидать и его. И мне кажется, что вне пределов здания Бендикс он согласится поговорить со мной.
Коннор улыбнулся:
– Ты знаешь тут поблизости какую-нибудь дешевую гостиницу? Мы можем одним выстрелом уложить двух зайцев.
– Ты не хочешь остаться здесь?
– Конечно, я хочу провести здесь вечер. Но завтра тебе понадобится телефон для связи с Уэнтуортом, а мне – чтобы влезть в компьютер «Бендикса» и раздобыть адреса. Так что давай с утра первым делом займемся поисками такого места.
– И снимем номер лишь для того, чтобы сделать пару звонков. Звучит экстравагантно.
Он в упор посмотрел на нее:
– В том, чтобы попытаться остаться в живых, нет ничего экстравагантного, Монти.
Ее словно окатили ледяной водой.
– Что ты от меня скрываешь?
Он промолчал.
– Тобой что-то движет, Коннор. Бывают моменты, когда мне кажется, что ты впадаешь в паранойю, как старый Губерт Уэнтуорт. Ты не находишь, что пришло время поделиться со мной? Эвмениды. Твой псевдоним пользователя. Дух мести. Не в этом ли мотив твоих действий?
Он снова промолчал.
– Ты хочешь отомстить – так же как и Уэнтуорт? В этом причина? Или я заблуждалась на твой счет? Может, для тебя это всего лишь игра и тобой руководит легкое любопытство, но его недостаточно, чтобы ты рискнул своим положением ради того, во что ты веришь?
Он протянул руки и сжал в ладонях лицо Монти:
– В понедельник я предупреждал тебя – брось это расследование, пока еще у тебя есть такая возможность. А ты мне ответила, что ты стайер. Не нападай на меня, Монти, мы с тобой на одной стороне.
– Так ли? Я ничего не знаю о тебе. Мы спим вместе, мы разговариваем, и это в самом деле чудесно, но ты мне никогда ничего не рассказывал о себе. Каждый раз, когда я спрашивала о твоем прошлом, ты уходил в сторону, как ловкий политик. Я не знаю, кто ты на самом деле.
– Когда придет время, узнаешь.
– А когда оно придет, это время?

74

Воскресенье, 27 ноября 1994 года

Когда «БМВ» отъехал от гостиницы, в которой они остановились меньше часа назад, Монти сидела на месте пассажира. Коннор вел машину, следуя ее указаниям, и через пару миль они уже набирали скорость на почти пустынном шоссе М4.
Утреннее сияние солнца уже поблекло, и небо затянулось мраморной пеленой облаков; еще несколько часов – и начнет смеркаться. Капли дождя застучали по ветровому стеклу. Примеряясь к движениям «дворников», Монти искала знак поворота и прикидывала, как ей убедить отца помочь им. Сколько она может рассказать ему? И, что более важно, не подвергнет ли она его физической опасности?
Из-за Анны и других женщин в списке она должна действовать как можно быстрее. Одна из них должна была рожать в декабре; удастся ли спасти ее, если врач будет предупрежден о ситуации?
Она подумала о Чарльзе Кингсли, который остался наедине с горем в своей прекрасной квартире, и о том ужасе, который через несколько недель обрушится на мужей других ни о чем не подозревающих женщин.
Монти решила, что должна рассказать отцу все. Она должна поставить крест на той уверенности, которую внушила ему, что «Бендикс Шер» – самая лучшая компания; теперь он должен знать ее подлинную сущность. Несмотря на свое упрямство, он мудрый человек; может, он и придумает, как лучше действовать. Когда Монти пришла к такому выводу, она почувствовала себя чуть более спокойной.
Дом Губерта Уэнтуорта располагался на тихой, непритязательной улочке окраины Слау. Стены домов были выложены мелкой коричневой галькой и украшены имитацией стропил времен Тюдоров. Строение, как и его владелец, производило впечатление запущенности и неухоженности.
Монти взялась за дверной молоток и постучала, и как раз в этот момент дверь открылась. На пороге стоял Губерт Уэнтуорт.
Она представила Коннора и Губерта друг другу. Уэнтуорт пожал протянутую руку и ответил на приветствие:
– Как поживаете, мистер Моллой? Если не ошибаюсь, у вас балтиморский акцент?
– Вы не ошиблись. Я просто поражен!
Уэнтуорт пригласил их войти. Дом был маленьким и неухоженным, и Монти сморщила нос от запаха старых вещей, пыли и кошек. На стене висела керамическая плитка с рукописной надписью «Благословение этому дому». Все это напомнило ей визиты к бабушке в детском возрасте.
Они прошли дальше, гостиная оказалась на удивление чистой и уютной. Всюду на столах и полках стояли фотографии в рамках.
С первого взгляда Монти показалось, что на всех фото одна и та же женщина, и девушка сразу узнала ее по тем фотографиям, которые Губерт Уэнтуорт показывал ей в коттедже. Это была его покойная жена. Из-за обилия фотографий комната выглядела как усыпальница.
Приглядевшись, Монти обратила внимание на серию фотографий, прослеживающих взросление маленькой девочки от младенца до молодой женщины. Ее она тоже узнала. Из хорошенькой малышки Сара Уэнтуорт, в замужестве Джонсон, превратилась в неброскую женщину. Ей не повезло – она унаследовала круглое, как блин, лицо отца, а не высокие скулы матери; игра генов, подумала Монти.
Ее охватило острое чувство горечи. Она остановила взгляд на свадебной фотографии. Сара стояла на церковном дворе рядом со скромным молодым человеком с короткими черными волосами. Алан Джонсон. Тоже мертв. Покончил с собой. Если не считать Губерта Уэнтуорта, все, изображенные на фотографиях в этой комнате, были мертвы.
Оставив их, хозяин дома пошел приготовить чай. Вскоре он появился с подносом, на котором стояли чайник, чашки, молочник и масляные пирожные.
– Пирожные, – сказал он. – Мы всегда подавали их к чаю. Сара, моя дочь, всегда приносила мне вкусные пирожные, боюсь, куда лучше, чем эти. – Он стал разливать чай.
– Вы сами растили Сару, мистер Уэнтуорт? – спросила Монти.
– Да, сам. Франсуаза умерла, когда дочке было всего три года. Она была фотожурналистом, часто ездила во Вьетнам. – Он налил чаю себе и сел с напряженной улыбкой. – Понимаете, Франсуаза делала фотографии для «Пари матч» и…
– Там она и погибла? – спросил Коннор. – На войне?

Он кивнул:
– Она была убита, а я – отравлен дефолиантом, который они называли «Оранжевым агентом». – Уэнтуорт помолчал. Его лицо напряглось, он продолжил: – Под выброс дефолианта попал целый журналистский корпус. По ошибке. Семьдесят процентов присутствовавших там репортеров сегодня скончались от рака. Мне приходится каждые полгода проходить обследование. Мне говорят, что моя судьба – это только вопрос времени.
Монти сочувственно посмотрела на него, не зная, что сказать.
– «Оранжевый агент»? – переспросил Коннор.
– Да. Или другая химия, почти такая же, как «Оранжевый агент». Как напалм, который убил мою жену, эта химия была произведена на одном из заводов «Бендикс Шер» в Соединенных Штатах.
Он нарушил молчание, наступившее за его словами, предложив пирожные. Монти их не хотела, но, чтобы не обидеть хозяина, взяла кусочек; Коннор же положил себе ломоть и стал с аппетитом его есть.
– Может, с вами все и обойдется, – сказал он. – Эта химия не обязательно поражает всех и каждого.
Уэнтуорт улыбнулся ему, но в этой улыбке чувствовался легкий след зависти – к молодости Коннора и его невинности, ко всей той жизни, которая лежит перед ним.
– Время. Вот что самое ценное для меня. Время, которое у меня осталось. Я боюсь не смерти. Я боюсь оставить незавершенным дело. Я… я часто думаю… – Он вдруг остановился и начал снова: – Вы проделали большой путь, и я должен перейти к делу. Как хорошо, что вы позвонили. У меня есть то, что вы должны увидеть.
Он поднялся и вышел из комнаты. Монти повернулась к Коннору и спросила, что он обо всем этом думает, но тот был глубоко погружен в свои мысли и не ответил ей.
Уэнтуорт вернулся, держа в руках папку. Он посмотрел сначала на Коннора, потом на Монти, после чего, приняв решение, протянул папку Монти. Она открыла ее и прочла название первого документа: «Конфиденциальное расследование случаев смерти рожениц».
Она подняла глаза, ожидая разъяснений.
– Правительство, – сказал он. – Оно занялось расследованием всех случаев смертей при родах. Бланки отчетности должны были заполнять гинекологи, акушеры, анестезиологи и патологоанатомы. Документы отсылались региональному эксперту, а затем шли в центральный офис Министерства здравоохранения. – У Уэнтуорта был смущенный вид, но он не скрывал, что доволен собой. – Я получил данные на первых трех женщин, которые скончались после приема «Матернокса»… сведений о четвертой еще нет. И у меня есть алфавитный список женщин, которые за последние двенадцать месяцев в Британии умерли при родах… на тот случай, если у нас возникнет необходимость провести более широкое расследование.
– Как вам удалось его получить? – спросил Коннор.
Уэнтуорт неторопливо поднял указательный палец и, сдержанно улыбнувшись, коснулся им носа.
– Когда всю жизнь работаешь в газете, обзаводишься кое-какими связями.
Монти заметила в его голосе нотку гордости, которая, однако, мгновенно исчезла, как тень пролетевшей птицы. Она взялась за отчет патологоанатома о Саре Джонсон и просмотрела его. Бóльшая часть была написана специфическим медицинским языком, но резюме было совершенно недвусмысленно: «…Предлагается сохранить жидкостные фракции организма и образцы тканей для дальнейшего анализа, дабы исключить любую возможность случайной связи между острым прыщевидным псориазом, вирусным менингитом и циклопизмом».
Чувствуя прилив возбуждения, она обратилась к данным двух женщин. В каждом случае патологоанатом сделал одно и то же заключение. Ее возбуждение окрепло, и она показала комментарии врача Коннору.
– Кто-то в Министерстве здравоохранения начнет искать связь, не так ли? – предположил он, наудачу листая досье. – Но им придется крепко поломать себе голову, чтобы установить связь с «Матерноксом».

– Разве что с «Досье Медичи», – проговорила Монти sotto voce
[25]
, только для Коннора.

– Пока еще, – сказал им Уэнтуорт, – ничего из этих материалов не привлекло внимания прессы. Я предполагал, что в статье о лекарствах против бесплодия сделаю многозначительный намек, но действовать тут надо очень осторожно: фармацевтическая индустрия болезненно относится к таким намекам и сразу же начинает сутяжничать.
Коннор прищурился:
– Пока я ничего не могу сделать.
– Мистер Уэнтуорт, – сказала Монти, – я думаю, вы слышали, что после нашей с вами последней встречи нам удалось кое-что выяснить.
– Да. Могу ли я из нашего краткого телефонного разговора сделать вывод, что у вас важные новости?
– Излишне говорить, что записывать ничего нельзя.
Монти рассказала о своем посещении мистера Кингсли, о чертежах здания Бендикс; затем Коннор свел воедино все данные, полученные от Чарли Роули, и содержание «Досье Медичи».
– Боже милостивый! Это потрясающе. – Уэнтуорт был так разгневан, что у него тряслись руки. – Испытания… люди как морские свинки… меняется состав лекарства… – У него упал голос. Он повернулся к Коннору. – Вы думаете, вам понадобится две недели, чтобы идентифицировать эти ДНК?
– Примерно так.
– А у вас есть хоть какие-то гипотезы по этому поводу?
Коннор задумался.
– Ну, в ходе изучения, возможно, удастся установить какую-то связь с псориазом. Все четыре скончавшиеся женщины, включая и вашу дочь, страдали от сыпи, которая очень походила на острый прыщевидный псориаз. – Он посмотрел на Монти. – Нам довелось узнать, что несколько лет назад «Бендикс Шер» экспериментировал на добровольцах из числа своих сотрудников и у некоторых из них развилась сыпь типа псориаза. Мы могли бы установить дополнительную связь, не исчезни досье с результатами важных исследований по генам псориаза, которые проводил доктор Баннерман.
Коннор собрал пальцем с тарелки крошки печенья и лизнул палец.
– Все мы знаем, что у всемирного патента на «Матернокс» через три года кончается срок пользования. Если бы я отвечал за данный продукт, я попытался бы изменить его состав, чуть-чуть, еле заметно – но так, чтобы я смог снова запатентовать его. Если бы это оказалось невозможным, то я предпочел бы придать «Матерноксу» какую-нибудь дополнительную ценность, убеждая, что он куда лучше, чем любые его аналоги, дженерики, имеющиеся на открытом рынке. – Глядя на Уэнтуорта, он многозначительно вскинул брови, а собеседник кивнул в знак понимания. – В данный момент я почти убежден, что компания экспериментировала с кое-какими важными для нее компонентами, включенными в формулу «Матернокса». Может быть, «Матернокс-2» не только давал возможность забеременеть бесплодным женщинам, но и к тому же содержал какую-то формулу, созданную генной инженерией. Скажем, такую, которая еще на стадии зародыша на корню уничтожала ряд специфических болезней типа псориаза. – Он посмотрел на Уэнтуорта и Монти. У обоих был слегка ошеломленный вид.
– Коннор, ты серьезно считаешь, что они занимались именно этим? – спросила Монти.
– Конечно, такая возможность существует. Ты только подумай, каким потоком могут хлынуть деньги: мы гарантируем, что ваш ребенок никогда не заболеет такими детскими хворями, как свинка, ветряная оспа, корь.
– А Медичи? – встрепенувшись, напомнил Уэнтуорт, у которого слух оказался острее, чем предполагала Монти. – Что такое «Досье Медичи»?
– Это кодовое название.
– Неприятная семейка эти Медичи, – медленно кивнул пожилой человек. – Но необходима полная уверенность. С железными доказательствами. – Он было поднес ко рту свою чашку и брезгливо поставил ее обратно. – Чай совершенно холодный. Остыл, – смущенно сказал он, глядя куда-то вниз.
Когда он снова поднял взгляд, глаза его были полны слез.
– Вы должны простить меня. Я… я не знаю, чего я ждал… но только не этого. Я не предполагал такого размаха. – Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. – Моя дочь. Это они с ней и сделали.

Проводили эксперименты на моей Саре. – Он снова открыл глаза и уставился на Монти и Коннора с таким видом, словно старался припомнить, кто они такие. – Это слишком серьезно для моей газеты. Они не могут позволить себе риск судебного процесса с такой фирмой, как «Бендикс Шер». – Он вытащил из кармана большой синий носовой платок и высморкался. – Я уже переговорил на Флит-стрит. – Он поднял руку, чтобы успокоить собеседников, на лицах которых появилось выражение тревоги. – Не волнуйтесь; я всего лишь запустил пробный шар. Лишь когда мы будем готовы, вот тогда и выдадим первополосную сенсацию. Если сможем все доказать.

Коннор серьезно уставился на него:

– Если мы доверим вам дискету с копией наших материалов и спрячем у вас две капсулы «Матернокса», можете ли вы дать нам слово, что до нашего сигнала они будут лежать в сейфе в вашем здании?

– У вас будет больше чем просто мое слово, мистер Моллой. Я не смогу промолвить хоть слово об этой истории, пока не получу письменные распоряжения от вас, и я думаю, что редактору на Флит-стрит потребуются еще доказательства.

– Я склонен думать, что письменное свидетельство доктора Баннермана о содержимом данных капсул будет иметь определенный вес, – сказал Коннор.

– И очень большой, – согласился Уэнтуорт.

– Здесь, в Англии, я оставлю в юридической фирме письменное показание под присягой, – продолжил Коннор. – Парня зовут Боб Сторер из «Харботтл и Льюис»; я уже послал ему заказной почтой копию дискеты с «Досье Медичи» и должен дать ему указание – если со мной что-то случится, он свяжется с вами и вы получите доступ к информации.

В душе Монти ликовала, последние слова Коннора говорили о том, что Коннор наконец решительно поднял флаг на мачту и приколотил его. Теперь-то она знала, на чьей он стороне.

Через несколько минут Коннор и Монти покинули дом Уэнтуорта. Хозяин дома, получив дискету и две капсулы «Матернокса», заверил, что в издательском сейфе они будут в полной безопасности.

За дверью их встретили сгустившиеся сумерки, и, когда они двинулись по тротуару, Коннор на мгновение замедлил шаги и, похоже, напрягся. Он открыл дверцу «БМВ» со стороны пассажира, придержал ее для Монти и еле слышно сказал:

– Не оглядывайся. Просто быстро садись в машину. За нами следят.

75

– Сиди и смотри прямо перед собой, – сказал Коннор, отъезжая от дома Уэнтуорта и мягко набирая скорость.

Монти застыла на месте и лишь иногда поглядывала в боковое зеркало. Она не видела, чтобы за ними кто-то держался.

Коннор доехал до конца улицы, повернул налево, еще раз налево и двинулся по длинной улице частных особнячков. В конце ее он сделал один за другим еще два поворота, которые снова вывели их на улицу, где жил Уэнтуорт, но теперь в паре сотен ярдов от его дома. В дальнем конце ее задние габаритные огни исчезли в том самом направлении, куда они свернули не более минуты назад.

Коннор ехал по улице, обсаженной деревьями, рассматривая ряды машин, стоящих по обе стороны ее, как вдруг остановился ярдах в пятидесяти от дома журналиста. Он показал на проем, достаточно большой для одинокой машины:

– Видишь?

– Да, – сказала Монти.

– Когда мы приехали, все выглядело точно так же, но, когда выходили, тут стоял серый «форд» с водителем за рулем. А теперь снова пусто. Совпадение?

– Ты заметил, за нами кто-то следил, когда мы ехали сюда?

– Мы были совершенно одни… я очень внимательно смотрел за дорогой. – Он бросил взгляд на дом Уэнтуорта, посмотрел в свое зеркало и нахмурился.

– Как ты думаешь, может, его телефон прослушивался? – предположила она. – И таким образом они… или кто там был в машине… узнали, где мы находимся?
– Мне кажется, это как-то бессмысленно… если они знали, что мы здесь, чего ради приезжать сюда, а затем снова уезжать?
– Может, они подслушивали нашу встречу при помощи аппаратуры в том самом «форде»?
Коннор кивнул, и Монти в первый раз подумала, что заметила следы страха на его лице. Она стала лихорадочно припоминать, какие подробности они обсуждали и много ли из них поймет непосвященный человек, слушавший их.
– Если нас в самом деле слушали, то можно считать, мы проиграли, не так ли?
Коннор снялся с места:
– Давай надеяться, что ничего подобного не было, но для нашей же собственной безопасности будем предполагать самое худшее. – Он внимательно рассматривал дорогу впереди. – И теперь нам надо быстрее уезжать, как можно быстрее.
– Сегодня вечером папа в Глазго, у него встреча с группой ученых; завтра утром он первым же челноком прилетает в Лондон. Я встречусь с ним за ланчем, и мы поговорим.
– Хочешь, чтобы я пришел с тобой?
Она припомнила, как в четверг вечером за ужином отец оценил Коннора.
– Я думаю, будет лучше, если я сама введу его в курс дела, – решительно ответила она. Затем Монти вынула из сумочки записанный домашний адрес Уинстона Смита в Уайтчепеле и вложила его в ежедневник Коннора.
– Как, по-твоему, он отреагирует? – спросил Коннор.
– Не думаю, что встреча пройдет так уж легко, – предположила она. Я не могу все разом вывалить ему на голову… придется выкладывать по кусочкам.
Коннор возвращался к главной дороге.
– У меня создалось впечатление, что ему не очень нравится «Бендикс Шер», но заставить его как-то выступить против фирмы будет безумно трудно.
– Да, я согласна, что именно так он и отреагирует, но я должна убедиться, что он понимает, в чем кроется опасность.

К тому кварталу Ист-Энда, где жил Уинстон Смит, они добрались уже в темноте. Дом представлял собой уродливое муниципальное строение, увешанное металлическими пожарными лестницами и навесными переходами.
Коннор поставил машину на улице, и Монти вылезла из нее. Облокотившись на капот, она улыбнулась:
– Позаботься, чтобы никто не украл колеса, пока ты ждешь меня.
Коннор с сомнением смерил взглядом какую-то разбитую рухлядь на другой стороне улицы и кивнул.
Монти с легким содроганием осмотрела убогую Олбани-стрит: грязные стены домов осыпались, с веревок тут и там свисало белье, на фасаде нижнего этажа намалеваны свастики. Из окна над ее головой доносились ритмы рэпа.
Монти проглядела список номеров квартир на стене. Двадцать седьмая располагалась на втором этаже. Засунув руки в карманы куртки, Монти поднялась по подрагивающим металлическим ступеням и двинулась по коридору, заваленному банками и черными мешками с мусором. Все двери были одинаковы – с большими стеклянными панелями в морозных разводах, с облупившейся синей краской. Она остановилась перед номером 27 и, внезапно почувствовав внутреннее стеснение, постучала.
Дверь дрогнула и приоткрылась. На пороге, опираясь на костыли, стояла черная женщина сорока с лишним лет; в шерстяном свитере и джинсах она выглядела болезненно худой и изможденной.
– Простите за беспокойство. Уинстон Смит дома? – спросила Монти.
Прежде чем ответить, женщина смерила Монти взглядом:
– Он в больнице.
– Мне очень жаль. Я этого не знала.
– В пятницу вечером беднягу опять прихватило.
– Я… я работала с ним. И… мне бы хотелось поговорить с Уинстоном. Я понятия не имела…

Глаза женщины превратились в две узкие щели, как прорези в шлеме. Монти потеряла присутствие духа.
– Работали с ним? – спросила женщина.
– В «Бендикс Шер». – Монти окончательно поняла, что все потеряно, и попыталась, чтобы хотя бы голос звучал спокойно и дружелюбно. – А в какой он больнице?
Щелочки глаз чуть расширились.
– В клинике. В той, куда его всегда отвозят. – Тон женщины давал понять, что, если Монти в самом деле работает с ним, уж это-то она должна была знать.
– Клиника от «Бендикса»?
– «Хаммерсмит».
– Да, точно, «Хаммерсмит». – Она заставила себя задать следующий вопрос: – А как он… как он себя чувствует?
Казалось, стоящая перед ней женщина прикидывала, может ли она доверять гостье.
– У него снова началась сыпь. И сильные боли. – Она смерила Монти взглядом и неожиданно спросила: – А не дочь ли вы того ученого?
– Простите, – сказала Монти. – Я не представилась. Да, я Монтана Баннерман.
Женщина бесстрастно кивнула:
– Вы говорили с моим мужем о книгах. Он был вам очень благодарен за это. Но вы его напугали. Он рассказал мне, что вы задавали вопросы. И теперь он обеспокоен, что рассказал вам слишком много.
Монти улыбнулась женщине:
– Хотите поговорить со мной об этом?
Миссис Смит отрицательно покачала головой. Ее взгляд скользнул мимо Монти, словно она была испугана, не слушает ли их разговор кто-то еще.
Монти снова улыбнулась:
– Мне просто было интересно узнать чуть побольше о компании. «Бендикс Шер» – очень закрытое учреждение. У меня появилось ощущение, что мистер Смит в самом деле может мне что-то рассказать. И я хотела заверить его, что он может доверять мне. – Монти чувствовала себя неловко, поскольку ей приходилось стоять на пороге и говорить приглушенным голосом. – Могу я зайти на минутку и все вам объяснить? Я искренне хочу помочь вашему мужу.
Лицо миссис Смит исказилось от страха.
– Простите, нет… простите. Мы болеем, и компания хорошо относится к нам, дает бесплатные лекарства. У Уинстона всегда отдельная палата. Пожалуйста, оставьте его в покое.
– Вы тоже принимали участие в проверках лекарств для компании, миссис Смит?
– «Бендикс» всегда очень хорошо относился к нам, и ничего больше я говорить не хочу. Спасибо, что пришли. Спасибо за заботу о здоровье моего мужа. Я расскажу ему, что вы заходили.
Она сделала шаг назад, а Монти осталось лишь медленно двинуться к машине.

Клиника представляла собой высокое восьмиэтажное здание с окнами дымчатого стекла, которое стояло к западу от эстакады. Она была очень удобно расположена по отношению к Хитроу и привлекала богатых клиентов из Азии и с Ближнего Востока, которые могли себе позволить полеты на реактивных лайнерах ради косметической хирургии, абортов, лечения бесплодия, изменения пола и, самое последнее, для генетического сканирования. «Хаммерсмит-Бендикс», как ее принято было называть, считалась в медицинских кругах одной из самых роскошных и современных частных больниц в Британии, и среди работающих в ней врачей называлось немало знаменитых имен.
И Монти испытала не просто легкое любопытство, когда узнала, что компания предоставляет услуги такого заведения для лечения обыкновенного охранника. Пусть даже сэр Нейл Рорке публично заявлял о самом внимательном отношении к сотрудникам, но когда Уинстона Смита помещают в палату стоимостью четыреста фунтов за ночь… это смахивало на замазывание чувства вины. Или какого-то дурного поступка.
Они снова решили, что Коннор будет ждать в машине, а она зайдет внутрь. Автоматические двери мягко разошлись по сторонам, и створки с шипением сомкнулись за ее спиной. Три слоя стеклянных перегородок надежно приглушили грохот лондонского движения, а легкий цветочный запах напомнил атмосферу в здании Бендикс.

Ковер был мягкий и пушистый, с вытканными на нем геометрическими логотипами «БШ», стены и потолок были выложены сосновыми панелями, а в правом коридоре располагался магазин элегантных подарков и цветочный бутик.
Важным фактором философии компании было хорошее самочувствие. Она исходила из того, что у пациентов должно возникать чувство, будто они прибыли в эксклюзивный сельский отель, а не больницу. Строго говоря, тут никогда не употреблялось слово «пациент»; всех называли гостями.
Монти подошла к стойке приемной и с предельной небрежностью спросила, в какой комнате находится Уинстон Смит.
Платиновая блондинка тридцати с небольшим лет была облачена в строгий костюмчик в серую полоску. Блеснув фирменной улыбкой компании, она прикоснулась к паре клавиш своего компьютера. Улыбка понемногу начала сползать с ее лица.
– Могу ли я узнать ваше имя? – спросила она.
Этот неожиданный вопрос смутил Монти.
– Фамилию и инициалы. – В добавление к ее сходству с автоматом, у секретарши был такой интенсивно васильковый цвет глаз, который могли дать только линзы. Она напомнила Монти одного из персонажей фильма «Степфордские жены».
Монти принялась лихорадочно соображать.
– Гордон, – взяла она фамилию из воздуха. – Миссис Линдси Гордон.
– И будьте любезны ваш адрес, миссис Гордон?
– Вам не кажется, что это как-то странно? – спросила Монти.
– Это всего лишь формальность, предписанная службой безопасности, – с безукоризненной вежливостью объяснила молодая женщина.
– Коуч-Хаус, Бернем-Бич-Лейн, Бернем, Бакс.
– Почтовый индекс?
Монти назвала индекс, который должен был соответствовать придуманному ею адресу.
– И ваш номер телефона, будьте любезны?
Монти почувствовала, что выражение лица может ее выдать.
– Его нет в телефонной книге, – сказала она. – И я никому его не даю.
Секретарша, ничего не ответив, ввела на экран какие-то данные, и следующие ее слова поразили Монти как громом:
– Боюсь, что посещение мистера Смита не разрешено.
Монти заметила, как изменилось отношение секретарши; теперь в нем явно чувствовалась уклончивость.
– Когда его можно будет навестить?
– Боюсь, что не могу предоставить вам такую информацию.
Монти, одарив собеседницу теплой улыбкой, попыталась воззвать к лучшим качествам женской натуры:
– Моя дорогая, я два часа сюда добиралась. Неужели нельзя просто повидаться с ним – хоть на пару минут?
Взгляд секретарши был устремлен, казалось, в какую-то невидимую точку высоко над головой Монти.
– Прошу прощения, посещение мистера Смита запрещено.
Монти развела руки жестом отчаяния:
– Можете ли вы сообщить мне хотя бы номер его комнаты, чтобы я могла прислать ему цветы?
– Не беспокойтесь, миссис Гордон. Если вы назовете имя мистера Смита, мы уж позаботимся, чтобы цветы попали к нему. – Она кивнула в сторону холла. – Вы можете прямо на месте дать указание нашей цветочнице, и она займется вашим заказом.
Теперь за контактными линзами просматривалась лишь полная пустота.
Монти развернулась и мимо магазина подарков неторопливо зашагала к цветочной витрине. Она сознательно тянула время. Тут вошли два богато одетых азиата и направились к стойке. Довольная тем, что мисс Васильковые Глазки занялась ими, Монти метнулась в цветочный магазин и купила маленький букетик с витрины, шесть тюльпанов, которые, к ее удивлению, стоили пять фунтов.
Держа его перед собой и поглядывая в сторону секретарши, которая продолжала заниматься азиатами, она подошла к лифтам. Когда Монти нажала кнопку вызова, створки раздвинулись

почти мгновенно, она шагнула в кабину и прикинула, на какой этаж ехать сначала. Почему-то она выбрала шестой.

Двери выпустили ее в широкий коридор с таким же, как в фойе, мягким ковровым покрытием. Только металлическая каталка с хирургическими инструментами и две промелькнувшие медсестры в халатиках выдавали, что тут больница, а не пятизвездочный отель.

Она повернулась и пошла в ту сторону, где появились медсестры; она шла мимо дверей, на каждой из которых была карточка с именем. Одна была приоткрыта, и, проходя мимо, Монти замедлила шаги и заглянула в нее. Она увидела женщину с темными кругами под глазами, с пластырем на носу, которая, лежа в постели, смотрела телевизор.

На следующей двери была надпись «А. Гупта». Далее – «Мисс Э. Кардерелли», «Д. Пател», «Х. Уинтергартен». Уинстона Смита не было и следа.

В конце коридора в нише располагалось что-то вроде уголка отдыха, где на столике стояло несколько телефонов, а на стене висела большая доска объявлений. Похоже, здесь дежурили сиделки. Монти присмотрелась, но две медсестры исчезли. Монти осторожно сделала шаг вперед, осмотрела сначала стол, а потом доску объявлений. Почти сразу же она увидела график: «Список гостей на 6-м и 7-м этажах».

Нервничая, она бросила взгляд в коридор, после чего быстро пробежала список. «У. Смит. 712». Для надежности она еще раз проверила список и осторожно вернулась в коридор. Из двери перед ней вышла медсестра и двинулась к тому месту, от которого только что отошла Монти. Избегая встречного взгляда, она прошла мимо нее. Но когда они миновали друг друга, Монти услышала голос молодой женщины:

– Чем могу помочь, мадам?

Монти, покраснев, повернулась к ней. Медсестра была хорошенькой, как и весь медперсонал здесь, с открытым веснушчатым лицом.

– Я… э-э-э… думаю, я попала не на тот этаж. Ведь это не седьмой?

– Нет. – Она показала на лифты. – Вам на один этаж выше.

Монти поблагодарила ее и через несколько секунд оказалась точно в такой же обстановке, что и внизу. Посмотрев на номера на дверях, чтобы сориентироваться, она повернула направо. 710… 711… 712.

Она не без удивления заметила, что рамка для карточки с 712-м номером была пуста. Это была единственная дверь без фамилии. Она посмотрела в обе стороны коридора. Женщина-санитарка катила в ее сторону тележку с едой. Монти набрала в грудь воздуха, повернула ручку и толкнула дверь.

Она оказалась закрытой.

Для надежности она еще раз нажала на ручку, затем осторожно постучала и приникла ухом к двери. Постучала снова, на этот раз погромче. Мужской голос за спиной заставил ее вздрогнуть и оцепенеть.

– Вы кого-то ищете?

Развернувшись, Монти встретила холодный, враждебный взгляд. У нее возникло ощущение, что она уже где-то видела этого элегантного типа, но никак не могла вспомнить, где именно. На бирке с его именем было «Д-р Ф. Чарльз Зелигман». У него были темные вьющиеся волосы с нитями седины.

Она перевела дыхание. Неожиданно страх уступил место гневу.

– Да, я хотела бы повидаться со своим другом мистером Смитом.

– Посетители к мистеру Смиту не разрешены.

– Это частная больница, и ко всем ее гостям могут приходить посетители. У вас нет часов посещения.

Этот мужчина рассматривал ее лицо, и Монти чувствовала, что он тоже пытается вспомнить, где же они раньше виделись. Внезапно он мягко улыбнулся:

– Мистер Смит чувствует себя далеко не лучшим образом. Принимать гостей для него слишком утомительно; в данный момент мы можем разрешить посещения лишь ближайших родственников. Если хотите, можете оставить цветы и записку у палатной сестры. Она с удовольствием передаст и то и другое.

Он дружелюбным жестом протянул руку и решительно увел Монти от палаты 712.

– Значит, вот здесь ты и живешь?
Ганн стоял босиком, в накинутом на плечи халате и со смешанным чувством удивления и растерянности смотрел на Никки, которая, облаченная в джинсы и в пальто с капюшоном и деревянными пуговицами, с победоносным видом стояла на полутемной лестничной площадке.
– Как ты нашла меня? – тихо спросил он.
– Думаешь, я совсем уж дура или что-то в этом роде? – Она кокетливо склонила голову, и ее длинные рыжие волосы упали на лицо. – И еще называешь себя суперразведчиком! Тебе стоило бы лучше поглядывать, кто тебя выслеживает.
Он еще на несколько дюймов перекрыл проем между дверью и косяком.
– Послушай… я завтра позвоню тебе… сходим в кино или еще куда-нибудь.
– То есть ты меня не приглашаешь к себе? Я три дня искала твое логово, и мне даже чашки кофе не полагается в виде вознаграждения?
– Ник…
Она попыталась заглянуть внутрь, но он полностью перекрыл проем.
Ганн не видел ее с прошлого четверга, когда они поссорились, и ему жутко не хватало ее. Но он не мог пригласить ее к себе… только не сейчас.
– Что там у тебя, солдат? Что ты прячешь?
– Ничего я не прячу.
– Отлично. В таком случае я хочу кофе. – Она толкнула дверь, но она не сдвинулась ни на дюйм, припертая его тяжелым телом. – Послушай, солдат, у тебя что там, другая баба? В этом все дело?
– Никки, у меня была тяжелая ночь.
– Ну да, конечно. С кем?
– Да брось ты, Ник. Завтра мы с тобой увидимся.
– У тебя тут грязный, мерзкий район. Я рисковала головой, добираясь до тебя, и в такое время одна я никуда не пойду.
– Я спущусь с тобой и поймаю тебе такси.
Она раздраженно замотала головой:
– А я войду внутрь. Я хочу увидеть, кого ты сюда привел. Она такая же хорошенькая, как и я? Или красивее?
– Я найду тебе такси.
– Не хочу я такси. Я хочу войти. Сколько раз ты звонил мне за последние несколько дней? Десять? Двадцать? Тридцать? Сколько тонн цветов ты мне прислал? Я расценила все это как желание увидеться со мной. И ты сию же секунду пустишь меня в эту дверь, или ты меня больше никогда не увидишь. Договорились?
Загнанный в угол, Ганн смягчился и отступил в сторону, неохотно махнув рукой – заходи, любуйся.
Миновав электрический счетчик, она оказалась на маленькой кухоньке со старым мягким стулом. Среди прочей обстановки в ней были еще кушетка, пара потрепанных кресел, тряпичный коврик и грязные сетчатые занавеси. Не было и следа присутствия женщины. Телевизор был выключен, на диске звучал Вивальди. Мягко мерцал экран ноутбука, и стоял застарелый запах готовки.
Прикрыв за собой дверь, она с неподдельным изумлением уставилась на него:
– И ты здесь живешь?
– Хочешь кофе или выпить? Вина? Виски?
– Я бы предпочла стакан вина.
– Красного или белого?
– Не важно. Значит, это твой дом, солдат? – Ее первоначальное удивление быстро перешло в жалость. Привлеченная гулом и грохотом внизу, она подошла к окну и всего в нескольких ярдах внизу увидела огни уходящего трамвая.
– Послушай, я вовсе не собираюсь провести тут остаток жизни. А где, по-твоему, я жил – во дворце? – Он ввинтил штопор в пробку бутылки.

– Так вот почему ты никогда не приводил меня к себе? Ты рассказывал, что у тебя большой дом с бассейном.
– А ты мне говорила, что материальная сторона не имеет для тебя значения.
– И в самом деле не имеет.
Пробка с хлопком вылетела из горлышка.
– У меня в самом деле есть большой дом с бассейном. Живет в нем Сука с детьми. Дом заложен, и продать я его не могу, потому что нет покупателей вокруг, а меня до нитки обобрало Агентство по защите детей. – Из шкафчика над кроватью он вынул два бокала.
Она просматривала книги на самодельной полке. «Энциклопедия духовной науки». «Заклинатель». «Сокровища волшебства и черной магии». «За оккультным миром». «Тропа левой руки». «Маг». «Золотой сук». «Книга священной магии Абра-Мелина». «Ключи Эноха». «Сатанинская Библия».
– А я и не знала, что ты интересуешься оккультизмом.
Пожав плечами, он протянул ей стакан:
– На самом деле он меня не интересует, сам не знаю, почему держу их. Когда я служил в Штабе правительственных служб связи, мы отслеживали основные оккультные группы.
Листая страницы тома, озаглавленного «Искусство заклинаний, чар и ворожбы», и восхищаясь его содержанием, Никки не успела заметить легкую тень в его глазах, когда он выдал ей эту полуправду.
– Интересно, смогу ли я найти тут заклинание, которое сделает тебя пунктуальным? – поинтересовалась она. – Или сексуальным… нет, это может стать опасным, ты и так уже достаточно сексуален. – Она отпила глоток вина и поцеловала его. – Давай пойдем в постельку. Ты не был во мне уже четыре дня, и я схожу с ума от воздержания.
Он с силой обнял ее, вдыхая запах ее волос и кожи. Никки из-за его плеча взглянула на экран компьютера, который располагался в нескольких дюймах от ее лица. На нем был длинный список имен с какими-то странными черными символами рядом с каждым из них.
Она прочла несколько: Коннор Моллой, Монтана Баннерман, Чарльз Роули, Губерт Уэнтуорт. После чего внимательнее присмотрелась к символам.
– Это что, рождественские елочки? – пробормотала она.
– Что?
– На экране.
Он дернулся, словно в него попала молния, высвободился из ее объятий, повернулся к компьютеру, торопливо затемнил экран и выключил ноутбук.
– Это твой список гостей на Рождество? – насмешливо спросила она. – Коннор Моллой, Монтана Баннерман, Чарльз Роули, Губерт Как-его-там. Надеюсь, что и я там где-то…
Ганн попытался отшутиться:
– Ага, можешь не сомневаться.
– Коннор Моллой, Монтана Баннерман… до чего забавное имя. Она что, американка? Или кто-то из твоих подружек?
– Да нет, ничего подобного… Как ты только запомнила все эти имена… вот уж не знал, что у тебя фотографическая память.
– Ты же на самом деле не думаешь, что я провела три дня, выслеживая тебя? Я увидела этот адрес несколько недель назад на счете за телефон в твоем кармане и запомнила его. – Она кокетливо улыбнулась. – Есть много других вещей, которых я о тебе не знаю. – Она еще раз поцеловала его. – В постель!

77

Понедельник, 28 ноября 1994 года

С утренней почтой Монти пришел толстый конверт с наклейкой службы доставки «Федерал экспресс» и печатным текстом: «Вашингтонский симпозиум по медицинской генетике. 9–12 декабря 1994. Путевые документы. Срочно».

Содержание включало сопроводительное письмо от организаторов, подтверждающее, что ее отец должен получить тысячу долларов гонорара за выступление на пленарном заседании, а также приглашение им обоим на прием в Белом доме, который состоится в четверг вечером. Также в конверте были два билета в экономическом классе из Лондона в Вашингтон и обратно, заказ номеров в гостинице и программа симпозиума.
Дик Баннерман не скрывал, что доволен приглашением дочери на ланч, который последовал сразу же после его прилета из Шотландии. Она заказала столик в «Оранжерее». Это был симпатичный ресторан довольно далеко от здания Бендикс, и она знала, что там они смогут спокойно побеседовать.
Она смотрела, как отец взял капсулы «Матернокса», которые она выложила из флакончика на скатерть перед ним. Он положил их на ладонь и стал внимательно рассматривать.
Его реакция на рассказ дочери была не столь эмоциональной, как она ожидала. Главным образом он с подозрением отнесся к роли Коннора Моллоя. Помня, с какой язвительностью отец говорил о Конноре, она не стала ему рассказывать об их любовных отношениях.
– Ты уверена, что та женщина Кингсли принимала капсулы «Матернокса» – и ничего больше?
Она кивнула:
– Та часть формулы, которую Коннору удалось проанализировать, точно соответствует стандарту капсулы, которую мы использовали для сравнения.
Он внимательно посмотрел на нее:
– Что этот американский Джонни надеется извлечь из всей этой истории?
– Не знаю, папа, – честно сказала она.
– Ты думаешь, он хочет сохранить свою высокую репутацию как юрист-патентовед? Так?
– Может быть.
Принесли яичницу с беконом для отца и рыбный пирог для Монти. Баннерман опустил капсулу обратно во флакончик.
– Я проведу анализ в лаборатории в «Бендикс Шер»; мне это будет куда проще, чем ездить в лабораторию в Беркшире. Действовать я буду осторожно, и никто не узнает, чем я занят.
Монти решительно замотала головой:
– Это слишком рискованно. Что ты думаешь о телекамерах внутреннего наблюдения, расставленных во всех лабораториях? Мы же не представляем, кто и как за нами наблюдает.
– Ради бога, девочка, им и в голову не придет, что я делаю! Я же все время провожу десятки экспериментов.
Но убедить Монти ему, похоже, не удалось.
Он сверился с датой на часах:
– Намечено, что в четверг мы летим в Вашингтон на этот чертов симпозиум. Если считать и сегодняшний день, то у нас остается едва десять дней. Если ты думаешь, что жизнь Анны Стерлинг под угрозой, то важен каждый день. Так что, как только кончим ланч, я сразу же возьмусь за дело.
– Но в Беркшире безопаснее, – продолжала настаивать она. – Все знают, что время от времени мы заскакиваем на старое место. Никто и задумываться не станет, чего это ради ты туда завернул, и никто не будет смотреть из-за плеча.
Он тепло улыбнулся:
– Дорогая, я понятия не имею, чем эти педики занимаются, да меня вообще не очень интересует их фармацевтическая промышленность, но все же мне чертовски трудно поверить, что они проводят незаконные клинические эксперименты при их-то самом доходном лекарстве.
– Будем надеяться, что ты прав, – сказала она. – Для всеобщего блага.
– И я не думаю, что тебе стоит беспокоиться о моей безопасности. Мы оба прекрасно знаем, почему «БШ» пригласил меня на борт: потому что я могу сократить на пять-десять лет, а то и больше их исследования и практические результаты в генной инженерии. И вряд ли они выставят меня за то, что я провел несколько анализов препарата, на который так и так кончается патент.
Она ткнула вилкой в середину своего рыбного пирога и посмотрела, как из него поднялась струйка пара. Как мини-вулкан, подумала она.
– Остается надеяться, что ты прав, папа, – снова повторила Монти. – Черт возьми, лишь на это и остается надеяться.

Ганн подумал, что в блестящих глазках черной лягушки из папье-маше, которая сидела на письменном столе доктора Кроу, таится легкая насмешка. Он невозмутимо посмотрел на нее в ответ, дожидаясь, пока исполнительный директор закончит телефонный разговор, который прервал их встречу.
Поговорив еще минуты две, Кроу положил трубку с такой осторожностью, словно та была из хрупкого китайского фарфора. Теперь его внимание было снова обращено на Ганна.
– Так на чем мы остановились?
– На мистере Роули, сэр.
– Да, в самом деле… бедный мистер Роули. Как ему не повезло, какой трагический несчастный случай! Вы контролируете ситуацию?
– Да, полностью.
– Есть какой-либо интерес со стороны массмедиа?
– Пока никакого. Гавайцы оказались исключительно надежными людьми. – Ганн улыбнулся. – Они правильно рассчитали, что сообщение о столь драматической смерти явно не пойдет на пользу их туристскому бизнесу.
– Совершенно верно. А английская пресса?
– Каждый год сотни британских граждан умирают во время отпусков; очень мало кто из них привлекает внимание прессы, да и то обычно на местном уровне. Родители Роули живут в деревушке в Суссексе, младшая сестра в Лондоне, там же и его приятельница. Местная газета в Суссексе может упомянуть… – Он отмахнулся. – Но что они в состоянии рассказать? Такие издания, как «Суссекс ивнинг Аргус» или «Мид-Суссекс таймс», не в состоянии послать своих юнцов-репортеров на Гавайи – если даже у них есть причины для подозрений, а таковых у них не имеется.
Кроу кивнул:
– А как обстоят дела здесь, на месте?
– Все сообщения под контролем. Я думаю, что крышка закрыта надежно.
Кроу не скрывал удовлетворения.
– Вы что-то хотели сообщить мне о дочери Баннермана?
– Есть кое-что посерьезнее. В четверг мистер Моллой из группы патентов и соглашений остановился в маленькой гостинице в Паддингтоне, где пребывал примерно три часа, после чего выписался из нее. Моя команда, которая вела отслеживание, обратила внимание, что по сравнению с графиком фиксации данных он изменил привычный распорядок вещей, и послала сотрудника разобраться.
– Он что, встречался с женщиной? – спросил Кроу. – Или ему просто не понравились обои?
Информация, которую Ганн собирался выложить, обошлась в пятьдесят фунтов наличными. Он вручил их портье гостиницы в виде взятки, но Ганн не хотел отвлекать внимание исполнительного директора такими подробностями.
– Ни то ни другое, сэр. Все это время он разговаривал по телефону.
– С кем?
– С нами, сэр. С хранилищем телефонных номеров компьютерной системы «Бендикс Шер».
Кроу оцепенел:
– Из номера гостиницы?
– Похоже, что так.
– Скорее всего, что он получил доступ к тому, к чему не должен был получать.
– Это единственное предположение, которое я могу сделать, сэр. Я дал поручение менеджеру системы провести полную проверку хранилища, но он не может найти ни малейшего следа, доказывающего, что Моллой в это время входил в систему.
– А может ли аудит выявить те номера, которые Моллой набирал из гостиничного номера?
– Скорее всего, нет, сэр. То ли у нас какой-то сбой в системе, который позволил временно скрыть следы деятельности Моллоя, то ли… – Он набрал в грудь воздуха, понимая, что Кроу не обрадуют его слова. – То ли Моллой знает, как скрывать свои следы. А это, в свою очередь, говорит, что он куда более сведущ в компьютерных системах, чем гласит его си-ви.

– А кто-то меня убеждал, что наша компьютерная система совершенно непроницаема, майор Ганн.
– Такой совершенно непроницаемой системы вообще не существует, разве что программное обеспечение и «железо» меняются каждый день, – вот так стремительно прогрессируют современные технологии. Я убежден, что у нас одна из самых надежных защитных систем в мире, и весной мы собираемся ее модернизировать. Я должен представить свои соображения по бюджету, о чем вы мне постоянно напоминаете.
Кроу бесстрастно смотрел на него.
– Продолжайте.
– Система контроля данных отметила, что вечером в пятницу мистер Моллой посетил коттедж мисс Баннерман в Беркшире и остался у нее на ночь. В субботу утром он в сопровождении мисс Баннерман приехал в кампус Беркширского университета, провел целый день, вплоть до вечера, в старой лаборатории Баннермана, после чего вернулся в ее коттедж, где снова остался на ночь.
– Чем они занимались в лаборатории?
– Мы не смогли это выяснить.
– Разве ваши люди не поставили прослушку?
– У нас их ограниченное количество, сэр, из-за стоимости. Мисс Баннерман и мистер Моллой – всего лишь два человека из тридцати штатных работников по всей стране, которых мы в настоящее время держим под наблюдением. У нас проблемы с одним из наших старших вирусологов в Нортумберленде, который, как мы думаем, снабжает информацией другую компанию. Он может нанести нам очень серьезный урон, кроме того, есть пронырливый техник-лаборант в Плимуте, четыре человека в Рединге плюс…
Кроу вскинул руку, резко оборвав его:
– У меня есть все ваши отчеты, спасибо. Имеется ли ваш человек в Лаборатории Баннермана?
– Нет. Он не смог проникнуть в помещение после того, как они оставили его… существовала опасность активировать систему предупреждения.
Кроу стиснул кулаки:
– А не кажется ли вам, что стоило рискнуть – и выяснить, чем они там занимаются?
Ганн решительно покачал головой:
– Нет. Я не хотел давать им ни малейшего повода предполагать, что они находятся под наблюдением. В свое время мы все это выясним.
Кроу с сомнением посмотрел на него, но ничего не сказал.
Ганн продолжил:
– В воскресенье днем, сэр, они направились в гостиницу в Беркшире. Моллой снял номер и провел в нем примерно час. Из него он снова входил в компьютерную систему «Бендикса». Затем они посетили замредактора отдела новостей «Темз-Уолли газетт», который, как выяснилось, был шефом мисс Зандры Уоллертон. После этого они направились к одному из наших сотрудников службы охраны, Уинстону Смиту, который был в числе первых, на ком проверяли Бету и который в настоящее время находится в клинике «Хаммерсмит-Бендикс». Мисс Баннерман попыталась увидеться с ним, но ее попытка была пресечена.
Кроу сидел молча, усваивая эти плохие новости.
– Похоже, у нас возникла проблема, майор Ганн, – наконец сказал он.
– Да, возникла. Я хотел бы взять их обоих под круглосуточное наблюдение, но для этого мне нужно пятьдесят дополнительных сотрудников.
– Пятьдесят?
– Чтобы двадцать четыре часа в сутки контролировать два объекта, это самый необходимый минимум. МИ-5 использует пятьдесят человек для круглосуточной слежки за одним человеком. Три машины с двумя сотрудниками в каждой, три смены по восемь часов – вот вам для начала восемнадцать человек.
– Оплата пятидесяти человек обойдется примерно в миллион фунтов в год, майор Ганн. Мне придется поставить этот вопрос перед советом директоров.
– Да, сэр. Но я не могу расширять список тех, кто нуждается в постоянном наблюдении, если не будет увеличена моя команда. Или я получу этих людей, или от чего-то придется отказаться. Или же… – Его голос дрогнул.
Они обменялись быстрыми взглядами, в которых читалось то, о чем предпочиталось не говорить, и Ганн продолжил:

– Меня никогда не устраивал Моллой, и теперь я убежден, что эта Баннерман имеет отношение к «Медичи». Я был настороже еще со времени ее ланча с Силсом и чувствовал, что она очень непростая штучка… и когда мы все выясним, нам это едва ли понравится.
– Да, она непростая штучка, – согласился Кроу. – Даже ее отец вряд ли осмелится цыкнуть на нее. Когда мы заключали договор, спорить с ней было очень непросто. – Он нахмурился. – Но чего ради она отправилась навещать этого охранника? Ведь у него нет никакой информации о «Медичи».
– Не знаю, сэр. Но собираюсь выяснить.
Кроу вытащил из нагрудного кармана тонкий черный блокнот и что-то черкнул в нем.
– В этот четверг на совете директоров я подниму вопрос о ваших финансовых требованиях, майор Ганн. Можете ли вы к этому дню детально расписать статьи вашего бюджета?
– Конечно, сэр, – улыбнулся Ганн.

79

Телефон Коннора зазвонил в понедельник днем в десять минут пятого. Он взял трубку и только сказал «Коннор Моллой», как услышал легкое шипение трансатлантической линии.
– Привет! Это Дейв Шваб.
У звонившего был тихий серьезный голос, который абсолютно точно соответствовал его личности. В свои тридцать четыре года Дейв был одним из самых молодых экспертов Бюро по патентам и торговым знакам Соединенных Штатов, и Коннор считал его своим другом. Встретились они во время совместной работы над докторской степенью по молекулярной биологии в Университете Карнеги – Меллон. С тех пор их пути время от времени пересекались, и этот звонок заставил Коннора предположить, что составленная им заявка на американский патент по «Псориатаку» попала к Швабу.
Данный факт можно было оценивать по-разному. Поскольку они считались друзьями, Коннор мог куда основательнее доставать Шваба своими аргументами, чем любого другого эксперта, да и Шваб будет дольше и основательнее заниматься заявкой Коннора; но, с другой стороны, Дейв отличался безукоризненной порядочностью, и, опасаясь, что его могут обвинить в благоволении к своему приятелю, он мог отнестись с излишней дотошностью к заявке Коннора.
Коннор быстро прикинул в уме разницу во времени. Сейчас в Вашингтоне десять минут двенадцатого. Он ясно представлял себе Шваба. Должно быть, он сидит в своем кабинете, спиной к окну, в окружении груды документов, в мешковатой рубашке без галстука, с закатанными рукавами. Этот парень облачался в деловые костюмы только для официальных встреч.
– Дейв! Привет! Как у тебя дела?
– Нормально. Что делается в Англии?
– В Англии все отлично. Как Джулия?
– У нее тоже отлично. – Наступило молчание, и затем Шваб сказал: – Значит, так… я… мм… получил твою заявку для «Бендикс Шер». – Он сделал паузу. – Э-э-э… как его… под номером 08/190/790… ты правильно написал номер?
Коннор поднял с полу папку и быстро пролистал ее:
– Ага, вот и расписка в получении. Содержание нашего реестра МА68 145901, «Псориатак». Верно?
– Правильно.
– Твоим ребятам побыстрее разобраться бы с этим, – сказал Коннор. – Буду очень благодарен.
Несколько секунд в трубке слышалось шипение статических разрядов, а когда Шваб заговорил снова, в тоне его чувствовался холодок.
– Я думаю, с этой темой у нас возникли кое-какие проблемы. Нам придется встретиться.
Эти слова не удивили Коннора. Он был искренне убежден, что «Бендикс Шер» крепко повезет, если фирма сможет успешно протащить заявку, но в таком случае препарат придется серьезно модифицировать. Ему платили за то, чтобы он дрался на стороне «Бендикса», чем он сейчас и занимался. Он должен доказать Кроу, что входит в число его лучших бойцов.
– В связи с какой темой, Дейв?

– Не могу сказать, что счастлив, но все же думаю, вы просите слишком много в своей заявке; думаю, вам стоит кое-что подшлифовать.
– Это я понял. С этим ясно.
– Тебе придется продумать, какую группу выбрать.
– Сейчас для нас самое главное – это время, Дейв. Буду следовать твоим указаниям. А что, если мы выкинем все, кроме последовательности генов?
– Ты не против оставить плазмиды и трансформы бактерий?
– Конечно, это будет неплохо.
– О'кей, становится как-то яснее. Через неделю я смогу выслать тебе всю документацию. – Он помолчал. – Моя проблема в том, что через неделю я отбываю – и меня не будет вплоть до Нового года.
Коннор бросил взгляд на расписание, которое глава его департамента повесил перед ним на стенку. Доктор Кроу потребовал в самые сжатые сроки составить документацию и добиться патентов США на работы Дика Баннермана.
– А не сможем ли мы ускорить все это дело, если встретимся до твоего отъезда?
После паузы послышался голос Дейва:
– Я прикидываю, что, конечно, сможем. Но мне потребуется добрая половина недели, чтобы покончить со всеми формальностями.
– Если ты свяжешься со мной по факсу, я смогу собрать все нужные тебе материалы и с ними подскочить на самолете.
– Давай прикинем. Сегодня понедельник. Самое раннее, когда я смогу что-то сделать, – это конец недели. У меня совершенно сумасшедшее расписание. Тебя устроит, если мы встретимся утром в четверг, восьмого декабря?
Коннор согласился вылететь в это время, но, судя по следующей паузе, он почувствовал – грядет что-то еще.
– Коннор, должен тебе сказать, что даже при этой сокращенной заявке мне не нравится фактор приоритетности, но я еще посмотрю… Какая у вас там погода?
– Холодно, – удивившись этому странному своей неожиданностью вопросу, ответил Коннор. – А как в Вашингтоне?
– Здесь зима. Мы думаем перебираться в Австралию.
– Ты серьезно?
– Как знать? Кстати, ты уже обзавелся подругой?
– Пока слишком много дел, – сказал Коннор, не желая пускаться в разговоры о Монти.
– Похоже, что у тебя все по-старому.
– Вот и отлично!
– Одно точно – ты попал в хорошую компанию; «Бендикс» занимается настоящим бизнесом в области генетики – по количеству патентов они занимают лидирующее положение.
– А как же – на игровой площадке они ведут себя очень агрессивно.
– Готов согласиться. Ладно, я должен бежать. Рад был поболтать с тобой.
– Я тоже.
Когда Коннор положил трубку, ему вдруг показалось, что Америка гораздо дальше, чем в нескольких тысячах миль, которые он преодолел всего пять недель назад. Он напомнил себе, что до отъезда надо обязательно связаться с матерью по электронной почте. А то она, должно быть, решит, что он забыл ее.
Стук в дверь заставил его вздрогнуть, и Мартин Уолкер, глава группы патентов и соглашений, скользнул через дверной проем, как рыба меж водорослей.
При всей своей невыразительности Уолкер до последней капли крови был человеком «Бендикс Шер». Облаченный в костюм спортивного покроя, так тщательно выглаженный, что он казался картонным, он держал в руках стопку бумаг, а лицо, на котором, казалось, никогда не выражалось никаких эмоций, на этот раз было серьезным.
– Увы, печальные новости, мистер Моллой. Я решил сообщить их вам лично, поскольку вы были коллегами. В прошлый уик-энд мистер Роули стал жертвой трагического несчастного случая на Гавайях. Боюсь, что он утонул. – Уолкер протянул ему один из листов, которые принес с собой. – Доктор Кроу хочет, чтобы этот текст был вручен каждому, кто знал его. Конечно, он появится в следующем номере журнала компании. – Он положил лист на стол Коннора.

Не веря своим глазам, Коннор уставился на меморандум:
– Чар… мистер Роули… мертв?
– Он был прекрасным малым. Ужасная потеря. Кажется, один из тех глупых несчастных случаев… результат чрезмерной отваги. В ней не было ровно никакой необходимости, но так уж бывает. Мне будет очень его не хватать… вот уж кто знал патентное законодательство.
Коннор как-то смог прочитать текст на листе. Он был озаглавлен: «Из офиса исполнительного директора».

> «Всему персоналу
> С глубоким сожалением сообщаю, что наш коллега, мистер Чарльз Роули из группы патентов и соглашений, пропал, предположительно утонул во время деловой поездки в „Бендикс Хило“ на Гавайях.
> М-р Роули был высококвалифицированным сотрудником, который играл ключевую роль в развитии генетических исследований в „Бендикс Шер“, и о нем будут глубоко сожалеть все, кто его знал.
> Д-р Винсент Кроу, исполнительный директор»

– Э-э-э… вы… вы знаете, как это случилось? – дрогнувшим голосом спросил Коннор.
– Насколько мне известно, это случилось после пикника на пляже, когда мистер Роули в полночь заключил пари, что переплывет залив туда и обратно. Скорее всего, его предупредили об опасных течениях. Честно говоря, я не знаю, как в таких ситуациях организуют похороны, – я сообщу вам.
– Буду благодарен, – автоматически ответил Коннор.
– Мне придется найти кого-нибудь, чтобы закончить его работу и организовать связь с вами, – хотя это будет нелегко: он был полностью в курсе дела относительно ситуации с Баннерманом; вам придется приложить все силы, чтобы за день-два разобраться во всех этих сложностях.
– Конечно. – От потрясения Коннор, как в параличе, лишился сообразительности и не мог собраться с мыслями.
– Может, нам лучше встретиться утром. Зайдите ко мне в кабинет в девять часов, хорошо? – И с этими словами он ушел.
После исчезновения Уолкера Коннор сидел еще несколько минут, усваивая смысл меморандума Кроу. Охватившее его оцепенение начало медленно уступать место растущему беспокойству, словно он старался извлечь что-то из глубин памяти.

80

Только что минуло шесть часов, когда Монти вышла из лифта в фойе при входе и быстро взглянула на рабочее место охраны. Уинстона Смита там не было. Дежурные охранники были заняты потоком людей, покидающих здание, проверяя, все ли возвращают свои карточки посетителей.
Она подошла к лифту рядом с директорским экспрессом и остановилась прямо перед ним, рассматривая свое искаженное отражение в медной панели дверей. Она прислушалась и сделала шаг в сторону, когда створки разошлись и из них появились несколько человек. Именно в это мгновение она услышала какой-то рокот, который, казалось, шел из той же самой шахты, но, как и раньше, он ушел вниз и смолк.
Ошибки тут быть не могло. Это явно тот самый лифт.
Монти опустила глаза на белые мраморные изразцы. Водолечебница располагалась внизу, в подвальном помещении: тренажеры, корты для игры в сквош, компьютеризированная площадка для тренировок по гольфу, бассейн, джакузи, сауны. Повинуясь какому-то импульсу, она вошла в подошедший лифт и нажатием кнопки отправила его к бассейну. Через несколько секунд она уже стояла на мягком ковровом покрытии цвета травы, чувствуя резкий запах хлорина.
Симпатичный, пышноволосый и мускулистый мужчина в белоснежном тренировочном костюме сидел у автоматического турникета; рядом с ним лежала стопка свежих полотенец. Он вежливо приветствовал ее; в голосе его слышался легкий австралийский акцент.

– Привет вам! Составите нам компанию этим вечером?
– Я еще не была здесь, внизу… не против, если я сначала осмотрюсь?
– Конечно. Только дайте мне проверить ваш пропуск – и вперед. Меня зовут Бад, и обо всем, что вы хотите узнать, милости просим спрашивать у меня. – И он подарил ей обаятельную улыбку.
Монти прошла по коридору с дверями по обеим сторонам и добралась до мужских и женских раздевалок. Затем она оказалась в обширном зале, над входом в который надпись гласила: «Сердечно-сосудистые». Тут стояли ряды блестящих белых тренажеров, на которых занимались несколько мужчин и женщин: оснащенные компьютерами скамейки для работы с тяжестями, бегущие дорожки и эскалаторы; все читали журнал компании, пока их ноги работали.
В дальнем конце помещения она увидела надпись: «Пожарный выход». Проскользнув мимо занятого инструктора, который показывал мужчине средних лет, как выжимать штангу, она приблизилась к этим дверям. Осмотревшись, чтобы проверить, наблюдают ли за ней, Монти толкнула дверь. Она оказалась в другом коридоре, уставленном противопожарными аппаратами и больничными каталками, оснащенными кислородными баллонами и масками. Тут же стоял высокий стеклянный шкаф с надписью: «Кардиостимуляторы – пользоваться только медперсоналу».
Ее внимание привлек другой пожарный выход рядом с этим шкафом. Монти не без труда открыла его. Он выходил прямо на площадку каменной лестницы с перилами, которая поднималась только наверх и над которой была надпись: «Аварийный выход через холл нижнего этажа. Может быть использован только в случае пожарной тревоги».
Монти услышала легкое жужжание и посмотрела наверх; к своему разочарованию, она увидела, что за ней следит видеокамера. Она была нацелена прямо на нее, и объектив вращался, меняя фокус.
Она быстро вернулась в коридор, который, казалось, огибал периметр здания. Она заглядывала в каждую дверь по пути, но все они выходили на бетонную лестницу, которая шла только наверх.
Добравшись наконец до Бада, она объяснила ему, что хочет подумать об индивидуальной программе по фитнесу, и на лифте поднялась в холл. Она вышла наружу, глубоко засунув руки в карманы пальто, спасаясь от режущего холода ночного воздуха, и глубоко задумалась.
Если тот невидимый лифт не останавливается в холле водолечебницы, откуда и куда он идет? Что с чем соединяет? И почему, черт возьми, его прячут? Может, это что-то вроде служебного лифта, который доставляет продукты в столовую и увозит грязную посуду? Или транспортирует лабораторное оборудование? Вполне возможно; в нормальных обстоятельствах она бы подумала, что так оно и есть. Но здесь и сейчас это объяснение не устраивало ее.
Вместо того чтобы направиться к своей машине, Монти обошла здание. Она насчитала восемь пожарных выходов, и количество их совпадало с теми, что она увидела в подвальном помещении. Она не заметила ровно ничего, что могло бы напоминать отдельный или потайной вход.
Полная разочарования, она открыла свой «эм-джи», обратив внимание, что машина Коннора все еще на стоянке. Отлично, подумала она, проверив, на месте ли запасной ключ, который он дал ей. Она обещала приготовить ужин в его квартире, и ей нужно время, чтобы успеть в супермаркет.

Монти вытащила из салона свою сумку и пакеты с покупками, включила противоугонную систему и посмотрела по сторонам, прежде чем оказаться у парадной двери дома Коннора. Для нее стало привычным делом проверять, нет ли за ней слежки, и порой Монти думала, не становится ли она параноиком.
Запах сигарет Коннора успокоил ее, пока она готовила лососину для гриля. Затем, решив, что хозяин не будет против, она взяла телефон и быстро набрала номер Анны Стерлинг, чтобы обсудить их планы на совместный вечер в конце недели. К ее облегчению, Анна сказала, что Марк должен на несколько дней по делам лететь в Брюссель и она отправится с ним. Монти не очень хорошо чувствовала бы себя при встрече с подругой, зная, в каком она положении, и будучи не в силах что-то объяснить ей.
Но Анна напомнила Монти, что она купила билеты в театр в Лондоне во вторник на следующей неделе. Монти прикинула, получит ли к тому времени отец какие-то результаты анализа

«Матернокса», и испытала чувство вины, что сегодня вечером не приехала к нему в лабораторию. Но по крайней мере, он наконец согласился поработать в их старой лаборатории. Да и, кроме того, если за ней следят, то ему безопаснее оставаться в одиночестве.
Когда она начала резать дыню, услышала, как поворачивается ключ в дверях. У Коннора, когда он вошел, было пепельное лицо. Он рассеянно, без привычной теплоты поцеловал ее и, еле волоча ноги, прошелся по кухне.
– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спросила она.
Он кивнул, но не произнес ни слова.
– Давай я налью тебе выпить… хочешь виски?
– Хочу, и побольше. Налей и себе.
Скинув плащ, он бросил его на один из стульев, вслед за которым последовал галстук красного кашемира, и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. После чего сел на подлокотник кресла, расшнуровал свои черные полуботинки и, стянув, оставил лежать там, куда они упали.
Волнуясь из-за того, что он собирается сказать ей, Монти налила ему большую порцию «Гленфиддиша» и поменьше для себя.
Добавив льда, она вручила Коннору его порцию и села на диван:
– Так в чем дело?
Он стиснул стакан:
– Чарли Роули. Насколько я понимаю, ты еще ничего не слышала?
– Чего не слышала?
– Что он утонул на Гавайях.
Монти показалось, что внутри у нее что-то взорвалось, и она чуть не уронила свой стакан.
Коннор, потянувшись за сигаретами, раскурил одну.
– Не могу поверить, что он погиб.
– Коннор, это ужасно! Господи, мне так жаль, так жаль.
– Я… – Он покачал головой. – Как-то тут не сходятся концы с концами… какая-то бессмыслица.
– Или, может, слишком много смысла?
Голос Коннора, когда он снова заговорил, выдал странную, нехарактерную для него вспышку гнева.
– Несчастный случай! Каждый раз очередной несчастный случай, дьявольщина какая-то! Роули был чертовски испуган, когда мы выходили из паба. Я помню, какое у него было лицо, когда он выглянул из заднего окна такси. А он был не из паникеров.
Монти подумала, что Коннору и самому очень страшно. В лице его до сих пор не было ни кровинки.
– Тебе рассказали о каких-нибудь подробностях? Как это случилось? – спросила она.
– Было бурное веселье. Он напился, решил поплавать в темноте… вот так они это представили.
Монти села рядом с ним и обняла Коннора:
– Мне очень жаль… ты же действительно очень тепло относился к нему, правда?
– Он был одним из самых лучших ребят. А их в «Бендикс Шер» считаное количество…
– Их и в жизни считаное количество. – Подрагивающими пальцами она осторожно изъяла у него сигарету и затянулась. – Следующий – мой отец?
– Вот уж не думаю, что они покусятся на один из своих главных вкладов.
Монти захотелось, чтобы в его голосе было больше уверенности.
– Кое-чему еще предстоит случиться, Монти. Одна или две вещи… Если твой отец не найдет ничего существенного в тех капсулах, значит мы шли по неверному следу.
– А если найдет?
– Тогда нам придется принимать решение – то ли мы идем к Рорке, то ли в полицию, то ли в Комитет по безопасности медицины…
Резкий звонок в холле заставил их вздрогнуть.
Монти застыла на месте. У Коннора окаменело лицо. Раздался еще один звонок – теперь он звучал громче и настойчивее.
– Домофон, – сказал он, выходя из комнаты.
– Осторожнее, Коннор, никого не впускай.
– Я не собираюсь.
В холле Коннор снял трубку переговорного устройства.

– Алло? – (Монти наблюдала за его лицом.) – Пицца? Нет, я не заказывал никакой пиццы. Какой у вас адрес? – Возникла пауза. – Это вторая квартира, вы нажали не ту кнопку. Ладно, не переживайте.
Монти подобралась к окну без портьеры и посмотрела вниз, на улицу. Перед домом стоял мотоцикл, и на коробе багажника было крупно выведено: «ПИЦЦА. ПИЦЦА».
Крепкая, сильная рука обхватила ее за талию, теплые губы по очереди поцеловали мочку каждого уха, и руки плотнее обняли ее.
– Ложная тревога, – пробормотал он, уткнувшись ей в шею.
От сквозняка у нее по ногам пошли мурашки, и в поисках тепла она спиной прижалась к нему.
– Прости… я никогда не была такой взвинченной.
– Не извиняйся, – тихо сказал он. – Если ты взвинчена, значит тебе не хочется спать. А сейчас это как раз то, что нужно…

Они поели, сидя на диване и придвинув кофейный столик. Коннор подцепил на вилку последний кусок филе.
– До чего вкусно. На кухне ты прямо волшебница. Как-нибудь в Вашингтоне я отведу тебя в шикарный ресторан… – Внезапно вспомнив, он остановился. – Я же на следующей неделе должен лететь в Вашингтон. Правда, всего на пару дней.
– На следующей неделе? Когда именно?
– Прикидываю, что вылечу в среду и вернусь к уик-энду.
– А я вместе с отцом лечу в Вашингтон в четверг!
– Ты шутишь?
– Ничего подобного. Нас ни больше ни меньше ждет обед с Клинтоном, а папа будет выступать на симпозиуме по генетике. Ты тоже летишь на него?
– Нет, я и не слышал о симпозиуме. Я-то должен нанести визит в патентный офис, без вариантов. – Он сделал глоток вина. – Ну до чего приятная новость! Ты в первый раз в Вашингтоне?
– Так точно, сэр.
– Декабрь – не лучший месяц. Слишком холодно.
– Знаешь что, я с удовольствием встретилась бы с твоей матерью. – Она радостно посмотрела на него. – У нас получится?
Он кивнул:
– Я тоже хочу, чтобы вы встретились. Мы это организуем.
Монти еще раз наполнила их стаканы и снова посмотрела на него:
– Чем занимался твой отец?
Коннор стряхнул пепел с сигареты.
– Он был государственным служащим.
– В Вашингтоне?
– Ага.
– Вы были близки с ним?
– Нет, он умер, когда мне было восемь лет.
– Какая жалость… он что, болел?
Вместо ответа, Коннор молча затянулся сигаретой. Монти почувствовала, что коснулась больной для него темы, и заговорила о другом.

Этой ночью Коннору снова приснился тот же сон. Птица пикировала с неба длинным крутым зигзагом; она то ли летела, то ли падала свинцовым отвесом, словно тень, которая гонится сама за собой. Потом она врезалась в землю и превратилась в его отца.
Вокруг занялось кольцо огня, заполыхали язычки пламени, словно кто-то полил бензин по кругу. Какой-то голос шепнул ему в ухо: «Они не должны были этого делать. Они же знали, что он не умеет плавать!»
Коннор, проснувшись, рывком сел. В голове у него что-то оглушительно пульсировало, а тело было залито потом.
– Иисусе! – сказал он. – Силы небесные!
Рядом с ним пошевелилась Монти, и он услышал ее голос из темноты:
– В чем дело? Что случилось, Коннор?

– Чарли Роули.
Он включил лампочку на ночном столике, подошел к шкафу, куда повесил пиджак, запустил руку во внутренний карман и вытащил лист бумаги – меморандум от доктора Кроу, извещавший сотрудников о кончине Чарли Роули. Монти привстала, и он показал ей текст.
– Значит, ты его раньше не видела?
– Нет, – сказала она.
– Мы засекли этих подонков! Все эти проклятые несчастные случаи… теперь-то мы поймали за руку этих сволочей! – Он ткнул пальцем в последние строчки первого абзаца и прочел их вслух: – «…пропал, предположительно утонув, во время деловой поездки в „Бендикс Хило“ на Гавайях».
Она посмотрела на него:
– Ну и?..
– Я спросил у мистера Уолкера, который принес мне этот текст, что же там на самом деле случилось. Как я рассказывал тебе, он сообщил, что, мол, Роули поспорил – он сделает полуночный заплыв. Через залив и обратно… – Коннор отбросил бумагу, сжал кулаки и свел стиснутые костяшки. – Монти, я только что вспомнил, о чем Роули сообщил в четверг, когда узнал, что отправляется на Гавайи. Я сказал ему, что представляю, как он в уик-энд будет загорать на пляже, попивая «Маргариту» и окунаясь в океан. – Он перевел дыхание. – Чарли ответил, что не будет окунаться ни в какой океан, потому что испытывает водобоязнь, фобию… он жутко боялся воды.
Коннор начал мерить шагами комнату.
– Значит, все, что сообщил Уолкер, – это одна большая проклятая ложь. – Он остановился, горящими глазами посмотрел на Монти и снова сжал кулаки. – Чарли сам мне говорил, что не умеет плавать.

81

Вторник, 29 ноября 1994 года

В калорифер машины что-то попало, и он завывал и дребезжал, раздражая Монти. Ноги в сапожках до щиколоток буквально горели, а щеки мерзли от порывов ветра, задувающего в прорехи виниловой крыши. Ей очень не хватало пропавшей шали, которой она обычно обматывала шею, спасаясь от сквозняков.
Двигатель был при последнем издыхании, и она изо всех сил жала на акселератор. Машина требовала внимания; по крайней мере, деньги «Бендикса», лежавшие в банке на ее счете, позволяли платить за это. Она подумала, что в гараже могут что-нибудь сделать, пока она будет в Вашингтоне, правда отлучка займет всего пару дней.
Огромный капот какого-то механизированного чудовища закрыл ей все боковое зеркало, пока она вглядывалась в поток уличного движения перед ней в поисках хотя бы дюйма, чтобы сняться с места. Разные голоса гудели по радио, сообщая ей, что утреннее движение в столице очень плохое, плохое, плохое. Она решила подумать над собственными проблемами.
Чарли Роули. Она встречала его только раз, и то бегло, так что сейчас с трудом могла вспомнить, как он выглядит, но она всю ночь думала о нем. Он погиб. Утонул.
До чего жуткая смесь. «Досье Медичи». Она понимала, что на этом этапе пора кончать пустые разговоры. Все основное содержание собрано в компьютере Коннора.
Почему Медичи? Почему серия испытаний препаратов носит имя флорентийской семьи времен Ренессанса? Какая тут прослеживается связь? Да, Медичи были очень могущественны, и под их властью Флоренция стала культурным центром Европы. Кроме того, Медичи были абсолютно безжалостны. Но лекарства? Монти подумала, нет ли тут какой-то связи между словами «Медичи» и «медицина», но не смогла придумать ничего толкового.
Она снова взвесила все за и против относительно встречи с сэром Нейлом Рорке. Если Чарли Роули был убит за то, что раздобыл информацию по технологии создания «Матернокса», или за попытку обзавестись образцами, то все они рискуют: ее отец, Коннор, она сама.

Коннор был потрясен до глубины души. После смерти одного из своих друзей погибшие люди перестали быть для него всего лишь именами из списка. Он вспомнил, как приводил аргументы в пользу того, что надо подождать, пока отец не получит результаты анализа капсулы. Аргументы эти годились лишь потому, что пока у них не было неопровержимых доказательств. С этим полностью лживым отчетом о смерти Роули у них есть такие доказательства.
Кто-то допустил оплошность в подготовке. Скорее всего, семье Роули и его девушке рассказали ту же историю, но они-то знали, что он не умел плавать. Пойдут вопросы. Будь Монти членом его семьи, она бы потребовала от гавайских властей немедленного расследования. Без сомнения, именно это родственники и собираются сделать.
Достаточно причин, чтобы увидеться с Рорке и предупредить его о том, что делается у него за спиной, о потенциальной опасности для компании.
Монти наконец вписалась в поток движения, которое как-то упорядочилось. Через четверть часа она увидела нужный ей съезд с трассы и через несколько миль стала узнавать кое-какие приметы, которые запомнились ей в темноте ее воскресной поездки с Коннором.
Она миновала площадку с битыми машинами и нашла место для стоянки напротив приземистого домика Уинстона Смита. Включив систему защиты, она торопливо поднялась по бетонным ступенькам к коридору на втором этаже.
На ее часах было 9:15. Гора работы, которая скопилась в кабинете, может подождать, потому что сейчас главное – то, чем она занимается. Затем она за ланчем встретится с отцом в итальянском кафе неподалеку от «Бендикса»; они договорились, что ничего не будут обсуждать по телефону – кроме самых крайних случаев.
Начался дождь, и, пытаясь спрятать голову, она позвонила в дверь к Смитам. За стеклянной панелью мелькнула какая-то тень; Монти услышала металлический щелчок замка, и дверь приоткрылась на несколько дюймов.
Она увидела миссис Смит в халате, которая, сидя в инвалидной коляске, смотрела на нее снизу вверх, и на лице ее была смутная тень узнавания.
– Доброе утро, – сказала Монти. – Простите, что снова надоедаю вам, но нам надо поговорить.
– Он все еще в больнице.
– Откровенно говоря, я хотела увидеться именно с вами, миссис Смит.
– Я не могу стоять. – Руки у женщины дрожали, и Монти показалось, что с воскресенья она заметно похудела. – Один из моих тяжелых дней. Даже не могу выбраться из каталки.
Монти пустила в ход одну из своих самых убедительных улыбок – «вы можете полностью довериться мне».
– Может быть, вы позволите мне войти на пару минут? Нам будет куда проще.
Миссис Смит, помедлив, неохотно подалась назад, позволив Монти войти в крохотную прихожую, из которой справа она могла видеть маленькую гостиную. Но дальше прихожей ее не приглашали.
Монти решительно взялась за дело:
– Послушайте, миссис Смит… я знаю, вы верите, «Бендикс Шер» делает все, что в его силах, для вашего мужа. Но я думаю, что они используют его.
Сидящая женщина бесстрастно смотрела на нее. Монти не могла даже представить, что она о ней думала, но продолжила:
– Уинстон рассказал мне, что примерно двенадцать лет назад вызвался добровольцем участвовать в испытаниях каких-то лекарств и с тех пор у него постоянно проблемы со здоровьем. Это так?
Несколько секунд миссис Смит молча смотрела на Монти.
– И я принимала участие в тех испытаниях, – наконец сказала она.
Это Монти и предполагала еще во время первого визита. И сейчас у нее ужас мешался с жалостью.
– Вы это сделали, и теперь у вас это… эта… болезнь Паркинсона?
Женщину с головы до ног потряс приступ сильной дрожи. Монти показалось, что она видит перед собой не миссис Смит во плоти и крови, а ее отражение в воде; потеряв присутствие духа, она с трудом удержалась от желания сделать шаг назад.
– Это началось шесть лет назад, – сказало отражение. – Доктор Зелигман… он не мог сказать мне, что не получается… и я проходила самые разные испытания. Он сказал, что у меня те же симптомы, что при болезни Паркинсона, но у меня нет Паркинсона.

Монти нахмурилась. Фамилия Зелигман показалась ей знакомой. Затем она припомнила бейджик на лацкане халата вежливого человека, который заговорил с ней у дверей палаты Уинстона Смита в больнице.

Д-р Ф. Чарльз Зелигман.

– Обращались ли вы к каким-нибудь независимым врачам?

Миссис Смит явно хотелось уклониться от ответа – словно она уже сожалела о том, что рассказала Монти.

– Я говорила с врачом в центре здоровья. С местным, прямо здесь. Он взял образец крови и другие анализы. А когда я пришла снова, он сказал то же самое: что симптомы как при Паркинсоне, но анализы его не показывают; и еще он сказал, что после испытаний прошло много времени и связь с ними установить невозможно. – По телу ее прошла еще одна волна, но на этот раз послабее. – Он сказал, что, как ему кажется, у меня мозговые явления.

Монти поморщилась:

– А ваш муж… когда вы в последний раз видели его?

– Вчера… я подъехала на такси, которое мне выделила компания… как видите, она к нам очень хорошо относится.

– Похоже, что так. Как он себя чувствует?

Она покачала головой, и ее лицо осунулось.

– Ему очень плохо.

– Вы позволите мне привести другого врача осмотреть его?

Миссис Смит ощетинилась:

– Нет, спасибо. Они делают для него все, что могут; я не думаю, что у него хватит сил еще и на другие анализы.

Монти проглотила раздражение:

– Что ж, передайте ему от меня самые лучшие пожелания.

– Мисс Баннерман?

– Да?

Взгляд миссис Смит внезапно обрел остроту, словно она в первый раз за время разговора увидела собеседницу.

– У меня уже не такая хорошая память. Прошлой ночью мой муж бредил, но он хотел быть уверенным, что, если вы придете, я передам вам его послание.

У Монти расширились глаза.

– Я не совсем поняла… мне пришлось его записать. Это что-то об автопарке.

– Автопарке?

– Да. Он сказал, что вы должны зайти на многоэтажную автостоянку на улице напротив «Бендикса». Чарльз-стрит? Чалтер-стрит? Он сказал, что вход именно там.

– Какой вход?

– Он сказал, что вы поймете.

И внезапно Монти осенило. Она отчаянно закивала:

– Правильно! Блестяще! Да, я поняла! Спасибо вам!

Через несколько минут она уже сидела в машине и гнала к своему офису на предельной скорости, которую только могло позволить напряженное уличное движение.

82

Коннор был искренне удивлен, когда, явившись на работу, убедился, что его уже ждут три страницы факса из Патентного бюро США. Кроме того, ждала и памятка о состоянии его машины и напоминание о штрафах, если он не помоет ее. И подпись: «Дж. Снейп, отдел личного состава».

Колеса и корпус его «БМВ» были покрыты коркой грязи с сельской дороги, ведущей к Монти, а он был слишком занят, чтобы подумать об этом. Раздраженный тоном памятной записки, он кинул ее в бумагорезку и отметил в памяти, что еще до завтрашнего дня надо отогнать машину

в мойку. Сегодня вечером он снова поедет к Монти, и состояние машины словно стало частью их отношений.
Теша себя приятными мыслями, как он подвесит Дж. Снейпа над горячими углями и ритуально выпотрошит его, он бегло пробежал факс с подписью Дейва Шваба. Кроме всего прочего, он предложил, чтобы разговор, который они наметили провести в следующий четверг, состоялся на день раньше – так у них было бы больше времени привести все в порядок.
В мыслях Коннор все время возвращался к Чарли Роули. Чарли не просто погиб. Он был убит. И теперь Коннору предстояло жить с мыслью, что именно он заставил бедного парня вскрыть эту банку с червями. И теперь он выполнял свой долг перед Роули – вышел на охоту, чтобы вытянуть кишки из этих сволочей.
Он решил, что по дороге на ланч найдет платный таксофон, попытается разыскать родителей Роули и поговорит с ними. Он знал, что Чарли был родом из преуспевающей семьи. Может, они обладают каким-то влиянием. Если он сможет как можно быстрее организовать шумиху вокруг этой истории, то головорезы «Бендикс Шер» разбегутся в поисках убежища.
Но им нужно немного подождать. Только чтобы Дик Баннерман получил результаты. Десять дней.
Раздался стук в дверь, и в кабинет скользнул Мартин Уолкер:
– Доброе утро, мистер Моллой, вы получили мою повестку дня нашей девятичасовой встречи?
– Нет, я еще не читал свою почту. – Он показал факс Шваба. – Был занят вот этим.
Сейчас Уолкер выглядел не столь самоуверенно.
– Похоже, что нам придется выслушать несколько противоречивых версий гибели нашего бедного мистера Роули. Мне дали понять, что он, не подумав, решил поплавать, но упал за борт во время ночной рыбалки.
– Это большая разница.
Мастерски владея техникой самообладания, Уолкер лишь чуть-чуть изменился в лице:
– М-да… это напоминает мне вашу историю с Чаппакуиддиком. Стоит случиться несчастному случаю, как тут же вокруг него начинают роиться разные истории.
– Потому что кто-то старался прикрыть то, что случилось на Чаппакуиддике, – сказал Коннор, не спуская глаз с Уолкера.
– Да, столкнувшись с трагедией, люди паникуют, не так ли? Может, на пляже, где они жарили барбекю, все первым делом напились и кто-то выдумал эту историю, чтобы хозяин плавсредства избежал преследования. Печальная истина заключается в том, что мистер Роули утонул, и, каковы бы ни были обстоятельства, факт остается фактом.
Коннор прикинул, сколько компании пришлось выложить на взятки властям на Гавайях.
– Они уже нашли тело?
– Насколько я знаю, нет. Судя по тому, что я слышал, там сильные течения, мощный отлив. Скорее всего, тело унесло в море, где оно и кануло навсегда.
«Как это всех устраивает», – мрачно подумал Коннор. Стараясь не проявлять своих эмоций, он задал Уолкеру еще несколько вопросов, но не получил никакой дополнительной информации. Сменив тему разговора, он познакомил Уолкера с предложением Шваба.
Уолкер согласился с необходимостью лететь в Вашингтон, назвал имена двух человек в отделе человеческих ресурсов, которые помогут оформить поездку, напомнил Коннору, что хотел бы его видеть в девять часов, и удалился.

Монти ехала по Юстон-роуд, наблюдая, как впереди справа вырастает монолит «Бендикс Шер». Но вместо того чтобы пересечь полосу движения и направиться к охраняемым воротам, она сделала левый поворот на боковую дорогу, что лежала напротив, и сбросила скорость до черепашьей. В двадцати ярдах впереди тянулась эстакада, которая вела к многоэтажной стоянке. Она видела ее много раз, но не обращала внимания на это строение. До настоящей минуты.
Оранжевые и черные буквы над въездом гласили: «АВТОСТОЯНКА LRG». Когда она подъехала ближе, то рядом с опущенным барьером увидела электронное объявление: «МЕСТ НЕТ. ПАРКОВКА ТОЛЬКО ПО КОНТРАКТУ».
Она отъехала на небольшое расстояние, снова повернула налево вокруг квартала, поискала счетчик и кончила тем, что вернулась на Юстон-роуд. Опять оказавшись у многоэтажного здания, на этот раз она притерлась к обочине, воспользовавшись возможностью двойной

желтой полосы, и, проскользнув мимо барьера, оказалась внутри этого гаража. Видеокамера бесстрастно наблюдала за ней из-под самого потолка.
Ей показалось странным, что ее не встретил никто из обслуги. Рампа резко и круто уходила наверх, как спиральная горка в парке аттракционов, и не было видно никаких знаков дорожки для пешеходов, так что ей пришлось обогнуть поворот, за которым сгущалась темнота. Но далее она увидела перед собой будочку и еще один, куда более надежный барьер, перегораживавший эстакаду.
Под откровенно неприязненным взглядом дежурного из-за застекленного окна она подошла к будочке. Даже ее теплая улыбка не заставила его изменить выражение лица.
Выходящее к ней окно было наглухо задраено, двери не видно. Внутри другой дежурный сидел перед батареей мониторов.
– Я хотела бы узнать, не можете ли вы помочь мне… я интересуюсь приобретением сезонного билета, – сказала она с той стороны защитной решетки.
Ее встретил взгляд, в котором ничего нельзя было прочесть.
– У нас все заполнено.
– А у вас есть лист ожидания?
– В данный момент – на три года.
Монти задумалась.
– О’кей, я думаю… я хотела бы вписать и себя. Но могу ли я сначала осмотреться у вас тут? – И, лишь произнеся эту фразу, она осознала, насколько глупо это здесь прозвучало.
Дежурный с каменным выражением лица посмотрел на нее:
– Это автостоянка. И тут нечего смотреть.
Она стала лихорадочно искать предлог, чтобы проскочить мимо него.
– Похоже, что тут у вас очень хорошая охранная служба. У меня очень старая машина – но классическая! – и я боюсь, не станет ли она жертвой вандализма. – Она понимала, что городит полную ахинею, но ее уже несло.
– Никакого вандализма тут не бывает, – коротко ответил дежурный.
– Хорошо. Отлично. Вы… э-э-э… вы все отслеживаете?
– У нас работает система видеонаблюдения. – Его взгляд не отрывался от лица Монти.
– И какой у нее радиус охвата?
– Вам-то что до этого?
Она покраснела:
– Я… мне просто интересно, вот и все.
Коллега дежурного из-за плеча глянул на Монти и несколько секунд внимательно рассматривал, словно стараясь запечатлеть в памяти ее облик. В ответ она попыталась разглядеть экраны его мониторов, но не увидела на них ничего особенного – линии машин, бетонных колонн и погруженных в темноту участков.
– В какое время вы закрываетесь по вечерам?
– Мы вообще не закрываемся. – Дежурный явно давал понять, что теряет терпение.
– Ладно, спасибо. Если я все же решу внести себя в лист ожидания, к кому мне обращаться?
– Можете ко мне.
– А где ваш основной офис? Если я захочу вписать…
Наконец взгляд собеседника упал на нее.
– Если вы изъявите желание связаться, можете сделать это здесь.
Она еще раз одарила его рассеянной улыбкой:
– О’кей, спасибо.
Когда Монти вернулась на улицу, то увидела инспектора дорожного движения, стоящего рядом с ее машиной.
– Эй! – крикнула она, кинувшись бежать. – Я уже уезжаю!
Инспектор оказался молодой женщиной примерно ее лет.
– Еще тридцать секунд, – весело улыбнулась она, – и я бы выписала вам штраф.
– Уф! – Отдышавшись, Монти показала на многоэтажное здание у нее за спиной. – Я пыталась купить у них право на стоянку. Мрачновато у них там внутри.
– Они платят высокий налог за землю, – сказала инспектор и понимающе взглянула на нее. – Но вам бы это обошлось дешевле, чем получить повестку в суд.

Оказавшись в своем кабинете, Монти, не обращая внимания на ждущую ее груду корреспонденции, включила компьютер и вывела на экран телефонный справочник из главной архивной системы компании. Она выбрала раздел «Н-М» для Лондона и напечатала распоряжение найти «Автостоянку LRG».
Ответ появился едва ли не в ту же секунду: «Данные не найдены».
Она позвонила в информационный отдел справочника, но там ей сказали, что под таким названием ничего не числится.
Положив трубку, Монти в раздумье откинулась на спинку кресла. Пожарная безопасность, внезапно пришло ей в голову. На автостоянке должны проходить постоянные проверки. Она связалась с муниципалитетом Вестминстера и попросила дать ей номер Главной пожарной инспекции. Ей ответил женский голос.
– Я пытаюсь, – объяснила Монти, – найти руководство компании «Автостоянка LRG», прямо на Юстон-роуд. Она нигде не числится, и я подумала, что у вас должен быть адрес, по которому вы отправляете им корреспонденцию…
– Наведу для вас справку…
Ожидая, Монти принялась рассматривать послания по электронной почте и с возмущением заметила еще одно от отца по поводу очередного пропавшего досье, но тут снова услышала в трубке женский голос:
– «Автостоянка LRG», Чэлтоу-стрит, 11.
– Да, это она и есть! – возбужденно сказала Монти.
– У нас зафиксировано, что их управление находится на Ломбард-стрит, 216, ЕСЗ 6ВК.
Монти нацарапала адрес и повесила трубку.

Этот адрес почему-то вызвал у нее какие-то смутные воспоминания, но она не могла сразу же вспомнить, в чем дело.
Ломбард-стрит, 216.
Уставившись на него, она вдруг отстучала по клавишам распоряжение: «Лаборатория Баннермана – документы „Бендикс Шер“ по приобретению ее».

Она быстро просмотрела досье в поисках переписки, которую они вели с юристами «Бендикс Шер», фирмой «Дин и Уилсон». Ей бросился в глаза их адрес в Сити: Ломбард-стрит, 216, Лондон ЕСЗ 6ВК.

83

Северный Лондон. 1953 год

Дэниел, сидя на корточках в углу храма, держал в руках дароносицу и с отвращением смотрел на сцену, которая происходила перед его глазами.
Такие же, как он, адепты распростерлись на полу, неутомимо и с энтузиазмом занимаясь совокуплениями самых разных видов – от орального до вагинального и содомии. Большей частью они были парами, но одна группа совокуплялась втроем, а еще одна – вчетвером. Все это не было главным событием недели, а представляло собой главное содержание их существования.
Медленно поднеся дароносицу к губам, Дэниел сделал небольшой глоток. Он уже восемнадцать месяцев был в звании адепта, но так и не пришел к выводу, нравится ли ему острый металлический вкус напитка или нет. Еще не так давно, вспоминал Дэниел, он был в таком восторге от этих людей, так от всего сердца мечтал принимать участие в их сборищах; а теперь он испытывал лишь разочарование.
Он все еще ясно помнил ту гордость – и потрясение – своей инициации. Но сильнее, куда сильнее он помнил обретение той мощи.
И вкус ее.

Вкус невероятной энергии, силы и возможностей, которые она обещала. Где это было? Все проходили через тот же ритуал, что и он, все чувствовали вкус этой силы. Но что они делали с ней? Раз за разом проматывали ее ради нескольких моментов удовольствия.
Потому что постоянно, из недели в неделю, оно было одним и тем же. Разве что с небольшими изменениями ритуала по некоторым важным датам календаря. Тут больше ничего не менялось. И после завершения обряда маски исчезали и начинался разгул.
Из священных зелий был только этот напиток, содержащий крепкую смесь красного вина, джина, гвоздики, корицы и крови. В праздничные дни в него добавлялось небольшое количество мочи и семени.
Обычно Дэниел отпивал всего несколько глотков, чтобы содержимого его золотого кубка хватало на всю ночь. Но его было более чем достаточно для того, чтобы его возбужденные эмоции взлетели еще выше. Напиток сопровождался бутербродами, сосисками и печеньем. А после еды наступала пора секса.
Он был не на шутку ошеломлен, когда узнал, что его первая обязанность после инициации – это еженедельное совокупление с разными женщинами, участвующими в шабашах, – пока не покроет всех. После этого он свободен выбирать себе любую.
Из двадцати одной женщины Дэниел считал привлекательными лишь трех девушек. Было еще шесть, с которыми он мог совокупляться; они не были ни уродливыми, ни пожилыми и достаточно хорошо пахли, а поскольку секс еще продолжал оставаться для него в новинку и желания мощно бурлили в нем, то, когда он брал их, это, естественно, доставляло ему удовольствие.
Но все остальные в той или иной мере вызывали у него отвращение. А еще хуже были два случая, когда во время шабаша его брали сзади другие мужчины, – один раз он был предоставлен сам себе, а в другой раз он сам активно удовлетворял другую женщину. Как у младшего посвященного, у него не было иного выбора, кроме как подчиниться.
В те вечера, когда ему не удавалось найти подходящую пару, ему приходилось выпивать все содержимое кубка и порой не раз снова наполнять его. Результат всегда был один и тот же: он, спотыкаясь и ничего не видя перед собой, добирался до дому и будил мать, которая, чувствуя запах алкоголя, начинала вопить и оскорблять его.
Но он уже давным-давно перестал бояться ее воплей. Теперь они просто смешили его, и порой ему стоило больших трудов не расхохотаться ей прямо в лицо. Еще перед тем несчастным случаем, когда она потеряла руки, мать превратилась из объекта страха в морскую свинку, на которой он мог проверять пределы своей власти. Теперь он относился к ней не как к своей матери, а как к лабораторному животному в клетке.
Он сделал еще глоток зелья. Дэниел был доволен, что успел провести все обряды ритуала и сможет ускользнуть перед тем, как начнется свалка из-за выбора напарниц. Сегодня по болезни отсутствовали три женщины, но тут не будет недостатка в добровольцах, которые решат заняться с ним в те десять минут, когда закончатся первые совокупления. Он предпочел бы напиться так, чтобы его это не волновало.
– Что-то ты слишком молчалив в последнее время, Теутус. Тебя что-то беспокоит?
Голос магистра храма заставил Дэниела вздрогнуть, и он поднял глаза на обнаженного мужчину; он видел его вьющиеся волосы, серебряную цепь, дряблый пузырь его пуза, массивный, но вялый и обмякший член, который блестел от свежей влаги. Неожиданно появившийся магистр сел рядом и положил руку ему на плечо:
– Хочешь поговорить об этом?
Дэниел сделал еще один глоток, который придал ему уверенности.
– Я далеко не всегда хочу растрачивать свою энергию в сексе, магистр. Мне хочется сохранить ее для более высоких целей.
– Какого рода высокие цели ты имеешь в виду?
– Я хочу владеть миром.
Рука магистра храма продолжала лежать на плече Дэниела. Наконец он сказал:
– Все возможно, Теутус, если у тебя хватит силы желания. Владеть миром – это и очень большая, и очень малая цель. Почему бы тебе не обратить свой взор в высшую сферу?
– Потому что я знаю ее, – просто ответил Дэниел. – Если Великий Обманщик и Его Сатанинское Величество придают ей такую важность, то, не сомневаюсь, ворота в любую

высшую сферу должны стоять где-то здесь. Я думаю, что, может быть, ее удастся достичь, когда весь мир будет един под властью Его Сатанинского Величества.
Магистр храма, восхитившись дальнозоркостью и прозорливостью мальчика, повернулся к нему:
– В тот день, когда я впервые увидел тебя, я понял, что когда-нибудь ты всех нас перерастешь, но не представлял, что это произойдет так быстро. – Он улыбнулся. – Я часто смотрел на тебя и думал, сколько древней мудрости заключено в твоем юном мозгу, сколько жизней ты прожил перед тем, как обрел эту. Я помогу тебе и на пути к твоей цели дам все, что в моих силах, но в конечном счете тебе придется справляться самому.
– Да, я это знаю.
– Тебе понадобится немало денег и много времени. Я предполагаю, что ты собираешься стать волшебником?
– Я собираюсь стать Величайшим, – ответил Дэниел, полный презрения к ограниченности этого человека.
– Ты хочешь стать божеством, Теутус?
– Я им стану.
Наступило молчание, пока магистр осознавал ситуацию, и наконец он сказал:
– Да, тебе понадобится много денег, чтобы выйти на эту дорогу, Теутус. Ты должен двинуться в путь, полностью очистившись. Отныне ты должен носить мантии, сотканные из чистейшего льна. Тебе понадобятся оружие и инструменты, в основе которых – металл высочайшей чистоты, и тебе придется самому отливать и ковать их.
Дэниел не сводил глаз с колышущейся, хрипящей и стонущей массы плоти перед собой, но тем не менее он с предельным вниманием слушал слова магистра храма.
– Я могу снабдить тебя нужными знакомствами, Теутус, но тебе придется немало потрудиться, чтобы произвести на них впечатление. Ведь ты еще подросток, и ты не получишь разрешения стать настоящим магом, пока тебе не исполнится тридцать три. Но тебе понадобится все это время. Ты готов к столь долгим испытаниям, дабы стать не таким, как все?
– Да, – ни секунды не медля, сказал Дэниел.
Магистр храма кивнул:
– Льняная ткань нужного качества стоит сотни фунтов за ярд. Кроме того, тебе понадобится медь для твоих курильниц, золото для твоего кинжала и твоих орудий. Я предупреждаю тебя, одна унция чистого золота стоит столько же, сколько автомобиль.
– Деньги не проблема, – доверительно посмотрел на него Дэниел. – Вообще не проблема.

84

Вторник, 29 ноября 1994 года

Коннор сидел лицом к Монти за столиком в алькове местного паба.
– И владеет ею «Бендикс Шер»? – переспросил он. – Этой многоэтажной автостоянкой?
– У тебя есть теория получше? Адрес ее конторы зарегистрирован там же, где и юристы «Бендикса». Что-то многовато для простого совпадения. А типы в будочке явно смахивают на охранников, а не на дежурных по автостоянке.
– Я вот думаю… – Он двинул кружку «Будвайзера» по столу, как шахматную фигуру. – Может, дело в том, что они решили воспользоваться кое-какими привилегиями… ну, чтобы машины всегда стояли под крышей – зимой это особенно удобно.
– И у Кроу, и у Рорке есть шоферы.
Он взъерошил волосы:
– Еще раз – напомни, что тебе сказала миссис Смит. Только точно.
Монти напомнила.
Он эхом повторил эти самые важные слова:

– «Он говорит, что вход там». И ты думаешь, что это может быть вход на наши шесть пропавших этажей? Значит, что бы там ни было, получить доступ можно только или с помощью директорского лифта, или через многоэтажную автостоянку?
– Похоже, что так.
Он предложил Монти сигарету, щелкнув зажигалкой, дал ей прикурить и закурил сам.
– Может, директорат смотрит там порнофильмы, – хмыкнул Коннор.
Она усмехнулась:
– Представляешь, какие там запасы, если им понадобилось шесть этажей.
– Скорее всего, пять – водолечебницу считать не будем?
– Ладно, пусть пять, – сказала она.
Несколько секунд он рассматривал Монти. На ней была свободная черная куртка, белая блузка и короткая черная юбка. Она выглядела исключительно привлекательной и совершенно беззащитной. Он потянулся через стол и сжал ей руку:
– Это был очень смелый поступок – сунуть нос в самое логово, но вот не знаю, умно ли ты поступила.
– Никто меня не видел, – сказала она. Затем замялась, вспомнив двух дежурных и их мониторы. А затем припомнив видеокамеру, которая смотрела на нее в аварийном выходе сзади водолечебницы. – Я имею в виду… я же работаю тут… и имею право спуститься в водолечебницу, никакие правила этого не запрещают.
– Мы вне правил, Монти. Мы уже сунули головы в пасть тиграм; и уж если ты это сделала, не стоит в то же время тянуть их за яйца.
Она слегка обиделась этому упреку и без всякой необходимости принялась стряхивать пепел.
– Понимаешь, я заинтригована. И даже более того, я…
– Да?
– Прости… может, у меня уже крыша поехала, но я… но у меня появилось какое-то предчувствие.
Коннор ничего не ответил.
– Неужели ты не хочешь узнать, что там внизу? – спросила она. – Разве тебе не интересно?
– Я много чего хочу узнать. Но рыскание вокруг такого места, которое «Бендикс Шер» с большим трудом постарался укрыть, лишь привлечет к нам ненужное внимание. Пока твой отец не получит результаты, жизненно важно сидеть тихо и не высовываться. О’кей? Мы должны стать невидимками. Мы всего лишь добросовестные сотрудники компании, которые делают свою работу.
– Как Чарли Роули?
Он погонял остатки пива по стенкам стакана.
– Чарли Роули все время пытался лягнуть систему.
– И они терпели его, пока он не зашел слишком далеко и не начал интересоваться «Матерноксом»?
Коннор поднял свой стакан. Кружок подставки прилип к его дну, повисел несколько секунд и упал ему на колени. Он показал на него:
– Видишь? Нечто похожее и там… Его выкинули или он упал?
– Версию поменяли потрясающе быстро.
– И она стала куда убедительней, – добавил Коннор. Он мрачно улыбнулся. – Проблему, что Чарли Роули не умел плавать, аккуратно отодвинули в сторону.
– Ты говорил с его подругой или с кем-то из родственников?
Он развел руки, не скрывая раздражения:
– Я говорил с его матерью. Она очень любезна, но я не мог вставить ни одного словечка. Она все перепутала и была убеждена, что я явился объяснить ошибку. Она втолковывала мне, что кто-то из компании уже навещал ее. Эта потеря потрясла ее. Точка. Сказала, что полностью понимает, как искажаются подробности, особенно в чужой стране.
– Гавайи вряд ли можно считать чужой страной. Это штат Америки.
– Хочешь, я дам тебе ее номер? Попробуй поговорить с ней.
– Попробую.
Он покачал головой:
– Так ты ничего не добьешься – подумай сама. Уж теперь-то «БШ» как следует прикроет задницу. Может, если ты на полгода наймешь частного детектива, то он, имея наличными пару

сотен тысяч грандов, сможет найти какую-то ерунду. Но едва только он до нее доберется, то отправится тем же путем, что и Роули.
– Ты в самом деле считаешь, что за всем этим стоит компания?
Он с наигранным удивлением посмотрел на нее:
– Добрый вечер, милое создание, на какой планете вы сегодня?
– Я на Земле, но думаю, что хотелось бы быть где-нибудь еще.
– Ты убедишься, что Вашингтон – именно то, что надо.
– Я уже предвкушаю поездку.
– Прекрасный город, чего не скажешь о его жителях. Из каждых десяти гуманоидов один – юрист, остальные девять – то ли гангстеры, то ли политики, и отличаются они только тем, что гангстеры не так продажны.
– Я удивилась, что у «Бендикса» нет там офиса.
– Есть. Правда, ближе к Мэриленду, где у них крупнейший завод в США. Можешь вслепую ткнуть в карту мира, и обязательно наткнешься на какое-нибудь предприятие «Бендикса». – Улыбнувшись, Коннор осушил свой стакан. – Мои вашингтонские встречи пройдут на день раньше – я улетаю в среду, а вы, кажется, в четверг. Так?
– Отец беспокоится, успеет ли он все кончить к четвергу, – он же не может оставить анализы незавершенными. В случае необходимости он готов отложить поездку в Вашингтон.
Коннор оцепенел:
– Ты не можешь этого сделать, Монти, ты должна лететь.
Внезапно испытав смущение, она улыбнулась:
– Должна? То есть мне в самом деле этого хотелось бы, и я была бы только рада провести время с тобой, но, конечно же, есть более важные вещи. Согласен?
– Сегодня вечером за мной здесь следили, – тихо сказал он. – Я остановился, чтобы найти сигареты, и увидел, что в паре сотен ярдов за мной держится машина, на которую я обратил внимание, когда в десяти милях отсюда остановился заправиться. И снова заметил ее при очередной остановке.
– Где она сейчас? – обеспокоенно спросила Монти.
– Куда-то юркнула в ночь.
– До чего жуткое ощущение, – поежилась Монти. – Оно пугает меня.
Коннор опасался именно за Монти, а не за себя, но не хотел говорить об этом, чтобы не пугать ее еще больше. В данный момент она все воспринимала совершенно правильно и хранила спокойствие, источник которого крылся в больших запасах ее личностных качеств. Она хотела, чтобы ее чувства неустанно были настороже, чтобы страх не туманил ей поле зрения.
– Такого рода вещи не пугают меня, – сказала она. – Они раздражают. Дико злят. Я не люблю, когда кто-то вторгается в мой мир.
– Как и я.
Он взял ее руки в свои, крепко сжал и посмотрел ей прямо в глаза:
– Монти, ты должна ехать.
Она чувствовала что-то странное, но не могла понять, что именно… словно ее антенны улавливали какие-то запахи или вибрации опасности.
– Почему?
– Ты веришь мне?
Монти помедлила, но затем с преувеличенной горячностью ответила:
– Да!
– Тогда прошу тебя – слушай меня.

85

Среда, 30 ноября 1994 года

Клик. Другой канал. Вой сирены, визг тормозов. Клик. Канал снова сменился. «Но я люблю тебя, Эдвард, – заверяет женщина. – И всегда любила тебя». Бах – и взрыв ручной гранаты.

Клик. Смена канала. Рев толпы. «Мяч у Линекера, он делает передачу поперек поля…» Клик. Очередная смена канала. Две женщины по-итальянски орут друг на друга; по обрезу экрана бегут субтитры.
Клик. Слава богу, экран стал слепым и молчаливым.
– Спасибо, Господи, что по телевидению идет такое дерьмо. – Никки бросила пульт на прикроватный столик. Она отпила вина, взяла свой роман Марио Варгаса Льосы, прочитала один абзац, с треском захлопнула книгу и стала рыться в куче мятых журналов, разбросанных по кровати, которые она не убрала, когда час или около того назад они стали заниматься любовью.
Ганн, до пояса прикрытый простыней, опасался, что слишком много выпил. Он лежал, погруженный в свои мысли, стараясь не обращать внимания на надоедливые попытки Никки отвлечь его. Проблема Коннора Моллоя и Монтаны Баннерман росла на глазах и серьезно беспокоила его.
Эта дамочка Баннерман что-то вынюхивала в водолечебнице. Она бродила вокруг здания. Снова была в доме Уинстона Смита. Затем отправилась в многоэтажную автостоянку. И, черт побери, можно не сомневаться, что забрела она туда не случайно.
Все это ему не нравилось, ну совершенно не нравилось. Может, завтра ему выделят бюджет, за который он ратовал, но у него оставались сомнения. А тем временем ему пришлось организовать тотальную слежку, заставив сверхурочно работать и без того уже измотанных сотрудников. Он хотел иметь в своем распоряжении плотную невидимую сеть, а не команду, которая так устала, что совершает ошибки. В домашних телефонах объектов стоят жучки, их служебные телефоны непрерывно прослушиваются. Очень важно, чтобы они не догадывались о слежке; он ни в коем случае не хотел вызвать у них настороженность.
Что бы им ни было нужно, он собирался на блюдечке преподнести это Кроу. Он хотел не только выяснить несколько очень сомнительных моментов, но и мечтал увидеть, как отреагирует исполнительный директор, когда услышит новость, что драгоценная доченька его дорогого ученого оказалась гнусной маленькой потаскушкой. Он лелеял идею, что Кроу придется предпринимать действия, к которым на самом деле он не хотел бы прибегать. Кроу нравилось ставить других людей в неудобное положение. Дайте ему неделю-другую – и Кроу как миленький будет извиваться перед ним.
Системный администратор компьютерной системы Клифф Норрис пока так и не нашел никаких следов, что Коннор Моллой входил в систему «Бендикса». Ганн подозревал, что этого сукиного сына поймать будет нелегко, если вообще удастся. Недавно он отказал Норрису в кое-какой новой технике, которую он просил, и тот был явно огорчен.
Норрис относился к той породе людей, которых Ганн не любил или не понимал. Надменный пижон. Такими же были и большинство технарей, но у него не было иного выбора, кроме как работать рядом с ними. Кроу обвинял Ганна за то, что тот ослабил хватку, он был прав. Да, она вроде бы ослабела, но сейчас он чувствовал себя куда более уверенно. Интуиция подсказывала ему, что Моллой и Баннерман появились как раз кстати, чтобы способствовать подъему его карьеры.
Он расслабился и в отношениях с Никки, но тут уж он был весьма неуверен, что с ней делать или как долго он еще будет выносить ее требования. Тем более что он продолжал балдеть от нее.
– Черт возьми! – вдруг воскликнула она. – Этот парень… он утонул на Гавайях.
Ганн повернулся к ней и увидел, что Никки читает последний номер внутреннего журнала «Бендикс Шер».
– Где ты, черт побери, его взяла?
– В твоей папке, – с невинным видом ответила она.
– Ты сломала замок?
– Такую идиотскую комбинацию открыл бы и четырехлетний ребенок.
Ганн вырвал журнал у нее из рук:
– Это закрытое издание – только для сотрудников.
– Счастливые сотрудники! Вот уж восхитительное чтение! «Строительство нового завода „Бендикс Шер“ в Малайе. Продажи „Матернокса“ в Бразилии выросли на шестнадцать процентов. В Германии заведующий научно-исследовательским отделом в благотворительной велосипедной гонке пожертвовал пять тысяч марок в пользу Боснии». Аж очко играет, солдат. –

Она снова выхватила журнал. – «Сэр Нейл Рорке сообщает, что компания выделит двадцать пять тысяч фунтов любимому благотворительному фонду мистера Роули». Ну-ну, какие еще потрясающие известия в этом журнале?
– Начиталась? – сухо спросил ее Ганн.
– Сыта по горло. А что еще девушке надо? Два классных оргазма за ночь в постели с журналом «Бендикс Шер». Ты в самом деле знаешь, как ублажить девушку, солдат. – Она засунула руку под простыню и стала ласкать его гениталии. – Да, вяловато там внизу… Как насчет того, чтобы заправиться карри… а может, лучше взять мекс? А мне жутко хочется фахитас.
– Я вымотался.
– Перекусишь – и тут же поднимешь голову. Я голодная и недотраханная.
– Ты всегда можешь сесть на улице с картонным плакатиком на шее: «Голодная и недотраханная – пожалуйста, покормите меня и трахните».
Она врезала ему кулаком в живот:
– Не смешно. А теперь давай поднимайся.
– Никки, сейчас четверть двенадцатого. Я совершенно разбит, и мне еще надо закончить отчет для доктора Кроу.
– Как такой большой и храбрый парень может бояться этого доктора Кроу? – Она выдернула из-под него скомканную газету «Ивнинг стандард», где на деловых страницах была фотография Кроу. – Ты только посмотри на него. Сущая сопля. А физиономия у него как у больной гремучей змеи.
Ганн ухмыльнулся:
– Ты льстишь ему.
Она снова посмотрела на изображение Кроу и скорчила гримасу:
– Ну еще бы… у меня от него мурашки по коже бегут. Сколько человек он убил, чтобы добраться до верха?
Он дернулся от этих слов, словно получив удар током, и повернулся к ней:
– Что ты сказала?
– Да он выглядит как киллер. А ты кого-нибудь убивал, солдат?
– На Фолклендах.
– И в Белфасте?
Он покачал головой:
– С удовольствием прикончил бы там кое-кого, но не представилось возможности.
– А потом?
– А потом я служил в войсках связи. Связь никого не убивает, она следит за людьми.
Она с ехидной улыбкой всмотрелась ему в лицо:
– Правду ли ты мне говоришь, большой мальчик?
– Черт возьми, что ты несешь?
– Да просто какое-то странное совпадение. Имя Чарли Роули было у тебя на экране компьютера, с черной елочкой рядом с ним – а теперь он мертв. Просто странно, вот и все. – Какую-то секунду она испытующе смотрела на него, а затем поцеловала в щеку. – Правильно! Есть куда более важные вещи. Сегодня вечером мы развлекаемся, и у тебя есть выбор: десять секунд, чтобы встать во весь рост, – или мы отправляемся в мексиканский кабак.

86

Воскресенье, 4 декабря 1994 года

«Основная цель этого сотрудничества заключается в том, чтобы убедиться… и переходящие компоненты от лямбды в стадии бактериофазы… могут быть использованы в млекопитающих и занять промежуточное положение в побочной интеграции плазмида ДНК в хромосомный набор с уникальными свойствами…»
Коннор в одном халате лежал, раскинувшись, на диване в гостиной Монти и рассеянно пил остывший кофе; но он этого практически не замечал, потому что был погружен в документ. На

решетке камина трещали горящие ветки и стреляли в него искрами, но он и на них не обращал внимания.
«Можно сделать следующие предположения, – читал он. – Во-первых, в порядке приоритетности мы должны прийти к заключению…»
Поцелуй в щеку вывел его из задумчивости.
– Сколько тостиков поджарить?
Внезапно он ощутил запах жареного бекона и понял, что голоден.
– Двух, думаю, будет достаточно. Спасибо.
Когда Монти вышла из комнаты, он отложил текст, подтянул к себе ноутбук, открыл папку с письмами и стал методично просматривать все двести тридцать шесть посланий. В каждом из них упоминался «Матернокс», и все он заполучил с помощью вируса «троянский конь». Перекинул он этот материал еще вчера днем, уединившись в очередном гостиничном номере. Но во всем этом наборе не было ничего имеющего отношение к «Досье Медичи», да и вообще ничего интересного; просто рутинный поток электронной почты, главным образом данные о продажах и указания по маркетингу.
Монти взбила в миксере несколько яиц, отрезала четыре ломтика хлеба, окунула их в яичную смесь, чтобы они как следует пропитались ею, и положила ломтики на раскаленную сковородку. Взгляд ее переместился к окну. Стоял чудесный день; густая изморозь окутала сад белоснежной пеленой, которая искрилась под лучами зимнего солнца, но Монти не обращала внимания на старания природы, потому что старалась отметить любое непривычное движение за пределами дома.
Монти не сомневалась, что в пятницу вечером, когда она возвращалась домой, за ней следили. Она заехала в старую лабораторию посмотреть, как идут дела у отца, и едва ли не физически почувствовала, что у нее кто-то повис на хвосте. Свет фар, который неизменно держался за ней на одном и том же расстоянии, внезапно исчез, когда она повернула на свою грунтовую дорогу. Проехав по ней несколько ярдов, она остановилась и стала в зеркало заднего вида наблюдать за основной дорогой, но так и не заметила на ней света фар. Даже когда она вылезла из своего «эм-джи» и вернулась к шоссе, то над ней висела лишь ночная тьма. Затем позже, когда появился Коннор, она заметила стоящий на обочине небольшой седан с потушенными огнями и силуэт человека за рулем.
За последние две ночи она несколько раз выбиралась из постели, подходила к окну и смотрела сквозь щель в портьерах. Коннор улетает в Вашингтон во вторник, и она хотела оказаться вместе с ним на том же рейсе, но отец получит результат не раньше вечера среды.
Она очень боялась за Коннора. Чарли Роули отправился на Гавайи и был там убит. Она опасалась, как бы в Вашингтоне не случилось нечто подобное. И, кроме того, ей было как-то не по себе, когда она думала, что два дня она будет предоставлена самой себе.
Обуреваемая страхами за безопасность Коннора в Америке, Монти решила, что она наконец должна решиться и пойти к председателю, чтобы Рорке успокоил ее и привел в чувство.
От сковородки потянуло дымком.
– Готово! – позвала она.
Коннор появился в кухне:
– О, французские тосты – мой самый любимый завтрак!
Она положила ему два тоста, а все остальное пространство тарелки было отдано жареному бекону. Кроме того, на столе был кленовый сироп и кувшин со свежим апельсиновым соком.
– Я страшно голоден! – сообщил Коннор, поливая сиропом тостик Монти, а потом свой.
– Ты будешь так же любить меня, если я из-за них растолстею? – пошутила она, оценивающе разглядывая свою порцию.
– Я думаю, что в трансгенетическом отделе «Бендикс Шер» у меня всегда будут приятели, которые смогут склонировать твою более худую версию. Так что, если даже я разлюблю тебя подлинную, я всегда буду любить твои гены. Договорились?
Она с сомнением посмотрела на него и улыбнулась:
– А как я смогу переделать твою клонированную версию? – Монти сунула руку под халат и сделала вид, что ищет его гениталии. – Не думаешь ли ты, что и тут можно кое-что улучшить?
– Вот уж спасибо!
Она перегнулась через стол и старательно слизнула с его губ липкий сироп.
– На самом деле я ничего не хочу менять. Ты мне нравишься с ног до головы.

И я очень боюсь за тебя.

Тепло одевшись, они вышли прогуляться после завтрака. Под ногами хрустела жесткая промороженная трава, а над крышей дома висела тонкая струйка дыма из камина Монти.
– Господи, до чего тут красиво! – сказал Коннор, восхищенно осматриваясь. – Просто невероятно! – Он вздохнул. – Знаешь, порой мне трудно поверить, что мир был создан всего лишь из нескольких горстей пыли, висящих в космосе, сквозь которые проскочила искра.
– Означает ли это, что ты веришь в Бога?
– Я верю в силы Вселенной. Я не люблю употреблять слово «Бог»… скорее, тут может идти речь о какой-то интеллектуальной энергии. О чем-то, обладающем куда большей мощью, чем человек.
Монти смотрела на водянистый полумесяц, который и в дневном небе висел, как привидение. Протарахтел красный вертолет, направлявшийся в сторону военного аэродрома, лежавшего в нескольких милях к югу. Внезапно она повернулась к Коннору.
– Я люблю тебя, – сказала она. И смущенно добавила: – Прости…
– Простить? – Он улыбнулся ей в ответ. В этот момент легкая вспышка света в дальних холмах отвлекла его.
– Да, и я… я ничего не могу сделать. Я люблю тебя. В самом деле.
– Ты не должна извиняться, – мягко сказал Коннор. Он, повернувшись, посмотрел на холмы, не желая, чтобы Монти заметила его озабоченность. Через мгновение он снова заметил отблеск. Бинокль или объектив телефотокамеры?
Не подозревая, что опасность куда ближе, чем она думала, Монти продолжила:
– Я… я так боюсь… что-нибудь случится с тобой. С нами.
Кончиками пальцев он легко коснулся ее плеч и поцеловал в лоб. Как ни странно, сейчас в памяти эхом отдались слова матери, сказанные пару месяцев назад, в их последний вечер в Вашингтоне.
«Ты не должен ехать. Есть и другие компании – прямо здесь… Ты просто не знаешь, во что ты ввязываешься. Может, я слишком многому научила тебя, внушила тебе ложную уверенность. Поверь мне, я видела это сама и знаю, что они могут сделать. Подумай еще раз, пока еще у тебя есть такая возможность».
Может, она была права, но как ему дальше жить с укорами совести, если он даже не попытается? Да и кроме того, если бы он не приехал сюда, то не встретил бы Монти.
Он сжал ей плечи и сказал:
– Я тоже люблю тебя. Больше всего в мире.

87

Вторник, 6 декабря 1994 года

Будильник задребезжал ровно в пять часов. Коннор немедленно сел в кровати и включил свет. Он должен был подняться как можно раньше, чтобы окончить кое-какую работу и успеть на свой рейс в Вашингтон.
– Хочешь, я сделаю тебе завтрак – поджарю яйца или еще что-нибудь? – предложила Монти.
– Все в порядке, иди спи, – тихо сказал он. – Я сделаю себе кофе в офисе.
Она слышала, как он включил душ, а затем ходил по квартире, укладывая в сумку последние мелочи. Затем он поцеловал ее в щеку.
– Вечером позвоню тебе – ты же не собираешься в одиночестве уезжать в свой коттедж.
– Я останусь здесь… как мы договаривались.
– Обещаешь?
– Обещаю.
– Отлично.
Она приподнялась и взяла его за руку:

– Ты будешь осторожен, да, Коннор?
– Вашингтон – это моя усадьба, и я буду себя отлично чувствовать. Кончай все дела и как можно скорее присоединяйся ко мне. – Он еще раз поцеловал ее, и она услышала, как за ним щелкнул замок в дверях.
Окончательно проснувшись, она выкатилась из постели и голой прошла в гостиную, которая была залита оранжевым светом уличных фонарей. Монти смотрела, как Коннор вышел из парадной и кинул свою сумку в багажник «БМВ»; она надеялась, что Коннор все же посмотрит наверх, чтобы она могла ему помахать, но этого не случилось.
К ее ужасу, едва только он тронулся с места, как то же самое сделал «форд» в ста ярдах за ним. Не зажигая ходовых огней, он проследовал за машиной Коннора до перекрестка в конце улицы и вслед за ним повернул направо.
Она запаниковала, не зная, что делать. Стояло раннее утро, Коннор торопился в офис – и внезапно она вспомнила Джейка Силса.
Черт побери, как был бы нужен телефон в машине Коннора. Она надела то платье, которое было на ней прошлым вечером, схватила пальто, проверила, при ней ли ключи от квартиры, и вылетела за дверь в утренние сумерки.
Лобовое стекло «эм-джи» запотело изнутри, она протерла в нем небольшой участок и на пределе скорости сорвалась с места, включив несколько янтарных огней и один красный.
На Уорвик-роуд, куда она вылетела, движение было небольшим, и она без помех обогнула бывший стадион «Уайт-Сити». Оказавшись на трассе Вестуэй, она поймала себя на том, что обгоняет одну машину за другой, не теряя надежды, что очередной набор габаритных огней будет принадлежать машине Коннора, но каждый раз разочаровывалась.
Она увидела «БМВ» на почти пустынной стоянке «Бендикс Шер», куда она сама въехала. Ускорив шаги, она вошла в холл, бегло отметив, что Уинстон Смит все так же отсутствует, вошла в лифт, поднялась на этаж Коннора.
Для охраны было слишком рано занимать свои посты на этажах, и она вышла из лифта к пустому столу и слепому экрану. Пустив в ход свою карточку-пропуск, она прошла мимо поста охраны и заторопилась в кабинет Коннора – но остановилась как вкопанная. Коннор шел по коридору навстречу ей. Он был все еще в пальто, со стаканчиком кофе в руке.
– Эй! – неподдельно удивился он. – В чем дело? Что случилось?
От радости у нее перехватило дыхание, и она осталась стоять на месте. Затем опасливо оглянулась вокруг, помня об их уговоре не беседовать в рабочем помещении.
– Э-э-э… я подумала, что тебе в дорогу понадобится пара досье… и вдруг вспомнила, где они были.
Он нахмурился, ничего не поняв в данный момент, – но тут увидел отчаянное выражение ее глаз.
Убедившись, что ни одна видеокамера не смотрит прямо на нее, она открыла свой рабочий дневник, написала в нем большими корявыми буквами: «За тобой следили от самого дома» – и быстро показала ему.
Он кивнул, дав понять, чтобы Монти следовала за ним, провел ее в мужской туалет, убедился, что кабинки пусты, и открыл все краны.
– Мы должны исходить из предположения, что сейчас компания хочет поймать нас с поличным, – тихо сказал он. – Но если они хотели накрыть нас, то это надо было делать в коттедже, в последний уик-энд. Они следят за нами, поскольку не в курсе дела, что нам известно. Просто храни спокойствие. Когда ты доберешься до Вашингтона, все пойдет нормально. Обещаю.
– Ты собираешься поговорить с Клинтоном?
– У меня есть кое-что получше. Верь мне.
Она видела озабоченность в его глазах, и сожаление, что они расстаются, становилось все острее.
– Я верю тебе, – с трудом выдавила она. – Просто я чертовски испугана.
– Вот и оставайся в таком состоянии, – сказал он. – Пусть ты будешь чертовски испугана, но сохраняй голову на плечах. – Затем он показал на дверь.
Покинув туалет, Монти спустилась на свой этаж. Чувствовала она себя немного по-дурацки из-за того, что запаниковала, но сейчас, несмотря на усталость, старалась думать четко и ясно. Побаливала голова из-за легкого похмелья – прошлым вечером она выпила слишком много

вина и виски. И еще, как она припомнила, бренди. Господи! Она прижала пальцы к вискам в надежде уменьшить боль. И в довершение ко всему следующие два дня без Коннора представлялись ей пустыми.
«Когда ты доберешься до Вашингтона, все пойдет нормально. Обещаю».
Почему? Что должно произойти в Вашингтоне, после чего все вдруг отменно наладится? Все это напоминало игры в поиски сокровищ – «следуйте в Вашингтон, где найдете очередной ключ». Разве что Коннор был не из любителей таких игр.
А может, был?
Она сделала себе кофе и решительно взялась за дело – перечитала расписание, которое пришло от организаторов симпозиума, и пробежала контрольный список для отца. В дополнение к главному мероприятию в пятницу вечером предполагалось, что на следующий день он примет участие в дискуссии; кроме того, его попросили к началу недели набросать свои заметки для распространения среди других участников встречи. И еще ему придется давать интервью относительно своей книги.
Монти прикинула, помнит ли он все это. Скорее всего, нет. Она может напомнить ему, но пока слишком рано. Зевнув, она посмотрела на часы. 6:20. Впереди долгий, очень долгий день.
И тут она импульсивно сделала то, к чему не прибегала вот уже много лет: запустив руку под блузку, она сжала в пальцах маленький серебряный крестик и закрыла глаза.
– Молю Тебя, Господи, – беззвучно произносила она, – пусть Коннор будет в безопасности и пусть папа будет в безопасности.
Она так и не позвонила вчера сэру Нейлу Рорке, разрываясь между желанием сделать это и опасением, что ее поступок может повредить Коннору. Но сейчас она сожалела о своей нерешительности. Вашингтон был преступной столицей Америки. И там легко, не утруждаясь излишними вопросами, могли убить кого угодно.

В 8:30 Монти позвонила по дополнительному номеру сэра Нейла Рорке.
Ответила его секретарша:
– Боюсь, что сэр Нейл отбыл в Малайю на открытие нашего нового предприятия в Куала-Лумпуре. Он вернется в пятницу. Не хотите ли оставить послание для него?
Монти помедлила, прикидывая, как бы связаться с ним в Малайе. Но пытаться установить связь по телефонной линии, не зная, насколько она защищена… нет, это непродуманно.
– Спасибо, не стоит, – сказала она. – Это не так важно.
Затем она по внутренней связи позвонила в кабинет отца; после двух звонков включился автоответчик. Повесив трубку, она вышла поискать какие-то следы его присутствия на этаже. Чистота и прибранность его кабинета убедительно сказали ей, что он тут еще не появлялся. Для надежности она заглянула и в лабораторные помещения, но и тут никто его не видел. Скорее всего, он был в Беркшире, где занимался анализом «Матернокса», и она подумала, безопасно ли будет звонить ему. Но когда она все же набрала их старый номер, то после пяти звонков услышала свой же голос, сообщавший, что номер изменен.
Вполне возможно, что отец был на месте и просто не отвечал, но тем не менее она забеспокоилась. Она снова набрала номер, представилась автоответчику и стала ждать. Она надеялась, что, услышав ее голос, он снимет трубку, – но тщетно. С тем же результатом она позвонила ему домой.
До половины десятого она работала, время от времени снова пытаясь дозвониться. Коннор, должно быть, уже прибыл в аэропорт, подумала она, испытывая глубокое чувство одиночества. Поэтому ее беспокойство об отце усилилось. Если в лаборатории произошел несчастный случай, там нет никого, помочь ему никто не сможет. А ей надо еще сегодня отослать в Вашингтон по факсу или электронной почтой кое-какие заметки к дискуссии. Это займет у нее около часа.

Стоянка кампуса была почти пуста, но Монти подошла к лаборатории почти вплотную, когда заметила поржавевшую серую «тойоту» отца на ее привычном месте. Она слегка расслабилась, но, вылезая из своего «эм-джи», Монти внимательно осмотрелась. Трудно было сказать, следили за ней или нет; всю дорогу сюда ее сопровождало плотное дорожное движение.
Она вошла в лабораторный корпус, удивившись, что дверь не закрыта, и торопливо побежала наверх, в главную лабораторию. Ее сопровождали знакомые химические запахи.

Дик Баннерман в белом лабораторном халате, склонившись к чашке Петри, что-то диктовал в маленький магнитофон, включавшийся от звука голоса. Стеллаж с пробирками позвякивал в мешалке рядом с ним. При взгляде на эту сцену Монти не захотелось прерывать состояние глубокой сосредоточенности отца.
Наконец, выбрав момент, она легко поцеловала его в щеку, но тем не менее ему потребовалось несколько секунд, чтобы заметить ее присутствие. Он что-то пробормотал в диктофон, выключил его и повернулся к дочери.
– Потерял целый рабочий день, – сокрушенно сказал он. – Культура умерла.
– Почему? Что случилось?
– Моя ошибка. – Он скорчил гримасу, как провинившийся ребенок. – Элементарная глупость. Положил не ту подкормку. Я не привык все делать своими руками.
– У тебя усталый вид, папа. Не хочешь ли сделать перерыв и сходить перекусить? Уже час.
Он покачал головой:
– Не могу уйти, пока не наступит стабилизация. Сейчас, когда я потерял день, у меня возникнут проблемы с Вашингтоном. До четверга я не управлюсь.
– Папа, ты просто должен быть там в четверг вечером – у тебя будет всего лишь обед с Биллом Клинтоном, а он всего лишь президент Соединенных Штатов.
– Засранец Клинтон. – Прищурившись, он посмотрел на пробирки в мешалке. – Я не могу взять и остановить процесс в середине. Мне придется выкинуть эти объедки и начать все с нуля – так что мы потеряем добрую часть этих двух недель. Ты хочешь подвергнуть риску свою Анну?
– Неужто я не могу заменить тебя? Если ты дашь мне инструкции?..
Улыбнувшись, он отверг это предложение:
– Боюсь, что нет. Боюсь, что мы оба должны распрощаться с этим симпозиумом. Конечно, извинимся, скажем, что я, мол, болен. Это сборище не так уж важно.
Она сплела пальцы, собралась с мыслями и сказала:
– Если ты думаешь, что успеешь закончить анализы в четверг вечером, так я улечу по расписанию, в четверг утром, явлюсь на кормежку к Клинтону… и принесу за тебя извинения. А ты можешь прибыть в пятницу… на твое выступление уже продано шестьсот мест.
– О’кей, – сказал он.
– Так и сделаем.
Монти посмотрела в чашку Петри:
– Кроме неприятности с культурами, у тебя есть какие-нибудь успехи?
– Да, но раньше чем в четверг вечером я не смогу понять, что же там было в капсулах.
– Помни, что по телефону об этом – ни слова, – сказала она. – Какие бы ни были новости, расскажешь о них по прибытии в Вашингтон.
Он провел пальцем по губам, делая вид, что застегивает их на молнию.
Монти улыбнулась:
– А теперь я принесу нам по сэндвичу.
Она вышла из здания, остановилась и, нервничая, стала оглядывать стоянку. В воздухе плыла мелодия «Господи, да буду я веселым джентльменом». «Через три недели Рождество», – подумала она. Рождественская лихорадка уже чувствуется повсюду – в витринах магазинов, на рекламных стендах, в светящихся гирляндах, протянутых через улицы.
Осознание этого вызвало у нее вспышку гнева. «Ради бога, это Англия, – сказала она себе. – Демократическая, цивилизованная Англия. Не какой-то оруэлловский кошмар диктатуры третьего мира или хунты. Если действия „Бендикс Шер“ выходят за пределы закона, если компания экспериментирует, шпионит и убивает, ее надо остановить на этом пути».
В памяти крутилась фамилия: детектив-суперинтендент Левайн, который навещал ее в больнице после гибели Джейка Силса. Она зашла в одну из телефонных будок рядом с закусочной, нашла в справочнике номер Нового Скотленд-Ярда и, позвонив, спросила, может ли кто-нибудь помочь ей соединиться с Левайном.
К удивлению Монти, через несколько секунд ожидания оператор сказала:
– Соединяю.
Раздался щелчок, и Монти услышала другой женский голос, вежливый и уверенный:
– Офис детектива-суперинтендента Левайна.
Через минуту после того, как Монти представилась, ее соединили с хозяином офиса.
– Маркус Левайн. Очень рад слышать вас, мисс Баннерман. Вы уже поправились?

– Надеюсь, что да, – сказала она. – Но держу пальцы крест-накрест, чтобы не было долговременных последствий.
– Опасная работа эта фармацевтика, – не без иронии сказал он.
– Я и сама начинаю так думать. – Наступило выжидательное молчание, которое она восприняла как конец обмена любезностями. – Я думаю, кое-что вам стоит знать. Это может иметь отношение к вашему расследованию гибели Джейка Силса.
Наступила очередная пауза, и на мгновение она подумала, не прервали ли с ней разговор. Затем она снова услышала спокойный голос детектива:
– Я слушаю.
– Можем ли мы конфиденциально, с глазу на глаз, поговорить с вами? То, что я хочу рассказать вам… это довольно рискованно.
– Конечно, можем поговорить, мисс Баннерман. Когда вы предпочитаете встретиться?
– А можно? Хорошо было бы сегодня.
– Хотите приехать сюда? Или вам было бы удобнее на какой-нибудь нейтральной территории?
Твердая уверенность его голоса успокоила ее, она почувствовала себя надежнее и раскованнее. Теперь-то она уже не сомневалась, что поступает совершенно правильно.
– На тот случай, если за мной и дальше будет идти слежка, я бы предпочла не показываться в Скотленд-Ярде… не могли бы мы встретиться в пабе или в кафе?
– Вы знакомы с гостиницей «Стрэнд-Палас»?
Она задумалась.
– Да… она на Стрэнде, напротив «Савоя».
– Там есть такой большой холл за фойе… о котором мало кто знает. Днем я смогу там быть. Четверть пятого вас устроит?
– Да, благодарю вас, – сказала она. – Большое спасибо.

88

Когда Коннор только начал изучать патентное право в Гарвардском университете, его преподаватель объяснил аудитории, что́ на самом деле представляет собой обладание патентом: правительство просто приобретает владение изобретением.
Создатель оного продает его, будь то дизайн, процесс или продукт, правительству, за что единолично получает вознаграждение в течение семнадцати лет – в некоторых странах и двадцати, – на протяжении которых никто не имеет права воспользоваться им без разрешения изобретателя.
Правительства приобретают патенты с целью обеспечить исследования, гарантировать создание изобретений в своей собственной стране и получать от них доходы. Но если претендент на патент до получения его уже сделал свое изобретение общественным достоянием, то ли рассказав о нем в лекции, то ли упомянув в прессе, то Патентное бюро может сделать логический вывод, что предложенное изобретение больше не является уникальным и, соответственно, на него не может быть выдан патент.
Вот над этой проблемой и размышлял Коннор, сидя у иллюминатора в бизнес-классе «Боинга-757» компании «Юнайтед эрлайнз». На коленях он держал ноутбук, а на пустое соседнее кресло выложил кучу бумаг из своей папки.
Он знал, с какой параноидальной бдительностью в «Бендикс Шер» относятся к вопросам безопасности – вплоть до того, что человека могут уволить, если он посмеет заниматься своей работой в общественном транспорте, будь то поезд, автобус или самолет. Но салон этого самолета был наполовину пуст, и в нем не было никого, кто хоть отдаленно напоминал бы промышленного шпиона. Да и кроме того, ему вообще надо было кое-что успеть сделать до утренней встречи с Дейвом Швабом в Патентном бюро.
Бо́льшая часть его работы состояла, как и говорил Кроу, в организации подборки документов таким образом, чтобы ввести Шваба в заблуждение. Кроу это было легко требовать, потому что опасности подвергалась репутация Коннора. А может, даже его лицензия на право заниматься практикой; во всяком случае, на линии огня окажется его номер, а не исполнительного директора.

Тот мусор, что ему предстояло выложить перед Швабом, был главной темой в одном из учебников. Дело в том, что эксперты Патентного бюро США из-за огромного объема работы имели лишь строго ограниченное время, которое они могли потратить на каждую заявку. У Дейва Шваба было десять часов, в течение которых он должен был прочесть двести страниц документов самой заявки плюс пять толстых пачек сопутствующих приложений, имеющих отношение к заявке, – все документы и статьи, написанные Диком Баннерманом и опубликованные. В своей сумке в багажном отделении Коннор хранил еще одну солидную пачку, которую завтра он вывалит на стол Шваба, отлично понимая, что у бедняги не будет на нее времени.

Почти все опубликованные материалы из этой пачки были совершенно безобидными. Большинство из них в самых общих словах рассказывали об исследованиях Дика Баннермана тех генов, которые отвечали за болезни группы псориаза. Но среди них была погребена единственная листовка, из тех, которые на симпозиуме в прошлом году Баннерман раздавал группе примерно из тридцати ученых-генетиков. В этих листовках настолько подробно приводилась специфическая формула «Псориатака», что эксперт, реши он проявить принципиальность, категорически отказал бы в выдаче патента. А Дейв Шваб всегда отличался принципиальностью.

Коннор сунул листовку в середину пачки, не сомневаясь, что Шваб предпочтет положиться на его слова о том, что представляет собой этот набор бумаг, и не будет проверять их одну за другой.

Голос командира нарушил его размышления – пассажирам было предложено подготовиться к посадке. Глядя в иллюминатор, Коннор подумал, как ему не хватает Монти, и попытался представить, чем она сейчас занимается. Сейчас половина четвертого дня. То есть половина восьмого вечера по лондонскому времени.

Дай бог, чтобы у нее все было в порядке.

Самолет, снижаясь, прошел над Чесапикским заливом. Стоял ясный, солнечный день, и даже в конце ноября Мэриленд казался зеленым и цветущим краем, по просторам которого блестящая ленточка Потомака вилась, как шкурка змеи. Звук двигателей изменился, и самолет тряхнуло на воздушной яме. Затем снова прозвучал голос командира:

– Мы знаем, что у вас был выбор авиакомпаний, и мы благодарны вам за то, что вы предпочли «Юнайтед». Мы надеемся, что вы проведете приятный вечер в Вашингтоне и что мы скоро снова увидим вас.

Автотрасса была забита транспортом, и прошло не менее получаса, прежде чем Коннор увидел между деревьями длинную низкую серо-коричневую стену Пентагона. Машина нырнула в короткий туннель, сделала правый поворот на знакомый широкий проезд, по обеим сторонам которого стояли современные высотки Кристал-Сити.

Живущие в них люди часто работали в офисах этих же зданий; при желании они могли провести всю жизнь, не выходя за их пределы, поскольку могли, как кроты, передвигаться по сети подземных коридоров, которые соединяли огромные комплексы магазинов и ресторанов. Этот район не особенно привлекал Коннора, но, поскольку здесь располагалось Патентное бюро, компания предпочла, чтобы он остановился именно здесь. И сейчас он хотел, чтобы компания удостоверилась: он делает именно то, чего от него ждали, – и ничего иного.

Номер на восьмом этаже «Марриотта», обставленный мебелью темного дерева и с мягким ковровым покрытием, был достаточно просторен. Из него открывался вид на аккуратно подстриженную кустарниковую пустошь, уходящую далеко за высотки.

Коннор снял пальто и пиджак, скинул туфли и, воспользовавшись набором мини-бара, налил виски со льдом. Плюхнувшись в кресло, он закурил, прикинул, не умнее ли было бы сделать звонок из таксофона в холле, но решил, что предпринятых им предосторожностей будет достаточно, чтобы избежать глаз и ушей «Бендикс Шер». По прибытии в отель он зарегистрировался и попросил предоставить ему другую комнату, а не ту, что была для него зарезервирована. Затем он выскользнул через боковую дверь гостиницы, вошел снова и, обратившись к другой девушке, зарегистрировался второй раз в номере, который он уже заказал на имя мистера К. Донахью. Его номер на шестнадцатом этаже на имя К. Моллоя сейчас оставался пустым, и на ручке дверей предусмотрительно висела табличка «Не беспокоить!».

Он сделал глоток виски, взял трубку и набрал номер, который знал наизусть.

Через пару гудков он услышал хрипловатый голос матери:
– Алло?
– Я на месте, – сказал он.
– Она с тобой?
– Прибудет в четверг.
Наступила краткая пауза.
– В какую чертовщину ты опять впутался, Коннор?
– Не знаю. Я думал, что смогу справиться, но ты была права.
– Позвони мне, когда она окажется здесь, хорошо?
– Позвоню.
Он положил трубку и допил остаток виски. Затем набрал номер своей лондонской квартиры. На звонки никто не отвечал. Он сверился с часами. В Англии четверть десятого. Он снова набрал номер, надеясь, что в первый раз ошибся, но тут же услышал знакомые гудки. По тому, как звучат гудки, подумал он, ты почти точно можешь предположить, что в квартире никого нет. Он надеялся, что не сделал серьезной ошибки, оставив Монти в одиночестве. Может, она просто вышла вечером прогуляться. Коннор считал, что они должны быть в безопасности, пока доктор Баннерман не закончит анализ «Матернокса». И он не мог отделаться от ощущения, что вот уж после этого ситуация крепко усложнится. Но ведь этого еще не произошло, не так ли? Четверть десятого. Ему стало как-то не по себе. Черт возьми, что с ней случилось?

89

Ганн сел за стол, выпил из своей толстостенной чашки чай без сахара и скривился от отвращения. Никки отпускала комментарии относительно объема его талии, и, как обычно, он был не в состоянии понять, шутит она или нет.
Он напряг мышцы живота и несколько раз врезал кулаком в солнечное сплетение. Живот твердый как железо. И плоский. Никакого отвратного брюшка, никаких складок. Хотя ладно, если он позволит мышцам расслабиться, совершенно распустит их, то, конечно, будет заметен лишний жирок. Но, черт побери, у какого мужчины средних лет нет кое-каких излишков…
О, дерьмо! Средних лет! Вот в чем проблема. Он сравнивал себя с другими мужчинами своего возраста – а не с теми, кто был в ее возрасте.
Следовательно, никакого сахара в чай, следовательно, сырный салат на ланч и каждый вечер – час в гидролечебнице.
Мигающая иконка на экране компьютера сообщила, что ему пришло новое письмо. Сегодня она весь день с регулярными интервалами возникала на экране, но он был слишком занят, чтобы ответить. Щелкнув по клавише, он открыл свой почтовый ящик, пробежал взглядом список отправителей, отмечая тех, кого он особенно ждал, и остановился на третьей строчке снизу: «Джон Макласки. Тема: поиск Моллоя».
Макласки был его коллега в США. Трудился он на заводе «Бендикс Шер» в Мэриленде. Ганн подвел курсор к нужной строчке и дважды щелкнул.
Во исполнение вашей просьбы проверить квалификацию мистера Коннора Моллоя. Вы сообщили мне следующие данные: 1981–1987 – Стэнфордский университет, биохимический факультет, степень мастера по органической химии; 1987–1989 – Университет Карнеги – Меллон, докторат по молекулярной биологии; 1989–1992 – Гарвард, юридическая школа, специализация по адвокатуре и патентному праву; 1992–1994 – группа патентов и соглашений, фармацевтическая корпорация «Мерк».
Тут есть нечто странное: «Мерк», как и юридическая школа Гарварда, провел проверку, но предыдущей биографии как бы не существует: ни в Карнеги – Меллон, ни в Стэнфорде нет никаких упоминаний о Моллое.
Выяснилось также, что нет никаких данных о нем и в той информации, что была прислана вами, а также я не мог найти никаких данных и о его рождении в Управлении актов гражданского состояния. Похоже, что вы столкнулись с проблемой. Сообщите, пожалуйста, какие дальнейшие действия вы собираетесь предпринимать.

Ганн выругался. Черт возьми, ему с самого начала надо было руководствоваться своими инстинктами относительно Коннора Моллоя. С самого начала ему что-то в нем не понравилось. В соответствии с политикой компании она запрашивала как минимум две характеристики от предыдущих работодателей или от академических институтов плюс две профессиональные оценки. Данные, которые на Моллоя пришли из Гарварда и особенно из «Мерка», были просто из ряда вон. В то время Ганн решил, что ему стоило бы продолжить проверку, но «Мерк» считался исключительно профессиональной компанией, и он прикинул – впервые принимая на работу юриста-патентоведа, они сделали все, что полагалось, и если этот парень устраивал их, то устроит и «Бендикс Шер».

Теперь перед ним было досье Коннора Моллоя: кроме писем из Гарварда и «Мерка», в нем была также подробная личностная справка от балтиморского юриста Майкла Кловиса и еще одна – от врача Роберта Мелвилла из Шарлоттсвилла. На экране компьютера он изучил оба документа, а затем по электронной почте переслал их Джону Макласки с просьбой тщательно проверить эти два документа.

Макласки снова объявился через час: Майкл Кловис в самом деле был партнером юридической фирмы в Балтиморе. Но он умер за четыре года до той даты, которая стояла на характеристике Моллоя. А доктор Мелвилл умер за год до своего свидетельства.

Ганн мрачно уставился на экран. Теперь у него оставались две основные проблемы. Первая – сам Коннор Моллой. Вторая, которая волновала его куда больше, – необходимость скрыть от доктора Кроу допущенную оплошность.

Разозлившись на самого себя и решив возложить эти обязанности на Макласки, он отстучал ответ:

Выясните, черт возьми, кто такой на самом деле Коннор Моллой.

90

Монти испытывала острое чувство вины из-за того, что не послушалась совета Коннора, и оно еще более усилилось, когда девушка вошла в элегантное фойе отеля «Стрэнд-Палас».

Она неустанно взвешивала все за и против и каждый раз приходила к одному и тому же выводу: надо обратиться в полицию. Она сможет их убедить действовать осторожно и продуманно.

Пересекая холл, она услышала свое имя и, обернувшись, тут же узнала детектива-суперинтендента Левайна.

Он шел ей навстречу. Его коротко стриженные черные волосы и резкие черты лица создавали впечатление энергии и целенаправленности. Она ясно припомнила, что именно такое впечатление у нее создалось во время их предыдущей встречи в больничной палате.

Он протянул ей руку. Пожатие его было крепким, и он на несколько секунд придержал руку Монти, глядя ей прямо в глаза – словно пользовался стандартной техникой коммивояжера.

– Очень рад снова видеть вас, мисс Баннерман.

Оказавшись с ним в полном смысле слова лицом к лицу, Монти почувствовала себя неловко. Он был высокопоставленным офицером полиции, и то, что она собиралась ему рассказать, могло иметь драматические последствия для одной из крупнейших компаний мира, и в результате – тюремные сроки для всех вовлеченных в эту историю.

Левайн показал ей уединенную нишу за двумя массивными деревьями в кадках. Там они и устроились – Монти в кресле, а детектив на диване рядом с ней. У подошедшего официанта она заказала кофе, а Левайн попросил принести чай.

– Итак, у вас есть какая-то информация о смерти мистера Силса, и вы хотите поговорить со мной на эту тему, – ободряюще улыбнулся он Монти.

Она помнила о необходимости быть осмотрительной.

– Я… я хотела бы обговорить конфиденциальный аспект… между нами. Первым делом…

Успокаивая ее, он поднял руку, и Монти заметила узкое золотое колечко на безымянном пальце.

– Пока вы не потребуете от меня совершенно иного подхода, весь этот разговор будет строго между нами. Договорились?

– Спасибо, – сказала она.

Жестом он дал понять Монти, что она может начинать.
Она рассказала ему все, начиная с первого появления Губерта Уэнтуорта, – о смертях Джейка Силса, Зандры Уоллертон, Уолтера Хоггина, доктора Корбина и Чарли Роули. О взломах в домах Сары Джонсон, Зандры Уоллертон, Кингсли и в ее собственном. О том, как Коннор нашел «Досье Медичи», и об анализах, которые сейчас делает ее отец.
Левайн внимательно слушал, перебивая, лишь чтобы уточнить кое-какие детали. Похоже, больше всего его заинтриговала несогласованность сообщений о смерти Роули, и он был особо заинтересован в информации, какого прогресса добился ее отец, анализируя состав «Матернокса».
Покончив с изложением, Монти испытала смущение и неловкость; она пыталась понять, серьезно ли Левайн воспринял ее историю.
– Кому еще вы рассказывали все это? – спросил он.
– Никому.
– Только вашему отцу, мистеру Уэнтуорту и мистеру Моллою?
– Да. Я была очень озабочена, чтобы не подвергнуть опасности отношения моего отца с компанией. Я не хотела поднимать шум, мы могли ошибаться.
На лице Левайна ничего не отразилось.
– Могу оценить вашу озабоченность, мисс Баннерман, и вы поступили совершенно правильно, обратившись ко мне. – Он посмотрел на часы, и на мгновение в его глазах появилось рассеянное выражение, словно он уже думал о следующей встрече. – Вне всякого сомнения, было бы непродуманно предпринимать какие-то действия, пока мы не узнаем результаты анализов. До тех пор я сомневаюсь, что обладаю достаточными доказательствами, говорящими, что вам угрожает физическая опасность и что я обязан взять вас и вашего отца под круглосуточную охрану полиции. Но вот что я сделаю незамедлительно – отдам приказ не выпускать из поля зрения ваш дом и вашу лабораторию в Беркшире; и если вы дадите мне номер вашей машины, я поручу своим патрулям не спускать глаз с вашего автомобиля. Кроме того, у меня есть коллеги в отделе полиции Вашингтона – и я сделаю все, чтобы о вас позаботились.
Ей показалась в его взгляде теплая искорка, и она почувствовала себя спокойнее.
Он достал из бумажника карточку и протянул ей:
– По этим номерам вы можете найти меня и днем и ночью – тут моя прямая служебная линия и домашний номер. Если что-то испугает вас, звоните без всякого смущения. Сразу же ищите меня. – Подняв руку, чтобы попросить счет, он сказал: – Если у британских налогоплательщиков не хватит средств защитить вас, то по крайней мере на чашку кофе для вас они расщедрятся. – При этих словах у него был настолько серьезный вид, что она с трудом уловила юмор в его словах.
Получив обещание Левайна, что полиция будет бдительно присматривать за ней, за отцом и за Коннором, Монти, испытывая облегчение, покинула отель.
Пройдя по узкой Ковент-Гарден и обогнув гостиницу сзади, она вышла к стоянке, где припарковала свой «эм-джи».
– Монти! Привет! Что ты здесь делаешь?
Удивленно повернувшись, она увидела Анну Стерлинг, которая, нагруженная пакетами с покупками, спешила к ней.
– Я? Вот что ты делаешь? – Монти была рада увидеть свою подругу, но в то же время смущена, что вынуждена скрывать от нее тайну.
Анна, в леопардовых легинсах и с копной вьющихся волос, над которыми только что поработал парикмахер, прекрасно выглядела.
– Я кучу́! – сказала она. – Праздную!
– Вот как?
Анна радостно кивнула:
– Мы только что с Марком были в клинике профессора Кемпбелла, что на Харли-стрит, и сделали ультразвуковое исследование – по этой части он ведущий специалист в Лондоне. У меня десять недель – и, господи, это просто невероятно! Монти, я в самом деле видела своего ребенка! Он длиной всего в пару дюймов – но я видела, как у него бьется сердечко, как у этой крохотули двигаются ручки и ножки! Врач сказал, что все опасности уже позади и теперь я могу всем говорить, что беременна, – ну не потрясающе ли?

– Просто нет слов, – пробормотала Монти, стараясь проникнуться таким же энтузиазмом. – Великолепно.
– А чем ты тут занималась?
Монти пожала плечами:
– Да просто глазела на витрины. А сейчас собираюсь домой.
– Почему бы нам не выпить? Хочешь, посидим перекусим? Марк отправляется на свой ежегодный мальчишник, и его не будет дома допоздна, да и явится он вдребезги пьяный. Я знаю, тут за углом есть прекрасный китайский ресторанчик.
– Отлично! – Монти была рада этому неожиданному приглашению, но даже рядом с подругой не могла расслабиться.

Распив на двоих бутылку австралийского шардоне, они начали вторую; Монти чувствовала легкое приятное опьянение.
Она понимала, что больше пить не стоит, потому что ей еще ехать обратно в квартиру Коннора, но сейчас это ее не волновало. Она испытывала приятную расслабленность и с удовольствием выслушала безостановочное стрекотание Анны о всех подробностях сканирования. Так ей легче было переносить отсутствие Коннора.
Они уже приканчивали вторую бутылку, и Монти смутно осознавала, что почти вся она пришлась на ее долю; Анна все время повторяла, что акушер разрешил ей не больше бокала в день.
Когда они вышли из ресторана и стали прощаться, было уже больше одиннадцати. Монти легкомысленно отказалась от предложения Анны подвезти ее. Не очень твердо держась на ногах, она забралась в свой «эм-джи». Конечно же, не стоит садиться за руль. Так подумала она, когда, прищурившись, пыталась вставить ключ в замок зажигания, а потом, вовремя успев припомнить, нырнула под приборную доску отключить противоугонное устройство.
Поездка до Фулема прошла как в тумане. Пару раз она прикидывала – может, оставить машину и добираться на такси? Она опустила окно, и свежий ночной воздух помог ей немного протрезветь.

> Внезапно Монти убедилась, что едет по дороге к дому Коннора, но не помнила, как очутилась здесь. И лишь когда она вылезла из машины, осознала, что забыла проверить, не следит ли кто-нибудь за ней. Впрочем, сейчас ее это не волновало; хмель придал ей смелости, и она смотрела на мозаику света и темноты тихой улицы с воинственным выражением.
> О’кей, ублюдки, подойдите поближе, если осмелитесь,
> –
> я вас не боюсь!

Монти с трудом добралась до парадной двери и только тут поняла, насколько она пьяна. Потребовалось чуть ли не около минуты, чтобы найти ключ, вставить его в замочную скважину и войти. Где-то слабо дребезжал телефон. Она посмотрела на часы. Без двадцати минут полночь.
Звонки продолжались и, похоже, становились все громче. Тут только она осознала, что они раздаются из квартиры Коннора.
– О, черт побери!
Она вскарабкалась по лестнице, с силой вставила ключ в замок и едва не рухнула в холл. Теперь звонки неслись со всех сторон – телефон в гостиной, телефон в спальне. Ближе всего была спальня. Она нырнула в нее, оперлась о стену и шагнула в непроглядную темноту.
Звонки прекратились.
Озадаченная этой внезапной тишиной, она тихо выругалась и включила свет. Не без труда поняв, что в Вашингтоне сейчас двадцать минут седьмого, она подумала, что, должно быть, звонил Коннор.
В квартире стояла полная тишина, и как-то странно было находиться тут без него. Внезапно она остро почувствовала полное одиночество. Воздействие вина сошло на нет, и ее потянуло в сон.

Тррр… тррр… тррр…

Сначала эти звуки отложились в подсознании.
Трpp… трpp… трpp…
Привскочив, она села на постели в холодном поту. Ее окружала непроглядная темнота, и Монти отчаянно пыталась припомнить, где же она находится.
Трpp… трpp… трpp…
Эти слабые звуки были ей знакомы. В Лондоне их слышишь все время; в наши дни они присутствуют в районе любой парковки. Разве что эти звуки были куда более знакомыми.
– Иисусе! – Она скатилась с постели и, спотыкаясь, кинулась в гостиную, в которую падали слабые оранжевые отсветы от уличных фонарей. Монти подбежала к окну и, не веря своим глазам, выглянула из него.
Капот ее автомобиля был поднят. Юноша с бритой головой стоял у пассажирской дверцы и, нервничая, посматривал на улицу. Его спутник чуть ли не по пояс залез в двигатель. Звуки оборвались резко и неожиданно: второй молодой человек вылез из-под капота и с треском захлопнул его. Мальчишка был высок, долговяз, с гребнем волос на голове.
Монти в ярости заколотила по оконному стеклу.
– Эй! – завопила она. – Эй, вы!
Поскольку она была голой, то рывком схватила свой макинтош. В это время зазвонил телефон, но она не обратила на него внимания. Через несколько секунд она вылетела за дверь и, полная слепой ярости, преодолев ступеньки лестницы, выскочила на тротуар.
В это время ее «эм-джи» подал признаки жизни и сдал назад, стукнувшись о соседнюю машину; послышался звон разбитого стекла, отчего Монти вскипела еще больше. Взревел двигатель, взвизгнули шины, и ей осталось лишь беспомощно смотреть, как ее машина с ревом вылетела со стоянки, сделала крутой разворот и понеслась, исчезая из вида, по дороге.
Монти, как была босиком, побежала за ней. Она ее догонит. Может догнать, подумала она, если угонщикам придется сделать остановку перед поворотом на Фулем-роуд.
Внезапно автомобиль резко сбросил скорость и словно бы засветился изнутри – как будто корпус стал прозрачным. Крыша вспучилась, как-то странно поднялась в воздух, отделившись от машины, и, колыхаясь, пролетела несколько ярдов, как гигантская летучая мышь. Салон превратился в огненный шар. Обе двери резко распахнулись.
Монти показалось, что она налетела на какую-то невидимую стену, отчего у нее зазвенели все кости, и она остановилась как вкопанная. Уши заложило. Показалось, что весь кислород с улицы был мгновенно высосан. Затем ее чуть не сбила с ног мощная взрывная волна, и лицо опалило жгучей вспышкой.
Раздался низкий гулкий грохот, и обломки «эм-джи» разлетелись в разные стороны. Машина, наклонившись набок, скользнула через дорогу, врезалась в стоящий автомобиль и перевернулась. Она увидела шасси, выхлопную трубу с глушителем и кардан – словно машина была вскрыта массивной открывалкой для консервных банок. Вокруг все было залито реками пламени. Раздался глухой рокочущий звук, и столб пламени взлетел в воздух на тридцать футов.
Монти нырнула в проем между двумя стоящими машинами. Она услышала треск, и какой-то предмет пролетел мимо нее. Ударившись об асфальт, он подскочил и остался лежать. Монти на коленях подползла к ближайшему бамперу, вцепилась в него и, чувствуя, что сама может в любую секунду взлететь на воздух, уставилась на огненный шар.
Сквозь языки пламени она разглядела неподвижный почерневший предмет, который лежал, наполовину вывалившись из открытой дверцы со стороны водителя. Судя по очертаниям, это был человек.
В окнах окружающих домов стал вспыхивать свет, Монти слышала звук открывающихся окон и дверей. И этот жуткий шипящий рев разгорающегося пламени. И густая удушающая вонь горящей краски, и слабый тошнотворный запах поджаренного мяса.
Она судорожно сглотнула, всхлипнула от ужаса и схватилась за край бампера с такой силой, словно это был спасательный плот. Горло снова сжал спазм, когда запах горящей плоти усилился, и тут Монти вырвало.
Она услышала звук шагов, бегущих мимо нее. Голоса. Кто-то кричал. Она продолжала оставаться на месте. Казалось, что прошла вечность, прежде чем она услышала сирену. Облик обугленной фигуры продолжал стоять перед глазами Монти. Что-то, мигая голубыми огнями, проехало мимо нее. Затем еще одна машина. И еще. Пожарные, «скорая помощь».

Истерические вопли их сирен. Две полицейские машины, одна за другой. И снова сирены, сирены…

Затем после приказа, отданного в мегафон, наступила мертвая тишина.

– Отступить назад! Просим всех отступить назад.

Монти оставалась в своем маленьком мирке. Она скорчилась над лужей своей же рвоты и, сжавшись между двумя стоящими машинами, дрожала от страха.

«Надо пойти с кем-то поговорить, – подумала она. – Рассказать им, что это моя машина». Но ей не хотелось признавать, что этот уродливый искореженный предмет, догоравший, как погребальный костер, принадлежал ей.

Она не могла разговаривать. Она была не в состоянии объяснить, что, какая бы взрывчатка ни была подложена в машину, она предназначалась для нее.

91

Клавиши шелестели ровно и безостановочно. Клик-клик-клик, пауза, клик-клик-клик, пауза – порой этот мерный шелест прерывался лишь тихим ругательством или необходимостью сдать курсор назад. Дик Баннерман клевал клавиши одним пальцем каждой руки, глядя, как на сером экране возникают ряды черных букв: «АГТ ТЦА ТГГ ГАА ААГ ЦАА…»

Группы – кодоны – по три из четырех оснований. Аденин, тимин, гуанин, цитозин – это были строительные блоки бытия. На листах проявленных пленок, которые лежали рядом с ним, он читал их в длинных колонках горизонтальных строк, которые напоминали штриховой код.

Пока была только одна осечка, если можно так выразиться, в самом начале недели: его первоначальный анализ показал, что «Матернокс» содержит ДНК, но, когда он попытался вырастить ее, ничего не получилось. В серии последующих тестов он выяснил, что это была не ДНК, а РНК. В генной инженерии вирусы РНК часто используются как система доставки. То есть похоже было, что капсула «Матернокса» содержала некую форму попытки генной инженерии. Но какой именно?

С помощью реверсивной транскриптазы он скопировал и перевел РНК в ДНК и получил возможность провести с ней серию вертикальных гелевых тестов, которые оставили свой след на листах пленок. Каждая из них содержала двести оснований, первые из которых он сейчас выводил к себе на экран. Он должен был придумать подходящее название для этого теста – такое, которое позволяло бы ему тут же опознавать его, но для другого ровно ничего не значило бы.

«КАПСУЛА 1, SEQ», – напечатал он.

Затем нашел в Интернете адрес Лондонского банка данных по геномам, Британского центра организации «Геном человека», набрал его данные и стал ждать соединения. Через несколько секунд на экране появилось знакомое приветствие «Добро пожаловать в Центр ресурсов „Геном человека“, а вместе с ним – инструкции и список различных вариантов действий.

Организация «Геном человека» из всех совместных научных предприятий ставила перед собой самые честолюбивые цели. Все ученые имели свободный доступ к серии международных программ, по которым все новые гены идентифицировались и незамедлительно поступали в общую базу данных. В соответствии с целью проекта к 2005 году предполагалось идентифицировать и расположить в соответствующем порядке все сто тысяч генов человеческого тела.

Дик Баннерман включил свою программу «Проскан» и дал указание старенькому компьютеру провести поиск по всей базе данных и попытаться найти соотношение между двумя сотнями оснований (их комбинацию он только что ввел) и любым существующим геном. Он нажал клавишу «Enter», чтобы начать процесс, и задумчиво откинулся на спинку стула. Такой поиск может занять несколько часов.

Девять часов. Возможно, его ждет долгая ночь, но он был только рад снова оказаться в своей старой лаборатории. Здесь он чувствовал себя легко и раскованно, куда удобнее, чем в том гребаном здании Бендикс – несмотря на все его оборудование и умелых помощников.

Что за грязь, подумал он, в какую проклятую и кровавую кутерьму Монти их втянула. Она была хорошей девочкой и всегда желала только добра, но он, черт побери, должен был следовать

лишь инстинктам и не позволять, чтобы она его уговорила. Да, они всегда вместе боролись за финансирование, но добивались успеха, потому что у них всюду были друзья. Им не приходилось отчитываться перед этим слизняком Кроу, не приходилось заполнять бланки в трех экземплярах, когда была нужна коробка для пипеток или хотелось сходить в туалет.

Кроу был из тех людей, на которых он предпочитал не тратить время. Да, это было правдой, что, не в пример многим исполнительным директорам в фармацевтической индустрии, у него действительно было научное образование – и надо признать, достаточно серьезное, – но Баннерман считал его слишком самодовольным и самонадеянным. Кроме того, главной причиной неприязни было то, что Баннерман причислял его к той породе ученых-бизнесменов, которых в исследованиях интересует лишь коммерческая сторона.

Оставив лабораторию, он пошел через кампус, собираясь найти что-нибудь перекусить. По пути он размышлял, насколько неуязвим их контракт с «Бендикс Шер» и не сможет ли его адвокат найти какой-нибудь способ вытащить их отсюда, пока еще старая лаборатория пригодна для работы.

Приободрившись после легкой трапезы, доктор Баннерман вернулся в лабораторию и сразу же заметил, что цифры на экране компьютера застыли в неподвижности, давая понять, что поиск закончен. Он сел и уставился на экран.

Посередине его делила линия. Слева размещались колонки оснований, которые он ввел, озаглавленные «Цель для сравнения». Справа располагался свежий набор под заголовком «Ближайшее совпадение». А ниже сообщалось:

ПРОЦЕНТ СОВПАДЕНИЯ 86 %.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ полиовирус (полиомиелит РНК).

Не веря своим глазам, он изумленно покачал головой.

Полио.

Значит, именно этим и занимается «Матернокс»? Переносит гены, которые вызывают полиозаболевание, в организм беременной женщины? Нет. Должно быть какое-то иное объяснение. Он взял свой диктофон, включающийся от звука голоса, и сообщил о последней находке. Затем добавил несколько временных выводов.

«Наличие полиовируса, возможно, указывает на намерение воспользоваться оральным способом введения лекарства. Большинство вирусов не могут быть использованы для доставки генетического материала оральным способом, потому что они не смогут выжить в желудочной среде. А полиовирус сможет. Производить дефектные полиовирусы, неспособные к репликации, достаточно просто».

Он снова прочел слова на экране. Восемьдесят шесть процентов сходства – но все же не полная идентичность. Он решил, что очень важно ввести в базу данных все свои результаты.

Он вышел из банка данных генома и начал долгую и монотонную работу над следующими шестью тысячами оснований – одним пальцем, по одной букве…

Было уже около полуночи, когда он наконец дал указание провести очередное сравнение, но сейчас банк данных имел дело с полным набором последовательностей.

Его данные свидетельствовали, что первые две тысячи оснований и последние две тысячи давали восемьдесят шесть процентов совпадений с полио. Но он был поражен совпадением центральных двух тысяч оснований и снова уставился на экран.

ПРОЦЕНТ СОВПАДЕНИЙ: 98 % ПО 2000 ОСНОВАНИЙ.

Его подозрения оправдались. Полиовирус был вектором, системой доставки; он находился на конце каждой нитки. По его мнению, восемьдесят шесть процентов совпадений, а не все сто объяснялись тем фактом, что вирус был обработан так, чтобы предупредить его копирование, – и тем самым он инфицировал реципиента полио.

Наконец вся эта ситуация начала обретать смысл, хотя он отчаянно надеялся, что ошибается.

Он вспомнил о пропавших досье – особенно об одном из них, – читая четкие буквы, которые сейчас составляли на экране перед ним его название.

– Вы подонки, – задыхаясь, сказал он, стараясь сдержать и ужас, и вспышку гнева. – Господи, какие же вы подонки!

По экрану проплыло какое-то отражение, и на стол упала тень. Он развернул стул и удивленно воззрился на доктора Винсента Кроу, оказавшегося в лаборатории. И стоявшего у него прямо за спиной.
Исполнительный директор был, как всегда, безукоризненно элегантен. На нем было пальто верблюжьей шерсти с вельветовым воротником. Руки он держал за спиной.
– Добрый вечер, доктор Баннерман. Мне случилось проходить мимо, и я подумал – не зайти ли и не поболтать ли с вами? За последнюю неделю или около того мы с вами почти не виделись. – Он показал в сторону дверей, где появилась другая фигура. – Не уверен, знакомы ли вы с майором Ганном, начальником нашей службы безопасности…

92

Губерт Уэнтуорт устал. Было два часа, но он редко так рано ложился в постель. Телевизор молча моргал перед ним, и светились все три спирали электрического нагревателя. Ему надо было бы принять горячую ванну, вытянуть ноги, и тогда, может быть, удастся подремать час-другой. Ночью он поработал с толком. Да, он хорошо провел время.
Время.
Привел все дела в порядок.

Время рождаться, и время умирать.
Эти слова сохранились у него в памяти, как полузабытый мотив. Да, из Екклесиаста.
Время насаждать, и время вырывать посаженное.
Смерть близка, но в нем нет страха. Он никогда не боялся умереть; с ужасом, который несет с собой жизнь, ничто сравниться не может. Уход, бегство… это не для него.

Наконец он уйдет к Франсуазе, которая ждет его тридцать три года. На прошлой неделе он снова виделся с врачом, и диагноз онколога не обещал ничего хорошего. Нужна операция – радикальное хирургическое вмешательство. Но он не был уверен, хочет ли пройти это испытание; несколько лет назад – да, это имело бы смысл. Тогда оставалось столько неоконченных дел. Но теперь все по-другому: неделя, может, две – вот все, что ему нужно. Хирургия. Боль. Физиотерапия. Продолжение агонии. Нет, этого он не хотел.
Он любовно окинул взглядом свою коллекцию игрушечных машинок; раскрашенные свинцовые модельки в несколько дюймов длиной: седаны, откидные крыши, спортивные машины и грузовики его детства. Они вызывали у него воспоминания о тех временах, когда впереди лежала бесконечная жизнь, полная заманчивых обещаний. Но как все изменилось, подумал он, глядя на одну из самых любимых фотографий Франсуазы. Она улыбалась, и ее улыбка была полна тепла и счастья. Загорелая, с красным шарфом на голове, из-под которого выбивались блестящие черные волосы, и с улыбкой, предназначенной для него, и только для него.
«Ты с этим справишься, – сказали ему. – Не пройдет и пары лет. Время – великий целитель». Они ошибались. Тридцать три года, и он никогда больше не подумал ни о ком – ни днем ни ночью. Да, конечно, он заботился о Саре, их дочери. В ней был для него весь мир, она была его жизнью. Но все время, в каждом ее движении, в каждом звуке ее голоса он видел и слышал Франсуазу. Он часто думал, понимала ли она, как много она для него значила.
А теперь и она мертва. Его взгляд переместился на фотографию на комоде. Сара и Алан в день свадьбы. Обоих больше нет. Им повезло, они ушли отсюда. Смерть позволила им скрыться, сбежать. Но не ему – он был приговорен к аду наяву; им руководила лишь одна страсть, которой потребовалось тридцать три года, чтобы созреть.
Они забрали его жену и дочь, и им в голову не пришло извиниться. Они воздвигли монумент здания Бендикс в честь своих успехов, в то время как должны были поставить надгробный камень Франсуазе.

Протянув руку, он погладил фотографию жены.
Обещаю тебе, что не успокоюсь, пока не привлеку их к суду.

У него увлажнились глаза. Не отводя их от лица Франсуазы, он откинулся на спинку кресла и с гордостью посмотрел на ряды документов, аккуратно сложенные по темам, которые лежали на полу у его ног. На часах было 2:10. Он зевнул и прикрыл рукой рот, потому что всегда помнил о хороших манерах.

Тридцать три года. Пятнадцать лет назад он был близок к тому, чтобы посадить «Бендикс Шер» на скамью подсудимых за скандал с порошковым молоком, но они напустили туману в эту историю, надавили на издателей, пригрозили им, что подадут иски и снимут рекламу. А через несколько дней фатальные несчастные случаи лишили его двух ключевых свидетелей.

Тридцать три года он отслеживал «Бендикс», подбирался к нему, рылся в газетных архивах ради нескольких слов, когда-либо написанных о компании, старательно изучал все публикации их ученых в ведомственных изданиях. «Матернокс». Тридцать три года терпеливого ожидания. Ожидания, что придет время – и они совершат оплошность, не успеют спрятать свои следы. И вот теперь так и случилось.

«Досье Медичи».

Он пролистал каждый листик собранных им документов, проверил их страницу за страницей. Первым делом он просмотрел досье о смерти Сары. Зандра Уоллертон тщательно и кропотливо поработала над ним. Бедная девочка. Она была слишком дотошна. У него была копия полученного ею факса, который лечащий врач Сары послал начальнику отдела медицинской информации «Бендикс Шер» доктору Линде Фармер. В нем шла речь о возможной связи между ее вирусом и «Матерноксом». Затем следовал отчет о явном самоубийстве его зятя в своей машине, отчет очень поверхностный, поскольку расследование не проводилось, но как-то надо было отреагировать.

Он по очереди просмотрел все досье на других трех женщин, принимавших «Матернокс», которые умерли при родах, и убедился, что все документы в полном порядке. Затем он просмотрел распечатки от Коннора Моллоя и наконец перечитал свой собственный детальный отчет. Теперь ему было нужно только одно – результат анализа «Матернокса» от доктора Баннермана.

Он рассчитывал, что из всех газет свою сенсационную новость он отдаст в «Санди таймс». Если он сможет обосновать и доказать ее, то работа ему будет гарантирована. Не обойдется без шума, пойдут круги по воде. Газета потребует результаты анализов вкупе с заверенными показаниями доктора Баннермана и Коннора Моллоя. Когда все это будет получено, они перейдут к действиям и начнут предъявлять Рорке, Кроу и другим членам совета директоров иск за иском.

Он разложил все документы по папкам с четкой маркировкой и отнес их в холл. Завтра он запрет их в рабочем сейфе.

Он тяжело опустился в свое кресло. Делать больше ничего не надо – только ждать контакта с мисс Баннерман. Обаятельная женщина, смелая, решительная и милая; он завидовал ее молодости и энергии. Ему нравился и тот американец, что был с ней. Коннор Моллой. Может, чуть легкомысленный, но в общем хороший парень. Ему нравились американцы, он сдружился с ними еще во Вьетнаме…

Он взял пульт и по привычке просмотрел заголовки новостей в «Телетексте», что он делал едва ли не каждый час. Это помогало ему чувствовать себя профессионалом, хотя его газета редко уделяла внимание национальным новостям.

В Центральном Лондоне взорвалась машина со взрывчаткой; в первых сообщениях говорилось, что погибли два человека. ИРА вернулась, мрачно подумал он; слишком много разных воюющих друг с другом фракций, групп и группировок, чтобы перемирие стало постоянным.

Он снова посмотрел на часы. Они были старые, с вытертой головкой, которую надо было прокручивать пальцами, с пожелтевшим циферблатом. Как был бы кстати сейчас стакан чаю, очень кстати. Значит, стакан чаю, потом подышать свежим воздухом, а потом…

Его удивили звуки наверху, в которых он четко опознал чьи-то шаги. Он изумленно вскинул брови. Постояв, он вышел в холл и снова прислушался. Теперь вообще не было никаких звуков. В доме стояла полная тишина. Должно быть, показалось, подумал он, направляясь в кухню.

93

Среда, 7 декабря 1994 года

«Надо уносить ноги отсюда, – подумала Монти. – И как можно скорее».
Ежась от выпавших на ее долю потрясений и холодного ночного воздуха, она запустила руку в карман плаща, и когда ее пальцы сомкнулись вокруг кольца с ключами и она почувствовала их холодные резкие грани, то к ней пришла та доля облегчения, которая не позволила ее панике вырваться наружу.
Все в том же скрюченном положении, держа в руке позвякивающие ключи, она проползла несколько шагов, пока не оказалась на тротуаре, и осмотрела улицу. Из каждого окна на нее падали отражения языков пламени, голубоватые отблески плясали, как бесплотные духи, над крышами припаркованных автомобилей; сирены вопили и визжали, как ночные животные городских джунглей.
Она слышала, что голос из громкоговорителя, призывавший людей отойти назад, стал терять терпение. Мимо нее пробежал молодой человек, на котором были только ночной халат и шлепанцы.
«Этого не может быть. – Она на мгновение прикрыла глаза. – Господи, молю Тебя, сделай, чтобы все это было сном».
Наконец она встала и пошла по тротуару. Из дверей дома кто-то выглядывал, лаяли собаки. Было очень странно идти по Лондону практически голой под накинутым макинтошем и босиком, но и все остальные выглядели столь же странно; внезапно весь мир полетел вверх тормашками. Скоро она проснется.
Входная дверь многоквартирного дома Коннора была открыта, и из нее выглядывал темнокожий мужчина. Он нервно улыбнулся Монти:
– Бомба? Это бомба, да?
– Я… я думаю, что да.
– Это ИРА, – сказал он и покачал головой. – Перемирие было поддельным, этакий обман публики. Эти люди не могут…
Но Монти уже проскользнула мимо него, взбежала по лестнице, заперлась в квартире Коннора и накинула цепочку. На ее часах было 1:45. Забраться бы в постель часа на два, подумала она, прийти в себя, на сто процентов прийти в себя. В Вашингтоне сейчас без пятнадцати девять, подсчитала она. Позвонить Коннору и все ему рассказать. Предупредить его.
Никаких звонков из дома, сказал он. Ни в коем случае не звонить из дома. Надо выйти и найти платный таксофон. Она вцепилась зубами в костяшки стиснутых пальцев. Левайн. Детектив-суперинтендент Левайн. Она вспомнила слова офицера полиции, когда тот протягивал ей свою визитную карточку.
«По этим номерам вы можете круглосуточно застать меня – это моя прямая служебная линия и домашний номер. Если что-то испугает вас, не смущайтесь звонить мне; связывайтесь со мной немедленно».
Она порылась в сумке, нашла его карточку и дрожащими пальцами набрала нужный номер. Ответили лишь после третьего звонка, и она сразу же узнала его голос, пусть и сонный.
– Да, алло?
За окном взвыла сирена, и несколько секунд говорить было просто невозможно. Когда она стихла, Монти услышала, как он повторяет:
– Алло? Алло?
– Это Монтана Баннерман, – сказала она.
Левайн внезапно проснулся, в голосе его появились интонации знающего и умелого специалиста.
– Да, мисс Баннерман. В чем дело?
– Кто-то пытался убить меня. Моя машина только что была взорвана… несколько минут назад.
– С вами все в порядке? – обеспокоенно спросил он.
– Да. Там были два молодых человека… они… они… – Наконец она осознала весь ужас случившегося, и голос дрогнул.
Наступила краткая пауза, после которой он сказал:

– Так. Я хочу, чтобы вы оставались на месте. Держите дверь закрытой и, пока я не приеду, не отвечайте никому. Я собираюсь перевезти вас в охраняемый дом. Соберите сумку с принадлежностями для ночлега, а я постараюсь прибыть как можно скорее – дайте мне примерно полчаса, пока я пересеку Лондон. Хорошо?

– Спасибо, – еле ответила она, потому что от эмоций у нее перехватило горло.

Положив трубку, тыльной стороной ладони она вытерла текущие по щекам слезы. И тут внезапно она оцепенела, словно глотнула ледяной воды.

«…Дайте мне примерно полчаса, пока я пересеку Лондон».

Черт возьми, откуда он-то знает, где она находится? Откуда Левайн знает, что она в Лондоне, а не в своем домике за городом? Она не успела сказать ему.

Монти показалось, что комната стала съеживаться, стены сблизились, и она впала в панику. Полчаса. Ему потребуется полчаса.

Господи!

Она кинулась в спальню, скинула макинтош, рывком открыла свой небольшой саквояж и запихала в него одежду. Залетев в ванную, набрала пригоршни косметики и сунула ее туда же; уминая содержимое саквояжа, она каждые несколько секунд обеспокоенно поглядывала на часы.

Прошло пять минут. Она снова натянула плащ, осторожно открыла дверь и выглянула на лестницу. Цветной мужчина по-прежнему стоял в дверном проеме, но рядом с ним больше никого не было. Сжимая в руках саквояж и сумочку, она спустилась, проскочила мимо него и резко ускорила шаг. Подальше от горящей машины, подальше от этой толпы. Она не замедляла быстрого шага, пока не добралась до Кромвелл-роуд.

Движение было не особенно оживленным. С трудом переводя дыхание, она проковыляла еще пару сотен ярдов и вдалеке увидела желтый огонек «Свободно». Подняв руку и отчаянно размахивая сумочкой в другой, она кинулась ему наперерез. К своему облегчению, она увидела, что водитель, заметив ее, мигнул огоньком и подрулил к обочине.

Глотая воздух, она забралась на заднее сиденье.

– Куда?

Она не могла найти ответ. В голове царила полная сумятица. Куда? Что, черт возьми, она сказала Левайну? Все смешалось: ее отец, Коннор, Губерт Уэнтуорт…

Так куда же? В полицию? Ехать в Скотленд-Ярд? Сколько там друзей у Левайна? Каким влиянием он там пользуется? Не он ли приказал констеблю Бренгвайну ничего не обнаружить, когда местные полицейские расследовали вторжение в ее дом? Не он ли прикрыл обстоятельства смерти Джейка Силса?

«Я не знаю, насколько вы в курсе дела, мисс Баннерман, но выяснилось, что ваш коллега был под сильным воздействием алкоголя, когда приступил к работе. Уровень спиртного в крови вдвое превышал норму, при которой можно садиться за руль».

Волнуясь, она посмотрела на водителя такси. Ей необходимо забраться в какое-то укромное место с телефоном. Она должна как можно скорее переговорить с отцом.

– В аэропорт Хитроу, – сказала она. – Можете ли вы добраться до Хитроу?

– Какой терминал вам нужен?

Она помялась.

– Я дам вам знать.

Когда такси разворачивалось, мимо них с пронзительным воем сирены промчался полицейский автомобиль.

– Должно быть, пожар или взрыв. Или что-то в этом роде, – сказал таксист. – Где-то на Фулем… там большая суматоха.

Монти прижалась лбом к заднему стеклу, вглядываясь, не преследуют ли их. Но движение оставалось спокойным, и она не увидела ничего подозрительного.

Когда они приближались к въезду на эстакаду Хаммерсмит, справа были ясно видны огни клиники «Бендикс». Монти попросила водителя найти платный таксофон. Он повернул на следующем же съезде и подрулил к одинокой будочке рядом с гаражом.

Она сказала ему подождать, зашла в будочку и набрала номер телефона отца. Гудки раздавались добрых две минуты, она отчаянно надеялась, что отец ответит. Сон у него был не очень крепкий, и если он дома, то звонки его разбудят.
С растущим беспокойством она набрала номер их лаборатории. Вполне возможно, что он все еще там; она сама не раз убеждалась, что отец может работать всю ночь.
«Папа, пожалуйста, подними трубку, – молила она. – Прошу тебя».
Раздался щелчок, а за ним – ее собственный голос на автоответчике. Она повесила трубку и заторопилась к машине.
– Вы не знаете, где ближайшая контора по аренде машин, которая открыта в этот час? – спросила она водителя.
– Думаю, что рядом с аэропортом. «Авис», «Херц», что-то в этом роде. Я знаю, что «Херц» работает круглосуточно.
– О'кей, – сказала Монти. – Отвезите меня туда. И как можно скорее.

94

Северный Лондон. 1953 год

Ложка вывалилась из металлической руки матери и, задребезжав, упала на линолеум. Дэниел, сидевший напротив матери по другую сторону кухонного стола, даже не шевельнулся, чтобы поднять ее. Да и в любом случае мать была страшно самолюбива и не хотела, чтобы ей помогали. Бог причинил ей увечье, а теперь Он же дал ей силы, чтобы преодолеть его. Она думала, что сама себе напоминает Иова Многострадального.
Особенно тяжело поднимать предмет с пола. Две металлические кисти слишком жесткие, и такой маленький предмет, как суповая ложка, особенно трудно поднимать с плоской поверхности.
Пока мать возмущенно смотрела на упавшую ложку, от ее тарелки с коричневым консервированным супом поднимались струйки пара. Затем головой вперед она нырнула под стол, и несколько прядей волос, которые теперь она стригла коротко, встали дыбом. Дэниел испытывал неподдельное удовлетворение, наблюдая за стараниями матери. Он слушал, как ее руки скребли по полу, дождался звяканья, а потом наступило молчание, когда она медленно и сосредоточенно поднимала ложку.
Он позволит ей пронести ложку полпути, а затем пустит в ход свои способности, и мать снова уронит ее. Брякнувшись на линолеум, ложка издаст музыкальный аккорд, а мать скорчит гримасу. Дэниелу надо только не терять сосредоточенности. Думать только о ней, держать ее в центре внимания, и он может играть с ней, как с рыбой на крючке, – чем он теперь и занимался все время.

Вот!

Ложка упала в тарелку, и горячий суп выплеснулся на нее.
– О, черт бы ее побрал! – вскричала мать, вытирая с лица капли супа. Но тут же прижала руку к сердцу, к бледно-голубому кардигану, который связала еще до несчастного случая, и виноватыми глазами посмотрела на Библию, которая лежала рядом с ее тарелкой. – Прости меня, Господи, – сказала она. – Даруй мне Свое милосердие, Господь. – Она снова наклонилась, и, пока ее не было видно, на лице ее сына расползлась глумливая ухмылка.
«Практикуйся!» – приказал ему магистр храма. Дэниел подчинился. Стояли летние каникулы, он был свободен весь день и мог отрабатывать ритуалы в своей комнате. Он добился, что теперь ему было куда легче концентрировать силу и управлять ею, но он пока еще не знал пределов ее. Сегодня он решил это выяснить.
Деньги. Магистр храма сказал, что, если он хочет стать великим магом, ему понадобятся груды денег. Но тут не было проблемы, деньги скоро потекут к нему.

На этот раз он позволил матери поднять ложку, терпеливо подождал, пока она вытерла ее передником, опустила в тарелку, а затем медленно и осторожно поднесла ко рту. Главное – точно рассчитать время. Что он и сделал – ложка вот-вот должна была коснуться ее губ, и мать смотрела только на нее. Периферическое зрение. Надо убедиться, что это появится в поле ее периферического зрения. Губы матери раздвинулись, и она подула на суп.
Время!
Он материализовал крысу. Большую коричневую крысу, которая выползла по стенке раковины, словно она только что появилась из сливного отверстия; она прыгнула на сушильную доску и замерла, как бы оценивая ситуацию.
Результат был тот, на который Дэниел и надеялся. Когда мать завопила, горячий суп выплеснулся ей на подбородок, на шею и потек под блузку. Она в ужасе вскочила, больно стукнувшись коленом о край стола, и суп из обеих их тарелок расплескался по столу.
– Убирайся! – завопила она. – Пошла вон! Это дьявол! Убирайся отсюда!
Крыса спрыгнула на пол и помчалась в кладовку. Мать застыла в дверях, истерически крича:
– Там продукты! Выгони ее оттуда!
Дэниел неторопливо направился в кладовку, улыбаясь про себя. Крыса исчезла – просто потому, что он ослабил ту мощь, которая и заставила ее материализоваться, но ничего не сказал, а терпеливо подождал, чтобы потянуть время.
Мать крикнула из-за двери:
– Ты поймал ее? С тобой все в порядке, Дэниел? Будь осторожен, они разносят бешенство!
Дэниел беззаботно съел холодную булочку с подноса, приготовленного для встречи дамского церковного комитета. Потом еще одну.
– Не подпускай ее к пирожным, которые я испекла! – закричала мать.
Дэниел прожевал последний кусок и заорал:
– Ну, иди сюда, сволочь, давай иди сюда, маленький ублюдок! – Он выскочил из кладовки.
Мать лихорадочно обшаривала глазами кухню.
– Где она? Я ее не вижу!
Дэниел остановился в насмешливой растерянности:
– Должно быть, удрала.
Мать стояла рядом с пирамидой горшков и кастрюль, и он увидел свой шанс. Собравшись с силами, он заставил этот стеллаж задребезжать; заколыхались и зазвенели сковородки. Она, чуть не сойдя с ума, повернулась и отступила.
– Она там, внизу! – завопила мать.
Он опустился на колени и сделал вид, что смотрит под полку.
– Давай-ка, крысеныш, выползай.
– Он там? Ты его видишь?
Дэниел создал огромную крысу и в прыжке послал ее прямо на мать. Та, крича от ужаса, вылетела из помещения и помчалась вверх по лестнице; он позволил крысе пробежать до половины лестницы, ослабил силы заклятия и стал свидетелем, как она растворилась в воздухе.
Да, он обладает мощью!
И сегодня она велика.
Хлопнула дверь материнской спальни.
Но выброс энергии опустошал его. Вот в чем и была проблема: он изматывался до мозга костей, и порой так, что несколько дней не мог прийти в себя; чем мощнее была приходившая к нему сила, тем больше она требовала от него.
«Пользуйся ею мудро и продуманно, и она будет служить тебе все дни твоей жизни, да и потом, в вечности. Пустишь ее в ход не подумав – и развяжешь самые необузданные силы во Вселенной. Поэтому так важно практиковаться, учиться, как обуздывать эту мощь, смирять ее и заставлять работать на себя. Теперь у тебя есть дар жизни и смерти. А Сатана не так легко дарует его».
Пустив в ход свое дарование, он представил себе серебряное распятие, которое мать носила на шее. Он напрягся и сосредоточился. Бог нанес поражение Сатане. Символ распятия – это символ власти Бога.
Но впредь так не будет.

Яхве!

– ДЭЭЭЭННННННИИИИЕЕЕЕЛЛЛЛ!
Этот вопль проник сквозь стены дома. Дверь спальни матери с грохотом распахнулась, и, споткнувшись, она рванулась на верхнюю площадку лестницы, царапая и разрывая себе грудь.
– Дэниел! О, Господь, помоги мне! Это горит!
Из груди ее тянулся дым. Он отчетливо видел, как на ее шерстяной кофте затлело крестообразное дымное пятно. Тлеющая линия протянулась от плеча до плеча, а по вертикали до голой кожи на шее и вниз – до пупка. Дым уплотнялся и рос, затем сквозь него ударило пламя, и она стала похожа на огненный крест ку-клукс-клана, который он видел в книжке с картинками.
– ДЭЭЭЭННННННИИИИЕЕЕЕЛЛЛЛ!
Ее волосы встали дыбом, как копна сухого сена. Пламя как бы вздохнуло, после чего яростно взревело, и вся ее голова превратилась в огненный шар, который издавал дикие крики, стоны и вопли. Огонь дополз до складок ее юбки и до нейлоновых чулок.
Он заставил ее оставаться на месте.
Она стояла на верхней площадке лестницы, раскинув руки, как он и приказал ей, напоминая какую-то чудовищную жертву на алтаре. Сгорая заживо, она испытывала всю эту боль, но была не в силах сдвинуться хоть на дюйм.
Ноздри Дэниела были полны запахами ее горящей одежды, едким дымом крашеного дерева, зловонием расплавленного нейлона и сладковатым запахом ее зажаренной плоти.
Он никогда еще не напрягался с такой силой, чтобы заставлять ее руки оставаться распростертыми, чтобы не позволять ей прожечь лестницу. Он хотел, чтобы она оставалась стоять в этой позе, и мог это сделать – надо было только вспомнить слова, которые были ему сказаны, соблюсти их последовательность и вспомнить, как выплеснуть ту огромную мощь, дарованную ему великим божеством. Сатаной.
Теперь вокруг матери пошли пузырями и затрещали тлеющие обои. От жара над ее головой взорвалась лампочка, осыпав ее крошками стекла. Лицо почернело, вздулось волдырями и стало распадаться кусками, но белки ее глаз еще оставались нетронутыми, и в них стоял молчаливый истошный вопль, с которым она продолжала смотреть на него. По выражению ее глаз Дэниел понимал, что она кричит:
– Кара всемогущего Господа обрушится на тебя за это, Дэниел! Господь да осудит тебя!
Теперь горели ее туфли и тлел ковер под ними. Дым полз по стенам и клубился вокруг нее.
– Осудит меня лишь Сатана, – тихо сказал он, глядя на нее в ответ. – Сатана – мой Властитель и Хозяин и всегда будет им. Да славится Сатана!
Ветер с ревом пронесся по дому, раздувая пламя, которое с грохотом взорвалось вокруг нее. Горели стены, горел потолок, по лестнице к нему полз адский жар, но он неколебимо стоял на месте, держа в недвижимости ее обугленный и покрытый волдырями торс, как жутковатую имитацию распятия.
С оглушительным треском проломился пол, и она, провалившись в пламя, исчезла из вида. Дом взорвался, и от удара взрывной волны Дэниел спиной вперед пролетел сквозь остатки входной двери и упал в саду.
Он лежал на спине, ошеломленно глядя, как окна чернеют и взрываются, осыпая его стеклом, а в прохладный вечерний воздух высовываются жадные языки пламени.
Начали сбегаться соседи. Дэниел чувствовал, как чьи-то руки осторожно поднимают его и несут. Он слышал, как чей-то озабоченный голос мягко спросил его:
– Ты в порядке, сынок?
Он лишь молча кивнул, глядя, как из каждого проема в доме спиралями тянутся плотные клубы черного дыма, думая о завещании матери, которое она прятала у задней стенки в гардеробе. Часть денег она оставила на цели благотворительности и немного – своей сестре. Но основную часть состояния она передавала церкви. Ему она ничего не оставила.
– «Скорая помощь» уже в пути, сейчас приедет. Как все это случилось? Ты видел?
Дэниел помотал головой:
– Нет. Я был наверху, когда услышал, как мать вскрикнула. Должно быть, пламя на кухне как-то охватило ее.
– По крайней мере, с тобой все в порядке, – кто-то сказал ему. – Ты смелый парень, у тебя все будет отлично.

Дэниел улыбнулся. Завещание уничтожено, и все достанется ему. До последнего пенни. Он очень тщательно изучил закон. У него в самом деле все будет отлично. Пару недель назад точно такой же дом по соседству был продан за хорошие деньги. За деньги по страховке можно построить совершенно новый дом и продать его еще дороже. Родители, и отец и мать, постоянно приумножали сбережения, делали вклады и оформляли страховки. Да, он получит все деньги, они ему нужны, и он уже продумал планы инвестиций, которые увеличат его капиталы.

95

Вашингтон. 30 апреля 1968 года

Она взяла его за руку. Никогда раньше он не видел ее такой бледной. Ее лицо было таким же белым, как у клоуна в цирке, куда они ходили в его день рождения, – разве что на нем не было и тени улыбки. И она выглядела очень напряженной.
– Папа в беде, и мы должны сразу же идти к нему, – сказала она. Голос у нее дрожал и был такой хриплый, словно чьи-то грубые руки выдирали его из горла. Ее длинные черные волосы были зачесаны на одну сторону, и несколько прядей выбивались из прически. Она носила свободную белую блузку, перехваченную на поясе широким ремнем с заклепками. – У него действительно большие неприятности.
– Какие?
Не ослабляя хватки, она протащила его через входную дверь их домика в тихом, уютном пригороде, залитого теплым солнечным светом весеннего дня. Когда она закрывала за ними дверь, то сказала так тихо, что он еле расслышал ее:
– Вальпургиева…
– А что это такое – Вальпу…
– Я знала – что-то произойдет. Я все время твердила об этом твоему отцу. Он должен был слушать меня, ты должен слушать меня… порой твоя мама кое в чем разбирается. Согласен?
– Мы должны увидеть этого Вопургиса?
– Мы должны увидеть папу.
Она открыла дверцу потрепанного «плимута» и запихнула его внутрь, затем обошла машину, скользнула за руль и повернула ключ в замке зажигания. Посмотрев на нее, он увидел, что по ее лбу катятся капли пота. Она была испугана чем-то, страшно испугана, и ее страх передался ему – теперь он тоже чего-то боялся.
Двигатель зарычал, прокашлялся и зачастил; сдав назад, она выбралась на тихую дорогу и с силой нажала на педаль газа. Он почувствовал, как ускорение вдавило его в мягкую виниловую спинку сиденья, и, полный смеси возбуждения и страха, смотрел, как ползла по циферблату стрелка спидометра. Обычно мама ездила очень неторопливо, на шоссе она нервничала, но сейчас она гнала машину, как отец, – рука давит клаксон, и в адрес всех встречных и попутных сыпятся проклятия.
– А мы увидим и Вопургиса, и папу?
– Вопургиса? А это кто такой? Послушай, сынок, мы должны увидеть папу, потому что у папы неприятности.
– Какие?
– Серьезные.
– Почему у него серьезные неприятности?
– Потому что он хороший человек и он им не нравится.
– Кому это «им»?
– Плохим людям.
Он замолчал всего лишь на секунду.
– Каким плохим людям, мам?
– Плохим. Они служат дьяволу. Они – законченное зло.
– Почему они не любят папу?

Теперь перед ними, блокируя дорогу, неторопливо тащился автомобиль с двумя пожилыми пассажирами. Она гневно нажала клаксон и лишь затем ответила:
– Потому что он не делал того, чего они от него хотели.
– То есть?
– Они хотели, чтобы он изменил самому себе.
Он задумался над этими словами, не совсем понимая, что они значат, а затем, когда мать включила стоп-сигнал и машина остановилась, чуть не слетел с сиденья, но вовремя ухватился за край приборной доски.
Он проследил за ее обеспокоенным взглядом, когда мама посмотрела на другую сторону широкого бульвара и направо.
– Вот тут папа и работает? – спросил он, глядя на уродливое грязно-коричневое здание.
Она не ответила. Он снова бросил взгляд на здание. Выяснилось, что фактически тут было два здания: одно вырастало из другого. Он снова посмотрел на мать. Она что-то бормотала. Похоже, что молилась.
Глубоко в горле у него возник ком напряжения, который постепенно разрастался. Никогда раньше он не видел мать в таком состоянии. Она была испугана.
На светофоре загорелся зеленый сигнал. Мать прибавила скорости и повернула направо на просторную парковку, прямо перед коричневым зданием. Он увидел знак, который гласил: «Стоянка только по разрешению», но мать, не обращая на него внимания, резко остановилась и, не выключая двигатель, выскочила из машины.
Он попытался последовать за ней, но услышал у себя над головой негромкий хруст. За ним последовал резкий треск – словно выстрел. Он увидел, как мать остановилась и резко закинула голову. Она вытаращила глаза, поднесла руку ко рту и издала тихий стон.
Он глянул туда же, куда смотрела она. Плоскость окна, как воздушный шар, выпятилась наружу. Она разбухала все больше и больше и вдруг взорвалась, словно окно выдавили подушкой и распороли ее. Воздух заполнился плотным облаком перьев; пока они медленно разлетались в разные стороны, он смог разглядеть в их гуще огромную черную птицу.
Она падала зигзагами, то ли летя, то ли пикируя, словно тень, догоняющая сама себя, а затем с тяжелым гулким грохотом врезалась в землю. Она упала всего в нескольких футах от его ног, и он с ужасом услышал жуткий сухой треск. Голова птицы резко дернулась, и ему показалось, что она в упор смотрит на него.
Маленький мальчик остался стоять, не в силах сдвинуться с места, его ноги вросли в асфальт, и он забыл, что вокруг дождем сыплются осколки стекла. От потрясения у него стала дрожать голова, и он не мог унять эту дрожь. И где-то из глубины желудка поднялся истошный вопль:
– ПААААААППППППААААААААА!

96

Среда, 7 декабря 1994 года

Было десять минут четвертого утра, когда Монти в своем арендованном «воксхолле» подрулила к стоянке, где отец оставлял машину, и тут же убедилась, что его «тойоты» там нет.
Как ни странно, она чувствовала, что оправилась от шока предыдущих событий, словно ее взорванный «эм-джи» был частью дурацкой компьютерной игры, этакой виртуальной реальностью.
Войдя в холл отцовского дома, она увидела, что почта, аккуратно сложенная его экономкой, так и осталась невскрытой. Похоже, что он не был дома со вчерашнего утра, и аккуратно убранный рабочий кабинет и пустая мусорная корзинка служили тому лишним подтверждением. Увидела она достаточно.
Когда она возвращалась к «воксхоллу», ей пришлось с силой потянуть дверь, чтобы справиться с резким порывом ветра. Ей оставалось только сесть в машину, развернуться и направиться к университету.

Она продолжала внимательно наблюдать за встречными машинами, чтобы не пропустить «тойоту», которая возвращается домой, но дорога была почти пустой, и она не встретила ни одной знакомой машины. Она знала, что ей надо остановиться и позвонить Коннору, но не хотела заниматься этим, пока не найдет отца и не убедится, что с ним все в порядке.

К ее разочарованию, она не увидела никаких признаков жизни, когда въехала на автостоянку их старой лаборатории. Само здание было погружено в темноту. Она подошла к центральному входу и открыла дверь. Монти обеспокоилась, когда убедилась, что охранная система не включена, – это было одной из тех немногих вещей, о которых отец никогда не забывал.

В помещении стояла странная тишина, и когда она посмотрела наверх, на темный лестничный пролет, то испытала внезапный страх перед тем, что могла обнаружить наверху.

«Пусть все будет хорошо, – взмолилась она, – о Господи, пусть все будет хорошо».

Она включила свет, для храбрости ухватилась за деревянные перила, рывком взлетела наверх и остановилась перед входом в лабораторию, где царила непроглядная темнота. Монти быстро, раз за разом, включила все четыре светильника. Пусто. Никого нет. С гулко колотящимся сердцем она медленно направилась к кабинету. Взявшись за ручку двери, она помедлила, боясь повернуть ее, но затем нажала ручку и с силой толкнула дверь.

Незнакомый красный огонек мерцал в темноте на полу, как раз под письменным столом Дика Баннермана. Наверно, какая-то аппаратура, которую он не выключил, предположила Монти.

Шорох из-за спины испугал ее, и она, повернувшись, уставилась на лестничную площадку. Гудение флуоресцентного светильника над головой, казалось, становилось все громче, и она попыталась не обращать на него внимания, а прислушиваться к шагам, к скрипу дверей, к шороху ткани. Раздалось еще одно поскрипывание – и еще одно. Задребезжало оконное стекло за спиной. Она перевела дыхание. Это всего лишь ветер, подумала она.

Она попыталась определить, на какой же аппаратуре остался мерцать красный огонек, и с удивлением убедилась, что это был карманный диктофон отца. Он привык повсюду таскать его с собой и даже, отходя ко сну, пристраивал рядом с кроватью, чтобы записывать идеи и мысли, которые приходят во сне.

Она подняла его, удивившись, почему продолжает гореть маленькая красная точка «Запись», а затем увидела, что лента подошла к концу, а функция «Запись» так и осталась.

С лестничной площадки донесся очередной шорох. Повернувшись, она быстро осмотрела кабинет в поисках какого-нибудь тяжелого предмета, который в случае необходимости можно было бы использовать как оружие. Если она решит уходить, то ей придется пробиваться к выходу. Продолжая настороженно прислушиваться к звукам на лестничной площадке, большим пальцем она нажала клавишу перемотки, несколько секунд подержала ее в таком положении и отпустила.

В диктофоне слышалось лишь ровное шипение статических разрядов. Она продолжила перемотку. Снова статика. Она давила на клавишу, наблюдая, как идет перемотка. Когда на другой бобине оказалась половина ленты, она снова послушала – но и тогда на ленте не оказалось никаких записей.

Разочарованная, она продолжила перематывать ленту, и, когда достигла отметки в три четверти, молчание было внезапно нарушено квакающими звуками речи, которую прогоняли на большой скорости. Она еще несколько секунд продолжала давить на клавишу, затем отпустила ее и услышала усталый и слегка ошеломленный голос отца:

«Наличие полиовируса, возможно, указывает на намерение воспользоваться оральным способом введения лекарства. Большинство вирусов не могут быть использованы для доставки генетического материала оральным способом, потому что они не смогут выжить в желудочной среде. А полиовирус сможет. Производить дефектные полиовирусы, неспособные к репликации, достаточно просто».

За этими словами последовало молчание, нарушенное случайными звуками на заднем плане, которые и включили механизм голосовой активации: шаги, постукивание, бульканье кофейного автомата, клацанье компьютерных клавиш. Затем она услышала, как отец спокойно произнес:

«Вы подонки. Господи, какие же вы подонки!»

Она уже была готова остановить воспроизведение и отмотать ленту немного назад, когда услышала и безошибочно опознала голос доктора Кроу:

«Добрый вечер, доктор Баннерман. Мне случилось проходить мимо – и я подумал, не зайти ли и не поболтать ли с вами. За последнюю неделю или около того мы с вами почти не виделись. Не уверен, знакомы ли вы с майором Ганном, начальником нашей службы безопасности?»
«Я предпочел бы получить объяснения от вас, Кроу, – что, черт побери, вы делаете с вашим „Матерноксом“», – резко прервал его отец.
«Ну а мы хотели бы услышать ваше объяснение, доктор Баннерман, – что вы делаете с „Матерноксом“, принадлежащим компании?»
Монти предположила, что последний вопрос был задан майором Ганном, и сразу же вслед за ним она услышала ответ отца:
«Вы предпочитаете дать это объяснение в зале суда или перед Комитетом по безопасности медицины? А теперь я хочу, чтобы вы покинули пределы моей частной собственности. Если же вы чувствуете потребность в час ночи навестить кого-то и поболтать с ним, я предложил бы вам встретиться с вашими адвокатами и начать информировать их, потому что, видит Бог, они вам понадобятся».
После этого Монти услышала громкий треск; отец выкрикнул что-то неразборчивое, послышался шум драки и глухие удары. Далее последовала странная тишина, в которой она смогла разобрать звуки шагов и передвигаемой мебели. Затем на пленке прорезался спокойный голос, который она опознала, но так и не поняла, откуда он взялся.
«Так. А теперь закатайте ему рукав, и я ему введу это. Больше никаких хлопот он нам не доставит, будет смирный как ягненок».
Она в ужасе слушала многочисленные шаги, тяжелое дыхание, когда тащат какой-то груз, и щелчок, который, по всей видимости, издала закрывающаяся дверь. А далее на ленте – только шипение статических разрядов.
«Господи! – подумала она. – О Иисусе!» Полная тревоги и опасений, она остановила диктофон. Это чудовище Кроу похитил ее отца. Она, ничего не видя перед собой, обошла кабинет, остановилась и, наклонившись к своему столу, уставилась сквозь покрытое морозными разводами окно в ночную темноту. Что теперь? Убьют ли они его, как убивали всех остальных? Первым ее инстинктивным желанием было позвонить в полицию, но она подумала о Левайне и содрогнулась.
Левайн, старший полицейский офицер, на содержании у Кроу? Или у «Бендикс Шер»? Через несколько часов после их встречи и ее откровенного рассказа кто-то взорвал ее машину, а Кроу, вне всяких сомнений, выяснил, что отец проводит анализ «Матернокса». Совпадение? Ни в коем случае. Несколько дней назад Коннор сказал, что события развиваются не в силу совпадений, – и был прав. Какой властью в рядах полиции пользуется Левайн? Является ли он единственным копом на содержании у Кроу или может привлечь себе на помощь целый отряд?
Монти опасливо посмотрела на диктофон. Он – доказательство, жизненно важное доказательство; кто-то может вспомнить о нем и пуститься на поиски. «Надо было унести его отсюда, – подумала она. – Еще вчера».
Она сунула диктофон в карман пальто и торопливо покинула помещение, оставив свет и включив систему защиты, чтобы затруднить Кроу попытку повторного визита.

Господи, папа, где же ты?

Она заперла все дверцы «воксхолла» и несколько миль ехала в опасливом ожидании слежки. Наконец убедившись, что ее нет, подъехала к телефонной будке.
Первым делом она набрала домашний номер Губерта Уэнтуорта, но звонок, несмотря на ее молчаливые молитвы, так и остался без ответа. Монти порылась в сумочке, нашла записную книжку, а в ней – вашингтонский номер Коннора, набрала номер своей кредитной карточки, а за ним – код Соединенных Штатов.
Помня его инструкцию не называть его имени, она просто попросила соединить ее с номером 807 и через несколько секунд едва не заплакала от радости, когда услышала голос Коннора.
– Ты в порядке? – спросила она.
– У меня все хорошо, все отлично. Я…
– Коннор, нам угрожает опасность, – прервала она его. – Они взорвали мою машину. – Монти не хватало воздуха. – Они пытались убить меня, а теперь захватили отца… и я никак не могу связаться с Губертом Уэнтуортом. Господи, я вела себя как полная идиотка. Я пошла в

полицию. Я не послушалась тебя. – Разговаривая, она постоянно осматривалась. – Я пошла к этому лощеному Левайну, и я думаю, что он в одной команде с…
– Тпру! Сбрось скорость. Успокойся. Монти, солнышко, расскажи мне толком и подробно, что случилось.
– О’кей, – сказал он наконец, когда выслушал ее. – Теперь этот Левайн во главе целого отряда полицейских ищет тебя, и, возможно, все полицейские в Англии уже предупреждены. Паспорт у тебя с собой?
– Да, – сказала она, довольная, что у нее хватило присутствия духа упаковать свою сумку перед тем, как упорхнуть из квартиры Коннора.
– Отлично. Тебе придется покинуть Англию. Бери билет на первый же рейс до Вашингтона, на который сможешь успеть. Если не будет прямого рейса, лети через Нью-Йорк.
– Но я же не могу бросить отца в таком положении, Коннор!
– Монти, ты не можешь оставаться в Англии, ты там и двадцати четырех часов не протянешь. – Она никогда не слышала, чтобы он говорил с такой твердостью. – Мертвой ты никак не пригодишься отцу – а пока еще они крепко нуждаются в нем и вреда причинять ему не будут. Но ты им совершенно не нужна. Усвоила?
Наконец смысл его слов дошел до нее.
– Коннор, а как же ты? Я уверена, что и ты в опасности.
– Я могу и сам о себе позаботиться. Пока не кончу свои дела здесь, я в полной безопасности. Это я знаю точно – они жутко нуждаются во мне, чтобы пропихнуть заявку. – В голосе его было куда больше убежденности, чем он испытывал на самом деле. – Ты должна прибыть сюда; в противном случае я не смогу тебя защитить.
– Не понимаю.
– Поймешь. А теперь слушай внимательно. Когда ты окажешься в аэропорту Даллеса, иди прямиком к главному бару в зале отлета, и я тебя там встречу – у меня обговорена встреча в патентном отделе, которая кончится примерно к часу, то есть я появлюсь около двух, самое позднее в половине третьего. Если у тебя возникнут какие-то проблемы, оставь мне там сообщение.
– Пожалуйста, будь осторожен, – сказала она.
– Ты сделаешь все так, как я тебе сказал?
– Да. – Она отметила про себя, что надо позвонить Анне и отменить сегодняшний поход в театр.
– И ты не будешь героически носиться по лесам и полям?
– Мне не до героики, Коннор. Я в самом деле страшно напугана.
– Тебя ждут розы. Просто делай, что я говорю, и розы появятся. Значит, я тебя скоро увижу, да?
– Да, – с заминкой ответила она.
– Я люблю тебя, – сказал Коннор.

Лишь огромное облегчение, охватившее Коннора, когда он убедился, что Монти не пострадала, удержало его от намерения наорать на Монти за ее глупости. «История заваривается не на шутку, – подумал он. – Какой-то бесконечный сценарий фильма ужасов».
Правильный ли совет он дал Монти? Был ли какой-то другой выбор? Им надо как можно скорее оказаться под защитой стен крепости, а крепость располагается здесь. И он должен как-то ухитриться затащить их обоих внутрь, но, похоже, это нелегко.
Он пустил в ход еще одну крохотную бутылочку из мини-бара, закурил сигарету, подключил модем к телефонной розетке и вошел в компьютерную систему «Бендикс Шер» в Лондоне.
В ответ на требование «Введите имя пользователя» он напечатал имя Клиффа Норриса, системного администратора, а затем пароль «a*l*c/hem>ist» и, затаив дыхание, стал ждать, будет ли он принят.
На экране появился список опций и команд. «Пока все хорошо», – подумал Коннор. Он вошел в систему, затем вызвал функцию поиска, напечатал слова «Medici File» и щелкнул по клавише «Enter».
На экране появилось: «Доступ к файлу ограничен. Введите пароль».
Коннор послушно скопировал с последней страницы своего рабочего дневника: «poly*phe^mus» – и снова щелкнул по клавише. Почти мгновенно появились слова: «Пароль неверен. Доступ запрещен».

Он сделал еще одну попытку, на тот случай, если ошибся при наборе букв, но увидел тот же ответ. Пароль изменен.
Монти была права в своей озабоченности, подумал он. Они имеют дело отнюдь не с каким-то дешевым отребьем. Коннор посмотрел на часы. В Англии – 17:25. Монти рассказала ему, что бомба взорвалась примерно в четверть второго, а с Левайном она встречалась примерно в пять часов дня.
Он мысленно прикинул. В пять часов дня он уже четыре с половиной часа был в воздухе на борту самолета, и ему оставалось три с половиной часа полета. Судя по скорости, с которой они действовали, Левайн вполне мог перехватить его в аэропорту Даллеса. Но для этого требовалось столь же быстро действовать и по другую сторону Атлантики.
Он тщательно обдумал поведение «Бендикс Шер». Да, они были безжалостны, но все их действия были продиктованы сугубо профессиональной коммерческой логикой. Он отнюдь не был незаменим; они могли через один-два дня поставить на его место другого специалиста, хотя найти кого-то иного, готового пудрить мозги Патентному бюро, было бы не так легко. Поскольку он достаточно профессионально занимался своими обязанностями, у него было чувство, что они его оставят в покое – по крайней мере, до завтра, пока он не встретится со Швабом. Ему самому была очень нужна эта встреча.
Как только Патентное бюро получит полный набор документов по «Псориатаку» со спрятанной листовкой, у него появится кое-что еще против этих подонков из «Бендикса». Если дело дойдет до едва ли не открытого столкновения, у него на руках будет еще один мощный козырь в торговле с Кроу. Правда, если он проживет достаточно долго, чтобы успеть пустить его в ход.

В 9:30 Коннор упаковал вещи и был полностью готов. Оставив все в своей комнате, он прошел по коридору и через пожарный выход очутился на аварийной лестнице.
Он поднялся на шестнадцатый этаж, осторожно открыл дверь и огляделся. В поле зрения не было ровно ничего, если не считать тележки горничной, нагруженной полотенцами. Он бесшумно прошел до номера 1609 и увидел, что табличка «Не беспокоить» на месте с внешней стороны двери.
Еще раз убедившись, что за ним никто не наблюдает, он присел на корточки проверить волосок, который он приклеил между нижним обрезом двери и косяком.
Волосок был разорван.

97

Кроу сидел за письменным столом. На его бледном лице отчетливо выделялись кроваво-красные губы, а серые глаза смотрели прямо в переносицу майора Ганна.
– Ну?
Ганн скрипнул зубами, стараясь удержаться от зевоты; тело, казалось, было налито свинцом, чертовски болела голова, и он так устал, что был готов впасть в забытье.
– Нам очень не повезло.
– Не повезло? – Голос Кроу был полон едкого сарказма.
Ганн пожал плечами:
– Шанс был один на миллион.
– Как вам пришла в голову мысль взорвать машину? Мы делаем все, что в наших силах, чтобы не проскочило ни капли информации, а вы организуете событие, о котором будут кричать заголовки всех газет в стране.
– Я думаю, что это заставит вас изменить свое мнение, сэр, – выложил свою козырную карту Ганн. Он положил перед исполнительным директором экземпляр дневного издания «Ивнинг стандард». Заголовок на первой полосе гласил: «Защитники прав животных нанесли бомбовый удар по Лондону». Кроу пробежал статью.
– Как вы это организовали?
– Легче легкого, сэр. В прошлом на хозяйство этой девчонки Баннерман и ее отца в Беркшире было совершено несколько достаточно серьезных нападений. Получали они и личные угрозы. Однажды в доме доктора Баннермана были выбиты стекла, прокалывали шины его автомобиля.

Каждый раз за нападениями стояли группы защитников прав животных, нападавшие на всех, вплоть до фермеров, которые поставляли живых коров для нужд фармацевтической промышленности. Некоторые из нападавших были откровенными анархистами. Одна группа уже привлечена к ответственности, но могу ручаться, что остальных более чем хватит. И я решил, что это прекрасная возможность – «Террористы, защищающие права животных, убивают дочь ведущего генетика».
– А вместо этого вы убили двух случайных прохожих. И не смогли найти эту дочь.
– У нее не так много мест, куда она может направиться, и мы все их знаем. – Он лукаво улыбнулся Кроу. – И у нас есть способы найти ее.
Кроу не обратил внимания на эти его слова:
– Вы думаете, что прошлой ночью она возвращалась в лабораторию?
– Я провел там полчаса, все приводя в порядок, и защитная система была включена.
– Предполагаю, вы ее выключили?
Ганн побагровел:
– Это совершенно несущественная деталь.
– В самом деле? – Кроу свел воедино кончики пальцев. – Предположим, что полиция звонит владельцам ключей, которыми, как мне кажется, являются доктор и мисс Баннерман, и выясняет, что они оба отсутствуют. – Он вопросительно посмотрел на Ганна.
– Полиция никогда не доставляла нам беспокойства.
– Да? Порой я думаю, майор Ганн, что мы с вами черпаем свою уверенность из разных источников. Ваш неизменно полон до краев свежей водой, мой же почти сух, и это опасно.
Ганн ничего не сказал.
– Вы планируете еще какие-то сюрпризы? Готовите новые пиротехнические игры?
– Нет, сэр.
– Вы уже избавились от американца?
– Жду подтверждения.
– А как утром вел себя наш добрый доктор?
– В основном как вы и предполагали. Но еще не в полной мере воспевает наши достоинства.
– Я хочу, чтобы он запел, очень громко и как можно скорее. – Кроу улыбнулся начальнику службы безопасности.
– О да, мы можем заставить его петь, сэр. – Ганн с облегчением увидел, что холодное отношение шефа начинает смягчаться. – И петь он будет так громко, как вы хотите.

98

Вашингтон. Среда, 7 декабря 1994 года

«Кристал-Плаза» представлял собой комплекс невыразительных высотных зданий из ребристого бетона и стекла. Империя, обосновавшаяся под номером 2201, являла свое присутствие внешнему миру только золотыми буквами скромного размера: «МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ; ОТДЕЛ ПАТЕНТОВ И ТОРГОВЫХ ЗНАКОВ». Коннор был уверен, что «Бендикс Шер» уже знал и время, и место его визита, и он не сомневался, что все здание под контролем.
Когда он пронес свою тяжелую сумку, набитую документами, через входные двери, на хвосте у него никто не повис. Разорванный контрольный волосок у двери его номера дал понять, что его ждут неприятности, но не здесь, где слишком много людей; они придут позже.
Интерьер здания представлял собой лабиринт бледно-зеленых коридоров, в которых размещались акры кабинетов, библиотек и хранилищ досье. В них были собраны копии всех патентов, которые когда-либо были выданы в мире. В Зале славы, что размещался в семи этажах ниже кабинета Дейва Шваба, висели ряды медных досок, славящих тех изобретателей, чьи идеи выдержали испытание временем, а порой даже и изменили мир, – Сикорский, ставший пионером вертолетостроения, Фрэнк Б. Колтон с его оральными контрацептивами, Элиша Дж. Отис, создавший современный лифт.

В этом здании работали сто пятьдесят экспертов. Вкупе они представляли собой мощную силу, которая могла и поддержать, и положить конец притязаниям как мелких изобретателей, так и мультинациональных корпораций – приняв или отказав в патенте на столь разные изделия, как самозаряжающаяся мышеловка, паровая машина размером меньше зерна риса, протез полового члена или карманный очиститель, который мог превращать мочу в минеральную воду.

Коннор сидел на металлическом стуле функциональной конструкции в кабинете своего друга. Вокруг царил хаос, и стол перед Коннором был завален пухлыми папками, на каждой из которых был номер досье с заявкой. Экспертам Патентного бюро США решительно не рекомендовалось ходить на ланч с патентоведами и юристами. Чашка кофе в кабинете – это был тот разрешенный максимум, вслед за которым, однако, могло последовать обвинение в получении взятки.

Со своим кофе Коннор покончил еще час назад, но Шваб до сих пор так и не наполнил пустой кофейник, стоящий на столике за спиной, рядом с мотоциклетным шлемом.

Вместо этого Шваб сидел согнувшись над столом и ставил точку за точкой. Одет он был, как всегда, небрежно: мешковатая рубашка в серую и белую полоску с закатанными рукавами, распущенный галстук. Знаком уважения к современному стилю была его прическа, которая выглядела так, словно ее хозяин только что получил мощный удар электрическим током.

Коннор с трудом мог сосредоточиться. Сегодня Шваб был более занудлив и придирчив, чем обычно, и они продвигались с черепашьей скоростью. Мысли Коннора почти целиком были заняты Монти; он, черт побери, надеялся, что ей удалось благополучно добраться до аэропорта и сесть в самолет.

Он посмотрел на часы. 11:30. То есть по лондонскому времени половина пятого дня. Если ей удалось попасть на прямой рейс в девять утра по британскому времени, то сюда она прибудет не раньше полудня по местному. Как минимум полчаса, чтобы покинуть самолет и пройти иммиграционный и багажный контроль. В лучшем случае ей останется лишь дождаться его в баре. Это не проблема. Куда большей проблемой была его неуверенность, не находится ли и аэропорт под контролем. Но ни у кого не было ровно никаких причин подозревать, что она, в нарушение всех планов, двинется прямо сюда. Не так ли? Конечно, если они не висели у нее на хвосте и не проводили до самого конца, до аэропорта.

Взмах руки привлек его внимание, и он, вздрогнув, посмотрел на Шваба.

– Привет, Коннор. Ты, случайно, не выпал из моего автобуса?

Коннор сдержанно улыбнулся:

– Прости.

– У тебя усталый вид. Загулял? Или возраст подкрадывается? Ты не можешь себе позволить слоняться без дела. Как и я. Если я не лягу спать в половине одиннадцатого, то на другой день я как выжатый лимон. – Он снова посмотрел на документ, который старательно изучал. Затем кивнул на ту груду, которую Коннор выложил на соседний стол. – Ладно, двинулись дальше – так что ты там захоронил?

Вытаращив глаза, Коннор посмотрел на него. Он прилагал все силы, чтобы не выглядеть как человек, который что-то скрывает, но на сердце у него было неспокойно.

– Захоронил? Ох, да брось ты, парень. – Голос у него был полон напряжения, и он это знал.

Шваб улыбнулся:

– Нет уж, сам брось. – Он ткнул себя в грудь массивным указательным пальцем. – Неужто я похож на тыкву или что-то в этом роде? Ты вывалил передо мной пять основательных груд предварительных документов, зная, что у меня на чтение осталось всего пара часов, и делаешь вид, что ничего не спрятал там внутри?

– Ничего существенного; я не собираюсь играть с тобой в такие игры.

Шваб пожал плечами:

– Смотри сам – петля на твоей шее.

– Я знаю. – Коннор посмотрел на мрачное высотное здание, торчащее в двадцати ярдах от окна.

Он хотел выбраться отсюда, покинуть этот заваленный бумагами кабинет со столь гнусным видом из окна, с пустой кофеваркой и своим старым другом, который с годами обрел такое ханжеское самодовольство.

Он хотел рассказать Швабу, что «Бендикс Шер» воняет и что он должен выкинуть все эти заявки в мусорную корзину, но еще не настал момент, когда можно будет сжигать все мосты.

Так что он заставил себя сидеть совершенно спокойно, словно идет нормальная деловая встреча, подобная десяткам других.
– Коннор, вот чем мы должны сейчас заняться – тщательно просмотреть заявку, определить основные проблемы и избавиться от предварительной рабочей документации. – Шваб вынул из папки толстую пачку документов. – Вот здесь первая проблема – правда, достаточно небольшая. Данные образования, пишешь ты, и я цитирую тебя, «содержат и включают в себя главным образом…». – Он насмешливо посмотрел на Коннора. – Боюсь, что придется заставить тебя внести правку: вместо «содержат и включают» оставить только «содержат». Это говорит о плохом владении языком.
Коннор изумленно уставился на него:
– Но, черт возьми, какое это имеет отношение к подлинному содержанию заявки?
У Шваба хватило благородства смутиться.
– В общем-то, я согласен – мелочная придирка. Но, боюсь, грамотность – это новое больное место у директора группы. Так что не имеет смысла спорить, если ты хочешь, чтобы все проскочило как можно скорее.
Коннор кивнул на ряд сертификатов на стене:
– Не могу в это поверить, Дейв. За это ты и получил все эти сертификаты? За хорошую грамматику? Награда месяца за лучшее использование инфинитива?
Шваб ухмыльнулся, и Коннор с радостью увидел в нем прежнего друга.
– Ты собираешься провести здесь остаток жизни? – спросил он его.
– Ни в коем случае… разве я не сказал тебе по телефону, когда мы разговаривали, что собираюсь провести тут всего пару лет, а потом унести ноги. Мы с Джулией направимся в нашу страну Оз, когда она закончит докторантуру.
– Ну конечно… я и забыл.
Дейв наклонился вперед:
– Сегодня ты много чего забыл, приятель… с тобой все в порядке? Ты уверен, что все дело в разнице часовых поясов? Джетлаг? Выглядишь ты дерьмово.
– У меня все о’кей.
Шваб задумчиво посмотрел на него:
– Тебе стоило бы позаботиться о себе, Коннор. Не перерабатывай. Эти большие компании стараются просто надирать задницу таким способным ребятам, как ты. Как-то у меня тут один патентовед просто разразился слезами. Он сидел как раз на твоем месте. Игра не стоит свеч. Выбери время и отправляйся наслаждаться ароматом роз.
Коннор кивнул и ничего не ответил.
– Знаешь, даже самые большие ублюдки в истории давали своим сотрудникам время для отдыха. Ты должен иногда расслабляться, легче относиться к жизни. Даже эти проклятые Медичи давали отпуска своим оруженосцам.
Коннор удивленно уставился на него:
– Медичи?
– Ну да… а уж они-то были законченные подонки.
– Я и забыл, – сказал Коннор. – Ты же был прямо помешан на эпохе Возрождения.
– Я и сейчас ею увлекаюсь.
– Скажи мне вот что, Дейв… у Медичи была какая-то связь с фармацевтической промышленностью?
– Ну, в те времена хватало алхимиков, которые пытались любой металл превратить в золото, искали лекарства от всех болезней, но в пятнадцатом столетии фармацевтической индустрии как таковой не существовало. – Шваб с задумчивым видом покатал язык во рту. – Хотя, как мне кажется, мы можем смело утверждать, что Медичи значительно ускорили развитие медицинских знаний своего времени.
– Каким образом?
– Они обращали их себе на пользу… как и все остальное. Им приходилось прибегать к самым разным хитрым трюкам, чтобы сохранить свое господство; едва только в их окружении появлялись новые люди, они первым делом отравляли их.
– Да брось ты!
– Все это делалось тайно. Им давали напиток, в котором был растворен очень медленно действующий яд на основе ртути. Затем вместе с едой им давали противоядие.

Коннор нахмурился:
– Зачем?
– Все очень просто. Когда в пищеварительную систему попадает ртуть, она остается там практически на всю жизнь. Так?
– Так.
– Значит, что получается… комбинация химикалий, которую Медичи давали своим приближенным, никогда не могла быть выведена из их организма. Но ее можно было подавить антидотом; и пока они дважды в день принимали это противоядие, с ними все было в порядке. Но и формула, и составные части противоядия хранились в секрете. Эрго – приближенные никогда не могли уйти; им требовалось противоядие, так что они полностью зависели от Медичи, которые и давали им антидот. А если они уходили, то через несколько недель были уже мертвы.
– Медичи действительно это делали?
– Да. Таков был их способ добиваться верности своих приближенных. В этих ужасах была даже какая-то элегантность. Тебе не кажется?
Коннора внезапно пробила крупная дрожь, когда наконец до него дошло.
– Святый Боже! – воскликнул он. – Они не могли этого сделать!
– Могли, Коннор, и делали… существуют документы.
– Я… я имел в виду не Медичи.
Шваб как-то странно посмотрел на него:
– Так что ты имел в виду?
Коннор смотрел в пол у себя под ногами, не в силах продолжить.
– Я… это… словом, не важно, – промямлил он. – Забудь. – Но в мозгу у него пульсировало возбуждение, смешанное с ужасом, когда он осознавал всю чудовищность того, что предстало перед ним.

Суд Медичи.

Эти слова буравили ему мозг.

Этот Суд Медичи.

Насколько далеко продвинулся доктор Баннерман в своем анализе «Матернокса»? Удалось ли ему идентифицировать ту ДНК? Потому что если он это сделал и если Коннор был прав в своих самых последних предположениях, то нет никаких сомнений – в таком случае ученый подписал себе смертный приговор. И Монти, и Уэнтуорту, и ему самому, Коннору.
И сомнений в этом нет.

99

Среда, 7 декабря 1994 года

В десять минут шестого вечера Ганн снял трубку телефона на своем письменном столе и нажал две цифры, которые тут же соединили его с Мэрилендом. После третьего звонка ему ответил низкий серьезный голос:
– Макласки.
– Добрый день, мистер Макласки. Я так и предполагал, что наконец услышу ваш голос.
После паузы глава сектора секретных операций отделения «Бендикс Шер» в Соединенных Штатах, смущенно хмыкнув, сказал:
– Э-э-э… хм… да, майор Ганн… перед тем как побеспокоить вас, я как раз ждал подтверждения…
– Уже миновал полдень… я предполагал, что вы справились с делом еще прошлым вечером. – Хотя линия была надежно защищена, Ганн был осторожен в выборе слов.

– Таков и был наш план, но, боюсь, он не сработал.
– Почему, черт побери?
– Сейчас я не могу на это ответить. Похоже, он провел ночь в каком-то другом месте, не в гостинице… может, у какой-то шлюшки или еще где-то.
– Вы хотите сказать, что не знаете?
– Он зарегистрировался, но ночью его в номере не было.
– То есть вы потеряли его! Это вы хотите сообщить мне? – Ганн вспомнил грузного экс-офицера ФБР с висячими, как у моржа, усами и седоватыми волосами. Он был хорошим исполнителем, ответственным и безжалостным, когда это требовалось. Делать ошибки – это для него было чем-то необычным. Но он уже приближался к шестидесяти, и, не исключено, его хватка начала слабеть.
– Нет, мы не потеряли его, майор. Просто несколько часов пришлось побегать за ним. И сейчас мы взяли его под наблюдение. Он проводит деловую встречу, и, как только он выйдет из здания, мы его перехватим.
– Отлично.
– Инструкции все те же, майор Ганн? Ничего не изменилось?
– Нет. Но я хочу, чтобы все выглядело естественно и убедительно.
– В этом смысле не будет никаких проблем.
– Кроме того, вы ничего не сообщили мне о его происхождении.
– Над этим мы продолжаем работать. Парень он талантливый, отлично знает, как заметать следы. Я прикинул, что после того, как вы перенацелили нас – не столько узнать его подноготную, сколько избавиться от него, – особенной спешки по поводу его происхождения уже не было.
– Всегда предпочитаю знать, кого я убиваю, мистер Макласки, – сухо сказал Ганн. – И считаю это хорошей клинической практикой. Которая весьма важна для компании.

100

Вашингтон. Среда, 7 декабря 1994 года

– Это нарушение правил, Коннор. Не знаю, смогу ли я пойти на это.
– Через пару часов ты все получишь обратно.
Дейв Шваб покачал головой:
– Я чувствую себя не лучшим образом.
– Дейв… помнишь, как в тот раз я прикрыл тебя от Джулии? Когда она тебя разыскивала, позвонила мне и я сказал ей, что ты переработал и свалился как убитый, что ничего не соображаешь, а ты в то время трахал ту малышку… как ее звали? Не Холли Эмерсон?
– Малышка была тогда, а это сейчас, парень! Жизнь меняется. Такова реальность бытия.
– А тогда ничего не считалось, потому что мы были студентами и ты еще не повел Джулию к алтарю?
– Да.
Коннор продолжал смотреть на своего друга.
– Ты был чертовски перепуган, ты понимал своими гребаными мозгами, что можешь потерять ее. А теперь моя очередь. Я боюсь, и мне нужна помощь.
У Шваба был смущенный вид.
– На меня из-за этого может свалиться куча неприятностей.
– Да брось ты, Дейв! Вернись к реальности бытия, как ты сам только что сказал. Это гражданская служба Соединенных Штатов, и она не может запретить тебе иметь друзей, тебя не могут повесить из-за того, что ты отдал долг благодарности другу… который не собирается вмешиваться в твой бизнес.
– У них может появиться другая точка зрения.
Коннор начал терять терпение:
– Но они ровно ничего не узнают. Святый Боже, какого хрена им вообще что-то знать?

Шваб поднял руки:
– О’кей, о’кей, бери.
– Ты позвонишь Джулии, скажешь ей, что я заскочу за шлемом и курткой?
– Позвоню. Мое обмундирование в шкафу у тебя за спиной. – Шваб, состроив измученное лицо, взял шлем и протянул его Коннору, а затем, порывшись в карманах куртки, выудил связку ключей. – На лифте спускайся в подвал и поворачивай направо. Увидишь красный «Сузуки-75». Поднимешься по рампе, и двери откроются автоматически.
– Сегодня же, только попозже, все оставлю на твоем месте. – Коннор вытащил бумажник. – И я даже дам тебе тридцать баксов за аренду твоего транспорта – это покроет расходы?
Шваб отчаянно замотал головой:
– Вот уж нет, ни в коем случае! Тогда это будет взяткой, парень. Стоит прикоснуться к ней, и мне натянут задницу. Так что бери этот проклятый мотоцикл и убирайся с глаз долой, занимайся своими делами.
Коннор встал:
– Всегда знал, что ты один из лучших ребят, Шваб. Когда-нибудь ты, может, увидишь на этой стенке сертификат со скромной благодарностью от меня.

Бар в зале прилета аэропорта Даллеса был переполнен, и сначала, когда Коннор, держа под мышкой шлем Дейва, появился в нем, он подумал, что Монти еще не прилетела. Затем он увидел копну ее белокурых волос, и у него радостно подпрыгнуло сердце. Она сидела, закутавшись в плащ, и читала журнал; ее небольшая сумка стояла рядом на полу.
Она заметила Коннора, когда тот оказался в нескольких ярдах от нее. Какое-то мгновение она рассеянно смотрела на него, а потом ее лицо расплылось в такой сияющей улыбке, что ему захотелось навечно сохранить ее в памяти.
Он бросил шлем на ее сумку, и они обнялись так страстно, словно боялись, что какая-то внешняя сила оторвет их друг от друга. Монти приникла к его губам, и перед тем, как заговорить, они долго целовались.
– Коннор, – сказала она, не в силах перевести дыхание. – Ты здесь, у тебя все хорошо!
– Господи, как я беспокоился о тебе! Но ты справилась!
Она прижалась лицом к мягкой коже мотоциклетной куртки Шваба:
– Как ты классно выглядишь в ней. А я и не знала, что ты был в «Ангелах ада».
Коннор улыбнулся, обнял ее и покачал, как ребенка:
– В первый раз за пятнадцать лет я ехал на «сузуки». – При этих словах он осмотрелся, но вокруг было столько народу, что вычислить того, кто наблюдает за тобой, было практически невозможно. Он был уверен, что от Патентного бюро за ним никто не следил. – Есть ли новости о твоем отце… или об Уэнтуорте?
– Нет.
Он поцеловал ее:
– Давай выбираться отсюда, поговорим потом. – Он снова сунул под мышку шлем Шваба, а когда нагнулся взять ее сумку, она внезапно сделала шаг назад, и он увидел, как изменилось выражение ее лица и вспыхнули глаза.
– Куда мы направляемся, Коннор?
– В такое место, где мы будем в безопасности и где будет человек, который, вероятно, сможет найти твоего отца.
– Почему такие тайны?
Сбитый с толку, он смущенно улыбнулся:
– Здесь нет никаких тайн.
– Несколько дней назад ты сказал, что все объяснишь в Вашингтоне. И я здесь, – вызывающе сказала она. – И хочу получить объяснение. Здесь и сейчас.
– Монти, поверь, никаких страшных тайн я от тебя не скрываю. Это просто… – Он вздохнул. – Правда настолько фантастична, что порой я и сам сомневаюсь… поверишь ли ты мне, если я попытаюсь тебе все объяснить.
– А ты попробуй, – сказала Монти. – Расскажи мне, против чего мы выступаем.
– Слушайся меня, – ответил он, – и ты поймешь, во что ввязалась.

Коннор свернул с кольцевой и, оказавшись на тихой широкой улице, погнал мотоцикл сквозь пригородные заросли пышной растительности, беспокоясь лишь о том, чтобы не превысить лимит скорости. Поглядывая в боковые зеркала, он не видел, чтобы кто-то висел у него на хвосте.
Несмотря ни на что, он все же испытывал радостное возбуждение и от гонки, и от плотного кольца рук Монти на своей талии. Кроме того, он испытывал ностальгическое желание снова обзавестись такой машиной. Может, когда вся эта дьявольщина кончится, он купит ее себе, мечтательно думал Коннор, и пустится на ней в долгое путешествие туда, где тепло и безопасно. Если они еще будут живы и если в мире найдется для них безопасное место.
На перекрестке он повернул налево и прибавил газу. Теперь его взгляд не отрывался от здания, маячившего в полумиле впереди, от массивной невыразительной высотки. Когда до него оставалась пара сотен ярдов, он притерся к обочине, заглушил двигатель, твердо уперся ногой в землю, удерживая в равновесии нешуточный вес «сузуки», и поднял защитный щиток шлема.
Монти спрыгнула с седла, с облегчением убедилась, что ее сумка, примотанная к решетке сиденья, на месте, стянула шлем и встряхнула копной волос, после чего, согреваясь, потопала ногами. Она основательно замерзла, несмотря на куртку с теплой подкладкой Джулии Шваб, которую натянула поверх своей одежды.
Проследив за взглядом Коннора, она тоже уставилась на высотное здание перед ними. Оно было грязно-коричневого цвета, и с первого взгляда казалось, что это два здания, одно за другим, но, присмотревшись, Монти поняла, что так оно было проектировано, в два яруса, и у заднего несколько этажей возвышались над тем, которое стояло фасадом к ним. Его внушительный размер должен был создавать впечатление величия, но Монти все же подумала, что выглядит оно мрачным и уродливым. Нестройные голоса демонстрантов, собравшихся у главных дверей здания, едва только в них появилась мужская фигура, перешли на скандирование, пока мужчина пересекал тихую улицу по направлению к рядам машин.
Коннор же был на удивление молчалив.
– Что это за место? – спросила она.
Он обнял ее одной рукой, и Монти почувствовала, что Коннор сделал глубокий вдох.
– Я должен привести тебя туда, – сказал он. – Но поверь, для меня нет иного места в мире, где мне было бы так трудно бывать. – Он легко поцеловал Монти в висок, и от нее не укрылось, что его сотрясает дрожь. – Многие люди, – продолжил он, – подчиняют жизнь какой-то идее, она их ведет. Такая одержимость для них выше всего остального – как для твоего отца его исследования. Понимаешь?
Упоминание об отце снова пронзило ее тревогой. Сглотнув комок в горле, она кивнула.
– Он целеустремленный человек – ты сама мне это говорила. Потому что он одержим идеей – опознать и уничтожить гены рака груди. Я знаю, что значит такая страсть. Каждое утро ты просыпаешься лишь с одной мыслью, а по вечерам ложишься в постель все с той же мыслью. С твоим отцом это произошло потому, что он видел, как умирает твоя мать, и забыть это он никогда не сможет. Вот и я кое-что никогда не смогу забыть – поэтому я и понимаю, как он себя чувствует. Твой отец идет своим путем. А я – своим.
Монти буквально оглушило наступившее молчание. На его лице она увидела тронувшее ее выражение печали и мрачной решимости.
Казалось, что это здание неудержимо наваливается на нее, хотя на самом деле оно было куда дальше, чем думала Монти. Часть пикетчиков продолжала скандировать, другие размахивали лозунгами и звездно-полосатыми флагами или толпились вокруг людей, таскавших на себе щиты. Разноцветные буквы на красном фоне гласили: «СДЕЛАЙТЕ ВИТАМИНЫ И АМИНОКИСЛОТЫ ЛЕГАЛЬНЫМИ!» Были и другие призывы: «ДОЛОЙ УПРАВЛЕНИЕ!»
Монти повернулась к Коннору:
– О каком управлении идет речь? По контролю за продуктами и лекарствами?
Похоже, он не услышал ее, потому что подхватил сумку, и они пересекли узкую травянистую полоску, отделявшую огромную автостоянку перед зданием от тротуара, прошли мимо изрядно выцветшего объявления «Стоянка только по разрешению». Коннор ускорил шаг, и Монти с трудом держалась рядом с ним.

– Сколько людей из тех, с кем мы общались, сейчас уже мертвы, Монти? Джейк Силс, Зандра Уоллертон, Уолтер Хоггин, доктор Корбин, Чарли Роули: мы пока многого не знаем о Роули; Уоллертон попыталась пересечь пути перед поездом, Корбину упал на голову металлический крюк, Силс вылил на себя кислоту, у Хоггина случился инфаркт. Глядя со стороны – это абсолютно случайные непредвиденные трагедии, и все абсолютно разные. Но когда сопоставляешь их, пытаешься окинуть единым взглядом, картина совершенно меняется. Так?
– Да.
– Но в обычной жизни нет такой силы, которая могла бы заставить мужчину облить себя кислотой, женщину – выехать на переезд перед приближающимся поездом и которая могла бы точно уронить крюк на голову человеку.
Они подошли к массивному синему щиту, стоящему у клумбы. Он сообщал, что здесь располагается «МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ США». Над ним вяло висел флаг. Они остановились у подножия здания. Коннор поставил сумку и задрал голову, чтобы посмотреть на самые верхние этажи.
Монти тоже устремила свой взгляд туда, вдоль стены непрозрачного коричневого стекла, которая высилась в небе и в которой отражались перистые облака. Внезапно вокруг воцарилась жутковатая тишина, словно сверху на них смотрели тысячи глаз. Не доносилось ни шума уличного движения, ни порывов ветра, только редкое чириканье одинокой птицы, но и оно прекратилось.
Коннор поднял руку и ткнул указательным пальцем куда-то наверх:
– Ты спрашивала о моем отце, и я никогда о нем не распространялся. Так?
Она настороженно посмотрела на него:
– Да, ты о нем не рассказывал.
– В этом здании расположено учреждение, которое лицензирует все фармацевтические препараты в Соединенных Штатах. Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами.
Она кивнула. Но интонация, с которой он говорил, испугала ее, словно рядом с ней сейчас стоял не Коннор, а какой-то совершенно незнакомый человек.
– Мой отец работал на одиннадцатом этаже. Видишь вон то окно, присмотрись. – Он показал на башнеобразную стену дымчатых стеклянных квадратов у них над головой, и у нее закружилась голова, словно башня двинулась по небу, готовая рухнуть на них. – Мать еще ребенком привела меня сюда, – тихо сказал он. – «Вот это папино окно, – сказала она мне. – Вон там и работает твой папа».
Прежде чем продолжить, он несколько секунд помолчал.
– Я любил папу. Он был большим и симпатичным человеком… и, думаю, очень спокойным. До глубины души. Мы с ним порой отправлялись в долгие прогулки. Я так и вижу его, как он молча идет по тропе и думает о чем-то своем. – Коннор закусил губу. – Он всегда носил рубашки с галстуками, даже когда мы с ним играли. Придерживался старомодных ценностей. Одна из них была в том, что он безоговорочно верил в разницу между истиной и ложью.
Коннор снова успокоился.
– Он работал здесь экспертом и отвечал за выдачу лицензий компании «Бендикс Шер». Потом уже мать рассказывала мне, как компания давила на него, делала разные заманчивые предложения, но отец был непреклонен, и они окончательно взбеленились… Они хотели получить патент на лекарство, но отец не был уверен, что компания провела все испытания. Он не был уверен, что оно безопасно, и заблокировал его патентование. Препарат содержал почти такие же компоненты, как и другое лекарство, которое привело к тому, что более пяти тысяч детей появились на свет с ужасными уродствами. Оно называлось «талидомид».
– Боже мой, – прошептала она.
– Когда мне было восемь лет, – продолжил Коннор, – мать усадила меня в машину и сказала, что мы должны немедленно ехать к папе, потому что он в большой беде. Она гнала как сумасшедшая и бросила машину там, где мы сейчас стоим… помню, что это был старый белый «плимут». – Его голос окреп, и он перевел дыхание, после чего снова посмотрел наверх. – Он упал из этого окна, из окна одиннадцатого этажа. Мне казалось, что я смотрю на полет птицы. Так мне сначала показалось – летела крупная птица. Затем она ударилась о землю, голова откинулась, и я увидел, что это был мой отец. На лице у него было выражение, которое я никогда не забуду. Ни одно человеческое существо не могло бы его забыть.

Загадки, связанные с Коннором, которые так мучили Монти, внезапно разрешились, казалось, на душе стало легче, но она была потрясена. Какое горе, какая печаль…
– Мы поднялись в его кабинет. То, что мы там увидели… в это было невозможно поверить. Словно пронесся ураган: все лампы были разбиты, повсюду валялись бумаги… именно повсюду. Стены были в брызгах, часы висели на проводочке. И тем не менее никто ничего не услышал. – Теперь он обращался к Монти. – Мы с тобой знаем, что есть вещи, которые не могут произойти… и тем не менее они происходят. Ты их видела своими глазами.
Кивнув, она сглотнула комок в горле. Как нельзя некстати по асфальту скользнула тень птицы. Монти дернулась, словно получила в грудь удар током.
– Всю жизнь я хотел узнать, что же на самом деле случилось с моим отцом, – сказал Коннор. – И найти того, кто отвечал за это. Может, теперь ты сможешь понять, что привело меня в «Бендикс Шер».

102

Лондон. Среда, 7 декабря 1994 года

После того как эта Баннерман в 1:48 ночи позвонила Левайну, все контакты с ней прервались. Воротник проклятой мягкой рубашки, которую в эти дни он носил по настоянию Никки, вечно доставлял ему проблемы – она не была предназначена под галстуки. Испытывая раздражение, он запустил пальцы под воротник и попытался расправить его. Потом он снова посмотрел на сообщение на экране, которое прочел лишь до половины, но был слишком занят, чтобы усвоить его.
Монтана Баннерман исчезла, и ему категорически не нравилось, что теперь эта хитрая маленькая сучка предоставлена самой себе. И одному Богу известно, кто, черт побери, будет следующим ее собеседником. Он посмотрел на часы на экране: 20:32. Никки, скорее всего, опять попытается его оттрахать, но сейчас эта опасность находится в самом низу шкалы приоритетов. В Вашингтоне сейчас половина третьего дня, и, по данным Макласки, Моллой все еще на встрече в Патентном бюро США.
Черта с два он там находится, подумал Ганн. Макласки уверял, что Моллой всю ночь провел в своей гребаной гостиничной спальне, и ошибся. Упустил его. И по-прежнему никто так и не знает, кто же на самом деле этот ублюдок. Когда примерно час назад он разговаривал с Макласки, что-то ему не понравилось в его голосе. Ганн заметил какую-то едва заметную нотку растерянности, и даже более того; утверждая, что загнал Моллоя в угол, Макласки отнюдь не был в этом уверен.
Колеса начали пробуксовывать. Когда прошлой ночью он явился в лабораторию доктора Баннермана, он заметил на столе ученого маленький диктофон, который, похоже, был включен. В спешке, когда требовалось как можно скорее транспортировать ученого из здания, они не обратили на него внимания, и, когда Ганн попозже вернулся, чтобы забрать его, он обнаружил, что система тревоги включена – а диктофон пропал.
Кто бы ни включал систему, он, конечно же, вошел и кое-что прихватил с собой. По мнению Ганна, у него был только один противник.
Монтана Баннерман.
Черт побери, что же там записано? Может, ничего. А с другой стороны, может, все, что угодно: и находки ученого, и вторжение Ганна вместе с Кроу, которые могут послужить прямым обвинением против них. Он попытался представить, куда она могла деться, имея на руках такое доказательство. Скорее всего, не в полицию. Копы каким-то образом ее напугали; в противном случае она бы уже перезвонила Левайну.
Распустив галстук, он подпер голову ладонью. Первостатейный бардак, и ничего в нем не понять.
Зазвонил телефон, и, сорвав трубку, он поднес ее к уху, надеясь услышать наконец хорошие новости.
– Ганн.

– Где ты, мать твою, торчишь, солдат?
– Ник, прости, у меня кое-какие проблемы.
– Так много проблем, что ты даже не мог позвонить мне? Мы же собирались отбыть отсюда без пятнадцати восемь. Я сижу и жду тебя. – Вроде она была не на шутку обижена.
– Мне очень жаль, Ник, поверь.
– Каждый день у тебя какой-то новый кризис. Почему бы тебе не посоветовать твоему доку Кроу утопиться в озере, чтобы он оставил тебя в покое?
Мигающая лампочка дала понять, что его ждет еще один абонент.
– Мне надо идти… перезвоню тебе.
– Когда? Завтра? В будущем году?
– Через две минуты, обещаю.
– Если через три ты не появишься, я начну прожигать дырки в твоих костюмах.
– НИК… – Он повысил голос, но она уже отключилась, и Ганн понял, что говорит с Макласки.
– Не самые лучшие новости, майор Ганн… я подумал, что лучше ввести вас в курс дела. Похоже, что Моллой оставил нас с носом.
Ганн обеспокоенно посмотрел на часы. Если Никки сказала, что через три минуты вооружится факелом, то так она и сделает; эта девушка была просто психованной.
– Мистер Макласки, я не ждал от вас таких слов.
– Я искренне извиняюсь… не мог себе и представить. Он исчез, просто растворился в воздухе.
Ганн не скрывал свой сарказм.
– Люди способны на многие удивительные вещи, мистер Макласки, но никто из них не может раствориться в воздухе. Они могут создать иллюзию исчезновения – но не больше.
– Ну, значит, ваш человек создал для нас чертовски хорошую иллюзию исчезновения.
Макласки даже не пытался изобразить раскаяние; строго говоря, по тону его голоса нельзя было представить, нашел этот ублюдок Моллоя или нет. Казалось, что главной его задачей было избегать неудобств, которые могли бы его отвлечь от чего-то более важного, например от игры в гольф.
Ганн припомнил, как грубо и невежественно Макласки воспринял первые сообщения о смерти Роули на Гавайях. А ведь компании пришлось потратить несколько сот тысяч долларов на взятки, чтобы ничего не вырвалось наружу. Может, он и прав в своих недавних предположениях. Макласки слишком стар и потерял цель. Но конечно же, пока он будет рыть носом землю, чтобы найти ее.
– Может, если бы вам удалось выяснить, кто такой Моллой на самом деле, вы бы смогли также узнать, где он находится, – уверенно предположил Ганн.
– Мы делаем все, что в наших силах.
«Черта с два», – подумал Ганн, нажал рычаг и, таким образом, за пятнадцать секунд до окончания срока успел позвонить Никки.
Наконец он умолил ее смягчиться, подошел к одному из своих высоких металлических шкафов и выдвинул ящик. Из него он извлек два запечатанных конверта, положил их на свой стол и вскрыл.
В одном лежала почти новая мужская перчатка с левой руки, свиной кожи. В другом – элегантный шерстяной шарф с примесью шелка, с подписью дизайнера в углу – «Корнелия Джеймс». Он провел пальцем по обоим предметам, затем снова поднял телефонную трубку и набрал номер. Когда ему ответили, он сказал:
– Прошу прощения за столь неожиданный звонок, но мне очень срочно надо провести сеанс лозоходства. Насколько быстро вы можете прислать команду?
Полчаса спустя Ганн оставил кабинет, неся с собой перчатку и шарф. Вместо того чтобы спуститься на обычном лифте, он прошел через дверь, к которой только он один имел доступ, и вызвал другой лифт.
Когда кабина прибыла, он вставил свою карточку-пропуск в валидатор, вошел в лифт, приложил ладонь к электронной панели, набрал на клавиатуре управления шесть цифр и стал ждать.
Через пару секунд створки сошлись, и лифт начал свое стремительное, почти бесшумное падение.

103

Вашингтон. Среда, 7 декабря 1994 года

Монти, оцепенев от холода, сидела на заднем сиденье мотоцикла. Ее потряс рассказ Коннора, и теперь, полная отчаяния, она еще больше опасалась за судьбу отца. Единственным слабым утешением было то, что теперь она наконец стала понимать мотивы, которыми руководствовался любимый человек.

Ей казалось, что эти двадцать минут, пока длилась поездка, никогда не кончатся. Они проехали пригород, миновали открытую местность и снова оказались в пригороде. Но наконец Коннор стал сбрасывать скорость, повернул на подъездную дорожку и остановился перед металлическими воротами, рядом с которыми размещалась встроенная видеокамера системы безопасности. Он поднял щиток шлема, нажал кнопку и, перекрывая треск двигателя, крикнул:

– Это я!

Через мгновение ворота распахнулись, позволив им проехать к одноэтажному строению типа гасиенды, стоящему на небольшом плато. Рядом были припаркованы две машины – синий спортивный «мерседес» – купе и серый лимузин с шофером за рулем.

– Все в порядке, – сказал Коннор. – Это клиенты… она предупредила меня об их появлении.

Он положил на сиденье шлем и перчатки. Монти сделала то же самое и повернулась к нему:

– Коннор, я понятия не имею, что, черт возьми, я тут делаю. Я должна быть в Англии и искать отца.

Коннор ладонями сжал ее лицо:

– Моя дорогая, мы вытащим твоего отца из рук этих ублюдков, но ты должна доверять мне. Договорились? – И, словно уже знал ее ответ, он прошел вперед и нажал кнопку звонка.

Через несколько секунд юная латиноамериканская горничная в аккуратной накрахмаленной униформе открыла дверь; узнав Коннора, она смущенно улыбнулась ему и бросила на Монти вежливый взгляд:

– Прошу вас, заходите, встреча у вашей матери только что закончилась.

Когда они очутились в открытом просторном помещении, Монти показалось, что они вошли не столько в дом, сколько в храм или художественную галерею. В канделябрах по стенам и в стоящих на полу высоких шандалах кованого железа горели свечи. В воздухе витали легкие ароматы, то ли от свеч, то ли от пахучих палочек, звуки тихой музыки, доносившейся из скрытых динамиков, напоминали плеск волн и действовали расслабляюще.

На стенах висели абстрактные картины, во многих из них просматривались следы религиозного символизма; на постаментах, столах и в стенных нишах стояли странные фигурки. Монти услышала чьи-то голоса. Из-за угла вышла группа людей и направилась в их сторону: трое мужчин в деловых костюмах и высокая стройная женщина в черном, которая приветствовала Коннора беглой улыбкой, давая понять, что вот-вот будет с ними.

Монти с восхищением смотрела на эту блистательную женщину. Ей было пятьдесят с небольшим, и ее длинные темные волосы пронизывали серебряные нити, которые казались скорее украшениями, чем приметами возраста. В ее красивом лице с классическими чертами Монти обнаружила явное сходство с Коннором.

– О'кей, значит, в январе в Нью-Мексико? – с техасским акцентом сказал один из мужчин. – Мы начнем пробное бурение и посмотрим, что оно даст.

– Последние двенадцать месяцев оставили о себе великолепное впечатление, – сказал другой. – Желаем вам самого счастливого Рождества.

– И удачного Нового года, – ответила хозяйка.

– Я не сомневаюсь, что с вашей помощью удача нас посетит, – последовал ответ.

Она улыбнулась и королевским жестом склонила голову:

– Сделаю все, что в моих силах.

– Раньше вы творили чудеса.

Выражение ее лица чуть затуманилось.

– Нет, джентльмены, чудесами мы называем вещи, которые не можем объяснить. А те, что можем, – это наука. Именно ею я и занимаюсь – а не чудесами.

Троица удалилась. Пока горничная придерживала перед ними дверь, женщина повернулась к Коннору.
– Привет, мам. – Он поцеловал ее в щеку, и она восприняла его поцелуй с таким спокойствием, словно не единственный сын приветствовал ее, а крепостной преподнес положенную десятину. – Разреши мне… э-э-э… представить тебе, – сказал он, и присущая ему уверенность, казалось, покинула его, – Монтану Баннерман… Монтана, познакомься с моей матерью.
Она встала, испытывая легкую растерянность, поскольку не знала, должна ли она протянуть руку.
– Очень рада познакомиться с вами, миссис Моллой.
Женщина бросила взгляд на Коннора и снова без улыбки посмотрела на Монти:
– На самом деле я Донахью. Табита Донахью.
Смутившись, Монти порылась в памяти, пытаясь понять, в самом ли деле она допустила оплошность. Может, эта женщина повторно вышла замуж, а Коннор ничего не сказал? Или она забыла?
Коннор покраснел и запустил руку в волосы.
Мать повернулась к нему:
– Ты оставишь здесь мотоцикл на ночь?
– Нет… я обещал Дейву Швабу, что вечером верну его.
Она покачала головой:
– Мне бы не хотелось, чтобы ты сегодня вечером покидал дом; я собиралась замыкать круг. Если ты должен вернуть мотоцикл, то займись этим сейчас.
Коннор посмотрел на Монти:
– Хорошо… а ты оставайся здесь и отдохни… у меня это займет максимум полчаса.
– Я с тобой.
– Нет, ты замерзла и устала. Расслабься и прими горячую ванну.
Монти действительно чувствовала себя измотанной, но, будь у нее возможность выбора, она бы предпочла отправиться с ним, чем оставаться здесь на попечении этой странной женщины.
Табита Донахью что-то сказала горничной по-испански, и та тут же подхватила принесенную Коннором сумку Монти.
– Хуанита покажет вашу комнату. Я думаю, вы захотите немного отдохнуть и привести себя в порядок. Что вы любите – чай или кофе?
– Я бы предпочла кофе.
– Когда будете готовы, присоединяйтесь ко мне в холле… хотя можно не спешить. – Мать Коннора показала дорогу тонкой, изящной рукой, обильно украшенной драгоценностями.
Комната оказалась уютной, с двойной кроватью и примыкающей ванной комнатой с богатой гарнитурой. Монти села на кровать и попыталась собраться с мыслями, но внезапно почувствовала свинцовую тяжесть усталости. На часах было пять минут пятого, и за окном уже начали собираться сумерки. В воздухе кружились редкие снежинки, и от новых страхов снова свело судорогой пустой желудок. В самом ли деле ей надо спускаться вниз, чтобы снова встретиться лицом к лицу с этой ледяной особой?
Она посмотрела в зеркало и ужаснулась своему внешнему виду. Лицо осунулось от усталости, волосы, примятые шлемом, перепутались; в голове мелькнула мысль – должно быть, эта элегантная Табита удивляется: святые угодники, что ее сын увидел в ней?
Она приняла душ, чтобы освежиться и согреться, переоделась в чистую одежду и, прежде чем рискнуть спуститься вниз, на скорую руку привела в порядок прическу и макияж.

– Здесь вы в полной безопасности, Монтана, – встретила ее Табита. Она сидела перед камином и курила длинную тонкую сигарету. На столике толстого кварцевого стекла стояли серебряный кофейник, изящные китайские фарфоровые чашечки и поднос с печеньем; рядом стояла пепельница, заполненная окурками.
Что-то в интонации, с которой она произнесла эти слова, заставило Монти нахмуриться. Конкретно ничего не вызывало у нее опасений, она ни во что не могла ткнуть пальцем, но это ее не успокаивало, не устраняло мрачных мыслей.
– Благодарю вас, – вежливо ответила она, занимая место напротив хозяйки. – У вас очень красивый дом. Здесь… – Она попыталась придумать причину, которая объясняла бы

присутствие свечей, но никак не могла найти нужные слова. – Здесь столько простора, – сказала она, смутившись от произнесенной банальности.
Мать Коннора налила ей кофе. Каждое ее движение было полно изящества, и Монти восхитилась ею. Несмотря на несколько предательских линий, на морщины на шее, которые были видны над воротом черного свитера, она ни в чем не уступила бы женщине, которой только что минуло сорок лет.
– Вам с молоком, Монти? – От сигареты шел ароматный дразнящий запах.
– Нет, спасибо.
– Отлично; лучше избегать всех молочных продуктов, когда это случается.
Монти удивилась этим загадочным словам, но тема не получила продолжения. Она неловко огляделась. По обе стороны камина неподвижно, как высеченные из мрамора, сидели два сиамских кота; с белых стен на них смотрели ритуальные маски. И снова Монти почувствовала тишину и спокойствие, присущие храму.
Теперь миссис Донахью смотрела на нее с выражением печали. Она тихо сказала:
– Кое-какие вещи в жизни не стоят этого, Монтана.
Монти чуть не уронила чашку, которую пристроила на коленях.
– Простите?
– Жизнь – это компромисс; когда станете старше, вы это поймете. – Женщина резко поднялась и начала кружить по комнате. Взгляд ее скользил то по стенам, то по растениям; остановившись, она выпрямила чуть покосившуюся свечу, словно оттягивая момент, когда ей снова придется предстать перед Монти лицом к лицу.
Монти смотрела на нее, удивляясь обилию канделябров, бра и шандалов, которые требовали десятков свечей; скорее всего, этим занимается горничная – но зачем? Она заметила рядом фотографию в рамке: на фоне нефтяной вышки миссис Донахью стояла рядом со стройным симпатичным человеком, чье лицо показалось ей знакомым.
– Это я с Ури Геллером, – сказала Табита Донахью, у которой глаза явно были и на затылке.
Монти удивилась:
– По какому случаю?
– Мы вдвоем нашли месторождение нефти для одной нефтяной компании. – Она поправила еще одну свечу. – В те дни это было моей работой. Этим я и занималась.
– В самом деле? И как вы это делали?
– Ходила с ивовым прутиком, – спокойно сказала она.
– С волшебной палочкой? Как с той, которой воду ищут?
– Нет. Большей частью в ходу были маятник и карта. Временами прямо на месте, для более точного определения цели, но обычно я в этом не нуждалась. Я могла определять нужную точку с точностью до ста метров прямо по карте. – Повернувшись, она улыбнулась. – Нефтяные компании, как правило, не любят признавать, что они прибегают к услугам таких людей, как я… думаю, их смущает, что я могу все видеть и без помощи их сложнейшего оборудования.
Теперь-то Монти поняла, в чем источник ее несомненного благосостояния. Она уже была готова спросить миссис Донахью, не телепат ли она, но вспомнила упрек, который она не так давно бросила трем своим солидным гостям. «Я занимаюсь наукой, а не чудесами».
– Вы используете ваш способ… э-э-э… ваше умение для чего-то еще, миссис Донахью?
– Я помогаю полиции искать пропавших людей. – Она пожала плечами, словно давая понять, что в этом нет ничего особенного.
– Я читала о лозоходстве, но не знала, как эта… мм… наука работает.
Табита Донахью неторопливо вернулась к своему креслу.
– Мы не понимаем, Монтана, как работают очень многие вещи, – мягко сказала она. – Порой мы не хотим понимать их, а порой они вне пределов нашего понимания. У подавляющего большинства людей жажда знаний, стремление к просвещению ограниченны. У многих нет времени или склонности к учебе. Не доводилось ли вам думать об иронии судьбы – такие люди проводят всю жизнь с закрытыми глазами и открывают их лишь с приходом смерти?
Монти попыталась улыбнуться:
– Я думаю, потому, что многие люди боятся неизвестного.
– Временами такие страхи полностью оправданны – как вы сейчас выяснили. Но вы же принимаете неизвестное, не так ли, Монтана? Оккультизм?
– Не уверена.

– Вы носите распятие, то есть вы верите в Бога?
Рука Монти невольно коснулась шеи. Тонкая цепочка ее распятия скрывалась под воротничком блузы, которая, в свою очередь, была под пуловером, так что эта женщина никак не могла увидеть, что она носит на шее. Разве что сделать выводы из того, как несколько минут назад она разглядывала фотографию.
Рассказывал ли Коннор матери о ее распятии? Возможно… но сомнительно.
– Не считаю, что, если ношу распятие или верю в Бога, это означает, что я обязательно верю в оккультизм, – бросила она.
Табита Донахью, не торопясь с ответом, внимательно изучала ее лицо.
– Религия – отнюдь не что-то вроде универсального магазина, где вы выбираете необходимые товары и игнорируете те, что вам не нужны. Если вы верите в Бога, значит верите в Сатану. Он приходит из тех же сфер.
Монти пожала плечами:
– Думаю, из моих слов можно сделать вывод, что я некачественная католичка… если хотите, склонная к агностицизму.
– Черт побери, меня не волнует, кто вы такая! Но куда лучше постараться понять своих врагов, чем не обращать на них внимания. И научиться противостоять их силам, а не делать вид, что их не существует.
Эта внезапная гневная вспышка ошеломила Монти.
– Простите… делать вид, что… чего не существует?
Мать Коннора обеспокоенно глянула на часы:
– Он уже должен был вернуться. Прошел почти час.
– Может, он где-то остановился, чтобы выпить кофе… или не смог поймать такси?
– Я уже ухожу, спокойной ночи, миссис Донахью.
Они обе повернулись. За их спинами стояла горничная в пальто, с пластиковым пакетом в руках.
Табита Донахью встала:
– Я подвезу вас к подземке. – Она повернулась к Монти, но было видно, что ее мысли где-то далеко отсюда; говорила она несвязно. – Я чувствую, это начинается. Я должна идти к нему. – Теперь она была очень возбуждена.
– Можно мне с вами? – попросилась Монти. Ей не очень хотелось в дорогу, но смущала перспектива остаться тут одной.
– Нет, вы должны оставаться. В этом доме вы в безопасности – но не за его пределами. Не отвечайте на телефонные звонки, не открывайте парадную дверь. Никому. – Когда она смотрела на Монти, глаза ее стали двумя огромными кругами, как глаза загнанного животного, а голос подрагивал. – Вы говорили о неизвестном. Вот вам и придется познакомиться с ним. И вы узнаете куда больше, чем только могли себе представить.

104

Среда, 7 декабря 1994 года

Маленькое помещение без окон было стиснуто мраморными стенами, на каждой стене инкрустация – золотая пентаграмма шести футов в диаметре. Единственным источником света было зеленое свечение экрана компьютера, он представлял электронную карту, вмонтированную в квадратный стол с малахитовой столешницей, вокруг которого они все сидели.
Подвешенный к потолку на шелковой нити длиной двадцать футов точно над центром экрана, висел маятник, вырезанный из кристалла кварца. Он был обточен так, что его основание переходило в острие.
Единственным посторонним предметом в помещении был кубок из чистого золота на стойке кованого железа. Наполненный водой, только что взятой из крестильной купели местной баптистской церкви, он должен был играть роль магического кристалла.

В данный момент они созерцали экран. Один из них, предельно сосредоточившись, нежно, словно новорожденного младенца, держал на ладони перчатку свиной кожи. На ногах у него были тростниковые тапочки, а мантия была выткана из льняной ткани высочайшего качества – простое натуральное одеяние, которое не содержало ничего, что могло бы помешать потоку энергии. Никаких ювелирных украшений, ничего, что отягощало бы мышление.
Частью подготовки было отрешение от деятельности мозга; все мысли, вся энергия были сконцентрированы на одной точке, на одной крохотной крупинке во всей Вселенной. Той точке в пустоте перед тем, как началось время. Первая крупинка пыли. Меньше, чем атом. Меньше, чем нейтрон. Там, в пустоте, она ждала его.

Иди ко мне.

Она подчинилась. Ее орбита изменилась так, что теперь проходила ближе к нему.

Иди ко мне.

Теперь она, ускоряясь, проходила мимо него и снова исчезала, пропадая в небытие. Через мгновение она возвращалась, поскольку, пересекая пустоту, должна была вернуться. Вот она возвращается. Пылинка мгновенной вспышкой пролетела мимо него и снова ушла. Из перчатки на его ладони до него дошли легчайшие вибрации; они слились и с его собственными, и с вибрациями пылинки; это был еще не тот диапазон, но его охватила волна удовлетворения.
Сигнал – это было единственное, что имело значение, и он поймал его.
«Иди ко мне, – молил он. – Иди ко мне, о да, иди же».
Пылинка прошла мимо него. Она описала полный круг, затем другой, и каждый был чуть у́же предыдущего, поиск невидимой тропы среди концентрических кругов, которые продолжали сближаться.

Иди ко мне.

Частотные модуляции начали синхронизироваться. Пылинка превратилась в кусок кварца в дюйм высотой; острие почти касалось экрана на столе. Экран был картой, которая показывала очертания реки Потомак, Чесапикского залива и окружающих пространств земли.
– Масштаб! – резко кинул он.
Легкий шелест компьютерных клавиш, и масштаб карты изменился. Теперь в одном дюйме была одна миля. Появилась сеть улиц.
Маятник снова стал раскачиваться. Сначала он описывал большие круги, а затем они опять стали сжиматься. Наконец острие зависло, лишь чуть подрагивая, над севером Джорджтауна.
Повернувшись к магическому кристаллу кубка, он всмотрелся в черноту святой воды. Смотреть еще пристальнее, собраться – он хочет увидеть образ. Но он не приходит, словно кто-то блокирует его. Кто-то, который знает, как сбивать вибрации, путать их.
Он предельно сконцентрировался, направив всю силу мышления против того, которого не видел, – как две руки, сцепившиеся в рестлинге на стойке бара. Он представил себе всю мощь, которой обладает, молитвы, ритуалы и силу энергии – все это он может собрать воедино.

Я Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний.

Иди ко мне.

Яхве.

Он мысленно представил себе все ритуалы. Всю силу металла, который он своими руками выплавлял в литейной. И молча воззвал к пустоте.

Яхве.

Оно приходило. Теперь он мог видеть это, оно работало. Он чувствовал, как по всему телу выступил пот, на лбу, на груди, чувствовал, как выхлестывает переполняющая его энергия и снова пополняется, иссыхает и прибавляется снова и снова. Так и должно продолжаться, надо собирать все новые и новые силы, потому что впереди долгий, долгий путь.

Есть!

Дом. Небольшой и крепко нуждающийся в ремонте. Дверь открыта, и первой выходит женщина. Да, теперь он видит ее совершенно четко, словно все происходит у него перед глазами за окном. Он видит, как добыча выходит из дома, быстро целует женщину в щеку, проходит по дорожке, устраивается на заднем сиденье такси. Да, тут не было ошибки, о ней вообще не может быть и речи…

– Я сделал тебя! – закричал он, в возбуждении моментально забыв о протоколе, требующем молчания. – Я сделал тебя, ты, хитрая маленькая сволочь!

105

Вашингтон. Среда, 7 декабря 1994 года

– Хочешь, чтобы я попросила Дейва позвонить твоей матери, когда он придет домой? – сказала Джулия Шваб, когда они стояли на пороге.

Коннор задумался.

– Нет… попозже я сам ему позвоню. – Он поцеловал ее в щеку. – Рад был повидаться с тобой, спасибо за помощь.

– Никаких проблем. Расслабься, а то у тебя загнанный вид. Они просто тебя заездили на работе!

Он улыбнулся:

– Не буду спорить. Береги себя. – Повернувшись, он торопливо прошел по дорожке к ожидавшему такси и дал адрес дома своей матери. Легкие снежинки превратились в снегопад; густые хлопья ковром устилали землю.

Главной его заботой была безопасность Монти, и теперь с ней все было в порядке. Теперь они должны вытащить ее отца – где бы его ни держали. И заняться этим следует без помощи полиции; Монти сама в этом убедилась.

Он посмотрел на тикающий счетчик. Водителем был лысый черный мужчина с фигурой борца сумо; баранка в его могучих лапах казалась детской игрушкой, и он нависал над ней, с ленивой, спокойной уверенностью ведя машину.

– По прогнозу, сегодня вечером – большой снегопад. Завтра на улицах будет столпотворение, это уж точно.

Коннор увидел в зеркале глаза водителя и кивнул в знак согласия. День клонился к вечеру, и большинство машин уже включили дальний свет.

– Будет сплошная грязь, да, сэр, – повторил водитель.

Внезапно лоб Коннора пронзила острая боль, и перед глазами все поплыло. Он закрыл глаза, снова открыл их и с удивлением почувствовал легкое головокружение. Дорога пошла под уклон, и, прежде чем выехать на кольцевую, они прибавили скорости, после чего, не сбрасывая ее, направились на север. Снег под острым углом летел на ветровое стекло, и «дворники» смахивали его.

Это все снегопад, понял он, слегка расслабившись, именно из-за него он испытал головокружение, когда смотрел на калейдоскоп мельтешения хлопьев в свете габаритных огней. Мимо прогромыхал грузовик, и ком талого снега из-под его колес тяжело ударился о ветровое стекло. Коннора бросило в сторону, когда такси резко увильнуло от невидимого препятствия. Повернувшись, он посмотрел в заднее окно, но полоса за ними была совершенно чистой.

– Что там такое было?

Водитель не ответил.

– Что вы объезжали? – спросил Коннор.
Водитель молчал.
Впереди что-то произошло. Мигающие огни. Появление тормозных сигналов. Грузовик в двухстах пятидесяти ярдах от них резко затормозил. А такси начало набирать скорость.
Коннор нахмурился, пытаясь понять, что делает водитель, и дожидаясь, когда он ударит по тормозам, но он продолжал жать на газ.
– Эй! – обеспокоенно обратился он к нему. – Эй, вы в порядке? – Подняв взгляд, он уставился в зеркало заднего вида. Бесстрастный взгляд водителя был устремлен куда-то далеко вперед, словно он был в трансе.
Они продолжали набирать скорость.
Движение впереди полностью остановилось.
Коннор почувствовал, как его окатило ледяной волной страха.
– Эй! – заорал он. – Стоп – ради бога!
Скорость нарастала.
Они летели прямо на грузовик. Двести ярдов. Сто семьдесят пять. Сто пятьдесят.
Коннору казалось, что он участвует в гонках в комнате ужасов на ярмарочной площади.
Грузовик продолжал стоять на месте. Расстояние между ними все уменьшалось. Он судорожным движением нашел ручку двери, рванул ее, ударил плечом в дверь, услышал рев воздуха, кожей почувствовал скорость и отчаянным рывком бросил свое тело навстречу ей.
Он падает? Или летит? С леденящей медлительностью кувыркается в темноте?
Страшный удар в грудь вышиб у него из легких остатки воздуха, словно дорога поднялась, чтобы нанести его. Он, кувыркаясь, летел по дороге. Взвыл чей-то клаксон. Мимо него летели огни, а жар удушливых выхлопных газов опалял лицо. Коннор не имел представления, где он. Гудрон батутом подкинул его, приложил животом и снова швырнул в воздух. У Коннора был разбит подбородок, колени, скула…
Раздался оглушительный металлический грохот.
Он продолжал неподвижно лежать. Высоко над ним из темноты выплыли два ярких огня. Они направились к нему. Ангелы? Нет, раздалось шипение тормозов, хриплый звук резины по мокрому гудрону. Затем полная темнота и гулкий отголосок рева, словно он влетел в железнодорожный туннель; он закрыл руками голову, в ужасе прижался к твердому дорожному покрытию, и гусеничный трейлер прогрохотал над ним.
Затем трейлер умчался. А он продолжал лежать.
Машины шли одна за другой. Он должен отползти с дороги; лимузин пронесся так близко, что едва не коснулся его куртки. Когда он исчез, Коннор на четвереньках, как животное, пополз через полосу.
– Коннор!
В темноте его звал голос матери. Он увидел, как распахнулась дверца, как вспыхнул свет в салоне. Машина остановилась рядом с ним.
– Коннор! Залезай же, залезай!
Он перевалился через порожек, как утопающий влезает в спасательную шлюпку, почувствовал мягкую кожу пассажирского сиденья и, рухнув в другой мир, потерял все силы. Осталось только свечение приборной доски, запах убежища и теплый воздух из кондиционера «мерседеса».
Впереди, в проемах мелькающих дуг «дворников», он видел легковые автомобили и фуры, сгрудившиеся на дороге, усыпанной осколками стекла. Фары освещали задник неподвижного трейлера, который он видел полстолетия тому назад. Что-то висело на нем, как остатки рыбы в зубах хищника. В освещенном пространстве он ясно видел – это то, что осталось от такси, в котором он только что сидел. Влетев под задний бампер огромного трейлера, машина смялась почти до заднего окна, а крыша была вырвана и сейчас болталась, как крышка от консервной банки сардин.
Он повернулся лицом к матери, не в силах произнести хоть слово.
– Я думала, что слишком поздно, – тихо сказала она. – Я думала, ты уже погиб.

Когда издали донесся звук захлопнувшейся дверцы, Монти осталась наедине с молчаливыми котами, горящими свечами и языками пламени в камине. Чувствовала она себя как призрак на балу. Только вот никак не понять, где проходит бал, напомнила она себе.
«Я чувствую, это начинается. Я должна идти к нему».

Что начинается?

И она отправилась по дому в поисках фотографии Коннора-ребенка или чего-нибудь, что помогло бы ей лучше понять Табиту Донахью.
Во всех жилых помещениях, даже на огромной современной кухне, она встречала одно и то же – абстрактные картины и странные фигурки.
Миновав альков, она вошла в кабинет, который был обставлен в стиле хай-тек. Она увидела на полках компьютерную аппаратуру вместе с лазерным принтером и монитором, а в центре комнаты – нечто напоминающее подсвеченный эпидиаскоп в металлической окантовке размером с кофейный столик. Вокруг него стояло четыре вращающихся стула. Сверху лежала карта, зажатая между двумя листами стекла, а прямо над ней, подвешенный на шелковой нити к крюку в потолке, неподвижно застыл кристалл кварца, конец которого был всего лишь в нескольких дюймах над стеклом.
Маятник, поняла она. Должно быть, именно здесь мать Коннора и занималась ясновидением.
Испытывая легкое чувство вины из-за того, что пустилась в эту прогулку, она все же продолжила осмотр. Открыв дверь в дальнем конце дома, она предположила, что попала в спальню хозяйки, главным предметом в которой была огромная двуспальная кровать под пологом.
На столике у окна стояли две фотографии в рамках. На одной был изображен Коннор в день окончания учебы, в церемониальной шляпе и мантии. Другая, черно-белая свадебная фотография, где юная Табита Донахью стояла рядом с застенчивым мужчиной во фраке.
Монти была разочарована, не обнаружив явного сходства с Коннором, и решила, что, унаследовав внешность матери, Коннор, конечно же, получил в наследство лучшее из набора генов своих родителей – если предположить, что рядом с Табитой стоит мистер Моллой. Она вздрогнула, когда, снова посмотрев на него, представила, как этот несчастный падает из окна одиннадцатого этажа и разбивается у ног Коннора.

Иисусе!

Выйдя из кабинета, она увидела узкий коридор с закрытой дверью в конце. Сказав себе, что на кону стоят их жизни и фактически она оказалась в руках совершенно незнакомого человека, она решила, что несет ответственность перед отцом, да и сама перед собой – делать то, что считает правильным. Монти открыла дверь.
За ней стояла непроглядная темнота, и ее встретил мускусный запах помещения, которым редко пользуются. Пошарив рукой по стене, она нашла выключатель. В бумажном глобусе вспыхнуло слабое красноватое свечение, и она удивилась тому, что открылось ее глазам.
Старомодные портьеры пурпурного бархата были плотно задернуты, а пол покрывал истертый персидский ковер. В центре стоял округлый стол и шесть антикварных кресел. На столе лежали несколько предметов, включая древний фолиант в полотняном переплете, маленькую стеклянную пирамидку и россыпь горных кристаллов.
У противоположных стен друг против друга стояли два дивана, а набор стульев позволял предполагать, что комната была подготовлена для групповой встречи. Монти обратила внимание на набор сложной аудиоаппаратуры и полки с книгами.
Здесь была застывшая в ожидании атмосфера, и Монти почувствовала, что ей не стоит здесь оставаться, но, прежде чем выйти, она решила пробежать взглядом по книжным полкам. На них стоял широкий набор книг по оккультизму и по теме нью-эйдж. Жизнь после смерти, пути получения информации оттуда, сила кристаллов, гримуары черной магии, чакры, лекарственные растения, телепатия, врачевание…
Она зевнула, почувствовав прилив усталости, и вспомнила, что, если не считать зыбкой дремоты в самолете, практически не спала.

Когда она повернулась, чтобы выйти из комнаты, ее внезапно пронзила острая боль. Ей показалось, что в голову от виска до виска вошел добела раскаленный стержень.
Она в ужасе глотнула воздуха и согнулась. Боль усиливалась, и она потеряла ориентацию. Качнувшись, Монти сделала шаг вперед, наткнулась на стул и рухнула на пол. Боль усилилась, словно стержень еще и повернули. Она лежала, плотно смежив веки.
– Коннор! – прошептала она. – Коннор, помоги мне, прошу тебя, помоги!
Монти содрогнулась от приступа тошноты. Она открыла глаза, но комната плыла перед ней под каким-то диким углом. Когда она попыталась встать, ее повело в сторону, и она потеряла равновесие.
Боль пульсировала под кожей лба, била в переносицу и одновременно в затылок, в основание шеи. Казалось, словно череп разламывают растущие в нем корни какого-то дерева, которые давят во все стороны, прорываются сквозь барабанные перепонки, сквозь глазные впадины, лезут из горла. Она слепла, глохла и задыхалась.
Ее охватила паника. Она не могла дышать, хотя отчаянно старалась втянуть в себя воздух.
– Кн…нр. Пжл…ст… пммг… – Теперь корни жадно всасывали в себя керосин вместо воды, и голова ее была заполнена удушливыми испарениями, от которых горели все нервные окончания. Затем они вспыхнули, и все содержимое ее черепа взорвалось, охваченное ревущим адским пламенем. – Коннор, Коннор, Коннор, Коннор! – непрерывно кричала она, не в силах справиться с невыносимой болью. Но даже в этом состоянии она слышала доносящиеся откуда-то глухие ритмичные удары. От окна. Они становились все громче, ритм – все стремительнее. Затем она услышала голоса, смех. Перебарывая боль и встающий дыбом пол, она подползла к окну, раздвинула портьеры и выглянула.
Снаружи стоял доктор Кроу и, прижимая лицо к стеклу, вглядывался внутрь. Он приказал ей открыть окно и присоединиться к нему.
Полная слепой паники, она попыталась отползти от него. Но могучая сила, которая подтащила Монти к нему, продолжала толкать ее – все ближе, ближе и ближе.
Ее сопротивление слабело. Монти осознавала, что, когда она доберется до окна, боль прекратится. Доктор Кроу ей это обещал. Он там, в темноте, за прозрачной преградой, он проделал весь этот путь из Англии, чтобы помочь ей!
– Мисс Баннерман, я могу прекратить эту вашу боль!
Его лицо было полно мягкости и благородства, которого она в нем никогда раньше не замечала. Тело ее окунулось в теплоту, и боль стала ослабевать. Она с благодарностью посмотрела на него.
– Верьте мне, Монти. Я могу прекратить боль. Скажите, что доверяете мне; вы должны выбраться из этого дома. Они хотят убить вас, принести в жертву. Вы должны бежать. Здесь вам угрожает серьезная опасность.
По выражению его глаз она видела, что он говорит правду. Ей оставалось лишь удивляться, как раньше она могла не доверять ему. Он знал истину, он сам был истиной.
И тут боль вернулась. Она была хуже, куда хуже. Из горла Монти вырвался мучительный крик. Теперь голова была полна голодных муравьев, которые вгрызались в мозги; она прижала пальцы к ушам, чтобы остановить их. Но теперь они атаковали оптические нервы; подрагивая усиками, они грызли их и кусали тыльную сторону глазных яблок.
Она попыталась закричать, но горло было забито ползущими муравьями. Слава богу, доктор Кроу продолжал стоять здесь, такой добрый, такой полный сочувствия – ее единственная надежда.
– Слушай меня, Монти. Делай, как я тебе говорю.
Она отчаянно закивала.
– Твой отец умрет, если ты не сможешь спасти его. Он испытывает такую же боль, как и ты; только ты можешь освободить его от этих болей. Ты готова?

Да, да.
Она готова.

– Влезь на стол, Монти.

Плача от боли, она медленно, по очереди переставляя ноги, влезла на стул, а потом и на стол; она чувствовала, как стол качается под ее весом и как висящий на шнуре бумажный абажур ударил ее по лицу.
– А теперь поднимись! – приказал Кроу.
Монти медленно выпрямила одно колено, а потом другое. Боль пронзила тело. Муравьи копошились глубоко в глазных яблоках, и она понимала, что видеть ей осталось всего несколько секунд.
– Вставай! Держись за шнур, пусть он возьмет на себя твой вес!
Придерживаясь одной рукой, она сделала левой ногой шаг по столу. Ее качнуло, повело в сторону, но, вцепившись в шнур, она как-то смогла остаться на ногах. Стол опасно накренился, чуть не сбросив ее, но, чувствуя спокойное влияние доктора Кроу, она сохранила равновесие.
– Хорошая девочка, ты все сделала отлично, и я горжусь тобой. Все мы очень гордимся тобой и очень любим.
Боль стихла, но лишь чуть-чуть. Доктор Кроу сделал ее терпимее, и она понимала, что если он облегчил ее положение, то облегчит его и для отца.
– А теперь, Монти… – улыбнулся он. – А теперь возьми шнур и три раза обмотай его вокруг шеи.
Полная глубокого и неколебимого доверия, она посмотрела в лицо доктора Кроу, которое виднелось в проеме портьер, и сделала, как он сказал ей.

107

Израиль. 31 июля 1985 года

Вертолет без помех поднялся с высокого каменистого плато, повисел в воздухе, опустил нос и затарахтел над чашей Мертвого моря по направлению к ярко-красному шару заходящего солнца.
В то же самое время две фигуры в черных галабеях быстро, как насекомые, выбрались из расщелины в скале, торопливо скатали две флуоресцентные ленты, которые образовывали посадочный знак, и, опасливо озираясь, вернулись обратно в скалы.
Час спустя на дне расщелины, которая на полмили рассекала скальный массив, являя миру все внутренности горы, четверо часовых, охраняющих Священную Могилу Сатаны, безмолвно застыли на краю естественного водоема, напоминающего небольшую лагуну. Считалось, что ее глубина составляет три мили, и свинцово-серая поверхность вздымалась брызгами, потому что об нее с громовым грохотом разбивалась струя воды, отвесно падавшая с высоты двести футов на мель в северной точке водоема.
Между водопадом и скальной стеной на Камне Очищения неподвижно стоял Теутус. Промокший от водяной пыли, он стоял с закрытыми глазами, повторяя заклятие очищения, которое с давних пор знал наизусть.
Когда он закончил, вышли стражники в их черных галабеях с капюшонами, безмолвно осушили его нагое тело чистыми льняными полотенцами и провели Теутуса через пустоту в скале по проходу, который заканчивался маленькой впадиной; она представляла собой камеру, освещенную единственной сальной свечой.
Это помещение было совершенно пустым, если не считать ряда из семи серебряных кадильниц, которые на цепочках свисали с крюков. Кроме них, здесь была приподнятая плита на полу, семи футов в длину и двух – в ширину. Вырезанную из чистого малахита, ее столетиями еженедельно полировали, пока она не обрела тускло-зеленое сияние. После своих занятий Теутус знал, что это Алтарь Помазания, второй этап очищения. Был и третий этап, который его беспокоил, потому что подходило его время. Он готовился к нему тридцать лет.
Он занял положение спиной к алтарю и начал повторять про себя Ключи к Помазанию; стражники, чье безмолвие никогда не нарушалось, начали Помазание Сосудами Семи Планет.
Один из них взял первую кадильницу, серебряный шар с отверстиями, как и остальные украденный много лет назад из Ватикана и оскверненный менструальной кровью, семенем,

мочой и калом. В нем содержался аромат шафрана, соответствующий Солнцу, смешанный с измельченными мозгами орла.
Покачивая кадильницей из стороны в сторону, стражник обошел вокруг Теутуса полный круг, брызгая пахучими каплями на его обнаженную плоть. Когда он кончил, второй стражник повторил процедуру, а за ним последовали третий и четвертый…
Следующая кадильница содержала духи, сделанные из семян белого мака, посвященные Луне, они были смешаны с менструальной кровью. В третьей были духи из семян черного мака, смешанные с мозгами кошки и кровью, выжатой из летучей мыши, – они соответствовали Сатурну. Четвертая была посвящена Юпитеру, пятая Марсу, шестая Венере, а седьмая – Меркурию.
Тот же самый ритуал был повторен с каждой из кадильниц. Затем прикосновениями рук стражники дали понять, что можно встать. Двое впереди и двое сзади того, кто прошел обряд помазания, преодолели лабиринт коридоров, в которых кое-где горели случайные свечи, и, наконец, через Великую Арку вошли в храм Вечного Пламени Сатаны.
Теутус был восхищен и изумлен этим священным пространством, в которое он вошел первый раз в жизни. Его пять сторон, сложенные из естественных отполированных скальных образований, величественно, как стены готического храма, вздымались к верхнему плато. Каждая стена была украшена изысканной и красивой резьбой, изображавшей каббалистические знаки и символы, но над их головами не было выгнутых сводов кафедрального собора, а только небольшая пентаграмма, в проеме которой виднелось стремительно темнеющее небо.
Сорок два асессора стояли, прижавшись спинами к стенам и образовав собой полный круг. Молчаливые, как статуи, они были облачены в белоснежные льняные мантии, а их лица скрыты под золотыми масками, изображавшими разных зверей – по выбору хозяина.
Мощное пламя природного газа вздымалось из отверстия в полу, которое было центром причудливо переплетающихся концентрических кругов, вырезанных на камне. Согласно легенде, пламя это было зажжено Самим Сатаной, что было Его последним действием перед тем, как Бог нанес Ему поражение. Только Сатана мог затушить его, и в тот день, когда это сделает, Он восстанет из пепла, чтобы обрушить на Бога всю мощь своей мести. В центре пламени лежал массивный гранитный тигель. Накипь, образовавшаяся на поверхности расплавленного золота, наполняла его до краев и кипела, как вулканическая лава.
Между тем местом, где стоял Теутус, и пламенем располагалась наковальня и лежали куски гранита, которые были и тяжелым орудием кузнецов, и хрупким инструментом ювелиров. В ходе многих ритуалов, которые Теутус освоил за прошедшие тридцать лет, едва ли не главными были мастерство литейщика и искусство золотых дел мастера. Поскольку ему втолковали, что великому магу необходимо умение самому создавать свои сосуды скудельные и отливать для себя украшения, он овладел и тем и другим мастерством.
Но сегодня он явился без своих драгоценностей и без своей короны. Нагим он вошел в храм, не взяв с собой ничего из старого мира, что могло бы оставить на нем пятно, уменьшить его мощь. Здесь, перед равными себе, из золота, кипящего в тигле, он откует себе новые украшения – новую корону, новые кольца и новый кулон.
Это золото когда-то было сосудами и украшениями ушедшего Ипсиссимуса, предыдущего номинального главы, избранного сорока двумя асессорами, – восьмидесятисемилетнего банкира, который лежал в частной клинике в Швейцарии, медленно умирая от рака кости.
Это было то же самое золото, которое почти две тысячи лет плавилось и переплавлялось велением каждого приходящего Ипсиссимуса, то самое золото, из которого когда-то были отлиты кубки и блюда, каковыми когда-то пользовался великий Обманщик Иисус Христос и его гнусные последователи. Эти кубки были найдены в пещерах Кумрана, где их спрятали после распятия на кресте.
Едва только вступив во второй десяток лет, Теутус отказывался верить в существование того библейского Бога, из-за которого его детство стало сущим адом; не верил он и в Сатану как в некое высшее существо. Сегодняшнюю процедуру он считал простым дикарским обрядом племени мумбо-юмбо, что ни в коей мере не умаляло для него ценности данного обряда. И Бог и Сатана когда-то оба существовали, в чем он практически не сомневался, но оба они были простыми смертными, такими же реальными, как он сам, – ни больше ни меньше.
Просто они были магами, шаманами, алхимиками, которым довелось понять, как следует себе на благо управлять энергиями Вселенной. Присущая им мощь была вне понимания смертных,

но доступ к ней был тайной, которую делили между собой только сорок два асессора и их предшественники. Мощь эта заключалась в силе мысли, которая подчиняет себе материю. Способность управлять силой воли обеспечивала и харизму, и телепатию, и выход в астрал. Начало этой силы было положено тысячи лет назад. Эта мощь могла создавать богатства, политическое влияние и контроль. Она позволяла добиваться успехов во всех земных начинаниях. Она была величайшей силой, когда-либо известной человеку.
Теутус не знал ни одной личности присутствующих здесь сорока двух молчаливых асессоров. Он знал лишь, что его искали и выбирали с великим тщанием, и в процессе этом было больше тайн и ритуалов, чем в выборе нового папы Ватиканом.
Он догадывался, что все они обладают огромным влиянием на мировой сцене. Один был кардиналом из Ватикана, другой – выдающимся ученым, был среди них сенатор Соединенных Штатов. И член британского кабинета министров. Каждый был отобран из среды равных себе в результате поисков по всему миру – за способности к телепатии, за влияние в бизнесе, за политическое влияние и за безукоризненную внешнюю респектабельность.
Все только через ментальный контроль. Вербальные связи запрещены. Все выясняется и решается только посредством телепатии. Они общаются в молчании и расстаются в молчании. Все они связаны одной общностью.
Сила.

Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю.

И они выбрали своим лидером его – их новым Ипсиссимусом, их магистром магистров. Приглашение пришло непонятно откуда, из пустоты. Тем не менее оно не было полной неожиданностью. Они наблюдали за ним сорок лет. Он знал, что должно произойти, он получал сигналы. А теперь должен доказать, что достоин выбора.
Если он добьется успеха, эта же группа соберется еще раз, на церемонию финальной инициации в Пещере демонов. Эта встреча будет иметь место через восемнадцать дней после смерти уходящего Ипсиссимуса. Теутус знал, что другое такое собрание не состоится, пока он сам не окажется на смертном одре. Оно пройдет здесь же, в недрах этой столовой горы, через двадцать, тридцать, сорок лет. К тому времени многие из тех, кто сейчас тут присутствует, тоже будут мертвы, и на их место придет молодая кровь, которую будут столь же тщательно отбирать, чтобы вручить им те же знания, те же тайны.
Он прошел долгий путь, вспоминал Теутус, с того дня, как купил того первого кролика в лавке домашних животных в Хай-Барнете. Но перед ним все так же лежит дальняя дорога. Сегодня вечером состоится двенадцатое Испытание, и он должен выдержать его. А затем его ждет тринадцатое Испытание с его опасной тропой в Пещеру демонов. В прошлом были и другие, которые прошли так же далеко… и потерпели поражение; ходили слухи об ужасных унижениях и мучительной смерти. Но если он позволит этим страхам отвлечь себя, то это будет такой катастрофой, которую невозможно представить.

Сила мысли выше материи.

Они смотрят и ждут.

Сила мысли выше материи.
Полная, предельная концентрация. Он ходил босыми ногами по тлеющим углям. Но это было легко. Задержав дыхание, он провел под водой десять минут, с руками и ногами прикованными к камням, но и это было нетрудно.

Ни один из всех этих ритуалов не труден, когда ты понимаешь тайну контроля.
Сила мысли выше материи.
Большинство человечества использует меньше двадцати процентов своих мозгов. Секрет кроется в остальных восьмидесяти процентах, и никто, кроме тех, кто собрался здесь, не мог найти ключ к ним.

Жар опалил его с расстояния десять шагов, и едкий серный дым наполнил легкие. Он посмотрел на небо высоко над головой. Темнело, и уже высыпали первые звезды.

Звезды управляют человеком, но мудрый человек управляет звездами.

В отверстии высоко над ним появился край полной луны. Когда он увидит ее всю целиком, вот тогда и начнет.

Закрыв глаза, он полностью очистил свой мозг и начал произносить единственные слова, которые были ему разрешены:

– Слава Зороастру! – Затем он поднял голову к небу. – Слава Алнату! Аллотхаиму, Ахаомазону. – Он продолжал по очереди приветствовать все двадцать восемь домов Луны.

Затем, остановившись, Теутус двинулся вперед, пока не оказался в нескольких дюймах от края огня, где громко объявил:

– Я Альфа и Омега, я начало и конец, которые есть, которые были и которые будут Всемогуществом. Я Первый и Последний, кто был мертвым и живет, и жить я буду снова и снова; у меня ключи от смерти и врат ада.

Он набрал в грудь воздуха, не обращая внимания на жар и дым, и напряг мышление, подчинив его одной, и только одной, мысли.

Боли нет. Тут нет боли. Я не чувствую боли. Я холоден, как глубочайшие воды Вселенной. Я неуязвим ни для жары, ни для боли. Я высший хозяин своего тела и всех его элементов. И сейчас я готов использовать жар Вечного Пламени Сатаны, чтобы сжечь всю накипь на коже, но оставить в нетронутости саму кожу.

Он наклонился вперед, не дав себе ни секунды промедления, и окунул обе руки до плеч в расплавленное золото в тигле.

И оставил их там.

Его мозг видел и чувствовал воду, и только воду. Огонь не может поджечь воду. Он считал. Тридцать секунд. Минута.

Вода.

Две минуты.

Вода.

Пять минут. Он стал чувствовать жар и силой мысли отшвырнул его. В голове у него пульсировал ход времени; но сейчас он отсчитывал секунды по часам Вселенной.

Вода.

Семь минут. Восемь. Девять. Десять.

Он извлек руки и воздел их над тиглем. Расплавленное золото, подобно шарикам ртути, скатывалось с кожи обратно в тигель, и через несколько секунд его безволосые руки были совершенно чисты. На них не осталось никаких следов.

Он сделал шаг назад. Не было ни аплодисментов, ни поздравлений. Он сделал именно то, чего от него ждали. Ни больше ни меньше.

Главный асессор, в его маске Козла Мендеса, торжественно извлек священное клеймо, лежащее среди инструментов на наковальне, поместил его в пламя под тиглем и полную минуту продержал там. Вытащив, он поднял его высоко над головой – узкую полоску с каббалистическими знаками и символами, раскаленную докрасна.

Теутус собрался.

Асессор повернулся и, торжественно склонив голову, с силой прижал клеймо к правой руке Теутуса, в шести дюймах пониже плеча.

На этот раз Теутус со всей силой почувствовал обжигающий укус ожога, но даже не моргнул. Он высоко держал голову, обоняя зловоние собственной обугленной плоти, и, с силой сконцентрировавшись, начал молча повторять самые трудные места следующего заклинания.

108

Лондон. Среда, 7 декабря 1994 года

Перед ним была стена, покрытая мягкой серой бумагой в пупырышках. На белой полке стоял выключенный телевизор. Рядом на стене висела картина в раме, которая раздражала его, – какой-то детский рисунок подсолнечников в вазе. А вот имя художника ускользало от него. Каждый раз, как Баннерман пытался из глубин памяти вытащить это имя, он буквально сходил с ума. Какой-то импрессионист. Как Моне, Сезанн, Дега… словом, из этой команды. Имя вертелось на кончике языка, но никак не хотело с него соскакивать. Без уха. Этот парень был без уха, он его отрезал… Г… Г…

Словно ему самому отрезали часть мозга. Он мог видеть, слышать, чувствовать, обонять – и больше ничего. Не мог шевельнуть ни единой мышцей. Он медленно опустил веки и для проверки снова поднял их. Никаких проблем. Но остальное тело было начисто изолировано от него.

Он видел размытый силуэт трубок, которые тянулись из ноздрей, и догадался, что его кормят через нос. Что-то мешало ему во рту, а к левой руке была подсоединена капельница. Он слышал гудение и мягкое постукивание вентилятора. Легкий свет давал понять, что где-то справа от него должно быть окно, но он не мог повернуть голову, чтобы проверить. Там могла быть и простая электрическая лампочка. Он не имел представления, сколько сейчас времени, день или ночь, а также не представлял, где он сейчас находится.

Пару раз кто-то заходил – высокий загорелый человек в деловом костюме, которого он знал, но не помнил, кто он такой. Он знал, что этот тип мог все еще находиться в комнате, но вне поля его зрения.

Он видел, что простыня у него под носом вздымается и опадает в такт с поворотами вентилятора. Он понимал, что ему вставляли катетер, и чувствовал, что лежит на мягкой прокладке.

Память была в сплошном тумане. Вот он в лаборатории, в своем старом здании – и вот он здесь. Он никак не мог припомнить, почему он не оказался в своей новой лаборатории в «Бендикс Шер». Может, это мозг откалывает такие шуточки? А что, если у него инсульт? Где Монти? Почему она не приходит навестить его?

Да я же стал овощем, провалиться мне.

Он снова уставился на картину. Г.
Черт побери, что же это за парень?

Он попытался как можно отчетливее вспомнить все, что с ним было. Два человека. Но дальше не пошло. Он продолжил рассматривать картину.
Ван Гог. Да, Винсент Ван Гог!

Внезапно он ощутил прилив восторга из-за этого своего маленького триумфа. Первый овощ, который знал историю искусства.

109

Среда, 7 декабря 1994 года

Пластиковая оплетка шнура холодила кожу на шее Монти, но держал он хорошо, надежно, можно сказать, цепко; с его помощью Монти смогла утвердиться на шатком деревянном столе.
– А теперь опусти руки, Монти, – сказал доктор Кроу. – Пусть они висят по бокам.
Она секунду помедлила, но, увидев мягкость и заботу на его лице, почувствовав в глубине его сердца искренность, поняла, что может полностью доверять ему; если он сказал ей опустить руки, она спокойно может это сделать.
Монти медленно опустила их. Когда она качнулась, шнур больно врезался ей в шею, но он же помог устоять, взяв на себя часть ее веса. Со шнуром она прекрасно себя чувствует, он удерживает ее от падения. Она в безопасности. В полной. Доктор Кроу – ее защитник, и вообще он прекрасный человек.
– Отлично! – сказал он. – Очень хорошо! Все мы гордимся тобой, моя дорогая. – Доктор Кроу улыбнулся, и Монти почувствовала в себе восторженный трепет – как она счастлива, что смогла обрадовать его, что получила прощение за все те плохие мысли о нем в прошлом. Все это забыто, и между ними установилось новое взаимопонимание. Что там говорил Коннор? «Это было тогда, а это теперь». Что-то вроде этого. Теперь она поняла, что он имел в виду. – Стол тебе больше не нужен, Монти, он тебе мешает. Оттолкни его ногой, оттолкни сильнее!
Она послушно уперлась в стол подметками. Тот начал раскачиваться. Доктор Кроу одобрительно улыбнулся.
– Это правильно, – сказал он. – А теперь оттолкни его.

Визг намертво схваченных тормозов, скользящих по асфальту. Фары моментально осветили салон «мерседеса» Табиты Донахью, а затем другую машину, которая, вращаясь вокруг своей оси, пролетела мимо них, словно выкинутая с трассы гонок. Раздался звук жуткого удара, за которым последовал страшный, продолжительный грохот, словно сотня бочек из-под бензина кувыркалась по мятому металлу. В эту свалку врезался грузовик и, проскочив ее, тут же взорвался огненным шаром.
Непрерывно гудел одинокий клаксон. Шины вопили, как раненые животные. Все шоссе было запружено остановившимися машинами. Одна из них ударилась в разделительную полосу и перевернулась, другая пушечным ядром врезалась в нее, и из окна вылетел какой-то маленький сверток, может быть ребенок.
Коннор видел, как с одной машины содранной кожей слетела крыша. В то же время издалека донесся слабый пронзительный звук, который рос и крепнул, становясь все громче. Сирена.
Коннор смотрел сквозь ветровое стекло «мерседеса» матери, испытывая настойчивое желание выскочить и броситься помогать, но что-то удержало его на месте. Сигнал становился сильнее и отчетливее с каждой секундой.

Монти.

Еще одна машина врезалась в груду металла перед ними. Горели как минимум четыре машины. Он слышал крики и завывания сирен. Но все время было что-то еще.

Монти. Беда.
Этот сигнал продолжал расти.

К обломкам бежали люди, пытавшиеся открыть заклинившие двери; какой-то мужчина в форме водителя автобуса поливал пенной струйкой из маленького огнетушителя огненный ад, бушевавший в перевернутой машине. Движение на другой полосе ползло со скоростью улитки, и люди в машинах, выворачивая шеи, глазели на происходящее.

Монти.

Сирены были уже близко. К месту происшествия подлетела полицейская машина. Но конечно же, массовые аварии так не возникают, во всяком случае так быстро. Может, это какая-то постановка, может, снимают фильм или аварийные службы репетируют сценарий на случай…

Монти.

Монти.

Монти.

Коннора внезапно скрутила судорога страха. Он увидел ее лицо. Шнур вокруг шеи. Увидел, как покачиваются в воздухе и дергаются ее ноги. Надо немедленно мчаться к ней.
– Ма! Мама! – Он встряхнул мать, возвращая ее к жизни.
Она показала на полностью забитую проезжую часть дороги впереди:
– Нам никуда не деться.
Изогнувшись, он посмотрел в заднее окно и убедился, что сзади ситуация ничуть не лучше.
– Сдай назад – и гони по обочине… примерно в полумиле есть съезд с шоссе. – При этих словах он увидел огни машины «скорой помощи», которая по обочине пролетела мимо всех сгрудившихся машин. – Пожалуйста, – сказал он. – С Монти что-то случилось.
Тревожная интонация его голоса подхлестнула Табиту. Она подождала, пока мимо пролетели мигающие огни, резко переключила на задний ход и вдавила педаль газа. Подпрыгнув, «мерседес» дернулся назад, и очередная машина «скорой помощи» еле увильнула от него, а они успели добраться до съезда. Коннор с трудом сдерживался, чтобы не запаниковать, и держал ключи от дома матери наготове, пока они не подрулили к крыльцу. Он выскочил из машины, кинулся к входным дверям, открыл их и влетел внутрь.
– Монти! – завопил он.
Мощный порыв ветра, едва ли не ураган, ворвавшийся непонятно откуда, унес звук его голоса и с такой силой вытолкнул его из дома, что Коннор упал на спину. Дверь захлопнулась с таким грохотом, что чуть не разлетелась в щепки.
Удивленный смутным ощущением какого-то чужого запаха в воздухе, он поймал взгляд матери, которая прошла мимо него к портику, открыла сумочку и стала что-то искать в ней. Через секунду она извлекла сложенный лист бумаги, который он много раз видел раньше, и развернула его. В своем черном бархатном пальто до пят она представляла собой величественную фигуру. Закрыв глаза, она стала еле слышно бормотать слова заклинания. Закончив, она толчком распахнула двери и вошла внутрь, готовая, если необходимо, остановить двери своим телом. Внутри дома с завыванием крутился вихрь, из которого вылетело маленькое стеклянное пресс-папье и, едва не размозжив ей голову, врезалось в окно «мерседеса». Порыв ветра взъерошил ей волосы так, что они встали дыбом, как водоросли в полосе прибоя, но, гневно сверкая глазами, она твердо стояла на месте.
Коннор почувствовал, как порыв ветра добрался до корней и его волос, но он видел, что ветер не столь силен, как раньше. Подчиняясь приказам его матери, он стал спадать.
Пригнув голову и морщась от гнусного запаха, он проложил себе путь в холл, пробиваясь сквозь воздух, плотный, как вода. До него доносилась какофония, которую издавали дребезжащие предметы обстановки и мебель. Все свечи исчезли. Картины внезапно сорвались со стен и полетели в Коннора. Он пригнулся и услышал, как они врезались во что-то за его спиной.
– Монти! – заорал он. – Монти!
Ветер, похоже, обрел новую силу. Он отбросил Коннора в сторону, и тот упал. Но мать нашла «глаз шторма» и твердо стояла в центре воздушного водоворота.
– Вон! – низким глубоким голосом приказала она. – Я приказываю тебе покинуть этот дом прежде, чем я вышвырну тебя вон!
Запах усилился – гниение прокисшего молока, разлагающейся плоти и экскрементов, вонь откровенного зла.

Коннор поднялся и продолжил пробиваться вперед; двигался он медленно, словно в ночном кошмаре, когда пытаешься бежать, но ноги не слушаются.
Господи, где же Монти, черт побери?

Он снова и снова выкрикивал ее имя. И вдруг неожиданно нашел ее! Он совершенно ясно, без малейших сомнений, понял, где она. Рванувшись в сторону, он оказался перед той дверью, которую искал, схватил округлую ручку и резко повернул ее. Та осталась неподвижной. Коннор заколотил в двери.
– Монти? Монти! – Отступив, он с разбегу плечом врезался в дверь. Она не шелохнулась.
Он с силой врезал по ней и раз, и другой, почувствовав, что дверь дрогнула, но не поддалась. Еще раз! Задыхаясь от чувства паники, он еще раз вложил в удар плечом весь свой вес. Треснув, дверь приоткрылась, и он вломился в стоящий за ней сумрак. И лишь через несколько секунд осознал, что он тут не один.
Петля, свисавшая с потолка, перехватывала шею Монти, голова ее склонилась набок под странным неестественным углом, а широко открытые глаза смотрели безжизненным взглядом.

110

Лондон. Среда, 7 декабря 1994 года

Дик Баннерман слышал, как приоткрылась и закрылась дверь. Он почувствовал, что в комнате кто-то находится. Через несколько секунд в поле его зрения появился доктор Кроу. Ему сопутствовала какая-то фигура в темно-синем костюме, которая носила очки в черной оправе. Генетик попытался узнать его.
Оба гостя остановились в ногах кровати и какое-то непродолжительное время рассматривали его, словно он был малоинтересным экспонатом зоологического сада. Кроу стоял, непринужденно заложив руки за спину; его спутник прошел вдоль кровати и, поравнявшись с головой Дика Баннермана, что-то поправил.
Кроу извлек конверт.
– Сэр Нейл Рорке попросил меня доставить это вам, доктор Баннерман. Он был очень расстроен, услышав о вашем заболевании, и попросил меня передать его наилучшие пожелания и надежду на скорейшее выздоровление. Хотите, чтобы я вскрыл для вас его послание?
Дик Баннерман попытался кивнуть и, к своему удивлению, выяснил, что может немного шевелить головой.
– Через пару минут вы сможете нормально дышать. Затем доктор Зелигман уберет интубационную трубку, и мы сможем поговорить. – Кроу вскрыл конверт и поднес карточку с печатным пожеланием выздоровления к лицу Баннермана. Послание внутри было написано от руки и содержало простой текст:

> Инсульт – ужасная вещь, но я уверен, что скоро вы полностью поправитесь и снова будете с нами.
>
> Нейл Рорке

У ученого упало сердце. Значит, оправдались его самые худшие опасения. Он получил инсульт. Насколько плохи его дела? Он полностью парализован? И тем не менее он чувствовал – это не так. Что-то всплывало в памяти. Прошлый вечер? Доктор Кроу и другой человек. Ганн? Да! Так его зовут, он директор службы безопасности. Все воспоминания как в тумане. Они явились в его старую лабораторию… теперь он начал вспоминать. Господи, не появись они там, он мог бы скончаться. Но что они хотели?

С каждой секундой воспоминания обретали ясность. Он работал с «Матерноксом», идентифицировал ДНК в препарате.
– М… М… – К нему стал возвращаться голос. Затем он поперхнулся и с силой закашлялся. Дыхательная трубка, понял он.
Кроу посмотрел на часы:
– Всего пару минут, доктор Баннерман. Не пытайтесь разговаривать, когда у вас в горле трубка.
Теперь он снова может чувствовать свои руки, ноги. Он пошевелил пальцами на ноге. Он в состоянии немного пошевелить головой, а теперь еще побольше… наконец он способен полностью вращать ею. И может осознать, где он находится: в пустой больничной палате. Без окон. Как здание Бендикс.
Он, делая паузы, методично проверил свое тело, сжимая и распуская мышцу за мышцей, убеждаясь, что сохранил контроль за моторными функциями. Он с облегчением убедился, что способность к движению сохранилась во всех частях тела, пусть даже в данный момент весьма ограниченная; где-то он читал, что после инсульта жизненно важно как можно быстрее начать физические упражнения.

> «Матернокс».
> В голове ученого становилось все яснее и яснее. Это были результаты его анализов! Он начал закипать гневом.

– А теперь необходимо избавиться от вашей вентиляционной системы, – сказал доктор Зелигман, который подошел к кровати и начал тянуть ее.
У Баннермана перехватило дыхание, и, задохнувшись, он на мгновение запаниковал, решив, что не сможет больше дышать, но наконец он увидел, как на свет медленно появляется длинная эндотрахеальная трубка белого пластика. Теперь к нему вернулась способность свободно дышать, и он жадно набрал полную грудь воздуха. Горло у него пересохло и опухло. Вентилятор в последний раз прошипел что-то, и наступило молчание.
– Как вы себя чувствуете? – спокойно спросил Кроу.
– У меня был инсульт?
– Боюсь, что да. Но очень незначительный. Вам повезло.
– Я бы не назвал это везением. Мне всего пятьдесят восемь.
– Ну, это может случиться в любом возрасте. Здесь вы попали в хорошие руки. Я не сомневаюсь, вы встречали доктора Зелигмана, директора нашей клиники.
Генетик, подняв голову, увидел, как Зелигман перекрывает какой-то клапан.
– Надеюсь, вам тут удобно? – спросил Кроу.
– Чтобы вам было так же удобно! Где я, черт возьми?
– Вы в клинике «Хаммерсмит-Бендикс».
– Сколько мне тут еще торчать?
– Это зависит от…
– От чего?
Дик Баннерман видел, как на лице Кроу появилось уклончивое выражение, скрывавшее что-то. Неужели инсульт был серьезнее, чем он ему сказал? Или он получил еще один удар?
– Доктор Баннерман, в современной медицине очень большое значение имеет отношение пациента…
– Где моя дочь? Ей рассказали?
– С ней пытаются связаться. Мы считаем, что она, скорее всего, в Америке.
Генетик все вспомнил и выругался.
– Какой сегодня день?
– Среда.
– Проклятье… в пятницу я… я должен быть в Белом доме. Я произношу речь… – Он огляделся в поисках телефона и удивился, не обнаружив ни одного.
– Они поймут, – с сочувствием сказал Кроу. – Не беспокойтесь, обо всем позаботились.
Дик Баннерман продолжал думать. О «Матерноксе». Он должен передать Монти полученную им информацию – на тот случай, если его поразит еще один удар и он сможет лишь пускать слюни. Или умрет. В идеальном случае ему стоило бы получить подтверждение, что Кроу замешан во всем этом, но предупредительно звякнул тревожный колокольчик. Он глянул на

Зелигмана и решил, что ему не нравится и его внешность. Ничего не говоря, он попытался приподнять тело и сесть, но ничего не получилось, словно половина внутренних связей организма была отключена. Он заметил, что Зелигман наблюдал за его стараниями с легкой ухмылкой.
Тем временем Кроу неторопливо обошел комнату, и его взгляд по-птичьи перескакивал с одного предмета на другой. Он остановился рядом с телевизором, взял пульт дистанционного управления и с деланой небрежностью бросил:
– Вы не думали, доктор Баннерман, сколько удивительных вещей кроется в современной технике?
– Могу ответить и «да» и «нет». Как и многие мои коллеги в генетике, я опасаюсь, что в один прекрасный день какой-нибудь псих зайдет слишком далеко. И только представьте, например, какое воздействие на долгосрочную корпоративную стратегию «Бендикс Шер» окажут труды одного отдельного сумасшедшего.
Кроу подошел к «Подсолнухам» Ван Гога и постучал по картине пальцем:
– Вот она, работа отдельного сумасшедшего. Измученного гения, который умер в одиночестве и нищете. Теперь за его картины платят суммы, соизмеримые с национальным доходом некоторых стран. При жизни импрессионистов высмеивали как шарлатанов, потому что они осмеливались быть другими. А по мнению потомков, они были гениями. Они освободили живопись от уз, которые душили ее.
Дика Баннермана обеспокоило мессианское сияние в глазах Кроу, когда тот вещал, и ученый прикинул, стоит ли ему вести разговор на такую опасную тему. Он остро чувствовал, что, прикованный к больничной койке, он не может сражаться на равных.
– Половину исторических героев называли сумасшедшими или еретиками, – словно взгромоздясь на трибуну, ораторствовал Кроу. – Коперника за то, что тот сказал – Земля вращается вокруг Солнца, Галилея за то, что он поддержал его, затем настал черед Чарльза Дарвина. Я могу перечислить десятки тысяч имен. Я рискну сказать, что и вы среди них. Посмотрите на себя. Вы получили Нобелевскую премию, но основная масса научного сообщества игнорирует вас, и, пока мы не поддержали вас, бóльшую часть своей трудовой жизни вы стучали в чужие двери и фактически просили милостыню.
– По крайней мере, я никогда не делал ничего незаконного или аморального. – Баннерману расхотелось и дальше отделываться пустыми словами.
Но Кроу пожал плечами:
– Истина в том, не так ли, что в нашей области деятельности нам порой приходится делать вещи, которые в какой-то мере выглядят не лучшим образом, но в конечном счете приносят пользу.
– Именно этим вы и занимались с «Матерноксом», доктор Кроу? – На этот раз Дик Баннерман решил не уступать. – Вы использовали его как прикрытие, а на самом деле занимались генной инженерией, встроив ген псориаза в систему развития зародыша. И в какой-то момент в будущем, когда зародыш станет ребенком, а потом и взрослым, этот ген даст начало псориазу, а затем перейдет и его детям. Правильно?
Кроу одобрительно кивнул, словно выслушал новообращенного:
– Вы очень проницательны.
– Я предполагаю, все ваши действия продиктованы намерением создать в будущем рынок сбыта для ваших лекарств?
– Именно так. Это новый штамм псориаза, для борьбы с которым мы, конечно, уже готовим к выходу на рынок новые препараты. Но мы имеем дело не только с псориазом, доктор Баннерман. Мы работаем над созданием новых генов, которые вызовут в будущих поколениях целый набор хронических заболеваний – новые нарушения сердечно-сосудистой системы, новые варианты почечной недостаточности, новые формы клинической депрессии, новые виды рака желудка – и все они потребуют правильного лечения. Зародыш через мать получит все эти гены, и через двадцать-тридцать лет, когда эти болезни начнут давать знать о себе, соответствующие препараты уже будут готовы к патентованию. Вам не кажется, что это довольно элегантно?
– Элегантно? – ошеломленно переспросил Баннерман.
– Знаете ли вы какой-то другой бизнес в мире, где компания имеет возможность создавать биологическую потребность в ее продукции?

– Да. Наркокартель в Колумбии.
Кроу сморщил нос:
– Грубый и бессмысленный пример, о котором даже не стоит и говорить.
Дик Баннерман изучал стоящего перед ним сумасшедшего, моля Бога, чтобы в этом изолированном сообществе был только один такой.
– Неужели вы серьезно так считаете?
– Во всем мире одна из шести женщин нуждается в лечении от бесплодия, и большинство из них принимают «Матернокс», доктор Баннерман. Через двадцать лет их дети начнут взрослеть и обнаружат у себя симптомы новых разновидностей псориаза, депрессии, почечной и сосудистой недостаточности… и так далее. И в результате, – голос Кроу зазвенел торжеством, как у подрядчика, успешно продавшего выстроенное им здание и готового подписать договор о сделке, – в первой четверти будущего века примерно пятая часть западного мира будет зависеть от лекарств, которые производит «Бендикс Шер». И мы не собираемся ограничивать эксперименты по генной инженерии для новых болезней только «Матерноксом». Нет, мы надеемся использовать многие из созданных нами изделий, чтобы вводить в организм гены болезней. Единственное, чего мы должны добиться, – найти правильный метод доставки генов.
– А доставка гена псориаза не срабатывает в вашем проекте «Медичи», не так ли?
– Мы иногда переживаем кое-какие незначительные трудности, – сказал Кроу.
– Неужели вы настолько безнравственны? – воззвал к нему Дик Баннерман. – Настолько негуманны?
Кроу, стоя лицом к генетику, смерил его уверенным холодным взглядом:
– Доктор Баннерман, вы верите в Бога?
– Какое отношение Бог имеет к этому?
Кроу бросил на Зелигмана беглый взгляд, после чего ответил:
– Самое непосредственное. Мы живем в мире, который все больше выходит из-под контроля – и почему? Потому что он находится в злобных клещах деспота, который невозбранно господствует тысячи лет. Шарлатан, надутый позер, задира, садист и массовый убийца. Его имя – Бог, доктор Баннерман. Святой отец. Всемогущий. Сколько человеческих существ, – продолжил он тираду, – этот монстр убил во славу своего имени? Может кто-либо подсчитать погибших во времена Крестовых походов, священных войн, инквизиции Римско-католической церкви, которая правила в Европе с тысяча двести двадцать девятого по тысяча восемьсот тридцать четвертый год? Не говоря о количестве приговоренных к смерти как еретиков за прошедшее тысячелетие… – У Кроу возбужденно блестели глаза. – Назовите мне страну, где не было кровопролития, вызванного Великим Обманщиком и его сыном, – и я назову вам две такие, где кровь лилась потоком! Так вот, мы собираемся изменить все это, доктор Баннерман. Мы наконец осознали, откуда берется Бог. С тайной покончено. Теперь мы сами отвечаем за свою судьбу, мы на пороге нового века, и я хочу дать вам шанс присоединиться к нам. И работать вместе с нами!
Дик Баннерман сразу же отверг это предложение:
– Можете меня вычеркивать, Кроу.
Как ни странно, когда Кроу заговорил снова, у него был спокойный и дружелюбный голос.
– Вы должны кое-что понять, доктор Баннерман. Нас интересует не прибыль, а контроль. В течение следующей четверти века мы собираемся доминировать в фармацевтической промышленности: мы будем контролировать производство, распространение и продажу большинства медикаментов в мире. Мы будем способны контролировать борьбу с болью и, что более важно, воспроизводство. Подумайте об этом… у нас будет власти больше, чем у любой известной политической партии.
Ответ Дика Баннермана, как и раньше, был сух и краток:
– Ты свихнулся, парень.
Доктор Кроу не моргнул и глазом.
– О, я не сомневался, что потребуется время, чтобы вы начали осознавать нашу точку зрения. Я буду откровенен с вами, доктор Баннерман. Видите ли, нам нужно ваше сотрудничество. Мы очень нуждаемся в нем.
– Да, еще бы! Вы столкнулись с проблемами, когда решили с помощью «Матернокса» передавать гены псориаза, потому что прибегли к неправильной методологии. Вы сделали одну

серьезнейшую ошибку, которую могут заметить, скорее всего, лишь три человека в мире. Я один из них.
Кроу внимательно посмотрел на него:
– Вот как? Может, вы просветите нас?
– Скорее я готов увидеть вас в аду.
– Может, вам это удастся, друг мой. Но боюсь, вам не будет позволена роскошь такого выбора. – Он дал сигнал Зелигману, который, нагнувшись, занялся клапаном.
Почти сразу же Дик Баннерман почувствовал, как паралич снова овладевает всеми мышцами. Он попытался заговорить, но смог лишь втягивать воздух.
– Одно из главных преимуществ клиник «Бендикс Шер» в том, что они обеспечивают полное уединение, – сказал Кроу. – Мы можем гарантировать, что наших гостей никто и никогда не побеспокоит – разве что в случае необходимости. – Он улыбнулся. – Вы понимаете?
Генетик буркнул что-то неразборчивое.
– Нет? – Кроу был воплощенная забота. – Разрешите мне внести небольшое уточнение: или вы будете незамедлительно помогать нам, или же мы оставим вас живым и в сознании, но в совершенно неподвижном состоянии, в котором будете находиться столько, сколько вам понравится, – десять, двадцать, тридцать, может, даже сорок лет. Я не знаю, как долго вы сможете протянуть в нем, лишенный возможности читать и писать, – вам останется просто лежать и смотреть на эти стены. Я представляю, что вы сочтете себя похороненным заживо, хотя клаустрофобия вам не угрожает. Пока еще вы можете дать мне знать, прав я или нет, потому что мы собираемся снова ввести вам интубационную трубку и дать возможность день или два как следует подумать.
Дик Баннерман попытался запротестовать, но доктор Зелигман нагнулся над ним и приступил к делу. Через несколько секунд у него возникло ощущение, что все тело залито бетоном. Он видел, как пальцы доктора оттянули ему челюсть и рядом с ней появилось коленце белой изогнутой эндотрахеальной трубки, словно крюк ловца устриц.
Через несколько секунд он мог только смотреть на Ван Гога и слушать ровное позвякивание вентилятора. Комната была пуста.

111

Вашингтон. Среда, 7 декабря 1994 года

У Коннора было ощущение, что сейчас у него разорвется сердце.
– Монти! – закричал он. – О господи, Монти!
Он ухватился за край упавшего стола, рывком поднял его, подставил под ноги Монти, вскарабкался на него, ухватился за шнур над ее головой и со всей силой рванул его.
Шнур порвался куда легче, чем Коннор ожидал, и он, чуть не потеряв равновесие, принял на себя вес ее мертвого тела. Он обнял Монти, прижал к груди и попытался уберечь, когда они оба свалились на пол.
Тело ее было мягким, оно еще не успело окоченеть. Он коснулся ее щеки. От нее еще шло тепло.

Крикнув матери, чтобы она вызвала «скорую помощь», он принялся отчаянно вспоминать приемы первой помощи, которым его учили в школе.
Дыхательные пути.
Первым делом дыхательные пути. Шнур врезался в кожу на шее, но распутать его оказалось легко. Лицо Монти было покрыто синевой, а невидящие глаза словно затянуты пленкой. Он поднес ладонь к носу, а потом ко рту. Она не дышала.

Правильное положение.
Теперь он вспомнил и его. Далее

дыхание рот в рот.

О господи, успеет ли он совершить шесть необходимых действий. Откинуть назад ее голову, освободить дыхательные пути, прижаться к ее рту, наглухо закупорить его губами, плотно защемить ноздри и три раза с силой вдуть ей воздух в легкие. Сделав это, он тут же оторвался от нее, нащупал местечко на груди сразу же под диафрагмой и обеими руками с силой нажал на него три раза.

Дорогая, вернись, не умирай, прошу тебя, не умирай.

Когда Коннор в четвертый раз собирался приникнуть к ее губам, чтобы повторить процедуру, он заметил, что дрогнуло ее левое веко, и от радости у него чуть сердце не выскочило из груди.

– Монти? Монти, дорогая?

Она медленно, еле заметно моргнула. Чуть заметно шевельнулись ресницы; задрожав, они опустились и поднялись снова.

Теплый воздух. Он идет у нее изо рта. Она опустила ресницы. Она дышит. Она жива! Продолжать массаж грудной клетки. В комнату вбежала его мать. Посмотрев на нее, он крикнул:

– Где «скорая помощь»? Ты ее вызвала? Где же они?

Мать встала на колени рядом с ним, вглядываясь в лицо Монти.

– Она была повешена, – сказал он. – На электрошнуре, она не дышала. Ради бога, подгони «скорую помощь». Пожалуйста.

Табита Донахью внимательно посмотрела на девушку:

– С ней все будет в порядке. Продолжай. Продолжай делать то же самое. Не останавливайся.

Коннор то непрерывно сжимал ей грудную клетку, то повторял процедуру «рот в рот», пока дыхание Монти заметно не усилилось. На лицо начали возвращаться нормальные краски. Затем заботу о ней взяла на себя мать Коннора. Она опустилась на пол на колени, вытянула руки ладонями книзу, остановив их в нескольких дюймах над грудью Монти; руки Табиты стали совершать медленные круговые движения над шеей и лицом Монти.

– С тобой все будет в порядке, Монти, – тихо сказала она, продолжая ровные круговые движения рук. – Теперь ты с нами, просто расслабься, теперь ты в безопасности.

Монти открыла глаза и уставилась на них. Первоначальное бессмысленное выражение сменилось смущением. Ее сжатые пальцы распрямились, как у новорожденного ребенка. Коннор взял ее правую руку, поцеловал ладонь и тихонько сжал ее и тут же почувствовал еле заметное ответное пожатие. Она отвечает, понял он. Она тоже пытается сжать его руку! От радости он закрыл глаза.

– Где мой отец?

Коннор, дернувшись, посмотрел на нее. Последние два часа, пока Монти спала, он не вставая сидел рядом с ней, снова и снова перебирая в памяти последние дни, строя планы.

Наклонившись, он поцеловал ее:

– Как ты себя чувствуешь?

Она с трудом подняла руку и коснулась ярко-красной ссадины на шее.

– Не знаю, – сказала она. – Я… я… – Она снова закрыла глаза. – Что произошло, Коннор? Пожалуйста, расскажи мне, что случилось.

– Постарайся заснуть. Теперь тебе больше не о чем беспокоиться. Просто отдыхай. – Он с тревогой смотрел на нее. После того как Монти очнулась, ее следовало бы прямиком отправить в больницу, но это было слишком рискованно – она нуждалась в защите.

– Где доктор Кроу? – прошептала она.

– Все в порядке. Его здесь нет. Он не вернется. Моя мама позаботилась об этом. Он больше не причинит тебе вреда.

Она покачала головой:

– Снаружи… Он был там. Я была как в бреду, и это было ужасно. Он смотрел из-за окна. Он хотел, чтобы я встала на стол и попробовала… он хотел…

Коннор сжал ей руку и кивнул на тяжелые цветастые драпировки:

– Они плотно задернуты, к тебе сюда никто не заглянет. Мы будем с тобой всю ночь, так что тебе не о чем беспокоиться.

– Моя сумочка. В ней диктофон. Прокрути запись.

– Постарайся уснуть, дорогая.
– Прошу тебя, прослушай запись.
Коннор нашел ее сумку и увидел в ней маленький диктофон «Сони». Он вынул его, нажал «Play» и, едва услышав первые слова, подрегулировал громкость.
«…Мы хотели бы получить от вас объяснение, доктор Баннерман, что вы делали с „Матерноксом“, принадлежащим компании».
«Вы предпочитаете, чтобы объяснение прозвучало в суде или перед Комитетом по безопасности медицины?»
– Прокрути назад, – сказала Монти. – Прослушай с самого начала.
Открылась дверь, и вошла Табита Донахью, держа дымящуюся чашку. Она осторожно переступила через полоску соли, которая пересекала порог и опоясывала спальню.
– Я принесла вам то, что поможет обрести силы. Сможете выпить, Монти?
– Я… я сомневаюсь.
Табита села на постель:
– Пусть остынет, и потом попробуйте, хорошо?
Коннор отмотал ленту к самому началу, и их троица в молчании выслушала запись. Когда она закончилась, порозовевшая было Монти снова побелела.
– Я прошу вас, – сказала она. – Мы должны найти моего отца. Не можем ли мы связаться с британским послом? Или доктор Кроу пойдет на… – Внезапно она содрогнулась, не в силах от страха произнести то, что пришло ей в голову.
– При вас есть что-нибудь из вещей вашего отца? – спросила Табита. – Что-то личное… вещь, которую он недавно надевал или к которой прикасался?
– Нет… у меня ничего нет, во всяком случае не здесь. – И вдруг она спохватилась. – Я… а как насчет… есть диктофон! Это его, он всегда был при нем.
Коннор протянул его матери. Она положила его на ладонь, а другой рукой стала легко водить над нею. Дверь чуть приоткрылась, и один из котов вошел в комнату в сопровождении другого, они присоединились к троице людей.
Закрыв глаза, Табита начала собираться с силами.
– Хочешь поработать с маятником, мама? – спросил Коннор.
– Нет необходимости, – ответила она, не открывая глаз. – Я очень остро чувствую его, я знаю, где он, мысленно я четко вижу его. Он очень симпатичный человек, на макушке у него очень мало волос, но длинные волосы цвета соли с перцем закрывают уши и затылок.
Монти изумленно замерла. Затем она осознала, что фотографии отца часто появлялись в международной прессе и, вполне возможно, мать Коннора видела их и запомнила его внешний вид. Разве что она отнюдь не выглядела как женщина, которой нужно врать.
– Да, – сказала она. – Он так и выглядит.
По-прежнему сидя с закрытыми глазами, Табита Донахью продолжала:
– Он жив, но в таком состоянии… словно жизнь покинула его. Я не совсем понимаю…
Монти обеспокоенно смотрела на нее.
– Он лежит плашмя, у него во рту что-то вроде дыхательной трубки, но он в сознании, и мозги у него настороже.
– Он парализован? – встревожилась Монти.
– Он в маленькой комнатке, вокруг него электронная аппаратура.
– Что за комната? – спросила Монти.
– В ней нет окон.
– Господи, – сказал Коннор. – Сколько этажей в этом здании?
– Около восьми.
– Восьми? – переспросил он. – Ты уверена, что оно не выше? Смахивает на здание Бендикс.
– Восемь! – твердо повторила она.
– Это «Хаммерсмит-Бендикс», – сказала Монти. – Клиника. В ней восемь этажей. О господи, где же он там? Может, он ранен.
– Я не знаю, что происходит, но никаких ранений не чувствую. На теле этого мужчины нет никаких повреждений.
– Прошу тебя, Коннор, мы должны что-то предпринять, – взмолилась Монти.

– Завтра, моя дорогая, завтра, – сказал Коннор. – Я все отлично понимаю. Твой отец им нужен живым, они нуждаются в его знаниях. И я отлично понимаю, что мы должны делать. Тебе придется полностью довериться мне. О’кей?
Она коротко кивнула. Ее лицо было маской страха, и, чтобы успокоиться, она сжала его руку.

112

Лондон. Четверг, 8 декабря 1994 года

– Это она, да? – сказала Никки. Голая, она полулежала на полу, прислонившись к спинке кровати, и жевала оливку. Глотком сухого мартини из своего стакана она запила ее, вытащила другую и кинула себе в рот. Свободной рукой она перебирала волосы на лобке, стараясь разгладить их, один волос за другим.
– Кто? – спросил Ганн. Он лежал спиной на постели, и ноутбук стоял у него на бедрах.
Никки рассматривала свою промежность.
– Ты не думаешь, что у меня слишком длинная волосня? Может, в следующий раз, когда я буду делать прическу, стоит и ее привести в порядок?
– Да прекрасный у тебя лобок, – рассеянно сказал он.
– По крайней мере, они рыжие, как и волосы на голове. Много у тебя имелось девчонок, у которых волосы на лобке были такого же цвета, как и на голове?
Ганн что-то неразборчиво буркнул, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Минуло час ночи, и он был дома меньше часа. Он смотрел на телефон, ожидая звонка. Дожидаясь, пока этот кретин Макласки позвонит ему из Вашингтона и подтвердит, что Моллой и эта девка Баннерман мертвы. Дела начинали выправляться, и наконец они уже стояли почти на ровном киле, но еще хватало свободных концов, которые надо было завязать. По крайней мере, товары доставлены, и, если повезет, какое-то время Кроу не будет стоять у него за спиной.
– Что ты сказал? – спросила она.
– Да, я никогда не встречал девушку, у которой на лобке были волосы такого же цвета…
– И вовсе ты этого не говорил!
– Да, не говорил. Ник, я должен поработать, и дай мне передохнуть, мне нужно десять минут покоя.
– «Ник, я должен поработать, и дай мне передохнуть, мне нужно десять минут покоя», – передразнила она его и кинула в рот еще одну оливку. – Ты думаешь, это разврат – в час ночи пить мартини?
Ганн не ответил. Погрузившись в размышления, он изучал список имен. «Зандра Уоллертон. Губерт Уэнтуорт. Чарльз Роули. Коннор Моллой. Монтана Баннерман. Д-р Ричард Баннерман».

> Д-р Баннерман.
> Вот кто оставался все еще не решенной проблемой. Он сделал глоток своего мартини и уставился на гриву темно-красных волос Никки. Да и она тоже стала проблемой. С тех пор как увидела имена на экране компьютера. Она была проблемой, с которой придется что-то делать.

Разболтанные концы. Ты никогда не должен забывать о них. Как цыплята, они всегда возвращаются домой и устраиваются на насесте.
– Это она, не так ли? – снова спросила Никки.
– О чем ты говоришь?
– О рождественских елочках.
– Что?
Она обвела взглядом комнату:
– Не так много дней остается до Рождества, солдат. Как ты думаешь украсить эту величественную дыру, кого пригласить?
– Ник, прошу тебя, – попытался он снова сосредоточиться.

– «Ник, прошу тебя», – снова передразнила она его и разжевала очередную оливку. – Ее. Твою подругу. Ту, что в рождественском списке.
Он осушил свой стакан.
– Можешь ты не говорить загадками? – Он посмотрел на включенный телевизор, который работал с приглушенным звуком. Говорила Мариелла Фроструп, и глаза ее поблескивали; он попытался читать по губам, но понять ее было не проще, чем Никки. Мариелла Фроструп исчезла, и ее место занял какой-то скользкий большеглазый монстр, который держал в когтях что-то вроде оторванной руки. – Эй, Ник, глянь-ка на это! Твоя сестра-близняшка!
– Больше смахивает на тебя в отставке, солдат. – Не оборачиваясь, она через плечо кинула «Ивнинг стандард». – Она, – сказала Никки. – Сенсация на всю первую полосу. Твоя подруга.
Потянувшись, он взял газету. Шапка гласила: «От ужасного взрыва машины с взрывчаткой погибли два человека».
Ганн уставился на фотографию искореженного «эм-джи», затем пробежал статью:

«Полиция все еще пытается установить личность двух жертв… может, ими стали сами взрывники… не исключено, что бомба могла быть подложена террористами из Общества защиты прав животных… предполагаемой целью была Монтана Баннерман… дочь лауреата Нобелевской премии, ученого, доктора Ричарда Баннермана, который сейчас перенес обширный инсульт и борется за жизнь в больнице… пытаемся установить контакт с мисс Баннерман, которая, как известно, находится за океаном по делам бизнеса».

– Монтана Баннерман, – сказала Никки. – Она была в твоем списке с рождественскими елочками. В том же самом, где и твой коллега мальчик Чарли, тот, что утонул на Гавайях. Ты, похоже, совершенно беспечно разбрасываешься своими подчиненными, солдат. Сомнительно, чтобы мне понравилось работать с тобой. Слишком рискованно.

113

Вашингтон. Четверг, 8 декабря 1994 года

Монтана проснулась от каких-то звуков в комнате и, услышав легкие шлепающие шаги, удивленно уставилась в темноту.
На нее смотрели два глаза.
Выпуклые, с радужными зрачками, они, расположившись в нескольких футах от Монти, рассматривали ее со спокойным любопытством. Через несколько секунд к ним присоединилась еще одна пара глаз, а потом еще одна. Затем они стали возникать каждую секунду, и в воздухе все гуще стал чувствоваться прокисший запах земноводных. Сначала все они хранили молчание, а затем помещение наполнило их дружное кваканье.
– Хррр… мняк.
Молчание.
Затем из его глубины как бы пришел ответ:
– Хррр… мняк.
Трепеща от страха, Монти попыталась – очень тихо – отодвинуться к самому краю, но она и так уже распласталась вдоль стены. Дверь была на дальнем конце угольно-черного пространства, заполненного моргающими глазами, в котором нарастал квакающий хор. Едва она попыталась сделать первый осторожный шаг, как под ногой ее захлюпал скользкий извивающийся ковер.
Она в ужасе отпрянула. Что-то ткнулось ей в грудь, а потом что-то влажное и расплывчатое коснулось щеки. Теперь на нее из темноты одно за другим прыгали какие-то создания, их перепончатые лапы путались у нее в волосах, тыкались в грудь, карабкались на плечи и на живот; затем они залепили ей лицо, и Монти ничего не видела, потому что их лапы топтались у нее на глазах.
Она отчаянно отрывала и отбрасывала их, но из темноты на нее прыгали все новые и новые существа с упругими гибкими лапами.

– О господи, помогите мне! – Они дождем падали на нее с потолка, пытаясь сбить с ног и задавить общим весом. – Помогите! Пожалуйста, кто-нибудь, помоги-и-и…
– МОНТИ! – Голос прозвучал непонятно откуда, словно с другой планеты. – Монти! Дорогая! – Это был голос Коннора, мягкий спокойный шепот. – Монти, дорогая, все в порядке, проснись, ну давай же, просыпайся!
Она медленно открыла глаза, зажмурившись от неожиданной яркости прикроватной лампочки, и, смутившись, обвела взглядом комнату, видя перед собой обеспокоенное лицо Коннора. Они были в гостиничном номере. В… в… Она не могла припомнить, где именно. Но не в апартаментах Коннора в Лондоне? Нет. В Америке? Да, в Вашингтоне. Но то облегчение, которое она испытала, когда этот сон рассеялся, тут же исчезло – к ней вернулись воспоминания о прошедшей ночи.

Вашингтон.

Дом матери Коннора.
Она пыталась повеситься.
Шея у нее болела, и она осторожно прикоснулась к ней, потому что боль усиливалась при малейшем прикосновении. Доктор Кроу! Это доктор Кроу пытался заставить ее покончить с собой.
Она посмотрела в глаза склонившегося над ней Коннора и увидела в них тревогу и озабоченность. Волосы у него были взъерошены, а лицо полно такой теплоты, такой нежности…
– Не оставляй меня, – прошептала она. – Пожалуйста, не оставляй меня.
Он легко поцеловал ее в лоб:
– Не беспокойся. Я здесь. Что тебе приснилось?
Она помялась, словно опасаясь, что упоминание о сне вернет его обратно или как-то превратит в реальность.
– Лягушки. Мне снилось, что вся комната полна этих проклятых созданий и что они… они… нападали на меня.
– У тебя с лягушками связаны какие-то неприятные воспоминания? Я помню, как одна оказалась у тебя в кухне и действительно напугала тебя.
Она сглотнула комок в горле:
– С самого детства… Это глупо, и прости, что я разбудила тебя, но…
– Ты мне рассказывала. Это не глупо. У каждого человека есть то, чего он боится.
– Коннор, что со мной вчера на самом деле было?
– Ты подверглась психической атаке. Доктор Кроу как-то добрался до тебя… и, загипнотизировав, внушил тебе желание повеситься.
– Неужели это возможно?
– Моя мать специалист… она всю жизнь изучала такие вещи. Есть несколько человек, которые могут сфокусировать свое мышление, собрать в единое целое энергию, нацелить ее на что-то. Примерно такой силой обладают шаманы, она присуща колдунам вуду. И это совершенно реально.
– Значит, доктор Кроу обладает такой силой?
– Как выясняется, да. – Он помедлил, прикидывая, стоит ли ей рассказать, как он едва спасся в такси. Решил, что не стоит.
Она коснулась пальцами его щеки, чтобы удостовериться – он живой, он рядом.
– Значит, отныне так и пойдет, Коннор? Мы будем жить в постоянном страхе?
Он промолчал.
– Господи, а я-то думала, что «Бендикс Шер» – это сон наяву. Я думала, что теперь-то будут решены все наши проблемы и я получу возможность вести нормальную жизнь. – Она с горечью рассмеялась.
– Ты когда-нибудь вела нормальную жизнь? – тихо спросил он. – И вообще кто ее вел?
Она вздохнула, прежде чем ответить.
– Когда-то я ее вела. Я была ребенком, и моя мама еще была жива, – грустно сказала она. – Как было хорошо в те дни. Я вела себя как и другие дети, мы вели ту же жизнь, что и другие семьи. Вот это я имею в виду. А как ты? Когда ты был ребенком…

– Это было давным-давно. Это было тогда, а это – сейчас.
– Ты всегда так говоришь.
– Это универсальная истина; ничто не остается в неизменности. Да и масштаб, которым мы мерим вещи и события, меняется. Мерило, которое в семилетнем возрасте казалось мне совершенно нормальным, решительно отличается от того, которым я пользуюсь сейчас.
Задумавшись, Монти поняла, что, в общем-то, он прав. Она придвинулась поближе к нему и сказала:
– Что бы ни случилось, я надеюсь, какое-то время мы проведем вместе. И я надеюсь на это больше всего в мире.
– Как и я. – Он поцеловал ее. – Хочешь еще поспать?
Она помотала головой:
– Я окончательно проснулась.
– По нашему времени. Мы же живем по английским часам.
Поерзав, она осмотрела строгую, но уютную обстановку комнаты.
– В этом доме ты и вырос?
– Он был немного поменьше. Примерно на четверть. Мама сделала к нему пристройку.
– Она зарабатывает деньги, занимаясь ясновидением для нефтяной индустрии?
– Ей выпала удача.
– Она снова выходила замуж?
– Нет. У нее очень сильный характер – и мало кто из мужчин способен сосуществовать с такой женщиной.
Она рассматривала его лицо.
– А почему у тебя с матерью разные фамилии?
– Я прикинул, что «Бендикс Шер» запомнил фамилию моего отца, что могло вызвать у них настороженность, когда я поступил в компанию. И я обрел себе новое обличье, вот и все.
– Имеет смысл, – согласилась она, испытав облегчение при его ответе.
Коннор закурил сигарету и дал Монти затянуться; она закашлялась, и ее мысли вернулись к сегодняшнему дню.
– Что же мне делать с тем обедом в Белом доме, где папе завтра выступать?
– Пока не думай на эту тему. Разве что ты захочешь сообщить, что докладчик был похищен.
– Слушай, – оживилась она, – а это не такая плохая идея. Я могу это сделать – у нас же есть лента с записью, так? Это вызовет черт-те что…
– Нет, – спокойно сказал он. – Это слишком опасно.
– Почему?
– Потому что «Бендикс Шер» – очень и очень хитрое учреждение. И потому, что ты хочешь вернуть себе живого отца, а не добиться его смерти.
– Я не понимаю.
– Просто верь мне.

114

– Служба организации. Чем могу помочь?
– Это Всемирный конгресс по генетике? – спросила Монти.
– Да, совершенно верно.
– Говорит Монтана Баннерман. Я звоню по поводу своего отца, доктора Баннермана, который, как предполагалось, должен выступать завтра, и…
– Да, – вступил в разговор мужской голос. – Мы с большим сожалением услышали об инсульте доктора Баннермана. Его выступление отменено.
– Инсульт? – эхом откликнулась она. – Вы сказали «инсульт»?
– Такова информация, которая у меня имеется. Нам сообщили по факсу… он где-то здесь… – Его слова повисли в воздухе.
– Я… простите… я думаю, что… Я как-то не осознала, что кто-то уже успел с вами связаться. – Она растерянно поблагодарила и положила трубку. – Инсульт, – автоматически повторила она

Коннору. – Кто-то из «Бендикс Шер» уже позвонил в офис симпозиума и сообщил, что у папы инсульт.
Коннор работал на своем лэптопе, который только что вместе с его сумкой был доставлен на такси из дома Дейва Шваба, и сейчас трудился, практически не поднимая головы.
– Они все могут прибрать к рукам, черт побери, и ты успеешь в этом убедиться.
– Но, Коннор…
– У вашего отца нет инсульта.
Монти удивленно повернулась, чтобы увидеть входящую в комнату Табиту Донахью, как и вчера всю в черном.
– Он был задержан против его воли, но он не болен и не ранен, – твердо сказала она. – Я не могу точно сказать, что они с ним делали, но предполагаю, он был одурманен. – Тон ее голоса изменился, и резким движением головы она показала в сторону окна. – Теперь при нас компания.
– То есть? – поднял голову Коннор.
– Я только что выходила прогуляться до ворот. Ниже по холму припарковались два парня в синем «шевроле»; я их замечаю в третий раз… они торчат тут все утро.
Монти показалось, что в комнате резко похолодало. Хотя она ждала появления хвоста, подтверждение его существования испугало ее.
Табита села рядом с ней и посмотрела, в каком состоянии рана на шее.
– Затягивается отлично. Я дам вам свитер с высоким воротником, чтобы скрыть шрам, когда мы будем уезжать. Для нас заказаны билеты на семичасовой рейс в Хитроу.
– Для нас?
– Я лечу с вами.
Несмотря на ее странную ауру, Монти пришлось принять Табиту, и сейчас эта новость ее обрадовала. Не в последнюю очередь потому, что чем больше была их компания, тем безопаснее она себя чувствовала. Разве не так? Она посмотрела на часы. Миновал полдень.
– А мы не могли бы… нет ли более раннего рейса?
– Ничего стоящего… разница небольшая. Поскольку за нами следят, я думаю, безопаснее ждать здесь и отправляться сразу же после наступления темноты. Кроме того, я напустила дымовую завесу, заказав на наши имена билеты в Лос-Анджелес, Рим, Нью-Йорк, Гонконг и Сидней.
– В темноте или нет, но нам придется столкнуться с проблемой, когда будем выезжать… я говорю об этих типах у ворот, – напомнил Коннор.
Его мать улыбнулась:
– Об этом позаботились. У меня есть хороший друг в местной полиции. Я должна всего лишь за час предварительно позвонить ему. Он прижмет этих типов, чтобы разобраться, не они ли украли автомобиль в воскресенье, а нам даст эскорт, который проводит нас не только до аэропорта, но и до самого трапа. – Теперь она повернулась к Монти. – Что же до вас, моя дорогая, мы должны быть уверены, что вы действуете строго в соответствии с протоколом защиты. Этот тип Кроу проложил к вам очень сильную линию связи; если канал такого рода однажды открылся, то его очень легко открыть снова. Любые молочные продукты будут усиливать вашу эмоциональную реакцию ответа, особенно страх. Мы же должны настолько подавить ваши эмоции, чтобы они предстали несокрушимой стеной для любого, кто со стороны попытается манипулировать вами.
Монти нахмурилась: ей было трудно представить, что молоко или масло может иметь такое значение. Ей сейчас надо беспокоиться о своей жизни, а не о диете.
Но Табита еще не кончила.
– Вы носите распятие в силу какой-то особой причины?
– Да, оно принадлежало моей матери, и я помню о ней. Вы думаете, оно может помочь?
Она укоризненно посмотрела на Монти:
– Я никогда не понимала, почему люди, повесив на шею символ Христа, считают, что вооружились магическим щитом. Мы же говорим о психической атаке, а не о религиозной. Понятно?
Монти смущенно кивнула.
Табита постучала пальцем ей по голове:

– Ты должна понять, что мы имеем дело с темными оккультными силами. Ясно? А они собирают на служение себе всю мощь планет, Вселенной, человеческого мозга. И это живые силы, а не прах мертвых гуру.
В глубине души Монти уже начинала кое-что осознавать, но ей предстояло еще многое узнать.
– Сатана – это фирменный знак, Монти. Эмблема. Это имя бренда, продукта, который упаковывает и продает церковь; большая палка, чтобы лупить стадо и держать его в строю. Кроме того, очень удобная страшилка для церкви. – Табита Донахью строго и торжественно посмотрела на нее. – Людей, против которых мы выступаем, не интересует вся эта дешевая болтовня и пляски мумбо-юмбо вокруг идолов. Они могут использовать весь антураж черной магии, но на самом деле их интересует только власть. Вся власть находится под контролем: со стороны физических сил и со стороны мозга. Такая власть дает возможность человеку, находящемуся за три тысячи миль отсюда, убедить умную молодую женщину подняться на шаткий стол и обмотать провод вокруг шеи.
Монти была не на шутку заинтересована… правда, ей хотелось, чтобы драма, о которой они говорили, имела другой набор участников.
– Откуда берется эта сила… и как ее удается обуздывать? – спросила она.
– Она берется из естественной энергии нашей планеты, нашей Вселенной, наших мозгов и наших тел. Я думаю, что придет день, когда мы найдем ответ в квантовой механике. Прежде ученые неизменно считали, что мозг и Вселенная существуют по отдельности и что Вселенная больше любого отдельного человеческого мозга или даже суммы всех мозгов человечества. Но сейчас никто не в силах понять или хотя бы определить подлинную протяженность мощи человеческого мозга.
Монти кивнула; это она уже могла принять.
– Я дам тебе всю защиту, которой располагаю, Монти, но не могу ручаться, что ее хватит, – продолжила Табита. – Тебе придется принимать соленые ванны, чтобы очищать свою ауру. Любой, кто подвергается психическим атакам, должен трудиться, чтобы противостоять им извне. Соленая вода поможет отразить попытки Кроу пробиться к тебе. – Она закурила и подарила Монти уверенную улыбку. – Понимаешь, прежде чем нападать, они должны сделать вмятину в твоей ауре. Когда ты чувствуешь, что на тебя нападают, ты должна постараться отчетливо представить свою ауру в виде щита.
Монти вспомнила, что однажды в научном журнале видела фотографии человеческой ауры; выглядели они как психоделические модели космических скафандров. Она попыталась представить свою собственную ауру в виде щита, но этот образ все время ускользал.
– Как часто я должна принимать соленые ванны?
– Ежедневно. А я дам тебе умение создавать зрительные образы. – Она посмотрела на Коннора и перевела взгляд обратно на Монти. – Я хочу, чтобы вы подумали о золотом перекрестье на солнечном сплетении и о другом – у основания черепа. Это не религиозные символы, а просто две пересекающиеся пластинки золота. В этих точках кроются два самых мощных сплетения нервных окончаний во всем теле.
Монти, опустив взгляд, посмотрела на свое солнечное сплетение, а потом коснулась пальцами основания черепа. От этого движения заныли мышцы шеи.
– Ты когда-нибудь изучала боевые искусства, Монти?
– Нет.
– Боевые искусства учат обращать внимание на особые точки. Если вы можете отчетливо представлять их себе, то заставляете их лучиться золотым светом. Если же нападение на вас очень жестокое, то вы должны заставить их светиться белым сиянием. Вы не можете слишком долго сохранять их в таком состоянии, потому что это кончится для вас сильнейшей головной болью. Но и те, кто пытается пробить вашу защиту, тоже не смогут долго удерживать этот уровень своей энергии. Помни об этом. – Она стряхнула пепел с сигареты и снова затянулась. – Ты должна постоянно иметь при себе соль. Где бы ты ни была, сделай круг из соли и оставайся в нем. Никто и ничто не может жить в соли, никакое психическое воздействие не в состоянии преодолеть этот барьер. – Она открыла свою сумочку, извлекла оттуда сложенный небольшой лист бумаги, хранящийся в пластиковом мешочке на молнии, и протянула его Монти. – У Коннора уже есть такой.
Монти расстегнула мешочек, вынула бумагу и развернула ее. Она была густо исписана буквами и символами.

– Держи в мешочке, потому что ты не должна намочить ее… в таком случае все пойдет прахом, как при коротком замыкании. Она называется квадрат Лумиела и станет твоим защитным талисманом. Держи ее при себе, она защитит тебя и физически, и ментально. А также защитит душу. – Она доверительно кивнула, словно стараясь рассеять скептицизм Монти. – Мне довелось знать одну молодую женщину в то время, когда я работала медиумом. Она всегда носила при себе такую защиту. Как-то она попала в страшную автокатастрофу. Из пяти детей трое погибли, а один до сих пор в коме. Она же отделалась лишь несколькими царапинами.
Монти приняла квадрат Лумиела так же, как сейчас она принимала все, и тепло поблагодарила эту немолодую женщину.
Табита задумчиво откинулась на спинку кресла.
– И подумать только, как давно я рассталась со всеми этими вещами. И совершенно не собиралась снова заниматься ими.
– Не думаю, что кто-то из нас собирался… – начала Монти.
Табита прервала ее:
– Ну да. А вот Коннор очень определенно собирался. Со дня гибели его отца эта мысль грызла его – он представлял себе тех плохих парней, которые причинили вред его папе. Она всю жизнь не оставляла его. – Она грустно улыбнулась. – Я двадцать шесть лет пыталась отговорить его, пыталась внушить ему, что он просто не представляет силы, против которой собирается выступить. Теперь, думаю, он наконец все понял. Но, пожалуй, поздновато.
– Каковы бы ни были причины его поступков, миссис Донахью, он все сделал правильно. Не Эдмунд ли Берк сказал: «Для триумфа сил зла необходимо лишь, чтобы хорошие люди бездействовали»?
Табита уставилась на нее темными глазами, в выражении которых мешались уважение и боль. Монти впервые почувствовала, что ее признали, что между ними установилась какая-то связь.
– Моя мама – медиум и врачеватель, Монти. Свою жизнь она провела, спасая людей, которые стали жертвами оккультных сил. – Табита взяла другую сигарету. – Ты учила историю в школе?
– Да.
– Помнишь, как люди осаждали город, обнесенный стеной? Редко когда осаждающие выигрывали, снося стены. Победу им приносило терпение, тактика, обретение знаний о городе, получение помощи из него, использование троянского коня и распахнутые изнутри ворота навстречу атаке.
– Именно этим мы и занимаемся, – сказал Коннор, глядя на нее.
– Дерьмо собачье! – вскинулась Табита. – Сколько ты провел там времени? Меньше двух месяцев, и уже наломал дров. Ты попытался одним ударом снести стены замка, и теперь его обитатели всем роем накинулись на тебя. Они предельно злы. Таким путем ты их не одолеешь, Коннор, как бы ты ни старался.
– А я собираюсь одолеть их, – тихо сказал он. – И тебе бы лучше поверить мне.
Его мать молча уставилась на сына, и на лице ее была такая печаль, что Монти прониклась к ней глубоким сочувствием.
– Именно это и говорил твой отец. Ты произнес его слова – именно так они и прозвучали.

115

Четверг, 8 декабря 1994 года

Закрыв глаза в попытке вернуться в сон, Никки Фицхью-Портер слушала привычные звуки утреннего туалета Ганна. Звон длинной упругой струи мочи, шум душа, потрескивающий скрип бритвенного лезвия, шипение струи дезодоранта. Шаги. Шорох одежды.
Она поняла, что он стоит над ней, вдохнула неизменный запах одеколона «Ярдли», почувствовала легкое прикосновение его губ к щеке.
– Позвоню попозже, – сказал он.
Она слышала, как открылась и закрылась дверь. Где-то за окном с гулом пронесся поезд. Она открыла глаза и, прищурившись, посмотрела на часы. На них было 6:45. Рано, слишком рано.

Ей стоило бы подождать до девяти, решила она. Но в таком возбужденном состоянии, когда в мозгах стоит сумятица, она была не в состоянии снова заснуть и решила провести время в размышлениях о своей курсовой работе по Грэму Грину, о которой в полдень ей предстояло поговорить с преподавателем.
В 7:30, не в состоянии лежать и дальше, она встала и приняла душ. Когда она вытерлась, ей показалось, что в запущенной спальне-гостиной холоднее, чем обычно, и по ней гуляют сквозняки.
Одевшись, она по истертому ковру подошла к дверям и выглянула на площадку. Никого. Звуков шагов не слышно. Ганн был человек организованный, и она не помнила, чтобы он возвращался из-за забытой вещи, но тем не менее не хотела, чтобы ее поймали за руку.
Убедившись, что берег чист, она принялась торопливо, но аккуратно, чтобы все оставалось в прежнем виде, обыскивать комнату: шкафчики, ящики. Заглянула под кровать и даже под ковер, но ничего не нашла. То, что она искала, было надежно спрятано на жестком диске его лэптопа, который он, как обычно, носил с собой в портфеле.
Тем не менее в мозгу у нее хранилась небольшая копия этого содержимого. Не очень большая и полная, чтобы снабдить ее ответами на все вопросы, но уверенность она давала.
Телефон звонил в три утра. Ганн ответил шепотом, а она сделала вид, что спит. Разговор длился недолго, и Ганн был в ярости.
– Моллой? И эта Баннерман? Их нет? Что у вас там, черт возьми, делается? Вы их наконец засекли? В доме? Вы что, не могли зайти внутрь и нейтрализовать их? Почему нет? Это дом или долбаный Форт-Нокс?
Моллой и эта женщина Баннерман. Два имени из списка, рядом с которыми на экране компьютера Ганна стояли черные рождественские елочки. Никки прошла в маленькую кухоньку, чтобы сделать себе чашку кофе. Тут постоянно стояли затхлые запахи консервов, которыми Ганн питался, когда она не готовила для него. По какой-то причине она решила, что отсутствие свежего воздуха стимулирует ее память. Она может четко представить себе список.
В нем был Чарльз Роули. Она читала в журнале «Бендикс Шер», что Роули утонул на Гавайях.
Моллой тоже был в списке. Так же как и Баннерман.
Машина этой Баннерман была взорвана. После того, что она слышала ночью, она поняла, что может и не обладать степенью по ракетостроению, чтобы понять – ее солдат дает указания, кого надо убить.
Покинув спальню, она провела следующий час в кафе за завтраком. Затем отправилась искать таксофон.
Ей ответил четкий и энергичный женский голос:
– Новый Скотленд-Ярд.
Никки осторожно осмотрелась сквозь окна телефонной будки. Она понимала, что бояться нечего. Ганн никоим образом не мог неожиданно появиться перед ней. Так чего ради ей трястись?
– Я хотела бы сообщить нечто подозрительное, – сказала она.
– Будьте любезны, можете ли вы дать мне кое-какие подробности, чтобы я смогла связать вас с нужным отделом?
– Да, – ответила Никки, непрерывно рассматривая прохожих и следя за уличным движением. – Это имеет отношение к взрыву машины прошлым вечером… и к фармацевтической компании «Бендикс Шер». Я… я думаю, что два ее работника могут быть в опасности.
– Подождите, пожалуйста, несколько секунд.
Молчание длилось секунд тридцать, после чего последовал щелчок и раздался мужской голос.
– Детектив-суперинтендент Левайн, – представился он. – Чем могу помочь вам?

116

Пятница, 9 декабря 1994 года

В суматохе, которая всегда сопровождала выдачу багажа в первом терминале Хитроу, никто не обращал внимания на троицу, которая вот уже три часа ютилась в одном из углов зала за выводком телефонных будок.
Коннор в своем элегантном пальто фирмы «Кромби», накинутом поверх будничной одежды, сменил положение, потому что у него уже онемела задница от жесткой скорлупы чемодана «Самсонит», служившего сиденьем, но не оторвался от непрерывной работы на лэптопе. Индикатор зарядки опускался все ниже, и экран был в туманной дымке. Он уже пустил в ход последние из запасных батарей, и, если повезет, в его распоряжении будет еще минут тридцать.
Табита Донахью, прислонившись к стене, сидела на сложенном пальто и проводила время за чтением газетных публикаций. Монти пыталась изучать книгу о сатанизме, которую ей дала Табита, но на самом деле она все время разглядывала толпу, пытаясь определить, кто же следит за ними.
Сегодня к ней вернулась собранность. Пару часов назад она звонила в клинику «Хаммерсмит-Бендикс» и пыталась поговорить с отцом – но безуспешно. Далее она попросила к телефону лечащего врача, но ей было сказано, что у доктора Зелигмана сегодня выходной.

> Зелигман.
> Она припомнила того вежливого загорелого мужчину, который выставил ее из клиники, когда она пришла навестить Уинстона Смита. Монти с трудом справилась с искушением сказать этой высокомерной секретарше, что она пригласила нейролога осмотреть отца и что собирается его перевозить, но ей не хотелось ворошить осиное гнездо, из-за чего в «Бендикс Шер» в панике могли убить ее отца. Кроме того, она не хотела слишком долго оставаться на линии, чтобы ее не проследили.

Затем она позвонила в «Темз-Уолли газетт» и попросила к телефону Губерта Уэнтуорта. Секретарша сообщила, что его нет на месте. Не на шутку обеспокоенная, она дважды звонила Уэнтуорту домой, но там никто не отвечал.
Кроме того, она набрала свой домашний номер и проверила автоответчик. На нем висело какое-то путаное послание от Анны Стерлинг, которая, похоже, была очень расстроена. Монти тут же перезвонила ей, но всего лишь наткнулась на ее автоответчик. Анна сделала еще одно сканирование? И увидела что-то ужасное? Или почувствовала первые проявления вируса, который в конечном счете убьет ее?
И теперь она смотрела, как Коннор изучает маленький диктофон, который он прошлой ночью купил в аэропорту Даллеса для того, чтобы сделать несколько копий ленты ее отца. Он поднес его к уху, послушал и тут же стал печатать, словно делая расшифровку.
На часах было 11:30. По подсчетам Табиты, последний рейс из Вашингтона должен был приземлиться пару часов назад. И кто бы ни следил за ними в зале прибытия, к этому времени он уже должен был бы выдать себя. Тем не менее они продолжали ждать, чтобы повысить свои шансы выскользнуть незамеченными.
Со вчерашнего утра Коннор почти ничего не говорил; каждый раз, как Монти открывала глаза во время прерывистого сна на неудобном сиденье в салоне самолета, он все так же сидел, склонившись над экраном, заполняя его рядами цифр, букв и символов, в которых она смутно опознавала какой-то код программирования.
У Коннора был план.
У нее тоже был план. Правда, ее энтузиазм по его поводу таял и тускнел, но тем не менее пока еще присутствовал. Сэр Нейл Рорке.
Его личность пользовалась всеобщим уважением. Он возглавлял благотворительные фонды, патронами которых были королева-мать и принц Чарльз. Королева удостоила его рыцарского звания. Он был председателем правительственного мозгового центра и фотографировался с Джоном Мейджором. Сэр Нейл будет потрясен, узнай он, что происходит в компании, номинальным председателем которой он считается.
Иначе и быть не может, потому что он был единственной опорой, на которой зиждились все ее надежды. Единственным человеком, у которого имелось достаточно связей, чтобы пресечь то влияние, которым Левайн пользовался в полиции. И конечно же, он относился к тем людям, у которых на первом месте нравственные принципы. Невзирая на то, какие акционеры входили в его компанию.

Но прежде чем она обратится к Рорке, ей необходимо убедиться, что Уэнтуорт, живой и здоровый, находится в редакции, и передать ему копии диктофонной ленты и распечатку «Досье Медичи». Правда, пока ее план носил академический характер. То есть все зависело от Коннора.
Он встал и постарался поймать ее взгляд.
– О'кей, – сказал он. – Уносим ноги отсюда.
Они обменялись взглядами. Коннор положил свою сумку на багажную тележку и двинулся с места. Пятью минутами позже Табита Донахью сделала то же самое. Монти подождала еще пять минут и покатила свою тележку с багажом.
В зале таможенного досмотра она прошла зеленым коридором, а когда покинула его, Коннора и его матери уже не было видно.
На такси она добралась до «Шератона», где ее ждал заранее заказанный номер.

Через тридцать минут она уже была на трассе М4, сидя за рулем маленького «ровера» темно-багрового цвета. Стоял прекрасный солнечный день, и она подумала, что не по сезону тепло. Внезапно она почувствовала острый укол в голове и на мгновение испугалась, что снова подверглась нападению. Но острота укола смягчилась, превратившись в тупую ноющую боль. Это все усталость, и ничего больше, подумала она. Кроме того, небольшое обезвоживание; рот у нее пересох, и она мечтала о глотке воды. Монти приостановилась, чтобы опустить окно. Скоро все наладится.
Синий «ниссан» Губерта Уэнтуорта стоял перед гаражом, и при виде его Монти испытала облегчение, если не считать, что слегка удивилась, увидев машину у дома в два часа дня. Портьеры в гостиной были опущены. Она нажала кнопку звонка, но реакции не последовало. Тогда Монти взялась за медный дверной молоток и с силой опустила его. Без ответа.
Монти обошла дом, оказавшись у задних дверей. На ступеньках стояли две пинты молока. Она громко постучала и почему-то решила взяться за дверную ручку. К ее удивлению, дверь приоткрылась.
Помявшись на пороге, она тем не менее вошла в дом и с удивлением услышала разговор. Она замерла на месте, прислушиваясь. Мужчина, голоса которого она не знала, распространялся о человеческих отношениях и физической привлекательности:
«Мы совершенно не понимаем, как много мы должны нашим родителям. Например, любовь к определенному цвету кожи. Мы считаем совершенно естественным…»
Телевизор, догадалась Монти. Набрав в грудь воздуха, она крикнула:
– Мистер Уэнтуорт? Алло?
В раковине лежала использованная тарелка, а на кухонной доске валялась шкурка от мандарина. Хозяин должен быть дома.
Удивляясь его отсутствию, Монти заглянула в гостиную. В ней было слишком жарко и душно. Телевизор был включен, работал на полную мощность, создавая впечатление, что обитатель гостиной вышел на минутку.
Она прикрыла дверь и неохотно глянула на лестницу, испытывая нервное напряжение. Еще пару раз окликнув хозяина, она начала подниматься к полутемной площадке.
– Мистер Уэнтуорт? – Ее собственный голос звучал как-то странно, выше, чем обычно. Она постучала в дверь и медленно, с опаской открыла ее. Но комната представляла собой маленький кабинет, и он был пуст. Тогда она постучала в соседнюю дверь, которая была чуть приоткрыта, и замерла в ожидании.
Из этой комнаты шел густой запах экскрементов.
Желудок у нее свело спазмом, и, затаив дыхание, она слегка толкнула эту дверь.
Первое, что ей бросилось в глаза, был опрокинутый деревянный стул. Следующее, что она увидела на долю секунды, вне всякого сомнения, должно было быть манекеном. Он болтался на электропроводе, свисающем с потолка; с пластиковым мешком на голове, в кружевном лифчике, в панталонах, в ажурных чулках с подвязками.

О силы небесные, нет! Только не это!
Тихий стон ужаса сорвался с ее губ.

«О боже, – подумала она, – какой ты грязный ублюдок, доктор Кроу! Гнусный, мерзкий подонок».
Пытаясь успокоиться и не расходовать нервы попусту, Монти сделала шаг вперед и коснулась голой руки Губерта Уэнтуорта. Она была холодна как камень.
Быстро прикинув, что надо делать, она сбежала по лестнице к телефону и набрала 999. Когда оператор ответил, она, не произнеся ни слова, положила трубку на пол – из недавно прочитанной журнальной статьи она узнала, что если был сделан тревожный звонок, но никто не говорил, то полиция выезжает расследовать, что происходит. Монти покинула дом тем же путем, что и пришла.
– Алло? Алло, абонент! Вы можете говорить, абонент? Алло, абонент?

117

Брайтон, Англия. Пятница, 9 декабря 1994 года

– А, мистер Эвменидес!
Коннор улыбнулся в ответ на это приветствие, когда очутился в хаотическом беспорядке хай-тека офиса «Интернет-павильона». Он узнал человека, который с распростертыми руками поднялся из-за стола в оконной нише, и попытался припомнить его имя.
Длинные, преждевременно поседевшие волосы, лицо как у Ника Нолти после долгого поста, зеленый пиджак поверх пурпурной безрукавки, в левой мочке – серебряная серьга в виде знака &. Очки.
Энди Холиер, вспомнил Коннор, когда они обменивались рукопожатиями.
– Как поживаешь, Энди?
– О'кей! – Он улыбнулся. – Люблю компанию эвменид. Это фурии, безжалостные богини мести. Верно?
– Верно.
Энди Холиер склонил голову набок и задумчиво произнес:
– В этих дамах мне больше всего нравится их концепция наказания, которое длится и после смерти. Садись, Боб, – показал он на стул. – Ты же Боб, не так ли? Боб Фрост?
За окном Коннор видел сияющие на раннем утреннем солнце купола минаретов Брайтонского павильона. В поле его зрения ниже по улице стоял «форд», который он в аэропорту арендовал у фирмы «Авис».
– Ага, он и есть. Боб Фрост, – подтвердил он имя, которое назвал, когда открывал счет за пользование электронной почтой. Он сел и положил портфель на колени. – Скажи мне вот что: вы, ребята, имеете тут какую-то технику для международной связи?
– Что ты конкретно имеешь в виду?
– Вы поддерживаете рабочую связь с интернет-провайдерами в других странах?
– Ну… наверно, можно и так сказать… то есть мы, конечно, общаемся довольно много и регулярно.
– Где? В Штатах? Европе? Азии?
– Всюду. – Энди Холиер пожал плечами. – С Китаем, с Россией… особенно с Россией, там есть несколько классных ребят. Если вы говорите по-русски, я могу дать вам несколько потрясающих сайтов. – Он сел за компьютер, пробежался пальцами по клавиатуре и повернул монитор так, чтобы Коннор мог видеть его. Округлый пурпурный логотип возник на вращающемся виртуальном глобусе. Почти в каждой стране заискрили огоньки. – Посмотри на эти искорки, – с энтузиазмом сказал Энди. – Каждая – это представительство Интернета.
Он снова прошелся по клавиатуре. Глобус исчез, уступив место перечню городов: Вена, Москва, Владивосток, Санкт-Петербург, Париж, Кейптаун, Варшава, Гонконг. Список их был бесконечен.
Коннор перешел к сути дела:
– Можете ли вы, работая отсюда, организовать для меня интернет-контакты в этих городах?
Холиер кивнул:

– Обойдется недешево, но нам это под силу. Как много тебе надо их?
– Двести.
Холиер моргнул:
– Это шутка, да?
– Я не шучу. Как быстро вы можете справиться?
Холиер полез за сигаретами.
– Послушай, гарантий я не даю, но думаю, что за неделю, дней за десять справлюсь.
– Тебе нравится заниматься этим бизнесом?
– Конечно. И очень.
Коннор кивнул:
– О’кей. Проблема вот в чем. У меня нет десяти дней. У меня нет недели. Я учитываю фактор временных зон и все такое, но мне надо, чтобы все было в порядке и заработало через двадцать четыре часа.
– Все двести счетов? – в ужасе спросил Холиер.
– Все двести.

118

Лондон. Пятница, 9 декабря 1994 года

Монти в каком-то забытьи ехала к дому Уинстона Смита. Облик Губерта Уэнтуорта все время стоял у нее перед глазами.
Мимо грохотал поток машин. Автомобили, фургоны, грузовики. Обычное дело. Нормальная жизнь. Пятница. Ее окружала масса людей, жизни которых никак не касался «Бендикс Шер», людей, которые скоро отправятся домой, где их ждет начало уик-энда.
Но не ее отец, с горечью подумала она.
И не Губерт Уэнтуорт.
Она уже пыталась созвониться с Рорке, но от его секретарши узнала лишь, что он уже отбыл из офиса и проведет весь уик-энд в сельской местности. Где будет охотиться, стрелять по тарелочкам, ловить рыбу, смутно догадалась она. Что ж, а она займется тремя вещами, о которых постоянно думала. И если повезет, успеет обзавестись боеприпасами.

Второй этаж, вспомнила она, когда добралась до приземистого домика в районе Олбани-Корт, поднялась по решетчатым металлическим ступеням и по коридору прошла к номеру 27.
Ей надо как-то убедить миссис Смит открыть дверь, чтобы она могла ей все выложить. И может быть, как она надеялась, Уинстон Смит уже вернулся домой из больницы.
Она нажала кнопку звонка, и через несколько секунд за стеклом с морозными разводами мелькнула какая-то тень. Дверь приоткрылась на несколько дюймов и застыла. С посеревшего лица на нее смотрели усталые, опухшие и налитые кровью глаза. Ее как будто узнали, но слов приветствия она не услышала.
– Здравствуйте, миссис Смит, – встревоженно сказала Монти. – Я… как поживает Уин…
– Не хотите ли зайти? – В этой просьбе слышалась настойчивость, и Монти немедля вошла в маленький холл. Миссис Смит, опираясь на костыль, жестом пригласила ее пройти в гостиную. Когда эта пожилая женщина снова заговорила, ее тихий голос подрагивал.
– Разве вы не слышали, мисс Баннерман? В понедельник мой муж скончался.
Монти была потрясена, она с трудом нашла нужные слова.
– Мне жаль, – сказала она. – Мне очень жаль.
Наступило неловкое молчание, которое нарушила женщина, недавно ставшая вдовой:
– Похороны прошли вчера. Присутствовали только члены семьи. Они его кремировали. Странно, потому что он всегда хотел погребения… а не так. Но доктор, который был при нем в последние часы, сказал, что Уинстон ясно дал понять – он передумал. И медсестра сказала то же самое.

Кремировали, с горечью подумала Монти. Конечно, в таком случае нет риска, что тело эксгумируют и проведут судебно-медицинское исследование. Без сомнения, это дело рук Кроу.
– Вскрытия не было?
– Нет, ничего не было. – Миссис Смит подошла к камину и взяла с него белый конверт. – Но Уинстон кое-что оставил именно для вас. А я не знала, как смогу это вам передать.
Монти, нахмурившись, приняла конверт:
– Спасибо.
Внутри был какой-то предмет – нечто плоское, твердое и тонкое; Монти подумала, стоит ли вскрыть конверт в присутствии этой осиротевшей женщины, или же это может расстроить ее. Она решила подождать, пока не покинет дом. Она видела, что миссис Смит изо всех сил старается держать себя в руках просто потому, что у нее гостья, и Монти понимала, что должна уходить, чтобы эта бедная женщина не испытывала такого напряжения.
Она молча обняла миссис Смит за плечи, и та без слов приняла ее жест утешения. Вдвоем они направились к входной двери, где строго и серьезно расстались.

В салоне арендованной машины Монти открыла таинственный конверт и извлекла сложенный лист белой бумаги.
В нее была завернута белая пластиковая карточка-пропуск с набором рисок для компьютера. По внешнему виду карточка была идентична той, что ей самой выдали в «Бендикс Шер». Ее сопровождала короткая записка без даты, написанная дрожащим почерком.

> Дорогая мисс Баннерман.
>
> Номер ПИН-кода 0626.
>
> Эта карточка откроет для вас куда больше дверей, чем ваша. С ней вы сможете попасть всюду, куда хотите. Даже в комнату 101!
>
> Единственное, что вы должны делать, – вести себя очень уверенно, и никто не будет задавать вам никаких вопросов. Мой друг Роджер теперь на месте с понедельника до пятницы, с восьми утра до четырех дня. Он покажет вам все, что вы захотите увидеть. Можете доверять ему. Очень жаль, что у меня никогда не хватало смелости.
>
> Уинстон Смит

Она вытерла слезы тыльной стороной ладони и, глядя на карточку, глубоко задумалась.
«Попасть всюду, куда хотите…»

119

Боль ударила неожиданно и жестоко, точно так же, как в прошлый раз. Монти оторвала руки от рулевого колеса и схватилась за голову, сжимая виски. Сзади нее взревел какой-то клаксон – раз и другой, громко и гневно. Зажатая в пробке на Парк-Лейн, она рванула ручной тормоз. На этот раз ей казалось, что в мозг забралось какое-то огромное насекомое и, жужжа, копошится в нем, стараясь пробить себе путь когтями и жвалами. Перед глазами все поплыло. Чувствуя, что на нее накатывает волна тошноты, Монти успела открыть дверцу «ровера» и высунулась наружу, содрогаясь в рвотных судорогах.

Золотой крест.

Золотой крест.

Табита предупреждала ее, что это может случиться, когда Кроу все же дотянется до нее.

Золотой крест.

Надо увидеть эти золотые скрещения, представить их у основания черепа и у солнечного сплетения. Она уже была близка к своей цели. Надо только успеть справиться с болью. Марбл-Арч вот уже прямо перед ней. Добраться до нее! Снова взвыл сигнал.

Иди к черту.

Она закрыла глаза и сосредоточилась – вот они, две перекрещенные золотые полоски; она чувствует их, чувствует, как они излучают свет. Боль, терзающая голову, стала уходить; она открыла глаза.

– Леди, с вами все в порядке? Вам нужна «скорая помощь»? – Над ней склонился какой-то мужчина в кожаном пиджаке и толстом свитере.

Монти разглядела стоящую почти вплотную за ним белую машину. У нее был какой-то ящик на крыше. Из машины выскочил мужчина в униформе. Быстрыми решительными шагами он направился к ним. Офицер полиции. От его вида Монти вскинулась и запаниковала.

– Нет, я хорошо себя чувствую. – Она захлопнула дверцу, переключила скорость и рванулась вперед; в голове прояснилось, и жужжание прекратилось. Она опасливо посмотрела в зеркало заднего вида; полиция держалась в трех машинах сзади на соседней полосе.

Вблизи Марбл-Арч движение уплотнялось, но скорость была прежней. Монти перебралась на соседнюю полосу, но полицейская машина не сделала попытки последовать за ней. Затем Монти с облегчением увидела, что та поворачивает. Несколько минут спустя, когда она ехала по Бейсуотер, увидела мрачное серое здание отеля «Ройял Ланкастер», двадцать этажей которого высились в наступающих сумерках.

Она подрулила к нему, сказав швейцару, что вернется через пару минут, торопливо вошла внутрь и направилась к стойке. Да, сказала ей молодая женщина, миссис Роберт Фрост остановилась у них, в номере 1111.

Монти зашла в будку таксофона, сняла трубку и попросила, чтобы ее соединили с апартаментами. Через мгновение она услышала резкий голос Табиты Донахью:

– Черт побери, где ты, Монтана?

– Я здесь, в отеле. И поднимаюсь к вам.

– Я не знаю, что происходит. Какая-то дурная шутка… они разместили нас на одиннадцатом этаже!

– Это имеет значение? Простите… я… я не понимаю…

– Мой муж… отец Коннора… неужели ты не понимаешь? Он упал с одиннадцатого этажа. Это сделали они. Сознательно и обдуманно. Я предупреждала Коннора. Эти люди слишком сильны для нас. Что бы ты ни делала, Монти, не поднимайся сюда… это слишком опасно, и я не смогу защитить тебя.

Услышав эти слова, Монти поняла, что Табита близка к истерике.

– Я иду, – решительно сказала она.

Пробежав через фойе, она влетела в лифт и, выйдя на одиннадцатом этаже, заторопилась по коридору. 1103… 1105… 1107… 1109… 1111.

Она постучала, и ее встретила Табита Донахью в синем махровом купальном халате, с мертвенно-бледным лицом.

Впустив Монти, Табита вернулась к прерванному занятию, опустилась на колени и стала старательно выравнивать на полу линию, выложенную солью.

– Где Коннор? Он здесь?

– Нет. Но около часа назад он звонил из гостиницы около аэропорта, сказал, что собирается всю ночь работать. Он спрашивал, как ты добралась до… до журналиста?

– Они убили его.
Табита впала в отчаяние:
– Да, они убивают всех. Здесь они слишком сильны, Монтана. – Она заломила руки. – Мы подобрались слишком близко к источнику, и удерживать его – это свыше моих сил.
– Вы должны хотя бы попытаться.
– Это невозможно, Монтана. У меня нет… месяцев.
– Месяцев? – переспросила Монти.
– Да, месяцев… работы с ритуалами; мы должны собрать целый шабаш. У нас троих не хватит энергии. И я слишком давно не практиковалась.
Монти с силой засунула руки в карманы плаща:
– Миссис Донахью, мы имеем дело с компанией больных извращенцев и именно сейчас должны держать свои нервы в порядке. Я спускаюсь вниз, чтобы поставить машину и взять из нее мои вещи. Затем я предлагаю провести тут ночь и дождаться Коннора. О'кей?
Она на лифте спустилась в холл, вышла к «роверу» и, вписавшись в медленно ползущий поток движения, стала искать ближайшую автостоянку. В Вашингтоне Табита производила впечатление сильной и спокойной женщины. Ее нынешнее состояние испугало Монти, и она не хотела надолго оставлять ее одну.
Она подождала перед светофором как раз на углу отеля. Когда зажегся зеленый, она повернула направо вдоль заднего фасада «Ройял Ланкастер» и постаралась вписаться в поток машин на Бейсуотер-роуд, которые то останавливались, то снова снимались с места.
И тут внезапно что-то с душераздирающим грохотом рухнуло на крышу машины. Она дернулась и накренилась так, что Монти стало дурно. Смятая крыша едва не легла ей на голову. Монти изумленно увидела, как ветровое стекло вылетело из искореженной рамы и осколки ее, как зубы, врезались в бампер.
Какое-то мгновение ей казалось, что на машину рухнуло дерево. Но тут ее рот открылся в молчаливом вопле, когда она увидела, как перед ее глазами покачивается женская рука с маникюром на ногтях.
Монти судорожно попыталась открыть дверь, она не поддавалась. Девушка с силой ударила в дверь плечом, снова никакого эффекта. Из окна поползла широкая полоса крови. Задыхаясь, короткими всхлипами хватая воздух, она перелезла на пассажирское сиденье и открыла дверь с другой стороны.
Другие водители, покинув свои машины, столпились вокруг нее. Плакал какой-то ребенок. Сначала Монти могла лишь смотреть на перепуганные лица окружающих. Она была не в силах повернуться и увидеть то, на что они смотрели. Похоже, что весь Лондон остановился и застыл на месте. Затем она заставила себя повернуться и заледенела.
На смятой крыше ее «ровера» раскинувшись лежало полуголое тело, лишь чуть прикрытое синим купальным халатом, который, оскорбительно распахнувшись, обнажал заднюю часть тела и уродливо согнутые ноги женщины.
Высоко над ней Монти видела паутину трещин вокруг зубчатой дыры в стеклянной стене одиннадцатого этажа отеля Табиты Донахью. Новый вид страха, более сильный и леденящий, чем все, что она когда-либо испытывала в жизни, бесшумно, как привидение, овладел ею.

– Не трогайте ее! – закричала женщина. – Никому не приближаться к ней!
Мужчина в пальто в елочку протолкался мимо Монти, закрыв ей поле зрения.
– Я врач! – услышала она его слова. И через несколько секунд он заговорил снова, на этот раз потише: – Пульса нет. Похоже, что удар переломал ей шейные позвонки.
Монти подалась назад. У нее все плыло перед глазами. Надо исчезнуть отсюда, подумала она. Прежде чем появится полиция… они могут доставить ее в отделение, где сидит и ждет Левайн. Размахивая сумочкой, она побежала по мостовой Бейсуотер, никого не видя и ничего не замечая вокруг. Тяжело дыша, она добралась до Марбл-Арч, миновала подземный переход и побежала дальше, по людной Оксфорд-стрит и до Тоттнем-Корт-роуд.

Что-то гнало ее вперед, до Гейт-Рассел-стрит, к золотым с чернью воротам Британского музея. Ей была нужна Британская библиотека, которая располагалась за этим фасадом с колоннами, и она должна была оказаться там до закрытия.

– Хм… – Библиотекарь в читальном зале сунул руки в карманы блейзера и побренчал мелочью, словно в ответ на заказ Монти, который она сделала, с трудом переводя дыхание. – Какой раздел оккультных наук?
– Сатанизм.
Он услышал это слово, не проявив никакой заметной реакции, и направил Монти к полкам с книгами.
Четверть часа спустя, держа под мышкой восемь томов, она перетащила их в читальный зал и водрузила на пустой стол. Стоило ей открыть верхнюю книгу, как ее сразу же охватил мускусный запах старой кожи: «Иллюстрированная история магии». На толстых страницах красовались гравюры странных символов, мумифицированных трупов, непонятных существ, полулюдей-полуживотных и жутковатые маски человеческих черепов с напяленными париками из медвежьих шкур: «Я боюсь тебя, ты боишься меня, я пугаю себя, мы пугаем друг друга». Она перевернула несколько страниц и остановилась перед разделом «Рабочие заклинания».
«С самых давних времен магия считалась куда более экономичным способом уничтожения врага, чем боевое столкновение…» Она прочитала набор заклинаний и ознакомилась с видами магического оружия, после чего шли главы «Ритуальные убийства», «Кровь и жертва», «Каббала», «Алхимия и алхимики».
Здесь она остановилась и стала читать текст: «В соответствии со взглядами алхимиков мир не полностью отделен от его Создателя, поскольку обладает „живой душой“, Anima mundi, которая связывает с Ним так же, как женщину с мужчиной. „Дух мира“, – это остаток древних верований в Мать-Богиню и культ Исиды в Египте».
Монти нахмурилась. Алхимия. Возможно ли, чтобы исполнительный директор современного международного фармацевтического гиганта в самом деле баловался алхимией?
В верхней части страницы главы «Инкарнация дьявола» ее внимание привлекла черно-белая фотография, от которой ее передернуло, – тело человека в белой мантии увенчивала маска в виде козлиной головы с витыми рогами и вьющейся бородкой. Текст внизу гласил: «Маги, главным образом на Западе, предпочитали вызывать дьявола, особенно когда они занимались „черной“ магией и колдовством. Те, кто практиковал „черную“ магию, были убеждены, что земной формой, предпочитаемой дьяволом, является такой козел».
Но у Монти в полном смысле слова перехватило дыхание при виде следующей фотографии. Она изображала маску в виде головы лягушки – с блестящей кожей, ленивой зловещей ухмылкой и злобным выражением вытаращенных глаз. Человек, чью голову она скрывала, был облачен в белую мантию с богатой вышивкой. Текст над фотографией сообщал: «Бафомет – Козел Мендеса – в глазах практиков оккультизма не является единственным символом дьявола. Некоторые культы представляют его в виде других животных или, как изображено здесь на иллюстрации, в виде Дэниела Джадда (более известного как Теутус), Великого магистра Нового международного братства Сатаны».
Когда Монти снова посмотрела на фотографию, она содрогнулась, – казалось, глаза лягушки таращились со страницы именно на нее. Невольно она захлопнула книгу, чтобы избавиться от их взгляда, и потянулась за следующим томом: «От Крестовых походов до Интернета: Черное расписание, история современного сатанизма». Монти начала со вступления.

«После того как стало известно об иллюминатах, тайном интеллектуальном голландском обществе XI века, бурно пошли в рост конспиративные теории заговоров. Существует ли небольшая группа людей, международных интеллектуалов, которые тайно манипулируют миром и управляют им? И кто занимался этим в течение прошедших восьмисот лет? И в таком случае кем же были члены этого общества?
В один из дней 1622 года обитатели Парижа, проснувшись, увидели, что стены города увешаны полотнищами со следующим посланием: „Мы, представители главной Корпорации Братства Розы и Креста (розенкрейцеры), милостью Высочайшего, к которому обращены сердца всех людей, пребываем среди вас в этом городе, видимые и невидимые. Мы здесь для того, чтобы спасти наших соратников от ошибки смерти“. Большинство людей восприняли эти слова как

шутку, но нам стоит помнить, что, по всеобщему мнению, братство розенкрейцеров обладало следующими секретами: трансмутация металлов, продление жизни, знание того, что происходит в отдаленных местах, и использование оккультных наук для выявления даже очень глубоко скрытых предметов.
Если пренебречь термином „оккультизм“, то вы убедитесь, что столкнулись с мощью, которой владеет лишь самая передовая современная наука – или же на пути к овладению ею… В соответствии с легендой, которая в то время не подвергалась сомнению, розенкрейцеры утверждали, что власть человека над природой и самим собой может стать безграничной, что в пределах его досягаемости – бессмертие и контроль над всеми силами природы и что он может знать все, что происходит во Вселенной…
Давайте представим ситуацию, когда тайное международное сообщество, состоящее из обладателей высочайшего интеллекта, духовно преобразованное на основе огромной глубины своих знаний, оставляет за собой право в подходящий момент пустить в ход свои научные открытия или же хранить их долгие годы, – такая ситуация или же исключительно древняя, или же ультрасовременная.
Я бы даже рискнул утверждать, что на определенном уровне такое общество существует и сегодня.
Хотя нет никаких доказательств, что тайное общество розенкрейцеров существовало в XVII столетии, у нас есть веские причины считать, что общество такого характера существует и сегодня, и есть основания предполагать, что оно останется и в будущем.
Научные исследования достигли такого этапа, когда мы можем предвидеть грядущий уровень генной инженерии, который будет „улучшать“ живые существа, включая и самого человека.
Цель алхимических исследований заключалась в трансмутации самого оператора; может, этим же занимается и современный ученый».

После этого текста Монти пролистала еще несколько страниц, посвященных магическим ритуалам, снова ее внимание привлекла голова лягушки.
На этот раз это было цветное изображение человека в мантии и в маске, он стоял на краю богато украшенного пентакля на полу храма. За его головой в канделябрах на стене горели черные свечи.
Под снимком: «Теутус (Дэниел Джадд). Великий магистр Нового международного братства Сатаны».
Эта фотография была одной из прочих; на остальных – алтарь, нагие мужчина и женщина, оба в коронах, и женщина держит кадильницу; зловещая физиономия Алистера Кроули в провалах теней и пятнах света, держащего свою волшебную палочку; группа женщин со вскинутыми руками, в шифоновых мантиях, стоящих в пустыне в окружении дымящихся чаш на высоких треножниках; обнаженный мужчина, сидящий в круге меж раздвинутых ног женщины.
Монти заглянула в раздел ссылок и поискала «Дэниел Джадд». Ссылок было всего три, и она обратилась к первой.
«Дэниел Джадд (Теутус) уже был адептом Нового ордена Сатаны, когда он прошел инициацию в Новое международное братство Сатаны – может, самое секретное из всех сатанистских общин, которые существуют сегодня и чьи корни уходят в прошлое столетие, а может, еще глубже. Известно, что Гитлер, Гиммлер и несколько других ведущих нацистов принадлежали к ложам этой общины, что сегодня является предметом спекуляций.
Годами ходят слухи, что политики, высокопоставленные чиновники, влиятельные бизнесмены, а также члены полиции и вооруженных сил являются членами этого общества. Но доказательств тому не существует. Есть только слухи даже о сатанистском Ватикане, который находится то ли в пустыне Саудовской Аравии, то ли у подножия Анд.
Дэниел Джадд, сын фанатично религиозных родителей, против которых он и восстал, еще подростком вступил в ряды дьявольского собрания. Время с конца пятидесятых до начала шестидесятых было ознаменовано его стремительным ростом. В 1968 году, в возрасте тридцати четырех лет, он стал Великим магистром Соединенного Королевства. Как ни странно, он не давал о себе знать после 1969 года, когда опубликовал „Великий гримуар силы и успеха через практику сатанизма“. К своему тридцатипятилетию он, казалось, исчез с лица земли. Джадд, или Теутус, как он предпочитал себя называть, утверждал, что обладает магическими силами и может становиться невидимым и по желанию менять свой телесный облик. Изобиловали слухи,

что он может превращаться в животное или в зловонный труп, что может очутиться на другой планете, что может дематериализоваться и стать частью энергии космоса или же, что было куда прозаичнее, но практически неправдоподобно, что он отказался от своей оккультной жизни и стал заниматься промышленностью».
Монти вернулась к изображению, которое она уже видела, – Дэниел Джадд в маске лягушки. Затем она стала искать вторую ссылку, которая отослала ее к сто тридцать восьмой странице. К своему удивлению, она обнаружила, что эта страница исчезла. Присмотревшись, она убедилась, что от нее остался еле заметный след: страница была очень тщательно вырезана. Неужто охотником за сувенирами? – удивилась она.
Маска лягушки, несмотря на ее уродство, привлекала Монти. Как и большинство людей, ее притягивало то, что пугало. Дэниел Джадд? Теутус? Она пришла сюда, чтобы как можно больше узнать об оккультных делах, досконально понять то, чему Табита Донахью пыталась научить ее – чтобы защитить себя и Коннора. Но какой-то инстинкт говорил ей, что нельзя игнорировать Джадда. Или же маска лягушки всего лишь совпадение?
Посмотрев на шесть оставшихся томов, она увидела, что один из них – сочинение самого Джадда «Великий гримуар силы и успеха через практику сатанизма». Она начала читать вступление автора.

«С самого начала времен мастера оккультизма – адепты, знатоки – обладали силой влиять на людей и менять ход событий. Многие из этих мужчин и женщин имели вполне заурядный внешний вид, не обладали никакими выдающимися физическими данными и не привлекали к себе излишнего внимания. Это о них говорилось: „Вещи и события всегда следуют за ними“. Но хотя большинство этих адептов предпочитали не светиться, некоторые из них числились среди самых выдающихся личностей всех времен. Для хорошо информированных читателей не станет новостью известие, что бóльшая часть человеческой истории творилась за сценой с помощью тайных махинаций – добрых и злых – могущественными мужчинами и женщинами, владеющими тайнами магических искусств.
Ничто не происходит „случайно“!
Причиной вещей и событий, которые ставят нас в тупик, удивляют или пугают, всегда является кто-то или что-то. Это относится не только к вещам, не требующим доказательств, или к проявлениям магии, но и к чистой науке. При помощи обрядовой магии вы можете научиться контролировать путь к цели и не допускать, чтобы она контролировала ваши действия. И на страницах этого гримуара вы найдете объяснения, как делать правильный выбор».

На задней обложке был только отпечаток гравюры на дереве – голова лягушки в круге с маленькой пентаграммой наверху. Монти обратилась к содержанию и нашла список иллюстраций, включавший несколько изображений автора.
Она лихорадочно листала страницы, но напрасно – изображения Дэниела Джадда, кроме той, где он был в маске лягушки, были вырезаны.
Не на шутку удивившись, она принялась рыться в других книгах. В большинстве из них Джадд упоминался, а в трех, как гласили сноски, существовали даже его фотографии. Но она безуспешно искала их.
Каждая страница, на которой полагалось быть фотографии Дэниела Джадда, была изъята с хирургической осторожностью.
На книгу упала тень, и Монти удивленно подняла глаза. На нее сверху вниз смотрел дежурный библиотекарь, который помогал ей найти книги.
– Прошу прощения, – сказал он. – Уже семь часов, и мы закрываемся.
Монти неохотно кивнула:
– И вы хотите их…
– Просто оставьте книги на столе. Утром о них позаботятся. Вы хотите завтра вернуться и снова поработать с ними?
– Да, я… я бы хотела.
– Они будут у меня. Когда придете, найдите меня.
Поблагодарив его, Монти вышла в пустынный холл. Каблучки ее туфель цокали по мраморному полу, и перед ней всплывали воспоминания. Она всегда любила Британский музей, в детстве походы в него были ее любимым развлечением, и она провела в нем много дней,

вместе с отцом изучая экспозиции. Но сейчас он, как и весь мир за стенами музея, казался чужим и угрожающим.
Охранник придержал для нее дверь, и в лицо дунул холодный порыв вечернего воздуха. Она как вкопанная остановилась на верхних ступенях музейной лестницы. В ворота музея на полной скорости въехала белая машина с синей мигалкой на крыше и светящимися полосками по бокам.
Она остановилась у нижних ступенек лестницы, задняя дверца отлетела в сторону, и, когда в салоне зажегся свет, она увидела профиль с аккуратной короткой стрижкой детектива-суперинтендента Левайна.

121

Монти в панике застыла на месте. Рвануть через двор? Но она не знала, быстро ли бегает Левайн. Она мгновенно прикинула. Шансов немного, но все же лучше, чем ничего. Повернувшись, она забарабанила в дверь, отчаянно взывая к охраннику, который только что ее выпустил.
– Я кое-что забыла! – заорала Монти.
Он снова открыл дверь, и она проскочила мимо него.
– Простите! Я забыла кое-что очень важное! – Но вместо того чтобы направиться в библиотеку, она повернула налево и помчалась по широким ступеням первого этажа Британского музея.
– Эй! – услышала она из-за спины. – Эй, мэм, все закрыто. Музей закрыт!
Она продолжала бежать наверх, в темноту. Добравшись до верхней площадки, она увидела в тени статую коленопреклоненного мужчины и собаки, которая, как она помнила, обозначала вход в отдел доисторической и Римской Британии.
Она влетела в первую из Римских галерей; в ней стояла непроглядная темнота, ничего не было видно, разве что слабое свечение откуда-то сверху. Она замедлила шаг и перешла на ходьбу; теперь единственными звуками, которые доносились до нее, был стук ее каблучков и ее же дыхание.
«Иди прямо вперед», – подумала она, тщетно пытаясь вспомнить географию этого места. После Римской Британии она должна была попасть в зал раннего Средневековья, а там повернуть налево и по длинной галерее выйти к Древнему Ирану.
Вместо этого она остановилась как вкопанная – гулкие звуки шагов лишили ее последних остатков мужества. Она осознала, что шла прямиком к витринам, и, увидев их контуры, бросилась в сторону. За ее спиной, почти вплотную, кто-то крикнул. Мимо нее скользнул луч фонарика; на долю мгновения она увидела, что находится впереди, и обрела уверенность.
Она кинулась бежать, с каждым шагом забирая влево и избегая центральных экспозиций. Луч блеснул снова, упав на голову римлянина на цоколе перед ней. Она рванулась вбок и ошеломленно дернулась, когда луч другого фонарика ударил ей прямо в глаза.
Луч опустился, и, проморгавшись, она увидела силуэт другого охранника, преграждавшего ей путь. Прежде чем он успел открыть рот, Монти требовательно заорала на него, понимая, что игра ее достаточно рискованна:
– Вы их видели? Двух человек? Они только что вломились в один из кабинетов! Я бежала за ними, и они должны быть где-то здесь!
– Вот черт, нет… Не видел я их!
– Дайте мне на секунду ваш фонарик.
Когда он без большой охоты протянул его, она вырвала его и пустилась бежать. Теперь, когда перед ней скользил луч, двигаться было куда легче, и она на полной скорости пронеслась через Древний Иран и Вавилон. Далее находились царские гробницы Ура. Когда она обогнула их, в дальнем конце галереи появился другой охранник, и Монти услышала, как взвыла тревожная сирена.
– Вот сюда! – закричала она охраннику. – Они ушли этим путем!
– Мимо меня никто не проходил, мисс.
– Я видела, они уходили сюда!

Она снова кинулась бежать, не дожидаясь его ответа; дальше она, в панике не увидев необходимый ей правый поворот, обнаружила, что теперь ее окружают египетские мумии. Неподвижные фигуры в бинтах смотрели на нее из-за стеклянных крышек гробов.
Растерявшись, она развернулась на месте. Сдвоенные лучи фонариков приближались к ней. Она быстро двинулась в их сторону, увидела открытый вход в зал коптского искусства, влетела в него, затем побежала вниз по лестнице в дальний конец, в маленький холл Северного входа. У дверей его стоял охранник.
– Быстрее! – заорала она на него. – Взломан зал восточных древностей. Полиция уже подъехала, впустите ее!
Охранник торопливо открыл двери, толчком распахнул их настежь и стал напряженно вглядываться в ночную темноту. Монти проскользнула мимо него, быстро осмотрелась и пулей пронеслась по тротуару Монтегю-Плейс, через темную площадь Бедфорд-Плейс – и исчезла в сумятице Тоттнем-Корт-роуд.
Увидев свободное такси, она решительно бросилась ему наперерез, прыгнула в заднюю дверцу, с грохотом захлопнула ее за собой и откинулась на спинку сиденья, с таким трудом переводя дух, что несколько секунд была не в состоянии говорить.
Водитель откинул стеклянную перегородку:
– Куда?
Она откашлялась, набрав в грудь побольше воздуха. «Куда угодно, лишь бы подальше отсюда», – подумала она.
– Поезжайте прямо, а через пару минут я скажу вам куда.
Она неотрывно смотрела в заднее стекло, но в густой сумятице уличного движения было невозможно определить, следит ли за ней кто-нибудь. Двигаясь по прямой, они быстро достигли Юстон-роуд. Менее чем в миле от них справа высилось здание Бендикс. Она наклонилась к водителю.
– Поворачивайте налево на Юстон-роуд, – сказала она, стараясь оставить между собой и зданием максимально большое расстояние.
Снова откинувшись на спинку сиденья, она закрыла глаза и глубоко задумалась. Табита Донахью досконально знала все средства защиты. Очищение. Соль. Квадрат Лумиела. Умение вызывать зрительные образы. Заклинания. Но одного она не делала. Строго говоря, она презирала это. И именно сейчас, решила Монти, все можно пустить в ход.
Она снова обратилась к водителю:
– Не знаете ли вы, случайно, церковь, которая открыта всю ночь?

122

Суббота, 10 декабря 1994 года

– Сущий муравейник. В часовне они варят суп для бездомных. Кухня никогда не закрывается.
Об этом сообщил Монти водитель, и с его помощью она пришла к мысли провести ночь в Божьем доме. В странной компании церковника с волосами, завязанными в конский хвост. Он всю ночь ходил меж скамеек, на которых спали несчастные души, и молился за них. Но наступало утро, ее отец по-прежнему был во вражеских руках, а мать человека, которого она любила, погибла.
Она села в поезд на Чаринг-Кросс и без остановок доехала до Танбридж-Уэлс, а дальше на такси добралась до той кентской деревушки, в которой располагалась сельская резиденция сэра Нейла Рорке. Ворота были открыты, а гравийная дорожка, окаймленная лавровыми кустами, изгибаясь вела к дому, которого не было видно с дороги. Здесь, после первого поворота, она решила дальше идти пешком, потому что дом появился примерно в ста ярдах впереди, окруженный аккуратным газоном, в центре которого лежал небольшой пруд в восточном стиле.
Именно это зрелище она и ожидала увидеть после того, как пару недель назад просматривала журнал «Хэлло!», – внушительное, пусть и несколько холодноватое в своем совершенстве поместье. Фасад был выдержан в георгианском стиле, квадратный, с продуманными

пропорциями – серые стены, черепичная крыша и элегантный белый портик. Рядом с крыльцом стоял небрежно оставленный могучий «рейнджровер», и Монти пришлось обогнуть его.
Когда она подходила к крыльцу, из дома донесся отчаянный собачий лай. За последние несколько минут небо потемнело, и ледяной ветер вздымал вокруг нее хлопья снежной крупы. Отчетливо понимая, что ее появление может оказаться неожиданностью, она с силой нажала кнопку звонка.
Лай тут же усилился, и вслед за ним она услышала знакомый баритон, гаркнувший:
– Бартоломью! Симеон! Сидеть! Сидеть!
Дверь открылась, и перед ней предстал сам сэр Нейл Рорке в шелковом кашмирском халате до колен, черных кожаных домашних туфлях; с трудом сохраняя равновесие, он придерживал за ошейники двух огромных игривых щенков мастифа.
Какое-то мгновение на лице его сохранялось откровенно неприязненное выражение, и Монти предположила, что он был раздосадован неожиданным вторжением в уединение его уик-энда. Внезапно она вспомнила один из заголовков в «Хэлло!»: «При всей своей занятости бизнесом и благотворительными мероприятиями, бóльшую часть года мой муж проводит в путешествиях. И мы стараемся, чтобы наш сельский дом оставался для нас святилищем».
Прежде чем она успела в полной мере осознать происходящее, все следы неприязни на лице Рорке исчезли, и его взгляд блеснул неподдельной радостью.
– Мисс Баннерман! Какой приятный сюрприз!
– Примите мои искренние извинения за то, что я нарушила ваш уик-энд, сэр Нейл.
– Отнюдь! Всегда рад видеть вас, моя дорогая. Прошу вас, заходите.
Собаки начали было снова гавкать, и он цыкнул на них, чтобы они замолчали.
– Вы должны простить мой внешний вид. Я только что принимал ванну и собирался, переодевшись, посетить местное благотворительное общество.
Холл был выложен каменными плитами, покрытыми персидскими коврами, на дубовых панелях стен висели гобелены, картины маслом и зеркала в резных рамах; широкая изящная лестница вела наверх. Он прикрыл двери и отпустил собак, которые тут же стали восторженно прыгать вокруг Монти, едва не сбив ее с ног.
– Тихо! – снова гаркнул хозяин. – Бартоломью! Симеон! Место!
Но псы, похоже, приняли его слова за приглашение к игре, и оба одновременно стали прыгать на него, отчего хозяин чуть не потерял равновесие. Ковер пополз у него под ногами, и он нашел спасение у ближайшего надежного предмета – стойки для зонтов мореного дерева. Прислонившись к ней, он поднял руки пригладить вьющиеся волосы. При этом халат на мгновение сполз с одного плеча, и Монти, к своему удивлению, увидела ряд вытатуированных букв и цифр, примерно в четверть высотой и два дюйма шириной, кожа вокруг представляла собой рубцовую ткань, словно их выжгли раскаленным железом.
– Ах вы, проклятые псы! – весело сказал Рорке. Он поправил халат, делая вид, что ничего не произошло. – Чай, кофе – или стаканчик шерри?
– Кофе.
Он провел ее через комнату, облик которой она тоже узнала по публикации – мебель, прекрасный письменный стол, элегантная обстановка, на мраморной каминной полке – россыпь рождественских карточек. Она снова удивленно подумала о странной отметке на плече Рорке, но, поняв, что это могло быть, содрогнулась: клеймо концентрационного лагеря.
Она села на диван. Нацисты клеймили всех евреев. Должно быть, в Рорке была еврейская кровь. Да, подумала она, темные вьющиеся волосы и тяжелое лицо явно придают ему семитские черты. Но был ли он достаточно большим, чтобы оказаться в лагере? Сейчас ему пятьдесят с лишним – шестьдесят с небольшим. Да, он мог быть ребенком.
Ее отвлекло звяканье телефона, словно трубку подняли или опустили. Но она сосредоточенно размышляла, с чего начать, чтобы ввести сэра Нейла в курс дела. Она вынула из сумочки диктофон и отмотала ленту к началу.
Несколько минут спустя Рорке снова появился, извинившись за отсутствие жены. Он успел переодеться в костюм с полосатой рубашкой и нес поднос с чашечками кофе и печеньем. Поставив поднос, он вскинул брови при виде диктофона, после чего, расслабленно опустившись на противоположный диван, наклонился вперед и пододвинул гостье чашку кофе, молоко и сахар.
– Итак, моя дорогая, – с добродушным юмором сказал он. – Вы явились интервьюировать меня?

Монти сдержанно улыбнулась. Нервы у нее были на пределе.
– Нет. На этой ленте записан некий текст, который я хочу, чтобы вы прослушали. Боюсь, что он вас потрясет.
Рорке с предельным вниманием прослушал и запись, и рассказ Монти, в котором она постаралась привести как можно больше подробностей. Вид у него был крайне недоверчивый, но слушал он очень внимательно. Монти все время не покидало ощущение, что сэр Нейл как бы ждет доказательств того, что он уже знает.
Выслушав все до последнего слова, он решительно встал. Вместо того чтобы ужасаться и тратить на это время, он сразу же приступил к делу:
– Первое и главное – это найти вашего отца, защитить вас и мистера Моллоя, а потом посмотрим, что мы можем сделать для Анны Стерлинг и других женщин из этого дьявольского списка. Один из моих ближайших друзей – сэр Патрик Нортон, глава столичной полиции. И эта мелкая дешевка Левайн, конечно же, не обладает таким влиянием. Тем не менее мы должны действовать быстро; если за вами следили, то им, конечно, уже известно, что вы здесь. Я немедленно звоню домой сэру Патрику. И к концу дня я хочу видеть Кроу за решеткой. Это только для начала!
Проводив глазами Рорке, который выскочил из комнаты, Монти внезапно испытала чувство вины перед ним – как ни странно, за то, что она оказалась тем гонцом, который принес плохие новости о его компании.
Она снова услышала звяканье телефона и меньше минуты спустя – еще одно. Состоялся краткий разговор, подумала она. Затем ей пришло в голову, что номер мог быть занят и хозяин сделал еще одну попытку позвонить. Монти засунула диктофон обратно в сумочку. Ею владело крайнее изнеможение. Она слышала, как телефон звякал еще несколько раз.
Рорке вернулся минут через десять; казалось, что он состарился лет на пятнадцать. На руке у него висело пальто.
– Так. Дела пошли. Сэр Патрик договорился с главным констеблем Кента, и через пять минут тот лично прибудет сюда. Он даст нам сопровождение, чтобы мы добрались до «Хаммерсмит-Бендикс».
На Монти произвел впечатление уровень контактов Рорке. Пришли в движение крупные шестеренки. Если бы только она занялась этим раньше, с горечью укорила она себя, вместо того чтобы доверять этому слизняку Левайну.
– А ваш ланч? – внезапно спохватилась она. Уже минуло половина второго. – Вы же не успеете!
– Я звонил, – коротко сказал он. – И все организовал.
Между ними воцарилось неловкое молчание; Монти не могла не понимать, что в этой ситуации слова ни к чему.
Затрещал звонок у дверей, который вызвал взрыв приглушенного лая – на этот раз собаки были заперты где-то внутри дома. Встав, Рорке направился в холл, и Монти последовала за ним. Через окно она увидела переднюю часть «мерседеса» с затемненными окнами, который ждал на подъездной дорожке.
Рорке широким жестом открыл входную дверь и пригласил Монти пройти первой. Она сделала шаг и замерла на месте.
На крыльце плечом к плечу, перекрывая выход, стояли доктор Кроу и доктор Зелигман.
Она в ужасе повернулась, надеясь на помощь Рорке. Его лицо было маской холодной слепой ярости. И через секунду она осознала, что его гнев направлен не на этих двух человек, а на нее.
– Вы гнусная, сопливая, паршивая сучка! Как только вы осмелились так себя вести?
Она почувствовала укол в бедро, как от жала осы. У нее еще было время заметить, что лицо Рорке вдруг странно исказилось, словно стало таять. А потом у нее подогнулись ноги.

123

Коннор еле полз в арендованном «форде» по Юстон-роуд, приближаясь к зданию Бендикс. Он был полон молчаливого отчаяния и ничего, кроме него, не чувствовал.
Мертва. Его мать мертва.

В ушах стояло эхо тех ее слов, которые она сказала в ночь его отлета в Вашингтон. «Подумай еще раз, пока у тебя есть шанс».
Если бы он послушался ее, «Бендикс Шер» так и продолжал бы существовать. А он бы никогда не встретил Монти.
Но его мать была бы жива.
И где, черт побери, была бы Монти? В когтях этого подонка Кроу?
Он видел, как впереди справа растет слепое безглазое здание Бендикс, и вместе с ним вздымалась вся та ненависть, что он взращивал в душе двадцать шесть лет.
Он развернул машину к стоянке «Бендикса», подрулил к воротам и через окно протянул пропуск.
Охранник посмотрел на ветровое стекло:
– А где бирка?
– Бирка?
– Ваш пропуск на парковку. Мы не имеем права впускать машины без такого разрешения.
– Имел я вас! – взорвался Коннор. – Моя машина на пирсе, а эта арендованная.
Охранник закрыл свое окошко, вернулся за стол и взял чашку с кофе. А перед Коннором вместо привычного зеленого света горел красный, да еще в сопровождении слов на экране: «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН. НЕМЕДЛЕННО ДАЙТЕ ЗАДНИЙ ХОД. ВЫ НАРУШИЛИ ГРАНИЦУ ЧУЖОГО ВЛАДЕНИЯ».
Коннору пришлось вернуться на главную дорогу и припарковаться у счетчика за углом.
Возвращаясь, он заметил хвост черного «мерседеса», исчезающего на эстакаде автопарка, который, как Монти говорила ему, принадлежал компании.
Створки автоматических дверей раздвинулись, он вошел в белый мраморный атриум и направился к конторке охранника, за которой сейчас находился только один человек, черный мужчина на пятом десятке. Коннор чуть не обознался, приняв его за Уинстона Смита, приятеля Монти.
– Привет. Мне нужно спешно увидеться с доктором Кроу. Предполагаю, сейчас его нет на месте, не так ли?
У охранника был совершенно нейтральный голос, в нем не было ни дружелюбия, ни враждебности.
– Порой он приезжает по утрам в воскресенье, но сегодня я его не видел.
– Понимаете, – смущенно продолжил Коннор, – тут такое дело, что ждать не может. У вас есть какой-нибудь его номер для срочных случаев? Я один из его патентоведов.
– Можете предъявить удостоверение?
Коннор показал ему свою карточку. Охранник кивнул и с явной неохотой сказал:
– Могу попробовать… есть пара номеров. Но он отнюдь не обрадуется, что его беспокоят в уик-энд.
– Это спешно.

Американец был небрит, глаза налиты кровью, а одежда в беспорядке. Охранник посмотрел на него и прикинул, не выпил ли он.
Мистер Коннор Моллой.
Раздался неслышимый удар колокола. Четкий и недвусмысленный «дин-дон». Он посмотрел на экран своего компьютера и уже был готов напечатать это имя, как вдруг, к своему изумлению, увидел, что оно уже на экране.

Сглотнув комок в горле, он нервно улыбнулся американцу. Ну конечно! Это имя весь день было у него перед глазами.
Мистер Коннор Моллой.
Он снова изобразил улыбку, которая, как он надеялся, на этот раз была убедительной, а затем, стараясь казаться спокойным и расслабленным, набрал номер мобильного телефона майора Ганна.

В салоне «мерседеса» стояла странная тишина, которая подчеркивалась искусственной темнотой из-за зачерненных стекол. Монти остро ощущала запах выделанной кожи, пока машина бесшумно скользила в потоке лондонского движения.
Зажатая на заднем сиденье между Кроу и Зелигманом, она чувствовала себя так, словно тело залито цементом. Монти осознала, что, должно быть, какое-то время она спала или была без сознания, но теперь она проснулась и пришла в замешательство. Они ехали по Парк-Лейн. «Была здесь прошлым вечером», – подумала она и попыталась припомнить зачем. «Мерседес» обогнул Марбл-Арч. Ну конечно. Они направляются на Мэрилебон-роуд, а потом выедут на Юстон-роуд.
Ее страхи вернулись – тихие, но настойчивые, словно в груди сидело какое-то мелкое животное и скребло коготками. За окнами скользили машины, здания и люди – зловещий, незнакомый Лондон, мрачный, словно переживший ядерную зиму.
Надо махать руками, подумала она. Надо кричать, привлекать чье-то внимание. Но пока она в машине, никто ее не увидит и не услышит.
Теперь они уже ехали по Юстон-роуд, мимо станции. Справа вырастало здание Бендикс, но, вместо того чтобы свернуть на правую полосу, «мерседес» подался налево и стал замедлять ход. Полоса превратилась в широкое дорожное полотно, по обеим сторонам которого стояли высокие офисные здания; машина было ускорила движение и сделала резкий поворот влево, ко входу в многоэтажный гараж.
Монти в ужасе смотрела на оранжевые и черные надписи на стенах: «Автостоянка LRG». Затем у низкого барьера, который сейчас был поднят, появились большие красные буквы: «ВСЕ ЗАПОЛНЕНО. ТОЛЬКО С КОНТРАКТАМИ НА ПАРКОВКУ».
«Мерседес» поднялся по виражу крутой бетонной рампы; она слышала, как дребезжат колеса, пересекая пустые дренажные трубы. Увидев впереди будочку охранника, она узнала мрачное лицо ее обитателя. Перед вторым барьером шофер вышел и вставил карточку в приемное устройство рядом с собой.
Автопарк оказался куда больше, чем она могла себе представить; большинство ниш были пусты. Ну конечно. Ведь сегодня суббота. «Мерседес» круто развернулся направо и остановился рядом с лифтами.
Шофер открыл дверцу Кроу и придержал ее для него. Зелигман дал Монти знак следовать за ним, и она, чувствуя, какое у нее тяжелое и непослушное тело, сползла с сиденья.
Кроу сунул карточку в щель перед лифтами и набрал на панели последовательность цифр. Немедленно одна из дверей раздвинулась, и он махнул Монти, предлагая войти, после чего вместе с Зелигманом последовал за ней. Кабина лифта стремительно ухнула вниз и резко остановилась. За открывшейся дверью простирался холл серого мрамора, в котором за консолью стояли два охранника в форме.
Не обращая на них внимания, Кроу подошел к тяжелой металлической двери, вставил карточку-пропуск и набрал номер. Скользнув в сторону, дверь открыла проход в длинный, пустой, ярко освещенный коридор.
Она шла за Кроу. Монти была в таком одурманенном состоянии, что могла только подчиняться.
«Вы гнусная, сопливая, паршивая сучка!»
Сейчас этих слов никто не произносил. Она запомнила их. Ошибка была делом ее рук: она снова не послушалась совета Коннора. Но она все еще не могла полностью поверить, что сэр Нейл Рорке имеет ко всему этому отношение. Конечно же, это не он!
Она бросила взгляд на Зелигмана, который шел рядом, чуть касаясь ее локтя. Коридор за ним был совершенно пуст. Бесшумно подмигивали камеры. Можно было попробовать совершить побег. Она еще могла кинуться к лифтам, но у нее не хватило бы времени, разве что успела бы нокаутировать Зелигмана и Кроу – но каким образом? Единственным оружием в ее распоряжении была мягкая кожаная сумочка, которую она сжимала в руках. Вдруг ей в голову пришла мысль, что, может быть, они ведут ее к отцу или к Коннору.
Но в то же время она понимала, что ее могут вести куда-то, чтобы убить.

Они оставили за собой ряд торговых автоматов и несколько лабораторий. Двери большинства из них были закрыты. На стенах не было ни досок объявлений, ни плакатов с предостережениями, отчего тут лишь усиливалось впечатление зловещей безликости.
Они добрались до еще одной металлической двери в конце коридора. Кроу снова вставил свою карточку и снова набрал кодовый номер. Дверь открылась на бетонную лестницу, которая исчезала в темноте.
– Всего один пролет. Мы без труда преодолеем его.
Здесь было сумрачно и стоял ледяной холод. Монти вгляделась в окружающий мрак и нахмурилась. Ступени вели только вниз, не наверх.
– Пожарный выход соединяет только подвальные этажи, мисс Баннерман, – сказал Кроу, отвечая на незаданный вопрос. Его голос сопровождался негромким эхом. – Отсюда до верхних этажей пламя не доберется. От них нас отделяет девять метров сплошного бетона.
– Так как же в случае пожара отсюда выберутся люди?
– Тут всюду имеется система подачи инертного газа. Любое пламя гаснет мгновенно.
Монти уставилась на него. Огнетушитель такого типа устраняет огонь тем, что очаг возгорания оказывается в атмосфере инертного газа, вытесняющего кислород. Такой метод тушения исключительно эффективен – но и смертельно опасен: быстрое действие этой системы заключается в том, что за несколько секунд вытесняется весь кислород из помещения и любой, кто в нем находится, погибает от удушья.
– А не опасно ли это для ваших сотрудников, доктор Кроу?
– Будут шевелить мозгами. – Он сдержанно улыбнулся ей и пошел вниз по лестнице.
Спустившись на этаж ниже, Монти вслед за Кроу оказалась в маленькой прихожей. За небольшой стойкой, уставленной телевизионными мониторами, стоял охранник с темными кругами под глазами; его бесцветная кожа была покрыта какими-то пятнами. Кроу прошел мимо него, миновал закрытую стальную дверь и двинулся по широкому коридору, в котором пахло дезинфектантами. Кроме того, Монти начала обонять и другое знакомое зловоние, из-за которого она стала чувствовать себя не лучшим образом. Влажная звериная шерсть и сырая солома. Они вошли в помещение для животных, полутемное, похожее на пещеру. Оно было залито ультрафиолетовым свечением. Звериный запах тут был куда сильнее. В центре помещения размещалась консоль с мониторами и компьютерным оборудованием, а по обеим сторонам комнаты от пола до потолка тянулись застекленные клетки.
Они прошли мимо клеток с собаками, обезьянами и грызунами. Ко многим из обитателей клеток были подсоединены провода, которые фиксировали их состояние. Кроу остановился у окошка и подозвал Монти.
Она поняла, что это инкубатор. В нем лежало маленькое инертное существо, которое дышало с помощью интубационной трубки и вентилятора, нагнетавшего в нее воздух; из бритой головы торчали электроды, а из шеи, запястий и промежности – канюли; крохотный пенис кончался катетером. Создание отчаянно вращало глазами. Безволосая обезьянка, как сначала подумала Монти, но, присмотревшись, с ужасом и отвращением поняла, что это человеческий младенец.
Содрогнувшись, она сделала шаг назад:
– Что… что вы здесь…
– Впечатляет, не правда ли? – сказал Кроу.
– Это же человек!
Широко разведя руки, он показал на стены инкубатора:
– Здесь все люди, мисс Баннерман.
Монти осторожно приблизилась к окнам. От пола до потолка по обеим сторонам помещения тянулись стеллажи, на каждом из которых хватало места для шести младенцев. Все они были голые, и к каждому была подключена точно такая же аппаратура. Монти вытаращенными глазами посмотрела на Кроу, а потом на Зелигмана.
– Они клоны? Этим вы здесь и занимаетесь? – Ее голос перешел в шепот.

– Не совсем, мисс Баннерман, – вежливо сказал Зелигман. – Все они выращены in vitro [26]
. – Он улыбнулся. – Так что не стоит ужасаться. Ведь их можно считать человеческими существами только с технической точки зрения.

– Технической?
– Мозг их мертв, а жизнь поддерживается искусственно. В такой ситуации они оказываются сразу же при рождении. Никто из них никогда не испытывал того, что называется сознанием человека; они ничем не отличаются от овощей – или, может быть, от созданий классом ниже – скажем, от морских анемонов.
Монти прижалась лицом к окну, стараясь перебороть бушевавшую в ней тихую ярость. С трудом владея собой, она резко повернулась:
– Вы не можете этого делать! Вы не имеете… не имеете права!
Меж тонких ярко-красных губ Кроу мелькнул кончик языка.
– Мы, не считаясь с опасностью, лелеем исключительно ценные идеи о правах и гуманности, мисс Баннерман. Нам приходится приспосабливать их к нашим нуждам. Если это не получается, мы их изымаем из употребления.
Вдруг она вспомнила коммерческую телерекламу «Бендикс Шер», которая показывала, как сэр Нейл Рорке в африканской деревушке обнимает малышей. «„БЕНДИКС ШЕР“ – САМАЯ ЗАБОТЛИВАЯ КОМПАНИЯ В МИРЕ».
Монти посмотрела на другого ребенка:
– Кто здесь работает, доктор Кроу? Какой у вас тут штат сотрудников? Они принимают все это?
– Кое-кому из них очень хорошо платят. А другие просто не могут позволить себе уйти.
Она повернулась к нему:
– Что вы имеете в виду?
Он улыбнулся:
– Не всегда удается покупать верность сотрудников. Порой ее приходится создавать.
– Создавать? – И тут ее осенило. Уинстон Смит. Над ним беспардонно экспериментировали. Его просто превратили в запуганное, полностью зависящее от лекарств рабское существо. Как и всех остальных охранников, в чем она не сомневалась.
– Похоже, вы расстроены, мисс Баннерман. Я думаю, мы можем продолжить нашу экскурсию. Может, вы сочтете, что наш аквариум больше отвечает… мм… вашим вкусам.
Лифт доставил их на один этаж ниже. Как-то ей придется выбираться отсюда. Должен быть кто-то, обладающий большей силой, чем Рорке, и, когда этот человек увидит, что здесь происходит, он просто разорвет компанию на куски. Она прикрыла глаза, молясь, чтобы с ее отцом и Коннором все было в порядке. У Коннора есть план. Но частью этого плана была его мать.
К ее удивлению, когда они вышли в темный грязноватый коридор, в нем не оказалось ни одного охранника. Только камеры внутреннего телевидения.
Несколько шагов по коридору, и в конце его Монти увидела дверь с небольшим глазком и толстыми резиновыми фланцами по всему периметру. Кроу проделал привычную процедуру, и дверь с шипением открылась перед ними. Они вошли в тесный воздушный шлюз. Когда дверь за ними закрылась, Кроу сказал:
– Вы живете в сельской местности – я предполагаю, что вам интересна жизнь живой природы, мисс Баннерман?
– Живой природы?
– Матери-природы! Нашего крупнейшего поставщика! – Он толкнул другую дверь, за которой стояла почти полная темнота; их сразу же охватила атмосфера теплого сырого вонючего воздуха; в ней отчетливо стояли запахи стоялой воды и гниющих водорослей.
Монти последовала за Кроу по дорожке из металлической решетки, которая тянулась перед ними вплоть до другой стены помещения, напоминавшего размерами футбольное поле. С потолка свисали батареи тусклых инфракрасных светильников, от которых шел мощный жар. Она увидела под собой чернильную воду, в которой, как булавочные головки, поблескивали искорки света. Они отражались в глазах сотен невидимых существ, скрытых из вида под их ногами.
Что-то прыгнуло рядом с ней, и, вскрикнув, она отшатнулась, наступив на ногу Зелигману.
Это нечто прыгнуло снова. И еще раз – прямо на нее.
– Убирайся! – завопила она, подаваясь назад и отталкивая с пути доктора.
Оно прыгнуло еще раз и, не дотянувшись до груди Монти, шлепнулось на пол. И снова – что-то холодное и скользкое коснулось ее руки.
– Хрррр… хрррр… хрррр…
Прыгнув, оно с силой ударилось в подол юбки, словно разгневанное ее появлением.

Монти, отчаянно замахав руками, отшвырнула это существо.
Высоко подпрыгнув, оно ударилось ей в лицо – мокрая, грубая, скользкая кожа. Она с силой отмахнулась.
– Помогите! – закричала Монти. – Пожалуйста, помогите мне!
Кроу повернулся. Резко нагнувшись, он схватил что-то обеими руками и медленно поднес это к глазам Монти.
– В чем дело, мисс Баннерман?
Она потрясенно уставилась на блестящее создание, которое он сжимал пальцами; лапы его дергались, рот открывался, а вытаращенные глаза в складках кожи помаргивали.
Ее глаза уже привыкли к полумраку, и она с каждой секундой все отчетливее видела добычу Кроу. Она содрогнулась с головы до ног: Кроу держал существо размером с кошку.
– Вроде вам не нравятся лягушки, не так ли, мисс Баннерман? – в улыбке блеснул Кроу зубами. – Не могу понять – почему? Этот малыш – такой наш хороший приятель. Он двадцать лет будет снабжать «Бендикс Шер» одним из самых прибыльных снадобий. – Он протянул ей лягушку, и Монти отпрянула назад, прижавшись спиной к двери камеры.
– Пожалуйста, – сказала она. – Прошу вас, не надо. – Вокруг раздавалось лишь гулкое уханье, утробные стоны, кваканье и редкие всплески.
Кроу поднес лягушку еще ближе:
– Это существо – чудо матери-природы, мисс Баннерман. Она – одно из редчайших созданий природы. Rheobatrachus silus – желудочно-родящая лягушка. Здесь, в этом помещении, мы содержим самый большой садок в мире – более четырех тысяч особей – и в данный момент строим еще один в Слау, где у нас будет сто тысяч особей. – При этих словах, явно наслаждаясь ее ужасом, он поднес лягушку еще ближе. – Человеческий желудок – потрясающая вещь, не так ли? Подумать только, он может переваривать едва ли не все: крахмал, минералы, все виды протеинов. Неужели вы никогда не удивлялись, почему наш желудочный сок не проедает стенки собственного желудка? Согласитесь, интересный вопрос, мисс Баннерман!
Она молча смотрела на него.
– Так вот, я объясню вам. Стенки желудка состоят из уникальных клеток, которые непроницаемы для аммиака и углекислоты. Эти клетки стоят на страже, оберегают нас от болезненной смерти… когда мы словно перевариваем сами себя. Умно, не так ли? Что и заставляет меня обратить внимание на этого нашего маленького друга. – Он нежно погладил лягушку. – Большинство живых существ или откладывают яйца, или вынашивают потомство в своем чреве. Но только не эта дама. Она вынашивает детей у себя в желудке. Как им удается оставаться в живых? Почему желудочная кислота не переваривает их?
Монти сглотнула. Она была вся в испарине.
– Видите ли, – продолжил Кроу, – данная особа производит субстанцию, которая подавляет кислотный секрет сразу же после того, как проглоченные яйца попадают в желудок, – и это длится весь период вынашивания. Мы идентифицировали человеческие гены, несущие ответственность за производство клеток, невосприимчивых к воздействию аммиака и углекислоты. С помощью вашего отца мы планируем вводить эти гены в зародыша и посредством «Матернокса». Когда ребенок вырастет и созреет, гормональные изменения в его теле активируют данные гены и они начнут производить такие клетки, которые будут пожирать оболочку желудка. Без соответствующего лечения и лекарств, которые надо принимать всю жизнь, человека ждет мучительная смерть.
– И… и… вы собираетесь производить медикаменты с использованием этих лягушек? – запинаясь, пробормотала она.
Кроу отвел земноводное от ее лица.
– Совершенно верно, мисс Баннерман, – сказал он с широкой довольной улыбкой на лице. – Абсолютно правильно! Заболевание будет диагностировано докторами как новый вид рака желудка, вызванный стрессами современной жизни. – Он снова улыбнулся. – Мы уже создали наш препарат и ждем, но пока мы не торопимся получать патент на грядущие двадцать лет. Мы ждем, пока болезнь впервые даст о себе знать. – Он снова погладил голову лягушки, словно та была призовой кошкой. – Вы знаете, мисс Баннерман, что у человека и лягушки есть один идентичный орган?
Монти ничего не ответила.

– Глаз. Вы не знали, что органы зрения у человека и лягушки очень похожи? Мы считаем, что если человеку – ему или ей – заменить глаза на лягушачьи, то они будут все видеть адекватно. И конечно, наоборот. Vice versa. – Кроу посмотрел на лягушку и вдруг многозначительно уставился на Монти. – Я догадываюсь, вы удивлены присутствию здесь доктора Зелигмана. Разрешите мне объяснить. Хотя сейчас он является директором нашего департамента исследований и развития, доктор Зелигман прошел обучение в Швейцарии как хирург-офтальмолог. Он провел большое количество исследований, связанных с человеческим глазом, и убежден, что генная инженерия способна излечить многие заболевания органов зрения. Конечно, это потребует обилия лабораторных работ, не так ли, доктор Зелигман?
Тот склонил голову.
Кроу продолжал нежно поглаживать лягушку.
– У меня нет полной ясности, мисс Баннерман, какой точно объем информации о «Досье Медичи» находится в вашем, вашего отца и мистера Моллоя распоряжении и кому вы его передали. Вы понимаете, что сейчас, в данную минуту, я не нуждаюсь в этих сведениях. Мы собираемся на какое-то время оставить вас в покое, дабы вы подумали, что вы хотите сообщить нам. – Он сделал паузу. – Я уверен, что, когда вы… э-э-э… примете участие в наших экспериментах, ваш отец изъявит куда больше желания сотрудничать с нами, чем до сегодняшнего дня. А тем временем я не могу представить, кто лучше вас сможет оценить, что значит видеть мир глазами лягушки. Конечно, если операция пройдет успешно.
Повернувшись, он кинул лягушку в темноту.
– Пожалуйста, не оставляйте меня здесь, – взмолилась Монти. – Только не здесь. Я могу рассказать вам все, что знаю… но это очень немного.
Кроу несколько секунд задумчиво рассматривал ее лицо, а потом мягко положил ей руки на плечи:
– Я хочу, чтобы вы очень тщательно припомнили каждую мельчайшую подробность того, что вы знаете… и кому вы уже рассказывали. Вы доставили нам массу хлопот, моя дорогая, очень много хлопот. – Он улыбнулся.
Затем жестким ударом ноги он сделал ей подсечку и толкнул назад. Она упала, ударившись о металлический пол, и задохнулась от боли и потрясения.
Сухо щелкнула дверь, закрывшаяся за двоими мужчинами. Она осталась одна в окружении кваканья лягушек и плеска воды. Кваканье становилось все громче, все больше лягушек присоединялось к какофонии, которая становилась невыносимой. К ее ужасу, Монти показалось, что лягушки собираются вместе, чтобы напасть на нее.
И тут она кое-что вспомнила.

125

Коннор безостановочно кружил по атриуму. Монти была здесь – он до мозга костей чувствовал владевший ею страх. Он посмотрел на часы: ноль минус четыре часа и семь минут. Дальше пойдет сценарий
худшего развития событий.
Но пока все на месте и часы отсчитывают время. Если что-то не получится, он сделает то, ради чего пришел сюда. Но какой ценой?

Он гневно посмотрел на охранника за своей стойкой. Давай же, давай! В раздражении он стиснул руки. Лишь бы не опоздать, ради бога, лишь бы не опоздать! Он вернулся к стойке.
– Что тут, черт возьми, происходит?
Охранник дернулся и, нервничая, ответил:
– Еще минуту, сэр, через минуту он будет у телефона.
С момента появления Коннора минуло пятнадцать минут. Времени еще более чем достаточно. Его хватит, чтобы разослать послания, а вот они уже ничего не успеют сделать. Им придется освободить Монти, у них нет выбора.
– О’кей, вы его сейчас увидите. Воспользуйтесь директорским экспресс-лифтом.

Удивленный голосом охранника, Коннор повернулся:
– Директорским экспрессом? Он в здании? В своем офисе?
– Да, сэр, именно так.
Коннор возмущенно посмотрел на него. Значит, доктор Кроу все время был на месте?
– Впускаю вас. – Охранник прошел мимо Коннора к лифтам и вставил в панель свою карточку. Створки немедленно разошлись. Коннор вошел в кабину и неподдельно удивился, когда, вместо того чтобы подниматься, как он ожидал, лифт начал опускаться и несколько секунд был в свободном падении. Когда он остановился, дверь выпустила его в небольшой холл с пустой стойкой охранника, за которой располагалась закрытая стальная дверь. Он вышел из лифта, и створки за его спиной сомкнулись. Монти была где-то здесь – теперь он еще отчетливее ощущал ее присутствие.
Подождав несколько секунд, он снова посмотрел на рабочее место охранника. На нем были встроенная клавиатура и монитор, в данный момент выключенный. Он нажал несколько клавиш, но ничего не произошло. Затем что-то на потолке привлекло его внимание, и он поднял взгляд. Рядом со сложным устройством противопожарного разбрызгивателя оранжевого света висело предупреждение:
«ОПАСНОСТЬ. АВТОМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЖАРОТУШЕНИЯ С ИНЕРТНЫМ ГАЗОМ. КОГДА СВЕТ ЗАГОРАЕТСЯ, НЕМЕДЛЕННО ПОКИДАЙТЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ЗВУК КЛАКСОНА ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ДО АКТИВАЦИИ ОСТАЕТСЯ ПЯТНАДЦАТЬ СЕКУНД».
Ими, должно быть, владеет параноидальный страх огня, если установили такую систему в помещении, которым люди пользуются реже, чем машины, предположил он.
Тянулись минуты. Его беспокойство росло. Он попытался справиться с металлической дверью, раз и другой введя в щель свою карточку-пропуск, но дверь оставалась неколебимой и никак не реагировала на его код – на верхних этажах он с этим никогда не сталкивался.
Он сел на край стола. Прошло десять минут. Двадцать. Что, черт побери, происходит?
Время начало ускорять свой бег. Он в отчаянии мерил шагами комнату и орал, обращаясь к стенам:
– Доктор Кроу, прочтите вашу электронную почту! Не пытайтесь дурачить меня, у вас нет времени. Прочтите вашу проклятую почту!

126

– Солдат, мне эта игра больше не нравится.
Ганн вцепился зубами в ноготь большого пальца.
– Солдат, ты понял, что я сказала? Мне в самом деле больше не нравится эта игра.
Лицо Никки, обрамленное длинными рыжими волосами. Она смотрит на него снизу вверх, пока лежит обнаженная и притянутая ремнями к алтарю в шести футах под атриумом.
Тот момент, когда выражение ее лица изменилось, когда она поняла, что это не пикантные сексуальные игры, а что они серьезно готовятся вырезать сердце из ее груди, – этот момент он пронесет с собой до самого своего смертного ложа.
А теперь им придется иметь дело с этой Баннерман.
С двумя охранниками по бокам он вышел из лифта и двинулся по коридору к инкубатору.
Проклятье, ему больше не нравятся эти игры. Силс, Роули, та журналистка Зандра Уоллертон – все они получили то, чего заслуживали. Но Никки – это совсем другое. Черт, он же в самом деле любил ее.
И теперь еще эта Баннерман. «Ты распускаешься, – подумал он. – Теряешь свои гребаные нервы». Через воздушный шлюз он вошел в инкубатор, в его густой влажный воздух, в котором стоял запах водорослей и эхом отдавалось непрестанное кваканье. Его шаги звоном отдавались от решетчатых металлических плит, он внимательно вглядывался в темноту, подсвеченную инфракрасным светом.
Ее здесь не было.

Сквозь щели в жалюзи на двери Монти видела, как трое мужчин торопливо прошли по коридору в сторону инкубатора. Тот, что был в костюме, взволнованно говорил по рации двусторонней связи, но в гуле огромного насоса, к которому она прижималась, его слов было не разобрать.

Все, что ты делаешь, должно выглядеть убедительно…

Обладатель костюма и один из охранников вызвали лифт; другой охранник стал неторопливо ходить взад и вперед по коридору, пока не остановился прямо перед ней, рассматривая жалюзи. Она отчетливо видела его лицо: толстые вывернутые губы, мешки под злыми глазами.
Монти стояла как прикованная, лелея лишь одну отчаянную мысль: выжить. Надо что-то делать. Надо выбраться отсюда и рассказать миру…
Охранник схватился за ручку. У нее гулко заколотилось сердце. Единственным ее оружием была неожиданность: если она с силой ударит его между ног, ткнет пальцами в глаза, у нее появится шанс…
Он подергал дверь, проверяя, надежно ли она закрыта, и отошел. Онемевшая от этой неожиданности, Монти продолжала неподвижно стоять на месте.

Прошло несколько минут, но охранник не возвращался.
Все, что ты делаешь, должно выглядеть убедительно…

Легко сказать. Она сжимала в пальцах тонкую пластиковую карточку, которую ей передал Уинстон Смит. В его записке говорилось, что она открывает любую дверь в здании. По крайней мере, здесь она сработала, выпустив ее из инкубатора.
Монти осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Коридор был пуст. Она осмотрелась: никаких указателей, стрелок, названий. В ее сторону смотрела телевизионная камера. Пора сниматься с места. Надо двигаться, уходить отсюда.

Роджер.
Это имя из записки Уинстона. «Мой друг Роджер теперь на месте с понедельника до пятницы, с восьми утра до четырех дня. Он покажет вам все, что вы захотите увидеть. Можете доверять ему. Очень жаль, что у меня никогда не хватало смелости». Если ей удастся найти Роджера, может, ему удастся помочь ей выбраться отсюда. Разве что сейчас суббота, пришло ей в голову. Но шанс все же есть. Она припомнила, что Уинстон Смит порой менялся сменами.

Терпение. Соберись с силами.
Монти попыталась прикинуть, на каком она сейчас этаже. Можно воспользоваться лифтом, но это рискованно: он может остановиться на любом этаже, да и, кроме того, в нем может оказаться камера. Лучше воспользоваться коридорами и лестницами. И ей надо найти Роджера.

Она снова осмотрела коридор. Позвякивающие звуки доносились откуда-то слева, и она с растущими надеждами поспешила в этом направлении и разочарованно остановилась, увидев всего лишь комнату отдыха с раковинами, торговыми автоматами с напитками; здесь же стоял стол и стулья. Звуки эти издавал автомат с горячим кофе.
Она проверила все умывальни в надежде, что где-то за ними таится скрытый выход, но ничего не нашла и вернулась в коридор.
Через несколько ярдов коридор поворачивал направо, и, свернув, она, к своему облегчению, увидела стальную дверь с кнопочной панелью. Аккуратно введя карточку, она отстучала кодовый номер, который ей дал Уинстон Смит. 0626. Замок щелкнул, и маленький красный огонек стал зеленым.

Миновав эту дверь, она оказалась на бетонной лестнице. Она опасливо посмотрела в темноту над головой и затем вниз. Туда уходил только один пролет, и она четко видела там, где он кончался, еще одну дверь и голую стену.
Резкий треск заставил ее подпрыгнуть. Развернувшись, она увидела, что дверь за ней захлопнулась. Глянув наверх, она с облегчением отметила – никаких признаков жизни. Есть ли тут какое-нибудь укрытие? Но она не видела ни ниши, ни шкафа или ящика.
Она попыталась собраться с мыслями. Надо подниматься наверх, прокладывать путь наверх. Двумя уровнями ниже открылась дверь, и она оцепенела, увидев какую-то тень и услышав возбужденные голоса.
Нет времени отыгрывать назад. Она стремглав полетела вниз по лестнице, пока в самом низу не съежилась в темноте, и стала прислушиваться, моля Бога, чтобы они не вздумали явиться сюда. Спускавшиеся шаги остановились как раз над ней. Раздался резкий щелчок, а потом молчание. Бесшумно выдохнув воздух, она осталась сидеть на корточках, глядя наверх, пока не удостоверилась, что все в самом деле ушли.
На цементном полу перед ней лежали пара окурков сигарет и смятый полистироловый стаканчик; вид этого окурка, как ни странно, ободрил ее, словно дав ей тайный сигнал, что и среди воинства «Бендикса» есть мятежники. Затем она вставила карточку в щель, набрала номер и осторожно толкнула дверь.
Она открылась в узкую приемную, где за небольшой консолью сидел пожилой черный охранник, который встретил ее взглядом в упор.
Монти оцепенела.
Затем она услышала звук множества ног, которые спускались по лестнице над ней. В отчаянии она кинулась в помещение. Охранник был того же возраста, что и Уинстон Смит; на его худом лице были такие же большие красноватые пятна. И выражение его взгляда, мягкое, без враждебности, сразу же дало ей знать, кто он такой.
– Будьте любезны, могу ли я посмотреть ваше удостоверение личности, мэм? – сказал он.
Нервно поглядывая на дверь у себя за спиной, она вытащила из сумочки письмо Уинстона Смита. Он развернул его, прочел, сложил снова и подрагивающей рукой вернул ей. Быстро глянув на потолок, охранник наклонился к ней и прошептал:
– Я не могу помочь вам. Хотел бы, но не могу. Это невозможно. – Его глаза, вытаращенные от страха, снова обратились к потолку.
Проследив за его взглядом, она увидела телевизионную камеру и не смогла справиться с паникой. Сразу за ним располагалась дверь. Она должна пройти через нее.
– Роджер, Уинстон Смит мертв. Они могли вылечить его, но не стали этого делать. Они убили его. Они могли улучшить ваше состояние, но вместо этого дают вам лекарства, чтобы вы плохо чувствовали себя. Пожалуйста, помогите мне выбраться отсюда. Пропустите меня. И скажите им, что вы меня не видели.
Дверь за его спиной рывком распахнулась. Вошли два охранника, один – тот, кого она видела сквозь жалюзи, а второго сопровождал человек в костюме. Дверь с громким щелчком закрылась за ними.

128

– Надеюсь, вам удобно, доктор Баннерман?
К запястью Дика Баннермана все еще тянулась капельница, но интубационную трубку изъяли, и дышал он самостоятельно. Он догадался, что ночью, когда он был в полностью одурманенном состоянии, его перевезли из клиники «Хаммерсмит-Бендикс» в эту маленькую, скупо меблированную комнату без окон.
Он проснулся и был настороже, хотя ему казалось, что все его тело словно бы налито свинцом, и, чтобы на несколько дюймов приподнять руку или согнуть пальцы, ему приходилось делать усилие. Он медленно повернул голову к двери и увидел, что там стоит доктор Кроу в зеленом рабочем халате и хирургической маске, висящей у подбородка.
– Где я, черт побери?

– Не буду утомлять вас географическими подробностями, доктор Баннерман. Нам предстоит обсудить более важные темы.
Кроу прикрыл дверь и подошел к постели.
– Я предпочел бы действовать иным способом; редко удается добиваться доброго согласия от человека, угрожая ему, но порой другой альтернативы не остается. Понимаем ли мы друг друга?
Баннерман смерил его взглядом:
– Я не думаю, что вы вообще в состоянии меня понять, Кроу. Вы можете делать со мной все, что вам заблагорассудится, но я и пальцем не шевельну, чтобы помочь вам и вашей вонючей компании. Ясно?
Исполнительный директор склонил голову:
– Я не исключаю, что вы еще измените свое мнение. – Он повернулся, многозначительно показал на телевизор в углу комнаты и сказал: – Видите ли, доктор Баннерман, пострадать придется не вам.
Кроу включил телевизор. На экране появилась операционная. Два человека в хирургических халатах вкатили каталку. Они поставили ее прямо под массивной восьмиугольной лампой, опустили тормоз, который заблокировал колеса, и исчезли из вида.
Когда они это сделали, Дик Баннерман четко увидел, что на каталке лежит его дочь. Кожаные ремни, перекинутые через ноги, руки и шею, полностью обездвиживали ее. Камера сменила фокус и словно специально для него крупным планом показала лицо Монти, искаженное смертельным ужасом.
– Поговорим попозже, доктор Баннерман, – сказал Кроу. – Предоставляю вам возможность как следует все обдумать.
За ним закрылась дверь.

Коннор в отчаянии смотрел на свои часы. Время, которое он, все подсчитав, отвел на переговоры, стремительно уходило. Костяшки пальцев опухли, потому что он постоянно колотил ими по стенам, и, лизнув их, он почувствовал медный привкус крови.
Дверь открылась. Вошел охранник, держа в руке пистолет.
– Доктор Кроу хочет вам кое-что показать, мистер Моллой, – ухмыльнулся он.
– Я должен поговорить с доктором Кроу, – сказал Коннор. – И поговорить немедля. Можете доставить меня к нему? Я должен поговорить с ним.
Охранник покачал головой:
– Жаль, но не могу. – Не отводя от Коннора пистолета, он вставил карточку и одним пальцем набрал на панели кодовый номер. Несколько мгновений спустя экран ожил. Переведя взгляд с Коннора на панель и обратно на Коннора, он продолжил набирать ключ. После паузы на экране появилось четкое изображение операционной. Коннор увидел, как Монти лежит привязанная к каталке и несколько человек в операционных халатах собрались вокруг нее.
Коннор задохнулся от ужаса:
– Что происходит? Что там, черт побери, делается?
– Доктор Кроу подумал, что вам будет интересно посмотреть, – самодовольно сказал охранник.
Коннор снова бросил взгляд на экран. Он видел ужас на лице Монти. Различить других людей было трудно. Он видел, как Кроу прикрыл маской рот и нос, а рядом с ним лощеный мужчина натягивал хирургические перчатки.
– Ради бога, что они собираются с ней делать?
Камера опустилась еще ниже к лицу Монти, а затем отошла, дав широкий угол обзора. Что-то привлекло его внимание на потолке, как раз над монитором, только в рамке: оранжевый лист с предупреждением и форсунки пожарной системы, такие же, как и здесь. Инертный газ.

> Он в упор посмотрел на стражника – прямо в глаза. Тот ответил ему уверенным, самодовольным взглядом. Коннор продолжил впиваться взглядом в него, все сильнее и настойчивее, и, как бы его ни терзала слепая паника, он продолжал концентрироваться, чтобы вся его энергия имела целью эти две круглые пуговицы.
> Продолжай смотреть!
> Ухмылка стражника поблекла, челюсть отвисла. Рука с пистолетом начала опускаться. Глаза стражника остекленели, рассеянно расползлись в разные стороны. Поплыли…

Итак!

Коннор подошел к нему, левой рукой взял запястье той его руки, которая держала оружие, услышал щелчок, когда он поставил его на предохранитель. Костяшками правого кулака он со всей силой ударил охранника по носу и, повалив на стол, резко ударил коленом ему между ног. Он ударил его еще раз и еще раз; выкрутив руку и прижав ее к столу, он вырвал оружие, которое со стуком упало на пол.

Охранник, который пытался отбиваться свободной рукой, скользящим ударом задел ухо Коннора. Тот в слепой ярости схватил противника за волосы и ударил физиономией о клавиатуру.

– Где она, мать вашу, подонки? – Он еще несколько раз приложил его физиономию.

Охранник вскрикнул:

– Пожалуйста, не надо! Остановись! Прошу тебя, остановись!

Схватив за волосы, Коннор развернул его:

– Где она? Выкладывай немедленно! – Он с силой сжал мошонку противника.

Охранник взвыл.

– Где? Говори, а то я оторву твои гребаные яйца!

– Вто… второй уровень.

Коннор сжал мошонку посильнее.

– Л… л… лифт. На второй уровень. – Он тяжело дышал, из носа и рта тянулись струйки крови. – П… п… поворот направо. Там знак. Отмечено.

Не выпуская его волос из захвата, Коннор вытащил карточку из щели приемника и поднес ее к носу охранника.

– Пользоваться этой?

Охранник кивнул.

– Номер кода? Какой тут долбаный код?

– Ноль шесть два шесть.

– Если ты соврал, я вернусь за тобой, понял?

Выражение глаз охранника сообщило, что он все понял.

Взяв карточку в зубы, Коннор как можно дальше отогнул назад голову охранника и с силой врезал кулаком ему в подбородок. У мерзавца закатились глаза. Коннор выпустил его, и тот безжизненной массой рухнул на пол.

Наклонившись, Коннор схватил пистолет и побежал к лифту.

129

В комнате пахло антисептиком. Монти моргнула и прищурилась от яркого света лампы над головой. Ей казалось, что руки и ноги зажаты в тисках. Она попыталась приподнять голову, повернуть ее, но не смогла.

Она смотрела на изразцовые стены, и горло пересыхало от страха. С краю каталки спинами к ней стояла группа людей в хирургических халатах, но предмет их внимания был скрыт от ее взгляда. Порой они поворачивались посмотреть на нее, но над обрезом маски были видны только их глаза. Кроу. Зелигман. Линда Фармер, с которой ей доводилось встречаться лишь однажды, начальник отдела медицинской информации, и еще одна женщина, которую она не знала.

Раздавалось позвякивание инструментов. Она видела, как Зелигман длинным пинцетом поднес к свету маленький окровавленный предмет и внимательно изучил его. Через несколько секунд он опустил его и столь же пристально изучил другой такой же. Состоялся тихий обмен словами, несколько членов группы снова повернулись и посмотрели на Монти.

Она с молчаливым отчаянием стала молиться. Она попыталась представить себе золотой крест; она думала о квадрате Лумиела, лежащем в ее сумочке. Затем, теряя надежду, – об изуродованном теле Табиты Донахью на крыше ее автомобиля.

Женщина, которую она раньше не видела, неторопливо и осторожно подошла к ней, неся перед собой металлический поднос с таким видом, словно подносит дары к алтарю. Большая лягушка беспомощно ползала на подносе. Там, где полагалось быть ее глазам, Монти увидела пустые кровавые глазницы.
Горло у Монти перехватило спазмом. Она задохнулась от ужаса.
Женщина поднесла лягушку поближе – так, что она чуть не коснулась носа Монти. Охваченная дрожью, судорожно глотая воздух, она обоняла запах создания, видела складки кожи у нее под шеей, которые пульсировали, когда лягушка дышала. Она плотно закрыла глаза. Им не удастся заставить ее смотреть. Этой свободой она еще обладала.
Когда она снова открыла глаза, женщина отошла. Монти сглотнула. Через несколько секунд женщина вернулась с другим подносом, который она тоже для осмотра поднесла вплотную к лицу Монти. На ложе из мелко колотого льда аккуратно лежали окровавленные глазные яблоки лягушки.
Все ее внутренности скрючило от паники. Она попыталась вырвать из хватки ремней ноги, запястья, шею.
Кто-то подкатил к ней другую каталку. Теперь вокруг нее собралась вся группа. Склоняясь над ней, Зелигман порылся в наборе инструментов на подносе, выбрал сначала маленький блестящий скальпель, который, держа в одной руке, поднял и рассмотрел, а затем взял какой-то инструмент с тонкой длинной ручкой и приплюснутой стальной ложкой на другом конце.
– Не-е-е-е-ет! – отчаянно завопила Монти.
Зелигман большим и указательным пальцем покрутил ложку. Она отбрасывала яркие блики света.
– Нет! – сказала Монти. – Прошу вас, не надо. Все, что угодно. Все, что вы хотите, но только не мои глаза, не…
– Не волнуйтесь, я успею, – совершенно бесстрастно сказал ей Зелигман. – При работе с глазами очень важна быстрота действий, потому что окончания зрительных нервов умирают почти мгновенно. – Затем выражение его лица отвердело. – Лягушка – холоднокровное создание, мисс Баннерман. Таковые создания почти не ощущают боли. Вам это известно?
Она смотрела на него, потеряв дар речи.
– Я не вводил лягушке никаких обезболивающих и не собираюсь терять драгоценное время, давая их вам. – Подняв голову, он слегка изменил угол наклона лампы.
Раздался голос Кроу:
– Может, вы собрались с мыслями и хотите что-то сообщить нам до того, как доктор Зелигман начнет процедуру, мисс Баннерман? Или мы сначала изымем один глаз и посмотрим, как пойдут дела?
– Не о чем, – выдохнула она. – Нечего говорить. Мы… я… говорила только с мистером Уэнтуортом… и с Зандрой Уоллертон… больше ни с кем. Я не говорила больше ни с кем, кроме них… а они мертвы. Я заверяю, я клянусь, больше ничего не было. – Она понимала, что говорит бессвязно и неубедительно.
– А что насчет мистера Моллоя? Он-то с кем говорил, мисс Баннерман?
– Я не знаю.
– А вот я думаю, что знаете.
– Пожалуйста. Я ничего не знаю. В самом деле. Я не… не видела его… с тех пор… я не знаю, где он.
Наступило краткое молчание, после которого Кроу хрипло сказал:
– Изымите у нее глаз. Когда закончите, мы продолжим с ней разговор. Немного боли поможет ей собраться с мыслями.
Женщина, которая приносила подносы, нагнулась над Монти, глубоко погрузила пальцы в основание шеи, повыше перевязи, и заставила ее откинуть голову назад. Другая пара рук сжала ей лоб.
Задыхаясь от ужаса, Монти могла только беспомощно наблюдать, как обтянутые латексом пальцы Зелигмана опускаются к ее правому глазу. Она смежила ресницы, плотно сжала их, изо всех сил стараясь противостоять давлению его пальцев, которыми он пытался открыть их.
Она проиграла. Сначала были подняты ресницы, затем палец в латексе болезненно скользнул по глазному яблоку, и, когда это ему удалось, она увидела водянистый ореол; нажим пальцев не

ослабевал и был настолько уверенный, словно он занимался этой процедурой каждый день. Он широко раздвинул ей ресницы.
– Ретрактор, – спокойно произнес доктор Зелигман.
Пальцы в резиновой перчатке поднесли маленькую проволочную петлю с резиновыми захватами на концах. Монти видела, как она приближается к ее глазу, и почувствовала острое неудобство, когда петлю ввели внутрь, как можно шире раскрывая ресницы.
– Все правильно, – сказал Зелигман. – Теперь я собираюсь прорезать радужную оболочку.

Нет, прошу вас, не надо, не делайте этого! Пожалуйста, не надо!
Монти в упор смотрела в глаза Зелигмана, отчаянно моля его, моля от всего сердца. Полный глубокой собранности, он сдвинул брови и наклонился к ней, пока его лицо в маске не оказалось в нескольких дюймах. Вспышка света блеснула на полированном лезвии скальпеля, который медленно и неудержимо опускался к ней, а затем, прежде чем соприкоснуться с ее плотью, он на долю секунды расплылся, выйдя из фокуса.

130

Второй уровень… направо… по указателям…
Коннор вырвался из лифта, не дожидаясь, пока двери полностью откроются, и оказался в пустой приемной, схожей с той, которую он только что оставил.
Пустив в ход карточку, он набрал код, толкнул двери и, держа пистолет на изготовку, быстро осмотрел коридор в обе стороны. Он был пуст. Коннор сорвался с места и, преодолев двадцать ярдов, оказался на перекрестке с набором указателей. Он рванул налево, к дверям с надписью «Операционная № 1». Дальше. Еще десять ярдов.
«Операционная № 2».
Он приник к стеклянному глазку в дверях. Да, они там. Зеленые халаты сгрудились вокруг каталки. Хирург наклонился к Монти…

Карточка-пропуск выпала из дрожащей руки, когда он вставлял ее в щель. Встав на колени, он попытался подцепить ее ногтем, но она оставалась лежать, словно приклеенная к полу. Иисусе, да шевелись ты!
Он отчаянным рывком оторвал ее от пола, вставил в щель панели и отстучал код. Блеснул зеленый огонек, и Коннор локтем ударил в дверь. Она не шевельнулась. Он попробовал снова, дверь дрогнула, но все же не поддалась.

Она что, закрыта изнутри? Он еще раз толкнул ее, затем потянул, и она тут же открылась – большая тяжелая дверь с мощной пружиной. Женщина, которую он не знал, оглянулась.
– Не прикасайтесь к ней! – заорал он, поднимая пистолет так, чтобы держать всех на прицеле. – Отойти от нее! Отойти – или я стреляю! Шевелитесь! Я открываю огонь, черт бы вас побрал! Двигайтесь, или всех перестреляю!
На мгновение все оцепенели, словно на видеомагнитофоне была нажата клавиша «Стоп».

Кроу повернулся. Коннор увидел над обрезом маски холодные серые глаза, и в это мгновение ему больше, чем что-либо в жизни, захотелось нажать спусковой крючок. Он никогда в жизни не стрелял из пистолета, но сейчас он мог это сделать без труда. Но пуля может отрикошетировать, может попасть в Монти.
Монти. Необходимо вытащить ее отсюда.

Все взгляды были устремлены на него.
– Пошевеливайтесь! Я сказал – двигаться!
Фигуры в халатах зашевелились, отступая назад. Он снова повел стволом, наблюдая за ними, как коршун, а затем остановил взгляд на хирурге:

– Бросить скальпель! – Коннор выкинул вперед пистолет, держа его обеими руками, и взял на прицел лоб хирурга. Скальпель звякнул об изразцовый пол.
Коннор оставался в том же положении, стоя на пороге операционной. Он глянул из-за плеча. Коридор по-прежнему был пуст. Сейчас Коннор мыслил четко и ясно, на удивление ясно. Им владело полное спокойствие. Он был хозяином положения и знал, что делать. Шаг за шагом. Он поймал взгляд Монти.
– Руки за голову! Всем! Поднять руки!
Они подчинились.
Коннор снова глянул себе за спину. Никого. Он посмотрел на потолок с телевизионной камерой, где прямо над ним, за телекамерой торчали форсунки системы пожаротушения. Все ждали его действий. Нельзя терять ни секунды.
– Ты! – гаркнул он женщине в халате, беря ее на прицел. – Толкни ко мне каталку. Всем остальным оставаться на месте. Кто шевельнется – мертвец!
В нем взорвался заряд ненависти. Ненависти, которую он копил годами. Надо дать ей выход, прежде чем она уничтожит его. Женщина толкнула к нему каталку, подкатила к нему Монти; она вернула ему Монти. Ее лицо заливала смертельная бледность, но выглядела она хорошо, она не пострадала, с ней все было в порядке.

Храни спокойствие. Пока получается. Держись. Ты должен держаться.

Давай, Кроу. Сделай мне подарок. Дай повод пристрелить тебя. Господи, как я хочу всадить в тебя пулю, ты, гнусный кусок дерьма.

Он смотрел вдоль ствола на Кроу. Зелигман. Линда Фармер. Когти гнева терзали его изнутри, разгораясь подобно фейерверку. Коннор чувствовал, как из него хлещет энергия. Он посмотрел на лампу-осьминога. Кроу. Зелигман. Фармер. Снова лампа. Она мигнула. Взорвалась лампочка. Еще одна.

Кроу тяжелым взглядом в упор смотрел на него. Коннор быстро отвел глаза.
Я тебя сделаю, подонок, ты от меня не уйдешь, о нет.

Теперь он снова смотрел на восьмиугольную лампу. Энергия выплеснулась из него подобно ракете. Оставшиеся лампочки взорвались все одновременно. Из установки полыхнуло пламя, из нее повалил густой едкий дым, который пологом потянулся по потолку. Светильник, охваченный пламенем, с треском горел. Коннор чувствовал едкое зловоние дыма. Через комнату пролетела слепящая оранжевая полоса.
За ней последовала другая.
И еще одна.
Коннор вскинул глаза к потолку. Под ним вращались вспышки системы предупреждения об инертном газе, готовом потушить пожар. Кроу и Зелигман тревожно переглянулись и одновременно сделали шаг к двери.
– Назад! – рявкнул Коннор. – Шаг назад! – По их лицам бежали вспышки оранжевого света, которые разбрасывало зеркало, укрепленное в лампе. Одним концом каталка стояла вплотную к нему. Одной рукой Коннор схватил металлический поручень у головы Монти, а другой, с пистолетом, ткнул в женщину, которая, окаменев, продолжала держать каталку с другой стороны; глаза ее метались между Коннором и вспышками света.
Коннор рывком подтянул каталку к себе, а затем сильным толчком послал ее вперед; она врезалась женщине в солнечное сплетение, и та рухнула на спину.
В эту секунду оглушительно прозвучали шесть сигналов клаксона. За ним раздался металлический голос предупреждения:
«АКТИВИРУЕТСЯ СИСТЕМА ПОЖАРОТУШЕНИЯ. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ. АКТИВИРУЕТСЯ СИСТЕМА ПОЖАРОТУШЕНИЯ. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ».
Кроу, Зелигман и Фармер в панике рванулись вперед.
Коннор бросил взгляд на мигающие вспышки.

– Стоять! – заорал он. – Ни с места, дьявол вас побери! – Держа их на прицеле, он спиной прошел в дверь, вытянул каталку в коридор и развернул ее в сторону, чтобы дать закрыться дверям. В то мгновение, когда язычок замка с щелканьем встал на место, он с силой упер конец каталки в двери, а другой конец, развернув, расклинил о противоположную стенку, еле успев еще раз глянуть на Монти. Все получилось отлично. Теперь дверь никоим образом нельзя было открыть.
На внешней стене операционной продолжил мигать предупреждающий сигнал. Монти потрясенно смотрела на него.
До них донесся все тот же механический голос:
«ПОКИНЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ПОКИНЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ДО АКТИВАЦИИ ДЕСЯТЬ СЕКУНД. ДЕВЯТЬ… ВОСЕМЬ… СЕМЬ…»
В дверь отчаянно колотили. Он видел, как чей-то кулак бьет по смотровому окошку, пытаясь высадить стекло.
«ПЯТЬ… ЧЕТЫРЕ…»
К стеклу прижалось лицо Кроу, полускрытое маской. Их глаза встретились. Коннор чувствовал, как за стеклом полыхает яд ненависти. Он чувствовал, как Кроу старается притянуть его, он ощущал эту силу, которая тянула его как магнитом. Тянула к двери.
«ТРИ… ДВА…»
Он попытался отвести глаза, но не смог. Коннор отчаянно и безнадежно пытался вырваться из хватки этих глаз. Он представил себе золотой крест. Он рассыпался. Представил другой. Тот растворился черной жидкостью. Он ухватился за край каталки. Дверь подрагивала, словно в нее колотили мощным тараном. Коннор попытался отвести взгляд. Он видел только серые глаза Кроу, чувствовал, как они притягивают его, как приказывают открыть дверь. Голова его была готова взорваться, его тошнило. Пистолет вывалился из руки.

Золотой крест.

Золотой крест.

Теперь Кроу разговаривал с ним из-за двери:
– Отодвиньте каталку, мистер Моллой. Не стоит так себя вести. Мы можем все обговорить по-джентльменски. Как мужчина с мужчиной.
Внезапно Кроу стал его лучшим другом на свете, и Коннору осталось только удивляться, почему он не осознавал этого раньше, почему сейчас он пытается нанести ему вред. Господи, он же любит своего лучшего друга…
Повернувшись и взявшись обеими руками за каталку, он увидел, как Монти отчаянно мотает головой, и затем снова уловил взгляд Кроу из-за стекла. Нет. Это неправильно. Он вспомнил своего отца. Увидел огромную черную птицу, которая, раскинув крылья, неподвижно повисла в небе. Увидел, как она врезалась в землю и, резко откинув голову, в упор посмотрела на него. Так же как сейчас смотрел на него Кроу.

Он вспомнил о матери. И в упор уставился в эти серые глаза.
Нет. Ни в коем случае, нет…

Раздался пронзительный вопль баньши.
Лицо Кроу исчезло. Свет, пробивавшийся из-за смотрового окошка, померк. Коннор услышал оглушительный свист воздуха. Он прижался лицом к стеклу. За ним бушевал снежный шторм. Инертный газ вытеснил весь кислород, температура упала ниже нуля, и все испарения превратились в лед.
Он всмотрелся сквозь стекло. Четыре человека внутри выглядели так, словно исполняли ритуальный танец – сорвав маски и открыв рот; щеки были втянуты, а глаза неестественно вытаращены от шока и ужаса.
Женщина, которую он сбил с ног, корчилась на полу, кулаками колотя в грудь; лицо ее опало и пошло складками, как спущенный воздушный шар. Лежа на полу, она колотила по изразцовым плиткам руками и ногами.

Линда Фармер то пригибала, то снова вскидывала голову; лицо ее было искаженной маской отчаяния. Зелигман, потеряв все свое спокойствие, топоча, крутился на месте. Тело его сотрясалось в корчах, когда он, словно маньяк, размахивал кулаками.
Лицо Кроу снова появилось в окошке, перекрыв его; он судорожно открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать Коннору. Тот отвернулся, посмотрел на Монти и склонился к ней, чтобы она не видела смотрового окна. Донеслось еще несколько ударов в дверь. Он подождал, пока они не прекратились.
Когда он снова повернулся, Кроу еще висел на месте – чудовищная марионетка с багровым лицом, вытаращенными глазами и вздувшимися на лбу венами. Кроу трясло, словно его подключили к электрической розетке; он отчаянно пытался обратить на себя внимание Коннора. Тот отвернулся.
– Что случилось? – спросила Монти.
Коннор погладил ее по щеке и промолчал. Он подождал еще добрых полминуты, наблюдая за обоими концами коридора, прежде чем снова повернулся к смотровому оконцу. Лицо Кроу исчезло.
Коннор заглянул внутрь. Кроу лежал на полу прямо под дверью, свернувшись в комочек; он хрипел и дергался, все еще пытаясь дотянуться до окна. Доктор Линда Фармер, Зелигман и другая женщина корчились в конвульсиях, вытягивая руки в сторону двери; невидящие глаза выкатились из орбит.
– Коннор!
Уловив тревогу в голосе Монти, он повернулся. По коридору бежали два охранника. Пистолет. Где, черт побери, его пистолет? Он увидел его на полу, нырнул к нему, схватил и, прикрыв своим телом Монти, взмахнул пистолетом, стараясь, чтобы охранники ясно увидели его.
– Стоп! – закричал он.
Они остановились – двое взволнованных мужчин, которым было крепко за пятьдесят, – и, подняв руки, подались назад.
– Правильно! – крикнул Коннор. – А теперь слушайте меня! Я хочу, чтобы сэр Нейл Рорке взял телефонную трубку. Именно сейчас, в эту минуту! Вам понятно?
– Коннор… – попыталась вмешаться Монти.
– Вы слышите меня? Один остается здесь с нами, а другой идет и находит сэра Нейла. Меня не волнует, черт побери, где он и чем занимается…
– Коннор!
Наконец тревога в ее голосе дошла до него, и он посмотрел на Монти; она же не отрывала глаз от коридора за его спиной. Он увидел, как по стене скользнула какая-то тень, а через долю секунды в голове что-то взорвалось.

131

Когда Коннора повело набок, он смутно увидел, как вылетевший из его руки пистолет, крутясь по полу, отлетел по другую сторону каталки. Чья-то рука сдавила ему горло, удар по ногам заставил его рухнуть на спину.
Через мгновение кто-то уже сидел на нем – дородный грузный охранник, которого он не знал. Он слышал шаги. Крики. Кто-то завопил:
– Да уберите вы эту гребаную каталку, сдвиньте ее! Откройте дверь, распахните дверь, мать ее!
Коннор, приходя в себя, попытался освободиться, но руки его были прижаты к полу коленями охранника. В дюйме от своего лица он увидел дуло пистолета.
– Я не могу ее сдвинуть! – заорал кто-то. – Заклинило! Иисусе, да она вбита намертво! Помогите мне, а то мы эту гребаную каталку не сдвинем!
Охранник неторопливо, продолжая держать его на прицеле, слез с Коннора:
– Вставай. И побыстрее.
Коннор, покачиваясь, утвердился на ногах, но его так повело в сторону, что он ткнулся в стену. Охранники бежали со всех сторон. Двое из них отчаянно толкали и тянули каталку. Коннор с облегчением увидел, что она так и не сдвинулась с места; давление инертного газа в операционной выжимало дверь наружу, еще сильнее расклинивая каталку.

– Поднять ее! – заорал один из охранников. – Поднять снизу! Взяли!
– Да уберите с нее эту бабу!
Они сорвали ремни и столкнули Монти на пол, после чего подлезли под каталку и попытались поднять ее, но она по-прежнему не шевелилась. Монти подползла к коленям Коннора, ее колотило. Коннор попытался наклониться к ней, но охранник оттолкнул его стволом пистолета.
В конце коридора из-за угла появился мужчина с жестким лицом. Он почти бежал, пиджак был расстегнут, галстук распущен. Коннор сразу же узнал его: майор Ганн, начальник службы безопасности. Затем, держась в ярде за ним, появилась другая фигура, в которой он безошибочно опознал Рорке. Видно было, что он в высшей степени возбужден.
С громким металлическим скрежетом каталку все же наконец удалось высвободить. Один из охранников торопливо пустил в ход карточку, отстучал код и рывком распахнул дверь. Коннор почувствовал мощный порыв холодного воздуха. Рорке стремительно вошел в операционную. Ганн, помедлив несколько секунд, в течение которых смотрел на Коннора и Монти, последовал за ним.
Коннор обменялся взглядом с Монти. Ее все еще колотило, но она держалась на ногах. Да и выглядела она получше. Полдюжины охранников преграждали им все пути к бегству.
Воцарилось долгое молчание. Коннор продолжал смотреть на полуоткрытую дверь операционной. Снова раздались шаги; два человека в рабочих халатах бежали по коридору, и один из них нес большой черный мешок. Они исчезли за дверью операционной.
– Как ты себя чувствуешь? – спросил Коннор у Монти.
– Заткнись! – рявкнул охранник, ткнув его пистолетом. – Чтобы я ни слова от тебя не слышал. Ни одного слова от вас обоих.
Коннор посмотрел на него:
– Мне надо поговорить с сэром Нейлом…
Охранник вскинул пистолет и поудобнее перехватил рукоять. Коннору оставалось только молчать.
Прошло десять минут. Затем дверь операционной распахнулась настежь и вышел Рорке. Лицо его было пепельного цвета. За ним шел Ганн. Рорке посмотрел на Монти, на Коннора, перевел взгляд на Ганна и сказал дрожащим голосом:
– Отведите этого мерзавца куда-нибудь и пристрелите его. Эту сучку тоже… и ее отца. Они причинили немало бед. Избавьтесь от них.
Ганн бросил взгляд на Коннора и повернулся к председателю правления:
– При всем уважении к вам, сэр, я думаю, они нам еще понадобятся. – Он в упор смотрел в глаза Коннора.
Тот понял его намек.
– Сэр Нейл, – сказал он куда спокойнее, чем чувствовал себя на самом деле. – Я послал доктору Кроу электронное письмо, но сомневаюсь в том, что он прочел его. Я думаю, вам бы лучше взглянуть на него… и вы…
– Меня не волнует, что вы думаете, мистер Моллой. И не интересует, что вы собирались мне сказать.
– Доктор Кроу прочел его, – коротко бросил Ганн. – И переслал мне копию. Последние полтора часа я сидел над ней. – Он повернулся к Рорке. – Боюсь, что вам все же придется выслушать его, сэр Нейл. В противном случае через три часа компании у вас не будет.

Ганн прикрыл дверь кабинета председателя. Рорке, бледный от гнева и потрясения, включил экран своего компьютера и отошел в сторону. Ганн, нагнувшись к клавиатуре, отстучал команду. Коннор, стоя рядом с ними, бесстрастно смотрел, как на экране появляются слова. Монти не могла скрыть своего изумления.
Отправитель: eumenides@mailhost.pavillion.co.uk
Дата: суббота, 10 декабря 1994, 11:48:56 + 0100
Кому: crow@bendix.co.uk (д-р Винсент Кроу)
От кого: eumenides@pavillion.co.uk
Приложение: аудио
Тема: Re: «ДОСЬЕ МЕДИЧИ»
Привет, доктор Кроу.

Это Коннор Моллой. Не сомневаюсь, вам будет интересно увидеть нижеследующее досье, которое я просмотрел на ограниченном уровне доступа в компьютерной системе «Бендикс Шер». Можно ли сомневаться, что вы знакомы с его содержанием?
«ДОСЬЕ МЕДИЧИ»
«Матернокс». Статус первой фазы
Партия номер BS-M-6575-1881-UKMR
Дата выпуска: 31 окт. 1993 г.
Выход ожидаемого результата: сент. 94 г. – июнь 95 г.
Далее следовал отчет об истории болезни Сары Джонсон и о трех других смертях, случившихся к назначенной дате, – Зейнат Пател, Роберта Макдональд и Кэролайн Кингсли, а также список оставшихся женщин, которые забеременели после приема выписанного врачами «Матернокса», и примерные даты их родов. Симптомы скончавшихся женщин и их детей были убийственно идентичны: у матерей – обширный прыщевидный псориаз и смерть от нарушения деятельности дыхательной системы; у детей – синдром циклопа в сочетании с острым псориазом и смерть от полной дисфункции изуродованных дыхательных органов.

Уверен, что вас заинтересует, д-р Кроу, нижеследующая запись с аудиоленты диктофона, найденного в лаборатории д-ра Ричарда Баннермана в Беркшире в ночь его похищения, когда он работал над анализом капсул «Матернокса». Голоса были идентифицированы как принадлежащие доктору Баннерману, вам и майору Биллу Ганну.

Д-р Баннерман:
Наличие полиовируса, возможно, указывает на намерение воспользоваться оральным способом введения лекарства. Большинство вирусов не могут быть использованы для доставки генетического материала оральным способом, потому что они не смогут выжить в желудочной среде. А полиовирус сможет. Производить дефектные полиовирусы, неспособные к репликации, достаточно просто.

(Пауза.)
Вы подонки. Господи, какие же вы подонки!

Д-р Винсент Кроу, исполнительный директор «Бендикс Шер»:
Добрый вечер, доктор Баннерман. Мне случилось проходить мимо, и я подумал, не зайти ли и не поболтать ли с вами. За последнюю неделю или около того мы с вами почти не виделись. Не уверен, знакомы ли вы с майором Ганном, начальником нашей службы безопасности?

Д-р Баннерман:
Я предпочел бы получить объяснения от вас, Кроу, – что, черт побери, вы делаете с вашим «Матерноксом»?

Майор Билл Ганн, начальник службы безопасности «Бендикс Шер»:
Ну а мы хотели бы услышать ваше объяснение, доктор Баннерман, что вы делаете с «Матерноксом», принадлежащим компании.

Д-р Баннерман:
Вы предпочитаете дать это объяснение в зале суда или перед Комитетом по безопасности медицины? А теперь я хочу, чтобы вы покинули пределы моей частной собственности. Если же вы чувствуете потребность в час ночи навестить кого-то и поболтать с ним, я предложил бы вам встретиться с вашими адвокатами и начать информировать их, потому что, видит Бог, они вам понадобятся.

Майор Билл Ганн, начальник службы безопасности «Бендикс Шер»:
Так. А теперь закатайте ему рукав, и я ему введу это. Больше никаких хлопот он нам не доставит, будет смирный как ягненок.

Доктор Кроу, вы найдете полную копию аудиозаписи на иконке «ПОХИЩЕНИЕ Д-РА БАННЕРМАНА». Она автоматически будет размещена на вашем жестком диске памяти. Если вы кликнете по иконке, то услышите воспроизведение звукозаписи.
В данный момент это же электронное письмо и аудиоприложение находятся на хранении двухсот серверов электронной почты по всему миру. Для проверки: в числе мест, куда вы можете заглянуть и прочитать тексты, о которых идет речь, Вена, Москва, Париж, Кейптаун, Загреб, Варшава, Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Лос-Анджелес, Рим, Владивосток, Санкт-Петербург, Гонконг, Сидней, Брисбейн, Рейкьявик, Готтенбург.
В конце этого письма имеются электронные адреса всех вышеупомянутых мест, так что можете проверить сами.
Для защиты «Бендикс Шер» информация зашифрована. Тем не менее, если я лично не вмешаюсь, сегодня, в 7 часов вечера по Гринвичу, один из этих серверов автоматически раскодирует послание и начнет рассылать копии этой информации во все 9500 новостных изданий, в данный момент существующих в Интернете. Другой сервер приступит к рассылке копий президенту Соединенных Штатов, британскому премьер-министру и другим главам государств и вооруженных сил, у которых имеются адреса в Интернете. Третий сервер разошлет эту информацию во все газеты, на теле- и радиостанции в Великобритании, Соединенных Штатах и по всему миру, где только имеются адреса электронной почты.
Я написал программу, связывающую между собой все эти 200 серверов. Стоит вам только попытаться дезактивировать хоть один из них, оставшиеся немедленно разошлют весь блок информации по вышеупомянутым адресам, а затем с помощью вируса снабдят этими данными всех, у кого есть адреса в Интернете.
Зная вашу милую склонность убивать людей, которые чем-то раздражают вас, таких как Джейк Силс, Зандра Уоллертон, Уолтер Хоггин, доктор Корбин, Чарли Роули, Губерт Уэнтуорт, не говоря уж о моих родителях Эдварде Донахью и Табите Донахью, я бы сказал, что убить меня будет весьма неразумно с вашей стороны. Я единственный человек, который может выдать команду остановить распространение информации, и посему предпринял меры предосторожности.
Чтобы надолго обеспечить мою безопасность, данная команда должна будет заново поступать от меня каждую субботу в 7 вечера по Гринвичу – в течение следующих двенадцати месяцев. В качестве дополнительной меры предосторожности я разослал свои фотографии и паспортные данные каждому из операторов этих серверов. Они примут команду на остановку рассылки, только если я лично обращусь к ним, войдя в сеть. Если исчезнет хоть что-то из данных, автоматически начнется необратимое распространение информации.

Рорке вопросительно посмотрел на Ганна. Начальник службы безопасности ответил ему тяжелым, серьезным взглядом:
– Боюсь, что тут все совершенно верно, сэр. С того момента, как доктор Кроу получил этот текст, наш системный администратор и вся его команда проверяли его. Выяснилось, что все так, как он говорит.
Несколько секунд Рорке молчал.
– Итак, каково ваше мнение?
Ганн посмотрел на свои часы:
– Где вы должны быть сегодня к семи вечера, мистер Моллой?
– В полутора часах езды отсюда.
Ганн почесал затылок. Взгляд его скользнул по монитору и снова обратился к Коннору. Повернувшись к председателю правления, он мрачно сказал:
– Я не думаю, что у нас есть какой-то выбор, сэр Нейл. Боюсь, что все козыри на руках у мистера Моллоя.

Рорке в сопровождении Ганна вышел из комнаты.
Коннор и Монти молча посмотрели друг на друга, и она поняла, что он хотел сказать ей взглядом: молчи, ничего не говори. Он обнял ее, и она тесно прижалась к нему, стараясь преодолеть свой страх. Монти понимала, что сейчас, в данный момент, ей больше, чем когда бы то ни было, надо быть сильной.
Они сидели за столом для совещаний. Монти вспомнила, как чуть больше года назад она в первый раз сидела в этом кабинете, где присутствовали Рорке и Кроу, и какой счастливой и полной надежд она себя чувствовала. Она посмотрела на приземистую золотую лягушку на столе председателя и подумала о лягушке в кабинете Кроу – из черного папье-маше и с блестящими красными глазками. Эта лягушка…
Ее воспоминания прервало возвращение Рорке и Ганна. Она избегала встречаться с Рорке взглядом.
Ганн прикрыл дверь и остался стоять рядом с ней. Рорке сделал несколько шагов по комнате и повернулся к Коннору:
– Так чего вы хотите? Я предполагаю, что вы это тщательно обдумали. – В его голосе не было злобы; он звучал так, словно предстояло решить несущественную проблему, с которой надо было покончить прежде, чем заняться более серьезными вещами.
– Что с моим отцом? Где он? – опередив Коннора, спросила Монти.
Ганн, бросив взгляд на Рорке, ответил вместо него:
– Ваш отец здесь, в этом здании. С ним все хорошо.
– Здесь? Почему он здесь? Я думала, у него инсульт.
Голос Ганна был вежлив и обходителен.
– Ваш отец в добром здравии. Он… – Ганн бросил взгляд на Рорке, словно прося о помощи. – Он под воздействием успокоительных лекарств.
– Я хочу увидеть его, – сказала Монти. – И немедленно. Отведите меня к нему.
Рорке обеспокоенно посмотрел на часы.
– Эта встреча не будет иметь продолжения, Рорке, пока мы не увидим доктора Баннермана, – жестко произнес Коннор. – Кроме того, мне нужен портфель, который я оставил в вашем очаровательном больничном помещении.
Ганн и Рорке снова обменялись взглядами. И что-то в выражении их лиц вызвало у Монти глубокое беспокойство.
– Я провожу вас вниз, – сказал Ганн.

Мертвенно-бледное лицо отца, капельницы и аппаратура слежения – все это стало потрясением для Монти. Но даже за те несколько минут, что они провели с ним, после того, как была остановлена непрерывная подпитка организма анестетиками и успокоительными, его состояние заметно улучшилось. Молодой врач, опекавший его, заверил их, что доктор Баннерман встанет на ноги уже через пару часов.
Вернувшись в начальственный кабинет, Коннор сел во главе стола, положил рядом с собой папку и открыл ее. Монти села справа от него, а Рорке и Ганн расположились лицом к нему по левую сторону стола. Монти несколько секунд рассматривала лицо председателя правления, смущенная его уверенным видом.
– Первый миф, который мы должны рассеять, касается вашей роли в компании. – Коннор вынул лист бумаги и положил его на стол для всеобщего обозрения. – «Бендикс Шер» всегда соблюдал строжайшую секретность в том, что касалось распределения его акций. Что и неудивительно, не так ли, Рорке, потому что вам единственному принадлежали все сто процентов акций?
Монти изумленно посмотрела на Коннора, а затем на Рорке.
– Конечно, – продолжил Коннор, – какие-то акции вы давали вашим директорам. Вы были великодушны и демократичны. Вы разделили между ними сорок девять процентов акций компании и голоса, но они никогда не имели никаких документов, подтверждающих это. Все эти акции имели ценность, только пока их владельцы оставались в компании, – и это был мощный стимул. Ваш средний ежегодный дивиденд колебался от нескольких сотен тысяч до

пары миллионов фунтов на человека. Прекрасная работа, если вы можете получить ее, Рорке, но не думаю, что вопрос о квалификации, позволяющей занять место в вашем совете директоров, имеет прямой и прозрачный ответ, не так ли? В добавление к бизнесу и научным навыкам вы приобрели от своих прислужников кое-что еще. – Коннор вытащил из портфеля папку и кинул ее на стол. – Вы думали, что вам удалось очень искусно замести свои следы. Ваши ищейки прочесали все библиотеки и издательства в мире. Вам даже пришлось убить двух фотографов, в которых миновала надобность. – Коннор откинулся на спинку кресла. – Старания скрыть свое прошлое доставили вам немало хлопот. Пластическая хирургия справилась бы с этой задачей куда эффективнее, но, наверно, в 1969 году она была не так совершенна, как сейчас?
Рорке сидел абсолютно неподвижно.
– Видите ли, Рорке, так уж получилось, что моя мать пользовалась большим авторитетом в оккультизме. Она собирала все книги о нем, которые когда-либо выходили в свет. – Коннор открыл папку, полную крупных фотоотпечатков, и разбросал их по столу.
Монти посмотрела на один из них – страницу из книги, где на черно-белой фотографии человек в белой мантии стоял на коленях в центре магического круга. По окружности его был расположен ряд артефактов, включая череп, церемониальный кинжал, несколько дароносиц, кадильниц и статуэток. Человек этот был занят тем, что надевал на голову маску в виде лягушки.
Текст под фотографией гласил: «Дэниел Джадд (Теутус) был посвящен в сан Сорок второго асессора Нового международного братства Сатаны».
Присмотревшись, Монти смогла четко разглядеть лицо коленопреклоненного мужчины. На фотографии он был куда моложе, наверное лет на тридцать. Лицо с тех пор обрело дородность, да и волосы стали куда длиннее, но черты лица не изменились. Ошибиться было невозможно. Это был Рорке.
Монти не могла оторвать глаз от этого изображения. Она посмотрела на председателя, и по коже у нее пошли мурашки. Она взяла другую страницу, тоже изъятую из книги, с тремя фотографиями. На двух из них – молодой Рорке. Она просмотрела набор распечаток и поняла, что это те же самые страницы, которые исчезли из книг Британской библиотеки.
– Дэниел Джадд, – сказал Коннор, и голос его был полон едкости. – Теутус. – Он показал на фотографии на стене, где Рорке обменивается шутками с принцем Чарльзом, где стоит бок о бок с Клинтоном. – Все ваши высокопоставленные друзья. А ведь вы убили вашего отца и вашу мать, не так ли, Дэниел Джадд! Сначала вы мучили свою мать, вы отрезали ей руки, вы терзали ее, а потом убили. Ваше обаяние действительно безгранично, Рорке. Сэр Нейл Рорке. Как вы себя чувствовали, когда королева посвящала вас в рыцарское достоинство?
Рорке с ненавистью посмотрел на него:
– Почему бы вам не прекратить эти шарады и не сообщить мне, чего вы хотите, Моллой?
Коннор кивнул:
– Конечно. Все мои пожелания при мне. – Он вынул из портфеля еще одну папку. Она содержала тонкую пачку документов, которые он разделил на четыре равные стопки. Один набор он вручил Рорке, а другой Монти, пока не обращая внимания на Ганна. – Не сообщите ли мне, где ваша секретарша хранит кофеварку… пока вы будете заняты чтением?
Рорке посмотрел на лежащие перед ним бумаги:
– Сейчас нет времени читать все это.
– Справитесь, – сказал Коннор, переправляя четвертую стопку Ганну. – Пожалуй, вам тоже стоит взглянуть. Это касается и вас. – Затем он встал. – Кто хочет с молоком? Кто с сахаром?

Тридцать минут спустя Рорке переложил последний лист последнего документа в своей стопке и аккуратно подравнял их. Он смотрел на Коннора так, словно не верил своим глазам.
– Вы хотите, чтобы я передал свою долю акций доктору Баннерману, мисс Баннерман и вам?
– Для вас это выгодная сделка, – вежливо сказал Коннор. – В обмен вы получите гарантированную пожизненную пенсию в сто тысяч фунтов в год плюс до конца жизни те же самые пятьдесят один процент дохода «Бендикс Шер», что вы сейчас имеете. – Он сделал небольшую паузу. – Оставшиеся сорок девять процентов будут ежегодно распределяться между благотворительными организациями и исследовательскими медицинскими фондами. Вы же всегда называли «Бендикс Шер» «самой заботливой компанией в мире» – что ж, отныне она таковой и будет.

– И вы также предполагаете, что я подпишу прошение об отставке с поста председателя?
– Доктор Баннерман, мисс Баннерман и я назначим новый совет директоров. Я не собираюсь сохранять в его составе слишком много ваших восхитительных соратников.
Рорке, поймав взгляд Ганна, нахмурился.
– Есть что-то еще, Моллой? – сказал он, снова поворачиваясь к Коннору. – Много ли еще сюрпризов вы держите в рукаве?
Монти обеспокоенно посмотрела на Коннора. Вот уж это Рорке никак не проглотит. Ей отчаянно хотелось рассказать Коннору, что она видела в подземных лабораториях. Рано или поздно это выйдет наружу, это обязано выйти, и, когда это случится, с компанией будет покончено. Не поэтому ли Рорке так спокоен? Или же Коннор неразумно предложил ему уход, осыпанный золотом?
– Да, – сказал Коннор. – Они у меня имеются. Я хочу, чтобы вы провели меня в Пещеру демонов.
– Что?
– Только мы вдвоем. И больше никого.
Рорке улыбнулся, заметно расслабившись:
– Надеюсь, вы не серьезно, Моллой?
– Я никогда не был более серьезен.
– Вы не выдержите в ней и пяти минут. Прошу прощения, но вы говорите о том, о чем не имеете представления.
– Неужто? – вспыхнул Коннор.
Несколько секунд Рорке сидел, глядя на него.
– Никто не заходит в Пещеру демонов, пока его туда не позвали, Моллой. Это невозможно.
– У вас есть власть, Рорке. Вы – единственное человеческое существо на земле, которому позволено входить в Пещеру.
И снова Рорке уставился на него в молчании, которое, казалось, продлилось вечность. Затем он отрицательно покачал головой:
– Нет. Ни в коем случае, Моллой. То, чего вы хотите, невозможно. Этого никогда не будет.
– Это может быть сделано, – сказал Коннор. – Так написано в Великом законе.
– Никто и никогда этого не делал. Ни разу за две тысячи лет.
– Однажды вам было разрешено вернуться туда. Это одна из ваших шестидесяти трех привилегий.
– Оно потребует месяцев подготовки. Сумасшествие даже думать об этом, не подготовившись. Нет, Моллой. Если вы войдете в Пещеру демонов, то погибнете.
Коннор помотал головой:
– Нет, я не погибну, Рорке, потому что вам придется защищать меня.
– Я не смогу дать гарантии, что мне удастся защитить вас. Думаю, вы просто не представляете силы, которые там существуют.
– Значит, вам придется очень и очень потрудиться, Рорке. Вы же никогда в жизни не сделали неверного шага – пока. С чего вы взяли, что сейчас оступитесь?
Рорке молча смотрел на него.
– Если я останусь в живых, Рорке, ваше состояние останется нетронутым. Если я погибну, то вы или станете жертвой катастрофы, или, схватив свои деньги, остаток жизни проведете скрываясь. Не думаю, что такая перспектива вас как-то устраивает.
– Моллой, вы не оставляете мне выбора. Я возьму вас в Пещеру демонов. Если вы останетесь в живых, мы подпишем документы.
Коннор сдержанно усмехнулся ему, снова открыл свой портфель и извлек еще один документ:
– Свою половину пути я уже проделал. – Он положил документ на стол. – Я уже подписал его. Это совершенно недвусмысленная инструкция моему адвокату Бобу Стореру из фирмы «Харботтл и Льюис», который в данный момент должен ждать в холле внизу. Единственная существующая копия всех этих документов будет храниться у него в офисе. Если я потребую их обратно, он мне их вручит. Если я этого не сделаю, он передаст их вам.
Коннор посмотрел на свои часы и встал.
– Это не предмет спора, Рорке. – Он дал Монти листик бумаги с написанным номером телефона и сказал ей: – Я буду ждать по этому номеру от пяти до семи. Я хочу услышать, чтобы ты и твой отец сказали мне – Рорке передал все права собственности. Тогда я отдам команду

«стоп». – Он повернулся к Рорке. – Майор Ганн засвидетельствует вашу подпись. У вас есть здесь печать компании?
– Вы не вернетесь, Моллой. Похоже, вы этого не понимаете.
– Эта проблема настолько же ваша, насколько моя, Рорке. – Он закрыл свой портфель и поднялся. – Я хочу, чтобы вы дали указание – реактивный лайнер компании должен быть готов к отлету из аэропорта Гатвик сегодня к восьми вечера. Полетное задание – рейс до Тель-Авива. И вам бы лучше поторопиться; вам еще надо как следует собраться. А теперь я хочу с глазу на глаз перекинуться парой слов с мисс Баннерман. Я оценю ваши старания, если вы вызовете лифт, чтобы мы могли спуститься в холл.
Монти и Коннор спускались в молчании. Человек в деловом костюме ждал их, сидя на одном из диванов приемной с большим атташе-кейсом рядом с ним. Коннор коротко представил ему Монти, затем вместе с ней вышел в гараж, где они сели в его арендованный «форд».
– Я знаю, что ты собираешься произнести, – сказал он.
– Коннор, не делай этого. Ты еще не видел, чем они занимаются тут внизу. Я не могла даже представить…
Успокаивая ее, Коннор поднял руку:
– Нам еще много с чем придется иметь дело, дорогая моя. Но я хочу иметь возможность по ночам спокойно спать в своей кровати. Так же как и ты, и твой отец. Я не знаю, сколько пираний Рорке, таких как детектив-суперинтендент Левайн, плавают за этими стенами, и не хочу давать им никаких шансов.
– Это правда… то, что говорил Рорке? Что у тебя нет никаких шансов?
Взяв за руку, он сжал ее пальцы. Монти почувствовала давление его кисти, сильное и нервное.
– У меня есть шанс, и я должен им воспользоваться. У нас нет выбора. У меня есть только одна возможность почувствовать себя в безопасности и только один путь, который дает мне надежду защитить тебя и твоего отца.
– Разве не хватит того, что ты сделал в Интернете?
– Нет, все это дерьмо собачье, и он это знает. В конечном счете они расколют код. Все это я делал лишь для того, чтобы купить себе небольшой запас времени. А теперь я должен попытаться выкупить наши жизни.

133

Было примерно около девяти часов, когда Монти с отцом добрались до окраины Мейденхеда. Несмотря на полное согласие Рорке со всеми поставленными условиями, несмотря на документы, которые он подписал, Монти настороженно посматривала на огни фар, висевших в ее зеркале заднего вида.
– Что я скажу Анне Стерлинг? – спросила она.
– Правду, – дал простой ответ Дик Баннерман.
– Коннор сказал, чтобы я этого не делала.
Отец промолчал.
– Сколько женщин, принимавших «Матернокс» из этой партии, все еще находятся под угрозой?
– Десять. Я сосчитала их в «Досье Медичи».
– В течение какого промежутка времени у них должны состояться роды?
– Считая с настоящего времени вплоть до июня будущего года.
– Моллой в самом деле советовал тебе не говорить Анне правду? Разве это не противоречит тому, с чем мы с тобой всегда были согласны, дорогая?
– Коннор сказал, что если правда относительно «Медичи» выйдет наружу, то это уничтожит компанию.
– Да, я в этом не сомневаюсь.
– Папа, в любом случае нам придется подождать по крайней мере до возвращения Коннора.
– Я понимаю, – наконец сказал он. – Я удивлен, как Моллой, прибегая к самым разным прикрытиям, готовил эту операцию. Я начинаю восхищаться им. При первой нашей встрече он мне не понравился, но он рос у меня на глазах. Стоит только посмотреть, что он выделывал с

монитором, – по части обращения с техникой у него легкая рука. В общем, выясняется, что он отнюдь не плохой парень. Под внешней оболочкой у него…

Она улыбнулась, но затем черная тревога за безопасность Коннора накрыла пришедшее было слабое облегчение.

– Да, он такой. Он отнюдь не плохой парень.

Она подъехала к парадным дверям обиталища отца и выключила двигатель. Темнота немедля навалилась на них. Прошло три часа с того момента, как Коннор ушел с Рорке.

Они прошли внутрь, и Монти быстро направилась в кухню, по пути всюду зажигая свет. Какое-то мгновение она смотрела на телефон, а потом сорвала трубку и набрала номер Анны, хотя сомневалась, будет ли та дома в субботу вечером. Ей ответили после третьего звонка.

– Стерлинг. – Мужской голос. Муж Анны. Чувствуется, он очень расстроен.

– Марк, – откликнулась она. – Это Монти.

Он оживился:

– Монти! Привет! – Язык у Марка слегка заплетался, словно он был навеселе.

– Ребята, у вас все в порядке? – Она пыталась, чтобы ее голос звучал легко и непринужденно. – Я собиралась позвонить вам пораньше, но дела… э-э-э… шли прямо кувырком. С Анной все в порядке?

Наступило долгое молчание, серьезно перепугавшее Монти.

– Марк? Ты здесь?

– Она потеряла ребенка.

– Что? Что случилось?

– В четверг утром. В три часа. Ее отправили в больницу. Я уезжал по делам бизнеса.

– Господи! Как она?

– Она в порядке. Подавлена, в депрессии. Завтра возвращается домой. Я заберу ее.

Она всем существом ощущала, насколько он полон чувства потери. Она звучала в его голосе. Монти остро переживала за него, переживала за них обоих, инстинктивно понимая боль и муку, через которые им пришлось пройти.

Она сжала трубку и прижала ее к уху. Сердце у нее отчаянно колотилось.

– Можешь ли ты передать ей послание? – хрипло сказала она. Голос у нее был сдавлен, и Монти не могла понять – испытывает ли она печаль или облегчение. – Можешь ли ты сказать ей… просто скажи, что мне очень жаль.

134

Израиль. Воскресенье, 11 декабря 1994 года

Края панамы прикрывали лицо Коннора от палящего жара солнца; пропотевшие майка и рубашка липли к телу.

Вода.

С растущим отчаянием он смотрел на горы, которые стеной высились в пустыне перед ним. Внезапный громовой раскат рванул в небе, и он невольно пригнулся. Два реактивных истребителя с ревом пронеслись над головой; он еще успел увидеть красные сопла двигателей, когда они исчезали, оставляя за собой только рокочущее эхо.

Во рту у него пересохло, губы обтягивала сухая кожа. После завтрака в отеле сегодня утром он больше ничего не пил, а сейчас время уже перевалило за полдень. Краем глаза он уловил движение руки Рорке, которую он сунул под куртку, а затем услышал, как отвинчивается крышечка бутылки с водой. Жадность затопила его с головой; Коннор отчетливо представлял себе, как льется жидкость, холодная, прозрачная и чистая, как из горного источника. Рорке не предложил ему ни капли, а он был слишком горд, чтобы просить.

Слишком горд и слишком зол. Он никоим образом не хотел оставаться у Рорке в долгу. Коннор никак не мог понять, почему же он не взял для себя воды. Как только он мог выйти в пустыню без воды? У Рорке было более чем достаточно времени предупредить его. А он сказал лишь, что ему понадобится шляпа и обувь на резиновой подошве. Он ни словом не обмолвился,

что им придется идти шесть часов под палящим полуденным солнцем и что он должен позаботиться о запасе воды для себя.
Но почему, черт возьми, он сам не подумал об этом?
У него началось головокружение. Маленькая камера, которую он купил вчера по пути в аэропорт, сейчас оттягивала карман, как кирпич. Пустыня вдруг наклонилась направо, а потом налево. Он сбился с пути и завяз в глубоком обжигающем песке, который заполнил обувь.

Вода.

Что-то всплыло в памяти. Он припомнил, как покупал канистру воды в магазине. Он что, так и оставил ее там?
Рорке упрямо шел тяжелыми шагами, не дожидаясь его. Далеко, в нескольких милях, путь им пересек караван верблюдов; когда они доберутся до этого места, каравана и след простынет.
Коннор споткнулся и чуть не упал носом вперед. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голова оставалась ясной, чтобы зрение не подводило его и чтобы он четко помнил, зачем он здесь. Продолжать двигаться вперед. Правой, левой – идти и идти себе.
За его отца. За его мать. За Монти. В мыслях постоянно путался Рорке. Он играл в свои игры. Рорке сознательно лишил его воды и сейчас так же сознательно лишает его возможности сосредоточиться.
Вода.
Здесь не было воды. Он должен принять тот факт, что здесь не было воды. «Вместо этого представляй себе воду». Да, это он может сделать. Он должен четко сфокусировать ее в воображении, представить, как он пьет ее, представить, как она увлажняет губы, представить, как он глотает ее и она льется в горло. Рорке остановился и снова попил. А ведь казалось, что со времени его последнего водопития прошло всего несколько секунд. Если не считать, что горы стали чуть ближе, на фоне отвесных склонов песчаных барханов, которые возвышались над ними, уходя в небо, фигурка Рорке с массивным мешком за плечами казалась совсем карликовой.
Он тоже купил мешок. Точнее, рюкзак; он был уверен, что покупал рюкзак. Чтобы нести канистры, которые он приобрел в том же магазине. Но куда они делись? Неужели он оставил их в такси?
Да, должно быть, Рорке заставил его оставить их в машине.

Позже – Коннор не был уверен, насколько позже, – они, карабкаясь, пробирались сквозь скалы. Возглавлял движение Рорке. Он упрямо взбирался по скальным стенам, которые вздымались над головой, а из-под ног круто опускались в долину.
Здесь, на горе, может быть вода, подумал Коннор. Его надежды росли с каждым поворотом; он ждал, что вот-вот увидит родник, падающий в водоем, но не попадалось ни того ни другого – только едкая пыль и скалы. Пару раз, когда он оставлял за собой своего стражника, Рорке издевался над ним, заставляя видеть озеро чистой воды, которое исчезало, когда он приближался к нему.
Солнце уже не стояло в зените. Оставалось лишь несколько часов дневного света. Затем похолодает. И он сможет слизывать влагу с листьев…

Гнев взорвался в нем внезапным порывом ветра.
Мне не нужна вода, Рорке. Мне ничего не нужно. Я справлюсь. Я выживу. Это все – состояние мышления. Ты думаешь, что сможешь притупить его, Рорке, но ты ошибаешься. Твоими стараниями оно с каждой секундой становится все острее. Ненависть острит ее.

Мне не нужна вода. Не в пример тебе.

Мне ничего не нужно.

Они карабкались еще час, пока наконец не уловили легкий свежий ветерок. Коннор двинулся вслед за Рорке по узкому уступу, и, когда на самом верху они зашли за поворот, Коннор увидел вбитый в трещину старый обветренный столб, с которого свисал короткий оборванный конец истрепанной веревки.
Остановившись, Рорке рукой показал на зев пещеры сразу же за столбом. Вход был примерно двадцати футов в ширину, глубоко утопленный под козырьком. Коннор понял, что пещеру и снизу из долины, и сверху с воздуха невозможно увидеть. Изнутри доносились странные звуки, словно радиопомехи.
– Вот и оно, Моллой. – Струйки пота стекали по лицу Рорке; тяжело дыша от напряжения, он вытащил фляжку с водой и жадно припал к ней.
Коннор, стоя на месте, рукавом вытер пот с глаз. Они были близки к цели. Долгий путь по пустыне остался внизу. Солнце почти опустилось, и скоро станет совсем темно. У Коннора пересохло во рту, губы потрескались и болели.
– Почти ничего не осталось, – сказал Рорке, возвращая фляжку на место. Он с трудом переводил дыхание, и ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем он заговорил снова. – Знаете, а ведь вы толковый молодой человек, Моллой. Слишком толковый, чтобы вот так взять и умереть. Почему бы вам не присоединиться ко мне, вместо того чтобы воевать со мной? И вместе со мной работать?
– Я не продаюсь.
– У всех есть своя цена.
– Только не у меня.
Рорке вытер лицо большим носовым платком.
– Вам нравится думать, что вы другой, но вам же известно, что это не так.
– Вы убили моего отца и мою мать, Рорке. И вы в самом деле думаете, что сможете купить меня?
– Родители ровно ничего не значат, Моллой. Они просто средство доставки ваших генов. Я чужд сентиментальности. Сантименты – это дешевые и в то же время опасные эмоции. – Он улыбнулся. – Вам стоит выпить, Моллой. Обезвоживание в пустыне – вещь опасная. Почему вы не пьете?
Рорке, не отводя глаз, в упор смотрел на него. Что-то привлекло взгляд Коннора. Ярко-красный нейлон. Лямка. Лямка через его правое плечо. Затем он увидел лямку через свое левое плечо. Он протянул руку за спину и нащупал свой рюкзак.
Господи боже. Его рюкзак при нем! И вроде был с ним все время… как, черт побери?..
Рорке. Это все шуточки Рорке. Он стянул рюкзак через голову, отстегнул и откинул клапан и вытащил изнутри одну из двух канистр, массивных и тяжелых, наполненных водой. Он отвинтил крышечку, поднес канистру ко рту и жадно глотнул. И едва ли не сразу же сплюнул, кашляя и содрогаясь в рвотных спазмах.
Это был бензин.
Он вернул крышечку на место и взялся за вторую канистру. Бензин. Но как? Что происходит? Он припомнил магазин, в котором они покупали эти канистры; он сам на задах магазина наливал в них холодную воду. Сунул в рюкзак и держал при себе. Рорке никоим образом не мог залить их бензином.
Он глянул в лицо Рорке, увидел, как его глаза внимательно следят за ним, и все понял. Досконально понял игру Рорке. Он снова решительно поднес канистру ко рту и, стараясь не дышать, не вдохнуть этот запах, откинул голову назад, напрягся и начал пить.
Вкус был чудовищный. Коннор подавился. Он с силой заставил себя проглотить эту жидкость, обхватил губами горлышко канистры, качнулся и проглотил, содрогнулся и проглотил – и так раз за разом, заставляя себя. Он пил, пока канистра не опустела, и вытер рот тыльной стороной ладони. Вкус и запах бензина исчезли. Это была вода, чистая свежая вода.
Он навинтил крышечку и сунул пустую канистру обратно в рюкзак, чувствуя, как к нему возвращаются силы.
– Вы были правы, мне в самом деле стоило попить. – В упор посмотрев на Рорке, он развернулся и пошел ко входу в пещеру. По мере его приближения свистящий визг радиопомех превратился в сущую какофонию, а навстречу ему из пещеры ползло зловоние. Летучие мыши, с отвращением понял он. Пещера внутри кишела ими. Он видел, как они летают, слышал, как они шуршат перепончатыми крыльями, пищат и взвизгивают.

Сама эта пещера была маленькой и невзрачной; это не она, подумал Коннор, не может быть. Ловушка? Затем в тридцати ярдах, по другую сторону, он увидел второй вход. Похоже, это что-то вроде приемной пещеры, думал он, пересекая первое помещение. Он не обращал внимания на звуки, которые по мере его продвижения становились все исступленнее. Он миновал второй вход и, потрясенный, остановился на месте как вкопанный.

Эта пещера была огромной. Куда больше, чем она показалась ему от входа. В тридцать, сорок, может, в пятьдесят раз больше. Ни одно из беглых описаний не могло дать даже отдаленного представления о ней. В ней стояла величественная тишина кафедрального собора, но размеры пещеры многократно превышали любой собор или вообще любое здание, которое ему доводилось видеть в жизни. В нем гнездились и летучие мыши, но они обитали где-то высоко, и их писк был неслышен.

Каждый дюйм пространства стен, которое открылось его взгляду, украшали резные символы и иероглифы, а на каменном полу была вырезана пентаграмма тридцати метров в поперечнике. В центре его стоял величественный каменный трон. Трон Облеченного, вспомнил Коннор из прочитанных им текстов.

Свет был тусклый, и сумерки быстро сгущались. В дальнем конце пещеры ряды каменных возвышений образовывали что-то вроде аудитории, уходившей кверху подобно амфитеатру. Он чувствовал присутствие мощи, силы поистине демонической, более холодной, враждебной и зловещей, чем все, с чем ему доводилось сталкиваться. Кожа на голове пошла мурашками от страха, и он поежился; влажная от пота рубашка прилипла к спине. Ему было холодно, жутко холодно. Он сделал несколько осторожных шагов вперед. Вот она, Пещера демонов. Место, где состоялась последняя битва. Где, в соответствии с легендами, Бог нанес поражение и изгнал Сатану. И где демоны ждут, когда придет их время и вернется свергнутый Хозяин.

Рорке прошел мимо него и остановился на краю пентаграммы. Он извлек из сумки церемониальный меч, открыл круг, вошел в него и, повернувшись, тем же мечом закрыл его. Коннор смотрел, как Рорке направился к каменному трону, сел, затем неторопливо распаковал принесенные с собой предметы и расставил их вокруг себя. Золотое кадило. Золотой церемониальный кинжал. Дароносица. Еще несколько сосудов. Анкх, крест с петелькой наверху.

– Принес свои игрушки с собой, Рорке, – крикнул он; голос его звучал не так уверенно, как ему хотелось бы.

– А что ты принес с собой, Моллой? – спокойно ответил Рорке, разжигая благовония. – Какое у тебя секретное оружие?

Коннор был уверен, что во Вселенной есть огромная сила энергии, которая собирается в определенных местах, и ею можно управлять. Именно этим и занимались Рорке и его последователи. Он-то знал, что все их ритуалы были сущей ерундой, плясками мумбо-юмбо. Просто средством сфокусировать их мозги, вот и все.

В наступившем молчании он посмотрел на Рорке. Много лет назад в этой пещере произошла битва – сражение между силами добра и зла, – когда добро победило. Бог нанес поражение Сатане. Силы добра давно ушли отсюда, но зло все еще оставалось здесь.

Добро должно снова победить. Секрет таится в Библии; он спокойно и ненавязчиво лежит в ней, и любой может его увидеть и понять.

– Достоинство и благородство, – наконец сказал он. – Вот во что я верю.

Рорке встал и медленно, не выходя из круга, подошел так, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Его лицо лоснилось от жира, волосы, мокрые и свалявшиеся, падали на лоб.

– Достоинство, Моллой?

– Да, Рорке. Я верю в него. Это мое оружие.

Лицо Рорке исказила презрительная усмешка, которая тут же исчезла.

– Ты знаешь, Моллой, – тихо сказал он, – любой уверен, что сможет справиться с этим – с той силой, которой ты пытаешься лишить меня этим вечером.

Коннор промолчал.

– Давным-давно я тоже думал, что смогу. Я действительно считал тогда, что это вопрос о противостоянии добра и зла. Но в этом мире больше нет понятия «добро против зла», – продолжил Рорке. – Добро против зла стало

плохое

против зла. Ты пытаешься это изменить, но в конечном счете изменишься ты сам, Моллой. Власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно. Великие люди почти всегда – плохие люди.

Коннор продолжал смотреть на него.
– Это так ты все объясняешь, Рорке? Так ты оправдываешь убийство моего отца и моей матери?
Рорке пожал плечами:
– Это все вопрос перспективы. Для тебя мои действия – зло; я же смотрю на них как на необходимость для большего добра. Все зависит от точки зрения, Моллой. Ты смотришь на меня и видишь монстра; я же смотрю в зеркало и вижу джентльмена. – Он улыбнулся. – Но мне очень жаль, что мы не можем вместе работать. Честное слово, жаль. Ведь под кожей у нас кроется одно и то же.

Он повернулся и в молчании пошел обратно к своему трону. Коннор, глядя, как Рорке занимает место на троне, на долю мгновения почувствовал укол сомнения.
Будь осторожен. Рорке ведет свою игру; великий мастер хочет найти щель в стене твоего гнева – и добиться успеха.

Он ее почти нашел.

Ты подонок.

Коннор видел свечение заходящего солнца, которое бросало последние лучи в зев пещеры. Три-четыре минуты, вот и все – начнет смыкаться темнота. Коннор чувствовал напряжение, висящее в воздухе. Его мысли были полны Монти. В последний раз он видел ее почти двадцать четыре часа назад.
Он сел на каменный пол. Голова Рорке была видна на фоне входа, в котором еще светился кусочек неба. По обе стороны от Рорке тянулись тонкие струйки дыма благовоний. «Камера, – вспомнил он. – Надо сделать фотографии, пока тут еще есть остатки света. И я смогу доказать миру, что такое место действительно существует».
Он незаметно извлек камеру из кармана, легким движением поднес к глазу видоискатель, поймал Рорке в центр кадра и нажал на спуск. Камера резко дернулась в его руках, словно кто-то ударил по ней. Донесся запах горящей пластмассы, верхняя часть камеры раскалилась докрасна и плавилась на глазах.
Изумившись, он бросил ее на пол, задняя крышка отлетела, и оттуда вывалилась лента. Корпус искрился и трещал, от него поднимался густой едкий дым.
Рорке, глядя на него, улыбался.
Бросив на него взгляд, Коннор с трудом сдержался, чтобы не выругаться. Рорке хотел вывести его из себя, разгневать, чтобы началось противостояние – сила против силы. Так его мать пыталась сражаться с ними – и проиграла. Она предупреждала его, что мощи у них хватает, – и оказалась права.
Сегодня вечером он пустит в ход другую мощь. Ту самую, в чем он не сомневался, которую Бог использовал против Сатаны. Победу одержала не грубая сила, не его всемогущество, а хитрость. Он не знал, получится ли это у него. Он может только попытаться.
Рорке, занятый своим ритуалом, сейчас был тих и молчалив. Коннор сложил руки на коленях, закрыл глаза и начал медитацию Тринадцатого Портала, который он знал наизусть. Он чувствовал, как замедляется обмен веществ, ощущал, как сгущается темнота снаружи, высасывая остатки света из пещеры. Летучие мыши стихли, и в пещере воцарились спокойствие и тишина.
От холодного воздуха у него онемело все тело. Внезапно он увидел себя стоящим на краю озера. Высоко над ним раздался крик. Чарли Роули, объятый огнем, падал в озеро. Он врезался в воду и, издав одинокий отчаянный крик, исчез в облаке пара.

Коннор открыл глаза. Хотя стояла темнота, он чувствовал, как ухмыляется Рорке. Запах благовоний стал оглушительным. Рорке путал его мысли, пытался не дать ему сконцентрироваться. Коннор закрыл глаза и приказал себе хранить спокойствие.

Не сопротивляйся злу; если кто-то ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую.

Он возобновил медитацию. Мышление против материи. Мозг против тела. Двадцать минут он медитировал без перерыва, постепенно уменьшая частоту сердцебиения. Все медленнее и медленнее. Шестьдесят пять. Пятьдесят пять. Сорок пять. Тридцать пять. Медленнее. Двадцать пять. Медленнее. Пятнадцать. Десять. Пять. Одно.

Один удар в минуту.

Вот так и держи. Один удар в минуту.

Он чувствовал, какой жар ненависти идет от Рорке, но не сделал попытки сопротивляться ему; вместо этого он принял его, как прикосновение губки. Перед глазами настойчиво плыли образы, отвлекая его. Отец, пробивающий стекло окна. Дико корчится мать, выкрикивая заклинания. Коннор принимал их в себя, всасывал, не позволяя себе никаких эмоциональных реакций. Его уши были полны ядовитой смесью голосов, странных языков, заклинаний. Его отец. Его мать. Испуганные и кричащие от страха, одинокие перед приближением смерти.

Один удар в минуту.

Это была единственная мысль, которую он позволял себе. Один удар в минуту. Его мантра. Он потерял все представление о времени. Порой он мог чувствовать, как Рорке старается вмешаться, он слышал шорох его одежды, его нервное тяжелое дыхание. Затем постепенно он начал ощущать, как приближается кто-то еще.

Один удар в минуту.

Теперь до него доносились какие-то новые звуки – яростный порыв ветра, который гремел, как клекот гигантской птицы. Он вздымался до крещендо и умирал, а через мгновение возвращался с новой силой. Он несколько раз возник за стенами пещеры и, издав низкий стонущий вопль, исчез.
Это было здесь.

Один удар в минуту.

Снаружи раздался треск, словно там хлынул дождь. Но дождя не было, это звуки ветра, который раскачивал деревья, топорщил кусты, поднимал песок, пыль и швырял галькой о скалы. Потрескивание превратилось в громовые раскаты, когда ветер ворвался в пещеру и обрушился на него со всех сторон и, вцепившись в волосы, старался сорвать с места. Он дернулся, пытаясь прикрыть лицо, но безвольно висящие руки онемели; он стоял прикованный к месту.

Один удар в минуту.

Ветер пробивался сквозь одежду, он становился все сильнее и холоднее. Летящий песок сек его по лицу, по рукам. Он себя чувствовал так, словно оказался в эпицентре взрыва.
Он услышал голос, поднимавшийся до хриплого визга. Рорке.

Nema. Olam a son arebil des
Menoitatnet ni sacudni son en te

Sirtson subirotibed
Summitimid son te tucis
Artson atibed sibon ettimid te
Eidoh sibon ad
Munaiditouq murtson menap
Arret ni te oleac ni
Tucis aut satnulov taif
Muut munger tainevda
Muut nemon rutecifitcnas
Sileac ni se iuq
Retson retap

Коннор слушал, впитывая каждое слово. Хотя его обмен веществ сошел почти на нет, мыслил он по-прежнему ясно и остро и тут же понял слова, которые произносил Рорке. Это «Отче наш» по-латыни, прочитанный задом наперед.

Последовали и другие заклинания. Ветер крепчал с каждым из них, раскачивая Коннора. Окрепший порыв ветра ударил откуда-то сбоку и швырнул Коннора на пол. Он растянулся плашмя, но его собранность не нарушилась.

Один удар в минуту.

Не сопротивляйся злу. Копи энергию. Не сопротивляйся злу; если кто-то ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую.

Копи.

В Библии сказано встречать ураган пригнувшись. Пригнуться, а не сопротивляться. Если ты позволишь себе согнуться, то не сломаешься.

Приникнув к полу, вжавшись в него, Коннор продолжал ждать. Ветер катал его по полу, бил о стены, а потом приподнял и швырнул через всю пещеру. Он с грохотом врезался в дальнюю стену, подумав, что переломал себе все кости, и, испытывая мучительную боль, рухнул на пол.

Один удар в минуту.

Он лежал неподвижно.

Из темноты выдвинулась какая-то фигура и нагнулась к нему – зловещая светящаяся фигура в развевающейся мантии с черепом на месте лица и козлиными рогами на голове; она почти вплотную уткнулась в лицо Коннора, уставившись на него пустыми глазницами черепа, а из провала рта с редкими зубами доносилось зловонное дыхание.

– Коннор, почему ты не послушал маму?

Это был его отец.

Он в ужасе отпрянул. Собранность и решительность покидали его. Череп прижался к нему плотнее, продолжая шептать:

– Она предупреждала тебя, Коннор. Она часто предупреждала тебя. Она говорила тебе – ты не знаешь, во что ввязываешься.

У него отчаянно колотилось сердце.

У тебя частое дыхание, ты слишком часто дышишь! Соберись! Прими все в себя, впитай и поглоти!

Он закрыл глаза, усилием воли прогнал висящий над ним образ, заставил себя не обращать внимания на ветер, который приподнял его и лицом вниз швырнул на каменные ступени.

Он не обращал внимания и на жгучую боль в носу, и на вкус крови во рту.

Один удар в минуту один удар в минуту один удар в минуту.

Один удар в минуту.

– Ну, как ты себя чувствуешь, Моллой? Драться больше не хочешь? Все у тебя опало? – орал ему Рорке. – Проделал такой путь, чтобы тебя размазало по камням. Никак ты еще соображаешь, Моллой? Тебе еще нравится быть здесь? Счастлив? Думаешь о своей маленькой шлюшке?
Слушая голос Рорке, Коннор чувствовал, как в нем копится яд, но он ничего не ответил.

Один удар в минуту.

– Теперь ты понял, что многого не знаешь, не так ли, Моллой? Я вот все думаю, кто же будет ее трахать после того, как от тебя и следа не останется? Интересно, а кто отымеет ее сегодня вечером? – Голос Рорке слегка дрогнул.
Температура в помещении резко упала. Воздух наполнился воплями и визгом баньши. Теперь в нем звучали заклинания на сотнях разных языков – и все были направлены на него. Коннор спокойно воспринимал их, заполняя ими пустоты в памяти. Он смотрел в темноту, ничего не видя перед собой. Раздался внезапный грохот, и поток каменных градин ударил по голове, лицу, рукам. Теперь температура стремительно росла, доходя до палящего, обжигающего жара. Снова упала. Ветер бил в него со всех сторон. Коннора приподняло, закрутило, как в водовороте, и швырнуло о стену, после чего он сполз на пол.

Один удар в минуту.

Он продолжал ждать. Ветер снова приподнял Коннора и вскинул; он чувствовал, как кожистые крылья летучих мышей бьют его по лицу, чувствовал их когти и их мелкие острые зубы; в ушах стояла какофония из писка, визга и скрежета – и он снова рухнул на пол.

Один удар в минуту.

Он оставил в себе только эту мысль – да станет сердце неподвижным.

Удар.

Долгая пауза. Держать ее. Держать изо всех сил – чтобы в мозгу была только одна мысль, и никаких других.

Язык пламени опалил его лицо.

Удар.

Громом разнесся разъяренный голос Рорке. Он вопил, выплескивая свой гнев, и Коннор принимал его, впитывая каждое слово. Пол и стены пещеры подрагивали, отвечая низким глухим рокотом, похожим на далекие раскаты грома. Затем наступило затишье. Рорке устал. И Коннор это чувствовал. Затишье. Тишина.
Ты стар, Рорке. Ты старый, усталый и давно не практиковался. Ты слишком положился на своих головорезов. Ты потерял ощущение грани, потерял свои сверхъестественные силы…

Пришло время!
Сто ударов в секунду. Сердце Коннора взорвалось и заработало, как пневматический молот. Каждый удар ветра, каждую унцию энергии пещеры, которую впитало в себя его тело, все

заклинания, жар, холод, каждую унцию ярости Рорке, его собственной ярости, которая копилась годами, он в долю секунды собрал в мощный кулак, вознес над темными очертаниями трона в центре помещения, разметав психический щит пентаграммы.
– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – разнесся в темноте пронзительный вопль Рорке.
Через несколько мгновений ослепительное полотнище света полыхнуло в центре пещеры. Он увидел, что Рорке засветился, как мощная электрическая лампочка. Вокруг него завибрировал зелено-оранжевый ореол. Волосы встали дыбом, как иголки. Глаза выкатились из орбит. На лбу вздулись вены. Щеки пошли глубокими трещинами. Одежда разъехалась по швам и рывком слетела с него. Рорке раскинул руки, и на груди и животе пошли трещины, словно он был сделан из пересушенной глины. Из них полезли кишки, распрямляясь, как змеи, выползающие из гнезда.
Затем неожиданно полыхнула яркая вспышка, словно внутри его сдетонировала бомба. Какое-то мгновение он светился, став прозрачным, а затем раскалился добела и еще раз издал мучительный вопль, который заполнил всю пещеру и ушел в ночное небо над ней. Коннор едва не оглох, когда по барабанным перепонкам ударила мощная взрывная волна.
Внезапно наступило молчание, и ему осталось лишь смотреть, как Рорке взорвался в безумном водовороте электрических разрядов, которые летели по пещере во все стороны. Затем они опали, оставаясь тлеть сами по себе.
Снова свалилась темнота.
И полное молчание.
Еще несколько минут Коннор лежал совершенно неподвижно. Он попытался подняться на ноги, но у него не было сил. Он пополз туда, где, как ему казалось, располагался выход, и упал на бок, когда его рука коснулась чего-то мокрого и липкого. Он опустил голову на каменный пол и закрыл глаза. От него ничего не осталось; он был опустошен, выпит до дна. Теперь он мог лишь свернуться калачиком и ждать, когда придет смерть.
Медленно, по капле стал возвращаться слух. Где-то далеко он слышал бормотание странных голосов. Слабых, сначала напоминавших шепот, а потом они становились громче.
Его последняя сознательная мысль была о Монти.

135

Израиль. Понедельник, 12 декабря 1994 года

Защебетала какая-то птица.
Он медленно приподнял веки. За проемом входа в пещеру Коннор увидел розовое рассветное небо. Он оторвал лицо от каменного пола. Движение отдалось болью во всем теле. Лицо опухло, и болел нос. Во рту пересохло.
Он с трудом поднялся и, покачиваясь, шаг за шагом побрел к выходу. В пещере было тепло и тихо; казалось, она была наполнена мягким и теплым свечением.
Каменный трон, на котором восседал Рорке, разлетелся вдребезги, и его куски валялись по всей пещере. На части стены было темно-красное пятно, похожее на высохшую кровь. Рядом было пятно поменьше. Он увидел часы «Ролекс» с разбитым циферблатом; они были согнуты едва ли не наполовину. В дальнем конце пещеры, зарывшись в землю, вверх подошвой лежала одинокая туфля. Она принадлежала Рорке. Рядом с ней было куда больше крови, и торчал вроде бы кусок обломанной кости с лохмотьями кожи на ней. Он увидел обрывки разодранной в клочки одежды. Еще кусок кожи.
Рядом со ступенями, на которых он лежал, валялась заплечная сумка Рорке. Коннор заглянул в нее. В ней были две канистры, одна полная. Он жадно приник к ней, но остановился, понимая, что должен поберечь воду на обратный путь.
Его тело болело и ныло, однако Коннор начал приходить в себя. Он огляделся, всмотрелся в темноту, бросил взгляд на стены, на расколотый трон. Он был один, но не чувствовал одиночества. Силы, которые вчера пугали его и внушали благоговейный страх, ныне вливали в него энергию и поддерживали. Теперь ему оставалось лишь ждать полного восстановления. Его

место было здесь. Он поднял взгляд на символы на стенах, посмотрел на ступени… и тут какой-то предмет на полу привлек его внимание. Коннор подошел.
Это был золотой кулон в виде головы лягушки на цепи. Коннор поднял его и внимательно рассмотрел. В золоте есть что-то вульгарное, подумал он, раскачивая цепь.
«Все зависит от точки зрения, Моллой. Ты смотришь на меня и видишь монстра; я же смотрю в зеркало и вижу джентльмена».
«Нет, Рорке, – подумал он, – не в этом случае. Джентльмены никогда не носят такого». Держа кулон в руке, он пересек пещеру, прошел мимо столба, вбитого в расщелину в скале, и швырнул кулон в долину. Тот еще не успел исчезнуть из вида, как Коннор повернулся и пошел обратно в Пещеру демонов.
Теперь это была его пещера.
Он увидел свою обувь как раз перед входом, натянул ее и завязал шнурки, после чего уверенно вошел в пещеру. Сначала он держался поодаль от пентаграммы, но потом пожал плечами, переступил окружность и медленно пошел к центру, где и остановился в молчании.

> Он снова услышал слова Рорке: «…любой уверен, что сможет справиться с этим – с той силой, которой ты пытаешься лишить меня этим вечером. ‹…› Но в этом мире больше нет понятия „добро против зла“. Добро против зла превратилось в
> плохое
> против зла. Ты пытаешься это изменить, но в конечном счете изменишься ты сам, Моллой. Власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно».

Коннор вышел из пентаграммы, и внезапно ему стало как-то не по себе. Снаружи занимался рассвет, и в воздухе, скорее всего, еще стояла прохлада. Солнце окончательно раскалится часа через два, не раньше. Он подумал, что ему стоит пуститься в дорогу. Именно сейчас.

Там, где полагалось ждать такси, стояла машина, и Коннора охватило мрачное предчувствие. Это был белый «мерседес», который не имел ничего общего с такси.
Когда до него оставалось добрых четверть мили, дверца со стороны водителя открылась, и оттуда показался человек в коричневом костюме, с короткими волосами и с авиационными очками на лбу. Он отвесил ему вежливый поклон. Да это же майор Ганн, узнал он его, когда подошел поближе.
Ганн открыл для него заднюю дверцу и с предельной почтительностью придержал ее:
– Я подумал, что, должно быть, тут проблема – если из такси, которое вас доставило, высадились два человека, а возвращается только один…
– И вы не знали, кем может быть этот один?
– Нет, сэр. – Ганн позволил себе намек на улыбку.
Коннор тяжело опустился на заднее сиденье. Дверца закрылась. Ганн включил двигатель, и салон заполнился прохладным воздухом из кондиционера. Коннор полулежал, наслаждаясь им, затем взял холодную бутылку минеральной воды, которую протянул ему Ганн, и не отрываясь осушил ее.
Несколько минут Ганн вел машину в молчании. Затем он тихо сказал:
– Я рад, мистер Моллой. Я очень рад.
– Да и я очень рад, – сдержанно согласился Коннор. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.
Рорке ошибался. Можно менять вещи и события. Если у тебя хватает решимости.
Сквозь полуприкрытые ресницы он посмотрел на лицо Ганна в зеркале. Еще предстояло проверить – может ли плохой человек стать хорошим? Или хороший – плохим?
Впереди его ждала и печаль. Придет время, когда к нему придет подлинная глубокая скорбь о матери. А потом, спустя какое-то время, он возьмет Монти на руки, отнесет ее в какой-нибудь тихий уголок, где и скажет ей, что они должны пожениться. Нет, это будет не вопрос, а утверждение.
Он покончил с бутылкой минеральной воды и взялся за другую, которую Ганн автоматически протянул ему. Он качал ее на руках, прижимал к щекам, катал по лицу, стараясь хоть немного умерить ожоги солнца.

Глаза его были воспалены от этого сияния, кожа рук едва ли не обуглилась и сильно болела. Он осмотрел свою одежду: куртка разодрана в нескольких местах, три пуговицы рубашки исчезли, а на галстуке виднелись потеки крови.
«Надо обзавестись новым костюмом», – подумал он и, как ни странно, почему-то стал размышлять, удастся ли им найти хорошего продавца.
Снова посмотрев из окна и оглянувшись на горы, он вспомнил строчку из поэмы, которую читал много лет назад. Кажется, Шелли. Да, Шелли.

Порой
И дьявол бывает джентльменом.

Он улыбнулся.

Эпилог

Суббота, 27 июня 2002 года

– Мак, пора, мы уже уходим!
При звуке отцовского голоса Мак Моллой поднял было глаза, но потом, серьезно нахмурившись, сунул карандаш в рот, пососал его, сделав вид, что курит сигарету, и поставил несколько штрихов на своем рисунке.
Монти улыбнулась. Мак всегда вызывал у нее улыбку. В теплом спортивном костюмчике, в свитере, с копной светлых волос, падающих на лоб, мордашка и пальцы вымазаны красками, он вызывал у своей матери самые нежные чувства. Похоже, бóльшую часть времени он проводил в своем мире, рисуя, думая и тихо наблюдая за окружающими. Порой Монти беспокоилась, что для пятилетнего ребенка он слишком много и слишком серьезно размышляет. Он забрасывал ее вопросами, как устроен мир, кто такой Бог и что такое смерть. Последняя тема особенно интересовала его.
– Мак! Шевелись, приятель, готовься, мы идем на день рождения Алекса!
Мак скорчил гримасу и продолжал рисовать. Монти посмотрела на свои часики.
– Дорогой, – тихо сказала она. – Папа ждет. Ты должен привести себя в порядок. Пойди умойся, а я помогу тебе одеться.
Мальчик пожал плечами. Мамино предложение его не заинтересовало.
– Ты не хочешь идти в гости? К Алексу, твоему другу? Он же тебе нравится.
Мак сделал вид, что оглох. Монти торопливо прополоскала кисти в терпентиновом масле в щербатой кофейной кружке, вытерла их и положила на край палитры.
Стоял прекрасный летний день. Над далекими пологими холмами, на которые она смотрела из окна своей студии, висели легкие белые облачка, воздух звенел жужжанием пчел, а где-то в отдалении блеяли овцы. Сквозь запахи терпентина и льняного масла пробивались ароматы сада, цветов и свежескошенной травы.
Ей нравился этот старый ветхий амбар, из которого Коннор сделал для нее студию. Здесь было ее святилище, здесь она находила себе укрытие. Дверь открылась, и вошел Коннор, полный возмущения.
– Мак! Шевелись! – Голос отца звучал коротко и резко – верный признак того, что у него портится настроение.
Плохое настроение бывало у Коннора не так уж часто, но могло длиться несколько дней. Характер у него был резковатый, порой он пугал Монти, но за вспышками всегда следовало несколько дней, когда Коннор был тих и погружен в мрачные раздумья.
Они начались после его возвращения из Израиля. Он никогда не рассказывал о том, что было в Пещере демонов. Порой она пыталась понять, что же он утаивает от нее. Это было закрытой частью его натуры, чем в какой-то мере он с самого начала и привлекал ее.

Через пару месяцев Маку исполнится шесть лет, а Монти уже на четвертом месяце. За прошедшие годы у нее было два выкидыша, и Коннор по совету врача настоял, чтобы она ничем не занималась, а только отдыхала и писала картины, чтобы благополучно миновать опасный период. И в течение последних нескольких месяцев он был так заботлив и внимателен, что она его просто не узнавала.
Он обнял ее за плечи и стал рассматривать стоящую на мольберте неоконченную картину.
– Ты хорошо выписала небо, – сказал он.
– Спасибо. А вот цвет воды, думаю, не удался. Она слишком зеленая.
– И плоская. Наверху у тебя летят облака, то есть дует ветер. И на воде должны быть барашки.
Монти кивнула: он был прав. Как всегда.
– Ты не забыл цепочку, дорогой? – напомнила она ему.
– Ни в коем случае.
На следующий день они отправлялись на крестины Кейт Стерлинг, ее крестной дочери. Первого ребенка Анны и Марка Стерлинг. На цепочке были выгравированы инициалы Кейт. Красивое изделие из серебра девятьсот семьдесят пятой пробы с медальоном. Монти хотела золотую, но Коннор настоял на серебре; у него было какое-то предубеждение против золота, активное неприятие его, которого она никогда не понимала, но решила не спорить.
Повернувшись, Монти неожиданно поцеловала его.
– Люблю тебя, – сказала она.
Он плотнее прижал ее к себе:
– Я тебя тоже.
Она с благодарностью подумала, что Коннор – хороший человек. Он добрый, умеет работать без устали и, притом что он председатель совета директоров и исполнительный директор, бо́льшую часть своей энергии посвящает благотворительной деятельности и помощи ученым-исследователям. Он заслужил тепло и уважение, с которыми к нему относятся все, кто знает его.
Монти пришлось выдержать тяжелую борьбу со своей совестью, когда надо было принимать решение о будущем «Бендикс Шер». В конце концов Коннор убедил ее взять акции, которые гарантировали выживание компании. Первым и главным было то, что деньги смогут дать ее отцу свободу исследований. Кроме того, в их распоряжении был солидный фонд, с помощью которого они могли поддерживать другие исследования и помогать ученым, которые были в таком же положении, как ее отец в недавнем прошлом. И, кроме того, как подчеркнул Коннор, они знали правду о «Бендикс Шер». Могли ли они быть уверены, что любая другая фармацевтическая компания, куда они обратились бы за финансированием, обладает безукоризненной репутацией, что у нее нет своего скелета в шкафу? Не лучше ли иметь дело с тем дьяволом, которого ты досконально изучил?
Ее отец и Коннор нашли непростой компромисс. Дик Баннерман принял треть акций компании и пост директора научно-исследовательского отдела – но на том условии, что ни одна из его работ не будет запатентована. Для человека, который, как Коннор, занимался патентным законодательством, это было нелегким условием, но он его принял. За семь лет «Бендикс Шер» не получил ни одного патента. Но компания по-прежнему числилась в десятке команд высшей мировой лиги.
После загадочного исчезновения сэра Нейла Рорке Монти вошла в совет директоров «Бендикс Шер» как руководитель отдела личного состава, и занимала этот пост три года, с кратким перерывом на вынашивание Мака. Она делала все, что было в ее силах, для помощи больным охранникам и другим сотрудникам, которые были заложниками своих болезней, и Ганн очень эффективно помогал ей выкорчевывать доверенных соратников Рорке.
У восьми из девяти женщин, которые забеременели в результате приема «Матернокса», произошел выкидыш. Девятая, которая вот-вот должна была родить, погибла в дорожной аварии, которая, как настаивал Коннор, была чистой случайностью.
Но и сейчас дети из лаборатории в подвале продолжали стоять у Монти перед глазами. Через двадцать четыре часа после возвращения Коннора из Израиля они исчезли. Порой она думала, что Коннор был прав, что от лекарств, которыми ее накачали, у нее начались галлюцинации и она вообразила себе невесть что. Но на самом деле она так не считала.
Не сожалела она и о кончине Левайна. Детектива-суперинтендента нашли в его спальне. Он был облачен в женское нижнее белье и висел на электрическом шнуре. История эта выплеснулась на

первые страницы всех национальных газет, всех до одной. Она лично проследила за публикациями, кое-кого анонимно снабдила конфиденциальной информацией, разослала всем редакторам факсы и электронные письма. Ей было приятно думать, что Губерт Уэнтуорт хоть в какой-то мере отомщен.

Грустная ирония судьбы заключалась в том, что Коннору пришлось открывать мемориальную доску в память докторов Кроу, Зелигмана, Фармер и другой женщины, Бейнс, погибших во время трагического инцидента в лаборатории, когда там вспыхнул пожар. Он настоял, что это важно для внешней благопристойности. По крайней мере, Монти решила, что испытывает какое-то удовлетворение, когда видит эту доску при входе в здание. Она почему-то напоминает об изречении, которое все эти годы муж произносил с особым удовольствием.

Порой
И дьявол бывает джентльменом.

Коннор снова прижал ее к себе, словно чего-то опасался и не хотел отпускать ее. Может, он боялся того мрачного настроения, которое уже маячило на горизонте.

– О’кей, Мак! Все готово! Пошли! – весело крикнул он.

Удивившись, Мак подскочил:

– Ладно. Идем. Я иду! – И он вылетел из комнаты.

Монти и Коннор улыбнулись друг другу.

– Что он рисует? – спросил Коннор.

– Не знаю… но трудился над этим все утро.

Коннор подошел к столику Мака и наклонился над ним. Затем выпрямился и застыл, словно в столбняке, от лица отхлынула вся кровь.

– В чем дело? – встревожилась она.

Он продолжал молча смотреть на рисунок. Монти подошла поближе.

Рисунки Мака всегда нуждались в разгадке. Вот и сейчас он изобразил огромное черное существо, полуптицу-получеловека. Казалось, оно падает откуда-то с неба, а внизу его ждут челюсти чудовища, выглядывающего из входа в пещеру.

Благодарности

Меня всегда несказанно поражал энтузиазм тех людей, к которым я обращался за помощью, когда писал свои книги. Вот и на сей раз я получил огромную духовную поддержку, благодаря чему создание «Алхимика» стало для меня скорее грандиозным приключением (хотя порой волосы у меня вставали дыбом), нежели изматывающим трудом, – и за это я должен выразить свою благодарность очень многим людям.

Прежде всего назову такие имена, как Стив Гудман, Энди Хольер, д-р Найджел Киркхэм, Джоан Ларнер, Крис Петт, Максин Сандерс и Дейв Шмикель. Вот уже более двух лет все они, каждый по-своему, дарят мне тепло и вдохновение, столь необходимые для творческой работы. Особые слова признательности хочу сказать М. – твоя инфоподдержка поистине неоценима!

Также я от всего сердца благодарю тех, кто перечислен ниже, и моя благодарность, поверьте, гораздо больше, чем позволяет разрешенный объем текста: Сью Анселл, Дэвид Остин, Дон Баррет из «Уайет лэбораториз», Анна Берд, Фелисити Берд, Роберт Берд из Королевского колледжа хирургии, Саймон Белл, Ник Бремер, Ричард Блэклок, д-р Клайв Коэн, д-р Мишель Куперман из Имперского фонда онкологических исследований, Роберт У. Эсмонд и Эвелин Макконахью из «Штерн, Кесслер, Гольдштейн и Фокс», Стив Гудман, Дрю Гранстон, д-р Патрик Холл-Смит, Майк Харрис из полиции Брайтона, д-р Стефан Хемплинг, Энди Хольер, Вероника Гамильтон-Дили, Билл Джонс, д-р Брюс Кац, Майкл Кин, Джо Керридж, д-р Найджел Киркхэм, Роберт Нокс, Гэри Лэйн, Джоан Ларнер, профессор Алан Леманн, Джуди Леманн, Найджел Макмиллан, Родерик Мэйн, Роберт

Мартис, д-р Лайн Майн из «Траффорд сентер», Пол Майклс, Джон Паркер, Крис Петт и Ханна Дзиглевска из «Фрэнк В. Ден и К
О
», патентные поверенные; д-р Кен Пауэлл из «Глаксо-Велкам», Блейн Прайс, Питер Роулингс, Бренда Робинсон, Максин Сандерс, Дейв Шмикель из Патентного бюро США, Мартин Шот, Иэн Стивенс, д-р Дункан Стюарт, Саймон Торнтон, леди Хелен Траффорд, Майкл Стотт, патентный поверенный; Доминик Уолкер из общества «Молельня доброго пастыря», д-р Джонатан Уильямс из Колледжа анестезиологов, д-р Ричард Уайзман.

Я обязан поблагодарить за неизменную поддержку всю креативную команду. В ее составе: мой литературный агент Джон Терли, его правая рука Патрисия Прис, в присутствии которой увидела свет идея моего романа, а также прекрасный издательский коллектив – Ричард Эванс, Джо Флетчер, Катрина Уон, мой редактор Лиза Ривз, которая рисковала провалиться на экзаменах, штудируя книгу на завершающем этапе, но получила степень бакалавра с отличием первого класса. Также приношу глубокую благодарность своему агенту в США Майклу Сигелу. И наконец, спасибо моей жене Джорджине за ее бесконечное терпение. Отдельная благодарность Берти – за то, что никто не сжевал мои дискеты. ☺

Питер Джеймс

Сноски

1

Галабея
 – широкая длинная мужская рубаха у народов Северной и Центральной Африки. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Гримуар
(от
фр.
grimoire) – книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая еще какие-либо колдовские рецепты.

3

Растафарианское движение

– первоначально движение за освобождение чернокожих, позднее – всех униженных и угнетенных.

4

Несносный ребенок
(фр.).

5

Инсектициды
– средства для уничтожения насекомых.

6

Атриум
– внутренний двор, куда выходят остальные помещения.

7

Запрещена
(нем.).

8

Дженерик
– лекарство-копия, воссоздается с препарата-оригинала после истечения срока его патентной защиты, но уже в других производственных условиях, на других фармацевтических предприятиях.

9

Пул – здесь
: команда секретарш.

10

На своем месте
(лат.).

11

«Берберри»
 – известная британская фирма, производящая одежду и аксессуары класса люкс.

12

Флит-стрит – здесь:
пресса и мир журналистики.

13

Перспекс
 – органическое стекло.

14

«Island in the Sun» – популярная музыкальная композиция, автор текста и музыки группа «Weezer».

15

Лягушонок Кермит
 – главный персонаж знаменитого «Маппет-шоу».

16

Си-ви
– послужной список.

17

Капитан Америка
– один из самых популярных героев комиксов США, был убит в результате интриг Железного человека.

18

С отцом и дочерью
(фр.).

19

Эвмениды
– богини мщения
(гр.).

20

Курица в вине
(фр.).

21

«Aga» – популярная марка кухонных плит в Англии.

22

Кокпит
 – открытая кабина.

23

Иглу
 – зимнее жилище канадских эскимосов, сложенное из снежных блоков.

24

Пруд
 – шутливое название Атлантического океана.

25

Вполголоса
(ит.).

26

В лабораторных условиях,
букв.
: в стекле, в пробирке
(лат.).

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAIBAQIBAQICAgICAgICAwUDAwMDAwYEBAMFBwYH
BwcGBwcICQsJCAgKCAcHCg0KCgsMDAwMBwkODw0MDgsMDAz/2wBDAQICAgMDAwYDAwYMC
AcIDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwMDAwM
DAwMDAwMDAz/wgARCANsAjoDAREAAhEBAxEB/8QAHQAAAAYDAQAAAAAAAAAAAAAAAAA
MEBQYHAQIICf/EABwBAAIDAQEBAQAAAAAAAAAAAAAABAgMEBQYIB//aAAwDAQACEAMQAA
AB4ZkGBuGwbBsjIBmEAAGAyADAahgMBqGoagWBaNA0DAAMgA2HsGyNk8hujYeU9gyAAMwAYB
YGA1FoGslqARhrUYFgYFgMCwAABgMBgAADIYDAYDAYB2kGBuG6N0bBlmUZYEwGwgAAAAwA
ABoGgEgSBAFBoADIZRsPZPIbxZg9h5FsnsGwZTDWQwzQWB6tAMMLDQWGBID1aAYZgQDUWA1A
AAAYABgMBgMBgADvINDeIaG49g2ABsGwlY3gEALAJFuMgNAwBIJwTjTAnUUoFhq3lAS2JbRNyRiN
gyPdG48gYGR7AYGgYAprQWGANRFswGrNQwAFkWB6i0ayPDWosBgAGoYDAahgNQAPcjeIcG4zAM
DcHob4wsHJNcCcA0GK00ybY03JJhZG2g3jSREgk4gSCW6bkS0iYGA1QYPCFAbBuCqQYNGIIDNATC0

DUNmBBMkULUAAFgMM0FkMM1awLAANWahqGA1DAaBgH5hqZoGDNAwDAMFLST8GBnABasJY
EAABiRzcfQ0iZxt0RLERNYTOGcmYnkHgDBloCH5hA0KNxOLbu2nAkG8TOJuiFNZZlChiYRQFBq1oGo
sMCNmaBqICwzDNWai1ZqGA1DQNQfwNGaBoW8EHCUBKwgxK5BQkDQlLICOyhRkTANeNUiPBkFQ
K0RlKt1K6hVQm/g/ogClcLi1ko2i3XGl42WFJPrIop2C4QdSl7HFqDKUbSiiVtyhTsWrCUuNcqV7yjR0XL2k
w4Ai7XGkU7CaTCghK7HGmRycUgaqFFrMrNpvZozQNAwEiGsGoFqPq5RqFyssLTFyCPrwjzeSdgvEXPEp
dQRjDApkfYRGlyVJkshYBG8EqTHRMZeiMq+GYTsJhadfFnTEq40pU9F90zp4Ur0XlOFmyIO73pU0DCy1
3VIBUarmUTKl2TOjmCE1zJc486xsvd188xn0hKEDCmoy9F7KvOuuyetNARZHpJZDzthK4pFgtcUxfbko1M
HOoFgWwpmoSEkrBWCoHEHAagCwPDALAcAWtuTbikiFG0tA0HumnbRgkSRiNJExN01A3wHVs8YRlC
xyVBM5O2LJL2V9BVZXGJRTy2pY2AkUdmHAxIIHsCVRKBCIsRYNxEhAAphAyhANGtGbC1DQNGimi
WEhox8JKgWAsBWC0akZwnMDAPA8Dm5G5ag3JNwiEiALHqNOmnaTJFkikbRFqa9tzBQNcGxJWCwd/X
N5kyURiCrSEasgR2Mcsd23JhAiw1QWCYZYm0RItBajTiIAsMi0BKR1DUeGFtaC0YSwkCiJAFsd3JQCwF
QKgVDVjcgUgsBQLcD5SkI07NUN8UgEnEmJaoIGUCdJMnohSC1SUsOQqBxbXpyeTmEnOrJLmI4psiQ+J
A4RruKSgzqMmk0QANgAyxIBFkUieossMDQCxYDUC2ixFplNYYWIlophQyAIEWJdKSkS0FQ1Y1ILBuQ
LBHgpGoA5tWPdhCE6EZFICZGikUzVBSRYzUz0zWboVAeB45U5WtbJ9ZuxaNWzCIzArKEaxgmJEmZP
ZlTQjHIrUTrKZgEkU6SdmQyGBZDIYDUQEQBbCGtBFs0YUIkCBkgSB8g8FYLgVDWjWgsGuEqA8Dxm
BNhd6FYDAAMBgAGA87o2dQON4uOQ5WhZzHGfWEq+lpQyGR8vq+/pVS4iA2DIZAsCAjyfJ0b+y5ZzgJ
AsQDIyg8s6tHetlNtuAAAARBTcZcawnHAKEUBDC2sMLaKAkRI04EgUAYaCljiCsFRJwBWCwFg1TDx7
BNEvQ4qyAAAAAAMB5uqfVJG+mgHJMJ8tKfpLOqbNAAHLhovMpmBEAAAAAABlHyPDR2jPNkAAA
AAIDyhp0egllNwyiAAAAACAJ+atdjaBAimaBoIphbRQJwLYmEQmTIMQrbVicRqRuALRrBKgUN7AAmq
PRYqyADAAMgAwHnKW9SkL2IgOUVOlIL0WlVkAADl40XkUy8iAAAAAAA1j5iWrrB5MhoFXRkcGWa
I89a7++7KLflEBXEXqyyWgADhWFnPaknaJSKAkChFyNAIEnabRp0ayDwcAMByJOAKhrwViPA0e4ZCZ
C9GivIJw87CYJeiRUpDAedit6icLyIgOXCwB1GVgAADlcvmbHMWwXAqQACmy9a2wohBPqsyZBEjyeq1
SFioadGod5WZ7blABwLVbSal3rZTeMkA5ojLi8mlQWCdIoNAIa0aKEgYgGmRpIUgsBaMwbuCwapChpQ
B4zQATUXoyV5BMHlmW5T9SnSqDAeeCu6gcLwIAOZSy3iE8EAAAObHoijmuG9yOla8YABxjHVX0W
WOZOHcE82QJDmiFjuAHFE+Y4297WZ7XlABwZXbTCl2dOroyUQHOClxRGZQFAQkSGjRbRQ0wIJJGC
NCdikFoOItFJwbdAUjUgeI0DQA5uL0eK8gmDy2V2yPUaVKoMB56wv6dlXdzgAo0neJBtBIN+EA5mlfDZT
UJvodTQyAAHDcNUNRGU5MQ9Fbc+QAAAACARn5+1a+7LctqyrAc8RnHUdNyguYA44hPl1TwIMLQS0
UgthbCGmlptBIgph6FTDgPJKBPA15I8SoRwbBuObh6PlWQTB5bq7ZP1FlQqDAefNd/Tcq7slAAyg9BTZO
wSMjEA5qlfFJTPBPE7BjlAAONFqikZRdJyUPQu3PkAAABgIDGfAdWrum3LaUoAAAAAAbQ8067Y6BL
MBqgkNWatEtNoNTTQCYNQOA8DhrgPBaN8GpA0RoGBsE5H6PFWQTB5eRv3H6fyzqgwHn7Vp6ZnVd
UqwAAByMXdLFUjEA5slfFnNsQwxO7TKAAcempoUonBK1Dvm3PkEiOGY7UUXB4JkE3s9E7s1nOADA
AADCnxUp0xFgCWtGaAWPYQBraY2msG0CA1BYCgNhuYK0Bt+TWjNYYLcRg50l6POvIJg8yo6TR+mE
sqkMBwRVp6RnVc8qwABCHCRo7aKJCIBzPK+EE2OLXh24ZAADjla2glHoxeiPcc82QThypDWQOExGJR
izl3TZms1wAcrxnR8ZvblFBtTigSKEQ0QglmgbgUEclFiItZJMIkYBWNcLUb0h7G2AuG9D3aUAeBgTpHo2
6sgnDzUWpQj0illUhgOFq9HRMqrhlAAAqZT5ZLu4HnfxAOUzRXZM8F7fbSxgAHGkdrADMk/kO455sgA
wAAAA4Ajr60eezHABx3G2lFY8SGdNAQ1QgcSBEILDDEDGpphIs4IomJBY8AoBYBo30JKmxpatuxJxYeJ
UBo52HoyU5BOHnKtZyPROWRSGA4frv6FlXbkoAAHLqvrcs7LeV/EA5RWiHOx8bTo7LMQABx5HdDYj
WKRqHctuXIAAAABgPPmGrreVFoOADj6NtcO4xqLVqNkEAhJHBkNEJWRtpkaZxI0aBs3qBYHJq2jk5dM
dotgSwSOB7clIlJE4cjDoxJSM8OfFc4Eb7IGpHhS6nYbjLmjANbqYty3bRU4CTBWJawklozgugpSJYHS0bot
EQJLSN0SqJHhGjQZuGA54VtsOuUuOwU6nX6kmEnSyxK0WB4lTE4o+yPsZwQCIDAYAkNQOBSSPRJJ
RCaFDoSSCcxuzDUz0HMXEsRN0S1y0SyNsipK2ehwbcJDYk7tnsVNrGJkHDNbISOGob1Qli0yLLdD6QTiL
RoMsOZa72FhTMgSImSNE8gxEW0RIsgYGxEMyw4NwKY0sjYo4CIRIagUGgFiOGeBozUGhsnkDQcAf5C
oahNzBQPSImSfiUwlIuIkRsh+YyoksgkEAPbbq3sDmxyk9Qb4tUzceBoIJsR0ZLJZEq8IAYAB5859sUciGiXF
I0W44DKiW1kNAyGwtRGMMYcGATtIm4iJhBvEUBIagWBIjhmgYBxK7ErYFkMiOG4MWAhToFSvFqUJ
bgnJ1wWTgjPVDRCNyghZYcovigQLI4SW2O61AOrZ7CUahsFbq94IyxVt6I/Eoqu0uKu2yrUCwjA6bjZc1lTi
4liw0mDnKM9x9GyrPFhmomVlKKW6DpK6GrFS0ZX4cuhWgyQ1EWJOBozRmAYP0JR2A4AAAAAAiYe
YEbeg2u6HWAbw4Djpu9w6ddICpYzoZ6OoTPMnABWCsp8u6veUAAAAAADl5bpQq75llARaMuGM+yx5
Vdk6MwABVkJ8J06/QW/HOpRAAMB50V6WAXptZnyAABXg/PtWSpLuuVcyAAAAcFD4pGSLAaiSyDIs
4Nx7h36l2i0AAAAACJh5bxtXh6buqXMAcpK1QjqWVQCuVOjFd1xLNkNA5EjqPZ1u8oAAAAAAAHKsN0z
dd7yygIpGXCmXX1Rfnu62oAAriE+IKtXd92SbyiAAYDgiu5wb7onQAAAK9Dz9LPQsrnIAAAABwOPikZ
QgLAIpG6ZqNwMH38LtQQDmVNaHRrQCJI8six2Dp0XY7gArlSqGMupJ1gKojNmHeEqwFaKzn1aFJHsS
WUAAps0siaVBqdcRsmjq6XsygIjGXBGXb6F68L00AAQWE+Zq9fVV2OUuMfTXCcmclQuTB19OmFpzNr
IV6PmhPtlxAAKsDk8akK/DmkZYsiyDdIyG6Zgbo9AhdrAA8rIt9H6bSiAhyPKpTeSUtZ6PuqQhgKLhO9Zw
AVzGctcXlrUOVoaYmSfmuuZZQADkeO00klSITYolgOnqG3MAiMZclZ9XcerGAAAIVGfJdOvsG/HKHFjT
j454486xmmDpOUKSUrscchXo4UF7iARsPK+br+L0TbRFDKIAMg2yMBkNwMT9EUuzAwHlLFyBv07cQ
EMDyVjOVDkodQC6ulAA1odGAEKFzAEEjOgoaCGPTj1LPMAAYACA0KfCtOyzHX1bdmARCMqohb0N

bQmQpYAgcJ8oUauwNGSVyiyp12p29KurlJIFuOPLis6ideQr8ZQWKIBzSzz4lJqiI004Ei0I4HqJukYDAZDY
PUmJ0yGA8ggn6fp+0AhaPIOM5gyQh1M11y4gNQ2ABqGwAIXCdN03lyFzj0ddnAAAAAA3p8H067RdfV9
2cBEIyUik0lDoWTGdYCKQnyln1dV6cktlFhToKFvTdlLKmlCRtcVxt7UlVkK+GoCciAcgSfCraKLTppxFEc
AWBYm+RgMAAOD2yiS4EoeIQ+hA9QxAIWjx3jJ5HYrPTqUJIACtU7KaARCLlckYGApai4skQleuigAAg
0bEoJkNw+ZqtFoyp6luoAEgcDcnFI3TydACJwnzrn1dJ6ckjlFhT5Mru7RtoAAMBwBG3v8AlVkK+G2BaggH
PAeaTmQmQIsZRDUChaA3SAADAdUI9P0AObA8r2+l0vUwAEKDx6jPdPsaUe8XEA0BQJPpUgAr1SUhO
XEBD4TrCux0auu6kAAonPqiLbOk3jLHPJVdKXUAAACBV2oh2VZSAjMJ8+06ehr8silFkT4xqv7ouz5AAw
BwmrfQp1ZCtB1MPqQiASh5Uk6iGQ4vKkxkCRaBgGeRkAHTCPUVCsADcCEFIOwACwoQPMaNnr8650
wBz85RlPqcgArhSgin0FKoBqFH13nouu2gAAiFViMG1hjKdqtfpR6NuoAAAFC59EglG2rqQERhLnmnR0nf
nkMotCfH1V3YVtDswBWafKBPvp15CtU+F1L0xlDIAE4VCD8HMxPh9xIRo2ER+UchkOokeo6AAAAAA
AAACkg5MjL0glEAA4PlZYIur4wAV0p0ireqpZ1IAITGyFRsuuzOAAAAADAUDn07yjfl1AAAgT5mzabHs
quG6oBEIyoSm7o26h9kmtHLVVvQtlc0kgFFp0CS7xcMhWaflxGfoRKPRbiAAAAHDrlxO5J1EsepGNNZAB
1Ij1IQAAYAAAAZABSyJCFjsARcOCJW9BKPTygArtTo5W3u6p84ANArOu6zrKcgAAAAGAoGjS8yjc1tA
ABW0J1RVdY84WzbSAi0ZU1Tbe11LxJN6KAqtsqcLFnEBzYpVsPttwyFZKXl5Gwhvu11dSuJoAMBwu58Z
FyQoKZqiMpBoI6lD1JABBA8oiWQ3UurSPc7iAp9HnLG6yZwr6ubjIu2wljJPFbqSAG8lJoEpE4IWJbxkvFhN
INjJNUjQRCGFCaQa03yTkg1G6bghU46tbgoBU4qULURkZLFY24UMmnOEpG1uFFt8zkmZxKjoebMlzoXy
jAHOrywmLQugtrQI7FYDIupQ9SgAVwHi+WYIGqfZ5H0UcQFKI8s4abqsqpmFich1bY7vad1LEZImI0z4yd
k3dJyiliHFBSG8k2DZ0yJiUIrbU7VWFBuJPOL2k5ITpp2ESTg4qhJRrw2BjkNqeoN00eiBxjMhlI49JtjG8lpC+
P3c5Wr8TqMLN4z0jJBLMmlHRJkRgMivgO8VLVqHkvNSN5Ms+A6cUuyiOGq1jPh2N9i2Z60hdOXWwRt
9HLq3qJsmhJJhpE1KbrFukE6RHBIsZIGobWIRx6a5n6eO2sWmY57S3E+QpacUixppAYpEjksgYDbIaWyA
YHFtKmJOhq9EmIV/GREo5WlAkyzzopVbEw2qhcQGYyabMiWVWgNUTAYDYFMdBEqTS02NiaWbeNh
6tBHI9JZ5dVq6utz86U6ep9GPiTPr6xtp60kjFINJ00hItN1qm7RTkI6JhPQNgzJFi526OandEWO2t5mSTm6Op
cOlUxQRJkEtYcixNbD3BM20yeR7CagUN8812VBESiQkS2HxvZbMyMErgrjoyS2iInFLKtE86eUdRtUUAw
ABUr9IzkWH2m6ksTRT5zVq4eCouUcqUixevtKM22NnRF+PmOvQxOr0o2eb0r3NNHYym+3ch90cFHR02
DJ6RYlKLuKodURzehMan+ry6+7ncZv1ddu1oaeej5aRZrehOL69Q1sJwtwzPZ5aOUdmF0d7RgaW3cmS6OD
XuD22zi5WYFOzyvPuft0xl9CUhLbgSafN7ZfVEF2jrbt3kZFi9FpV1Gadbffxm3T50kgGZBjSAAACmN8g53u
7f8AKfTIGAjfR8HWfpfnhSoJZJTV0ro8b9agAAAAAmHq/mjo4hyD5T6ZA5/s8j3B635a5c8/+60Hxv14B3n6j
5egeX1HJHB/eQHdfpfmiU6/Nedfj/rsDAOft/l/WNjd4r6cAAJho853x7H5O5g8/wDufO3G/YQAC/ur+T9O+i/B
/OXxH2dglZ/R8BAPV/NUd8t9IuXM/QwCHf4WJen+bpf5H6vWZ+4l08GF+w+U535P6Z3xexAVl635gZOj4
QAYLYcYI5ABgFcdE+4H7bYHC/ZwAAieOkfafIqtIQuPr6dx+Q+rgAAAAAVL6v5m9EOj4PnTxn1pFM3oci
9DPZfIvB/kvqViq61ka/Iegvqflrm/kfrfIXC/eQHcfp/meLUdvkXz/wC+gACn2/y9vC1H4v6cAADSv0q9v8Z8Xe
Y+j6h5/wCggAF/9b8m6a9F+D+c/h/s/BJP0PBxb0/zlLfF/X5kNQBk6XgYT6f5vsPx31kuz9xLo4MK9R83z/x/1
aBtO3yNX+x+VDQ2EYGwRAjgMhgFsNNueS+oJBh9m1afPOub0ICm/X/LKPR5opTd8vft7yf1SAi/R8Ctr3Pe
L2ACPem+a27qfn1ucb9Zivnv3wBb3Q/P6h5/6AA7e9J83Xr0vznm3j/rvH3B/egHdvpfmjnLk/rFP4PfgAA9r8vn
wsI8b9OZFLb+DEaO/wChPr/kziTzH0lFc/dkV3IjNPbv7r/k3Uvovwbzd8N9oYJM3R8HGO1+R2B5T6YAAG
Xo+DjHpPnSZ+S+q12fuItHBjPU/mlp6f56oRo47AAhREBkACmOq/PCfZm6urH0n4FZvm/3vzJ6Gvbe1+N7bo+AAACXaPP8Aon675Ncp
V84cb9b474H72cR8f8AAXq6cr9bfsdTKtmXQAAOxvQ/P8A0F1vyxY/61z8w/YQDLo/v/NCGGc3exWp3vmHWlo3/vH8BJXrt+vGpxaB/kP5XUmV3/MGx/eQHeGb3PZTg7WQm2YPcK0ZtbWLA4NUj7+3yrNb
X/pKx5B+vd1oBSwKJV/nnBdaIXI0I4nxGldbXuA2vD6+eOxjZqMTTLFg9APJ30ox6fNT6ujy8v1/H6MPuF8E+2z5pLYUfZY/+t5q0dHfeD5zy9gmFRPbgm6FiC/FF1lfXhpyHJK0oPTWNvLJhlcj7qwXG/MhVtRI8tLpv8Nz6tXGhtpFWOZAAhHjtGD8nb1P2r8FjhQaXo3fDQCAprngdu9RUqNQwyXhuSRw/xUtYT9AXkf2HMTLDtV9kXo5mzW7S26Gz0UxDpRWfTQ8RQKzUBUQEIeWCuDfmAE5Ko5iTlI8qj3rV9mejU+62ku7eB0XsWsx53q2d+NdPhvvR2OCj4aVu1i5Y2qH7Fl+ZxXCZw70o6IuDbKeNZf6rK0vFdwOLQWcVRbDHVRrdAd7wWlafrJIT+zt+fTuV2bc8IJ1yr2lR9h1Hw0ZctrBhwjYf2SdqNP+9ihrSRVEk8rUDYvWDX8Zb2B7Tqyc95vQbdj3Lf+T4jKbJ4Ih8Ebf4bU+ZHqZPy0+Ezv0wvVOzp77ku2PqbNIuoU4KABI5Ts8NwQNX8j2+pDbzjgtEaoO/hZx4hlHnCBsKTn2cqvBwbRMCsO8mU0dxC9Lb2J+qxGC1vQXGF0xPhPR+Gu4kPcGSB70jGrLwK9n9aAtVtq5oWGJ0i7H1FbqWwh3Xq5vgRVvSeE4Cyng+VbU8u2AXoGV25L5XrKdZBxqjI7Ot2DQYLRnq9jV9gq1R0kyH1ykLqSnkG/ebbOm+7q8tSMBfBxp8RcOGE3FXGnkrQYmghqI7n9JDFk6B3eVT3lM3xxhiLwqlu3TTlXFHmYF0q6lvBwRW7nhPc3w+mvjL15uSoHVQfd3ALe6S+eD6zX9w1XH+b/c38Omp+5xqnaDcpGvO9TBZY5u+7thGNLp75RxFwXXqEqoKnAnE2/Es6Ig9DA3TWsGmZEWH0cNx4n4zEz8vXqnBE4V1h7xXvTcRLtyTTXVo/J3jEL/zjkKfrWvDVdHTYJx9hxDJA5nQ4YBPCc2EfLmwO43UmTc+JVsPlPnVf7zyP0r7M3gXvGA57Wdh7njAAz5nKiU7hW2DGTe4eR8F9ezuDKsmBavS1c8+lTsdvjo4zj8=

4CgKFgG2npOldpCtknN/R7H89+7gKb9Z8yRPpfn2VZ0T4T7POjpa9HBjHR8JO+N+sgIf1vyyt/Q/gkq5f6nZ3
nP3sBXHofnaT8/2Mg536wAY+1+ANO789k3D+hFmP3oDtv0nzw3w18aee/fAC+WXuz3vxpxPyP1aOeX/AH
8A5+w+YHYsi3j/AKbyL1h958T8D+V+l6V5v6FOtPmvSf2PyT5p+N+uoVn9Cy9H8yh3a/FrK8p9a5GArX0P4
LD+v+WXz4f7LySedvha19L85yXyf1asp7KHR5+B+u+Vpv5n6Mc+f70BDPQfh0S734wWRLFoxDR1HOuZ
RN2x+nPr6yO3HFej4FJZi1FJ+d70+GwCbr+LJ+d7xFdy4n1fzNZCaynuzLm+pY9FTRr8i/4fVPmfoTiqS6/xSS
edNDs9PT7FrXZ5HfyZBbzK8x+oA3mznoet4bjunuxrn+q1jF26XjpI5dD8z2UgiXn1fzmusfqYdl7shu5c23eN5j
5vvuc8vXjNnMh+nzp2L20bvo1Y1a/HEzxzPlfork4X/bx6E0+casftW+2vEqUu3xUgy98mrup5RJswMu/xBbhpJ
ag2V6VNd4LDYz0cW+7ngZRWU4gMhgMBgAAA4kfG2b4NsY11uFab5pXXZOcV9iU2v0TMjsvqc67tWIB
gAAABRli5Rmo/W9IRfLJTFvriCn8WAAaoAIYy4Rx9LlvJ0plbniNtULsparaNm19Wg5SNCXwfSM83Mr0x
GdLdfiWQ0OMLG67GVOtTCwBhxLlDQNAa4WHxtA8ksiTSoOVmriQQOVmHDdS1cShaOOgshuOf8zpRf
ZXJMtmqbdbByz2SSqU2hZIVLt7pYLm2YQADAYABRli5gkmCDJgnuxzBnQSV1VyAAADbF01n1ecPO7
Wl1aaVDDNayTBfldIWLK9CNiedbw6uk410O74POKK3IYSUqaK3HuGwbI2DRmoYBsjI6NmoYcT42luKm
NylWu0a9a5orLVUYJZTKM2pDSUk8o6uMgzWs9g/0WOFM3CMVFUlQ0zk7O30L6HPvzTjAAAAABS0yl
GqvTTwg6zlLG70Fe1byADCI1GfJuHoceZejZl2aricYtrkqSKcHBOPWOOWVauuVQO281/Mt6qGSa78WHE
9TJnn2ZsGwHxmnlABgG2LMU8CMJmxmVKC2Gtxr0vsI7RRL3SGuhKtbJdlWQT1XIqsTShl1sNkXNQFYf
KMgxhjkZOaSc/Qzdg6C05AAAAAwHONqodCFNNXFzslIWrnF0HXIAAwjlPB0eXM+5NFweQ1zSiucztpr2
2uPW1EKWrE7g9EPSTJfw5qrp61JJ5cNAjuPIlKtUoRTpKcMMwhCjdTw4mKZqmQ61CsWRudabnqoQW7n
qunevS81aiZKV10xic57gzh1oLK08pLZ5I3OSWKCbgTWOzvXoYb61YwAAAAIZzNYqciEJp4xdJN/kW410
HVIBoiu6LuJub12RTZItrU0KkIkltorCcYptpnkK63saWdMjF2Plu5S101pbUdG3Zhqm9VaBKpE626ynR1kur
AYBIGQwGQMUtHE0kdGxZC1fUJLbnCuR5pd6tSmDeIUu1FbnXee4OtebaSRSBOKSISSMDYt716WG6tO
IySAAACCSoaZT8REmljFyk3+RaTV+VSAaI4R5fYqGjRNokaU3aJCKZI7YxDRGOyrYdtZUqzEbxsd503d
mnz9pi3WLJWcrdHBJKjI1kLW+3KBFOvUQBOGQ2TwzdO2nF9CilNQpqa2itgvru2LjozUK59qTtTQyT1J5p
fTFTECCmOMUvg3mElROypSkdM+oNmG1uhz1E695CJlYyVUpx8GqMVk2/NWQy9KpaIpzHs87MHWuB
QZK7GdxepV0+SiGpupBqLNZNQ2gc0FtcsjjPhZHrJNFmdLPNsXJZUSWrQVKTeUt1mcNFOvQQAsNkzV
Zq4gOmXB/CuQulSkyUZko0m6Ky43Dzqjcvo3u9AXK17qpapW5EVBp5NcJdS5NW5HCyVQusqm24J0290u
RKOhgNsEYQiSrlEXYxxR8m9tWFIumqQChMG/nvJurWm6OkkN1L5XXDIWJZzcXNmu0qIydakx6bWG2p
+px2tPJVLvguqtqt55MqLUo12hBVlKdZ3UJ5V6OGhHAgGozlPdTwIl13K4yMIAE8CTJxFqfpwElI1ZzWpO
ELnbM0t2p9z1bxtOgNpLWydlSqaMlsqrcmhORxnPITth02p0eXJ92FVekAQSRX6GEGYisG+SU4kXDVJNC
XOvP3cI1bWpSnkVW0SZKRdNj5TJFO9NdfJaBvlaw3Rh2uvd5JjPmMruqzVQ1W4D4zXxlP6NbROqD30ZS
STz4AAAwG6lhrUWAAAMgaPKejjJ1OOAqjcW4nKSutl2N0pk1TmqrsLLVTUqrk2Z7ZtQS6JLIymo56lZ0q
Z/rxverLjVVW0lXSELEkR1kPopjItiuUfot8oM3ThLTTCb1TJ6rm8Zm+VTEtCuNhMm1aL4vpgjlFFKJEsrdfx
0M5aKxstyqoSl8ZKYkHurQyhkSaVIABgMBkAGAAToJQBwQAJ0DAAB9CCjyKxgqCN3fDp5Mr0PEjSFj
KWyFwfoWU9DRmmThBHqTxXOZ0aOlsd7ao2XKu2u5xGXo4KzTIa0iPTH9qVyLIz2ecnL7XP7ZlSIU5XU
joSJJusJtt15UrJDTWyXXHzcN0tK6WuylnuxgoURsZL8amGoOsiWVtnmMJ6i1ccCwAAAAyGAAdCBuDwF
+hz+DCFkJvgRpqbhVcbKxrsuCZfka+eHchrl0NbVSCnPyHORbVjRbhupLatsy52628N8RnGaUWXfZR0R6fz
FcgkkaxT6x9YKLqA5HW5FVrVtoQMf810xxtNJ5JN115FlkgzVOMXENliaSZL0y3c9BPLq4OVe9vsx5TcK9
25Bnt5aGzNlMBhrUQABkMBsPAshKQyHTgc2hOQngbRsjsdNYOGrrtKN1Jq64U4jGuWSUTIlyUvIOELKT
uzMhJRC1ZVpWVXr6dBsUZGcyolM4vsjp8ZTuwtzNAfxPwRHDs445HZpPdnY9dB0ZuFNjjVNFZIOesptlw
vgOFSInJNKMd08kiVJUqsAW6wjDRqtwItw2T2GU4ZDAAAGwZGYpagGjoanCjrNmjiOFPWRXck9WvFN
2HpLlW2zxGqaeVOw0rp0FozZNUpvtd7UWOFNxtc8xZkGcTPFLM9zHbFQp9QvN051+I1MIB9ZvRZy9yOr
z3Vprvo5WPZi3JK69DhTcprtXjRu0qUbfpzVDddl1opxRTysmjBgWrQAAAyGA2UtXHI8CyGAAANxgAAD
ISzl/oU+436wz6vNOefv1d6L8HnvH/VlEJs+rh7RuNhob9HIesfp26/jnw0i7lqM3oUN/EMjfkSqA55u4nv8Un0+
Wj7S2Ls2mxlmqu353emy2KjtHXzXOUI9VN4kqpxbayptp6NsK2Z4x1MKadJZAxTPja506djcbG1NOoiWRX
CbvS9ldGNnOSSpSzymKzAi3A2NpUqj42kyqwAAAAAAMhgAADIPmP09s+a+gYx0fCv2L1tTem+fLs8j9P
JbOfgaO3mlypPhqMVuHFzzdxq1efXUdciznnw2J7eWqhBXm9ZHOl+Sw7o/mzlXKy6LJAowC5Vh0csqy2z2
DtEhNc11dqcQlXIIwOhKpHOF7aEWmLVpyN9mTVoAAMUzo3GqzJLdBqH3NpY9NCKdCeWdVDWYmjs
zOFWxru56iOhLLNkMAAAAAAAAANQUzdPdWFyrPjcRKnKkBANh7KZoz1aW6t1LIOlOx6pvXVzBoX5
62W2CB1uNdk7y2vKSqUad2UMuiq2cl0kIxhqxqLS67q7lB0dKuAyKdc7a23TDeLVwUY340NmXAgG6lkM
ApjdgRysTyqLcNCKyGxqvbbqJDk2xrZzVFc267IAwAAAAAZDAAAAAAAAbj1DAgBikarALRwPVoadK
NBpre87k1E9HNhstTPKWQdM17nVc6pnlTNbTEttNl0znVRYScIZP51zGi6kYWSKyiMOLZCyGXOq9uZ1o
sLquw20a86C3KjspA11dk8lWQ4G1XwuQsq0t1udNZTonuWJZ5nzN0mu/IdCSC3MBagAAAAG49BAAAC4
wv0I+CIH0EgPoJ0Ow4aNAK+FKjlaurm+GmV054a7+bK9JFmZ1hKT0zkSb/Bu0kqSqO6KCUZtFrqzQfRrj1h
0+Xwfxtkkzdam9eaCTqs5SbYyi9kbJpu5zuXQtEqlsIRdUzX0dTZjsEi9o55d/BGzM3iUEm1rdxea7UwR66jDE
s85qmS6wGAAAAADYNQAAAFjBbYbhGQl4VMHSwUeCtSfxQuM7ha0jfHqtc3dTGEfic+Si+VaZ1GmTw
SOUj6ZrIWx65OsHGayNasdo1afTnTgkOzPyVRbzThu7l5WjnWju8jd7i3KVuELF9VnMvRwTGmx7zaSrFIE
mppnqdd7a3atxfVSwX48BgWA2TyGjWyaqN6eVOR4I6NYAAAAANg1AAAAAAADceggADZNerUTqyS

Ww13TVbjPbT+yqdUqMxvlWeaeUGbRla7KzETTLpu/DrpbdnfM2hrszXBj2d9dXkTvdkh0X4nZ9Z1cu+eQ7I
5XZ5wOpVPpvMxqVfbOa3jbZX0NVPna6pyq0S6qyQ5ZTO6jnTQ4VfRG9OVpsznJlNAMAAAADFMtwMU
sC1awAAAAAZABgAAB4BQBYOSEQ5G1DQ7BCBwsgdOuWxKy05cjmuLo1Xv5Mor2R2rTkqSzpR2U6N
KIXSTB0XNSjOnPYmady4tXbF2K1+3ygHN9dnlTDTkfcfOq6H4HT56x+ojWvPTnf8APM0qydFfWeefEPS5
zI7O3OXuneLW6kaxtXKO+hToyxCyhsnXqzAjk9ozLkaOADdPIauJYg1qAAAA2DAAMAA6iBkC6AUAQF
ZqXO6d3Shcab4FbZeqg18osThDTKJZ0kdHGhMxVIJ1HqaiOtZTtV0s11S6p35zNvoF2vPve2nYWwc3VW+
WtWosOgsse2PNdTnLJ6ejerhs2eNs1ZKc6WBVZRCbao9fn6u53R6r5XSjbXGNlsE6lj1DlI049qyI7KjYyURko
jckkIrcpUqsI2JFOsIwzIYAAAyGAAAAE4B0BKE1CChoOIRtmEqZQBCmno6ka0ciZh0HXso5DpEpmvRvO
qUKCWjS+1XthJQRkdVkdvzdNcfqdu93zT1rgrkjHGE1T8gqNkcb7AxV9Mcjoc1rrc571cvPsseNPPHVwQzdg
j2nNGrqTk+4eF3G+yrmXRYhnZlZUE4tmnMjsylOAA1W5Rq4aOJsbT1aRKkl14AAAAAMhgAADIHg6Axg
AALlZIVKISpAGqZ8dCeWZ1hpfcnRSOkqcZqVRdSOpvlNVswhN+TRiQAy59XY+ei8e5xpJrrdXWcwpHjz
VqrWM/VbBVKuXuqHB2ITV0I3elujFkcZvpiF9cM15KY7HCe6r+lub0OYelkV16HCubdPO330ppVlOvDWo
gADIHRu3GTKosiAAAAADIYAAA2C6AvkOaQnQNIGBMggwbBqCCNulW+4a1TsLESjErI7IWQsXxlK82
iRpqIzwMuUXiqfTPPU638+1u1gdZwMaT1PzEhfzbcvWfgaI1x+/VGfrwLTKvtlOZZ1cqIvsxutudvHXezBHtv
Peq7WyawJZVqPVpUqSJ0J5Vp3XgMBsAByp6Gzg32ZSXAAAAAAGwagAAZDqEJgEUC8giYaAYpIxTE
KaVktrtLg63jbUFWltupT2V4IuNV0kx7XqMnVSwpqE5Fk2dNV5bM6HNnPQxvl1KgRCeql5Z4dTHOPpzKg
3n2VByO9QUO3tOmxTHTs9UetrQbcUVvoY7KU862/Tla7acCTzrMUtXEwEkq07gEw0cpZGdDQcryypFZl
KcAAAAA2DUAAABcoYCFAlUlCszHQ2yq1ITSq97zbUyTE0rjKJ6MzRfkMjY9Z9q+u0+E5fRpjOihdXfJa3
dPP2XBUp10uRY/U5rtbXuLcCkefWDXEprvtVo+XsrbB2KXs3ManKrMtuSxx+51pcP8Apx6uEbptrGNtJdbjst
+QpxOUj1NLKrQQbOTynhmojFPAtlJPKspw1AAAAbBqAABkMBsNfXrWQ1bJnRmgtyYUllVy+qa6DOkR
LXj0dbhXqeqNpDg325n7NrQzqsLB057knGZWTmi61pZrM0861uxyXi6owWR5Djvl7EdtXXUowjj9KI0bojH
TropXX53uUJJKlHYkLjAs+isa7zmZrsgWzNH78deassP1ZUNkMJBh0ZgC3HYZilq0EFuJbjqAAAA3HgAA
ABkDo2uNe5RC8mVYFvFqKrV9VrnXIqUjZDLbkX16XWnQfEmWeccurbmXNx9zbfS5Vy0dtmUk6tqk23n
2n0uXK9eQxmsGmrnyLx+6snV0/s5cWxaoTk6Mez64vC5FdXOdOGdFTRTO6O3xKB4nalXTwc007axmyq7
21WsFtRF1Bd+ONXUxy/Gx21AAADAAMhkDVIlxwAAAaS1DUjkMjMU1Mb3jP09WKYTURkqjCyM1zj
Voh1kYnr5jvRol+e9tadKrElsLqxW1jszSfHrry+T5TZJ4OYRfQennyGdEk0ZZBryuuihTOBjUS53T4ww+gvT
PnvbseeLnGI83oF1WiUGbJpT0WSfRia4zRE37rYOaMe+Uas1Dx2SiixbXYyWSisLaw3ZGDTkjunGqSRWU
Ri7NgMgAwAAAAAAAAB5MojgWAyG5Jxq1vmfqaifqLLOzaCbaEc2qhQ0xHprFF6qm6D6IMOjPfnPspbTf0j
gI7YNkrmFW2bSr1sw2XrwpaLX6VEl6eFXor3a0hKiub3YBVfcvOU37XG3050ua8UvBNLGSfHYulFphaxU
3V5ddI+lzOCqep0nHLR5rTScmi5KoxO5QmwbbccaurhmvBo63eFkZtzlNYEAAYAAAAHqZThqADYN1J/w
A3SkebXZeXRZVbYJJTZQxactvWwk+dSWiZ1NiaLlMom55qIzqF6JXXFgscgipTfn0z2R7HtmcqH3Vmd9m
aU9jn7TMMLqsqLJ1WiqNmFLrqyJRN2DW18vakzWoapyDRj02xU3xMmqf43WrDWRqxUb0YWVQxKKO
bhdjklbfqxxz2wS6Fe9LmtF9C6uaWUFMqYDqxagGtQ1EAwDjDTvFbj0aJlFRXfOMPQvnl9Krd+Rxgpdnk9U
2dNSxRlzsPTmsjTmVWVx7PokMqnGVTfRa10WpbaipwwMnl3xrB0Ge6cg6eFx11vV9b9rzqJIiuyFQ0QNgz
X2nXAvVkSZ7qz5vRj+TabAzWRNaUjiky3vldkh3Y2Lq4mWDj85VgbLWqqpvY08omEb4wJrlOA2tzrlH5wr
3ZUgsomVQ40ToPucVBZRq4ai1EW061bUU85TgYNbXpm+Dp9Ree7dQ9HKwX0S2mMqpsQtZijoz6Gsxw
HJrZceqyCqzKoSS/PM/WcCIcTpRPi73To8xf2sOsJ6a0ghadjvjVG+UdTnzzdk3rENd0Ip3wfOiWrKnFPbn1om
mmoNz+hJLKixRui5upvuGeB1qlUGLrc5ar5nPJ0PpwVty+nJM6Y9hCsmyb6cMNnNl2EJuhANFMwrayq1hn
CrelkmePdqq6k7PAb5wLcC3AtxlGTtMujnp3UojdI8u69+J16V63NkNNl3YdMKvg/wBMUd9EFuk45b7JjVD
LLbhyRsbOyeR0emPXeTb88mDJNBuz4lE0bfg3myca0WEslOrJJt1JqtkVuSLVa4fZBkB/qa6uR0INzlHcWva+
qKc7Yq1UvN2d0cJ/ZTJ9uZXmmycPfDeL0zoOZeu4sW8v15F2sELw9BPIjKsk/W53PXP7VQ6JQnTkkKD67l
NdtV9TCmshO8Gylu1wciSzoLcJHTuSKaeUEk67t4vWSSjHtFMspsJT6Pwrn3Y2S+myK2ohKEl7zmn1sZHjz
fSt/wBN5903ZY5xdrRKDZdBX3sOznEeRvhnN60ZlKDX39BdDi2P0cDvJ61Sh9kWVjgJ4rtcFQnouYoSjatjG
HXBcemmb9EqrrlxTeFdV2+m4b3rpUxG3ha4V57suWyiX+t4tF/n3r576bjVbzOnV8ptOqlRVZSW4j052dy9E
U2c8id7pTdXu2qWZZ150uXXHT46+rRho8kFagnnNjC5+L6OpOxwV1WgKV3cnfmVLaps9iv3JKDaDqC3F
LaJVPwu30/6fzMG8z2Z33OTVvA7FeWNNto1urUSrZdEHWm2CyubXZZdue0tvNkF0Ecyv2LopygnOSbst0
Kuiby+o01kQy64/bCubLZjnqPrnbVKtrucuMcnoXVs5zz0MjTytkN4vWn3qOEyV3UH5j0t0ek8/UuTfAdlVPT
vnuN849WKpQsjBqrHo4ALMb37PolFS5173Hb7coE+1Sjt+XJZMMW5wq0KIrQnENmOx+fqit8bP5fQheh9
D157Uprn12eH8DrXj6bgsHG6Ffef616e48vRfkfQKr80T31wi6cGvjKd+G5p1ZyaY7XpdtOeR3Z5ZtxwyaQU6
XFQXX1H5rHuixgmofl1sWTUzwbtNcs3XdWVZJTbmkeK577eHirx/seoM1Fl9DmSHTkTwnEK9kSw7rr9h5i
ruN1+c6Oi99DBWtsqq0wZLqbOy3yamypdcFrqJVRpbe3K3849GuNa8rRopjOviOEL08qp7zunOMHUqzqcqX
5dUM15eieboi8dD/BUzvjbWO/qirHRmLo9DPFOXVU1Wu478TdkugML6FutGzI61tj219JdTlOGLS4xnGa5k
aq7j3c5ogMU2GNcLnSCS5bnatxWFrnBpaZv/Twl3R4w5vWu23DZW/E9ZZzC+rkLz3rLmxV332uC087a9dz
BD+F1FM643j2k66azza3nqYKWvnylrJ5VBmLbm5uug+vQ6qMftqa7MvUPF6nO3UyuNGnQdS9zyoFlM+M
7c5Pdrzfz5Hm1v9UmiS6H5O2tdueG3xtiKbsmp/nTLraq5zbOjc+euq9bI7L01cynehXStOpXXDqivNMK5OhN
qnKGWkttotLZiTaaVFkGeM1BHMZqanvVYlnElWFyrzlsTt1TxepTK0X3fz7R7XLkwnu1QvynbNU7D9bwE

PM0Cl6WSIg2bn62vZCouJ1pJ6Lj8d4+hYOrM457XbJfANQw31xrVXBrFcvO08r+g4i6FrznugPR42RgN1Lov
g+hqvoYUkoy7Loi2qm+udoiNrs/BrgG/E6Me3TQV8m6dblCdx4dcyRDrqpsU3Sq2HHpYs2iX0znE6kdr1urm2
vFIt+NKgnRBXOLdCShSXoKi9kN0mcoqs8tJFLcHsQnLtd6q7338l5kt+pWdGTTj1oeLtlvQ5avfS25b1Eq0sJl
7oawIpXbEt9MJz3vrVK1aqghpkZCP313RQ+fduestsGjRgJlSlcMgAAPFd1i4elWm/nTbLqRyTfKNu4dKRtmu
fQWCdT6JQy2F71Rq+Uz4KGw2WTnttrVzqZq0damW3NuKK8zbupTi3M+6KG/Jen0RKsRNqWW0KLa2L
Nq3yaDnWx4dbfmt2rauY9X5WLHpiMNHPtutwgT3ZksCmFBadVkZS4uny2znaanw9VyspsDbzdLqWWFln9
nmQSi6qo2Tq2FSqdgXUweizmx6LNg32dPJe2B0LXWnQz35Ydt44AAAyC+Nkyz7YhfjOU5tn0TvJrrnTR3t
wuhxB2sZkLSLabyok4RdHWJfG9HZGxMOnqmWTfNZP8AC532+ZjPJpo0LNVJNoXFY0QZyZ062iu/TLe7
Rilqsaq5xqF+8q084x3Hrkt9LFYRDJouXscqBczpMmwswzweOmF4tzOppyuK7KrIlhpC61kkpTZm6wjm5Ohq
vO3NAXKuLE6QGSSvmh8V9Gh0qub5xb7aE04M9uIAAAZDKZg5Zm2IpQtnmdaA78Enz6Z9nvxbCc5rnStl
XUt0ZwGZY0IutZZqrdqrJ467D6/NhPI6KHJfNu9zI3z9gmGtY1ZtJPRRMvgdlvc7K4Xm1V9j3JbRURbqrG+I
1wkr1Z2OUne0ba7J9fkicb2qu1VWLJQYrBgjaonXGqLkMoSlVoLc5zeGraVVT3TnpVH7quQrJ4lE6E4rr56K
dO5JJKoAAAbJ4ayC6F0mza5RRfvbBLXc+03yeNjvCx6Krxnjh6k2VaHSMDclktSsrTRIXUbKDdXfN+tzue+
T2nDXTY2nFWObXBIXHuNhWUTuVSSm7DUPheVXZGozLrs2sq0lCV6M8cjbcWvBG6b6cy7ozZOWEIH
VeyWEodaqdNqVQi0bqfci7qq0si61zb7IxuzPctasizPyhc2tXNFlJpE6NkR1c5NKGQwAAAAAZDALIWFST7
VfP8e4qcVlVzzk3SGVTFODI7Hd19MQrhNF/ROjAqy3zW/NInU2KVJZeprTYboqlW7HVFWxgrmsFF7ZTK
uVmX4mLPoVQm0XVOdMoVG20NfPSSdDZuhKCDnZTWDvSwvcs010qdVa41RlduerL7WZ2NlmaHF6Ky
myqB2g66sT9CLrXaxdLj8+7cqyNjjRpQ2U6yi225W6dW6ejWwagAAANhnRZTTnC7ZTQWVSqm+08upA
m+12RVaZTn22ksiGQ9ij1U78KZ1ZQ7uCkjpGdR1aWOU2ucpVpxvFkadx9NbXKRFaW+C9RWSCRKkjKrE
Mm6FaGM6qlOHzc+yaF8FG9NSyoWXVRZSq+c5PKppshE5ydYjBfSniOUNJM8u7ywrXlQSqTNOkLkMq0
7reVJilWoGfCbNbSsjYklXgAG6erQA9ScoWIJPUg813oZ1pwtvF0JZn1q4TWuTISJhOUkZ1CDk4OMoOV9
Mfp0zKttsZxy0XCjMbZBEkFF1bWuZqte1rODg4woJLVY+3UwphNc11Uo9KUTmNVkHiJIqZRq2uHTItbE
mUSpNZVfHr8qhrSzJX+vnGiOjcQ4buCqMmqdW49kEtaCVqSCUMgoUiHHUADiF6p0PGxJKu6IzqtSTuN9
zrqWjamHY8663q1ukVa1lMFzbZtGdiuhuz6dYWTXfzazxdGYVW2bZnjmfWVKDzryERvaMutf0OdEM26W
kJnq50Ry9DNdk304oQ7I9RcaNIhiVhEqVLSNOSXYmGvQzKyT25qzLTmSLTz62q2Q7Xz7Ksy1xDSjdVsT
oquF+RzWeaDwuSDbbM6uFh0ZsNtC6FhTjhyLcCxYAA8p9LtcoApjO93GgBK1Z29KvievRoWdUSz8zR0H
V2WKKBQvlVcrTtz1Bl3yxq99OCKYOi+QsuXdzY7k3nJJtOc2vRIpQZE47G7LLav5kZwdWLaaJE6Yzk3tN8
Bnt0gyb6D9GSHY9zBdVa+vn0ni6SC2Et1YqHr0GuvqHRl48WjVxvIp58tz5H1ZE5SkEurrlPlEmilVfaKMUk0
oLozMTTShJK9MWszYYWIAAURmsjJunXkJBVeUNDZUapulc0xajkpBG1ZTNnlEK6aQSUiorukULZVdRJ
q7H7JoMsgt0UzyMXKFkL00y+MdoWw+UXJDtBIJqN1aJGqY/c4sSxRdXViabEkqmCpbfCKqKGMzra2yU
HSqxNbSx20tCsdEjJ1Q+3OoTlMZxCVYakddjPOtulB0rs0Y2TqeYzVxsjtlGykGixYBTGSaUTFJ4rubp1EMN
Unmu1HOKNj3Voe65tKsIlGXVWkJNrknashCemaaNj5ODsJ+z3O7hPp1Zha3E5HbQkrlJFZENObauaei9Buw
GxtYsepivrbrYGUXNpFJbA+TQ1kasgJ1tkbcSrRX1M8TRwdmNE641Oh7hNyHDp0L05JG6JToIcZbXezSg0
yrVxkY2gcAGQAYAAanoLYeBgAJ2jahbCbzC3aNiBmHGRVaMRFQzIj7JLa5uNdiGSmBNfCDxGZjJdbWh
cUGe5HdCVW5nSi9mqvQX0sllckw74HbnKtgii2WFjJdQ6sWQuiRBDdU3MSxkisqcJRY2EOLs0zSrRyqUJb
E0cq9CL1GbFOrKHONrbKvRxUJhMpxLYAAAAAAAAdYWvUJxe2opwkNd7jGcXmHKT1C5fCbdG4pxdk
pDEY4zd6L3GZtOlNXNRCUgmO06XOq9wpsP1ZHWEV0b3SEo5ozZrm6KxxkQKVS2DRxvK0Z0BXGqb2
6wj9taOp4lFynCPyWkZHSS6UITOCedUnTaXFklB+jMxwisqg1OoXRFwSOLihUrGGdOQVxkilEAAAAAB
6kBENGDk1V7c4t0k4KxfXcqU2ScVsLpFXYRGaMgbGUmbec+tRTe1zpf5x0lQqpum9OldqxIYuVxnOBRT
RiaKNamq3a6ln0Zn3Jr1hZG9WevZxFNz0xFbni8mxxZs63tqGJlhJJwiFkGhN1IurUGsowEtE0yjHnSrjOZKyB
TzlMk9dqVjDOlSnLIaIhPOS0AAAAAAA7RtaZVKozTyi7QuQNbklkL8Etoy2E6VaXam5umjJVr6xTXamcjL
Krrz3rYzbiFZbKbg52tyEq2ZIvbDpfna4dKyrd/OTxOgOftqnbVC51wspsbHqiW2qI1Xvc80jp3Vvu5bRltS2p6iS
+d1cyyRRuWyTXBsFtJUq7EhbWttBRF9iPSvg1mYtwm1d8SlUjlABMKdUQuy4AAA/8QAOBAAAAYBAw
IEBAMIAwEBAQAAAQIDBAUGAAcREhATCBQVIRYgIjEjJDYXGCUmMjQ1NzAzQSdCQ//aAAgBAQ
ABBQIOm3TbNs45xzjnHOOcc45wzhnDOGcMFPOGCTBLtnHBLm3ybZtm3TbNs267ZtnHOOCXNsEM267
Zt0EuCGbZtm3QQzbNvb/lAMDADNs2wAzbOOcc45w9+G2cM45wzt52s7WClnawUsFPBJglwS5St02+TbAz
bNs2wAzjm2cc2zhgkzbBDNs4YIYIZxzjm2bZxzjm2CGcc2zbNs2zbOObZt84BgBgBgBgBm2bZtm2cc4Yi0MbB
jtyemiBk4kDAaKEpvS1DYdkcg+SMUBRwyeClgp4dPDEwS4Jc45tgYAYAZxzjnHNs2zbOOATOGFJnHbNs
EuCXBL77ZtnDOGAGbYBeWbZtm2bdOObZt/yBgBm2AGbYBc44wIXYsaUcNFlNjZqCedrbFEgwEQAEyE
DBUKQh0SqAr+Fhku8/YG/MTR+LNu2JyYcmHLglzbO02zbOGbHAhwYBhjwbCnGp4CpPgzF6iTJcJdMCMBBQDtuAingo8c47B2NsAmcOIAlvnlxKING
EPJ7l4iAiTfBbiURDcRLg5tm2cQwxenHNs226D02367Ztm3tBrt8gBgBgBgBgBgBgFzbADADiaLdCqQUE/YoZy3A
Ccs7GdoAwEPcwAUU0SmMUyfcMxSNkh9KywAOLpe5y4cuCXNuOFpe5y4cuCXNuOFpe5y4cuCXNuOFpe5y4cuC
yTWw8OTiLLtZ5AywtozgHaLsaIIcRhwJjqP4AZtxFT+rbOOAXgMMYtjOccPfmEudc2zjeLtMjtnDfDEzb
Eucc2zjm2bYIZtgBgBhSiOFDKrmdUmXlJkrdmULTkYLRoy/rMIyLwvy6auEUwOHhTnBHMajzrGqEDs22
LE25q7ps5sMDcq05pU1FtDSjy2VxWnz9goTusoEIoEoaZlzs8mPAAACuMB0PRqMmpogCSnaFNoDP7PZSUrZyvNdpzs/LPyyb0R1CUp
b30RdP3WolhuGi0jT4T4tKH5ZW9DX0xBWKjvadKFjjOncj4c5ZjjeKERplAfXV3PaWPqzHEqx3BofRd29g3EC

LKQq9AdWlxYdN3EDGHZ/S8bcgeNhA0JoBITkZY62pWp2l0txerNcNKVKYwBvsEHoA7moKYjvISOnum
DzUd1c6J8H4KWKeHmbC1vmQM3unWlzjUdXULTZbTl4wYmknzTw7Tb6+zcOpBTOnenbzUywXTReSpte
45pno5KaqZJRqsTIccEucc2zbCFwpAHNvpAPfQGBfQ7m/Joq33QJdNnqZqIsmlph3+OUs5neidmarNrRWId
WYldUlC/s+InxB9RXjXTvxBRyhLzWFOxbLwjGyK+rcgmrCGXEAKtwJo04Kjqn8VsPhfxDKEkXUYmRK
QslnYQupupGzjUDw3KpsdULZqCWZg0WACE5BBqhR9bZNtMT0S1AJuddIetps/bSozdxXixwQVEPBiROb
WTT0ykgFA2ls4hLQr9EtR00cAJhckAoN4tSVfO6YvH2/WKvLR2pWhaKcZqtrBDrrMiR2UYyTbRI7PYfDQ
oRnI6sQzpuZVrsnabLHTr+YhlYeS0U4NtWNWhKtqfWg4WSZtkfC6t6h7LX3wrOEmOp+r50ktGOOQMrB6
W6WeJOGaFvAkzhglwS5xwmEDCF3xNIN00y4UNs/qLsGIttyrNAUFBHsgAb4kkA4VnuSwyruwOJmceTD
YGocewUmAgGD9hLiiW5BaBsKfbKDInAW5SYBCjibUo43SAgJfYSlHAJ9JUthIgXATLlYhhOLNiBMdh3
k5NgGSrNQirhQSlYvSLpD9eOU98airHupmQXn5ewTjy0yPltxFEpDCXDNwHDpbYdHmBG5SYon7HagUO
Ht2wwyWGSzsBsCWGQ3wEeOdvO0AZ2eOCTBLglwS5wwuExPCDhBwp8AeWFTxv/QJMITo39lCf0iXcF
0tsMTFE8226Gw2GxQNg/pwxsJhMRPxxNXcCnwA9il2wpd8acTOoZsmg1TVKYyywduQSAxJlt2wkUt1FB
Fud9MqO1ot75ohtyAocNuW4GHOG+D9zHxZT3E3thvbDE5Z2cFHOzhkdsMjnZzt528FP344YuCXBLglwxc
2wAwmJ4QMLhAxL7lLhQ2whsAM29kvsUwCUwbCJuYKkw5cN0HoOH+4++dnCJYmkAYUm+AXbEzccS
P7JhzFhDCtjWBKAM/cixd8BDgKyPIjxkJRmoVMAcMy7MmaIFYR7h67kIeQaNkZFNwAvC8gWA2HX2zv
b4Y/uf7GL78RwAHNsEM45wwQ3DtZx2wxc45wwxMEuCTBJhiYYucMLhcJhMDCBhAxL7AXfAJhQ6EH
Cn453gwyoYdYBxQ5cOYMEQwThhjhvthg2zYMAgBhShgF9w+kUzFHNwwuwBEMhVXj0CbGECoJK9sq
R8KXuC4bBwkQ9popTFfJ7YqUAUrSaScpIKgJZdumfGSgcQ+lchynKAhhi4fYME5c5hnMo5yDYuw5wzt5w
wSbYJMMXBJgl2wQwS4JcMXBJhi5xwuFxPCYXCB7EDfCe2Jm2wo4XClzjlATK4u3w3H58Nx2fDUdnwz
G58MRufC8bnwtGZ8LRmaktioX/wAPsGzf0T4VjM+FozPEjFto5fj7eHWnIPGPwxG58MxufDUdmpDMjW7
0WPQXqfpTbPS22emt89PQzyCA4aLbHwYJkbLRXGPw3SYZuNmJWY5PPQGODV402fCUXnwnF58KRe
OKtGdhUmxtDa+xe6afCcXnwlFZ8JRefCcXjygwkgnbfDZESiVoqD6mywlwQ3zhglwSZwwxMMTBLhiYYu
CXOOE+5cJiPuBcIOEwmEDCe2EwMDNOf15/waml31B8On+v+nicDdxxzTqv/DNL66kk/nSg+1Q+exl5V+n
JbXL5nH9uoT6tBw46YfNqPQ29/rr+PVjnhiYYucM44IYJcEMEuCGGJhw26FwMAvHE/YShvhAxMMT98I
G2BhDYJsA2abqfz713zf5NSy/z/wCHkNqD08SpOS+nNd+Irp8mpJeV0of6R+eaDlDVpkAW7oooCSZdbKufE
9Za0rn7Yq3i2r9cMiqTkOhQbaZdLNqtC1GUhNXK9YHPXxFVwIu5mJhyYJMMXDYJcEuGLghig8QUHfoX
C4TYxU8QH3KGJ4TCYGB0HNN/1/0dGErb9p9hz9p9h2aGE7XpqQH8/wDh9Dah9PEYTmv4eq/sv8mpJVD
XqBuysPD/ALTVsLqWsKnV3qr5GUX1LBNB5quVyjXVimt3SS/x6IiGRaYidYn074cntoeHHTXp4h/9kFLvm
gtpWsVO6eJhmCldOGCHuYMMGGDBDNsEMHbFvcThm2Ewv2SJzw7btFIO2JDzAvthMKOFNm+b4Gab/r
/o8/tADBD2Zf2fTUf9faAfoXp4gw/H01hPQaZ8moSnG3pqjsgp9RC90/W8OiN5o0usmX1zvloEh3Lh0XS76Ae
GCOKDPw7x7MhvDvHmy56Hsa1Vg++iheOnHTxBh/8ARilzw3xh21a6eJdwBKhy3wcEMMXOPsIZx3zhh08
HFOhMKOJDsKqm7chsbq8RKOFNhRwDYA5y2zf301/X/R5/aB9h/pZf2fTUQP590C/QvTVKG9ftgBsExJFh
4qrrnd1vpqP728PpxFcxRSegU/W2od6zu0xTB0X301VN+0IPt8uqIb6fqt+BtFvfTrpqTou6vFmhPDUVJxGxqE
Qw6eJiXB1L8M45thi4YuGJnHbBLhy8gWDjig9Awo4U+Cf6E/cqZsbn5AUML9yYA4HTTX/YHR5/abe230s
v7PpqL+vNBP0N0XiAcTua1THk63UP0r01G/VqSe4dkCgLtJs662NLlYnDHnjpkBc06SD9oIfNqkbjp+i7SeG0
aDbTz5peVQg423WFS1WMfcDBtm3tgh77YIYIbAVQAF37HUNm+JjgYXB/pb4IbC3PwMTADA6BnLNNR
/8AoHR5/agXOG4Mv7TpqIH896Dfoj5NXJf1O21ANqr01DDlbkj5MSRVUWiHFz1sae9gN7BIEAcoCXG+9
H4bso9kdu1kUjpEVcqlO7fLYzOYq+jw76f9d+k/aGFYa6oaor3pcS/Vxwwe+2G9s2wCZ28dnxY3suryxQ3tyw
g4Qd8L7Zv7IB7HDZNEcZn5FwMDoGaa/r/o7/tQTwEvpZ/2nTUFLe8aFBtSesk+LGR7hc8g6qf6X6aldwltdP
OwikmA4kmHe62BUSWZZTcFg96GT+dujsonasqXMdp5QJZYr7SubOc2kFhUURgBbu9H0uzQOmu9zla1Y
w1asRAQ1An3rd6c7lTteyhORttsULyAC74f77bYAY5W7aa6vHHC+KHw45vhBwg4UfYuNvfCIcyCQUVUF
OBgHkAYAZt001/X/R3/AGpU/YEvpZ/2vS/E/nXREONN66wy3kqzuIDVR5Vnpqo8OFwEO5iaZig03Iv1s5d7
EoIAVQ3vQ9/jb55oO3LaQm50Hp4ike9a2sMGHT7ZVww6/Ewui8TG54IbgbcMH3DbFXIkM4cc8cK74oOK
D02wMLhDYXGxPpahvkj9MkQ2NFs3whsAcAc02/X3R1/bFJvgJezT+16XsP5z0W/R/XVaQGUtJGG2VYO
Na6aoJ/zszQAc8uUxQQ4LdbKH8wOjYOUL3u/z2I+0xo57afdPES7Ub2mIcepNnCIBjg4FM6ATKG9sBTbCH
9h+rALjg/bBytjhTFD4bBwM54GFwufbEE+LdoqADKH/AIp2xKimpsKavMpTYU2FNlamvh+eL4lFBwPEaf
DeIA66SYb4UNwDX3y5UNfvMh+3U+Tj/wBbmKZqOapRAa2nEwa1nEwa1HHP2zGxy6F+6KG2RupZ4+NJqooYp
dXjGG0yY2OVIAlEFRxM4lULqiIlPq0cmBq2bJd7518ufkJz+0FLeiTQ+IE4Z+8Off94g+37xZti+IsxsHxEGDA
8RRhyTkvPPadrUaowBPEaqodfxFqIZf9QvjuTNMqpirLqqZ5jlgm3w2ccSJuOwBhlihj1blixsWHDYPvhg2ww
+2+FwuFHN9wRk0xaJyBSmdL9503cFMxKpxFqvsYDYBt8IOFVE2EUULizgwkRlFCY0fEcIHeKKJIsz+UZ
OlWrtSbIY6b4yZiuyK55P6BXMgoQeWF3KYg8cRekAFd3CibbO39Jg2FEoK52dg5iAnUHDuh41LTxG0wpt
D2g5+whrn7BGmDoCzER8PrMcnmBYuXMO4b4Ku+d/O7hVdgYKpFO/X7rg+bZxwoZy3zjgBhfbBw+2PES
mTdkBMin3Nn/pupRwBwBwo4A9N83wp8QUxur3CgOAbEC8UyuNjKqgpm2Q7HvikXYYnNyokmCCSO3d
UZeZFcvl3DR4qQrwwmOUu2NVRACuNsByU2NNjptm4iDluJSqN/qK3MVPsmPiiBiYdId3Ce2aVLERqPnE
s86jnnUc88jnnkcuP12kwZxwQ44Jum44U4gP/p/foGbdA+xQ9ihm2HHFfcjv6hWDD4IbFHptgYXANgDhRzSr
Rd3qqz/c/lc/dAlcDwgymE8I0qXEPCnKJGDwtyWTHhwkIWKSEeFP0XcXuADwySIYHhmkNp3SN7RK+Mi

V2hUaEe4uFNAXh8DQB6AzmmzmnxLNgC68DRj2gP2JO8/Yc93NowuyQjIr1aQ/Y262S0keJ4lpo7IC2nDlQi
OmK6Sh9N35jn03eiVZksxdV6G9deq6VqqZ+x5XhO6SuGEYqlwFsgL12OgL0cDw/vcN4fHoha9HHVTgj++
QGhbywwn7tj7B8Nb/AD92qQ3d+HKQatPvm30tfDjIOG/7tT/P3aX+fu0SGWPQd7WYHt7AAY1YrSDqB8P
UxKka+GWMKVx4WIFUk34QhMTULTGT00fqG9+oDgD0AcAc8IKvOtfNfP0SmrsTw8XL0Sz9JWOTl400
WaLl9DVe5YOms2/wgyadlrRYn0mu9NTJbsxlSTEln+ebE55zTshk7N0uw8aiocDDpFCeqXTrrP8A6633HTP9
AdRDcLBCoV6Rg2Xq9gD2+TVf/XYjvlOpru7TFPozCksfk8Y5uMvhhwB6BgYBs3wBzwajvCfNfP0QT7Nlj
Nl6NZy2+r9NaoII+w6DjvP9NUCEPW623c2GxgG3RQ4JEtU2tJTtKdd2z/PMO+1YNOpLzlh6Xkdqd3AEdD4
jy1f66sNPO0RzCnIbTdMUqH8mrkKr+0vSWqia+/Jqt/rtJA7pfT6mJUmu/L4yP80Y24n+/TfAHAHAHN88GX
+D6ai+JRrp5b9M/EO31Ks3S+/odI/skoG/h9tgx0x01Tr/AMQU/QZPhOdNYzmJUtGo4Ts+mpNjCIjXqxHRK
WThbOvx+qYXepT0ixdTH58LqPIKBLq+ad6UbfFnS+/ospTKKV2JLBQXXUf9IFOkplKJ26plsMJKtDvPUIn
Ne2xWNo8PiB3Fny/yIxdW6arf670Grnq9v66katRumzR94r5xc0J4wJBFbxD6mxmpagB7n++bdQNgDgDngw/
wXTxND/8AZ/CsP/1PpqEPGhtVO4RqYCGi3CjF3VZ9OzwGCG4afQXw7f8ApqeiLiuQEUWEh8MbiW3Snr
8wZAcp6W1r6rRx+4CRUkjIpHKBVFDuz8R0gNvbel9/RelEL63ePk1B2CpqlEitLNzquWZPu1zTM+9IzxGR4
LV3w4R4pQ+a2yHYiw6arf678PsUDOndLdYk6nXLdOOJ5+t7AQO3hvcfsA9Nuu+b4A54MkONS6eJdXua0e
FQf/q3TUX9AR63AW+M1wzQa4lRkenpSYTPR6xK+HpfpfyEQZH3US45VkuFm+aU9o1VfuZoyO9v6X79F
aAQvZis80TzfTUpHv01VcUDUc3Oo5Y1OzXtHZEr2BzWSO9Q090Qj/I6fZrg/wC7cOmqn+vdJkPL6edPE7N
en1BdXmdccUH3w2bfNvgDnhMihj9I8H7a6vvUNX/Cn/tnpqN/r9E/tHL94hDb54eqn5t705hy6CO3W7RPn4wi
HcFRlsNfU7ti+aV/xh/6NF/1h0vwb0qnQvw7WMh1fNWXpdNvh2WZcj0QvCn5af0zodKfxnLEx9TgKfHek1X
NSnvn9Uw6aqf6900HehdPFuUfSTqe5h3E+D1HN/lQRO5WodaLTqbj12Rg0mpY05M+FE3/ANb6ajf6/IPHG
DvsKxKCr95Uq6nVK70iJj1XUfpc3wxsemoCqeCHIHkR6XKLJgoEO24z3Ub80AVNSWSWftSYbP8AVVgq
1Ol7aPF2tvRdAjlLJV55COpoDv0u5O5WnDf3qQca1lo/TOlTryN36j7A5d+pW3pqqPHTzRWQCR026eJuAN
MaZKDsXfFDZx98EcHNvkEds8KumhrZc+nijvZalpr3S54TjgbV7pqR/r0qRBTTNnhYqhpiU6TsqWEh9FFzO
bD01LHau6fynqMB0uET51mmqYgw5u5NdVmpeT9HZU6fHFG/dMjCiufS5p5O4/JeX/Zb0Jcyp+luHjAvT8j1
P9N5ZQ3rsIb06W62l96ZW40nGS6aw/6y8L08Dqv9HrNORZ6taSPtM5o3sG3EHUI7YMzhsIhm3Tfr4T2SMh
qqzYox6XR7ENZI3wrGY0gmTBboomVZPX+DZMtIGaCj9xpvTU6FTemvli8lD6CL92c6aoe1b00kxaTvQxQ
OWXZenSUH/mOvwgnurREFcW0yQVM302bN8skZ5WZ0wD+a/kuMh5mf04W7rrpeTcKz/XlUDauZP+8EV
t7QTrzsN01aeeVpccj/ABLprD7aY6LXQKbqJ1dNEnzeQ8P1Qklq/pFWqwr4wA/MGJnHNs49N83zwh/7b/4fE
X/pjwp0L4gt3XVKd+I7x4fi8Z/pqd+nGKpmTlm5K9a9LpGeYaQIfxf57MgT4g08b9u19ZN6EdHmOZcdMy8
XvS8hvWSoCOVkvGAyc94UjffKCv3a101sdflI8P4h01jHbTAwcj6B6rkuMN8vjB/ujBghm2bdd88IX+2+u+b5
v8niGRO40d0noxNO6Lm+XOd+HKwi2HloWj2pzpqabjXEhA2afSHmIjooQFSNI4Y+e+ezfh2OjCU8911Ikex
Gk9yadF2edLkG9eRb8hgQ4w2SocovscCafLfl+mrLnzNkYNRF/wBNZP8AWA+x2co4h5LS7xMMLCRJYq6f
XxfLprPz+xN85Zv8nhB/2301QfrRenP7Z7bgaz2zP2zWzPCjepm2WXpr29WjdJY7V61KvmOpNiOJNXrQOR
OqUtIPUGGww6jmLU9clc9elAx/IvZBFATENHPlmJ05p4fE5R3hZJ1ndUUVB44wX64YrKOAxzMPAz199n
rz7YbK+Lj1ydysIuGCqlrk+I2uV3QtkicHDteQMgniDtZgb4gf58RPymPLuniaQcQLMOUsTmnQiWTcqpLH4
C3lVW2fET0pVbQ+Esj3HrpuhxMtNvxxCckRzV3UJ4pm/u5P7pJ7ZXNQpuoDE+KO1oY48VVoWJO62Wiw
JivzFT/AKxHBHN/k8IP+2+mr/8AqzPtm+eC8f5s6eIo3HRivp92aZsDFPEtDSkkomdqvpLPhZIVsw9k2O4HZb
YdphmvEUk8QHhiB8JiYe5Q+lQAEpk98ctRxRgICZph2exfWWqj8UN88jywIwCgVoAY2bbgDTYFEc7PHP
L7mRQ91fpKUojiP04s4EmLujDn9WGdbJcdxRIAHkNV2jJxTbMFybXe2JVCIMsZZY5BDEmoqCsYBES7C
T2AT+wDuT/+Jx/DV+gRNnL5PDpeI3T/AFC/elpYh+9PSs1D8RtSsFE23ADYBth8M+o0TpxPh4o6WOfvS0v
NYNfavcdNYqJO9lUNPpfINuu5mrXQptgzp9nWp9hjVUX7QqfsZHkB2+Gbb52thTJ7ppY3JvhE/dM2wHRA
4kbfUdENjNthVZb5LJdlhHSYQkmzvcW/Fqoi4JGSbaaaA37glaYRESlO33w7b2Ta7YVDYFA5GBLNuIODb
YPvhkjbzcs2rrUt3hhy53BgtWVB3JXrq9rTB0sAn5CUBDHK3ZI3+pUQ3MP9KpdgTT/AN7JqD7LjuYRzl8m
+EH6Cj74Bs23w6QgntummPsP1AVQSDEuAKelSJbGyoaIKXfUZDsaeuFfw/DdfO+mU22FHDEwUsWb4Q
mNy4klhC5tm+b4Hvnb9xS3GZn3b60vP6ym+tuuZAdLDdu8ppb4Vv7mR9hSwUc7OLhxKCfuVPF8cYkiCggj
7z0UR7HnrbBTNWYvyc6s43QbH5LmHuLGW5qHNxB6b6/tn/wCez+G7+lJFYvl1zBh1N8OO4j8xf+tsiZyv8
LPsLWHwY5qrjuycWqwZgT6Ek/bbbAQFY7avPUhqko8rkjTGgxVvvlvjJqjxFUSdwsSwlISSrFgJaoGbuEfWV
S6sQGDqvX8gbfG2lfscTS041rbFPWCvFwNZa5lbusbbj2S0sKkh+2WuYGs1byCmmtljXP4ab+0skrQ6lkzuAf
bGbvAMSozDeBtxdW6+AJ6v14MNrDXhyH1Fh7BICXJ+0MaqkrqxAnENVYAMPqtA8Ye2MLOqRhh9SIEo
k1NgiCyuMXZ1tRpolaq1rura16eHbKdhu2VIq8ROgmiXYFGrh0K0U5UMeKWTK3T5oNGnnMlWS74419xj
6NVYkAenHOPyk/66e37811taHehiD9DZPmmJcjQ2kPm0k1B+GdQtVK2MzV+mmM36HdVUM10mu4/6aT
1IavT/ABFhtA9NDf8AW+oMv6FTxHcejZTihIn3HrQH3p11FPPEI44yXXw+lA084b9wo/fNIDAW8an6iHvdh
iibNekgXm2drgVGP92GPf7SGYeeInwFLpYH3nH+2bZwzj8pQ/CojbZHq5Q8y3D6QRVFNsmYqyDAv8Q+a
2j/ABvRS/l1Fpl2rw1izYAiUatNknqnZ5kbDYM0pqfxbchJniPDav8ATRI22nPiCnPLV7qU/FB8O49UFxbLoK
A5R1xf+cv/AF8Pm/xAtvg/fHZxI19OSMKSfaT6WA/bixAVUY3/AB2Pf7RucZJLpNPvIMALnH2AuAXNvlJ
9ZKw28tCY8f8Aln3SdS8pLpDybtDfhR39/wBJK1IRbuKnUZceluWayjDTu/uNLbpctWmmpDzpXr76Vpf00K
q3oNVDPEmG0B00NT5aba4THqd86qm4ou/foHsN9j/S7lmn731Oi3596ldUURcK3RuDO254ff8APqEExR++

T3+Ng0O/IdZ4ncjXIARjGf47JAdmNOacW3SwvPNviJ52vp45t8yKQqLJk7RMtT7tzwDuGXlvwdkUECtVPa
OH890tqXOXoYcX/SRU4WSZLzlElOwq3XB0h1otZG3WhumCZS54lf0/00aekjNJZB8eTf8AVz7N3PQPvrrH
+TvOaISoDpwusLlfT2P9Uu9//XGeHkvKxKk4lH75Yx2iqqhs36yH9uul+Ujf8dkmQyse0bAzbZKvPIsiE+niBA
N75tgjm/y1hv5ia6TCnm5Jgbkyy5t+7Dl/oRHbI1TaR6WUn8XpxOL/AKWI/bsSYgtYJZuHqVUdc2vXw+1Ly
VfKTYxM8S36f6euej+HTOH4XR3/AGrwPfA+/iQjuPTTGd9P07zQhh5u93/9cZ4df1EcPpH75Zv8RGtvKMFl
O0l0eDsk/cck44OMf8lkVMdymnukbYRHBHB6B8lGQ5KYcBEnwYrkegq3QyQb+bYfYiY5EG7kv0sanasN
UDZ30sqf8dKYUJZy45vYBp2GnXw5W33MTC54l/8AAdJee85WMfoeXZdHX9q9LsXA+/iDj/Naf5HzB4+O
zw4R246g/rrPDuumhZH8g2YR2+/SQa+cRywuPLxgfbJ1XsxouRVCO/x+CPEOk+27zTju1L/SI+xhwRzf5N8q
LbsQvzTDIWj4MrDbvT/S0iAy1QPyV6LNgsSrluZOYbx4vZsA2DCnAw5XptWtzcVIozcXx2zxMf4DrX2Hqk
5b/aS6L/2j8PwcD76oR3qemnXw+RvlqDqJ+vc0SpsdcbHr3VKhSK38lkUBRuH2ycICjB1+CrGf47JT/GxrrzrL
DF5lctxaAUfpMbBHB6bYAZtnHcWaHlWnTb5Lej2nUXXTy7ev170geljOCklRzbuuky6FjYHjctgyPjAaOcOb
gWJddx/08ONv81HbZ4mv8B10wjxVmrcP8U6Kh+UkP7TA+7pmEhEKJiifpplHelafai/r3NHLwxosxdJWauFx
D7dFFARTePu+yD7ZJNvONp5Dsqxf+Nx6G7SGc8XHSxNt0Q/oEcHBHN8BLcCI7l7WQjQHUx0vjsSD5g+
V58ZCa6XdDnF0U3KO6LKggk4PzNRh3edJxAHDytSTqJlx++WBcUmMauZNYpuRcp1kUqNlZuk37TxN/w
CA606D9Go1sHeW6HD8hIF2j8D7of8ARqBHelXjGzcXbhu2Bo21G/X2WJMDMUhN5gv9PS2uvKwhlN2wf
bGiXedWxqKb1j7Msff2gH8s9AdwxZIF0l0zNT74YeqZPpak3a9rcKcz2fdLgv35vCHFM6CvmEMmmvnIqg/4
3pa5QqLZ0nsnRQ/O9J532ZyFSBTrKMDO1zxw7MdwbdPDtb/Vq74m/wDAdIuOPLyd+akixtH+W6FJyjZUn
GJwPu3/AOjX+P8AJakZplHeq6gbZqP+v8ng5R0c3Fy7D7dLy65n4/lg+2VxoaQsNzJxUYF4sckh2YFV3CLX
BRDpaGew4I4Js3xM/wBCSv8AD2JgBFpLKRhVLW7KX4ye45cGdOBzbbGtveM23xw+z44e5E2ReHwmoQ
7PL44WIVyKijhXkjGSisWZvYHKkOFxejkw6O4lUrK4aFjrEo7Mw4uypId5gpFdpbyZyLaOaTRV2p/7u9dyra
QxNOl7nRGN7a/u713P3d67lf0Tg63MapG/i7pmSRtMu0KzeA0KKxG/GNPGA8Y1bQmBmK7+7vXcKXgW
5aXRd6ffu8V7Kvo7DVKYsNkY1VjZ09OnatEPGP7jqkpHt7A+hVK/AqTa7Futc3YipcHpEpZYzoQ27Cdgcg2
q02tNSmkcam9l717OEJ9VEri2uiLOLI4XTTVDhGHWK7eWVZFb4md45nnDlDffBHBHN8Ib6SDsm2PsQy
mKm/DAcHB+3QQzb22+QTfSmrkcn3qygAAawJF9XdgJFmCwEGMmToYxdlVZqACpjNdx0BR7FC+bVT3
nki/zlYU95BNPddJL8g2TEiWnEqk/rfyycglFMdaNVD6gndOO2pUoVJ/hpIbVMmWUcYIfguSiDZz741b8Gzd
UysRRwIlLaKKgda7uu7JlU5KuDbrG9s815MBeHEpTbZ3t8E3sBs3wTZvgG2Aqn4SJ/pUVEM35EJ7j2+WGI
IAQu+OCcQ4fSVDdHs+yyfATk45t0DK8qBK2zNyPZAAJlaPFRNBuINGwCTGT3tnazPIzd2AK6FKgtRvm1
Q+qxJp/zXYE/wA+gT8RMPyKAfltJh2+TbJUztJpqpEWGx0tdFJi9hK05utiblPJJv3Ad8rbauC3U8k8QMrFOW
PlWxXYelGddtjWHJvWtDnxWuaixpoizATczgPxSnETOR5CA5vm+cs5e2+b5vgfYo/hJjsU4bD9iJhuYgbYkQ
FVVa+vDSEywKmn5EBIjHj5AzUAK+STWNKMDICVgIkFpgoCUI0/8usgEFrGb+NDvvDoldoItARRMx2D
6mpWkmJVfDer39Nfm1EYnd2LycbBzk+l+fQT+tIv5FH+20qU/N/Ipc4hFINb1X0+k3Ou8nShANJt12UHBBO
/Ywqq9QCM7cfDzDWBf2yZNOTa47JKB+BS0AXsGmdBZGr2vIJpao89hW+hYqmKn3Nyzlm+Bh0TJBvm+
cuhR+ko4ccUH6ETfURQMbFBVRpKrxhrAYztFNrslHp8K6DQFkTx4tiLJDLosIfeOPDgGGgSnwkCZON9IO
llpYiWWFoPGtLqIY1Eq2FXFJNVEFQ8n+Y8M4CXS/5R+2oEmo3kY0NpidL+ebk+opPyZf7fS43GS+TWvU
sqxxUFVCXgG9cgVyg3jnkebvrR/GSgpNL4A9BIk1mN2zpVsZY7pqoBVyGSaVo20hp2Al0012H/AOjCb2OI
KnD7HH3BMRAwcRRSE6feM3SMPId83zlm+AP0lHFB91R+lP7gfGi+zgiv5i0uymxN4HZ88B6lW1ChHGR
RUMrEoCKEempWmS60MurGlMqMZwRUhQMm9ZFcuCV4qzSCgVN2rBTmkiIMkfpN5XY3hwJ29NPlcm
4N9Qw/izAn8Vm0/wA6iTE0/wAoRP8AA03DjK9DnBIlsskbEsNQ5KNe2AIlw1rltbLndLw6jZlItxOsYinqJos
GVRkZQwxq6XnXchNtKukvuBFuaqVJbecstlj0E9L9TZlWXljn5gLcwpEaKJi4JzxCOMdlMSZVWqJOUSmb
6DDm+b5v8g4I+xc3xub8Un/dNqDuRT6SHAkXEuO22K9wXvs1k/4XZHZfIx9kAEmtzbmWCXQA67lEy678
WbiCckTOxd/iETIeNctgOdA3v4fxD9nplAJ8sn7ML207kk0ZcZSab/m0UcIl+WIn+FQCcJToYAMXVbUxvZp
dpGOLEZ5JGmF5Fr5htdlCOEjk3XYWAsNKqTvkI9c3mElzCObmOoZkoDbyp+1U3ZouzUSxNwyVSMV+d
Pu455R6yp0Sler/AJk7w6oOFTDiA/wwoblAfc39XXb2KXfoI7l0g09ZagPrRpXFDSE/ZQD/AFSanPAUEpSrD
5BksPbVfKACL7vlhyDIBY1FE2iDv8Dt/kG7v8NWS5LuJM2JTJ0yMpz3Rld2IPgMsivuel35/WFlbOvYJ2g3ts
aKI+SUwpuXSQDdpaWfcc+Q4P5lr+ZKhsYiX5dNH8KlF2kcOftk1UuxKXXIKCVnLAsdRlUvVkRRlZ1AErb
PJr1uQsPdTegsrkdxI3cKJK42aHXdlchCA4bgQ6qWw0JuVexsRkoCOfrEeEWdqAq/cFfO3P5lVYwbNYIz2vs
WPmIlMR9LJ9t/rOP1b5v0/wDEg3wxfcQ9vDL5bzcsSIcaI+GpEq+tjiqspDWl0CbvxO6HVlpVICsW81D8Obx
mXWWsqEV+MJBH02XSABSdAVq2SMByPo1RixQQ/AesO0+dpAniTQVDuYZZi7bsTCRCLMKjKIUEW
FeOY0PUjnGCqJiYwjTEKkXiGPv7afDdY6P5uZQ/H7X1ET/LppbpVIvF908RyPe02hqW4rjt5dSHO8ZI+szN
YI2hZlEGtVetiAVCI7rz4belgloIxMQhFwMESRV2/rblo4dxoonjCFjG9gj28RAWqLPEt1VgHFfrU/qNBafqTq
UNpS3jGk3DuIJh3QFiU/0APub79Q/oJ7YYfcTZoxfYujPpvU6uQdE0fubagajJa1ES0VR1tiUNaq5rEUNRazK
Q7Hw43DVNkRpY7hQrbKO/+5BUSpSK4i2TXHiZ4r6cwXF0pNLCk9crlVyOP5heetRpeHZLlMLVbgVmqf
m0VXA0W/ckGvS65nEVICukgtzDJIdmlhV4uBV3dy4/jFLyORL8ukl+HWi7O8dO02KOvuoTWv199qfJHI2s
4BFahIEkrsBuGP7arIVeMKYqhFSunRuSQNIw8rjVI5U3AdlvJyhzDIKFMZlKJsFCS4nS1XMsxuCqnmTj7Y4
bGb4zK6A72bkYMH1gFBmKm5XRy935N85fTyzf5N8AwYqfnm+K2p6vUkzfSup+O7PusktxK+c8kW/NwL
wVWjci+5XavFUyv0xCm0lZXG6DGR4HYSwDjKa4Czmvw2Mxxyv2ZH1CuWZEzdrMp8UZEpyy4/krQfZ0

Vb85Jm3cIBuZIn5dJP8ADgA2c5YphpBMNTdX3mpM8pIOBrqKPdM1SN3n0e7i3MeoqqgP0GWDtpJqJlAFk
lG6jxXnNiYCce+2VN3wKwFVmvJKHTljOFnKKQKY8UL3nksZ6Srv/JM7DZ42Qcg4RFh3QAio94fl/wDOt
G04ltRnNo0IslPgIfQC0TjaTpMrD2eyaD2eqwtF0smdRk7VpdNUyZs2hNlqUG+qb5jXJeov4iLW8PVtbQyyQg
RxAXGpI2hlYLNbrFobZKhEVjR+dvkfM6czEFapzR6wUUjLSOwXmLeMnEM/I9MngTRgz4jOUULmrtUrO
orO6Zz6E1BsL+Kp2F5/Dip8Z2OtYfmA/vpD+4bl/EQJ+AmT6IUuyzpyVqjrvq+NxfqGTLHNw8ucWCSwRjA
7I67FwdXsnVBOQVIRZ0oup3e9hUEk41ymc6rqBUZ5JypllFJBuio5fqLkApU8kXnmxcvF3qipCmUAoJA8cF
K5lETNHhfYT7YJhwob4P8AwaMfo6i/6A11VefAUUUT6m+Gpd6tq7B8Y3QaZpil/mtPCVkWLQ1cJoGoWG
WsNXey/wC81qkLUl68Tsq6mLimiobVLw3C4UvsoUrfw3xZUf2/xN6qkFX9VXVYYxesF2aXq8CuOdwREp
8S98rKYhNQNqFWNaTwlCLs5jOabZToGsAg4N2vzkgT8w0LuZun+Ckn9EzJuYSJv+sMzLwj4eSj14uES2O
oyXGZM5KMsU5vVdsUlSpkVltxGUJzZSzVJEPyjT1IG8s7nUXTt1J9xAZXdsZ0OxlA3B4mVqRT6hdfithIqZ
+j3mi6CYJj74UvLBH2Advk2+Qcr1xeViPjbk9iavdNWpGjV6U1BmJi32DX6wWKJk9dRrtPsOuDmb0/W16s
Usg/sr19WZa2P5iLW8QFnWYkREuVrWecq0IbUWWVnJ/XaascXcdSHtsipHU2Wf2iR1wmbgkGsEvTIqy2N
1bJriJhI2EcI3AMTNwxi5Om5ayB2pW3M+RhfLBEWvtLVCSWl406GzmQT/HZp+7dL8FNP6NSVDJU+wn
UUVkV+S3Ix1QOYihEiuVFO6bO6dLPOiOKLGADGxNBwVr54TtEHO7hR6p3AVLyOoHIFMTHcxjbjyHo
mrww6onAPuf3EP8Ar+bbAL7AHsbGzVR4p8PvcIgZZRxCuWiZUsAoYRP+Do7Fw6oEMo4+rzf4AuRHDOh
27vt3N85ZvjNyZm5l5gJohG34ZG2w8MBLAS9kE+a7SLOsZkgBCSstxNX3fbcUG5+hzJm+6sg2/FaIbC3R/Dl
JhrBJWa6OZ5CbfnXF8YxFRcjuZ0Kh+6KRE5YwB3+6VzGuGWOVS7yCQGyrW2DjdM2kmCWN5jgrHLi8
PIMOB847fPt7Zv7fOA5yww7hSP8ANSy0ggajsy9iBlTy55Jt5GWf1JJuyNWU0ov4dIpBzdWRjoptUmikfYq2j
DszUpmTHNSboyhKWiaQGmNVVj0posWIqBHSTCrIrRsTWU1WTytkalNAoJZ6EmD+XIUjQTcsjmYuHE
XG9tnJG7ZHo7rRP0KtV+DjSqbUsddGfau1Ye5tHRIq8M1KvNXL1x/YQ55MvBAXP4mLo+4jtncHl3Nw81w
MpMCvgOOWCJdg9hMr+GxdEbrxBEStHjUFiOQKK6ifFPOPIhScgxUnAc32J/x/+V+N9VexzUICOp8wmKs
fHJ14Hzvz0ou47cj5nzCMQoVGAlN5SuTJAYQdmYjJJSqoBIvv1Aq6BN8R6mhYkGoMHEG480Vs7F7GMV
CSUO4EqTU/LJ06aRxU54wjzPDxsYVrhS7J2Bbtg5AxzV5n3TCThmnF6NVZR1PtJAJ2TM1F1ZzyCbZ7yRV
/MtptMSrqm44v9lm25RDj8gKiGFdCGA43znvm/IWLxVqo+sK8gZ08TVBXft7bA29yM2/eSUJwx+iKRTBtg/
23/EmpxJm/ETrGUwPuor3AHO4Odw2cx2E5sVOY2IH5HdD7Af6VD/hIpGWBduJFSIB5WEZeaxIhU0lNk1
Xb0C4bdUsew54xIVIqLgAE0h5dOaf+YVQKd2tCMuyk5Z7FVOZupAyxnCU4dISFS77po644d/xyf4rNVGYq
PFtkzII+YMtXz7qMxLghx6pn7ZzgIG5+5AKcSLmAneMCRERUKO5M390Vdkok4A1dDyCYJ9K5NsUJ+Q
H2z/z/AJRwepC744LxVXxP7uR9iJCfFGvCPbJhwkm4+Yasilh67sJ13BUCBIFXkUSpCki2/Bbf0gfbCq8Rmpg
og3hnsgNV0vmnKlfj0lHKsHB8bW2rraRo+lj+8wVx0yJV2ycPGv4RvpY0lk3ml00zTQoki8JaaV6VHC3EUog
ot5QHx1R8sJyyDPtg4ZdrFEe3hE/qIgqutF6Q2ezRqukNpQdTOmzmpya7MvmECA2RVQTWw7M6ZSomEE
+SAcsePe8C5tynN+RNn/nyj8ujspJJS9n0vbxmo+o0FG6LsNA1JGxloum0dJ3PVyjOXGmHiO07YOkdc6zCw
NYsdyZRWu9Ri2DPWW3uGFy0wJV/L3Wmu4qraBz9fbaq0mStMFVrxXqUWItusTP0inxMsjHKGGOknEb
WSPUy1AqQoVeLI0Vq1caMkfTQbEsNbbtn+oIpNVbe6u0lFMWa7Z8skxZEkZA+aWaEqDIPXBI5hoZqpM
XC8XbT07F/WpBWxWmSULMz12jEalITlyWCvV6ZgYmOrOmcG0JLNmBH7TRYYmhyVFMqWRgTNMk
1gcM9A6vFVOXidU4RzPtLNC2SS1t1MiaK9lbP56WNOJbettDYeWN2yziwYe2qLY6nySDU7b6VQ5E3Hbl
uQfnH5aHE1+UK71Uh0bq61Mhb4xozGmtk0taIefu12iKvERcdr7AMtUZzUJrN6e2e7x8n4hAvkAwUUt0a50
mS1xi2t+qQQZvDpcdS46FhoxxUr7c4+8JLzV9sMW000RhHLgzeruQxqQ5E2zxym39OlZNVKnyy75tXJFy8s
vl41aWh/PO3kc2hH0hIgUNE5ebWt9aO/Vj81B8VkLB5ojqpGU+wrGYzjPUmkRkor5aUrti8OksUbLE3t3qrI
WauR8HGzzZ5GEozKTdNrBb3EqZGzHcrOEwkmUJBJINn8y7jmDE5029Ms69fcKyai+F9826lDcTF4jhTcR
MryJsAdO0bNvmH/gL7/IBBNiRDKoqJGRORPcSF2Cu6hRZqe709jngJPjtjMNUpYuDJHVXYOlgaOZ5Y4rS
Rj4EwbBlzHCrvmjN4nKyCBdQ7e+sVguLoj4Vii+c1HS0Lc9pGnzCiM81CliwVG75ikSciGeHebJPUuxxSCqN
xg2bVasTLvT5zp9bTUu1SGoMDqKNqVe6fyqEb8B6KW11EJWxnEtnKMRWHM8yoWn0pcHNp8Mlikz2fS
KwQclOxhohOSQFr0UUA4dd+pPcMKUTYJRD5x+WNgHkw2UqsijXpatP4OVCiS3qcZWHky1hNJrJZIx1G
rRcrqc6oWmty1dqbWPulchAuM690dXkYOYoM5BSVm0/m6UWt6eWR20+HpA03O6bTtMRJIrN8POuBA0
mqbDuzqZzHEt+TdXc03aHEodugdypBw4R6dKo0nYlaJp78NBv08VcytE6RCGFzwiG7kZY0OCNldAni95C
MgWdfTksc71Ob1Gngn7To15XU3RK6ySUtb27kCjoBWG5KcpFKQDws8uia9azvipN10zy72MI9buoc6A9g4
D2TZxHEGp3OCxVLgtzhnaNhQ4m75igLkRzvmwxxNhQAflHN/k8N7Vk+ZeI55IpXTViAqrzVYW53WtkM
VCm0G12V9X9EHMs5lnfin/3XJf720rbJ6eaiaEzDk2sPhykTyU9IXGttNM9brTJxlbuFXe3TUtovEOdGFz/iJS
KrcgiJhBISlITCFwhTqFCMOcYqLTZ5ppTi2KXg4lCHZcs3zfPFcmZTR5VAUiE9s8OUs9jtSLH+AazueK0u
YhTaXzFgeZqGkmWTkYEXhqBfltL7XZ1UHErnhyctZC96kmPEqSm60DKyBXiizMTmauROwXWxy42N5j
bE3/bxOVIQRkklCqOCDhj75vhQ5m7ew7YIbfMPy1S8L1OLk9TXM5QbnqG4ulyitfZOG1CrmoLqvN5q8Lz1
Q37eai3pfUe2L6yvF7k01ckv2qVPUBxRrVSLu+0/sVv1Vb2SE1A1ECrxKGs84nqJJ60Kuq2Zxnp7lRiVeGgQ
Mo7sTkIloAHaIpGTkGIYkzS7L6RFqOh8hNLCzlCkQTX5YU2b5qUwJLUC5MFoeztjmTcaU0kxLZOOEWx
9UG5JlB9CLt3Om8aWLc2+ns3J55BVm7l1FXRbK1BIUv62jtRg50/12kbFH3DVkiVEeLtklR7S5yKootlXJRx
cQEeXsPTufQdTng7dET8DCfP6hH5h+Vu2O8WUrMiin1YtTvXD6oyTRt0TNsZZTkmUBHBjVGSvqICTzQ
L43UTUcPpOFgSSD13YnbRuimMY1UeAFWausPW4pQDRMY3M8IktkZJEJLUOCasRYvgPiB98THN8Ed

w1qR8tq03UAHOiveZaVyUw8HJu/uY9awWt2VIb27E6euy7hCQ1YWM4PqSZYHsui8cTDWOeImASDX5r0
WRtMu0slCdn/MNSkcFGKTEy8WCeC12AzfbBJtnH5Nt8QD6h23H5x+Xw7p93WigapTt3LH6cjM6eSWgR4
WfrOkTR1WGeiL0mpNeb27X2qQ+iq83pHStE3Fw07qukSDyqQFEhZB9ftO/gN3rzGOp/U0GUZC5K2VdZsd
wJsbdtEV3v0sSebFE/mVCJecbOnxIdm3A5WzuwuImM0crJ/VCtFVGtYbvioNAECkDDqcSJ77+KduyJqms3
O1zT1koXTOUrciTJeJkhyXSWcRQ+Z7q8UuYHkIuaERaqnB7HKKNFz+aRmEQcqh9Ax3NVMpQEeICKfZ
HDIEOBo4+KMTEwyPAOoBn2xk37hDFKBlCjv8w/L4Y6k/UsOiul1jhCaPxyumUJrqgOo4OZFzJaS0aWmL
XrtT5ds0sWkk2lC6bqsy02Nt9dfahaU6d6ajC0PxEMQShNaXkgtbRMoXFTgkO++eZE2NY3tHQ2LiCnv68Rm
HxAJhLMiuWFjBevK0yeiRiyeidoxUJiaJihxxw2BwC3LbWNdWV1t1MbCtcaYs6JSJB0qYZ6VcnG1HklTUe
OdM3lhkmqjianUTuGgNipO5opMkXRHJDx6Z8NAEXbsYJ8eRK0A+drNwDB/EKCBiiIbFFYxy/Yfcc2wpc2
HPN8Uk1SgVyACmJB+YflgdVD1vSiiayS9et9strqzygWSSJLQlqlK+snY36Ekyk3EUp6y58ii4dgeEuDitpJ3O
SiHTl6+mSSK7hyqvImw7gRMm2O4MgPYBBmpsVsodyjWkyNPJtk3ST1s3Gp2UYM0fqSaTdsbAsinETqRis
3YKBzwDZy2znmolaVl9X9aaqq513pUR6PSpU/aGbZKuwtcarzju5FuKrPuhkO06UScPETM36MNOybHSm
MsyszoNGMVn2hT9SOkqRKwreUiXMac++2FMJc2FcgmOAbZt7FNsJjYdQOBTb55ccMnxzy3sff5h+TboBc
bNe6ItQKPEqhhTTEh2u+EalHEU+yIjzxo2IQXkim1BdcVTosl3p2kYmc6sSZJn6g6SKs8cuMZpelMI8XUu4K
VRm0jIOeWQfsU4qQr7RosEJFoN2lfhWyrZrsmXkUM3zkGCIbTnf/AG82Vquy8TPf7Ccs+TQUfPo8yCEGy
OpY6hGxT9WKg0yxQwPmX9dWliN9OVzrXysTTQhHoWGIskUaoyLW02CGau7rMPnEpTGsueU03hHJ/w
BnEscHzBzGK+459s5YRXYRVDYvvgnDO9gqYKhdjGD59vlTDE0sFASgKYnwCccKX6ifSZMgK41rThye
QZg1FcreMjE5Qy2NXpEVWZUFxcJoOHdd0xnXQvqsavnet1J92xik6HGmo0rI49qAxun9fiZleo1wloTfrRqC4
1lmzO3iY4WLdMqnExMKUNnCBQTvte+IbDp1DIxVxWcNuM8mVqzJDPSJqszzRJuNYpGa94HKdtku7Jmc
AWOSlFlVFUZBlcEBQN5lPU+vWvT+xFk5WIsMdjaXShwm5c1nPCxyCsuNydJPpiwV2XYrUsZFObrL+tq/
P98BINh+/wDwFDEy+6AgQp1sauuwKygqkiYVxPOV9IXMGSLpRnxJ6Xc930Q/fbxbs5H1HcPDHpqcS6GC
GJK9siTKNp0y/RbWrUeR1HmmUKRnHmkBkZTuqCjLTSNoq1XbN0KUwB5IV2OpQeX9L7INUSnTIiXim
Xjn2y3Om/p2ozNZlIaK+bj63HrHWbuzjxTgmaCbWKZJrSVOI+MWjLN8KgePxJmi6k5eugqAuUe+MW1l46
bnpKlWKxW9pqbW4bW2ZhCRV3hJmCe6XxoifS+YgQuHkZGXkkDJi/iX7FU84+5rQpDlc1sfK9Nv+EQ2Dr
vgGxoXuGL9vJGNkJBvZdytp4pXUI27PIhq6t6iCDeZFnS4t4EjEyOkso0Hy5HuSvNVR3cF496hBSdkeUnQx4
1JZV268vpho62Vr9nqVks7hLTYyCsatBJOK+yiZV1EtZCZZNWThoxRbCUqRClXREAADDnMcFbbNRlEn
9gNRHAjBMU2kMwdbslnHsD8qpPOtmqJ2zF8geu7Kv271Fuiiq2bEjEFzSbKHjle8Cb3VOrNdVIiDkT1aUslB
grlXk636u4ZXORrazDVXd0E8pdEpitx885fwExUDuWT1Kq3Rou1nAUUaCikmmJawd82VRO3P982+c/yD7
4Qm4sQ90IAzozTTF7GNWdwlEYhoRdcX1WYFw9INOZF0hkMW8ikY1NnUosTS1G+Izx2iUc7w2kMACC
VCZmUtFRSnmld0jm69IvdNp14A6JQbszTS2FIs2ryEGMrcH0en6u5fGbSqx3KIgY7VDtKF+kDYAcscbJIWI
3J6SNXFCCRVK0Kn9SiwolK9KLhdRJ6R45I1VUfdpdJ8ki3VupY8GdwQfJmcSKxJiVimh4hxXKTYLlWVL
gWPnPS5BoxaKVhvqFAS2LQNefiECos+csrK1jaZqA7qRnLBrZELREmbuggWEk8bQia0hKMnMUZw4CcN
PabyUEhttgl6CX5O3yDyueWAA8uGwgTdAoGGuQyks9g7RB6aI23VCSvUlAahPWGRlun5xGAo0v5+uv6h
CtFLDXPNVY5BYx7h6cDyRW+O7VGN1I5RBw2VJvnFfuu5QhR7hj53wLnmhVBU4GCRjzvcJAppFIYGIN
5LmUkjwbs1CnS8xwHzSiSlsljnMvJeaceWVSft5ZFRuMj5jBVUOnPyTxqsvMyTZZtMLNyluSINjC6FY08oz
ZJSiB889JpJubpIs0H1Vp2palZh7HpLMa/6atYmUpF/lKYpdmtrUbs5ZosoqzhTqMmvfdq1u0PGMq3fRZLFKe
pKuXtYFSWoLWSTd150Z0/iHMflL1bcVIbNR4uwwi6JkVDp8cAcOO+cM2wWfsdES5ttgmMpiKO+VOsqW
KUYLMqWxVjWcsRaejGB449jUZLlLE4wuFfbvpe711dNjqxO8IXUBwtQHEtJiBbms7SqUpFyT8LWcUKjK
qSyi6nIHzsrIEjKi5ROc+dzlgn3MqtxEVRwEgXTfIA2JX60DFuVbuZyMxSBggolNsAfruIt6yXVrxny5CKsm0
E+Q7j5+VNd8BJdjF7Q8i+i01iJQ4Jt16wtuyqS/nIuuEQbvINR22tWlrmZNZqG6hUtOa8aKcOtK4WVj7Poo0g
VdPUpOHNcNI0WDttQUyvENOQMpbK83ZLylfdVJ+RjIMGy9rIVzFz9cnWkfpunOMrbDy0WPecSMg0QY
NMb1clyj5WEcwskDbniiPbN2s4DhlSlBYRPhUBzcpMrsEtZZSTjyUxF6mqu5ibk5aIMKRF6jw8npnN0loytlZ
sCU9od2VTPImKkBsiTgNTJ5gZSOtrSJlWUqpq+8f1BevPaXT3E5NFiUWbd8sBgUaAU5tkiDxOUVO3ij8Tv
BkhRAbILbFb1HkO07L/ABNcrkvqwHOij2k5iwtGqqzgUMUsCJ1mILmIm/jW2N3rp0o7TbpqL2JRlhpttJEe3d
jX1muocPKEJOInSaTyCaMY97xUDewpd3JeIJIN0or0cXDpREkE1aPI6ViTRa0FLeaJaKqp5x7NEVYHYse3d
GLWWgZxJKAVnm3xY4iTxdXln2qoy0m1bllYV1KNYoJpo/UyuWFzUpKzqI3plz5Cfhh0TBnaPjWNWkW5
k/Ll7wmE5ypZSGriqV93qY8Xk3l3ey7inzJz2OcfJW68WrUeJaoJwzWxsnCs9p2pX2Nc1FTnNK5aAcEskqwP
H1obA8ia+jphVoNWTmFvMt4Fv5siqDxsnsqbhiIg6OA8AOsUcl0CCmq/QjSSL8UmCTh62XpciRBn8NtXjhF
BRnhjlaY+XBYzaKRRHiQCxUGhxcR7IFuyiUCPGonPAN3KklS2jBJOvM7CgouaCUaWZ2BYmYTdDV3Q
OxYbAkmObb46QMfJMDJrQ8p/EnTVN82la/IVt1V7ElZW16jncE8mJ/aMjrNLS0WwQjwjr5dnUs4qtBer4xrr
F5FakVxWgGi7A2djMWt24bO5dPyulk+nEq6loJlmxUNuiKZh+jEyukimRP21T8simYOZCwOlIWpxs04aAM
E4UQVWcqoaN7w42DUDyWtWtLU8NqNWL4kpcnuicXcYWKkLXo3KQ8xVdZiSdSa0umuDSU7PQsQ3q
UOxBOXvljcJNgeILSDSSPKNnj3UJzBIpajOxXkbe+FOmyMhJvpJFy3K2hpg6qrskCoxeLxaLRWSWFvIFRc
SqDt2pITZ4crVYz4iMsBSt1CullLCWLM6tUcm7jZx27QnXU22wz6TmWNXs6kChMRYmkIyNVVVJDO2h
NPU3DR1qLKOYqrVrVZ0sdrPC4KyeebI/Hgdu1epyj1MGLOQTa3aMQqHw5LITrK1xUJDxblG2a4It49tSpa4
WBrJw2lTWenxmX6Tl1EVF7PztrqadtWYot1ZUWiLhdBBswJGLTkHFXBk4izpAmjvnYxazA3xzILPjp80c0/

OAWe7rquMn0CREczij910CjZSm3J/Wqc/glfV7KmhYY3yXmU/DtCx0iWhSbO1vWlRZaTYu6Us7ykVJGuJ
6iMHr0ldmSxLm2siSUChJroKEkCOX94YqSjx/DK8pNdwYNL4iSQVSje+DeqnIWyo8GTenOZqnQkWeLCE
V/Blo1dR22jlQdPa+k4O2XM2xSsozGeXJDpfDrt0aQiXzNSUfyXAlfkr2m/0y7MbLTqUtP0pPtwwwKUkeJhf
TVrfX/impVayJi7qjJ87TNEHbHR7/FkkB3+pCyT1KmsHDFeShUpdtOX2OikJ+Ef3gzTTuu1FKDPKvVV2yU
uszjCLONT3rckowgXo0+BQLESC0YCLqu2Bdm8Su7BvKU60No+RdJt22OWiambGxMgCLZ+dkB3R1zaXr
ELbNU5BN4LBieWfOI6QnXyZzLq6BKMIyz6iMGy9yrk1GoaXNHJgLpnZlK/bYuXh62q+voyth03ZpIF1AO
rNxED4gisFGKUXdAjJpxFHusC+gYFrdkY2YPq7KHM/kk5tm3Ted+KgEYWLTKRMO4mijYoZ2/HT2Gd11
QrpQuTIGOCqhWpRY8000SRuNHfeIjWCyarNmmyXloNxNyqkKgiYkqCGMe06Tk0+4hK0+wQU1R5tObY
pOPobe4sxAQ1H0yGkTWkyUiOPXiKAFcLyDt88CNQGprzJkF0K4nM96wHY6bIPVJecJUHFqaNdTqdc0Hd
C0iOzILfSmFWkbI9j2tktWoDBaswaJ1vOyfmnDtaNkkGr0QcMIxObrkDHyXmjAuVTO+mOb9N8aKCi5c0J2
9gY8Ue+6dJvCwVYP5BlMjBy9/sLO/VDTuxrxs+KIxq9P0sm5dzMO2Kg6Yu4ZGW1j17SfPKtrk4hXMfbadq
wNtr0jpmkfX55MBQbFYbXUrd4dp18Z3TXr9eFpUok+rcKkxaIu3cWmjZ3jhB+5XVwxnYrxs6+HPUCqim6
KY3bc9k7RkwBok4Axk2bo7XuitKNyyYmKmjiguzIt2JEzJCsV1LTKcS3sk+zsjVtJTEA4p9oa2Zq0KY+MkjF
xRt5ppO1+ScFi6eo6M2Zpsm7dFuycqoKOyowaCBHhyRrWDdKN1LpRxmcose9qspqXS2Wp8G7pKsO7iKCl
GVPTzS9yweXUgz8vIKx0MlULfL2KeJW3DKDQZKHt+oGoQPah2zNMbSIAJJkvD75vg4Bs0zthn0dJpGhny
zlA6MfJPHdQ8qzUk6HKx9Ay2HamtNeoIytiu2sEjMR+lOmK2oDvUiQYxDqajkIBaMhlpycscSxh5i2VpppzY
XUNWrWM3pzYdGJKoeJAzjPPN9Qsb6eTUU4O6s8Q5Z2gzpU7tqsm7epAnFxK71xGw7VNFBqo0K5VKm
QrFIx0jroprM0JTEotcxEwbkEU01kyJhFB3SmXImJjChzO4j0lkrXQzvE1QXQSr54KcMyRMRo2dCYsc7lAV
krEci0pcFINT4pcSi7Jsu4brOE2CXmFjC3EVceoEQShJ5FVpYYlo5SRXaQ2XWrKTEfIQuyVn1EQSrSNRUl
4v0t0idKwrgpY5peUzSfSl7CVLU21knLK5HvmVR459XywsqrBSM9PluAAkdNxLLSsJAEI1h2E29M6U0mh
3lyU1FuLpktQ9Ppe9qTOsJtOYilXln6QxrKE/mjOmLFS9xMerftW9ZvMuNSmpisyVq8FcsZnRZK4Q9YCyab
L1vWGItA+QkI5uo1i5J4hpuhzRpcezQVKkxKk9SWM6OsCfNdqRV+duk2SSPh+/h3iDxQ0+LEXkkVjHerFI
LCVN3lrIiko7tKiSvxIkLRaZWfnkakeZLaoOxJJftBias3qdnsV7CSnoujlsuty0vJabUF5Lxrm6QdDRdzYzKL6y
RUeau3ZlHTU5fiMJ6Wt7OGbwcu0nFoK1mJJ6oX9xUWsVq768rLpv4Wv1/V9SFnazGJS1woNXjohdzMuZE
+lunS1gU1s1KlovCxBuykUhRSP3Q7SQ/MwkBZKOGKcq2cOFivHcsd+8qUAS6Tdznj081ejFbdY3D9rS6bL
1KxJLoUyRfvh07myjT/AImg4aoP7TCT8vDy72xG0+m4tulpjPOwqlbtVQf1SdXkjT+jLVpIwSB6gmjKIP8AH
CbVRdMHrEqr18DYJJYSOHCKuJs+2Q9dKZdZvuDqHd44j3sS0SgnCeDDO1ckE3BFFYkBbtgjl8+IoTAsziO
k2NwlpOStLi1vBhazM2uRiNEYWDbygyTNCu6MyE8sVnF0BjPTVusaI0GU7LyqSaizrT2XWUnaLOtMtV1t
Lt5KVaxLOiR8pIs4DTu4JP6w6QlE7bFo1+0aU3Y0Q81foPel4OynYVxCyoSRIumzkxHah6ptNPoBV+4cOU
VzyBlXXl1nTkiinmC/LvgjiahkTVWJ9WXGruyuD1t9DRJ4CdnT16qTsbJISduhSOdPrrPyaVTv7dZnE6ipHdt
NRWx1Vb0mCMHa7SVeu3ldoNrsDxxGsLg9S7VqZliyzSpkzGkQla43YmOdBsulONrCg5ip1isVKdJiqj1oRA
VzJLOnYmDvKujRDsuIM5QgNWbtwE/DyiDc6swnJrRkyiyNGzMqVSrTSrZ7UpqKQj3M4aulQvKLf4YuU5i
rq1NF4KWl3pl2t0K6cRGoCyiVWuJgeV2zoMYulWOwNl9PLo3UbU+3S7GZqOoLsD1O5t21VZ2NvNONPb
o4Oer3WNOFVt00dzpdYH5NPDTaFd1R0jNWJOjeHlkiTVnXxBo3BUFgbSTYjVSW4M3a4KYUxM8wHy+
w5tvgDtiLgpT+tPHhiQsv3GdsknEs2VOrnxg7jMYXiyWDJy0zlaVa+IR7DtKxrRV7Vk3Ho6gy5WQNVzU23q
i1rL1qeqtvS0CWdeGJ8QBOou4bzWIuFGQeY9QQuVWZN3jTUh7USMZRS8IXN3L1Vc+pLvt/Eqypa/dgiI5
K3s1Uizci7RkTKQpULAL1F6ipEv5OykbslZvyjaO9RlC+iNpW02/VSKgjV9a0XJxBemopWi1vUsnnqHc9Sa
Q6COsD1JGfvcg8PKyazqNQWsSDKOjHUu9hdMVEUi6jM6lISepUhOYlERVnbhIShXUrJOWxht7pki6uEk8
UrunFpsaLXUmuafQMxfJ62RKEek2bOyGHG0X50+7ZmR2qKy2b/MA8RwGgqZ/5A2JxAOWdlO/GJpj6xvi
On1Edx8sdJWCZNpu2v6s6VsibROQRrqs3TVIu5zk9GMW0MZ5VYKwMkXDVwyetU46fapJskTTTVy3aSd
geoPiXlNEqGoDpqo+cMNRlZmn2KuOyaqrGeS1VYSywx0pHL0uSjq7JpWaMhDRU46kGSckRI/qaLY0pLG
imsYgu7kofRlhDrzeoyUVGo1xWzJVBpG155ddc1ZAF7wrZlUJgDCwjZCSO9pbVMQRr55CDjzSRXdGXRr
krHU+Dj6/JSdiQn7RJThjzTcUnlkXkGjNNKvOIy4MLnjtV6zmm2jspKGZScbpTHWrXabuaayBiLBLKA1bC
d3h1+OPZVV6dZBXy2AAcfm9sUbHTKQ3AwSQKtFmxSh9wa3F43GD1LIilLt4Z8lYtPp+Dho99585HjZoC
SoRDVxFCSuV29MEo9GdVO/jrDKsSsL4s3IznYp+2QZMWgPEX6J5WqKuDTVMUarx8EsxkF71YaWu9iG
us0LIRp9PHSN1kXbJnQWlqK8WQqzwXS0k1asiSrOXn0ZN5GV+fAZZzFxDyRsTmxpQMEmm5TtDp41la0
dZ5JwPpjkkF52MZoTrNMkcyUUdkhgIvZ2cY4sWo8wqs4erPXPr6pIij2NGr3ojFSRsFslGz1+6tZURjjvrK4SY
IkIpe0mWS+pc1ZgSbNmpXMosug2SUWFqVo3QXdGXMCB1zlUZRKbl4o9UYRSsgqsogwHBAoAPUhO4
YQ4jjVMirh3DqsUhEohzLySjge44arNFgNtlVti5JCR1BOeSQeRSMy0qz8qQxzlu6BuBXETOpNU2VuVVbJq
OUHCF8PFkktRkk5U0u6djHThvTFrfLsyfHEk0nI7Uv4hWnJl86ex1naR+LSEbM5OJuQUp8ujGxkkMS9x1Xi
zjCMsZKFDzGoErNt4OjmlmEgEXTG7SyJu0IifJLSsvfHccDm0P5dZxMrTafYOyeNIFdniskR7GSsU1i1HqQo
ETceTcJgm6OZg6glnjx2+xaFUKR1/KYq6lynZMJnB3DFWPVRkFG7YhTLKP2asc6TkzLtUkTKrOiKILqSCi
rZMvJVVIyCjuQUeB09xE3WIaBISty0bRq1RMgQyPbHearzSEoXfbuU145RElh0riIvThGzqLpxsMeRbr6YAj
o/HS54vE/KSqtlg4Ou6eQtwfNAV1AQmjzUTFQEeiQVMdSHcTdU+G8ku5XevIlZs2dPnCLOOSnH2z6tkfL9
lFqyXhpB/IzsC384oyZDVGK50HknDjPLNIjycer5mQyLrJXeNGpI5e3JvJ55HVgzaRczkJDOpuGVlHcgwVQ
dzcWlELrwwOIxBF4ZOerAVqj9pGZg3yUjLILU1AtZlGzZdp8TxEY2tTZjpzh3jh3Bmnztcn9MWUXXW8Igg

1ezRSZctKGVOrjCCL5NexeWM50y7WjcfXgXZyEmkBVY5dFuxhjOGzuTRQz740YGeGcpERV4hn/AJ1hnJ
G05q7qlGXCPDBdCZGwybVXS0S8Rau1W46nRCEdRkmBwbm2x1e64pSouL9UcPoxZkpMSrVTSxoRBdZ
Bn32t4tTacqIkWROgsm4Qm7uwjoyOkiq4jHwrtvAz0axgE14+yysnRppmhAPDQVZkLKyRxWrSEif0FCHZK
vnkfkQ4czhYsiScQ8ZvmKz+1OpXIiMQjI9VN0o+cN5JtkY+N23iSpnkqlKPZALSzO2VTJ33syo9yzXaFXhpJ
28MiL/sKWmxNDaZKpKrpxzM68ne7yxNReYlMBjK5db4mTT3kJDcTcL9qTH2eo7CcQHYVdQq4SmrOTrn
wNQo9lpc6cndLYzFuUr6TF4DZqd64CsBt2/bb5EVSlFGMM8T32BNUyKgzRJQVIz3UfqqAxmnUYVJRhJJu
mB4xU/NUzWwuI9qgzRkmwFIjhFzo4g8PPkbs3TtNkid6+jllYTIufZxiBJMiDcrJKRjXynYSi7nIs8+KK5Lmf
NI2qrCdSNfktzwrdKwQEghJPG9sJByE+xZHv8AHMnzjUOPcJRPNI4Skw2KfU9hPoSjdG0SqaouTv55VxJS
L1Mx0i81CTP5l4/NCKtXArnlHgoinFmbovnjR6DCccNYdmyUVZyco0WEFhVMjEru3Lr0+IDniCIu1CxrSAx
U3dOIACbaJKyLMPUn8htjSMMug+UbGHIuDUkiesBGI753M5YPQjYV+iaoonTcElnCzQyIgTEVRaqoOGrl
s+Zg3eiXI58do4dqx79HkAYVfsnYTJhReOTgLlx51Uodxw3bPrTGrQo4q1UbN4kHYuPRR82xqroxIJJNVw4
pUvNRkHWko1SYUr9LyMVmLBDBT2ULJLNgRTPqUnaJyYgxjwRq8pNN3+oEZXUN4+6pPWctLLpNWj
VdzYiyWOIF46YO66wr7deLOdRv3HxApsdCJOXDlVg3ko+LTfRDp6ujBrLHbTLSCQcHVsLsIU5lRhU4I81
YHMsnwwYJVONcWBKOR292Ma4klUn7autHbtWQc7bijHpV1zKzC8wpnlDJkXklnDP5kFjNljmFQ4omKT
bOQ4IY/hlonP6zcMiI0HqjpotHq8jKmDYQax6bpscAbLIFB+5JGJoFjw7eBa27A61icvUwetwUhbKvHt1L9yB
uogdw9m0XTlDUOcQYs5SR1DjoWZ+AAjXiCT5TUW0sxGlx50522JSoR085i1TSCb5w9lZeIXmV2NgcOTS
TppJSvqeHYLtUVWaCItpEYVtINjSCDs7fEnBGh5J6tLvVB4IphsSXfPJQiKILEE5NiTjmPZuXajtX/wBYuxY
unjpV47HN9skJ9R2133NvjGSPHJH3HozceUdOHKjxVQnD/hjpZSPwYRGbwQ26RFgXjW6kU2k4wohnPcj
OYOg2OwbSjgEARUIzFQ7Wa4BHsG4otn6ciK0Ts3B448gsTtmSIQzlRARxB755i1RfusRs7N26Qq3mlZ+yN
0lIt7aImDZBHagOGFVf1nPSEpd85dOUCQMPE2RR06YIJBV/LOH0Y6Rz16DjW03MvLPHkoDxm1fonYH
Rfis+feXK+RFftpnaKpPWAqx66Tfvpt/KrxwKy7143jEElE+4dZuZuoEA3iAmpRCVkUw+qKhDzASTuPasx9
823xKrJQzd+sVy5/8AzGRC0utLeSQTwMfx60Yv83IFcVbmRNiagpHczZZ1KQilI4eABkdJuYZ63ekXItFn8m
VQVE1EuwcpkJIHiZmCaqPms8mimc8r6g2SaEaHUAHgumiDAziSR8gwaPExaRPeOyKZ4pIPEbM2TpCMU
WDcpxWetRsa1tUUNwb+gJpOEY/1JT4nSRdDTnVnl0as7RaPHqFcaPhfyLRORQg3MYV0q4XfGQfOybs5d
GUmMViBjQjmS8+Zooi3UfmUfvjlLHi2aIFgJKfUdIgQy2RP4r4J1KuOTcllB+g0fGsI1rOWZzPYVPmYrA51
TSjOoEXWO5V3yKi0lyyM8q8b42aKPDeZb1lu4cHdL/OxV5N8SSA+APs0lXDNn/SbOWzZE5k1FB2MgXk
dg/VBR6yIg5+4qJA3imjJMsWRvyS7qgt4d2rLWiQi21feSiwFVmCEhqxXrE5tElNqC0Xg3P42p1vfViyQ00tRt
b3bMiM/XXZ7Uvp47X1sttakFanqdPvzRyurs6epVOUgGqTZ7LPIfUG0M0o9yi28xqAuKLt1QJxw9sNuUFB
GokLYIozgz2QZTa7+NliEhoCcakgJuwocsj1O9lKiEbFKyEuu4RWTBPAfn7RwCrVV2sdVUw9szaRVdkvYB
C2BQ3PpV2SJYN8+WkXXSdP6Y3H79f/EAFARAAECAwMFDAYGBwgCAgMBAAEAAgMRIQQSMQU
QEyJBBgcgMlFhcYGRobHwFDBywdHhIzVAQlKyFzM0U2KSohUkJTZDc8LxUIIWVGBj0uL/2gAIAQMB
AT8B/wDHy/8AAwqWaX2uXDlml6uWcZpZpcKWeSl62X2qXBnwZZZzmlmkpKX/gJfYx648MeskpfYj9lnnmp
cAKfAmhmnmKBzFyGa8gjIJrpqSLqyQTjJBwKlnvII0QOa9mJQOaeeeaf2IocAoZwjmGc5hnCcmjbmFCmCi
Od+M0NZ08w46KfyoVdPOVNNwThRNUkcczkOAUOAUPs0lL1QzhHgS4J4ZCCAQA/8DL7IFL100PVn7OP
tgUuFLNLNVT9bL/w8vXnglD/w59RNBOzszOKmpqah4J5qplTKmVMqZUyplA1TsFMqampqamp5nY8GavI
cKX2U+pCdnbmPAh4J+PqG4p+HqX48MH7WcPUjBOztRw4wS8EP4a4cPQBuLnbmPAh4J+PqG4p+HqX48MYKamn4cD
SLSLSlCJOmaJxs7MMzs7eHJSUvsJ9S3S3BPxztMhHDGd2HDGd2HDZxkQovGztdIIV4wJuIv4Dft9S3S3BPx4LQs
HOzDPPgwNwztAhQS0K0K0K0S0S0WZzJlaNaNNElNT+yHHMETmCmp/HCmp/wAIPs0XjcJuH2UeJU1eU1eV5Xl
qPUH/wAIPs0XjcJuH2UerJU1eU1eV5XlezF0leV5NdsU04yWkWkTjaRaRRaRaREyWlWlWlWmWmWmWmWm
WmC0wQM0510TWnC0wQizpn0wWmC06EWdxMiCa0oWkV9X899XleV5A8Campqfq3epcODEzsxPM
his07i+oZgo3FzsxzRDTgQ+NmfjwRgjwRjmJ4Qzjhn1RzsNFEzw8UTIT4DRIJ3F9Q3BRuLnbjmimsuBD42Z/
G4LJkJ2HBHqBmPqDnkpcJwztNU/OzFRDszwxXM7i8DRBaJq0TVoVZmZMmPM4SaM8
MMwzhHgyUswR9WEfVHDOzFE52iQzPw4AU1NTZRuLnLnZxlEM8m8wxT8czXuxMnpPMc5sMD4SaM8
PjZn45hiomGI45m4ZijnPAaJhzvbqVnNbUfo4F8gwHqFp8xTh0ODwA8OkDHlpLiiY8mvb5VnqPymUgTm4wh3l4B
Ds7U4HMcPUxPrvqBXnghh6FS6bqBmPqPbbEdqIxXpKEOx3T6D5E/w94wy8j6gjkLM7yRE0LXk3aTl8t3+ARtmjbd
YqadjmCKOccAYp3BmYDrZ5Ccg92cmgbJNVJ0wHOECoDGNQNxCvE8YbZ7q8K7ayWkI1B1J+IgknSXz5bPPZ
pK4FdCuhSV0K6FdCDArgUVi0/d2KOmPAf+GOWQW2lNJ3uemkFXHeaEsqkZkRUCUhsQ0BVN2bdvAg7XCHM5Tf3
Mzs7MczxwBhKOhcCKOcY5yNtFNCCmmazW0dmy1pNPUM78qnGmXAW3NAMTy8oQ2ZytBqvAqRJMPyaKUPLmeYiNjPKdm
Wq2ZYqWxNmu0RWn3qF4+hxyZZDvMtBNSTkoz8KMVCpNaUmWFQtTudSTtStEMhRspwAsaqUrsCDxbzvzHxk
IoDWV3WyKZsEi2DJTlMB6lvIRxh4odmwVv7W2P5qUUrYwAbOmgOhhWG+0yyrkX4IwZ2pAc2aynJ6KzhL3iGbzFNqx
mxmoEHBNCDh6iXCKMtmPYmRA408EK2EoRjK4sK15xFtGaquRJzj5eHwh6EB5qTqkSfLwqAIqmgBPiXQuy1bBjm

BUpp0Iht4q7NoKbtTmzQMlQiaeJTUEfRg83uT8OseKiHMEc8/VTTnk5igoPG4M1PMUcwz3iMFpX8qaHPl
NEzaoeKuzdVTm4IqPigJLYrhkotGphF1PIRenZpcFvFViskW1R2WeAJucZDpX6Ot0H7j+pvxQ3u90A/wBD+
pvxX6OsvTnoP6m/FZb3NZQybCa+2sug0FQfBCHqoMxUpKHZHx4rYMETc4gDpKh73e6Fp/Uf1N+Kib3O
XnAyg/1N+Kh73mXwwNMHZ+JvJ0p29vuhl+o5PvN5elRN7vL5FIH9Tfiv0c7oP3H9Tfisp5LtOTrQbLa23Xjr
x6FkfczlHKjHOsLL13GoHiv0c7oP3H9Tfiv0dboP3H9Tfisr7l8p5LY2LbYd0OMsQa9SCyXkq1ZRj+jWNt52P
Z0r9HeX/wBx/U34r9He6D9x/U34rLG5vKGSw11uZdvYVBw6FkfIdtyo90OwsvFtTUDxX6O8v/uf6m/Ffo7y/
wDuf6m/FZTyZaMn2g2W1tk8S58ehOMhNQd7zL8SGIjIFCJ8Zu3rX6N90P7j+pvxX6Nt0P7j+pvxWVMk2nJ
1oNltbbrxKmOPQsjZLtOULSLNZG3n1PJh0r9HeX/3P9Tfiv0d5f8A3P8AU34r9HW6D9x/U34rKW4zK9gs7r
VaoUmDEzB5thzZHyDbsqOcywsvFuNQPFfo6y/+4/qb8V+jrL/7n+pvxX6Osv8A7n+pvxWV9y+Uslw2xbdDu
hxkKg16kAv0d5f/AHP9Tfiv0dboP3H9Tfisp7jsrZPs5tVrh3WDbMHHoKptW5/IFvymYjbHDnclOoGOGPkI73
eX7khB/qb8VD3vMvg1gf1N+KytuRytk6zm1WmFJg2zBqMCobLomVB3C5ctUNkeDB1HAEazcD1qJvdZfJ
/Uf1N+KtO4XLNmgutEeFJrRM6zfiobNVZI3PW7Kd70KHeu41Ax6U7e8y86hg/1N+K/Rvl39x/U34rLe5fKO
S4bYttZdDjIVB8CgfUN4q3sbDp8uNiHCGC73DvPA3x7Fp8hxHjGGQ73HuKZxQrtU5iyCJZTs/ts/MOHvmH
/H3+yzwW95lr0DKzWPOpF1T0/dPbTrz7ucl+nZGjQ2jWbrDpbXwmgt6jJVyBFyi4cY3R0DHv8M+7vLf9pZ
VeWHUh6rerE9Z9y3o/220ewPzZ98n6+i9DPyrIOTfT8owbH+Jwn0YnuXRn3zv8wxfZZ+Vb131+z2X+HA3W
2X0jI1phfwE9lfdm3orNKz2i0cpA7BP38Dfa/YYHt/8AEpuIQwzb5n1DE6WfmTRtW9nk70fIwjHGKS7qwHh
n3xvqKJ0s8VEOqVuZ+qLL/ts8M26j6ntPsFQxqTK3C5J9BySy9xomsevDsEs++Jl3+0cquZZDP0cLVHT949vh6
lvFW8/YZQbRbDtIaOqp8RwMoWQWqzRLM777SO0KRZqOxCiPk28Ex4iNmshj/ABOz+238w4e+d9fv9lng
gTOYW5bLIypkyFa/vSk72hQ/HrzEAiRWXclPsWU4thaMHSHQeL3ELIeTW5PsEKxj7g79vfm3b5b/ALMyU
+Iw67tVvSdvUKqa3pP220ewPzZ98n6/i9DPyreoydpbdEtrsIbZDpd8hwN8/wDzDF9ln5Vm5VvXfX7PZf4cCNDER
hhu207VFhGG8wzsp2Lezs2iyG1/wCNzj3y93A32CB7f8/ABKbxghhm3yQDkGJe/Ez8ygwBGiNgw8XGQ66
KxWRlls7LNDwYAOymffMMsgROln5kRqdS3M/VFl/22eEGbdR9UWn2HLczkj+1MpQbIOJObvZZT4M1C2Jlgwt0MFzf9ANPXO8e6SDg4Xm4H
Nvt2G5bINsH323etp+BQdQqzPoshfWVn9tv5hn3x4d7LkY8zfyfhb0NLfaPY/5DPvjn/G4g/hZ4K5eKsNpiWW0
MtULjMIPYrBbYdsszLVC2NwOBunyyMl5NiWwaKN9o4fFGG87HNvRftto9kfz782Hs+jPnOfGxe6sTxHW/6wi
ArLZmWeCyBDwAB1cDfO/zBF9ln5Vf4Zjgt7S1aXI9z8D3Dvn782+TYT/b1P8AUP/AOfcoUM
Q2CG3ZTsW621ejZGGtMX+Ajtp71uU+prL7DfDNvufsED2/+JTcQm4Zt8n6iie0zxW9Rk65ZI1td983R0N+Z7u
BvjfUTpb4ojUK3NfVNl/22eEGbdR9UWn2HLczkj+1MpQbIOJObvZZT4M1C2Jlgwt0MFzf9ANPXO8e6SDg4Xm4H
Ybgeo6p8Qm4FQysgxZZSs4/jb+YZ98AfZ8Af45+ZjK3Ua+LKjoO
PYfHgb6mWzGtrcnM4sOp9o/AeOYreh/bbR7I/N/ALN9K3dOinCE1ruu6AO892b+0Gm3+gjEMvn+aQ9+ffO
/zBE9ln5VvXfX7PZf4Zjgt6W1ftVm5w7xHwzbssmafLuTYnK6R/8AUh3xzb6Fq0WRdH+NzR7/AHLcp9TW
X2G+Gbfc/YfC/YIHt/8AEpvGCGbfhm3yQDkGJe/Ez8ygwBGiNgw8XGQ66KxWRlls7LNDwYAOymffMMsgROln5kRqdS3M/VFl/22eEGbdR9UWn2HLczkj+1MpQbIOJObvZZT4M1C2Jlgwt0MFzf9ANPXO8e6SDg4Xm4H
CWSbL/ALbPDg77GUY0TKDLGRJjBMc5dt93amjVU0fUb0NinFtFsOwBo66nwGaKHFhDMZUX6KLZ/wD
Zb/K5bk8hxsk2I2SM8P1iRKe3p582W7CLZk+NZfxtI7qd6+6Zpi3Na+V7M3/9jfHPu/iFu6GNPDV/KFvXft0f2
P8Aln3xx/jsQ/ws8E2d5QSt73I3oeTvSHjXxi1/9fu/Hr4G+xkP9X9XlWEP4Xf8T7uxTRK3of220eyPzZZ7DkzRZQtN
td/qXAOhrfjPNuWyn6dupyhFHFDQ0dDXS8Z5987/ADBF9ln5VvXfX7PZf4Zjgt661aPLb4X42u7jP45rVYG
R48GOcYZJ7Wlvvzb7tq/ZrMP2neA7Nh4neAHvW5T6msvsN8M2+5+wIF/Mz8ybEYZe5L9RbNvB6hP/ARozyvfYT0k/
Mzm3zspaDJrbM3GI7ubkXkm4E6W6X/SvSVkwAFiWoEkzxC3D8xkVvG/eI/YyPoQ/DzNEm1bWk3fALEvXZ
A17VLUktiPqN7Sw+j5DY84xCXe4eHD3U5O9DynaqAMxsv2f+Elx6hPPu/eHZctHSPy/eZBcklHNDIHnomWmR5jj782Vc
hb1h/vkb2B4598+OPd/C3wV3/KWUmWUcmbvZGJw601oaLrcM0K0Q4hc1mWmR5jj782Vc
nQ7fZIljjYPEvn1Yq22OLZLQ+zRuMwyPVm3oP220eyPzcDdBlvPk+bf4B+bS/Wm+FvSvI/cSC9dR
gi+yz8q3r/r9nsv8AF61fs+4f4gnSjb9LU+XU/CeB9K2m3Xi4HFQ/nkR4l0gOmQeLoEgE4W8dc4rL2cmE9Wa
b49v9IyqYIwhgDrxKbhm3xxPIUT2mfmUQ3Vua+qbL/ts8M26j6ntPsFQxqTK3C5J9BySy9xomsevDsEs++Jl3+0cquZZDP0cLVHT949vh6
hRBNpEj0FZfyS/JltiWJ/3TTnGw9i2IngSUlJNYXG6FkyxiyWOFZR9xoHYM8ipZ99SxaLKDLT+8b3b4SW5
7cTHyzZn2mzvaLpLf3L3Ff2NetEdwdFdSmAHz2592Fo0uWLU8fjY3sD82ffZDZPLT/AGW+W/Zr4+yb
CLJUW9jkT0exuyhEGtFw9kfE+Ga0WhakCE6NEwaCT1Le/y8+LlONCjH9dN3/sPl4Z99jIWjPIbeZIWKS6rukYH
rHhm3oP2y0eyPzZcfcynnorBCsLcYjpnob8Vft1o9fgmz753+YYvss/Kt6/6/Z7L/ADPPgmFpEKY
8OAcNufdfavScWmJvzSh3XSoRZpvHyPaYfFHHhHZs9Zmn9tAgGUjdWuPcZzszwsxxZeWjpbi+WZMRIUaz
F5n2lNwzb5n1DE6WfmTRtW9nk70fIwjHGKS7qwHhn3xvqKJ0s8VEOqVuZ+qLL/ts8M26j6ntPsFQxqTK3C5J9BySy9xomsevDsEs++Jl3+0cquZZDP0cLVHT949vh6

A9Rp1oYI8AQqIQloluQyeLXlqzQdl6Z6G192ffcyk9hs9lhulxnHwHvXplo/Ge0rcZlaLAy1Z3xHmRdI1/FT359
9axaTJbLSP9N3c6njJb0hnk2N7f8AxGe02hsCE6O/BoJ7Kq0xjFe6M7Fxn21W9IZ26P7A/Nn3wPrp/st8FkvJbs
oWplkb949209QVngMgwmwYQk1okOgZt8bKXo+StA3GKZdWJ+HWsm299jtUO1MxYQVBisisEWHgajrz
ZeySzKdgiWJ/3hTmOw9qjwHwYjoUQSc0yPSFvQftlo9kfm4G+XlL0rLToYwhAN957z3Lee/brT7A/Nn3zf8
AMMXoZ+Vb1/8AmBnsv8MxwUTjFbl7V6RkizRuVje4SzRoohMMR2Ar2KNGMSIYrsSZ9q3J/Utl9hvhm30
P2KD7Z/KmjWCGGffIyl6LkOI0YxJN957gr2p2JuGbfF+o4nSzxT2zW576rs3sN8M26r6mtXsOWSspusFvg2x
n3DPq2901De17Q9lQcM1uscK12d9ljcV4IPWsp2CLYbTEscbjMMvn14qSOeHD1VLaU5lFvV5N/wAQi2rYx
sutx+Az75ds9Iy7EZ+7DW90z3nNCiOhvERuIqrJaRaIDLQ3BwB7RPNunsHpuSbRZ9paZdIqO8Lei+rY3t/8Rn
3y90bIFl/suEdeJxuZv/8ArwUUUW9H+3R/YH5s++HEll14/hZ4LeyyV9G/KUTbqt9593bn3x8pekZU9HbhCEu
s1PuCkt7vKnpWShBdxoRu9WLfh1Z99TIXo1ublCGNWLj7Q+Ir2reg/bLR7I8c9ttTLNZ32mJgwE9lVarQ+PG
dHiYuJJ61vPft1p9gfmz75v8AmGL0M/Kt6/6/Z7L/AAzHBROOVvY2rS5CYz8DnDvn7827C1ej5FtMX+Ejtp7
825P6lsv+23wzb5/7FB9s/lQNQhhn32so6S0w7E3Bgmel3yCaNTsTcM2+P9RROln5k5tDJbnfqqzew3wzbq/qa1
ewU52K3u8rel5JEFx1oWr1fd7qdWffZyHJ0PK0MY6rv+J93YpI5pKHE1U8zaVZZaNZH3UW3JTHQ7Hd1q
mYmom+VlprZgs/l+a/SjlzlZ/J81b7ZFtdofao3GeZnrRzZP3x8sWOzMssItusEhNuxfpUy5/B/Kv0qZb/AIP5Vue
3a2/I4cyzBpa4zII2+Khb8USX0llHU75FZS32coxmXLJDbC5+Me+ncn2l8WIYsYzccSVEdqrIO6G15Je6NY5
TcJGYnzr9JmW7pM2fy/NfpPy5ys/k+ayxli0ZRtnpdqleMhQSwVg3f5UskBlmg3A1okNX5ob5eWOVv8vzR3y
Ms7Cz+X5q0x3x4zo0WrnTJ60VkTdBbMlPe+xka2MxNWnfOy0xwALf5fmv0p5b/g/l+ay1u5yllSzGyWu7dx4
vIsgbpLZkeI6LY5TcJGYmv0p5b/g/l+a/Snlv+D+X5rKe+Fla32V9kjFt12MhJFZA3SW3I8V8WxSm4SMxPnX
6VMvcrP5Pmhvq5e5WfyfyNZXyaxaMqWo2y1SvmAkKLI2WbTku1C2WSV4Aioniv0p5c5Wfy/NfpSy3/l+
aJmZrIO7HKOSIKLIxJxnUJgrv0p5b5Wfy/NZY3cNZy/NfpQy3/l+aJmZrIO7HKOSIToNklJxnUTrgv0p5b5Wfy/NZY3eZUynZTY7SW3TLASwqgCcFk/fDy1ZYDLJBldaABNqj
b5GXA3Vuz9n5rKe6rKGVYDGW2VDOglzJ0SWGKfvlZZbIC7/AC/NHfQy3J3Ep/D80/fOy2GgzZ/L81li3xrf
Ffa7QdZxqmDVohvk5aAqWfyfNQt8zLTxe1P5fmst7t8p5RspslpLbprRssCjirNvg5Ws0BkCEW3WgAavJ1qLv
pZca6QLP5Pmsob4WV7VAdZYpbdeJHV+anUrIO6G25KiPfYyJuEjMTCib6WW5yaWfyfNfpQy/wArP5Pms
qbv8rW6yvslquFjv4fnmOdpogdVxVmdqpz1FOqhiij6mdEyImibCmiie2bk6YKY5Aq9VTzW7jDo9U1D1DGlx
uhWWDc42KkNqixA1NNZuQnNk0eK9Rf1bU4TbJNbdFVCc57ZlQ6Noovu96iHWKvKNx08YJz2sxT4znIG
S0icaJruXgBxkmv1SoL5BRIp2Kc2oIMmiwhNE1FbIBXaIM1SVo09skRLgQHfRuUB06I4p4QpmBQzW7jDo
9U1BFDghWVzWxFMpz5Yq4065RlNN4jSnA3HHnQhlwAQFxtUx+peKET6NNdqjpQEzLm96iceiko41kJzm
5RhMeqHFKYaJwWxQxVNQlgrO0Tqo0MOK9GF0FCDW6jAEqqIwPIkozCTRejr0cowiE0/RFWcGYT+Ooi
cc4Kmrbxx0eqahmHB0buRGy3bssUVxzPYnlfe6kwagUmiYKvHYnv1FEP0aI+jTOK3pTMKJ/GzRaPKD1Edj
wSyWPBBoU0p2xPNFDNVDiBMINCmXXzonwq1KbDkAFEk17S5Fs0+yyGpUcnwQhBxN7FRGye3rRYi1
GECmtki2biomxO4AVt4/qggjwrNZzxyjxlfmZLmVxNbtT2kOmE5pTg4VCdRic36NGkKqYdVvSoXFCiO10T
tCfJ7qIcgURCESJp7Lqhw5tmiC2gRbwdiBT08piv8igxdYTVnJE0YkpzTYwuiStJmJcys10QRJTanw2HFR2az
AOdaGdFd5VJTknATJaomIUVHBbUFJW7jjo9UOHChucZAKFO6A5O40k0bAhipKWqiZlSkouCqdqdKUk5
s2oTDW9KY28wJ5unXxT3TFUYLrk5JlmeDMtUdt7ipsP6Ns1amyaU2Xo6hnVTub1BzwjrBQ8SozimuoE50m
mSsjho0HDNFedIyXOrPGN6SiRKkpzaTFU7BONUQCJKIiNVSqgEFb+OOhAT4RzhDhWaEWDWVAmNl1
poqepQjKY50SnVCdylYo4IiZoUYL5JsKYqU9rsJJplJGHj4qIy8MU95hThsNCnOhCkq881GdcdqiSfaHuo4qP
EdxX4pn7OUGzFE1Ox4IGadM7eMFNRXTV8hX5wyrNEIbJRLQ77qh2gPHOnvwcmGRmsapz5GSeUc0gU
W0W1BAIww7FQ4Ya26Fa7I5zr7EYTxs4Y4UGE4mVM0pm92ZsDNA4oELoV0zWiJRh1TmhkjgtHMIwpK
US7PnUMNcJzWgbK8wz6097gZEKM5j3znJRW6R15qjObKW1NhMdBHKmRYYYYdVAnQUwTMJL7ydjw
YaIRHAnSSOGYBQ3kTkjyprnBwKHImuE5qVVi8ApwqsUAgORCtQpINQagxXFEiNao1oGA4Y4WThOIeh
Xw6c+KMxJmqmaNZyTGFXU0DFMHKjIYp7SQrvKU5q0OLVBaLonhVNi6hl5+adEF0zx8U+ZcaSUplBjG
CcuVX7o5Sor6mY8zQeNDdTXmS2o48AYJqJRdwTmCHKnBwICjnXTXHaiZVCbEV4XszEMzWEOz3leWl
USRBmo8EbE4S4Q4LWlxk1WVpYZ8tPj3K+1tGK+LqbO6MzGSmeVTkgCm4yTqYBBsjVAiqutkpJwa6fcp
Sbc2ifYpiHIp79I7WxPT2qooosIsxTYb51NAoouzuovE74r4ovmMFGIvSHCnRT4bjmkLs0CortcSUc6yY9RM
EI1EX0mE2JRX1eQdghwJK6i2iiQCVEspToLgZcEcGExzqNUIaNsgMVEfrSAUtqkhWqJTUyaIOxTdOZV7
UqEJoOOCrgrl8kLSSYG7U4P2lDXM39StDxek1PtZcJKbQ6TTsTozZVWkaWSWkF26n62t9jOZ7DKeaWoo
ZCe8AiaERt2ahxQSAnxg0yTHzE1NXlpEHqHirsmhwV0FOghW2zCFKXAHAa28ZKzwtG2uKDqqQzXJ4rm
Qkmw02gUyKK/MyAWmaBVMitlJpQu/dT3NBoaouIdSvintDRUV89iimcro89KfpnGXFHSnMDtvcmwmM1
RtVqitbFDw2g5VaaPkhinXdivFAevlSalnbK6Zo8RQocwjxetPYBDCAnE6l/p9aY0kgoEzKhvuNToxqtIU1yhm
agcZB5KBV5RxfYW8qIkZcKAxrnScodlhsMwinMQBGJQOaSaEEDRRA6dEXB2ClJsnmqvNbRRI0hfK9PF2
41OtZknRWzDivSoYhyPYmPrMhG1i/PYoUVhwKtoD2Fw2FPhQ7t5jplFNaSifWyz3HSmoFmLxNGAby0Rn
JejJkKWBT7MMdq1JXSE0Q21Wq0zCErpCgDXCtDBiFsV0lNglNhAJpkob9qa6SBU1sVuYA6YGPCsY11L
YnFXjOQUztVChRFyHKmouTXlGmKv1ukp7iGnmRjNnNxmVEiCc0IhxmocyUTNXjhmhxLs+dPil1CgnY0
X3fUSUkVYrDaLXE0NlYXu5AjuSyz/wDVf/KoNniRniFCbecdgVt3N5TscPTWqA5reUinyQhoNClq3VCkM
U6IAU+NWi0+ojGcjHKvK8VNTTCQZhEl+KbBoEGDPJA7EAgi6SvUUaFpGy4MOG5/FUOGG4IkqISKhG
MdqEYlCKmxQUCgZ4JhknYJr38iEQTCFoBvXtih2kxJ0UeC4m8M0uHKmafqJqaK3sPrsey7wW6O07ooD3x

MnQ2OhAf+2FaTC3qcmwtBFt5GsXXRzCk+2a3JboI2V32uDa2i6x0hT7pnQ8uCy3YBYsqRrGzitcR1LLG9v
ZLNYYsezRHl7QSAZbOpRd7ixw7AYz4j74Ze2SndnyYTX/weA/ITMpQnuMVzWkCkpuIHJPat0+9/Ysm5Lf
bGRHF7ZckqkA7FYN7zJMTJ0G3WqM5t9rSatlN3Vy4LdpuJseR7IyPZ3uJc67WXIeQJ+9jkZlwRI7wXUFW1
PIKK3b3tgg5Vs1hbEfdih5OE9UUlRQt7KyPylEs992ia1pnSd506YSwCdvdsiZadk+A8iExrXOcamuwYKNvZ
ZJjNfBscd2kZjMgyOImJBblt76zW6DE9Oc5r2PLCBLZLlHOskbgLJaMmG2RnPDhfpT7pMtk9i3O7hLPGsA
yllOJdaROQpJvKSt0u4iFYrN6dYnlzKTnyHAg7QrTuAyRAMNsaM8XzdGGPYt1e5yHkm0thQ33g4TE8UW
hHmTWqeZ5QNFNWyGA69yp9leJc6iWJwldqolkcH3QocMMEggnFO5VEh8iJ5FpDOa0hNULU4YKHbBtT
YzSJqYQonvpLlUOK0OugKC3l5U6rZFRGa1BKSiQ7rQTmkS2aayYJzRYd05pyaPW7k8iHKttNkEXRm6TP
3YhZFsDNz2TS22R7zWkmZp1Dzit7bdHZ9LGsMQ3bz77J8+LenBZHyLA3Oi1Wu0xdV5nySFac5rsWU7f6d
lJ9r/G6ferZbtFlKz2c4RGxO0XT8V6d6TByhLBl5vZDE++a3OR4cHc/Z40bithgnqqsvOflPc204OjaPqvOat00Jt
gyFAsER2tehN6bpE/Bbu8lOylDs9ihukXRMehrit0UdjcpZOs89bST6g2Syt/mLJ/sxfBWnKbYeUINhbxogcT0N
Hx8FCytZ7PultFljOkYjIcukA071ZMnMydabXb48QBsUh1aSkFuNtzLYy1WpmD4ziOiTVYMpvyhkh9piiRIi
CnNMLJMWFljc96FBeA/R3DzEDk5FustcGwZF9Ac6by1rQOiUz0UVs9KnC9Fu8bWn+Hm51vkssotkN8M/S
Ea1ezo2rFAIIop05puCJTmhwulbccxOYIopyiQZiYREseAIjgm2p4QtM8UIk0505HYoMR+zirSkEDYU+0tuy
AUVzrgvIik1ZatI2KyQr7XKLDLcVbBRqKI+in60GRmFEjxInHcSgokZzxJ5JRWkdjNX3cqvulKavuwmosWI
+ReZpkQzq5R3OOuTMq+eVPeZYprXOqU4vcWtcTLpRJFGolzWpriCHNRJMyUYpUtqa1SzOT3bEJk14DT
yoZipoFXZmS5QgJp0IFOsyIlnY66ZpwM1eO1C6SmRCBJBzgJNqE2GXAlGbdVdCgxgGGasDpNcrW69JR
WzAUdkqp4+hH2E5wFGbJ0lF2dCaopTYZKfCkySgsFwFQ2zcCE8a4VowU5LSbEwHagKqamnJz5GSqhqiq
mg88i1iNZOtAYZOKg2lsSgMir8094B1leCBCMzVOMgoL5qc1JR4UwnwJA9SfDlNMYZkItffvSUQEnCSul
NhEgLR11adqYLgRYx1SZK5zoMMpKESwOCmokUUUZ0wE4/RSR4Z9ZNEpxnJBHBYkBOm2bEyzHQ6
W9VX6NJMlZyDExmFHitlJaQuV+WKEVaZaR6vuWudqc2YxqmClVTlRCmo8UMbqmZ8Mwk3WCbDbFZ
eh0KfMTpVGU6oYUQMjREyEyr7RMth96vsxTYzS660IlOkVEAlxVDivunRCRPJitBGcDOZPSmtjtbNs0yL
Euh8Qo2i66YXpZXpfKvSjitOFp2bfBaaG4SwRgCU2FRBNs1MqdJfZbpxzQ3hpmsVdLYkm7EyAXFzolENK
GljVEaAGhlZLXv35SWjJMymgBOUlJNKBEprGgWiLQE+TcE5QmCJ+s4oxKtQhB/wBDhmbCJTgcArNHi
NoE2C2OybxVRbJFY47QEx0x2KmKcW4p0QiiguLjMoYZgCiydFxRqrSFvUrNGNXOwCfFLpvdiUOAEWy
zAkGYRfMIjNI/YwFIlsgiJJrJqGwcqdcv3iaqT5TbVOtGqoMYkyVxNhjantlgnEhaRX1CxTQnH8KiGqdMmQ
Qs7WM0kTYrVbHRpCUgMzcVNBB5YelWOM7FoxTmhzZuElaIBY8uGCYZ0UIFnOokRzHzTGOjTbhKR7
UwgO0ZQamuu1cormBpcQhHs52y6k+EHMvNMwokMtYIfKo1KepbWmYAlSPrwqcBkUtomRGOxp01CjBj
RQ1WkTXVTLQwQ5EqZKsTbz058nFPtARilF5OaGwpjbtUXyCxwUpKGxsMX4pkrdlARW3IeGeGK534zV
heSZBMFFHuisqrQcy4hUTlCsl9pDsQaH3KMTpDNQ4ssVZRMl6OKJ2FBo5AnmtU9l5GAdi0buRaN3Irp5E
2GXYL0eJyLQP5Fo3ciEwZrSOFAtKVfKn9gBqnGY4Fqa3QAy5M8AAzmgoL7sQOUd5LzJaVwEszQocKaZ
DARRbNXZUCYwQoRjOxUeO+K68/gQeMtiCfIhWHWwaobTdqrQ0cqDnyvOwVrbWckRyJsd0I6qtJBfebtz
QI90EKE5r26qITQCE7JrnNmDirpwKkor5GS0skLRJC0jkQjzF6VAtM1OeFNNEyrkvsQThq54bZmStf6mWez
QL4xqtAZSl3JsGRwKdFlsTnOlOSDeVNYdqAV5XhgiJIuqotbP8ATjz1osPIpZ4Y1k0jYgm8WqgNeRJsWX/s
oMMYujXk+EOQnqTCDC+ix50AIh11aIcjekooccBNRobhKY2JuKa4tMwrOYcUUCtT3Mq3Zy86baG7UC4c
V1Fqik0Xs5VGLdhU8+k1bqc+aMs0J90zTnz+xN5U9wLc8N0iosW81NBOCgwgamabEYwSHgjamoxuZGIdv
nqQY51SmsaEFdVwFaJnInN5lZnidxrRNZRfW6DTmknN4LMEDUKjlCskM8ZWfJMF4vyUCwQ2UaT2lPsV
nlJCx2YCbSa85Rs8Ju09pRDAFEjAmiishuGAWCgxgw1CfaQ6FSqe+RITCCKFPhudtTrKeVaDnRgy2otUuD
BEyjLb9nFVZA1wwVkc1rOdaVzk4BtSi49CaA1OcGjWTJuqcEEQgFJOeQKKzQCKuTozb0mlWp8MnURzS
RCY2YRElpGNiXm8yg5Rs/3u9Q7TBI1SpEpwcokJ21OgktkU+G+UkWKU8VaoN7WGKFDUJt2c2oSreVE0
QjtRgAjEp9nlhNOgy5UWS4VjgBzSSnMm6TapzTP7FdopKSZQ6yeAXXQaKAwElQQyWPnoVegJzg1c5RjE
6sNQ7NW9EQzAoOQmVBgEfSGqtUS9xynBsk5FSQJCbJQ2oMDnGac3WUOFPEd6sljaBNw70yTG0UeMd
HNhUBsS7rK8eKTVGW1RAE5GA07E+xMIQs0RhoEYQVxTCxCuu5UelXiaE5pngelG5owoUVgFwK0AS
mEWn111NhtO1XWXcU4N5VeCZCpXBaMOGCcyGBIhBh2UTWBgonxzsRi1mmwnPq5MAGq1NaeRNY4
uuo2W7x3INZPahdGxNeC1MJcKyToAdOSjwzM0TuC10gCoXKnHWooDCVZ3BoUB9/8A7URwu83vUYtlJ
+xXoc7iLa6rirpFJzUaIWbQUy0k1u9i9JZhIzQN5qjWeI2s6I5pnBSLhNEnDNJDMSJILRlFssVo06frJKDZ7y9
GAq0K604rRw5Sl4J1nngm2diYwN4qPOU1ssE5wCe+qbBiRTIBQLI0nFOsxABAxTokYUCfEjOUNuhZpCo
JiRn3WgzO3YtGWi6x/amh44wCawONAg2SjF16UlaHkUqE8Z5KSZxJFMIuSUpqzgltPPag186eHxKfGdi2g5
0y0PiTpXrChvjSndJ608R5XnSCERjaueo1ohgB85qzvhOFArgaZgKFEaeKU+Gxxk4JohtbIJ1igPNKKLYpGV
5GxRdgT2vbR2eaDleCCmr6vouCJ5OHLgsChN5GowjyIscVcOwIM5QhylXJptjiGrQokEN4x7E98GEwOYzH
zgmWhzuOFDiN2IXCJ+5FzJ6qgw3tJJ75LQhoN4qM3TOvOxUEthsk3FXmuNcUAMExwaNZPiwpazleNAFb
G62sorySjJdeaHec66BNNyW4gXDMnkBp00UTJ7gxznUu0K0b5qzvM5EzTI8Kd19e1aTRmTGinKob4jqTUU
MbiZlejw5zcJ9KghpqWgdSc+FgrjmPnDUN4cyUQJoNnfeGCfaBKahxbwkiSpAhXK0T4rhqxCnmATh2J9ivV
hVUSBEh8cS9Td5fVAJgqodBsRfyJj5bESSgJ7Eyzh1XFC40KNablFoyTOaZPFOhlyEGXHKLS0aveosW6JAI
OkJxCmO2NamPqpklMCewYpumDq4J12HFDnnuUTKFZEiS0t43R8E8mckSjmyfDitOmbgFBtsWBCJhu2+e
xZSim2MY9/GlVWqGxkS6wzUKU6GS9IinWB7pKJHiuEgJhQrfdEiCv7QgO1SUQx/Fceop15jNHEKhx9iA

MpyknvfDfr1TbsRnKFBY6E6WxOhNJnyK5rFwKa8S1alCOycnUQAIqosNv3U9rxSSdFizl4p1nBxoU6z0vN
M/WHghys9SgZhCE7amgigV0ga6MakmhOjhgqvSZsmzamEFt04q6IkjPBF0hJihEkTfVPiVpRR75OqFAYK6
Wp5E5oe6tAE/VeGsRuigRLgJgTTnFok3FE3eO6Siugw3Xi9xPnFOjQ3ukxiJrJkh55kZ3daqfOespBSQZPBWL
6OHIvkULTHAnDd57FpnEXbp9ytTfpT7qoN5FoXNwQhRnFaS0wzMoW8/6jQVZnwXPmBIp8SG5078itI/Fk
VQzaXNvATUWZYREgnxVm+i4+CdCElBDg+68IPCeWuGCHFu+NVqtEm0RvIT2Jzogh3XNwKjNPGuym
nsIMgrgFHL0YuE2Igg19S7gtbNQBsCbAmUIMh9Jgna2xaxFUSdgToU6lOdISaExyEzximxWtGqvTLuxelRS
ZSWkiVDKKHElxnjz0p9tskpE9i/tFhpDhkr0i0Yhgb0lG1OIrEHUFeMQyYS7pMlDsAedZwHRVMszW1nen5
wRhMuzbTqTn0onxb1AEeZBFQzVMiAMpJQwS2itTvwnVTnlSmhDMqqG0jWUMFwm4KQlJoRaS+rexf2df
qCn5OiNNWg9yaIAdIlzCmstEpwo0xzp7I8Rtx7Kco+ahsa2TEZTmDNaISvK80mRQzuLZVVHtURoGKiQIbj
MOXo45U+BEbUdqcNJquCjWF7MFJEcK7yLR8y0auBU2JklBY4mTULjGyOKdaQNVqFonRAlN5TVRYM
ZzphCyxDxvFRYDWmsRRGQxgSVo58RpTLNGOyQUVsRpxwQpV6LoV2QCh2RxF9venvaNUV7Ubx1iU1
t3amAznsUG1Nhic063unNqL3vqao2czk1GA4OuJwINaK7yK40iahwYjRq7U5rg9Fjg+8FGhubhQdPxTmSlR
NaPvKDo8Ghag4x93xQu8QU7SnQDO9PvWkniUKYFNvYlajxdoVEsDMYOqU+JaYH63WbyoRIUarMemS
srjFHJJGzzbUJghTuNRs5nQLQkbE2G5aSG086a5rsCnymFebOiMKG6qdBdOTAnQeVMtDW6qjWKFFbpIO
KewgyKcyS6UVLN6Nyp0MhSKqUyGrLZS5yDhB1cELr6yT9EOIxXIxldoEWlmKMT8KaXfeqtEHVKNlbfl
DE+WaZdEg+hVwBRi4N+jqe5QrA1xDjUeJ51lWDDgtvXaoU13qFAiR6xqNUZsJkO5RvnlUfRAyasKK8r3K
mukmRcLq01Kq02oPOrQdKFKoAEivvQe6cvkhGhtxCLYBdMvkPPLRNab+ph0fBRpOdIA+elRmzF4nz1JrD
coFDLmnVTqtmMeZMjFpXpYqEy2Q9oRtrLswn5Qm6ag25rTU+KhZQgEXZqjhMKJCN2TTJNt8eHEuOAV
it7Y9CMFbWsIMRmIxlirHbmxBdea8+1OEwokQNxUNzpVTHMiibVEbWQTXFmIohFhmjkJbCiyIRMP7US
S669gQaxtZVT7ILQ2pr5xUSzPa66QtDPBOhyKuqRRiNGBURxdgE2Edq1QrNB0hV8QxdYnznr1UO0RKAi
nOormGV4HpCvEcUp8VpMijCbfmnOlO6mR+VaQibm7VO8Lr00CE3FWe68CI8zVptrLPCv8AYF6XEc4xH
1UGEQRFb2GqiWybboojeiOmrjmuuprGqFY2FhLu4oWNruIolgZOlOlOsLyJMcE9zof0YHaiCBWnnmQggCh
n0S96e6ZUOC8NvAoQwOMVK9MBQpQ63q9iLnPGsfeiBLH3KHFd93BOszni86qhsfW4ZKJZy1t2IKo2aM
MJds0bI4uqU6zHAKLCuI41TYl3YrLabppgtKIgLmFMhtcZOIPerU+KyIWOcrJaxGbJ2Pmqt9kunStVhtzXsu
Gh8ULM5ry+9Xo+aN80vVVmL2RXMvSTDfnrJ0OZoobYUN94o2wF1xtFDk8TBmi4CgUaHGnNhUC0RIB
BI+CtP95YDCFQrwdQ0T7uBTmOGCuuWP3VJrRgquNKKI9sPpVigvZC07pTKdaA5COmxXONE6IC8BiAe
xyuzo1qLIzaIsd0po/FRaNXAobjGeYZbq9KeYMBkzQBFkS0vL50Hd2owHh8npkWJOvenMnUBRZw2kTxQ
mUFZbQ5rpTopgyc1An/AFHYJzdl2fSVaLwMiPFGK5pWkvHAdivT1XzTjPBaZwxmhFrfHcjEitGt8UQSKK
GCTIglPJnWibeHFM1BtE6EhvV70/VcC6q+jMpEA8lfkEWOONR0o6uCiGQmo07xnngxGjFWe6ReG1W2yz
g39o89ahxHMcHtxVmtcK1NlKqt9jdZ3aWF/wBKxRmx4d7anw9a8QnMaDMo6RtYcqJ5eRJhqoLIgIBctEBM
SVp+jAuYKDFDqYKJFA1U57ZSkrG5rCWhZXa0RL0pTRe5NuHErV/GgX4IXeM9RIs+IVZ4V6IGlWyMY
UG8MTRQbQ7AOlNaC8K16kWuoxWeC0goRJR9EaqNMO1Cm2smILw5lPRiQoE2URmKcI9n1hUKz2l8aN
5oobYUGFLYFaIz7XGkMFHZobCWQ1k5ryXXOZGK1jrj1eaeKn2KFERsUKS9Ehq0NAAuLTDilNisDZKR
MrtE4wwHAtrzlGXQrsxMGfQoZaObvRlKc5oOaBKUu9aPr7k41pROikSbP4dy1BrA93/ac9wH02rzANChsgu
NO9GG1jrrpDor/wBdiiQg84oag5Or5+5OABqhDlio0NpZIlZNuGOZqJkyC+o7lEyeG4TKtEDRlWYAiY70+J
BMF13WUB2limTcU1j7HEDpyPuQjNjsmJEJ9ki2WMHw5yVptEYFrGtlNCzOmC9B7ZUKnLbijGnSabEMi
BNOq2ck5xBm1AvNFCdTXV2TpgK0QmRuMFEsrhhVNhrRp1tI4idFc7FMm2oxWTXf3i9LsqsolzpBRgIYn
Bw7+vatG4D6QV5qokzlKSs8VwhOMkYBc4kuqUQYleRXZ8yjtMGGLmG1Wpphi+0TChPdatSo8FDgNhCT
ArdanRaDirJL4TeKaq0wTEYW8qyfEMOPdO2iewHVKiQy1t4FQHNaCCVebypwMlaXumAU2ORghFBEpV
UEgGb0LQ1sabRJR4j3HWKd/Er+xqMQkYU89KApNqNedMcBSUlpPwlDGclBtTr+jJkOgIQYTjSJPpURujG
yXMm2mFeleptp8FNjX189QkrXFBPKodp/EfPYotqY5mCs0YQo4etR3FUYtaJSmm2hr6EgS70/Q4Q6TVocR
D0AMj5osiwnMnEiDmWUXQ3Nuxac6g2t0I/RKDYIznX47sVNjKJ8Z7iNG2ie+RDEWg0KDRgiSDJAyE5K
G03pgJ7fvBCJKUiPFQrcy9dRJc260yWqosMOCuO5PBMaDimxbokFpCcSsjvAtFeRZUiDVJCa3SG60KJfcS
RIlXydWXYm0BAxUp1KvECWKhxjyp7g9hYdqdeiShvoPFQwyGLrVb45eNFBxKybKE4sjNqdqj5Mhu14Rk
haotmF2MCVaYTIn0za82ChWtj3mG7q50+RF0p0Fk5yRkFMSnsRcXOmmtdhNXa1CZEaxt3YVbNG4arZeed
Nu/eQI5VOeCnXFCITQyPnnVzlKc4CgFF6QHagaPPOUIZA1ZIWoN1fcotlc7iSKjBzTdmoWN52CF2IJg0Vs
aW1RI2LDFOB4xWSrW2LDuu4wWUosO5dFXbFZ7PFdhtRhwYLNLEMycFAgGM68+jeVOypDgjRQGzC
MB9qN99POwKBDhWdt8CXOVaMqlmqON3IWd0Vt6I7swUIGA8sdVXg6JROZ1prTKgWjY7jlPAu6tEXG
YBnNOxvSURryJjvT2gtpimC6LjlDjNdUlNiBTCnnhmTgVGsbjCJUK5eme5F1+jTLq+ahQ3MJctLcdeTgC2b
UHEO1qIMupxu4oCWKixDdlDVmhCGbzjNRHsdxTJaaJCrObvFMtjYupEam2aEysMSVp0Ai3qz6vftRtkPAz
RbpNZpWiezaoms4NdgmwGOMhReiAVvTQa0UGKcGz1inQmYTRgUnNEFdSERyMzSSaS1TaQmFopKav
EY0R5yi8jBatyYdVQbK6IVAs74eKdCBMoitNlbD1giRNOl91QohhvDuRWS22YGZbIlWnK4YLsDFRIrojr8
SqiOjRGC9RowTYjIZ1R21T8oRnGYooV6K8GIZq2wWvF4CqyflHR/RxMFa2sjNu7dihRNA8sfVFzfup1ocY
twp8ZvFUN1MFfJ+9JOcRrJsQBs3d/xWlnEuSUe0NMPAjYjDuVQtfMvSG/h7+ACrBa5tuk4KI7RulKiMVspT
TIhdC5uVM0TnSJTC2laIS4zU4XdZRogc4FmKv0r3p96jWiqvXJcqM7wV0X6UXpYaJOUO0RIjS4SBCIvtBn
I+aq5SUlIw/vSTLS0ib1C0b+KVoQFJzRIK6DrIuDatMj52KI91+T/AIJ0kGT4qcCMUQgbuBV/7yMRxoUGOb

VEnahhgqqRAvoRSDOdVAtDcHOrzo3QnQo4rDKMOb5RG9idY2tOsZJ8KBOUJ0+5QbECDEjGTQrPk6FH
F5l4DlMkMmwYTNbt8/NRo0NrpAd6ax0QzLacyuMlK5TpUQXahqhxHHHBWmzuvTarNGiDVCjB0QVFV
Z45Y66aJjzVwxTYTr15y091wvBG6VcAWinrFQC1ry0qLFY6Jd5FFF7FRIUqtVeDCiOhuvtUWKI4xQFZbV
EdEhsEOIOhXg1ovCZT4t4V1VZC8ic5KNGLTcBmUxxwKjkNdJ4QfeKey/QIgw230+LKr0Wn9YhdlMharm
0XpBZNr6diNnY8ycZqLYXsE4Rn571OE6jxdPnYhp2jUcHBelvH6xkk62xX1aUGxIm1GC9o1sFo2zm34psN
hxKuDiwxPz2J4dOT1KqECmsvQpi/Dd20TYE3yKh2RvGcVEs89Z3imQBKiFghuX9n60pyTLGxlZ9qZaYTN
UGvamxGX7jZT89SiGJUEdGxONmn9JKfnaZoMiRP1MmjoHkqFZ7rbrzPqHgrTlEM1YdSm2K1Wx2kimQ5/
cExkOAZQmF/PLwQMVwoyXT8grXAe6FSQKg2WcK8HBBjnO+jExyp5ujXHvUWDTSQsFAYPvYp0NuI
WJk5RId4STwbk04kASRiONAq8WdfPUjNhmzFNgEtm5NltTXzwEldZwocS6UYbYgmzxRLgdZGNeM3KF
BEZ0yVEfotRmKaJuuy7KfJOhPYMU69Opmi1hGwBaOlFfYTLFTa6jTJOYW7VBLOWfWr7J8ZGJBcLriCoj
QJXHAy569qs2UfoyYmxRmwrSJgp9liQqhM0ty+nCA/FejwCZE960IHFiK5EFZj3r0kjEBG2U4qD63pdmChx
4Q5eqnzUK0Mc7Y0dveVp4TjIjtkVpoLaAT88yhObEkQfd81pCDIMnzzTrRGBqweKaY760T4ILJE9i9EgaM
MintKhehsN5pE062Q4TL+zmUXKcWKbraBQrjtaI+8o9vs8OrMVJ8Z2vEBOzk8FBh2KC684zdz+4IZQhbHjr
XpMF1b816bCwBT7WC2bXKJca0NfXm84rSRCKSb3lOeZJ8Vk5EqLDIA0eClyhRoe2Sa0PbJC+XYIMGM/
gmOJJ5kYlzWBnyK++eCEUuMmhGLdKiRGl15X+nhTUyKqyQ75KFjiXrpCfAfDZ9CJowrS6grgrO97KOEk5
4OImmv+9sQ0DmzJCMSzGhkv7tOkkIMAibUQxhk5B1nnSSMCDyL+6jEBQ/RTsCebKBKlU4BhvQnKBa4j
uMOtaz2lk5J1miQNYiYUONYnjWbIp5sJX0DjdbIp5gz+KDYN2TqKbGjYr0JxmAAFpoUrvn4p8WDKV0dS
gxoYOAl3/BNdCLZkC70efBfQF2p56ULQxs2mq9Igt1ZqFaobnUKe6Hf18ehf3bkHYtPAhtTWWc1IHYojYTd
YgIx7Pia9SZFsZE5BC0WbAEJlogTutHcolrgN+j7ky02YCklEjQtqbEgfdlVGI3BOaxvGRjQsZp8QGRWkulG
M1CV6cplQnF0xEUaI29JgUNzgdYKYkU2OxGOAJKK+eCmFpOb1F8Y7eZCLEMnuPv7QtHHnpIT5oRYrp
tiGR806FDbQXipM5UyEJSlJCEyU3hGFDneKIezi+5CJIHl5/krxlNzJ9FVp4GBEuqS0rCKSRDTxk6zsehB0dS
mxpYMCOvjQoAsM2uUC0Ri2bwn2KHE1mGRV1sGjhMqzhkUaoXosMVurQPIoOxRIE3Sl8e9CCTqXZJ0A
Ndreeyqh3HGjajzgPegK1l2efFQ2l7QYg7p+e9Ma1pmxsvFATnMefPMomiBnEAC0uoTDEpd/YoNje4fSE9qe
LNDEnYjz5mo2knSQ896gWWZvOmehMh3eK2XSmwyeOJ+edCwt+958FoobRsTIYFWt93zR0F7WqfPWok
aG3VazuAT48xVo8fkvR70nifh/0tRtD5+CvD75NeT3oh+JMgrmrNSAqKp0QzxU3DUaapxEpYp+liJsGQmSo
gJ1TghCvcVEMaK/JRHTd6rR/hqtk1AtBhmbU2O5wxn1ee5Q2F03KFaLnGamWm9VRI9aLXnrCakSDcQhA
nWojZYQ/Vqspp74B/WNkmltwXCnCMw0KLopUKI2euZKGxhGrVCFzJ1nY6hQY6Dt89ybHhubKQXo4kW
namCkiKdPxTXkSDVHcYjLp7vhijALwB4+Zp4LJSmJJzw4zlPx+KNcMPPYmzlSYHTNG0scOXzzp9tOENe
i3jeioRWiSikvZqbVBszYZ2lMEHAfNNafPyU02KHukEHvlgojuUyRe29NoKa55OEhzrVaLxWlhM12eetC0c
6MYHjFFofxU5rm1amk4k4oQBFMxgo2gs4qdbv+SdFcdUBaM7UyPc1Sg4uwTnyqU+0ToUbxF7Z6otIQMqr
Sh1Hjr84rR7dnnYgULSZzOPf56VpxdrXuPwTXM+6nRSaYyUJ94TA+CDpBF52pjgXSb3J0FxM2lXBKqMJj
8QolkDjNpkjCjtwdNPiOOqBNCJBdxmIRYeAem2mYuggp0XUm5s+9PZDfK5RCcDVf56FBuxGz8VcYJcnn
aosR8tbz1q8QOQefO1NeZY+fPQi0Dj16PktLdq6nnkV8O43xTGXgZiaZCY007kYhOAV0Yy8+KYwFXXfew
5vM1CbsYE6VNvQnXjj3eZo8WTZDwUMPAqZ9w+JTG3fNPPajGliVDtB2CnL5qVChl0QNeZjuUS5pNbZ2
eeZRIgdxRIc/wRitEyMeXzRQYpeSQ1aTG+boHb2L0+C3iT89yi2+PFd8Fc2vT3kimCZM0Ca1gGtXm+ac6dC
pEmi1G41PcnPLsU2G52CJazCpzGXAAnnaATIowyzjfJEt2qbUGT/VmfNtTa0QKY+dGY8/x2FMjmf0kweeid
K9rH4K+xjtWiETYK9HwQlJGSIOKMQYKLDJ2pkOkrxCAIxHnzyhaAYkL0aE44IwWsEhPqTWG7IVChsh
cZqeQTXz1JrbuCxQhMGC1geXoojdOxaFkqjz4JsSE3z71Ei/ioicdo87Uwlz9oTpHnRAHQmgAKmxHUE59vm
aa7aQfPerzTzqI+7Uu8+KvHFzfPRiFeYTzoxLpvPd58VCiRGm+AR7+pWgujG8wU7/AIp0G6L0V0lpWQZX
W+fPMn5QjOOrQ8yeSauVxzcUyLcFE5ycCDrIPpcOClWSeXTk5XzK6hKaIIMii+YlnrwZq5PiqRTYjm4Iljhy
HuT4RbVBCOH/AKyvj2/FQ4bjrN1vFULrqZadG0NTROkN3dT3oRogfc8E1zim1MwZploiEy5O1CMeSSElp
X37rcJyUMODZGia0JkUaRzDSXnBA3qEV87EQPvlPinSyhSEtqbF/FXu/wC0HNlJRY8RsS62Uk2KXHl6fM
06KzDFRbW68RISomRXSuivT8MUYbZTiGfnkUS2vBOiGAUMl7ZzomtDdbFF0jWnirrb05IkTvAdfn3J9ohi
hKne1sPFTAM2oWr6VzXbEZvbWg7T27E0EcVNjPbF0cRH6USLwB3/ACQ0EOkMV5dqbbX3rr8E60R4rJG
je/s+KvSP0Y6zj56FMk6xV0Y+fPTJPfdo35puKa04mnP8EYsjq9u3z0Zmw5ieHP5xTogaJQ+3b8s0OHergEYg
bSH27flmbDvUCcAFdHBOYK+VU5mvdgNuZjAOMjLiiqc0zqmwiRLb0qQcbhx5ME1tx52IC8ce34BTI1nV
HNh1jFWd7A5aRxwHajCJN4GfMfkuI4CILtZ/9IB2ynSnQ3ESmn2eJfMm9abaCRqVA5EIt/Ey6FoSyJeZN01p
HNN33S89qvmXJ57lciGKHJ8OVXTTSWi9h3qNDc6IXdFUSQKA9XwTRfMv+/h4qNCk92jE5jlTIJDAMZe
cQmuryeeWvuTWUoEQi1wM9nNioEJzYxJVwdB7Eb34vce0KA18N7SaeeVOE8QnB34vPSgHCJfAuhFt8TV
wzlM+KZBe10+9XvvYoEuV1weS3z8FMtKDXSnJMmKtCqelTQpIhOLjxq5mmRmnuJNczbv3k6JMSGCA2
BejO5R2hXeC1wwcFopi82uZriDMLStf+s7QrhbrNqPPWr3Im2iIBd2IaN+Gqe74jvXEMnCXnYVdcTVXqXH
CY8Og4hBkmTbh39u1Q9G6jU1xFQtGD9IBI8op8kIrhiLw5QEx7Xi8wr7tzZ29yFBdh9mLe+re1ae4fpZjsI/m9
ynLr84qI5hM349/bitG+c5eAPwKD3zkwzPIaFGKXMk9qEOI7i1HP8cexVh1NO8duI6whHiXZynziUk2M4u+
iqeb4/8AaOknMtHV5khG+6TLu8UYjolGV6PjgOpTjOEjLx71pHtpLsr3YrTbGGfQmwX44dHx+AV5wpevd3
nrRtDW6pmDybUYbn0iao5NvwHigyVGd9U+LcH0gl57UYrtgujtPZgOtMbIShzHf8k57m1dgmxHOqyg5T7ht
VxmNZ8s/IUO+xtO9CPMarcNpwWkE59/wAp4rSHBF4vSaNZEt+/569vmqvlTZKq0d39Z2bfl4o1VyWKAm0

E0Ce4E6uaGyfQnFmDMzIZdgr4ZSH2+cM17gXdozNcQZhAh/GofOKdDcMUGJrrpm1NuPFaedvy7E6Gb0v
BFvKZKEfwiY50Gt/08eTEdR/7Ujtog9oOqiWuP0mt49vkINd97wqronM1ReAap8N0U3yJHl2+e9CHOr9ZXq
TnRCIf9MfD59hTYJZPZzNwTKUanR2t8zV90TjyHefgmMhtqMe1RI0uOZeeRGM9zrjB2/BNgQ8YlSnObKg
p3e4IRpiUITPNgmQi+sUz5tnX/ANq9PVaFFjAmpnzDDrI9yhQ3RWzdhyDDuqg8DVanxA2k69p7NiLnTuuN
zx7U1lwfRiSJDW3nJ0Vzhq0HKR7k1lb8Op/Ea9mweapsJ2L1pZz0Inz7E25ObzXn9wwT7xNQVekbrRM+HS
UboM4lfD4nr704aSuPR5onMDMUYbsYnYMfl5onzldFObziiwq5q3hh5wV5rP1fb5w8VKqEyZBGTBWp7h8f
DpTnFxm7MGBv63s84KJELujNcMryMQ3bmzhgkGYzSzXjsUuVOh3DJ2KFTOSLPxFMZOo7/Mu1TrdcDP
kKL3GhXR3ownHA3ubD/tCK3DDmwV+fEE1oyeMerBMhvZ+rF4cn3vn1dibaYRwnPvQvnZLvRgwyNafb5
C1xUi/z/e7E2KHmUMK4HVe693LQs4zNXw69iIiM47Zjlb8NiZee2bTIc3xTIEKVWp1lkPoz1Go78FEvNo9k
uunnpKbDDpGJ34dQwT4MN2IUWC+WN7p+KYAdWNT+HAfNNpqyRs8Imcrp5qKJp9jpjqBUOIyVyFTm
wPzVcCFopfqzLw7FK5rRKnlx/wCvNUL8piqcxs57eaidDrN2vzecVfmbp7Phs7E4DAosEpAlOJldlTm8486a1r
sEbm1NJZxPn2pzyfPkIzwJTTVOvEzJR5lNOi0utoFPMx93DFOnxjmaQDMouLjX1TIsqGoRhAi9Dr4/NYjND
jENuOqPOHIngFt5hpyHZ58hNcNiBoobxK6/Dz2eCbCAP0deb73z80TGw3DVWjTnNiasQde3t+M0A5onxh3
hMiCJSa0VE+EHccfHt+M05z4ZxvfmUN7InFzRGMiViduB7fimxHg3hrjlAr8/NVDiw4nEM/HsWs2oVodDv
XpSfzUPWmxHffb2Y9nwkgWSL4Z89qEYbfPnnUq/3bu4vf7kXuZ+tbLnFR8QpzE2lPLRqY82PnzVNhRAZN
N0chqtIW0eJd4+IV5t29eElEdpGza2nKcPiUwPA1TMc/mavfjEun4rTC9dZrHm+KMM3rzjI83x2oXxxhNB7S
NYpzzEbq8U7T7gmMkNV3b5p2q9LjhGM00bUowg43nd2Hbt81ThLAp2qdcSWjpNxkO89XvU2fdHn3pk5o
AO/V/9J9wYVPL8Pn2I5mQaXolB3nzynvT5dC2JrS4yantYNUV5/hnc0jHh4otIocwMjMK82JxqHl+PxT2Fhk
Vd5UyI+GZsPnoQYHDWHZT/ALU3NbPEcvxTXF7bsppoc3E+elCE1+PzTnRGGT6jzsRa51W0QgtnPxT4L
X1eK8oofge7pUK8KAh3P5Cuj7/ciwN4qtDIThfjduDvmoWkdRtecj3TTYAnN1UWAmqjwoTzrCvNj17PehZ3
YOcff2pkFjMFE4vN1Jo0h+jqeXDz1rQDGKZ9kuxefITooa6QqeQCvyWhN+8aHkbj1lQroF1g89KwFcELQ5/
6jt2BCCxpvSvHlPwV7lKiRwDJ1TyJ4c4fSG6OTb2oPAF1lB57UGoxCaQxPwHWrgvXn6x7h8UZzqi4Nq40Q
LnC83Vb3nzzqYaJNEggC7FaWTpMx7kRdMzU+cB56AiJuriibteVBoNX4d/y6e4p0QnVFByKVUWfd2qTYd
cT3D4nu6cUSTU5mMvazjIecE6MZXG0HnHM1pNApNhtni7w+J8OlOcXGZ9QyoIOYNxzNiODLuxYOopK
cmXvOCYKjoKdjd6FBxUKI55IKa0GYRwKjakK+FChAsvmq2KZFUyK+JG0c0wBwvnFOoy8mvN0uVjeY1
5z9iDpYKZJuq1vMMNLdqsQ00Yw4tefb8O5Xjo2vP3k0TcGiifFcYxgigCsj5vMI4VQYLhKiH6J0Xk7FZrO2P
C00UzKs1oiOiaJxmFE1Q4jYi9xiQ4YMryiWaGx5YwSlt2qzvMUkO2Ii7EuBQnmO5wiYAEyTQCL7dU8yhR
S6GSdifIQzExkoUFrmMiuqXDzJPJkX7R8VZX353k36W0CAcFe1KYcieLom1aY3ZqGPohGNSTJRnGdTNP
N11E6KWsorT9E/RM5uuacZnNZ2g3nHYJp7y4zdniajQ1u0T4P/8QAQREAAQQABAIHBAgGAwACAgMA
AQACAxEEEiExEEEFEyAiMlFxMGGBkRQVIzNAQqHwNFBSscHRQ+HxJHJgYgaCov/aAAgBAgEBPwH
s2r42r4WrVq1atWr9rf8A+Dk9q1fsL7V/yGvZX277F+xtX2r43xv8OPwN8bV9q/xVq/xl/g6/A2r7V8LVq/5AV
XEjhSrhkVKlSpZVSpV2MvALLwy8AERwy8AERwrjXAfyEoInhSPYHYKHZpHdN3R4cuDUewN0UFfAI/y
e+yAgij/+CgcCijxtD8OOzf8AIqQahwriRwrgbV/zwdoo8RwP4Eca/HDi7g3sV7KuNKlXYXbtwpVwpFv8AKXc
B+Hbt2yP5QVX4OO1atWOxDduNq+weFFyylRwJ1TyJ4c4fSG6OTb2oPAF1lB57UGoxCaQxPwHWrgvXn6x7h8UZzqi4Nq40Q

cD4rpKXPOR5djoX+EHxXTf8MfhxxTcszhwwb80DT7li3ZpnH3qr0WJFTOHv4dD/AHjvTsdFfxA+K6Tmyw
EeenY6LNYgfFB1uWL+/f6nhhPv2eq6ant4iHLj0Vh+rizHd3snOABJTnWb4dGQXhnX+bj0LJbHM8k4KQLE
fdu9OPRZ/wDjhdNfdt9ePR/8OPUpp0T2hzSw7FSMLHFp5djCwdbIGKq4dM+Bnr/jj0c4Nw2Y+9OcXHMex0
N/CD4rpr+GPw49KNqa/MDh0XJ/8f0tE3qsI3NM0e9Yv79/rw6G+8d6I8ei/wCIHxXTEtvDPLsdHffhNPeWK+
+f6nhhXBszXO81NKZHl558MFh+ulDeXs+kpMmHd79OOEbkha33LFsyzOHDoiTLPl80UViW/ZOPuPHo4/
YBdLuuNo9/Ho4f/GHqUfCs1BdKRU4SDn2OiYKYZTz49M+Bnr/jj1mXo+vM8Oq+y6z31x6H/hB8V03/AA3
y49MN8DuGCly4eX9+7h0Uy578li/v3+vDob7x3p2Oi/4gfFYqXrJXPUbM7g3j0d9+ExuqxX3z/U9noaICIv5lH
dAex6bk0azgN9V9cM/pWMnbK/O0Vww8mSRr/LgVitIXenHo9t4YLpTwDj0cf/jD4r8ikGyx8uaTL5djoifeE+
oRQXTPgZ6/44vkuNrPK/1PDGw9Xgom/H58eiP4QfFdNfw/y49KtuAHy4MflDh58Ohm+Jyxf37/AF4dDfeO9
ERxw8vVuLvceHRUWaXMeSPDowXiAqpYr75/qeAF7ceiMRkk6s81z7NdnpaTNiCPLt4SXPEx3DpF+XDO
49G6QNXSw0Hrx6N+4pA91YmYRRZuJaRvwikMbw9vJMcHtD27Hh0z4Gev+OxhoetlbH5rp77tnrx6J/hB8V
0z/DfLjjm5sO4e7sdEtqC/MrF/fv8AXh0N9670Ujqb2ei2ZWX58ejTU4+KbqsV98/1PDBffs9Vi4eqlLODSQbC
w8wlaJB7KV+d5f59vol9x5fIrE49sDg1wWPx/X01u3HAtqFg9y6ZHcHrx6O+4AQPmulJ8zurHLg1tmgsdDUY
I5ceh8RbTCeSpdNeBnr/AI7HQcOaUyeX+V0992z149E/wg+K6Z/hvlxLbblVVpxwTMsDR7li/v3+vDocgSOv
yUkljsNaXHKFFHkIajw6MNThRrFffP8AU8MJ9831XS0PdEo49DT04xHn2rRcrWNlyQPPHoWIHM8rI3yW
OhDoHADj0O+pi3zXTX3rfTi1pccoTBQyrpr7tvrxwJIiUkoYzOiSTZ4YCPNJm8lK0OaWoijXDDzGKQSDkm
kEZgum/Az1/wAdjoaLJh789V0992z149Efwo+K6Z/hvlxCxTMszm+/gBeiArRYv79/rw6N8ZR2R49FxZ8QPc
q73Ho778JhpYn713rwwn37fVSx9ZGWeaIrQ8I5Cxwe3kopBI0Pbz7JKefJZl0vL9mG+fHopmXDg+fAixSe3K
4t8uGEkyTNcumvvW+nHovDFz+tOwTHarpr7tvrxwDPsAfVY+T/AIxxwLcsd+fDHR5ZL8+PQ8+aPqjy/sum/
Az1/wAcWML3Bo5qFoa3KF0992z149Efwg+K6Z/hj8OI2XSraxBPnwwbM07B7+GM+/f68OjfGUdux0NFQL
zzV95Hh0f9+FGdViD9q714YP79vrw6RhyS5vPj0NiNDCfUdikQq7wUu9qbCsmIL03ouD3r6ow/v+ajYGND
W8uMnRcD3F55r6ow/vX1Rh/esTgY59XI9CDk9RdDRNNvNrIAKamt1WIwzJhT0ejoesDV9U4f3/NYaJrIsrU
7o6J5Ljun9GxhfQo0NGgBBylibJWZQdFwPbZv5r6mw/v+ag6OihfnZfzWJwjJwA9fU2H9/f/wA19T4f3/NRdFw
xvD28kxYrCR4gASckehsN7/mh0Rh/f81BA2KPIzZYiBkzOrfsndDYe+fzX1Ph/f8APhicDFO7M9fVGH9/zUH
R0MT87d1opejsO5xeb+aj9qPCxxP/zQ7xpDO6M9fqPCxxP/zQ7xpDo6DorD3WvzPWDFwvzmXHBWb/a+qcN7/mw
NaqHAxMfmao90/o6JxzJnREBF6/NSdGQtdG1WvzLNxJnREBFGdQtdnF2F5LEYeOVozpvREFWb/a+qcN7/mw
BqaNfakKV2WZnxRKgPcUeoUrdE5EIoFYTwdtnApq5cHDXtPcGiyp5Mw0QTQeSIytyhGgH0vzNTPEU3dP
dbsoTgBIKUniVKNvNEaJmyCDcyDBwy8COyRqnBAdi+APC9Vavs4xpMsal2tYb7tMeU93eTveiiFWqwfg7
bNuBTVy4P7JvksSLZ6Kr1TdFnI7oTfDfvRP2hCFZmrOATaBzOoLL9pQQbb7Thq5SGgoj3VaZtwZ7LmjxPF
0gI0UL9Ss6L+8FmUdi7UUma1n1WZZlIPtWfFT+ArDfdpu1J92i5A8AFhfB228Cmrlwft2c43QnzXm2PDwi1
GPzJvg+Kd94VmOhRBKjbqE0apu6edXJ5NqPwqk3ZUm9nN5do8AiiEVQcASodCdUTqn+IAIvorNaByHXm
nSc11y68r6QC5t+9PmBFLDO7iB2U2rtEQghwwvg9hzRTUNuDtuzLiAe6m+BAaWhuCmu2+Kz6ZR5oO1Ql
TaItMdqmEWm6uT/EU/cqHwcBpwCtAouW+qHsBwpPboq0b6LDN3pFqr7RpWIHetBzghM7ZNfrYCcxkgtu
6DkTqrTH91MJooSZlaKCtYXwdob8OaKauXB23EmlK9rBmRNvNIeGlmRdWpQkCLgmnKmd7UKPQUqvx
Ju6FAp43KzAOIOqi20VLNqi4JpRf3iFGNdUT9oj7R2y5BYcb8D4wpBqsqDE5iw7KeE+HUp2FIFhVSaEDS
ZpoguSvhhPAi4Dst34c0U1cuDtuxO/PsrTncgjsE6jQXNN81FGXGymNo0EwclsNUJW5qXWNvREje05vIJh0
QNJlOGZDMmjTVBoTR5J33gV+0PCIVapEd8J4QjHNFlJ4pQjvpzNVm79J7NV1dIMWRFlIt4BCQjZP7zszl
hcWxrcj+SEzDzQdfAcBuimrlwdtwJoWpZB71eiJ5KlqU9n9SbDeijyA0vc1Ma4XSc4BpCoyC00mtE0nmpC0E
+iNZsqF7OTWCtFG3K2k3QJqznrKRu6R+8CPbPbHEjhWiduEwlzk4EJju8Cnu7yEttIQcsycXNRci5ZkXp0iY
0uUcR3TG0OwODVy4HbjjzTW+v+0RlA801p3TX2ETpopNiEw8kZO6hOCQ4ps3mnTN5lGVwaS0pmIYRo
my3snv7xRd3qHNMvPRQCHAyG06ydEzUghV3r9gfaN2ThqFCO8i1buTmapjbCDSspUj8zU4IhZVkRiUdtK
hkNKN979gcAuXA8Hva0W4qd3WkActf9LqC7Vy6oh4TnNs2iSU7X1TyAEdBoU3XZF4anVdhNI5KOIVfm
owdgiHWQnaHMoO+CEBW3Brg7ZOLU0NdSaz4KkzbX2w7DRom7IhRsoqkGd9FqY3TVZEQsqc1EcLWY
K1HMGpmICbiAhwCKC5cDwlc0auCLC45iUxg3J8051IkbbIjXKpK4N3RB/Ku9eYoNbltyg8zuro6ICta3Wan
U1dX3rOyZl5BEkaNTAa1TIQ2yni6sc1HE4UFlOZUhpp+FBHDN3qRTNlScEG2ntXVLqSvo5Rw5UjTSfvSN
tQmKwGIMth3LgEewVI8NCe7ObTrqiiXbWhIQuuIOi6wKwNEYwdU1oAVVoU7Upjgg87AqKIDvAoROOp
TY2jXhGzKmsa3XdAq71TBoozYv8Ob5JopyJVjPSvVRnuLmidOBFrKq4O0Ux7ppPZrZT2oxKHuPDvJMdm
FocRwxEjmjup+Ie7QlNUbwSnBrhQCMKMZXVIRXumxIRmlJFJey1JpdWSyuabC4Jseu66rW1kVLIbVLJon
WEw07KgTzH4OxdJzqWZWsyLkHLq+9mCdmITAa1VaqTwlROvTiXhGROFqRopOZmTgFSIWBcSKJ24h
DhjT3deETeaoVZWUVosxaFYWhQYgEES28q6sB2iI0sprRQBVeSAVI9ghV7aSRrBmeaX02D+sJzgBZUeK
heaY5WrV/aD0RVINWXVZVlHZOuia3Lsi/VGTZFyMnks65WjIOSJUcWZPbrqo5DG7Mh2JZ2x1mTnudqS
mhQ5SKcsnksgCyA7o4dZaXJMB5KJ3SYYUlzJ0N6p8FgMHNStyAFRSWO9v+G6X/h1hW4VwAlJtdMynM
I+W6xuGEAY5nNYeTrIQ8+Sh6Ve6QNeBRQ6TeZdh5L6xcMQYiNFhOk5JZgwjQqTpSYSmNjbpYDpB87y
1w5IdLznZoUfScjoXyUNKR6Wf1QdQsr60IgEjhqUOlphRe3QrF9JujcOr2ItT9JPbLkbXJYrpFwk6qIKHpB0h
yPGqGOldsBoocQZG5qQcTwe6grQUOym34YaQ1l8k3FNOa+SZjGkHNoo8YMlu3Ukxc7MUXKMWozWia
7hSpZL3Qw4CyIXwA5qRhIUxdm7vJMfWnNNutdUD2Qfb43EdTHnq1PIcTLbGrpXCvpsg5Cip8Q7FZGMG

oUUfVxBnkmR3E53lS6vK6P36/qsU0uxLmjzWHqLFf/W/7LCHrMQ6Qe9dHTdUXSHy/wArCtPVSu9yh/hZP
gmxExuk8qRhc7Cte3kSnymVrI2jZY6MxlrDyCkiEcwaPcp2mHEZ3edrDtL5es5JuXXMsDmLVVJzqTrWYpij
oClIe8grymwuSAVIophTRaj96D9a7NLKsqrhJG1woqPCsZqzdMYRuhvwcnuohBRuu+HP2waBtwDa4UqVK
ggANkR5BN8lSpE0mO3Tnd4Kd1bJ1khcimM2WxUj0TapAaqFnNPIaNOF8HDha3TmoDVMkAbaZrqnvy6l
NxgTZAewRxNrKLtULsouri4aqbxNTFh/zJpQPf8AwoQ4BWg+30nHdQu0Ke65Ap900EpsVNKJ2RKNquEb
CUKAUmu3At5q9dEMO53hUmHdHq7VZKNFDa1ktFqbWyZ4vcsUy2hdWAg+lDJaZJdIFErM0CiU1zeSzhP
lpB+mqd3iCgSFmWYI68I46tBAd/8AEc+FC8wTni6ULMrnAKVg0J0KdEXnRU5o5JziihGjl2WUI0Bsgadton
gXotfJA8kS0qGMvdTgQFVBSucdCmTlpp+oQaCLCAOW6TRqSUG3qUC8vyjZZ89DNv7rtZX7J0fO1HbUH
VSjOviWKkjDgJdQjicOwi6A9E+TDF1Or5LqYyaYNEIRlpdQ1dQupCMd7rqTyQic03aD+RQ4V+HcLHDcL
KAAGp+TxOTS02V1jPCuvbsjKCqWRAAJ7UARomgbldZd0E1xdum6qd5i1b4jsFg3TObc2/AygaKSFjtVLQ
KbinxHuFRYqN7fK1Owjw8rKOmgTQ89za/8JkbSp4mtAa1Mabc4qlsjJSYzrH97ZOia71KxOHaaaBqU2MN7r
dvY1rxv8Jz4kpwfXdRxGU09ZU/DM3RjCkIaaTS3mgAV1S6tSA8uEUelnmmgi0B5qXFnNkYsLgxEc5Nk8H
bLq27kKSELFx65gpB5qGRwNDVRStkYGOOqkYb0UozGzooWtkYnyNY4Hzv9EQS3Os4Txey7znZW8/N
MjxLNA2/ioZ6d3xRUTw9xk+SYfZ3+FLQU5rm7aqJ73HUaKuE0Be++Emy6pp1IQgauqag0cHFO3UcHMpx
AGqJs2ppsxyR6lYPo97X9ZJxk5cCsY0kaKVqG6hjcT7l1480G5wsNtRWMy6+7Uf5UI7gTmWsc7aNDVVzT
bO5UYOXRNfSEoWYKwrTnAbrrW+azBXwyhZVQ/A0gAOxDo6uLuBGiaNEYwTfElOK7oK64DZFxdqVi
Zy49W1YPDMiZp2JOSB1T/csQO6pRXNDdYe/JTNiuuawR0q0x9eJSYdszdVhwQ2jwxUOb5p7XNd3lmTLC
a6gE80UFG3RZUY7RiXVUg0oDjf4YqMa8XupZx5pz9N0Ge9WActoknZOeBoEXu80MxRieNUE1qkaBN9i
dVDMA0CRyB4ymmEhNzUC5PqtVPJqW1evknuAdbo/0KEpboGgKOYH8wHxWKPf7xHwTJSzRiw8oIy2os
o3NKF7TdFFOaHCisVE6Lc6LCRNdvz/wuqPkreNKTmuJuk1hTexWtoDiRar8GOJQHB7jyT2vcd11B811aEd
7LMxmgT3uO6dpus5C6xy6x/8AUhpzWJYcudzjSwbsutX62oZr3CHG1XJPacpUs0sZOXkpcVM606eQHKnF
xOoTOsFXqn9dmqgmmQ8h8ggwlMhIGqjdI06HhNFnFKHDlsuVyYO6FI4t5Lr65JuIvks/uWbtn8TISphqqQs6
BBg5p9lBh2anUzQbo9gMDisZiB4GosNWVhWzkVyTbrVc7VqO9bTLbdq7T2vcDfO0/DyBUbspjmg7oFlW
mzM5ITMz2E17LQcFtssO8t0PB3v4uzrM5CUeYQcFfakfRQPmh+FKzd26UryAFIXXsqHPVNBK9Fk5uT5tK
bwIWVZFQCmm3YFFG0eEKPNdCqTCeJaCnXyUzwIys744BW660iMFTTuOx/RSPJKja07p7AXZAE5rc2iE
P5qXe9FGDzTV1rxzTcU4HVdfGW2VnV8NlYXwVdrJraIO6Ze34AnjSdJyARcbu01zz4VY56pz3POqbCOaD
U54GydrqUXBFwrMhNZ7rV3q5ItceakjNqSLJ5oSUdVBIAKv9/NMI5di1I0OJZanPdyLLTNfJTkDZOCkAbs
UBrYQZrmagx47yB//AFQ9FG2+RT4q50gw78lYD7UUzH6c0OO3sMytZvbOdSzq6WYoPReU517r0Cc5x3TI
yU1gGiL2tT5ShKMxB5LIw6lBsYT3dY/IFL1cQty6yz32fJSTwnRryFncW6OBUjn8mpmyjZbtgVG7Tsyj7ewp
Q7rQ4J7iAphR1VBMjGx1WRjao/2Kexl+IK4vCLKyvIytYoWTEltUpzKw94oTEp+ceIUmvIFgo245rQxczB/t
R42XLmLL9P8AS+nRc017XeE9ilXGlSr2pTisyulaJ8kTegR0TsU0aOIUTr2HzTS978ubZOhA8Kc0809zxoB+
qDn13v1WIxkJAAPytDEdZRbsoyIW03ZTF077vRdaGimlNmJmu9FLlMum3omwg+BBmnecsI7TQKFmUIcZ
KaM5NJ+Pp3eb/b/abjmigLNozNI/f/iniG4GVPwr6zsWWxZKyhpzJjnk6BOneW03RTSPFU4n4qpN1HOyaOp
VldHJmY5OLcRHXNRxN2KLGDwfJZU22mgpJTk96bhmVcYpRx4hv5r9UMVWkmijmZJ4Dfsb9mU7VBqc
y0KGie/LuUcVyj1TnG6eVFA1GYVqE5zNk3EhvjX0ouFxD56ISZ9Ha/8A1UcFuLiVMxpd1cYTcM2Ju6fmJP
6f7WQMaBuUSExronlwCkcwuJC7z48uX1TOjz4qKEbm94/7TNrTduONlid9kd0yCKU29Ny4WV2Tb+3+/RY
CWV8eaQKYPI1AK6mMaOafmo4Yh4nUfRS4Ik2x4PxpOwWLbqB/lCWRmr2j4grr2vkzxNRDz/2n5boG0yK
OaMZNCurdG/3hTkSU4prR80/MBSL3g95Zc/JR5m7KJxOpTHsPNBjN0JfkhLrR/BPNIrrApHNGrihKHaMR
w4d4za6i9AnQ/aUeSkGV2a9F12TutFof1SfoiQPu25fVR4drm/aHMmzQxtuQ0sTj82kAr3/6UJc1l7lS4vNbVDJ
GBbnWfcmzsdoFlfeYaJxk5aqASP7rWhCN8bczngJpsXJr+/eraXDLoosoHdQcVZTpABZTjmJdl0T5IrpzViMO
M2ckfv0WEcOqAH6p8lb/AKL6XG8ZXLroAK/wjHgZBQr9Qj0UP+F5HxtY9mIiiyyOtv6rDsxUcekQIP780T
GPvcOR6Wi/C58uYj/agDQ7NHKP7LESZyMo1V59lLPl0CLiPGmxA6nVfR9bBRBDrKbJl1Iv0WaOTRAs60
uDt1hyMtB10hRV+S64A05X7eXzKM9I4prjUe6Aa0kvcbKzMvups3mmTe9Ag7qTUp7q8ARjfeZy+ivdu6l1U
TGkh9omLRz9T6LK7/ijN/vyQweMkokfNM6LazWVzQutwrBReXegQuwWRu+Pmnyxx/e030Fo9ItZ3Y2k+ui
kxLpDVUB5f7Rmdm75v43/ALTWj0UUJGubdAf1KkFNHoms1UxaD31E0F3hBKbHppa1A00T366fqpTeie7
KTlWu5RzZazbqLpZzAGuaD6aJnSkR0a9zfXUJ5xDm5qZIEZMP4ZYCD7k2Vo1Y437x/pNxJDqd+/8ASyFz
e8AEXnPkuv7L6PK3VpQMn5gs4qyrhJsFSYcO7w19EXOjNX891C8nwJk8oGrCjKQLyqOfjFRtCmjJqFFjI36X
7DMs6zK1qnKaQNFuUkE0500CiwTYxopMG3xFSNibz0Uk7f+NRYhob3t/RfTGtGl36aKHEvc22x2o5ZjoQ
Auuy/evCfiIK8VlQSYciiN/1UjsxywmvgmMxRktzr93L4/wDSxHSPf6l3/wDnzUWEk+8k7o+CHUsdkibZ+Cn
mMn5dff8A+qWRhbk3PwTsG+V1Vt703BWMjuSbDHEANAm4wFtuTJ2uZGNoiwiQN1mcCutjcaKGXKutj
LMrimvZeu/78lG+71/fxUjzsFLnvvafJOB5D/K6rNr/AKCDBqK/RdWE5lp9LKWEPUOOLu7Lbh71EyKTWM
ZT+ixMPdt3JRSujOSTVStY86lRyx/mJ1Rd/wDumyP5EKRwvf7QDauC0GyiZVloXT7VT7T7NHWm4llZZi
5Mka7wm1Nges73NQY2aKTqZxommxaxvs50xDcc5YnEzGsZ2EZGinfNfMes1IXWyM7jSAE2KZ3jkKP0cEh9khNId4
GaJ2HlI2C+ju07yyZNZ3F9KeBleT8P9P8JzC7MRyTfr+q6EfLiH9Xnpv8Af0U
mZw6jDaeZ8vd6/wBlNjcLgrjwozP8/L9+QTcTPM/P4v4v7LDfSHNzHcbb/FOd1rcxv4aP/H9lE0g/6Usnf10+SdlI7yBp9f
YYUcybAL7qw2Fyjvp3kiSP3G1f/aLX1QXmvOXvfn1tbn/H9lE0g/6Usnf10+SdlI7yBp9OK

dEKsI4Mmk/DSL6K8uyr6rfWql6NlIFNXUTQ6lqjxAvVPxrC6zqEcNC6DrY3E/4/yukWT4Wsx3WHnEjwxxq
/PZYqOaLvN1H6D4puPNKKSSTY/wDSjciHN3XWNO+i6snQOTsPO02w2pMQ5hyvFqGWInWOkAxrcwc
U90jtjY96OLOHfQbp+9lFOx7c7Toi5B1q+GU+SGizLUrETNiZmKZIZj1jjaa4Ad1SYVh1aaPuTHTQk+XvTc
RFL3Xbr6POyzEVHjy5uUpjHOAJO6fgvesPB5oxEatUvjCxeI6txhCgwBxcvVDTzK+rIWsZBH3ed77f7WNx2
hwxPqW6fBQdE1qdR6JskeHZkrRPnY+MPDSVPi5muAqv1TukcQX5WGx7wmY+UePdRdIzNHeF+iZjmB5
c9pBUbA8CUn5FMeT70XHnomCgnOt1Ui48grpTOvSl1bRsmyMum8lLACLcmTxMdlZQ9VJIP+Rt/BRTEuz
M2XXR7PsIY5rR3V9OrVQYrPoSEGkt7pUmGMmod+n91j8GSNdxzqgnROj0kavpEjNW2P0XR8ME0AkY0
Dz0XSXRsmFfmHh/ei6G6SzD6NKR7v8AS6Q6Ldh35m6tP7pDGxuYI8lD1/6TMupy2PVYgsMLJGhA8lGer
HeepevljGXu/v8ARRYEtZbzaktj8gaU1j3d66UEsXNYjDsnZSw14ZxbJt6fv4quaGbdBwVhbc1usgG6AJWNe2
aX6PrQTOj2tblX0NrdgpogIzY9FEx0UJMpTIusBeDsjN1esjkx+Hn1Tnvj1aKCGKY4LM3dydiiB3ViXdSxszX
6/P8AuiybFTHL3iU2aHARCItOY8q3PwR6Qh6gOiN3p5IwxBnd35Uf7prj4XO/fzWGiE0rX1siGMbsiSdAsZh
Q4ZwKcg3cPFrI38rf1UUgI1OWvcmsby/QJjNFkrmUQG6hN01WUHZdX3cpVRuOUHVWAe+SpXD8rwE1r
N7LlmaRRWIiI0Fn4qMnLQ5fvmsjiL1r9/FVl2RB5rdYPI2IBp4OYDqVjMLI49w6LEtf4Ty9y6IxpZiOr/K7+6l
gZK0xv1BWNwEmDko7cj++a6Mx7cUz6NPv/f8A7WKwv0aQt5KOQ1Vq7AzHRZ7fTRaw2GY3vSNWKxk
YsAahPlfmzuPouj5vpGYPPe8+dKWEt0k73vUWFF59kyJ15g5dJQmSn37l0Y53V5TyVJ2bkFZ8l3VfIIDzUr8r
CVh2CSfKdhqpYWnUjZfSGg1Y+aGQW5dIy95rL96GFz4O3ac10a5smHGcWpsBUDmxH3+/5qPEyNflIBP9
1KIybqkBFN3HGisVhY4IO9/6pnSTy67lQRRdH4fPJvz/ANLA4g4npJr5fP5aLp+srAfeoY+7mHCDFTN5r6V
KNkJ5FhzZ7/NNgd4mlW+9v0UeTa9V1crqcHfIf9phG2qprd/1RsoDVSCtXFNxAry/VAirOqhgjf3q+Y/2qfJ3X
afFdXHnyx94+8n/AApHP/8AP2UJPzAl3qa/9VZd20gbGU6rOSKGydONxsuvOYUF0m1/0VoPnqoelMRCDrd
+aZ0zI7xEBYLG9eMp3WOJDy12/uUYe2drXd3UeqxzHYeAW/Y7ne11/wBPhIyX8db+KkEsEn2gylQ9IRYv
DlktZv8AKwuHjylxN0mNFFPk6pugRZLiDfJQwZALCfG18uZ9aJkEUUvd0Rw7T4/+keq8xonAXbE55d3Xl
QTyQFrWjTmmTtKLlmTYPNBgGy0Oi6QH2NA/PRYENbZUBMjz1u/6fDknSj/joeuiZR96xeFZJiGl/IJs7Qw
UNFBcRLb35eSz17ypXGSSyaWHDXHKXan5LEgYQ5zR/up8c+R1vOq6MwrI9X+M/v8A9XToxDn5pB3O
X/aw+IEMglHIrpmFs+E61mta/BRS82qI2QEMzjaYCo6tYdraLmrqQd0Yud6JzXHakYXmPVNqu5/lN2tqDTz
3WStS4lZ+R3+SzEe5TF41tdUb71ke8/sJ79A269FJEzIHi7RxD2jw0oZmOfoST79AnxT1nDNVlk6ru/v4rDwm
/L3qXA6nIP3819Be1+VqmhdLhyw/NSxSR0ZAhrsjA9g0BWaY6y65V0e1rpvpZBLR+7/8XT2Kjc5scB08RW
AMzZAYhZU3RzJwHT/3UuLiDAzDMAo70onOGqBdlOY0V1Yc3dB5Z4UZDWYrCgluZOe3raPmpXZhlCs
VlAr4WpIQRqDfyT8E5zQ46qSCu9vSaXHmmSOCsIottZV0o37DRdFxkZh6KR4jbmcUx0cbQDYHostC7WN
Dn5S3ZQSVHW6fEXTh1UnsCfFXfGlJtxnONT/ZTRyPGZ6wGFbHJ18+gH7+S6X+3DX4eQUOXvWHxuJY
3LK2/eN/+1L0bDi3ZoCG/A/v9FgZJIj1DiG++rR6PIY2Vmx/QpuHdVqOMhtEqNjgbTf6VlDW0nPj3pZ62Tm
OLs/NYV8l6m08yflCLXHfdEOGtpo01CNDXZdblF/v/K63Ns6j+/inYdzbc5xP6fpujKNy03+gTsO8nOToo+k
WMP2trCPjlbnaFO41kausEYyEUVgSCSCgLFPPyQdnsRC/UqKVrvs4jsumMMY3B/5TzWBw7uszE03meSx
uOwre5V1+/NRyT4x/0eABreZpYrEMwUXVQi3nYf5UHQM+IJnxTqJTcbHgrjipxHl/kqbGYnFuy3fuCwXRJl
+0f4f1TcQ2M9WwfPdOl6wB+yY0k7LreQWKlAahK+NlrByF8n2gRy5TyTMlAOQfFdJhp3uTnRvccvMqSH
yCLCNDosruw8WKTMa1sgadFLmrRNBbqdT6/wDSmmsiNw3ToesYWLDMfDJlKxELSywdQhJm3RlaRTSi
ZCuq17yki65lFtJvR+XYKTBUa5ef75fBNwI0dGa/fzCkgmfq82f3+9VBFO2PJy+P+OSjidXJde2HuvT8XE7YJ
jgxuZm6OLkAt2q+nXpXyR5Jr3jYIOLdSE3E8q/0o3AqisgCygalODXpzXg91SgnxGkY9LBtBnuXVMO4Ckz
OkyvbYU+ObGKHop5g9McKOTn+9VDi5ScriEM7m6j+yiL2d6TT4/8AQWJw7MRCYzsVjujMUNAczR7tf+
1gf/486U5sR4f1UOGjhj6qEZUyTC4eUti70h38/if36KVk+JH2h7p5N0UfQeFi1eCViXRQRGLDtq10XjHQ/Zv
NtP7+S6W6K6254hr/AH/f6rCzuicHcua++Z1senrzQc8k590Yh1PWO+COZwB296ylpOU2fkEwPB1Tom1pun
AF3d5ogdUX3XqsJgiJRZBpXmRiX0c/1Hs4/C0/rAN0wdY3U6oRuvZOia2bNrmRMgbYap2ulsBpB/fNNBDe
rkOqM3d6srC4XIO+pndXTWKMX9pKdE0l/LRdYAwuTXvy6pjetBMWlJ0YhdWuqErX214/fu2ToKOaMqg7
lmU2Fs5WAX7iVMwxaPanOtuhTG5tnK3+F3/SzE7i1F4e7/tMcd6ReBq79/5TXg6hBydG126y2Mq6po1Rew9
3dd1a3unPARnY53VkJ2Ha5uWhQU0b2k5WaBbp8sY7rwo8b1cJdE/0Dv3aZ03PJpGwO9LTZsSGZ5W5f1WI
6SLajwwzOP8AZYzpXEYb7zKT5C1P0risVJlbp7h+7/ssH0dPI0uJr4fousiw4yxPsjz2XXyOdn6yz5Vp8r/uoXF
3dc79FLBG0GjawOJY1oY9Y7CRH7TzWDIhdodFiMMH/aM3/untGjXbLOKyt/foupBaSE11aHVHXwqKTL3
a2WPlzgFuywcJbDmPNN0Qd59qWMPblKiiMOwV6Wo2xPk6yM+q77nHKaCjjy87WOLGatAJWEgDh1hbS
mkaz1UEHWd4PUsJFZeSEhZqQpH9YTHyTWDqsoUOVrOrIVG8oT4ix9hBtkEahOxVAkClDjWPdUwpETN
FsOceR/3zRkwjjllZkKfhIz92+7TcDGw1InyQxaZV9Jiee7uhM7wn9dF1z26Bv+f1Wd1XIaHu/dqJzQLZqg9xCf
i+9lZXxX1gR3Jh8k7Edy2KbFv8ICbO5vdi0UkkhPe/uvp8rB/0mdKPra0/FzSaH9F9ExDhncz4nRNaCzO8Gv0/
2o8A2SnD47IwTRghrj//AF0/QUmC3XKC74n/AMH71TogTnaK9Sf72o+jw51v0H75o4nCYJmSEWfd/kqQT
Ym3TPDfIX+/1X0Vo1c4n0/9WFyMkBkFhTkdadD80Iab3zR8k3DEmmlQy1Ucw1Ugt3d2Qe5oo7Jo0sKLu6pl
ZqWjtSmwtGqkcG7j9/3UUbJB3hoEZde6iPJEVqszu05toPLTRQArRCMAUFNL1TaaFDH1v2j1K9sbC9NeJn
nMmviy01daBqDa69nmnx8wnR0NlE9rhdJ+/krNXlUgk3ANplknrGkX7tPisT0aetZZU2Kwb6I08kzHYfFD
K4a/vZTiES9UoX4lh0BCbjMWBq2/gjPfjhV4cigDr8kMICO64hfQzm8f6IxAijp67qSGWq/upMK4Nokuv4D/a
+jysFg16X/wBpmHmcczliGZCQ4a/v97rKwtvORfuP/i+hwnTOSnYbDxjug/BMnp9gfNDFT9cZIR8gn/S3sLXg

pmBc9/VjdRYBsIuyT++Ska4Ucleu/wDhRYaZ/onOawVkNc7TziJW5WjRfQXX3xfoupczwtq02B/kooGt0k0W
GY1veL0zqW7G13QbzKgRbUyQX3+aBsaphrZCQtcntb6p2asoCkLW1qmQGU94Usjdk5uXcoMsJjCBSydvd
YmTIAvpLKsITte+ptB/dCWBugIU/VPG9rqo9zonZG6Ivp1IRub3mf2KzPqnck/EEGjqg7S2p/XVrabiZL8SLs
WXd21I7Fje0wYy7o6fvmoy+VuTEsWLw0bD9m74FQ5WyB7xaGKjxHczFp+Sng6RjNMdmCi+njxX811eJb
qSQmMxGX/Sue9DaLZnu3IQbM0U42U7Dy2X637j+wmwzjXNakgeR3ibRieJKzG0Otqng6IwE6hGGR/fpPw
0jW94JjHAGtBz8l9sdifmmwyvd/tOdJtaaHnQIQyAUDSMcwNap0MifFKFHBOe+QnZzuEwDNss3mi6G65p0
rH6BBrSa5prGefyWWOtFVa2pNgAdESAO4ml5Gui6lp5og2E6NyEVm0xtLVV7AtK6pje4B+/VdZD93K2kII
atgCk02CDDzCeWg2Ux9nuCkID4Quqs0dkKafJZW8j/hOgkOoN+hT2yXqEOs/KVFiJW89lJO+TTZPa12jnn4
rIIzYNhHLI2nM/fqpIIA7uG1HipGd14sK3Si26KUmN1EoTTHS6C61t94pslN7p/wBJ8hZqXa/v96ps1+FPz7Zv
3+/JOaK1J+adljd3D+qLnP7pcjFkNWmCYjKxCLvDMpJgD9m0eqb17vCozHWtkqWf8uyLi4qtfJPn3DUHvcjf
5itQ3uJrX1bzSrXRBxAINIQeSykbgfJODPyDVNq9rWW/EEIW+S+z3AUbXm7FJjIo059lMKL63XeKaKHss
3nwmhbIKcE6EN5V8f3+qfK1o1T4myDuOT8Py/ssmVubddazKNd15Zk94cjM/wDMjROqbHP/AMTv1Tuszn
O39/BZ4HeKwhHBycnYZ+4HyUoy+Iaq9d0xz2LP1vJOj73MLIc1s1IWdzDqi2N4t2iZC4GwbVlu+hWSNxUc
R5FBmUd4p0YLrX0VwCER/wCQoS5RlaUQeSyFrtrTi6Qd7T9+aMb72UjRzRc0JrnVoE9pGqaa3KbLmCBl3
TvEGkpsLvDS6h1oQ1sKVO1pdXXeRDS29Qn41kQpMdNiXWwafom4VjTmcVeidHeoRGVBqbEBshV17IH
hko21B3nvwdC0p+HN6L7TZyYQdToU5mXmsjjusiLa5Lu13gghI9pJtR4mhlLbWeB27a9EyCmg5iLRhnb4X2
mxSjxNQgLTZCyWdDSYS3xH9+qNnwp7nbIRkkprg3ZdUJOayNa4cwrJ0jQgd+ZEsaDl1QkkJWU/nKOiOvN
dZWgTJQRoNVLiP6nIdXzTZKFNFIOe867KWNrtXIRx1oPmsl8k7C0c7fksT9ySBqs5EdjmoY3Aamyuq5FS
NazcrW6YF9EcfEo8BBHqf1V34UGgJ1BHMdkG1srA3Xed7k1oGyLgFTnb+xO2iDwdFrwzkeNWOD4Pcvo4
H3ZVPy+FeId5FtBWjrshGFkKZtWVOdrqF1bN0ZDVLrymHOnxHNdq3DuhMik5m1memGtU90hO9phvdfa
NTjI46L6O7dZSDqmtc4eSkjLG2SqIbmKbBeqMQbosgGrgtX8rUoo0shBTA53JFtbFUata/lT8rhTlEGx6OOqE
rb7gTWmXfRNwcY3WgQcDsiwHU8AbGiLeYV+aFcllF2igbQaPY358C0OGqpwQeDpwdHzG6e+twuVhPiz
LUcv11XVtOtJ8bLRjKfBHVrqq5otKyNDbKcRdpx0To3BjXKmg2s5/KmtHV2/muWiY6RRxtcyzaljDRyUeek
MO1wvmura05iUcRrljTcJY+0J1RDItt0+VzhQXVurVXQTSSKTGPq13Wb7p0l7lGHuB67kbrRlG6MYLM7U
22ahq+2ebToG5bTYImPzDdZebuFlZL1PAu8lk8+GbyQZzdwc+tAsl6u4OflQPsaW3Agc+BdyCHnwtZuYRdY
RsDROZ5afvzUrTlVAIPFUU5t3l8kSBpzUb6TJW5Rqvox5rwHQLr43inmqXUA81QCEzQw2hIw+FOo+9Mk
DW7oanvIFrBcabO1wGc1S6+ySESK0T3H8yY8AUEyRu1ap8gfHTUHnkm6flH79ylc2RpaEymmgmEXqFm7
uW0CGrO2uSL2kKhsqpaEd5bq04A78SL0KAA24EJoAFDg6+SDK1R01XWe7tEeSz14uPV5fAs/J2ipOja7dU
9vvWbMrCIvVE07XVHNuSqTpOX6IsHonNITXHkpCD4/3/AJUmHvvRpzSN1H1nL9VmjcKenYVp2Qw72n
TZdYwaOWWKTQI4HXRCIN8RTnMpHDBxtuqGHa3xlFsbdgskTj5L6P8A1lOkaPCiG/mCbATryQyt13Kc+
zZTYs3gKGHaB3tVK4HfVMbegXV14kT5Jwa51rqvesmiyrlrsqPLjd7IcM1mmporg59aDdNDvzcHOpBpOru1
fnxot8KDgeBF6FEOHhTXacHgfmWvPb9V6arJfiTvNuitvILXZUa0XXAe9Ok8tPRAG6Q7m5TpeQ2Tn8911L
j4tFowdxPe5x3TIJHLqmRjM5OxJ2boo+sOyGHrV6fMBoxbn3qOLKO+pXmM6IuG5TY3HXZAN3jFlOls95
DM7YJsbQaenTZdCKTnl3hQirxqzXc2WbmSgwk6rlQWbKg+9UHDYIUrWbWlXM8CQN14uN34U1oHDM
LpV7G+XYDwduF+Se7kt9lQGvAu81lPLVZa8SDxuE7K/dGA/BHIPehK4Ita4aaLqQ0W4/JF7gNNEyUgVdr7
I+5POTkjKXblNxJ2OqZ1Z8KlkkZpsmPddrrATbmouJ+6RN+LdNkc3YpsjPKiiHeLdWCusPPVZw7Qae5PoO
oppcNk1+mopWaQ1Vnmg4JxKoogO3QFacCLCFVQ4hgu+Lm3vxIsIAAUPZOYCg4t8fFzAdeaBI0ciqTm3qi
4804ldYstd4J1H3FPjLdV1mqbMsodrsnNI4Nldeie1rh3tCnwub3lruVEH65tB705sJ20/si17dKQY46AIPLRUny
RjjPgNLq3N8QTGOdqdE+VlUe8qadWmvcUYn3VKKLJqSnlpOoQF+HVCBxHe0QoNyhHLy0RY78oTIq1O
6efNH3FdWeaBruhA+aBvZZr2WqK23QvnxzXsmitODnAJt7ni1wdqPYA3txy5fCmvB0VogEUURXhV+eiIo2
r9ye7Km07ZZg3fVF7imy8gpavvaKz+RNc46ndRudfdCdk+PuTpTtss6je9vjX0jW2jVGQ7lMbnOiJEWto4px8
KJ5FNgd+fRdZQpikkc7dNBdoEImt8aMprTZE80InO12CZX5UTazWdFkA8SzgCgsx3Qt2jUAAfegOasDZZf
NDjfkgFazc1Wbfjm5BNbXAkDdEZjrt7EjW+BPAtBOvGtaRTRzTtk9oGqzc0EBmdRT3nNlV6qgjG1rMyrkV
VHRNb3w1TRhre6mm0QmYdmUuK8UdqT+yA72VdW1lZUGiRmc7ouWFja5uYp0haw5eSDRJHnKYFFE3
Ln5p0jrtSMGUOHNbELq2sOiLyApIw0ilEM+iedKQ0IaphWyrKAUBqmm911YtbkjyTVuiBumi+8eL+QQaB
oOMfe7x7P8A/8QAXBAAAQIDBAUFCQwHBQcDAwQDAQIDAAQRBRIhMRMiQVFhEBQycYEhNDHSQVFhEBQycYEhNDHSQVFhEBQycYEGICNC
cpGhscEVJDAzUmJzdIKSStE0NUNTk+HwY5SiwvElQERUZIPiFrPSBzZ1UGCjwyZF0//aAAgBAQAGPwL/
APaeP/7HygVGPJnGYjBEZRUpw/3rq/8A0TGlYy5MuTKMoxEUGfJQDCMuTbHD4CvwQg4U5K97hyH/A
H+6fgMIrFKCAbsEDCne4DkGEU5Nbl3RXpcIAu3YzxEb98VpArjWKXFRG6N/XFaYch/39hxm2bCln5pSk
Myr8wQ+sj5tImZGaTo5iUcLTgrWhEN2dKrZQ+8lSkl0kJwFdkLtITNl2hJsuaJ1co/pNErLHDfGUNWqZ+yJK
UdcLSTNv6PWBpupsh6X08vM6FVNKwu+2vqMNy+nlZbSV9vFMr/S8xO3xLLUGjbJbbPhHjM3KQpCXZEvzQ+wM
wkUrTaBCGk0q4oJx4mkPdz6ZFU2xVsLPMvxrn5EyiSqDbDT4K3Lyp1YpYB/Ph/kMY6yS/+0oBi0qkkVrnMHtXEO
ILRE7ZknLKeMuOdaPaOq92UOWfWKmCZZXLeMhdRlKuuTiLzxxckGK/RjRS3IR2pbKkbxaAJtEOrp+zMB6NyjAPwfvvr
EhOHUIbtBT9nzgtQ6eTf0qUr8vvzXVdl1Tr9wvwVn5sLkJ9RPNPIAOBqMkNGP7j/5PRGqsiX2hsjOBYAERZpr7
wokUrTaBCGk0q4oJx4mkPdz6ZFU2xVsLPMvxrn5EyiSqDbDT4K3Lyp1YpYB/Ph/kMY6yS/+0oBi0qkkVrnMHtXEO
EhOHUIbtBT9nzgtQ6eTf0qUr8vvzXVdl1Tr9wvwVn5sLkJ9RPNPIAOBqMkNGP7j/5PRGqsiX2hsjOBYAERZpr7
JpCZ6yJualG9K7LMzHhgnfLuIOG5TcWdSUiAdxgFKbgUKmwf5/ZURrL

urUhJmni3iOyH5crae0DhbLjSqtr4g7oW1K6OjKL7rjirqGk7yYbnNJJzsk4q4JiVdvoCtxjKCmnJZsym07El/dZu
/LMvvqS65wAu4nqics94oU7JOqZWpHRJG6Jey5RbLb8zeuqdJCcEk7OqFvOW1YE4426GlS8rNX3knyabOQ
Wi3bHc6Ja4lbpVNH3vUVovDVMPsX2Xiw4pu+0aoXQ0qDtETbcrMSctzFrTOqmVFKQmvAGJf8A2rY9qc4
vfoExptHSnS88ViXskOSBcek+fKevq0LDeI1zTeIdZS63MJbUUh1utxziK7IdalrQsqUebUlKW5p64t6tegKY5
Q0xMT9lzrzl4KTKPXywU0wXhgcYYl0UC33EtprlUmkTnc+27IGYkWEvuvXlaEBWQyrXs2RNyTpQp2Te
Uwsp6JKTTCDZ0i7LMvBlT158kJoKbgd8ItbnllWnZyndCX5GY0gQrccOSbMg5KMIkroUuYUQCVZAUBx
h+VfRcelnFNOJ3KBofgcok7S5l3OTMjMuhbkzMPp5zIgVSbu4xay5OZXOyy5lSkvrVeLm/HbjWJFbq0NIDbt
VKNB0ItJibNj2a+qe0stL2a6DzvWzcHp7BGESLEvK2JaEymccUWLRcCUJF5Wtnn+cTiHWZOXcDlS1KKq
y3UVonhDTLPNS50wmYXcbXdxu474sxma5hIWg1MKIkJBwFkIx1yBkfzgxYlmJVJB7nXP5gOTKUXd1K5
4H0RzvULE8wgsqSqt67gfXFm1NEibZqTkNcRbz1rM9z/Meb+85ltSeeLdu8Mc47kghxtakWYAu6qt00RGVY
OFKxZTji0obSpeso0A8GqJ63nXmza3cyqfk5YXxVy+vwZ81PTHc4UvIeKLJQFlKr2NdsS30qPxCLMblZlozF
uTCVTjgcFEMtIVdTXirGLcWghSVTzxBBwOtDC3XENJ5s7rKNBshViWdZctZVmpmlTC0tuFxTy651PJ3O
Cz5mSS9ZTHNpiXeeDZaNEi91asSTMq8mbFnSiZZbycUrX7f5xKKNBdmGz/iEW26+uxpKz5mT0fP2HgJ1Z
oNX+uEDMR3Q2I5MNysxazI0K3FXUqoDq1/rbExZzqpdUzOvoUlhtYXokpu4mnVGIoYkGQtBcRPOEorrU
ovZGlb6WRTFvWO66zJzVotJ5upxV1DhFdWsTlnTb8sqftKaS4lht0OaIC7rGnkxjB3w0w2Ap19YbRXDWOA
juMbS7I807m2LjylTKUrvkY0Tnu88WvpkpHOHzMJoa6qsosp1xaG0DSVUo0HxaomnlWT3MSrPO7wmZJw
GZdqTS9jtzMYx3ZsqW2lbqm7qScVZclvhfNrztn3UIfUEocNTqnhEguYsvudsuoUkJspYUF5dL2QeqHO5Zya
YlDbdjo0U82sYLBV4NR3cPK3w/KPhKXpdZQu6aivA7osJxxSUJTM4qUaAaqot9xCgpK55wgpyOMWcTgB
NtGv2xFmykrMsl23HjMzzocFEttMlDaK+VUxbakkKSqffIIOeuYWt5xtpPMHRVarozRCZSdNi2XPpn9IxIW
S6C0+mvSUnfmfNyWBK2hPTkvOz0ym13OYoS6uqSClC9wpd8xhu17Pdadk7dYTM6hBougrXrF09p+C6I83
JjSMABFY6KfNFE0HVGIwjAUjrht6dd5wtpsNJJQkUSMhhEozMOlxEi1oWBdAuJ3YRjjWMEgRkkRTkoR
WK4YRQAYxxil0eaMIxFYB5MUjzctbqQerkLqki6cIF2gpspSBUUpBISN0EpEBITRQOZgAUSraIx5G32jcca
UFoVuIOEOT82sOzTygpblwCpHV1QZyfe08wpISVXQMB1RkDHRSOzkqRjyYgHrjAJHUKcmQoYoMopG
XJkKdXJlWMAByYACMh8Nd76nwm/4BIUNUmkBIpTdFBn1RgfNF3PjB3xvrGkTWogLqUEDDHKKLVV
QyjfGzkwinLT/fseWvKQf9wx2xSAVeaL6gLoyECgpyEDk101i9lBNYCUspywBhKZZJv9eUNrKkrKc7hjFV1
W4xdByjpA9UcYx//RcxGY88ZiMx54zEZiOkIzHn5MxGY88ZiNnJujMeeMxGYxhC1ZQMuqDQi8Y6QjHk
A3RjBxika3REadtYQnYmsHEeeFCiE/J4QUqPpyioUB2x0hXrjMcmyM0x0k+eMx54zHnjZ/vtlIWlK0KmUgg
4gx+gyf8ABTH6BJ/wEx+gSX8BP5R+r5L+An8o/V8j/AT+Ufq+R/gJ/KP1dI/wE/lH6ukf4Cfyi10NpS2hMyoB
KRQCFLmJSWeXzpwXltBR2R+rpH+7p/KP1dI/wE/lFkc3l2GLdro0BNeju5J+0JqXaeC1hoOIChhir1zR+r
5L+An8o/V8l/AT+UfoEH/AT+Ufr+S/gJ/KP1fI/wE/lH6vkf4Cfyi9WvuCPi
WvuCMZdg/9sRjJyp/7SYtApkpQK5s5s5Q6FNRqmLKQ402sadIKVCoMashJDqYT+UfoUp/BTGNnyJ/wCn
o/Vsh/d0Eqkp7WA3Ehx8T6V8cNKEQ2KH+UiGtZmorJZQgPGIzqkTiH44MajRJI2PBXqOpakGi
2NmjFhIdVqOuD7ZbYPFh7yQvlCjVSbTJvi1lKIfvYVM73mLr0fzY0OtnGdnAn4vVpsWfeihcEaOhMeNR9J6rUfHkL2cXx9UIRMzkhMZ
E+iNgPvnUdF6nGmzyeLRZoaW2qCzaMkm7CIzjQJMrRgkFQBoYMT2b7TZQmGqppMKmEINxPOv/Pa6
7RO+KXgdtpkUvx+1+sofSLvk5YF6RNwwaXJWsOJqVIMDhfaWrOOUGTRsWBRIoZwQhDNPrWCNM8Bz4sjU4Wxy
DjC+MlzO5N6hy9ChQXNK/hVxo5H+/NG1UjQ0kG6SkOvgFoNPbWsMBzMFwN0vfRJUc4cKj2Kj+hwRZ
Cd9YgDyPxa1ltiwpc3ERk9pmRbDYXbI9tzhiKzGGOUAbg5dmkpWnz8wb4CTcsLcePPGRLpwNrJxlJVbaUrah
ZqpS5BnrBBp6OyxoTkmj/m4kmQR58aDDuB1Jwf+aqYMkX9LL8kPmFDALO05cnpvVKnVNbpOQkm8Xlp
naoJBK6BhzMIC0UhjQSH5OUuQ0lpcZzlcm0KYVgDd5nwMPsQX8gGKHJRqmNkMJPkyKPbqp1EdaNPrV
jbKPsGtFuUcjvCqpIB5z3AzjkwTTQq1IvCNYGbnG1YXv9TwFQ0P0Va6sc/tEvuQZ+rKLsnuR2wfHJ1eYDR
vHJgFspSdsSimZcMmkGw36PmgmkKw7Xkg2iYbOaqXoq3EFzrwRgPDsoPt4ZRaE1BwDtNWbnqDpakyl2YRc
urGaTkLxa/KG4tnsPz8LoP7pw2LHjv2OWPq/0RJSgMNfJmLH/ANEvU0R7vVqbVMrk7+2CufRVCaCdnvB5
U4qFVcwgMTZRO4LIQVAvXc7R6W1qzJmhRKCmvqyHqz4XxkRUCg5wO4ApSPEBYtIRPk7c2TcEKUzzpbIKX
dbQLf8NvaNlQIkrCVZ+vmeljuSGzTeJSwSSySSTpdgF2Dg2nYHGqwvRGXRbtuK8WCTrkVTGmqMOxbFdWN
eU7Ty8Jpk42wy0YFJVbIOpbLwmCD6MBBRHrjGrp0pEG0VM/V6aIRVUkiXmtgPWtM2YVVjKAlfE8hC8ZDH+6
zQTu0HqkNcGLJ7TsjIp9/Q8Vm0+/7NIGVmCmhvHAyXqAfrZ2LtZWNNa0RZbq3gPZGbMMXqUWDL9Ps5Ne+
3Q4E0/p5mqTY3vpk6vm1X3mgW0+vYk9bp/aVvT4oWEYxHfx7ZDBNWBFx8qkrtaUvVnb6RgLHRkbKsHr7wS
5U4Ic/9KtK09W5GyzUDfm42ccXFqIcyy4Ce4EdxNy1cM5eF5FiYmiz+mUXn3SC4WgN9hh7uW2PAmhk8k
3Kd8nhRv3Dbzp8JkNd8AhWwCRYbVQlNMq3ZH7l8LkZDV0KiF3zTnwA1o3yfGh8uSSkCjTt/p+Ym/Xa7H5S5
lkQv7tqdaeAFCdTJW2a2h0xj2V2S4aXm1xUJ8KlD5j29hQXWp1tnCnNuGjHuKk79t0u26IUqeLd0gqMVm0
ArLkMZJBSUtJvhRTEr5FfX/v31pJ8JcUQ5ndCmwG0w1GI7HkMFP6JbUS1TjDBHx0LflNhSQ7VvTcUbDjXmHw
LJ1YZnc6qo6Uu2H4qEIxDgA1CwkpIQi0gMl3wd1ZCXtQDJgvP/TY8z+EQxC5LEVG5Tm/pV5f7ffrNWZhXhNu
l5BDfWXd8mmTXp4/l2fnW6SgMiHy2Pdo0wyBEjfVpAzB1tycn55B2ggT1tV+FmjJwsDBDvJ/

a1uxzUSYf8IV3tJdz7Ip7nJ/j/yj9XJ/j/yjGzx/G/lDr7mK3VlZ7eRlkSQXoUBFdLnTsgkyCRT+2/lH6An+N/KHJ
rR6O+ALta5DkAiudIrzNP8AF/lH6AP438o/QR/F/lD712mmWV03VOUHklpzR6Tmzl+5WlY/Vaf7x/4x+qk/3j
/xj9VI/vH/AIx+qU/3j/xj9VJ/vH/jH6qT/eP/ABj9VJ/vH/jDjtKaVZXTdU1hiz02cHw1e19NdrU1ypFBZCf7z/4xj
ZKP7z/4wzMmWEtomtHdv3641rlGqqkUvqpGZ77ODx+EQlWqpIpHShathjRqIine6sdFJgY9kZk8DAUkdkG5
hxEKUtRHydkXkpvb/nR4JCvtCPCJEC7nxgHIwNsYGvby41rCiK0MYYnlrtHeUgTTky+2VLUmiQNkfp0191
MfrCb+4mP1hN/cTH6wm/upj9Yzf3ExNyoUViXeU2CczQ05Kx1d5eKhhCsa4/BYhMVAoR6YptzP+49XKO
GMbuTCL/ijZvggDqBgoCtRGJOQi/gqsViuzZyAqp1cIvGCrGMTGUZQcoFcYw80U37oqKmN8dfITCApaQd
KvM8Y+Mb+8I+Nb+8I+Nb+8I+Nb+8I+Nb+8ItKm2ac/EYpvjbTvN0H4QxX4Scelp6WlBJuJQQ4gqvVFdkfr
mz/AOCuP1zZ/wDBXH64s/8Agrj9cSH8FcfreQ/grj9ayP8ACVE1OKtOTWiVaU6UhpVTdFYGcNz8taUohKi
UKQptVW1DZH60kv4So/Wcl/CVDk85MtTaGCKobSU0qaVgtpQtK9tdkOMtvIYLKQslQre2R+nyv8NUfrC
V/hqgvvTTL6SsIASCKVg3qBOUPJYW22GaVUoE4x+nS/3FQff8t/DVCnXbQlghsXlahpSGZdCgkzCroURlH
6ZL/cMfpkv9wxjNsH7BinOWPuGL3OWfumP0yWCd1wwQJuXFfmmHGSb2gWU1pgaRoKobWlN47RH6Q
z90wRzpn7hh+ZVNS6ksIKykIONIyGENstiq3VBCesmP0+U/hqj9PlP4ao/WMr/DVD0+7OSzqGaVSlBBNTT
klp1E9LITMoDgSpCiU1j9ZSn8NUfrOT/hKj9Zyf8ACVDrnujKLuJKrobVrUHK257oyib6Qq6W1YR+s5P+rE
P1nJ/w1R+s5P8AhKiannJ+WdRLIvlKW1Aq5UsS7K33ZZKdZp6SRXyolJcD9ImEI86u9tb6A8glZbV+1lv8AB39r/
UnfwGBCHGlFLjagpKh4qlqEpPCgW4mjqfkr
HSHn5UTqRRE6jHyx/KkTv1cfi5U6TBIeST6YlmEAIl72th4gz5SpRolOJMPTV6iHMEDckZRI3s9MPgJ7DB
Ly/XBH9irty5bT+rL9XI9OqGtNuUT5KcPXXvJ1smlbn4hCtHrpHniyknMSye9n22xe0pS6O1I9sSRdJrLrU55k
4d7a30BhLTaStxxQSlIzUYalk0L6td9z5a/y/y76wfoXvxIinwNu/WW/wcszZLLlTMyuWCDpEOpSDeSFe2E2a1Z
kxKqU2py+t1Khq9XLbH1J78BgUxkCkO2a+saKe1mh8Qn4dFfq4/FypKf4/FypKf+YR7YmJ5dar
OiR7eVEuMVzWdNidasWf9OO81XmcyMRBCKXR/ZxUONFP0cYONV+jhx1ZS6m4G5kclpMkKr845JSZ1kmYlrlQd
/VASgVWo0A3mJSTT/w7YR1nb3k1n4uQClG03cRviQG5kclpFJKVCVcII2apiWfBrpmkr845JSZ1kmYlrlQd
qVfziccUpS0MMYE71K/lyPrCrqlqQ0PtLCfby2t9AYYVNrTVqzUZXx5WsT7e898XpibUKtzSZ7W7KwU
QySoKcV56iALRsmVfb3y6y2rzGoixpizlO1YadS826i6iokppkw83wVu/WW/wctqeQx/7SqeQx+vezlto/wDQfg
MDjGMNvtqo8yoLQrcREtOt/tk6w+SraPPy2j/gePbfaHn4/tN1xNUGSzRJmcekzd6AIS1Tm
5PJZ/0w7xw/FHE+Kd8z+Mxh5uFmGi2TL5V4tFD/3hBKZ4bgZDPm9VhYzc2cLh9svMuh6cVsjaXzHCxe6KpO0ujk
nJt2o4VHJPYVLF10divyiWVtmFrd/xU9nJY2Ynvgj/ib/AHYVa3/TJyaVjXfdQ1RTNLpenbtRRX1uX9ySUAHSCZP
4Vp0inPpp14dVbn+Xlt9fyZnR/dSE+yGvqj3+Aw+AwI4jPketZ1OpeLeCZ8s5nsHr5btRXXOL18fZaRUbNenSU
bGGzGAbt6JOqAk6Yd/MfRq9UCgyEK+rK9Y5bUpiear9USUn4zLQveVmfTYeT7i3UtjsryrjlwPWLOH
9gnktH6s5+ExNS+QcYCh9k/wA+Sdl6V0zC0ecRZ0uRdU1LoChxpjyLxwYeZaHZT2nltb6AxZP1ZHLYq9ge
cT/hH5fCobbSVuOkNLMsxP/BS6GlcVU1j568jr7qrrbKSt3AYmJydX0px0oPx4Ldsjj7YVbtdtrm12xq
MHvwGM6wDs2wywwSPPpqCED5ROUSg3joEUUr5atp8/LaDaTVuVu9cOVh8fsphB9CJUnFKhUUR8cQbpMiMy
clDDjZNG+kjqjZEpwcHeHwcxgaZD84+Kmfuj84+Jm/uj84dbDM5VaCj+Bqjd1xjByJeo+R1+tPKULSFIVmZDt5Hntq
E4deyHK4m6OWYHk+sRjEl9EOS0Pqzn4zTEl8l28l50/n3ep4j9/9X/OvltNsWRyuPtiq7NeTM
fZ6KvQr0fCi2H0Vs+xlXknY4/4o7Ol5uV6UQ4Ezds+9kCuIR+0Pmw+1HST54axB95vezltz6g6/+AxVK8QN/I9
ar6PAWb4NgnxnCPYPxcszNryYbK+uJ9xZQtbV5XXe5R9Mn2wlBOvLHRnq2coeHTY9UZxLVz0g7w9cEC
OuNUEwoLIbpvgpqT73V6x3rLAIvOKvU4CHwqlQkcr2NOj64wiS+iHJP/V3PwmJR/8AcuoX6e8nn/3TCiOuk
Sv0qPWOW2vqxi0LPJ15V/Sp8lY/MHldYeQHGXkFC0nJQOYhy8hy8bHuI2FU88fq6R/uPkCtK
V0K3EFIdpnTf8AW32mnkcxdN1aQoZojRsNMorW6hSOXJ+nNAVMOlbPRrHa3W18PYxXbfIO6Kq2zd/PMjGlyZr
TylCwFJUKEHEGLacalJVpaUSLQR4MN8hm7XGzoVSpPgWLUEYS6FFeOdg9mpRPuuKTX3LIlkIRNwkIRsRBPQR
kX5Cf5080Tv1cfi5K/Qq9RE+hoJ+kspqd7wgYG/lw5TvN9LIJnY1mdMdbPpShYfRKXgJm7XdqmPI4ynzsa8kbJ7
5cKKWyqgJzg7SGF664mvIT7ewYWYrlZT1S+wm0SM/A6BvIqAfgqBtJjWX6SX2uatW5sZ1W72Smq+mjSqyb
b+qqiWWN6q7KzvvV47BXxonsVTvFNPNodaWKKKQtNN5KuyC4qxWEKP7pa2x5gaQHJOxpJt0ZLUnSLHaqsW
D5L/APk+AP1B31o+Ctz6NH/uohy2HOVlkI+Lxx7q2xqKt5ybnJ9D7YEcQnLnXMHlwHJ6JtKCm/cEuFXqDWR+ILB
t1PRcSFDlEwkazOfkxLeX8BOHxirPShB/Vesd48+f2aSYJNakxN+n8Kn9QGGlKFqT/OYgaEobaoUsiCA0fUTZSt
pceMpTh7MPbEv8ASo/Fy239Vv8AimvcwZmFo4aQuwZUDq/mnWXTbMQ65ouKnbrK+oIAoJKoqanawUj+wFd+L6lA
CJKzdXTpTJhQ8d1WKvy7OWcm667bP0pxDKQbu/M1dyIKsQoUMIb+S5hxH
wE2d6/ZFca6JXs7X11PUP5P8ks15CfWeV/7Pr5by1HsJLKGqaQXw4uqHYgGgX1B7yw0x7uPAzD5EsNJo
18tt/VjCobnJV1lqbug0xXzZ3iDTRl8IJT7CItTb/6pnU3yo93zOI/WBaB2DUG/1u3m0m4HmONcQBeKJ8Y
wE2d6/ZFca6JXs7X11PUP58k15CfWeV/7Pr5by1HsJLKGqaQXw4uqHYgGgX1B7yw0x7uPAzD5EsNJo

OW3JmXdWw+xIvLbcQaKQoJNCI/8AuO1v48f/AHHa/wDHj/7itb+PFrNWnac7PttSyFIS85eum/y2vMS7imX
2EtrbWnNBDqcRDaT3QWqQT++gVtq0j/3YV/8A5Bam39tDbNq2pOTkk6aKS85eCDsVyFUs84wpQoSg0rH
6fN/fj9OmvvxcfmX3kVrRRqIpBLTq272d2P0p3zx+kveePj3PPAWpaisZGPjnPPHxq/PHxznng0mXh2x+lP8A
3o/S3/vR+lvkeVBWpSlqUcSdsX2XFtqpSqY/TZn78fp82PtxjOzX3oC5h1bhAoCo1pyKLLq2r2d00rH6W/8Aei
nO3/vQUOvurQrYTyBCJh1KRsByj9Je88KCnnTXDPOMDB0bqmVH5JzjGae+9H6W/wBioLi3FPOLzUrMw
nhjWMJ2aB8uKKnJivlQqx2515xB/Stav2Pzg8lTH+zbUnJRNegldW/unCAHnZCZG9ctQ/4SI1E2W1xTLk+tU
FL9szSEK8VijI/wwVKJUpWZOJME9+fqDvrRy90X/wCOf/Ae8tr6o3+Pltyv7tH/ALiYYTtvQMDDUslQSp9ej
BO8wtp1JQ42bqknYYMs4azcgAlXz2/FV7PN8PlycIblmVl9xSqVSNVPbt5ejApnGPwA5CN/JdzryVNAAKkn
ZCUSkuqaHjLUdGOyJhxMsZfm6kp6d69WFLQpCpx2qGU1rQ/KPVClKUVKVVSiczyAmLg5By1x2fAGftV
5TEtzRxq8GyvWJTTAdUfrN3+6O/lH6zd/ujv5RbEjK2g4uZm5N1ppPNnBeUU0GzkpyWm/a8wqXbmJdKGy
GlLqQuyP1m7h/0jv5R+s3f7o7+UWpZ8jOOOTEzMJQEtmXWm9rpJxI3CGpdp24Xvi3fbA0drU+0sRLNSzmi
mXHbra60uq3w7ak64zNhJAdWly8sbAThEtPoF5LRo4j94g9JPmhqYl1h2XmEBxpY8ZJ+DrlGcU5MocPV6x
HOikr0SybozgBTpl1GnxiaemAttbbid6DejSy7gWNo8YRlT4VL02tSG1LuC6gqxj9PQK721D2Q81JzjT70yQ2
QmtUp2/lFamHWZN5kBBVSzQR8T/AIxHxI++ICmm9RYxQVCrZ3cyTp3aq3wIc6uRKU4s8MocPV6x
Ufp6v4C/yhE3JuaWXWSAq6U5dcE7oCy9qtPm8bp3w8pKsF1phxiuEVu1iUmpppRaYCV3jStKiP04/wV/l
+Cv8o/TlfwV/yhE3JuaWXWSAq6U5dcE7oCy9qtPm8bp3w8pKsF1phxiuEVu1iUmppRaYCV3jStKiP04/wV/lH6cr
+Cv8o/TlfwV/lCJWVmy4+5W6nRqFaY8ja557QpeJSjVKq+aP00/wAFf5R+mn+Cv8ownT/BX+ULakXi64hN
46hFB2xV0kQbs8r+Cr8o/Ta/9lf5QmUk39NMqUlYSUqTglQUcacInphThaccQWpe70i4cqdWcWc028vn8s4E
vNuYrVqUv14xdAxrXOKlOzfBNNWvnMEntgKCNTMYx0P8QgUjADfDmWAGMEdBNcYupao030dYVVV
xMfF/4hAUtN0KNBjB+BSdjSSrvFna2QuBD/BPIx9In19ySrNmqrt6J6N7N0OqSnw8idMnfTxh5DsEWb9YV+HllPpHfxxPzI6Tber11oIxz
7xrye8st3ZzhKT24e2KRZst8hpTvnNPZ3loV/5YfjEKPDlZUpQQhLTqlKOSRcgzgrbJEhLVblUnd8s8TFfl48tOI
hQTuhnyByOeSYJKtG2hIUtRyAhOiBCKYVzPHlIHQa1R8E+7vIQO8W2fHSUxQ7ImCPke2ArbWGPpE+vv
1+Sn1QgvqCrRkKKS84D4/yXPtD0gxNSn7MKvNcUHL+uHJUYERKT6lABxm84dxHS9RibnT/wAQ4VJ4J2ej
kl2lprLS/h3/ACRs7TTksz6yr8HLKfSO/jiVkQdabdvdvq8l8P8z6O87YY8k94hxObagodkIeGTiQsduMOp/wCXZb
b9Ffb3loU/5YfjEK6jyrAe0cAcFxPBjCUjJpyrPEQabdVPbEQCGPIHI75iIT9kDsw75nLQR+kgiuIXAvKkIudodN
Wqn4LDd5oZ3r1z28Gy9eHbD/kRTjDPlj18qmqVodVk/7qlw/SGHvsZtK4/UNnGioeJHThH/nIdDgzpkOW1Vaiu
jqVbFDhsMc8Zb07JToZiXvXQ8g8d4OIiVuWaqmRGUlN/nIdDgzpkOW1bMv0mHHAlnyF9P1P1f4uUTTiaTFp
eE6keKPb28lmfWVfg5ZT6R38cPMg1RIDA681ek+jvQeQeQRaTlwEsavsi1Hdh
mVAdQw9kJbTmshlOTT6kDsw5LQp/ww/GIV1HlWA9o4A4LiiEnKhChQz5RpDH/o/byr+rqCiYemkX4vMILe
Pjm6OW4Og1h27eSp7PgEJT0CAkZ/JFORkj/AIcA+mvy/qEFmICtP+yb/qHYZY+kT6+5ICGCk5fwCf+Hw
yG3kgH/yhe1ZYo4GnrcPAZ/rsvUeyoJmvjgCx/jBO4Y3i7Ue+J3ZQc2P3kX/uWPxvZyiCvHh8eMDKkiTxqdtP/mF5
yG3k/GJNSOIhDicliveSsljo1KvOncgZ/1xhKUi6l1vRQkiWL6ocFtsBcWGb9NPXdAvtmQvM9+o3LQwmNAgDGLaW
S3kn2cukp+lSzTnou+zkxP6C66D1dP2wtw5uKkp+BGuV9DtUDoAszl8Lyx2U6IOfqY2c5TeSg3uPPBeZ+LLUI9
uHq9UPH5nt5Vn5iUFlD2CHKbEp9UKZP7LLvHrxWdacmtgaOT8wtgdV8lXoR/AH7L/OgJf6ChsPgiuuXoH
p5L3GnKOuJX6PlsaaAzbWyfQR6zyd1bdaFtkLT9oFH5cgcpUSsutfn1fbFrfW3PXyWh9VH4xCuoweRflD1w0
3tCceuFK3Dl7YcG8QwPmDvUo8VAr1wOuMPgX3dwcCByGmdMI/SG/umLry0LVvSKcjzfy0EQvkYH9qPX
yu1yVT1Q75Ht5VmniJgkgf1hCzwT6ov01ncezvJmxlZ++Jev8AjT7fPy2Z9Z9Dlsr/ACA8/JLp
25nlT5USv0fKw9tZhtU6

oZjGELGS0hXJMN7Sg064e+l9nKZYHwjg1uA5Hvo/byrG5KfVBfKaE4Dll1DYu4O2FXRiMDCUnxcOVyy3
VeGs7Fvi0fyPsizPrCvwcsvKN/GTLiWk9ZNIsOWaFG2EltPAC4Ie8tXr5T2xL9X5cqPJEPrpQTTLbvou/5eSy
GaVHOUrPUnW9nJbP1xz18hHzhCqKu6FpbpNNw7xLI8QVPbFerlkZdDimjMPpbvpzSDnDdMPBq/wDechk
Z0QOR7yYfPipxJ7YuVro8OvlS+NuqrvRE0PlARd4woNXdY41FYza+5GbX3IW4vpLNTyoaSW7rYoKpj9l9
yP2P3IUG7hQs3ikiNaVFeC4o02hnj0jClLJKlZk7eQqau1UmhqKxOPkt32NHd1d6qGB8Vj8yFLcperdwFMoS
2nR3EADowQblaYYRXgcN2EMb9Ikw9uqFeeBHPZ8TOn5w43qOXRQHCMp7+P8AyhM7JGbS8lJTrPVCg
d8Msz2muMLvp0a7uNKRlPf3j+UZT394/lDE9LomS9Lm8i+7eFYsoeX60xol1uOPkGh+dE2hFaMrKU18qkO
DGgOEADaK+iGEEGgTXCJOZdE5pHmgpVH8KxlPfx/5QBuhqYnkv6RlGjGjcu4VrHRnv7x/KG56VTM6do
EJvu3hiKQJm0JhMswVhsKUCdY7MInrUmLVK3XLz60ImCCtWdEikPC2FOose6qnNwpRaVgUVIxIpUVif
Ysl1a7Mb0JZUsEKNU62dDnEtOuLSly0b7SWScSkU1uoH09USTroStM0taboFKAAe0+iHVIDSUpVgLtaQk
1ax+ZDri+koiKbcIK1La1fmRJtOXLj8wGzQbIlZtdS9LP2YtO7w1+/6oaH9mr/AN92EoqjV1ejBCdFTyY0atHd
WKHVh9JT06UO7GHW0YzC6cUp3kxcbcacpmq7hWP2X3YUhejKVfN70Q4dtOU/DWlTZovxGEEpvgGpFa
Vh7R3rukOCsxGG4eqFHGtMDugH+jDIqDrjHfDwPyB6oTtyin/VPevv7K6lfiTCPrH+eLQ+kP44d64T5PsiW
Kc0w00hNxUrqFPfOTDxIbaFcMzwHGJNizDo7LlPfDwdUEOPODIU3J9Z4QVk0UQkmmGyJq0LSvNWVJ
Mtred8YqzShPzjgAPyiYn50JZblmfBNDoMo6KUjqPpiR0i6hIoPPEx5UMmhorI74UKXsR1ZQ44rxRXrh2o2/l
FkV2zIp54w2LsX/8AshI3IUP/AOVyN0GEQ4j95mOo1hSQq6heaRkfgV8mEHlMHqhECFHkEDj3lrY7GvxG
EiHKbVmHF01UgD0QpVK0MBQyhAvXU1r1GHQfkD1Q2a4EReTkZl319/Zo+YfxCEfWP88Wh9Ifxw5A8n
2RL9UPjePy72sk3LvP1Gq84W0024gH1RONJasuTW0kuh1E44ogAG9QaMYkVFdlYuBLZuYVGWUIkmDd
qkFxxXRZSE4qPCLr0ypFmNOaVQvai1JTdvdZGUNICbtyWunHpZmGnrqfjQkqPb+UTDtw6PSBNeOP5RIC
nRQ4cfLMPKWNdu5n1Rj01fnAQMlpqYsn5swPXD7izRKHLIPmUuNAu6paUVVRVRitZjaOSqsYVwPwSu
Tr5DyJRgm+aVOQhtuZboFmiVpNUL6jEtkLyTCDD6tiVJg1hm4rAphrDNMLPyQOW0xkfBfjhEOfSGHCCe
gK8cIu7CoeqHPmqgHYcocrjhnDWOFIQrfNPfi7+SUgVDbeP3oTfrPzq3ujWjbNVbeMT/0h/HC4Hkwx1flCxv
Sr/L3pWq05BKUipJfTFvImm0psm0JVbcqsJJ0ZCFXK+VXHjSGm/GKdvkQe5iQU3zx8J92ptJwTQfEA8KV
V5tkOSKLvN5e4pJHjVVnGH7j2Qw+hBcDTovqNNE2CTSu8ndwh+XcflkJfdS70+jS9h/ihl96Xl7QRZ7fgWz
W44skmqt9PNE7OKpenF6VVMsceRPkxZCVZGYiRmkpUhiYlUK3PTGrtV4ifmpx3nZE420hDbbTLCEpQK
JSA2ORQ5FHj3utq8Dn3p5Ex2cqUnJSqQ+w2q9LocuFpYvoP5dkShUzoKBSQmtYQBiaRPuOEJSHEAkxsov
LjChdS61tbV7DshASlN+XBFzx6b6RN4ZJR+KMUiMqROhBxVo/xReIu0zjLpq88OnHoD8MaoQScNYV2G
HRvrWGAMUqwMfJhOykNVz50/wDi791DarukKryhn1RL/Sp9cT30h/HDkDqhmE8b/qHezHc+y4lkVTzh3F
V5NK3MBhx4dcPK6al3u3CGHH1KVbNpFLjDQ/4ZilFKV17OqsWgy2gYS4WVb70TJOYblz56QsimrLeyHJ
OaadduIcEm2lGoy6q6pxxXG6EpG68qJZ1xoMImBVJUyrEbxU45QG0EXClPi5whttKnHF3EpQkVKidgggtO
Aig6OUJvJUmqcKjOLO4PxY6qGibOY/BDzlfjpdlf+HkwOcECO2Bx5AQK1NIuANgnEqGKvPsipxJ708gjs5
W9tFCJqorfeCsOuJcbkkwihxwMWi1eF5a0GnCAimSjGXpgKSSFJyIOIMWgHnVgENa6OlW9ARMHTMKy
UMacRCaUN8A9sOjYaQcMxSAh8dFXg3APQr84mT0dX/LAoARX2GJnBWperhlDR+eIev5Vr1QCM4bH/U
vfi75Z3JMH7UMfSD1xO+WfxwqB5MMwxxUv8HKVKISlOJJ2Q5OuWg5qi6ltiZ6Z2ADfAfs5L6UTSQ87p
VVUXDnXjBtNa0MJLyESiDnNKO7gNsS83OvJmJ2fbf5xhS7drQdgI6gBEylbSk87s5lTfEb4msFa6JdNN1KR
4NBJKKXKcM6RJPMALcnEvOXVr8W6j84ZllreXoqKUCmuNKeqJdIKU3ghIUrVSjHxj7YVKWOtqamXkX
XrTIo5uKGR4icOl0iN0VvZ49KpHXCLxwAwqYsxggkOTAGGcdzEw1a0xZ1sy1nNczQwdIX7zQBBRWlPn
7IknppnQzIkWm3KDBZBULw4Rwit045U2xihUG6FDGuMMG7sJNcLuIjm7MvLy7AVe1BeWvylnE+qFGtL
tT8KnrhzfpIb6oTE18olMUqelGONI2RMJ2LW1+KCrJdU4wzeu4JSMOEOodaUyoYY9cUBg4pgrSbyFouqR/
W2KJWFC9gewxNfOvg8YZNCkXgIeukEFIgClKXYR9Ze/F3znVFeuGfLHric8s/ihUfZhuJf6RX4OWhxBhD
MgGE2fJBW4LddyrTcmJh1hILNnsc4mHFHVbQKenhCZxbHNWJVrm1lyqTUSibpVfO9SqViRKzfUed1O/U
QYsoi7pWbHYSgNqy8riYfILCa3BS9XSdXH1Ql24VJ0agkFd2hUkphDLaVrdAKKUyTd359kBSjSrYp2Qk1P
RgALoAMNbLtgrvppeyrnxgVJO6JF7m7j+hfCriHNGpzhe2Q47MPOPvuMS7DSF6zhUGrt1NNnqh8LcDigsg
uVKtuysUvHYBhSsOMpWabYpcKVUFb5NYJQ201dF2ieG3ri6paiBBCzrCHOU/AWoLQnX5GVsuQXPLca
bvmiSK4dUTFv9zltrtaUkHUtTbT0uWXWb3RVxEJ64V5UI6oGMOiu0RTjGpcu1jaFDOHGQ/LtOKuqTpV3
AuhyrCkuJuqSsVG6B1QpVTh+cIJKjRMG6rd6oTn0RGqopUFVELrheBz3w3jksQ75A9UCnCAlDxXKXfiF9
G9eCqimRqIdn31qadfu1S2pV0UA/KsNy0y5cWyKJUa64/OMHEHtjDkXHnhvyx64m/KP4oVHZCIlvpD+A8
hOOG4Vhc9ze0ZzTOpY0AJZTrYZlOH5wiTk2FVfc0bLZN64K4VPDfExZSGmW5Sz3/9ovIXUTz4VqjyQEx
fdebCisE/wVj1mJVOkSdGl4Gnzm0iO56dCEaWaltEpppkIUQkUvk7a0OWAApFNGulRmrCCoigz3xMuuOoL
2hUBVsqUBq04DPOGrykm6MboJrDZ1UBRogqFL0OI0Td2ZbulTiaqRjjd3RQ4giuUasWVp9ZpU5rilcKQuY
bdW2FMo0hF1LgaX0aE448IZW102UBqhUMcTuGOe2EXrvg8dXCFOdC92xeF04Up2R86FTI5ukNVNVOp
So0zAGZ2RNzIaJTJ3NJh8o09cOUCbvFWPKfgO6znum5n7gv6fQ00lyqb12u2kWynuKMxzRD7LlsJn/0sor4O
7TVu1ixUrSlaSXcCKj4pcSvdLoke4btn/8AqF1IGqktpopH8SnnhSi02lLtiFdy7gKy9YfM6yly2besmYmWUKH
6LKpRgrrcV6ExKWhKS0su01Wu61LvutBzm2oCVCu2gp2x3IWvOtssWlO2x7kTrzKA3zlGd6g20iYsifmu4tr
uM15X3P5yyl1lIFArKukrxh1pKg4GXVISseOAaVh2o2QQCopwATXAQK4GJht5txh1HSQtN0iBQ7ISa9L8o
TXaICcypQAxhyWmGVsvt5pVn19UBHGohzHxPZHYIGECBlANcdvKrkR5QiZ8o/ihUdkIiX+l/wAvKvPVm

mT/AIolJSVmDLd1lphaym+AmQlFJprf2itm2sKEgxLsyViUSyw83fvC8L185GpBz3wW5dL65dRdOkUoJbX
RteQxwrlwEWPPKedcVaKXr99VQNEEAUI647mnQ0pAm0OuNt1vYYjDhClAKClqrhu6oCdRClHx1UAPE5
CFuJaWJC+oBxRFxSzdqlJ2nLDhAIbFCMOMYMOanSuqx7Il2npd6q1VSXaAKOwUHtijpaK1p0tb2STlWN
ZaOyJGZIS7oipy5eu36bKjERNNgpUqYsGy9GgJrpnCps0iWU5ICRcdl0OUqakkqxpsOGWykGqQhQpeHyoO
qlNeSSEmmXWp+XS68txd7QVmdCMBvJTgYfTOTEpNzLa2bmopTarypWpvV6ID1MMTFsS6pKUcADDrr
1265K1XgnfjkRF3GoMdXfHvLXFrtTz0patnLkVc1u3xeIrmd0WlYfcrZtos+7BQJuan3ElwoTjdATFnWvNoed
l5QrvJaAKzVCk4V64m+5kMu89dfUhp+guollLvqRXPpeuGu6J2Vnl2eLPEopq6nSKOiub6Urxi17ctNp5QtGS
flGmmADobybraRWmqAIk2LdlZt+Rm7YdTpJVQD0uoIqFprgdopxiw7O7l2JqTs7ufe5225NEF6YfrW+qmH+
sLtmfsu3mbVmRpHpSXWjmrrvyr3SpWB1QuD1iB1RRbrq0ITdSlaqgCuQ3CGm0JF5w3UioEISpNxSMCDm
I6kw02DdKl4HdhAZnpdHPG1gtPpGCh43k+qEwY1eECBrQ2CcCoRe88Y8h5EeUImPKP4oXHZCIY+l9nIX
HXENIHjLVQQ3LvNTbvOiSyqXcSm84jFIvZi6aKy2dkTBbnJyZTOhCZhx5IJWoG+KHNONTSHU1VXpLQ
oYKu3TQ76kRaLtmS06Jd0ImVNIAo2Vt31DA5DH0whN9RbTW4m8SlFc6CLJstUsjQ2Yheidu6zt4n0RM3W
23UutaPwrQqPy8oYw6rm4RfUCLyLyhgMNnq2w5eU21UV0exzHYMjBGkSk5IWo0HVC2NIw6kIBTraSqtp
4V4w1fUgPheF0lJKcKY7DFy/f0OAveKaZ12xVSF0IGso3iYkphhooel6kKU2ClZxhiXst54se5skJxTrV5TakuI
OrXZfpvFIKn5x+ffSVAqdAF031YUGXVxiqqXl7BXDjFK5wLwu1gLQ46lLIGslZFBe2fa3ROsMTs2lKdWo
UKFCbouq3dBPlatYnGGXJaYRNaJTyxfKypJORVvOJGUZUHojVFBdA6/hcoHI3Y6nQZBiYMyhu4MFkUJ
rnlyJxjshXGDjtgJbStxVMkisKadQ40ugN1aSkxSMMozx3Qx5cM+UYR5o2QMs4vYUgdGGE3hisQTUGhEA
3sDiIrsg9Y5G/KHriZ8o/ihcDqhEMfSj1ci5qeATLSyC6txSapbp7YVNPsIaY0Rl2maXtEipNRXJRwqeETcsiW
SmU52w8pRVQoVcWAKVxrU+aAb6k4U8oQV3OdgjAVNVbNnqhxM7KzEo+lZBStOIywgJUou6IXW6k6v
DhmYpcc1kYQml4KTxzrHhanZlGiQshDeOCMa74DTRUUnp6ucIS22EtYZZk8YTeKakCnGFJDl0tpwBhpx5
S9G6ugN6t3s3ww2HHnn1S6G0FCsU49Gg6o0j8yZl13FSlE3hwVXbF91LlMkpSg49sG4KJ3UyhtJCQGxSLX
Uy7LsOizigLccuqxeTW4NqiN2ysWmttmedEywy3LrWu4WikIqFAYLGB9BhaSk6XC4RkN8U7YvaqcMvgph
qymG3lyqNI5fdS2EitPGh+056VYRJy13SLRNNuXbxoMAd8Sz7Mi2JebYRMNPOTCEIUlfRFSelwzg2NMS
L6LTvhsS4FVKJypTOsOz83IJ0EuKv6J5Dqpfygk1ETSrKl2nkyV3Slb6G7t6tOkeESVnT0qlM3aIBl0Nupc0lV
XRkd8O2hNyTfN5b4/RTCHVMeUEnCJK1nWwJK0HFtMrviqlI6WGcWZOvtUYthKlypCgouBJocNmMKnF
WWdVvTKZDqDMJRv0db3IzYncZLytnysiy0mZm16JDk/MqQFqoV50rsh9m00Tc1bzy0sraUjwqlZAUHCFz
05Ip5ux8eWXkOljywk4QudsyWZdlmndCpa5hDWtQGmseMN2I9JlVqPBNxlpQcKr2WUMTtoSaBK6XRrcae
S6GlblXThDU1Z8mlTF9SUKdeQ1pjuTeOMOSsy0tiYl3LjjaxRSCNkKoaRnHSMUqPPEkE1KlPpAA2msT61
jROaiylIoEKAOKeHDZA1sISFK20MPVKbzZTgN2/q5EeWPXEz5R/FCo7IRDP0ogqJQN15V0QqzpVRFky7
lVFLt9M2sHpeSNg7d0SC0SimlnTXn1JNJrW2eSMIdb0LC0uXQ7iFEgKB6Qy7IJoU7uuGy2lkvYaNdTpGzn
qkZGFl5551e1S3Cr0mL9T2QEKKVgCOkBtNIvABYzGtnCHRNsXlJ+KUFaRo7a8OMISFYE5BPxhOGEI55
K83Uopqh5wJfCccbisdhhbRawOV4a6Rsi6kYXcbia0w4wE3UFCMwM07IxvIXsJHH0QjwYNzVvgk3+0whJ
UmVbO5RpCtYXa+KmlYuBVQo1IpWEqS3qoFAFQttQCTgaBVRlyYfB93f/wCGP447u/ppH/3DHcAglzmH
uOhSPk6Sgr20ux3JLmQk90H/AKUKk3+mX7pu1+dS9DgmC6qXfl5j3U0m1F01v/apnHdO5k1aVpyssxXx9H
eWfQRH/wBNLLamDKqmLFbJeHSbCbyiRxwju1l7ClrcJasWZS9MTrqSh3dqgYGuXbHcv/6iTbKkc8m9D7nl
sGt7G9ej/wCkvNBM+5JL2hE5d0ldILt6mHTgFwzHukq1ihzfcvGo8i56ItxEnd0CbQd0dMqXjlFlzN9fMnbNZe
kiDhjiSONfZEk+RXug/wDSV4/K53dw+1SsTiX1OLk3rPmPdO+agpu+Pxvb+MIR+97oSR2S8OlQdL6e5pPN
9Dg7e0Q6HzqVpFuWbZcr3TqetmX0SxOOtLbQsYpWQMagx3JKtVvuiuIsttUouz3mkNJPjdLx6+yHrUk2Jm
WQ+20FJfpfUoJpew34Qe8lK6vhBBUDcnEqSC6nDTZdLjx24QPF4QhHSFcq5w086SpqWKL4ScbtfVj6RA
WK0UKisI8oRM+UfxQqOyExzmWSyVtLvku1u07ImJNSpaWS9qlcqVpXcxqKHfFDiqESRVVlp5TqRXFKl
AA04YCELKwQlVaZ1hKDS4CaUQEZnHGL9Etg611KQlOW4ZQKk47VQNHeFRQ49KKk4wnWUEnPbCk
hwupKFYqZoUfzhMyGKaQnwikpcpTCldkIeLimwEhaUt/KGRAjSrXMPPKVeUb9VK7TnFdEG9xTAaSLoG
JptjaTvhJrXqzEUIKlKwSK5RW7nn1RXEiDrZJKoU8FCgcKbu2EqQ9pFUxTdy+FtOWltHo7Wl+bP3k11K1w
3RaVkNFvmdrKbU/VNVeDNU0OyO45iSMhNSy7Cl3FMTLCX0IcBOsNyo93np133UvhxLycLLMqbhwiZk1
qkZUTwpNuysqlp2aHz1CO5qzrFFlzKJaQHO0PyQXo3649LhTKLInA/Ky/dJZVq3muby2j0TGjw4UqThE03/s
2WZnGnGphtiUS2Hr4oVK3q4xI2O4W+ZWc446zRGtVedTFkSTq0pasVKkSpQLqk3lXs+uFI00mmaWzolT6
ZVIm1J3X4qFqBhmRbVIzbEqb0tzuWS8ZY/MOyFWo5Ovi09IHecU1r39YU3Q9JuOSMqzOfpS5WVSyua8sj
OLOs93m6JKzU0abZa0YJpS8reqJe2ucBi0ZRDaGnGU3boQKD0QZF9qy2UTyxzlcvJpbcmKGusrrEM2ehMh
OyYUpbbM7LB9LJr4tcomLRnVpXNTS7yylISMqZCD3iF3rpSag7ouBRuKOKd8Ju46tTwi+o0gBADiQLqkb
FjaIVpnCoNXQ0k0+Lu4ZdsJ8oRMeUfXCuQQ6P3igMPXCWUKW8pypSmlcKbxBGqCMOlWLqb6jld2mK
KNLp7Y+RXcYxN8NgJBUu8RTACM/PGse2KkKI+cM42w2/cWGVEhK9irufrEKv6Y6S7UtqugfnF1CLy06
w0uPohxxP7PgIBWqtcznSM60itcRHZyZ8h4ikU5e34O40hS1bhH6M992AlCSPy7jDiU7yOVz6YeqBw5
T2cmcHvEOpCSWzUXhUQ1VhLLjdalCjdVXgYHXC+CeQciEDNRpFVpVQRS6kBKaV2nGuMXUmgEAg
no41gX6c2mNVz5vGE9Yh/rPrg8jJmV3A6SE+asOJvTGo6p1tKNiTsUOFIWquss62Y9EXkJDXBMY7IJoBX
YNkIIu64rga+eKJwGGUYjGJRT0uW0TbOll6+OmtL3nEEKC6IyTXLfBVXFAoRDktaHvycBdUzJNsrFFnA
LccOHm3CEIuooaJUScBDjygi80aJG8Q4igAXjeriKReaOkbyBpQnDdydf8Aun2DClS7bK2gNvSh1+mupVwc

Im0OhN1tdAKbIdZT0Qugh1ba3StCagHbCquO1CdIeukImEqdLy0AgbKmHHgtwrRTPKGnnXnEX0gnEUqY
QttThKnAnWhN554FeAxGMSzAW7deCicccIcbvO6JCAa7amFNtzD6XWlArCkVBQRmDvrshaWnnA6jA1N
adcL5xpW3ELu0EF1anQvWw6oD8wspSoVoNggONKJRtBgXnHKuasBkuEJW2Sk8QDSJH4pSlMBSlhOtmc
CdsYQmm+LiiVY16oUlAwCYJhrHpJrllCR4sNJUyEcyDbN+9XSYejZFoErDaJZXSPjCufniZLvvdTIK0pVm
4nhx4QZ94FotJOka8ao2DfmID5aDdwXE443a74cukoCzUa0UxcuigvJoR+cFWdYNK19cYRXkNwkjjCMkBt
NxPritTjtjADH0QccIKcaKNSI6FVZIXWlw74UXTrvKWgeisXgEIbKtUV2eoRqNlobATWAcM+3lPDvB8K
Wg6WjcJqIo8+VJSb15WFIfYJCL7mkRXbwiadcdFx1V7HCghTv7xdYYbOTqV+ikT+5uqP8ADDC1dFDQU
YGwzFzsqRDDBOtebQONDDDIISVPZ9hizm662lr6IkPJchpkZuAqPUIfaWQkuoRdrE0+tYCXlBWPi4Q+4M
lvEjqwhTigASFCA2lQrcuHhCWSoVpSEXbvGsbCpQxgbIGwQkYRdFeyCDTo03UxjSEG6o0rshKscBAVCS
VOKll1vtXqAkilfVDejlES4R01NqKtLxxgKbDaqaxQupvDsi6htpli+k3U1rUJptMAwoC7UQrLDOkDMxQds
V73PvASDTPOkBSASlBrlWEJfuqZNOjuEaiCimAFawL23Ecit0On5MCGttRXkHwagUg3vRyChMaylHrPJip
R6zyZmMzGZjMwm8pRw2mNZZTxi9eJNc4GJg0VXjAqc98M6xIPGHTtCYSFcYcG0Vp54bPAQ4E7RWK
mElUUFIGyCquJFIONYSkkmmUUuBVRQcITjiIEErwPEQoXdIowLykN1yvG6IpABOUJKUhNK1O1XXAR
gi8cychvhaRUgLNFb4CRmqFjUN0Vz70GgNN8ZUrjyYlVOEBFTdFSICEkKQCTSmMKOd2KYg7eRUTPV
AiXxr4OBCf9wHfI8mDyCCd/5w36oYwpnEwqmN0+qE57YVvvERLabSc3Ck6S4Kqu1xp2RNg6QrUhOiOzP
b2RxhISCYoKxjGibxWvAAZwdDKTLtPktkxpF2VPXKFXRArFyZmEyejNFXm1LIpwENLctWcnKrAcal5It
qSnaarMLXKydruScu3VznU6iXqTljdJ3Q1Nylny9kSy3QW3Zibfcdcb20ScMsjhWC67JNTDOsBNc4fuMJAJq
6kEUHGpFYfnpKXtFCkXyW23m3KsV+M1k/NOAxoCrKNJI28246lIUpp+WUyUgkgY0pnhClNuWRMtUqr
R2g11eMRDytEyiVbT4R9Uw2ppBplVBOJ2DOJd1mZM2+UHnqQDopVd7USF5Go9UJGAOkopZ6Ca5VM
TDKdHMLaCkpU1rpXTaOEVrmKQVUrU0rugCkOfNCYOylIUNwgKQ0o77qKw3OyViTj0q5W4tDdAqhpC
GVdz1sBbqrqfeqqE9eUCTtVxDEyhF9xiXPOHUVySbuANOML0Z0SL2AVeJHWaQ4mralnBJJNE+iKhTaA
kAZnGE1oAvInC9F0XSTxEOA9XI1XxU0gQB8K7I2TYNjW5PToqlM8wl24E1Ju3iAP5R3CT79jMWX7uzI
bn7MwWy24lQrQYi6oHKLTDsjJzNvd0L7y5VC2QtqzJW+q6QMr59HZjLWdJdyXc7acjLuhNozU0wlT11ajje
J2CtKDZHdpaNlWW3bDNhu6OzZB83WluKUelepqpocDAtq1bAs3uftqSnEsrElcS1NMqyN1KjQgxIOWFIS0
tMSk03Z0y1LthF9TraVtqIHWRHc5LWbJyiFSdomz5h9DQCplTaUhV47dasJ7mEdyvcmqRM8xLX1WeNLd
XdrjWldbdHd4V2dZ8zL2RJz77Eu8yFMoLaxd1Y7mrTesuyLHXOWuuXmFyEsGQGhFo2T/6LshruclpN0y09
zHSKco1VKtMcKk1hFtzFj2faVpptZTEsZlu8mujHS+UAK4b4sG15WRlLJnp61E2RNolkXGVE4pcCdmEf+m
Wu5myHrFlZgSLrjjV6cdNaKc0m+sd1sjL2ZJW1OWXLgybU22lwGq8M/mxZi52xZOxbanHXQ6xJJohbIGCi
ASAax4dTqU44NpCl+nCKNJtFsmp1loX25CEuJL91WVQkVihU7VSbuQMJTNTs8wtasbshfoOCr49UIXLWt
aannElxDbso2tOqeiq6apMAmzbGIO0y5qfTDzE5Y8m2HBVEzLpKFtq8+KYAs+VkLOmWl9NlJf0tMiS5e9F
IZVajzOnbRTnKZe7pBsCkoGJG+A57rSUtvS8ytKhEq5J85fW+DpN6vnJQKkJ2Y5wm5IWipWyjLmPohu0O
6FC1rZxZlVAKa+3XM+qHXVUS2w2VngAImmLQtF95mcaU6hClC40qtaDhTCkImrONUtzCZhyRLt2Wfu1
wHyOkchtMWB3MzZ9z2EeBnQ2yEKvlSyAVbaigTuvYRIWTIsBCnl3U6R2/eW9QAYilBgK0rAspm1mES8
qUpCL6nAtd2l4gD4zAhXAphNlSrqmZeWWdLdRrPueMtXVkBDs9bEpM2m9oylmWW4Q247XVUbuz1U4i
FTdod0zNhWqy0ZpTEoCHZIUrdUonOhGrxpD5Yn1TbN4qDzkutpSuJEG2LRtVizZjRppL6NRJv8ARC8ahR
GwCEf7RlHUtCidV3LzQoG4tC6Yiur1Q0hFnssaFu6txF4qdPylVPqpAnrfEpzlxm8JZ1vSGWSoatR8tWdNiab
VCJmTl5iRl5OQGjWs0Tfd+Sngnad5psMTkvWRcTKu6DWCVFxY6VOAy66wuy7Kl62kWzplsvrbTLVG4G
hVw2Q9NOMp07y761BxZNfPHxBKuKzGMqv78KbBGjUoLu3MyMvWYR4QjR4JzNwcI8IZd36SUbV/lhLa
mJZstpugoF2vWMjFUqBHLT4WZ92rbmrFcQU6FTcqXw4Mb2WWyO46WkVTY7nu5V0K076fCvkrvOOX
R6otuxreedRKpm3puxbQDRWuWvLJ0ZGdw/1siz5+b7pLWs2elVBx9hEmV6RQV+zWMtmcd1iLTl5pjuf7qg
lKi0BpZdTfQcpv2n2w2LFtuetmcW9VZXKlhptuh34lVaRbk67fmbJnZWWdZqyr9JYSLmGzGuPVFhyzry1Wl
L2s/PTYuHALVWtdsDujZW4qyU2jLvl3RkG6m5XDPxTHd3a7U8+7aXdAZmTlJbm5A0LqwdKVeyLDsYv
Umpa0nXXwppRS02sUvceqAzLTc2z3MWdZC7PlUXFUdVo+kU7yd8NS1tLmpaWfttQRMNDSmXdDQN4p
+TmKcYseye5156ebsya90XZyYbKNM/4tE7hCreYXbCp59SZmZsZmV0hccGJovK4VAfyjuv8A/VS56wz3Qt
hDfvVSy1r5DfQARLdztkTM/ai+e89XNTTei0WrS4kZx0fTCsUJChQ47IAbLRQNmkCYCQhrVH74Qooadcb
vDomqc/NF5tmWZLWN56bbQnz1xiYl5ZVlkMHxp9sV+akk0MSMq5JznupfRp2xMXU9LxSBtwxxiypu07Xl
9CSuUK9EHktpQKpSK0DhvKULxzONYaUwVFxK9ZJSi7QdW/GDS6OqJRFgsXXmWnOcOKTfQtJO3ds80
VtGgfr4opyOytlyyrbdxSpXQlxsz8bsETqrWkqC0XLyZllA96Y9Gmdzq3Qial30PMTAvIdChRQhx10LS+R8c2
Re4bdkNzrC1uvWepLrbnSUkIyw4Ui3J1SltzctZK5hpxsDC5drgcyfaYkrJTJS7Ds7RtRYSmqcbylAnFO2Jmfm
LGtlids19UnLqQpEwl+bp01C6KJGpSmFTgITNOJm7lpG+lUy0pK30g1KjsNVcTlD/dEG0TkvZcw2lUtcvKec
NSjUA6IpjFnS0468pRmVTc4V4KcfyNeqlKbIJ0i613GHnghTqGtZ1YSQlHWchExbTqG3ZSzyNCys6s3MK6
CeKU9JXVE1PvOlc7NuFCVnBS3VYrc7PWobofe0iQ3KAEILlC4s4JoNtMzDlopfUHZIeCTdqFqVUY9WcP
TDq1LefNVKVmfgKiAK4RnGyMv9z6o0aW76lZUOOHCLqklJ3EU5M4T3P2vIuKkkzBmkusLN8OkXbx7I
D8hbskmUWgrSZldVeTdSLwPXCXG1qbcRilSTQjtg84ebtDCiTOJ013sOB7awtwpaqtRUQlNwdgGAhL1xhK
V5VrHxaKcFR0E7+lGSYuY3euJdx5hlw3hi8krTXqByidRINhxlSxdWxJJASUmoojVFeMLXNPaR6UToEK
F2oANc04HGLPZS6XnJRvXCcEiprlvMeAaU2k9EKVe9MMiZcDIWrooZrWC3JoxX0lEAE8lrzi71JeTdXhn0

TAFSKRvEGQUCt6y9fFN4IC1Kp254RcecKQjIlEVDrbZ3pSQfPFsz8tJKmJO0JR6z1GhShq+M7wwqMMIs+
1G0B4yK75ReppBShEKbNo8wbeQmellvICtG/eWkpVsGCU9dYMlzxmaRMMVmpZC9JLovHodeCTXPKL
HtPmbambZWsWnLJdU1zllZqgVGIWmmBrtIxrEzK2eXnLNQlsymnd0im6oBKKg/KJ9MXriUH6Q/nHuZZji
1TN9yaQ1eBQ5Ruiga8BgeJ3xL2eZ+Wbl2KqabW5VCTTGg+VDKEPycwzJt6JrwtMzUnLfC7PNmzUy614R
QlkF4Y5dGGbNI98JN6YpscPi9g9NYCdmXImiQm6KGnjce/I5MBWMvhJp6Vl3X25FvTPqSMGkbzCLWXK
PJs5xeiRMEUQtW4b4EjNyr0vNm74JYorWyiekzITCZmzGi9NIKcWEDNR4YxOzErLTD8vZ6NI+4hFUtJ3m
G52QsafmpV6tx1tuqVUNIXKTTSmX2HNG62rApIOIiZsdfcUZxUslCtKLScRevICsu2LDle5uyQ0m2bMZm
RJ1L15a73yuELs4sWk3aACtRhvnV5ScxdUajrvRpbDsrugtFwvFImNElLC0jA0TnWvHZErJTdlzrE3OfEMqb
13uoQ0u1bMm5FD2CFOo1VHdXfGjlrGtB7StJmE3W8ChVbprxj3N5nNe6F/Rc20Z0t7ddzhD1qWXOSTLuql
biNUndXfBCXSAIxeMZ8myMQIaVg1cVW8jOF6Vx15SzeKniVH0wA2mpEFxWuo4UpqiAqWlHVIOF/ZCF
u3Csca48sylm979fbl1kbEnE+qnby90LYrfDjK+y6oQolKQN4TBK2Cu8diE1EPyLRd8Pm3foD1j+UH3mpd7x
mekPNEuFaRxpOJSRdKk7U4w9OspdZDzaE64uqVdSE1PEgCsL7nn5m7aFlOc4QCq9VF68nszHDCLRmZe
Wbk2HZhZbZbF1Laa4CBe0lOCocfLqm7RtxSy1jjzdkgUr85w/wCGBMGXZbeWopD6l6yOIAzPE5dcNKDylr
OshLRKq0+VldGUPS8nPzJSvNV67XfF59dCNbHaYAUbqq1B3RhVfZHRMdExllBuCtOMdGOjGXJSuEeL5
ozPwndazaT6paQds0JmHUipQjSCphNmPy6JKybNbCLLYZNWdBsWDtKtp7IbetHugnJK0bsr73RIFxPRTd1
q7Y/+p7TSFOOOWI+lCUjFRKWqCO6vuTl9E5MSFiLmbUeGN6aVTUB3ITh11juEVIzL0qXee3tGsprR2Er
mX3XiXL2sa4xan0bH/spj/wCm/wD+Kk/UuJRt1CfdvurnX10UNaUkgVkdrihXqEIl+cTHN7s2dHpDc6C9mU
W9Ozs9OGZs6x3ly7xq+5LVIvLQCcwIt6yE90FsW25aFx6WTNyhToXUqreCqnOO4mVlpmZlpUWIxMDRL
KLzlKVw3ADzx3NTbU/7kWi53Ot2jaU6OmwAkhS8NtMI7tGrNta2rYbl0yzqjPtXUNq0mCkYk4waRdSaDy
RyAkGisjv5aAGMcKxW8awgvFYaQcdXCEtsgUG3vJohRARMMlXztaEVpri8KHZGMSkvLPBpqfFH219F9
ArlxGJHUY1plsKphTAwSHHaHxgYrplX9uOcGXlmufSaM2lu3W08TQwpLsoyjeA+Hkq80DmYvVw0RXint
OyGZ5MsJi6zo3WCtTV/t3wt2WaWy09VxIWqp1iT/XVyWPKLtKYbdbad8CtHgj8xBvZnpHCmESxfbKE6Q
0X4pw3xp2/iGwXDrYYD+cLupSEk4b4Wc78N16SRQ8lLtY6J88dDPjHxAx+dFdArD58YIV5/9xtmVaZacTb
MrzRwrrVArWoiVsKelpea9z1Vk5tVdPLp+RXanr9kJtp5hlp5IaFxFbvgwAPVFsd0bErKJnbXZLRSalDPRxH3
RnFuIuImVW9Kqln1uk3heNSrrixbHWy0hmxNNo1preXpFXjWEq3GJi15lllh6YShJQ3W6LqQnb1RYNsmVl
dNYEs1LNI1rrgRWhPngd1byWpieS4XA2qujAulIT1AQLYYZZeeGkFxdbuuCD64atKz1pS+1VJSsVQ4k5pU
N0Pycr3NWFZJm1hbz0s0dIqhrQV6IrHchJzNj2VbMr7hysw2icbxacoRVJGw0FRwhzujWlh6ZeQWFsKaOgU
zSmip8mLRsaUsCzLLs20kgLalmyDeCgq/XacKR8Sqphc1oVJl2zdKzQAncN56oBZadtWZ+XNo0bCepsGqvt
ED5saSadWqgoMqJG4DJI6opobzm4QrUGja+McHRSd3EwlCFuFSv7PbBcSUqoaGqsQY1SnhiYbCGpaXZJv
XnHnAVDgKwkOTDSzlevDHvLYlltqdS9KLTdGeUTck/d0skRLm7SmokJ2QgtkpWk1SY7j7RldI4E2UqcmA
oX6HSODV670aV6xVTSvF94E06oAa7nJuzVMO10rMmtBcRld4jbwpC2zKT664C8yajt3woTrFuyLZpUFDid
KRswGHbDs+oz/SvIbvJJ9RMaRco8wlxVReGBHmivN5eZbFM+kMevbEqUMKYBl03kmuCsd/I28ytTbrSgt
C0mhSd8IZeItSbbbLa5VwBDixhrg9FeWKVCuO2Lfk5Oy/cpxXN0awpfvLN+ichgkZb4GhmtKKBWs0UGu7
bCl6dTd41IoSICA6DSsdJPnjAjvKRl3mQ+FS20hbji8AlIqTClrkJ1KUipJYUAPR3jbLSSt11QQhI8YnKLQW7
JTLYspwNzZUmgYUTQA8a99cmGZhtdK3Si6adsI0vOF6MXE3gTdG6F6Np9VwXjq1oICXSpoFQFSk4cTF
2VQ7bEz+8mG9DLJ6m63l/bIHzY00yojYkBNA2NyQMEjqjCq1dUDR3UtfLIwMa7ywpXSLQuk9phGkl3Xg
0m6lKnaJR2R+rJU9kEtyMtnXVRUw0wiSlHHXDSrqVKCONBn1Q1Mqs2zxNt/tCk+DruFKCOilPkp1e8Ijuh
BF336s04bIbx2xYjyQyi9Jgk3Mbt5RArXZWFhJSpVMaCDL6ZxLraqGuw9sNuTAYCqm54IJOHUYdfYmkyz
qMXHUo1F0H7RNaH1w2pzmlUjxZMUr54uvMWa5SlAuRQak5RpHLPsZKXMB/s1uCA3LX15hLNK+mFB
bEvLOkG6tCLuMEHMQ0/cNW1hQUg3XGyDmk7+vCLS7oGnkVC2JZlKW7i+caS9VbeKU6gUcDdO4ZQ5j
eF4474op5SKZbaQRzmm7UzHnjB5J+zHTSeyOkmNnf7vhbAH/AFBPmQqO7iUtK0XJuUl7Fm1tNlKQEmtB
kN0P27JziX3JB4Nzspo6LlkK6LldqYt9ibtRtize55hDr86WDRa1pCktpTXpGu+JW1ret+W7n5a0lqRJBbCnnH
6YFVBknjEx3PvTjTDrEsucbmW030PICL6SnLP0RaHujbbvuTYbJeq42DpnEpJCcKXjTaa0ib7qmZ1HvRSqy
mj1ilJTeVersrXKLX7oeeolWbLS4UtFu8Zi4i8qmOGYhq3LetuX7nrNm1luVK2VPOzJGZCR4vGLQ593VScjI
yT2iae5ut1c3nrJQMaYemJW5NsWlI2gxzmUmmk0S8jq2GCJeXLxTISxKqYJ1NpyHbBM0/7pPj9hKGjQPFz
b9kHrjQ+Dk5UmvN5cXArr2q+0Y1Rc9cYpUo+mNfVT8kZxpF3m5fxUfLgLULqU4JAjRqvgK6V3CsJSgVV
khNekd54Rr3i45io1xh1lpy425iqiRU9sOWxMtYS3xINa36Z/ZHpMBbiLqzr4KVUcIAdVVsdFNcoxisGF1wqY
cEre5yphszfyb9MO27SsayVJKkhQvJpUb4sdkC4Pc5CaUx6NRADIUnyP9YdS6wp29kSaH0wpLyGy43RYTT
aMCPMfRF1YdDlaAJTns2Qb4IQc64YjLPGEh1tCHW+gqnTB/L+sopf1Eqyi8jB1vEUgKcZSHcloVt4iL6aBX
rjEVh9LZd0KUF5bdFKTUZE068zCq4cmSq+VGAe84jBD/mjEOD7MY3vN3yieyCE653nIfCzXdEzJvPs2NK
vFq4mumfKKJbHHWrHdZz6yJ5hU7Yb7DV9FNK4qlEjjFr909rBTctdXZbEivD3ReOCkqHyU0x6uEW7YEgd
DatguN2jzZH/+zbLKKnitH5R3KTlldy1k91DUrK8ymA7LLfelXEnKiTkc4YYtSy5WyJ5ixHJVuWbSUhCNG
SitSadKJ7uZsx1Llm2DYU6lS0/8XMlI0rvVXVHAR3KomT7ytK2Jmz5kbFIdau+ukWz3JMupcRYXcnMrfUP
HfdWFE+annjuQnLGl3rQbsuWXITTEukrWw5UYlI+V+UOzvuDKWlbvugZV1E+yt9EggJ/dDEkmO5Zmbk5
eVmUyjlUS6dE21rYpCAT5o0dotPWdelpc810+kBo2EhVBhjSNRC207ynWjHM784qcBF1pJrCVv3VV41pGs
6B2Qk6So2UMAEU+3/KBqNdqqn1Rm1XjWGHr8vMUNUtKbN1SvPjAKWUA/QKVXtvQiqWSjabhTGKe

VN4mgUFUB3clqaVISGHw2OKG0innpErZrwSgyElLyhNczdv5/bp2RZnOlN865o2F3U4VpBuuJVXFKQ1U
wu4XV76tABPnxg6Jp+nBKCVHPryhbtoy76SoglS0XdWn9eaApKHCtsXFKRVVMM6pyi61NquowUl2Y0nZ
h+cLcvh7W2qNEfd/OKIW2KQgFMvUVqqmKoPgm6HbSkGiVJdrs6MCXlWXVzDmokN1JVhiPNFARiaDG
KZU3wco4iOlj1x8csHdF0rUe2MOXPkKBhWLsVHwkxYkm5PyloPWkJznDDmjFy5du1BrFnztoWrbU5JSzw
W8zztatIndQmkPqVMTapTnDjssy44SlgKUTgMh2R7oi0p0WhlzjTq02VOlnlDrsjas9JLexcUy+pBX10zhU6m
0ZxM6sEKfD6tKoHPWzha5Wael1uILai0spKknMYbIbleczHNmXNK21fNxCvlAbDD07O21MBdoN3X9FM
F16YSfFWa07CSeEFNjKcszSDWeCzpXPN/KHX2rTtCWmJn41aJghx3zQ2hb7paZrc0r15SamppXKpjnE5Mv
zToSE6R9zSKoMhUmMPPFTrHjGtgIut4dmMdBzWwFBWsBvI8Tl1w45OWmlhacA22wpZX25Qac/dYH7X
Q3IURKtzCSM11UUwiYAlEJTmpTSXFH71YXzF1MrKJN2geQl1WGwXRhvhOmdmyhWAK3MvTrCG0iY
RrdFJcqo+mE0Ix417w5x3TTYoBZ5ljdp8alZabUPMuLQlZICZemC0pLYph4MYHdgIsyVU4XQzJoST4qsPT
BQgOYpPngDXqo4AY+z848Im466rVQVkBeylFbOyFofdMq61QXLpTUU+UsU9BgsydE6Y0uuhFFdqh/lguv
NsOBAKQH227kL55ZNjagq373y49cCY9z222XF6yWXsxdzTUb4GjYtuVbUaJowXNm8gQhDtuplFupvNNz
bGjvQHbPVZ82q7eCkTQBI6jSLj8rMIvDVW3rGnzSmNYkoVkcv9IoTyUiuEXa4clY3Rj6oFE0I28uNYrURj8
LgCqKpHpg1x7Ipdx33RGGUZKiqQa77sYuovH5katw8b9CYom+V+UCIvK1j1QAlCseEGrhqNlMYZcCb2nv
at8XhTeIuJNEjZQYRipxVMtaDMrWqjmrRFLxVn5uMaNrS3iq8pV6iG+O6LspbhCwb6WX7wK+OOEaeZsO
StBWiu1dOsU16xThthlM3ZU9IinRadzpt206ocmJi1JuTOY07CFXvKITWC97pNKL1GgAqiWxvFcD7YQ65z
W0UvYoKNUHtpuhRKTROzbHQgUuiMkx4sTbd1C5WYWyhYSq6RUIUnHiURziTlOcrdbbecDatIbhTolOU
2U3QPG2Vu0rCtI0oG8cErPshOlU0hKiRVybR59UGnrg6VDk2qtb0u6EspFciSDDKTPLbYDwUUrcQv8Awg
1OY9MNJZteyJVErW/zaXIdUeOJMBmUcnpwjHUTgDtzzMXGrMBac6WlTr9hOUOyzWjl5W+FawFW1DK
7t7YcXLz0y6HAkrvOmhI/oZQ9Iz05NKnH3LyW25etXB4wUAc8u2GWpuUdQ4pNUqLZTeT/AFxhLsvPTD
La10aaW5i6fmo4Qvntk+6nO9VaXZTFVBvpDZfsGds0NqoeZS5QVJptK6isNcztp+QU/glu02LoCt2kGBHVB
0bLT3hFtUbfQSopzoK1PZBbmGXmVJwotN2neV5Kxx5MoyjD4XoVMZARuEdFXnjEE9sEqy8qMEuUirLE
zrZYUrADr7aknNDSqq7YQ6mSKkv10bqzQ4fNgJcFEE1uoSAK9UNqQhtYGIDgvJHWIKlOMNXtWpZqkds
J5vdvFNNGzRetlXcIW4mSbuno6bRm9wGOcPNzBVpgvC5wOdN3VCCvF0pCEG4QkDhFyZZCJt5IUhNUq
0x9IFN2eMCbesibAmk375Zomg9UVLD6Z1T10pN4FKR41P5RMOIbtGYe06dGEPUvJ33SP6pClvWQHkvJ8
dm5QbTWJhbtnsoUtNLqHFXrtAM8IXoUvy6hq0drqncoV/qsICXgoAZUyjG4RxjFvzRjBXpAgJxvHZC5ly1Z
+WVLi61pNCm/THUps64l2m7JknLrRcbnCtt164ML14Ymu83e2Lqkhd/C6fHO7dDr6ZVEqGx0lVooVxrTZD
jzdySvqvpNWxWm7aB/KH1TdqzSw8mmilHLhR1bR1QC3Z8zNFOFHHARn4+0whDMsZTRAlBCA8uhPzo
DGkl5Juuqlu8ldfORDYampyZWpIUffFAexMG+243otpUTQde3KFomhRNKG8elGksxZL7JAZcZHQ4j+tpjm
05KsMTTPxl5fxKvlIwyilnzDE5ONouoUigfCaVFKY76K4QWrckrZCl0JfOt6v8AWNNMNe6DiT4NlbhCB85
e0n5uEc5mi0rCjdQAkdQ2dQwhoKWtmVdVceWg6yRlgSMRWmEN+6Dpn2WF4IdT6axdFkOyMxptIpUsoH
VNajHsphvhLlmKcnNJQJb1dJXdQK9kJRPSr0qpWV9NK0+BqVpHpMYZfB43fNGrQxihsgwTRNzzQlmSlX
Zp0+IhF4xpLdcaspN6lMFqPVQ+qFzFiyb9psy37ZTR0axtqCYWKhhR1VhohIpXbSKNuoe0ZN9xs3mz1RpC
HHAnCtcE/lDCZFTM3zpIW5ohRphVaXVLOFYDdpziQpRuFiUGmdSeIy9cOKQzKye5VqLqsj5qBt7IZYblV
uKbNVrolDa89idanbD9rWpNJMrKipybaaWaYXE5rxhOlYLyB4OVaTk2r8zCFtLZcYZcpajoWFIVTEMt7VZ
YqyJ6omXgzzVlxwrQ20nUFdlISXHHXbgu6966gRZ1mmddeDK1K5uhkhxtZ2cR6YlZfSo91Jd46Vb67oWjOi
TlUbcImENtLddLgUp1ExevimATu/1gL0U0p7M6VATd9UaZy7qjYorJi9e6W6PG5NkLZdTf0mrd2Hr4QtIln
WG/EW5VRf8ARluHCE85DeidotopdrfrwgKU1oyrxRBBSleyiSawtq4u8c1LcvqPGCtx1vShWd0Kw3RW+h8i
po4sgYwXQ20pZFLoJudghI5pLs6wopcrrJ7YE2w0Eqoa1TXtG6L4d0buWkWrHzw2yp4TaqYlS+lxuwsSqWJ
V5zV33VdUNaRthmclBdCjglyvouxellS0rbDVVCqllTNMxVAywzMPMr0M7LEXVCYXrVyqlzOJOQes+Rc
mEpxXOshKSdpDyca9YhOk0tjSyx4N9Sudy7u7XGyGpuzaWnLg1S5Z5qcMTVMTa+bTjReVVKZjwYQa1Iu
5n0Qlli+lL6x4BkHRuHLthaearbW0m+oJTroG87ouqedVwd1vXFFNvNTCcXq3bjQrw9UOzEs+28y3vN1fXT
d/uYwHCkDFJJPRAyjQyMqX3RndyRxJ2RpbTLOkI1W2nkn/AMvRTjGhsyWbs8uYLcS5j6ImHJkLfmnFV5
yXaqr9pJrAmkNrKrUfLehQCjSpTtqPy2wqTFlCZmr9UUWSUcMsfVCHraUxYrLIqkOvpCljckCObWTLoeN
0KLs29du0PS3fyi5adrm1lpyl7NXVtG4Xjh5q5Q57nSjFk306PVRecp5StvEQG5KWfnFjMpF4J6zkI59bK5Hm
4bK0hZ0rScM1nLDdDjTDyxItK8CVUSV8VU/oQLZtN2YbZUkrabaSbyk79ufCG0ydiKsyxpY+9Zd9YaDQ3
7/PCjP90NiWeUoqWwtTpUezOG5e0XrRmWrn/C4LSqu0K2eeAbOsSdU8lKQdMpZ1jswT/VY0ZsqypNDw0
ZN+ihSg1VZx4eaQi4mmqrEbsRSsFbz006mmFaKp56EwNFfbp8/D8vNAuZcBHSjhGQiXaS0VPBNDQdMH
ZAvu3UdNxKdZxkVzp40S4bmWylKBucc7cPZDYUpKlXcb6bleyBe0gPza3fPhCtqa01cTaXGwcKXc4u7H
Nl5SL0Aszk03wCsICFOpdbJxBwPtrBHN9MlWN2v9YQsP2UUK3oXnGjceWwVjCibykebGErsvuos5p9jEpm
KtX0/JVXCAiQU25aMu0VsvNvVRn8WSM6nzQHH2C61LnXYWDdrWlOvJW3rMeU1VNxUrRNEHaimy
7jvhxVkJM6GMC3g24s54NqxwhQkFGzlpNFi7dvcFJOEaeZky3NjOYs5aZdSzxHROPCETOTL0pbsBvsJXz
aaofFFU0Vj8mENWdNKsSbCrq5WU4tQt56WlbaZhWWzcmWkzf6ebq/rOhaRiOGA
88TAekRZ7qtV1pt2+m9174UG3FIv6qhv7IuvpIr41MRCnpM6VCRUgkXuMXVpUhW4inwOffXUipjM3z4iE
mDM2mjm8mB472ip1k+rOEy9hyEnZ0opu6Jlb12/srkL2O9MNuWkWJsqCryA6pQc8vCvmxgOy0zKS+AKW
ntJUK3XgPZFGGXX9e6XEJKkjhnFnt21bQlpORSUMSzakl3iDd6ou2bZ7NmyukquKQFuqbxF5VdtKtWxNtSP

PpnJMzaK9MsbjdyEJXPuqmTknVIR1JRshVFsMutrGkuC8rzxpVCWmXmqpvOfFpV5AzPXEuZ2bnJwM5Sj
aEsS1fo0Ur27ocbds9ycBoQHlHRqO+4ig88OrlJCy2tLeOlcQ2qmOAunAdgi9M91QlN+haACeqlIq/aVs2m+D
eVcOH+KtIvCwniroXJl+qD5uqNIuSsWUQhVU82ky455zHvazZuaQBUmYWloeamcJTzJuQQzmm6hKQfK/
KLr1SgCoIXWvrHpjGtMjSLxd6eV7Z2ZRrHHKN8dWyCdXDHWNIC1FUpMD9oQVXhsoRsgGRcYStw3lra
1L/Zs6xSEpfSFzKOk4cx96sGjilV+Ua+32RS8ptOVEZeoeuCErReGeV72mNEs3io5KyPp9kUafbbK6DPOkJL
roFCUlWz0mNSZSQc7y7wPpjwjYKQM0uJxjByZk9t51IKYLrbdk2pL0rVBur9ohwWn3NmTD3xikuUKR6t+
UItCx7WmpVQTdXLvsqKXAdhUKikTNussFy9VwuttUQ6kVqs5Co8nGmOMXmJuaUiuOgTj2VwrTbCp4W
S9ayS6pelQ/cmmRXaE/6QWLRlJ95sZB8pdWzTcvpQHLMtmXaqcUTOae2HWWNDMFsX72xW3AwmXfs
+YfZyRpWEOlI3Vzjm6nUyF/pNWgwoy6+3MdWUJeRIy2C6makyebOY7jSmIh56ZSltC1X3L2IxOYOWJ7Y
ue6spKJpVOlQq7XiQKxo/dCUaFCQ+tagjz0rAWh1KzS6p9paSlyoyw4b4badQEu38V6XClMhXLLqhLypZ3
RrF4JpVaRvNMPNyZd9hGCSo7zgIyx4ZRW7lGArHjQhpm6N63BdQ3xJhTza27RtO7dSpuqR6Rh1xpJxdU+I
yjop/rfnAZYeW+UijbeiS8B5wadkKZRKrmXlL8Gnmw0GOxQp10NYZatSZalJc66yU6RTf5Hrh7w0qXVjWL
3hXF020x81BCuavvTDnyWJcNJR9vp07aQzzGwW1IPTdWSa+cYwb6JdivRBTdPaKxSYnZVN7AAHGBdm
FTDryaouZK7YTebHhB4+Jcjwd1PUmFFSyR4orhGjXidoTF41R800i6BXsg4HdjG9XVA8HQIGd4E+mNG5z
t1xQqpKro9Q9sJauMMgeMRjAKnFJIyvkCo+1+UadRSGqY3EXvSCBCS0sTCD88GkEOKuHfQCLpCLvim9
VSvPSGkNKW0SKkZHtgpU9pm1HFKiFUhp6VvpaBu1v4EVxzoISqodd+YjbvITWFX1sFaSRcvXfxprBDAU
0flBKlekflHhizMAgkUcC1K7AgH0wkYJQMhQtih8qtfvCFLm9OSR0WyNU8VCghbLbZW2aq6SME+asVb
Roqm8KrJKR1QTMIC64q0TiaEeyEplmX9Iog5ovXTjmYCmtJKorRteOFOMA2qiStOWURVhxdCnqpt7ISizp
5NkWmr/hlK1VHhXb1HshUjPNf7DmnarmEt84abO8ddMQYRP2dMsNmaFXJVtWtU+OlI2GEiSuuXiUhp8
m7U+NnDlqPykk6lDYK3eZIVq701BGFcxviszYIe0i6vKbduKVTIDCg4wS7K2pK1OCmlpeS32EwE2XP2gk
6oVpgiW1jmK3+qG7ypO0mEXlAuPIQK5dLjDYn7Hs+TKmgBcc0l88aLqTviTZm3mEM6fTKLLd3TDdU/6
Q08zor1w30uMrQ2Scsa128coL8u9ZTd3xEvKSfTWtYQy1IFlQqdRKqOjjWE84lnJau1bRSDwEGXV76lFChb
KvVw4R7q2K8lx09JgC6T9nOsKQpJbIzTtHJj3lTWN3IATWmUZCEy7KB85Z6KP5wbOQ/Jszzo1G2ipxTpx
xNaJrDk47L2jNzBJ0g02veB1qigHmj3tYUniKHTqLhMS0zKCz7MkpxV3SMoTVXXSpqaQU2r3SzC3FpvO
Mc2UVJ7N/XB547ac63TENpS1fNM9h4Zx/szufW0prWDzr6TePaDTshK5dyTlpYg+CLV5hPWDDVoW1aM
zJiafLUuqTKRRIFL12mKajZCn7OmZm17NSKOTMosqKfLQrWEUmGjozUkukAq4gjPZnF6Z0MroNXVdO
mdOVEgC8fTDrSSpmZaUaIdaUgstDDVFak8TjC0iYOibANFJ1zBSg8CQcoIZ13ThU40i8VvzHzlEBI6hFSQ
CMhjGJPmjxcIqpIHGkU5xgR0f9YUTcWtXBXshalOvSykmgUhSCTwu5+bGErVLsTbvS0jktcWrrKtvZGJe3
XEkOgeaF+DbQ2nG9gyEiEqKtMpGulbw0pR1GCsTDavmh/RxpubMp0qqoWHU3sOKRWA7Nv3nDiEOuZ9
i9WG/fMmlN2ikrAbqf+3DjMspV4VJCHfY7rQecOtYY7Vq/w/lF1bzrdDqqS8MOzEwhp6+XXDrPXFoSrtJgH
RNKTtvC+R+UXL18nOpBp5xF3nmjRWo1Tl1ZQi+sPKvGpIqLvmEUTqmmMC4kBwbTTX64vllKAE0QkL
qnrMLbdacbcyClC9f4wzz6QNpIeGLSn1X299MadhzhExLuTSKCgDK7qRWmacfNAU2pm5MYXKfFkfJqdv
bHMZs6WRdFyWW6dVrentwgzLEqtyWJxQwVL0B7dkBL6UvAZ3tRXDDfWHNDKygQnFSlitOPV2w3zL
RBu/ipKgkOH5P9eiG2nkuSj7rQWHMFXgcxupC5ppElOttmq1OsX3JficsPOI0y7KkWylVVBBVdd33knfDja7
KbYeTrCVQ4Qf8AtrJz29m2DMyM9MMXVkOJcbWgtY8cPTDrCre5/cVghatJXiP9YbYVZ0m6sueI3QOfahe
mZalpq5WjGum8DgCCr0wVqnNJNoASFEEaPgsUqYclJlhbT7RurSrZGHJsjKFUdrwpGCYxwjYTDcszdK3D
twSnieEIkGZUNP6JLqX0vB3SKOzdSHFzCy4tRqa5nrjQzEuzOSwwrM4rayxQdhhMw3OSgn60KdLzd5tAGd
Dgr09cGeQGpmUbHhKMqWnOmulQFOv0whq3JANTAULqmHtQnhTo9tYlJ2y0zM/KTAKiiqArsNTXth5D
9k2n4Ai6gTYbUjzohhLMjaSCrBa1uaW95kARZ9mJlp20kWXLJQgsPoavKVifEJUPNCHpBu1LOflxrKVNov
8AV0RhAbckkNLIop+XQgGgx1iekrcMIcl7Jl0STSmhR1r9IfO2+tWzgmkOVceYU0qjrlb+r8mu+G2mRo7g1T
nGiJVxUgUHVFSAo/KIxjDKAoYiPFpwEBKCACDgW84OmCQrzDtjwjbHlpUkCv2vZCOcrfYK8Nc6RP3R
Dc34E3dZDqVFpN3sjSsF2ZGdWUaVKuF5eEIvNNy1elp21JX/AIcPTA6S0jClPzjRvaJF3FIWFJy9EJcbaW6k
it5NFJEXVlReVsuKSf8AFGuwtcts1RMj7qcoUiWSptYwKacz/HSvphImJIst9FJuCbSftCnqg0dWiZWNVtT/A
DO99n+UeFlZp0D5EuH/APEISy6tDjh1+bl7wn3MaeiEaWYl20OKILbbYUtBG9VYRcmn3b2Xg797+uuL7aL
zadycUwHCUJT8pRGPbFSpP2YwjpZHdFx1GlN0gkpokw0y4wTQ9JNLnVjBUhmYQu7Q11AoQy+1Lobvoo
b7ev1GuMIuIcLPy7/Rx6NILLimjsTT1QtxXhZdYqLqQlTZB3wlstPoZbqKNzNFOcTUQXeYLXLp6FF0u9tM
YkJldnPzTpoi4lwhbVcccIl3fc+0ZVSNZLvOlJ2+LqQHpSxeblx245NaUaE9ephD4eRLWlhdQ8CS20oHd40JS
1LGRXSiXpdVHkn1UzwMGcetGSUpS9G0pKVXXjtvbldkKZ5ky+lxKUN3iNGDtOHSPGsDWuIGTdLoHV
CHbi8MHWyaIdG6EOyjc05OIolF6YCw2n5KtUbcsYoSERQivGMKxmnzw4tiVWpphN5xW7jFSimzGNUXP
XHGF22lyzhMPfFIdKtIU7QkDDzxzxD5bfaNUnpJb8kH2wt+ZmVOTBwKqAKVXOGVNTLk1iC607LX0uJ
2ghSqZQj3Lk1Sodc1m2SPBUzu/Z9MN2c9Z9rp0qKVdfDiXKUSVKAX6/NDqbPsuZU+0sISptxGjbKjkodI/w
BVgsod0Ta1FsLQQpAO0JJ6J6oYata2bVatRpFxS5l0KacxxuKNKdR9MUs2fdteVFfAyalhbYOwpH9cIXLSU
27LIV+y6j0VcRxEOLmVc5WlJU4pCSAkYC8buyuESakz0u7NrqqXuSYNVnAmp2U24RcW4lx14qcVQDK
G2l6jjxolJA8Krsi8g1BNMcIqK3sxdMUK6n1xW6rV4UjMiLtEqw2GlY+LdDijmkQ6zMlbjSswt7RXuuHBIIl
ObTfxiXUFYr5QSB54U8Zhu7lRNW0p8ko1fPHhn5+qjj73To0/9wV9cCbYlpZb9KFwPG//AIaCsUWu0VD56
wG09oxgvs8z0ahrKQSpau2CpaXEJ/tF4eiFFhuXQHDXwOqSd8UdQsp26VVQYhLLQ/6RehUPNA5yxpVV

qFTSlTNOIGNIVopqTbANaMK5ufN/OFt6PSbL7iec4wrwIyoebuc384EKKbOemq6ykuTJcPmy88TbsrKS8tM
t+DSElJOW2tR2AQEOS6nwziS6lSbmzChupz2iG20melV3NZKFlSQT83dCtPMJQGtWr6SglVIbS44hxNwB
CgKDsJNTCaa3HlFDq1hKFBRSlQKlXL3+kaMCjTwvClc/ZC2nBeQ4m6RCVIeC2EnV1yK7sNvnhyWmNC
pVSBjXTDfBLamgwRquLRW8D4p2bPTC2W5qaOFFsoJuK+7lEzIyMjOOTy6qTMCYUooplfGSdvXCD3R2
vagDxCw7lLLVdqcda/BlLLtSYdk8U00SEcMAkYYRLPreaYlZm8lsqwLpAyw6jC2ZOVRpqoamMbwQpQ37
6itIs9xthC5Rw1dlnUhTWl4gZ19FIads/RWXMpUPeziAWVn5qsx1HzwmRpLvPukqUzok3iM+qkBhyRlgVCl
7QgK7DEzKhhF53wyDRJWSNlTspGnQgNc611pCq6+08K7uTWcVQR+keiFpS26AvPUgOupeCRqX1JoOq
NQ4Q2hQrVQ1d8aW4nTzC1SwcWg6ROOIGOqOyFttTC2g90sK1jSlmZWjO/oCE+eGmFKdUyOik9GJ60xJ
y04GNGxV0ApTXEngaRzizpWSabZcEslCEgJWKUKlbyaxNLl70oZpCJilLikVGIpnmPTFnTFrsNOS7DfNzg
S0hNOlcHp3wZrubtBsPrreaZTel3Ds+jjmU3LuOJKklTS6raWmmaVjo9Y3Q2zMyqpC16YX0UdrTYulF5bYK
a1cN2+622kF9QVUXk/J7YU47pJmZmzduNjUTuSncBv4mKhttLl2rhSOkd0NvvOOrdarcbxuNYHhDWlWED
WpiRsjnUjRVcLq1aoG/rzis1KOPISTfUy7lhswrshCubqfDqbwStZwG+EB5MtLitNZX84UliXl5uo/YrxB24Qs
upeLd2jilL6B6uvdBXL6NTjVcnCkq31y/oQZgNS9Q5fNToyexNKmkOmc0UqekHENXVV9Ap2xJuJnXmpS
Yu3X510KvE9p/OE3imbllUKVSSUtYcSqvrEIS/JqkdiVTrhcUerNP8AihR53zlv92wQzQeVifSIbDzLNmg6oX
NXpk+dP5wtfP5a0AMaIo3d81fTCbyFMpOSw3pR5xGL8tMrzuHBfmH5QrTMrlq4e9ZcTbx2dHpf/wAcLVO
zs9P3V+DTaaCxozs6RbSnrudsByWlWHHFukXmpxU4hI607fsxSeTIvNpVXFxTZ7b3HcIfOgflEy9VEpd0ulH
n9kTIVLyUw6lRSUpdCHPKIy68IVMNyq2S6dKW79VBVeltw7IPvdYXmnW0ahTjStKwGpdBfcPQvJvoSrb
mYQosSzXzxVaj7IS+x+zdTfyqN1K8YSy7oHFqNNat4Y8IF4ttnaOkeqNteqCDpFKVkEYQ1fDMuCrHwmvS
EXnl6ihRalY1h1gpD7STiUOUUhYyggOzUq+z4RIp6b3+sOyk2ZPnSUawWoUrsUInp+1ZqXbZs5woupOgCk
gYKUTQ+aHpPuflHHRSpcWnRttj5QAxJ4kwGLTmJuVcKNMhDku6pSUE9JKaUSICW5a9aesVXm9I/XLE
4XfMInFB5TDUw4XdAnWx4nfGjYZtWWVMP1UomjTmRGyuyFsvKTMJS1plJSEkmmNSOlUe2HkSLLTC
XU0U7q6dXAK2DyYVclZ4NzAuF5DetdyuhVMoXLTaZhINA5pGMa7Kg5wxMy0tUoWDebcncNEeNgcduV
YtiZetGYM1LJAs9L1UVAzG6uykEgKWBtpAwjL0wQwm+flry835xV1a3Dx2dUBYBCgcDCVqamHQhtZ8
AyXV5bvbEughQulaiFpuqBhgyCmObOp+MbKS6tW2/jeT5hAE8iemKJwalqrW5wqcAONDF0oUzeT0b/inZF
oJkVNtOTL6UFYVdWnV2fKibbeeHOEuKDl3O8IlZhqXmEzEnRMy+WrofFMNvA4wqi0yzaCRdIorri0LMe
LiZxQ00k7Q0GFDwr0dkOWfMCZs+03GzLKKfiZopzrhnwPnh+YZ0L2kHg0OOHSjgjhAemXlPhR6CnRdx8
VI3wqtecK346Mbq+uCaDQp6Ca1R1ncYbLweW8wvNhNW3BWFqu6S4L4oATTb6ITM3wsi82DoygAYbMa
w1LusIJeVlkRTGsS7jMs/fRrKAVhTdAmG2lqCB0HqEIpnhnFGG2RoxRKXV3l5/J/rKH5qZfdShTYbYq4AN
+X9ZwELaN8nUyTXth10mXYFa4k3gOunHhHg1zLpACBdHg1GuZOXpiWvvNuvo1w5XorBy8H+cB+aZtR
1Tf8AyyUpaPDwdFH7cOLkJCzpK/iVaXSOqPEJ/wDlGnnbOm55bRvIMm8hOPk6ivOTAumWkHa3khxyrvm
Tdr94w05NMLnH0qqkpUGVV6sD6TCUES9mAnVCwpSz24D1wFTiWrWRWoJIoOoAU9MXVsNWcy4aay
S4DsyTRMLPurK24lVToX9TRjgEVR50Qt6ZsJxlot6rjMyZgucKIuBI+yqAy3YLL7BFbqjfbH/bF30pMc2tBC
bMlWrpCEpvhXC7qgDsMaFlDT7d26hlbaQ2eN0XfTWFImtJIS/7hkCl8YVUnD2+2G3G06NDqbt5z4w04Rik
hRGdwmvmIg3XSrdUUibkSQFrReQTsUMRCm5IKVrZklCVZ4Gu2EOTDzTIpeCGTqU7AIvJ5y6p1ITQLIQ
ikVeIXc8ZOOEGaKL6BtCcevqhmXRMBAFX1Jr0v6rAmZEqfwxYqE3hCecpKANaoXRSO2Ey0iwlx5jAala
AHeYvLaSmusy264EqcxxuDxuumUTHuxPsPTd2qGWemRvwxB4Vi0raYlp5UnZ1Ujm8wdlSctuwYmH3Zp8
Fb67yrzhW4a7TTDzmGpZtalqWsJvYm7jmNkScoEtBEnLpUVKVRTildmOAGcKfZvJUiz/CIv6IuJOOScVda
qCOcPNzKEXSgqASUiuF6hzpHOnJ2TtZhPSQ5NqlnqHI0XQ+asNoRaDctIF06VonnF5G64K1wMTrbDCpBJ
Wq5fR0xsStOw8RvhKLQkzLtTjN2WbuEkdLCFI0ZTdJFRHRXxumkYJTTsjGDolXK4EjMxVa1K6
4QlwrAW2saq7nHOsSKktuXGS40hhhkuLOIRsw9bqE7tlAIS0lgLWs4anN
NSeyJxufZ8MhoqxRrNAHWoCRQ02jHCJuYlUvtSkydIhxTGj7RwrFrSb88lMlwpwFpAl6mYVSqbxrgBQwRe
Vd8qpT2RZr6F1OluY62CsK039sWha9m++Z+ZuuzDimvBSh6RhmDRkcMHbqMt5
rXtQJblmUX5dx1kpUSfHpTKm2NPZk6FttAnRsmiOk0SrilBBbdbHzk7YL1kTsoLtL+hGsOs
bPNAs98CUSqqUzQRpEJVXAVrh2wuf0rq5d1IMyAkXmFbTuu+qJd5l2cNTiHOrfX8ocYbQhxtWWnTVY/L
rhKVMuouG9dTghNPnZCFSiZcv1TRGXz9gmUzBqBJfNEyU+X4kdC46lEEnuAeGrPBTx7DfGyFe6mb8vpe
iv84C2HUJW0rWXLkprwNyZAnWOdvlBQx1VnPTaOOT1qnsBRXjD4aQ5nPZnRVPsU5KQjPzU3dfdVaGgTl7H2
qhhCFIx4Vqr0wt1uytItW2ZWKq89T6o0jyrTkkDHDNiXaOjJqtKR70Q2vAqvuuqJ89Knxfmy4Hk63+z/AAP
nu0cI4Vgql1uJmsTcmXNBX7NCsxpbWQtJuHnycAaMPppdHKTFOoHBhjUPpxBkVhDDHHtxpiDBZ5ohSJ1rRHzKL
uzysantEJV4UcFCkKYQt1tx5JooA6vbCF3LOlUMqu6ZFyquJKqqrGMxMTbrWK1E0hKU3k9ucYFbnbF314x
ziz2Jl6Qm1X2mm0ktsK+Rt6xAdmJL3UkpOoKpbKO+6ufJ6lPCvRzcqeN5T3M1CH9yl0i8Pm0mQfXnZ9G2Z7IsGQqxNYQbyjI9hHEBMDEfvdUE6B6u
cYWdiEhKvPGhYo4pNK0oK+UqDLvK0zShrNpTJ80ApAouHhISEs2to0WqZBefmKHKviiGZi
QbbbUL11oNIvIX416pGEMSD3MmH55SuJL/AMkBOB1adUA3XebIaBLq790hvI790hvI79YU0wp
xTT0yW20XiSAUzxHjTzkuKZmndLuspMO6ouzUQLRR+nhmVNvFWg5N/V1x3LTMAz8/CgV2zLPUqZzWmf8
VCbr+ypovS8a8jTAVN2MCxiCTMeA32mMn6iBqsLEgPENzKKTA96bOktNzgq3jJLcnqbcYwXUvAtUFQuoD
Me2Ogx97vErwwO0Vh+bbTpw2AvUXTAYtlq98ZDqYDQGBKWntoaQM32sKLXKbKTMuvgcKpzDk3wHJ4IOT
33ulXZDE7cBKHb6SSBq3MJqcitJIq5Lp0lNxKIxpj2LYmtDd6oBAjFRWIqD8JRoR4lS0oKVr8qwvmPI95

Kbus2K7obnnZJXM2yFuKdmEy1BStb0PttIZlpNl5S0ftFKO+tMaDAQuftt5htgJCpZtxB0bmJxwqdmHrj3NsR
LLcpk9NIVeU/h0a0y374SJpqWtKUFBo38SgcD7DhDjLq5eR8DUc4Ulh9hW0BVaKTt66x7q2da0nPWemgR
MNvJTMt14V1uzzQyzP3XmWyFFzRpUpV01opPjA7oDsirufmZe8QEOOLWpoHxSlOQ+aYM6yLMDuPva
VeU2gbrt784IpMMTsv8a04gpdSrz+nKGkPPutsihK7l651Q8pszL01foSsVKTXdugLU0maSFUTrXa8CmkCsk
+zdIKU6bW9RhJVKOSbFKkaS6TXZQVjTOpl5KXQm8FJmCh2nzqVNOsQFSco3MN1AU9MgISd+Wt6Iuv
JU0naot4dhV7BGjYVNrWD+1X/APPGKTT8s2Nt1P8A8vyg3Gpurh6aCpCR24AQXedS6WUilVUdWn7eAg
LLb1prGKShN4dhFEwnQPmzic2n3C4v7ivYqLkxMKfSB0ErqPMgesxo0DmtOhfXcRTgBUecwkB9u6cylQx7
Ex0Ei9moJuDzDGCnQ3micF4CkKdmNVsKoVgZQUSKeeOJF4qCcBw1hHOWmWUSw+NqAUODgawm64
02+j4xo1vJ89PRGDdPTGtRPbC263b6aVplACZsusooTqBKvPvgqnFEtqGABKVVrtgMspDaUjADZDmjF59e
KzmqNdagDsQbsJBvrCflGsLDaAgHM74SnSXpdYwBzT1cIMzKFtEzuUKpXx64df02kYKiH2kUxzG3bDDx
WtAl6qZUleC65gw2hthR0XRGN68PXExabzz8rPvp0abpvlAJ3dVf9YTaqJm4yjCVDrJVwUvVIPZCUGZkm7
FYwQ7o1JRfVW+QnZ2wrmlle6amOnMF4zDNMgbreA7TAs1CAuVtNDkrzZCwywlSxQEhIoKQ8qdn7Jmk
WaoyzbS52qZVWOGA20O2GLPuSs6q+i8qXeCkrT0jRWAyiZ0clPSHOToUKfY+MChimp6oSrEbRwj905h4
QZDrED3pKHrpXvVWe9NtMtMpqdJ+03bd2GOAoIN1r3q+Stknxkx8ZrnO6IclL8rL2Yt5KnHXNUqWMssVe
aCyZ4FkAnTBtd04bs84bdnJyybVkJmugfaWS9JuZkaNQvJCt4HbCrWseUtKWlKpmFOqQppDalGpUimISYX
aDSEIdrpJdmilsuqzFVkmhoRXPtg2XJzT8tJKppGgKVI8UH5A9JgzloiZFloJScDpJhYHRRT0mF2D3NWRLy
88+jRzB5tRyWFejeXjeIOJrlGgE1p5lo3XQlPgx1HfvwwiUkmkgPTbyWkA+KSaQ7Lyky+/oFfHqYLYV9k6w
izUW6uYtoTcsl+Z8V2W6tY3sjnDLktPGbsy5TnDTaW7RkFnooW3hpEdQrBnrPm31IaVc51J1CK7nQdnXhD
YtsPsOMowflkDRPeW32+L6IQGrEnppmleeqdDLbStyFJJPm9MLbatXT1+KYNFlI4ruiCmcslCkpI10MGih2
GG5dTE4Jt1N8JEwBTs9sF58OkZ++DUJp6h2QWgrSJBqEoN9s1EKRMWYG2UClUKKVHhVOXni9KlTd7
pUGkPoMeDbQknNSs/zj3y3eTw1/RnGkYZdaX8roev8ovOLaV5QuGDfkCojJRAA7DF0vUZyuLqv/FgYuaH
Tg9IM+ET21gsyqebD5N6o+4MIwTJ3vJLaz64K1S+gWrbeCSfNFbtfs09MEHZ5ou3ApO6kEywdkSm7pNEn
Stq7NvXCkPhc0kZaEhWjFME04wsuy7SJgEN1KdGuvXsgaF0qFBQuGoMaoSvGmEL53KyjEujJxt5S1K+zT
Dzw3LSTK3pp1N5JUmjdBma/lGimHbPXNEV0Dazfp1QlTYUkZpaCalQ9deukFRcCSqmJRjF0PgL2aTGK87
bv0wGjIB9MEKmKk7EoukQq7dW7srSqobvoLbexRxSD1xecAVfzIVSg3xRC3gytVKBKlCu/hCnZZ2ZS5d1d
Bm4PNEnKvmelpJhwFbxauKWmnQFNphcnZTb7SyjRpceaupl002cYdm12/JtOMIviWddWkmu3fjwrCXZd5c
rMHay4QSOtMIXaGhnFNOJWTo9E4lYyotFDszNTFoqknVWdZlrrCnJNt28hav9YctN5uXLtoouNANqU5o8a
7PG9UGWZbb0EktWKTUOuHpKOzh2RirLtiqakR0e9bmmkoUpvYtN5J4GKOTV1lCRoypn4tfyAK4CNHdX
pa0u0hmzrRlHEMqVpJdTySFN8E7oZXNSUzOPvprrrLSGzXLDFWHEQm/KN2cgJ8G000QD58T1mCzNzls
NyqG7rK2bzhIrikJJu3KVruh2x2LcmrXlaeF0raUpQr5Kbu7zQ6ZKTM1LymL1XAj7IJ20hbErYs5Yk88yBLNl
aVMN/wBpnw3Y5xbktPLmJWetbWTPsqUSM6pWkbDXZFxNr2XLJQq4kTBcSV9QCTDC/ddifekkl/wEqvRI
A2qLl3fsBhttpoDn1oFQ1SUISFXtmygi01Lc0jkooS/giRlnhU0xJhuZ8IlxkVTo1UKYTLzjswi8brjpcecF01qC2
FitTjWsInO5k2Ib1U35JxxBUoDoqSu9609sInpN95tgruTCRrMpWPEcAwB66GENWmgSDpycqblcq3h0IK5N
9NrtUwaeUAvscGezOC5NyNo2XOgXStoKokn0eiEuMWjzrxKudIJ3Ro3GA4FHxqrJjBs0G4Vi4xcChmkClOy
LqlpUonJR0VfNGo2gHbUV9Ix9EaSdUZZH9mNX72foEaRhy9XalV6MCKdVD+ULR4I6PpGYXhXswhEs9f
WteSW06ZEaV9zQtbcLiTw3+uPeqalWKtEqij9kxomwVuVN73tcI6ziIUl1GuztUomh9UIumgrdIUxWv2q0i+ij
xQmql9BEaPQlSDihbClDZthTyW3JdCkhKnCnRqQkcDhSke6JIEnK1QhzWbUpJpQi966RLrM9a8zOrQFOo
CLzY4C8aeuFzNlSs1IWapVOcPrNKbbjbdAf6xgm1Z+atKeb8IGy8pToruSOiP6rChIhyVFTdDLxceUkY4nPL
YnzxzqaemZOXdV0dGUOuDipeKR6Y5hIhMxNpw0LKqkn5yj/AKwHLQtSTSmuKJRcwEr+1uMDSWwqdW
6q8SyUq9KlZbMoAJnJxlTguOCmPVCpRUnNh64lejDib+tSGCd8K903npObF3dPNfjF3dhww9MXLM
n2TNNqqppZU0pSeFcPNCbMtQS6Z1QvMFpd/Sp9io00shDsk54NSygk7r3GObvOuNtOxnxSkXFbOJSTu
pHP5SUlpuYbb8NQYmnSLVTjTyLyurxHbezNPZDrM4bRtGZQU007NN6N7RSnDeSZPQV/GoV7sVIGbSOXIAAloKG/f+cSVn3BpJt4Nqdb
RrcThgY5t3N2XNzE82kIbZQtSL/Rvuqgt/Lilyy7tB2ZCOZZO5+5NuhPgGqm8aPEHwe8wqNx4nq5rLZp8NIYUFqptTKEoF
rfUL2Muqp6sOqH6r7tJafSm4w0LPW5L3aUxKsuzKKKgdn7N7qJxthlxDSXWnbgWRQLOcP2ah2fnZqcdLi2lJI
deXtJRnWFTE1ZNp3EDXLrSwB1mElFlWwUrP/ACjlCN9aRzmSkrZlFpUMzyzdroOOz0ZJ6dbQy8
77nlUs8oHpqbpUHHqiVZs5Aa5wlZIxDVU0NOlXGEs6X1yfyhKFi65sSVeoxoSAVJ8WgwhZRFU
nFV1QJI4QShpKl/PQoD0QC7Zzmd3V/rKANE+K/M1TGo68K545wF6ZaXK3qgVUe0whF5pGNAp34wnhxg
AvNLGVZpxS6/YFBCS23MWg45hdQdAyjH5IBNIDyHUNqP7KWvMpPpMXnWFHTNs3SQVKOmV1a2EOtv
SVFlNGlO+FW5vOGqnzwFO2o/LMUxTMsqNKb131eb2hakwlsZtSt1FTnQkUjQrrctVucyuOnRZheug9l
YSUybFGta9Om86e0VJ80KmJaUGu3Reia0iU02b6wtJkp+Y+2k2+Nx+2+NNZVuaF99yV8VuAZnw9m4
2VWlNMrLgUW711R3I29tXYXJWTZk1qIqNO41ii7WuhLYaZ7sVZeN/KBELfxw9Zp9GsU4rJ10VWRV9b
NPOaMOTDgyzvVxjQMWdMyFms6ptyXFqMaSWxcdnYHfGkl9zCxH8/UZNNVEIJWLk5xWeH6gPbFH7CUEKbOcr
ZSj/Xi0guuWdMIVShonRIOy6Ny6e6sK05Biu0WOIvMo+53OMcjQh9nSbIasFb/VcnlsYQ2XXzWQ8ZpFxa98+SIDloyd

o33U6VSG2yt4iuZUcPXC5dmyZtakLCVLbQVkk4pBVs7M4QuWsu1pdbOsHFpuXDnn5onWe6ORfM2+hIc
L4WtubT81oqqDgMaRNokFgy3xjFE1og49h/KG7JtOZ5q48u6y4H9ZRIwDick8CcdhBiZVLMNhKQXZlTaD
daBOBpmnjs3QgS0uqUnmJk6SbmGgtm54t0+Kobsa5xMTtrTln2ot0FKl82KHkK2KSsJT23j2QifTY7r0tMKD
TC1GpeKtUUO6u3KEWTISjPP1SiGdDsl8MS63Sl6uyp4wp5wKW66u+talVUo7TFG2XFrRtByH5RjmM6Go
jSXiDXLbH7f73fZQFA0MPK8G4W0lVxTgSevjCEqaI0iStHzk1zhK7LQ7OTCsubtEiXTtJ49YhK1ys5MK6Fb
mPb/OCOazkoptJBfaTigHDMHLOGZRh+17pQA23LPJVTrCcu3ODz6RtCYdA/bvgkAbMVQypv3aamnG9H
XnQNUjZgcou6LugRohgUzCbvrg3f/UhaHilwH2wNPaVryzu1Lk2lYPClcPNCtHL2jajF67pmiFXVVqdalQa8
YR7oy9szMvKUWltx0FAu5GlcadUaL3UtaznxQFvTC6n72EKXz61wioufOG+EFb9oqobqam/XrpnCNMJnSN
HE4Ku4fOgtTknVsnAkAp7RshSkTaw3eFW3DeucBht/ow1OBtyZ0aqmpI/1i4iZclnD0SFUP8AOF0nVzbJ2J1
V+uKC/S9WilXq8AYU4+uZl0k41IUj+UA5gmoU2rBQ3x4FOmFadK6B/PsgopOBe3C82O3fAUZmfDycRoq
a/wBnowpxxpS1HItuBtynEYp9MXlOzITQpKHgEqHURBTKTE9MuLxuLN5ofaJvjsjQKRaKZno+950Lw6jr
ARfnZiYUiXdvpU9ULaPzaJrlsxhKpdEyEVKqzF1h17yP5iG3ebPzDoTdJmKLpuF78xDyebc0lBgpba0BIplhth
w2e2tFVlDjkvNpFSneFHE47DGs9OTBPRSJgA4iu+Jd12UmlOhRKNNNJrnvJqBWFNA2msy2C+bzunr2Xq7
9kNMMT77biz4ND8yEhyvi3HI0KJW94MmqJ0N03YXt8KQoz4rQXUzFVI7QqkXtBaTSWXDqh1IKlZXqA6
3lGvXDszaE3NyrSAU1engkcR0o905Z2bUtxgty02uYvFKa+LeNRCkrmrYmm6UpzvMVyzNf5QeazE2U9HT
c+xw2JN6px9sJ0js8pqUQm4lM3oxT5dAcevOHHXOdpl2hdeWubACRTEnW6OOZiWca5xNKf1WUc7oFi7g
Mx4uUOBbc04K1UhU8K1GVaq9cc0Yl3yubQK3Z1KgpA2m6ejj5zCH5mzVXEASyxp06R3PAlR9EIR7gKb
QrJemaFDuJrD0hbUtzOVALYeQlBVQ0HhEDWKuJzFIbek3ZqesmZNwJdQVql3adHdj/ACgWjb+okDSNS2
kShsADNZ3R7l9zS5l1qlxydKyUU3NjM9eUPFbhPjrUuqiT+cOIW0pxxR1VXqISOIpifVBZveCUb90b4wqAI
1r3UNsdAec97u5bxvIUlOCmzQ1hMw7MNuFWC1LF+4BTNOwdQhdp2ZaXPObo0y3WnSlaDgKY7eqFpte0
LTljNYCYQpXgjUY3R0k02CEpcnluIQvVN5R+1dMBEtac+jQDweicu3ISx7qWvMvu0bSWphV4Gu0eNDjU
z3UWk+4ybhEs4dXHJSq0HZeiXZTNTk7L0GnU+hCJhIrglLg4bSI0c26uQdzKJxxxaeHhL1BDgZk7am+55lA
KHrOmCdM98pKXqVCaEUTWOayXdvPWctOHN7SZclj2nKL7NpG22gPjJefDmPnrH+0XLSYurKnSUHGu
BJwxjwT02lLigKNqUEJ/oUhF5Tq20G7pHUYAdcXWi4g1oQlWKkxVVoz7KqayVYiELbU1Oy6q1KXLtD2
4iKPSbya4FspyO+9XKCzJTilBxVVtFu8EcKjLtgtz4VPS6R0nVBKxXIZcdsJdlJhLDYNHEodVpE8KUA7cYJ
nJ9LUnm24nEq8quXm7YA90m22Tgm54RSuIpBWh55xe1c89o0nDd/pDa7WmZiXVSnRuSqT5SK/4jHOZa0
F2mVmmjlFB4J6qZdZjwUq622DdvNTCS+ON1QCPTC2l2stGkSV3lPDSqG+qzQDyUwhMq3aT7CqlTqnyho
4/vV0r9lJhbUi4pElRCrsrMpS4FHpA1zHk0gptG1n22MSpl0LZok7MalRhtTPOJNs9BTqiEjjdSa49Yi4w/aFpK
bGGhfUlpKcOk3UEdt6JaRtm1jPqWsuOSreo3LEfKCsq4bMtsKFl+5QmEppi16sIvMmfkWns5p57A+RkPMk
Qhpxdo2pNIqVF5C3VNkYYp8ThXGBLSqJGzJQiiVPOaOY7E3SE9sOe6NuvsBaAq+2wtZVwDiicacRDT1j
LtRLZzfnJi4y5srq6yuFBSFrJQfoL6UpT8qjiuvCHXnrYdl72GjSVNV+6MYDU3OzD5VQNszTylV4hsV7K0j
T3rUkpWXAAfmXvApRTAXUm7XLMKhKnu7esy5VaG5OcdnHeOq3DJFs90GibTS46/zRBG6gN5MTsncZ
mw3qBS5pc04VbgTUU4kjqh+svzeysfBtpuMXKlWss4FXXXqiYXZdpTT08yu8ZOZnFEPXs1I6Okqdmr2wx
7qzk/LSKHKKQL7dN6EjK9jlDa2py1JBtkFLCZqcJdSjyRlh2QUylpWhcIzceV13gMk+mE6W0bQeXXAF1Rx
4Y5wqftKatmz5BJ8JMO1cdVxCLwPb5oWZDurtqemyB4Mt6Z1ZB6JKxqjzdsIkHJtfMZYfENC6jrVTPtgKU8
Zpxaa3G1XEN+UTn1J88FBXRsmqkjBMJCCUtKVdvuG6gdsatVOJxvLAug8E+0+aCSSTxPwGHJ4PwnVn5
oxi/LvPtAnWDa6XvZ6ImVF5qa0v7N+UR4QcQMb3FMOJkhLFWkuol9PRROd0Vx88JZn7JVLPhROkKPCq
2UTXCnUIbU8yTfVUMzR0RVhsOUStlTJ9y2ptAWtx9gaUrp0W1HVAOQMWkliRbZasxKjceUqq20apVj0zt
NN+EPFhRlXUpSXNIq8he+qvE6sY5xJTz0gyemEPapV86mXbFbcckpuWmm77bD8u2y6+NzdUmvaB1w3Ll
idst4m6pwILdD8qmO/KnbFyTtxi02DiHNLepUY1Sa+uJubnG+cPNBJcbaXo0NJptoYQ49LOoqEui8rEwkBT
QWro3hQmHTKS3OHFa2qRChaLCJFBF5R0ZB6hDlC4rWqu74Mj7WR7IbcaXLupTRNFgIccTuvQpkybnO
mdYOgpZea6syewEQh9h2atFLajje5u+3TEeX6Ili9pW5hKgFvLCC4RiLtCbpAr4u2FTDE9ftFasFyTQbWrcFI
R/XCHG35JqclW1BKlqWGXq7RToeekXbmhDwxlZ9N0mu5R1T2Q+iz9AFu0UpFnSyVLbX84DUHWaQXZ
iQs+0HnahOhebS8rebp1KjDI0jmarScZeIBRLTSENhPUVYK7DBFnLnXZl2pIlnguUyyUXE0I4IEMtTErZtp2
isXClhgsBrV83nIhVnXp2WdU3fTKzLKvCDgBeCgN8Gbe95KQm85zd3RsngUdH1RzKwTpHKEHQISlKDt
OsKE9sTTi0TK9B4Z5DzC9IriEjPsMLnLVWj3vcSqVnh4RjHA6MV/F1wyJCSS21smKJW6abAjOkLv2vMzq
6Xi0i+2UK+Uq4E0phnCim1HpsLw0cz76PXpBl9kqj9EfAVmttQu+mh9cF161LKCkmi1sOFSvtKTqinXshtpm
0JieJViSxdDnAGtcN5EVl7LXMMrWUha1eCT2/wA4VKTM5YshZ4SSlN5KaqrUVVTHbDsuq1bQtSdunRok
8Wm9u3DPdGjsmVlJaZW3zZSmrjLh8auwbM4W5aFovJlQq7V5/wB6qUMKoCel9gGFJQ4Cei2buXGkBp60
DNhtYuIexCd9BEmbWlxKi4VspVLJQ6+odHxbwRXxv9Y5la/gZ59ykraMsxeucHAc018bMRzRxdlztDqvSq
W3Q52jpdsIU+y5Lal64a6VSTkqlKDqNIm0PXDaj7VWzfDjgVWlKZJHXXhCZCzWl2cy4lCV6Jd550pFKqc
wpkIUFKS4raQq9j1w3Lr1mmq3QnDP19sUSqmSSckjrOUA0SveDjAL6lFQFBwA2cID1whkquhWwnkPwF6l
U5XhlFakEZUjROtNrNah2lHB+fbClNr0jCVUB6KvuxlCCVla26XXei8mh+Xn56xNLmS0404oXmnWkl9aaU
zpdVxGrExPSU7IsLu1DCUKbWpVRqhulEjjeMSyShM3ITC0uNNtK1r5yo2cfNGicl5tD4BCQnG6rqV7PNF1
rppFynTVxPnhHNrKtlpaka8w7JIcf+xsTs2dsTU/aCXUm/om+cISzNOmprUDYBjrCNDOc6tFLCLjSvBtqY4I
VWvZlH+z1TS0urNADrGm6hz4w2hY0KlEIdPxt/r/ANYQiblGlMqwwwxXTwaxcTPXOKKcDzTcZM35GEP

V0pVcT1GCGrRlbixU4XvYYC3u5uRnUBeh0jd5i8Ow+yF35a0pKSWigabTpBeptWdnYIQJefsuXUgVTpFKl
jXKl5QrWLkzZRtRhVEmbaevUTvvCqj92C8JaUCF4+DcUg/9zDEQES0zZTVz/lV1V2gYxpeYvhbzmu+E0T
d36HNXXhB0brTyDrFCidEDxRXPrhthxxaHmVajUuPU2jLtAgrlrKNk3qeJp3XR8oNBXrUcNhhlxlTE8qVVg
5aOCknaUNKomoG2kLlpB+0bVXkuUkTpsvluYJSOFYRflmrPkVKq4JR9KpocVLXgMNiMeMXJC0mZC0
A2AtSVgOOnOq1r6Q6jCEjnFosUGLngJSvWrpdYBhfO52TmHQ0asSz11LO/iqnWBwhxiRcU6mWUsthwFg
MtjJeIFT6Mc4D84+zffoQpTwcqk/Ju14QvTKftGUBuhxDSmm0/NUnBRPUeyGAZBTiLvgWXTcZTjgoNBI9
NYdXLN8zUtIbWp46FojcBTGAbRLtqLKCtSr6US7Cq5aMVKu29XcIRz58zrSkDQpZCWnKbgCajruiGW7
MsKQsZaCLrk0XVzFRkq4Me1VICC64hvNLiaOFHEADV7AeuFOzU0HXVYX1uEmuzPW9EGRtdMq00sgJ
edlwh5gb0tAXj9q7EmqSxbbcLenWq8XUkUwGCEA9VYcdmH0IDbxTpnHAQqh6KK5nhCbkkzZkm1RN0gc
4UnaSnf10gmRbRJ6twuftnBxOQ+zTthQZlZmadV0biSaUhbtozTbTKFUWw26FPLO6mzr2QkSSVsowUvVo
65vBXXLZhQcI5lKlyVkz0ZSXJpTic+vZD5m1rW8g0Q0yQQveSv8AKteEaIHRsfukYI/n2xRAPZshLjlZhyp8
DkjrKvYIAXglPRSnBKYNwEgZnYOswhSQJ6azN5PgG/as+jri86srOQrsG6LqbiUjFS1quoQOJgpZpMKy0qk
4DyR7TyDPvKDlSlxejQTiqlbsB2gcYX0HUYoV+XUcYx9AgYYDPjHvV3SqI+KVqr/I9kKadQ606jpIWm6p
PJLhualWXrtEc+GnYByu6wJRXgaY7IQ3PWVLyamK6ddznIUv5WKqdteqEzTVvzXPFJvocTLobabrWvS3b
61hM5Ly8vNh1dL4fKZip+ccPPWCCgh0eI74JXn6J8/ZDqljSLXjdUK09sJYcCFMUqAtAO3OuaY0cm5oikZu
NldfJOfoMc5MwGlXSb8y6ktnydn+kMsv8ymVrVrKUbynATSlKwlXuekrODelNSK/NKhhBWUpl5VJ8I+yQ
6kcCgm+mm9JMEsTr5aG1LpUg7sINJh264KIUFmtO0Yw7PTUtI2m4UgOFSEpeSgbCDqnsIjnVntWY7M01
EkllSPsnPzxdt3nc4WTRHNXiwhGIrS7gRSErkLMQGzrXyNG42KfKVUE+aEq500FvirQCx4Qe3shbT7bDyO
jgFaRPUc45q1IsSbTeKw8iiTTAkuUxUfnQ6pEy7JZ0MwS42s02LGrt3wlNppamWEI1TdS4acDs7N8XJWYb
bkmxgzMCjaBXoBVAoH70X5iVnZGQVXFpslhQ6wL1OsRfT/tGXIqKrvMpwrUA4n0CEuOzc22dGEtsc60ra
D81sjpYeJlDKT3NMMy6nChM05Ma3Sriit4Yb6wZeWfs4y1VIU3Mr06BnjcUNUdkIrMSUu+lXgxotMtfkitT
C5qaDra6XLyLvRGWrmM+JjQtTxdbY8S+pWj+zshKUzb6FzFVJacSZgqJ3IxWaw45OS2hWjEiXfQ6r7SCrV
PCpiRSh/nD7alC4Clt9NMlUOPCENNTc8nSqwZ0GmWVY11M/TCi5K3nCSPBPBxSTXxk7DwBMJUlxaZg
a6a1Qtvqr6xCEPImA4VYAeELp33M90KdCQwXDQy99K3CnPFPi+uEvSbPN0NJVShShwVzNc6w3pHF0X
SgWKFSjsG3thoKZlVuqNcRVxND420eYRNtS5ZlEzt3SaFHycqHZGIK1rPbAQ6m4ogKp1w4yhaktOGqgPH
pvgJQFKUo6oAqTCmX0KbdR0kqzENSj7jiZRolV1tIz38T1wlCAVLUaJAGJMLadBS42opUDsMNskgNtVo
AkDbXHf2wAEldcAN8FChRScCN0IBuJS2kJCUJujr6+PLn3kswokJedSgkcTSLctTTTCkyNtKs2VSunhG0lQ
Kz2inYYBQuqtqDmIpQxKW5ZTtryi3pjmL7M5d98nR3lLRTNAOFDXMQ7pAplylU6IaijxGzblF+gW2Ka6D
eTC7SZftI2lLychNuhwo0B5zXAYVwuw0zN0m2GxSj2KkeSrpDqyh51p2WUWBXRLdCXFeSDn2Q33Rqcc
D6p0sqZIwDWKb+/pgiAUEg4bdXtG2HFLmVyjjyyrCW97p7EmoHUIlJ+Sm7dMxPuuMNJD7ape+3cvKwFb
pvYbd8JN1LiUZlxRF6JdC5QTK0iidWoa2m7ShiSUh20lT05KsztF3SgIXmL13MU8YwlTLkmgnx1C+vzDCv
5wm5fmXE0OkLiSlvYfm+2Od++mbQlJCXtBzRpRoF6VYTSmWHAiHC47LMJqK6FrSlXnwhvQsIdUEgaV
YLqx2ZAdkSU3NMvPuTSV3VSzJLqClZFApOGzJRjXUhmXPxS3mtLMAfOCTchh6js8/0kmaAW2PJaAuxL
O24gPzTswUyTAl03xcu40zzOSRDy2S7Kyalk6OfZS84gk+KEHBNNijAUzLJIuXrrzR0bihtu9EdoiZftBFoMu
sLQyWAEOMrUu8UUFCfFhKtNOSEsRXm805pa9TeJT96GjLSpTdOcxrMp4hENMT03MTb7zUwrQFAVLq
DIqQR/WYgLlZN3uZZGudEq++/uGj+LT24w5MXJhxxtIAeeo85XhTBONME0ziXFoTjgfn5gMMNNM30oIu
1JBrgL4r24whL4ZsrRLJb5qtSptymHT8VPnjBF3SZrU7efcTtqs4+bCG0L0k5My6khLTTl8IxoK7AOsjbAfmU
MtSzbt9lTKtIte6q8uGrQcTEzzdLcqp/wAIrY45XHoiqtu0wkPMuFxNLrTYU6a9WztOwwhya0TzCTUNSVH
VDbrPDBHUnGCxISK5dt8/s/BlXlEm8r7UWfNHTvrn1rK2GGg4pChW5jxTezhthSecrvAluUVeHklZF6vkgdc
JsustKMJoUssAhdPnU1lDyqxKTUk3OsvNPczcvtB7S6hJWm7sGWOVRjCEP22hSHFVdlWVX3MMryjkccg
DTGHWGmFtMaqS2w0fDGnjuEhRGfXuiyZiVlbYmJ95pmeZLyQZEKWm9QAYkp2CvXDPulPXZKmpLtX
XH1Cu7JH2seELbs9oSKT4wN55XAuZ+akTtq86mVSxkZJ+TrSrrz9byTh4tx3LcIafnZgNIeTeQ234R5Q6vF+
0R1GLkixzJCfGv33l9a/YKCHbRdfmvDsyokUqu+HecaDjtcOggHzqEJm5yYRKyqjq01n3t91PtNBDjdnIVJsue
OVXn1Div2Cghnun0q9O7Olos4XQzikL++kiBMzTyZOVrQLUKrd4IR4x8w4xopJksNfLWbzrnWfYPTAdWy
8ltVKKKCEmuWPYfNHOXVaCUSu4XSK1O5I2mNHINrZRShcWfCr/ACHAenk1SlIHSUo0SnrMXUOB0f
KAoI2d7KOq8G228hR4UIjunYlJhOhXPSvMW7p8IhOmLi+1bhPbyBNE1vXr9NbzxK2QLZHdDPKmW3JFt
DLl6z2rhvoqobTTVGGrWKHMQsNLU3pU6Nd3xknYY7qpRu0ZWYfs2TsiWdYQlYWzotWpqKYlewwH1N
uBgqu6S6bld1d8AdKmyHe54LWCO59DKZrSHQrmUq09zR3a10hIvVjQ6eXl1kaunXcSo7q5DtoIDcw2tlahV
KSmgWN42EdUWFIpmEJnJWdmnHGiDeSldy6fRA0qzTatewcEjb2w861cnmBjdlzc0VNq2ukRxxix2pXukZcl
5aQlmF2ZddqHUg1VdpdhSbtxYNKKV7E/nCGhOOBaf2c0L8qvhQYp9MWgHHayyrJk5ViYbaVoJhxCkFQ
Qdm3BVMoC3rMblZVYvaWZPT6kp/MQtm0Wpq8sXjRSmEjdQI7KVrCbPlZtS+ZsvMGVbQULKipVNXoV
xBrXNMPSDHPXp8JvaKdHMwk7tbWP2UmCVzCnm/HlrPVzZCq/PJ0ivOIl5YMqlFyDjilS04XUuOpWb4uu
AZhdRr4bzATNSFpS0ws3WtMtKWE1x/Sa3IuzM3zVpxN7QyOCyPpzifsgROy8hVp2cfZeBUFv6W6hwGt48
RthZbsPnEwa3TLLA0nYuhHZWL65ta0npScleSUfSE6/oTDcmzeYlwl8Klrq9Yr6Kq9HPGpxFIYU2iTtVKDg
3NK0L5PBY1VdozjmtozDnc6TgiVQC1pOHOiLp6kU64k5eYbMm3IznOLPlXHNOFXFapxJXeRmc6xMOtv
PyJeKlONvBLzKiTWmNFDHcaQpVrSk2/Kk4ps9FGEp2X04OntwilmGWLTWOiaupCfsYHziC6iWbkVqOL

so4WiMNqRVJ+7AdC0zMqteMlL+9X1nYpSx0h2piVkQpdnv6gDSjoagAggGuVccz8arrjSzN5uYOIdbVoHB
9pOO3bASq056fZb/AGDqtElZ4uoAUf5ZxOyEvp5ZDHNESb5J0Exoho9TDU1SrM+LCNKkMtqxvJPhVD6T
PHhClLmH1MLxU2pd3TGmCVOjXp2wZP3XRPrmH2VSktLtKQmzEpSb6DhtNMMcqxjRSN7ZCv8ASEJL
c86hCtZLVC4RwOyJhhNrF5MzZcrJsWalK1c1ebu6RxSyKYUphnWFKTjjmI2E7yKxYFiWTOLcEtpHXl012
7x1GyaZiq+jlepyVpURzVidbE5ZEpKmQduG8qrSUTDIw1SCAew4xlVXI5YTTqtI3YDbSJoqqwqZQrT3dHd
6V9SherClOKLhXmTirkYswKXO2glCU0eZq014UudtzED6ZezCFLWorUdvIsvh1R8VKTSvbAQlCGWU5IR
l1neeMBplCnHFdEAYmNa0bLSraNOcPMIr3oC03k1xpgYUpijl39n+0823s5ApClJUk1BBoRH+0EKeX+/Qa
O5bdiu3HjClSi+dNJF4lIopI+cnZC6uOEudPW6fXvhxLLzjaHRRxFdVwbiMjBDiVSUwTgtGsyetOY7PNCQu
7RzoOIVVCxwVFVEnZCZZxKJqS6QYmBfbHFO1PZD65cokkpTfLTzlAumxC9p+afPBToCHKVo9u6oNC
UkZ0N2kKXNS7TjzacZ1Lmhc7VdE9sF2SYmbRY8dxDNHG1HYR+UKbF9pxkeEZueERQbjti8h4tp/aFspKj
ngpJ1VduyFmz1OLW8LyRLNlEqtY2Ptr1BTOrdcsKQlb0mhuVaNH5izZjnUo3t100K28ezGFTSFLeYSpOsyk
FleeJ27+rKEydthDrbZvNsL8O6qor4MCrievCCEzMjP2YBVqUtd+9M04OpFBwC8d8NytrMTfc5NKGoJsaN
KvIc6J8+MJXM2xK82ex0SwhznH2cVLPYYAsF6Y7nJat5SZxdZdwfNlVVUOuqOqP8AadlqmpdOc5ZjSlD7
TKtcfZvCDNS9vWaiXQNfSPXFp7DQp80aaRs9U/db1LRm70nLMUzKF/Gq7ISWrSlLfQUjVm5dUppPo3Mb
32kxS1ZVNizJ1kG0MW1K+Y4iqD5x1Q4mz2n7bRexcduy1nI63FjXoNwMTE013Rtyql0Aas9msi3wAcGvxO
Ec6nrNRa8uhq9zmT97uXflaJzDZsV2QlVjyNoWuVJKHC+oMMsg/LWodLHIRz/uimJestQIbk06LHgR4VztU
mFmzZiammBq3bQ1h1B9PtC4dkFMza54dNiXo7e29IVHqpGitAtTK1avN2KKB3Bb3/8Az+9B0d2RZQbxbvl
yXSN11RrXqMMNTMst0PnVVLJv3+ps41hwTp9znVihlJYaScI3LJ1GvSrhAEgw5ZTacKIeUu/liq9gT2CL63
mphpPRKQG1Hjdyr+caaYrZ8quhSp5N6YcHzG/8xoOMBDEjoM1adTqlzLnEnBPYBthMqlEslLSPjFOXVGq
7+J9FN0ImHUos+Rp8c+qqV4/s05r/AKqYCZeWWKqF6ZcPhl9QGqnqx64u3UcK5gCFiXYdvsYu1I0bA+crId
sXbyLTmKHo1TLt9vSX6B18iW223HHVm6lKRUqO6L1o++Zgf8G2ulz6RWzyRj5MVAABxoMhA1SFVNT
WG3rRK5Zmgcbbu1dfHAHIcT6YddYl0SrSzqtpJN3kLq6tS4qNKeiTTojeeEBMs2tCU+M4qqlezkU6VIYlWj
Rx9zBCeHE8BjExLyBcS3Mi446oAOOp3fNHCvfeD1zSpAz5ApJKVDEEZiDzt3RuqASl27hX51OG3OFZKS
k0vJNRyJW2pSVoNQRgRBS+0Ur/AHzZ1vtA4HspCkJdbmE5pcbyV54zAhK2G0XUK/bIDiTwVXAw6pDH
NJ3BSW2deVc35mqD2kQi8llqmZRrEx4ML0m8547I0U7S0ZdPRl1a9yu5WaPP2QpNA3LfsUOpQ66gVHj0G
7OC6vSOu1xU4u8qLitdaiNVIvKMMsTYl0tagYmHyXJpgbbl3Ej5p34Q3ruz5CRdW8TdPUg9cqNurq2yQDeUa
BXV/KOdyReTMtkBqZQrQN1GJx6Ss8qYw7NIWDNlBviRVzVl9AuitBjnnlCgkIlEEX1JopNzeVdu2DL2aF2
vOtpUdHIAr0PlLVqAE9cLl7XmLsiRV2Tl/DOG7TpPLFAfIT2wliy5BNlVUW1rYJXMHgXSPUYLlrzzan7pP
Nw4XXjw9mMMTUimU7nbJWAUTLnh5tYzqhFbgr86C6xKn7QcN/n08OcvVr0sRdHmrxgz9uP2dLJTRQX
M7ANlF7eoRzLuelZSYecQaT9pHmjQHzR01/1hDSrTm12xOIvFKH2ksSTP0bJGscekoemBMzMwmRl2a6Ny
ZACWxtpXADD0ZQ6/YtmT3dTMsqa5acyla6eymDq6vvDuJMcEBNN6z2GEJ
Q3Nhit1DbLStGgUyTgndwgsJEzac6npy8ku8pOdS47W4j1xze2512yJWX1WZSS+IcSd7wJ27O2CzIty1myDq
gLjKhRY2FawdbtMX3JtpwGmsoXA6f7NOKlDjwhTs6i0JOTTmeb3315mujrgKCtVeYw8uxNHIy6klLsy25zi
ddG28vApFN10Qpb9oJmCimkS0m4hvgpatvVCPiTl0CVQPj3qNtk7k16Zi9LlQnjQhc21rg08QdBOzHE8RDyn
Sp1wqNVrerp11OCTjeMPNMaDwRLcw7fAYZ63MvNiaQFNybM5PBZ98v+EYA2XG/TVdeqC8/MGYeVtK
8dm/KNC174eUq4htoXlKNYLlpoTNBKac3lnxqOeKHFbsCaJNeqEsm5LSqDVEsynRtJ7Np4mp5OdOXWGl
dDSKopzyU5kcco0FlIclklN1yYV8e/wD/AAT80dpPIUsNLXcF5VMkDeTsHGE6FKJm076gp1dFty9DhcGRJ
+UewbYW684t51w1UtZqpXIr3Wl3VvJbStuVvXa1+Wc04bM8dkJU8vVRghCRdQ2NwAy5ELcBQheR39UN
S6nFFhipbRsTXM9ffpcQopWg1BGyCTiTiYCilQSrI0wPJhhGMNadF3TIDiNoWngRhFQkARrKpBKnGGED
x3q3Sd2GVY0bza0L6V1R1DxGwxTHgIw1cPH2wNFMhUxUpVLrTcQ4Nl1W08DCkP1lXGek0oXFg8Iaald
ZRxLzyrqMBxgmZWdKleEvQpS4PKEFNlqGjcN5chNLSFrwpqOYXXq9h4QJcyEzLvpwWWtN5xCscU1pTOC
lLCGG64qUA4+5rapPi3gKDbCuey5Z1KgRfWopdTuunJBBG7zwlhoi02EqC1yz91udUrOz1n7udTwCv2mO7HKHJSVs9
EoSAtXPRcu4+K2nWVTr2QtE3Mu2rNNFFZadKmWnZTuk7yfEczyNHK2nbTZUV2KBh
Sm25DulZWOmyjm86KfLaUCD9kGHHZ62i2hAIcs2z4aQmUl7LkUNhPhHKArf26yvG/rqgrseb
V3PTz+JMveMo8dt9kilOqG2J1yxCKRrRdsyssQYQ39jxesikKtjni+6B9eDc+XRNL7MLiOqnbCZO0bPlrVYCi
El943k5YpX4vWKUgmwbXeXqkiWtdHOm7wH7NY1kgcYbc7rZiYnJ9a9QzONnKOzRXPB1ptX2iPBqQtgp
1CG0FN3DoqGFMNmEA2nJMaRArpWRo3R9tOZ66xo3LTm7SstslvmvD8xzZZwFAXKUV1GEyK2XbHTql
EipIYSrZhkFVMLF1pSdpGwDPCFKl1uWfMEXvBVSlZ4pypnlFXWVOTLpGknk+FWtOe3WRXLCgh6akn
GX2FOEqcZXXds2UrnSAVsnSfs3ELKFJGzHbwrCnUpTajihdaTOVPNz8qnRUevzQtcy88Zi7TwysfJGynAQ
U3KAY0IwVCkoW4EEiqQrVV2RV+vN2DRtDSKMtcAnIeuFkK1UYqB66ZQcE1GI3xzWXUhtCVXnFN4K
fPzjtp5oK1qUVE4qVBqYQ6lLalNmoCk3k16jCnXXVOuqNS5NS5vjDHkbl20NysshIBaawDhHjK+UeViCEuOft
fHQNw3RUmteRDmjbduGt1YqlXXF5xRWLq4QNZKGiuGzEdmxjCGVUvmv8IP8lfm0j/LAJWLv2Pl
j08IofNyOM+DflV9Jh4XkHiNyuIxhyYkFv6WXTpH5Raa3E/LSoZjHbTtg0gABXHGFS6qOS1ahl3WA6tqTx
FI/2eFNLcH6O6sXq/MXt6jjBBBQ63qrSsYpPUYFPG34QiVmmUTss2aBCj0dIImJYmal2RfXLvr0b
Ka5pV0V+vhCm76ttL6surjlFaYDOG2JlsTcucEIf6SPCM+enCAJtXH9UhxtaVmVUQ0Z7MvgAJjRTM
Guy/quA7qGEm70sE8YDNpoEzLtdF2YcoplPzV5o9I4QhFkF22ZGUwGmCGplKT4jaiQXR1CNEtD7Mww5

+jTAuTCOo07PZBRLzKdMD8WSULAG/aBiMaQ3JzUkm3rabIS2ZN484lDs98JrXgMYQ7adhyFqSzmIFQiZ
QM8aUSo+mJduzUMSc+hCqy5bSHgc6EYK24bOMLdm1MolG0qo46oMaHZW/wBGvCsJmbES/ZKji5a6feb
FNupk92AdcH3VkJW2ZfbNWbQOIGVVs0x24jdCXpC0Wyl3FTaG77qRtCkUwy9WcOSqEiad1ve0uwHCbw
u1dB1UjCmuRD07LTSbLeWoUk5GWXMyQXjgu9gSdyBQQ69almX2nHD76so320n5SmekB1Qp9m1G1ML
wbQhV5Y60784In0S0lKhODs+3pH8s25f5WYBNIaMvMTbMsQnQy9ps3is0wOHxYOwY8YKZ5vmRB+Mr
pWfvpyx2GFizUrnCx4RbiF6JlnipZygvOOOPTKtWsnRpDfUSKr9A4mPDNNvI8Ytm6r/4mEF2aVfVUrbQyQ
WxnF96ll2c9rID4vzExhmhvdxNBxj3mJlmXCRdRMeGUrDM0ApXhCkutOaRoVWWtYN5UyyzikoC+7S8o
Hop3qKlYJHEw8XC3NzCgQFIqiXY8jJTh4mg64AbKlfJTSsDSIKa9tYDtpOuNpOUoinOVj52xsdePCHXmJJ
mRaUAlthomjYHE9I7zGVccaQVICWWUfGzDxustZ5nfwGPCFy0myZhSjrTj2Cj5CfFHXU9WXLp7YUppR
TeRJINJhfFX7tPXidg2wpxLSGAs1CEdFI5ClpIuoF5bijdQ0N6jshDErV1TZOkmTXwvkp2J68erLl0b7amnLo
VdVmK9/jgrfAvClRUceQKSSCMQRshtM6lIfRX30lFXXNwXjj159cGtxxut0PNm82vbgYzzhuYlHnZd9rorQ
aKEXZpnTJxN5FEOJqak129u+FzMsoTUvXEj41vy0Z9uXGAkpKwOyFDTBwVpqYgwQli/fUFKokIWg0HR
UNlTkeEIK1pdbOoUdF1B+cPbFUIbYr86ppGSgfnqvGEJtWXbnkIFEu1DM02MqBe3qUDCF2ZNC1ZcU1X
EllaOB39YMEzqQVu56LUSjLDjCkIRo2eiCRVVevrhCLXU1OMoVcS26k6cD5iumn1cIUlrwMivFpVoMoM
ynDCmOOO+G1XHJ401HH03qUzupyAhpuaQHy2MS5rLGqCaqzGHqhmTbkGu6VpvwN5SCBKXsR75TiN
ou4iES7s/aU8zcSrmzb2iZXXpC/0iNkc0sliVbLKb7pQwUKGOCb23rhL1sTTKG1EFDboUu/hkE0vK64C5ax
U2JLDWRaNoXmZhugw0TaDf9kFSnZu1J1oi5OTzhWtCfmggpT/AFjCbx04YVUrqVKe362XAdcKYs3ns/Ny
pPgWwhCGMqqeeySMtuyDaVpKbnJkMUHMSZaVabr0lv8ASd24DE74Y0jbElJoorm6aNtJIVgbm1Xla0JmV
mXCASrSPC6FDGtz+QxrCZtgKseTuaP3SnQpDr/BhmvpwHVAVZzCEzLqyVT0x4aaPHcn7PnMVQ4/pOlV
PSvUz/nnCJVrTWhaLw+JRrrRvr8nrMJFqvuuB8eBs+TX8bXILdxrXcPRCE8ydalxrNS0qzRlsb8NuG3GCl4Ja
VTWTUZjGlR2eeF8zLRbYopbzouMscB8o9Xmhb0kgWnPJpfnZluoQadBpo4VG81y2Q65MzC3nXem4pV4u
qpCVzF5CFCgTtXCZydmQ3K5Mycv+kzOt46sm08czuOcaBDTcrLIPxDQup6zvPFVTBKyeNdsFtD7MpqlK5
h5VEt78t8IVZulM2g606uml/7YxCOvE9UKUoqvKNanGsVUDQ9hgTFprW67U3bPbqhw02uKPQT1VJ4Zw2
hy41Ky2DEs0LrLA4D2nE74wgtpBU4K1SBW6N8JFmLE3aNNeeu6rPBoHb/aHHdTOFuLUpa1m8pSjUk8i5
m0Hly8ulN5ICauTJ+SjZ1nIeiObNgS0mlV4MNnVr8o7zxPIQ0hSykFRoMgMzDSpVxExaDiUuafxZX5qa5qy
1tmzfC3HFqcccN5SlGpUd/wD7agFIuFQr4pG0cjnzU15HmW3CGZgUcQcUq/nxg8I64vilb1PRCSlSkmhxBpA
SMsPVDdfGhbSFltKzdVcwKhuh1pPRQL3Gt0H2woVIpUeaFup6YTX/GRCXiNI4XLoKsbo6soUq+sFKCoY
xf0jlSqmcSsktZQ068lJKMFY54xMMMsNK1qaVYq5isoz7K9cPq0TRXLON3VKF4m8nbXdlCJ5DaHHLoeK
HMW1HLKKTpS6y3RSGKXWUm98kYeeJdLdEaNq8KCgw4ZRJqKUKTMB2qD0RSgFPvGLOsqQcEsifcD
bj4FXki/c1ScBhwibs1i5NoW/o9NNp0swkcHOkOyJiWTUc3TUOVqtWAzrht3RaPOibkm860lDaihKgKdKh1o
tGUtmYfRIyrd7m0orQodpgL+1Xng9yrauc2M24dG1MC9oz0q4Ur21hgIS2pUwi8pSk1IwOUSMy0zLzU3Mk
+GmU3yg0GIHRrjuixXpls2lOW9UuzU0tSnGKZaOhCU+Ywmy3JyatGU0gbpOOFxQFaZ4QJVlppAeoorCBf
FSR7PSYVYyXXpeUZly6VNKuuOUQDQq3dVIUwiTlZVDN64WElKx9qt49ph+TeKHauIq8UDTKrqmquox
NgVuSzpF0mukz6Rz9MWnOTg04stIWywcGaqNMQMT540ouyzzeCVyyQyQPs4Q6HbiubIJTq02/zhM2ltt5/n
GjBdTeCQE7BlEnLNp0zk9LtvPzT2vMLv4EXtg6qdsBwuPFaJZKgSsnPZ1CFXgCcMYnUzIJalJRcyEJN0LK
aYHhjshrFKWlgqDKUgNIw2J/owop1YOCa1BvUxiy5+WA59amkvTDgvLYuq/Z/J68+MXlqU4pWJKjUmMI
l5MmiFuJBUOlTKnZU+eJyypVKWZWReW0KDXdxzWrb6uHLatorbQ89IaLRIcFW6rJFSNuXVC3n3FOuLz
UrlakWdRlbTb7nynFKTXE8K5d7/AP/EACgQAQACAgIBAwQDAQEBAAAAAAEAESExQVFhEHGBkaG
x8CDB0eHxMP/aAAgBAQABPyEQMQgIQf8AwntI+gxrPBLEwRVH0zWBKuUwgtNJiFyFWEBKqHhHwf
Ta/eUTH1fWYmP3MZaRPETONTLmDbmBmON6lfL6LPg1KxA+fWokCdy4sX+AMegeqnpaegbgZingnv8A
xbQxAVHOI+i3upimbv1AMbQPvDECEC4QeMPSloSCObBqYVjV9HJn/iXS+EZJU844RwjlUV0S16mUfuj
b+KPpVKiSrlTP8QAknEh4y/TLdMyls6qOTBPeWV6l1/8So3+ItAqq1mVTkpB2YmHXqYBRklPMrlEPQUul
stC0KQVegcEy1jUvMtrO5U3V1E1XzLbazFHiZaSszePT4EoxU8N7ifKV9OfUxJUaQlhKlRPSvRIxlSveD0j0
BGSEJOVYrqFijJKhqoQYXK5Bh3H8IhwuZux+sxJKTibLFXfhmatYaCFSdw72E8RqtxTc25i16Q4K4l/8iFM
wbseINfmLFQu8xYZZMmeYHJ/7PKgDgx9pdX2llGrcuaIdVhcLGdgxYYZ/ySxZWVwXXULt7TLjnUzaFSkxUq/wC
5pi4Y5x8RL8k4xzKKyq3cyMSJ6jFYjFMT0JH+SLVNZfqRPETStnSW0yYzZMmeYHJ/7PKgDgx9pdX2llGrc
Tm3V1Uoao78ygpGMODjmUPj+pay/hP7l7suWWuYHcZ4qYNzuPAUDU3srxKZrB4h3ZalXZSU6MYuS7Y
1mKQX+Bl0pxYKBQ5YHO1s90lYhU055h1h08oJvIZOoWbmHAmuTmbrj4hn+JlMwKsq/BKeqz1LBV31M
DhCKOvmYBM3qvQzJYj38TJzMvj1ecfSYf4EJBLqz0ns9HdTRVdY7hl64x6SbOR6grgCEvWhftBGjztuBpy
DsuV8UiR3WtUjzWrPEsuuikN47M/ZldL4FhLC1rHbLzTtqV52Df4GUxVnUQzsuyrDMzxm8Rwa+mDZlB+0
qiKWIOF+XMUupbJS0oOhxDtPdiMLisOriIdP1jUw2VxC/sMWFtBdLiPcWvW1lQHWcR3bQHLq7Fkp8H3
QQH5h6VNqE8o4ryjyl/W2GwNWTE+BwkstG84xLKH283EU2J74i8UudVETToKU/F76rMv9Wb/wBc5V72Ix
q1vaFIL8sHupQat4XZq6uDKlZnhByywW1w4OngZQTc+CYJ7l/eYOTV1Uu84gKJ2OF3ojwfABHhZXDAGP/
gryeOHqFz6eagKhgWWynUTY3nuUrhxGIVWU50RzluJwKBW6cga9yDINFG5tC6XEuFIfhRuihGeoGXiByW
u7DPMmRZfKA5sOyKsepWeFrxG9CrbrEr4o0wvYCr07pmHwJQTXyshZccFA/QZo0vQGsYbcWaialPJCwJr
a/ciThbnFgQtoeGKQ7WoZvxbEam86nNuXrsjJgRVK22asjzBNm4TIvHiIjI2PwYHOMXTupjHWevr7aFC/p3

EfPhzQfU9FEYfTFY53MqYKg4QGBZ5h4W33VN2ZJl6wMNK6MA9BAbxhllywoThsUYt21ab37E4BNa3L
80I5leFKoqEViydH8wbRtfwVjg8K5zDhJxMZ2XBm9vvFqTWYlt446tfsDlQUkYhULPqPeY3JmUBfbD0hZd
WgWrVgewZLhB2IuAta0z7tJ1gVvcsX4gvBlYLZUIYgDaWIkn+JpTdhzEJoq51UKc+pn76FrtwwXY+8C8jKe
1aZY5MtAvJ3z4FzzxmiWAs+NR2hdAhLvZjYlXmN7kaiVaen5UQOylcFSwvhebaNhkCuNpXpKpDEHlPcA
K+F2e99IAbgLtPAv8zzV7EBxWvErBJMjkdMkwPbdJmOi8wbLtk+F6iMFFC7pgX+R5iuzki9XSDzBFRWhe
MpmGpgXSnccMQtat1D23priVcFgjZ7Y2QshWmJ2MG5n/CJvtNPHNst6L8BGu4iZ6zlp8MD8P3JdarrXuZZf
LEDG2Ccd7sZ0sRwgc5IXDsMK2PTMklgOzLqN654R5CbhV9KWAJ3k6EO3aqcF6e5n3kYBzj1MKimI6rZf
4eHmRs0G66s5NRwzxD9lOzLHC1u/JAEaGkwqNOw59Cf4sskpSkxDUPy+iNUBHnMCH4gqFgyorV2G4QE
HhUo0CNjplLTboqbg6vzNkjejaB2zrlEh+AvRu9Q7pZcwV8mFQK5jtDMrgBjI+ZfUDsSNOBG61L74NHpQ
V+1D6GOwBcxoor4hdCfOZsh4gwxUybUxm1SzDUAzEI4B0SC1j43Fym2LxDxWzpg+IOM7DjeJi/F9xG+dt
EFpadkZC70Z7mZRsxc4Nf9mkG/NIqvcjyuIoAGABQOOI7rLC8AUAlEsD2XMJT2CKDVWzElDhTJO5Bw6
9BgO88iZ3ETYthW5XArwIoWLHYk0UKOCZtYmnWuNGAaDUMZHuLhfJKKmEOQGcEomgXdG5X/AB
+H0Yeo2V+3Kgczs5jKAySniDV1Aoioc7l1lL7zNqWpa1XmUsoLxnzGjTFpubQme4LH0D3LCff3gFzdIBZx
XUCjnUva3fMJyrqXv+SzsO5+YxHiCuQDYxAY2Cl7R9R232j3ldDUsPArdSwrPLPMF+EBUO4AA2EdrTqz
lI0qOcLahbqVHTW5d0me3vBX4zi3KKibb7y7LzKLUMfuImoNzDfpM11BPGo+jXDX+Z86ptBXqLPaDH+5
hxc7ubgWV/5L9XMYG4yTZmmNca4riBEBpuYqvBHipQ/Mwtm78ynM+9LJwgQT8yl3Xv6AZz9opKzUo8Q
cbXCh20TXHNgNy+hQ9DC2A+eZxrLq4ugZ3xMwVTxqP9zXiIruy0cRKsauu5h8u1SZMndlAw+z1sf9Ydo1
OGu4hUL5XBLHK2xSx7MyhuEUwXfMvtKGIzHsS+NzH19Hykcv6jdKc77lfQlzHr1AP4h1mSelNEpjs8zrRy
Zi4VXvNZUr7K/EtuvrEC2QXn5iCzIHf1IfOvzEf6+g7Nvf4hLIPlme/wDNOofch8jh1G0i3J7mocRFPfnZGWq
9G9xlMHUAF1rHSFEV9AjMqq4/MsqTHmAZVK7OGcie7qXy1zzHYkawZmyWjfIbnXsSa4vTF/4jVQzT7p
US3s5o7kA9J0hapA4+6S14zENWa7YTu95luz4Qk1/9NNEV7Nx8dQhs5IZ1MuCWRyWpfPkh/wAOfaQ36V
TDMZdHUmaPhuWOoqiP1uGWPiCWReh0juH6/wDifsv9evKUv6m7DmiODecgOMAamm54tWNpr1VDjY
HjVtbpmW6QBzcBWwE7CKPR0oJOCLAdN5YcEbYe2LyVP13+oB+l9pR+19oHr9zxHcSA1GeV/qc+Xf8Al
CmagAmBGoyAkclPDCj4cwuVgf01PvSemeZ7nAmAEuXZ44uOrmv3uhJlL1/HQUefO6oxv1C5W/l3F6W+R
fDCgrW/Vh45plMrGo95czKExlPq+SWPp+z0FTFFgm8zBHPnLsQG8NalUc/Ep/2Wf0dw1/N1P2TxBX6+PX
+i9wcqccdzFAWL9tp8fw6oc/wgp+f/AMLwcfunM34phr+X7TqHkrcrX88tTI/QY+WhyexFDBPaqSeCUR6Rq
S11MmfQq9PLB6RDsjqZy4dMWSVhj2TFBwv0juUeY/xFH4+sRY/qw1607JTs9XUu5v8AhK5+lev2v+WdM
zDj++qvmH8OW/8ANMfe/wDwj1AX65Ugt13hhr0ba0ToIdlxpVAacmdjqw9iUW7WVP1xcxc3krKHDHkVY
c6KAvj+GrRUUf3SUq4gXKczaw3+Jc4hYqDdV6fzM5OZrqCCYOyzXoLJzqV+g1KStTP3m5+EH6fLDXoyF
gHrEO2/TqLrjJGGUS94PR1PfX+qfoLXr9kfmnQ2grv+NJVb9vSBwtVo5L15n/q/8hbVBf8Ay/hctkMBODxB6
KowvxBKdq4rK6l1t1c3hhr0/QdoUGhy9Ty784/9mpk7aqeV2c9zkfBKz16+FogpZMSuak9sFjyhfwerhPsBX5P
odHcw6ghi4I1Kf+xj4oLbJx8hGzLeqJGkTiQ9piejlaLE6ZU1mGcKlRATxKx/eGvT9v2mH2n0ifseno6n77xBV
36Hrus4k/eZ6eCj4/iOHD9ljyXU/SXnQ34gp0C59/4F+qXCi8uXog5Ru0NQ6uYGLTa5cMNehsqFacWVKoW
xtTzDag9w3Aiwxl+zdWmgErvqdnigBMaiuTrOAp+pPj1sV+YD+Zg4nfuf+Ux+Y2yiVGSX5gUrcONQlR3FX
pVkpDwmEntLKWpi9PmMx66ivQK/39w16fpu0diAzdT9j09HUz/7Yn7Dr1pUPyUfYmEQFBo6jSFrvml18sc
GNm0Ffv64vgo+iFeSViWLtjcvNL9i/wCFlySg8WikLPE2APiZCVCZ8Ro/lVe/zE+YYe4/Vnkf7vt1j5iyjtsvG5r
4ICWRGF6jVUkcKfcfrFGp0+ZlxPFMmq8SwItUy6ChxzLolg/SY8wymVEsJ5gvDTJ59PZxdNU+iYLitlZljp/3
hr0/T9oaI0XtP0PT0dQfvdQV+tj1rUnnIbv0V+fTD8cHf9xP7rp6ofBu9sS9z9547klSKTHtv+F7DNH6pyBf3LH
h9+ZY9k/aND+SDcN1yQxgVfKpUf52hkKOA/t0HbBybSN0Y+MBDSFT6j0qx14lNeZia3HfzMw4CCTjtMF
MzPfGOmCmZkWE/rM9ylQ8QAXMUxhuYvUNpd+vuGvT9d0xwmX7T9X09HU4bf8ARBX7GP40ohqv25
QiguK/E9cQO66xpH0cJcTYFVZOO3w45/g3O3/dCP8AnqO00XPClP0g16IYaU7+Ur5gCHNb3Ek07/6y+kFF
hj6w9ishJY+LjHFg4qCWV4fVupTslxDX12XhHJ7EA2n9hdH24eWOZDiaYCZVYZr4Rdt9zJ492A+xHGXn
AblUXt36a/mZIIqCkbzQ3iY4w/b0Mn2ZhQxViOx3KdQXDeLP+8Nen7bpg0Sxe0/b9PR1Ca8/1T9B6/haevY8
XL6FU8lsKWbyfR61f3Ti6wVED5PKAWwZihFuzH8D9VD8iHYhzM04PiFifm0w16ADSh20zGF+wxqHGz
CX7o2V4jVC1W6YpF0ngaT6zw56rrMWhXXkeJtj8wwMDsPoIwqaT+c5mXE1bO4E8VHtDBLz4gnk4gpW3
Cz2mMJhDfUMbli5lpLfRRM8u+PownxLx0Jte++WodQCGoTqrhPzD5wO+YP1+4a9P0XTLI+NU/XdHo6g2
d/0Sl/rX8OHYq/rcPmASwyeZ5Af7PU/tIlb0hpUR5Y52wqyIYNfyfwW24t15Qw0O8XPMeQn1MfRhr1qVKIh
LZP2mFNesrSMIGpa3f8AkrqQwCJ7HELcH4nCwiXlz3LjUa9e0/8ARCvzHTSnNbmajbLkWu5lqLj0OOVRV
Mx4GLW9S5ek/BKWW5c6hcsczNd+mbzKfs8w16fqOp9tEeqp+i6PR1Lf0dQ1+/j+Gx9h8X/kviXMrVUE5yo/
b6s/oYgX4Tq3XiNQHN9H8Ean/ol6nx5mtKURZAe54Ya/kwug88Dt362VIXIOsmZ15fENwLYOoV8nGp0ET
A3n8sa1wAmLhp5JsnJ8EsavHEepZFmDUN/Ep16XHiXHhoYCO5nf1giFt3HsjqVkoD8yl4g1XUP5igW2j266
a+kxunzi3k/lGUatmLISnRMFBPODIbxCKuNZCme3N5yitjd64vmKbhbdTFW6n5Y8uySgo3NKDywVcDelJS
VOwNVXUBQIa5RGiB0XHg3RABqGyYqAHQQ17MwsQI4fNIUWmd3m88vlssOXMDYu7mCbmDVA8Pe
LzW4P/eiin3kJW+9ja5O8Bf34WNT5wz1SqWlbbMp94pF0Pceb33CT6+UUpefLE+Juqy5KVuUKr7RvwtXhl2
rZ7xBf1gv6wayk4nJYBmo+JaQ9McEVXdEseY/S+gh4HzLdRYilcMSKHptbrmYYIYLa7gQLfOsy5TkmAvD
OWd6Um5ZUAGrrmZX6GOi7OlAzKlR7BgEBebphaOnJ8RdGhrw8wEXKh0/2UnCxIGO5sxDw8nhGoO3H

Uwt7U1DzOhfYJ2Tx7Tg5uI/oOZg349SuskIIGC6uO+CiEuXJGg6zdzAPE3qv+oOwK5xEQsKvKrzEb/a9p753
/wAZjeT9dS9fv+04l/XqaCRNr2a9pYjjpidMnfcB3zhFb1RiE2Ea1XCtywFEW9v79BRlHMbDqbYnXmuHiYiL
P7UFfwoyBm4hj1Wf1NnU2lfdHHEs8yj+ElkK4WFWF+fTsmBXMUMUwcwLVmXwhG1ROYdRX0jXGW
Mx8pcTb6INIVVLXtM0WRIHt3Atm8KmNxW6lE3A+UtgfNXDY6YZguGsBVVGNgVuyDTd3mAdsGY1kr
1zKS7Zg9q6ZaUjdWIo+eSwSP2DE4ILnxHnC7HjxHBzfUfyNVLBUcA/yMTTHHZJWJEyMqLtUN7IUHtljG
8XmXYilFpJe8ValPkgvj5lq3A5/EX+pwMXiYccEcJsx/yYjmFVd/WfWnSHYz6okv3HF/CRMAm5ZxaAfpfef
sX9wf7X3n6vfeHlT9O4Ny/79wnUeoogt8QaaJGdptMUumun2SeAP13A0f3fMxG7NOweCyMadW/t9o/7qhzw
xDAD/TuYFh/TcaJJHyd+0b4DEBa4q8Y9pat5cYD+5wnf6bjwjo1gWsUhJczqzqb4wyl1xEYGGDeOWZ6wSz
1Oj+e4TLjyaI9iMeIxXlsNFY+8Zcvlj2h5gIEqJA7mNstKv5Ct0D7sZ4v25gOv9uZRv1PeIBE0cHJ8xlgzDG7JD
g5lLg/37i2/1feeN/rzNeTpNhozzDAoSzUciZo+Y7EuJNy63xP3H+5t5f33FP3fvHC61QsCsFmcEpDuI6inm+An
iNKh7lIygG6P8n3j47Z/dl0/THfmjf3sVQWQTTZLILx1Fx6YpVB9LBAPS1fV/NVMNwdEQSxQuA/2vceo3Q
srgVCteQiVj8zwT1XcH/lNIGuudy+jBXY6HxT1Ym+kP+vwx8b2X/wWhND75ikQxvk9bX1+bNot2ll61/QfVf
8ABjph2UuO/wBfH8AYSxgwnlQ0gmeoqzoBgpWq/h+u7JYh70i9dp7Xjk+LYdNW2F/B4YP40ruQ8syzB6OL
0C0pn6J2/wDgUpRN/tzEWj2SYuxjxv6HhPU1FF1wj9fsM8d9TagXjxiMghxRdi8KFfMoUYPQbBFGgIZbizv
GFff5YuvX/wAHOKXVct5WOrPq9V/6/LgElTETbvjfd/CDgbLDp5TUQlXUErRqfH8HUGkBPgGP5RBCgms
1n5/iq/WyTf8AtMLQfLASrxGWM/DR4PP8s4ZgWphHEt9Xg9Aj9L29XXZeCYJeIxSd8FMULzf8LFnIGYml
PECo2SjQfrk+vSG/d6vmqbnZ6pEEeMu4vjZZqjLPmj49b4loVk9vlo+st2C9x/1O/wCFiIaAPDFbexpM9hrAZ
WhexMyC3VZNv5hwAAfV/S94+ws3I0ErQpZ6DL5bf4e23fkkqNouxM/36FcoqUoqYBYT05pfTMEeOyP6M
sEMReMfh+jnlKNN/jlDXpz/ANkg7SgMf1hf4P4XVW+SvVji7l3wMQo30GNL6EUzsJ75y31IDelRFh2rpykx6
53L9S5dfwkyX9betM4vH19CbHneRaH0lgyvBGvEo71jKFgNHix8YfQnEEdjzGw727H0dfHq58ge1gEPko0O
XK+U+gMgC1eJk7JU8HX138wBWPmIxvH9/wDC+K16QIEoD7jDLc2aX2xXsN0FTGZe8oBr1X973lSy7DZ
Wn6/4ncA7IEKLsuYi1q/i9CfKamy4bCTO+YPtXo7DOq4F/szcs14tff0VGtu8p/ZjT0F/rZIja3jsj7h9XqP118H+
cD5jMvDTodBoOAgauN+IINjoh+VGQtlellwpD0L02FPoTMCf6+eP9VhF7xYT6wWl3iA0HIu5vCl2gPtF+sz
AVPjF/TP19csaCdBr7t/Hqike/cn+vmPQxicltS/4fd/hUqVFe6/Nilm6DM5keoOv2c5iEdnf+j0lyu1uK1avzf09W
bUq5XkUMdzzN+D0KzKzuoOA0Cdg/wCx9C+0LVX9zLGKX/KH2HpU9i0dIPxB6fpOyBT1evf+89c+8g6tT
6voiMLhYsdy+PES5k+0bsTEqXGX6izOTdgD07JTTZ++u1H6qdSO72iUrfH/AKmJVs5Qy3SGL3K+frSciUt
mu/UWWhajz6jmlumeF/fxMNgDJ4lF3XeZiM6AMfz/AE3eXHGqIHN6qgRYIdt4NFQHmsv1PpRVoy94f9l9f
er8MvWIRbZZ9PXdfbAN20fj07gSDyofeIypoUlf5XHEFonxFa/3Jp6Y/sZIFP8AY9Qcq3usflMzxMrM2OoOG
OY69T6XCrGRa6h8qSorODRfcXfPoPB9+FZ9CXNZ0/ZzBeV66nuDMFRQae4nOcDxEYB/yqH3lRgKhsz86
fX9SC0dterYl7ibH0uN1QJ2PoagI4R5g5/Pdevpr4iAqgYrmA4uv4I25oybbpfaLdgrOCbHaiNK1AfM6+0c+oA5
KFZ6O7G+f/SpZG5F7bb9VJLWK/nDMrZo9M3EnvqCnzV9h/BZHAS+W36e0+0PQcESfqQWtj3X9VXrdNn
re/wBCyLa9zIlGpZsx2ymBf4gOUPdlYcGF0rDuuXT5zXomBnGbHs/eE/8AISh6Glvj10bWjNOohsVTMoJY8
Soxkvr/AGdetXGMPIMHy0RPR6dq6/V9f0xqM7GQb5L6Y+PUMdz2c8/9msFPzFVzH8GrRd+PMwgoz7k69
U6jEI8AQu9n2YQRXO/xTQly+f8Ao/aASND7vraMN5VdYwHUb6wxX6HRu5Cib+mG/tBs9Ts6fkxX3qUjqc
ehWjdv3IRqmV5/Rvf11xtPak9xhEnXMfF/YZ4Wc03zMcjl3AgdoILX0LMnctfeZY+sM3NhN5jdTMvbZMu2j
HqeJUa5d1Rr0kAgkcGXZYX6uJ8PQdiTU3PtvCFzVUz5APdSYXJN/wBjNeA9cQFFHPD9XCr3deqf6/UaRX
/U+ynqbQCkeSIhp2uXX+fEr5v4SqbV1XoElupVVH+M3u98MH2Dqgf7hFii87/iq7q59Fb/AChUsJZ9fU+2RK
jjLUq3Xoml3+RCSYtJm+1j3pf39e5fi8n2U8O/qQ9F+g4lGfXnCy32PgsPWgfrAOlYSKCa37af2T7rIXgyPiD5
qvbM0EYZ90vEMPQ7/wDlu6kmLgGDA/7fu/g9kGGMlj3/AIeWL/fxCBfLIbil37YJfrkcx+a/x/uP4q/zYytQcO
MI3Y/N/B1E++vB9YdDUvlZRXdv39Vcq8wOVXxPB3pij3+bMLDrgndn06x9k9bFNI9gPymDf2EPT9mcQ2
GEbB5+AHsFHxef5Ov0MzhZkjR9A36MP+C1OyU7JTsl36kZlS0kHlaIAre4QHsOHgy5TuAOLRnv+5EVkZi
vL3Lx36wWuv64dIyXUD6x979QsFA7I5shW+gw/m+gC/ojEv4C/wCBqIxP99icrcJBWjfqVbz+GHZCB16Xi
QfdMYtT8QMJxV8leqhNfLpX9TTQfhw9P1fZKIhIy+yG/wA0kGoaCy+/wvYeIFj8OHY8+txyqRKa0s2XT9I
YGH0Lam/4lrPR0ASOxgz/AGo//RMX96OJGkGQp8errbLppE7JQ/mi8wevO3DLYe2DXj/gEX7LMWkyLNY
DqHpCYeUDfhzMYXcSsikqshXDKKySjc/OSq5JSuDL441gejQahJN744cch9EsvEVmGW/2prqVeDPG0enA6
bLt8Ocqngg6lzdWRoXQUjFVqy3CfZVy+OZ83DyDowRN05FDCw4CZ3Rw8RJhO6PZLXG7jUcMXFVui5f
BDEgNQO4oBiLmmQKIPWev7/AjeZWrvBENW5Y2F2+fW+2KcyBr9B9oyLXkR9QgugpvZ1iP3jK5W9R5
XcSyYf4DUP4dspFqFuZku/Wz9QyVJYniK1/ViJ9qcRa6FlX4uMtDvCaSZQRBy2Pg3/1MDEDROnB6mZCN
GwlhmGyKCZmPRFrEU5GpYLTsm6T+kbRBdS3lt7HzK2sywwRna7jVCDCViGX5w8WZc1dMUKqpeeFjU
MvnIbYfWaRSC43lcpDzXLxLKh+KWCriJ0iFAOWVEe2fh0VHtqb1GtdS4wdfeOUSjdsODz5ojtjRWrlWCea
t79oCXgIpTJll5MscEQ9kQNygewf7TX3cwDeLl/qWDFMuxqwFK8oXpTKNOuZ2h0twqZeY+4lhb4epgZbhf
k6ii1juGtdqFGJologxiAGSaXFK9VZhnipaATq4gX+Ti3GZS4BFHgmNF+SO8qW9b5NPITXZAglj+83AyKh
Rp4hDU0vTYbgwYIGQj2z7IFKL3D2EBAIaWO8LP1KVN71FlU/uV06I484WRWb4I3XEqu18KjSJ7xGlQB
Xp89yZWIYtmWlkcQzUfds95A+5gqBVwCUnRaXo8Wyq8RCUd+lbLyG6PlHzAMZZ9JPyEgoiJM3s90veA
OJ+xhVDH2UDyAnGqvcGGwS3ruCvs/4zBq1n92ADyT6b6i/S69H5vpLbjb6im+IHWrqGoazKv2bm5zMQw
wQbGheNXxmvmnmGwRClVlRPA+yDiUPc5vlFsFTCKdoA5nq00vwRQlL4Zd6XGIhNULZKSNCNZgy6z

MoIDzFVhR1Jx2hnIBJPbfcIZapi+pLMsCq94uU7rMJmqLz2hVqcCa6or5Mp9iLPiC3pFDdJB1D5gfZnS7o7G
Mtfen/KU+5sY4bMXgV7wVDSD6SrFqxmTKMt6LnCqNHTqDwrlwdQI97rFRz+swSbQ1lBXoPqg3VNlnmD
w/BOH6QZX8DE3TBYz7Z436+Zyt+ncwn+6MLcOn6xPrAGDmvTvc/9waeoNNEV7WHDwj8YZ2Q+BGFsb
9sDfI7mU0z23G6fgjYuQfWrSjA7gXMnW5UUOZdDylfwLzaznXZyLMJOLbqD4RcPKIgrdYwNORKUY4U
Zkx1aVqvAvMVOjAsnXQAZm0hDEEtiQtxYyDOHHiK6YamFpg8Qio8s9Zr7CqcZb9Gq4ABNVO+My/wlts
7RXye5KHwczOxFbshg8+jmbf0IVM95xiispWiWMa8iC4C3RmP1+gBCqQilor3yuHcIGhl0bl3J8xZwoFFIz1y
gpqLUZsoWvuE8BG4rTkDfAibtzlOJU2ekmHEsaTFPkW9n+SzdBlTLvBh67hx6wp0WFriXQyTbi38zALpXT
X/a/MHr5myqlvjUs7wJVoC3L/hHMLT2+r6LOf6mHR+f4U+X90U/Z9M86FPr6f6I0jv+QlwxpY7xH3ChCqw
K0Y/Ii/Qs20caT8WfExtlJOHrHwn4C+i5zsjbR+N+V/gv/p+0tFX1OPuJERVrK9+rAeZ7gvfef4Xo0EPDvCD21
Hsqsj2x+f8AAH1kEUmw58Tb7+je5hoKVPQTUP8AFd8/UfBRxKJ7X0et7/wZioYtFZ/evQX+tiVM4CRnKvt
+Y8SX+XeX1v7fyLy/X8QwhJ6Jr0MRJ9oy6/6xl/J/AtM+sEsWzB95sOp+EJvS+MSnxfgfzpKQCi7FjXsA3+R
CQJenyfp16DKKLE4YawfGPX0sLfaEPsH4B6ZorowqV9I+ssP4YTfsso1XU7x/5fweDg6HP9X8MX3vkr/qbx
YPA/1Ml38Tt+/8ZI5I/wDCbPf0WbrUF2/DOHaAQGtAerjNYPvNvvagEz/Tx6fquo/hYHuyfczSa9LSfkXn4PS
JUzwfwhGUXiZHPl7SvpQPyP8AK9DvzNfGH3r1wZS+Bl/cCtz/AGlC0MpnZt/G9T54KnYX3FYHhvKqfVT
GFaqyvSI2as5l6KSKkGsGqCVhPLG1ES0iqMI2/L66RH7zTr7X9WZSjvZ/mz8EFn8JIL/7qc7abH/mP4EVrt9
Y7L9MejtdJDNU56pP2irx3NhP3yopdtW8tftAeX78KpTIV10v8elsymRsJZ+J98+iC/8AVgVzS/4+/wDCuS7/A
Dy3vNxT/WNH1n63r0u3X4Ihqn4k39/x62a3h+eT+viIEKLBZ7mFIem7gerYoOjtag6cD8ejsPzWT7VAJNOT0
pEw691/jCbSln1KD+xp6h1lP0RguMPx9Ss1y/SY3eBr4R1CH0uh+T+5rq58fwKhht57+mPcQ6pA2CYD6S8Fe
omjpV8o/ETWx/lL8/wyl7/1Nc7/AMvRr95VihadpZ6bF9DA/wCkzp+8Sv8AuW+WM/L+0Gv2M/WEW3gvxP
vn0sU1gGfhj/r/AAI55JIIATB1ifs+vQQ7SHlmvz+/z6Ult9Z+3LuRX6wxg5jh7pa1tr/BDXqspWl/gf7XpuVjpK9
jB+IjOCfTDD7NcvyT7WZU9sT7I79Ee0H7JjLZPs9f1JxH7SUe8qV1cYOCryyj/wB/gQlbfnMfRfpi+hPqpPk99
/mn0XOlq+nqc9/sZR7p/Hpr9yXN5H29MXF81f52KrHU5hB9NB+c/ad/Q344DuK7/FPvn0VQXUC+TLPcChr
0C11SZBygHLFQwhv0/iiCqDyeY/mr4xM47K3BXpOX6F9DUvM3D3y/g9AFg0J4Y08sMwCwkVQa9PHMe
9Y+8DKwhMD7zud9c/BX44/t3qS86W1sqphIB/pM+ZSg79P+N/v8PPRY+A+0KWGv4cC9a0819IsDCPmc+p
vF+hnvdf16a/clLmwdLPu+gIrzLVP8t8+jY8BP6uINfuZ+nPCJzZRcXh0kSK4Y22ac+mIr+BrPo9vVP0BNHt6
VFd2FO5mqr1v6z9n16GiAHL6uAHAMsC6D7szVKF/BI1Nyoximvguj8fy1AC+wFs/MAimOzqNg2J4KX6oz
y+wQAGaH59a3IPEVr8bG4BXLBifhkQpE4RxLSKPFMv3zAICgwHXovlq9h36JViLqbfFh8wU/gKL+pr4h/E
Ytgv8Ae5xcIEAAOC3qdnP9JSrWX/Xpr9yVsUBef4RZvZXdJ+UNfrZ+i/B8WKuwjtjkHJYcNDsOmGT+B50n
4M0ei9XGry8wVICbG+DFf7uPS+DDDOl0Paw+hArCk7JcQ3w9l4+0w5gmSOXDCWjNJYMjgQS9fRD1t0y
np9TpMG+f8KjArEXOL2Qc2e/BettcyxSjCfbc+J/VsPk6Oq+HkeEJkEr4CaADhg8U5sVlUn4D/fx6DjQ2xRLh
vNeu7NbXaYfdudoK/gy8G3yAf0frLv3MvUFGmn+GWXG/8+mv3J9t+j/ZBspgeTHpdS08GvdU/uO/pblpcYd
XKtuIHW1hvvwue0uZr9vXGW72jMdHfyRuaPQ85Kvs3UBy8PYf6nsvREDIasuLT0WGk9aMPZccR79efMw
Rej7pUsVfhHCf0JF/w9cclrNeD+5/62PkZokr/p60IZK/bD81P0Hj6ofTfaC4x7Pb5bnx76scq/imBSpDPRTnqAR
Csixo8D0vP+EZYg0oX7A19vxAzALPS0BQjzY+VPzUNWFNGsfp/Ezg8E5y+yGGy/8A1+vvn9EvPoa/chr9L
BKpLSf0VD0yV+5CP7THj7EA/pDX7GfpXj1pi1xFDyr6Bn2HrSFTg9nf2I1d7/zNHt6AKsz3XDBIspb4mAIU
FB8emEts3nuClvW3l4hGMiWemWhynOcn1jcmePpRLAoWF4zKajM/rRif4evXxv0t/MqIZSgh6Ej5L9MGWp
7GT8T9Lx9Tl5QPv+8O32lSePqqBRR4YFoB/s+plq0V7ghJkD8/M3ARl36522yOW4+8ezH7bt6lqvswv7Sspl8
E/Ed/p5+uqW3T6MtHpa/cg/Q4ld0J8uT7+i4MAvkT2Z+97+iZKrX6zGwSLYfHyofMxPt620sL3v8AiYvLf9Zo
9vRLHADqHmrz5laIcULoSgs5x6XbpxLwBORXE8srZKt0qlYfb1orj/gf6jqZvUaDc8l/Km4sWPEonl2WWNk
wECXw/vmOsL+Itm0bJzCplqJcz88Qj6iO/wAwOR8kPxEV770/XH2mcuirV5mp8SoObi25wyg45rO8R3P9vm
YJXwDAmB2Q31G/PgKZbFVtdVia8/3BtY+sUxNq3sIwBq8N85ntMn7GFT/2sO+x4NZBWeH3CDKlZTbZjq
f+0j/2kK4vg2iXVeZVwAUyA6BCjWU57oXjm+JwBLKeYmvthXRKtnFTMNZx2UVAH+7BC6FEepu/Lssdr
Ef9EWtslZmYrpYLrQg2Vgd0xBdODtqMrgJmaBKbADwQy04grsU7stXkcRaZJnQBvAzilcovZBbURvzFSoQ
+BffMzBXKZFu0VwQLGNmD7RJQF46b5lB4RrbvfcG2hdqxynORXUoHwUETQgG1VG+p1vEiaIzhbUh2Y
q7a+ZaDWW4RSjgDmcRVDP4eIO7jWndNZQumb+CAKYwEts8yyWe3Mz7QDDF4iJXmYx8QyehK9DEX
G8SoPE8PnKqQmib1fFxfXn6G/wC8ww2K/AjNMIJq18+KuAA55rNNP2gSYVhxgzUG5+oOpWyfKb7ZUr+
LodSF1tPziw8/XxlyOcPpLbw0i5oKxOHEIESvo5E8fysdAUtNAcpQDlSWRZkUmy/2eBFYbMGzWGJ30w7T
bvuDpQv18qi+cEM82XbNnhPwLjv/AJPob8xjBwGKYfvHyK3Pg3Avj8nKo5CUzWKYYLZQOXGOzg/uIkC
uoq/c+JYYFQ59sFYrgZ4zFobFr3O5bE4lBqnx6tfWHGMyzrlpQ95ms3WorO4UTCkx9dia1Vkz5JiLSRj72I+b
hcINU6mEsTYvsS4+U/Mwo2vtCUmwVi6sskpH5gqbfDFKVAHFv96hJfcgTYAfqS6F/g/8Kleh7QaYdqQvr/cz
e7s/Exu8Mx9Yf1LXnPp/BlHOKJVtyOwiildVkIGCW5PMZHEgL8twxAxuCKdABVeBm7fMo4grNQ8GK3O
3Y5z3ftCy5ZOW2oHWV/EYDJtcCUH3QjZ5Vg5oFGCa2yLiGBKTxWUwToYdwi3Qg8SCG191w9u+IibG6
uqbOrI/cfSVMKcGtahFMJRgLV9AgtLd/wAZqo9xZedrK5vyjlarEP2EDA4lwHHXsxbLa6VzpVjhjlkZX0lCVo
ctXGIuiT3lAKxeI6G5FlZgC5ZqebhmurHyxSMcS6pgv9UZNlzwV/0R0uw0cDuRYDhL8pixrRXsSkDkXc5Pb
Hsf8lKXGQ8a/wDhiRXOSaxf6inQuj5cGx1+JgMsX7esRfifhhrot+IrlivVaIwvAGAfMXEuaujNwEUMLgMM
FAB1PdK/+MHl7HIm0OazJ9wDuV5qviNw5LZ98aDAUChThetgtLajLu9Q6y+ky25znl6s4+hlHDZmRsHi4lX

gnwBmtjjbRuWtDF0ggllLcljhWTxvdqAAYCFT3jsKx1KUnal5lCC0Vy8m/sfR6KynmC16PjfeZrTRipXDPju
YXhYdLHeZuhtpDljcOAuHZis3/uZcgpNbqCB0Bg1K1SBsVVK0wKbPET8z7TOuZNO+F/jHtLdTZ5Mx9jFT
VqMZRpeNJgEH1sh/kuGQ9daSlqUsC26KpKNx4fJkl8vKHii4QVLN74igbTK42wzWtkMv5BVKZOlcDqjwe
0/V2s+Zi4T9qX+I5+Ia8I/1KP1H3P6/gpMMpdl9PJWsn+h3K5RN3mpgYb3a97QzSKnzdrX/AFHd6DykGgK8
55r/AJM3C0VKTn3xEsjpQtTSYFovwwMtxwpnjjcKzayeoAyq8EHDCC7RhJTmHZTfiXLEAKuSDViCgTfX
w4/1NrLW45UXLOIjkIgrhg4jZYeojBaXtEKvRVPR/QeIqI5CuVjWPpGHodZPjSWwzXtFHFYjuTIH1lLBTF
WGUE4vuRDER4GMQyKnuW2P8JfEWvrX+QELOCEItbp3BNQ1u2LykavPBVxnXLy95n4YlALIatH/AGU
Aad7rMD1bFa1FLBvELrF+B89y21gmsGUcrXckhALJ5V1/yFO2vL3KGwAL5RdNbERIpP5fy+PtGf0bjHg/C
lsc/H9qfDD8T6A/1PYQ/Xx6nZBQoByzBOI4c9A1buAmkrM9zXY8wm4sOIfeGeFCYsjIIkZjuhgQaKAeJogL
baKw2a+mY4VNINna/esSoGG2rvdeBevMeLf6a+tLx7TjkFMa074boI1luEvU8AbeBL4AygF8hny41alEKbq4
L4ZlEbJSa+dS74CPK7JYBtQdYoJdvqqUzLFHvqQH3mwXoBr3lBjigX5MMOeXWLr2hUUSwX8YhKdquDs
Xg+YoG3YJdPYHBXhPCsDCsM4y0j/BDv0V1LvjFU+ue7Um7aDa/LKBwIiX5qqikAZSs11MCD3eCZasBW
rl/wBCriq1bMS8EVsFEU1MMPigCopBAcdoFpKXnpnAdTurxHh5/bK2QbPMAqzmOGX2NiIuBV5mYgYN
XnMsAS96IgzApMCRjeLcqH1/ivc1itX9sRiVX4kW9Nw5vP8AyYmP0MuOuP8AJYf0t6sAMBHmNGjWq29
zcHar1MXEDLGl8surF0xA1SHdF2Hb2NEVft12li/KzLJptsLwOBuniFhyjGTehtx2zLiZquAsu/fj3h49bFUCsP
L+0O1GQ4pn7QjAOBpr/MxKLGaHLf63FsJFZXweJfk0MNVfEY1ZLsOH5JbS3hhB55e1MrcXHZ7CMTdQ9
8QRTYHBZq47i4FOOcQwa06jx4cfEEKtDGYVsvlCmSGGxe46ItTWmJ4s/kiBUxfeP60uXKhZTwpVeiGYA
TXot5LjqXyzVroOxT/cMdq9DMS/FbI1Hbs20wIwMR3KYOYFJu9IywYfN9Qmrh63cwT9MiyqwLxdEapcQp
fmKm3RFm4+cccA84GWPJSeHSct/wAEXoRYfDAXVmp2EAX/AITOtMkXZOpsSk0LxUX9iXxLbaMGRj
OC8HbATln04bf0xLUYxA9x36ULsPzCFr9MNVBnK3J9O/iKk5/zP0fBLN6QSYg2iJ9g3Pd6XNlZSh90dxZ1
CRLTA0avwuYEonxct5+cc0VUvbls+Zg6A+YKDFXkS/x9ocY0IjG/fVQEhy/JW0Bp8wnJzzfS3/sraNx6qhMq
os3hsyXqlrdFXlz091LkNqKw0eYcUo15ArpOry1qopSqCUw51xA3jGC4PEBsrTljNxSZ6V3E2vbqVxFwwY
Wwl4fJv5eGcO2Wqn2/qZzAGPZC3jgAdAP34jEU5224PpKSTTnWFvzw5nMewKBjn4ccvUPmVc9s45jUlY9
5YHvPqHqXAzihPQ0OV/8Ah+MN1Xi5b04uBk4e91nDLhod48UF15MXrpXW5DicYF66fMG/bJc9DyLIIaIr
WBQmos5QecGImLwVCWcvsBbj6SOHukAW8FeS5eZxIjotyNXOhAff/kzkjFk7j8LCM1gs7acM3hY89YlNX
oX5wlL4JfWIUa0gWuD8xmQY1Dw78jE1mas4vio5C0gDv0RWZKmzwxk0CzuLn9PxvzBH5hL9fmhXVuBx
f3U06/ZNZ4/ols8vy9vTsCG6Lm9WKkClsC11eBbZcNu2FE37YsoXGEyt5i1FsXT3cK2FFECA5EbdGsy0pma
MfNd6xhtcStODbfl7oiakBu45P7I1+KFSJiarri0XY3K14vtFd4q18PDlOplxIXvCAc+UCmcsCG10wShERptfn
W4ZsHCTL/YIVEK3MOHeXzVRvCUkTq2TDdozDa1IdVOb5lrKuAUENeaj5nc2eK+SlLYVYnENSNG3AN
olQYrQKWqto7DOMkCL5DxmOQ+5it+/rUP1yeaUxfCMmxpXWIMHOc1iWMaFRpaHecbd4pl8NcGUQbP
M1GVFFmKKHAVW0xZUjmzG7y4ccQQAQwgEgGGPemU3iqukdRFworgqgJougaoeWsETxSywZsaLJqvaJ
qzrCi3Nf3KqOb7RQIZFxWQeXVbPoGIgSLdLgLaD5jMsLqQoRijfCyxkynkJH6k1+nDDh2k2bT3qJhpY4vk
GOFoZDqUBGGaH3gxbwDp7/AHmMPotvk/MoD3/MoP7XAZjisxJq9r+iX/8AefpXSuwHbRl8pK85udwFlRZ
wqmVhROvX617AFMcQ1KTUdW3BF3vmb0Tn7ghVsFacZpIHa8h9RbV0ZhxW7+s2gBvhcjEHOTmAZDNi
k0DSXLaMiDdBKU065JVlbpvKAw2FXfFEaEcKCu/N7oiuIc1nk7BOXLWJyOjy0cGx18SkQt3nEpxBYcEJm
dMTvGCInrx844fZlzZFG0DTGAogomn2WVekY/v1Yg9j91EjYdIvbQx5xv5jYYjiHGZ9nIviboyyxsmHVlZw
aEDprJ3sIQbE2K1BxXkXG0Z+UhW5dx/hFf3lo2/gUit/RCxcEMZSDO66ebeF1BK+ZqdCfFRuehuAQthDUG
Mt/QhujUpFsacyoTsp8ylE04vWCD5BWHFdx29f1Yx7f+McCWNKYEsGGdEIg0ePGcMKxQe5F52LHvBV
mCuSouspsga21SvzQcvn8+hTuMnRp4i5s/Tg9WQfhNAZ3by4rKwX+dG58YKZxqofh0pctqFrrFMlxULOcc+
TqHRRV7NKXu015YmTJBt5ObLI6HzcAq16ZPrBh6J5rG05dbxM634ufMfS6+JY69ZAs826ecQ/qMqC43zr
WWY6iUZZ228FSisLYObtvn21HSeLaKfXGDM6do4jzXnUsq0HAD2xppTZceaBo5zcRjK2Vy2D6PMMxqs
EfPC4gdFkC/JiU81Obx/yZp1X7RVWrVUq2UcxC7GqnFebMDZD17Ghgynm36TQ1rbz7S8r1jj4P4X6jXqZZ
N7nJaDcRTIQqOZuUS8VdCjsCnq5q4TS+9HWpYpMMeiNSkl24HnRzE3ASHwJd21OPgKTgsZwiTTA7pxn
HLniBF5aKUOCvJmDn0o4GZyaZXCeYoI+hV+JbEauc5trL5eKAMavgEMFKjVMrhVYrOszHXYqr2D79EX
66pxxQcCPXhr9XRaaF3jmCZRR57i/GcXi58biHFS+OMeZ2A/QEiPu5uPGYlQrMHvB6gO0VrPqNCiucy7D
OTAHU+dbVqqybx4h0msgbq+Za2Z1ZH3K3L/r/Mvl4/AhnPpcvMYj94liggNB2hq98S6Z4/4gXkYEV19QulP
UdsCuAgoMSwzDKuZt8aDYWwe1Yh11d6ugUViq+llyb5MvF218GfBFTCvbqYDjLHHvXvADsNBIPkKDS
p57lMaME26CqRjbmJiKhx+CmW7A95aHGYHXIKvVWuGK71VTrOsVta1NVQc+aH1Z+YA825JX145zEH
uxG3+nvMu+RtRl1nIkVjWTCaujNeJWSChYTwh/sesEBUV/7GsFZKvN39VmdgHag3fm7+Yqb1BnYxri5Sy
DZ1MnxN8fx49f23T0DCEKRbfN9U+9CnLHHkf9XmZl9a1n9/8AsZkm/eywXdXPebCict7KOvNSi5En8JNaF
tmo46+c/SNVVeYFDs6vmjw14ljgNtMM3h8cJoBbOv6S7hUvPGt+F7TOPCcy9Bnbl+oimLblmtt9TLPlDBq+7
SuIVZhCZtnHfRB8E0dGg2XMTCB0QFFL0qwSkwCTa1wF5jnyIZB6lqHiW1JbCg98yy8KAlCU1ujoKOrnLg
4cR3WBsUrKCNR5Fmng5cX2QxdYKscjGj9fmmakvdYmLH6PtKApCoCiqQ3n7Mr+Lz0Cj1yUh7w0fgExe+
ILdZcGnLCLcFpcP9jhV9yn5jpWMc0WBnxbjRRiUVmbNPDFAxlvBo1iGSyDkeUsu8e2NZquAYeJjlIO1VoC
6H5hFPECUXA53aJmaYtAvQXI58VFao3S3N2XbWeIIYPQOgrv/wBi5MXZ+Y4KWEVL8Qdigq4wBtd/WY
i5trIPLZdrbUzq3PdFwbWgXysix1DdNc51iPJjho8wMKqUPP8ABioGIGINRpTv/eQ5eYR6C3j8sGEYQUUh

OSMWMxF9TN4kmAMcK7tnfwtBxkN81V61L+kItozAW5G19xryKUCw6uxN83knW9KZjZpuk4txKlxugvfc
lJQ47BKG1oU4qUSw1vPbrmr+cy42Ju7jWxCpuUzlxkOI4R0YQOSsBXBWmol4T72S8gq4nLwWiFVuDb57
YFhtXiNkeDeG9TCKhWg0ZcDipf8AmBxZ3bOLqZvCOsADAAAfE+IRvPiUrUAYIBFUDlKMQHFVK/yH
Y10fb/n1i31Vu6jlNkNJw3hPph4lMshLlAsMtgXsZc6/9pnKxCfvTBxxBP16gPaRxUhZeRxDBRWAZrNDm6d
TfR32ldSisTRFo8RC7CcYJibrXByKfPmAxWgQAoZ1Rg4mI5PHeW0C+mAhh800UlWFpLcz0U1KWcn3JZ
SFAVZ07f6XCMymxWjhpmXzqq8goi57z7RF4Lko7q8xtikUTuDREZxZsxMzcAKtXvLzEWeyLQWrvcxEQt
QehV5/hcI+z9FhUxMO6ba9KNE6gLWfBkwf5PYjgxBU6CCNmH1oPiGqiXRrVPzGjZ8x0LmTcVhBS5y5IX
4pWD5JsaCIMuRG/Mub2/aady/aDzRwTDZ4gcJRK6Yupk6FJqmB08V6PqOvao55wqodFGnuFMQFm/4Xgd
UtsueEuszeYjg9IXHxxDT4BXk3eMVfaQ4M6FlHUseDR5hMuin+rHxF4Cr6CGsM6eJ094aPDPEVzdsBGU9
mtdUx1QfBTf5lDuwv3mswVKv4LWrN1caVVDX+T34hhVJZHXGJY8SsAHivDRbyZihOaJa+/niElDE1Qm
H3z7XFa9GMDJolFaL0gCvhmU1BIvUMSvVPS1FunXpfDj0f4MwEo1MD0cWZ2WF1txnEsEZJyCr+79oqnS
mzsp71BcN8PF4isnViI+IYYQMVX26mbcEmYHXmBD/YWVBl/wAuVDg13Eo6RCBT4iRVKUr1oxGM31
FKYrEpZ5lLXY10QPg5MPh4lLGkeEmqMIFVZSpdxu6KSinJzcNpuoMmuPEpDZ4PIsxn/guHTK7pvA3j2iw
KpopoPhSoHUESLpVHSuS5WrGD58mVqQoHNKNfSdsE8S+M3DUu5tI2cef+zM6K1txqCRjSbQK10Pujor5
OtT4JXtG2sheH5cfdNSrQ1ildsHvmeF7wbWqc54xLLKaGp/cJc6Bvt21t7+IW3fQss+AbjAMpmcmXuDJzMR
TaKlzSCoC3uz7qriiHm6i5jH2EIIo2+YqV0hKUj/MDYrcYYirxTFSqyVr3ibPVLIwvQ7t+8vgIvKfOe5Zje1n61
NQQO6xLvYeU5lJ5PSz6EO4t/wA1l+rDUwjzVWIlYpYg6IkIQVWW/dqbS4xyseXMwfWGdF4h6gnzZ/s07a
H8G/usrdEh4AubSG21CImjzUL/ABLdYraKaVYWdeaGf3B8H4iUme2gY+/4joTlgKDj7zhM2FCmYF8zj4Ul
HhEeLIIIQHYiYDNbzjn7Rs1rPa8S6cE3ftKiqla8w6rvhpUyWiYlNURUBasddiEbA08xaGgVyTZ+PrFoMHib
K9Z3MNithq63Z8CFNsDpiZabF+ZSwlCx72sP2yON3FqhyjSFp3Fw2DuA5ogZrUjAJPMG778RCMBw1cVy
ZHLHVPrxOSYie/pLeVbhR7QFM7YMhzHjCWrPD4Y+ZuG9FefpKSKNA2/SLfFNG41WtwIEWv3jCbB/cfJ
zLiRVqMVLEP1Iw1/J9RqzYXb7PSiCNfRhYAmrGMBd1EAKNWNR5iqOc8ygTG+Zp4urhKPjuX5HIsamM
HMmTTG4iZLeonJVu4xlIBR8ygQMLWISLZrJI8mbBnOpU7W3sTEQ/FIWqZf7wQxZY8SkyRzlDxKyCtwO
KylEU+GlPPcmlWrcEtrTN3m8+8rzXBSYMbWOwLn3uoLPvhRwx2AeUxjy9TKlK4bQoX8Ueam4cENqJoX
Do3Leau1Y4rvmFGuqgFFqvioXIYY0I9PagzVw+YEjCx5+H8RxKRGOqYt+nt6wsZlXCHiWclWKMAYKFz
IQAe5/yIuWUKWVl+O4FilFpzmVbkBqq15h3Gl6PEA3aa+8+qfiXHgP8TPdylO0/uCCH+KfzNwRv6+4hUGq
JXXgytniW18j9pnGqg9GHE0Z2hADoXD7RTWGRk023bxxGlWEvDT5RGJwuW4JzhWUC78+vMOnKIkKx
mwj4FPHMqW2H4grmpfhKmdUoBCNHuCKGNvcMX7v4wcPeNwYEbOGmpRzzWZykoQ4p5ABlLarM1V
TYBQbHgMKxCJYDTSQCMcAdkRcQu26yr5BUBjm8GqW4ORi2MWIMN78eUXklRvG+JZQpoVm5N2Nq
zjM9iQ6AB8rtVKnhv23VGwMP0dx99skuVrKBRos94iWdhrZE4xlhdqYfvgeEoydl8yit3DzZGVh4CdlxERdu4
vDAs3HeqlBnxQEVW25GDMRZ9OfquFqleHRJl8s9L2S9VCrj3goinsRd0AbTl7QS9EBLd6jUDrZQXsXZM
wBrDf3ABVy6v3i0q5n6sb7ek9u5P79B/Lp/Ez7HYfdIHOeERL4Yz86gXgfWVK7H3lhqariagh/+gYtbKaG+qD
B4dCgh2wy5PNSgwJYuUXC91fxSfwz1wNtnzFEiA4UC/M5uNDmvULvIK9kqquP6nADWKwwfHnAAV24
LctYgXIa4wUikeWIHgaIJbOxmNqwy/l1IpoaNu78Ex4QKEEtYLoHXFlOiNCV+4BUXk1ExsZVS2FBta+xFP
GSF9aPd+jMj2lF3ZwhHSNlgaurjEAeGB8cwiZj4OorfMuJFStg3j2cZpJW+OKoreDDhM162RejII0tZjXB306C
GzIjTzDAHO+EsOEYK6acAjLSjgV7C9+LmNdJi05Dt3mAMRV66LtuMaOoQNKXL5F6LwVoZj3IJoSX4ol
dUXiUimLKRhRzm9MY8GNxHKdjyCIEZQaF2p83XiszQBoyDawaBTd+h1xBVAM3TTpgZeSO1cKvBL7Q
66phNba3Y5hVAOQtctiwi7GTKQREgttFp+ZiA0Kzce2egbHMq+noKrXReMDuRbGq9glWGkxGbkB9gqZtX
ftZ5KLcZrYQPa+bZMZjg5CENgoACDUmVS3TrLbXTWQptC9ioBLM+SAy5ow7peZ/1RFErTBQROeD6k
UxgrwWXQVA8EKoXn8ll95frRfddh2MFR95zMp0BFAXghS4+gaP/mvpc1/BuK4e7G/prIZGQusbfiYEerdR6
qY4+KZQJZoizghpvcamPIYHGbCBeXpkvhtHUV5g1Vxyc5M69vR4Y4TBoZEFXolvBmOVmBh7JloNtQXC
jHsLwYvuV5w26gwALmGbpnEIwKRwQfNlLGANSl4xdKBSoEGTlMNRZvS14g4z43Vy+zTwJkaoFa97UY
VJuu2AAwS7zAzZ1KLFagbt433i00vzSUTLFfNizUp+AZwDw6l4nQPiqNks0csNuIDsTKxHFWnIa7mjye/Lk
Cojp/M2R5Tl6OHAFo2mopAFmJD9iD7OxRU+7YgPlsErzBUkvGancNiujXAlN35MAlxwGvaOJiELz3woUb
4E5h2gNrkuDkPDgy6SVCwmF8iSpUKlaGTheGL1L/8ArIJLqvAGOAlFMsPMaCAC135ZVPVMNhVDLq6P
tKtBRT6wDKwKhKZaqQ85srK0w151iYvHgTBsIXT5zDY5UoZwlmnoCqxFUPbkLmIdQzdPvFH5g6fe2K4Z
QcgNLTod16N8KXwGHwWt8TYQ2WX4h7mbdtpom2MuuUg6TWLXtZkXcablelOdsvuT0Q0pIimXRWo6A
fiGcH3xDt7ZizY/yXpX8RqGzi+N1Ll+hDXluYiyqfgfdRf1YgFd2hOSqHpHxMk8i5Il+gx4i30qXhd0ewVKXz
Nn9gyRAUJZ/WPoYJ0AgNuhUeAgGVNFbdf1KjfS8oRfI45P8iHBQdgTkHT8R9AJtm1SS9P8mb4gLCbSW
DKBxwuKHdzdcalBQRbzXOPJZeM7jDH4yzvQvNsMxg+Rb/yVfqX6CB6fL4hYq+alI1BYOLqO5DoZWnu/I
pduTR7yhRHhTqoGD7xyeKlNOcMrxiYwUQzhdrdYl2VB2qzwo48wF1W6BIXQOnkS7mhk5U6jKGlULtSM
cpsfeBdBaFWgMG1ZYXRnFGGOHtBfsTPFiMCbCiclTVSV4S+MejenPL75m5VkNsrvJd6DqAakQmmQhH
H5h8MGV6Jc9r3RbOrR7qDTDNe0tlblfPGOpcv+LKOrIk3j7JsUfEf5bTZL9c+kqrFeIuYQPxhdo7YddMBmS
LpQcfIn1mnw3niHgA+s5uAdVS4ow/RnIYZAFT4RPiKQiThxPIx1MYX5AqsNwywOSpUKu6BYmoQfg7ip
KQdlVqbEoH5pcaUzDag2XJWK1zNbKyULoLMONyxK0pPJNVRrNvU2+1n02yi2x8sGCwpw5xG8N4ErSZ
nEvxEMpP3EsCgIAlhUEvuyuqxU27TWu8meMFNEw0ygo39sUoOyie7LIC2GURnioRcqbaHXmzwyWZlrlb7

irn5L+oXuOoni2rh5PUUPkVtCOdtqATGNVQiEWIuT2/BJUTaSZRgVezJE+x6cJcU0I0tsukZuZlZ9WbyQ5P
X7KAGNBdc3DZZM4MRpw4qzQjIZHdYjH4GQbybZsKGsoJS0LFU8liNKrVcy1SuY7dBwcYm4xX1XRcy8
ADLCsrHON/eNQ2T/AMWby/bGphA80oRxvXyQjclHOMDWphjpo4mzLdlPxK1oh4mxr6Swu9Y/lERb9b4G
MC+xc8bl+nLAj26dlnSatX861tMK9rljh2h0B2rUw8g2nH/2ajKsZxEq6fL9YchyXsnL7+fRSZ8/wt4ovwT7OY
swWObLz5Z1uOHWKuGROJ5lKWrq8Iqrh/7NQ1zd2KLajq3cVTdRKFtG7Nj7QOqAWa4IQN3WiLhNLAFK
Oz8kQ2WsK6vuMV3TzMsr3EGSTUCf3JiCp6ZnlgO7fxKHs0CEEkCSTgumNfVH4ifYX4N2T4yO+oBLpUe
XXEW77oeDxKu3VksviufYjAc3t54thcr3hfPePaI78mmvgPvct2+Eh7HD6ajmYy2PIJ9HE0VikG9jNO6SO1sU
rFusYEIIHEgr2F5xxaGSi8td57hvtcOJes8bL4l+d/MGnRT3Yzi5z7HGcSw+Rm3TUxpD2Pd2lfSO0ySdsXlmX
G75GVsZ1zZNJWUFapgh6ca3OtFkpGsy4PzH13/i7b6XRjz7wEy6JXVm1UFUOulX8uX5UN52mRNNkYHd
qLcIXFRQFMRzfuZr1NhmS1hMVMYF0M00FFCVZdQPUBWnjJu291Mbuf6UabG0Z4gp9L23CONYG6NA
25xf4mSaZyPFFWXYIKqPxejIUXljSPtmaQNmwAc3eW8zLKrXgG3gAcBqBdB4AzmYukSSvO/FZJRfPNH
na++0UpcKJp0FXiEILoQxcfLwEeLL9bob8GDMsQQKECnRHY0spQuqrqIhKYpB95BcJXAc81ue4IIT2XPp
7D0I6F05OCX05vxHHT9YgLIBwGedyqIQbEzc65mVgDpLWoqdNA2ttG783LGQDoDYN3YDi0W4wGi15
XkalVGlkS6V7HKsRQU4CgKLEGs/3LdENX7qkHC4VsU5GBjTH2Yl+MlbE5TiqrOq5uDHWMxqPAh2wJp
mVApiRaV1UAZDlMEVwpudk6X4o7FTklS0ZKDzZfRE4U9iV3VMvQ3JK5wzl/zFute+4opZUVsMTFcXxB
XSqzxr/I0Y9MzRqsx2FYK+82/lv/AxEglb39AZjcHHpNq6H8N1haFUPqy3ifELzYVi/QahXuqqYK+uIqU59o6
pFb2NOF18QMJRwC6N6PGoWwOJ2VW0YPMd65cLuaBaPAvicGxu+Ua97ySaPSsdLQDoEsoFtbnysXs3lX
wO34ICYCofkCkNsY+LwNXt5XcstU4R/wBZSjqi4Huw35gheoHLsY5YplmsFARRuun3O4NQK91eWZjzD6
NZPvGs3U8lP2JFRIGfg1AqphObcCtOOYriIr/7LDcDTHuylniLN6LKK1G/aY6i/KzCisSjVF1rhxCiu6KHl+uo
DJ1K1bBWqbOZeiy7RZsKbN8yl1eg80mCVLrgnXpjmvtBYTAnTBUXI3A3A9hXJNWCJuHgx22ayAwvOnJ
u/vCnELAhtlbxPmg/7jP7hUGVu0T/ALIvL6os/gJVzFVjAZnMv2TTFsv+W/8AGjsp9SP6hPKd6tWDsmWWq
9+wjKbnDgrPUW3ORtdvB+HZLZHDt2XK3Fvti2byI3sWB5vK91KRNZQ6uamtmQ7j+u7acDoYukdao3TrF
KFF05ZiwD9Rq7Rx7Paw8M1YuGGVyXVI1brm0U2sg7PJNDtYTK1w52glkLMeHD/VJ0/72Uu7+Uj+QvO3/
kdhh1lQaaLXI95qko4V634iAYrTrXwS+ZMVlrxziWsLPs83gc/SXTaLke4Si9YH063AOCwDk8Hu/B1HintQv
06c11LhgxBB9L+uYJ5QL7e8uikZQ3w5vARaWU1hx+1b7jzCDPhiTQvY9y/8AeFR9TH1ihHtzK+y/lmZsW0r
8l7nZyLzfAbPNI0c9LUO2msQxwvgZsUsHx1MnMUu2mudr+GoWixqbh8hBJquBfj36iKW4QRmpap34blXn
mQT9s4r4MOSpAA0LHF6wF+YCPaCCZ+0JU0uv+J8HlMfibjr98o7Z7UvqD3oRIkqJ1DLECzXdUNypA9l9P
t+0Alv3lf/AC8TN65TSzzX2sRe27uXmFmBp2Ojbpt0+S7DaejWgVXuxQdU24faE2uGlTxuTsiNnpeBKFQxw
ViX4rv2l78jXkllJ/tbN8DfxCUMbR8FR+MCviQdthQBv+0NL1rYX1SNGTIGQ8a27rhJlLDhEuOE2E6kK3cu
SzULbN2l7YoiJt3ZKFmMO3MtvKFMswC+NvlP6iY/onsQNA6CBHQQxcioVV96rpGmR8WhM3lhwtZypuu
zI1EXxsoA+CzfE6gh+2rZ9WJVScJ/kyjiCrD94JJE0RVZfZfENlOAzUaKc3GQPcbeYBC4ku3YFm/wi2AUPQ
EwDWg1iXI2hPDqsrrcESS0aM1gvqxqRTVuNgXDAxUXIFhCQHVKi2eHMVU94LYG7TV1uZcbkgA2BgfI
hIzRWYaOHimEamAqjYZea+ssAhcleTWKxQb5gdH0dDySuJXGijp5OcxN1NGCtHuvxcXbHIUvz7Ru5fUX
A1gp4zDfVnEkptxF8Kl8hrRlX1uPB3S0Y+FL7WYcyl0esyg1BAKClISPBt5l0M3EAv0iV/8AKU9VVSUwX
UGtTCZBpt5N7MBq6bq252lx10hMHk46b1iISu1L3cfVAuiMAUG1rMbmMZj1d3Zcmmc6tmx3op2ZgCMUi
Z5YBxgucZlG9WrwfjDxLZ95DexnPu+YD8K2Liarca2z62XG4Cjgi9ynkJ/csB5soBU7c9R8dbgt9ccHez/sQ4Ijl
s7VSZoFArOKH3dPvFTbEK/qGwrO2Frnkd1ZX1zLDzW610CO6olHi2wXACrB2rIShlEGFUqqBlrFUsrnzV8
PfYNPxKWmdbmF9vpgz5laNWOzDGBNZbSk62v0lE6BV267FLc6MymgWZtvzkZxfHEzQjdFCzhdOkfiNG
1KwDHRtjrDggwZO3N0lZs3T7QB883YWUFrGzOCYfsNZIgWuHdFuKuTE8N4q8Ya+CANJbid+VNvGtQp
URX0jBhaXWeYkbxClExnnrMtW94xnAiilZDJ1qWsYoe910wd3KctrtTsVKPtmxeI4Wnyvc2vDKrBrzZKXiD
oLE1cXrjuzfzDFnQlaVc+0oYLjBix0S9vZ7hZDwHMYbq+JgN0lxUVhsQ2NOJ2uJf/AMNeipZEceNgmIHs+4
WDWqrghFtVXIhlIae1s5tPaEQ9sLSah8K7Py5m6B3+ZS8lLQX74iXI6DT2lI3RFQU8yzbhrW/4+rCVXANy6
v8ABbG9BdAKe35lWaLkx8QapgUG0Kbuu+0xk0rSXpoMMCdmsvDsutN28RXigboNUL6FlS2I6GyyTgccsY
jdjWTb2n1ZruHJ7QENp/1EXiUgFhlOCgK+H4jaVk2SHYG/jVQxDTtichRNG3zc/wAlzGmuTCLJwpnVwmY
B0Vdh3teumGX41seOzjjsxFTSAvdQLyYfFwWoC2aspYb6inyHL6FlXXLXU98jy10DiaIatOblnJ3l59tETaxqd
EyKL8GpSUgvyBK75Ne0vOlbGFtb4XyxzKWLkULxk04YM8OZlK4wZYcriqWGDMXq972xMOy0rwKltY
W188TTsWGxDSxi0riGpsN0F2ktyHcyxZXu2q6mkN9bizNoUPbY7SN2Kigis9LfMyWS8LYAdThntGrDfviU
SsQAVFgqU1YU8RQyx5ijBPduXKz/AAr+KrlrRXzH0RXFq4xzNOAdYYqSjzB8MdMAFpsEBYFNw/cC7fS
LOBjEuM5HGmVSFZ5WaC44yTh4Vnyctxyo5CPuQIU6Kxug79pkGPRTJSw2Y8RksbR9i/kDT7S3HF+JoUtt
eVmuriN1UXBgtrK+6y86SWYxaUed6W5i7U2jLeMPEd2EFnQVgf7J1KJCG3greGwQ5XUB6+rhUAkG8W4
543CuO7gA8gao8SsoUmrBwMyuVipK4zPJpc1xngg/oBF4ffCLVE9orB1gBA22vER1+gQptRk7L82bqJKWh
2g3lRDRopON/HwGWUwILKTDAXkuTNEK9HbyMxBAWmwbBKsCwcjNVw67bxqYlnqByoYwXZZnmCl
k6WxkVBbV3Z95S9WpJxNtHx5jEQNtfgrBVTXR8PsuuFml/YuBVXRAeE/9mMgF6jVF2WUjhIO1IWLpebb
B24qnULlzU9srB5FZCl1KHEoGo1bsOBW8PiF0EY9jGelqvDLTUAttYfoijxg2m3geQMgKLmmu51yg3FmA
Gm3vZCg3kkCna63DhQvMGXoAdvdN+4uWVbpuFP0d9Spdely5cuZkVUdEK3y6X/BYtxZcD0OFU1M8cv
mAOhrJNOptfvC2GxRlCprhYdf+4Jn1054Bp5O0bz4tBdkcujXOB0qp4CHQUD1u9EEbjnYcVQXHXfEsThDp

k/XzGZS3TBm+N0Ne8qETsfv6Cqs34Z1jHqmytTTOfgQVwFYCHWttjyXGS3XB9KBcdVPliRznCmroTL71
LplXU6RxW6DE2ZYdkGC+rJQZK+8K6jJavgXAL95Vn/HKjnvUceFTNg9uxRe4Oxu+oVzwywtimrHdqV8w
lSLmm1jOQ5gBqmZJuRM/bM20RoLfw6ZW1ajnE0Lt8wLee8Th00bofBL7Fy+47ScGxQV6MAl+HXvuZab1
gfi5lpZUL3/coFXQB9NRHk1qL/8AVQ81SAh5K8fEMLfGvhRn2yQVhKw5zkU+0x8y7lPZZ+JR1U1vfby7h1
bCkcdC0/XnErx9AXUyBddPO5kLqAVoyeEN4xG0RAocuro52bwyjZX7SIm3ohdWGImC5NWlgPvBiDqFo7
gNXtc8xZGAqzoFHvbxxDn3DtQLMllVn+pWlTkZ4dKxobF5vRXglTYGBvcN7hRQmyPobr8VcZQN8OePL
om67I2lrc3V5BXmKQbkCvGFs2eG/ESvUmP/AIbgjNsuFJnnWBHY2XptM5ZAu+ph4/WMB7WD5YYTxtd
W62HqAxRpcCuV7Z+0Al4CfpXcYsCYNkIIzaDWwZ2IKPmqFMLba9wOXtmp5zfn8woVluwi0wqzgKLNR
Zof3pHwAFCBsLDLMziW/NDg0TB3fyftaDyhMWUx6aglrYDhpzggKzCsVWhXYcOmOkc/PjOlRaqijhgDrK
oVut2Vbu1alg/l9U1QDDFDv3wvypTpIx7hw0Zg7bBhm1PFWp0gpLqLuC8xq9bYDpKCyYUD/clerODDy/m
oig8fL7afdBce0anFtWHEE2EDk0+IGvy25Rti/P3ie1KvQLBjgFhhblSAh2PYFfg8TF3y7Hss1MN2OAfklmKT
Bfotr/ZjkCnusNXCWtWGQ+koE6oIo+Kb8sAii1i9n8hAKB5Co4oyleBGJfAxzMt3V/Me3I5V6oYV/wBlPFiZe
EYV2Y94UF7WajpnJ0vxFOfL0sSvQwvvjcoPXgjqixiMLse5Cc8qFIFYtTCllxfp7sE8kz2S2Bl0L69te7zOHKgj
9GUeSnSwWxDtvRDQ96GjUfm+mEj5iZKatzB1qQuZDyTBRFHHEg8sF9xeGVXBZar50jgnVAqvBdZ9mC1
QD6Bejx/Z3KgQXaVfM93oqVX8aLyjKlVMk76HxH1hhahcDJLwBuXVH0LTGpvS01RDi8aMqKmAjKkDH
qm+i2hrGjGCBWrkoNtNh2iUOOGjOwoXs4pue3DRG8UMcB1a7iY8I8AmqXjK3dcTTIkZTiuCsXfBzGtGbK
L1AMqycRXoXnvA6XjVvxNHbFQ3DpDHIemU/wDmgguqAcHLtiyVEYIFbVqvJPeoIkQNBkVtPFN7YZcb
FC7MM49qhDHONlOcScZucdxBdi1qjWl9vcuR9Y/AeJxeDiUbCFv+pbzUwlKiAslezsVE1iKQejBxe6FnGssd
3v8A8JWhXEC9sVSn0udD5FC5fBtz1L6LXLlBaLCjUx28QtmdkgHTrbA4lugvZ3C2LeGqDmWKwcjFhGzX
WNw21MtD2DEgslRBWvoBDsANP6T83UQDQS5y6z7GFwe5AuXF+4xQJulscN0YqAQKxboW6TEeNZJ9c
BXPcSe3Kwty8f5DVzKH5D/pLuYZaLyiFnslhzixzC4ngyXfZ5Qs3VBgORTI7HyCJ0vFkZhXhK/seqqsVsq8l
DVkaCw86lHjxe/aPgrKJ1A6b+utwn9ywx5Wbo864h4pyLPIzBiw13MZ3oDq6OPwYX6peWo6xVFvsxwsBQ
CvyUrWTBwfeVBvrTbTA90YKN4I9XjQ8FZs7l0g9CMpe23n4Km+8fw4f2D4TdSeKm8CwcqQ5qN2hj3tDqr
nRKlenUvlmLSfwMc4XwUP9hZRDZvBCYXmalBpeDUVAVGrX0f98QFF3ErkMRK5K3KibrLXx3lxtflEKa
gK72IdliXYn5Sb4++RhmqombcMZvDX3nvBIY2vqR4Ld0oIO1VmkeeFzeM3QRGPeIYhngcXi5hYBWAc7B
x7ShqtEF6vvOM6hHQYz/aecE4t1ZwPCZ5gOnSUoWfaU76xB8sEzk4apf0zmBMc3igbluWlRFBi4CUzVrDn
F+I/gpAr60YfXcrj9wyiGI6JAAHiwyxr3VB5eF/qXlKh8k21D3INGKFJTrv6ylJGqR8GWKtB0Ex2bN6uLRg2
wPsinIPysxka6CLCW2kHgxo3hliY5ZUOxVRFlKF+Oa+0ah8k2n/cRIyC4qwrRvO2MTJLycVHZsuiYYuFAG
MkDVUfeKk5sRZQpXbs91gQhx+LQ02948VDRybZh3a8lx+YYjC7AFsOuKe4m43PlRRpRozbldypGY9pQ9r
yrfEurCcogoXsuE3ePNfCOzB4NmTJ50b9L6q3xycwWj8oGLGsdeZYkxNNxKGw2JyCcycBw0RYccYxULw
ma8Ox3j7wkZuwBVmnGx76i/QQpF0zvbXONRuTDaHb0DlxxDMeUvWws9ZrfDFr7dgmurhY4WpiqytAHQ
HtVLmVoOMceR03kf6lcqTT57HH3nAjDUBwJvbN8PiPnmpwLRvRf8acMZDFIVEcrbIRyPM4YV3MuczCP
i6RnSPMVyqXtk0L1HZm+Zjg0uYX230IM67fJpXbHA6voi6FqCA03wcXX4lQaUSzzjCZOyEs03WboOaUpp
1fcoxyi+BhvigGGs8ZbiwSXaYHF2Z8SipFz6h+C0hc+ZSrRyhvQxoLKH3jwXHSKwKEeWomL23/AIO29mA
5iIsB9fAtXIyglRwXn0DS31hvmAjA0p7IPVkuKmNLHi67y74yExaB+AfedsSvc55fYhcIAqg8P792H6ZVC3n
mql+o6wgq0EYu8zKdNUtvvBu1CtEOc0fxBo3S0cdg85KxHc4vg6oHtyy9psUloLDhnlBi0OH8KtZiFvXvBt+u
ISQdIscqdLnqcNGuLHsU371FVPkKYZyntfzLspyFO8ZjzWFuWY55HKr7zqmqJevTDeMaLe9JF0Qwl/ng+iD
Cdv0OQntRNy7Jx7DRsT3eCJxLALgY18pjsvPS6cZtH0iOaAaOFUVG+Ody04uHcKLoCkGsy59hwyKG843
mAgjxS2ezV8R0oHm5wW7rEej7EV1QFyFecZoifclK60sNMYK+huDdSsTWyKhrLWUqLlBV65RyDte0Ym
whLRwlgJoutBmYDIgejgtfiXu62UVdHoLO1uW1bt9Vqo4Y5XmAALbIg2prDq75YBtLF9yq6MjjCxrTasMo
Lbi3WmP6UJBLpZxhaJr5jpxHurYwKVQl1QhmoyrYVRMeXDUJHxtDCJSA81bFJNuCK2bzbn3JsvwdIGKC
62aLwOpT34WutEfSJ4zKRWiRf+MYOFxKmqZleQn39GMFbsv21Lcf3TUuQu1fQhb1C1QNtwO3EUn2CGv
gBGaRaKK3FEsKhn3TH1lG0B5KMzQYu59MzTEUh3Q2zCXY4LnhZPIFHSJcTedNLxNVeAozuO0LAXLe
qGr2cbYF59cAX3w89GJZHa6itCAnWbzBNfWBmDiHFm6lWetAgdgVbY3icNLZQMQqMBydDMPp8o6pS
Sl6b3RMQoyhTknKs44ZVFchWm83y98xIIU2QZ2eJSd2wPsr2i6Zet/7EqrZuWjCtd6DqWFxKe4WdHMbmwJ
Z86rUUeogktU8/CfYiKJYISZ3NNTekNCSzebd+1QyiZYQ7HXioXla1sbisL/XKf0zY97Sp8xrkYpbV3dFImu
O03fBtseL1A+Moyr7aH3ju84VjnN5qf3GnnaS15y3heQt5mW3qGfFoId8KZC8Lb8psOqPqxsPKHPEpikAm2F
t9y08KtuBrjelZTB2xu8cYE6ygwGA8ZjN6+Y6JYKH+z/ZoyQTX2u5Z+Rj1aDYYI+8GCAI2O+j2hFvhP2rD
YG3eo5dJwde05fP4iP4BswKUyfM5/8A3CJ2J+9fMx+Zfq+Q/wDZnQfliCXaL4fHMLldGobe2w7fErZAWCw
HZefRyRut7QJWshZlo2aiQ0DO23aNdbrNy+wUiMqgQCq7d7xUyKwumaRV6wmt+Jf9MBkvFs9Bzs5qc03A
X2ZrrbvMvYmCntuCZDDDOrlsMjh594G3N57gN1M2u7JkzTZNYxcluxo2PBgrMAnGG8Z54iZix977SnCLx
TxP/Owpmx1hYdOUgtR12ZlfR7S42qPEP7h9AKbcTlIbaJAFz/rPaoYy3aV8anKDQRZYA/uPPaEFF1z2Le7J
XmS7Fyquqo+zqGvM+RiDWYcDdxg3EggE2rWik2po8dgJslPLRu8tQEl0H5DKM0W1V1BJahCILSDfjKjhD
vVW1GSpBUxs2RorhZGwpWLt0MpAOKkGFNaFjHWWYs2lWqzV0VjD95TTnbDxg+xogDh1Q2+srqI4P6r
/AOQxd6iBxDLClUBsDfiWtpyzHziK1JDN8HvHxoa8KKRQ0121iV0UlDTQD1BHJm3HLmoz7IVRW3iFjJ+
EnDY3dZ24IP8AKpPuPuFS9edv18PqWXrWXJcda94h6t2A787fMVyR7dyTb5irXafUSrx7wV1ER8H7xWwA

Gq8WR8KqABSYo7s5feMRSqPusVfHzG8DIaj3onySq4rwqNibPsLlTtgy2uwYCMFkNFHJlcj1UGi9nBTRfhn
OAjPmjc8eFfjzAEo5AdeU/aMpUo5Z+stIDKP5wFj/AFCn8DZfNNivjuCZC2H2PGXhsUpYy0rF30VXHLOd
NMMA4NaLmnDf+xuEDIiX3IBu1BLeFtkUFuL1L7gkZarPcAz9EwtU87YMCHlBr3h+iC6OBI6Uc07MEeeJv
aCnJL9izNXc7p4JADdcBTmNkM3SMtKg040YmiWWF8al8bd+2ONKIxmJw8Lsqq7FgobL58WxvMQdpoGa
QBsXZp7j7MPI5tD3Ome462VrcDUQx+sodIMRlMV481Z8TGiGCcYtXU0MrnlmI9XbOcBwLIkuAFBtvMoo
RiPBxf0l4HvKmc5ASrOFiiCmtOeZdx9DVIFxSKuuDbANeeRWgwhK+Jz9pk6xhmafdG+UO40V8mhjbDDne
kEcgLsPTb44lost4GMtgVYOBXEb0MJ0MsjGnlXBE2GVxAODDk4XyzxQXRdwaHJ80thQBXXo89H1jXtt
HAuBz3lzGFJa1xPo+uoMfb0cTKs29hXvLRFg7tjkBXDJu2ZcIoNGOVW8XnxEwYINtUoxTnY/SOwcS1Ium
WuPxBevQPv84DkckNG+ZDeTIxWDDTcvlWNOBGwxnzjcMLNBms2WZAckRl2bwiIoVHPDjh1ErEjcsuXf
jfHPqvAqLG75+ISQLjwsQM/FFGpgJmjaZ88yZAitiekvIUwfKUH0PkmLgu1RmbM89qryyd/I8zNKIH6Tsuy9
zKG+FGvPJwxU7iwLSorV1SA4V8koLdJVx37sPO5kUMeVYR3LUbfmOZzSK4AbJzob8zVuWNH0wFbHO
faZzUh98BXBRlPoRr2uj2lunV0/SA9Rblgdu7Ewcy+iQWEKNnkIFC44mIBmShvKCV+ud6Rl3Yauvn3lVpQ
AbOsZ7y4ziUFBGQ+943iUd+b4lPPz7xSOL4ovYrzrfS2ZfJaSPbxfGS4uE63hyI5T7mLKeHj6WxnYXTcBVa
gqAF6jVYa0cj0EyT+Jy8FGGlhD8LuzWA5WxuslPGjVief+PChWIdWAXk+yGRc9ODNTO8UW8rK7TYorg
lleQczBjYC+YnC6d1Co2nuGIUapTdmlroZVBNV0O63C8Npke5EFLLxGjp+vaFUngCj7c/1UJaLL37BweCD
KCKar6xr0k4AKGTL7LlOqwyKDesDeOLcsqiMB75tVUugPeK1TN4YTYdPkZ7nAfJanF4w17Tru1pwAYOq
cc07lOkoJkNhqjH09pm7QUJGFlpK+HHOCiGycp+olWskzCStg2yqzDBbthEpoYF0vjhLVB3reIxba29vaGvA
oDTVBjO3plnkJRwOtAWy0e3Et0MXpM8VJXtsolRot8QAFtOMX7y/U5SHVeHlxrcImPnDw2NZuqMTBaA
FoLKz4y6++Xv8AI5KCiZ1VPEZie9PBGJCrJQwKoHIXSm7ouvojOU6kKpMzGMuoqB38hdawpy/SUnFC7I
zYa06bZji5Ky6FRvnHqctYSPMbWVhd5fSZ0YcF7BM/9QUk/wBY4TwMXu+EcGQDaP2fnT7gF4YhmMLj
wl7zFBd8XLllfDApQq492cArmMqcEYXa2h83V5medAvsq6jpdxllX9F4BauMjmznFNVTBn+x0K3v81kg54a
FeVXCasYNSAoiK4Au+DmDeImAUparjq7KzbRUGtDoq41rF5dWHcT4YdRdeRzKmPWz5PP/AGBRc0sz+j
yVR3DzWC6ixgadPFQCKsIt85F+U3KdMvvDzdLGKDu2ZdHt/wAlqFVzP5061CqTYLwo9qE151K0vW+tzo
557loThxVTT8M5qV0SB1BVTjvPMI5td/zRgCqKAadQQE0SzOEYBssTSvV5CWdrKruVpUL2DHJ4Zmu32
sUCg5MdUu3jgPIa7xmPEm0AUbLndGLrmL8CaZQJlS6RODxB1rM5HIKGawygKhrtUA2mzD8Sto87uzmL
gC1d7xMYM7ILovcCuQVcB+IIQiWuI2l76zkL1M51X5hSgU4fhoxN9s8PrOBb1LxK6Eo95cadu4LE64zVFo
Kx3DHcMQAaUHn/AFjgNbArZVxrtxjqYraKRao8JQ/Vg4TUsKFAOYSMUNvKJFGwuBuYMFKloEYYXtg
uO+QDFGYqGtaHxHT/ACXkNaA8yCw8VhOUKTCLybb7T3qx5P2YcmC6pzmdDKApGDdlnqjKC7dogF4
DI53AIgL5ozRWHtcEEpBNbQvP9sb3t6SjQZacbxChwxs1XNi8V25ikRir4Xp66amFwBHVAeMsWQinFKob
YteTJsyajuT9hqcAArNhMQfJshzkeVtyjaQc9VpdvMOelReSlKW7xv4iL43LhqG+7xlq9c8ZvghM8CM5AsNc
zZ9ae8XjEUx8loezEf2SAKPogli5tadcWIxpihLzQbe93yin6zR9nf0hh7eRU37mmy5ShAAsviBvzedzILVkDIU
cVKQjA0kXtqdUrR2yHYVk6Di7XOK2GJUCWaXVMbtZrIh978qtfDuqiUaNAOVIst48BOQEICq+X6Od4Jfi
lztbv6dR2+dX6yU8UGGmlRquHLEsy31bTiIIXx1nspNGyO72hw+DuWh2JQF/WvErLF5jy8QM4a4xpyrz/Uc
hWLEDyhnnN5ernP7bUu75v55qbFanI7F0OJSgcRhwF+wZ1jEfZbM1WlHwXvDUTxuQLOwrI06aj5pVXedJ
sI578PGexV01eaUouJ8AF8ZyKyfAwm/DkdbYoCYdM5Zp1Sxaza4eP9ixV5Z5BMLDZT4S4LU54gD4Jkspy
X7ensdXMTkGiCpVjLJrgloaUXLMqbxvA+0OHNoj2GBP7iy9kKt4vx6aVWYbvgCucMBKQNZZwHHIct5Y
AvC6JZ+WDuMDalcp5rw3i+CWQhyBBQEvADO4zrTgwvk7znth/a/9PSXqgDV4j9o5dYra6tms2IQXVb6FX
P1lmH01MC1mKXFmdVHjhFrThaI2Le3mBNmOZG/mqYtG6AOfSOsBQyBcUXhwzd2aBeCweyjqJcTrnAu
AwvK06UsvJ5XGfuC5QYeGPQRMNjObxBju4tFLuBoXBL/+RWbUihu7EF6qLb5Y+gs5qz60bY2aPyXnfziC
xi5WzsIpxjMtUNlGzhKtT2yQsEyiXir6DYcQUP2CSumRea9zcMXAi+SUscmjqsTE1xrdHcGrziSZcCSrHKb/
APCNN9B/9j2JU0nAtvxlUOOYl2fS/iOjOo94GLwj7zMXKAfoMxhFA0KvQIHukV7HJcdmKgurQw9yW6VI
eUBw+r9XmG+4sxu72HykCA2Foc8ucZf9icKjOkGbfbq9MJ8kBv3ZB1nVZ3BV1Ul+8WEfpmDB8FI9YLAfe
0OC1fNKplTk1lKIdoVPg04ZkeyB65ANgxgNy0KXbU5Z4/yYKXB9UoAfdbL7evB9IjLaPhq7lKJUGV7xo20t
7Dkq2yIQ52aOQl21n37iJhLf7IHs37xf4tZcoWpY4R7vGQMql4mDCwbN8JkZbpVcmdBkecS2Z1AfNC1V7D
rKGRDZPJdVAODm2IW3lThh/BUIBtuuFal2cMQ8cRZ9c3A0X5uPa05YJTboAVuM3AFWoVeQbM4uGJzk
CkpNcFlKcFPei28CPnfEHFLIzU+D64mOkoymveeTPC4KYV/7KKVurYdLNrZOJgZgRuAQmt8hr6dw2BG
XBPEqFgPmH5RtQVK2MiyZVeuq681AwmJ0MwFdTsVpY8C2+dC8pSJm6xUsmdx8isKU0N2plIEesyhbSir
ux01HC2NFqSPHDrWcyonbC4O0AigWDDiZ20zR4Fc9FLDllfXSCishmjfsSobhYms8+PLvohvZEyFaMD2E
Q1mH6TLcKMpurv0uJd3Y3Nefq1GDcrLDEyXPZWlr6i6yZS3SUfYyq8iK02i+BmXQruULzefMp1VZkdqOu
szwiVANVCuNGs+YlC20+2wd3y3E+00gYs5rndF/WUrPiolmhx5c8xWqNG8xq93zCTkXET8X9TFa9mq3+n
7CPHYA5j2vCH3OfWyP0Jm/ooJ7tHHcarAyqD5wwKw0042MD3Vhs2LznzzfeTFIzAfBTKCB7DpXsv6kzqZ
gSwPOH4gCmjwXXq4w9uSMBaCtZeXVoFODm+LlS2SqVubjYObalwHhROUt5cOIiflJR2+8VXJYFiLnAB
c3pxxtRMCnZNSWF2coLNAqvklLefNS0pZPUbTGThfOWsDUwHIluanHCrML6NvxGyLVag6rv+3Gx/vgeb
ZeMt4xyU3viXUBbxtK6ZX6QkdzufQzk8eYQfJ9IcNGM+llt+OTZxzA0El5YYebZrLUXytPsmtHu97uPSuZT
yPzEPdwXbxyhYTzDt6qpb1dyptZdykL1jWEDLZg2LMXUpe2b75A23u6qzS0CUmVywHGD5zJJhSrpXv8bi
U5Rr+oWP8AHoNS4OZfm3GGlIMC6jawadG5TGDEAI+QXfgJr6kjGVutslXbmPRVUfdTJtouUctRGzSqWe

xlhrW0wYQLF2iwiWmzVpOQ058O4kcSkXmuq4WqwZgjyMNdNsl4DR3amoMLVyKrYHO5bzL6tPoYzhPu
8Q9BdgRRx3QRYcDKnQIYXI14wxVkuxITkC4g1d+0ETYvt+wF45sgLzcQxK2cAb4YAHGZxBMi0cx8EtR
78rl31PjwGdcak6A92byvi4nMdP1LhVvoz3Dw68MAgoEc4yz0XoKTlkHgwdSvxHMN5mlmqm+yJ7K2C+b1
z4eZcQCl0cFiIF9MULj9loeQy1sPupA63Pn/AK3/AFLtulqfn3Fj9BlHTKnvfxOGRs8WqT5a8wQrUgK8Ck+0L
huHW/IXeej3mENqYgUcxNjyLAYDmyWqbr9fE1QnIx7oFbcwbySh7nf9xo+GLG1jDfXGYLdV9vKwIpbp57
mNOGsIWjY4PB5gO3qqnKHHfb4lfggZWwsD2H2TN2hRaFIIHNdXlHacAhlL9TdIdpUi+6Yb2LexUam+cV
XcZ2+Mr4TEd4HrSGbZ7LnFTFkTiJ1QMEOGNQFuJqHAGS6CxT1LiKKNgqRvLNPDnmERUGxnRcBnK+
7qM8LXTLQ3VTb7j9PFCXfOBek+ktNQoS1FqlsfZ2lgcW54BYSnQMLCEllBvQANpa7dIQGsMI+bqPVYw
en17otZQljcvNRzg1h286y1Uq85nHwos4cAWf7zcRq0yOstXKyHuLxf2OFJiA5oGOjgYJjESVffCrgUcll74jPu
uCRSVVKOUDP16m5VnLmi/wAM17zVm0qP8xPnXRAVofN3dywsw2kHWfMv/s8y7ipv+jjejPhUQDzBGy
hCuANG7RdUzZizDUwItpsBbk+YqDJ9VUBfV9IKh8W1dH/YzSpxwEegASPz7RS0rdS3EtFjjAyXOncGDPx
WVZ+CBg3opTP+sB0X4gBLzrysuYWnOJiPlY94RIDnzsteAlZ+YvOLjLapr8QSAN1QcaSqNFtp1WEryAM
CxkKXgE9ocFQDh+DfygtnUhZeeBrr7RHSFG1t3X7uWIsJI24Yyf1L1Vwf2BBhBzql3nV6d8x+hXRsJ76uaQ
7VMU85MV4qboUePNtfFe0z22g3wHgrP+ROTdLM7BXwNzIJyEFKsgDn38QegBbArLcXDggAY6Zdf2kuI
H19+sHF8m8YlDQkhscGif6uFOlhROxRc9kDNjrF4m2bw4rEPdsC3ApSWbyns8X25tmX8s2V3KMi6ecrFvO
yJUwQeZQ5rs9AuvDKDauws7jfqwaiu/qTfVIdWhddVDJhYjgIihl6OGMAVgQlgsyOVwHDMOH1pAobLkU
GdS9awErsZ3Z4C40igCrSu7pwBjdRUPOQ+BYt/AFb0xHKNgkbKW15ZFJut/Rmmy13lfGIVvUthFPTO3Xm
aS3SPCVhnU2lNLAhCrcl2AthJb0kxnAiYjkqqi4i0GSFKrsK3lGoXqsEaXCHQUFEoraDSpIyl05dHFAhN9XF
xuVYFoqFeCVepmBoSYzeOaiKosTZ0RbVwCFyeIWNFRSR3hV3Z2OTbR8wKQELPat4MOWpoGencPWG
o6oOBH5X/wBWFGS3g1+P4lIK4pF5FpIrAzHDDq3Q5AX8gZdl1UpV48vTCCQCA2xhW2Xl31LLJoL2Xm
Zu+Yy6okAVzFg1eI8J4m7tri4SZO9zACVMlXBrJjjdcxgBOH5WTJ9XvLmwWyE6XL6XH5Y1r7VqJp87jsU
2sLQhduj3aLgEgYN8ziyzDUCUAwtWQVWXLnMf50YXOsAf5iO6yFmvMaad6z5hV0eKYVsyxpB3FoF7Z
W1BwTFjzMV4kV5TPuhUsxGbBevhvMHycvmK4UKduMRs7sHf44i2IhMF3lwjihNlsPkd7xPE8WBi60WV
RKtVz99xkWtihfV/hlBSCBX92DLw4ldUtm4vSsuDNTY8SHTtV8U+IMvwQecpTTsZUYAGwsYmQvfZjmG
DwNo2LYvtbjNa7/8A9AbgWA1xjupaaYKGnObtS54T9XVBXF54PpHMKPeaGuvFDDwbMzDgFoVbnTUu
TjkXgBdxvQq0SzSdVNA0wZYvOTiFdB2MfpfQQLShKdgmW3gjRpWYXoFVaqro95llhC6l6SuVJVhgsnpO
0nmy8w23x1yOPBxnPMIifnztBaCDWl7mC1qlvpfEtr/xEs3RyIvgqgY3kithzGDALa7V2Y/SLJqlusXgvEplAA
t6bKlNLsHFTB222g2PRdPAWXDYBhOgLALQgIiirqslOXNsZxiVOJVrAvQhfZbmVTeCthmAxQZFVZgew
5TZqaLprtZC61Lf2U1VGnBrl4jVy00tKMBq/DA7iDx+UBnKvO5hgh0pduVZVZqjhgKMZcrquPaOAd5bN66
v0PEb8Gfpz/EszA9C4jxiCgQcVWl/uqmM7wF/Qpq3WzMrPNgp2UduZhOvYgXZV3ANkM4e7GYmynpJjY0
Ht8R1RFqczBXaDiYgFaA6LhawVg3E24V7GVYgYqoZbswABodW8VSW0Ez42GwxkbV+113AnRHWvUC
cg5GaHkhy9O2UWsvMWXh2DzqmX2xLNag4WBNAnNOczehL30fDoVacR4zKhcaq37Krj2nIJ0uUfmolSgY
6HsXXOoCsSVm65F1kwZmOXW0+Ao9OZeKkmu4GLL/uWvWBZpY0KaYC1FPzYOBtqZ2o8MaVrVblF2
K7a4xfRBbR8iXvFMLXnTvGKS64zFPkKB8RUryHsQB8CxyMeCrUUKhFL+VlaWroF5iJMBAlLov2HklH
D0f4GH7C+Zh1CAC1UC4ytEHZei0W4NkHjW5haFWUFtlRZBvd1kjVkkpTQlMo2VSqMnkLrIGC0WKFdw
L7DWJWExjWKbTwkuXS2EHdbRxxM7nZsBBDIXppRcXFbLoUHnu3IXWrmHWFzOAMMg4RDEa9TViO
g4/LssuYDQKgmbFvgrXPGJhxlPWBGcVd3uAspKC9sNYPPjM4qjeFQoBVMbVkpNE5p11AeahkpdC9pVc
W6x5iGubRJyBartTwSaHIKu1MH0AgdaTlw4NA5nwpFRqBrPaUmjw8DF5QjYPPL0lHFYV0l+oMtatgvc2qz
lgsjarid+BzWpWRyzTdIHLxR1BDXJ1SxfHgaeSkqwzQ+K37C26XoIPOpajeFaOewkKnMGitIG0ty+ZQCE20
9/F44garw3pjLeRyZ6RT25sfT4Sv4vYkfENxt16r/wBX0nCniDyKdRacjYciquKjEaoN91gyd7y1xmMNDXHiQ
lvTbUGewIA5Jbn2WuVoij+hVV0eU3mrqmU/9u5ixsEsU0GWiCNp2iIb+7KxpVEvqDjVeBlwIHkgOpzZ3EA
LKxoJfzD1gsOiFFyyIFwRiwyRWlh0NBhaFRySxJ4wLwr7MzHagyMW9Sn1l0HpfgwpfGrqJQoEiDOY1RKE
hwBS551M2KgAui4ozWc+I/KV8TWtuWnDWI1Ic31gKzh0txmfGRq5/jgncBN4EUTQ4ClWgsZolQhk/AHKI
1tRbSKxx2RWXLeW1vWVuFS2iN0ArWs2peJcvWDd2zVJEhX3Z6s5ji38jmWOA6pewWRhlG+JamBEzKb
PVUxZxUygG70OiWthzdwKmr0eALbq6/5ZYJoAeZqKq+EADJw8i0dN1tuZ49IZX4CtnLl1OGnBjKWvzS89
XKw/Me7li0yWgvAagqWecjgLVVXfIRkFYWopAOAWwxviYV8QuSwxOptauoOrbod1daqflApPJ1urwLBzo
qOIUf2KyOOBypXbU0sqEe2w49lQLK85bK1Fw1kziU00UFmhTfhAzGl4DV06KqaqyEBMi1uAVj7DPLCor
LYvVE/mdRICxE90+auFYtMbMdtasUrjQ5Edvm7eWoOjzXzDtm23dq6RyzWdzE/RzAqnQXSJ3gzBAtCsgG
L5FvIG2zECzpDCqyjVaLY8N5xTl5PcdWywGatVP7qMFTH+qgV3GXD3Y7ag4IE/yGwVc2AoAYAUAES2
0kVtY7gWxyLSaK36N/wGoKMjfcUqimxdLC+6iUMgWwyh0UXA4U18fVDE2BrJzZv8l8wbD8tRHZotodc9
9HEGx9jSia5dtqvLGqC4dgIQLWh4l/LTtHQl2+LfPEo7OhCw33VT4+yUbq0bk4NfDmFeHxgqx5BtuA5sq+U
VjxJzRFt6sgjqpfpyVu0UqsVGdsbASxpAfZADIjTBjfrWNpcq0JoA5ZFarxK87sZMuejMA6zaHkB2ay1FxHbx
a8hqvLUtNqIL4z8WRBGocvTFbs38itPMJSmoCeUdWjGN5lse0xoXgUfkblbUr0nG9A+DeOJ4Kfm0cxecZ8y
sKRHJlKGToFb5hAd4NOS8L7GOu6YZnWqpAj8sG81N0RLCfMm96h7KULcCb3RqyldeYmSYDlhVLV5w
+GZFEPtNdqcuGu4h0aruHXmTJm2I44AcPlK3f9DFKr1Bg73cNcCMGsFrHGC3NbLaBWaMhFFvsravMCgb
taF9MMWiG0CtRXbfBa08z2wkHF3Xtu+KxzEzYF9OF+oeTDBmc5+1Oglbw1BUwleCUnPhb7U0PjzeqYPe

Ee7MzbUl7KtuHoXiNy01AAVJwNlPDmWdFAWrIQnChy2Ru052DSJMx1r6TDmAqTQVtYYJsRotgKuvJ0P
J2gSz98iDz3iJmFk224UuhdHK8uIoM8S1NMmxpMsdJau5ZLeVi5IYZjQuzQDwX1JVWNctWcl5ebMsZOrV
F+3R8wwqduQBQG286NbzHoy/pQH6zAgLdhWr0Ge5r+IYXqvuK8TC5IZmC0DQHRiYCoBOwTB+XgYr9
e1Bs3b+C/B6MWF+Jt6sFFurauPQlJLdcSiXxfq7oyxnLsrcr3WNB4RK2vX+k2rqCjnsyiLu/r/hwrephfgzgcjkjo
NC3dTjajuFEs+2g9hXCeSVhwHWnNoicrClLXsR7jVuZstX/wBZsRVOjecxWxjZVnNZZ7KLv2KyuLKnOb2
5vl8ZlCNqUUsBRXWnMx6W0LDIIFxv3GKauN0LsZSq7qt/CPlZz8bHi4TrHbhpnIJsgWW8SuKcBxvAjShm
ye6TVSpkrrZupgUFHLB3T2zmX0jSYaUPkLXMtPL/AFC+B8jGKlLu7JRAMx3d7iuWmClXyAW24aJS1AY
qOmmqJjAcw8lUtQvVoH2ba1K4KCxdhEHsv3sYoug/8C2S6ZpiUzoNVw1Nr3cNy1AzXhXLCcr8pajuH7qzZ
C7IfaPnoagbRkH3+QmQuCMFumxpyeCN9gDZ3MDp4rLCV0wMwrULdVOnbKi3jUV4TpGNHHtY3G8mG
gjOiwlG9QeTaLE24PLfEsxerBth2lIfeBMs2GvYUXsHRBhC2+hiNXAbzuqmPCnzEbcRtADvwPVf46Mrcb5
OBdfq7LFEH1NcxaDhLnFGd67Z+cUtNDs5qqjFsJ1XcB+lVhjzjOYqXo87wMrNm104JfoXOFgOF6sSMwgK
toIEV3brca6Jcp9uYSC1KKAsunD4ckHBd+haeQW48ytfBBXRW4PIDStBB6adQBZA1vzMcWVdag19XRW
ADubuMBE0j7QuEZU3kRlZ3ajGpmjOzacGuYhtlja6hnjicJVg2+VlnExFzLG/4NsJWAFV9ZYyp161Zd4VUX
jlqcWnR9jp/PiUvINlRC66WYAAyCGmy4I2uKtswiUra3tGYyZQFMCmnw5i8iCuDTltvJMD/dvtXB7vZAyxr
WvVG5urMFb1QwylZc7UyhRPNV4DTwtSugiGNnkWq2B1BH9mjpqshxGIzLDZlu26dc3FrrIRM0M7A4a5ik
5DkikrVYOR71Ls6sXdiqw7G242tNyQEETZb1TtJSDFjxA7ybvQ9oxRgbTVF3paceGF1NVwXQLezQInxjfK
k2A2M8RCqbGIYEjIvN/HEZYTgItY6nQj8xehVMclZcoK3Lgmnw6Zmtb2ML2iq9GCNkjK9o1y7hxviaMNB
jxecTOl7QWwNlvWRria/fWNDnoW5unHUCgr/iDS8mBbpCm5Yw0tQxaObhOJiDYsBl3hPhKIZlGUjrgG2ij
wEHPnFB8GLeE+LEVgLimqyriuqDqVG0BTRHW1wOWMtBEcq7ezSwo6YL2WuwdcrErAI8GoXpjleziUbs
sCwNR8yXjnXUvZuW5VBByo8v8AMb8QRjbwGhkCVqqlwj1HM7DVWfDxpjUrnJWG1qXLT3DAMyMtv
O8Vd8lDy+JqihhdDuxGV5ECF+quJbIZUSoJ33oQXp2PdC5D5bRzoXdLpeEQhEnVXgFPBL1Afar3Gz2PKQ
ebCrvqGrQe2cgTW/I8Cp1fR8UohXuLD9BBWUNxFemUVGsvinL5XUJs5EGvowaeR9yDZHgswVd81UsTfd
KVe8FmVHkRICtP4Lg8Id8pq2scC0pWSju3UbA4SRF3K0aNWWkxgmRbTNpj/sMZUp1Vba64CKAAMpH
mrzUKN/QzaRYnrV8j8oVL9pgBmhx3sxtFOPU2iBqrmcBXhiVwG7sb2C03sV2CJSdS/j9xOR2EH01EM6jvC
zG6i1YF2CX0ey4wHYFmG/M40t5I2E9HeKzNmSV15js9/kJ7+ngK+juwyl8KWGoVTfmVIrXo0PAXwR/cM
gIC4PR0dtxxd6NJI6zj4dmRvEawD3ei75s88PeWFqaLDSEz3nesxxFAD7wLWtxUAEYFDbCC2umizuAw3M
8XZJfAJax8KSJGcFDoLYTPJZ6rFKEtC38QpXR5GksZqsLVhr094M/FipcRwSvzmRjZo6q4bvNU4jgCALI7
Q6SwwQVepTA2OrAu8czqNh4HOZPQvCw64quyFoGqVwDVFw7BCiZmBSldLcMwBFinXI5g1iixvBSWX
ng5Tkf/ADIncGVFRXUOQ3XiKBFs6PZziheg2XikM9gHTovotplgANou2lH6MCsSvwoOWK2qZreAY5CKK
ayYyVLeJJgngxyFEvehAGNupzaoyl2s7riZgvLKHUjw76Jij8uGFpye7bqLC4hfDGlUDmxcZHVyfYg90MtY3
FXbCOTE4YUovvwpQ6Ptm7MwDqh4gFG73moxzOc6oFi7q9lXLoVLba+eIzbZdD5dwcJY6SYFjd0BC5W1
Cn2gWTQ5rUOA5mZctwOlXhyzgspbtzA0ZIZS9TFKsVcaY0biaTF/3nMdzghw8El8YB27hD4xtX+ce0JjYCi
Ha/8Aj8ZCQoDpJ+R2+xiPI2rb4IMduUX1an0UltFHnmYkd+t0PDZh8MVdVkOmcnFjLaualFKFeeSZ9jnDseI
Q74RdAtyVmDfykJrV7Pgp5idTezA17HmUxBa3ceD3Jbrsf2P3NpBqrMR235ryaQYWuMO9lFA/BKlivyGzc
K9sfeLIkS2CyvEN+TM+viERGE+UxB9smwePIfMfVBoPGt5RWK/eOKmUCGDWOM3g+M1bvW2htepcb9
5gB+eAJg1rOVQ0Rp1ysnepKqwWg2ZYCHJeX5y+y6xI/m4hltG7Fi8SjSGmRsx4ta51DqqxXtWeHJZR03Gzg
rHarU7eAW1L+QaTLk3yWK8EJ1tcmqbh5TIyl05HZQ+3kR3ocXDbG1HWX4jjKlQlqYKLzWmtxJW2NHJm
RPpczPK9gEcMO9sRa3fVfeQHYKLmTrr6QArrThSYlnmzSVqtknarkwmJCbRy1LXZcc6mwxOVoVvAVkm
bCZw1RbLLFEcAbHVSuLdxVdm2gM24DOpigi+QU0lAFFC/BlRHGhE5BLfjlVK2mzniWHSkr+ke4eyBosY
csY1Y3yAbygaoIb1oUMdn5OkucJ14jYYX/wAVFzY3MENqnGAnZZThCrFhW0tOAqzi2WugpTTOswPVg6
YDQQRhwjQ64W1ajYXKqNEN2mNd9R67MFRgVa95pxzKVmAttesFPgessKXdcy6QBTGgGV9pT3mszi+P
9O1S9TqOd4LzXzD98qAxWOOeeYqnACo4cZfbTRrLGKB0e7t7qjoDEs1ipY2ymgbfQcO+Ny32C/Tkw+PrL
xA+IsEuTsvBK6oWNbfdAb1u3FlXRa6nvl3efeUruV49DthQWHxz8ejQRsKTsYirQ1xIXurKwNt3LM5Di8Uy
0698S2aR1hyMIemxua3lU57ME3TiDUl9E8jqmU78UNSw9DtngPZxyzemq6N5+KVasoi+11fkVVQdcRrbzC
VilOXvuJMAtx1W5vBg55TzaJUGM7Pwe7fNEayAxbo5rEUKKZblYMZ5mFczgJZfK6GY6G3ZqrG4CBsF3
m8wvggs1DaeKrAx7x8I7BADnrBTZ7Qr1AvaDFSLVy9lfFj3qs0NA2XOIzVR4BuBDSrFUyijx4GzQTlI7tcov
YI1FYU3ZpLPaB0/GWgiC65wnuRL632mYVtGV1miAYWipXaqzlV/gwku/uYoj7teOJeYfoXXIYOCsPCVT
FVWs+MFjeoTsiBsHt4q8UIM4ghhTpbgYMQ+K0RG2cdjZ4GbWv6SlFQV4MfMX6XZPIA8bp2TXbb7LIK3
LarLtqGapPX20s6q326I6aIzwCnA11hSoJTk1DZ1UXPNOyVLNRAoGUMEOkTMGoDvDaqn0buC9zg1Un7
ulHFX7ERhAHLrJXyiAAwMIv8AoRuzJZeeBXtjtz5TLABxZSRW4rdgymXQoSrTeI7CssM4D4IhvtnXQUA0
IHF2eZygTCtIIIUjDe8HrnzDs382vcXnF9rxC4pgu43xDptuWmFSM+xTHBbDZpEXNuN2uNkMqIzHQU6ra2
mQILK1Ms7VywVAK6xA6mSTvKmrBqDpneHARqmA4Ye29tsNzlRsMnsckSbfMzurtRbugNBLlzc1x6jK49
SjTHHVqds2XAV8DKhuBf0RbyzuPW2jsU0qV/Wty8dVYLofmV1g8BbBxGUpzaSHQluO63HNZVFp4O3C
XE/MujKd/wBwZima8nRX99SxR6BEkHZ06Mt1NTXsWVYVV4+/iPIOphNtCMGNN2h3Czh2H5ksW7rkqn
eIdFkYpRYQQtHyHMzHNDz4CsZD/UFtHhBabFhY4UNXH9TpbrQQwcVzqKkpioadoATDHAjMCcDTTm
K7XJq2D1gqhi28rBteM4uLifwMyoChWgNJGHYw1qrsHq7m7IACb8uPqmSuB3bLGli8QV+VU3po4Hjy6S

GxHTQM2DqNJWvWwp2cFMTACyON4A4r2tXhLVJzC5c7iuEj6/EMsXaAydKtg2Tmd+N3uBV3QEBrDwJ
22PK/wj6YTl7hoLOSMw7dKZAwDrAcFleZkg3kclQ4YmVrcEpo7R7AHnD5mRjukDi1adMKx7wzdLWWE
Xdg48G3dMSnQrdFhVA9yhG412LpDYHI+p2yhUzOwFrmQzOeEoRXWocKLTwPgqWoKiwvV07r53ctEYc
Knm32GBs5XprglKmcWublxClDIbDtdTUrKF/Q8VL3NWdg0242oK9l5hp3XbvFHjBj2IiDYfn6yqkrXUXA1
5xiX3gi1X79IaXyPtGzVWSyqHvbtVW23WignPO6mDcG63DyFr2vLvFXV3yYW1tYlQ1wHrhwOTxMespf
A0DgOAwQ8dT2fB8/wDxdqBhG/wsKhbSSz0PL3tgoPjzbj3wJh0qJTFLVreFxRvVnMN8S3NSN3hohpYEb5
UL8GmAsA2Wwf8AJkcIzf6fJOUwFA3j5iAG9Ue6MthDhdjo+ebg4tqtU+rr3irUmY2y05Pa/JKaKqln2BihFKU
DGqqjgZrAlYxnsyNqCqA0F48S4QgPAOK9ecFnKlzkgRZoatGawnSrjSCVnnqRn2nBbATQxg+ZdSAtZjHnro
bDLlME3siFwWng8ZjDNc+scO5WVncEjVaRwtBya2Wck7wOolGE0K5bDnSjyxrasM6y+cUiwg5fLR3crdw7
ebkweZwtLZlp3FRpCbL4X23hBm1agtRcSkNvamTYQXZQ0cKH9E0ZPCVPqmpqkCgcspacQqZ/MBkU8UA
sWALoNB+jUW7U1XFRL6xAEwYBu6VdZoxMDYurdOVYciWIiS1fTyjtqdBaWW3Mg2du44GxwCr3BZO
a8N0Av20cxlouI7eWelFTwEMqIoD79WYcYmNkErmXnA2mIqpEtK4KvzXfURexw9EAi9FsO2ptgedzJk0Fe
6aNzPEzgXXqkx7m5RIPZKsoUuDA5xvDJjmt5xZA/wAew019SILQw1K728i/R7jUzpAwFsVq02rrhDOggwC
tX2FZMgxY6aUMoes1uBaXuz8oYl6hdgteoXq2cHFW3Zew9ThmE8fhUWr9WJWg+YWJQV2twOM7UC1C
DISQA7ouqg1su3gu4FghgRiIWWbMZpzn+YSiI86PmDG7Todjz6JAcQpRzPBS2jwRV675hus816imm6dbOo
oMPZxGYlc2rK05ZyBStXF9qqVIdlY+YoVWN5hliXoASig13Ng4Wfki1z7QGNVZWGUXagxXNl5n8Qr6pk
ww5LwzTIx2HLFa8xx5vIaPYDn6+JXrYgGUBghoQ4rM2ttYXIAJ0vF3qGskrjS2FU+Oq8yo2gCUBaDv7JSg
Tydj0YoVhdXeu6AIBlQNNKVOThUTgcndBeszNeOshi5sRViGmpuyrDZJoHAwBziPToQVCW2mlDDXWo
ts3LmuW2Fq5o1iO/T1ZO+bqgU5xKI+4wgVZCuU1slJEIJjL3hGrJGnpcHtHszkCC71iq2hFIQUYYQVrhttsX
UMv0Et9MRYioVqLzU1baBSgS4iwHu8uniJgqzAlv2CmxvKZ6wk63TF+8LzJ/nOPkttZ3WdjVkWpxa4oYbo
GXhG8aG0mfBgxaNDHSu03MjgUtTVQGyzbDKwu9rigre0y4HKYQdMcF0ZbNAVMwCBlfHY5RWjQSHN
XnWqYLzz1/eJs7EqIOa0fR13D4vNYG2hR2ugrUbldTwTAbb572JcSrfJuwNgDSPVVqqiyi1tlybckEXOF128+
ksmXG42q8sWIV97MyrMHoGUnBRQxSxsUb87yzzKLgKLWC4k39KBak4M31UyH4xHTJ906C2tLKTygSy
qu17mT3N9uDx5PqcHbSzkE5rrLms/BWvQquVdStOgOZf01A5RaBpbIyKyITNVYo2pcqvP/wAHRMQM6Sc
c+M+mcXlPvj0ArYlGRhp0KwMncXCwqBaZb2e4OsGmGMVuV6bFgHVncwwK4+8Z4Xn9WLUZtFiz14gR
IcPNIV25UbphoPH/AKh5YFnJeT9I7oXAqFQ7F5LxBwyawEZwWiqnJ/kNGOxSjDKo9MrkuwvdwOhmBKr
AUMw2I0aeA3BpAQuay8a2Z8wgEy8CHEseUp8BEgu4ro4sDgjBgw9u2cj3P7mBuWTez09QSv443XyiBTkrl
UrJTqDRFW63dqbnya6CFtcMjqkYg7i//IhIYMCt4jBDxTDcftivDcagkq5s4bJy+OiBKqqSFKwPP0sQRSHgg6
FjHUTS1iLDNVgxxiC3uiJA7BwrV5zFiWmFK3d8tAXGLwVAGbU78xSVfIL2yZ74AcVDNuXaAmhRusF2
MvwilQaKBhXVyhNx0G6ZDHLVMZPEeDKMHlqFwziYKKwY4qu2GxV0gATPuQDiVXZMhaxp6rF1a87t
h8kudt3Vo1FDXPhnENt5aHG5UKWjo6+kYnJaiBlhPingRCuL8xyqszlN6ckuR6lFq61ZMbUTLd4spyHgxpwI
ibrGMFai1fMpKqyETljQfcMcjVstf+eOJfo1FVgYb5xgNDq7f43/2gAMAwEAAgADAAAAEIAJANFoBBNk
sIILC1HdPzAQLhEYAQLQJJJABBJJpisckpCUQBLNUcAUTk6UgJpctLAZIJAIAAM1p88+O2SCKe5GOGx
ZCCXowGIIhd+jYAIAIBj74jU978XSKoRdOgq7fYWTRgifCrNJYgJIJAIJBV5CoemAQ0SBJIKgP4sCkOm1
Wr5G3Z4AIKaQYRbQl7G3NTBUty1TNdKzAiIyAgLFEbtgAiIPKDYYceREUPfERL3GTL7bGTHsQSC/xIa
UJBJKSaflPv0lPy0MhvDNBsrEJ1H0eWyLLbVwMBAIRTR9uoGLjxAqSAMSP5Sn6kRARJDCUJRIVBBIIZ
CxpEjDolipvEeAe88b6YZUxBZZVwCRIJTBZbdgJkw6A8EEe1NcPoMkVoa7RABYpNITABIJASDsTaTTW
aUn2mRAAIDkv9hO/wA70TWSUATYEwECCWAAAR8DRAAkAAAUwAAQsAAAHoTSGAwaWiyU46A
AASACGADsAAAVQBqucBkAQCgegNSWWAQWcSCEQSkCgAD90ADiwOwQYD/gKcSSQ9AQiQeiiW
AXgQQCEADNQAfuwBbI8AhgQNtErAAwXi2yWSATASQACgAxQAC2wAAaQAtAKdMlTUYo0WC0Ey
AMAQYAhABUoAPVwACL8AACSDZQHWQywgU0EiAfwTAAAQDMAAVLwM/MECCI3aAC8SiyCQd
QEOCaAQwAEgCrMAYLwFvMgC7M5CQRUyiARxPUQqAGkQ8ALADEgAagQCSA8CMyLTCSU8wUiX
/SgSCKQToATQDj8AQhQAAToAIc+SJMViQau8yAG1o6DKUvWSmVCeWKEL0hIIoaLoP2UASWJogo7Y
ZbjXKF3NsPk7AFrakaVv2Q+YQCWCSQn1SOVYYLPKKiWLis+O8t/wDkoEdsCLgjNlkgglEgsFVFIleYIIE
+ABXWa4b+L5q4c9uZdtkIcpuAAAPgBoA3wHoAAAmAwIAYQAAAAEUoAApBMMLAAAPLAIAZAHo
AAAlATYA4YAhIABFAABEsCJJA0AYfABAlAS4AIKwAhIA6oDEg0AYA9JGkgwFA0A5gIGAEEpgAKs
7ACAAooRBI4EIGKUsgklFEaAljQDAYF2IAlieAcDAYYFBIEAgDi5gkIEKAqA2NgAAgG0YAAGqA3FA9
AGG0QEAAgNAkNoEEoAyHgDAcASQABUDAgsAMgnAA8AADBspsIAACFAgQAtAkAToAtZRAAxA6
wGgBcEAAltBgNogAEAgnALA7AB4AVB0AAIAbQHYGECUAFlngJEAAAAEQApA2IBIAAEAACBAoY
LQHEB9AAFzVpgAAAgCUlPAQgA8AAEAAFMAHwIoCUA48AmjoIaAAmwCI90sMZJhYQMY1Qmr4qy
IYeh31ZwnhslApy4C7JJivQXNyvIwLsG3sVFaHafw9UhvEgd0lG7GmME2SSiVCBfYBICQkMMg5MRAO9
DPkBwxJuNDa3EmGh2vYy8Bv40YEuAbi1sY6aHLoAkCTIPLgABTEW+XaBvksRUaomW893qTRakfsBAS
IBtLgAAXIDADgENAEADKAGrAQAbAgIHqMgEJAB8EAAAygH4rAAgAgAGnAB5AMAngpIaqAEM3G
AggI9AjoDArgAQAgAQt+EhAgAiIwAAUgEALEYGAAjAEtAFRYGYAkCo+0DNH4A0wfBZIYAE4Dw/U
o2A2cAFG4AFAaE44MGhDegpwAD2AQ0EwhQlqATAENAFR4GEA6C44UEFGHYq4gEUp5smYAABQJq
A47DAFAAkAnA5AEBXAA4nQ2DPIAhKAO4CEAvAIgaAKYAKAbDQA0BKA8YQocAzRsRNAyYGYFf

ApQDoC4ATA1CqHYBGAsQA4fAoIg9yAknCoDNAKAgYDQB2ArCcDiGaA6YRwRIEoESOE8MhOpm5p
JwL0XzoTiCUp5tpwBiOqynIfII2jTApEEKigr1RAAAsyGIASQVqY1EEaeQcQEVcPZS9MMor2Z+yAEgNct
oACAH8DCBKopgiQkr32cL/16Q0RKX4AAAHl+kAyS6Evgdiu9sgkAFI4iBxzOSNMPCjAAANiH4AQKk8k
dRT7iSC6EutKwmC/prJX8ZrAAA3ZaIGNSWP5a6cuBnK+SAl5KSRI2II9SqCwAFNz6IGpa3wSQgjhA+11kl
4cOMp+nPvZWejHGEIDoooNJQo2+iTTyQrpAn/UoXvV6VmCgRKUrGtLTIHu5PYI7E/EJCsEAh74FJKkV5
AklEIJJCAVVoAtDUbf+p/ICjkkAqFAgIpzBovUZOW2so9oHYT6g9al8ytAsxwAEAAEAkBEpPTT7moeUIQ
JzikuNRrIEB/dTzOhAAAgAAjdM9/sPpm8w9OF80QdL2GhhDLBq5SAAkkMgIOF+MlHMs2EgUow66Px1o
Lgz5lYBicoAIuhIms4pZzGTULpyRCUCqSOB8jxH3lAI0gIAtNNjGniYPUPWBVUZtub+28lWYYWAONM
wZgAAkAi0EHW2tUmBNbydn0u/GYaAtbbkrbcgkIAAgHiQIBJwFT7W/pKZwuNWdcakgqzQhT909sAAAA
AkEkSaJ3me+Di7EqZvIgzWCrBiEHhZlIAAAAAgkgaDyE4fGruCxk72A1Zm6202iUjQFgAAgAEAogKfYk
miLITj8Mw6WAISMAQsATDW3oAAogAEkg0yWQmnual0ODtyMsrXZ6CgAlA9XgAAAgAk9AHcfhZQB
RA90gywyvTcO71fiOhiJ1AAAAEEgDmbBugeQAMCtGyPyQhsKWc3479Lt8EAgAAgkOMNEKQm06zBmr
NE1UXK2ELutI7K0IAAgAgAADEedlm1qLpLDQhQCCp2cnUxCIEOwggAgAoEkJkvEt2kFHITcE6GuYkM
gIHoQghrBoAAAAsEkJS4ZRRXsrMhKo4T1zikv0y9pOqOnkAAAAAFOURGwLwPK7ydG/NIWnMFhob7v
BUIuVAAAEEiOVEdj3BkUGD1TgzZTCh0IKA+nLfriYgAsktQUN4yGWAAa+R+6zDtE1Y481wVo8gEgIo
AsJJCKKcMOT0sThQTJsJDGJyI0s4iW8QloAgAlkAI7Jw8JYKOGBF5y131JBYDEkBGtGTGgAgA5kDW07
4LZIDbEAgZjK3nGgwC2hA3t242D1gADIGBVsFAnmFLy4wlGlZ4F9Iw0AAvO1j27KLY6UgWHtKiXBev+
3ZAPDelmU8N4sbSPAeaEBaYAxUFJ2ioaSar4aPAtWLU8uBdJY9gQI5dkEa/luhkFBtKuqHPzrbM3xF25xDR
b87A1udSArAREKQCVyEG2AxgKYkzeQvJjZ8K9UmjyqmTygV+bGjH1ZNe6LX59SdzPUYneIVv6+6ZOtS
AoCqIGGfkkgFfsJ4sCyiniszLQnfH2QE9Zogspvm/g2qHYiU6yF1AfZpwA5OpK1lw3TZghvcqyOAKoKhuAk
pVb0KIyNUOVzeg/TlRb2YRvKToRUfNEAnBmfXApfhVqvQgKeOKYfwA6LtHsCKCfWsVgANGBfTd3e2
FthwHFQijIiFiitt4MtLcB2DpAAP0DFCEO2fA1aIfLhokziLWn5RjC5aeVO6wAA1Nfjb3Anu8+tAqMS4Lg9s/
qdXWUYCQipNggAlnBlFI2VtrYNhbgwIx1YChYYI4V153JNEQAAgTjB6Qvm4JKjNCPIZjKIOY2rc++hs6x
ZJ4QAUs0Yrz9fCuSNOLk8grGbkqP8bWplqLtwqgdAHXTp6xZkmolvZeCLl0d+mj+B5MsB1TBuNZMAUu
HpFefpmAsY3lwiEizauhxYUSbP3JlRG+Ygn2bfjHwMeMwTal47uDzlk1ZklCaBejxtNxxo0yOzNNQyABBd+
oyJI65WfmG2FIUH2vLsKkEAWm7t73YIbOWZ+yrEYFuRRUtAmhzgSjDN3AEAg2BS2qt/z7hTAxDnENkf
A0ox0s5jwIbJMAAAlh2TrmE6wy4adkso84djECIRQ3yl/8dhLAAAAACRl/uthfZoifehVOWaDw+HrA0I9BU
EoA/8QAKREBAAIBAwIGAwEBAQEAAAAAAAQARITFBUWFxEIGRobHwIMHR4fEwQP/aAAgBAwEB
PxD/AOI/86iXK8QgSpUySmV414h+JvwDfwIj4FwY/wDx1KlEZn8U8EqJKlY/OvAiyoEqVKmYSmIyvDeV
K/EngpieKSvCsf8AwVLDEcwi9pmUX4UmsfBR+B5g+BrEiR8LQIQQu5kSvAfhi50SiUeLTpElRJX5JE8FV
KgYiRr/ANSWMqLB8KlQpOkqVAN/BVk6RL0lUy3hcF+GEDGPEKSoysSpVSpRAmNJp4XUGWS5fht4p
MTHhi5ZKPBlxv8A9RKh+DHiPjcslBCpvKnSbQYuz4BlbRud/BmXiOKgzO810gY8KgRPBoxKiXHxC/Gpt
NoVMQlEqBmavCiVElfmE0ms0iy44ZcMRymXMWZeBSdouIsQDp4VFxAVcQsZWrhmOiC4he02IxLI4Lg
YGIcwVThjIGBiUxBOYxVUxjWd4nSpkXMFy3bwdlQblEshKwLItQtLN5SVccQb8L/MfBfBgTTNUWOsOk
c1TWWX4hNUTw0SnSa46QMQNS1ZlLFVFdcYTNDDYhL0jFBglENOvBeyFUNDwSUq2aG95ZEqilhDlDj
K8esQN4JU0QYImJWLgNQs1RjK/wDKoRhKHWJNCGkC8+ABglVpLZc3l3CdpUq5SV4C/AWkoqa+AAz
HMCB4HTwvw1jASmAFEAUSyY8EjGtIlFSokTwSAazEqV4VM+CfmeN+J8MwIa+BzElRPAMQ08KlZhH
xUgVLgysQceB4MIkTmJU6JlNolwIE7eF8RY8yuYvBPCo/jkl/g+L+apfjv4J4ZiceBD8E8QmkZdwYsOIIU8a8
KiolyhrK4jFIME0mCXjwWVXhXhficeLFxL58Kl+KSvBgS4w08Dx18Rh4VzKziU6Qah18auU+DpLN/Cpma
wElYxCX4VElS0SXjMDeWwYtmU3hEJmVF2gYjenhp4MfwXwuvHT/AMDxrESvAcRlTAlstlstlstFgizLZ
bE5lkfSW5lpbmKUGDOtOtOtOtOtOtGpmBuzrS3MtzLcy0tzBcxY0pLZbLZbLQe8VlxleKf+ZIVAp8bjAg3
46X/AMb1NXjvlcRW3+GjNf8A8NGFt+ZNv/AofBPwQjUJWPwvx1xEhp4BNPAYsV8H/wCI4TV474qT+Oj
Nf/w0Zr/h0Z0Z0YcMT8FBZEM1+GKpf4qnSXL/ABCLvAvPiRfAhiVtK5hx+FIH8NKDxDWPQ/HTh5ErzK8
/gaLTrQIG4s/E18CGkCM1/wABgp8dUIkTiJ4rF8D/AOgUTWkiTPj8T2fA6/gUTWJAmngx4/AIa/gcfwt0s/EsZr+TxJaOESv8LcS
3E6EZFIQ0j8BI814jMqvAj/AOAuOvjeYl+A1CM0ly5+T46+pxvwp+Iw/CvFeE+Iw/fC9o9Mq/PQl8
OEnBFvxO/gsy+NeI3Hxvwpm/ieLGBiJj8asSo+Iw/LFRreJlfCtfw0fBGa3iawFSiBMMQczw/W/JHSbibxv6x8+DE6+N+BB8CdZ1m0H
TwuGcxg+ARj18LgzT+Ix/LFRreJlfCtfw0fBGa3iawFSiBMMQczw/W/JHSbibxv6x8+DE6+N+BB8CdZ1m0H
wczSGsNZpfwAlR8Xh+OFtECsE1vHT8Ajp+Ajq+JrORQ+JrOROrCjCxPxWoxjDPiaQLjDWF6
NcSrh+AyoQZeJE4lMfHRi/DdaVNbxympUr8LDFrWV/wVCpqeIEZhNexCgEdYtFs6E6UupcxxCUOoxjDPiaQLjDWF6
zfNGDE8LhNa/E8Fj46H42q5lWTW8dPwCOn4COr4Ms3ZbeXU/dd0yXBR9WQ2mtH8NPtGVNX/wANCanisMVxIsYRzvoKxLjWN+ICAzQKj+0uEK9ZDo83wf8d8Xqw/Pa1+4p/IBWXfrRz/hCdX8Vv
fed0CiplLhnrGu8DCMWl+FZi+Fy5csT8g8Vqg8xVrAqoOJwly8eAVrBrSMCuL4Zg5lkJcDMWoN+N8SnP
SXmpjxekToS/EvxBVVRXEVCw8E8Fm0Av4An4XwxF+i4i4/iPgPgZgPD4D+BBzLzL5n9Q14bXoW
L8aohevgwlnhcYGKZTKZKTKZcyMuWr4Xwo/KlIeGxTK8SoSy0SbS0G9ZM8mQZVCBzgUhGVOYTkcKP
nEJUECHW4l2leIG9JUtnShxToToSvESoSvEEC2lQeYVidCdKGCgEdYtFs6E6UupcxxCUOoxjDPiaQLjDWF6
ADpK8SvEpLnaSaXl5eXfi+JmzSfyJXFUCRQmN3jgEMWFuDu+WA6V9yhVtlx5eR60zoKh+qBsEbfMK0=

8NX8aUYqF/HQiyguLf5DmLNEtjB8Qj/ADNYMYKfHTM0H4d5+CmJe3/hp9vwtOVjM8o/DSis1PxAKhpv4
6vBbfzLbRNU28TpLhDWa/EwuNC/E18ElhfjVGnPi6i2vFfZ28Dl+KeJAoqLxaHedZYfg0ozW8NKCmvDFU
WjwNvjqjx+AX4oVhgmv8StJfMveLf4NHiQm0scRKa8XYfwLG/HGeGr+CKMyk7oCKfgaHeXnX8dLw1fD
Shp+GtI8h4HK+OlNdeJDw0iZuOC/wA75naL4mkGPEhCGsN58bxXiNeN9naZgzX/ABrw0IsXi9xL08Fqvx0I
qavhpQYPhoxeAYXx0preJDWJmBvCZeFbS4n4Xt+K4r8HSGkbjxX/AI105l1BiLn56iP4ejLTwULx0IhNXw0
ppPgqRjtPhh49Ka38BrAt8GXiBUefC4x/IY/gKFxi3nxSvEba/FNos/zitXiJf4d+FATSeOhLtzNXw0oLf4mCvH
Qmvx1EwIGZIFtsZiL4H/gMXxIyqj28QtqGg8dUqfGhrmUQZfgPhdYhp4P8dis0njoQmr4aiDCfgaxfHXBn8N5
jomkVhzFzK8KhrAuPH/neYsXPic3NJ48Estx+CyQZ/hfidCW4l+I1n5JjoPHRmia/hqIoKa8dUdP/ABqnXwGtQ
MQGYeDNP/Q1mKvwFE0/hOSolNeNL1TV/wDAYw/hFteGk8VjFmp4aiLNf4V/Cui0/KiWqGk0eK/+hF8Rb
UxNP4QShvxI3H/w0/xs0DNJ46MZreBrEnPxOI4eIswZMFU0lzQifjhFUz4mkY/gS6ACV0hrxxvHgiKjC1tN4l
EQ6+A8UCaQIlMk6EeKHFAhVTpQ4505w5050Z0IUKCJdZ05050YAaHgphJ0Y2aShsI64iZXjxM9YeFhFbR
DtKNoxEJmrhXidSMyK1WAF6Suu0M2oYRLqOt+FnMYaeD4i2oo1japgE/DZwRVPnFU2QUHT9eEEzMwc
zvKgSvBUqV4XCKPgqLh4QVzEj4KN4BKiIwELThKxAZTNJUwQDIV3/yJYr5X+4qiMa9JZXvAGPP9H9l
7b2iVnWYMwDMiOioAEtgazDS/BWY3CLcWU0iLRCBjcxBvKDTUcwXQiDTHWis0VHjZXkwa0CY7V66
QJa738sAIzpBmLAMuXCLxFl+LB4lsTHl4cXhYBeUCtRvfwYYJmLMzCXGGkxLjQsF7QTWCuWs5R8kG
pbgoAb0KfNLPJjNGjpzzCTlg/sMqFZvtL0irQR8iEeaZwhoBlcRfgXxUtIFi6ktaoV0J5UhogjcR5hht4xDw/E8l
YzP0wlNMXH3SZMEC9YLC2Yaza/C8y5eI+CzAmrs2ZhEjZFh5xjBYstCLZlpFUNvE1CxacC9v5LhmeWOj
UJQMCE+/pBPsHLGuNvaIDMeJ0hJCBtlyGUBTclNkjcXLDEVsD8zUV4MFrAW4O7gg+ydjInNOUzX/AN2
agLrJrGc6zDTefC/cGpXoAWFpQW4LXVmUit5yobRqQ2Fleph7owgNezAvplcBz89/GA7J6QAFLMBZlJp1g
LSgywpZhDSXSYwm0A2TdJNiZoTRLps1jS9aZqmnitLCjUqgNTfK0R403STF4LTLOC4S0WZcW1K4iAwB
aNRedidHM8eaiRElmAsykydZY9EtWCFg0LLGxh0cm8wOE/QT0FimxgLMpMnWW/gAswFuUGI8GZr0zA
bJsEa0VrQYR1Q08KXkHQBaMou00J0Uzw52vBmGBaGdS6yawasta3ZcWGZ4EwK0A6sqMI69O8ct0b+zZ
Qq2Ci1ps1pnCLWFu5rqATmaYDqzWCOvSXmpvAqKHRYWNISzZyS7AnPSsllAZwJfIjKrgl30GzQ2GRa04
2Jt5NN/qvwjBhR6wZQtoRwauhZyTW7eGZX4tmv2Xd6/c+UqVKlcLB9h+QfKNzS+ByfuZ6jjkJmVKlSpUoG
EqYHpCb8j0lKlTMgPvgO9HnEamk1mve1+bCKlQbU7Ui+RzweBKpU+q4RCiwnZfhMAChR4VH9DZPv+
MqVKlTFqLua+8XeTeW0af5i9zKlSpouqHvj5mlKiB/tSLqlc68uP1p85UqEyfYyijhn0HGVCfX0hgaivj/JQxXe
8Sr9SsqVxMslteiHD3wOgho+FZ/LnlOvaw+b0Pw0LvUwPdhy0R7jT7kVNiFD9Yc8dfyGrCS1SbmzrZ8kYjl2
Hyrh0HgwCx1OSWOFh5S/UCbZ6PXU/NL4YSO/UNjzu6uYDT8MvsuEpZqDrfpvX8PoOH4P3NHwq7BP3N
Rdq7pP1LmP8N9vw+4Q9wfM0vDbh+hHYUneQPdhDYr2B7qvxVZ9hHX9aT6Dj4ffcRMlXYap5KHLAAoK
PDAR6fN+q7g5mxYlH5B4FUf8AP8lKqFfMT2eB1Jlu1nqQ9oTJkgAFPyiH3U8oRCIvXPgOdfArwJS1QKsuj
nGsZek6gpwFmbfTxW0Oipu673VeQ9Y9jX7SpMMSuHCkOXXU+OptfBze9PLx2NgE8KpXk150zcV+IvuuE
MtTH6eTz/D7jhD4fNoiIrUD3u/eLrMOroBdscXPqK9xf3jTkVdgt+I2Vq3cf14e9QfrHzNDwAm/QwAdmnf9Ef
L8Lo+gjnPL4n2HHwf19pukB69o8k8eQa4cP6CB/qVRNFvhX5aTse6B8zTJD2APjwS35J+oQ4l5Ds5PbwophF
5g+u0bBpAsMVJMdfAxNYgRPDxAdwQtitdZjYI91fuYeixpb7BJddxsep+DTcVHOA+Tl0GPUtWrurlfNz+O
mUjz0J8wiq7ZAD4/D7jhPp+PhrS5bnyNp+Xgep1x1W38Jp+EHYB+pSOEF3NfeDRn2HgfVQZV1PmaHh9Rx
lWsj2C31/CbD7mZDo/DPuOPhRwUc4D3c9J7g3UM+o83gheRXzaLyW4sLrVbXVc5erGmYMnwuvxYDFk
X1D3eCrxAMbDHc+Il+Lo9Q+CzK/qw5PLwVdsZWY6vhk4hj7j4eKC6U4mv/JfcMBl8/wAPd/x+DLYe6OO9
p5qGlxgfgosLbX6HU8Azm7AGl50vI8T9zZ4m60JudDedvx4MRWJ2PgYu8y5Dnywt/CffcPB13cKvcPmaHht/
sYKpX1E7h5TRBfuTQ82jzjULr4Ovp4zIDh+IgnX9H8UbB2aaw9AK8Jylg84hqoWmV+bl8Nuqfa9Twf8ABo
ToKIL0GmL5bfpvMuUIAAFldBfPwVZdN3U+wQEDB/cUCZv8Nl3mMAdQ+75gqzh8PEJKw60ZrnDNI1P
WDR52+V+GHhPfU92wBm1F4kYZldhD3foJlwQ2d/V1yF5+P3HDxN1paDgXmR9jwaY7evoG7y8MTOQ+r
ePuuHg9sM9YEiWzfrNDwoxfl++tVecW8sRPRr7wvVCaHY+PCw1f88zNqfS8fBkQNVwG3z46p33LU+12Pg
AAWCXC5mVj8K3Un7X8V/P8rrMYxSXufiEAnqEDAs6AG+VHnDSMIHYfSJNT/wAPidQz7Mmhli2QcBa
8zDqIFCgUBoBgPIx4A7os4Cj1oPn4alEXS9B1VDqQCKQXVVjo6nIkVfxEUTlHdKPmiMZWtry6nx+o4eN+
tARaFPtCPFwDjziz8J99w8Kw6tr9SJSBLL/pU0vwNFfnsnvoeU0PLwoH0pKyBRFb/Svgg7pKnhrD5QlGzHT8
qnkTwu1EHIUnmMyjXC5c+cjzuBg+FUWZ8BeXgUbVo7uCacPmYD72+ALpOlFGp4iMYEe4r3Q8FtjlhYQ8
1SecNlJlbLtBQVQWoKAN3wq8QGuK/VC4X7DxBhrGtjv8/wC7ek1CCultfXeoPBjq7RBX4mcUx7ip608njt7
FPFm7Fd+uX+KliNAdO/f0n4NU+po8fdSah4H1f1EbsAnZyeNbtlTtUx99w8AUXnxC9G0l+s0niyFdogr7EVr
Nfq15XU0Ox4XD9qyxIfbZ9hx8Df0sRQ8HzqAd/QPjtBFHNm7r2HiAJpWIXCZjIY1IxW8RhdHrH9POXeXw
b8qoKOppdo+3fuM4EJSUHO3kPlOj4VqyN9i3si89PjL/AE57BXxNSsLule7PurR4qoPW1qXjV5Ap1lOAA4C
j28LtKJ5f8SHvrFByeZZ5xTLMTkFns+HXlnDnygeVkurADslJ5JD9rZ4su7ZHuftB/Al9lw8TdaH135ZZGoHv
Y9x8NC5V2CvxNbRLulfmP62zwI3l/wBEtYNE+ZpeLM6cey/LHnCwOvyJp9j48DrfYwhXf5lcX3Ph9lxEY0U
G7wV4UK1WL1SFciWPmI+Bu32iFX3NTqEFvJfWnA6Ch0YWnR44lyg6BcF7pYrYumRXmeviQDgTufIPB
RaUHcbPiaUjfK/bwqEtbsfiJ7f4ie2Rh36eFAB1OiWN0gT7WH4ZFQjN+wOLu15PFbNZfudL8iEXKtS5vk9L8
TAsdcAs+11IovtbfFVKa9g/pGUty6pX3fwS+i4eLutPePzLsbfgX28LnNNTvjhZ9rw8Bf1MoVRunzNLxsR7use
hesw3r8iaPY+PBIh9hMRhr8wJZ9z4Ovt4mSmhM1z35da93iaeVO+Wp3Lb0gnVL48BBTWOZ4fiUVHeO4Bi

WlCjNlAbdYw9AwM17CFNtjBRato2ODYmqJTEHQVC00tvNaTrej/YrhfR/syaj2MKwiDGKuukBRjyoej80d
Wjkj2QB62i622hVeVcrEYSklwSh0FlNmsSyQrbA1fAhk1JMChRi3bWU9mCq0cupXK7qsoD7OBZ2G2HesI5
VbBYQ8hICg02NWZM54UmfBB09Y6vowLDSYURWEbw6nZTeIIAbAG8ZN51fRjq+jBRh1kqsau3Ws9MT
RGQIsHoaUWVnef8lDdfRQ16EOgCjFu3rEQBDAoU4s20hVn0MLlexh0W8dvOTZDDJsHpP+Ji6w05WVM2
7hEKN9swDDaS4MFt+8F3fZL+togRGFKunJt22hM5Mb6bxZmbWnSApeStMa/TpgZyZoUYAANgAAiJBbj7
17QVouiM5AvjzFXxiyLvM2w5Hf5mWJYK0KLdTRrOKBsi+91RGmrp0PWGrNQ+f9gZAgDE2NWaZB6sA
H+cKgsr2UU5DTRHCIjoRBHaBcWYt+GBCAa1AGXvC0mb2mtAOYceFRPxIvC4RQymnSWii49hMwS7W
UNMLK/ukCJE4nt3y/mwMzZ8BjD8huqwkqywVEDC4JkK2JYtargSPOfOe7/c96RkJefv/JduTq9WIT5rtAUcj
5iLThRSB1+WNmo7UofviXK7Xbzx2iGcHBEVkSmCmWzQw+IKRGboTKDMxvyjtalCyGLUzjpO/ZoMvkt
Vy6Eel7+A7MIQlywKYZyqFpcGc0TiC5nt3y/mw1m34JfiBcte8OW3eNOfP16TBAC7JoDzlGJtNc1s/cpI1/abt
y9dD7t7y0dn6xEd/KMnaK9UfMfrP7S99W/qsLuWWOunxGglwmAyZ/v4Wy8V+A4jlX54w3zHGZtBUPEAF
EScKWDxXXHbeVUdFi4ukpK3v9QSYtJQ6cMIGgxBBXP/AGMQFqCialfME20oV6zBLJovSXowYhAViO+
w/f5sPwn8gui9GBY7CX65rtGAtw7Xp16/z/ZqG1RFoRinUzDZFgXTFUxV+UTM4IM3A+YhOz7ru9tO8oBr
NH7gpkiAdp0ZmRraRb18KhxEF4/P4DtGJYGPNpZTpK3cDjb7rGdj2+/EtoRSGOumdQ5uyKUyO39dIAjkCa
AzPxKRw+iR28w/baWUzbp22hhrF/CWVnWDuQJDC1p0lsCCo2ZqhalYl0Fy9oG8E0ex+/zYfjDX8RVm47+
uYcPKKUmDV67H9lKQJc/agIdsK9l96nCuIGjAZIyiswLHCEdpMh6SinQ+WLVGktF5c8QFOtAijyw5sf1/2O
sxBBdte0CKb3xG1fwGDkSgiyVMXlNUGMIhlHXy3D63MZczRNeXl5afMYGGX5l+8ow313IKzn9CFNtdv9
jUTZfsx4sdbibznU56jz0lq7+4hwh9zNJ7R4RXUHpBVnD9/mwh4SOsPEL0gLzjASCzGODSIpu+Pu3WGHB+
4bHeFgO80ukKl2gb0R1ZHDdn76c1BQrUN++A2vX6Sj6esQr05macJwmjCc8df1zEu2v2zVmNgNO7FUouqo
u+dNiEldsX6awwgTK5Pay6fmNgUhvtaOn3SCArLtWYe5n5hFu8Yn5lixCLtKbuZQ5hhMR7pY+r9Q1er+pY
YI5uCsafIlK3GWWdU+8AKHKu0QpmRLQwlUy62m37gUrpKX7TBiHmK+w/cXR+L4TSE0+B1YfgsVa+lf
7MBfbzdplLlVr8eRCAhkzhUEptrMr9Nm4h4iNi5mE0941NBxfyywRrJ909bmNyY0hDhTjNV5Uw2ltoxrKnq3
ZeoG1aaw0LIVRVXanU/wCRtWgvpi8PWBCpobW6V5+zLOiln+9x0lK1rc0XlvXvG2uL5f8AeeY/ejD3QIl8z
V/CsXL5pG3g7x+pB57zEgOhxBoX61MobzX0ox1mN4GpMpal+8Op1jbpvEAevrNSjrKLklXmXPKaYiQMD
4GeGefJP3BZYOn3tKZ3ep16dIBaola+KX4E0wm7B8AtolSmGbsfhmcq0BCq849FZe77GIDt9zLs5V7RxqqX
q+eDt+7im/vnDhVHUZgSk94GjU2q4mrTrp68wy6irBTLg8tPSLb7bqqMX9ubhDBkb6PW3R1hYVGWl2euP
U7RVcKOuh036bTTB6XmqM8euCnpGYnO29D0xCTBS73xn4xvEpzDN1213zXGsuqbt869pdFMZjYB5mr+
FNMC3M8oPDv4GSBhLiI1BxAqhdxWFPyMQ5GsMKZLlnDf9wvcGJRQ04hVmYKJanKUMNdzBFY0N7A
LWJUMRbb8d/HT4OsNfGtdX6lvWqtpy320N42rmnPPbHH1hKB5xEDoVnmy4HuP99czSbsLH3/vxLAkvWj
bXO+vvF1w95cbWPSIVMBprUBa3NcV5HMJ0mkmgSsee8AjsVe1pK7uM9Eb4M226aSsEBSm2G458/dhEQ
nP7xBV/fmEUF1XepmwwOK3g1ooF0zg0L0qu3SXIRZeCl2XtijSh1zrOoL8swlTb9sFyjtPiE1ZjmHcsx46yoEx
AVoiTMNjFvb4l3kIKoQQZCzNR0Rm/wBRLju5hN7JchxO8NYUgzMBpMebMC/X3+S1X5aCEdYeFMrekZ
PUUHXNdHKs++I1Bwafef8AsuV3gYkLlozz1zzv1uBVhEaXWVcc/ekFurzlTX77wCXn7u/reINpW9Uvf/sSw
ZbvFAbXmr2gaZ881/kssFWbm2xnSFLuscEJK4coUpP3jTygRyAt3KacprqBeNYnz5Wja+cHX5j4poAaDSwa
89jSKVXD9z/JRVq/Pb9ys5Cxaq9q5cY3iWisYdawNPDS1i26dZaLjWq7tsYzqGOIIhQUXGL+7XDYNUGN+
sv8LhK8W/xEvMBbJcLG7EMKgWLSC48QgV6R01YQMxnZcw0DrCtF6wIVEvu/THSDLGXKgquXiqDhhp
US9ZiTwIwgxN46w8EL8uKvX/OYacQ4LrPOS8aFlY5juACuOPVv70y1J93lhtzU0howA0qVcsuenb73iSn9/k
TZZeVz0a/lG8SXyaHS/ZuOmBvTiVaCn3/YuVMvG3WAWync7QxlUYrZXSj43lXVvGRKrOcYxt/srRvABv
HL1vO72lmFHFVTuf7vCVA7585YU8s6W2vxpVZiShcA1YYDfVzbTevaKrKdqruvOa5rgleO6z59tPvcmyoo
0v4P/gvFeDlitgwl0CIKDHoLBiHLaQec/qD1rvKIbx1yl1crpcvlKLHji79PtMt2xOajC0t+vH+Q8CaJvHWEegP
kXAXC29AhxjfnLxcyEeY2WkKrMQqFko0bQjGsC8WQXb3ENsO8y0BfSniurxvGoVB9z2l1osGGvXTfO/pE
KLp09/8AsSGBWg4vqX7zDHF4BjoXe36jAQWbQbb019V6XCCRBq81rVWym3rEYJ6h9Ka9LiStDGBFn3
mJqKaqLDv1iQqKDDrfqzK0WDQ3qXec9fOMAsOS/wBe2fmLGTX76y6P/sZIGlzIxb1iJasV7wKTfH3rCaDL
iGS8waWKez/UtsazaGrrGC3eKaQRy8S2olEgU39xAaHBK4YYhi6hDvUVlt4EPB1l6HyhC5rmtdm+kfWUK9
vWP2D92gsb0dYrMvaSVmZyQ9hub6wak42cef8AJRCWszrW5y41ipNOlBjJtWOP1pDUE40+nEKQN5082se
kprFciv3WKVs4HJua6+k1MVwWrr7uL3lp1t3mynW6zjvfmyhzU6rmv84jK2UL6Rm9THn+vPErNCWU45zpi
K1ZoJAqiDX5BjwZXjbwIXKYjhbQyuaVL6mlHzHGQ+8RI2+F+UalR7/Epr3WlwdWXrGdrAvvf9QaYl/kyY
yw9o7WZRlLEY4x8Fx4d5Wph6tkrnW/yvsGkW4QxriO8OkCaUDQlsCUVG1cxFizSaoxJjaCgrJuVvKU2F5+
b/naCjkNl893b9SoMmurXWrp/UXU3Rjv/DYhKwJ9xw9Yku4OvSOrWAFHEuKstCQKxq7moYxTBV+5+/Dr
+FwIYwxuYTAwFpVo1aNjeBLfVRCSKAVXgDLAHY4L0tL9VTEx+01xz/ITFaRtbTBVF1B0/cVkxGlXFbR
TDBQZD2uSlMauFmgLZUo3gAmc5R95aswVmAkn3mTv/sRMP4KINPv3pMP0npvAFMU0O3EE46Ra014x
UaiiWGekKr2mZ/j0jjEGTNFm55MH75XuXBDeuroHrr05mBilhvXod/aIaB3z1xvCI4rTy+9pTVkHi9HwfGvC
4F0dPC1Vt4P4Y8RKsguv7iHgS0lvhyA2DNaDKQG9bgKnFhfQCOo0AwUNXRkutvSLXgnmx6CEsPLRFyT
Acg1TrLZpIHFsN2CtbreOttYWq0YO6aL7a3OgLVlrPEug4EABQXvVBVYPzKHQFLKG7IqooKDRfJaFrgib
CItSTsM3mx6VKA+7EmpoFji8mZT7kDDaABajV6AudIIhUUNCgkLM4dOdIrr+NSttR1WdEpln1ugYNh1A
LnN4iwK/RuLw1eoBgq22oLO8FFEAQDIWJZY2lkXjHq7YoYdYHLR1iEF8QFNI1hOEDisQjcslRuswKIsqb

hUI0lCutagtS32P/ImdTD0f51mrEdH+8S517+cziBRMli5c741uUYkGvWIKakxLsOYpvH7/AGCtjLzpKJtxr5w
1m8tKK8uGEcEovvisYOjKBUVb+bFbfuM1A34+kI1nzDw07PTEwJ1ej/yXKobYlUNVz4URyHP78F0DSLf/
AKMCQQLuq0WI3s7aR4yDjA1jVdsFqpozAiGwIB2DpQEG+ayQa+vpgqMnLYDVRWuFTKtJwOB5FQXeE
rkR9qRr1aj9zVD9BaWwX1Yx1qYWk16KtdZosvtCcIDtZSBzWrpZesHBra0LbTOhjrHnkdd7Fk6rR2Yvo7ZR
51GMX1VHRQ0zVrQit3FpYHVE1qXDD2A1trhytVtW7UJGtpHCFOUL84NysE1VfXOQt66S5AANUgFGV
UImzjJKat2RwKagE53QjaYqa+3OPOq25xL16KFqBLpaJ2FWF1urCs0QusWLl1oMLmKI6O/GYKJU32xBrJ
HYQbx2XFcFk5AjqvwVmXEQ1jpFdzUcffP4mWiWvGCt9N/+Q5QUKtH727wdASdM45T/ACOah27bdt9IjQ
3k/vtFAt4FMcH1r9zqsD4ZQ8o5nt7doaZWVz/fDb/xvFeDglJAgqNLVrtbEDmGqJpatdrcRW2RVErOrAhBZ6z
eVcXEws9WIJoMWrXa2Z9isjbh9ZnHYZVXTlzCobX3YGwlN7YbbjrFMhspPRUmdqviaw2N42iOMmH1JZi
7W1bf7CBS46sbRlzChUsLlE8MMpLAqAsbGWHKHGkTMVMxlhUXS3jQ9SUCXlkTaKqfFRINbOSCyKv
MUbUOUtHFH/PeWjplPSufWF1ODc7/APagALqt+fn9ShYRzcUF2QnwXg6VHo/cMoM6zX2D+EGoi2dvljib
f+zt+BnSFW4JTTw/crasvK6nxKviM0C6KcUGHSc/uG15RIL0oir4LmYxqx/v6ldGAPAl0mQaxG5H0iNgysuo
Dor/AAmooPS692XcPQNO+Yz54DPn8xXCnc+uuz/SUAV1sf3Z8xNq30f5Ndf99Pl0JkDT7fpCNdb9LmcOa+
6wMU2g1EJvBTz1mS4r3Lijl0MUEjTQvbXSpkgptg9nMQMaeUcla6WvTHWKLaHPyxGUG3a9OvlMQKG1
ub3wS1UD1JdgG+EX5i54/pFpUEO6x/JYphj7mcpt/wDEERFtZ6BCuCUbrniAiNFEdmqVZcfQilhtRtGzALlO
mIiBjVXzcBZvE1W+0BAgwSl0Hv8A5Cw0rz/lRvq2LufPT4gXqpxp8RBC63+po/1EMp95ljCQ+G93V9nFt73
jrcyuYnB07/qoI2OzINd7p3vd1lkqpeNax9788HGsYf3tKp0XtXn1xvrAsGaq+nTjrLpNa2HG9DgeFIpsKdStG+
KWuXT2g+H7/h8EFPdbboo1xXlrrBcP6hBHeEY+bfECmCZwpxetPSvS7cKBp2HN5y/G+cARLZvLjprrzA2J
cghdcqlmdOavSAmo8fajswvu9pY5e3+wC6ovgr9wXVfcP6hYgpf2jU6RyIhMgNKjQDpC5h/96fwBdImWMR
zWZYxccL33x9+JUhaDFuf522gB5FAR10hve3bb6TM41Dj77ymqlVVC9ZteZZbZygqwedTamXDfQX/kWxu
+X3vLA1bd30oNn9ECwghQCsyYOhfLtEo1rvz4ZBlGyIUabU/qY8qal304upWB7yjk7a1Bay7R5OP5BF7Ave
Lo5qnA3SNJmlOWjzhDRzV3rWue77RRoA4rLobdyOscXj0/2UaS0AZjZYLyNnrz5a+hK7Wg9Xb3yzNGG+7
t75eYIrc/kyYla+ItqMvDfRKkXDtxz17QDRmvEZU/k/8AgfgqKbQIC3OmuOSKqSoyhDFPKbIU20/vzFb9Ksu
kfPErFYal2uO2WYhSVGZU3WMVcLNXHOoLGLjALoffPzuEKY1pXzDT01jiGJYF1j5ZZo0QfLy9fAWC
Wqo71lhHGrNdYFqPC58Gi+uS/u0ADVYYNPua5ghWiJ6yiApVOynS+FeI4F8I6Vxn76wAuEddinWq71io61
MevH3e4qXUFU60fz3iYOtawotd38XKqtS9OmjTHThye+x5HvDQGngth+FvjUK7nlE3mmFxByR/9he8rd+B
KAR2S/8AYYi7PYXkfmYjG4Ov+RSUNQoN5BZX3aOsYVK1iIO9FNIrTwzlRHSKcytaYiAomwogIh66vY1
ZQJLZ6+N01Bgqz7pCKX0vf00h9fnfzG+JA0UbxV37Y3SztMRbWPMW5PHTtXEUmq/WsX5wcE+ss20MZ
5d/IPeFMNPBB0lxvRjtiXN1SlTD8pnjqps7Onh/6E/saZTg2kMwxFda9P5OrFOsD/2MTVUR4VNpdmdpWIvd
5Rlw5apylzFVHMYWBJK8s+8tWXSxbM4xKxsGAMBysaDuxG9r7SoleHwStkOtwpuVALWOp+u8AQVNrl
v9vEDgmgcehV59YVFW+f5qRkoXOqwCUbN72YleKBfqr/nhWmUNNO+urviX5303O5KXEuF5ii5U2YAb5
Y+TUwIwAlsgfWPajXrBN/XtCezccYuIbNrXw9t4zJKQ6mNmYlRK/wDgEqvDw8iMYHs8RdK2r2ld3oV/e8I
WyumIu7faJvQaX+jnyuZv238v7iOz9fekcMRQOcQvBds3kcwiLsZoBb8quOVEdOI+CpYBjbNPWYNGsKqw
Xi131/cwC+w/npLt3Ylj3qm9XUgbx0w20788vniUANtL476ezBG8MpjJ0rF8ecWkwXXaHUAPX9e0zVMPC
MvkzL0YmoYe5Wh2qNZqPqw1oui9b1msdXNWNWi0+9e0s4CMj1iHBf6lwoYtwYMZ0en+wca2/n8jpjwalx
H1BFtpI/8AwVC0MB4XMm9Y1F8RSo1hHQv76QYKPdfxHNZ9JkpR5P8AP7Nv7D/GXzaj+n81wceUzEzya
RLvUdcTNafSWZiuSeq7HOnkH6uaqnAC65TLEHN+esSJXjvv3EFK/tTTKbev6riUug6/8gslExV6bdu+svhDf
NqVolSzs45VDdNqOaTmUg93Q21gr97uwM56WrfvFVC3pX7YuEl3CoikdpaPMGk7P0hC9itatpKs5HXWyD
qAL83NM/TGIhSPSH2ekWFU942x7/yUbkWfgCtEVMWBM+yNbf8Am/kNafgQNAtYuKWdIos1esUUYr72
7zJNv37xF6Ye/wDk2jPvLw6JUqrYc9WWcyzEScY/IEca/az91idI02rq5N5dxndSv38TVEgrgXiUFSghr/sBQ0f
YA/uOMs/XX2IFoK4oPaIcZJfqs/ePtR+Bh9k6df11lEsnxMwcEW8ygwgP/q/2c6jGRWVG3TTSvfTeBIVQurK
6kJ1l2E9JrrHsf2Js9EqW36fhUFNJyLAf5AXRbpg/vxCZSv8AyXH5oA3rtHLELQleGIBo01tr3jPdh1evGYKxb
1/6lso/Z/D3mb3fWDbpkUpzz9/cbcPqSmr4CYSA6k0JrGSimg4O+ua2NI2k7Dp7OvOm0Crse4/xjNmK2MXF
HSDdGUveJehhXAxc1GA3w+/blLh5n4x6Q2G1XGPLf5m8V005PO/TtCMWFsEzjonPEdQI1cY9D7vLcq/vT
+wTiASpqYmBFPSITNs3jOHP9iFDn69ohxp3gGsXS1++kS3essGH7xNc9ZdOJZ4AymUvCaT32cxiSULYn/o
W4Jou5mHGBUS9IjP9fqAsBsw9Tflv2vtMbWjdM96/r5QRadt3yP4Ra1C68/w94+DR91ZU/a42TLHxaPukNo/
r3gyxcSgKO781HN0PQX76bM0m5zVfMtWXPNZoArpr97VF2Svt5XJ7ecx6FdHffRrzvtL5fGrWPSvu8GWM
vmHSaRed+spSZeurzmYUob/u57J5x43iulL66eesPKvMsWc0dcWLrUpShW9rXRec9GUd26x98VXrbFRTCji
7r+PfzioNdpd6friVrlVqnXeuDEsxUdah9LhjK4hkHY1/PusBgWt3NhG3Jy+6QoUspq4AUjlko2cQJouNMxd2
YQIlNfERdXcS1Zf/AIVK8C0utC1rkKn7QT+e0Etb8gI4rLtAWRjy+kZkF7kRwz2+pArit6HywNLX7rDWa5y
9viFFVzWO96RYqU2rJ+veI8csWbbo/wBgmwdDEwCLWNX40iWLkNMK61nCcpi76SjImdg5Nj7rEEd8Wt2
3/k3DdPv6lFby0/yCb3eUPTlN81zGNpe3tjPyTBVTW3Ppec/8mTH3tG4EPBpXQhLcQC2++/swgIpDUH3Qfc
QaS2VuO5eh6yuqdAreOGjGdRg7QsTYxjcxpeNFJbIjyKDTf76xCPvN9r7d9YprTSnHoXpxcsgSd7vnbymJNl4
iRUoq72lrUl1jMqZWtzbvx5w5WH3l+YrXlnCX2rSveHpyuLMZ6/zE6JvtXKWFaE7zK4jjWULbbFiU
W2JATWNCpsxFAVB/JV+Bj4UxXSOFWP3f8AkAWgjuMHSh+IEth1uVOBcvO4DM0iCh+9fiU4aca
tM30l5Q0LrjoZQrUugAX64g6qVtwRoSG3D73lQsuqxTnncIYJ5F99KmSFreNqzpV12c9pQZ6UNYA4v7eYp

PgvKfrjMEbDhea8o8prWGVVZHW6s13MekdbRawi9D+bQLUl69fesRAqG8tJ7Ne1esRXf32/cV94JtCu0oHJ
wBu7Ucyo+hZknZOrGcY3jljRZY26FVb5d2oEkUrfg55jDktdMY1tcOAXYiixQrBu1bLt4zWoMAAhbNNa1X
N0bhdw1ZMUoWqmpdVXOcQC80bucb4PT0uGRE+Sta0H3izRFD/Td6w2IN9vukRkvj79IlpWOHMu4q6a8G
uvlcQxZbq9XPH3mYpk5xUaYwcwN34vMMCcLl47YzXGnpHLKXuGvPW49zOdxrt13xWDrK16NjF+zr6So
tt43+IXgmi1HXH4XGosWGfC201z9esA2v3rA1ioUuA9I6xh95+ZXENzfzhE3l0vd+LlbLPB+4Uy1LaZOwfO
vlLcrX4/n9iON8vl1dYKSgrQL74/y4aaF7u/QIo+cKDTgz66xhsWdqO+lvrtAvQPzy9YFMY150+7RZzR9+/M
G1CZJAcHc46J6JKBs4BpY3q0eV7TCiU0YF3lVKfLTES7WxFX0qs8RCZb6A8tP5AYtOY95iuaxZiBtoXO
MWNPWu0KUJqpXs6l9TkIYZWiCxDRu8XzSF4axGlGb/eNPiUhRdaqKAnlApbAwu/YT93vGpbyHHnX77x
yAez5xZsY0GvRz8zX5xmvJ/kM0WcB+v8Aka1TwGmef0RbZB8f5xClLQ7V81mMiqsdM9+OkAaMNEPbJ
M2GdNfhx6ViPoatqBObJZNjrePnWZWsffj/AGCqnkH25cjHjevWYgocf6hTRDXSj0+EjCEDyfTxrmJ/4BNY
+IxBgkw4KidldMQcEvvR2ya9IXAzwbfE4QedD9MbJA+/eJeorgb9cSoIja/S3+RUtLbZ+MHnEqy+uP1L4W6
Y9fvWZ3/b9ekJMz5NPW3b3loMJ0GelvxWNZwyKpx1v7iKll4y6HveTN1BSg5Bt3rppzUuj7Ko6qo+UoJY50
zvjT7pCDRlnBp5v9IuEOM68NM6mYBQq5wU84bDvpvDK3qHsEIhVluma+fXECW7vHQqIjKoACWVDN
Vx5ua3imhzdLnR1abcRAtUa5EBqLQL3rcI4ppaFqeuLl6lPOr/AHBw66M/cRi5fPPl/NIK2Y6DX+Rx7NX9x2
qYfzc0/VekLhFi6r9Ze7HEFOofrMQlp1qzk28oOuaiUeSqcRoVU2qqtsNbfvTa4R1jH3WJcQ0enXFW+U1laek
qSKJhZk4we7fvAo9Ntzrv/kGgTnT6ytUbJ/2WU4HLrfXuaaEeqxOcZ32z0idKXEF0+kNUzylCFM1/8Aa3+Nj
MAx57YmQXPBj2jXL1RNKCGmPTW8yth6E0MGv3bcxCf30lZd37F/yPFScGO+ZXfl83K6E35aQHTDDRq
nd/7MQAcqrry3DpWODjhbL6XCtnqPcr5mJ3h17255l2F/TBnHQlR565K7KQzyjZBfQz3h68vSy9VhaWuS31
4euvSH1Le6V8PeMUomvP++7CGw4/t35XXSK3H77xbxBpEb0p018olCsGyOf93vzlM6l7aUOrzii+8xiwgK0
L3sKNebdLmBYHav5+5VO6Zz/25R8+Pj71ieGDDdfFfv8AUJLdff28mXZC9NPPAOvTzgB0HFA74rPb3mZ
WNupeP6wMk8Cr/vrDWk3J+n2iCOrQD/XRikbg2Otbd3zUKspMUunbW/WZaqcEQGTvpTr9xBjU419f7GN
pVkaeszV1f3qxlMOv87wEIiSwtzcriA2fty/IDrcZHznCs8Y/bljMNd630qji/S5khY+p3r9TCLxOkT8DChcXdC
X0JXciBaSr4Q6M/qbYPQIrjf1i9vXvCascfdP1MrXeMf0/UToV6/3/ALNGJcc/5CgYxo15bac57TLkDrZ+KiUq
OPufaUyBvueTpB6xX37mGZIa3/Ljn2NC+u0buPP76wopO66+WXPpNMxsqseTiKYVjJ9PTHkxBhHFt/2Ay
wmtj8412qHpxu1rG3/fKZqK7VQa61noBxxMRlaCC4vcv3rMZQV5p8tQ4sb4HWEEUru18nvGAPQ/faKcm/X
/ACFUW98UHmX71ALSlS60dv8AkYlYvhp+/wCQiODYTI9P5biKoFXfCnhAfeZbpg9m/RrH/YPP6eWv+9Y
UZdd2ucFEBrDJojlW9gxwZveYaSu+H2vz/koq1N9XpY195iQt+PP3K9PWVpd07+S+1R0aqPJ76j/yGeUdRp5
N7PvnNS6+Q2OdfapoALY5PTPqecEWWujY/eesvuewV5vqPvmHV7mZVONbW3e9jm++IGwPv/3pFVtPP7
+plW15RrejFP8AHELbms8V7FkARd+ukosPXj7tGBUsWOZoa9/7K60+TMeb+6nlzzFjHRzzjZ+eIoKum54Ix
DvQ8Squ0etKlGsdFzGwVKiABq7H+8S2NW0N1/fT+TLSel/8PSDKA9dZZFUcwB1Pr10sqWiKpnWBt08+0d
vPPB3/AHHUaC8iZ0zs/rMTgG0Me2zDKdYjBZ2pyt4D5lBS5URuzsoDYGtPMxlVl5o60ewyrpvcE16umPntc
TH3wMXoY1M8vkZi5it6Wqdab7/vEWdo6rTjasWN4bb3gLtDDKHSvvzMnCPqL98d8RLV0Nv+bHe+JmDA
dSq91fdPOVO9FVZz0LfSyCmB7j5O/vL0suxfsxfkwJpRdUau4fyMVplGB76uPSGkDtTx1YcSt13OqtNb/wAx
Eq281+desYbGmpk81U3geye+P3ctGJ1cdn/syaUaCbN7VKv7mHRXzenTL8MEaHoGM+ZcItXvd+W/szXSsc
a66UMoqZ2c39rzl3xezbBjXkzrK4v3Jbnu8c9Kz7weTm9Y7aadpVe75UOGwd6fJl6i/Qm90Bh00nPjDUrfrWW
rz1qD6XaPIH+DtGwP+enMo766HL0N2Iy/v75aRytg9TT3P3LAuOufvyy1D81Pvp0hWQrN49+vbmA5oHSv1
LoG80B9qx6wotbqBT3dS+sPoTC60881Ldjb046CvfjMR5xr/lcwAWGqZnuYnShTl9f5mXklOyVju2PQZ7PEa
mqvO3r90guUr3/nrBUKPN5axvLOlnOnPXJU2dXr5mfP1YKpu/fuZg9DGprfW+Yqoqq69+PmZK36Ycd5a3S
3tpzKpkOE/wBfXWKESdVQ45omTJejodgx62nRhNAr0Lf4bsWZlhMGpXejYyECIvZRaa1RYRrl6Bavexxbrp
UF059C++A9JYOh3OvH/Jk237QCM43KNe3TXWWmjW6vyzcXlei3+e/lLOgaAtvtnzcc8WjTNNC78y5Skd
zT6ZRwtblTztfqE2Gn7wBflL0M60jjtlgWi3vf+HqwdUet/F/eI00NgWvV9GFEV6t/Qur6xrQW65/pH11gAG8k
zXp/dYttXa/jTHSa5DTKfur9MRyoFZx/fgHvKiq3wKd9ddNfKVAh7V8xaFddL9cY95iUPGYtiBg2E5T0qIyq
SYtXy/dxPME0bsrGg+xpvBhDU4PS9M7esb802U46IGDttEzHTWXoTnTXHEoheW/nHvp8wXgcbp1Y439qj
4Ct24dDQRIEG7GvkpUYw3ChT220zvpMQhOKP0xVAK8v/WviarOudf35R6OXnk34LzxFQ/Z9/3pmYMv7
maNjjbyD9xCXXOWfbvma1Nq9stOOdM9ipesPZ329pbgvr/JSZec6p6yimQOL5fvO0LR+vvEKVads/fKIU54
H7nQERvBx56y0RDvk9/3rFNW0xX/AHGO7CI6N+a+D7tL8nZb33wb+UpmG7zQNb8v1mc0V5/v/LlazC9js
dowqvW/8YIugaD/AJr+pVLKlff7j2iPQVd0rfQ3eLesKhgB3z63vAwHURqhtu83VzgigQtrPwxddOjT4D4P8A
4dTTWnTSubbIM9dw/Gj9xvY1lDWEikbPrjrv2gXAex+77Vpv0mHY9FDpw+l0XGlrpQZVequumaNiOoCs
ZfYOpxV3ywx06FZ73fnAYhemXkNHt2gtYrSYM+V/qGQ6rzk9JWcAzk9uwcJTTrNBM7GP8A
s7cJr77VnjvEgJ2m3kvzctknrT6Mv2hwajNVyogdgrHnfaGnuNuFl5Ut4arvANdm1pnTY9ZtCtNH+18Rat
mds+2SWsaYwaxLOuajStIoLr9F58+IljNY3WT68oiNBsltU3Goc54dsZ02gN0Pk7dnb0etgYOpfuGuf8AIqAKa
O8ucGwUeehfGseAwVpntRpKBBFNZr2WY0nFA/5++IkEX91iKEbtlWW8mPP0Nv2X94imVr8c/7AWav
v2oAGXJ1r075g0blOpvXXWIbjQVo+7yv+UyyIPePWPI8pjHl8Rc+7zf+PhLRcXP/ebkhxJiO7D5Z3SVWYZVaXYtPmMS
y3VY92u/ePKfdZm/TFI/YIqXEaL6a0zsJ/R0WxYyWVXKSNVWVUFjHwmhTHkU+Tw0C7/3G3/dNYxZmy
y3VY92u/ePwKfdZm/TFiH319IpJZaW85c544NuYCI3rZwWefuRFyVRNK3arfR2jdATRvHnrfLVSlS+tV796
vcrpF+6ma8zbjEs5gL12JTSbvb2mgBvOvVeV/5OULBwcvy+kqZQhbi20vff2MSoF7sGl+vprvKx5N6z5dOv8g
cGF86fMwGiOpr1798zV77tfz2Ya+b69/f27yiAIiVpxl+6QfZ06noXfmTXVvGrm8Zz8yhgBrTtxnd5zrVQA+rC

HoAXW5pwSu1p8Z9j/vMR3aAHzT7TDK95T9fDCr+xg05mei50Pq48pa85G1n16zam2vH3zhIY90F/A794Ion
kaZ4rUY3TXiY6rRkGvrVfcXLi8uhk1ddMvn5ZJXPgoPS9G/NaGc26q8Z2630oLhNYT3NmKuzjW6VpN83d
wPGmh5BB2yvPfn9VEiEDNIf8H9RZhSNXvzZppK60r1Y668zNkM9Ntb+8Zmj6d7/AEQHUBqq+vczsVbUd
LYOo1Z6AO9GeY6AwbAxXYzZinmo0LmyWK1tP5e5M/VY7+Vf2uZccvsK1uO39C5cCG7c104xy4jGhS+X
rlcB5VBuqujue3e3tAJBLw1TyjpGPH+4y53JVkK7t15luK036xKsWnGL3xd7aYlUMVshntp8w6w5Ks1DpAa
DuprxZ+4EtF5nXmGVYmjbjt33fWELb5dotFGswxXu/wAjFer/ACa/X7tKHrv+wkpNC4K9Nu8ZLa2nDbu6fu
uWCU7irPU6OgGIsrNNBZ83FGi5rlYWjsXtua78VDoLsNikCq2XylDhFaq/85i5r0aZe667VCjgX3iILO7DmtP
fSv1K4Bb3s9/VPScWNUD1XvwTCRz/AFftSo0Xu8peDi4fWTrs9jZOhneB2gFZ1Mf3WAsepel7e+IchjG//I00
HR/vbaDzr98/9jkGz06/uGTWu+/lT8nxFL3vp91ieOKzWfZgEWXb4uLQQ1oK1/fpyR0VbXp0c6V56VEALfb
TncDzIaXNe5Xrn2JWrEPXXz/RKt0MZPdpfSoIhoN6v1z+oBrlb6Htr8THLO37cn7lksBKzQV51eO8spl6v+5f
XpnEWjO5wBnXnG2ZakXCq+tlv6dNozoBXqt+A83HJVx9tWaqfLPdNNoVmSmW2qvF6A6r2jLQGaAD2z6
wMaHxxdKDrtfb9l6f2AvINJezirgiiwca57/8l+WONc+8WRCXILbgwY3vMFsqphKybmtDpTziD7gGFKrswPf
Xm4szeC0Y575AvprEtZdNVJ6+m5F4rvGmHXQ+MX5YiR6bBdzg4iau2uFDFF7FmMzI0tWqMaUup1ploGp
jf2CrvQYKsH3gde8ABVcZfk2v1lxlGuWummfiUKV+mft6QKYYp0r1c2d/KKtA9FdOfKKkSnRRVxRf3tBpl
Z409c+2O0EIsmbruY1imxK7S2N+TUKMKvrmKVjA0n9+sVXAiPCjWuv6itostrpxfHEAWO9dteMdcRi2Bbe
aNg2Oh+4MFm+r0xMkBfqdtnz0vdl1RTu0ue778wqT3XXtm+uTE0Lbpdp5fe8zx0TXX75+cIYS80003OmfOE
AA6B975mu7A0mnGuvTiBQ4C1JWwmxi7ztPTmcl7VuTijC0ryaV82YNXq30YvFK9azvMdSehtrm++usSg1
+5+szijzafEzqb2v7r1/UQT0Z649+0VvV5/cfVT0wp/cSzTJWt1ro1e3aPHbsOj67fMVixlu3PqQO16wWvDsGvr
CNCD790mWgd8f58RQT2/SbsG7rzwzM6MQ6H6ujznT21b25yc7bQGAnNW+ph7FcGsYCRjN2rezir009YcE
BurtfVtvLrQS7KJq5M70JgO3ppL2tVdvU+8wACEJZeuetj6d4rSU3VamxlqjoB00CqABpoL/kG4rzf+e0S41Hs
PnWmv8AyCrdz94jpOTOvX+8Od49vdVAtOrr+npERVZGffZgpV6l+V7V53XGkuvRVrTsdfjVleAbqp5G/SZ
olvW3TgX0oxzUzxOQF9Qrtja5i8ba7Dy1YeU2YMBZrRq+0vI0ZtqtqKcnfEE3LFGxWbzrd9M9o6Als9s+6ek
xyXkxdfeekT1cmoXru59uDrDWSq749uxvEkLov3XHvL6wrUaRPS706TPQKfNtWPgIJGBfuH49otUNA2dC
6c36bPeDanL1/wB6VEaok7Ut4XiqjzRRlKcO2/Bpm69Ykydyv9OOvM1kHH9ZSwNpptXvfeFJmLz/ADr1i48
OQsL/AN28vOUQ0/7694NgX70gumq7Vnj7zDyX6j7Wu+LDpbp7+uCds6alObxv6QP1Q1rz8bJAILDoN02ad
HNa1VYhDl6IimOuj510uWCLDgX23HqPSJ1gjUw9fUTMuiNLy+y636FEMmFWt7++eMwJiwabfeI0Idd69L
6My21XeTTZvEBIHKwryyZ+keVvQOmhwzDWJjBRe+uHv57xihFda7PD1wxhE3xeet6adfeEWwex/MRRyf
X3rCYE7UPzFgauLr0l+1Xn+jM1DNdA9zPrMGsenxdrBKB8n9/QRa5L5K/vzKRT6pBFob8a55xXL9JQBLq3
W/vprHVXGNe3bjeDFtHTVOwYPP1htCnWnvYFh3Yag2Vw+2mkLoy8q/bAaZX085rA4wqZ8yhcyoBR1oSq
rH+esvtZ1v46eUQ9qGh5G71c8suB2bjuvWoqQTwV6fbhciNsbc3RT0iKsda0b5dLP84mD2jx0enx2lRlDKf825
/sbVTUNTitMHGR2iQdHrfGsw+xrzpdY8plZtmmPLZy9ZvatZyLjTOBf9nJDGAp87vppUUVijXVA53939St
ONhYPl368RYgK1kdd9f8j8EPCsvxiyMRadtPPEQw0ef6TgL5PC+I4ZSzB0TTejxvffioyDJken3SLqz6SmYL6
tb6ar6R6F50v4/h5TXDV16t7bc/9jd5Q3zRy1qXVv8AJpddc+/V6BUPijeaz3yV0xlriUUNWuivg/ukoLJblVVH
GNP+5gcC8jb3d/iX2GvYrnHbSOQnRal+5ePpCw9bzlL2sq9eONZrQAa04znbW65IRFi2nR8ymnU20gkqxy2
L1N+KUiS6vYMr3Mcb/EyWrlA8jOe0y0U9PZmStUG559b7YmKSuhWvDz5+UMCZfXD9/sLtp1K41fz2jsF+
83UbUGw+67+hLtL1x76RukPZv/IN/wAj0aH75MKOBfb+Y9oT6V5++kbDj76/Ev52d/7CFynW/wCwOXswG
DT795nvb738pXBK00PnxexbFiCvjvnPniMX0LWyyu2/nAOhrdarrWTygS4ctf5F2j2sMu95OxbCpspptLCgfe
pUDJxU+T+cxsu+W0di8V1BdoeuheBV0Ro+G95qfOz30POVUotlotd6+IWx9Wzp0j5keaiXaW7m/8AvXmPa
VdPb+S7gj7W0wTHpTANFWw2Xet8aTTI7OvfmWEqO/7+1HhcfEQtLTmtr5rfz85Qi3rkC2++DrDSFKydeV
zrWhhSOKWei+dzpnrEGVV547f7Uxb0+7S+H4li08zPMz7EqlNHij3cxA1fJ8VmdaouO3735I3ebLdldLMvr5S
oBgFAYe7r5tx62NlWupue007LNhh4ErPLG1RXV66XXtW8EXjObEvyxjpn5hGtB09ny2rHnCBnNK7d68oR
ZToXh6GLz9u6l2hx1466ZqLANjVA55zWnTfzjR0htxxpn5lqcnGHnbbT7pHKiw2i+AE+9IQzBppXU6dsd5jO
7m+vXHQe1wRa5C689nlAU66T9/2FwsB79nXqW8zQhXY9P5HP2ZYL/XOfbaCA2jivNSv67RNyjps+jZ7ku
1Trr9d2VAV3MQBlmOBs3pX81fTzgWEdivL72jUdvR07ua86l3ArTF/uveulQRr+r0Gtu/tKa6DtQWdcW9MP
Mvj96dir++Uu2gLgu39e9RutOcGvPSumumkoyKug1Lpzm9rrpC39Sze+uOWnOkcnhwtPGab60mfWVFaKw7
663K7p2gFFOMUVversM+kLy0APKnnkWMAFeFzXQDN9MVLtuUbfTSjrLjzfS8jr6h3iao6aj2/ZMq0soYx1/
deUc2DmmsWa38wwFk83mXeNKqo7q1u0D208yAtHneK/yIrY432240UjUHPWWZTOx7Xjf+aQkrVc+2sHh
Cq0avpW8DHonP7/AMqEja7B+oB1Hgf1QesKKBDnC51b54SIE7rjv3Tzljqfa+5x1vvFNZWNi/3Fm6Pf8c1Hu
qziEmB65dtveGWynPTv1iodrmzCfetzK6Xm9fvPHESmJGvG2+O1bRy1XV1N8/0QkIDUGtX4p1u3GpcyXO
cgb9qz+o4KV8nljyTMaJWmriZxWjK77c45yMTJbbYp87vPXTXeYnAc64rvcpgjBK7K1ONeO8v2S9F+94m
Ae3lD0Q1DCiaA1OD5nEqNNUetBR6ypK+TXs/7E77M5B9zr7Q0HR3z2+8Q4GWUXj11x6awwJ7D9xU5t8/
9q4OWicp7MMcJ3687+blqs1pla9Cj285lBPNvNdbfbmRC3QDzW/NZEF0OSzjbBnzfKFjK5s+WQN+nRiYSk
wZPPRr0sIoOG9YHTZX20jV9nCHpQ56vfSKgHb3Y1POLUQdms50pb116TBzZWeM9MB9u4ljI4aNe33GG
Ao2ynTzVb9IS1LTV984MY76ea4rHEL0FigcFVirb89YZYO2hwc2VjoMDEBSDlu4acZVNSUDtbarPYrXu8
MbkBsr9avfA+UbFFcrZQHse71iZX8nQ5e28XEcYBrrr+gJTGg2LGubc6NL0mYqGgV7GDHdTQlxi3q5r9da9
YLLWb1zn7mEDEcGj1aydP+y1YDHG8vGrbvXIa/cZghb8tvqY/fnCi6BztnFt/wCsKV0cY/p66BMbHc/L79Yi

LDXA9s6H0lFtzm3N+hCCF0O38g59d6z5a16S/Fs9f57rOl9v4jURsQTSXRpo0XnfylDqM9z394KsTpRYdbw
L5Zjw58j73ueVI1z12HOae28U2WBoT10+M9YblVXavg1vnTEKsBlvBf8AvbvA9V5PvLeOy8ffKOKA3x+67
d45w8WmnTb91CXyOMY15+/qa6v3tzNkD1+2ehBYfo92q7xBancb9OvSamfdvycX2hAZXQYuuf8APSKFyl
afavpEAu9izz3Ptw5X2rPbX0lBSX0K9qqKYa9MI++vrCMxe4Pv6h6Nugr6O3nUFaEdcL+09SXOGOU/vXET
JpDZLPK6Hf5isI826ajT5aQggC9at3osbZmq4Xei99Cn66S8wK8VVdDteM6bDDkcMDRX3ghcdL2d/wBO+j
B2trgf2aSkAOy8i+NwK8sZzFp9XXS/1LQso2C/cKvuw0IHn/EIcZri6rtpLYBlr6tz4gBiPJXTSr9II2nc22y/D6R
1euuPPenzLN0U2gxfKBS9GCObik65MQ2Md9K88Y84HNGRdOrqX70tdJRAnprfGjt9JetKMudLzo9ejMLS6
FYXb2OmJUIYd8PXU49ZpMFl8rzmIs136/eWUV8DitgdPTXePpO23FnrU3oDnDjaqx7yzdug+DX085fk0y3b
5yjSX613f5p3jHa5+18bcQaGBDcldvc/38SnWUwUbILkUDDhnqfyouI3q7Kx0A6Gb1Y6RdcKeVL7dPKIKpk
cpjcG44GnkuMhm6N/7/I2pZd/iusTZh1QDTdMadIKoTmj1pL9Jd6tYoszuji7zio9btxdaCtyk00zG0S3oxxfqv2j
UP1U+WW+lwAPM7PX/swF3apps6XEkql4f1p7Q1ga0sNYzuhyf7KhA4qsv3MSlm+b9qq/WEafDevl/vlPaiY
+9SKXjChXrd36dSYKY1v9Onv5RA53rgP1KHNwUv3r70iYi+vw/hqI2J62L1XN9jvpHWDfJZnuaZ2NcVDib
qWWeQHuNZS8iaUF8wwb62NKuWd23saYHJdm1NdqleC5EcN8hV9OuGUUDnOMvmm3s0mMwvTVvNgr
7A6sWHlQN23G7d75Zoya17Ly/p7SrA7FX8CepZW2i8UDedcU52mQF31HrYPkwhYocW016BrxCVKvHO
NXDq1bDI5dgfeljTBmV1ADnX3t945idaq+1vQ7wIhA2oDi8ZebmFZA9B7ntUGgDrgx2vb3ekBbB/Z7ZdDTn
Rg25UzetbWrgFZ+ZkGkLyQ9GxtWNbSAAXQKc/N/7eIoow650exq99OJQcjrpXx635TWFd6fyt/KLmhTR1e
3HnpFDGi3rfekorQ69JZafI+ddt7jZz0Hvq5rytb2maKXBjy3Yzq6aZwW9dO8XCFPqjfu4eIzL/4CmSHWKS1T
pr6aw3JcxL1rjzx6npNDA+Z7mvmmt4qKUdfbR89yXbxVqV7b494Ypldmh8s0+vltNGaTWxvTftyHaF1ibWO
nAYv7cFGC1Y8cDWHo+sMVA7IU+Z8XtGLGRzVob5yfMaoPU3Pen3e0vLF2r4qVysbq8r68SwE7aYhVI1v
WSNJgYp+/Mrbptn6esOsB8rPT31haCOdLq+as+6Q0ag4rKe9DzSOn1KL1xm9M7b7XKawBpkBabrW3BecY
MRNN3KsVejg9DjiK7k1MldnPo+XKbJW6XR34PZ3jQEB0S2chWO+IdaGqm8GmLsvi16Roj5FQ71gZ1dTr
CsNzcN3kdXK3tUfMF7j617fMvFndXzT2vziHZXRtGt86V00gqfflWuNdDrtCcseZX7elDK0kyzg+cnmdoqXI
7ad9bvyYEKOxfkrL30mDe3NX6aPNXpLpnT1/32lQXJtr6bcFgcxuQ9c+xTfS63g1+g/34LgDe6YFw8XgOd5b
zmOp8sTNNrVu2vSyawO+3q3dzLMONXB/yINLk1w963+1GrAg16a0GWu3eNiGaK19MY+O2sQ0K3ee4np
pKQtLzdWibbTCb4o3cLqOaS+dSAirbqsu981xiFjcXvfuYvmVKr7NX1a1rrpmt7NR5ODFd9M9amIF8jTEIdV
6ehg9OseA1a7eAFKv543msac7RlRpOJSyHhh8zT2PWIqjd9TX1Z/XWYErPx2hAFjcx5nN67GW2qOuA7ZV
70icVB6Mvt3wX9WLaRetMc67eflMxR7X7m/MsOKhMnHR/wAj6WUcLrwlZ/u0DCjV3geZkz0plFpnOGnuf
8lH/SUlHTb00/cevX33jgB3ff3F0IONXyzW/aGFhWOP2fyZyxchhr7wsK8F676+g9SIpg7aPWq9H0g68rQHqI
V7ygrY8g+rNeU05RyKPXevOOScNLs/YPR8oBVa2rr9aVBxASjvfLv7u0AkVjqlHazJ6W3YhZyyWs80XatV
cwFGqsZDoFemUl0Ei3V/oOM8jnaIx+4LDSgvHOhrGiaS8ZProdr8o5aAplLXjLpneoFmC6Fu/Jv0VxpKoNPT
5lTSeimnVPhUVsgdD2VbeUYrhyM1gHd08i3pLi3TYDXnu9Q7xtnozlwvV2+9YttDuh5BVHYp5iq0zn1chn1
9EoYaOoB5Yr08pYLLXljsg4PIOsupmNX0A0earvAGILpbozZTpfIgCEGVoNdNVRdNcmpXAWNdm+sfAn
O3rvHCqiksVjg1/HLxKtq1bhd8FNDBkBgisKaWt/fpRClr5GVe+h1cu1blMw4Gnnrfdlrc6bRQroDju/oZ6kVaIa
Bp96uY159/l285WX9J3cL2KOrpErd/duIxR/Qd1wecwXebHY37vpv4Cln4IqIkthBKOf8AmYQIw6Oq7O+/U3
I3Ps++gTKWY356soLoej0ZvbRYFIVTU7d/iUIc7w1ZS2WF4Ej0FR52i8XI0OhRj2uHgM4asdK68uIvcF30vc
bH0HaIooXzd7fpY0gb6cdzX1ioWFnGH1JoLffD66PmHeFp4eGx73onW/WLqoPT73je0NP7jvKjJwto67mj0g
2APQ+YXGCcc9tJSehopx5OfS+0bd5Uz8ZHrUHTg86r0p69NMQld8s+ehrbECmLXGa8tSLVxV6t18fsi4lvTC
35it9ymUQEXGgb2P6jdr1We5X3bltOhmyjbfSl8lxopzy5L9nwcQarQ0su85p09G6irTUypW2KDp0bviUYodM
WOK4EtyNVNPszh4dMN+tXBLMLnR6c56f5KECeT/0O4RGpVuVuVOMjy/Qj1Qda16g0PMmZWR7e1ykU
L5tvobntCu0caft5DmFEN8HX0c+lwVQXs5vsOXrEozjF+Y2ababbwFXF4wWd9rdaxs7zG8dd88ufZ3qJkCu6
O3Kl15L5Y9QcgzTXVq64lvkV3cxeVq+ftkRDS3kq3O+tnTTvKDDWuXX75TWDnOHpDbtamgy9dL6W42l
yiWGpHBYOn75/W04lkdDSRg0BsfPV6/rxyY/gbXJEjO3jc/T5ekGaCPotdTZ7jiKfY1eW3TU6EzTJyZPU+N
ZqiAbGr+jL2sVpDKKG2zy4N9Zd3grczeuhH2He8nXBqdLhXp9FHlbp3cGqkEJo4Q+iKe+IRVUHOW/Y92V
yVjS77Xt7xPQbJVZB2w1vpNx6n6294lhV6Jz008z/AGDJQSoW6b0vw+UCUepf895qlV7/AKhlDSKxdm+V+
neVKHmT2XWNrOYDN1eQe+fNYjqGlMuxn+zImTnIfP5ULMm04FNe+ueWERutLKQHkrPaPVsc4HrhecA
WVdNPOv2wBQL3Z3M/riIVvDXjnVo7eUIRU5weVq89TmUFVcrq3xpcDBHLa02NHHN9olqRu6+XHlUoB
ZunV03+7kB0LilwnlWjwX1YdZTu/S8dBGcPTfPoZ+DrC6wF31XbY7q9o5pvnV9XPkUdILY7ChV5OPWq5j
v16CfoLoCxC8L3VXrnXvWHiXGFclCvQQ3fbeETRKsL8s06a3rcRDNisq+rVGNKBMdZetqdL1vGjtt3Zc7u
grt7bVdZwhOp5HbyD1Y9/LfusGAb6La8YDL3Q2zFaKJqrfq27HqyzlXnFmm5avZYvsG6S70ruz/jtltbFbzKbQ
5adg1XQ861iAq5Wr+Oh5rMVFC2jVfjq9D4zBqK6vhsO2eu0y5jK05y18/cxShvtp/sKP8AsNL/AApePBZm9v
d3vKRdXWaQlvRg9Tqe/wAQI0Ny7pbBrjl8zrLKDDQ0zywPI/dJRAdDS+mcX0Us0LhYKHX+G2I1TB0vV8j
Maz1YHlY+UBIvLpeQHfXyuO8arScdtcwDoddXof0lRC4KHsrD39ZV9ZMjFJi2br+RDV/Q9svxKGY8FHyZ
7LHJZaNDFGqAr1QuIHkKuONTH69pXpNVAt9U76BUaRHQ2WO43jPWrN9ZQhbrSyaxo0Y0xltNZRTnKP
Zwulecc3tCKuB7mT3lJSh2T1KSuoQaCmzXy0HpVm8SAqtE8a3ze0QHUPl1VGOBNe8K207j5cDXovvcS4iq
7WJqq153iWasDb42OiMCtrY2zvxV6HBglxp8/VL93MB0XSquz0RJnzu9jN+1R0bWy3DnOjl4304ja0PQ+XP
mMNEEmtFJ0o/k10ljiqHnQ55YuVS75H1Ki8DDyHoYqHOLiJSCNK35mW9VZhAJyU+5n3jjCrpbyvI8a1Di

EBerzTPxWsVkeYz6pkZlsLy0/wAfPM8gloX1TWmMUWG8XQz95Mzdw5rSviNsxb49Q2+daiLVXlqt+cAO
mZroXhNO94+5itrLrb5R6wAQPR0luV/djaExLbsfvt79I1FXDnq8vxtUsdRhvj3u+Zar2lfhuQe/3vLWlDXk7nH
Us5llYgZ6Tc1inGngL8zA98PKwuLVql6dTR546zQIp6fbmRL4OT0ceevWD+kV9OjtA1gdNKeuQRlxyc46b8
fyJpSub9AgPFpvTMF9QoeTAruIPBHYNps7eUy5VbmK+u0buoGw9RX6Xu5mUTkmuMJVWXs1wsdWAM
1ala2axVS16jQ80576mM6TWN50XRyKE5BdGtREEbwvZYOOLW6NwNE7HZrzH6c5uFjra5DWlD2UnSai
m6zfmy/UBdLGex1HpTr5LUUHDhsp5FAEeMnWZa9XZ5JPi4vSOs37+VQyf6TaByIeY13uo0RQ1aO2Vh9O
4hsWpzkV51fyzcHDOQ0681Pk6RRIRtk+a1t23SF24aGK1rdrvtRDI2pzf5q9ChM3I64VT1WgO/bG+99dqrui1
8j5itoXa3QswvYPEco6FeWlVj3O2YRiTZldF+G4EXJWyp5rk8mVmA7mT0x8u8TWQ5ynI8HXyXMkdxyeo
nsCuusNxo3Mezh9c8QWv6WDV7cpFFGTXA+QYHr3nIKyqr3yadneZIK3GD0rL5Z6VHSlfI9bAPNTrjSXtg
y4vWubODkxM0XVWKOt7Fb0VvMbBS8Dg7jPka9kRsNt5Zib23v70IjK5Wz5KfB6DWNqH/PvVjTin3iChp0
xa9jF98HW8RzSjvfrg9gOkRxMlcDV+6vBqzSD3d+lGD37zaMpgGq4Du/Bq7DM7cxy8taO+bTFgpLlt5ZGvC
yala9PAElJuYYu3E0aofJp3DXXmZEY0syeukRL/wAlE2TcxLRNjc/R+aaaotvPVWPm/vPSV5LoNv5E01S62
PfTypHeDLPLc+ilZw5cy9KnblfPNdpYBby5feUrMcZG5WoOiurE3Io0UPnTD3zBQFsua/wPSVVZ4MvoZm
wSZtaN617tjmsSmIrq2abGPcuUtoOuD9EyWy9cAzquAcdiqjSFtqiLONVa7VTjEomkXrl7t2+am21Q1rKcexp
o83yxFoACqsP4L6Ha4hRfJpY4C69vOH89Vvame9GZfkLvTTpTzMvaMrctgPQr58ozUDGFodafIX1mUBYy
w9rTsBvcKTDcZ8zdP2ykWKTWwXRpkwfrWUCga4B2FeQb5jhyu7o65Pzrqkr2ANA9tDXfnrEhq+wZfYO7f
Ri8BdeT5a9K9Jjqzvm3zyvljaIlA9vXfsenFoDzBNdSmTq0Sqz5g8hsXpkgtuBvTbzlWj7lZc6HrsdLat6Yva5Yb
WqjQe42y3fAxpEL2PIzlNguuIJeahs9A6t0Z7yrLHzPo5OaHTZjXw0wx5aDyhNa9gy3n4327saU0a2GoxdrlnU
vWL6dfJfrldVelQG33+zKpXJwX0avvW9QxE36vI0HnbdrALBgqa9JlKZzOfI3d8ONj9rWOJnLGLBhb6+rS00
KbgAYBoGA5o+XV3XwKKwP3ESLYN115eXvtj8zSUngopd5RUCxhFXai0daqcY6bI8mHaJo0D588XKcUP
FW9Lrn2mmCsUqr/R4sXzEmOcuAvTTB2x6ygSu3H/OCZM4Xv8KLvzpjxgGvtV7q16MaIcd2Q+33WLJdrzo
dha1414YIrui/dTeefMgL1BUDshhw27JS26FYO+lG3RmrO45XyGhe5aXtmVq5NEVnCGjqVXzMuANhQ77t
NS+rUybpu4oXctXrVZz1gVoLbBpvtjN8r5srbV8gK6DUdwesztBoinne8taQOsw2583PKcdinpAUuXXGvqPez
3gaea6z2wt1u+I1oN3Uvsih0wczUkmlDyBp83tDwazRKK4qg+e8HUIvQIl7UpezR2u4jkXstKq9XKXp1ioYQ0
KTbjTTXHeVFuLVr7GLmauSru7aL60531g1k9HqP9PlKA4Hqfe8DdV8arzfOe0yVuhfD9OHB/DV9Gl3Z6l5
N7xtmZrZyyeu8RDINEp6hj1F72RB2mMLFdBgeSUqscOYJHHBp6X61Kdmj1B1TXVqV6y4vdan+e2YaIDG
evtpTzLEApld14/403bZkbrOV9Nv0MRZ4H3S4GCWG2p5j95jy8m57Y2DYNNsQ03ldxdtYuJj4CwdXld86Gh
sbrZtg7sY2S2+524euvFQLJd9cxIRCzjmXZW/cHB0iV/4sa+g37cPU+IqWhqOjy2dTzCWWDftHGIgA4XbqtV
2w7iS2JOupbGphL3w3rugbfToy2lOcZmDbGg7dkyt9bZUuMMrF20dnTtKeiWRWmo6nrmKTH25RWax2OO
jiiW4p1nTa0bE0ql61D0q/RNO+/rvFZu337xKlvdnQ9tT29CUKh9B3N65+NJnHfTc8o1hgmknYddF+vomspo6
SzDh2pzmCLseg9w+5rzKS3siHkcOmta4gKl9KNPUb7QLSveHc7vIJpvGutm2SyV2LlO16cdR1K2RWtusNAI
3nK2NwIp0VuQbQdTzCzg1DglK4mzeHprY9MbxuhZ4Kd8Hbeg2DmUoYMyfOrC+DJCu8m5fmpfmW9DW
VNdTYnXGv76QqpXp9wfBYVpAhq2itK0qx0H0zAlCP0dNFeTUprvDo7ugOunUmrw2PHK1chh5jxUOmH0
unyZfROgNnc/lxACvOnfk8tM2kStq7G/IvowpR0p2z2xqc71HCxs0Zz8Fc1iM63G6h31LmsdWkIBcbCe1m+1
ZlwU1dn7cKNjmDY82DqQ4vSFOYxWtvNuNXAAGIDZLzmY0W1beDVquhpT5ZYhR3dQeTD56jYxi3FD
MtDWFnByGx5HBolzYZaG1eebmlK85Tq3+atuA6sJFtvs7Djq5dgNb28K2tWDnh0ezt+YmDrENDwcmpNE2
YsMeAa8UN+gt3FzKo63TYiHCWIdPOVKVhmKhydx1HKx4Y1bKzYEb6adlic8Ltbtpm+Bs9/JdYK0HBVbZ
X3v1lJZTeDOT+jZJp3N4RSzW6onG+NrgobtzDjGVz0x1czGHnbfTQ9fmEsy85PpoS6qdCHVP6GCVBNjV+
WV/bYvoq9kgfN+VESsIGB372ekM03pT2NfUPciLSZqg12K+Mi3i8xAdfLp5GA+YNdRua/8Ab6Es1mkVVjl
lFa69UpoRuFNHmlp000qFIQOi13bEvya5lRtgbyov0xZwF6QQQhjOh50LjZGekvS7vdydMB9G3MS6rPn8dH
AbV0hJv+IO1M6l9NSW6ma+BpHXXmoMIDlq8vVZe915Rq11uyge9fzFRhMuVjtGFe950IvVnYK8hg87eIp
bsepd/vsy1SmgtXy6da85bC4VK70rPBfa4XKzYvPVay7rTpUYKqncdvv2oJSpvp3lXt5XBtF669IApXRKrZzL
EvPPlocV0x2gWN8u2suZTYonaxo8ujrpF7pTVeru+eDYItrdbs5jlZTVUBs9/tFwQu50Gu5Z5vkmYrNxbvuq3
moIdB5HX70hIlcCrVvnArcLxAigHNNO96r1VeMYhehFGmeB99eI1wnr+oeY2NrYMtzeq59WXesW/VHPQ
bvoGqxlXo89Vv8ABsHgjTbAZUxfJwsqk143XoQva6v/AILZAWdPAHsIOKioZSYQS+S9HqU1jSLc4UzY3l
W/aGJMr/Fxr7bfY2x73FVWD9iZld46VAum9c77bVEBKAvG7hy6us2O36mTqY16rCtq66emkbLDx+42AuJc
FArSrz3uKywrPf8A5ZvrtiPJy266YF+/3MQ7NLjbS9s+iR9GAIGnnu+axKmI7GnpMwcUPbX2xKfL3oY7beo
9IGmlosjG3Do4bRBa1NjphdO9Zm4xV1vfeztio1lqsavd1zuFHSMeKagBxeFKs730qE4G23O0TOzUC68wZfN
qIEAtZoKBwFfzpBPfGve+u93EGsr+Snopaa5vRbr5mRgJRbd289tOkrNs4aL38u1BGu2sdHfiq8qjeYQMCmzu
jvm+srd6Ax00fPXeFMXbQq65rvArLUAdC72/s1R2VpqthVB5L1jiNWGOCgVpVRChn75QqGm01haIOlAV
4GMB5uuqrL566bekArC8Z7adPbvAMktnIADYOLzvYbA5i8rdlvXWdA3pqbcxtpu/Q293r1qAbCVZ3oFt4zo
UdLzLi9v1LqUxu4Dothnpnn2xLdW/cHB0MeI0ZUndt0vg4822Otfh/8QAKREBAAIBAgQGAwEBAQAAAA
AAAQARITFBEFFhcYGRobHB8CDR4TDxQP/aAAgBAgEBPxD8jBL4l/mBTguXK/xWcnBZc68DWXessg/
iMveDLly//Q3wCVKqWVLlcNoVMTH+tx0g8BeNy+JfC/wviJcGdoc0WX/5FgQxmW8C+GJjhXBUqV/gGX
wWPBi4sv8AxXxL42yzguXUYvaXwXmXB/2Xg/iuEdZcu4cFcBmsSJ+LNUuLwMLL43wXLlwX8L/IZvxvhe
8uDFlweJd6Qvf8AxWB+Yx/AeDDgecrH4MYPPj1i/g1LmK4KgQ4VK46cbly5cviXL4jwW8DBFn/jGVLl3Os

W5cenFiVwWuo4gXgihKg2NNYRUMoXlyXvEtMGFo04JwElxw1BbUaF8DqiVLJRwtdRlkog7Qd1HDAuKJ
dTKXB/Cv8AYHVl8L/C+CxyS8xcwTXMFSmNg4TWPDSkDaVHTgdlRKK4pbNR0h4AwIapU3Q8FvESsT
SmtmqUuo1bNcWOAgRdzgXL5/63DgEqVUSoyuCcEuBE3I8okqoEWowsrjmg4BElweDOsvdi3O8YsuXmL
wv/AAD8Q4DesP8AXHEjHh3ixgcLlkajrwuL+JlmLguKzRio114MOs7y/wDGvxGXxp+A/wCo1m8uXzlxj+Fx
gxj+K8S05k0cLES4nAS4Uha0QEgfzYD+ZDEJUOAf+EnWDzl3GBH8KxGLNY8bgzHAIDhfFIM8W8OcR
mWYYl/gMuXLl/lfEf4H/PaX/k68VcQ5yiUSiOX4XLl8KiFQGJRKlJSUlEo4AiiUlOUolOUHaImvCuBwH/Bh
/jVzpHn/AJVDjqlbQUf6sDP5v+JYQOcqVxuH4BKN+If4mIy4f6i4H8QiV/imfwrzlZWP4wkaYF/A5v8AJf4D
GV/ov+e/+Re0yh+MJvEGZZFzxeJfzAjszxHB5yt5fCt4fgdP/Iv4WXX+ZKgx/BEtFizX4d8CSsoL/EEBBji8cSQ
5SoN44VD/AAV/rvH8GNH4n57/AAGeLS/PUlfgXNw5oFcXwGOkuWweHaVxzwP/AAL+LqzR+JHjp4o/Co/
4jUg3/gLFt4tZUqBK4Ar/AMolfgsosf4rE6yz8nSOsCDg6SjhZi8Gn8riXgJX4kP8h4POX+NfhcX8Naaf8ViOH
C34XFiZuBniy3KIxcVCk0cWktBd5XCkDgH4BxPzdIS94Z/yCPWHERo/BcTT8NFcKl1+TmDn/Csw04mAi
YnTgJDgzXgH4X/gk2mk1z/ikr8NU0fgjcCvwThRH8HWMuK3/Bu4acXmMTMY5ZcD8CoECuLygcSXwWp
WI2jyhylN/lcXgXgjhtFtlHARcX874rwXmLFg03O2ds7YdE7YcNbhUrgaxynRLXiE0lSmED/A4pcKnEqUhw
Y3M1LYpcgiS2aJkcToly4YQxL4BBqawOB1g8FzFisLFysRzlecrzlecSmoOOJxJvE/EeF8B/1ZRr+AeLNDgpw
shrLLwxGNIlReA1B3hCg4DA4JE4aJcslkpKTIgsuDLv8AwGuB+AV/sl/4AzWPCClxuUQhTLQrCUE/AhwB
LlnBWLAYVG8YcLuOkytEtziucOdEF3BipYy8vBRXG0twHE3hGB/g6/iH+Fc4P4BnMG3jpmCHFgf4LtAb4
6kUl/4deDeaH4oEDb8qgZ/I/wAj/B14GnFBHfF0iV/B1uD/AIYMta46kX8QGcBmh+JzMn/jT81hZri6S7IMOIs
mriqJovitRbh+GOcTwss1cdfhUH4asGaXDRBxw1S18H8M/gH44/zHWDN8XSGJc2hxFLjogorirhzQc/isqNbc
Fj4teXH8da+GlwGJp4beJ/MLajjEqVv/AJdH4tHF4OvBcazfFONBUJc1fm6fiakoF4WXXE5y11NDgsRY4HE
OOC5r8zngdJf+br+bpB4BcD/EYslmCl4PzdIv4GpKg4Zt/AaZmnw0R7cEshpwdf8AGX/evwZREh+G/F0X+D
cJrDj+FJWVieD/ABKi/wAOvGNPhoiz+KZ/MYueFb/5LxI/g8Bg/PTHZxuLgVBh+DIKl8KuGq/jQVLr46sraa
HDQzV+N/4k1x/5FQOIuI78WYfgKYPwV5yvOAN4Ahqk3vxutFa/iaHDQwIacWVni6RY/OuCogf7mB+Co/
Cxx+B3hqf4NHFf4FRcRgpfxNDho4PHFYDx0RYis/MlRj/uOkD8VxeC/DSnC/yFuUfgWK4DL+ExocNHDcc
d5TjomgixUvF/ktc3i8FwZcdfwYwhxdIm+CtylzAuUQV+AstLS8Vdx5k6k6kN5gp1J1IpzBdSC5wXeK3G2VB
RxLHWHMjbqyoLUvmjoXAmTSdSDCVmGcwRrE2ltTbBLcECsTAhBRmqDgTe+Ff5GsOLpHbBuFqR1lhx
XUWLFwVi8GVEiw4JlommGXMeEWJlwuZ4XKhyiQEpErSOUpUw4l0FOI01miK4AoiavwIjlBtuK88M8Xh
fBhRmjc1zBiCXCCFk5GCtTWMZQTCUdIxgxlRIsYxYMmUeC6mcO/ZmBfaNUKlaMVayyIXCHE41K4vG
aagFCNbEKazC0xZab0gxNCEeZnQczpBjiPBeDr+BcFaTBEeSJGIJmWjW8syRmnVi5Q3HtG5fBJcXCsTEqa
PAcwJqgNjPOPBHMQLgtnaBwJUPwBDnCUcF8HqhZlylUrQVBUGdIMRm8rZHcWEDrA3h+e8aKgLZ9i/U
R/D+ppNXZ/UIrqOSR4UuIdMLfCDYy7P6jwvpf1AW452f1GmvY/qCLcuz+o3Weh/Uurav01iQUXphfaP/AA
P6n1D+o2vplwnvFlr6NPOP/O/qP/C/qPpdWuEhQtDg1Z9Y/qH/ADv6gBr/AEhpOseXmWaPblCr7PSfX+iHGs
vZNNdYkNGOu8+0f1PtH9Q/4H9Q/QRfXR4EjRemLn3D+oB/D+of8AA/qPriFuFuEx4zDiG76X9T7B/UyprmneG
GIU6Lcr010mv9j+odR6H9Qnf5KdCZqI45zTh18oU/Z+pZVVow/qCaYr01faC3qer9T6l1+o+/I6y
gN4fL7fheGgT5PUgymm8F/c2Yfl6j3RHDZdtzy9uN46OXZ/tRlL9T3dPT340oNx+DwI/Ne3H1vugcuKd6x6zv
x9b7ovO9/4dm3rj5l7Sw2wvm18fgnFye8tqOvD0PslyyGhrx1eNi6PtGbx9Rz4KuwlVDXMxTTA8NfXjSBuvw
eXvwr81i0ewvng9n8GB3D5MUwbxIGG20qfVNn8/We6U3nK/U7On68OHaIbFlvhrEb3em3pwuXRl7H7fmU
z1riPn+6Udqrex/a/B13fdH53u/CwcfmLMAhvnznQAHz8/h6Z7ysR4WHOXsisWDPlmahSXz4kbeXsl14p9Rz4
eje88Anu6V21jwuEwy9jbxccW/zcOZYjQx5f2+HReern0487qp8MQV3ocXpNtzezxCgDet7NcoCA21i/1xUzn7
otUGW3g42f0+/HI2Tjt8FevHGW74bfvx4Ku64kne90qDTHx1fwXm+6LzPdwNZ3x98/Mq8TtW9MTuu9MfE
LDmx5wy9keXD0z3jgjwVdr2RjNf8At6H4XDp7IAd59Bz4ekS4mMnu6envxw9ueG378eF/4aTQX5RHeq358
CNzD0o+YiNPC5d1+f8ASApctg857PGnxfdj+zk8cV+lyk3NNgTwf1NUtV+Cba69jX9eMKKNOHrnER0C3ks
U6i35/gvP909R7R7uBrO7h6V8cL+xw+GrhI2Tgx9ZR2MVdXhwnQSmsyQ0ecQ8euaaT0fc4L4DW2Y+HPD8ve7c
/XtNR9XwZZXx/2+bb2H7nJm7888My2p4m8SajLS+dvghO3/zBpA8hBkWA6KjfrvyhmjIvapzZ6fmJwjvbjNDJd
/rT+5Z/1zijqp2Lsh/HH2jgKR8zfJc0vlxP5vTgbjCVwlYmr/Ur7Iq/ctSWy3xnMBkzw2XFWO1e8/WmS+cQr
2y7z6VL8D6v67+o/8A6H/BxzvH3U6fX/sPyu4b//wB3+5HOD77LTpLsxVy7EKaQw6y3vPf7Cs+7ZMx+Ze/e
CgLOlU4xKv5HQHRiSmgMJ2/rCuCcd9f/8uMo0D1X92fkzv/gCEuLw2ja5h8LZ8N4rpfPuGeGqA6u2rhyJJVy
FtnbF+nAKFnDffxUaSXQWtBwQgFcW6HtR2PaNmlVtaBP0HHvcZzt5+fD+nG9pIl9T6Lqu5ZP7+Wdhk69E
MD5b8xKlsTmHe+OE4W03cxemnwzEHa0+u0VZlNSj1H8iHuy3JTvvzyNOFbtYDQzsZnHnH05wwudQXn
K1ZSkq3n3WO/1B8vAwgiumPX48g8KmemUz97Y5w/8ABX9H9LE1Dn+AaEXKoGbhrYnqI4fLJmN6TBNR4
Ahyb3xWDzE2Rl0aH/wDQR/cw8aDsJFq7Qcf8FDxXzj6v/KmXs3g/ZKfZH1Dxs3b8wfgxMDf+7/cnv4y7cF
pabZ7vVx3rPgGd+Xps6JvWNtsEHtsf0OG6vOczrUxlvPnsHwAGedPjoAOuyrPXt4zu19Vsv+nU6Z3ZjDD
fcoCwVIp/NvsXzgrRl9BvwgL+ljwjQ5b2qUgvIjCDGrijxOD4tmsZjFrGp4SU5MVDhvXgp6uJoJfd55Kcc
mOhvRrAqGmcOrUFRkTtTt7DPTS+kdnJY1e1D4jxa/SLW8IbhAs+nJcZPC6+jCaWrh/8FWdJ/TPIxlHOqc
kwD4j9rkZSYd0eXh0rdX6xvxvDc0o+JtZuv+hwBPcr9RiWgoTmhFMn4FR/3U+cefdJjrHxk7hQFpWlsfkNbm
FkUNuNzFQGCNqIqbI+fRl8pTBX9JIYdwtYWmaZHwyYDJGP/ASHVVPvmfMZr7aFEYSrEsiyKDexa//ME6aS
sHd6s7+JTNvsRgJpUNvtqwbAePjL7TuhNp1s7UnRs/Jb8MDS3O7cwfVTB3rDY90fy9Ljnbg58kPNDEy
sa8MUW2T98/+4pewFnpwZ8DKVI6drf5XPvKx2nTjU4cePz6MAYw6AqHDMzeqdQ+9cSEvQ+7ia+BhQLhs
5rfTL04exE+RC+GmjKgKyGdNRkbBIzPW/Z8UKeDzwNbJpH+MdD/ODxAAc3L+DQIdP3v7eFnM

XJyfaYKy5+r34DyUCk6/qXAMZ+O5958bkdP6Hz5/iyRpEsLAccmohpPNMGn07TTqFHG5m1bTPsZ9jHi0Q
oR+kv5PE/ssA6dD9+sACoNpRdhy+hvDUOMabvPIuNDj6doO09c51zLg7Lv1nMPObbfnAbQqVKSnbYo33
NPoUKZnVJLs8NlNT6FPsUKJvRapNLLSqyKa2qA2+naLNPp2he6luW9ZnTanDTiBQepPsUCioItsKw1H/A
LEFG0vVvWYazPqbWlF0NO7EFHllvlKJSw1mfWC9ZZDqOcQ6YQHpAfeB6FMRUyiitnOZMWYy88RYM
Rsc5cwKiAbKLM/yJq5X7TaAXVYc/ckZRH10nS+naUROA1cXWFq6y94VAjDSX/jXAGx9VKLuVi+RKeb
7xqEEpDuQ2p2mYnvv56Hhvmjy9iGmb1GLfkp0yYTQQLpFUa8wgzi56soA5e0vyPibiDBusMooiENX92ggvr
8kxEUzgYxuIBICneJeGaoGanI/CiYDxGqajFrWAi1LrlxIDgLS/wAKS5vxDThrlygKfusNFMWagTKsMEva+
b8fnqS5vmjy9iGmbzSfiwQrKYy15ELLQAuo4Jl9LywLY/TG7J9iJAua+JZtye0UNBgTYfyOi2YPgTUeb7ksL
pGpFZiAUTAPwr8kwmqE3jxFWNhcZ2yfEZt5/uWtHhBniLF7wrDZiaErALiZr6xEUQ+mXO58wijrcW8xYZl
NQV4n83hmuJpZo8vaGngMPwWi5jyxGDFA/wAg1U3mu337ntL0erftGAuHl0vHtC0DQrncEp1X6QSza4WX
eIv3lHaJY3r9+3A1JpisvAKA6Ql8QLWX4pngN4Mw4iVLgpN5CXKjA6fMBTEuQ+sTsSrEaef7ILL7tr7/AL9
Zm6GFt4FvFENPhERzcrY8pflsvvCROOYWOXPcfzMFQjfP09op3/GsjKcG/X0mtfWdO+/a/wCTz72ggOvqiq
yCq1c4++H2oDZf3wmbbTc6ZzBXvGYi0d56GLzn3lEQIEUzrNErklmkK6XaAO0VYlkuXwdeAQRlN5k1ygs
Wy9prOiZW5Y+jRjaux6TRGakWOuMSh6BMbbxkNHb7jsk2GYT90ljR0mEaPowzM1hEL2lOUVazXPffy0i
ViEb5qhN5/AAWxy16A7y8aXPnr6xh9PvWKVR1g1TrMbEzK1lfGX+ZxFbDT1iyk3+kGFNA6bbZXfXTSO8
j9eHONVekyFylQMnJ463t8wDXTbCjAYXFGGUasMY8vHWLkrfu0EBviZMJiXL/ABrjqQ9KFlEywKfeG2q
dMCUONf8As6IpxGG6sCOJ0l8iGEZKaMOpMFzzgtI7INrMc+bEKfx05eIMaJ+ntCN5qcWqzDpWg87hgkNo
KCW8B94+aUTOOv33iRxwbRI1F3e+fvaJWXS+ukrtbSiwW9tfCJFG65ek2qo0eRGLCgX3mEV4fvvNVXO4
hohWbvtVRmiuCyEDXRKQaMYacL4r+OhIGCaZELBs7wVieqXOktXV6zE7MzUmhT7UyA5xYyQczCgjq
UWSrZgzpL9N+8qmoy91bHOn7mjCFo4OmDFxBJrNThcLaczljcNOpHUdfeUC9d/1217ueUtcSjpdQNRTWa
x2b6/wm9dtcfsmKNunL0jRRUXp5/HhMG66aHx5coQRU1BuoMLUY6wpPvjKU3Bp+0sCK9Swz5bRldFzp9
rwlllnnELXUrUwPhEuRMG2sJYue3zFNofjSDLz+HWangwmEQoiaCGr1zn4iTUsI3Mq+csA+3GbjfSIZmu8C
o2w5bpHsSqbo2TgawmqO/AQazW4+CntHKWdZDb3zz0rdJQFv27/AHyhWPT3IFXXb7p+ukaobd1718Ndo6
ltPfvNVr9239p2AdHbubDmtIbhTZubqz37wBxRkLwbtuMdJYrBpVb9IBsMuLqHtLhgcvZfEmc9nWnH/Y5V
NntKAU3NCJQ3hxVZxvvMvgf913/Uoi5nM++u0WQQu/ydTgqV+I3xYUi8I2A+VnKgFYZvXwjClik2Eoe0C
iqYswxzjYlmkBQ5xVo+HAQmqO8/WEbzRwpUDq1CbWOyOMWczrqfGYqaRzv5/wDfCGhKsrf7iERAK0e
Onnp4aQWn4hCKVbOfruwRb5S1GDvALd9znbrzjI1jftzhwDnXFHT75xV1arN0/wDT6yuZXuL0p07QxYYv
AUfKy3ERre/SuUq7NXzQvPbaqWK0K9/WUa0HbyhWs1RcEZC39b+HpHknvq8uefAqyDZh1G1eJf8AZq1gf
E4XLl/5CuDdxJQoayl6MSxjNdqma5emNUPLEOY9pK9JTGjUq1lRGa5NbeIwt0iuG01cC4N5o4VNmtMXW
3rNdMbwobYxqGavW7YRLig3zn4glKHfs9OcYBLOMbecMrRTbeENhQ66fWCJbUd0o/5F4VffaIa4r19Gv1
XOWB52zp+5S1by7V0NPmCcDWb++bGYrW1PS4lAMHL55QCqizYnTW3vGCqg7ekzkdVfjp4SgdUYB1irI
PRj7z8oSiYv1Xy5YjSRxm/iWu4dS3/yqcS5ykvCqirCJTHyg23yZRqb5LcwEI8Son4eEoUQOJbTNPKte05TV
wENJvNEtSg7W1b3j0lNcWpfMvppgx1hFTlv0+fiCMm/b+zBLcVFJzrSLN48oaZFqYlGC46hTv0luZzrf766Sp
QW+aV05kLdKulGfnvBy120ef0qZI7Xje9nw8IypbefTMy6ZOXh6zIt1zt7EPQW++F9YwFnmxWTaKsXWC
YjBd4Ef8z8LzUvibEKrtmVMwN1Qsrl9us+MIVyjEBZgOBJXVDs5GCUNbljmUZIV3Ir8IInfnNUYE0cC+H
Vc/dfK4r2TV0na5zEAPTwrbxieg19uVZqmoxRzN9HlGWM2CW2LZmwGm9j6bdIORwdz31l6TVryMOusO
TFJv8AfHvEN6GvlIOkJZhHDWWw3gDTcJlBtcvpQd+C/wDh3jMvQFStXw84ijW06s94EgazB41FIeAay2lZl
hCRHBFWWDYZgi6hLuIu4N1Fl7ADGlefB04NE0jVFrBF1j1a6fKBVA6kUscschmCOdXpUr+ECrCHoJ4QO
sQg55d4AFRL1LX2qOXaHlOaKXBB8RKjslAgSjgDAmnA0zN/8LzL4U8Dmz/qRc9BuylReVxhUXV1SzBJ
OZN6AgUogSokILQEq1lNeksB1+ZoW84GYUtsVVBCtMte8TKV1H3aERpo9v5EJZwGDidab9C88uV8531P
nt9IS5htF94EK3QJUWPJCcsy4iA0d859IQuudX2/7KKRrmVQoXhx473VeN8tY9rNme/3nMgKy8bvSEC3WP
OYTHd46Z58L/8AHUWXcggDfDpmpTbgebbbyqLI2L8SsnLWLqZt4w9BAavfxhsKr5tF76yhIK5zdBfOoCQs5
3gvnCkWJo3R4wKwFsXzOsAVAZcODrmJGx01rPPMNkklZqiuutsBkuQC6xvHxtjCWaNNukrgIMr3vkweSN
2dwvfrM/SNW5zyAjkxlSc9yXjvm/wC49VEal4Og4lVNQjZuEvPBFp6w0jryigMvyo0dTTHW9u0ZMhkOZ06
8zymGsNQ8NL1+N4iDOnhekwrAWcQkHEKi5V6ylVCkoMJYVm2/j25xRgg3RGZTkmr8bmtnKNBoAvrX/I
6sqDPf3a0ojwu3lLGjhdMWmuFxwrL/AKgC1gr53hukpVGfF+6TXTR+ztEsKVztxnoYnTVUcnV+Rs/UMrrT
zOvSprytDxxCs1PZUU3in2sf3BKWHxEVRxj4rc9b72MzSg7r+oX1l3xrPpEOKU53bNQQb72x27BXnTG4Y
wdT9kSAwV89od3piufXpL0dBx8xuSHCTmFFTJxOopeiCDLa253NgFJLNYE3lIgLCZiyZ233eWM+CHkYf
hSJYk0jCIIOY01Xw0hLYC9esWzuAFUvMxR3lQ5xDpCVOfC9P+dcEvDNCVwJWFcKcpTlKXdTcqaYqEG
pAVQolOUBekHQQEQUxq492EgmMe0BS6vtFbOl1LMEpcRsoJiliPqjemsc5jTWVeGUtEbvDL1YSiLCVZx
C8178sf8AJarw0Wd5QdAlcW8/f+QC5fGwqDcqIGNY9Ql1CnT/AJAQO81zwtEL4kFXFldZZMk/8ix2XN/eP
Cgi/RtHuC8uIjqTOrEANKIVxLz7Qi/JYt3Am4KHUpKzL0fmFSWTrr6QNQd19qNt+vPYqoHR
cZNq1ziWFPBP1XPNwYCvJPivWGqGvU/dxBwff3ylCMpHpp5xWk2FG+Ncfe8dpgUs0YnqoNC9Jbbfts8Wv
0gukABYvA8WaZX6+ukN9rwb8plVV7WgecHDJ6V6Zjr2jfGXlMe229P3OofKOo35MpRlRu8w0zIf/JUCoR
heG02ghDNo+UGmY3lN7qqjAxZLxomrYeMSVZUF6sF3z2f3LzBs7V737xpuh8/3DjeT64lFum+vvtMgavaV
ocINvJAKGPuZGC/PQ8LekpQbSxau/wDbIoawQdy/c6PhAzCOiuufj05VrgOWnf13ZiAs328PbvG726+9NL02

hCjB0xXdw10EvniJC9pY1VSUXhqm+sAMC+5/fu8fXQxjVt0zsULppEjnXv8AqOkuS/HvNXl0+Jj0bUpR5Na
Y2uzxqUQQX1emPHXtmIyBRWGb300qou1tCihe4U1g171EB5DnDShTRgGfn+ShSWuv8iHJ2X9xSEj97zL
QjMWpU1X/AOUTTg9Q1ATG0u22rgmtG5kEr9+EdwZiJlfhESntKyiUd48jNY1gKN1MSTpp6Wygpg6coFF
miysd+x9zA84FwBS8AZeuN+sejVsYDHBpgm+u2a97+Iatp3lXsL0dOva94NFth0t5PfS5S2r1AWeGpUFDM3
Rpzlok0OmWTmWOhbvdShpMXVacsdjEKilQu9DLeXkMR4RcMILq0l0rX2N34IbuhlOmx96xAK/Rv6YI2F
bryDX9dJWBQx+LpBvgglMCWrMzwp/41qKFlqCJZFmSYWBY8nK7+T1mbmMwKekoAs1UZrrQ6y5SJq2
XEWkUat5en3arhB31vlVVisQ1VhfvhHC1FjVcX/CLEGyvsG3BUoMtiILMMewYN66Aw9FVdJowctvEdZoo
FN739x8wlsGx9bhJkWpv7cwMgzRBhwmvf43jCzivYwq/G/m5WPXamubg/wCVKdYuWR7b2SzV9yj2XblB
kWWwz516wFE0ac6Z1LN+c2SmOw1fFlxbwCrz+bz4INWWf7rUt/DXcQyz4MPmUQs0Za5YUiQ4DHBVaV
zIYPQgGhBRqAEbYhrd5Stb5nkaqeQEMV9teOgdfbPxBzUpWYS5R95VeJlS6mTNWL12iAGL1/sN0x2g190t
MVRot2hxQOvPvfOAEcu+u3hNYB5RSjDr07eL7RAvf796Qeg+/f5FfZTrlz4XBGmP1wSdcQTedaU58FEQ+j
KRpKimUldp0oFf+BsVNE4sKlufFNlRZcyUi5ZHvADSLmphmyRQKzYI5Ai1XqwBrXN/hel1+GWvpE4ISz
WnXT7+peyI9ETw4eP6g6L3aPz/ACJcXr08bbgv3f8AJXnuojzK2ll7THkB/eGEuBGcvbQ8LdN5WhXLk9nRl
EzqQhKjygKESzVTLX2h6pbhZZUJmH1SJwWjiv8A8I54qia3jaqo33TzllAnjFc1gILLt8vLxi+WOn728Jub99f
Gc0lHLl0+8usEVp3iHPOClTKV6sHpUJgvOz9yyDwbUBL9ZzdaasVrmbwgLRarUhjPOq159pUjnmR4bzWD
lmpXK7PS9+UAG0a4a9uXTwi5rrXCz117S2op0vr5XMXVPOW7Ren3vMAHLNEQHYxKmto6nZ1z3uYdl8
vKje9W1pRjvCuxen8gMd6OZcf2Q+UYUKSVv+AphwqVAEKP/CwN8RZK2LUJsO8ygecCyiCDCffvSJqUd
NfPQ8C+sQ6v3fnANhy/nAbDJKGxqCGqOlWIpADYoV5a+sdLsedY7ZIZ0OoY84uUJcVkhyOfuzEjaWSK3
UXV8759IzlbVOn79pnhsfWYUX2I6ho7aL2efK8bJBmYtMB46Slv9RrtH033rHxD1mjr/IWUQ2W4IlkSk+Dk
eifrMpRQjpdU3dP/ABO0axKaIleZL0V+cFVaDd3pC2zBl/i6IXt/51gdIjcU8Zp/f25812++sNqv2/sGO6PSNdznt
4Q7hueXbrFiXTiOWXDCkoD3z/fn7TAHvDKcdDGIQN0ogxlRq30mARRp8+HzcBR2gr/SqnxEsD4RPJuDU
pD0JXX+wiOo9nXTGOvOEttOvc3mUDM8FLtlDNc9o5MMuVuurwe/xmKlVLalGieX9lWtesZrBWiQDp+S
AERBw++kpWP/ABXmqlxmRZLCsXli5sRf3fEX/D3irlb0/bBa2OWkqsapUywFY49JzIX0XylesdZfpLgSXuO
a8sXv0idK9zD7Roh4D75I7DVcz9QZeKlTa840Q/66id8Q1DBBUS65X/3rpGaDXBFcPb95iNEvu3+oRthyt/lfb
lIAvTXHv74jBQg6Yz98O0CwV4N/PPpFFiWNLhvE3UPWN14+7fqXKs+/uG+UukMpcaQpgBocNOCyyJbY
5tFa0s/2vNRDaWrghcVGHKfv35hUlfIcef684j/weLvE9djy/soHlzPsfyCFGIHuZfe+0v1ZAtafdLlOXHNQlraeV
3MA0fAjKFr6fHrBoZL49PvOIV3T05bQsgXtv4sMBUDhc1JUx0aqeVRgeH5gRW47DPv2iFW7fc1XM8pcm
N/GvSUJi7Ug+PzXOKmx54Mm9hjuuI4g1xSWV50+oc4OnbH3rHRsd9PXnzmgbHQT7mA9L1h6vGP1Alke4
vy+9YFYX7zBCht91iNeCDmWKoBrxQqBsQG8xlIF0lLphX+pm1qWSligVMt3juzZYTcmjRXeFmrXf9Yn8
BiZXQhNMEOtYcwfr9xSFYbNZl7c8fvhM6V5TAenPStL6N6HKKzlGA3XlzlblrS6IeWYtXO2Pm6gy9UT/lz
ACQw0taY3r07QmVBzbvzXBHCw9DHofHjHtZXv4nP4qGkuMveILWx8YigLNPTMwy/Jv9epiUra840z2Lfu
YoF+ummNDX2gDIjk1ju9elSiKApvJk8t9E5zYh6CrWfuYBVt0AfC/tdYWRzzPa6fSUZUfL5/crTU7yxLvetc+
8PijMvqDo7zI3fO/ue0r6i7ZV+79IJiBre3zHujK6ummo780uuWYXYPZv8AB2QUZXEFAd/9FB1uBWrgdWs
S7zHlKh7MsspCNA+7SurXzGPDMZKrqDr1qWCs81VqLEadsL4zIhrOx8rhEBq9bGPMWogG+oeLjTszHBh
TfU53r3Md4q3CpZavv+oHOH0PRV51UDsE036X/Zyeen/fWUhUpnVnlY27b7xwLl5t0fflz8IQyj3zmupfOOs0
jVvOuEvEILC98eLky554gdY3uS42CBVvS85bx9uEtzW96TejQ7ZuU9C6Aed20Y/lwfgbMDq/LG+h3lIWBv
Al9KNTcN3LE5FXd4s6Uunh1YANRWDOO23ZxULsWXdP8vXlELUPQ9D73hh8OWOl/cSvCILfN2000mH
VXPPvH+NNfDc68wzEG0GjVXDRoGbvz20TrW0t1j0Mmm/PEbtA+b10lV6+f3xgZac6+/2BW4LL062Diyy7
msImafTwlFiK8WceWnW5pXDfNep8sKUKcv8AHo/yWLGZZYuJvKurLnNCF1/fuIy0K8olVHkbeNaRlKWb
X8antAaK6ocPiw7Sj76wdcKwW2pzAyfdI9/9qld/+EVCPQKL6rt4x6w5Da7buPI8YarK91Dvt5EuDnq3y5HQj
1C0o6Od3LGg5rqxZ3BTeuOssUUdquY66GVx3++EJyrzhxp650NyVQWcarxsUZ86lQAJqUBXexuCFBXVX
oPvcWu29Pg0vv4zlX4wsgZWB3XfQap1L0v16wwF2ZMUVqm+ay84wLqbBay2Dq5hayOsCGFvBR6Y1i07J
d/MLtg87fb5O5tM1nnd7p5+k+fiOW/n6Q7POlfXlBqTOtrHXS/LSGMjWSr13DNPXHOL24Hmfd9swkp6ufY
156vlGImDdUf7z0qYFwmlWf2BCpM9a+89+UMO6r0fvrOiDFlX0vt49oCwzysv/sWC0r4+11EdIs1CGK+Lqf
qFC6+ekr0Dw/ke7EVprb548ZgGi+J/pf41KEWWIQZrHa/aZWx1IhdAgaaPKUWsDVzX3vHpV7Pv7jUpTzE
O7cuKta4F+EZ0HPPyr1yQyrXPI8jboxgE+V9irbhgQHmC61p+/CFWW64fS/V3Y6ByY8fbDrbHblG0X8ZgC
DjnjbAYTxYLhDw9HnzuunKU8KOSsnTTrKKntpaMmtO6OveOgAYyu+KSlusFrtLVHsp35oXrR4wTXB1sv
27VmVA2uQY9f+RBhhucLCnjmepvNUDocnpqVflzmDYdDVFdKsoee0GHeLaV5Zv0ggy8T/IsWblavK6Mz
T4aYbDV6668zPWC2C9fIveXb7WPJkfPbOtTLiOi+DFvfD3lJyNnLn0EURHmtXt6xAoXoNcjv4wW/eARtnR
c68oJrAXz3pLrNOmgc81LUGW9f1tAVmXU9Mb161vBQVXv/dJnvKLLMPu5mZRl7634mnjKHi0US1I3nX
HTfwm0CpxgrpHjqBM/85MQWkU5cdC2Acj/AIn4rUTVlEpVWObNV3ZflMuAWe/h4yhDTTKHpEXK+335
hbZctIgqLftwljBNW9X9HzcSsHY/RHQVObeu+mvvEslSZcDtgL15qMS26sgKGvC89Tmyi92y7a5AAedTZE
5itNzN+MwfM7rkrtpyls85U+CtevvGQIUAWNWjTn9QgvS5Eb4uLNvG5gwPKB8Av1vUCodQaOHXGGa3s
5OrMZU1oXJWGi8vKGRVWlDV8u72DHjGh+IeWKrxq3dlZlnw/kVcFsBJYPX5it1Uzue3WL6dCy632e2tsri
Dv0TCXt0K3hiuk5qnlcaFKONf1XviAJGmrybZbZhWt1wta7th6aVDvQ8fQTnzltUR11dO6mm0SWWhY22al
u1czeEhKM2WMGl6eEFuPYXiih5bTEeZ5PPmnrL+UsKS/Y18iBduBdXblZxrfKWwu3x13A1fOkaruj77zIC+

1rz95UBeGL8NIDDfa2lRRIYEu+p/Iho+y/LfvrKLQ5xQ+UJyt0x8/vSZFHmJ7X7TOR6AX7y3CuiNnn8YiFey
tK67137xjBfp978LPyoZYB1a950y/OdUaE/sBfCHz6/fyom8DzdX7yluut10/wC+MpdG7Jd8z9So0e+398I2Lm
Rm1cq115et6tq14HqbhmyN9f8AnaN2Dk0PWy7mHD6Gv3whkq6HoOIIDyXlpyKzmY0A1rxcqxmzbHOLW
A0DS5Woo8S+cBv5wOrsyZry7y5Yps5N6WaeD5TvoWqY3cY8DqkswQmgA7bUMPPuRDoaDGhqno86ds4
mhXsKhWQusEO5bF00Z6O/aFjqOB8t/StZVA8a06U/fGVbkra/h0+lwgyHgxQvT4QoEKN7te918xa1TZxK74
HmMU8h3R17+WYwiEbhnHMs4rp5SiqKeZ6GPabTlfx8whLbdl8s5fFOxFNLhyiY9NE9kl2i3o2Z6aV/yEsp9
Vkvz5SgMaZ0Pc1gvJ5kFsPydqLlWCckxpyqnv8AESp5OxXUqvW5lE2z6Ldt9exKAGqrqzz5m3bMBEWyPT
k+477KSyVaNleX3wmlBo1o9KI1Y2Ysv9+Ep0zuVcFgN93R4aRqu5lX3xe3tzmS2o8/uJUcWkzt1+5hS2HKm
39ehFqkdj6S6tbZTD009pePgEfOFyOb918ZhKlzcuWdE+3BIN9YR2gcQ3RBZrKDMMLuFc66G7/ObLnA6rg
DkVbUtGwDTVJim186hF+AAP7C7DbrXriNFfI3XrvzloC6ZfW/GV0ULh1z4HXwqadajkvV9bOjp4wrANDA
evUabwxF4OTbnfT6ywLHt88oE7U5dbdgMOXnWN4Mk4S7Kcsrtui9fBvaWUsvLS27uhg6pBooYF04w1Vny
W6IHsSpvDW3F9aDmwaVpWpQ7F0VDZAupzXkgllZMNuMZg2eWLwdlzvjrHMehSlCxqis1zKDnrM61u4/
89TSLndA8jPUSv3BAwXe8Z3529qilkpo3dHaq57PhEsYut1nxweoxFWv39CAIFHPH7RFOWrt0dlnVjOtegS
k5bc9c9DAUDIaCY8Nn75xSIFeDw1eDOYxdnvcEV66Wvsz8SuHZzDPff2gWgN7qk0qsL02zGexOemv/YJS
ndf+PvDZz3wHnX0zCoFudvnt0l7EVQpiu2azedx0hJ4mHrlLquTjSKMK8399mucETThrSt9vriPB9B7heXviV
0nPBZQtARsO+5iKIEWt57Jd6d655JVKYDbV12txcEcLqgvQ2e9bwNBr7nP2oK2UZc4HNdiWrbfWvX7tFa
Gddq6MKZddHXtr8Qqre9NeJMVp+6VdcpTD5PWs+ELPcmPn47MVlFbunhKi7wTVZpq3t/2YIHtZnqro7QH
aWkE1hCzgsgiLBNTE7SoMnqvtEQU11SJQevsc7hUNH3x8o/fTwPfmeUEiq5pCPj10oTsxWhF1quyenO5kolb
nuNj09ouOnnW/aCjQN0fNvsTUQY2MZO7feWWsNi7xm+nPqynQvmXny07aO9zMKBORS89KF71K4BYZ
zda5U73VDtZCb015B8rsb+EdIShTUhb0BwVwugwhBQYCLvNraXenXWKwdy6LT1M401t1JdnU3aM4G1K
1HrygUm2kxh3rltWc5M5RBRVrVAXXQzSV1vWH6ZqiLsaZeZvmACSwJQnjyOVfMqg6PrntzreLQGt0FXjf
D215Qgd6lgV1266dJnafBY+LR5R+SDrd+mPWYYyfearCuaNNTPoe8Xiz0/bDAvt/yXivu506HnrLmFHQofP
XtUqA5Cx12qg78yIDF5Br53t00IKQHmS/TnzrpKNAnOF8X4ZlReoz8nXdjfYBzK7cvaWsqdz2+3L2AF666x
bhYsq7Dx+l86hjNq5V3+nMi9Sxxgna2Xw8IJLJuFyueTBgAid5zroPinlzlJOwp5jljpv5RFQiBCrVIrnxvJ3gq1e9
4L3XyzWyRtsK5XbVr0znJyms4eXU6dn9ZwVuw8vN3PK/CMKJGjIrpdZxECuoltj1xbnpnxiVjS9PVGY+6jB
TfhmMyy5YtH61m6v3MZ57r2vfWYpis6Y7czrHMtHNXfbp2qAwLeer97RsU5juPz2xL0A9dCvMy7Zw8bigo
XAMHwm44Ldli10MMjKaBpA9N4lVey3nGmISJY+D5j7aQxqjX73mON3DWXqFwybuWc9Lva+t1rKkx2F
1epsG3XbMRYd7N5Dk6eqQ6uUL690OfjiC0uxtWMDflA2C287euTxqVYdOWPE/7KsKOu33ygCF7orLr0H
OjOCDBct+uAPA5QJOyla7FrY7BobXNRNot9zkNNsYxylyXsGdTlrfAMvCqrQXONHUO21C4iUrsKrHVdT
367NsQKvb12+sE1OWRHp96Ss+y2snK+18t+kqwjbNehXe9axMWmN4U6Z2rOetQ28w6K5N4xua6WxpaM
5EPNcZd+81Bbe9q/EsMp416/2B4gdXK+cALOOd0Shorpr5yhqDqr4MbBA5NMdrXOq74PeFLFvUy/esz1R3
XHoGZhhA5F15/d4paeV0PJxXLfebIi3txztC9iXYstxA36L6l9L50sPbcM8vO94l6PH+RBVr3a9cQYGeRbsX+
4FRLeIcyFMOvK/Xni8VDUK3yvo1aH13lw4t0vFMduXKF/QpHz/t85vvZHf9Dfz5RGI9Rp5+5ruRaS3o9OT1
P7DPSdS8eX1ggXWt1vpSu22Dxha8+zyFuYP3qa/Ln7vBnGi9w65qHCay9Qcj0uElABQx0B6cs3ctrA3Yc11M
D3PKFWYN7dffx0gL/wA1PE39IMyxlqGfFzeOsZevSPTY8NIGUGDg1dWnnNWHwleTKh5ay9GlQcci8Wt5
1lOd2QqIPKl+RLg0O/P+do+ULumfrn5YS32Oascht0IaUBStR3Hlow0617jy+G5DLUrXo2cXLnwF5w5bMXv
WPeFbQpMY3OvPPhMiKqVTq1LHYrQcS/C2KK9Oge2WO0MMubsPY82OdqqM1RIHbnu5Y8Rp6rujw84j
QxvWfOFBp8esaQucnJ09toOtY5F0nx3Kg9cDy+OXtFW6gS9fE8YBLnf11r01jkJ8lFe2kSFK+l2mvIcn/Y6Quj
fhlyxZfPMNTv1Tnu1o55FS5RqtFL737y1QWdMPz7k0CByttfveKHE8q9/WN1ZaNfCWLFOQr6fqGr1rqLjrzd
u0bB9CBca2hRVlGYFYeYk6aA8/HWoUQHHJ452eR4w0bNzB6UdhXrGpq5sPkFuPH1loKAAto5q4B7Xbrg
hZorlbjU/cUWcjs6bHz8wFs7pYp5bptC0BQw57U4dfGaCHcqsbOOXrF60FsL3zjty74j6TloUPXX/ssyVdAoW
67ON81nSZ6CGEpbWL3Nc/MU1wInM3WqS7OV1UqjQchTYgKpOtOTLCQg0jp2RPcvlAcFDKheVJv/WtJq
X1AFK9tfDv41haGuRptR73DBvXGxfywumj1QP311grtQq34M484NZgo57jvWb5MKOC6zZ0o2bveUN7eVP
/AF4xFL6R59bfeZvL2pxXhp2hrqB1M9NMekCDbZW/W7reIgtP3eUavCLn7+/WF4VHUOIiyFoZU15/EzlrW
mT778iGAabN0NqVbuqzVsLy0B4GV6WeUp3eDrW5v9uXWUmNRLzfLn6R30xV6V8/vvGpFXS3N2xrklH
kurqdoDckoAvJbkzjbfzJc2BW1u/baxt3mSQ1QqdVUea6aSxZ2fo/5MiUF6aHIUpei60mlEvDIG7uvqlGl8ytcT5
a+Zek6aW9mfTLviUUkw415esogXf0NOU3BX7iVFca4x5xQleNW96jgqnbr/fDSZcJbGv69/aFA088Pvy/7Bm
WdQKepyR1HGtxktiue7ru/cMKhB618H7hC+4h99YWKDlp6FX5wOG7P0/rMJxbxfg94H64X5B8sKDYXqO
3IRQSyBdY7GjqDvh2vnE3YFlryt0sLNevWPzC6oW4veqfHaEDpZRpbhXsY58pX2LNIq+Klnvd9pToL1Oeo
K2/A73iFNarGy66avLSveI4N51rzq9XhUL8zrdK11zVb4zKQLCzcpm60LyVdyta3a7xvpt5MzLjUFKrrSwK5t
b3ZT6y3fTJRvDnNVaYyO2d4hWraDd1qHKA2mjYqFjaOTFumujStGc6axyw7G/k6ddnO0OmqzuQxdqeeQ8c
zdyACtNmped83Es8t+N5cGdcy1Hgo1ethi9KySkEK62el65gwjTw8rzUvArH2949DlawGOfrEJSvF7+2sW9Fs
d77csyqwbogHZqzMQKkal0edtaeXnEstWc+1fuZeGa9bK010pzrHR6NYRqeJfqTmPvFRNe5gAoKjLRdI6X0
6yzkzaj+hFFY599OeeWszSDFrV3cXbrbEaWHN/cCyuSzONb6ZrbkLEApTFX+tOkQNFfxLxWvVuKyHph8
Y61FExdJ46eHXDBc/BwHw78q85ftVrP3+dJzVoEW3nom7POo6UXULHmRNWnTFZ1zANOmEChrnTRkf
GyXi3IybZMB4DfWO88Qqy0rUKuwWwtNNF7sM9zN0aXpWmnJliHJ0rPSZIb6Cd8l3yq5sQOTnV9a5Y+Zd

atriuv3xiPy7jrzx7y9kK01177SgV3bprjldfPSH1VOW3LBv7Qwaz29azfgS/RvVfNwPlELArDoV7qeTAPQ2+
WCJsevxd0S5k06PxfxHQLvemu2LeeYAtdOQOvIpbS+SM4TRtS0Pe9tpiErABexaX7S7ZpdWB0Kxo4ve8zK
gu6Kui8W7r3rvrMfJnW7xjA48THKVl4phBxjSzS+flFzDK1vP9lpC66v315ymCPVXhn3i24bq09OeRXGNM
wKoWpKwFbbPg9FmGWhbCdL9DpRsxhqWs0uhoPqc9pe5FdMmTGaYyVmzbEQBFVaN01b7CW55w7QG
1a7rery83B01qGqi1zq3jriE4AW1rJiwF30XTbQuN02bDq1d924aomfd4aH0iMYXnoOjsZ7JpK5AF4KM7t607
Y10hxcRu9+l20a/WCFwHrF15Ht8srINLvAduWuO8vA806+a9fmMUIHn+ogwdNQvoYK9e8eSi3ofxiPdq+7e
7GW5gRyLetuPPwIhjodPbHWIgWnUfLjUtY1amMmrtSdcVNDTu/8itZzPgQNWZ2Xd+lSiXUov0f5HjXs0O
OumnPVplgCnPti9pTMMFPJ8f8AkdgKxepfLqxUS1dohAVrUyjVYaD3r1u1qTbCpta1XOuZylFcnUHTJryW
+vaJic4i6dxTdWNXWAVnqIhqYx3OeNawSlGNUp7tA55HQlw5C4S3kNW2K5VDpMGtM1zM0nm5ihD9e2
3Kr6Qa6no/rH2o5WjtWnXyilAGm2+5uesuzG7bn77RWIsOW+vj9xC77Vt9nbHSo4FV3rTxhYDDnT2UvPpB
q37/ALzHm+kdVee8E8rdq/PlEAG6zBLp83tTp541iAYnWjnbX87ywYza8etrff8Au04e33/sGV5AfjWUhbaM1
RWtZu9DxwGYpBq0JVCc7x4F6eEfMO/fzMul6EXcbFWWfC++sO4o1MNGNby9Nc4xObt89HW7q9cWmm
JdMB1sIdkC3k35zM6OHXsnvA3B+UADwWmnXGIAtEXWiXpmjvT0lLwDAe/V6uu8DTUrX4AcjTaKZrhZ
quqVLefsQIAmgqmeYB+ukNIXS5zZViWqddNIwbNXqVyHNtHTmbxaE60NnM6/WdXYOmnTpyRcX7LL
RHTjVqturLXfDzl0K3Y+1KVLzhtrV+8xIC87KOnK9azylEyGNaNd7rPxBBW0dxPDtuvPSCFrCJjLpgutdrx
MRo5KGXw+feZFCnQ42Maze+GHk4cdZWwS/ezlG7PqfgkO5qttue3iVlthA4OHowtnDrCuamAyV7Hnma7n
JT309fGLVhLEwm2GFNNdOpCpLWVYrjA7Ne3WO2nvVPYK07oy1chbq8f9deR3zBwAvLOPHV6csy84PZ
szvi7q+fjLtw2O/wDzrvEZbA65ibkeg166eYdY4DSNtOiOMaZvOktaxSxyX0L1xlus7Yi5iGMepgrxkzmX+Qul
GOnKtb/ctlu1ibGnPG/1mq02Q+OKDrKRB308zErLjPx0Cu7rHe91z56+28DRsnUcvH701gLBTcG+mT9sA5X
F3jwlCU9IMMC75PS3Pj0hoL4N+nsrEsQQ6lf30gpfuJAWt/zlKaijm5hilPGFKuAWhT4+2sXBl0qJhV+Pr9zFa
HHg+O+MwgNqryavBfMiEjia+HcOdekS93b3tv8AnKZpJiqae7qRNNdg7pXR1F01qZ0vIW6c+7deLDYObNg
8qvfOCs8pdSayxB0LtvWmNXMVpY28M86T2eUEFQpqV7tbO47zIy1ai+Si1MZLTma4b09VRzSi3li3wthYs
FpItyPE0d4WUXNhR651voRksZrTPe/3MeIaLob10rblpymKJuw14nPrMxx6nzWYXlfNTwrSGANOZTVGA8
44zZ1rHZtfikvgFbb9u/1gGinX+xoo1ivDfnXh4QGPKnPb3qKgSzh5nIPHXWl2h5M+g2OfXxnLJZiMc/xTab4
MymV1p1Oa1l6RDkKijM0BVPeIIZcgV82jyZmInurn9HYiZuQUeCut8syiPPFLac2/TeBULbSi/Gr2jrKyXhGj
Oj16/qW7I2PLv13v1iCw3vH98aJQJlq34rt456VDBdq054013jxoZuzHLF4aNYu01dz11xzwVClFZ2PHOl/dY3
LhWTru2Pmedy5Kmjzu+3LT2ii75lhoeIm7nbNSuPol+HyRKrsUen6gQlocq7pnoY1xBZ2ugW+dZ31oPOU7W
OQ8+Xfe9YaV2Vp3axfi66TVJfJLfEL9XO8QlFOQh8GemRg6Z5TxXDyIwctrSq+F4lhBHtXvZHVlGtvLTHr
Lpq+YSvd7e0U0XhV7ePhfeV12dUTPkXR1zzh4Rbpnzya3WTtmVetjurHpmvLtUx6niM9378xBVIzeQOhWn
m3tmVh3WxS99stbX45mclBnQG+5VG5neUclVLTq0NNmppvrGCCDqtvrpfax/TNg5wwOWArvheVQCoIIu
BxWcUZcC9GkzmjNo17lXvz2iJ3oYF7sB1zvi51VXYteJ6pylQP/ANTWnOwvaXRDvQ8S34ZiSV2hj0zeOpb
vK6krpTCl6VX3WFamDAHHPlVdbuERrtdj/wBIaESYcN+V5lwO100/7sMbK/CYFS83Pl2gXZu+WLllGbw2
af37iNyY2Pnzs+sCUY76+OsyxAO+fQ3dsQm3J1CzSqrGmpBwy7fPKM2INft85qjdcswDn5/lQ6xEKnbX9xu2
MJaZ4x6xe3I+7EBOkbc65/fSK1oC6c+mvlNvrhd/DdswABWpjNRQAYz87Q1jHjV9nWtL7wRBGdC4oldF9
Mb6b+CR7Mq30a22r2vwhHGmNLc7aZhbAar0rro4lKFsYT74QSAarMZ64jwgQdWLdhwOuT3qXV0OXFIcs
5e0tWtqrp6jz6njMZWGFDzcz1jarZWKNdcene4kb7NUvhp7OkvDjqz2z5kQG5vVV416ypLy0Gz3bIU69Wj4J
jwqY7e/N4LbCiCdxl2zry9orIV1r6AD2zG2iFGI6hdPAPGPO4KoPZPp4RCgA6uXoZvJ1pdtIrK0xeVOZWCt1
GdCGbHZdp1zQ8swEZLUoDN+XlzlwSmyFHTN0ctB3jBYpvENHn8HhUUIFMlmDc0zbl56wUCuuKK7Bp5
zR6Nba+9otGgtBWNC177uN5lBsdy+bXkDECrIPC+n/SJBYsSp61lL6lFYpqBWFKo06W3nG2nSJUXmpee+
3vDGoYBWX59IJzgvK8/dtYlduvHh7xRGK6iPlgpeRmsRUai8uDwN/SASis6/B+5bkNcvM+4lspXq5Ya69dqh
l8vLMcC6M+enP6dI0de2Dy2+7QejZ2NfvtNrl2c4658oCFl9KMdPfMtNQwuRa9c77mnYpo4CjtB0AfPTrGqP
vpcwT9+9J4PL+/lmICmCDJe4emP3L2mmOz6R6gXN1bc6PGYZPH2/keEOhusdK1lBiS23ZfXa9fKKoNL0fd
NuvaBTL1qhdPTHtEcg3yE9OvOF1ea84PHwusTJJba3361ntLBjddFvlp5+8vQKVeba7ECRwOfP00lGTOZo8
u8KLHx/XjiONxeLpqzkr0mkg9CvEtR6+sWFla5vAefR848JbdLud842z4QlKOlZeGzFKeZdejVdxlVBTqF8EZ
QbnraJ6X51FClrUV52f9gJaOmWv4vhcrGB2aXzPZhRPYpr284ktFuF+JnwX5RbOOTh3zZg7xcMWN0N9cI7
4ImOzpbwaZ26XXzAABai2s/LWeXZitFLk0tvooPhUNyJp269Nv8Ak5cuafu40X3F0u+l642TW4jYddX7glVV
0bDjvn0hVts6vxfv4Ryy/H+y1Bchv2mYkmtMaXSnS9e3zBbbx1/ua6SnuHVprvePaB0o9T0NPaAtk+Hlnp9wz
TRRM6aBo+uK1inTyXv219LjBraaa7YT1lV1bCb+JrKi6AzRd8euvKZi7ryPDn1IUe9df9jGg8m963zfHSFUt0
Wns83fXSWl5aZM73ea8C9ojM73H2zp2KsxUsgdCqloRr37RKRnSOLY8kvz9v1+OZfChQ2dcysqDasXd6bn
uyoLNxSFV3NocUhtR58xibNH3TlGghXXz8453OebORrV/wAnuWU8q+ajBAMjhy1rnUOWsR1FQq3vrY69
CV94ZK/mddzX3iolWd79l1XWg2mTWV6nmX21hswvmPdlBTHZZRanmM5mMOWtLpyy/qH0b0Y9HTrAs
PKH95PCITK5Vp2CeFRydsmnS/35wrxY7fPjEpqbgt+VVXVuX7i5N/Pl9zKgnuWp0hqBvm0PlNgOVY9HzrE
BiNenYNO+FSuWXax9aoPWPNUuqpzTzVrO1KmkA3FZO+j1ocy5ErbkdW9LrwhOy01P2sqbMGzWuuNc+
HhLIKBkF0Kx98I6CsbWsV0b02lpYhWGe5j9xrac3v8AvHlKc71am2m3jmFVAJYLr5VjyltG9L2fVzGtrz/vK
KqPVryz3yRGjN8qPvxLwbq2G088VFbTXvb0zj46RaJTnl9Lm4sabF7875ungwIO6tzexz5QcLvxz2xrq8nyl2n
ZNnvT+8msQIL4Evrf3apchC3ox2veZ68j7b6QhdA5/vpHGomNDBfPG/rEOplVXbDm99cdZlay7vx8QaArwt8

v3BMhn7rOTX6+UVytOmvn+vOEAf4JevCpy/ec7SmBrSzT2fWUwYNxY+K6QGL53rwvlPcR8/cQsl0Ncq7
mvvzIXV0YcHhr4QQjPkrX4vaLTqG3f55rhg1Bab8odoe3o1FhKrDT/wB8YFEk5UT1gu6VXWD+HrCwBOie
svNV7XY+cFd7e/r2gvQ5HEq2Een8PGo0Iidi8da+WKS51Tej8r4ETW5O398ccpjM7jC0bXemuN3XZG3BWx
QXdbFvfXPOKMjyfdGUfdCVePLxDSGIhM4r91cErDPlfjr0rBKa2V2orWz22hq0LpXhtWepLEq9NKrwg0uB
8L8NeumYIqzGuLL0OeetSgpFcsd0hmq33z+676RBsU7vriFCiOXthp0xMnu3arOveAEJfTHjymNE7a+1xNF8
THm4g1KHyPXX7mAKsfKNQI65vc2cX226xGVfd1/kA2LlsctXn9xFAvRnHPwlRUxv/wB/UJ6bOjKcrk5tZ7
48NGLvlQW53889d9s6SlxOTff6w0kt27m+/vCmBTNaOZzfDHKZ3NMOnlv2cdIHQVLek/fKGsmvXPkZmd
NJkPv9xmlzwv8AwFxvEvDLWFdNv54RLAV6PP6xJaVi/E8tPLMpL17fs9ZWjweN9m/cj2Tqcu5NeBPvL584
pvT5TJbR5HTdiWebH3l18ogon3ljTvdzDaGjVrcWtEmidbW8vtQkWbEweNmnMfKHtdu78PvcAKQNdS/G/U
I0aD3+1vKUear3/suC/wCe2iNrOl6VXjCInXk3561EBbvs1z6+Uayt6pfkfLKRdt848jL6RKJYbbcrNU634RYje
3Kr5F+dxmXX3sd46C5v16f9lEGjvv3jWNl5+/uXNB65+9JYA4a0fzfnemJsl+nqy/AdTfly8fOJygvSvvjBoPnr+
9+VTsTZyvZwGOcOJaY+4om2FYobc1quj2IvAvxZ6bB5eMNhe/8APaPYZObXmLoetTOjAvrZ1pXw8IACt
DAN9b3O8yKblocsvrUEgN15fe8DKw69ftRxIVMNYPOvi4bNvo+u2c6Zgadt6019vdlhs6v61jluXm6/zwiyMa
Vgc9/A/flDF6nW9YkhOg9f579oDQqa7DMxOR8vwebKhf4LWZfBokWx3Y8nX76QppKaZsVdTJ/PuZuEQm
s5G9YfTD4l94ZoPTT39vmBI21u3euvtiBitrWlnlARdDx/sbg6VAhYyVM/fvKCjga2x9uLEYX1mgNOv2iWDf
PLYgVbHeUFZ6zBVz1zcNZlyOfZiaiitzI/e8MIC8bXvp20qXqUnRsfXHvMVOT739Yv0MtOvYSgO4xRrvru9
OcyYwuuntBxnsjj++F6Soyy7YH9QFDzGtdOnzDyHi+X9TIE8jz516Rr/Xpz9Pk7waq3S7amFffGHrLj3grmzno
+f/ZVF1N9vE/RC1CtMmfaOonBrp5uPmAg80+f2QwhjmZPSUzG3d09cHuwga+uQHTU18o031Wcp25RlLnp
t8e0s1I9M8qx6vaDBdDm+/PpADGAgNq4wah9xNC2FZCCnnrf0iAuMFwBzZoy1AFkArvxo/FIMaPj90lmsrg
s+6QYU2ddfP73jlsPJw8EzjXL5NILBA57eMF3HjDdv3z08oldhr6Wkp3y66wFDXp9/UJlKPuYIWSzXbyiFZb
0/vAdAAc9e2Y2kvvgjtH9TKVu7vFZxt73N5JtjX75ShQ0dN/GOqLkY5dblYg235/HKCG277Y7UVLl2MePS
Uky6GfA+9oQmivX74L1hlra89tl1mIlcgxfeLQqvY94B1FUA+8Qa5fH3WaIPD3gztiux961B03SmTnrpp5pDrc
Bp/XMdixnLRKWk+g9dfWV8FciViavW2gNv+RdQXmlH99YJw18pm5447pBTeeex97+MMigcr0rsPviOyVg
txpvnrKxZ75PXfrWsC5L9jw+WUBgjZR9+9IBavt5fuLMlZ+3nC3N028v3fBzTJ+7xFtt5bHh8vpwuAWv3Lt9
qDVt9Nj993y4ELRzyjJaVLfxBDPEI48tooLcEGyyOql1k78Du7PLf/kDqwwSo5iZ7ffaB5hz+5hX69v2zFDy/b
8EQq1t7yvbZ5EeW9Asv5+3HVZ7ft+CY2rqOfXWIArwDniNNr5D9v6lu6Pve/aJY2uOd/cRwrmbbeat9cbHlrN
TBaaQyOwvWt9Nd+kWUDflZ8wYRqd0iZhbBopbez+1ApsGzKvKV3vfFfC9ekYGPb7flFAWrp5RNdy+MO
qU9b5Y05+UTYv1+pYjrKNu5r6f9hOxqsGen9zB408tTycRCtBdzPjZqIJaVWda6Ylguev6/cNYX7y0uZ4i+W
PGJUYeuP4xynV4em8oh0x/2WAsffWIwP1KCG+m398e8oERdXBK0/decwHSJKCGIJQrgiVKUVwDrGEtzz
iBadK8pZp+LOVT6RDrDrt97ysxLKYPJ0ctvDl4Y6Sujbrp4OnzDmgFCbVp1189/HzhS1tqOp3PaAFE1ZpOW
P8AvjHAduZnzNu5XadIdP3Er38YA9XJfp06R+VFyuz+StE10doZFeGpMFiUdV8tnXEr2a7P7+HMLo0RA11
4DzmLxSagquWfRgVR1VWOuc9/KBihztn79uPMmulS4Ojx+nSU7X0PHxrx8JQXdO/8dX7pEgj71ntt4wqqO
hX/AFmEsN7X20P1CkBScse3xBC4DTW7PCWYb5r+t/uZiYeph8tPaAATZbjTo58oNbRvoffOYov0fM+SHf
UNn9mvvL4rddPLeOWAcv7rBdKPmeevxKUvbyNPFjFGIbbS6DLyL06annGzlW8tfGFKHlt43liQu3w59oK3
eXRt8JfyX5/o8pRGx1xB9Pn+vtd4Kg3pG5kd+R48+ntEFLfC5qcn3SELVvTT98KHN5RA8jb+8K5fgkeBBKY
lK2cv1+tJ3TkxZQQwxktjk6eDt6ywqV0f5B5Edqz0s8qzGrlyZ0eV2dy5Wt3uwHhiKGWOW0CB4hxfhv5S7cX
XUPKYFMHQogF8Q3cEdzboUeN6+UQsoOWrz1mAFsd9DXBl/R5x09ZlOv8A2K0r9X3WAxFHnq+Bnyl4l
X0OeP73gqre33yiuDH377xEW06tX8+kOoU8X+fMs10ufvxCal74x5pp59KmIQL1qvDOsFxCrn99JqjK49cV2
5ysGr3bc8vtRFpbzmRFObp5fbhDcBnU7D/Y4mbyqocOl6d3Twl6C8tGmNr09u8p2gbaf98IpRz118oKt10Nf5E
UDZkz/fOFLBZ9zLBibX+pQrE+T5y+FV3/AJFosHN+7xz3cpy1jGTPrwbTL0+YNT+P9lwS1AdRR6sACjhf5
v1AaOFiOpACvP8ANLwwKKIFaOeFG/Bl5Pums0KWW2XEMLe39+IUbWNMXfjuQmLnn2+YBorrqn/ek8
U3185RK66aylTfXV8oac7DU+SCzZ1XFpFvI/b6TSK8sf3xm4Hpp/OtXNYf1qsoxD01eef+TRg5P31lG03fH+
TXrTm6eAY8Xa4laefx/JRBB1fT7cD2/DH6ilgDy+WEoc+f8+JX2q33vtp6wtqdeZvVdcaYiWNLnOVXJ08oOr
6wz5D9IpyrzM+mpLFjCujXr+/rEQ1Ds8tnntME1f377wCnRycn3tK0B1H24vbU5mfTXzmSxz98oXCBfX74T
aNXz184BGvveFpmCXv+6QxSHQmI5wihRyh1lQC1sCuAstg228ftQrQ4MgNTbRB/xyLrz3mG0cz5NvbtDgh
s5jWLlOcCY8zr0gd45XHoMPM+5OmYZK45mnibd9Jq9nc/ZOSGt193NGCy8mLMnifTrAxl6aaQeCxbr1mn
HcaeJz6l/ECvU5mSDTiUJk+/78Ymwu2b8w0fXnAMsXqe7BBsecIJ+6/frylsXXOm3XoRwzGz+k+aesQVX0+
6EsiPLU+Lt9xM3cHRdf18xXWDm/EAMTZvptq+2+mkR40uMch2O9wPmn/henaLpV/d5a1DsNHi/qOEr5jTn
0Zaz7NH16cmXDF1y+UdZxrnPmbdiXtJXXJ+yexGypZGs8mjxZe4X1071nPjBZ7n70fSA4wPXyNfaU937l2O
0bKa5wy3v7vLYG+ux25xBv8AfiIrEVVLtzYE35OKhXn+/wDIgyvqzeA5lrodODBLbPzpG9oIviXkfDbw5e0
Ryybb/fTgoRZFVqu+THTbuQFhm0rZ7PxAS1feUbNHm/UV2PyeX6huTTrvXg7doApPsg1Hpj/sGwq7aeX1la
PK/Tp2z3gGdPXL/Jnb1Yj/ADDg83R8bl6FXbcg9/5cCJAaofLq+0Sl6el+EyqrPj+s8mOQHVWfL506RoLbqt5/
nPlekejI5XZv/M4iKNToaPe7x1CD0qOR9+8oo47ghKG9d/D4gWFoyr+n3jWev6+3F0r7fagI5vIjCY9EMbQi/c
cfekRaFpunsbR7K/fWbpcG2qs03f1EcqOXy/2WGH3aG7J15TLW+r4/stybv79rEaAe3hGwPlNXz5QvQDbbx3
fKpdGNIWmNplnzQCNC2Vq2CWywOX7gVjgi9/27zVLbz+6cDLVReQbc+/Tp5wAKP8LaMJwQThYhk0d/v
OamYxtd9zKI4gJbXPvHSraCFbessg8tfMBi+nrCDQz7S0GDp+4Yio2JUrMt6yyLLWfu0dQ5+mILoRvvrKsK

677bygrvUDeVKtpc6Yv9ETIxV6Y0gproz+4Axo+e+8s0ZRzvitJprsmO8bXn/ZWHVzyjMAtQbbecbDSXp085
c52/VwAZdt+8Ay6+Xk4gMVorbPI2jaN1q/uJQhyjnfEJbjWHPvn1i3uZcu0dN8XKCDHKKwyKa9tpg2lANVC
4Kx2TO8ZBlFMtOW01HSmP3AVgqGFMtKLr78Q9w+3aBRiVG2LVwmijibOuKHSmsd9/x//EACgQAQEA
AgICAQQCAwEBAQAAAAERACExQVFhcRCBkaGx8CDB0eHxMP/aAAgBAQABPxDTmthrozb/AM+los
MAld3PDozR8a3nCcOVmvOaE1MaeucUuOiocZ5w1iIIn24xJ1uewTGrXziA/c1nu29TnPZ13g8tp47zQ6ddzBa
bvO82Th9Zs3s95dxNXjASG1/eAOfOsClBHWQb+POMm9a8cYwjbcBwteHOGV6G4Jxs1veMXQd705aC6e
NZyZJu4ALUvOI9LG6yx6vbcQUI+EwtER78Y0ys4piE5elnORu1iayiBRUvTMUjtreRSyb47mdYXbt7wJB5e
8nfGw8fbKOqh71MgpWPPvFAIvbzg1XWt85Brw784wkGTEo9GbLdPWAaEfJlYr9s4jnKVu/nrKcW4jiHnJn
6M0jvNkN4bP8AuHlxlOs9cuCeb4wWT+5hMRWgO8jVXekz03Oc2dmvHONTW8tJFnMzcDb3hlpYV3gB4F
d4jo18HeMD11kRFjjL/ZXJg0vFyHFU7xfnEXe8SOHFgzSgf7x+94xLpofbIPd51nA6syevtXFDk5u0O+c2jwde
8cf0yiULaesoWM5njEddXcm/tgKUTjwzIELegxj0E8kcUsFbabzkUS+cuFWPCXOKDXkfOLDOTgxEdJ6uUg
bIO/GC1RTj15zoIyh5zzg+1xBCvAvvBHJzHi+s9GhpcfMx4OjIbZducQwHje8t/vGaa8a+ctUadGXJ2ZIvQ6x/b
3i3b3ggxE4M0W5p85Pq6IZrh33hJvf0RSlx00pxjMdHHGD71fGPbfCk++cBMXhD+Md87qARcqBKVHn/A
MZJUXQNOKOcgn2MSlA0ssfWEZUhQ38TF0SDo4B63g0Mw36+cKxpfxgis45PGaEBw9v2yrXJr5OjJHUnZ
w41OgveUsJcZftkJ54civQanGMg8ddpgynF64wFSqTIOYBz1ggI/KdYfiwx+wNdTn3igAtMGY2FnC+c1BgP
EcC3RXIkGOTX3xBVgq3/ALzwqUb97ghtCzeSI9O5gGpPfm5zAG4+PVxKLuhCGK5DTuGKXYnF1PjGgo0
qdYhAaNevnC0W+DimAQXY6HhHBk6jTBM0Z/Zip41tzxL/AHvDUDi9eMiLMHi3vjjAptf+4wwDWAvZ/w
BxdKyZH85Rmc3kwb3mv/3Pn+WRM1mNO5xkveatc44HrA6/+Zo/kA/q5GPSx78+sRo+BrOKI/8Az/7hRoHD
pyXaMhDG4IeX8/fEi0ZOnjCokRrl3584nUTSkCibk7uz5x2UE5KTGI3Gy684IBF4Ph/9xk8Q3XHOOEicJuuQ
aAnnjIaXd4Z3iHfWaVjKaDJoHDzOMUCJXvL8KiBtF8XADWUbT5wCibBsmu8K0GOwEDCPVkTnPAT86
84FRSQm294qF03Cc4lOUAA4YzHgydv5y9UizRhMSuq/1+spByB39vznAPd4s535xSnhAjfjxcbidZt/ToMiUr
oE5POOFqBf71i0gl+MqUEyeNXD1KJV65zmoDV6/W8Dc2Nl++QljfTJELZNFaePzMOHYvXTIqnQujKKp6
OBWx+NYzlDjZZ4wnbl+PtkThuV3zcpdBMVH84TNmWQeecSaTNXOInrFdYoYEd5Hzm7PXhTrN/f8YN7
48GAj1+8VAFbjoKlJzkGvGPJ++WTJKOU9YkOROZ3lYTZ45ymO7W+blSjib794qIc8m7694lVl7HDnWJqiI
shrCKFGu1PO+ZgoQlHVDf3c50pS/HT83LwzpOfLfGaGUT+vxg6VDY42s0awmAiQA3hHKVr3iKPgDLGD
ybHlXDsSyuTCu1HOcSSIWz3vR/PvJZSSdPb6zrGmuyecSIyN2jLNf8AuU2QEGgYb8QyUY9iTif3hcq8er+3z
NfvHcQJB46zdXsM0p/vePdIFOt8z+84jztTQP8A75PWNzcLC3xHxhAMWhv08ZEak2PhTKlvUnKzs4+cbiK
Zsj16xiGjY8pnmRvJq/GabYdSaMihAryHr4xkBU06Dz85twbWt66xIGF0Mft+Mptk1XLr84lW1OTp/wDMGh
wXN5zY7KO9fxlyIXZ/9x4DSc84gSUrvFcF+8jaBfzhegE1zrPFL4yAa+QMWFiYe+cUeZi7yWI6y/X4xL8ZEI
ffGIYcoY+lIYgL360BYNPNGwwdzLQkeEhAcocSaiNEdGQhFvmc4vlr7JrRRAFQUBudkOWauXuKl0Sqko
EolDFDepy8TdNYbDrEt6tiMNwEAFQDnF0IZMmxbgJSkxgz6Bm2XU0NgcpaYKVrF7zYcuVwc6b4uDTVw
UmRQjoLLp4ysc4/6SjYEbvzjDLZ2MiQ0Ic71jsiiG4nXW82kXuao5xxbtvmrtQi3D3hb3EIpyKIcBLTK0XGSB
cbGhIm8pyRiIA6sEWdXBSOgtCFfVaFNoLjl/ApFKHRQZ0YM9RfsSqT0XlMSusoKja/AggKigkMYONVyq
3MqbBZFESEbEhFBAR3ZgbgNAACJkLmtlLAUOWFl04qpQWUK0NiWwBqCUkYpq01fUzU9mdLoUDpB
WmkAqftd1yUYgA0CiKG2Obfq968mB9pZ3QjYyAnwZUdABSYHGYF1rIxKG4SkUugEtNCTk37hTvWaiD
EpKKCMLRJoe/5/GUgN1QBZT7/AMZPbeKJThzTcAc1oIhQDeVzwTUCYbxB9GaProDnNQEVZxzimHBP
vVlpbVNc46UwsCV1/fWG3Il2qAWQCOt6wfFohfEr0G0OP21TCKStiSBzglFNoHm8LPP4eTAIJQ7DvLt2U
+wIuAJVbQaAc/h9wYKgVDC5Fl1f+zp1SnswutUehWhsFeqYnwXkRRAoBWCy6w7RXZke/cEOWwuJ3Hc
KoBNUUGShxjrfIKvLFhw01MN1B06aHKVq0AUYvhdYwZnv9t1FCEHkgwzVFb/ADaPyTG3iZdzrP0Zv7P
oMXCFD0wEYPDUx4GzocfEmqOFDBMAVFoPGUHGhABjkXFI4xZYIolQC/O8364BiPPp4FMQQ3qVjD/
Wc3jMgfAE8AJAhrDNpAaHSjrNlHsZU40NqQinOAPrQTRyNipCKrGsGHjsArjEjAHfNHuIkW6ZMoEwuI4
NBqBpgLHGiYSaANq4U65QihKhHSijQjSLrpJpVdD4fGavK1r85e6VXkXnXjDjdyQaoNqBeVw2TrV7sTXA
R2zTReDBCTG7jvDgt14Rqrx84wdnkS4wnEWM4wr/AJRohKI+RmFOT18zKBWfrCcdQs6OSBhShBBkQH
Y8qJ8uNEJwNfviguyABkTUyE9IyooAtHD0EHhequoBclQUpEForggLAE6BAKsFCB10esECWZcf0hI6SGjL
ZkZMllfSb3EVwvqtfF2PPN38ZSIaONtKLkSbPODBp10fZxD/AFgKUwyS7oXBtVg0Y90HGQlUpHtMVIIpI
MQac/Y8GTEQcO5wn85C13tFBwSK0FcGqTpBJltlBfhslAtELsBtDVxh05lSpWA2geVMGTF6dkwHxKPWL
SdjY3+80kTS6G7pjwPGFVwt4D/fGRCcvOaWVU9pjG5+sCXDYjyDjaQeAXpzhhpMNAJYT2LlNwbvlRRI
BiDlaTCglUBsm7iQPisE0AfI4+CisJVV0AFuQyceihkOhb0DEFOpPoBpRwmnFMqp1cpCsdXp8ZMyqgLdaIs
LGAPZAbLOJj+2PC0MbDyCJMSrBXIalYiC9gcX2+8Ean6yp8Yo7Mjw4PVwkb1gOSepkNLLvhwqgm0FfG0
xHSIa08Zv+ygZfs4SDOtafmYRg6ctsQKxpraYVF8gA+2cEOhv2MaVtQOk8znAXiGzmaQ+2GgW1UuAoLV
FbtwGbo8JJqkOtabw0348rzzm9NKjX5N5x9JBE+5y/OVSA2tw+uwG3+8YIKvRI+9/bBEPAhR4GawQoKqA
q/HL84mQh3d4odzAPkSWecGgNCOh61x/5nawgJt8OEwOknkw9A6bdz5x3ggQY+H+6wVpjyEjo1k8MHZB
n28ZI9kbE/GOhDl3t0x0l3AcIN1vDpVGAQaulfyzAeQBueInfG8AVkBOjm97mQhXgvxOfOI4qigFEEev1i6S
kgYLwNb1+8KAlr2JJT7uKIzqMYPp6P8AmMgj4lZQjASiM3iy+BTfooYAwvsGy94XReCt2uTpJEIB8OGUg
QKX7h+s4xCi8cYkXYG4Ol3+MlIjVFm/xjxpD2Pq4GROSCTzOcBAKP1hIOKAnyJHjJzS0AAHgmM+hgSY
IAnCEDEba8E1iSsm5H2M0Ag0AhPRkMdbBB73l4C8O/wY6Ogyv2giK+Wd4uN6oBXuc4lU2dGADBz05V2

XK9ZquHjcy+3ebtdce8Siu+gcZg0S7wYlv7TzlkjSsH/eBACbX9c9cZb5WF8YZbb9sqarAs6xYgDlgOQBpSGP
xAJXS+f7+MebNIj86MVw2HO+8QhwcbNcvbtRXrC3oTfrEEUvvr/uQpFTJJcQQMOvBiOEUOZP55y7cB98
4JEPN7fbFnSPiZxrc4Ck/wBZamjhrYzv84WqEjqN3gGJoK2uSQSNV6yHQnGuGSDQ7GnAepBu0NN+dmR
QxIJPO/OvcxD5S9COX+MMESjs7L6yzBMcAPXrbjNUZrDXD+sTbwNW/T3i0UiIqN36xiShA7Bxzv8AOD
ZLYtL94vAdE5fOOygNupwnnHWNmgvfWKRgOkm77xcErtfXeXIiM5NmEN7GiOgy15MneRhBnLi/7xe0F
PGgxIBPK/OMR5TvXw+cVQW8uXCu+8Q30m+sBDIXxy5I/c8YTT4JrIDTbqTjHiG743lInvBHnK14PGK3X
pzfouTeMRdCTH+7hgM6lyR1+t4iG+/GHRLzMRjPadZvrw3pcN4k/WJKWeRz/wDMVDl5G4uCE/jBszk57w
YpA50c4cKHaFDALp0D+t5MI3RDjWGVIKIcExS3Y+2eu1W4laj4ec4Q2as/eK7vhODNBs3lXjECCgtnJkIIP
PLk2DwjeHD0KgGODCFNTRuDcAwEsjNVKajvG1C0JP3k5FtF0GBIadyDmkJpCydDjNUhJobX3rrBAGj3R
Zr+94EjdCHRqW+80LGkFF5yugNKvTj/ANyjwZUGlk31f5ylSQkD8Ds9ZRSkPA6m/E6xTmk0Ra88cffLVxi
hLy9f+49ZQt3Ep8n2MA2xzBEr47y1iwaj8+PjNDX7AhTp85WVs6PCOv8A5jKIpIbwJ6LZ0GcHW4madXTx
wYigu9Jhgtz07xxICOKdMPPGbbTz2MNoCun0Y+z27uINRnByRxI7Ptzh0FS/Y4Jvicaw24uucq6DwuM3WS
XWOO8Vvm5zgOfBzaYamhwn+5cZR9sO6Bv1kp9z3i07124gHh33khFbbeDAKkB4lxjnLd8Ykdx5XOY6Ial
wYoAvrC2jQEf1bwHqnQDGUG8y3+8Q4LSJA/eK7SHAdfvNamtU6/eJCpOYb/OaonxwifnON5FNbYsYKoI
8+8Eow86MYwO4VHVm+YRpD+ZgEgvvWCCBvcD6zYymuC/p6y8DzZwPF5y7YDRVcTnAlrFEQ1+/tmn
Nq3OmvfneMWoC0WfPkxxCiKFPHOQiGSg0eJ5wI2jsRPHPOQDwAJ0GIQDkYRvrx5yzMYI/r98eNFCAR3
f7xidNMugjt4Ts+c1gpEU2BFda533myKzSKvDwjZOsNJoxRX4JvneAuJYqA7F69YqQRCAnmD+MOLUtkv
FX27wOpmt7taJjuRCpM+3FIj+fjAHVFs/9wP0Tez94I6/s1+8NIW//AE5wK1vg/hjmleBMV0oeSYtkidvObClln
eG0F45zjawQYu7OcfQOsQvO91zf4TnxmwTdm95yom8Dxp8YILz9sV/45rfzgb7GOGS/fI88P7yXII+83UnX
OBAI73h13V4luVAfDJVWul7wXXQ9c4Ck52JMqFAjVzcPWJde2sB8OsnHfMq30TIWdpk5RvnErnqYZz6D
MP2s7SQgHoMBijGpjSYrCzebLvxWwzT5ycqEGlZeK+cACgD3gRHhLSkVtHkYG0eKThEwJ4JowuDMvh2
ABVujdxZLiOy2qeM05Dhy+MxwhxcG/jAQgzzU/wBZ6yMR+8NKpyUX85KAw+MgsR2JscrlsvxSER7Ezqp
X/iYWpeQ0uUfyBwDwODyid7MDEFNiasFkDAXNsIENXB7j/Gaez5RUeoAK8AYqbf8AwlBRoGrEZz4CPs
5dAwJBygV8M+1lFjV3SEoJ50rQCZCXrfzgoUMsw0VW8g8/OCobmrzcaTZ2njHfw9PeHTCg/jBpN4DtTZz
Ocm4bl4xUQmuJjeMduH5zUPWcSFy7O8orafxhgE13rIC3vvDPXvEicK4TNH31jiRvTeMGCa6Gcb7wQkLr2
MsleC7c+sXgmob7xx/H+fP8Za71/BnXNbPqhoD6sgBuAs7xJcj6La/w3wH+BLkBKxMSQI//AAN2zZcSjiOog
r0fz5x/H+X9h5Y/RI2edubns/zwcE3DklN6ziJeUC7Vju7/AIR32R7yQKq8AbxWzXeeMN7zbGuSjnlj7kccUdX
jnLyh4njN6VJeMnUV+coiUPOGFQPHvKH/AEZRcFXpxxvCI+cYAtN+nILY75wDHJzdZLfdeMjPk+M+BO
JihUJfvjSflcGho2kMIWJpt5fGXgXX98cfx9f/AKGf/Q+vP8Y7Qf0dZ4u9P1aHAgMpD7aJ9R+3gh/goWAS3W
Jj8f8A4AcCghyjXBYBpG4/bxnH8fQBKyiwKuvAOVg3x/zmnAC6LRzzlIEFYdmCnyhVVQx2lgA4r+sZ5FO
P6nNwOLN5hxWkwUp0OOFWOg18YNPolJghDEoKLrtB5a5Gu051DAhLUovWC9A2BdXLhdQJpxxZxtm2
Ej54wCFt4usBsU3x+8G12+PGBoPS9e8dVKPeeE0y3x/GcM3mzhzFm8ig9YyifyeMJF+7MinMHeCTg14zgm
3FyNnJiEdcFuPITh/fjK26/wBs2cflw4/j6I3BrlDR/OVEQmuJzrMV4wKzN3KWX8/Tn+MEW3RnxmV7vx9W
hmunfRmu1FUWGH4D93/FKAF/k46LXgegQOxrxg7wVZ3zJU5q2VD8b9XWLRijiRHEehcTqasUOb/95GxS
xDXNXm84N0NEwHYfjOP4+qIN1RR0YRv/AH+MfCpZ6h4hvb9GBDoWdg/7hARZe3D9YULBeP0zbY8ob
9cx5P8AJiuA9hKZYYS7CmahR2lK1+ooEe90h/VrBiHCXnLPhEhu4i3dOS9esJEHwu8MIiV7cI7ApOFwhqG
3v4N4bu8O+8mPIJ84LUAgm7hBSf6xpy4p3ziPC+sOmq+MOQZsErrFpYnZzhDW+H5w9ETjFCIvu49i3kj8m
CgvOueMQG0t+cUlr3MJo5H03jj+PqYiQ4G8r6lr7fXhz/GHZ/46y0aK31SdwUvjeXO5d3ex9p9Pz9RQUAGT+
fEaYKJfwwQ6qIQw1nd/A0/n6vGDPhkdhV1N/nH+iMXsFPF5feLcwl3Xica7wigrxBXR+L1nH8f8SaMuKGSX
veFQRNzs8mjgPnTTXRTjm4HyRKvLvIt4VghJIR6TLeWKfM4rm7x3642v1NqLQE53gww8onf8AzIrLgk871
tvL+q6AYeT/AEnDWkeXjnGC1YgmA2rwc59sr2leSmJboTOVoBq6yZ1OtdZZDTtefGDQg96w6XhwXf3y4
G+8BWnnw5pesS7sweZrBPdjfpwmk31gGLAj694SLH0vPT1m4dF3MVSleN40VfgazWa/5htNcTFKj/744/j6b
44iNGpjA5D0cGs0+iHP8Y20I9PeBNg+D6ul8kFjP+F9zBbGgEB0TCrTVQtHyAPvl4j9hGvyfrTnoHfbjNiKD
V9uGwDs4d8/nKngIm9J19XjGniiFo1nxz/rKSQCRA/44UcOWInf5894BspkQ3DOc/Q/y9OnNCbWzMrVHy4
Khoz3Z9U1iMy2IZHrOsEwVCPtNh45ZwjvJLzEcIHarVVVVVVVX6su2KoDfYn4OOFMOrgLpseHQGNna/jI
kBE2OVNdHDlOd45isaXg/GPKD6xUzh6XnCB2m3GCIiDp84/gWLxrFvj9MkCNHedDGHnZnkQGbIafU7xl
veRxV0vk6xBp52YEgs9m8jgaOJwmEnh0bw48TjozZSnu7yRmn8uOP4+huMKQOg13lAKAwvx9aHP8AGV
2R/wBOJ3X1hIjoGkk+vzP00Xm7uD7TL7ua/WcDQILwV1YYD7DgHDhZTd2JDnnj84Ug/wCNnkNHddT39
XjKkGrF7X++snEA587P/wB+2HAOGzcB/wCcGabBYDYAj46z9L63Ll+fxgI15jgX38YC1R9woQ+Iy9YBBD
T/AJvSebDcB2kBtANuNvnoCB3x70i94toZddXBQO3ocd4+C3nf9mEt0lnaY8V5JmqtKnPD8YiqKTkZZZFt7
wGdulwPjGPN3v0YfybC478X2wjpL+HFa4Y7zgpziRHvcyASLT043ILT3rCHMlHzhDelsPGF08H59Yyu/nF
ReXfjCCCvt1nsPy3eOP4+q4QSs65yhvnPWCfQjn+MeFd8+McDlMlScg2Pb/4cOjwnxN/wBXp3eUhJ0hU2
VmBeT564zcsGQhXfMv5comNJ9H/X1eMoScg2PL+LhmyuoqH+/wA5EmxQZb3vjC46ytoYcfx9JtiqkXZl2gj
zLUIiT4H1gQAwnczTNDfjzhiTCGBqmmif/ciikHdBVISb33MeoAHMY78vrEZQ8ql3fVHJDP8A6GBeEfjAX
BViPKegn2wO2wxx1UpdSl1YIdsOQV/eAUsOl7POVs2d/wA/6xHBV2S6/wDuAVjTnkYteweTA1r8HPn++s
FDL1zFwNmra7ZgpyR7xKNoirtxG8twx8ZD/TKo1OHF7JMlBEW5Ug2d5zaLftjCI6Mq8nF8Yq0162NzyIeTO

lN7jzneEv6xI3oDXnCfEOv34Zx/H1TH1PH4wU7Fevtgn0Y5/jBGrF8YYiJ5f8AfVAMqY+WT74nK9nlT/lwE
mQjz9VNwqRStDPWS6jFnlpN+c4eij0+F94JJqo4af+/V4xZgMNgkZi5gxVgfOCstSJ28e8QEUupppmcfx9Hmh
ZyhAffAi4eWVF+R9s3msMyjiTeBcQ5KQ6Dx/jDqrq0S1++5wKJkW1OYEZ2XeEeJe3ys/bf1RJNnnPusBz1h
6qHkB+coGNIS9qzuY/CWyhyureNdioDn2Y5SgxnbihGQm9PGAgDp23v3g6DWngPnJgDeTWIKBF41iUDO
ZAuGVo/h5cS8n5wYOWRFciG0z5plGfhYLo/D7YqTD4SDDMjM4p5eXw5H8OJYn9sfilfZ6xjGjqRzgNVv/
wBxpdrgDJEQPl7zeK0xcfx9BcWBvYCJs+MQSjT0nGvqG5/jNDC/aY0sGzX+BHdG7Ml+6Ye1A3U9PrHQIt
Ekv1XKQP5Ur9/9Y/Drap8vjN+BAIs7J613vIZg4rZ9r+Pq8YHppvlisB2dIbmuFAkBEdT/AJg2KAadvDnH8fW
fB+MnwfjPUfjBHBydY5wmqeiPGsEBBAPEKfU5VKTop3L9FvTrifcIvnvCOgwcB/33mwJo1db8HnClqNry6
MIxB1bp+MnANJoEcZSFQ4HX2++SCK01U+MWyDujtMIjDtxS48vDGGublSz3wh0esJwH5y3plQGzNE9W
TnErx+8gnvImnEE51v3nh+ucSE5yOkFAj5xBXh/GSzLoNYNbeT8OOPgGOA7A867zQRvPHOIcAwDmOP8
AOOP4+n9v54adTpig9j86+tbn+MC4tzfIk4n1FhkJDLa7ODyXDQ0qQce7itKqj3Prp8Vs71o+MoDQZInfH5yq
PIoLMS4a4dzZfz9XjDMtJTRDlc3wMHnU269YhYPu75sxm2dPA0zOP4/y4fcwVROAiQl9YMUVBtt+qhcrirI
njq4xskDwPQHskMDPZNQAQHy/9zdswHk6/WAYm5d6PtidhtpH7mFCklS6MiA3Lc1gXs/38ZrVSaab/wDm
KgG6N8By+cBwJIPjvN4MH9Yl1oGMreKnwyg4AV3xjXRnxi4ckmHHj+MJTBVNJfcy6dITfGA1UnLkSAn
OD9wU++Gi8Opmsguvl3ljVXHboDvvGBEjeASBoOz3i818YgxeWjKJNXTye8tej2zYccucS0kCLMVCBG3w
ecKK7pMjUi64urjDoiWNdP25UD4RMnpY7DR0Gk5hfGXKVv6vgjte+MiD6tE1kACic1m/05lX3hOBLbVQ
XxZ8GXo5ZEu/7+stNFEUTsxZZXDC5VXx9xMZKEXbZMcP5ppL5Fl47yqqOd8P+8ONLhC8v+8Q1zrXA9f
GVplCLCPdygdJ5b4Z3chAMM3g157o6PBpeYXwYxKDJsX88YbYurRE9nzjgp1wMC5+RH4w0XRklh865d
WC7hY/zZqx0roc6JZNA2/GDyoW4N4hsx3njBJxktLYO5pdWcY0neDPjhNeVl1kDv64rlbcZTSLDFeSYPyG
vTI8YC4osHHj0OXqYo6nx/vNyzynbrN5RQ05E1lBADleLjUBReE53iPIBtOut4hRh9b4wtLY0nL5qoh0OpjC
6Lda/OO3Lmr1hR3o8GbGZUHILxkF4Jp7yHl9LKf6yEKuGS5OH/WJVAVEAgH2fvATFexB/WEDtg70GD8
FRpXSORKUijr7YfhMS69ObkKBm4vDrpzeq964MrCMny/4x0NkoK6lfvrLgg37EPKBk8ANKLq+F840Y012
dftLviYKeuE2f6e/xnfaZh+R2v8AecAqRb2bvXCnhMNXwBZq3QGiPd+2aqEXVxsOtZBXE6Kfbtjr75W6u5V
EXnqnOU5CrwQ6n/HDSVUAVa2ff9ZAGOx35b9YwJ6jV29GSqdFP0b4/wDMaVp41PmacPVl69zrAOjgzf36
6crAJYu56/OJg0RSayAlJVG71gVwKsq61r84JoaKaV9vnLyV0qPgx+CFUxaFrmlj7vUwqcC5G3ChfxnCl0cz5
YvHL5wYsUAABaC7IfbCpoeC95BwCiThxt+cilQgXRO8ZQ7AsEasF65M5tUJx+8YlH3KfxZiW95Kx+2GR
FQxmFKjbecj8Xw4BVRw3742s1yBziEAicd5xPBb+17ylIDA1q5QDYu12tYlCh4J3M1zRBAFNP3whpqC8Ns
YwTYtSc8Y/tfLzgO8n2Xxmj553iFKQcUemUGAc8YwEuVZd4CF47xHf3GWOwwRdL1LgjzsMaKyGMPAr
5TEJ47cHGPaxPLhiQ2DsWvu4vVMD+T1cvg6hoi+cqeiUaDxHEx8kQd6dc24NMQldOnJOvebxY1R8gIgJtTx
g8YNmqMPPnEwjskv4Lx3gBJwK3x3/wBxxviSnufmXF+HunwO3XiYDGqaQevi4NExKKNpfJcFYrorTz+cO
sKCOjvWPXn0Ap4MbgCyR0eHymvxgUQlOSuxP07uJmBmigXX7caqaxPn7TX6w9uKBYeG/nARI9by4j3gq
GBHcHFX05HaaICo8tezGg4Vhz6yiVg3q+FxL+1+8Qf7H5yn9j95H+p+8r8v9t4wecoAZN7MAsxQR4feOyoc
M434/OO66Y051mlKdy2YzoK5jhSWpu7uaFGFNExUAo7K8fOKMRGx7+cO4R/FxHKZPC4aAE/Rkqudhg
mGcbHB85pbAP8AVyq07N4xwEmx+MAVts5P6cBIkEppjcYQGq2094YNeXee5spijcH7xqXpxMvz/wDdY0
5fnP05U7XAJWJhPDk8RUB7QUKAEj5+gLIeXGH6pjQHb6xxK/IDTNiBnTs5QaqApAut4e0HovU4y3LC35
aGRTlWCG3YOvDZCnANxdOwWFVXZQ93rOKg4puXXtqM1gTVEzqQzhe/xhcQbvd/9X84eRCoNe+8OX
TGQ2rSAr85Vl1IBd051RuGVVRhANNxL9vOUg4gMC3jGwBMYaMAJD1ujuwBca0HCq0OZCzneW1oCI9
PEcSA4au8+N4C3Lpin5yHEeak3RN8+8Bw6NXc29/bIEYT8jdnucZ05AFnw3VZcvLIcUIlbSOusFiJHMY0Nl
ltjPWBCRsWTXzHEAm8eDuznjHcAu8sEyod4MHIIDfjvFj72UovwYFp8EyCpZVmRLAveYxIJbNihRK3oz
WFMCE35wUL1QNIQp6yq6aaLE+o6ezEKInhwDR96VRmBiF84zVW2P5++MgUiR2h+vGOW1hZppC1L6x
qcfyXFAQNMyV3BDqwdKZQCNAHfedIA6KYAAKN9zPgy5BpKh2yHcwm7i0c3sy+lp4yYDIkvmCD8sfPS
DEPmYMLbTviRp838YIjLtBcXjp2XSxwJKDX/uPBVPX8YP8ApHKH/wAzyOcuMoXKa3nVXWLzJAiN4/5
08sw05E2uk1MhBA3Wa+PuAcGl8/RIyCDGpL2WnsMN7kpyzjuwC9JiiEnmuaN/VCIUdcvRhnEEt22RffqzD
CFjk0v8B+b9QkHpeXY/CHsHGeoAul26w4P8nNAVjVPP4MTHKFC2qe+Hnf13LK7LMLlXMXXjGXWIkT
+ZjBCfVUUTk4xEKNlJyZQm7/giCAiJRHnOa4rWaV40GuM0fABF0odBbhiAGgBAP8Bd8y65O4v/AHLfO
QrzXOUEjbgBKXgYXyw1XEOo7f8ABwNbr6wlqkxgyRxLGY7eTL5utwiZJpxlzzr/APCTka8Y8DV413xmu/
AwFryB+2TAuzriToAvsO/rfaKgA/hrvyuDrrbgtRgR8fXoJqqYv5yMb0Xe1eAANE4BgAQAgHj6KkCCCKr6
AXJL1LvZBBTZ5XIeE8B2x/nDg/ycFTiVZsy4VlFKRQd+tp7WDEQaHjT6zeQyDbSD4fxD/B/ppQn/ABM40
RApxZAS+HOOdXMThrX+AqPONYhy2pToBncmWZbaC8zvkMCAf4WHjD43RTrOeUDAy5GgnPnp+qcq/
wCJQc7nDbmmsET1jHw+cIcGCImbcqHeRcv73iv1HIK/2TAcIhvKYeXuPhciuF6n1Ubxh2QoBdBC7wAM1E
9nvxhDdGcliLBJPfYcGn0fUhQVmo97odsxdtAFaur/AL+uw3wCEcR6oP2wDrWIaJU7dPf39dfbkIdO9ntHww
gIVRk2/wDuCtgtPOsHB9R96VS0LriR085ywAVD43vC3sJ1vaXNiRnP785EwUoqtBoFWGGXAqvtevqklL24
bZkMowvlQwAY9Ng/lfuf4MLNTLmwnw4aswQCt1t++M6GOnen6MGNouATYiDrxj/LKoLZ+foBQ0stR42+
91jEUxpot7v836OOBRwSTdo+2fzP8/QD0t2e3ltZK/cAfCmBCfXStOtbG2YTcw6DG5PE94pT5RxU/Re+Cp9
fdyHZFqkMIc2RUdZRvrNefRhRtlyXR++A+2FM/BlO82c84npJn0nhyUMhFv7H1vwxH2wBfEoOlCmMNJR
N7yfKPEk/oQ+2VL+q8qfEb5I9/QUzoCg7HA+mF0iF7hr2/qAGYKuAeVcFE/8AQSMPv9G3gSgAqr4DNY16

pq/er88iEwsDSYwaSVbg4Prf7mpS00HvmOHW4HNulrfPWUhM4DeArae8k+hoxGrxA1gK5qnyHnzxl+Gxrv
h+qldYj7GHYIfk5/hwIf4LXO7wug/OMnHBaf8AmKSiK8/QP/JqAlPccuqVKss5Tj9KyYoNvk+H7rDDcW7Y
QfoSWHA9uvr+Ln8j/P0Ajw4Yita9mD7J+767TabF0L79L26xLcmOn0OlBaEYstLovKfzg2XV3V7xkclYKvfR
1m1lzQ5ynfn3nPFmnjGxPeR55xr/ACMXP08HAFqcfdH85yPs/X1OrxjGEAArxGn78fjD2jhHrEtDTkeGReB
W6y/CHtdv1QNGAISq81JPT8fWqYNhAJfQHyGH0UYaK0p8FE+/4yYKi6Nc633rJImtJ+stnZCNVEP3hwfX
7vzn3fnPu/OSFRXbxit4UFzr/ecTRsL/AGPrZ+MzTsZNBqPSD6QlY5dFZV9iPl9X0WoYwV/jG1dAOvBq96
wy9jD6PXcGak+8ygLE7Lnn6OkfINJX2woPneSjH7/TsIrHeG77/kzj93+fpG/jLAhfuCd+sAGJHuul6r+zK6Iq+
XD1NYPVsA/2ZcmgLkSHXbNZS5DqPGfN+iHCHeEac6QuVLGhFy/Ec+nQ5mFX9Lby59sV/wCtr6rLw2Rg
U1Bx1EoP36+7+cZj4BiaHotqfjL59hhr6KITYFhBjmChfZ9Tl+CoVFh5YL9vrM14Sk/mgH3/ADlcCETYvR3le
iqqBzDwee8DrQ5Asw4P8gNuM1Q0FJr74BNn8P8A3+qbxrKsAHy6yLeqsj/K+ndMiOicp4rfrw4di+df7xUQtn
Bb10r5zhD/AGu/onfZsmFKrrujb8/w/TjuXlWWe6M3hpZEBPN4UL4wQSG7E04f5H+fo1Qx1ZpTEAU8kv7v
1HQ30/8AimG6shc2zrp3gonfeTtEOPOQCVdfvBF4mEHaYF7cHvnFMW46TrJn+JOlO0T74J1oOhkPk+g4uxe
No9COLyu4QwfsE+2KF0T519TNk23rdgohiHSaxHq6d35fbnCbJPUMnpR8FccEyUO1vnd8CHX0WGEIwPxr
T5l9dCWhDqPykPvhpQn4II/hPoWB0CgeRy/1IKqx+7R+VZx2KuS+PjIOl4nGnDg+qX3kiCM7wYszzN4LGA
C768iZLCURXrXEhpxhD+3HZegGjzfXSz0pWxOzWcYd4gzwpB92MEutvRUQfPn6qgRAFsbKr3HuTCroBe
ePpK+TwdDQbp0OMaD5+gQw0QBVeA7xWoUt2h/gfjOP3f5+iU0V4B3PZzCpR+H5fVAJXF5sHij6T1i6a+T
wXB0fGSzZ5whOjg4++Dk85Jzc3HGV7wdY+ccsQ3sA/eNioVJTcBtPAXARPob8bF0A+nPjKcJ4NX7y/cDT+
D8fUg2bLIebFAOGyA3x6zaK02YydigtmU3+I9uAh9El8NH5TUPnFlDdv7/J9auzTgLUrZsD7K/y/Xbnlht5P2
Q9I+cVzzDnGuQSHBbhwfW6JOnVFvwuJLUkNCeTzikU2J058YXUi9d4wnylo3aA3wY1ID9uen/FTAHHX0
IciT7w1Y6GEed7+t0QWNBv13lL4ApFOV8mUXP/AA+noOZaC7HuN/kwiREdid/V0Xts4X7sIhyJ+Tdm593+
fp0tfgO/oyh+V2HGHg/C+fqP+WqnI8IH5wk1DTippDbEBFqME01w6/ebwB7OBfnvHSGguykjBoJpvOhyuH
WM1/H0p6fzgj4zRlds4xYPcSFKC7l2+c+1yz1GUwrKz6tlM8gIUBQs5h9EB1WhF0HhhS7n1ByRENEKIiiOn
N8MplVFFFNPC4YsK6CB5E++T9ScO+OxJXBevruajQCCE8flON21C7NfqqxiZMf6gWBVvl/IPqwMx1EIj8
mXljI3sv3Db2s5EVUX4cOD6t5xKSK2cYpa/N3+Mp/JVD7wKwoCm08Q1lklTIHckwHLRXdP8YmgCqq2z5
W3rJeYUtju34+tqAop1SxCoHhMJ76xVeRO719LhwPGBBoXUZg1LffP+IfrIUBXtE8wMEHsx4fd+lRzP58G
ociq8uAoPWdU+rKPIp8ivoI49Jdz3fGD4GJmgV0nal7RjCCRnw6MBCWZNZxgTJ/twdZDBPjFs6//AC6z8Yj
SGm871vNn8MwITx9FhjQqJ1SPQVfEzhvV74fVhjLgXLOx6wPhk++UnG7dIH2s+31HdSmbZv50Pw4vKx6d
7w4P8uDiZL4XajdcPr4xNCFdHlB33r/BpCdHoP2QffGLOZ3Kr9394xqJhfrITs04Edyoq4+MtBE36+nlAGcqS
QNTxvL5aO9CfUSjqvXAKH75M3p4NLjw+79LL+9yAqhV3zvDV9EwYS8Mub0uf4p4Gd02jnNo6PGe8uUd
mUesswenKd31VZn/ANDP/oZ/9DAcEfrBUvYrHaAPKYXSOdIqx3A2WfJ+c9D84UIDxdfPO18DloMq1War
2tcGDJ+PXKecp5zZLBgjxTfOMXJGvm/HH7GU85TzilWDwxE/DlBUrm0r+L9ji19LMp5ynnKecUjvBoJtnA
T1i+xLiD28p5ynnKecYJslvUo/P4LmsVDxTeBsGhKwp5ynnOIG4cXN3xgpkF+sp5ycbYR3ciEQBIO43kekLs
HSfcZTzlPOQ8qwuj77RyTAIV7zROe3KecZuQEeZmyFA/7kBJD1kVwiKKFCIimD4jwfilH5W28shJ6EWKA
0E4R+qRl34y6NPINN6BQtThw5CSO+ecmeckcBjs6/eAaYOLH/AAy+EVRglQAj5MOdv9+M7Q/v4wf+u/GB
RdS2W6FEvj6+JtjzyxAR6TL6GlAi+Mb6ItH+srBdF0RfWI/D3X1E1bf8AxB47NbPt5MJ0BOO0T2XeEBsfP8
A5kxUvt/zCDFHhaR5K/nCKQ0dbMEp1+yaD98PNYvO4ZVPl44GEG7oW5tI/K5IUTky5V3Hji0ueMqkwdSZ
jWB6b/5gcGfuYkcQvL9M3UwdaBV8wn2xQ/SvXF+FDFxW1WI8YbNZoAnnWWeQCLty826lWx43XNi5E
BS+8Fo6QiNBfVcifKFcfjO4JuJuJxAVowlPSH4w95HAlvTAOAPGbx19tHEbMUqCPXDgFyTyHDjB14GqR
onxz98EsrYZxslRWF3zDGVRSPAAvcAD0Y+VzsQbG+kv2zVijSB+dYf4XEHrcwh/2tkVNSBPc9CZsxSb/O
TDIKHLTnHUwJvwmV6o0aPLXye2IHh5tLG0Bg/cZPtiYuHIOUrny896HkTVK9q4zCGtDrnNYv7wPJifJnrF
dMS8/wCBUxneSros/wBZoWibwGLWfUUsKnFRRH4F36xC2lA3Y2Hc9+WsdcLkcD+wF6G4Dd/4+SekcUG
lLMewrPsrAvd6ZjEenjNgP0xhHj6yA0+2CViYcCuvGAEO8iLfWWlpj7HPjBA7v6y8V63ZjRUtcawII80MaIF
ZxJgoCWlYFMN+Ll+ftG9GhCJJXF9tXkyTtC89Y0IuynLJiA6QRiN6vEcPWahr424tw4AesglXhOvjAmjt6KY
4VfZjx34NcYiqUWvjBdLOfL3hK+Ine8kEi6rt/wDMkA3b8AyvoG15jjLwA7ydBRDKs6ABV6DOvA8KhHk
BhWoZSUwAietUOG+GE1kjQNUu0MivyZyAJiCB5VVXyuI7eLPI18m1+2IQa+Upr8ZREOom+MSje3Byzk
Tnk1nhHADgx2ovMX3rCrQErNp4+xiiJZDfBxxg2lIT7cqe/vnz/WSOXcrq4KVsjcqSm2Qm0uNpbG3rFr/wum
kxIFQHbgSOB+cirE5P0+MSjXT6xzlvNkF4dsHu6xFSC9MyvE3PqiZczy0JFeQOzNkUgTt3JUSBo3GN50DN
+FwSKkBREosDkH4xGB/YQlRKPum3W8aXGZJle9ng3rNzjMw3rsYnQDszUATSTFKBQ2ecJKxcSmUOqb
wpC+cuQ+8IO/G8fPOFAGdOQBHrAwQVhJTENAnDvEhJx8YAAPxgy5PbF/6mK2VGAOi60h3OMZRRO1
NuFvlMAElhhrVbKpz5xoH4dmI9kCXinOKGtbOUcUpazjHuuMLvd2ZTkXRioAfjKVlcquw88XNwdH7yvw
Dq9Zv1nq+cRgXZswWJePH3xpnGDpeAAi9HnWPefIr81MqeJmqvNYfecY6lL2PRkpmxr78lQTkEGZY9JUq
5qXaq7cJ9Lsb4LhgLu3bte1xKdJ06POf0uHb6JhgqC0aS8/GaIIAb83GBWjU4WPHk94b2rfG/B71+MumiHhw
hWgH41l18Az7WKwXzjt6MLYC6xRnUw5F6w8T/AJjCC9siQ3e+sJfeE53k4U6xrdxhm4P4ZJxBz4w0qHd5O
x9OOz2CE+RhDwKSIzbKKJwdJUn7zcF99x6TxhpDUzoQ/wB4wgkE8Mw4a0Veocaj7AOjJyKvZhTcQdBaby
2prNBtH7xQ1G8+8aUUmHdg2nhx+BZmyDFYjp/WCbW3FPvMbni4pCCB+LkdD5NHSNgglYPAO8NcIXT
OGWOKi8OTrvFFdRPsKDyXKwLVo0mjp2X7YJoi1olwEy/bBQDfGe7+GMiMAsAMFSDIZa6UnxlFfgwBb

9Jxl8bq/OdiYQPOXgDoE+ciQ9ToZAAgZtGcKJuqbSDfgxHtVV6zcAHkAu80etZy7bcKRFMOQmsLZzLqQ
Hy8GAIAel6Cf15wesUBXlvGEN0HPtwpQ1KBvXPrnOAakU8n/mBpYpd1eE/31HzjHHkPSD0CcecIhqSE/L2
YqA2rxdqn2xgDdHLtzYKrMtzy/TZ5+l6MEe83trTxigTgoW4K6MHIn7wN+cO9vrAnqK24iXK7Dc0BNkclH
VJTTgMuE65+cLVsB38Mkz4P/mWLCIKACujaZOqV0o/ID8ineJ9vxQKXpNwE8HWry8EIaqsTk9YtACDQ
KPsVQax9hFgQqEkmbIMLoePpyJyUnABwuDnOIOVIW1u4e8YDjh6ggEUo72Pea0O8inApZLY6mXYAZx
Tzk3AHcyGRjYFBqWLo0CuFkUzmRDCSxaKoGMp0NxPGcFkPIsQdq6w69uVPeRcockbOQIE2b6yUziPM7
D/eMMOFiZE0U65yrDSBDKia1nKCOwfjWv11hRgWgir2RnjnjDgFvwqOruGjvreESM3MTam+/hLWHG8K
6/p4RGLuZ/K451QMcMQAJt1vO5FzkctMizedYB26WNCWgOwQ3vFCbo9H8YgFoEI73fTLA46IOF/JKdPp
I8Hm63jZGK36dxEDs8piIu26HXoCbIKl2BlvBIf33ivmAptnv1ipm0dt0weFow5nPg8zCHJCjVEi8phJLwf/AK
ZUA16EC6tcukbIvBhC119/WO0oVrmbLKhcO+2JhtAWJRcoA6H3cVohO7P7yPdBcpeBujvEAlV94Vf9yni5
Ph9Os0PL9GeCRmW0qvxp/N+v+DhQZro/kH4ypviXxvjPGTJ444zpKdaxDSX3Ycn1v1JkWIIvXXJNc7AUIB
sH291Hk5tw0yvnKGyZwkj1jH2Gg/ObS1E4jZ7xGvnGBVgbci4YQgO/2CdY755f4uV85XziGzxkx9eEvWv9m
sTIxQ1Ttfu/UMUB8PJu4xmq9PRxlfOV85Xzhb3/ALQ79TzWlqsY9DtpUX4/NlfOV85XzgeUKfOvO2WT2Y
0+V/OV84GLN711oAq9A4upqRcaecFeHuYvOrfpo/h/P1YpCtXiOWHMYB8nbnvBP1+kHrfJi/IS7V8wVDmj
nFvbGYENPWhnRDr684ik6t+7T4GIvnZjrAXN/Fw1wT2x41geWU7ySenCbtsJ0H934P8ADZ80+4H7TN2rJz
oo/sxQNCKX/wAMEJEj+BT++cljYjB5f8pUp4WJ0nhzaRfcbUdjn+qs2su/2qFftfQBbFok0R9McpuY20W8VPj
JqOjKfx1+30tbvKnRut8fD4ZaQi8whcez+o+ss4cUjKBuWoH0/wCDbNUGic8OPSVNzeFfHf7+nH0ZJUQxAn
94Qmi4ojD+MM9Ak6Vl/g9UVGJzgrZDg43Wfvv5fossAEzBnYkTs1xieq4pVdAHlc/RAAE+r8mrfSRxpMKi
wJVfmB5UO8Vfn+L9ILAnfxyxqxmVUtcAoqwL4gAgAHAcH0aRa7uT/IfsZUFWvlxR6dn3zxNuKdi58MNvr
FvGJM8OMQNLPj/yrvrvG9yKlRP0+jvMH6K/tGG8acc9YW2cZ4/90fbAVU4OOC5Pl2e+GTFXvsLbg7X5+jl
5TkAJQ9+MQJxAF8ULHYnSPNEPoNfkjTPQTdRQDFdiX3Q6E3XQQFkPMZpoAKW6CfUHnpyFQvQ/ePn
Pgh4+gazf4Wnqhf8A1Z8wc56R9QnBpkuwHUoAUPd1/ggwAnhWGmHsFdqR+37/AEUjlR+TBYgyQDGeI5
G7jRx7ymVov3Ln5hKr+CGSMOvID+0wUA8ECJ+voL9IOG6DH+2f1Xl+juKGW9xTeKa/YP2/we+NbzKyL
8vKmVOrofK26/vfH6e9Rhz2wfvvvp9TyMstnJ+QwF2Cec4ULCfd9HvJYBchbpchjwGQy4lxULutgB/OD4EQ
IQAfx9HNnF8D/wBIxU6dPI7P19KUCHObD+vWF4LKsT+zCgzy+JlCdwXjB5fpu/kX6sO56H1GOBuMNb4J
y1Q5DHmXMJYZ+G37PLOKmHsJw+xp9v8ADTdJ3zt0onBDFZgoCdAAPRlEOnn/AAiDBvAwPyIR98Y+v
Db+wI+3+D0QoJ6n3Yakcv8A0/Tb4X8mccjo0v8Af1/P0kFEruQH2mSyqyeVL/eD1Fkcq/briEedn0JDvJgUp/G
2b/2tv07In8bEXgNvHX+nX+DKWghzy4UxbesRH4zb+tr9Fdn8W6D+cldGPkG/ua/f6U8BR86B+2/sxjVV27V
HeILcPsF8nwfnNlzBXlx01MEJ3/GJMUo7+ihlT1hpq3hSh+2DAoPOsoYQb8mr7DPzwgoT/X0rUVvi39DrHF
4mYlxWYzAN5mGi+foTATrEZ+7D0RUfrGoUKfjgmCUKJVv3jhEoATkaxwZ4d66sdk8Nb/we30wUQh6bnr
y4SwKcZD+ht9Ym+Y8qnxR/DFriAtfIpT/J9T90AwQ7CvDzDv1Ppv8A1NmMMQ1OyZ+30A5Yn96T7v0zT4
aY778Ajff/AMGVv52fQujlJmhxuFNcsM/tbfoizkj70y3EU9/9guAyWgPL0fmYqF5T6Exo/ncFAHc4RNHeED
GHhn/Fxplfm/ZJ9nGAAKVYCtr0Y1omKJUAYeLgh5/7ifJc7pjvznlknX1XqRNO1/F+T6EwQCiDF+GYvsdq7
HziYFFJDcXeqzW/obJX7mH9Bm4IFE4bxn/CGNSsVTkA/wCsdvz9CivmzQqez+Muk20PhP19bId8juDyUSn
YmVIF5fPJgviib4NuR+jWoh4/ff3H+BlyA/Zr7BM9PA06yr04J/Z2+r4RsoT18z817xYXxjHqpdx/0Q+31uNtvl/
p+sv678tPE9fT+k8mFsPAPoYCq0UajWd1f0ONQF8pv69ZKePpBCWwIBCMrBYdYtjhtV6aA6wE5lHWlp9
EVpE9L+KffFrfO8cBul4qH8Ofrv4+jHoKeMc4mVl1avlbc6Gz/V+nPwZIHWcfRxQGhRR3zBbPnDa99PLHH
v8AbhYP5+slOsduM0HzlDk51ecslA621/F+/wDkND43kzH2f/0AzcC7+V/zIavRwtfmGBDHRk1Gd6Qv940Ci
qtdE+t91GFX4i+WBTJkixAZWbAUOxEyAFwOsf10exhtjgOAaD6Gpnh4iH7I/f6LmLDgyewH9PLg2MVAB
8UUdKMZOGf2dv8ADT5H8QV+OAt2xoAD7BPqWlpTXZWNYGONm/p/tPJjOJaGyenuP84o7OHj6jLNNb
B9nfz5O+D+kN1oK1Bdhj1cb7hL8EiCGkA2YsFOEp/gv9j67WM+8+2foH0IPCFA8eHMt6uDQ1G2L8gnDltz
V/X6Sogw2RnOAoB5df7Av3+g8nncIRPxjQBNu+l+mFpPIflwqPGT85ijzlec0M0PrHJDiqByrow359xAP7v0B
eBfgz/4DiXIfJ9UiBY+TD+345UMQZw0A+fGag2q7dQu1UKw4Dz9Jdece40FbSk7B0GknGwQjZX9fq0bom
WCw2KA9oHGKWrnOjKV4V6JgH1Iejp96/D6L8IMsAC841aDLq1/Wvt9d4xluPPgCfD8YnnG5HH91/g/eeZq
sh7PwHnAKVkfB1/UTKF6TIRRQ3pvefT+08mDAIA9oWEeOF0qj8j9I2eDbihuqUTYvv8AVm1ApVrJKQkj
SVMEXMI+gcIWrVicMdv4fx9WjEQ+BX6MNQJR5F/i/rP1j6HGgihdDbpQPdx6Aiz3ofUOeN4fjT6BgKA8Io
OGrgBoGgBxqP2frVZCKN3ZONOt+ca7TS7eRxm30OBveQy8MFu87mPTQU/dmbi694TkjP7q/wBc4ta8u/o
mM2empxfGP7n/ALwRHycA7C+j9s455+m/wReCr9MW1oA+qOJLPSl/GXcLS9ov5zjcq/r9Uwh4e3CFqEJaj1
bVso7jjcqSJCugaw4N8H0cGgi7f/BPvjAkYkv7QE+V5MbKE3kSn0p+qqS2fCHinWJadGiT/KHP7Py+oVwIbx
djFXxJ+XnLgGBPH1eEhEPnfHa5I+j+k8mVPh/xkGoTaR/0IGCNzlOfvBWA3OA5+hkn4+jbWhS8HFPS/OT
K2LQOJLE9YJ8D+Pq/s29S/uH3xxdEZdax+k/j6HtZQyI1WOjmdyd5B3sHAmJ1Q4d73kwWfATr6OtLOH3M
WlZw2UnTkFqkHYqsZPIlH8fQloj9JL8nP2wCAdfsEifJH74BjgcVcbPootKmjD6K+D5MERSEE31dOMjGW
TzUetmvf0dZJ27+4T+Q85TWXJGfCNP2YswoB4L/AG+ktBZ9P8wx3431FPqUvYEcLJ8C9mEySm3TvFWJf
4f1X1I0Hwwyg7+SCHyw+z9RxUAAZdN0VA3kqSB2zYD4WezKdB4cGET1H6DHNAn7Jwk7fs48E+phs2
MLpj9tvtgduDD/AEmMJW9/WR0PIDAxowmyJ9H9p5MD+5xziQCGgb/05+g2Dg9Nbepi5qrt+fraKAnMNES
N67wfNw4kLTxp8jDD4H8fUBAA3htfofnOOJPs1x+u+ipU5GEViCI7FJGITWNB3/8AW4j6P8UEp9PYo/jB7

FAdnwNHfIPVyHXs2spjuix9fVoJCfkr+K/YYxNcE0esh3i3/wC4ayFAnFzr8CTk5YmT3ZpQDMmGhzIIbvHO
srfW2f8AuP1MWgw0fjCiVh0es5rMbfH2bHELCT5uK3eJb/G/7l+UOxG/3m7DteiURBqEsyVnuWH2X/ONJC
mz4CAP3ZWTbJztOBCHjjnwQBCaFI3OQggDiRegnjCrmA6ecJ5urI9R5mbKnOiS7bt3cQ6AzzHZdmAYzsxx
9EN9EcSCuh+T9ucY6BO+Q3+WYaJRLYMX4S/hfGMmeY+9C3Fr39ChwKJ5kqYoG9K6zkxoyhVVK4+pA
gBZ7dYqnUEm9IPWC2z4Dqy0aSFlR6Yv3wLtrMCTU23+d5IiudWR5e85c+xKFmD0ApSGvFZyzrfTjd6pRB
8CU4wElhpkuDPZrAhiCmrAwAVUifeHaTBR++B0WzuAbq4cU+lCkq6WprnLqSzKJGZqeU6MO9BibqPyZ
7YCpOG3qEWgElPUpvBrhuUDYII+VpcCCnFKe+7ApOEd6dCigrAKSjizeD+KJHCXzjyTSA8QdBM2E7Np
gahtDwc4/wAGkS6RDwTOIFXPRlah5yAqH+m3ox6c+bhDDZM3/wDDBoeuw03fjeX9k2K4O7lqJDJDLG6c
3nKiccHLCFQK6bpsg1hZvOkQWqu/M4gRT2h3Ye+8nuPwf+4N/ENGxEbpE5xEr1fnPMnrBO8vzkF6AOMH
yIimwu8QY+/rjGEWzeaBr5c4LZ5B87xhfBudYTqj485pFY8mEKQ4ZqxLhVvEystxJjrOaGjCE8gMceyj8DYJ
6lKALPcKU2W4vbLGAFpHSlkaiwsHoRadI5hfLasBUTcBNbR6xuBxhsCG+1M94y0LXGt9ezkbh72CHcVR
+2DDXjXe0jijKNFI3u/H0vj/AI6FWvXv/nhVKB48PDg3uyGKEJJ0nbPZpvZtijPOe7Ps/Sc5SKxFOtHvWHUn
+En02lEe8gnZZ9gG3LquHhFbkhQvOiIsnmRdnoT3ndl0UrN+WkpYQkk9uheVJ2WuUwgLf2B8A9nllcGQky
al2mXxmLMHgPDKGcJMUkT2GnA9k9HOcwbntTB8rkcIiEq7d7EyBJivji+u3njJPb75EYR9HzBb/eFL2KNr
E8/bNseP4MdkI2V+Mqx0UTURGui9sNaxdmCxLUAcC8OvWMoivODLrdcH/mFwRL+MnVZp3g1VXImsv
B4UHfGECmw5xoo26OMFLAYpu854OVcZDiaeQucVTd8fbH7rajQxJNlU9I/xmvbI/jI2xhvzkv4Xfz1lUhxbk
BHl+cDlNDK2mz9Zp2XZyZPNodmb4AAeqDDEbB8kZdw0hy8M2B41IkvmbmIBUoOBFzibuFyfjG/HjJFF9
BU9KPFza44V7ZdcEehePvhegFt39SXEuLyPjAG4V6/+WWIVWSppkgAW0OJhKDhV55YkwUEfLAhAieJr
O/teryH+/qFx+LANk3SkSYpQoUilojscU1VatWoRgLRthAcCNlafbC1OkPpkVgAI4MgSCtz7ABoUkG1RVpi
qCh6PbsPwKdXTuD3URHC1aSLI4aIL3rg4nvGfXygcNPXg7N4aBcJGjD4277yg1BCIy111+MZAOZChvLx
wcYAKijBbYgUfaopgqAmBYOsj43mZYqaEloiMaYLYHksa+MtwFBd4O8pvoAXRxxhjHVuWrfl/5lecQcHg
uHsXHoJ5xvlxxWKE6xNGwJDHiDgfjEilqJBxq1A78mG/Tv63gDziTxiKvWNcp6C1TowWhAz8NY1PfkMFb
5CtHfNaLTwk5H8ZMl00qxQ0EVSQusm8GoQoR/7xgZhqAZowXkhU1pwOw9e8+DfXG8FBLpaqf9MukCp9
8KLWioznDSuB93J2enrrBwQL2ous34PJCxdD6jhi2hioHY5TSKDLxsPlM9k8ZLepocsgA948JM/X+d1gHyq
AOVRQ7zd9vYGjuGTV5N9MPUSd5sOQeEpqbFzBOTUONZaM9D0YWh4R5ZWQZD6BZ4MEURJRVaeA
cJQHrinKpI7ETg6sIooKroHS4n8bAZUTGRSCKYtc6F0LR2pngeXHb0VpoVd4HNWYDepWDcYG8VhTBik
4StzTjzhJYaKv3BGmqhYRgaK3RAHcJC9BkJUB4GthiWDVvrf/ALno6tYbt6NbcYSadjrdPiXpHSMcFUxwA
4AyJ2CD95JAsNqcYpOQRjxk65Fz1mrw+clzvIs0zarAOXHsdoeuqeYe2Yjmn5+h6PwyacvAYvv1z84+nXL4y
0j9u9Zq8B3znySe8YEYJ4T36xk1CoRAT+8Yv7VclI350I4GQqDCvRxdH+iqbzOnBp06J+8twTcygs2bTfvEk8
wINvmN3XT85aaK1PNAWnW12OGEpdAjCjCi3p8MUdd8AGib/wC5Z0B59r3f9ZZjpsHQ/wAZ0qRPDHr7O
sLtJK/K9O5gK6NmwkxxFc1Br0cDg4jOIPRxJQREwEgXZFpF+cVBHOjyD+dYGShNapsT7mQYj9ct4Do1xh
BgKJ3v/r/Kg6DNmLLRlnwLlhfM1mukCvmbM2gdVeEnG2LadceGRbCqCHPNs5F+spHN7P8ADO0n5wmT
vkORo0nyA7GON5LQSOA68B9sM/xdNfoPE6oEFwSSzls5rvVXlavOVxUXZgn4xU1aAFDflJ9z4wbh30uD
WCEUAS3KLSPA0nOUCPoc601dJmfI0YboyRESVgAKrxhzuPQhBKIiJ0jmiTSkAtJudzjAeqlPGlwNpFkSGs
njEnEXChYeTz947ISmNwJ1+cv8JogAIe3KC4Ve3eAfKt+cPZKz7IP8mOxyJ5YkNoAvZyfqc0iuw0dw4q4skF
JR5V258iZ7crz+shywyj4/nBXRznAphEuIdFn4YK1OwgTR4y24gNJA5BaBCBeTxZHNkWSJpeB8swFNAHc
kbJf5ylQoASjLZdk5yeQNWmpQuix93zi5WgA54t7dcYqZfLDD1jW7ucYZVG/JokCjbIWN0jEc1CZEgSbkhx
7imCCLbfLDe77zR7YHQ9fnn7ZcdYCKGt93CmPdVmg3GBtHVNBlHBtDTft5wq+NDb/BNZJgtQ8rwKleU8
5pcYjo3xwodqilf0bH849gobtFL9u846wZHn11/kaTP1Cze3NcWZfY1V85UvAd2zR4xzIeL/1iuhIItLeDN9B41
lX+VvO0/Ucar5qqOgAVXjHY6QrpQppUNFdYFwsYu6YSOzyIIZLgtjaSChLclFULYWVL2EZSApKXRbpK
aKDCpiCxERw2G0BGrYwLG1vIYB0pCjEtF5tarjKH1uU0iCp5Gyhw2SLg4PPQmkSBwNyMQlYQKMueAC
yDm7+kKma9hbVcE7CkF3BQNSlK1rgij4MJWlIFvE3lz+iEsCcPjNN4nCUomIUl0AEDAIVyfKi1qdJkVMN2
jdAXmfnCAMaRd8BoJ+c0FjwmhjTeN8fziRbqcWbqo886cdoVWYeqNFb4d5BzgHlXDB5i9MAtmp2kAKcnr
CcpFozz1hpPvl3XGOL/AK/SIHvBhjUvWMl8MofObs4HabmKkpwL85GqZBDsJTHsUhrRKeedmA6I0j1/ecL
3MMWGtfO56zRME2kfR8+MWdBnBbdcP4wGUAOhU1Hn/wC7yVuHNhRvmH68YEdoYWKHnzx7yUEqj
UOD5A/8yqaNW2FDhR52Ot4YA5VqDo+P7xgYtayi7UfufOQloQFVzMRXnT5ORbTVx9gFDsffpxobqICEcl
B+S5bJsAvfy3Qhn3DIxafZJgGm73UBPjR+cVNAlHu//MIdTQFaocdV54waf4PDz+yh/vBRVZOt5ulLdayMY
K2luvGQPhBJ4wZt7HJVyPfgR5mswDQi/f65D8lCF1EeRypFBZLcQDKnIwea+T0VQSbHYkEZkpolsdAUIit
4nAjKcrZDyql95FeSd4trA7lmtjjrk0WklbAeHAcjJxDiTkJCqVWNGDaBTNPFFEbohvZcIuH2Ck5BKAo/iuBs
vhEdh5UCaY6xVriMLUTyqy+HrOMLT2nBIhAajUhFcS7PBU0IuHzBdZpKt2LQpSzRpvzha6yxsvBWokdYj
uUnxGo5iLFQoKmV+Bflok7OZJeHxiolKJEITELdQpjWicuxKsYJ+TrCwAIVQCoWlK8rA4xpaRXlxDpb3m
qk9CE5p3fzieeD0MFdlra+8QvOm+MY2duplecvK8ZYeM3egdueU3hL5CYuhVXpKFkTZQHOQ3Ct9IVCzQ
HKKAkqUbcb7x5Sxah2z1lBDyUHZhsWxyS5vaXq2roxWvbHHB1mliW24a5cPrJ00kR7GS7Npzmit5aAKUw
1+nfIA/2amymIboOPX/MAY8F4QGvRvgxFGKlr6L7YC0glYWH5yEaxLe4zbAHsIH3N7PeWgcQCnR5rx84
xREzzPwYTAiKOZd++DE3bm/4piitSUWxA9Mm7giz4dkToETzkSJFU0EqDhuhHmmPh1UAo+EytUJpw/Q
HOAfpiNLvr5wCeBvT0zZtl2ermmF1yOMRIMevbWcWaB2tuPVEP5oYcGMW6SILAKvACuP8A1CaAg4cE

FCJsBV/MqhUp0uFGbS9Rpd8fTgxTYIkwGPZdHgYgx0G7UfKabuTgWM8WkUka6kgKisTMiBsluV+jw1Jxl
LtpCwVEUT4L7cCFdBggkmpGgFwSbRlFwYCNUn8kZyoMoALFwESvDhAphXArKethF2uSI603Qo5Sady
XAnZqIHXv/WFNdUJHWcFgC60OMV5Q9VoBKCpTwxMlgSn7mnZTeamOErZpXTYOdlXrE+ruuiE67Zx1
cj4DFRAug/OhXrFjVqgvYGm9ZSenqIdCgCMujbFGkNZaG+ZIFIlORqOcAHQT/p3m7gK02nxiFR4aezO27d
YvLw0N414ymBjzd4ohYcjh7TxrB/aEMH7DLrGzSMECTeF++a5hMkpI5UI7DCLK0VxE5Mg2yOHta5aEiae
UxXSsJgYU0P1NKjWD8qM2VcYBJmjA97X0M5CLIYBo/Wr2QZdNRAyRfAQxg0EBNNubrys+U9+xm8Q
owFUDY9Q4xJBTqPgt9+8JeAv6hQGI0SiIim8qxmoopWxyfgjc8NuNOLALIGnI8j8BOxdBRvJLI8rYIUbpld
OQTsI2FWmrES8zIWicad8idB0bYZvBJrinePMVNOGpWwlq4AQoEsAH4Cb51k3G/op/dwylhe/3wgBVezXE
a4/hMEg6Ma6QwB92NHSI87xpRGEPZ4cH03BVWgI4N9w8qHeAGolGnsbqqoRcONo3XaKqOEJAZbpMCt
OOQCIQ5uRSvKjTBve0lEDOZbKnPACvyUVFa2PREQReSVSbS47i4Lg7gCHLWyipijE6eysVTSCkjgJDOh
owgtDbVN85Z03xtlWQBVD+cjpBNOkLQ09W/OGyRQhjwAo6qcSwyVnKr2RAaIiKd4OEMkAWAPhOJTn
NLKRqBC0DbEbGmL548pwARdAFXFcNiRgsU6NXqctxHbWSgSiG/nC7gUNF68Liseir3TOCKozVkoaaX8
2+4hDpDM4NRD6TQCgRcmhW9Pd9o6+HEAMK9wUsxEKyVtyn8r6gftvD/EZENHeC1lcnSadYtgkp2FlhnA
thcSPaRMLSKjaDWlY2I5srIeMaND3rNoG6kPaayxswkdYLZVdvmHZd2woMJ1+FKdWCEWtWakLVeNFB
7wYos5lhYQEbAEAGhtCGmGNSCVXZbdAIOtFu8SWiXul5YQVTY41higIHVIUuMS5CIHKoNew8Ynqwk
XoepQqAu0x88Onnl0iImRVwG+96xDsKRZhOmBzrIWBj6iL7i8hGGCjIbrq6yU2Aibi3yFpm/RQ3W8USUO
5gyE1rOI8d9jvBgVAc+B6Sc+XrNAB+nw0/pg0Ou/OBuWhr45/IJ6YCNnU66ywASH404iScuTjD0EP2OHBk
r8mFCiQoDyod4pSra1A1VWibDIP8p82J31mgASxhcHbBQHpum0yYn4dobeuaNADCoL/IQ2OcIBS3LD1Gd
MWhZ9ypFooKqMoVzgcg2S0jRYWg0pwYDm2FSgqQCoQgsgiLeY9A8BwXSvnKDcM1ExkA2GlY4mJdP
U7CQqdV7DMYdkpDIqwjSCw2q+giHmgICfdEx9BYTEfMSjZowZkHO48EJqKE2bAJhmQeoElXYGpK65Q
AVEgqrWWhw2YvAQ+Hff44wk71F4mGRKOHWWMPoEWFXYBbRUjp2b8Buccg8gwtGFY6G4QIIwoCw
J53Joocybl844B4wmgWTRUWHGPncEfqIyb8jCVvrWfO9/4WjOG4wKiNuKzxG/OQA8eJhvD5RwiB0tDmX
FSlp4yyFxjzN4FxNIPO64EGoXlefObWl+fBnGGhP7gsxTToQFxgERGbImMMJMdmmODAASQAQ8Ypq97
TQEem2k6mWU6nLcMrb64Qq0Xd4HLwI69o5oW2wA2Mu+5g9JOQ0c6++HtCJlIFxcpr1kX6AuQfqpgCU6k
s8PsaPxnKU23Qy/xgLuoPzkxuifyxN853xwzwoQnwzYQ2PfWXZNDn4cTQePnBWPQH5GHBhStOSlk0kCG
ANpjz8IK41ya/bUABNhPTVmIstgQQggYKL2AqecQJ3irpEdxi1AEeTmIrL0A6nsBreNDvgxrLHYTzQgHS3
bneNOh8RVeXtxrNXdRSQhzBHCF6XeTUdhGcLS3uwE6XFjvrwDQaymyaQNYTla6lhbUkkFatQcXWWqC
XVVgI0Gg5MoOb/NgIdHSaVu3HL6IqjqbEiDd7wgh35SFbgItXZ4yBsPAnfZolklFmc4f9ugBDtaZG+cFcihA
GcM1yVfRvHxxFiIHQY6vcrnY9B8AVvw1O8omUxgqUQVD70aXI24oMGPS06ZLN5LAth4nDG4YGEqA1
DQ01E5/tMjhgUxXfYV3Ot4MfosyfoO3zno+jLrjAWHkQi7bSDiR+Nls64Wju8DjNV8qAgm26kQAujAOG8B
AiNQRGZq6gXwDaNsIbQbxCjHn1KH2aT2YkMiZUYyjAp08YyKuGoEHVGEXKc4QyxGBBYpAQOlwGO
eDN1WAARbq5JJsaK1o1zq7GqZxfkNcqaxe6fFjDeA0YqAw0KJxpQ0AaNyHATGONhIC2VDTac4I4LM5B
Njaa2+HLooSh1xqDoBUAuDwhp8hcuoIpGxBQjwGCImglCiETYYni6tkjXCJ8OkojlrKAf3gPfOjs4aZF6STpc
eABS0dhDy9/A4Pl3rsramAJthHI/hOX5VqWsCwXE8hgsWnVwwktClw+0Tz3rDYogVZCO1FOK3FNOifzw
h8MDXrw/DNb68fGPSbB/DvCCbg99zHL2n/WSfxRGULGIKsYCzWOyLHDQ0I6CAohNJH1dYBVGwfi0M
IwdvsQip0UCVKMKrVKL2dEhq9uRisfMvaEBVAaWiLJCCcJhUGnqHRkl3IDa8rpLvTiUYCJG7G1ew45wh
QCxbDWji9GID94oFKGJSEd46+E26lZkcSbwkysVpatLNYUWwZu6IiEnqtFCFqipoW7AXKHY4A9mrhKM
g6MWgKcutqXWck8PewLLZB9lbcDODoDFFEYXSoJLjUU+wRAtiEPl44CMSEBDdCYOm+TnO06yniBY
m+3neX8W7AQWnJWj36xDFE1Kam9oDomETojgkhbYHppguIhqS/rNk4QIFfZ/wC4hoQFR/blVOhX1keY/
wAedfokD6/PxYGIAIeZorsFOXAYYADAxs0vwOSJpX3Xk622sduJk00yJ63UxxF5xOZS0XURSTc3204O/i9
FQhUnAKCsTXsUAfFfdbtrGWdQuQPYhPCeVx5456XLzA64lnBi3JSJwfoyBOsa4IGer+uLoY4gbVs5dl3xXv
brC0SVK1ZtQ7Ad4clSNUYn7WPu5I/VWqCpTCCCt1caH5QLqFYotyWZaqmjY7Jim/bg3yhpope2HtC4YhG
H6zaCO2UI8LhYEbxrEVYKUEVoiJ9mmRNt8Jkt3GYANKypNjD19YrCW0rFKcMx3joAi1yQto4EZRyCVO
7HCImJA+H1OS5z8vTOL2n8YLYBk+dOAFOK8esW7HAklAaY2BTcM49iiIDDChQ1DdARdbCmINnXo3J
lALE0jNF4aArAzjub4kOhC6QJ5HjF3EAFZiJqQyU0ARAMGVJV8acE1Kbwn5QNHEI6B+NEwcfOhS3gBvi
b84qQ6qogHL5xaAeXO0ML3KZO1wZISmtCurErRHJzeiRLKUdCEy6oQKaiECIpGqNBzdnjBJp7VQkho8r4
I47A0C6WN3vtlTIRo2U1lCycd4q6AOh51O49TF2xu3OTaRfLPOE0C1Q7R5UabDCCKwYFRsQ3QmxpvtyL
2OwcDzIBr1mkIaBXWG+Kw9e81qjSLQKOyLwMmJwdi+pe2k11MrSCvWDiMKfAFcUjofNrhpz4I8f4RLhR
hLynDNOmNH5JcCLG08vjCPG9XNloNdNNazUMYJOdlIGgowj9N+x4CgtAKoTYOi+TxBUaQayrZHjyx2p
khdE7J0RBmkKzezQAtO0PnL3B67UMDYpuI/HkANhrQhCe8QDuyEvhYFRrzleZ+eNxNp4i9iYbCZ4yXlGj
5fnGC6nCulM2PQA1lz5BGkTjX2N2MiTcITa6E10FI0Ubxk74uFDjLa5URyhQERW0pGhQwzK4GWfcpsvk
TxrNng3khoopsCqBWgAUgAAwJwHHZ3gpjq2/GXFarEUrVMo7J2GjAK/FNHe/V8/GSIz2h5Xh4eIGFhEj9d
RX32+GbTE50ayf8jQ7ZsWl5SGw5sqVxKJBpg2ZB1jBeDrnXPng69MmU1H8ZpdIZ8TNQ9X9YllXN3nCmq
gjs3zgrhjE1BYJGRNu8O8jSpiNbr1b385ruuohwDaqmttwZIAbJaI8Iib8ZJ9Cmtt5ao32XiYwqsw7R2Go0OJow
MrQq5wuh/ebsBLzXT7geDn1g07k4nd73onjHEggm0EdiDitTHtO5eUGScRGkf1EFCBUVBLziz7+iEIggmx3
NkzhwuthGBOXahhwZq5oGm6IFa1TjHYdmiCq7DkDw4pI9EHXrw5u8U6GAc7xFTZduTYasFL5xbXHrGC

gdh0n/hiVO8ql4s4vvFQur+MeDB30X7YS2tBr846TNaIB1f8ABSJozRzhr2cn9YLrhD21m/teNHLPWJFnOWs
skE9/oNuF+Hm2/FS/lkBXcddjhJTOphVFQn1dh8zGpCKilMI7q2p+MeWDjrJHsLfH/rHYVOZy84HqdTWBY
XD+cHppJgXlTw7y7g5PxkxXBU67DFfeIGOECTsZGQmV+GjO98sHWpSvWr/vHFC6desRbUgnP2mEkU8
4csgApeNujfbklFGFOCand08acNidJKlVRAoQNKsy3KpclqV+2IyAq2sEnI3WOsoM7rq1Cv5C3jBGoI0CIicj5
xS2VzVuubd2GvcxU2NZv1l8a1vU4Ki1Q6/eD6k2UFIAVaUTgMVhoFTgQGpAEfGGFGjYxFbXfvzgytxYv5
I/7xjEdWPqbF4drmklIZkgNupFtXAmXanTUTkd0o1Hec4nYy10b5w65fas6IUETosTaJ5ipDWw0WgBo93BeJ
sgIAKag9mwuD8NLdqfFotJ0AwAIALU6EWNW9cLMKoXtOWwV5YiTUxQKTTddOjD26gabE2Xo14cbY
MQNZIYUi8ORYaMgPf1AKcfQtAppu4rJ4yRvRs94k95IE/wjvB6GbYhOd4JNBm0gJnEqn8ZhCiiynTRTx3g
2KwmiQPF2fDNJ/mBH2tyfLhvVSWMR9hxbcckFjA8DxgxDCPNIewkwAFsioSFT5Z8bbApBZtm/GWmdxY
IF7KHzip/EwSkG9YMSaO2vIYLPWUoQkpPQ3d0xvE/t9yaQpxdmPUYJBUBEWJEXA5cRVnAASm9PGVv
EkEUaU2CaSYPBV4i6tbB+cuTH4eW4eZQDiYn/tRegQ2VPHOJkAHXN0Naa7cuTdjQG65FrkyOd2EAgoar
EZZMCEA7xMKGycYVdO6xdO0OnQZoQfByk3fnXOPtC5efnAJhwcSBTOANNSORwY1HbDSTVOjKHk
NChIpaN8t24nxA1XgPKoAq3zxr2hTA88oghuhKVIgqldEkbbNBIiLip+phhB0EjFQku8fhfqKasax3tBzTdp7k
YPk7bqJoxcau6PG/xcoAECw7Hb4D5xAmh2W8bd/bG9Qa6JizBz+lx5CQmehqCg01Hgw4jGEAKldJEbOO1v
vDsV7/AD7xeW6oJd2Cak9Z6g26P/WsCLGhLETwg9Y6zsabHaSRIqbvWDBCeYUUAat6JXUkFvhchC6IBy/
AsVLOSZrQKbcEwUpBCI8/9YpUBvF6wGFWmmuz/edaG1TnJIwCFgIxDjZv6SSx2Ltf/MvsMAm76yf478rz
9UdsYJgKqW0pRvnrNih3QmtVmtFVVwSZqAFoeIiDvfjCeUKQFG7yLjnWJWmg5Qw/aY6hEjwkJ+MJBqO
cV2Ag/ByUj+sceO0bJLOimIrxOKFA7kT+MNMkCoJaN8H5zmwNulgnzH5yjYIIG39wU/KA+WK9zgDu72l
HmOXxUdNJTp3eOpkPpY46Wjxos94rL87And72GMW6PJAKcxg33hlLENCWOjh9zGRuqoyd/L4x8XezVG
dtd69cZv5Co4aak+2Gtqns/wDmBK1EGH4jIkktN8a++BTXLbCdKru3TjQa8wAQeKCp4D3m0IAHhFsxVqp
ALW76kMU6JlkbWgqXluwweuajLAgIVNfbcN4I1Ng5EMZe5CrBUxB6ybBIxd8BXjS08NH5xs+Wjs5TXBf3
jsX0Bvhqq8c4MLxTDdr+3GUygwaV0L3PHWJf6NrfGNRRPP1PC39YwVTgXjOeAeeDiscY2f2ZAdFPISeC
85pZKIj5cX/5MrcBIzVB10N094/LQ46AxqKKo2mpgEV3QRhLsR4rst3MfILDoBZT8Y7g5R84KSpZNRr84I
qpJPJhniQ68ZtFUKcHHnG2/nN0nTf3cAOm5y5df48vqF1MFCNE/InCPoTr1mgYFeHsiZw0dRfiuOyg7nODL
XX7CrrLlNQ1i0TgV0wJARUuK8uD9Lm2TxMdiEErD94+AAnIOq6zXId2NxobvycYFpySR27d5dEXI9ed5U
CkaHy5xEiSn+SvR+sSdwFuSJVMmWt0CNGdYRYm6oMSXvvWcD4BERAJ3x/DgiRwBPO4GaXq3zpPnL5
piBz1gICEIvH/ANzRC9ufsOShuD24hEpTsLK/OBOVRqj5cHQ0S5pf4PxkMq841IiUFT3zTWTmQCAaH5E8
94K8soRyL8YiFEpRZAnCRF04+JkyjVYbuAhNeMG9fBOKoedF5QUNiTWfTtE1+sVqpKafJducSaGtmFKJS
ByvBwZqPtKAoClZWa3kmzmEAD53zHgTvBFgBg1ht0bwPLCOPECF2DONvGaeAbJuOv1kyRyA0YtcQCx
ftmmXNRNiVsl3MFlBy3OSpw0c7vHzvrFFGDvYCc8MX4y/ejtJJF4EFBuBWuSDsGyaO9/jIQ0oHVGamBu
XgRuYGEih6BnOrfzCsdY0in2YIMEI6lMgBdJHXDkNbtawmslN0zlwR1v/ABn/AIhcqZseM3Kan53g/ExJk05
SQ5b9YRgDicdCJT+XEGIBf7M4ylLeUwGoAHwB7yFqnPBkO8IwJCuUfWUpCTqg1r74GAJGyXgSRBXYs
bH4xlCOPyu8lwmaIqhwQQLKhvDEmQ9NVUYANmipvLaIvO+Jg5At7St+DTvA9QprSPHSY8BLbSvOahy
UbeIcmzopjGxF4HSyDhuc04XTh+RsHBvoitQ17CwjZ43igrgg6UW/QhaQZIgBsIATu0roDlLqSBo354oSad8
QHjDAFlaDJMGFnsxLWQsGmBKuOLSPKiqItW8JAF0k9FPdewUciZAEmgAaiUw1AhEnt7ZMPKG70aCID
wEuwMcwGsQkQuIrdRv3bWIQOsaGMLsXF/35x1g5yNK/jvUuOjZYt8qOEqCjMfjqCciWfFwLa6AyB/H85s
Yx6cYW08LXTQVPji9YW9ESgQMiqnI7w/lE12ghk3tACqgZypnUxnOoHAVEEqQDx1zGWlgt0cYZZ6AzU
dhYjrkwhuqS1LUgvPXHe8bMGYuNKWEpSkx4BE3NpN8C98YqJFAahRg0/bD9IEyQXSGp9n2xGznd86x0
GgyXu4Ohtu85P8jv5/xBtece3smbSEb548EN8g0eagAlRj7XHblbMG+A0jMcRbKX6CcD0XAZCsLssZQdXO
Gk+892aL2tDohgvltKt5GuiqC6M2u3cnfyVjdOHGXRPE+kBDa0JQ469b6ATIRJYQEuNqzlytXvtQ1DBVXd
XqUKBJQWlyHNljtU4YM5S4R8MRfA1mguwVw4AWXGengDY4yYJdWwZYK2Rd5zWG02qOzgQAxK6h
g7nmpIAocPIznKF4cGBUQQVg/PlVJysiB0rw5KTGYCQSnpjWbaUkLQ8VhsLlxVRpBTgstHuMQ5SWurY+
zdJmpTJ8cORQvEDXLMNoA0Dg2kOZILBp8Cax2cu1cBpADM5GS+pzDxgm8xhoU1nBxZZRvp+B4jrUFR
wijpwAY5HrqJ8TFBQB6SRCURoJwcYkw2sUjzQCCRRmaRmpDhpdI9yI6UwaW+pKChtWeJLLCPiKD1kq
vBGYaD0khBAE6EGAInAEeUFFVDW1DyovXHIrWwJnXb5RFLRG5G8clL+qWpFoq966OMTqJSwk7XV
ExRjuXoR0wpVdHFXE3HKHOIQ61FF84MVfadSxeISJLvA0CEWgk8DN2MCym0NkDgHHa2S2G6cWTUo
oUuwcBZY6L/AATGsVSosMu0+tfjSSAQ1A6yiLjcb2Y1Xze+8q2d3en+MVUoiIOGsALN2XCou6e6HSLAP
WBPJylnNZtDsjcILoGgQl51h4NqGj5OsIY2QrJ9sRieIujEjabdh3m6zi4Mcf8AE8/4uTkrqSwVLWJQdY+rcF8
2AjqYuigZumCyx1NteKaVyfyR4/Jg8FAqQ4GLGlaGVQgoDsMHIMZm1yh6nVoMxGtbsZVVajALLyxkqxG
1SWDojsO667eyVAOSnQM01ieCIVSKDquRR1wJThsWlWkKVxPG7dPhFqS04WCj5oue00gi5EK04EwI6xr
I5FcRBc1oEbzN0MjSs89aKADQIUTjKN/1hqntDKFVnC41a5F++AoOopYT7Bl3M49V4rA5Pw3jn8G4Nhoej
EETYs3eAqVVOrAzbXSnnUI5SYQ4JkO/LnRbDRG6GbFM6C4MUx01kGQGQNDy8iANcTEeNpDkg4hDm
wi3jpMoIQ6K70azRicbJge3gCMDLCYFJBzCxW6uIK8YpShxAtLsBOib5xaeh9Rg3W1IeSc7oZyA3kFDjOS2
rr0m6CNFwcGDcXfYFgQiKQQ1inXLGhkGkTYrYVLdezb4bJZAREYHmSRKMQVpbSSY40b6r0UEmqCU
xIR5ZdFoAApWJSQhBBrgYg0sSsBQUKH+vDhA5eH5xEUoljCNUnZt1glrBazKvCwJTmbQgNCwlAMbg1
C0QqrNoqe0gqy19GlTRTZqLjSWKvvI2qt+2BQlcqzfnOPp8Zxd8fv6W5gAvg844rBQTv6Pg4DigDrSeZeeeN

8YRNvIowsgL4j+cuIh5R/DH9L5P8ALR9K+jln09i5CKsg7nhx24Mr6MYIaoGeh5+2KGVurZUMgJq7twycb6
HyhBxAoHvNas4en5ySLyIoEZMH3VrB4/4KQnmQjQ7xH/AP+0E9iY2YiKxt2/7brlxxclrogqHRgCAGaSiow
L/ZgQC0pvcRrinQPkQ8e2aACa3Z+sGSoWCTnpcYJTnJHZmVF07GmgmvZLfHaogXldJQ0qHK7B6KG5oA
xDBIGBErFrejE5eRGApaN6BKG5WZ0VEQtKCVjEn8tvtMk+JD0r9FRDibAPkrCNICEoC6+MheCcE+Hrea
5nsk6HfLRfLwFyX5icFCjN8izjlrooT2QLJ3Qilo4OogUEIJYkgjdFwIGakjaOomlEpgOsTGifSwKEImJWGXg
K4AotIBYzBldgJ6KqeJQJrLY6qOKjWdnNBvGAF5OE++IElbFASBM80FjWrWKkhUABpbXknEiqFTtZWb
TGUGdXC8MwgMnIwhh5EETyAIzFFNDJk2PSC/txCTkyv+AJsbDISIINWr741NGVHxiklfqz/rkf8AmIbmBv
BchZn7TViQ9f5N0c35Qyvo842k8fVH8qXHMvqnBcQbwz1Mi0FQuZu6Phj54DgCq0FS6GExC5b5OG1dxJp
wxKpLnhN1ntYuu6cM/oCJ0maO5Bbu1+wWWHGKqJ7b2s/LLArjP2WPU33Jg01TLakVBQhDxIVqsHwzEK
Cy80EDGeyxOUQEbWkCyXK5O0JVgnY6AphJI7qiOfUbJxvjeAu3BtIaIBRhChpx6SJAgHEpcgQnSmMNV5
/95MKX1hqAWDt4ERj8hzmhB+aGSTFCgR3lp41LAQzr26cSm0U0+XxhRNIVLrVLezXi5CLn7uougInHDzj
O+woAEqBxqb1tfobcuDVTz8n6Jcnt0yx3gGnPjGfSDFWLXRHnt5ML4ABrZuPlKFUxENWEJoSBHkY6DC
xMk6gNVwNNkhU42Vt8U6gI/lnZkcEg21EPnBZ4wqhrI0rMCScgwh5ABPgVbps6AQwK2hR6GSdQUgBmI
hLnE+B4feT+MMh4cBThUQxsTQeiNNfrnZ0HFR1aZKCSpKOQFtIficCOwUU6MSyHcT9nAZJe8Z2IXQ8ic
I6/GLojJB+G2Ogx1M59k5icZRam2r3jxKNoBZdp3hY48o38OAKo5ebi7f4cXoPCmABvM7HnTrPwSN/mM+
cIKfu4abpvQL+MYDDTE2+64kf8OZgsFB6weR9ZvWynwIyJ4MWGTIZji6AwAA8Ch5tVhrcMACg3WyNz
H2mUJFtoQO1MG634zS0XmulaCNHyhCtmEF7GypM3wTNj7eyt5Pa/RYXHvJ2XcrO6uDTz1nTHURRJM5
3d7OcIOngqLzKhS2duD2cQbIuleEQ7VXrjJBIbNwl3iYFICFhHxkBDWw0IqAQKkyEaR27jDRsau/8AmHzQ
C8lV5O3FRE3R3kTukSyUah0yzLhQcCUUMXUsHQ0P/cL9+5RSdP8Ay4pMzSgvWg3PDkhhmomBU5Avv
BEA8k9gIaN8Gs99y3OvoQQOERl+Av8AkneaU7sWp01QIB8IiykAtrI4VBY5TbRLBEHbaoJDG7aggOgRos
WbuDl6qmrQMgI0kJzZkL/qlm41U8cP+R54fb7YInKifOaTZM+KlA6rt2bci+cisFkhXk32N4r4fsCQ2mOx2I4
HjikLEQaKE5asKusqThEot0gRckgMEi5/BTC96NKN6zSDQoOKaCAaU4e5/wDpRRexE5NptPtlymk4DZ93
X2wKsxPIwfwYomprTz9sXMKQ5Pxy+XNAwFK/vx7zabAw5eXy5Zt2hfdmIqXvuz7ME0nBrwP+8PJu+eMT
vf6wmQEX3iqUnV1cY3jMVRYNnzggzymELoh9V/hmr1hFNkFnag2TkesUv1SiCroGQ1TEAnwyzZm1F27Z
hqoYYNpJAJStJgaSS2RxQqtjXPYC0FyDARNc3KAEfeFGz9YqsA2bJUEFryvWWmvNDizLYhohlWhQSBs
JRK1VVVRg1JQ26knbkLkr6Ic7ATygiIgBKEPXTRdgI4wMajVjy6GEFVa3WLkaAHQAdCiaG0HzNKTEwP
BW5NeUwleAOZinz1UBQobWcFQBR3RrY47ZrhzGFwmDE5PBXgS3jDAEXauLC0dpvgMBO6GgFKI6iX
KyYMuZkwFOA7Xa6AMIs82R73Whe5zoxTLylV8Ok31+8QyqVddmZtVG2SF0dkdkeFHZadmAdJPm084H
zYa45xuQk1BBl4t+ssC3SSbnvTXUqqx69vw5fEuR2h9vMqIc5XUOk4rRfWiwoWqzgGOUBWgTFBSaLQ2p
gCbV3QANLYxVsKmOfJLAA3JCPtDTiuSA0KGEVJNbHRFE11DCJEChKwlNYCp1t2SphE2hsUuWMQ5o
ArpONEEDhFCkO4JoXvXWCkiCyiyCCI8mKLpQcQhyINDMbPGQgsqHQRUMgwA3QsxAZUNQWlMfR3
GhVBNqhL7xTtthtbB4p1XEYsOAMsZNLsB6xAYqQjpb3hf+GMX/AJhJgTvfm+cFaMa7AFPwwQUT3luOx
TbRecGiOsrX3bwgBXeENWn4x+i36nT/AAD2z0Hgr0Sn0DhgTGxVAABVdH+EEYZSZahUArN5QXr7lC8k
CCb4j9Qb7DhZTAQNrpUcAC9BX+M300fAqmw6m3Ti8sxemlsboQb1g6YTkELvBCtVC4I2ovxBJdosCCch
M1oRr21pohS1j0+AO0h0hQxgfi2h/KhP1gR1khtaJRviPDkx2R0HBwd4mCLIaFjpgkUIpUu8m7EVePPKU++
A38ssJWjGuzMCXRIgJFaC6M8pZHZzWFIohpJQ2VO3vLls4Att9+8iQ0l1mlujnHnDWgjrgicYGYDRAvg8L
D5yBSLdUFPPvN4o7M+eyUeT5zlhPB5Qegk68HvG4c/NevOQEKNGxuP/AKiCEkA5LVIicjemY20MCwSA
7xiFgkOE1AXdfYpeSJcDUWdCmukbhdWXcpZUIfKa7wKCtzTdhAmAccaw8pBNUhLe4cHeuMRu6w2Tsfu
YABHhEVAk44YpjcKZN12EgsgGGITRKSdkaAXtAKZtpQ5AawUm2uHT/IVAQpztE6TFqFs25/bH9kHRTn
XGIcp5H/YzsLrWBqhOdI/XbhkFWczk8L2YSgN1yMm2BZXFGrr6Kdf4cX+DLzi8CCPC/wCsDPCiLAvm8C
PneAUjTiQgpyDMujcieBCJOL4nGJkkBrhR3oE7SdsKxo3qmxM0AGwNFtY0QyAYGPPBUUuRwPdNZESt0
PezH+LZQEPWGa8SKGYh4KWA1U7WgVg3IHqA/IJTuLtwgdZiCs0cCrOS0FGRMXlvnZ+8XIfMLhOgJM
0N4HOLQGBjzg0fXG9TLcNlp6XEPoMRsew3PlZ/ODRs5Ofyb+NYtUGeiXRJTdSO7oucbSHl0EseySzoMO
ds0dUTsXFDmFUJgFUPkwLlRq7ZpWCU7Sp3dE4eJAwBEJlykTIQiB1zkwB6E7WBR0JffwVvAAAJJASo5
XbpxFQgL94NBG9tm1ySAUs44xwVATl/HGSkAQb2sD8piB0Q9UB++3BBSMUA4BFRs9mAihiZ2QRGhp
LHNRr26ZoHKv5XCcuoAL1BFKpo2HsgseerA2CnNee00FOceHbZ1putmLghETABo3ALZ5OY3Jf0QSJDm
ANlr1HAKGciGEhoCjrXDIlAGXB2JTaUOGXeG2gpqWonTSukThw65ogK6ABRpAcRx1oU0E4daI1vkmHi
nhof1xzGk/J0BfMnfULU9Do/u8MDdq70+2Gge2AflZsoV0/gRysWPgtPtkZvGGx3sBBWn3wjQiZEuHwzyjfV
y02LpxiCgSNcpTj54zaj0BXxGvc6eHnKMl3TbiwvJ5/y5n+CnauUWM/FMcjLoCXZjmXepltbJB3HEW0TRgj
eIdcbgIiXg5LiGLmyCDjlPlLOAuVe0ULFTRM2BeNSJBCJhyucgGqRi1UuMzupDM+x8CC5r7JnOxy6W7Ic
GER829TUymJKXTC/GfnFbpg1raRghAJ50CGJQvju0LmFDK46hOU6rxxc/KOgfRgdrnFf8u8Rh23D/tlFKEJ
kcvxO3FEB0sOkSIsuzOfGSwu9JWmnHWjrOPPgHl9L+sJGGFUWcaTXyPOaXC1jHCCtl1eS4birlgOzQdKz
X3yGxTqugFuIEAYA3Me34igyBQQIlR1lnJdTNnI1NJSzzjo3Egt18ufP7wwchuJ/rNXFewUxhx8S2Y2AHaM3
kwAhpVcFEBmiivK0vkejBJ2yASNwLgJkd3Qh47bAI9uMuOjoBTRCNEXxN4pEH/AliAfOztmOBpKItAtwA
YjtXEQFJWaRKAFo0CuD6drojQqnDSYI1q6gLpVPH7RcGCIBCp2oeKdk1y24c3qA2QVqi2vXAlKANME3I
GihFeCOKBbAngjt8JgYhq6Qh8hsUjxDnOAn44hbSEEkJ0ZATgBWzafP4yhs1rS+5+NfJrL9AgO1+3GOMnV

0deDrn/esAOkDUHjd/wDmMsEoOnDxTrjAANrAXGl5/wC4xVMeXePckbu9ZCnJDe9Y5hSJEf7/AJyDshuS5
pxVGw8Hzk44DIGt48JpoNPtk2hSnCGL/i5n+Kj6F8CUQYWBWmOFWIKNNvTbGZQq3Ze1jqAU7w42AzE
1xqA9Q4axWwmWVXYlVtO3JTCawJTbA7GnWG/a2ZTBHBdHI4E9iAZwXpQCQobZlbTYFcdiqQhpM0qs
KMclDvT8u2qmehKpSqWpRb2wrTCEmx0HnIrXNKBSscpZtUgcBl+W0VvwGKd+UV+39YwlG2k9Lo9Xn
A3IhEihthRfF71M8gb8XMzv158Yq/mpsNDdZJrszTLJ1hISNiVEQkMSH2QdwHZAro4mG2MnoKBBtkUE0
9spRzoQFyCgZZbBw3SPlNvEUUBVs01vNk+aAiVom26OIJuACK30gs9nBoDkaALH13d4wK0POCXQ+N8
YuJ2oEvXzgoI/hoMjw8b8UzeoFoa4BpPKkTbidyNA25QY1FRY6WtS7ZNICQ3HbNUFewq1UHRy3A1iCU
DAhowyDdALTWMU5h8V28ERbI8iyLgaGAmBBABgGHvNdo1SHwAGt5eCzjLtJBBzZ5IWFbi1I2aCmt1w
hH4Z5lMA3TSbogYlu6js0k41UBqLBWIUBiLTAUTQ7B1E6Doac5SIHrYbTHaZCoFU2AAKuDTqrdcl9Hsh
NecrB0EKPjrAl2FuyTB/bBWPvEs+MsV/JfHGO2JTlDeKIlbJyyQF03w40AJpre947uhbmq98Bi9SVKVdE44P
znwWFf765yWrluo/e8YJhJCRS8Pv4x6DN5Blps043i3fLAP8RU+gXOX1W6v2LghDoB+dxFCAoATmk59ZZ
QjvGoQhKPeDS2FBH3fH8e8AmEjsezfBvDFgO7a/BgGL/IdNn2yoMpE+Oak8mDlsKy+4+7WJSxE8vSX+Oc
fidQ4DwD94abUUJCmEfXM1cIuYdj7BhFEIPq6yxf2g2hWJ5Cb0SswcBYh3pF57PvKjyT5/MKmRYPTlCCD
1CFptMihwvR2KwjnldFZlz5mqRTbbhBohDhRMFpEhChQoKBVuVcQ9snMJ0ogOkx3EJqFCELBTdubUM/
4zYwou1FAnnFGQjEY09WjFWbNsdp9MMHnHbUqvlhNErlMToILtV/Jiux1ak317y7TlpT9mSGkc4mbCa1rq
ueOO1jaUyQardLchAZEaAF3aQAosDBxkAgGovKtqWJR01gRTFoIJQgNO1oJKQYKB4aZaUILjEm/UQg2k
JVCnYJo7URiOGm2NeGQEmgzRtMZSp8sBOi8MRAMdIWBqLhnJ1pEfjIM0GhELWavmEwEkFCtUmPv02
WgKCBFDXRudHB2XSAqGqO0kMDn6OSi3sMHYCVzJUVHKBMRsJsvlwJ+CxQNkB+a98RPgoGjRbWm
QCKknDq0lCYUWmVma9AgQHIj8I94AAK62H6xT5HGuQ/jOWE557y3oZNGTxkUNb8n/ADEkG+t8OIYI
EU/3nBOacDmlCyW5/rDH2jTfrOVL/V+8QmsEwbfWP1bf+Y7bplptcmuHLDbPtl8O+sWA1nbNcCjsSve3we
sIdYkbTXf93ni4HQPeDRN5Lfx/OsJM4NFfTcXDnk9dq2/bE7tZKkfILd8cYvhSoidS89TnjDaKCSFIcShDW+
LiC+TooWjVKgtixwV6L0QGk4Eqmj5wUZQ5yyqx3F78ZyVm3yuw2B2oMUlyEh4mgAAEqWB5qGW8v5M
lTqUWEltmKa8gJLelcRNjCGTO65gFpWh200mND0QRIrVS1klCXkHg2kZSainBNcwd6kINKC6KBRvBEb
MWULx5qHQ7Ah60FB95QLuwLgJzSp1ATqLcOVtCTZf9Ay0R6oKJsnwkJLQNYUIgACu8aI6yFRnPhvXxg
gmTYqP1hPZEHd/LgIl1oxAnk665Ot0xoAnM3OotVCgGYaAeRjbI2DGuFVKOCJyCa6edjhP/ADSQDrURVI
sQCYu5+RBqGik2MgTBMkvMhzCikqalziVKMGXQwtKR3gn+HBJGzkAuhUNdRqVr1DRAghql/WWotam
NoIKLYqGaVTgQCJARV7QwfgyiZ2nSvITbxkw0AJAUIWchOEcm3kdz7boDxbSFVxTxUFUHWUESZctw
WaYaliIOC4r3vzgohrjx5YVSk4zCwg1AALlbcc7xHjgxAhqaLiMoEpVbywgvJJQxCtwYAkAWoDQDQILkdz
NGDYwrDWEjFvbAx2UILVyGaczNE1l9408Yoe8HfOTON4EAB/Bm64Jak9Gj7pk7dj0M6s7/AMNHHGWc
cY1z7spufvBp5e1mNbV1q/zjvWTkGnjlo9vnGKoSoE+Hnc3gIxQqlvKb16w6D7sD2HO+vXjLhXPw60FUvc4
MmN11fGKsPRj2hg7cjwxbAmgoFMGKfxQQqYY1ywHjT/jdrIpCbIFZ6ZPwaw7Ujp1FHtNrlFs55ASUKBvri
synwjMcRdk+L4DoDqDHQkooJAEas53f7JJisLl06Y/Rv2QYx1NqI9D/AIiORCwZFGNCgLgsVmorwsKVCG
vAnGUihlUHcKbDC1c1rerAx4sr4xCVtR1V4JFstwMb1aM3MU1Im1GanEFoy60ikAkMjsOluPbgAASpVcPz
nDg0caZyRxTdjfE4gdiT/YbyTsg6pfKGr8Yp0EA7a/5l5VGlcsqleAMRCmWhCjO8T+QEqG6ZodYrMOl+ktG
VBp2saBlz1gKiKwB0vmO8rB8Kzuwx7uVJWshkJu9ACwpN4f3YWAobTdMitDNYt3QrkOygOQBaIjjZT3L
qBJTuNhdON1tk7RYq6EWs63gSptVC6lSUQBtgrcODEqikQIClqBhXNIolPCIMHOqKvDeu202E23ULyctjYl
YGUalabEKR2U3cnSScSXGiVUKclOZBBxQ2rNrmm/frBzMSIIBpMKPs3I6qAIgck0t4JCOoGmlXxQFxUoj
58I4I8hCYPmcq0gWiIKkrRcQiwyvZMSdr0Fjt03Bd5p3K2dn8tUmQTBQ5q8zIgcCLT781rUEJaNsAxGnf8Yb
dZTt484JZcMfok7v+Ddh7J+MS4GufvNHFVxTbJwt1ki+t6/OSw2pg2oK8G/LrA4ceUsFAj3obrfJl5nmEoQJV
KoblxOVmkeabmBAc6GVugH6OG3HyFDao5O2B9YrxMGxuLslJCEXAAN5xRmF8iQQixWmIAlkbpbOIL
VkTCAC27BgAdVymC9LzA2RQNxzZyMee+ZY9Yrhoam9xLMC0CAYEHSnYbOGaXiMNuEEB8hA8iLC
LuAfYGBoBXyJsTBfFye5UgCbXZMAMG4aVFpQMau0eZo5GCeRNSABYwMKNSwQZxDvTY3TvUi1hE
Grn3Cg8rELGjvQDQLEFMSuUi6low4iuJc0qu+KI1FV5onOKhEQBiLNKIL7N7cSQHog7e98u+s58DgC3wz
vH2oA2oYQqDhW8rRGU6AJFthJsBrW/kjQsK6RaVNt/0Sh2+MVJ4QSBrkC6EulOfG+HeMuNR6W3FpN+/
WAGrRYFAHe/5YwL7QgGhC22oWjvvEgzRCYZVSwJ41xxgXQ4dQaUoQqLCe8ESSGlGmpCDrgRd5SZqp
MDEQVCHi3IoHp4FFAITZnZMQF3wStfStNaa3tApXTwQ6FAqK2kUsB5dAYEEdIoVFU5yEFVroQOgbQj
DgAYDnKkiPRItsawOahKsjgQyxcbz6tJKMa33XzcRPdLsJEYAqBh0EAUXKmjS1wiTygyVNwKcoelbzBwB
0OljLcgNCsAgcoEPAECUQ6VDXUzUcsJBwJ4F23Q0KOYhDEibBdXjkbvNf2NKokiPJhNHObtRlG8OjKIP
BWMTiwqi4YBjhpGfX0DXxjLbvJrEmWfQoWltuBWFJ5y7lLi4pwmpoxdkHwzLr0jnu8qg+NuOpCNiIAqvU
3cdFTUiJ3toIICmdE6fgduGxiXTIJPW8aFASEKohMITLhQ5iTwAg1XacHpBFlIgqCCibDfB+8pemNdl5ijlLO
+EKmgK6VBh8qcUtt2ykagE0gY7TaiLY1zHJu85Q9QKvVATAE2ChnxaDUDKgY952Y2+NXG1fnKoVORp
Ak+DYmhajpSBiVtIgQYUs3io8PO1cCjfEJp4UjvKH3EvLpq9l7IAkVIe3hJDMpGijIAgR0aNKOahDxrcq6Hk
fakQtjSqrU3gJljFIChw3ewu0w2rx5kWktEY8i4oZIXIaINLPAQMmYFrrMnxO2hKszSkO3PMFk71DtzQE1B
kQ8ve9cXGiWoIx0wew1cnycG0ru0NbZrC4u60AIKGgOxuLwmGlpV+jCU8NuLRnQrqoXZNq4azSLaW59R
OjZGG1ovtWqgk0SV27cJbxTQgm1mu6OfS9dyiaiS2bh49G8DDhYvNIPlPJSaJAfdRk7IQBXsZzhpubtAqrfp
NcaZs8wZJqabPcaumusd0xLdIAj2RREa1quEotOtFVY8p54LjbLt0IUohslEe1xPXgewMgQ6eJqmECk9+3XE

nbiIOERqxxuNIkAjXYLiiz7DmEKJxoRRwlOZwiaxm6OTjTES224QcEKzaaFUw5NEBCgiQpo7HTeV2QA
M1oEsNBoEOSA3NaRV86ILtQsUuFwk1ptFGypHCudmD3FHSMTUhgJc222rczeyQNazieJukwaoPRBpjGtQ
6cFGgQdH5Fk8n82FLq2AGS9MkHGyEbBWBYoUQykoPN2+8HEHsnGA6/hj3Q9xxd3ci/SxBtjAA/lxjagaPf
nKfMyAbnK7Htv6Z2E1/kLoySeOUQ/F2/rKX5O0fazO5u0nUcDBgtRAsw3xulWu0doIC7DZ3pGiJKcKsgbBo
1eu3+yqhVAztjvIhc9gKQVzCzQSkf0khkkRYCB6GE5Bm4QCaMUY4y6uX19w4g0jb1tFJND5QmdINoxohI
CbwGJQMUXcJK0Tkjle1gVqIs9ggm8U+7YGICCQvyEY9pCEpCCNgmq4hOPAAmUQCSNGgSe8WjzEnd
BiTzKprHGgllpk3oife4fMc10V5eT3Hzsw4mwxE8VhB8Qy1THXnDNxHm3eBGJuddAWu25TjzMZ1VLDpu
Voqphe+CkMHQUjto2bIKMxxXaQ6AD0cbLsmH7SizWNgx6VzrlU7AdaKWJ70G7jbcU2mVF3hbkN4PrxsG
p269bBxIJWIEcraxwGm4TjxxSDBUbptFO8SIQGyBBEAizQb4wsBCHFoy9D3PvgPKy4oAtrkeN7C4AcjEqs
bn2m2l054xiKsdVTpgtk5CcbWLgFPLZFAGDi0WhqRhunQI48is7JM0CqSw2bl3dmQUhMud4FhvCMUk5yx
RSym6N4UIPlTPTSZSkL0SsY1wwJAnEqrYbCyJLdxoTJwRKg0QGJyJipVQIaRoqcJDkeMDxtI2iinRBcKdU
TAcUrAUcB7Y6KEatkJK08sEcV1UJpGgqg1xAxh8+lVq6Afk6ELv146qw0ABRQa4Xq7YiEdB20ihoRAjVtV
XBKqJRHka8uSQItJuyXkGN4TDVgklbQ5mtVC9q8GMyLNtS1ExgXlbYAGIVuhm4f0poOCyaFRKSlALOr
EQiiMAKSvQDDErzj+AMEe3nvaFnKWKJ0QLwxauGMQTljTSamk4CpNqImGo0Hc/pm0mAmi1cEtnpR+c
ASG8DjE8OaBOfeLSR1gRsdGKv2xWvTC3+MSKw8N5weiC0DwHGDaBmuWHDbEO4r2AX0KoC4t5YW
QRIR8MgYXc83mc4jB20YMMmx0hhF4EBooq7xZWMGhwsiDJECi3kL4cnWLpQQmC1VcZ5cEBqDbTZn
ESWQIcTcQilxrE6gbTLGibiAopyU2K4R7QOq1ma9Hu7pTrNDRoA5Tr8FEmHgdENLrBfYbIC9GUGIUoQ4
eNlrBc/YOgCC/BEa0H4CBCVrhX+IZUSjni/b5mQ2q3jUACAb+HnWn4mz6tAUCMvFnODPTktvydkRPO+
OMBqc0NjTW59sGsjR7QgKpTf2+ctgbowdUJ1w6JgTXjRamDTY95p1i4oOa5sWlh2e3GQSOa9AqVWSzsjg
9YR3zgzmV2bmgmAEKs3vSVi74JM0HGiRFU8J5HtJis+IJFhhgANrlMs1IgANIh0knaLh8LAEKDagjHWpW
OvZ2VemfQGE3nDkbcAS2KwhBKDuo5ZIfcGKE4cCPhlfi5Hkku4QPjCs7nTmoT52oPSXC5sKsSzWogCk0
TFupCIoB213NSHpK8zTBRDZa+9CTnNREExwqezwROShmvBgk3RBASx4AphZuoJxgLL3MvHAAopMF
PYIAFc04azNPk0+gtMDQjsbdiNhNHnFSq86UN4pSFQBKmRS5QQRdeaypJuQksGiOYAaZD11J3nJQxoB6
MqQwgA2oDWqEYhVFQAGisIvDmy4UmgFQQW2hZoEnaOqBWkJ2AALZjLfIQFEDqhVcnAJN88FqemD
UG5tWdemiVhDLblJJgENgRnyGooqhWIwONACYgrjA24nWqjCZ1AGuQLYYGTBDbVViegeCmLgAbBtB
FCH4ITjEfIXrYF6BRUio9yHo7wW01CoRTJ23Ja6SmwKPCNHNilEEZeJxiQhSKwzaJ26v2ZT/wAZehLT1O
FVpS3BbNlCo51MmMj3twhAOf8ApyVwDks6ObYDRS4AAq2oh3mUWClyBaLUHkafJ3LDWX/DJHaGjA
W2EJyMuhqdIghXNeIoQ8LgQSAsQNAaaYrUiNxoXR2jUNhyGqw+BZSQKQM3pWWYsQlOxdlpWCFYn0
0OGgmVdyPL5FyMT7V5FprIMz1ixj0sf625friJpDsbLeBghzeslg1pRWrkESYztTu/LsO1q440x6tJpKbdFLtxV
sRxzYFErxdxzjHkgNwioBTm4CQhKNZNuv8Ab3gynAh75fj94JmivvRyOzp4bhaxDYFBqCmhUfS4+5Yqg3
YiXkUeOHS/AY8sWNRCbIoo6LNYy6KUPmPNOTWRzZO8AKHReCiax4UIAA4DCseSOrcAxkcBINoUqA
dPeOW7COLpQk+T6eMNgG2RlWFSCo901jQQ5w6SqUEA7DMUzQISuXNnXKa2Y+OQ5gJdmtpF76RyE
HpS+wREr3kLhshsuLoEK0oB7LlL6C5CQfBorE41pO95jrAYa8inhFUIhcx4QnSFo43mi8yEetNEgAqCRCwc
FRkNN7hVHYlzV01oaKsc50FHnHxe3+BoDSNHHKDrYMmDGUQUNN8iBp5cJNld12vuYBqWrYNFbYt1
OMOuvgRu+eA3vvGEgASUoCUGT0isMNcaYT19QoQYsrJwGCGi+w0VK+d43WJ5RAJDkowQGBRS3BS
PdG4CEGpq6PrIGO6gSi0PZcqiI3YIBaING4G6T0iw221VOxFuEoSzMSdzHJcxDCt+xezWpJYKERtTY/rMli
qEqRMMK4tJHChEC012aB9qB7C1QoiQobeFiDBBIDaBoCeyMUrU3TBsOhIAIgQbeDfqfBoqtO8c2AJj6DT
WBlp4UZnEFCUzpPfIqlN1Kys0baRE2epk0oqC/ZM/+3J89ioLwPf4+cJH7ixSts3K8lEk2g/fHPkavh5OeRhD3j
OVdsbrS8c9FxxAHpj5XX8vrDMTixthBLSAIomdu7/EAhNagOaBo3bFFkUQlquwHBGx/ixKQIKSIgg4iXQN
TPNGjAFjphmjxowMEYbCbpQcKlrnIwitqgk6b6q8YaeKSU15nIsvTSB1wqNZEnQrY4ZR6qZZz+fVTQBBU
L2JRTGZT2rRJGasgxpUVZmKJqhMFBknqqKO5b0SlJyMbu9Wnyxoy7acbxNDz9YosBTwhEk1galLnbINlO
edrxxl5wLpWZRBd3sht6MQiteIFbyc/jvWEKFwDZ9/rrJQRRbLr4OocscFNvLI2ANVUIrvR4uKEHTnLgDE
Wm9sb8nXTsSCTQo3Llx19DYXKQ0dm5qSYbgUVxElpV75TbYnmhKtabSxmECqMRHgnaPKOWuN84hF
AaVReHKTvNKKfUBeaNaJduMGI3pipFeajxlnBjYO4hjqLj0N04zRFpIRmjFPjayToHd0HTiaXApcZVQtulU
M2bwTBwIaVwj1dER5xtwG5cmwDe3QnaCi9X2WAR6iDoBoYvqLHQFxl32PK4hwyxmuwcIygEOWJDJY
WAUlQnIE0qAhYokNTC1DkiR2aLDL29kYgEM5wSBgGuHIqo0yHs8ZBQKdzJTVX2A8qmzr/WX0kR6kA
kFVatcMRWcSRQB34O4O+NW59CA0SkR7E2MTjLSuRmBqNUVCciqJIeiWBtiKxehGx2CdfGnQI3tArziM
l0rbCi6k4ipccaCIvQU4gTJRoOepONc1SCASclso5sIIwtIbsEwVsAOK/iAdwgASue40RZpBtqRYTG4De01CT
WLaAphwyRqqgJ0csAapige3cdACg2SGBHA26uFBEUGAAIXD/e3Q6grdwQqIw6/NqARBE3UtVAAC40Ch
EPE8ZZSDCaeyDf2/9w1Bx1pPUwIguUGk7DTQIxuJnEEpEk4sOjcMeNUipfjRyV6zYUjcoKTlJaEZqlpJhsQtf
I0VN6AxZigvzCBXhqODmGIzjQKEOwDbbzpdYSyA0AFPHXB2zvLd0wG7rtKgqDoTbzsFKpSylO6VGJJk
Ao6IMFGFAJhWqQRAHyMQ8kQT3BeTtNQDk620dEj0auVZg7qUwY2+1zh9BAeZtXLz5JFFgTEAokW4da
Yczki6qwgiqigG9ofQAIF4PgVxfKdxmrzAc2UdplaUlgC8FEdvcJhK9MHTQBXALyPDA9zbiiYCGiYqoGPk
LqPbMCA4oGbBjhLKtKCk2brERG1kcBCVCdBFbOdnWPG2nbAN0wNFG3bkyWbBI5sqKvViKYknlQN2q
zUg5ZBxxrUVtKFECo0yj5zoMcAm7gpugw/2cEBWq8zYhziLRYmPo8EEQjDQalriseS1r8Im70yu46io6N8xu
mVCXkYE0i4VHFS4mTbqOHtNOLnuY7JwgkU7GELvS941EKECIBBVDoEZFXeMmSehIQBQhqbnAeyoi

AsmhMioTDkVj9QIc4eMRWC5GUh0psGRBoClGuqnQ0A4GQUNI4NckgyR0Y6MpTEThRlfKpBNimm3F
WyMgCnuwS0FRHERlFPskwVEJiqJBj9JHLydgFJFHqXNOU3y3ZtTXHhTg+ZXnuoNaEEU4fWGBBRc1Hs
FnWr3zh1DQraUaQUCJULxrEtE9pgZpYEO08TETEafvKRRtwRQDOKU0p0FJSeLUwQRyqKXi+jXMtlCEi
DIwKVEVdlHCK2gadhAMaGGDtlPSoQ2BWdZG0WoyDwA6hMSgBEtBxEjUcwYQnBqtL5smWcJhoTroV
nIAHOK1rkeR5BRoy4AB+kxLcCYSt2hycYPxDYBiu4J9C667dpewrjXA5w4F0YUQNjQJbSkzYo21sVmyI8
AZVDUwyeqaXLXC5TXBSBpa7AHfXJcgho7IB8Jr51lYnNbTiCxDgm6i8vZPvwxgtWdvQ9QHrGS1NYZvU
RcqZr8VosGAhorxhE7KxO00AFaqjcWqMN6DDECTBqLjr1h59KCoBDNxw82lhEkSaFIeSM4jVgYIbCp0L
TMKh7fnkIlIHH2MkD3eddGGkHPBY4gClUMhG5+suCgQxmrMJIohh7bAEtfYIBghXAHDwRbUhoo4AKX
AJaIgOinKRtBaBkmFx04tV0BCyAFL4DDkCsag6+M3jJpCHgxS1OA06CB4EeCCjPgKmIGZUDvUaVAoU
maeeEQugnMarKfym4ICRu7QLVQ5E8mQRP5ExUFQdlEVUiQBAIHmFRtSFRikkyOhIr7Klrbkbgi1oUUrRJ
NIeIN88m2NMoAwNg3DMaAlfUiNbnTti5u32Q7u7IkXlMeB4i6iTS72vFdZbdU0MnIoeKO64MEjoXwNabT
ykNN4ylQa4lAiSlNlszEvgXIR8GeiXS4y0teGwr7l2+azBLNNfkWiHKqb5cV4AXODQiDJcorgqwmJdW90B
Duu3Obw3/LmqZWK0YA3V06g6JqhB0tzAwrXdutpxkR5Qg6EwFADYEDugSEXy01pyathZlUCiufE4TpMA
R4ghh6BGhtoAV5PgsyHgIBhXl1qo6ESK4RoyBKJNXyij5xAjD6UcvsC+5EI9YLECRQK8QEUxAAd2bJaE4
jxxtuHhOkpEYgQ5E8L3a3VLZnld2XsqBMFZyqsQ8vIiOFydTigGqURHqBPuW+SYCbQEtiBocu8XqpUBaV
FQW0L3gIzUGtYbQABRMFp9vwDtLBogbrEINrYzZnOTPIYLooYVmXci9iuFL8hlRJaBa0DSKOT38XsUD
RhG1MaCrlIQkUIhEJMUiY/BB2g8gmnbbECekt60EPKquEH+XEArkiGloMyZUgEy0xwQKkgw5ZSMTECA
7Y2uIFTNAi2fCai0rLj4xlUpPsk8FOvKoQdNt8N+mCRMtmS+8Bl4ueBRefCcGLGM+xQ546wJZzGZQRLY
kUPGDFz2AzRj46Em1wybEAcnCAqoAqjeX0CRmmhBgrgO6KSiN6GCxrfarvjA0GGlxkNQeMCnTwYzHW
BFF1VRiZIXQckSTDRoWq4aScbNCFQi6d7FMJ87o2oN1KaDCzK2yDmjWibioQi4FmCTdMqkFFCkrGirM
ECaxpFSoxGD4tcylcCWg1HdaHtDxIFCrKtVJuzF/Hdq0+BoYiy9Ebg2RqqVrBXWlIiSkoRog5vkBGMaZLjS
LS6GCIujLm+LD5QRwL5KYdOTDGTKwnlNSwNRV4yUmSS3L5VqiYFGU8tHWqiCMTZrFoCe1BBCwO
Q0fnNYR2+REUDsqHdNq0TmTYE2PC07GZUpaMpNZ+Qk73gWJx6bwHg6tV3jq2mLDQ47gpeMEuCDqq
BW6sg6cSTUHHAmlQ308yriaxfFllkhVOVvrGiFZAwGCNWnk0NISI+lEJ3IYV9E2AifkY4G7uEVLIVC+6yi
Sm9AYiLMhHWjizBNwFWNtzZ03RJtx5o0Kp4dzAWCcEguhGatmCTxawGkyQDhAoo5LOUFM4rQ2Y8hY
bQiRRjnhg8hrYKDxzWcBBDQakAUI9ZDTFozmCuxipBDzcLjLuU6JXXf6wim3HgcQNIxORsgRqBLgqKio
MlEiscspKIjBNk3d6McuqSoq+ahWIrVN4Ac8kUbbdGu+UhvFI/Yu07MpYO9aYiD3nagSvS2IN6CzaD1wygI
sVWujK/BE26ChjWW8IxwrrwfA8LhEEJsxf/IWuc1sjWhTIe3+leuwi5Qq60exfu5yB0O0GmtbFyTgBkS47Sb
QGMYkeYi4xZA5AzGg1dqh6AtIOQLEp8vIuJiqG1aNkYTMUO7djLhEI0tdUdHlW4sQoAc74wCRgXgeUid
Hn0F3dZxnBNNaV2CrFCcMvMIZlTlWh2PgI9h1NsDhZpiAQV2h/DvOmdhwznZFeQMhsQdPObdBVMlpQ
Rgrx1eckAUuViqFqeIwYM2mlkkBW9vQacYrhwfUOxIBAnQnJjybynLqSBrlQCJ/cJ1nNFIS2tPGH7IMwQY
nqCMuQUB5aqbWrDpwm2cMw+pI8KDTCE65wdmpbQEzKgu64yf2Mgd0oFEKnOT6nCzbufHnsLMRAnaA
kG7KKAFF40ehOZDaYF5Uu/FQOk3BjnQLpSTxzIVEMCBKC6Bqq5HVVxomCLJojQ52AeykWjQMEDJs2
Ki73QDYdGE8OGLsMXBLgEMIDCVtDYb4AvC0DLFHPRVCOopQOTeCeqAFqy00oNqDcj+JO0FihC0Jp8
coLwXG0ZwKcBwDYJnSBXsGKjkwwJciWJy6WG/EV2+G7EqxCd1Qax8SiIFjKCRJc8YpHyrJ6Vb2cL0ZL
ZwzAxh5ziF5uMPpzRVZga+4rNsgbDEsAovd95K4IJKbphEAt3ByvUDzEQdoKRQ294WZgMccnRYp3hO8j
HZPOhsWtcBwTBTbAU4aB2CDv3wt/SWNqkpNCCvUcFJdiLtYK0p09wmTDOI0KccEnUlQaH3ayZtjl0NG
AOGV8/jwUFA0apy6NZYQQqD4Kb0UvrK/SCGupwAXxcEcQSmmkGDGOtYu+wiSW4AAoa+x2zj5siUgR
VnAaFUQyLRXttb224kKPbou3g9SA4xUADMLyKV5q4FzpFvbwBe/TWjcCHVBooS3bBPAG8OUta3XUG
CIF1G4y7XGpAgDSQ2+A8NneXLsgEaaTtBbw2EyXMKuGaioKQR9xyHRaDkchakDL5YtSlsYrRgkMcttgN
Uy2CYNKBlXLq5J6CkFKpVUxloDSZUMgcanyoigKWXqrR7lRxQ8U/tQlU5MUODYHZE6YsouidGNK1sw
ihpQmxC5J5Cq+LARXYj5xYzkGGCAVJyFs0hnQlR5nKWq93dwew/LmhsH04l9iaRbhqpO4yWAGWpDCT
RCaIZIqgk6EcWaUBBQIzeqHOOa0puiCDrWs3eJDEx2QlJMCRrpj8XFlAOEbHTrFI3TdNBa/JQwAGvaDEB
CdIUZG8yOwhv0mEsByZcSgpog4KQ5DDNIoqQw4FAjTZA5jDgr5YAk9PjB2TliNQ2oog9mHsHAEEWqb
HZK4oXTlcQGKgosU0UMGsmvhiEE1LskVJYQsSxNNMIqhmKmB1BuBzgoBsKFp0ahtAWCWCA/LlIm6N
UcwAjlfXFmasGN0Oksc4MqZUrrcJ2uTpRqTeiAQzRAqBPCxMDBKckUbwO7ZDGcCWaBrviBWxomFwu
VudJTY42JkOPjz5hzK7FamvI4A4IFp2gqrvZ2dYKFpE2+qDrwK11l02RTChJIXicKgCxXHU3E73eDH4c6Lu
qFjgXejJiu04eUMDWl125J04lj4OcDshefD6WIbNWjbvWzvNYmbONM3TNgAkuR3UWGXYEdH7XJsCBV
AB8Ly0+IYbHohing0rqv2xiwEqhojQC13HaucaOrEFC7UIwDIBLEUiIgpDUECMdEv9NAQQnWC60yQygP
4VEOTo+VnTwfEmoK3l8GjnBP6WjpKBAVG1nEwSqt7LIQYRVpTeaQELYUERHA0EHeJPbBmTeEKhEK
6I1mUA9o5jZqkUSYoNtkD7VNsAT/OROqQ0yOrpbu/C93uvibiT2cSecF+ao8SgFHg3HZIB0O+lkAOjQZMf
P0CgRCOYo424UR1gdvG4IoPsHzljBfEMp2DkMRp4oZhYZxuUlurkzqZYgZNcCC70GNBg6XaiRtxAyvWN
MI2yBVTYjWukEFtasUcDvAKpqozbnVRQRg25UBATqu4TMPBApACMaVDAqzQS+KEB6Dlq1KdCpKII
NQA2gh6sRyUNo++nn1rITtd3viTAOc9c5TZ5x3fBSuIkiLHSMREHHFaSh1aYmKYjY5LUDDNOjcbTrd1m
wlf1S2OCuggLInwxMQIvQekkscrAIBlFxOFofkTOhWJctUgQ6UJysD6CBASJViXFkpouttABFSUhMJ7LPX
PLxKqWTItw49UpNdYcQAOAblqvQzaLIJZ2Zf+QtvxwYWhjkjc4yaLIB3QFLASb2VI389ogAOG+mb7FlYh

D1HSLAddmLMxOlbO52lh0ukcX8azzvgKehJ43Da3odttOTQoCIugDVRBIFBjU95yrdA6O7LvJNvAKEQTC
tZtrHaFvcSNVScRCZW5ZoIgs3SGwDXVwWJqHQvK+SnJvCYeAhti8htK17cgY4QtXeR0nft5xe28XhIa10V
TXG8izCGnxawYqAbBJSjhj0ri9ZCOikR8Vh9zE+nZGtgYfDofTOryTAA0s/zAl2yo/WAlAXSMFVN+WJhH
TYQs4DFobC4xJfTpSGkOcs3khU9vGjKUjLGRszTALtskow0C0AVaMTexAuxKYVhuDvvHMVxU2rOdVv
8ADQYDX7ohAgkPkkBS2w4ROEAGAdFZd9lLYHVg0glLtAkZJAQOq2ped0kSrkbnXBGueiXjER6PkyylF1
IJNcZHAzgLAEVeXl5Fje0xD8IDSBlUgCi7oi0+lXFwKcDa4oA5CXbdKYlyqIv0IVS4jiMwkAYjwSVWAPw
Sd6SQq7eAphXiUYaYIWQ6pcG3IG66gAFAIKNwDUArymgC21tDQwLWTmUI7YloMRTA3LEWqNIYsC
mE8bGj5YncF2GgbXOFfoGZHOEoQBlhHnRGrNwJiaxlkLgtoAkogrdnYL7QARROAuC7MsFr7mNiMYl0D
kYTXA6SCyE3sE075ziE2FCapwMivfqHGEpObFT8o3rF1J23HuxlfWU/w0rc/bKZR7QcTk2t8kciO5FfYrCD
YWio13i0PDVLdbU7rg3i6LVXjAmiM+cMBfRLVkKQDXzRkwkHIKO1oQNEWG2H2s2g1OssjGUlD2WA
dkYyELgIYBQS2FQAGyBomBn6qTxdHCiijWN6ShLHZp4lg1BltkOo96OxgBsog89tWTEZF7rUOAs5Tyag8
AkrVcvy/a1FqNFtnO3smnVpwHQSA96YKRUEJAcAbUQAG8C2KwkLUdf94TFAl1x4R4BqL0wCgVs0oRi
qFfhvAKaaoHYYkLwUORiN6QQ9DC2Tjn8MndUXsJXxQEYArXIlnI4QrCqV1qvYcAhTGiUSgKEvKHy+H
a19ioUIRmvnWEsBsvOBB9J5d4TE3SY0ubB2QfA1li57LLySBCq6PTES0CDTS4vkPOcIBl+FWQUCIbVGH
gxzy0Cb0XZtGuODUMcxBoJdmVhJcJMK4Md0mlHdEDWO4KYiAoBMLsQIbkzz/mZF7BJCgqXFd1tiJkM
p/Fh2L1xYwI8oCJAAYAOYLKWlhL2HiMdmwoCQgbV9+AtIBbu49EVJqQSwMr3m+hAiqAD0AMXnrSTs
qBJUTswiQjIA2qAxkIDhrIlEJggiwaq0M1uentEAugIANI4ovqQugSYhOUK6QLUbYQPZotlmiYggsoewCICj
HJiYYS6bogoFITxTH+I9VRoHXut6EGsuNavDkgKIQaMLAatsZJtwIhyjiIiXGaNApRUJY47NXcwxnkIkRA
BzWnQDzA2oKpt0lhSUnhFFZDuCM3YR9dwsgGkBYSUyrAimGAYaMTBRuiGybadwSI48ZZ+mEakJVIB
R7+MbVzAodCwlmroO2iU5W26CBTNPsLvovhYoDqcYbkEwVPFRnsZ2c5HWoKQHLQDclEbNZG9hL9gt
nyv+KcZ9y48SKGqsfXzhlq2usNpsQaJGnyBQJcuaklN1GgmyBErHLXE3goC1DohCNIWEhoosBTV2ry8YQ
dEN80YKhgSxMAcZhYU2qps4tQqJKSVokiwsOLbCCeFkCOyyjBUdmsU0tw1EPjpR9LHAj6gVBKTdAqQP
RiRVdogYMo1G0pIc4kRjCAEEhHV4yAiu3mciBCVSqxda0noRhragrIAQxWYLiKJDLY0UHncTGIDQlIvV
aA1FwlC5D0Qqp2KWQmgoMEhi0FDgFK6TClp9Oc2graFsCR5QiM4B4gpQMbQhcoIW5FVJ4ib3IlFGbraU
0k+hZzt1kQP5cjChb0QTxm69xegKpXNsF7TnDZNrGaoEFezscuMZftdGhUR5aHnilPq03sKrfYupdLoagliMR
0FFrW41znR4EICrAHZywwiUBJLw0bmhvNomyathUSqmQ5OHFKpwIh7bNb3GF324Py0WVR0MquB04zU
QyiAhYotrjtod2NPRZENXVzpYCHrl6VzS+gMYyczxUgjZi4kE11hhOMFaCtGCYn1oGOwmKPJoLhWb8U
QNhEtK2SQNNkAeBIQ3kleeMWIKbAbKaLfA005usqY2ysIM2ULUysReftDki+h4NBFb/o0LHIQoRNjHHG
C8LR+axQIByW9rI0YEABTUgLU+zcIAiCwBoKM0WBX+YAPd26IXpVKAQBEGxwvAmnrQyt8OQI0hV
wwCIFo10j0xCoGanMitSkV24AYaE5kLEvg8QjVBhRUNIVAHCbLCXWJzicyM4BWpDBzcZ6gdyAjypEq
MAts0LUMKsdjIwobPBJsiaREGhu/fc0LVIb2vlggNwQuSA2ghsWjjWEhZ0BWLyE0G8A7WlF3TfZ2XKNG
pUI32p06ftlveNC6Hz/jat1NIU++VKR43hZVZ77GtAmuUNiGt83e9Ah7KEhi2tdmTCQ5liQr1AEmHEF0fQK
sRXm9hOPSBIwmgJIg8WVkiRgPtVRBhXNp23njlYKHwDQUdHNFFexSQsOUoOlQg2+EIdM3QQNNIqkC
bVFpWzDnRS+7QymnFNupuoAMJ8nb1BUiEBzgiiToE1QIu5wsZHjhsgrYLIlqu7ccKnzSVIt5jUIGjFll0jhGk
UORFCxtwgLUrtpFIjTZbskO7BghYi2nlS2GGo8/tDFSHCG3JEDxBM25BIlHPkHQOj9xf2AEYSC7XNb5z2
u7ZAKOY3HBO90ADetig1m8bfdT4kqUo0vHjLAuW6wWWroJasyJqk8GwD2L0aGcvMBRFpy1+QdWmFv
qJABNeNgwZS5b4phO0zQMA5Ay4PuAbtKmpAKaDEEclEREIICexJmKQdK+sUS04mvONgob7a8fULSEK
l0K68CgzgDDRYAupDsBzKASEIGUeDOuTQoATIARHVFHerSVw4Kg2DNAEIJro0kHyYLN9YxZFqcAK
vliLWiuB2IWihE2MLFcyx1KrRmJMdynSbyCQg2zdin6optNf2QjItIYl+jKUe/Um2WVKjxyxtprhxNCO0EaT
gmEXiINQqWwpyZ0WroHU7b0uVyGCp70RDRd3B5bNlFgeKzKHp4qiybQLDjbcai0McD5FGxSGCsgHT4
YZkBVq7Cy5+F0GiMymSQukViFUZVtYbGKOUJtOcGwrQEIAIZBaKe0VQyBYgMK0MBtyHJKApTII8U
6BpANgxipOOWLtCIWINEGxyFBBcLLFzqBsV8lUhrNEqPCA3BciLDJZlWgUMKnEQl7FsgCyQQL4AAD
QAGsgc85Hj8MEn+CQyMKJVHxkItncxYZQA81gd2/YwdgapCG/L3gc2dctYbdsQWkR8iInSsxV73TpOBV9
rFMAiVkmkUZiNjAzQySwosgCmXqBpYiEEk8JhBJGg1zwEAUUYEFzJgu8oBhBcjOms62NldDuowwvUHu
sT+7MApTCu3owOL83BFSGTjUlwWIaKVAoDrxAKg8tR4E2xAI86aZABBaFp2wMMlmEl1i1cSFpuXFaN
BOhRpu3UN6mK/W8tImk8gg6q6u3IxmmtBe/fS4xlwWkEtjKAmNJh5qh5sNJKxCRTkSNyqWzWXEKkhdrC
YEa6IXmkoJRM3/TGLKeLe6AE4KseO4i2mrFBhLshaFFRj7S5wJbBJwVlDoK0acZqQYEwZIm3ZbwKIjQK
2Gohq1M7uX/AB4aoY0zGDhMTkXyzBSn7XBAhS04AdwXAigRogpqEUOOCNCw1QUsxswkJqtJcaE1eStK
2hyQIAKEoYDIbmPn0JFbigdMM0bdiYhOEh16ZiIHqmIqG+SGodkyVde0sMTleVesv25ACEAK0g1FEFkW
8KhNhNcDTbe4FyHIxq1hxHYaZNQ0DqRrSIopVIMl5uA3xAJeCjF20woWAJzQBvnNgJ0I0wtMCU4mjaGle
6WwyEWFmF5m3N1Wlx9ItAlFcPBWiIDBDqoxluXzMISxm7TXSsdhigY7UbikdmwBwMudjVXSAQBIpH
ApINzdl54WoVvOAT2+1B5AWqrrlSJ5BicOFWIxMH4u5ax1LQucobsTC3I6IoDyFN8uHBgm8X4qwGgUGs
mz0qmKSE0WFmzWXCHM6vrWk578OacoPORQECBMgyRMgUX0BqUNWKZotb+2Khi5HPe+p9AtTeJPq
ipjEppA6POvx3lUG69VjRsY70+HDW8xQHCPXyYs55RSFIIlgtdDeDUEWkFE0eFENKpkF2pPReD/AHmlc
8hBDWDEYAAADNu3PKRpANEyowUL7DMCpEY12hhBQGpEUg3xA0G2JOdligtoQJkAi5NEmGbkphRr
UagcXNTM+jRoiC+QwkFrLbFY54ADwAjkc/mUWHDB21AisJdVgAJJJNb16HJ4JUxEtw5gCpeYt0BV6pA

Zibmm9zJvIQDMFkNAKoAnGsEZYOEsA3FGuVo4uoXlCwBJKUZC23LSVOgVLoFhoFm1yz3+PhVXXU
BNhlZa/uaMVK3kHBLYELEU5lLUyTwzb6g5ABCSLAXZXBU+s3kKBQ0bIxbbvLQ5QyMnMLIbLXk754o
nUgQzTBcUlYe0UyHhIUnVSyGgz/HgotgLRMHhPuUladIBGu1xhDtAWAsDJojzC0cNBrkSBITBoUZpb4+
AYUEYRqR1NFWYotgWE1RCS3rRk8uzKAubTpOuur4ChQOQKiDBQwIIvkZGFCKq2yvPNi12qmH6I1aB
e+yZJkmzpHY3mxLcyheNt3ndNgDwJW3YEMFxkLXhcxJ3EVroS4WPO+kLEgiKcPFgDBMdria5Eruwl1VU
RnpR3VkNJixJN8kGBLGRRCYSy1FKRxpXlSyZLmRsGAgeaQrv2KS+VCASCHucEQZ1gIALeYaJgQ4hyh
NodJuXjUcjoZW4B6ETSACVPsoSQQTvJjcu8pvoK+qTbtSAIQRPPr02AnwiBSgxF7rqhQ2JKo1F2ZOzPnA5
EBKVFwgysOvC7TyJzOmTBoHL2x6OdrVyq5upAdcBDFQVBvHVWTQBLoBtYklFwaT+wCFy2iB0GUA4
b089Dwb4EQzbcEcQdiNEFpR8uH1I73ocX/DWI8QAvFdYpciI8mKjWzfTms7a1mLYA5Q34rrHRO06FswV
Wld4tSEBqNypk1sA9MwqQA7ToWgvxDEoY2BwWW9MbEBlmh8Eww5oRicYyBAAorqn96wHwQmgxtRi
gqyLgA/cTgHcDJJCl0Yl+nAE61nibmgEsyFFlQ3N1gXkUvzvdSme4hGzC9YQ4yq0LQqO0zYbcLA4fnBJEJ
HgbWOVh2CGYVAbJAeAHGznZjKcKTVdghjxk/PWa1Ogu20cPP7S2p5jyIKtsB4+aewQCKKMXcUfpLpRt
ERSIEnoKNEiBFVQYB0KG8QsLCKHJ3BIIkOci9pUgENaa1dFyxntfZVlw4b2heWWEkvcgCFSqYNGwX36
jBSptHxLwYXRPlYKNmHXSEXFJcA4S6aWtNbDAdlGsN3nAbUwFwh3XIdSsE9mxWzf79rKyzBAB52zW
Q6W6E4abtjWHD+EcJDQbaG68tLUfZUKkNRKNN5wGt/oRKjQFpoBBoIzxFqhYDzFGVkOJhfRSAJPABFi
e01SkHE5GZIpBr6aCmNBFHZlI+FBEl+UeUBW0sUH/Gf/AAOptLKqkKuwRL9UdKhWg5GIWZhh6BIgOS
LCw+QyKRIlpCBjrHeEhfSgKb5JAU45GxjFLOIqQhVKyhPdbRDOgdAlDSooke7V6RbQsAWzvbXIzmAkk
QajMoeom/INgwHQN4ccwbMMQVke4t24nFEdVXgG64kycvU/gFGXMuBB1m3HM2GvfEFSpi433rAzotl4
AtxPpMyxSLoKtjpiTAsf1nLQdAoAiDWN0OkkAm1KAecDgx8fBdKETqYR6ioWQBVAiACAMvosflkDZp
EDlJvFNfHgNKOk8YL4vmnIhJbn2rk53dwPJyEJdVNa+fxhLbb+frGZVt9KEoKUlyQZaEF1Sud0NQEwh0AJ
DNshPg3ggE6UCJ1haupCAlha5VsmNFkekdOtLgMNVQlwxlKohtmmh1hzQ8VpLmF2+zeL0oiN5gN0fmuyt4
AsMUIgpodVDNwXysSMXYdM1RcVK7OgqtE4o2CiNxroGqKSE0dNfAy4OA1YACkaEBpiBjijA1OwaA4O
vL8HJXQTgS676Jk6j0HAQF7A1hGdgDKkiBCgqU1B7h8YkQAbGZRgzvHd0jMg/MNhXQJfgWpeDLE2SZ
AwzgiS3vwfXKrby3j4ICgIGCBwnHxspq7phQnKbiH4ZJQ027oPfIxAlnWamdB0GYGbsdBzLVEY4YEM1b/
gC22v/Vij+a3jiuykWJDY2U1Ivdx+7WxMFSZvCIIr2kADVzCYhpsT09m1oCEjA4KEknX1N3lQExCsvjEB5
Sg4EqhcsuxmCTJOlqiKl8IZjouSS4TcomXVUSXCCkquIXp+pM7cUMTkYBXBvxYBvGkASCyxsWGgdJTb
9gh2aVxEFL0ZhjYML4drcKk2hEJ05p9VmA+cMpUCdFnSkDGQdVkhdwMSOT0WIAmKWiUkC+RZGthA
2pEYoYUiLfVkgSWBcMA0VzydgnsPtiKYcqkS0dC1wOQ5Ibs8yJ7km1zzWgdtqxIRlEhnqQNUqsEAEB5CV
idq2PgUF4gOcu1GtaGoiF3RIGiVVIaqCnRuIIxi1O1qJvtoNFgrSWjVjQooyMMQJpEGMKAC44EZgKtK05Z
Pm5QuXoqi6YBRUyjUetoQi1ABSVNjAA1omAuCCYltU6/aRUCtQ6KUUr4w4GFUFrICFRwFRw4eBlZWF
o0rebTt7XHVk4saJNCk32/inNSGOmlB1UL4Mm+L+msNIvJlPnv6r20Z7SkwEzb85Zo4fNFJUdw07RBS49T
WKRs1U7B0q95GAVJNBlfhQ7MZiQgijkfeCnIxYAhywUbwZEk0nVREQyjk1gUQfNdQVCOjSdYZeiQeCw
ejSvzhQZIpOPsyLyQstMv7l9pPsHQbpukalnbCeobkC843/XbmrVFhVDXKai8YpKVJQhKa5cVXBAAcAQw
cPaXEm29RvPiRaCS4qgOmXkGFCw67SOCH7IXY9MgRId4lMaQwwAyJQg3ajbSiqqiESsrEuIPYJ6WQOy5
WXrBJVBVyRqwa94AoPg3bB5AIA23gzABaj0byUQI4cAqQlui1rt42uc3zYDu0KyGRit0Tv+yql46YjkhwmV
KWooWA7GJ4iQaksQ9A0kQmIqDMKHEmW65EoStWADkoeHWOGFCjRa6fmg6jA3F01tKOXZt8glQ2Tvc
HiIQlI62YZOWinrUTXilGDJESohJSE3slYCtkI3CMHsjyLY4tKCwalJGTFIphohLCogcyq2B0GiawIAiFmbHj
Jw0DGBOgMo7LdEVQFAKGAQUhGH5kpGFqK8jmgO1sVDF2NKAAREgGIuwEIQcSiOIIeB2t7qtcjqh9tc
QGSkxFEy1Ha3vAdFZQpv5ICBsxYYjpA63sXQSOAlGSiCGBYoarHnkMUU1WI1VOlObvvDumZ8NDwK
GQvDqyNGHYk2kcU+1Bpps4LiVseNs/Jq0vAxZmgq3pze/+4rSKIOy4ctHVmvpL3EQmaQiKycSwUgx4A6M
QBR9jg01BnO5pGYhCCwlMOoPBIAQAAAAAAGTui4A3Ba67sKQCAqtXhhLe/DKDqrVVXcNAtN3doKw
b4FfAKsFw0LAd+loUaViaUjhWF08Ps85UYa5pxnJ9L4JjU4p/OHEGeRKGsCs8Bh12CE+QAZDZGIdPIbm/7
MN6xgG0BFD2YNWDEYSNBsQsEi6QUmjNFY7kqHTbC4CEvaO1VLjeQnGH7swC4qCdg06wKnUZpvb2b
5tJMNyaW1BNp5AQtoAGaVu5j4QAANQDxlprUtCWiWrpvSYdJaAaPbPNKQBtIY54kCyqULTQ4GrHEOA
CHTADSHrQZMGu1CRxcdHbYcxQ6uWiSC00igYFo4o0JeEo64HGWgppZACyiPCCurM0AcCKKzgq6xHM
iHcQaSPADC4YVAqqP0IigIiAqLPaUqQOqjsVWwitOWFWZemxwKyi86Nt60VIK7aY4N3ChDc2LdWWZo
U/1ew8QkbQ1MH/ANsdIkR3RrAhjUCLM2GgIGCa8udkoVhyhfSjk5wx5p+9g2JNSDFUwhRUKkQ0Q6wM
W6Bvu9gXWPaRVRSIMqBJ5RwwVEWGLwF0AqWxaIQJCKE1hUxRQLVMMGjcxouQDNBWCYKewfod
FGbBJU0BmrbhWta1TYKy6RJLsurBsdkXIrKZv4L8WK6I2uVkjqRLp7NNULYmFZPQ4ChKoQJGW4yqi8h
tuEu9DGjRRpZGp1dLVHdDQ1Mpg6tOLwRRCnaQ31PNGishwtIXZxX7IS2JGqqphFrWPK5mnBEIVcFPdF
yQ3oZA6PJdCMRWiQFWF6die1yVACiFFZUGBTtwyk4tdszXIz5aCNaO15wt1lrkoKHQK+N4aRhIzgDt9t+h
kydKQIapYw4KmBVcMrEexyepolNWNE2agRwR0GAZllg5UgX3Vm9HaF2DAS3sIM594U0DUL6GnsAFR
gXk0zpYiCcAFdqqA1DyfjGNGOHIUEQUICwARtvuCQmLVMYxR4Z6HICdfGFwjXvNh5e/pKFQKmcpyA
bWoCsmTeF6mvI2A2J5M8csFgavZUgItRzBZieFh0iF/mOs3dFZtH5cEiFuNQDR7pEx4f3y2mJxEXeJbpGrUe
DqrcBUG9Kssvix/wDX/cjKNSw9BoAEcnvHZEoKaAEDUIABjgCEbS96pSCHay7x3sjfwA5Ag6c8cOPNqKe
CGFIPWaumvWOiWoWSRAC2k0YUnt6gAVBafITcMDCvQitY2fcKTrR/JvAJlrGtOHzkFVlMC2YEYXqp31

KvytHC5AIb0xbpASLoAJrE69rEhiMtEpsC6kwmWLJNVuCRHRGwbgigHIYEYyPBBIYXmECHgDCLJAG
uX2OuKANuwTGqDQ2guVa+tUQF04bxB9qkhQsyLCZHIl0lMZQB84IOFEuGpCX27iIJtokZIQVaQbG1aKb
Yh6ui4cNwyyiANr5RysJpCQK4SxxcjEgKqKs2Fy3QoEmK2CqEKajp56Dg8HKQZE1UtCR0Em5fogqy2uuK
gBI0VFAK7oYrJXyQBQ7AyFVCMu6/7qtXTDyI+WiRA6eBQ2Cw3FMe7Emsfq9sFZHXbSAmByXg2iyKQ
vbXMhBLFLWN1U8CiUSEKmrMyB4JjznKl4gaBYKYBOU2O6QNCGwBYSCBKNYBqxG0FNBWw4ghca
aCeiK7u1bACClGBkKgVUr1Zu0SMUYWkCEykodtE8AXDOAQDoC9vFmDf8xaHmcLoI1XIJC8FzmoOyS7
hLehOnv4x1ytAQTodoo3bi64yMWUGB1wAg0OjQr5WU9rlRg6bVwR6KQE1WGpDQNtMPvfaMMhYqKIr
US31i2hXn7FqJeTV1cQ8PEA0CDFWqtADCXTl4vDLcxz9K8lvOoPSJi9ghyjVfu5eiUhFRoR2PHhwW7Gz/7
msuuez98JoqkWrd4WR2PGjBmmKqoAmNsLqqbip2xfvrxgTsg1JIas8/rBxpbUDfQLEqUNArkucWC+Fprpbh
wgMMBvQLwJhxfnBLuB2jUmO+vZvjCFUBQHzb2mb1wZLjACcCREZopvBS5UCSxUEIajypCnE3LzYzV
hzEYkoYw8gKnffAQ5SENsG2MAAQSKALN9GoJ2gjhS0OauHux2RoSYY0DCs/BCCKja7zJDFo8hdNreSu
BiQw0D5DNriBtWlNTUBZwdP6tSSgEmq7F0EG9ohMG8QfdKM24CICgxDBIIIpR0I0u5mbHF8CoqqDjKD
EekKOy/qH4nC0uih7G1A3k0ewjCy2zIkYcAGpoX4V2BO9TJpF24p1U295K02gqCs3tsc3XjQAOoFmBK0O1
jH3UNkAMqpDmIQDqoDDt14D6uNGPOyjYASClDkCnIB0NrrzHGrLihHtGNCBF0Pl1J7aacA7BVhoxUCV
KZzZoUDHA0Gtc6FNguzAAelfdNujNoKV1oKBke00u2ICOYEZqlbhrjQmrpSrga6tEQq6C0eA753QnFv7SV
5BcCNVQtQw9YKEoQTlG63DFQBcZ0CbPPqZfNHdyqUTjAbVYsWgRsBKaAAAIAY8USjRBYJ/TMv8W/
wwyajC0KJRR/hwdI7iBAAAEgEMZYlprfRU6x05yS88esFs7BsqyCUUKCQxk1jsAPscZzjepYzJvjUZwWOt
EsgEcN2+lpHa9/dzX2NLrrKblscqBTZymPDRTLIoI6cItC0ADQBnKRG1beYNO5TfL/AIXV+t0GXdznMs/N
KDvcCO2bki7rKKNIDOFE8K+dCo3diI9jloNzvOHfp+q0BsAjZFT2wqusHrgV5QrF9qLO5578YEjyK2sQmge
VqX1iUzB1bK4Vq1OXIYjDVucAoFv4TuVXteZpDVjhBQemKOSKlFm9AnK0R8Ye11xqeyFuzKrTZYaCsB
hLoobqbwNYgmRSRQKEQgxwFHvU5khIE2GtKecAzo4pqVBclCA0kpIyMdZbCBuVkqNiQ5VENLTQHy4
ZZFt2CEDjSXfN3UqxTK0LXYA5Eoo23RU+RIG75w0x67E2zkEkEkoAbp+XEdKbSgYosTQacQgon3yAAO
0mLzzK4Gm/aCS3hiq0nSbODJ5MiYOEa2gRIKtClqBUlpXGo+2hPBtAcFLceC8tBwO+bbn2vKc7wQgBqFw
kJVzXBhA7O6oJ2FiOEEcYmKmTLPBOvpRsoRLUOJwkLQjopSVjkEdYDdZowSASMp/vdaGgwNtMHuZY
aFPRgJ65ExOfKoUc4Em94KJnKx2XBlTgaThTLCTnIRhokE3igauEFkSBFsa8IAjZY15DUBSyEJGCkTTWc
oytrEjXwCpbSdyTVstgKLVFBf0CezLQoawiOYIYDwkkFTGE6gTCwfacwSOwIJsIqwwuwkFVRRDGeblju4
9NdcKQNC6qiINHac5MtBuq3QoMANSA5TlJw6HVyXDKVzSUkJoZri507T63uSqU5LhQmolbiENwTbnrG
EQ63goJYMGxZdN8TbCM8corVd5SGSJ2Lm/4tYJor4FUAQHAi6hoAjKhdAJhAkD3jEqXejCFMwDvfqiAg
M2f4XX1CEqDpO5nxs/eLnk2zzQKB4o86zgO/wDWOQ6W8oE2IlE4wigK9qIIYPNKqANeME2YEoAujaRH
ERYAqGuug7/9xqg2zU3JuJpGiOyYoo6cCypZAgbCaSLbogF5FRO/3GLeDpNQKzYct7m8VF/jGNnqI8LdgO
aosJttQi0QHVMkiydSsW23K8QQxRvryeBTUWGzQk05eIBu+bpNiRrpvkiMT/mCaCIItGsd6ppmV5xFxhERx
qwQViBGjJYQmlcScwfITMATbwnZmx7u2WDwKFtNoDIu6wMELKgQ5BIALSBwSyCLaGodtv0qsk2B1X
LJWsGNEpiFBTdGlwVLTXVyAJFSrZDg2TDeZCFe072gFl6K7YIKdY0JCqgEpOoMjwLAJY2chKN/iMpJx
2d0RdSW0hYgEsNbt7FuWJafMjXRNsQ8moS0CyuELAT35acAgAuIjRVP6tESEBeknWCDuCW0S5VNKpc
DJKRGAT6BuzgStYT3LCdxQE0QFr4wgqYWn0X3uNwO/dLjkU2m04xh1Acc6hqjJ76m5tk5hSREohKh6XC
03v4ABOo4PguG+KeOJtbMgiFwgDMmTW5ShdnO1ZEMJlIDwAbKghmwAnG5GFC3K2xaGCReDKagNd1
DBEBl+KjJYDyb8sJiYxESIGkoiAQioJKWIaElBaoaS7jncmKZVyq872q3CRh1jBySnfxB/GCMFLXxCEh4Q
KZaY0xQ0Eu6LFK3eByMHdesRfsmAqgEKcBK5J4C0akYLfQDGaRJ2PtOVKqaquCKlY9yzLRABBRVxW
PgHDKcyJRKyFl5g4Xe9491pfGA4SqgduFrO1jUctpDhwo2XmuVlAqlVVf/AMGTrSYiAithLQqLENueq2Xoj
f5cQRDm8ZLy4xwqaIGgVACjTbhE1xcdM1S1eHnEbFoIIeyot3F5MMqFsoIiDAojyLizSgDRsf5cKMuFeIEP
UMXbhcrPlsrpCuWO672/c0FnGrvJwY2AqCC+1X7HGsr8K7R6jjjPFVxxQx7rl5BU0RC3WoGQmIEgI7Ceoa
yUy1wpR48xTjXGCCqVRKxXzqFBmiGnat/zqUFG0WJhcLHwFEQAMAMkXGL22k7YEFCFqqzk123ZjeiB
9cRH06PwAA8QRtzVfyw8hktA0KFeN0DyiZgiiQLyl7aqH0ZF4d2FUAq0cJaiy3v9CuCHGxplLr7GAJoIwAI
CcTARq7UiTeTSGsjGLQSnPnPChq4iEeaLU0FNB92oTAXnIDMDQXhwF3yGcuSMSggXAaCmt7GQalB1E
1hTKO6e9pKlNWkremH+mKoPbPNKXGxNkjUlBeThvfrXg0S4UdCDdDGD2oS526EARGCYDYGpAQBx
NVRXGVxml5AALq5XWM4XuoDIOG4cBZrODkXBdkj2W7JUx4wJvJVCO26DaxBY1aJo0AJgOVd4273b
AYjdb5dc4H2W7UybbDhpgBXiXugGaLFRKQmvzW8z0jchoAO5Ib8GmoHu4ffiAi6iitQsqmRWsmOICqrt5c
YxAX4iIb6zcG75pfbKw020Zg/BdFC53NxJc1rkSmI6aHH88uKz5d4COTriMgUL1KzwOJlUL0HgAACAAA
AMrzhzkYDQVM8lQUItNVseNf4f/9k=